Посвящается
советским людям,
тем, кто геройски отстаивал
Родину на полях сражений
и самоотверженно трудился в тылу
в годы Великой Отечественной войны,
кто беззаветно восстанавливал
разрушенное хозяйство
и строил мирную жизнь
в последующие десятилетия

ПРАВИТЕЛЬСТВО ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
НАУЧНЫЙ СОВЕТ «ЦЕНТР ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК МГУ»

ТУЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.В. ПЛЕХАНОВА»

МЫ ПОМНИМ…

Книга воспоминаний и размышлений поколений

Выпуск 5

Том 2
Мы помним ту страну, в которой жили

Авторы проекта,
редакторы-составители
Ю.М. Осипов, Л.И. Ростовцева

Тула 2020

ББК 63.3(2Рос-4Тул)61
УДК 316.3+94(47)
М 94

Серия основана в 2010 году

М 94 **Мы помним...** Книга воспоминаний и размышлений поколений. Том 2. Мы помним ту страну, в которой жили / под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. — Тула: Аквариус, 2020. — 724 с.: ил.

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
В.В. Попов,
доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра региональных исторических исследований Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
Е.В. Симонова

Книга подготовлена к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и является продолжением серии изданий под названием «Мы помним...» Это — пятая книга поколений в рамках проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», она посвящена советским людям, тем, кто геройски отстаивал Родину на полях сражений и самозабвенно трудился в тылу в годы Великой Отечественной войны, кто беззаветно восстанавливал народное хозяйство и строил мирную жизнь в последующие десятилетия.

Главная ценность книги, как и предыдущих изданий в этой серии, заключается в том, что несколько поколений делятся своими воспоминаниями и размышлениями, рассказывают о подвигах своих отцов, дедов, прадедов, представляют материалы из архивов и личные впечатления участников и очевидцев войны.

Особенность настоящей книги — не только в расширении временных рамок повествования (до распада СССР в 1991 г.), но и в открывающейся возможности проследить влияние войны на поведение и судьбы людей.

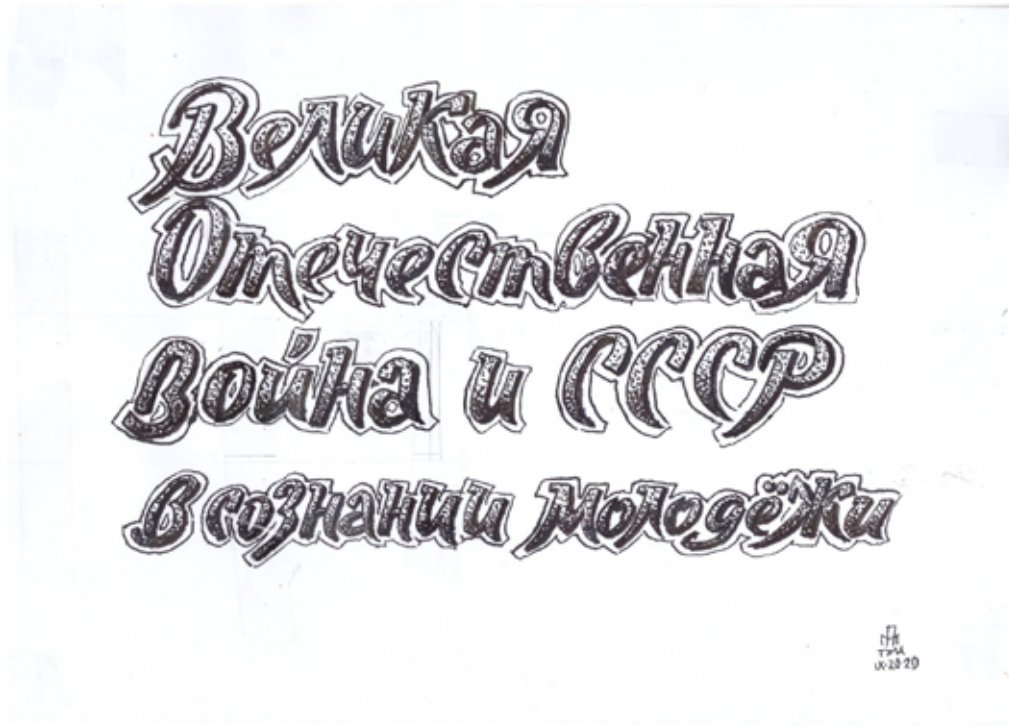
Издание предназначено для историков, социологов, экономистов, философов, системы образования и воспитания, для всех, кому дорога история нашей великой Родины.

Книга издана на средства гранта правительства Тульской области.
.

ISBN 978-5-6044989-9-6

© Л.И. Ростовцева, составление, 2020
© МОО ИПЦ «Преемственность», 2020
© Оформление, ООО«Аквариус», 2020

ЧАСТЬ 2

Глава 9. МОЛОДЕЖЬ О СВОИХ ГЕРОЯХ

ПРОФЕССОР НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ МОИСЕЕНКО: РАЗВЕДЧИК СТАЛ ЭКОНОМИСТОМ

Курганская Мария Юрьевна, 24 года,
аспирант 1 года обучения ФГБОУ ВО «РГПУ им. А.И. Герцена»,
Зоннэ Дарья Юрьевна, 24 года,
врач-ординатор 2 года обучения
ФГБОУ ВО «СЗГМУ им. И.И. Мечникова»
Министерства здравоохранения РФ,
члены Совета Музея боевого пути 44 ЧКСД — 3-й гв. ДНО,
г. Санкт-Петербург

Николаю Андреевичу Моисеенко,
доктору экономических наук, профессору,
в год 100-летия со дня рождения посвящается

Профессор Н.А. Моисеенко, ок. 1970 г.

Можно сказать, что сегодня мы, выпускницы 2013 года ГБОУ гимназии № 70 Петроградского района Санкт-Петербурга Зоннэ Дарья Юрьевна и Курганская Мария Юрьевна, действительно достигли определённых успехов в учёбе, в построении будущей карьеры, выросли достойными людьми [1, с. 153]. Дарья Юрьевна успешно закончила в 2018 году обучение в Первом Санкт-Петербургском государственном медицинском университете по специальности врач-стоматолог, теперь обучается в ординатуре СЗГМУ им. И.И. Мечникова. Мария Юрьевна с отличием окончила бакалавриат в 2017 году и магистратуру в 2019 году по направлению «Педагогическое образование», профиль «Экономическое образование» Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, сейчас продолжает обучение там же в аспирантуре.

Многое из того, что у нас сейчас в жизни есть, нам дала школа. Но, пожалуй, ещё больше нам дал наш военно-патриотический школьный музей «Боевой путь 44-й Чудовской Краснознамённой стрелковой дивизии —

3-й гвардейской дивизии народного ополчения». Хотя мы окончили гимназию уже более семи лет назад, музей до сих пор остается в нашей жизни и имеет для нас, без преувеличения сказать, очень большое значение.

До сих пор мы ведем нашу любимую музейную работу: проводим экскурсии, ездим в поездки по местам боевой славы России и Беларуси, проводим патриотические мероприятия для школьников и дружественных организаций и так далее.

Но конкретно в этой статье нам хотелось бы рассказать читателю об одном из героев нашей дивизии, о том, чьё имя навечно вписано в великую историю Победы, в летопись Ленинграда, Тихвина, Сталинграда, Саур-Могилы, Минска, Кёнигсберга, Прибалтики... И память о ком мы, наш музей и даже самые юные его представители — шестиклассники — стараемся сохранять и сегодня.

Мы сами, Дарья и Мария, работаем в школьном музее 44 ЧКСД — 3-й гв. ДНО уже более 10 лет, с 2009 года, с 8 класса школы. И все эти 10 лет в нашей обзорной экскурсии по музею мы рассказываем про потрясающий подвиг молодого двадцатилетнего лейтенанта в годы Великой Отечественной войны Н. А. Моисеенко. Именно в этом, 2019 году, мы праздновали 100-летие со дня рождения этого уникального человека. Он внес вклад в историю нашей страны не только в военное, но и в мирное время.

Николай Андреевич Моисеенко родился 8 ноября 1919 года в городе Крюковка Черниговской области на Украине [2, с. 1]. Отец его работал на крюковском сахарном заводе слесарем, медником, водопроводчиком — то есть был мастер на все руки. Мать вела домашнее хозяйство, к нему также сызмальства приучали и детей.

В 1927 году Николай Андреевич пошёл поступать в школу, но ему было отказано в приеме по причине мизерного роста, хотя на запись он пришёл в маминых туфлях на высоком каблуке. Поэтому Николай Андреевич учиться начал на год позже — только в 1928 году 9-летним мальчиком.

Учился он успешно, но был, однако, шаловлив, за что однажды его даже временно исключили из школы. К учебе относился серьёзно и вскоре догнал тех, кто поступил в школу на год раньше него. В 1933–34 гг. даже перескочил прямо из 5-го в 7-й класс. Школу окончил в 1937 году.

Именно школа привила Н. А. Моисеенко вкус к общественной жизни: в 20–30-е годы шла борьба с кулачеством, организовывались колхозы, жизнь бурлила. Николай увлекся художественной самодеятельностью, участвовал в концертах и спектаклях; помещения на них всегда были переполнены.

Когда в Крюковке организовали колхоз, родители Моисеенко сразу в него вступили. А сам Николай Андреевич каждое лето работал в колхозе сначала пастухом, затем на полевых работах. Так вот, с ночной работы в колхозе, он ушёл в 1937 году поступать в ЛГУ и с тех пор вся его жизнь оказалась связана с университетом [2, с. 2].

Лейтенант Н.А. Моисеенко

К началу войны Н. А. Моисеенко закончил 4 курс, и путь в солдаты для него начался 3 июля 1941 года. Это произошло так: он сдал экзамен по экономике промышленности, затем пришёл в главное здание университета. Там, на полкоридора, этого знаменитого длинного коридора ЛГУ, была очередь из добровольцев в народное ополчение, где его и записали в артиллеристы. Проводивший запись лейтенант улыбнулся юноше крепкого телосложения: «Хорош! Будешь артиллеристом». Таким образом комсорг экономического факультета Николай Андреевич Моисеенко стал наводчиком 45-мм противотанкового орудия 276-го артиллерийского батальона.

Прямо в 134-й аудитории Ленинградского университета, на экономическом факультете, взвод оборудовал нары и начал постигать основы армейской премудрости. Первый бой ополченцы приняли 19 августа 1941 г. за Гатчиной. Они выиграли этот бой, отстояли свою высоту. Но дорогой ценой она им досталась: после пятнадцатой атаки фашистов в живых из 50 студентов осталось только трое. Николай Андреевич хоронил своих товарищей-комсомольцев, и в это время впервые побелела его голова.

Гатчину удерживали до сентября, даже когда захватили Павловск, а 13 сентября отступили на Пушкин. 14 сентября Николаю Андреевичу пришла повестка о мобилизации, и он стал комсоргом партизанского отряда, который состоял из рабочих завода имени Козицкого и студентов ЛГУ.

Специальную подготовку отряд проходил в институте Лесгафта, учили многому — от ночного патрулирования до взрывного дела. Фактически отряд был не партизанский, а диверсионный, так как вся их база и тылы находились тут же — в собственных вещмешках.

Отряд почти полмесяца действовал во вражеском тылу во Мгинском районе Ленинградской области, затем в Волховстрое. Когда немцы форсировали реку Волхов в районе Кириши, отряд пришёл в горвоенкомат в Тихвине. Николай Андреевич тогда был определён в 48-й запасной полк, и когда 7-8 ноября немцы захватили Тихвин, 48-й полк Моисеенко занял позиции у деревни Астрачи, где тогда проходила линия фронта. И которую, нужно сказать, фашистам так и не суждено было преодолеть.

Затем, после переформирования, Николай Андреевич стал командиром взвода в 25-м стрелковом полку нашей 44-й дивизии. За несколько недель под его руководством отряд сделал несколько ходок в тыл врага и за это время взял трёх языков. Такое количество языков за столь короткое время считалось весьма успешным.

Наконец, далее Николай Андреевич был назначен командиром разведки 25-го стрелкового полка. И как раз здесь мы уже приближаемся к знаменитому эпизоду освобождения Тихвинского Богородичного Успенского монастыря и города Тихвин.

В зимние сумерки 8 декабря 1941 г. в пургу разведчики во главе с двадцатидвухлетним лейтенантом Моисеенко просочились к стенам монастыря. Им удалось незаметно обойти все расставленные на местности немецкие посты, так как их вели хорошо знакомыми тропами разведчики — местные жители, пожилой Виноградов и юный Николаев. В монастыре в это время стояла крупная немецкая воинская часть.

В 21:00 8 декабря внезапным броском разведки монастырь был захвачен, при этом уникально: так что 30 фашистов было уничтожено, 60 взято в плен. А в роте разведчиков никто не получил даже тяжёлых ранений [3, с. 125].

После закрепления в монастыре Николай Андреевич решил выслать две подвижные группы: одну в район центра города, другую в район железнодорожного вокзала. В это время у фашистов уже началась паника, они решили, что в город ворвалась крупная воинская часть, и поэтому начали снимать свои силы с линии обороны (которая, напомним, проходила возле д. Астрачи) и стягивать их к монастырю.

Наши разведчики держали монастырь всю ночь, свои патроны уже заканчивались, начали использовать трофейные. Вдруг с криком «Ура!» пехотинцы 25 СП ворвались в город. Таким образом, 9 декабря 1941 года город Тихвин был освобождён. Именно здесь рухнули злобные надежды Гитлера замкнуть город Ленина вторым кольцом блокады [4, с. 9]. Ведь в день 8 ноября 1941 г., когда Тихвин немцами был захвачен, А. Гитлер сказал: «В этот день Ленинград пал». Не знал фюрер, чему было суждено случиться через месяц. Не знал он, кто такой лейтенант Моисеенко, с каким мужеством бьётся его сердце, какой оно полно любовью к Родине. Как не знал он и сотни других таких же молодых лейтенантов... Именно за этот бой в Тихвинском мужском монастыре Николай Андреевич Моисеенко впоследствии был награжден своим первым орденом Красного Знамени.

Затем Н.А. Моисеенко сражался под Киришами, где был возвращен в артиллерию, потому что грамотных командиров ценили и они были очень нужны. Был ранен в районе Кириш. После выздоровления отправлен на артиллерийские курсы в Новосибирске, затем в Сталинградский артцентр. Сражался под Старой Руссой, был снова ранен. После выздоровления направлен в Москву. Воевал на Донбассе, на Рельмеровских рудниках, известных также как Саур-Могила. Там получил орден Красной Звезды [2, с. 3].

На реке Миус за Токмаком Моисеенко вновь был ранен, повредил позвоночник. Слышать он стал лишь через 3 недели после контузии. А через месяц уже вернулся в строй в октябре 1943 года.

Участвовал в наступлении на Крым. За участие в штурме Перекопа был награжден орденом Отечественной войны II степени. 5 мая 1944 года участвовал в штурме Севастополя, затем сражался на Малаховом кургане, форсировал Березину, участвовал в ликвидации Минской группировки. Также воевал в Латвии, Литве. Когда в августе 1944 года стал заместителем командира полка, ему не было и 25 лет.

После воевал в Прибалтике (до 18 октября 1944 года), в Германии и своё 25-летие отметил рядом с охотничьим домиком рейхсмаршала Геринга. Тогда за здоровье Николая Андреевича Моисеенко, по воспоминаниям сослуживцев, пили из хрустальной посуды рейхсмаршала...

Далее он воевал в Кёнингсберге, на Земландском полуострове, где немцы пытались заблокировать город. Там полк Моисеенко был направлен на запирание фашистов, но они прорвались и оттеснили наших к реке. Полк Николая Андреевича окружили, пехота отступила, но тогда Моисеенко принял командование пехоты также на себя, участок был удержан [2, с. 4]. Как раз за этот эпизод Николай Андреевич был награжден орденом Александра Невского. Именно поэтому ныне он похоронен на аллее кавалеров ордена Александра Невского на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.

5 мая 1945 г. Моисеенко был направлен в СССР для ликвидации Либавско-Тукумской группировки, а затем, уже после Победы 9 мая, направлен в г. Пушкин. Демобилизовался он в декабре 1946 года в звании командира полка.

Среди его наград — два ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны I и II степени, орден Красной Звезды, орден Александра Невского и множество медалей.

После окончания Великой Отечественной войны Николай Андреевич восстановился студентом 5 курса в ЛГУ. В 1948 году окончил его и был оставлен для работы в качестве ассистента на кафедре политической экономии. С 1953 по 1962 гг. заведовал кафедрой политической экономии в Ленинградском сельскохозяйственном институте. С 1962 года по 1996 гг. работал в ЛГУ, в том числе с 1973 по 1982 гг. — деканом экономического факультета. С 1976 года также одновременно заведовал основанной им кафедрой управления и планирования социально-экономических процессов [5, с. 25].

Николай Андреевич — известный экономист, автор нескольких сотен печатных работ, некоторые из них переведены на иностранные языки. У него 10 монографий и 3 учебника в соавторстве. Моисеенко подготовил десятки научных специалистов, кандидатов и докторов наук.

Несколько лет Николай Андреевич являлся председателем Совета ветеранов Великой Отечественной войны и труда в ЛГУ. С 1971 года он — почетный гражданин города Тихвин. В 1970-х годах прошлого века совместно с кафедрой управления и планирования социально-

экономических процессов разрабатывал план социально-экономического развития Тихвина. Потому что, по его же словам, чувствовал себя в ответе за этот город...

Мы стараемся с честью хранить память об этом незаурядном человеке, который одинаково талантливо и высоко проявил себя как в военной, так и в мирной жизни. Он был человеком высоких моральных принципов, героем, но в то же время добродушным и открытым.

Одним из уникальных документов Н. А. Моисеенко, находящихся в нашем музее, является копия простого листка бумаги с заметкой. Её Николай Андреевич однажды написал запросто, в порыве души, и оставил нам в наследие. Заметка называется «Моё credo», и она как нельзя лучше отражает наполнение души и жизни этого человека. Здесь мы приводим цитату из неё как пример, как завещание потомкам: «Как человек, как личность, я сложился на фронте в боях Отечественной войны. Главная характеристика фронтовиков Отечественной войны — Патриотизм. Любовь к Родине. Верность своему отечеству. Я — патриот... Я всегда старался делать и делал конкретные дела. За это, мне кажется, меня уважают друзья, а недруги вынуждены считаться со мной...» [6, с. 1].

Память о Николае Андреевиче, как и о других героях Великой Отечественной войны, не должна быть забыта. В 2003 году нашему Совету ветеранов 44-й ЧКСД — 3-й гв. ДНО удалось «продвинуть» идею о переименовании одной из тихвинских улиц в честь Н. А. Моисеенко, и теперь с 2003 года одна из центральных улиц Тихвина действительно носит название «Проезд Моисеенко» [7, с. 46]. В 2005 году по инициативе Совета ветеранов была установлена мемориальная доска на этой улице. И в-третьих, что является поистине уникальной заслугой, Совету ветеранов нашей дивизии в 2009 году удалось установить на территории Тихвинского Богородичного Успенского монастыря памятный знак героическим освободителям-разведчикам 25-го стрелкового полка 44-й Чудовской Краснознамённой стрелковой дивизии, на котором, в прямом смысле слова, высечено имя лейтенанта Моисеенко [7, с. 20].

Многие из тех людей, которым удалось оставить яркий, значимый, мужественный след в истории нашей страны, уже умерли. И они больше никогда не скажут о себе. Николай Андреевич Моисеенко — юноша, который отдал свою молодость, сражаясь на фронтах Великой Отечественной войны в Ленинграде, Тихвине, Сталинграде, на Саур-Могиле, в Минске, в Кёнигсберге, Прибалтике... Человек, который и в зрелом возрасте так много сделал для развития своей родной страны, науки в мирное время.

Все эти люди никогда не скажут о себе. А значит, это должны сделать мы. Теперь ответственность за передачу этой народной памяти лежит на наших плечах, и с каждым годом мы всё больше осознаем это.

В завершение мы подчёркиваем, какое влияние до сих пор оказывает на нашу жизнь работа в школьном музее и судьбы тех людей, о которых

мы рассказываем на экскурсиях. Например, член Совета музея Курганская Мария Юрьевна, будучи экономистом, спустя много лет после своего 8 класса школы (когда она впервые узнала о Моисеенко) в юбилейном 2019 году нашла себе фактически «через Николая Андреевича» старших руководителей и коллег, товарищей в научном поиске — преподавателей кафедры управления и планирования социально-экономических процессов СПбГУ. А они ведь так были необходимы начинающему аспиранту. И вот они нашлись таким образом. И это лишь один из множества примеров.

Резюмируя нашу статью, мы видим, как Провидение переплетает наши человеческие судьбы, как неотвратимо отзывается в наших жизнях когда-то проделанная другими людьми действенная работа. Проделанная ими борьба.

После человека остаются его дела, и они не умирают, если кто-то сохраняет об этом память. После Николая Андреевича Моисеенко остались такие дела, о которых невозможно молчать. И мы стараемся говорить об этом.

Литература и источники

1. Школьные стены рассказывают: Книга-рассказ о гимназии № 70 Петроградского района / под общей редакцией Голововой Ирины Федоровны, к.п.н, методиста, ветерана труда. СПб: Издательство ООО «ИД «Инкери», 2015.

2. Автобиография Моисеенко Николая Андреевича: рукопись / Н. А. Моисеенко. 1976. 5 с.

3. От Ленинграда до Рижского залива/ Сост. Ф. А. Рябов. Л.: Лениздат, 1989.

4. Боевой путь 25 СКОп 44 СКЧД: рукопись/ Ф. А. Рябов. — 80-е годы XX века. 36 с.

5. Боевой путь 25-го стрелкового полка 44-й стрелковой Чудовской Краснознаменной дивизии (3-й гвардейской ДНО) в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: рукопись / Сост: Б. В. Гильман, капитан — пом. командира 25-го Красного Знамени Островского стрелкового полка 44 скчд., 1982. 100 с.

6. Моё credo: рукопись / Н. А. Моисеенко. Ок. 1976. 2 с.

7. Путь к Победе лежал через Тихвин. Альбом-путеводитель. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Каламос, 2015. 48 с.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КОМСОМОЛЬЦЕВ 1960-х гг. НА ПРИМЕРЕ БИОГРАФИИ Г. В. ТРУШИНА

Нехаева Дарья Викторовна, 22 года,
магистрант 2 курса ТГПУ им. Л.Н. Толстого,
г. Тула

Воспоминания о студенческой жизни моего дедушки дают мне возможность рассматривать отдельные периоды истории Тульской области.

Геннадий Васильевич Трушин (20.10.1941–28.04.2005) обучался на историко-филологическом факультете ТГПУ им. Л.Н. Толстого с 1965 по 1969 гг., после армии с 1964 г. он — член КПСС. Его однокурсницей была преподаватель факультета истории и права Людмила Петровна Фролова, доцент, кандидат исторических наук. В одном из интервью она рассказывала, что по задумке тогдашнего ректора института Н.И. Шмаракова их группа была экспериментальной и состояла из пяти девушек и двадцати ребят, абсолютное большинство которых прошли армейскую службу и имели опыт работы в народном хозяйстве. Людмила Петровна отмечала, что учиться было интересно: «Преподаватели у нас были замечательные! На всю жизнь отложились в памяти и сердце лекции Николая Ивановича Шмаракова по истории партии. Он так преподносил материал, что «пробирало» буквально до мурашек. Был убежденным коммунистом, человеком своего времени. Великолепно читал стихи! Про памятник в Трептов-парке в Берлине, про «наш бронепоезд» <...> В жизни был добрым, отзывчивым человеком. Очень любил нашу группу» [1].

Повседневная жизнь студентов историко-филологического факультета Тульского государственного педагогического института в конце 60-х гг. XX века была насыщенной и интересной. Об этом можно судить по различным документам, сохранившимся в семейном архиве: газетным публикациям того периода, фотографиям, а также характеристике на студента 4 курса — выпускника Геннадия Трушина. Несмотря на личностный характер документа, характеристика позволяет судить об общем уровне профессиональной подготовки студентов в тот период, об организации научной, воспитательной работы на факультете, о включенности студентов в трудовую деятельность. Сохранившаяся характеристика готовилась не самим дедушкой (написана неизвестным почерком, и это был ее черновой вариант) и предназначалась для рекомендации на работу, так как заканчивается словами «Г.В. Трушин может быть рекомендован на руководящую работу». По окончании института Геннадий Васильевич был избран первым секретарем Дубенского райкома ВЛКСМ.

Геннадий Васильевич Трушин — второй слева

О студенте Трушине известно, что во время обучения в институте он показал себя способным, вдумчивым студентом, учился всегда на «хорошо» и «отлично», активно работал на практических и семинарских занятиях. Особенных успехов добился по общественным наукам. Успеваемость студентов в институте являлась важным направлением работы комсомольской организации. Как и везде в стране, в тот период важную роль в работе с молодежью играл комсомол. В конце октября 1967 г. в вузе проходила XXI отчетно-выборная комсомольская конференция. В выступлении секретаря комитета ВЛКСМ института А. Костюрина, выпускника истфила, затрагивались вопросы не только идейно-политического воспитания студентов, но и проблемы успеваемости. В качестве положительного примера приводились данные по группам «2 А», «2 Д» и «4 Д» истфила, где все студенты учились без двоек. В докладе также уделялось внимание отстающим студентам, даже называли их фамилии, а после оглашали меры воздействия, применяемые с целью повышения успеваемости — обычно выносили выговор и сообщали родителям.

Из 10 человек, выступавших на конференции, среди которых были ректор Н.И. Шмараков и секретарь Центрального райкома ВЛКСМ С. Щепетев, зав. кафедрой политэкономии Н.Я. Терешина, трое были представители студенческой молодежи истфила. Это мой дедушка, его однокурсник В.А. Родионов и А.И. Юрьев.

На факультете была создана и работала своя комсомольская организация — комсомольское бюро. На 1 и 2 курсах, т.е. в 1965–1967 гг., дедушка избирался заместителем секретаря комсомольского бюро факультета, на 3 курсе комсомольцы избрали его своим секретарем. На 4 курсе Г.В. Трушину было доверено руководство агитколлективом по выборам в местные Советы депутатов трудящихся, он был избран членом избирательной комиссии. Это свидетельствует, что в рассматриваемый период присутствовала заинтересованность государства в участии студенческой молодежи в политических процессах в стране, которые были подвержены чрезмерному воздействию идеологии.

В характеристике отмечалось, что Г.В. Трушин обладал большими организаторскими способностями, проявлял кипучую энергию. Комсомольская организация факультета занимала первое место в смотре художественной самодеятельности института, стараниями комсомольско-

го бюро была создана лекторская группа. Школа лекторов в институте начала свою работу в 1967 г. В рамках данной деятельности студенты вели агитационную работу среди населения, часто выступали с лекциями и беседами.

Формированию у студентов навыков научной деятельности способствовал созданный на факультете совет НСО. Различными формами работы НСО в институте (кружки, семинары, индивидуальные прикрепления, участие в коллективной работе кафедр, экспедиции и др.) в 1967 г. было охвачено 500 студентов, что в 2 раза больше, чем в 1966 г. Дедушка принимал активное участие в работе студенческого научного общества, участвовал в первом Всесоюзном смотре-конкурсе работ молодых ученых по общественным наукам, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина [2, с. 14], с работой о жизни и деятельности Г. Н. Каминского в Туле, что отражено в характеристике.

Курс 1965–1969 гг. истфила — это знаменитый студенческий строительный отряд. В характеристике отмечалось, что студент Трушин имеет большие заслуги в работе ССО нашего института. Он был комиссаром и дважды командиром отрядов, выезжающих в Актюбинскую и Иркутскую области, где под его руководством отряд достойно представлял педагогический институт. В октябре 1967 г. на XXI отчетно-выборной комсомольской конференции комсомольская организация института за достигнутые успехи по решению Центрального Комитета Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи была награждена Памятным знаменем ЦК ВЛКСМ. Геннадий Трушин был награжден значком ЦК ВЛКСМ и Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

Движение студенческих строительных отрядов не было идеей какого-то конкретного вуза или отдельной комсомольской организации, это был опыт организации труда студентов в летний период во многих учебных заведениях региона и страны. Однокурсник дедушки М. А. Остроухов вспоминал: «Это было движение снизу. Никто нас не заставлял, не агитировал — самим интересно было уехать куда-нибудь далеко, проверить себя в деле» [3].

В 1966 г. состоялся первый Всесоюзный слёт строительных студенческих отрядов, определивший перспективы их дальнейшего развития. В последующие годы были приняты единый Устав ССО, другие основополагающие документы, регламентирующие правовые и экономические основы деятельности ССО.

Строительные студенческие отряды в СССР были встроены в государственную систему работы с молодежью. В отчётных докладах ЦК КПСС XXIV и XXV съездам партии студенческие строительные отряды были отмечены как важная форма развития трудовой и общественно-политической активности юношей и девушек [4, с. 84]. По мнению дедушки: «Летние студенческие отряды стали не только реальным вкладом

в хозяйственное строительство, но и большим социальным явлением, экспериментальной лабораторией новых форм организации труда» [5]. Данная форма трудовой деятельности молодежи помогала в решении вопросов индустриализации, модернизации сельского хозяйства и культурного развития страны.

В 1966 г. 32 тысячи студентов ССО страны работали в 580 хозяйствах Казахстана. В совхозе «Хлебодарский» Мартукского района Актюбинской области трудился студенческий строительный отряд «МИФ» (математики, историки, физики) ТГПИ. Комиссаром отряда был Геннадий Трушин. Ребята его звали: «Генка-комиссар» [1]. За 2,5 месяца студентами было построено 10 жилых домов, зернохранилище на 1000 тонн, склад для витаминной муки, возведены стены столовой на 36 посадочных мест. Дирекция совхоза выразила глубокую благодарность студентам, они были награждены ценными подарками, в том числе студенты истфила— Володя Власов, Гена Бредихин, Лева Козлов.

Однокурсник дедушки Г. А. Бредихин так писал о лете 1966 г.: «Поражаешься выдержке наших студентов, которые после 10-часового рабочего дня на жаре, когда вода становится как парное молоко, находили в себе силы шутить, веселиться» [7]. Действительно, помимо работы ребята находили силы выступать с лекциями перед местным населением, организовывать концерты художественной самодеятельности, принимать активное участие в создании совхозной наглядной агитации.

1967 г. был этапным годом в истории строительного студенческого движения. Работа отрядов стала осуществляться на основе хозяйственных договоров, регламентирующих обязательства студенческого отряда и принимающей его хозяйственной организации. Строительные студенческие отряды стали самостоятельными в процессе заключения договоров с организациями [3].

Два года подряд, в 1967 и 1968 гг., строительный студенческий отряд ТГПИ ездил на строительство Усть-Илимской ГЭС. За этот период был проложен кабель на три тысячи метров, построено два овощехранилища, десять фундаментов из сборного железобетона под жилые дома, благоустроены детские сады, высажены деревья. В таежном колхозе выросли свинарник, дизельная станция [7].

Но стройки ССО несли на себе печать двойственности. Государство и хозяйственные организации, как правило, не обеспечивали нормальные условия труда. Жили студенты в палатках, воевали с комарами. В шесть утра подъем, до восьми вечера на работе. У ребят был только один выходной день. Часто приходилось нелегко, сказывался недостаток опыта. Но трудились истфиловцы на славу.

За период деятельности ССО в вузе сложился свой церемониал: проводы отряда, специальная стройотрядовская форма и символика. Целинная форма стройотрядовцев была темно-зеленого цвета с эмблемой,

на ней — раскрытая книга и силуэт строящейся ГЭС, вверху три буквы ТГП (ТулГосПединститут). В его состав входило 140 студентов, в т. ч. 50 — из Новомосковского химико-технологического института. Вот как описаны проводы стройотряда в 1968 г.: «13 июня многолюдно было у учебного корпуса № 1. В этот день весь институт провожал наш ССО. Задолго до назначенного часа начали собираться парни и девушки в зеленых целинных формах. Командир отряда Гена Трушин приказывает: отряд, стройся — рапортует ректору института Н. И. Шмаракову …» [7].

Ребятам предстояло заложить нулевой цикл канатной подвесной дороги протяженностью 6,5 км, фундамент камнедробильного завода. Те объекты, без которых нельзя вести строительство ГЭС на Усть-Илиме.

Так начинало зарождаться движение строительных студенческих отрядов в нашем регионе, которое постепенно стало приобретать массовый характер. Инициатива молодежи — строительные студенческие отряды были эффективной формой участия молодежи в социально-экономическом развитии страны и способствовали социально-трудовой социализации молодого поколения.

Литература и источники

1. *Щербакова Э.* У студентов есть своя планета. // Газета «Тула». №3 (53). 27.01.2016.

2. СССР. Министерство высшего и среднего специального образования. Коллегия. Постановление Коллегии Министерства высшего и среднего специального образования СССР и Секретариата ЦК ВЛКСМ С-37/4 от 31 декабря 1968 года «О проведении Всесоюзного конкурса студенческих работ по проблемам общественных наук, истории ВЛКСМ и Международного молодежного движения, посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина». М.: Молодая гвардия, 1969.

3. *Гаврилова И.А., Митин С.Н.* Студенческий строительный отряд как социальная модель трудового коллектива // Вестник ЧГУ. 2011. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/studencheskiy-stroitelnyy-otryad-kak-sotsialnaya-model-trudovogo-kollektiva (дата обращения: 23.12.2019).

4. Материалы XXIV съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1971, С. 79; Материалы XXV съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1976.

5. Газета «За педагогические кадры» № 32 (393). 26.10.1967.

6. *Ермошин Г.Т.* Студенческий отряд и хозяйственная организация: правовые вопросы. — М.: Юрид. лит., 1987.

7. *Савельев Н.* На легендарном Усть-Илиме // Тульская областная газета «Молодой коммунар» 30.03.1969.

«Я ЖИЛ, НЕ СКУПЯСЬ, НЕ ЖАЛЕЛ БЕСПОКОЙНОГО СЕРДЦА…»

Бахтинова Вера Игоревна, 26 лет,
менеджер по продажам,
Бахтинов Георгий Игоревич, 14 лет,
обучающийся ГБОУ города Москвы «Школа № 293 имени А.Т. Твардовского»,
консультант — Бахтинова Наталия Валерьевна,
учитель ГБОУ города Москвы «Школа № 293 имени А.Т. Твардовского»,
г. Москва

Поэт Николай Рыленков — наш двоюродный прадедушка

В нашей семье все любят читать художественную литературу. У каждого в книжном шкафу есть своя заветная полка. Есть и особенная полка, к которой время от времени обращается каждый из нас. На ней приютились книги Николая Ивановича Рыленкова, известного советского поэта, нашего двоюродного прадедушки.

Поэт, писатель, переводчик Николай Иванович Рыленков (1909–1969)

Наше знакомство с его поэзией началось с этой полки, со старого учебника литературы для 4 класса, где было помещено стихотворение, строки которого как-то сразу запомнились и затронули душу. Вот это стихотворение:

Всё в тающей дымке —
Холмы, перелески…
Здесь краски не ярки
И звуки не резки.
Здесь медленны реки,
Туманны озера,
И всё ускользает
От беглого взора.
Здесь мало увидеть,
Здесь надо всмотреться,
Чтоб ясной любовью
Наполнилось сердце.
Здесь мало услышать,

Здесь вслушаться нужно,
Чтоб в душу созвучья
Нахлынули дружно.
Чтоб вдруг отразили
Бездонные воды
Всю прелесть застенчивой
Русской природы.

Николай Иванович Рыленков

Рядом со стихотворением была помещена фотография поэта. Простое, «без особых примет» лицо показалось очень знакомым. Где же мы видели эти задумчивые, немного грустные глаза за толстыми стёклами очков?

Да, конечно же, в семейном альбоме прабабушки Веры Алексеевны Спиридоновой! Но откуда эта фотография? Почему она в семейном альбоме? Оказалось, что это фотография двоюродного брата прабабушки, известного советского поэта Николая Ивановича Рыленкова, подаренная ей им лично.

«Коренной» человек

Николай Иванович родился 15 февраля 1909 года в смоленской деревне Ломне (так называли свою деревню Алексеевку её жители). Отец будущего поэта — известный деревенский книгочей, большой сельский труженик. Он запомнился Коле весной «идущим с обнажённой головой и с севалкой на груди вдоль нивы, окружённым золотистым сиянием разбрасываемого зерна», а в зимние сумерки — читающим соседским крестьянам стихи А. Кольцова.

Ровной и тонкой пряже матери Н. Рыленкова дивились и завидовали все соседки. Правда, к весне все её пальцы были изрезаны суровой ниткой.

Сам Коля Рыленков с юных лет впитал в себя все запахи и краски родной земли. Он рано приобщился к крестьянскому труду, стал ценить людей по их отношению к делу, ведь он вырос в простой и трудолюбивой крестьянской семье, насчитывавшей 12 человек.

Весной не играл на свирели,
А в поле за плугом ходил,
В дубраву, где иволги пели,
Пегаску в ночное водил.
В разлужьях на речке Корчевке
Росистые травы косил,
И навек запомнил ночёвки
В копне, что под вечер сложил.

Не в счастье находки случайной,
Ключи ко всему подобрав,
В труде постигал я все тайны
Родимых полей и дубрав.

Рыленковский лицей

От непосильной работы рано умерли Колины родители. Умирая, мать взяла слово с деверя, что тот отдаст мальчика учиться в Тюнинскую школу. Такова была воля отца.

Дядя сдержал слово: мальчик-сирота приступил к занятиям в известной во всей округе трудовой школе второй ступени, которая находилась в Тюнине, селе, приютившемся у границы брянских и смоленских лесов. Учился Коля Рыленков здесь с 1920 г. по 1925 г.

Тюнино стало для поэта второй родиной. Годы, проведённые в школе, стали решающими в определении жизненного пути юноши. Тюнинский период занимает видное место в его поэтическом становлении. Здесь будущий поэт много читал, увлекался историей, ботаникой, географией. Но на первое место как-то сама по себе вышла поэзия — с ней Н. И. Рыленков уже никогда не расставался. Не случайно известный исследователь поэзии XX века Е. И. Осетров назвал Тюнино «Рыленковским лицеем». Среди его выпускников — известный писатель Пётр Петрович Дудочкин, поэт, заслуженный лесовод России Евгений Дмитриевич Лебков, Фёдор Харитонович Власов — известный критик и литературовед, доктор филологических наук.

В далёкой от столицы сельской школе выходил свой рукописный журнал. Николай Рыленков принял активное участие в его выпуске. Публиковал здесь свои первые стихи, прозу. Эти пробные поэтические искорки разгорелись потом в мощное пламя рыленковского таланта.

О Тюнине, о своей школе поэт всегда вспоминал с большой душевной благодарностью. О родном селе он писал постоянно. В этом легко убедиться, открыв любой томик его стихов. Любовью к родной земле дышат стихотворения «Тюнино», «А я всё чаще вспоминаю Тюнино», «Тюнинские рощи», «Всё те же гущи Тюнинского сада...» и многие другие. В автобиографической трилогии «Сказка моего детства», «Мне четырнадцать лет», «Дорога уходит за околицу» также не-

Тюнинская средняя школа им. Н. И. Рыленкова в Рогнединском районе Брянской области

мало строк отведено Тюнину. В рассказах «Большая перемена», «Рыжий Климчик», «Серебряное чудо» он тепло, задумчиво вспоминает тюнинские места, своих учителей, одноклассников, прекрасно описывает природу.

В воспоминаниях о Рыленкове П. П. Дудочкин приводит такой факт. В дни Второго съезда писателей СССР, пока они жили в Москве, Николай Иванович нет-нет, да и повторял один и тот же вопрос: «Что нового в Тюнино?» Когда же у него спросили, какой уголок отчей земли сильнее всего запал в душу, то, не задумываясь, поэт ответил: «Тюнино, — и повторил тихо, но ещё нежнее и восторженнее: — Тюнино!

Здесь, на нашей родной Брянщине, хорошо помнят Николая Ивановича Рыленкова. В Тюнино его имя носит средняя школа. Здесь создан музей поэта. В нём хранятся воспоминания селян о Николае Ивановиче. На мемориальной доске его почерком воспроизведены слова из письма к землякам: «Поклонитесь от меня и милому моему сердцу Тюнину».

Из воспоминаний о Николае Ивановиче Рыленкове

Приведём воспоминания о Николае Ивановиче Рыленкове нашей бабушки Гуляевой Галины Алексеевны, двоюродной племянницы поэта, учителя математики, ныне пенсионерки.

«Свои первые воспоминания о Н. И. Рыленкове я тесно связываю с воспоминаниями моей мамы об этом человеке. Николай Рыленков — двоюродный брат моей матери. Отец Николая Ивановича, Иван Фёдорович Рыленков, был родным братом моей бабушки Агафьи Фёдоровны. Совсем маленькой, 8–9 лет, Вера Ломаченкова попала в семью Николая Рыленкова в связи с очень тяжёлыми обстоятельствами. Молодая жена Николая Марина с новорождённым Толиком была помещена в областную детскую больницу в ортопедическое отделение. Находиться им в больнице предстояло довольно долго, поэтому Агафья Фёдоровна отправила младшую дочь Веру «на хозяйство» в дом Николая Рыленкова.

Первый фотопортрет Н.И. Рыленкова с автографом. 1931 г.

Сам Николай Иванович в то время был секретарём сельского совета. Работать приходилось очень много, но он находил время, чтобы учить Верочку (так он называл мою маму) читать и писать. Он же и уговорил свою тётку Агафью, чтобы она отправила Веру в школу. А у бабушки Гаши был один ответ: «Мужиков в семье много: надо много прясть». И тогда Николай Иванович сразил свою упрямую тётушка тем, что купил Вере платье, ботинки, учебники и тетради. Больше всего Вера была рада ботинкам. Школа была в другой деревне, идти туда надо было более двух километров, Верочка до самой поздней осени ходила до деревни босиком: жалела ботиночки.

Николай Иванович начал писать стихи довольно рано. Мама вспоминала, как однажды она, лежа на печи, наблюдала за Николаем. Он ходил по избе из угла в угол и что-то бормотал, а потом читал Вере. Одно из таких стихотворений мама запомнила:

Раз в семнадцатом году
Шла Настена по воду,
Там ходило стадо овец,
Был хорошенький скопец,

А Настена была смела —
На скопца верхом уселась,
Ухватилась за рога
И помчалась до двора...

Далее мама не могла вспомнить, она только говорила, что этот факт был в действительности. Эту Настю вычислили (как теперь говорят), нашли у неё баранью шкуру, нарядили в эту шкуру и провели по деревне. Эту сцену и мама видела.

Моя мать часто с теплотой отзывалась о Николае Ивановиче по поводу ещё одного случая. В деревне началась коллективизация, составили списки кулаков, сельских богатеев. В такой список попала и мамина семья, в которой были мать, отец, четверо сыновей и четыре дочери. Все работали не покладая рук. Павел, Пётр и отец плотничали, Егор лапти плёл, Даниил уже был женат и жил отдельно. Стеша и Полина жили в своих семьях, а Мария с Верой дома. Батраков не держали, а с хлебом были всегда. Вот Николай и предупредил о чёрном списке. Отец Алексей Иванович передал всё хозяйство Павлу, кое-что смогли продать и всей семьей уехали в Бежицу (там строили стальзавод). А Павел всё хозяйство передал в колхоз и его выбрали председателем.

Вера осталась в Тюнино, куда её взяла старшая сестра Полина, чтобы нянчить младшую дочь, которая была серьёзно больна. Там Вера пошла в Тюнинскую школу, в которой в своё время учился Николай Иванович. Моя мать поддерживала отношения с Николаем Ивановичем довольно долго.

Так уж получилось, что и меня судьба свела с Николаем Ивановичем Рыленковым. Я окончила школу в 1965 году и решила поступать в Смоленский пединститут. Первого августа начались вступительные экзамены, и мне пришлось остановиться в семье Рыленковых. Мама пробыла со мной один день и оставила меня на попечение тёти Любы — сестры жены Николая Ивановича. Вся семья в то лето отдыхала на даче в селе Пржевальском. И в городской квартире были только Николай Иванович и тётя Люба (Любовь Антоновна). Встре-

тили нас тепло и радушно. Тётя Люба поместила меня в своей комнате, мне предоставили стол для занятий и диван. Ни о каком питании в столовой даже не было и речи. Любови Антоновне было за счастье с кем-то общаться. Николай Иванович практически не бывал дома. Всё какие-то дела и дела (в то время он, кажется, возглавлял писательскую организацию Смоленской области). Но тем не менее он каждый вечер интересовался моими успехами. Искренне порадовался моей пятёрке по математике и посоветовал в дальнейшем не волноваться, поскольку первая оценка самая важная.

В один из воскресных дней в Смоленск приехали жена Николая Ивановича Евгения Антоновна и старшая дочь Наташа, с которой мы довольно быстро сдружились. Евгения Антоновна с ходу запретила мне называть её по имени-отчеству: пришлось перейти на более простое обращение.

Как-то Наталья предложила мне пойти с ней на огород. Я удивилась: «Какой огород в городе?» Наташа засмеялась: «Пойдём, увидишь!» Улица Запольная и Рославльское шоссе — довольно шумные улицы: трамваи, автобусы, автомобили. Но стоило свернуть за пятиэтажки и по узкой тропке пройти по склону оврага, как мы оказались в совершенно другом мире. Шум города остался там, за пятиэтажками, а здесь: тишина, покой, журчание ручья, несущего свои чистые воды в Днепр; и вот передо мной калитка в «зелёный кабинет» Николая Рыленкова. Маленький домик, деревянный топчан и столик у окна. Под деревом стол и скамья. А на дереве гроздья рябины, рядом яблони, сливы, по склону оврага вдоль забора кусты орешника. С другой стороны — густой малинник и среди него кусты ежевики. Но что меня поразило — это полоска льна, а рядом с ним рожь и ячмень. На грядке с огурцами росла сурепка, а среди редких берёзок на склоне я нашла сыроежки и подберёзовики. И вот здесь часами и днями мог находиться Николай Иванович. Он очень любил русскую природу. Об этом говорили его товарищи по перу и просто люди, знавшие Николая Ивановича, но далеко не каждый из них мог попасть в этот уединенный уголок, в то место, где поэт оставался один на один со своим миром, который он очень любил, где мог творить, мечтать, где вдохновение ждало его под грустной рябиной и цветущей яблоней.

Н.И. Рыленков в «зеленом кабинете». 1966 г.

Николай Иванович очень любил своих дочерей Наташу и Ирину, а внуков просто обожал. В то время у него их было четверо: Катя и Костя — дети Наташи; Коля и Ваня — дети Ирины. В редкие свободные минуты он общался с детьми и внуками, знал всё об их успехах и неудачах, добрым словом мог поддержать, посоветовать.

В семье Рыленковых всё было подвластно жене Николая Ивановича Евгении Антоновне. Умная, добрая, красивая женщина — верный друг и помощник своего мужа, его бессменный секретарь. Сколько творений Николая Рыленкова прошло через её глаза, руки, ум! Сколько страниц текста перепечатано на машинке, сколько разобрано записных книжек, тетрадей, блокнотов! До конца своих дней она разбирала рукописи. Несколько лет назад Евгения Антоновна ушла из жизни, пережив своего мужа, свою дочь Наташу. Теперь только Ирина и её дети и внуки продолжают семейную традицию: ежегодно Ирина Николаевна приезжает на праздник поэзии в село Тюнино, поддерживает тесную связь с музеем Рыленкова, с Тюнинской средней школой.

Человек жив, пока его помнят. И пусть мне мало пришлось общаться с Николаем Ивановичем, но добрый взгляд сквозь толстые стёкла очков, лёгкая улыбка на лице, немного хрипловатый голос, стремительная походка и палка в руке — всё это оживает, стоит посмотреть на его портрет в книге «Сказка моего детства», которую он подарил своей маленькой двоюродной сестре Верочке (моей матери) в 1965 году».

«Жажда жить, попирая смерть»

Нельзя пройти мимо такой страницы биографии поэта, как война. Н. Рыленков ушёл на фронт добровольцем, «захватив с собой антологию современной мировой поэзии... книжечку избранной лирики Гейне и третий том прижизненного издания Блока со стихами о России». Война не смогла заставить его перестать быть поэтом. Наоборот, на войне окреп и возмужал его поэтический голос. Многие из его военных стихов воспринимаются как произведения фольклорные.

Именно в духе фольклорных традиций написано стихотворение «Сестрица Алёнушка», в нём идёт речь о партизанской сестрице Алёнушке. А в нашем воображении встаёт образ другой медицинской сестры — нашей прабабушки Веры. Труден боевой путь солдата. Но женщине на войне труднее вдвойне. Бабушка Вера прошла дорогами войны от Брянска до Сталинграда. Потом была Курская битва, Белоруссия, Прибалтика...

Тяжелее всего было под Сталинградом. Зима. Мороз градусов под тридцать. А нужно ставить огромные палатки, т.е. разворачивать военный госпиталь. Чтобы палатки держались, нужна высокая мачта-стойка, и забить её надо в землю поглубже. Мужчины воюют либо раненые лежат, а девушки долбят мёрзлую землю. Руки сбивали до крови. А отдых себе позволить нельзя: раненые ждут. Их надо занести в палатки, перевязать, накормить, обогреть. И «сестрёнки», «сестрички» (так называли этих девушек раненые) успокаивали их, жалели, писали за раненых письма, кормили с ложечки, лечили.

Бабушки Веры уже нет с нами. Но её боевые награды — ордена Отечественной войны, Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», юбилейные медали, фотографии военных лет, письма — это наши семейные реликвии. А ещё — наша светлая память о ней.

Песня – душа народа

А вот ещё воспоминания из детства. Вся наша семья собирается на семейные праздники в доме бабушки и дедушки Спиридоновых. Звучат русские народные песни. И каждый раз слышим: «А давайте-ка Колины споём». Звучит:

Отцвела черёмуха,
Зацвела сирень,
Не весны под месяцем
Промелькнула тень?

Или:

Вешним солнцем окроплён,
Прорастает в поле лён.
Ходит по полю девчонка,
Та, в чьи косы я влюблён.

Стихи-песни Николая Ивановича Рыленкова — это важнейшая страница послевоенной лирики. Подготавливая к изданию в 1964 году двухтомник избранных произведений, поэт выделил песни в специальный раздел — «Книгу песен».

В семейном архиве Рыленковых хранится огромная папка с дарственными экземплярами нот, которые прислали композиторы, положившие на музыку стихи Н. Рыленкова. Более пятидесяти музыкантов сумели расслышать негромкий, проникновенный, искренний голос поэта. Это Теплов и Фрадкин, Широков и Флярковский, Зара Левина и многие, многие другие. Эти песни, по сути, стали народными, их помнят и поют.

Николай Иванович Рыленков умер 23 июня 1969 года, подготавливая к печати новый сборник стихотворений «Журавлиные трубы». Он похоронен на городском кладбище в Смоленске. Над могилой возвышается скромный памятник, на котором высечены слова из его стихотворения: «Я жил, не скупясь, не жалел беспокойного сердца». Эти слова, как сказал один из современников поэта, очень точно характеризуют Н. И. Рыленкова, отдавшего без остатка все свои силы, энергию, жар своего сердца Родине!

«СМЕРТЬ НА ВОЙНЕ ОБЫЧНА И СУРОВА…»

(ИСТОРИЯ ЖИЗНИ И СМЕРТИ РЯДОВОГО СОЛДАТА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ИВАНА ТРОФИМОВА)

Ефремова Татьяна Анатольевна, 28 лет,
работник железных дорог,
г. Брянск

Прошло уже почти 75 лет с того дня, когда закончилась Великая Отечественная война. Она сломала и унесла миллионы судеб и жизней. Она украла у людей их юность, одев подростков в шинели и отправив на фронт. И только их слезами, потом и кровью была достигнута Великая Победа.

В России, наверное, нет такой семьи, которой война не коснулась бы своим чёрным крылом. Не стала исключением и моя семья. Список членов нашей семьи, погибших в годы войны, составляет более десятка человек.

Хочу рассказать об одном из тех, кто положил свою жизнь на алтарь Победы. Это мой двоюродный дедушка (брат моей бабушки) Герой Советского Союза Иван Андреевич Трофимов.

Малая родина. Семья

Деревня Немерь Дубровского района Орловской (ныне Брянской) области, где жила семья Трофимовых, была построена вдоль речки по имени Немерь (Немерка). В русской истории многие города, посёлки и деревни получали имена тех рек, на берегах которых их возвели строители.

Точная дата основания деревни пока неизвестна. Предполагается, что возникла она в начале 50-х гг. XIX века. В первую очередь строилась помещичья усадьба, прачечная, скотный двор, кузница. Был заложен парк, вырыт колодец.

Первым помещиком был Левин, а потому та сторона деревни, которая примыкала к барской усадьбе, называлась Левинской. Противоположная сторона деревни (за речкой) называлась Акинтьевской — по имени землевладельца Акиньева. Здесь и жили Трофимовы.

Семья Трофимовых была большой, многодетной, разветвлённой. Работали на земле от зари до зари все трудоспособные члены семьи, но в зажиточные так и не выбились, жили бедно. Иногда нанимались батрачить к барину, ходили на работу в толстовскую сельскохозяйственную общину, которую организовали на своих землях генерал-лей-

тенант А. С. Беневский и его сын Иван Аркадьевич, единомышленник Л. Н. Толстого. Деревенские жители уважали работящих, незлобных, отзывчивых на чужое горе Трофимовых.

После 1917 года земли перешли в собственность Немерской общины. В 1928 году началась подготовка к коллективизации. Через год в Немери были организованы первые ТОЗы, а к 1939 году уже все селяне вошли в колхоз, который назывался «Всемирная революция».

Председателем колхоза крестьяне выбрали уважаемого селянина Андрея Захаровича Трофимова (1906–1942), отца Ивана Трофимова. А его мать, Мария Семёновна (урождённая Зайцева) (1902–1990), работала в колхозе по наряду (пахала, жала, косила), привилегий никаких не имела. Андрей Захарович вообще был очень строг к членам своей семьи: работать должны были лучше всех, личным примером показывая, как надо трудиться на общее благо. В семье Трофимовых росло девять детей, мал мала меньше, большинство из них умерли в детском возрасте, до взрослой жизни дожили только Иван (герой моего рассказа) и Зоя (моя бабушка).

А вот к односельчанам Трофимов был хотя и строг, но справедлив. Достаточно вспомнить, что в лихие времена раскулачивания из колхоза «Всемирная революция» был подвергнут выселению лишь один зажиточный крестьянин по имени Захар, да и то за то, что подпольно крестил деревенских младенцев. Дом раскулаченного заняла не семья председателя, как это нередко было в других колхозах, а туда перевели сельсовет.

Стараниями председателя колхоза А. З. Трофимова и всех работников колхоз рос и богател. Были сформированы четыре полеводческие бригады, работала ферма, были пасека, сад, кузница. Оплата труда осуществлялась в натуральном виде, деньги не выдавались. Излишки сельхозпродукции колхозники продавали на базаре и на вырученные деньги покупали промышленные товары. В 1939 году была построена добротная колхозная баня. Начали строить сельский клуб. Кино из Дубровки привозили раз в два месяца. Ранней весной 1941 года мастера-любители установили радиоприемник-«тарелку» у колхозной конторы. При сельсовете имелся граммофон.

Председатель установил строгий запрет на изготовление и продажу самогона. Но по итогам года после уборки урожая и полного расчёта с государством и колхозниками устраивался коллективный праздник. Пели песни, плясали, веселились. И здесь, как и в работе, первым зачинщиком был председатель Андрей Захарович Трофимов.

Школа

Будущий Герой Советского Союза Иван Андреевич Трофимов родился 19 сентября 1924 года. Рос живым, любознательным, озорным мальчишкой. С раннего детства был знаком с нелёгким крестьянским трудом, много работал, помогая и в колхозе, и дома. Очень уважал отца,

авторитет которого был для мальчика непререкаем, любил мать, почитал старших, помогал маленьким, был очень послушным. Так его воспитали в семье. По старым русским народным обычаям.

«К грамоте, учению Ваня тянулся с раннего детства, — вспоминает моя бабушка Зоя Андреевна Коваленкова (урождённая Трофимова), ссылаясь на рассказы своей матери Марии Семёновны, — но отец (он научился читать, считать и писать во время службы в царской армии) был всегда занят на работе, а мать сама не была обучена грамоте. Так что дома ему никто помочь не мог.

В деревне была четырёхклассная школа, размещённая в большом деревянном доме бывшего помещика, куда ходили все дети Трофимовых. Ваня учился только на «отлично», любил читать, помогал в учёбе своим товарищам, братьям и сёстрам.

В 1938 году в Немери построили новую семилетнюю школу на территории бывшего барского сада. Кирпичный фундамент выложили дубровские рабочие, а все плотницкие и столярные работы выполнили наши немерские мужики-мастера. Отец (как председатель колхоза) строго следил за качеством и скоростью работы. Школа получилась светлая и просторная. Она работала в одну смену».

По окончании Немерской семилетки Иван Трофимов продолжил образование в Дубровской средней школе (ныне МБОУ Дубровская СОШ № 1 им. генерал-майора Никитина И. С. р.п. Дубровка Брянской области), где успел проучиться только два года. Дубровская школа стала средней в 1937 году (до этого времени тоже была семилетней), её директором тогда был талантливый учитель химии и самодеятельный художник Василий Михайлович Тюлягин.

По воспоминаниям одноклассников, Иван Трофимов был хорошим учеником, добрым, отзывчивым человеком, активным пионером и комсомольцем, которого искренне любили товарищи и учителя. У него было много друзей.

Летом 1941 года, как обычно, Иван Трофимов работал в родном колхозе. Но вероломное нападение фашистской Германии на нашу страну прервало мирный труд людей.

В оккупации

По воспоминаниям старожилов деревни Немерь, весть о начале войны принесли на покос после полудня. Люди встревожились, побежали в деревню, но прояснить ничего не удалось.

Дубровский военкомат начал призыв на службу. Многие немерцы ушли на фронт, большинство из них назад не вернулось. Колхоз отрядил женщин-погонщиц для эвакуации колхозного скота в тыл. Остальные колхозники по очереди направлялись к Десне на строительство оборонительных рубежей. Вместе со всеми ходил рыть окопы и Иван Трофимов.

В один из дней по деревне в пешем строю ускоренным маршем прошли на помощь оборонявшемуся Смоленску стрелковые полки. По прошествии 10–15 дней уже в обратном направлении артиллерийские тягачи «Ворошиловцы» тащили полевые пушки крупного калибра. Несколько дней через деревню неорганизованными небольшими группами отступала наша пехота. Через два дня после ухода последних советских бойцов появилась немецкая военная разведка на мотоциклах, а затем со стороны деревни Фёдоровка в Немерь без боя вошла немецкая механизированная колонна. Это было 9 августа 1941 года.

На следующий день была назначена оккупационная администрация, Немерь стала волостным центром. Постоянного гарнизона немцев в Немери не было. Фашисты периодически наведывались сюда из Дубровки и Сещи в основном с целью пограбить и собрать дань. Немцы и их пособники постепенно конфисковывали у крестьян скотину и птицу, была разграблена колхозная пасека. Трофимовым, как и некоторым другим немерцам, удалось спрятать немножко солонины и зерна, закопав это в яму в саду. Это помогло им выжить в первую оккупационную зиму.

Иногда временно в домах крестьян квартировали идущие на фронт немецкие подразделения. Были сформированы полиция и жандармерия. Полицейский гарнизон в Немери состоял из 20 человек. Глубокой осенью 1942 года в деревне квартировал батальон власовцев. Они несли полевую караульную службу, грабили и пьянствовали.

До конца 1941 года люди работали сообща в колхозе, потом колхоз ликвидировали, и крестьяне стали вести единоличное мелкое хозяйство. Председатель колхоза Андрей Захарович Трофимов не выдержал всего происходящего и умер от сердечного приступа в 1942 году. Семья осталась без кормильца. Все тяготы выживания в условиях оккупации легли на плечи единственного мужчины в доме — юного Ивана Трофимова.

Время от времени в деревне появлялись выходившие из окружения красноармейцы. Кого-то оставляли у себя под видом родственников жители деревни, других подкармливали и переправляли к партизанам. В числе тех, кто был привлечён к этому ответственному делу, оказался и Иван Трофимов. Он умел хранить тайну, был смекалист и храбр.

Трижды партизаны нападали на полицейский гарнизон Немери, уводили немецкий скот. Местное население активно помогало партизанам: собирали и передавали разведданные, были связными, пекли хлеб для партизан, валяли валенки. Кое-кто уходил в лес, становясь бойцами Рогнединской или Первой Клетнянской партизанских бригад, которые базировались в Дубровском районе. Были, конечно, и те, кто пошёл на службу к оккупантам.

«При налёте советских самолётов на Сещинский аэродром фашистов, — вспоминает моя бабушка З. А. Коваленкова, — мы прятались

в окопы и ямы, вырытые у дома в первые дни войны. А налёты были почти еженедельно, в основном в ночное время. Иван помогал всем укрыться и только потом прятался сам. По деревне иногда бродили поляки, работавшие у немцев на аэродроме, и выменивали соль на продукты питания и самогон».

После тяжёлых двухдневных кровопролитных боёв с большими потерями Немерь была освобождена бойцами 324-й стрелковой дивизии 50-й армии Брянского фронта 19 сентября 1943 года. Фашисты при отступлении сожгли две конюшни, скотный двор, несколько амбаров, два гумна, баню и хату.

После освобождения Немери местные жители помогали собирать и хоронить советских воинов, погибших в боях. Но не все останки бойцов тогда были преданы земле. 22 июня 2002 года ещё 22 бойца, павших при освобождении Немери, Липовки и Карловки, были торжественно захоронены на мемориале воинской Славы в Дубровке.

Пулемётчик

Иван Трофимов был призван в армию 20 сентября 1943 года. Военная специальность моего деда была очень важной — пулемётчик. Он был наводчиком станкового пулемёта. Это одна из самых опасных профессий на фронте.

Наводчик станкового пулемёта 93-го стрелкового Краснознамённого полка 76-й стрелковой Ельненско-Варшавской Краснознамённой ордена Суворова дивизии 47-й армии Первого Белорусского фронта (с 26 марта 1945 года) Иван Трофимов принимал участие в самой кровопролитной битве, завершившей Вторую мировую войну в Европе, — Берлинской наступательной операции (16 апреля — 8 мая 1945 г.), во взятии логова фашистской Германии — Берлина.

Основная роль в предстоящей операции отводилась Первому Белорусскому фронту (Маршал Советского Союза Г. К. Жуков). Фронт наносил три удара: главный — по кратчайшему направлению с кюстринского плацдарма непосредственно на Берлин и два вспомогательных — севернее и южнее Берлина. На направлении главного удара наступали пять общевойсковых (3-я, 47-я, 3-я и 5-я ударные, 8-я гвардейская) и две танковые армии (1-я и 2-я гвардейские).

В письме матери И. А. Трофимова Марии Семёновне бывший командир 76-й стрелковой дивизии 47-й армии Первого Белорусского фронта генерал-лейтенант запаса Андрей Никитич Гервасиев сообщает о том, как сражался с врагом её сын: «Ваш сын 19 апреля 1945 года в районе Зеебург первым переправился через водный рубеж и своим станковым пулемётом обеспечил переправу части».

В Наградном листе на присвоение звания Героя Советского Союза И. А. Трофимову читаем: «Противник с целью окружить и уничтожить

переправившиеся подразделения несколько раз атаковал их, но пулемётчик тов. Трофимов метким огнём отражал натиск врага. В этом бою он уничтожил 4-х гитлеровцев и пленил 5-х, а остальных обратил в бегство, чем способствовал успеху общего наступления».

Спустя несколько дней, 27 апреля 1945 года, обеспечивая продвижение вперёд к населённому пункту Гатов наших частей и подразделений, Иван Трофимов уничтожил семерых гитлеровцев, подавил огонь двух пулемётных точек противника, отразил две контратаки.

Последнее письмо с фронта

...Фронтовые письма, обжигающие свидетельства боли и мужества, свидетельства жизни во всех её проявлениях. Они шли не в конвертах, на них не было марок. Они были сложены треугольничками. В этих письмах надежда и мечта, любовь к матери, жене, детям, к родному краю, Отечеству.

Несколько лет назад моя бабушка приняла непростое для себя решение: она передала на вечное хранение в Дубровский краеведческий музей единственное сохранившееся в семье письмо Ивана Трофимова с фронта. Это было последнее письмо солдата, написанное им тёте Елене Семёновне Зайцевой за 17 дней до своей гибели:

«11.04.45. Здравствуй, Лена! Лена, в первых строках моего письма я спешу передать свой чистый сердечный горячий фронтовой привет и пожелать тебе самых наилучших пожеланий в твоей дальнейшей молодой жизни и работе. Во-вторых сообщаю, что пока жив и здоров. Нахожусь недалеко от Берлина, на германской территории на реке Одер.

Знаешь, Лена, скучно потому, что не получаю писем и не знаю, какие у вас новости. А так климатические условия хорошие, стоит тёплая солнечная погода, вербы цветут, берёзы уже скоро покроются листвой. Всё живёт и оживает, как всегда.

Лена, сама знаешь что скоро, 15 апреля, будет в Сан-Франциско конференция, и обязанность бойцов Красной Армии водрузить Знамя Победы над Берлином.

Ещё прошу, Лена, передай привет от меня мамаше моей, Марусе и Зое, а также своим родным. Напиши, где дядя Коля и что он пишет в своих письмах, как его здоровье.

Вот, Лена, пока всё. До свидания. Шлю свой горячий фронтовой привет.

С приветом Ваня Трофимов».

На обороте письма адрес: «Брянская обл., ст. Дубровка, Салынская НСШ. Зайцевой Елене Семёновне». И штамп: «Проверено военной цензурой 12.04.45». Далее штамп полевой почты: «13.4.54. 37602 ч.».

Живые, подлинные слова, пришедшие к нам из тех далёких «сороковых, роковых», сегодня звучат с ещё большей силой.

Подвиг Героя

Конец апреля 1945 года. Бои идут в пригородах Берлина. Шпандау. *«28 апреля в бою под Берлином (за город Шпандау),* — пишет матери Ивана Трофимова командир дивизии А.Н. Гервасиев, — *Ваш сын подбил два бронетранспортёра, уничтожил двух офицеров, пленил 15 немцев. Геройски дрался в центре города и, оказавшись в окружении немцев, уничтожил своим огнём 7 фашистов, до последнего патрона дрался и геройски погиб смертью храбрых, но живым не сдался».*

В наградном листе уточняются обстоятельства последнего боя Героя: «При овладении центром города Шпандау тов. Трофимов со своим пулемётом скрытно подобрался к пулемётной точке противника, мешающей продвижению наших подразделений, гранатой «Фауст» уничтожил её расчёт, захватил пулемёт. В этом же бою тов. Трофимов, будучи обнаруженным на огневой позиции, был окружён группой автоматчиков противника и геройски погиб на боевом посту, уничтожив огнём своего пулемёта гитлеровцев.

За стойкость, мужество, отвагу и дерзость в бою, за овладение пригородными районами Берлина павший смертью героев за честь и независимость нашей Родины красноармеец Трофимов Иван Андреевич достоин присвоения звания Герой Советского Союза посмертно».

Наградной лист подписан командиром 93-го стрелкового Краснознамённого полка подполковником Махровым 1 мая 1945 года. Своё согласие на присвоение звания Героя моему деду дали командир 76-й стрелковой Ельненско-Варшавской Краснознамённой ордена Суворова дивизии полковник Гервасиев, командир 125-го стрелкового корпуса Герой Советского Союза генерал-лейтенант Андреев, командующий войсками 47-й армии Герой Советского Союза гвардии генерал-лейтенант Перхорович и член Военного совета 47-й армии генерал-майор Королёв.

Моя бабушка бережно хранит последний, самый дорогой для неё документ о родном брате — Почётную Грамоту Героя Советского Союза на имя Трофимова Ивана Андреевича. В ней записано: «За Ваш геройский подвиг, проявленный при выполнении боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 31 мая 1945 года присвоил Вам звание Героя Советского Союза (посмертно). Москва, Кремль, 23 мая 1946 года № 10623.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Шверник

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин».

Мать И.А. Трофимова, Мария Семёновна, и его жена, Мария Степановна (урождённая Гапонова), получили похоронки на сына и мужа (Трофимов женился перед уходом на фронт, надеясь на то, что оставит потомство, которое продолжит род Трофимовых, но не случилось. После гибели мужа М.С. Трофимова вскоре вновь вышла замуж. Жила в Жуковке, в Белых Берегах. Умерла несколько лет назад.)

Долгое время мать Героя не верила в его смерть и сомневалась, что её сыну могли присвоить звание Героя посмертно. Она даже 12 июня 1945 года написала письмо в наградной отдел: «Я, Трофимова Мария Семёновна, прошу рассмотреть настоящее моё заявление и удовлетворить мою просьбу. Просьба моя состоит в следующем: мой сын Трофимов Иван Андреевич взят в армию в 1943 году и 26 апреля 1945 года погиб под Берлином, на что я получила документ за 24 мая в Дубровском райвоенкомате. Получила также письмо и благодарность Сталина, а второго июня в газете был помещён Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза. В этом списке, которым присвоено звание Героя Советского Союза, я нашла такие же инициалы, как и у моего сына, т.е. Трофимов Иван Андреевич. Так вот теперь сомнительно, это мой сын, или есть другой Трофимов Иван Андреевич, или, может быть, ему мёртвому присвоили звание Героя Советского Союза. Так вот моя просьба и заключается в том, чтобы Вы мне сообщили точный адрес этого красноармейца Трофимова Ивана Андреевича...».

Далее написано другими чернилами: «Посмертно звание Героя Советского Союза Трофимову Ивану Андреевичу, 1925 года рождения (путаница с годом рождения, видимо, произошла при призыве на фронт. Истинная дата рождения Трофимова И. А. — 19.09.1924), б-п, рус., к-ц, пулемётчик, 93 сп 76 сд. Указ от 31.05.45. Погиб 28.04.45 г. 1 БФ. Брянская область, Дубровский район, дер. Немерь.

26.09.45. Подпись».

Награда нашла Героя. Даже после его смерти.

Память

Память о моем дедушке Герое Советского Союза Иване Андреевиче Трофимове, рядовом бойце, солдате Великой Отечественной войны жива не только в нашей семье, но и на его малой родине. В центре деревни Немерь стоит памятник жителям деревни, погибшим в годы войны. Золотыми буквами на нём выбито и имя Ивана Андреевича Трофимова. Таким же золотым тиснением сияет имя Героя на мемориале Славы в районном центре Дубровка.

На здании Дубровской средней школы № 1, где перед войной учился Иван Трофимов, 5 мая 2005 года открыта мемориальная доска. На ней написаны имена четырёх Героев Советского Союза — воспитанников школы, в том числе и имя моего деда Ивана Трофимова. Имя Героя внесено в Книгу Памяти школы.

В III томе Книги Памяти Брянской области есть запись о героической гибели И. А. Трофимова: «Трофимов Иван Андреевич, рядовой, 1925 г.р., д. Немерь, русский. Призван Дубровским РВК, 93 сп 76 сд 47А. Погиб в бою 28.04.1945. Похоронен в г. Берлине. Награждён: орденом Ленина. Звание Героя Советского Союза присвоено 31.05.1945 (посмертно)». Названо его имя и в XI (дополнительном) томе Книги Памяти. А в XII заключительном томе Книги Памяти помещён краткий биографический очерк. Его краткая биография имеется также в академическом двухтомнике «Герои Советского Союза». Очерк о Герое Советского Союза И. А. Трофимове имеется в книге «Золотые звезды Брянщины», не раз о подвиге Ивана Трофимова писала дубровская районная газета «Знамя труда».

Открытие памятной доски на улице Трофимова И. А. в д. Немерь на доме его сестры Коваленковой З. А. 28 апреля 2015 года

А недавно я нашла имя моего деда и документ о его гибели в Интернете на сайте Министерства обороны РФ *http://www.obd-memorial.ru*, в обобщенном компьютерном банке данных, содержащем информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны: «Трофимов Иван Андреевич, 1924 г.р., Брянская обл., ст. Дубровка. Призван 20.09.1943 Дубровским РВК. 76 сд. Красноармеец. Убит 26.04.1945. ЦАМО, ф. 58, оп. 18003, д. 801». (Выяснить путаницу с датой гибели Трофимова: в одних источниках — 26 апреля 1945 года, в других — 28 апреля 1945 года, не удалось). На другом сайте Министерства обороны РФ «Подвиг народа» выложен Наградной лист И. А. Трофимова на присвоение ему звания Героя Советского Союза.

Время не властно над истинными ценностями, над памятью о настоящих людях, о героях, доблестных воинах, защитниках Отечества.

Советское кладбище общины D-14624 Далльгов-Дёберитц, где похоронен Герой Советского Союза Трофимов И. А. Земля Бранденбург, округ Хавелланд, Гамбургское шоссе, Германия

СТРАНИЦА СЕМЕЙНОГО АРХИВА: ПОДВИГ Я. П. ПИНЧУКА

Пинчук Юрий Сергеевич, 31 год,
преподаватель Колледжа экономики и финансов ССЭИ (филиала) РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Саратов

Великая Отечественная война наложила отпечаток на судьбы советских граждан. Люди даже самых мирных профессий вставали на защиту Родины. За короткий срок мирная жизнь страны перестроилась на военный лад, сорвав гитлеровские планы «молниеносной войны». Победа в этой войне принадлежит всем народам Советского Союза.

В нашей стране нет ни одной семьи, которой бы не коснулась война. И мой прадед разделил судьбу многих советских граждан. Вся его биография переплетена с событиями, происходящими в стране.

Яков Павлович Пинчук, заместитель директора по учебной и научной работе Лебединского учительского института

Яков Павлович Пинчук родился 4 октября 1902 г. в селе Вельбовка Гадячского уезда Полтавской губернии. Яков учился в средней школе и закончил 7 классов. В 20-х годах XX века его призвали в армию, где он служил в кавалерийских частях. После окончания службы Яков Павлович поступил учиться в педагогический техникум в г. Гадяче Полтавской области, окончив который, начал работать учителем химии и биологии. Работая в школе, он встретил и полюбил учительницу начальных классов Ефросинию Григорьевну. Они поженились. 30 мая 1926 года родился мой дед Юрий.

Яков Павлович поступил учиться в Полтавский институт социального воспитания, который окончил в 1931 году. Параллельно с обучением прадед работал преподавателем в педагогическом техникуме г. Изюма. В августе 1934 года он перешел на работу в Лебединскую педагогическую школу на должность заведующего учебной частью и преподавателя химии. В 1936 году Яков Павлович исполнял обязанности директора педагогической школы. В 1937 году на прадеда был написан донос, как потом выяснилось, это сделал один из коллег по работе. Якова Павловича несколько раз вызывали на допрос. Юрий Яковлевич вспоминал: «Отец в течение полугода ожидал, что за ним могут прийти... Вечером он ставил котомку с документами и половиной хлеба, луковицей у входа...».

Судьба прадеда идет в ногу с событиями, происходящими в стране. Во время второй пятилетки был выдвинут лозунг «Кадры решают все!» и Яков Павлович окончил Сумской государственный педагогический институт в 1939 году. Жизнь молодой семьи наполнена яркими красками, подрастает любимый сын и радует интересная работа.

В мае 1940 года на базе Лебединской педагогической школы создан Лебединский учительский институт, в котором Яков Павлович стал заместителем директора института по учебной и научной работе. И в этом же году он стал членом ВКП(б). Мой дед Юрий летом 1941 года заканчивает девять классов, мечтает о поступлении в институт. Семья строит планы на будущее.

Началась война, которая спутала все планы миллионов советских граждан. В нашей семье сохранились воспоминания моего деда Юрия Яковлевича о том, как началась Великая Отечественная война: «Воскресенье 22 июня 1941 года я помню очень хорошо. Был ясный солнечный день. Я с родителями жил в городе Лебедине Сумской области Украины. Эта местность граничит с Курской областью России. В нашей квартире был ремонт и в воскресенье красили полы, поэтому вся мебель была вынесена во двор, в том числе и громкоговоритель. Никакого беспокойства не ощущалось, хотя в городе был военный аэродром, где базировались бомбардировщики. В 12 часов дня из радиорепродуктора прозвучало сообщение о выступлении Молотова В.М., а потом и само выступление. Так мы узнали о начале войны с фашистами...»

Вся мощь немецкой армии обрушилась на Советский Союз, линия фронта стремительно двигалась на восток. Яков Павлович был зачислен в состав истребительного отряда, который должен был бороться с немецкими диверсантами. Первоначально не планировалось, что семья куда-то уедет, но поскольку немецко-фашистские захватчики быстро наступали, уже в сентябре было принято решение об эвакуации. Спустя много лет Юрий Яковлевич вспоминал: «Уже 14 сентября ночью отец пригнал к нашей квартире телегу и пару лошадей, погрузили, что успели из своих пожитков, мать моя была больна, уложили ее в телегу. На рассвете отец вывел нас за околицу города и показал дорогу, по которой мы должны были ехать. Попрощались, отец вернулся в город, а мы, несколько подвод, поехали на восток. У нас были документы и направление в город Энгельс Саратовской области...»

Сам Яков Павлович остался в Лебедине всего на три дня и планировал догнать семью, двигаясь той же дорогой. Но этому замыслу не суждено было сбыться... Догнать семью прадед не смог, прибыв в Энгельс, он был направлен начальником товарно-молочной фермы в го-

род Маркс. По дороге он встретил земляка, который рассказал ему что видел, как колонну, в которой ехала его семья, разбомбили немцы. Прибыв на работу в Маркс, Яков Павлович отправил запрос в эвакопункт с надеждой найти жену и сына. Позже прадед напишет в письме своей жене о своей дороге на восток: «Покинул я Лебедин 17.09.41 г. рано утром. За Лебедином видел несколько «мессершмиттов» и «хенкелей», которые шли бомбить город. Слышал взрывы. Жутко было одному в дороге. Жаль было расставаться с родными местами. Злобой и ненавистью наполнилось мое сердце. Я себе представил картину разрушений и жертв... Я поклялся отомстить людоедам за все... Ехал я по компасу на восток, как, оказывается, по тому же пути, что и вы...».

На товарно-молочной ферме Яков Павлович отработал десять дней. Немного отдохнув после трудной дороги, добровольцем уходит на фронт, несмотря на то, что в 39 лет он уже был снят с воинского учета, поскольку в молодости перенес туберкулез. С октября 1941 года он — командир отделения 85-й отдельной морской стрелковой бригады Карельского фронта, где ему было присвоено звание политрук.

В течение года прадед не терял надежду найти свою семью. Наконец — о, радость! он узнает, что жена и сын живы и находятся в городе Кемерово. Узнав о том, как семья туда попала, в письме от 16.06.42 г. он напишет: «...Получил от Юрика письмо с описанием «путешествия». Сколько пришлось вам пережить, перемучиться! Какая суровая школа это для Юры! Сколько ты, моя хорошая, пережила за сына...».

После того, как прадед смог разыскать свою семью в Сибири, он начал активно писать домой трогательные и заботливые письма. Все они наполнены любовью к Родине. Например, в письме 07.09.1942 г. он пишет: «Мои дорогие! Хочется все отдать во имя спасения Родины, нашего советского народа, своей семьи. Я часто вспоминаю наши «дискуссии». Личное счастье, говорил я, зависит от счастья, благополучия нашей страны. Нужно работать не покладая рук, чтобы добиться в первую очередь общего благополучия. Личное тогда само приложится. Как хороша была наша жизнь, несмотря на временные невзгоды, шероховатости. Но нам хотелось лучшего, и мы иногда были недовольны тем, что имели. Как приятно сейчас вспоминать тот тяжкий труд, который мы выполняли. Но этот труд был полезен для государства, для народа, для нас самих. Война разрушила все... Может ли человек сейчас беречь свою шкуру, защищать свои личные интересы! Нет! Такие подлецы еще есть, но их мало. Это не советские люди...».

Вместе с этим жизнь идет своим чередом, Ефросиния Григорьевна начала работать по специальности — учителем младших классов. Мой дед Юрий поступил учиться на первый курс горного техникума, но по окончании первого курса забрал документы. Однажды он увидел объявление, что Днепропетровский институт железнодорожного транспорта

им. Л.М. Кагановича набирает слушателей на подготовительные курсы. Юрий Яковлевич вспоминал:

«Меня это объявление очень привлекло, т.к. меня привлекала работа на железной дороге, и эта работа казалась очень интересной. Плюс к этому я верил, что после освобождения Украины институт вернется домой. И важным фактором было, что студенты получали горячее питание...».

Осенью 1942 года Юрий успешно сдал вступительные экзамены и поступил в институт. Ему пришлось переехать в город Новосибирск, так как именно там находился в эвакуации институт. Юрию нравилось учиться, он стал старостой группы, участвовал в самодеятельности, а вечерами работал на вокзале грузчиком. И это понятно, ведь с фронта Яков Павлович пишет в письме 10.09.1942 г.: «...Главная «ваша задача» — работать усердно, работать для скорейшего разгрома фашизма. Мой совет вам: берите такую работу, чтобы могли работать самоотверженно. Помните, что теперь работа в тылу — это работа на втором фронте по разгрому врага. Нет теперь фронта и тыла... Это все ерунда по сравнению с тем, что делается сейчас под Сталинградом, на Кавказе и других участках фронта. Сейчас никто не думает о личном, а живут одним — разбить врага и тем спасти страну и себя. Берись смело за работу...».

Все письма прадеда наполнены оптимизмом и верой в победу, так и в письме от 13.11.1942 г.: «...Переживем сейчас все. Разобьем гадов и снова заживем счастливо и радостно. Надолго все это запомнится в памяти. Много чего потом будем вспоминать. А сейчас надо бороться до последней капли крови, до последнего дыхания. Никто из нас не хочет быть рабом...».

Народный комиссар обороны И.В. Сталин 24 октября 1942 года приказал военным советам фронтов отобрать политических работников, способных без специальной подготовки командовать батальонами и полками. Командные кадры Красной Армии пополнились 10 тысячами политработников, у которых хорошая политическая подготовка сочетается с личным мужеством и ценным боевым опытом [1, с. 220]. И среди них был Яков Павлович. С фронта его направили в г. Шую, где в эвакуации находилось Ленинградское военно-политическое училище им. Ф. Энгельса. И с октября 1942 по июль 1943 года он — курсант этого училища. Прадед не забывает писать домой заботливые и подробные письма, так в день рождения своего сына он напишет в письме от 30.05.1943 года: «Дорогой сынок! Сегодня с самого утра у меня какое-то особенное настроение. Ведь сегодня 30 мая — день твоего рождения. Мой дорогой Юрась, сегодня тебе 17 лет. Как мне хочется повидать тебя сегодня, обнять и поцеловать... Злые варвары разлучили нас, не дали возможности осуществить мои планы — подготовить тебя для самостоятельной жизни и работы. Лютая ненависть кипит в моем сердце, хочется отомстить, рассчитаться с ними...».

В конце июля 1943 года Якова Павловича направили на 1-й Украинский фронт парторгом 163-го армейского истребительно-противотанкового артиллерийского полка и присвоили звание старшего лейтенанта. Части 1-го Украинского фронта участвуют в тяжелейших боях. Прадед самоотверженно сражается с танками противника, а в письмах делится интересными наблюдениями. Так в письме от 18.02.1944 года он пишет: «Интересный русский народ. Он дома боится увидеть кровь, боится курицу зарезать, а тут он страха не знает. Знает одно — не щадить врага! Я люблю людей. Особенно возраста Юры (у меня почти такие солдаты). Мне их жаль. Я видел, как они умирают, воюя за свое будущее. Они бьются, как львы, — они герои!...».

В январе 1944 года Якова Павловича наградили орденом Красной Звезды. В феврале того же года ему присвоили звание капитана и наградили орденом Отечественной войны I степени.

Очень скупо прадед пишет о боевых действиях. Лишь иногда упоминает, что «имею дело с пушками...», «тигры» и «фердинанды» — это наш хлеб...», «работа веселая...» Все письма Якова Павловича наполнены оптимизмом, любовью к Родине и своей семье. Уверенно он пишет о Победе: «...Вот победим, и все будет хорошо...», «...Разобьем врага и заживем еще лучше...», «...Когда встретимся, будет что рассказать...» И только лишь однажды обмолвится: «...Если даже придется погибнуть...».

Погиб Яков Павлович 3 мая 1944 года недалеко от села Уховецк Ковельского района Волынской области. Похоронен в братской могиле. О смерти отца Юрий узнал в начале июня. Сложно передать, что он пережил в тот момент, ведь все это время он ждал встречи с отцом. Заместитель командира полка по политической работе майор М.М. Царюк напишет в письме семье погибшего: «Капитан Пинчук Яков Павлович был хорошим человеком, любил нашу Советскую Родину и нашу родную ленинскую партию. За годы войны он прошел путь от рядового до капитана, был храбрым человеком и никогда не пасовал перед трудностями... Хорошо помню 3 мая 1944 года, он подходит ко мне и говорит: «Я пойду в другую батарею, нужно провести беседу по обращению И.В. Сталина к 1 мая 1944 г.» ... На сборах было 13 бойцов, внезапно начался обстрел. Прямым попаданием снаряда было убито шесть воинов, остальные были ранены».

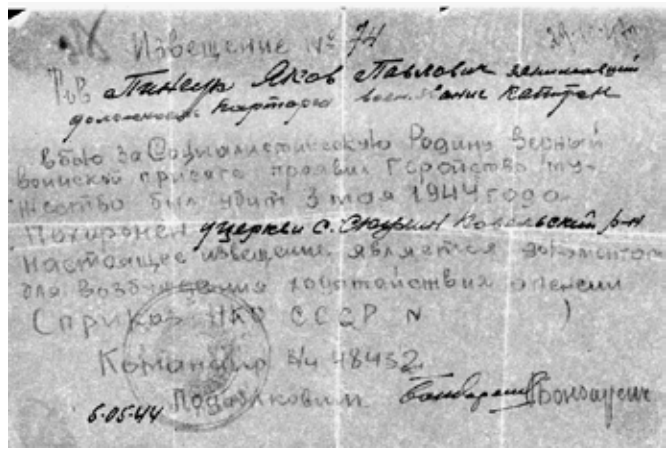
Закончилась война, страна начала налаживать мирную жизнь. Мой дед Юрий Яковлевич в 1948 году окончил Днепропетровский институт железнодорожного транспорта им. Л.М. Кагановича. По распределению был направлен на станцию Петров Вал Сталинградской области, где прошел путь от помощника машиниста до начальника депо. Все это время он пытался найти могилу отца. И только в 1964 году следопыты Уховецкой средней школы нашли сына капитана Я.П. Пинчука. Сообщили точное место захоронения и что один из пионерских отрядов Ковельщины носит имя парторга Я.П. Пинчука. В школе села Уховецк Волынской области был создан музей. Несколько стендов были посвящены прадеду. Мой дед и старший брат несколько раз бывали в Уховецкой средней школе и на могиле прадеда. Повезло и мне — в 2013 году я с братом побывал в Уховецке. Несмотря на серьезные изменения в некоторых странах бывшего СССР, музей, посвященный Великой Отечественной войне, действует до сих пор. Жители села Уховецк хранят память о героях, которые освобождали их Родину от захватчиков.

Плита Братской могилы в с. Уховецк Волынской области, Украина

Память о прадеде храним не только мы, члены его семьи, не только на Волыни, но еще и в Лебединском педагогическом училище имени А.С. Макаренко, в котором до войны работал Яков Павлович. В музее училища один из стендов посвящен прадеду.

Когда читаешь письма прадеда, трудно представить его погибшим. Жизнь и смерть парторга Пинчука — это подлинные образцы служения Родине. Есть люди, которые даже смерть умеют сделать продолжением жизни. «Смертью смерть поправ» — это о них и о моем прадеде Якове Павловиче Пинчуке.

Извещение о гибели капитана Пинчука Якова Павловича

Литература и источники

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. III. М.: Военное издание МО СССР, 1961.
2. Письма Я.П. Пинчука семье из семейного архива автора.

ОСКОЛКИ ОТ СНАРЯДА В РУКЕ

Кожункин Алексей Игоревич, 26 лет,
инженер
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Тула

Орденоносец Михаил Петрович Татарников

Мой прадед, Татарников Михаил Петрович, родился 8 октября 1916 года в селе Дедилово Тульской области. Его родители были крестьянами. Семья была многодетная. После окончания 7 классов прадед пошел работать, потому что надо было помогать родителям.

В 1937 году Дедиловским райвоенкоматом был призван в армию, попал в Одесский военный округ. Смышленого паренька сразу заметили и отправили учиться. Он стал курсантом полковой школы города Полоцка, а затем его перевели в Харьковское артиллерийское училище на курс младших лейтенантов.

После окончания учебы прадеда назначили командиром взвода в Феодосии, а с 4 марта 1941 года он уже был заместителем командира батареи Одесского военного округа. Домой он отправлял добрые письма, рассказывал о курортном городе, посылал красивые открытки.

Война пришла внезапно. С вокзала отправлялись переполненные отдыхающими поезда. Севастополь бомбили в 3.15 22 июня 1941 года. В небе Феодосии немецкие самолеты показались во второй день войны, 23 июня.

Тяжелые мысли у прадеда вызывали воспоминания об отступлении под натиском превосходящих сил врага. Он рассказывал, что пришлось переплывать километровый Днепр. Самоотверженные женщины переправляли раненых на другой берег реки под непрерывным обстрелом.

Во время войны прадед был дважды ранен: один раз в руку, в которой так и остались осколки на всю последующую жизнь, второй раз — тяжело в грудь. Много времени провел в госпиталях, был направлен в резерв.

После окончания высших курсов ордена Ленина Краснознаменной артиллерийской школы был назначен командиром батареи г. Семеко Горьковской области.

Воевал с японцами, был командиром 2-й батареи 7-го отдельного Гвардейского истребительного противотанкового дивизиона 19-й Гвардейской стрелковой Рудневской ордена Ленина Краснознаменной ордена Суворова дивизии.

12–13 августа 1945 года батарея под командованием прадедушки освободила китайский город, отбила 2 контратаки и нанесла следующий урон: истребила 80 солдат и офицеров, подбила 5 автомашин, подавила 2 станковых пулемета, захватила в плен 40 солдат и офицеров. Об этом нам стало известно из наградного листа.

14 августа 1945 года была взята высота 15 км. Прямой наводкой подбито 4 орудия и разгромлен артиллерийский полк противника. За умелое руководство лейтенанта Татарникова наградили орденом Отечественной войны I степени.

На представленной выше фотографии видно, что на груди у прадеда красуются два ордена. Но мы нашли пока только один наградной лист. Надеемся, что найдем все-таки информацию и о другом подвиге, за который лейтенант Михаил Петрович Татарников был удостоен ордена.

Прадед награжден также медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью «За победу над Японией».

Дальнейшую службу проходил в Порт-Артуре.

9 января 1947 года демобилизовался. Вернулся на родину к родителям. В 1954 году семья купила дом в посёлке Киреевка Тульской области.

После войны Михаил Петрович работал в сберкассе кассиром, в Госбанке — инкассатором. Вёл общественную работу по обучению сотрудников гражданской обороне, так как являлся офицером запаса.

В 1961 году построил для семьи хороший кирпичный дом.

К тому времени в Киреевске открылась чулочная фабрика, и Михаил Петрович стал работать там аккумуляторщиком.

В 1976 году его проводили на пенсию.

Знаю, что прадед был очень ответственным и дисциплинированным работником. Об этом в семье передается из поколения в поколение — его приводят в пример. Его отличала скромность. Про войну рассказывать не любил. Считал, что выполнял свой долг, как и другие.

Награжден медалью «Ветеран труда», а также юбилейными медалями.

Умер 22 апреля 1986 года.

Наш дедуля Михаил Петрович в санатории «Дорохово», 1964 г.

ПРОСТОЙ МУЖИК — СОЛЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Ситникова Маргарита Андреевна, 31 год,
учитель иностранных языков МБОУ СОШ № 20,
Тульская область, г. Новомосковск

Сергей Дмитриевич Батырев

«Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой...» Слова знаменитой песни из кинофильма «Офицеры», на мой взгляд, удивительно точны и спустя полвека с момента выхода на экраны. Вот и в нашей семье был такой герой — мой прадед Батырев Сергей Дмитриевич.

Батырев Сергей Дмитриевич родился 14 ноября 1913 года в Курской губернии, в простой крестьянской семье. Жизнь в деревне в начале 20 века была непростой: вставали до зари, трудились в поле до позднего вечера. Дети с раннего возраста помогали родителям по хозяйству, присматривали за младшими братьями и сёстрами. Мама Сергея умерла совсем молодой, когда ему было всего 5 лет. Отец женился вновь. В новом браке каждый год на свет появлялись младенцы. Маленький Сергей очень любил детей, проводил со своими младшими братьями и сёстрами все время, пока родители работали в поле. Он умел успокоить и убаюкать малышей, был привязан к ним всем сердцем. Но судьба у этих малышей была незавидной: все они умирали в младенчестве. Сергей тяжело переживал утрату.

Детство и юность моего прадедушки прошли в деревне, где он закончил церковно-приходскую школу. Затем поступил в училище, где учился на автомеханика. Там познакомился с будущей женой Анной, которая училась на шофера. Будущих супругов объединяла страсть к машинам. Профессия шофера стала семейной. Всю свою трудовую жизнь прадедушка и прабабушка провели за рулём автомобиля.

Жили скромно и счастливо в городе Епифань. Перед войной в феврале 1941 года родилась желанная дочь Валентина. Сергей души не чаял в своей Валюше.

В июне 1941 года мирное течение жизни вдруг оборвалось для многих семей Советского Союза. Мой прадед был человеком решительным, смелым. Узнав о начале войны с фашистской Германией, он, не раздумывая, ушел добровольцем на фронт. Отправной точкой его боевого пути стал Донской райвоенкомат Московской области.

С 1941 по 1942 год воевал в составе 56-й механизированной Гвардейской бригады на Калининском фронте. Сохранилась выписка из характеристики военных лет, в которой сообщалось, что сержант Батырев Сергей Дмитриевич «...показал себя знающим свое дело, дисциплинированный, требовательный, помогает слабым шоферам в усовершенствовании знаний и помогает командиру в восстановлении трофейных автомашин...».

Война — это всегда боль, страдания и потеря боевых товарищей. Сложно было привыкнуть моему прадеду к стонам раненых, крови и смерти однополчан. В минуты затишья он все время думал о своей семье. У него было всего два желания: сделать все возможное и невозможное для победы над врагом и вернуться домой живым.

Однажды, когда его часть находилась недалеко от Епифани, оккупированной немцами, Сергей отпросился у командира навестить семью. Дождался вечера, пробрался незамеченным в город, нашел свой дом. Дома его встретила радостная жена и спящая сладким беззаботным сном маленькая дочь. Так приятно было снова оказаться в маленьком домике, среди близких людей, вдали от грохота орудий. Но война была в разгаре, и забыть о ней было невозможно. Только супруги сели ужинать, как ворвались немцы и схватили прадеда. Как выяснилось, предатель был рядом: когда он подходил к дому, соседка увидела его через окно и тут же донесла фашистам, что в дом по соседству пришёл советский солдат. Позже, узнав об этом, прадед в сердцах пообещал: «Вернусь — убью». А перед самым концом войны соседка, предавшая его, собрала вещи и отбыла в неизвестном направлении.

Но все это случилось потом. А той ночью прадеда посадили в сарай под замок, до утра. Но прадед был не из тех, кто легко сдается. Сарай был крестьянский, с инструментами. Сергей Дмитриевич всю ночь рыл подкоп и под утро выбрался и вернулся в расположение части. Продолжились тяжёлые военные будни, но воспоминание о коротком свидании с семьёй придавало сил сражаться дальше.

С 1943 года Сергей проходил службу в 200-й отдельной роте химической защиты 4-го Гвардейского механизированного корпуса второго Украинского фронта в должности шофера, в звании сержанта, а с 1943 года в должности механика-водителя. Принимал участие в Курской битве. Участвовал в освобождении Украины, Молдавии, Румынии, Югославии.

Войну закончил в столице Венгрии городе Будапеште. Находясь на чужбине, сержант Батырев не переставал скучать по дому и своей семье. В нашем семейном архиве сохранилась открытка, которую

Открытка из Венгрии. 26.01.1945 г.

«Папочка вернулся!» Отец с дочерью

он прислал из Венгрии своей дочери Валентине, моей бабушке. На обороте открытки трогательные слова: «На память любимой дочке Вале от папаши из Венгрии. 26.1.45 года».

Приказом по подразделению №8/Н от 25.05.1945 г Батырев Сергей Дмитриевич награжден медалью «За боевые заслуги».

Война закончилась, наступил долгожданный мир. Сергей вернулся домой. Как сладок был момент возвращения к родным! Моя бабушка, Валентина Сергеевна Савельева, спустя 75 лет вспоминает: «Мне было пять лет. Мама зашла в дом и сказала, что отец вернулся с войны. Я бежала по дорожке к калитке навстречу отцу, которого не видела все эти годы, и кричала: «Папа! Папочка вернулся!». Сохранилась фотография этого памятного события — встречи отца и дочери.

После войны Сергей Дмитриевич работал шофером в автоколонне в городе Донской Тульской области. В 1950 году закончил строительство дома на Бобрик-Горе, который на долгие годы стал фамильным гнездом нашей семьи. Прадед был очень гостеприимным, всегда был рад родным и близким. Дома на праздники, за большим столом всегда собиралась большая компания. Звучал смех, пели песни, рассказывали интересные истории из жизни.

Я думаю, мой прадед был по-настоящему советским человеком: стойким, добрым, отзывчивым, преданным Родине. Пройдя войну, он желал лишь мира на Земле. Хотел, чтобы народы жили дружно. Мечтал, чтобы его дети и внуки получили хорошее образование, а внучка непременно бы стала переводчиком с немецкого языка. Он верил в светлое будущее. Его мечта о внучке-переводчице осуществилась много лет спустя. Правда, иностранные языки стала изучать не внучка, а я — его правнучка.

Несмотря на все ужасы пережитой войны, Сергей Дмитриевич смог сохранить душевную теплоту, любовь к ближнему. Когда появились внуки, он души в них не чаял, все свое свободное время проводил с ними. Но война не проходит бесследно. До самого конца Сергей Дмитриевич не любил говорить о войне. Наверное, он мог бы многое рассказать, но молчал, не рассказывал. Даже фильмы о тех ужасных днях смотреть не мог.

Я горжусь своим прадедом! Для меня он настоящий герой, простой мужик — соль земли русской. На таких, как он, держалась и держится наша страна. В нашей семье память об этом человеке жива и будет жить еще многие поколения. Когда подрастет сын, я обязательно расскажу ему о своем прадеде — Сергее Дмитриевиче Батыреве.

СЕКРЕТ ДОЛГОЛЕТИЯ НАШЕЙ БАБУШКИ

Петраков Дмитрий Вячеславович, 24 года,
кузнец,
Петракова Тамара Вячеславовна, 22 года,
студентка 6 курса медицинского факультета Калужского государственного университета,
Петраков Павел Вячеславович, 20 лет,
студент 4 курса машиностроительного факультета Калужского филиала МГТУ им. Н.Э. Баумана,
Петраков Иван Вячеславович, 15 лет,
учащийся 10 класса МБОУ «Дугнинская СОШ», сельское поселение «Поселок Дугна», Калужская область, Ферзиковский район

Наша бабушка Наталья Сидоровна Петракова (в девичестве Дворецкая) родилась 18 августа 1913 года в семье крестьян Сидора и Полины в с. Дворцы Калужской области. В их семье было 8 детей, среди них Наташа — самая старшая.

Наталья Сидоровна Петракова

В 1939 году она вышла замуж за Василия Морозова. В 1940 году в браке родилась дочь Лидия. Но в 1941 году началась война и бабушка вскоре овдовела — ее муж В.И. Морозов погиб осенью 1941, защищая Тулу, через две недели после призыва в армию.

После войны, в 1946 году, бабушка вышла замуж за Владимира Павловича Петракова, участника Финской и Великой Отечественной войн, орденоносца, имеющего два ранения. В браке родилось трое детей. Они жили в Московской области (Пушкинский район, станция Ашукино). Работали в колхозе «Росхмель». Но брак был недолгим — в 1959 году дедушка умер.

Бабушка осталась с четырьмя детьми на руках одна. Жизнь была нелегкая. Семья переехала в поселок Дугна Калужской области, где жили родственники.

Наталья Сидоровна устроилась на работу на Дугнинский механический завод (кстати, он был основан в XVIII в. Никитой Демидовым), где проработала до пенсии, на которую вышла в 1968 году. Но и на пенсии бабушка работала, так как нужно было помогать детям.

Умерла бабушка в возрасте 100 лет, в 2013 году 22 октября.

Она прожила нелегкую жизнь, но длиною в век, чем может похвастаться не каждый. Родилась еще до революции, пережила Советский Союз,

застала постреформенную Россию. Чем же объяснить ее долголетие?

Во-первых, наверное, ее трудолюбием — она никогда не сидела без дела и лишь когда ослепла в последние годы жизни, перестала заниматься хозяйственными делами. Зиму она проводила у дочери в Москве, а лето у нас в с. Володарском, недалеко от Дугны, на природе.

Надо заметить, что место у нас историческое и необыкновенной красоты. Наш дом в Володарском стоит на берегу пруда. Недалеко протекает река Ока, чудесный лес, богатый ягодами и грибами. Возле дома — приусадебный участок, позволяющий выращивать фрукты и овощи. Близость к природе, наверное, вторая причина бабушкиного долголетия.

В-третьих, Дугна — место особое. Поселок возник рядом с чугунолитейным заводом, построенным Никитой Демидовым по Указу Петра I в низине, где речка Дугна впадает в Оку. Впервые Дугнинский завод упоминается в «отказных книгах» Пушкарского приказа за 1689 год. На территории завода впоследствии был построен каменный храм с колокольней; в двухэтажных корпусах размещалась полотняно-ткацкая фабрика. В 1707 г. Никита Демидов заложил доменный завод для изготовления артиллерийских припасов. Когда строился С.-Петербург, завод поставлял железо. Выпускались ядра, пушки, картечь, которыми снабжалась армия в годы Северной войны и Отечественной войны 1812 г., ковались якоря и цепи для флота. В мирное время завод изготавливал художественное литье (например, барельефные плиты для памятника св. князю Владимиру в Киеве, лестница в здании Тульского дворянского собрания, украшающая и сегодня его внутреннее убранство). В советское время на Дугнинском механическом заводе производилось литье колодок для железнодорожного электроподвижного состава, задвижки для печей, чугунная и эмалированная посуда, запчасти к сельскохозяйственным машинам, декоративные изгороди и многое другое.

Был в Дугне и монастырь, основанный в честь иконы Божией Матери «Отрада и Утешение», связанный духовно с традициями Оптиной Пустыни, Сергиевым Скитом Свято-Тихоновой пустыни, киевскими монастырями. Возглавляла его схиигумения София (Гринёва), впоследствии переведенная в Киев настоятельницей Покровского монастыря [1]. Все это делает Дугну особым местом. Бабушка любила сюда возвращаться. А про завод, где она работала, ходит легенда, будто в годы Великой Отечественной войны он не пострадал потому, что спасала высшая сила — когда появлялись фашистские самолеты, небо затягивало облаками и плотный туман препятствовал бомбежке [2].

В-четвертых, непростая жизнь закалила бабушку: необходимость вырастить детей, поставить их на ноги. Она жила не для себя, а для других, для всех нас, сама довольствуясь малым.

И, конечно же, бабушкин характер — волевой, жизнелюбивый, добросердечный, коллективистский, некапризный — тоже причина долголетия. Мама вспоминает, как однажды было застолье и кто-то стал роптать, что в магазинах нет продуктов, дефицит вещей. Бабушка быстро прекратила эти недовольные речи словами: «Войну забыли?».

В нашей семье нас тоже четверо. Бабушка призывала нас всегда жить дружно. Каждому из нас запомнились ее наставления и рассказы.

Дима: «Я помню, как бабушка рассказывала, что она в 10-летнем возрасте во время пожара в своём с. Дворцы спасла свою младшую годовалую сестру, вытащив её из люльки и убежав в лес. Все взрослые были на покосе, остались только дети и старики. В селе было более 100 домов, сгорело всё. В течение суток их искали, нашли. Сама ребенок, она не растерялась и совершила героический поступок».

Тома: «Когда я была маленькой, бабушка пела мне очень много песен и рассказывала много стихотворений, причем таких, которых я не слышала, и которых мы не учили в школе. У неё была изумительная память, хотя уже в преклонном возрасте, голос у неё был ласковый, певучий, нежный. Я люблю свою бабушку».

Паша: «В своём детстве я помню бабушку уже старенькой, она плохо видела. Мы с ней гуляли по саду, я её водил за ручку. Помогал ей. Она мне рассказывала, как во время войны немцы зашли к ним в дом; Дугна была оккупирована с 30 октября 1941 г. неполных два месяца — 23 декабря 1941 г. ее освободили наши войска. В то время у неё на руках была годовалая Лида. Немец взял Лиду на руки и... любовался. Бабушка онемела от испуга, но виду не подала. У самой тряслись руки и ноги. Когда отдал бабушке ребенка, проговорил что-то на немецком и ушёл. Моя бабушка самая лучшая».

Иван: «Я был самый маленький, но бабушку очень хорошо помню. Она всегда была заботливая, ласковая, нежная, старалась мне чем-то помочь, хотя сама была очень старенькая и нуждалась в помощи. Жаль, её сейчас нет со мной».

Литература и источники

1. София (Гринева) // Древо. Открытая Православная энциклопедия. URL: https://drevo-info.ru/articles/22325.html (дата обращения: 14.05.2020)

2. *Черников В.* Уничтожение исторической среды. Калуга, Боровск, Дугна, далее везде... URL: https://regnum.ru/news/society/2518680.html (дата обращения: 14.05.2020)

ПРОСТЫЕ РАССКАЗЫ ПРАБАБУШКИ

Никулина Екатерина Алексеевна, 29 лет,
ведущий специалист-эксперт Туластат,
Тульская область, г. Щекино

Что наше поколение знает о войне? Сухие факты, колоссальные цифры жертв, кадры кинохроники тех лет. Передачи и фильмы не всегда дают полное представление о том, что же такое война. Простые рассказы моей прабабушки Дмитриевой (Грачевой) Марии Дмитриевны (01.02.1924–24.05.2005) о военном лихолетье оставили в моей душе глубокий след, хоть и слышала я их, будучи маленьким ребёнком.

В 1941 году ей было всего 17 лет, но она уже работала на Тульском патронном заводе. «Зарплату платили сущие копейки, на них и купить-то толком ничего нельзя было. Ещё выдавали карточки на хлеб: 400 граммов мне и 200 граммов хлеба на сестру-инвалида. А хлеб был тяжелый, сырой, не то что сейчас в магазинах, пекли его из грубого, а порой и горелого зерна. Размер буханки был вполовину меньше современной. Да и как иначе? То неурожай был, то сами посевы жгли, чтоб врагу не досталось, а потом это же зерно на хлеб пускали. По-всякому было. Ещё и «жировые» карточки были, но их мы видели совсем уж редко.

До войны жили худо-бедно, но все вместе: отец был нетрудоспособен, ранен в руку ещё во время гражданской войны, мать болела раком (тяжело перенесла смерть сына Васи, который скончался в 1932 году от воспаления кишечника), старшая сестра Лиза, инвалид детства, и я. Война началась, и несчастья пришли одно за другим. Мама умерла в начале 1942 года, в последние дни совсем слегла и только всё Васю звала. Вскорости скончался и отец. И остались мы с Лизой вдвоем.

Всегда тяжело было, но после смерти родителей как-то особенно. В маленькой комнате (всего восемь квадратных метров) стало так пусто... И как мы там впятером ютились.

Помню, с утра, до смены на заводе (а смена по 12, а иногда и по 16 часов), хватаешь санки и в лес бежишь за сушняком или хворостом каким. Пока притащишь, пока дров наколешь, пока сестру Лизу до базара с дровами дотащишь, и уже без рук, без ног, а надо еще на работу бежать. И вот пока я у станка стою, она выменяет хворост на стакан пшена или на картошку (штук пять-шесть), за счет этого и жили.

Люди раньше добрее были и держались друг за друга, не то что сейчас. Как-то Лиза на базаре познакомилась с женщиной из деревни. Что за деревня, сейчас уж и не вспомню. Женщина от войск немецких бежала и оказалась в Туле. Пойти ей было совсем некуда, Лиза её к нам жить и позвала. Мы её к себе прописали, она сразу дворником устроилась. Так мы стали жить втроем: я, Лиза и тётя Дуся (Ерошина Евдокия Ефимовна).

Отправили меня от завода на трудовой фронт. Народу нагнали много, рвы противотанковые рыть, так я чуть там и не осталась. Всё из-за языка своего длинного.

Как сейчас помню. Мы с девками ров копаем, у меня в руках кирка, и тут идут проверяющие. Обычно приезжали мужики простые или из военных кто, а тут среди всех выделяется один в кожаном пальто и сапоги на нём хромовые, аж горят все. Он подходит к нам и говорит: «Что так медленно копаете?» А мы стоим в грязи по колено, у меня на ногах самодельные башмаки, сшитые из рукавов от телогрейки и сверх них ещё калоши резиновые. А калоши-то худые, износились уже, ноги все промокли. Я возьми да брякни: «Мне б такие сапоги, я бы, может, лучше работала». У меня тут же фамилию спросили и записали. После работы пришли в дом, где нас временно поселили. А хозяйка такая вредная была, обувь нам на печи сушить запрещала, заставляла в сенях разуваться, мол «нечего мне тут грязь развозить». Вечером за мной приходят, к начальству вызывают. Девки со мной уж прощаться начали. Я иду, а ноги не идут и мандраж такой, аж колотит всю. Ну, проводить со мной беседу начали: «Да что вы себе такое позволяете...»

Я уж сейчас и не помню точно, что мне говорили, и не знаю, чем бы дело кончилось, если б я правду не сказала: «Да делайте уже, что хотите. Мне что в грязи, что от холода помирать, что меня расстреляют. Да вы гляньте, мы тут все скоро от чесотки помрем».

Мы на трудовом фронте уже долго пробыли, сколько-то месяцев, и многие чесоткой заразились, и я тоже, вся кожа в язвах была, особенно руки. Закатала я рукав, они глянули на меня и в отпуск на десять суток домой отпустили, да ещё и отрез ткани дали. Дома я вылечилась, обувь новую сшила: тетя Дуся как раз рукава от телогреек где-то раздобыла, даже галоши новые купила. Вернулась назад, но пробыла недолго, отозвали обратно на завод.

Ещё запомнились военные зимы, дюже были морозные. Как-то чуть не погибли от холода, топить нечем было. Тонкая деревянная дверь промерзала насквозь. С вечера натопим, чем было, с утра встаем, а кружка с водой, что на столе стоит — примерзла. Спасла тетя Дуся, вовремя подсказала, что на одном из заводов на свалку промасленные тряпицы выкидывают, тем и топились.

Вспоминаю и страшно становится: как выжили, не иначе как Господь уберег. А в войну тяжело было, голодно, холодно, но не страшно. Просто жили. День прошел, и слава Богу».

Только теперь понимаю, насколько важны эти воспоминания для меня, что война — это страшно. Но и забывать те события нельзя. Жалею, что не расспрашивала бабушку, когда она была рядом. Постараюсь рассказать о ней своей дочке.

ПОМНИТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

Завроцкий Ярослав Дмитриевич, 16 лет,
студент 1 курса ГПОУ ТО «Техникум железнодорожного транспорта им. Б.Ф. Сафонова»,
руководитель — Чунихин Александр Юрьевич,
Тульская область, г. Узловая

День Победы — главный праздник для каждого жителя России, отмечающий поистине судьбоносное событие в истории нашей Отчизны. В этот день, 9 мая 1945 года, наши прадеды, деды, отцы не только отстояли право своей Родины на существование, но и обеспечили будущее нам, своим потомкам.

В нашей семье свято чтят память родственников, воевавших на полях сражений и внесших свой вклад в общее великое дело. К сожалению, живыми своих предков-победителей я не застал, и всё, что мне известно об их судьбе, я знаю по рассказам своих бабушки, деда, отца и матери. Однако трепетная память о них, передающаяся из поколения в поколение, позволяет мне в полной мере проникнуться уважением и гордостью к их жертвенному подвигу.

Моя прабабушка, Екатерина Марковна Лопатина, встретила войну 15-летним подростком. Тогда, в середине августа 1941 года, немецкие войска оккупировали Брянщину и заняли небольшую деревушку на границе с Украиной, где прабабушка жила со своей большой семьёй. Немцы вошли в деревню ночью, врывались в каждый дом, будили и выгоняли людей, живущих там.

По воспоминаниям бабушки, всех обитателей деревни, среди которых большинство были женщины, дети и немощные старики, стали сгонять в большой сарай. Возникла паника и суматоха, все почувствовали приближающуюся ужасную развязку. Всякий раз, представляя это, я будто бы слышу крики, плач несчастных людей, будто бы вновь переживаю тот ужас, охвативший их тогда.

Некоторым в этой безумной суматохе удалось скрыться в лесу, избежав расправы. В их числе была и моя прабабушка с двумя младшими братьями и сестрой. Оставшиеся в деревне были заживо сожжены фашистскими нелюдями.

Через какое-то время прабабушка попала под Москву, а затем в 16 лет добровольцем вступила в партизанский отряд и вернулась в родные края.

По воспоминаниям моей бабушки, её мать не любила много рассказывать об этом времени в своей жизни. Но и то немногое, чем она делилась со своими детьми и внуками, позволяет в полной мере ощутить жестокость военного времени и вместе с тем безграничную преданность делу общей победы.

Партизанка Екатерина Лопатина

В семейном архиве сохранились несколько фотографий прабабушки ближайшего послевоенного времени. Глядя на них, я каждый раз поражаюсь, как эта юная, улыбчивая и хрупкая девушка перенесла обрушившееся на её поколение и всю страну горе.

В конце войны, ранней весной 1945 года, прабабушка познакомилась со своим будущим мужем Алексеем Михайловичем Ломтевым. Он так же, как и она, прошёл всю войну, служил артиллеристом, дважды был ранен. Великий день 9 мая 1945 года он отмечал, будучи командиром расчета в звании старшего сержанта.

Алексей Михайлович умер рано, в 1967 году, — сказалась контузия и другие военные раны. Да и в душевном, психологическом плане война его, как и многих, покалечила.

Но в нашей семье и сейчас хранятся бесценные свидетельства его подвига: фронтовые письма, документы, боевые награды.

Брат моего прадеда, Ломтев Дмитрий Михайлович, также вписал своё имя в число тех, кто пожертвовал своей жизнью ради будущего своего народа. Уйдя на фронт с первых дней войны, он служил в 163-м стрелковом полку, попал в плен в конце 1941 года. Долгие годы о его судьбе не было ничего известно, и лишь в 2017 году по запросу в германский архив были получены сведения о его смерти в 1944 году в плену.

Несмотря на то, что со Дня Победы прошло семь с половиной десятков лет и современное поколение знает о Великой Отечественной войне не так много, как их предшественники, всё же сохранить память о тех событиях предельно важно. Особенно сейчас, когда в силу ряда причин величие и значимость подвига наших предков в сознании молодёжи постепенно обесценивается на фоне информации в сетях, стремящейся преуменьшить роль советского народа.

Я уверен, что память о великом подвиге наших отцов, дедов, прадедов — одно из основных условий существования нашего народа и гарантия будущей счастливой жизни. Помнить надо ради жизни следующих поколений. Помнить, чтобы жить.

Я горжусь тем, что являюсь потомком людей, внесших свою лепту в великую Победу.

Это помогает мне ощутить себя частью неразрывной цепочки человеческих поколений, несущих в душе память трагического и вместе с тем героического прошлого.

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ДЕТСТВА

Носова Мария Анатольевна, 27 лет,
педагог-психолог ГПОУ ТО
«Болоховский машиностроительный техникум»,
Тульская область, г. Липки

Н.И. Королева

Много пришлось пережить в годы войны детям. Вот рассказ моей бабушки Надежды Ивановны Королёвой, 1938 г.р., жительницы блокадного Ленинграда.

«Моя мама, Мария Максимовна Голубенкова, 1910 г.р., осталась с двумя детьми, Татьяной (5 лет) и Надеждой (3 лет), в Ленинграде в начале войны 1941–1945 гг. Папу мобилизовали на третий день войны. Мама работала изолировщицей на химическом заводе (не знаю сколько времени). Однажды у нее украли хлебные карточки — вырвали из рук, когда она стояла в очереди за хлебом. Мама получала 250 гр. хлеба, а нам, детям, полагалось по 125 гр. хлеба.

Когда у нее не стало хлебных карточек, мама не смогла идти на работу. На 4-й день пришел человек и предложил ей работу на хлебозаводе, но туда нужно было добираться трамваем, а он ходил очень редко. Ехать нужно было 18 остановок. Но мама все-таки туда добралась. В холле хлебозавода стояли в больших кадках цветы, а на земле в цветах лежали крошки хлеба, и люди, которые сидели и ждали, возьмут их на работу или нет, хватали эти крошки хлеба с земли и ели. Вышел человек и сказал: «Не собирайте эти крошки, мы сейчас вам дадим настоящего хлеба». Маму на работу взяли, но ей почти ежедневно приходилось идти 18 трамвайных остановок. Нам стало жить полегче. Мама приходила с работы очень уставшая, но счастливая, что дошла, что осталась жива (ведь Ленинград постоянно обстреливался), что прошла все милицейские кордоны и ее во время бомбежки и воя сирен не отправили в бомбоубежище, что мы живы. Она кипятила воду, размачивала кусочек хлеба и кормила нас этим супчиком. Она просила нас есть не спеша, потихоньку ковыряя ложкой в тарелке, продлевая время еды.

Когда была открыта «дорога жизни» через Ладогу, нас эвакуировали. Вывозили на военных катерах, но очень многие не добрались до берега, так как немцы сильно бомбили и топили катера с людьми. Но нам повезло.

В Ленинград мы больше никогда не вернулись, хотя там осталось наше жилье. Мы вернулись на родину предков — в Тульскую область, Белевский район, деревню Сторонка. Добирались мы из Ленинграда 30 дней. У меня, трехлетнего ребенка, был сильнейший авитаминоз (я ослепла). Со временем зрение вернулось.

М. М. Голубенкова

Моя мама прожила большую трудную жизнь, но была большой оптимисткой и с крепким здоровьем. Папа, Иван Ильич Голубенков (1911 г.р.), был призван из г. Ленинграда, Приморского р-на в 1941 г., служил на Северо-Западном, Первом Украинском фронте водителем. В 1942 году был тяжело ранен и отправлен на лечение в г. Новосибирск. После излечения снова вернулся на фронт и дошел до Берлина. Демобилизовался в сентябре 1945 года. После окончания войны вернулся на родину своих родителей к жене и детям. Он был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Умер в 1984 году. Папа не рассказывал ничего о войне. Когда его спрашивали дети и внуки, отвечал лишь одно: «Это очень страшно».

Мои родители были простые, но прекрасные люди: добрые, честные, справедливые! Они с честью перенесли все тяготы войны и тяжелой послевоенной жизни!»

На сайте «Память народа» я нашла документы о награждении прадеда орденом Красной Звезды. В наградном листе говорится, что он имел одно ранение, одну контузию; с мая 1944 г. работал шофером 13-го полевого сборно-распределительного пункта, не имея ни одной аварии. «При выполнении заданий командования по демонтажу танков сержант Голубенков, работая на вывозке деталей, выполнял нормы перевозок на 250–300 % ежемесячно. Кроме того, он лично принимал участие в демонтаже танков и отгрузке деталей на ремзаводы для ремонтир. танков, показывая образцы хорошей работы, чем воодушевлял личный состав демонтажных бригад на быстрейшее выполнение заданий командования. Сержант Голубенков И.И. дисциплинированный, прекрасно знающий машину шофер. <...> достоин правительственной награды».

И.И. Голубенков

Прав Ю. Воронов: «Я не напрасно беспокоюсь, / Чтоб не забылась та война, / Ведь эта память — наша совесть, / Она, как сила, нам нужна!»

КАК ДЕД ПОПАЛ В ПЛЕН [1]

Ростовцев Григорий Романович, 30 лет,
сотрудник ООО «Тулачермет-сталь»,
г. Тула

100-летию со дня рождения моего деда
Ивана Митрофановича Мордасова посвящается...

Иван Митрофанович Мордасов

Иван Митрофанович Мордасов родился в Воронежской области, с. Вознесенка Семилукского района, 16 января 1920 г., но приписал себе год, чтобы быть старше, поэтому в документах значится 16 января 1919 г. До армии работал помощником машиниста паровоза. Был призван в РККА из Воронежа 1 декабря 1939 г. Боевой путь его начинался с 256-го артиллерийского полка (орудийный 76-мм пушки — до середины 1940 г.). Когда началась Великая Отечественная война, воевал в 607-м гаубичном артиллерийском полку (ездовой — до декабря 1941 г.), а затем был наводчиком ПТР в 143-й отдельной стрелковой бригаде (до февраля 1942 г.) и в 156-й отдельной стрелковой дивизии (до августа 1942 г.) 51-й армии Северо-Кавказского фронта. Потом будет плен, три побега (последний — удавшийся) и борьба с фашистами в Потворовском партизанском отряде на территории Чехословакии (до 6 мая 1945 г.).

Дед долго об этом вспоминал после войны. По словам мамы, которая родилась в 1957 г., если находился заинтересованный слушатель, дед начинал вспоминать подробности побегов... Рассказ был непростой, длинный, с мельчайшими подробностями... Однажды ее старший брат Владимир, 1951 года рождения, сказал, когда мама была уже студенткой и приехала домой на праздник 9 Мая: «А Люсенька ведь может написать книжку об этом». Спустя много лет мама, действительно, станет писать о войне. Брат же записывал воспоминания деда, но записи эти куда-то подевались. Сейчас все сожалеем, что многое не спросили, не записали, забыли... Но что-то запомнили все-таки.

Как дед попал в плен летом 1942 г.?

Лето 1942 г. для советской армии было очень трудным. Спустя год после начала войны гитлеровская Германия имела значительный перевес сил за счет сателлитов и оккупированных ею стран Европы. После провала «блицкрига» германский стратегический план «Блау» был нацелен на выход к Волге и завладение Кавказом, богатым нефтью и материальными ресурсами. Для этого планировалось сначала уничтожить южную группировку советских войск на Дону, где воевал мой дед. В результате неудачного исхода операций нашей армии в мае-июне 1942 г. в Крыму, поражения под Харьковом обстановка на фронте изменилась в пользу врага. Мы не знаем, в каком полку служил дед, но, в плен он попал, по-видимому, в самом конце июля — начале августа, если сопоставить нижеприведенный отрывок и воспоминания моего деда Ивана Митрофановича Мордасова.

Информация на сайте 156-й сд:

«К исходу 18 июля части немецкой мд «Великая Германия» закончили зачистку сев. берега Дона у Константиновской. Противник заявил о захвате 2000 пленных. На 20 июля 156 сд насчитывала 8706 чел., 892 лошадей, 7346 винтовок, 225 пулеметов, 740 ппш, 222 минометов, 44 полевых и 30 пт орудий, 287 птр, 34 автомашин.

<...> 26 июля части немецкой 16 мд прорвались от Раздорской к р. Маныч у Веселый. 156 сд, уже отрезанная от штаба 51А, была передана в состав 37А.

В результате прорыва танковых частей противника на Пролетарскую и захвата Веселовской плотины к исх. 29 июля отошла от р. Сал у Б. Орловки за Манычский канал южнее Пролетарской. Остатки 37А были зажаты к 31 июля на южном берегу Маныча в районе Головановки прорвавшимися на Сальск частями немецкого III ТК и были вынуждены прорываться из окружения в направлении Целина — Ср. Егорлык.

С 1 августа 42 г. дивизия больше не упоминается в сводках фронта. Остатки 37А отходили вдоль юж. берега Маныча на ю-в на Северный Кавказ» [1].

Из воспоминаний И. М. Мордасова (на основе рассказа его сына Владимира Ивановича).

«Попыткой выйти из окружения было переправиться на другой берег реки Маныч. Сделали плот. Начали грузиться. Всех плот уместить не мог. Вдруг оказалось, что один солдат не умел плавать. Он очень нервничал, чуть ли не плакал. Никто не хотел попадать в плен противнику. Тогда дедушка принял решение, чтобы помочь товарищу, уступил ему своё место на плоту, а сам полез в воду, чтобы, держась за плот, переплыть реку таким способом. Он умел хорошо плавать, т.к. вырос в деревне на реке Ворона в Воронежской области.

Плыли долго, т.к. Маныч в этом месте был широк. Дедушка всё время находился в воде. Как выгрузились, помнит плохо, так как продрог

---

[1] Продолжение. См.: *Ростовцев Г.Р.* Документы из семейного архива // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2010. С. 276–280.

в воде и устал. Пытались идти, прячась в кукурузном поле… В итоге дед выбился из сил, жар во всем теле, голова как огненный шар. Напарник пошел в деревню попросить молока, а дедушка то ли заснул, то ли потерял сознание. Сколько пролежал, он не знал. Открыв глаза, увидел возле себя товарища и… немца, который пинком будил его.

Так начался плен. Командир, чтобы не попасть в плен, застрелился…

В плен попала и вся санитарная часть со всеми лекарствами. Пленные медики через некоторое время поставили дедушку на ноги».

Интересно, что в январе 2013 г. мы были с семьей в г. Лисичанске, в Донбассе, в тех местах, где дед после плена работал на шахте во время проверки и встретил мою бабушку. Двоюродный брат мамы Виктор Николаевич Погорелов тогда рассказал эту историю точно так же, добавив, что вода в Маныче, по словам Ивана Митрофановича (которые он запомнил на всю жизнь), была красной от крови, т.к. немцы расстреливали пытающихся перебраться на другой берег.

И еще я нашел интересную информацию, объясняющую отчасти, почему командиры предпочитали застрелиться, но не сдаться врагу:

«28 июля. Народный комиссар обороны И. В. Сталин издал приказ № 227, в котором с суровой откровенностью охарактеризовал опасность на южном фасе советско-германского фронта.

Приказ осуждал «отступательные» настроения, указывал способы борьбы со всяким проявлением трусости, малодушия и намечал практические меры по укреплению строгой воинской дисциплины и боевого порядка в войсках» [2].

Большой удачей для нас было найти в интернете на сайте «Дон 1942» книгу «Оборона советских войск в нижнем течении Дона летом 1942». В главе 4 есть раздел «В полосе Южного фронта. Между Салом и Манычем», где описываются интересующие нас события.

«29 июля противник мотопехотой и танками, перерезав дорогу в районе Буденовская, поставил в тяжелое положение 156 сд, дравшуюся в районе Б. Орловка, Комаров, курган Степной. Дивизия, ощущая недостаток боеприпасов, отошла и заняла оборону по южному берегу Манычского канала, южнее Пролетарская, перейдя в подчинение командарма 51А (ЦАМО, ф.224, оп.760, д.45, л.281). 156 сд с боями пыталась прорваться на юго-восток, но истощение боеприпасов вело её к гибели. Пути отхода были отрезаны. Противник, заняв Буденовская к исходу 29.07.42, прочно закрыл выход частям 156 сд, которая в дальнейшем перестала существовать.

30 июля, ставший теперь тыловым для 1ТА район между реками Сал и Маныч, зачищают от небольших групп и одиночных бойцов Красной Армии, пытающихся вырваться из окружения, 97 и 101 лпд и дивизия «Великая Германия». Последняя по указанию 1ТА должна очистить

район между реками Маныч и Сал до 4ТА, не нарушая разграничительную линию.

31 июля пехотная дивизия «Великая Германия» продолжала бои по очищению между Сал и севернее Маныч до района севернее Пролетарская»[3].

Спасибо администратору сайта С. А. Заярному. Если б дед в свое время знал всю эту информацию, он бы так не расстраивался. Например, он очень разволновался, когда сын Владимир, мечтавший о высшем военном училище после школы, принес анкету, где были вопросы о родственниках, находившихся в годы войны на оккупированных территориях, в плену. Заполняя анкету, он полночи курил и приговаривал: «Пусть меня вызовут. Я все расскажу…» Подводником его сын так и не стал…

А после войны дедушка женился. С бабушкой Любовью Григорьевной и прабабушкой Анной Федоровной Задоя переехали в Московскую область (ныне — Тульскую область, г. Донской). Кстати, мой прадед Григорий Кузьмич Задоя пропал без вести в Севастополе этим же злополучным летом, 03.07.1942 г.

Всю жизнь дед читал «Красную Звезду» после работы. Был очень обстоятельным, хозяйственным, справедливым, целеустремленным. Мы думаем, что целеустремленность моей мамы — от деда и тех его рассказов о трех побегах из плена, которые она слышала с детства и которые я описал в первой книге поколений «Мы помним…».

Литература и источники

1. 156-я стрелковая дивизия — соединение РККА в Великой Отечественной войне. URL: https://www.rkkawwii.ru/division/156sdf1 (дата обращения: 22.07.2020).

2. *Саркисьян С.М.* 51-я армия: Боевой путь. URL: http://www.army51.narod.ru/zacrim20.html (дата обращения: 22.07.2020).

3. Оборона советских войск в нижнем течении Дона летом 1942 года (От «Блау» до «Эдельвейса»). URL: http://don1942.ru/oborona-sovetskikh-vojsk-v-nizhnem-techenii-dona-letom-1942-goda/item/v-polose-yuzhnogo-fronta-mezhdu-salom-i-manychem (дата обращения: 22.07.2020).

ПОСЛЕВОЕННАЯ СВАДЬБА

Сазоненко Андрей Викторович, 49 лет,
главный инженер отдела главного энергетика войсковой части 21225,
краевед, поисковик с 29 лет.
Работал научным сотрудником Почепского краеведческого музея,
директором музея А.К. Толстого в селе Красный Рог,
что в 45 км от Брянска,
автор научных статей, очерков, новелл, рассказов.
Сейчас занимается сбором устных историй
о Великой Отечественной войне, одна из которых, передающая
не только исторические факты, но и говор земляков,
предлагается ниже,
Брянская область, г. Почеп

Что же это был за поход?
Что же это был за народ?
Или «добро» и «зло» в этот год
Понимались наоборот?

Л. Филатов

Брянский лес... Что видели эти дубы и сосны за тысячи лет? Кто искал спасения в чащобах и непроходимых болотах? Если бы деревья могли говорить, сколько бы поведали. Скрывались здесь и лихие люди, и праведные. Иногда праведность равна лихости, а бывает и наоборот. Кто судит?

В последнюю войну принимал лес не малые ватаги, а целые армии. Партизаны — слово радостное и страшное. Радостное — для тех, кого выводили из горящих деревень и освобождали перед виселицей, страшное — тем, кто пришёл на эту землю убивать, и для тех, кто продал её.

Всё видел Брянский лес: и свет и тень...

Послевоенная свадьба. Караван из повозок растянулся по дороге. Надрывается гармонь, визг, шум, песни. На краю деревни сваты спрыгнули с повозки, начиная привычный торг. Жених в клетчатом костюме, в блестящих от дёгтя сапогах гоголем прохаживается около сватов. На лацкане пиджака было привинчено несколько орденов, медали. Отцы о чём-то бурно разговаривали у плетня, кивая красными лицами. А старый дед невесты всё с прищуром разглядывал жениха. Тот, наконец, не выдержал:

— Что, дед, не глянулся я табе? Што ты лядиш на мяне як Ленин на буржуя?

— А ить я знаю, ты хто. — Дед, шаркая валенками, подошёл к парню вплотную.

— С откуда, я ж с саседняго райвона?

— Ета ж ты, паразит, вясной у сорок третьем годе у мяне штаны забрав. — Дед оттопырил бороду. — И полушубок почти ненадёванный.

Парень слегка изменился в лице, покраснел.

— Ты што, старый, сдурев? Якие штаны?

— Не, ты скажи, перед Благовещеньем ваш отряд тут харчевался? Скажи!

— Я счас и не вспомню, тада столько всяго было.

— Не, ты вспомни. Ты ж грязный прийшов, нябритый и с тобой ище трое.

— А, успомнив, это мы тогда почти месяц просядели в болоте, када каратели лес блокировали. Точно! И вспомнив жа, куркуль старый!

— И ня стыдно было старого человека обижать? Паразит!

— Дед, я ж говорю, мы тада месяц у болоте просядели, даже костров не палили. На нас, на живых, кухвайки погнили.

— Я ж ничого, для вас я последнее исподнее отдав бы, но ты хоть бы спросив. А то поснимав, поснимав — и с хаты. Но я тябе, рыжего, всюдно запомнив.

Гости с интересом наблюдали за перепалкой, но тут из хаты вышла невеста, плотная молодица с розовыми щёчками, в ситцевом платье:

— Што ты, старый, тут толоку развёв? У мяне сенння свадьба, а ты тут про свои трухали поминаешь.

Дед вспыхнул как факел.

— Цыть! Ты ще будешь мяне глумить, хвост собачий!

Родственники загалдели, растащили спорщиков и дружно направились к столу. Ближе к вечеру, когда крики «Горько!» стали уже мало разборчивыми, жених подсел к деду:

— Прости мяне, дедушка, сам понимаешь, время было такое. Я потом твои штаны поминал, када на Висле топились. И када в Кёнигсберге через каналы лазили. Сильно вспоминал. Простишь?

— Пустое, внучек. Я ж это так, для смеху. А ты молодец! Вон, ардянов-то скока! Герой!

— Ну, за ето давай и выпьем.

Парень разлил по стаканам водку, чинно чокнулись с дедом, выпили. Дед беззубым ртом стал сосать мочёный огурец.

— Живите, дети. И не дай вам Бог ище такое пережить! Иди к Гальке, а то вон кривится уже. Иди.

А дальше была жизнь!

СУДЬБЫ ОБЫЧНЫХ ЛЮДЕЙ

Тюлина Арина Юрьевна, 16 лет,
студентка 1 курса отделения СПО,
специальность Технология продукции общественного питания
ФГБОУ ВО КФ «РЭУ им. Г.В. Плеханова»,
научный руководитель — Иванова Людмила Георгиевна,
г. Краснодар

Иван Александрович Тюлин

Сейчас много рассуждают о том, почему наша страна смогла победить в Великой Отечественной войне. Одни говорят о выносливости и неприхотливости наших солдат, другие — о патриотизме и мужестве народа, третьи называют войну священной, когда все люди сплотились ради защиты своей Родины, своей земли, на которой они родились и выросли. Правы все! Тяжёлое испытание объединило весь народ, поэтому он смог одержать победу над сильнейшим врагом.

Мне хотелось бы на примере двух разных жизненных историй моей семьи рассказать о силе духа и единении в те грозные времена.

Мои родители выросли в разных городах и даже в разных республиках Советского Союза. Встретились они в городе Алма-Ате и там же поженились. Я из семьи потомственных военнослужащих по папиной линии. Но мой рассказ не о моих родителях, это отдельная история — в их военной жизни тоже было много интересных и захватывающих эпизодов. Речь пойдет о моих прадедушках, воевавших в 1941–1945 годах.

Прадед по линии отца прибыл на Кубань в тридцатых годах прошлого столетия по направлению партии после демобилизации — он был кадровым военным, лейтенантом Красной Армии. Проводил коллективизацию, был организатором первых колхозов. Искренне верил в дело партии и помогал станичникам обустраивать и налаживать мирную жизнь. Весть о нападении фашистской Германии застала его в станице, откуда он и ушел на фронт. Дома остались жена и трое маленьких детей. Он бесстрашно сражался на фронтах войны. Во время освобождения Кубани от немецких захватчиков находился в тридцати километрах от родной станицы, но так и не смог повидать свою семью.

Погиб при освобождении Варшавы в 1944 году, где и был похоронен.

В семье бережно хранятся письма с фронта, полные нежности и любви, переживаний и беспокойства за семью. Награды, полученные прадедушкой в боях, и похоронка также хранятся в нашей семье и бережно передаются от отца к сыну. В станице, откуда мой прадед ушел на фронт, благодарные земляки воздвигли обелиск, на котором золотыми буквами высечены фамилии и звания станичников, не пришедших с войны. Здесь есть упоминание и о моём прадедушке. Каждый год 9 мая мы приезжаем к обелиску почтить память всех героев, павших в боях, возложить цветы к Вечному огню.

Дедушка моей мамы был из семьи зажиточных крестьян, имел большую семью, землю, мельницу и проживал на границе нынешней Украины и Польши. В лихие двадцатые годы был раскулачен и выселен вместе с семьей на Дальний Восток. Во время пути двое детей прадеда умерли от голода и лишений. Война застала его там, на Дальнем Востоке. Не раздумывая, отбросив все обиды на власть, прадедушка с братьями ушел на фронт, оставив жену и четверых детей в практически не обустроенном месте.

Прошел всю войну, был дважды ранен, после второго серьёзного ранения демобилизован. Позднее с семьей он переехал в Алма-Ату, воспитал прекрасных трех сыновей и дочь. Дал им хорошее образование и сумел объяснить своим детям и внукам, что при любых обстоятельствах нужно оставаться человеком, верить в лучшее и быть сильнее обстоятельств, которые жизнь может преподнести. Двое детей прадедушки стали почетными гражданами республики Казахстан.

Вот так по-разному сложились судьбы моих прадедушек. Жизнь приготовила каждому из них и свои испытания, и свои радости, и надежды.

Но насколько же сильна в русском человеке (не по национальному признаку, а по духу) сила любви к своей Родине, к своей земле! Сильна настолько, что перед лицом агрессора люди разных национальностей и вероисповеданий, забыв все обиды и невзгоды, объединяются и доказывают непрошеным гостям, что «...чужой земли не надо нам ни пяди, но и своей врагу не отдадим».

И уж сколько веков западные дяди пытаются навязать нам свой миропорядок, но так до сих пор не поняли простой истины — мы другие и живем на своей земле уже не одно столетие, живем так, как считаем нужным, не лезем со своим уставом в чужой монастырь и не приемлем нравоучений от неискренних и нечестных партнеров.

Я восхищаюсь и горжусь своими прадедушками! Они были такие разные и, возможно, у них были очень разные взгляды на жизнь, но я точно знаю, что вера в лучшие качества человека, любовь к своим близким, к своей Родине помогла им вынести тяжелые испытания, которые преподносила судьба, испытывая на прочность.

Глава 10. СТУДЕНТЫ ВУЗОВ О ПОДВИГАХ РОДНЫХ И БЛИЗКИХ

О ТЕХ, КОГО С НАМИ НЕТ

Дубова Маргарита Андреевна, 18 лет,
студентка 1 курса факультета экономики и менеджмента
Саратовского социально-экономического института
РЭУ имени Г.В. Плеханова,
г. Саратов

Как-то тёплым весенним вечером накануне великого праздника, когда я была совсем маленькой, бабушка рассказала мне про своего отца — героя войны. Она говорила, что он был очень храбрым и мужественным. На войне он оказался за два года до ее окончания и принимал участие в сражениях за освобождение Родины на 2-м Украинском фронте. Мой прадед был командиром танка и получил награды за доблестную службу, когда война закончилась. Я очень горжусь им и тем, что в моей семье был настоящий герой и защитник Родины.

Моя прабабушка тоже участвовала в войне и работала в тылу. К моменту начала войны ей было 13 лет и, несмотря на совсем юный возраст, она внесла свой вклад в победу. Она получила звание Ветерана труда и медаль материнства.

Нашей семье повезло: родные остались живы, после войны вернулись домой, но ведь многие навечно остались в сырой земле под Сталинградом, Смоленском, на холодном дне Днепра, на чужой земле в братских могилах... Сколько же их, неизвестных героев? Наверное, этого мы не узнаем никогда.

Когда я была маленькой и слушала рассказы бабушки, я была очень впечатлена этими историями про героев, они ведь такие смелые и отважные. Сейчас я думаю не об отваге тех солдат, а о том, как тяжело было каждому из них и как страдали их семьи. Я думаю о том, как матерям и женам было страшно получать извещение с войны в треугольном конверте, ту самую «похоронку», как страшно было читать письма. Каждая ждала увидеть родной и знакомый почерк, но, вместе с тем, каждая вторая видела сухие строки командира. Судьбы многих по-прежнему неизвестны. «Похоронки» ведь нередко отправляли ошибочно и многие не решались искать своих близких после войны, а те, кто принимали хоть какие-то меры, получали одинаковый ответ: «Никаких данных нет».

Таких историй тысячи и миллионы, но одна из тех, что я прочитала, не уйдёт из памяти, наверное, никогда. Неприкаянным и не найденным до недавнего времени считался Александр Овчинников. Галина Александровна, дочь солдата, ничего не знала о судьбе отца. «Сначала никто не решался наводить справки о погибших и пропавших, только потом, при Хрущеве, начали узнавать, но и тогда ответа никто не получил». Желание дочери упокоить своего отца оказалось сильнее. Галина Александровна нашла его могилу и документы. «Папа был в плену, попал в концлагерь «Шталаг-304» вблизи Германии. Осталась его карта с указанной в ней группой крови. У узника концлагеря была редкая IV группа крови, поэтому перед тем, как сжечь узника, кровь его выкачали нацисты». Эту историю освещали в «Новой газете» в память о тех, кого с нами больше нет. Для России до сих пор остаются неизвестными пять миллионов пропавших без вести. Эта цифра пугает и огорчает, ведь листая этот бесконечный список, хочется лишь одного — чтобы этого никогда больше не повторялось, чтобы люди не знали отныне этого горя [1].

Подвиги многих наших солдат остались обезличены, но есть и те, чьи имена запомнились. В этом заслуга многих советских авторов, в том числе и Бориса Львовича Васильева. «А зори здесь тихие...» — произведение, цепляющее до глубины души. Читать книгу, так же как и смотреть экранизацию, невозможно без слез. Многим запомнились и Лиза Бричкина, и Женя Комелькова, и Галя Четвертак, но сейчас хочется обратить внимание на еще одну героиню произведения — Риту Осянину. Она погибает последней — жертвует собой, чтобы спасти жизнь командира. Ее подвиг не остался забытым: после войны командир Васков и сын Риты поставили памятник.

Рассказывая о героях войны, невозможно не осветить подвиг Александра Матросова. Его поступок, который заслуженно считается героическим, стал символом несгибаемой Красной Армии и силы духа советского народа. Александр был добровольцем, он довольно долго просился на фронт. В ноябре 1942 он попал в 2-й батальон, который сразу же получил приказ атаковать немцев в районе деревни Плетень в Псковской области. Подойдя к деревне, красноармейцы попали под шквальный огонь немецкой армии. Отряду удалось уничтожить два дзота из трех. В оставшемся огонь не прекращался ни на секунду. Тогда Александр решил в одиночку подобраться к установке. Оказавшись на расстоянии броска гранаты, стрелок-автоматчик Матросов бросил две гранаты в бетонное укрепление. Огонь удалось унять лишь на несколько секунд. Лишь только бойцы двинулись в атаку, как противники открыли огонь на поражение. Тогда Александр одним рывком добрался до орудия и закрыл амбразуру своим телом, дав шанс перегруппироваться остальному батальону. Подвиг Александра Матросова стал примером для всех солдат и показал, что ради других, ради общей цели люди могут быть

способны на самые непостижимые вещи. Его самопожертвование родине и боевым товарищам стало нарицательным. Матросов посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза [3].

Рассуждая о самопожертвовании, нельзя не вспомнить подвиг Риммы Шершневой. Это единственная женщина, которая повторила подвиг Матросова. В 16 лет, сразу после окончания школы, она была зачислена на курсы радистов, после научилась прыгать с парашютом, а затем постигла тонкости подрывного дела. Сразу после окончания обучения она попала в партизанский отряд имени Гастелло. В конце ноября 1942 года отряд партизан освобождал деревеньку Ломовичи недалеко от Минска. Защищая город, проходя улицу за улицей, партизаны наткнулись на неприступный каменный дзот. С первой попытки подорвать орудие не удалось — от отскочившей пули погиб красноармеец. Не медля ни секунды, Римма Шершнева бросилась к убитому красноармейцу, выхватила у него из руки гранату. Она пробежала несколько метров и упала, а через мгновение она уже ползла к дзоту. Затем она снова вскочила и бросилась на амбразуру. Забросив в укрепление гранату, девушка повисла на вражеском пулемете. Фашистский пулемет умолк. Партизаны и красноармейцы могли двигаться дальше. После совершенного подвига Римма еще десять дней боролась за жизнь, но слишком большая потеря крови не позволила ей выжить. Героиня Римма Шершнева была посмертно удостоена ордена Красного Знамени.

Эти герои заслуживают того, чтобы их помнили, чтобы знали подвиги, которые они совершили.

Наша страна понесла рекордное количество потерь в этой войне — 27 миллионов человек, что в десять раз превышает потери вермахта. Эти цифры чудовищны. Поэтому нашему поколению нужно особенно трепетно относиться к нашим дедушкам, бабушкам, прадедушкам и прабабушкам. Мы застали свидетелей войны живыми. Нам посчастливилось услышать их истории и прочувствовать.

Литература и источники

1. *Бессарабова А.* «Ни живые, ни мертвые» // «Новая газета», 2019. URL: https://www.novayagazeta.ru/ (дата обращения: 17.11.2019).

2. *Васильев Б. Л.* А зори здесь тихие. — Москва: Азбука, 2015.

3. Герой Советского Союза гвардии рядовой Александр Матросов // Псковиана: электронная библиотека, 2019. URL: http://pskoviana.ru/ (дата обращения: 18.11.2019).

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ В ОДНОЙ СЕМЬЕ

Власова Алиса Владимировна, 19 лет,
студентка 1 курса направления «Торговое дело»
Пермского института (филиала) РЭУ им. Г.В. Плеханова,
научный руководитель — Рязанов Иван Владимирович,
к.филос.н., доцент,
г. Пермь

Петр Федотович Наговицын

Кировская область, Богородский район, д. Пелевки. До райцентра 1,5 км, до железнодорожной станции Зуевка — 87 км, до областного города Киров — 120 км.

Здесь жила многодетная семья моих прапрадедушки Федота Моисеевича Наговицына и прапрабабушки Анастасии Фадеевны Наговицыной. Довоенная жизнь семьи не отличалась ничем от жизни других семей со своими радостями, надеждами, заботами. Жили дружно, работали в колхозе, держали домашний скот. Зимой катали валенки, обеспечивали теплой мягкой обувью всех родных. Отец обучил этому ремеслу своих сыновей.

Подрастали дети. Женился старший сын Петр, помогли построить дом. Родились у него три дочери и сын.

Коллективизация ослабила деревню. Многие уехали в город. В 1936 году уехал в Комсомольск-на-Амуре второй сын Павел. Вернулся в родительский дом в 1940 г., а весной 1941 года женился.

Третий сын, Алексей, в 1939 году был призван на срочную службу. Уезжая, он оставил беременную жену. Дочь Екатерина после окончания Богородской семилетней школы работала в райуполминзаге[1] статистиком. Младший сын Яков учился в школе.

22 июня 1941 году в дверь каждого деревенского дома ворвалась война. Она принесла горе, разлуку и потери в нашу семью.

Богородским районным военным комиссариатом были призваны в Красную Армию сыновья. В июле 1941 года ушел на фронт 27-летний Павел. Судьба его до сих пор неизвестна. На запрос, сделанный в 1978 году, из Центрального архива Министерства Обороны СССР пришел ответ, что «рядовой Наговицын Павел Федотович, 1914 г.р., пропал без вести в сентябре 1941 года. В какой войсковой части проходил службу и при каких обстоятельствах пропал без вести сведений не имеется». Больше вестей о нем не было.

---

[1] Райуполминзаг — районное Управление уполномоченного Министерства заготовок СССР. — *Прим. ред.*

Старшего 34-летнего сына Петра призвали также в 1941 году. От него было всего лишь одно-единственное письмо, в котором он сообщал, что ранен и лечится в госпитале, а после лечения отправится на фронт. А вскоре пришла на него похоронка, извещающая, что красноармеец Наговицын Петр Федотович умер от ран 31 июля 1943 года. В начале XXI века стало известно, что он захоронен в братской могиле в Ленинградской области, Всеволжский район, поселок имени Морозова, за воинской частью № 3634. На могиле своего отца побывала младшая его дочь Лидия Петровна, проживающая сейчас в Эстонии. А его внучка, дочь Лидии, проносит портрет своего деда в Бессмертном полку в Санкт-Петербурге.

В 1942 году был призван в трудовую армию их отец 1888 года рождения. Он работал на заводе № 41 Кировского района Кировской области. В 1943 году семья получила известие о том, что Наговицын Федот Моисеевич умер 14 сентября 1943 года в возрасте 55 лет от нарушения сердечно-сосудистой деятельности. Семья приняла решение похоронить его на родине. Жена с дочерью везли гроб с телом из Кирова около трех суток. Ночевать приходилось в санях, так как в близлежащих деревнях с покойником на ночлег никто не пускал.

Дочь Екатерина в военное время проходила обучение снайперскому делу при военкомате. Но на фронт не попала, не прошла медицинскую комиссию. Живя в родной деревне, много работала, помогала колхозу в сборе урожая. Семье жилось трудно, голодно. Не хватало хлеба, несмотря на то, что собирали неплохой урожай зерновых. Однако все отправляли бойцам на фронт, а сами ели лепешки, наполовину смешанные с крапивой и лебедой. Е. Ф. Наговицына награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Сын Алексей, призванный на военную службу в 1939 году, вернулся домой через 7 лет, в 1947 году. Служил он на Дальнем Востоке, на Камчатке, вдали от родного дома. Встретил его сын, родившийся без него, ученик 1-го класса. А жены дома не было. Ее арестовали — она работала счетоводом в колхозе и при проверке не досчитались мешка зерна. Никакие доводы не могли доказать ее невиновность. Отсидела два года. Выпустили ее на свободу, потому что заболела открытой формой туберкулеза. В 1952 году она умерла. Это была последняя смерть в семье — отголосок жестокой войны.

Мирная жизнь вновь налаживалась. Но память о тех страшных испытаниях жила и живет незаживаемой раной в сердцах родных. Прапрабабушка прожила долгую жизнь, умерла она в 1972 году в возрасте 87 лет в родной деревне. Плакала редко, но до последних дней жизни вспоминала своих сыновей, горевала об их тяжелой судьбе.

Ее дом был местом притяжения всех родных. Каждое лето приезжали дети, внуки, правнуки из разных мест страны. Они сохранили тепло родительского дома, благодарность своим предкам.

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО МОЕЙ ПРАБАБУШКИ

Габдульбаров Денис Ильфатович, 18 лет,
студент 1 курса учетно-финансового факультета
Пермского института (филиала) РЭУ им. Г. В. Плеханова,
научный руководитель — Рязанов Иван Владимирович,
к.филос.н., доцент,
г. Пермь

Мою прабабушку зовут Тахия Сабирзяновна Имамова. Она родилась 16 марта 1930 года в д. Атнягузи Щучье-Озёрского района Молотовской области. Её мама работала в колхозе, а она училась в школе. Жизнь в деревне налаживалась, но все закончилось 22 июня 1941 года. Тахия со своей мамой были на сенокосе, когда им сообщили, что началась война. Узнав страшную новость, все поспешили в деревню. Приехал представитель из военкомата, он выступил с речью и в первый же день войны из деревни призвали 21 мужчину. На фронт ушли 280 человек, из них не вернулся 91 [1].

На фронт забирали всё: и лошадей, и технику. Вся тяжесть легла на женские плечи и подростков. Военные годы были очень трудными. Суп варили из разных съедобных трав. Собирали черные семена лебеды, из них делали муку и пекли блины. Ели хлеб, испеченный «из дикухи»; он был зелёным и невкусным. Помощи ожидать было неоткуда. Нужно было надеяться только на себя. Выкручивались, как могли, хотя были моменты отчаяния.

Несмотря на детский возраст, прабабушка наравне со взрослыми трудилась на полях колхоза, ведь все матери работали из последних сил: таскали семена на спинах, переправляли через реку. Чтобы сохранить семена сухими, женщины сами находились по пояс в весенней воде. В результате прабабушка заболела.

Обуви не было, ходили босиком, а ноги грели в коровьих «лепёшках». Косили сено в основном только для колхоза. А весной, как только растает снег, подбирали мёрзлую картошку и прошлогодние колоски с поля (но за это их очень сильно ругал бригадир, потому что в сознании крепко засел «закон о трех колосках»).

Тахия

Получить образование не удалось, Тахия окончила всего 4 класса. Но зато всегда работала. Работа была очень тяжёлой. Сеяли днём и ночью, на быках боронили поле, косили, убирали пшеницу, и всё это вручную. Заготавливали лес, пилили, опять же вручную, обычной пилой. Могли работать по нескольку недель, прихватив из дома еды. Варили суп из одной картошки и капусты, делали затируху из муки и воды [2].

Представьте себе, что с малых лет девочка (в возрасте 11–12 лет) пасла овец каждый день, участвовала в полевых работах, в заготовке сена для общественного скота, в обмолоте зерна — комбайнов не было, молотили зерно в поле. В колхозе тогда держали свиней, Тахия работала и на свиноферме. Зимой поросятам варили в больших котлах кашу с отходами и картошкой, а вечерами вязали носки, рукавицы, чтобы отправить посылки на фронт.

Из одежды толком ничего не было. Носили домотканую одежду, на все времена года была лишь одна обувь — это лапти. С 17–18 лет молодых девушек отправляли валить лес, в то время это называли «Сплав дерева», т.к. срубленные деревья сплавляли по рекам.

9 мая 1945 года все были на работе в колхозе. Когда объявили о Победе, все плакали: и от счастья, и от пережитого горя... Пророческими оказались слова, сказанные в начале войны: «Победа будет за нами».

С окончанием войны работы не убавилось. С 1950 года начали постройку плотины на реке Ирень, и здесь довелось потрудиться. Всю свою оставшуюся жизнь прабабушка работала в родном колхозе на ферме и на разных работах. Прабабушка вышла замуж и родила 6 детей, но из-за трудного времени 3 детей умерли в младенческом возрасте — тогда необходимых лекарств и квалифицированной медицинской помощи ещё не было. Остальные выжившие дети тоже продолжили работать в колхозе.

Прабабушка из-за полученных болезней во время войны с 70 лет начала ходить только с костылями. Умерла в возрасте 82 лет.

Т.С. Имамова награждена медалями «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», «Ветеран труда» и многими юбилейными медалями.

Когда прабабушка рассказывала, как им жилось, я смотрел на её натруженные, огрубевшие руки, на её лицо с морщинами и видел ту голодную, испуганную девочку, которая трудилась с малых лет. Без таких женщин-тружениц, как моя прабабушка, не было бы Победы!

Прабабушка и прадед со своими детьми

Литература и источники

1. *Останин В.А.* Октябрьский. Пермь: Пермское книжное издательство, 2001.

2. Октябрьский районный музей. URL: https://muzeum-okt.perm.muzkult.ru/about.

МАЛЕНЬКИЕ, НО ТАКИЕ СИЛЬНЫЕ...

Ковешникова Дарья Артёмовна, 17 лет,
студентка 1 курса факультета менеджмента Севастопольского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова, научный руководитель — Зенцова Ольга Сергеевна, г. Севастополь

Великая Отечественная война закончилась уже давно. Наше поколение, к счастью, не застало её. Но каждый знает, что это было страшное, жестокое, бесчеловечное испытание, оставившее тяжелый «груз» в сознании каждого пережившего её, особенно у детей. Война лишила их детства, но закалила характер.

Послевоенные годы тоже были сложными. Но несмотря на различные судьбы всех ребят объединяло одно — желание жить, работать и учиться. Они видели счастье в мирной жизни, дружбе и любви, рано задумывались о том, что им делать дальше, как выжить и как помочь родным. Из рассказов и воспоминаний тех, кто пережил эти тяжелые годы, мы можем представить, как это было. Известный русский писатель В.Г. Распутин в автобиографическом рассказе «Уроки французского» пишет о нелегких юношеских годах в послевоенные годы: как в 1948 г. 11-летнему мальчику пришлось после окончания начальной школы в деревне уехать из дома за 50 км в райцентр, чтобы продолжить образование, как голодающему ученику пыталась бескорыстно помочь учительница. Приведу лишь три цитаты, цепляющие за душу.

«Голод в тот год еще не отпустил, а нас у матери было трое, я самый старший. Весной, когда пришлось особенно туго, я глотал сам и заставлял глотать сестренку глазки проросшей картошки и зерна овса и ржи, чтобы развести посадки в животе, — тогда не придется все время думать о еде»;

«Мне все время хотелось есть, даже во сне я чувствовал, как по моему желудку прокатываются судорожные волны»;

«...тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых из отцовских галифе и заправленных в чирки марких светло-зеленых штанах со следами вчерашней драки...

Григорий Илларионович Стороженко и Любовь Илларионовна Дмитрашина (Стороженко), 1941 год

Из всего класса в чирках ходил только я. Лишь на следующую осень, когда я наотрез отказался ехать в них в школу, мать продала швейную машину, единственную нашу ценность, и купила мне кирзовые сапоги» [1].

О нелегкой жизни в это время я многое узнала из рассказов своей бабушки Дмитрашиной (в девичестве Стороженко) Любови Илларионовны.

Она родилась 28 октября 1928 года в селе Назаровка Омской области. В её семье было 6 детей. Мама и самая младшая сестра умерли, когда моей бабушке было всего 4 года. Дети остались с отцом Стороженко Илларионом Николаевичем. Спустя некоторое время у детей появилась мачеха, которая совсем не любила ребят и даже издевалась над ними.

С самого начала войны в 1941 году отца и старших братьев, Григория, Ивана и Николая, забрали на фронт. Отец и брат Григорий (кавалерист в звании сержанта) погибли, а другие братья были тяжело ранены.

Бабушка и её старшая сестра, Екатерина, доставляли продукты и боеприпасы на передовую. Впереди шёл сапёр, так как поля и дороги были заминированы, а дальше они, дети, с тяжелыми рюкзаками.

Со слов Любови Илларионовны, не менее трудными были и послевоенные годы. Она не смогла получить образование, потому что вынуждена была работать, чтобы выжить в нелегкий период голода и засухи, во время которых потеряла двух раненых на войне братьев. Позже бабушка с сестрой Екатериной благодаря упорному труду и взаимной поддержке смогли переехать в Запорожье.

Мне сложно представить, как бабушка, будучи ребёнком, смогла пережить войну, «встать на ноги» после неё и вырастить уже целых три поколения! И при этом моя бабушка — самый заботливый, искренний и веселый человек.

Уже 91 год она трудится ради нашего блага и блага всей страны.

Для меня всегда было загадкой, как человек, который в детстве видел и испытывал на себе столько зла и жестокости, может быть таким благородным, добрым и поистине счастливым несмотря ни на что! Я горжусь своей бабушкой, она мой главный пример для подражания!

После войны дети и подростки наравне со взрослыми поднимали из руин свою Родину. День и ночь они трудились, чтобы выжить, помочь нуждающимся и дать жизнь будущим поколениям. Несмотря на все ужасы, которые довелось увидеть и испытать неокрепшей детской психике, они остались настоящими людьми.

Наш долг — уважать и беречь этих людей, ведь их осталось совсем немного, но каждый из них — яркий пример для будущих поколений!

Литература и источники

1. *Распутин В.Г.* Уроки французского. URL: http://www.serann.ru/text/uroki-frantsuzskogo-9306 (дата обращения: 30.10.2020).

ТИХИЙ ПОДВИГ

Лапина Светлана Николаевна, 18 лет,
студентка 1 курса учетно-финансового факультета
Пермского института (филиала) РЭУ им. Г.В. Плеханова,
научный руководитель — Рязанов Иван Владимирович,
к.филос.н., доцент,
г. Пермь

Блокада Ленинграда — одна из самых трагичных страниц в истории нашей страны. На долю жителей города выпали очень сложные испытания. Но они прошли их с честью, проявив невероятную стойкость и мужество. Среди тех, кто перенес эти невзгоды, была и моя прабабушка — Леонида Ильинична Канева.

Леонида Ильинична Канева

Лёля Канева родилась в деревне Егор-Вань Ненецкого округа Большеземельского района. Училась в 15 километрах от родной деревни. Летом 1939 года, по окончании семи классов, она и ещё трое таких же способных учениц были направлены в Ленинград для поступления в Институт народов Севера (ныне входит в состав Российского государственного педагогического института им. А. И. Герцена). Город на Неве потряс девушку из маленькой деревни своей красотой. Все было интересно, удивительно, ново и необычно.

В тот же год для поступления в этот институт приехала Ксения Седеева. Девушки подружились — добрая Ксения очень привязалась к белокурой, голубоглазой, юной девочке Лёле, заботилась о ней, словно сестра. Вместе они ходили в кино, театры, музеи, на танцы; жили насыщенной студенческой жизнью. Однако окончить институт им было не суждено. Началась война, а затем блокада Ленинграда.

Студентам предложили эвакуацию, но они остались защищать город. Работали в госпитале, рыли окопы, помогали больным жителям города, пока сами могли ходить. Позднее уменьшилась норма выдачи продуктов, стали выдавать на день 100 граммов почти несъедобного хлеба. И ничего больше. Ксения старалась хотя бы обманом, но подкармливать свою подругу, несмотря на то, что сама уже обессилела. Их осталось только шестьдесят девушек из института. Чуть позже из-за голода и холода Лёля слегла, как и многие другие [2].

В 1942 году Лёле уже исполнилось шестнадцать. В феврале этого года им сообщили о том, что их собираются вывезти по ледовой «Дороге жиз-

ни»на большую землю. Девушки кое-как поднялись на ноги, неизвестно откуда взялись силы на пути к этой возможности спасти жизнь. Этой же ночью их вывезли на грузовой машине, а затем пересадили в товарные вагоны и отправили на восток страны.

Подруги решили ехать в Архангельск. Но на одной из станций Ксения умерла. Потрясённую Лёлю повезли дальше, в Киров, чтобы из местного аэропорта отправить её в Архангельск [1]. Неожиданно девушка потеряла сознание. Как выяснилось позднее, она заболела тифом. Не видевшую, не способную говорить Лёлю увезли в больницу, в которой она провела почти два месяца. Однажды девушка уснула так крепко, что не слышала ничего вокруг. Все думали, что она умерла, и унесли в морг. Утром врачи приподняли покрытие с лица и... Леонида приоткрыла глаза. Её вернули в палату, продолжив лечение.

Оправившись настолько, насколько это было возможно, девушка поехала в Архангельск, затем в Нарьян-Мар, а оттуда уже на пароходе, лодках доехала до Хоседа-Харда [2].

Родные шесть месяцев ничего о ней не знали. Уже и не надеялись, что когда-то увидят её снова. Вернулась девушка очень худая, измученная, прошедшая такой тяжёлый путь, но не сломленная, не упавшая духом.

После войны она работала учителем в родном селе, потом — в райкоме комсомола. Была направлена на учёбу в Высшую партийную школу в Москву. Уже на пенсии переехала жить в г. Печора на постоянное место жительства. Умерла 30 ноября 2003 года.

Леонида Ильинична прожила очень непростую, но достойную жизнь. Об их дружбе с Ксенией Седеевой есть очерк Виктора Толкачева «Тихий подвиг» [3]. Награждена медалью «За оборону Советского Заполярья», орденом «Знак почёта», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейными медалями.

Литература и источники

1. Канева Леонида Ильинична. URL: https://evacuation.spbarchives.ru (дата обращения: 15.10.2019).
2. Венок славы. Том 3. Подвиг Ленинграда. М.: Современник, 1983.
3. *Толкачев В.* Тихий подвиг: Очерк // Наръяна вындер. 1984. 23, 24 марта.

«Я БЫЛ НА ТОЙ ВОЙНЕ...»

Морозова Александра Сергеевна, 19 лет,
студентка 2 курса исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
научный руководитель — Муратова Наталья Константиновна,
к.э.н., доцент,
г. Москва

В этом году исполняется 75 лет со дня победы в Великой Отечественной войне. Огромное количество людей помнит об ужасах войны, ведь те страшные события оставили глубокий след в судьбах. Множество книг, фильмов, песен, статей до сих пор напоминает о ней, память передается из поколения в поколение. Для чего? Чтобы не забыть. Чтобы воспитать патриотизм в сердцах новых поколений, гордость за прабабушек и прадедушек, их невероятно трудный путь, героическую жизнь. Так поддерживается связь поколений. Война научила нас многому, ее уроки надо помнить, чтобы сохранить мир на земле.

Великое множество семей хранит память о своих предках, которые безукоризненно выполнили свой долг перед Родиной. И моя семья тоже. С детства я слушала мамины рассказы о боевом пути моего прадеда, Николая Денисовича Влахно, который прошел войну от самого первого ее дня до последнего. Сейчас его уже нет в живых. Но он оставил свои воспоминания о войне, которые я приведу ниже.

«Война застала меня девятнадцатилетним юношей, здоровым и крепким. Еще весной я был призван на срочную воинскую службу в город Осиповичи и зачислен в 210-ю танковую дивизию.

Но вот наступили солнечные летние дни. До войны оставалось всего ничего. В нашей части ходили слухи о скорой войне с немцами, мы с сослуживцами часто говорили о событиях Второй мировой. И все же никто из нас не был готов к нападению. Утром 22 июня в части царил хаос. Немцы начали первую бомбардировку.

Никто не понимал, куда бежать, что делать. Не было ни командиров, ни приказов. Были только взрывы, крики, стоны, плач, огонь. В этой панике я выбежал на улицу. В небе, словно журавлиный клин, летели вражеские самолеты. Бомбы градом падали на мирную Белоруссию. Деревья, поля — все горело адским пламенем. Глубже всего мне врезалась в память река Березина. Еще недавно чистые воды стали кровавыми: за несколько дней она почти полностью покрылась трупами. Толпы людей в ужасе убегали, плыли через реку, а немцы стреляли прямо по ним, не оставляя никому шанса на спасение. Всех, кто выжил, фашисты забрали в плен.

Под конвоем меня и еще несколько человек привели в то место, где немцы организовали временный лагерь. Посреди поляны копошилась куча народу, окруженная колючей проволокой. С двух сторон на нее были направлены пулеметы. Нас впихнули в эту толпу, и я сразу же затерялся в ней. Жутко быть одному в этой туче людей. Мне посчастливилось найти среди них своих однополчан — Ивана и Степана.

Нас кормили раз в день черным хлебом, в котором были металлические стружки. Многие его ели, потому что другой еды не было, а вскоре умирали, корчившись от боли. Мы его не брали, питаясь вместо этого травой, чтобы не умереть с голоду. Но, прожив так несколько дней, мы начали слабеть.

Немецкие солдаты обращались с нами, как со скотом. Мне трудно было поверить, что они такие же люди, как мы, из плоти и крови. От каких матерей народились эти убийцы и изверги? А ведь у них есть жены, братья, сестры, дети... Сколько жестокости, сколько ненависти было в них! Уму непостижимо.

Каждое утро мы наблюдали за тем, как на телегах вывозили умерших. Было ясно, что еще немного, и наступит наш черед. В уже помутневшей голове крутилась одна мысль: «Надо бежать». Мы ждали удобного случая.

Через неделю нас погрузили в вагоны, в которых перевозили скот, и отправили в Германию. В последнем вагоне сидел пулеметчик, время от времени стрелявший по рельсам, предупреждая попытки бегства пленных.

Пол эшелона был сколочен из досок, которые можно было выломать. В сердце поселилась надежда — это был шанс на побег. Возможно, единственный. Медлить было нельзя. Мы со Степой понимали это, Ваня же наотрез отказался прыгать с нами. Уговорить мы его так и не смогли.

Я прыгнул первым. Поезд на полном ходу мчался надо мной будто целую вечность. Я помню, как стучало мое сердце, мне казалось, что этот стук заглушал грохот колес. Но наконец передо мной открылось небо, шум стих. Я оглянулся и увидел Степана. Вани не было нигде. Он так и остался в том эшелоне, а мы его больше не видели.

Мы остались одни ночью возле путей. Вокруг был только лес. Местности мы толком не знали. Ни запасов, ни оружия. Истощенные, скитались мы по лесу, ели, что находили. Спустя несколько людей мы наткнулись на партизанский отряд «Короля». Приняв присягу, мы стали партизанами.

Отряд дислоцировался близ деревни Миловье, занятой немцами. Нашей задачей была разведка. Собирая информацию о деятельности немецких солдат, мы перехватывали оружейные и продовольственные поставки, добывали медикаменты, подрывали железнодорожные пути и склады. В самом Миловье мы появлялись редко, в основном все сведения получали от жителей деревни.

Среди них была одна девушка — Лебедева Ксенья. Красивая, смелая, очень справедливая. Полюбили мы друг друга. 1 сентября 1942 года у нас родился сын Анатолий.

Так партизанил я до 1944 года, пока БССР не освободили. За это время я бывал в адских переплетах, неоднократно смотрел смерти в глаза, и все обходилось благополучно. Помню, как в 42 году в Миловье по наводке пришли власовцы. Искали партизан. Так получилось, что в это время я был в доме Ксеньи, а когда узнал про карателей, было поздно бежать. Вместе с Леной, Ксеньиной сестрой, мы спрятались в подполье. Вскоре дом окружили, власовцы начали ломиться в дверь.

До нас доходил каждый звук — шаги, голоса, скрипы половиц, грохот дверей. Через какое-то время все стихло. Но выходить мы не рискнули, решили дождаться, пока власовцы совсем не уйдут из деревни. Это нас и спасло.

Буквально через пару минут их топот снова сотрясал стены. Послышалась мужская ругань, выстрел. И тут душераздирающий, дикий женский крик. То кричала Ксенья. Я не могу сказать, сколько это продолжалось. Ее крики то затихали, то раздавались с новой силой. Невыносимо было сидеть там и все слышать, но выйти было невозможно — всех бы убили. Мы с Леной сидели в темноте бок о бок, не шевелясь, Бог знает, сколько времени. Но вот мужские голоса смолкли, остались только сдавленные стоны Ксеньи.

Когда мы поднялись наверх, увидели страшную картину. Ксенья лежала в луже крови. Ее тело было сплошь кровоточащей раной от побоев металлической плеткой. Раздробленные пальцы рук вспухли и стали бордовыми. Власовцы вставляли их в дверной проем и со всей силой захлопывали дверь, засовывали ей иголки под ногти. А новорожденный ребенок заходился истошным криком. Отец Ксеньи был тоже побит, и вскорости он умер от побоев. И все же каратели ничего не добились. Ни Ксенья, ни ее отец не сказали ни слова, всех нас спасли.

Когда советские солдаты освободили деревню, я вернулся в состав Красной Армии. Так я дошел до Варшавы.

В тот солнечный февральский день пятого числа 1945 года шел бой за плацдарм на Висле. Немцы оказывали яростное сопротивление, но наши бойцы метр за метром продвигались вперед. Кто не испытал этого ада, тому трудно представить, что это такое. Земля содрогалась от разрывов мин, гранат, снарядов, пулеметно-автоматных очередей. Ощущение такое, будто едешь в вагоне, только сверху на тебя сыплются осколки и земля. И враг рядом. Помню, как упал от сильного удара, но не ощутил никакой боли в своем теле. Подняться не смог. Чтобы укрыться от огня, пополз в воронку.

Оказавшись в эвакогоспитале, я не мог понять, как так получилось, что я ранен. В полусознании я слышал голос врача. Речь шла обо мне.

Он сказал, что осколок снаряда повредил бедренную кость. Началась гангрена, почернели пальцы. Малейшее промедление — смерть. Попади я к ним раньше, все бы обошлось, а так ампутация — единственное спасение. Так я лишился всей левой ноги.

Прикованный к госпитальной койке, я стал беспомощным человеком. Тяну руку к ноге — пусто. И страшно. Война застала меня здоровым и крепким, а оставила инвалидом.

Не знал я, зачем жить и обременять жизни другим. Для меня все кончилось. Ночью, оставшись без присмотра, я разорвал простыню на полоски и подвесился на спинке кровати, и уснул так.

Открыв глаза, увидел стоящую возле меня толпу врачей. Одна из медсестер, Наташа, плакала. И мне стало стыдно.

Когда все разошлись, она села на край моей койки. Говорит: «Ну зачем ты это сделал?» А у самой глаза, полные слез. Так просидела она со мной до утра.

Наташа рассказала мне о своей утрате. Муж ее, летчик, погиб в неравном бою над Сумами. Говорит: «Смотрю я на тебя и как будто его вижу. Вот почему мне так жаль тебя. Прошу тебя, живи ради меня, ведь я его сильно любила».

Она не плачет, а из открытых глаз одна за другой бегут слезинки. Она не стыдится их, такое уж было время.

Своим участием сестра милосердия Наташа вернула меня к жизни. Я пошел на поправку, стал думать о возвращении домой. И жизнь снова обрела ценность.

Когда я вернулся, мы с Ксеньей сыграли свадьбу. Воспитали двоих детей, внуков.

Столько лет прошло с войны, а до сих пор помнится ужас тех дней. Только бы не было больше войны!»

Я не помню моих прадедушки и прабабушки. Но моя мама бережно хранит их ордена, письма и записи. Когда-нибудь я также буду хранить их, буду рассказывать своим детям об их героизме, сделаю все, чтобы память о них не угасла в нашей семье.

Нет в мире ничего страшнее войны, и нет ничего сильнее подвига, который совершил советский народ, чтобы мы могли жить, быть свободными, быть счастливыми. Поэтому так важно хранить и свято оберегать память о героях.

УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦА

Опич Татьяна Юрьевна, 19 лет,
студентка 1 курса учетно-финансового факультета
Пермского института (филиала) РЭУ имени Г.В. Плеханова,
научный руководитель — Рязанов Иван Владимирович,
к.филос.н., доцент,
г. Пермь

Великая Отечественная война — это война, которая оказала свое влияние на всех и на все, но в разной степени. Каждый человек внес свой вклад в общую победу. Кто-то воевал на фронте, кто-то трудился в тылу для того, чтобы защитить свою родину, свой дом и семью. Так, мой прадедушка Сидор Данилович Опич трудился на заводе во время Великой Отечественной войны.

Сидор Данилович Опич

Он родился в 1901 году в деревне Приваловка Новоград-Волынского района Винницкой области Украинской ССР. Поначалу он был обычным рабочим, с образованием на уровне двух начальных классов, но все изменилось. В 1932 году он был раскулачен и вместе с женой Анной Михайловной Опич и малолетним сыном Александром выслан с Украины на Урал [1].

В Красновишерске их поселили в обычном бараке, в котором до этого жили заключенные. Сидор был сразу же определен на бумажный комбинат, сначала просто строителем, затем кузнецом в механический цех. Это был один из первых заводов, который строился руками заключенных, раньше до 1934 года он назывался «ВишХимз», но после был переименован в Вишерский ЦБК (целлюлозно-бумажный комбинат).

Первые годы жизни на Урале были очень тяжелыми. Страшный голод. Завод находился глубоко в тайге, в 100 км на север от г. Соликамска, и добраться до него на начальном этапе было возможно только по речному пути. Высокая смертность среди заключенных, поселенцев и добровольцев, которые приехали из разных уголков страны развивать и укреплять свою родину. Негативным фактором выступал также холодный климат, так как завод располагался на северо-востоке нынешнего Пермского края.

Анна Михайловна, измученная трудностями долгой дороги, не смогла приспособиться к барачному быту, страдала от холода, плохо переносила морозы. Не выдержав этого, она ушла, оставив мужа с ребенком.

Но через какое-то время Сидор встретил мою прабабушку, Пелагею Степановну Бахареву. Регистрировать в ЗАГСе браки спецпереселенцев с местными жителями тогда запрещалось, поэтому они жили в гражданском браке.

В 1937 году начались массовые аресты. Сидора Опича забрали 3 января 1938 года. Больше года его держали в Соликамской тюрьме, в чем только не обвиняли, вплоть до шпионажа в пользу Германии. После освобождения он рассказывал о бесконечных допросах, о внезапном исчезновении товарищей по несчастью. Все обвинения в свой адрес он отрицал. Ему повезло, что позднее его восстановили на прежнее место работы.

Сидор был добросовестным работником, его многократно поощряли за успехи в социалистическом соревновании. Что касается собственного хозяйства, то по крестьянской привычке держали коз, поросят, выращивали картошку, собирали ягоды и грибы.

Все это время Пелагея Степановна заботилась о приемном сыне. Александр хорошо учился в школе. Но началась война. В 1943 году, когда ему исполнилось 18 лет, он добровольцем ушел на фронт. В марте 1944 года Александр Опич погиб, освобождая украинский город Кировоград. Лишь в 1990 году в Красновишерском райвоенкомате моему дедушке вручили медаль «За отвагу», которой был награжден его брат в 1944 году, но так и не успел получить ее [1, с. 183–184].

Мой дедушка Александр Сидорович Опич родился 10 октября 1944 года. Его назвали в память о погибшем брате. Он пошел по стопам своего отца. После того, как прошел армейскую службу на территории Венгрии, он стал работать на том же бумкомбинате по специальности токарь. И вся его трудовая деятельность была связана с этим предприятием.

Я также хочу отметить, что и мой папа Опич Юрий Александрович продолжил это направление. Он работал на заводе вплоть до его закрытия в декабре 2007 года.

В заключение хочу сказать, что история семьи — это память, которую мы должны хранить, помнить и передавать из поколения в поколение. Ведь каждая семья со своей историей внесла определенную лепту в историю нашей страны.

Если мы сейчас не будем помнить об этом, то вклад наших предков в прекрасное будущее был напрасен. Не помня прошлого, не будет и будущего!

Литература и источники

1. *Бондаренко Н.А., Дюкова Н.А.* «Красное колесо» Вишеры: Сборник воспоминаний. Пермь, 2009.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ И ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ ДРЫГИНЫ

Погорелая Екатерина Владимировна, 19 лет,
студентка 2 курса исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
научный руководитель — Муратова Наталья Константиновна,
к.э.н., доцент,
г. Москва

Прадедушка Андрей Петрович Дрыгин

Мой прадед, Андрей Петрович Дрыгин, родился в 1909 году в деревне Алчедат Кемеровской области. Он был одним из старших сыновей в семье участника русско-японской войны Петра Михайловича Дрыгина (1881 г.р.), который был награжден Георгиевским крестом. После революции 1917 года семья перебралась из Алчедата в город Кемерово.

Вскоре Андрей Петрович стал работать на механическом заводе; позже на машинотракторной базе он повысил квалификацию слесаря до седьмого разряда.

Он был избран депутатом районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Центрального района г. Кемерово.

Андрей Петрович был любознательным и деятельным — в 1941 г. он уже был студентом заочного отделения химико-технологического техникума. Товарищи считали его честным, ответственным и справедливым, всегда готовым помочь.

К этому времени он имел собственную семью — любящую жену Прасковью Никандровну и маленького сына Виталия. Родившуюся 25 сентября 1941 года дочь Галю Андрей Петрович не успел увидеть.

В день объявления войны 22 июня 1941 года Андрей Петрович сразу после ночной смены пошел в военкомат и записался добровольцем. Почти сразу он был направлен в Новосибирск и зачислен в школу лейтенантов; однако он не окончил курсы — ситуация на фронте была настолько сложной, что весь его курс отправили на фронт. Он был в звании рядового пехоты.

А.П. Дрыгин участвовал в боях под Москвой и был ранен. Лечение проходил в одном из госпиталей в г. Шуе. Вероятно, он недолго находился на излечении. После выписки из госпиталя родные писем больше не получали с декабря 1941 г. Однако все они продолжали писать письма ему, до последнего надеясь получить ответ.

В письмах своим родителям и жене Андрей Петрович никогда не жаловался на трудности, он почти ничего не писал о боях, скупо рассказал о своем ранении.

Но прадед много писал о том, как надо воспитывать детей, заботиться о них. Он во всех письмах обязательно передавал привет всем своим родным и близким и писал, как он их любит и скучает: «Присылаю вам свой сердечный привет и желаю всего хорошего в вашей жизни».Также в каждом письме он просил, чтобы ему писали чаще, особенно после рождения дочки, и благодарил всех за хорошие новости.

По имеющимся у нас сведениям, из госпиталя он был направлен в новую часть на поезде. В то же время в документах Минобороны мы не нашли никаких отметок о прибытии, что означает, что он, вероятнее всего, погиб в пути. В тот период очень много поездов, отправляющихся на фронт, подвергалось массированным бомбардировкам. Возможно, что именно так и пропал без вести мой прадед.

Его младший брат Дрыгин Василий Петрович также был добровольцем и участвовал в войне, однако, к счастью, он вернулся живым. Василий Петрович воевал в звании гвардии старшего лейтенанта, окончил войну капитаном интендантской службы, куда он был направлен после серьезных ранений. За годы войны он получил орден Красной Звезды (01.03.1944), орден Отечественной войны II степени (05.08.1944), орден Отечественной войны I степени (20.05.1945), медаль «За отвагу».

После войны Василий Петрович постоянно занимался поиском брата, места его захоронения и документов, проливающих свет на последние дни жизни Андрея Петровича. По официальным сведениям (Василий Петрович получил ответ из Центрального военного архива еще в 1970-е годы), Андрей Петрович Дрыгин пропал без вести в феврале 1943 г.

Вдова Андрея Петровича и его дети ждали его возвращения с фронта всю войну. Братья и сестры Андрея Петровича всю жизнь поддерживали связь с его вдовой и детьми, помогали выживать в самые трудные годы.

Прасковья Никандровна часто повторяла, как страшно было отпускать мужа на войну, вспоминала, как провожала его на фронт, как «их собрали у вагонов, закрыли ворота, не пускали больше. Кругом крик и плач... Их быстро посадили в вагоны и только мелькнули вдали. Так и кончилась моя жизнь...». Она была очень трудолюбива, отзывчива и старалась сделать все возможное для своих детей. Прасковья Никандровна всю свою оставшуюся жизнь продолжала любить своего Андрея и больше никогда не вышла замуж. Детей же она продолжала воспитывать так, как наказывал ей муж.

Их дети, Виталий и Галина, выросли трудолюбивыми и сильными людьми. С юного возраста они помогали матери по хозяйству — выращивали и запасали на зиму картофель, содержали дом в порядке, старались хорошо учиться. Оба получили высшее образование, всю жизнь добросовестно трудились. И Галина, и Андрей являются ветеранами труда, активно участвуют в деятельности Совета ветеранов Кузбасса, участвуют в акции «Бессмертный полк».

В каждой семье есть свой герой, не важно — есть ли у него награды или нет. Эти люди шли в бой, понимая, что не все из них вернутся. Они жертвовали собой, защищая свою землю, своих детей. Важно, чтобы потомки как можно дольше хранили память об этих людях, о каждом имени.

Начальник управления генерал-майор (Шавельский)

АНКЕТА

33

Фамилия, имя и отчество разыскиваемого: Дрыгин Андрей Петрович

Год рождения: 1901 г.

Место рождения: область, р-н, с/совет, деревня, город: Кемеровской обл. Тяжинский р-н. село Ягодное

Каким военкоматом призван, в каких частях служил и когда направлен: Кемеровским гвк 28 июля 1941 г. и напр. в Новосибирское пехотное училище

Воинское звание: ведовой

Занимаемая должность в Красной Армии: курсант

Когда прекратилась всякая связь: 15 декабря 1942 г.

Воинский адрес по последнему письму: Письмо с дороги.

Где пропал без вести: область, р-н, с/совет, деревня, город: г. Кемерово.

Дополнительные данные о разыскиваемом: письма товарищей, сообщения а/ч, свидетельские показания и пр. (приложить к анкете): Данных нет

15.04.47

11. При наличии сведений о гибели, указать: где и когда (число, месяц, год) погиб, место захоронения: Сведений нет.

12. Кто разыскивает: фамилия, имя, отчество заявителя: Дрыгина Прасковья Никандровна

13. Родственное отношение заявителя к разыскиваемому: отец, мать, жена и т. д.: жена

14. Подробный адрес места жительства заявителя: область, р-н, с/совет, деревня, город: г. Кемерово (обл) Сой город Бар 19 кв 4.

15. Личное заключение военкома по материалам: (Военнослужащий: погиб, умер, пропал без вести и т. д.): Считать пропавшим без вести в феврале 1943 г.

16. Приложение:

20 марта 1947 г. Личная подпись военкома и печать

ПРИМЕЧАНИЕ. Без подписи Военкома и печати документ не имеет силы для заявителей.

Решение Управления по учету потерь

Центрального Райвоенкомата г. Кемерово

Майор

Ж т изд 978—46

пропал в. в феврале 43 г.

отм. сер.

ЧЕРЕЗ ВСЮ ВОЙНУ…

Сизикова Анастасия Евгеньевна, 18 лет,
студентка 1 курса направления «Товароведение»
Пермского института (филиала) РЭУ им. Г.В. Плеханова,
научный руководитель — Рязанов Иван Владимирович,
к.филос.н., доцент,
г. Пермь

Великая Отечественная война не обошла стороной и нашу семью, на её фронтах сражался мой прадедушка Иван Иванович Негодяев. Он родился в Пермской губернии в 1914 году, в год, когда началась Первая мировая война, и стал участником Второй мировой. Война началась для него в возрасте 27 лет. Его призвали на службу в августе 1941 года из Усть-Бибинского сельсовета Сивинского района Молотовской области.

Мой прадедушка был сержант медслужбы, санитар стрелковой роты 409-го стрелкового полка 137-й стрелковой дивизии. У него было много медалей и орденов, но, к сожалению, в семейном архиве ничего не сохранилось. Остались лишь небольшие воспоминания — бабушкины рассказы, да часть материалов мы нашли в пермских архивах и на сайте Министерства обороны.

Медаль «За отвагу» была получена за подвиг, совершенный в бою в районе деревни Липники Паричского района Полесской области. В наградном листе говорится, что с 21 по 24 февраля 1944 года Иван Иванович, «действуя смело и решительно, под сильным огнем противника сумел оказать первую помощь и вынес с поля боя 18 тяжелораненых бойцов и офицеров с их личным оружием».

Еще одна медаль «За отвагу» была получена за то, что мой прадедушка «23 июля 1943 года в бою за деревню Степановка Свердловского района Орловской области оказал первую помощь и эвакуировал с поля боя 9 красноармейцев». В этот же день в боях еще за две деревни — 7 красноармейцев. «Всего за 1 день вынес с поля боя 16 человек. В последнем бою был тяжело ранен и эвакуирован в медсанбат».

Орден Красного Знамени был получен за мужество и отвагу, проявленные в боях в начале сентября 1943 года: 7 сентября — в бою за деревню Рудня Хильчинского района Сумской области (вынес с поля боя 7 раненых бойцов и командиров), 8 сентября — в бою за деревню Боровичи (оказал первую помощь и вынес с поля боя 4 человека), 9 сентября — в бою за деревню Роговка Новгород-Северского района Черниговской области («в числе первых форсировал реку Десна и, оказав первую помощь, сумел эвакуировать через реку Десна 18 раненых бойцов и командиров и, когда противник перешел в контратаку, он с винтовкой в руках принял горячее участие в их отражении, уничтожив при этом 14 немцев. В этом бою товарищ НЕГОДЯЕВ был ранен, но поля боя не покинул до окончания операции».

За весь период наступательных боев с 23 июля по 15 сентября 1943 года прадедушка оказал первую помощь 127 раненым бойцам и командирам, — говорится в наградном листе).

Мой прадед был награжден и орденом Ленина «за смелость, мужество, за оказание первой медицинской помощи и вынос раненых с поля боя». Уже незадолго до Дня Победы, 24 марта 1945, года он получил эту очень высокую правительственную награду за подвиги, совершенные в Сивинского район августе 1944-го: «Товарищ НЕГОДЯЕВ, действуя смело и решительно, сумел оказать первую медицинскую помощь и вынести из-под сферы губительного огня противника с их личным оружием 20 тяжелораненых бойцов и офицеров. Кроме этого в предыдущих боях был награжден…», — говорится в наградном листе.

Товарищ НЕГОДЯЕВ действуя смело и решительно сумел оказать
первую медицинскую помощь и вынести из под сферы губительного огня
противника с их личным оружием 20 тяжелораненых бойцов и офицеров,
в числе:
8.8.44 года в бою за деревню Водяны ..... 6 человек,
20.8.44 года в бою за деревню Грабово ..... 10 "-"
22.8.44 года в бою за деревню Андреево ..... 4 "-"
Кроме этого в предыдущих боях награжден: медалью "ЗА ОТВАГУ"
за вынос и оказание первой медицинской помощи 16-ти тяжелораненым
бойцам и офицерам - 8.9.43 года;
Орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ за вынос и оказание медицинской
помощи 45-ти тяжелораненых бойцов и офицеров. - 14.10.43 года;
Медалью "ЗА ОТВАГУ" за вынос и оказание медицинской помощи
17-ти тяжелораненым бойцам и офицерам - 22.1.44 года.
ВСЕГО товарищ НЕГОДЯЕВ оказал первую медицинскую помощь и
вынес в поле бой 36 тяжелораненых бойцов и офицеров.
За смелость, мужество, за оказание первой медицинской помощи и вынос раненых с поля боя достоин Правительственной
награды - ордена ЛЕНИНА.
КОМАНДИР 409. СП
ПОДПОЛКОВНИК:-

Когда я читаю все это в документах, меня, во-первых, переполняет чувство гордости (это МОЙ прадед, такой смелый и мужественный, спас столько людей!), во-вторых, возникает желание поехать и посмотреть все эти места, где были бои, в которых участвовал прадед (столько географических названий и исторических событий!), в-третьих, ощущаю ответственность за свои поступки, стремление соответствовать той высокой «планке», которую установил прадед. Он помогал людям, боролся за их жизни, спасал других, не жалея себя.

Прадедушка дошел до Берлина. Он не любил вспоминать войну.

После войны вернулся в родные места, в Сивинский район. Работал в деревне председателем колхоза. И здесь снова (правда, в других условиях — мирных) нужна была ответственность, смекалка, подход к людям и забота о них. Вся его жизнь — и в войну, и после войны — была для людей.

Умер Иван Иванович Негодяев в 1982 году.

ДОЛГАЯ ДОРОГА К ДОМУ

Шилова Анастасия Андреевна, 20 лет,
студентка 1 курса Учетно-финансового факультета,
научный руководитель — Рязанов Иван Владимирович,
к.филос.н., доцент,
г. Пермь

Семейная фотография Скопиных. Конец 20-х годов, г. Ленинград

Скопина Анна Дмитриевна родилась в 1920 году в городе Альтштайн в Германии. Ее родителями были русский военнопленный Скопин Дмитрий и уроженка Германии Нина (фамилии не знаем). В 1923 году семье удается покинуть Германию по желанию отца семейства: вернуться на свою родину и переехать в судьбоносный город Ленинград, на Васильевский остров, где они и поселились в квартире погибших родственников отца Анны.

Летело время, семья мирно проживала год за годом, а Анна стала старшей сестрой еще пятерым сестрам и братьям, имена четырех из которых затерялись в пыли истории. Закончив семь обязательных классов, Анна поспешила начать работать на заводе по производству обуви, дабы добросовестно трудиться во благо страны, которая стала для нее родиной.

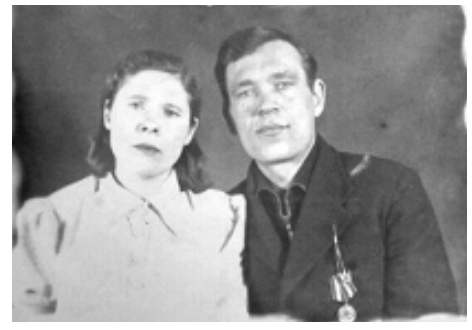
Семейная фотография Скопиных. Начало 30-х годов, г. Ленинград

С появлением первых тревожных вестей мирное производство пришлось свернуть в угоду военной промышленности, и на смену танцевальным туфлям пришли армейские сапоги. Перед самым началом войны двадцатилетняя Анна вышла замуж.

Началась война. Отец Анны — Дмитрий — ушел добровольцем на фронт, а сама Анна со слезами проводила своего молодого мужа, который погиб в тяжелом сражении первых недель войны. Похоронка с именем любимого разбила сердце женщины. Оставшись одна с новорождённым сыном и большой семьей братьев и сестер, Анна наравне с матерью всеми силами искала способы уберечь и Сивинского район накормить детей в суровое, опасное время блокады. Анна пошла работать на военный завод, где трудилась по 18 часов в сутки, а бывало, и ночевала там, около станков, бросив под голову телогрейку. После смен она часто помогала матери в госпитале и благодаря дополнительному труду и работе на заводе получала усиленный паек. Однако одного усиленного пайка не хватало на большую семью, и через несколько месяцев голода и сильных холодов погиб новорожденный сын Анны, а после, постепенно угасая, один за другим начали умирать сначала мама, которая оставляла всю свою еду детям, и в конце концов братья и сестры Анны. В живых остался только самый младший брат — Саша. Через администрацию завода удалось договориться о его эвакуации из Ленинграда по Ладоге, после чего мальчик попал в детский дом и потерял связь с Анной на время войны.

Смыслом жизни всех ленинградцев в то время стал выпуск как можно большего количества снарядов и другой военной продукции: «Чтобы скорее разгромить этих проклятых фашистов и освободить свой родной город». При всех ужасах блокады люди не потеряли стойкости, храбрости и своих человеческих качеств [1]. К тому же тяжкий труд на заводе помогал забыть о горе от потери родных и близких. Анна каждый раз с тревогой и страхом возвращалась после тяжелого трудового дня домой, боясь не застать в живых еще кого-то из дорогих ей людей. Каждый день по городу разносилось эхо воздушной тревоги. Люди, выходя из бомбоубежищ, боялись найти развалины своего дома. Каждую весну Анна вместе с трудовыми товарищами и всеми ленинградцами выходила на улицы чистить город от обломков домов, нечистот и трупов погибших. Ленинградцы до последнего оставались людьми [2].

В 1943 году Анне удалось эвакуироваться из блокадного Ленинграда и, неизвестно по каким причинам, она попала в самую северную точку страны — порт Диксон. Возможно, это была политическая репрессия, так как мать Анны была немкой. В этом порту Анна пробыла до конца войны, работала на рыбном промысле — делала консервы и очень мало рассказывала об этом периоде своей жизни, всегда отшучиваясь: «Хоть рыбы поесть досыта после блокады». Там, на севере, Анна повстречала своего будущего мужа, репрессированного Сотника Петра Леонтьевича, уроженца Винницкой области, что в Западной Украине.

Анна и Петр. Порт Диксон, 1946 г.

Его семью раскулачили в 30-х годах и выслали с Украины на Дальний Восток. В дороге родители его погибли. Позже они с братьями стали строителями — основателями города Лесосибирска, откуда он был выслан работать еще дальше — в порт Диксон. На севере некоторое время он работал под началом известного исследователя Арктики — Папанина (в нашем семейном архиве имеется характеристика Петра, подписанная Папаниным). В 1947 году у молодой семьи появился сын — Сотник Владимир Петрович, а через год семье было позволено покинуть порт, так как ребенок тяжело заболел.

Они уехали в Алтайский край, навестить прошедшего войну отца Анны — Дмитрия Скопина и нашедшегося младшего брата. Дмитрий разыскал своего сына Сашу в детском доме в Барнауле и решил остаться там жить — воспоминания о Ленинграде были слишком тяжелыми. Проведав отца и брата, Анна и Петр завербовались на работу в леспромхоз в Хабаровском крае. Затем поиск работы завел их в Красноярский край. Так и ездили они по Дальнему Востоку в поисках лучшей жизни, пока друзья не позвали их в город Пермь, где на тот момент строился нефтезавод и нужны были рабочие руки. Так в Перми они и осели, зажив как обычная советская семья — Анна с Петром работали, а их сын, которому на тот момент уже исполнилось 12 лет, учился в школе.

В те годы перекраивались жизни и коверкались судьбы многих людей, в каждую семью вошла война, оставив неизгладимый след в душе выживших, но несмотря на нестерпимую боль потерь, страх и бессилие от полученных ударов судьбы, люди двигались вперед и надеялись на лучшее будущее, направляя и духовно обогащая умы нового поколения.

Анна и Петр мало говорили о прошлом. Они молчаливо хранили в измученных сердцах воспоминания о страшной войне, об ужасах блокады, о лихих годах репрессий, об украденной юности, о скитаниях по всей стране в поисках своего «дома». Бабушка и дедушка были довольны и счастливы, что нашли свое место в жизни, свою вторую родину. Они успокоились и приютились, с трепетом наслаждаясь воцарившимся миром. С надеждой теперь смотрели они в будущее.

Литература и источники

1. *Яров С.* Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. Л.: Молодая гвардия, 2013. URL: https://coollib.com/b/274025-sergey-viktorovich-yarov-povsednevnaya-zhizn-blokadnogo-leningrada.

2. Девятьсот дней. URL: http://militera.lib.ru/prose/russian/sb_900dney/index.html.

ПОДВИГ КОМАНДИРА В СЕМЕЙНОМ ПРЕДАНИИ И НАГРАДНОМ ЛИСТЕ

Аксенова Ангелина Юрьевна, 21 год,
студентка 3 курса Естественнонаучного института,
направление «Химия»,
Тульского государственного университета,
г. Тула

Иван Григорьевич Дорогокупля

Мой прадед, Иван Григорьевич Дорогокупля, родился в 1916 году в селе Копани Ореховского района Запорожской области. Там же был призван на службу и во время войны дослужил до звания майора. В марте 1944-го он погиб на Украине во время сражения за освобождение села Михайловка Ново-Воронцовского района Николаевской области. Как это было? Сегодня мы не знаем однозначного ответа. До недавнего времени мы знали только рассказ моей прабабушки. По ее словам, она служила при штабе, где и прадед, даже участвовала в его перезахоронении. Но недавно мы нашли благодаря интернету архивные документы, в т.ч. наградной лист о посмертном награждении орденом Отечественной войны I степени, и обнаружилось некоторое расхождение в информации. Но что бы там ни было, трое детей остались сиротами, а молодая женщина — вдовой... Прабабушка больше замуж так и не вышла, осталось верной своему мужу.

Семейное предание

Со слов прабабушки Ариадны Яковлевны, ее муж Иван Григорьевич командовал 9-й гвардейской кавалерийской дивизией.

Его близкие друзья, которые сражались с ним бок о бок, поведали ей следующий рассказ о гибели командира.

Иван Григорьевич в самый разгар сражения получил ранение в ногу. Когда его несли на носилках, он оставался в сознании и продолжал контролировать ситуацию, отдавать указания на поле боя. Затем он попытался отдать ещё один приказ и поднялся на носилках, показывая рукой направление. В это мгновение он получил пулю в голову. Как оказалось, неподалёку находился снайпер, который и нажал на курок. Выстрел оказался смертельным.

После того как закончилась схватка, командир и ещё 31 боец были похоронены в братской могиле недалеко от места гибели. Известно, что

Иван Григорьевич и Ариадна Яковлевна

конь Орлик приходил на могилу своего хозяина, плакал и пытался разрыть её несколько раз...

Когда прабабушка приехала на место захоронения, даже услышав эту историю, она не могла поверить сослуживцам на слово, поэтому была проведена эксгумация тела и повторное захоронение в отдельной могиле. В мае того же года она смогла перезахоронить тело мужа в городе Новая Одесса. Перед тем как перевезти его, она повторно вскрыла гроб, чтобы увидеть мужа в последний раз и убедиться, что это он...

Версия официальная

В наградном листе говорится, что Дорогокупля Иван Григорьевич, гвардии майор, «начальник штаба 30 гвард. куб. каз. кав. полка», член ВКП/б с 1937 г. На фронтах Отечественной войны — с мая 1942 г. Имеет награды — два ордена Красной Звезды за бои на Кубани и на Кавказе в 1942–1943 гг.

«В наступательных боях с 7.3 по 18.3.44 г. на всём протяжении рейда гвардии майор тов. Дорогокупля, как начальник штаба полка, проявил в сочетании мастерство по обеспечению замысла командира полка по каждому виду боя и храбрость в обеспечении взаимодействия с другими родами войск и внутри полка под огнём противника.

Особенно при наступлении на город Новый Буг, ст. Грейгово и на село Михайловка тов. Дорогокупля своевременным перемещением НП и КП командира полка обеспечил выполнение задачи по овладению этими населёнными пунктами.

В критический момент боя за село Михайловка тов. Дорогокупля личным примером вовлёк в рукопашную схватку офицеров и казаков и отразил трёхкратные попытки противника захватить КП полка.

При нападении противника с воздуха и его пехоты тов. Дорогокупля возглавил отражение атакующих групп противника и обеспечил достижение успеха в овладении селом Михайловка.

В этом бою от бомбёжки тов. Дорогокупля геройски погиб. Своими действиями в боях тов. Дорогокупля обеспечил успех полку.

Гвардии майор тов. Дорогокупля достоен посмертной правительственной награды орденом Отечественной войны I степени.

Командир 30 гв [далее закрыто печатью, на которой отчетливо видно «Кавалерийский Кубанский казачий...]

гвардии майор Краморов (подпись)

22 марта 1944 г.»

Таким образом, Иван Григорьевич проявил свои способности к принятию своевременных решений, безукоризненное выполнение приказов старшего командирского состава и мужество. Во время сражения он всегда находился в первых рядах, не просто дрался в рукопашной, но и подавал пример храбрости другим. Не боялся взять на себя ответственность и возглавить атаку или отражение действий противника. У меня, моих родителей и брата такой волевой характер прадеда вызывает чувство гордости.

Исходя из наградного листа, он погиб в сражении 18 марта 1944 г. во время бомбёжки, а по бабушкиным сведениям — на основе рассказа боевых товарищей — от выстрела снайпера. Но разве это важно? Все равно погиб геройски, а почему — поди разбери в том аду сражения...

Единственное, что остается для меня загадкой, был ли майор Дорогокупля И. Г. (по документам — начальник штаба 30-го гвардейского кубанского казачьего кавалерийского полка) комдивом 9-й гвардейской кавалерийской дивизии, как рассказывала прабабушка? Может, какой-то миг, в критический момент во время сражения? Или это миф...

После гибели прадеда

До конца войны прабабушка Ариадна (Аря, как мы ее звали) с младшей дочерью Галиной 1942 г.р. была в Новой Одессе и не знала, где находятся, да и живы ли вообще ее двое детей, оставленных с матерью. Связи у двух осколков нашей семьи не было, поскольку прапрабабушка с внуками находились на оккупированной территории. После победы прабабушка Аря разыскала их: свою маму, Елену Александровну Тихомирову (в замужестве Лиорко), дочь Аллу, мою бабушку (1936–2019), и Валерия (1940–1980).

После долгожданного воссоединения семьи прабабушка устроилась работать бухгалтером в военном училище имени С. А. Леваневского в городе Николаеве. Работать приходилось с утра и до позднего вечера. По возможности подрабатывала — делала маникюр, шила на заказ. Но денег все равно было немного. Детей нужно было «ставить на ноги» одной.

После войны старшая дочь Алла, моя бабушка, окончила железнодорожный техникум и переехала в Тулу. Здесь она вышла замуж и осталась навсегда. Валерий дожил до 40 лет. У него было слабое здоровье из-за трудного военного детства, поэтому из армии он был комиссован после потери сознания на боевом дежурстве. Многочисленные переезды и попытки устроить свою жизнь усугубили состояние. Младшая Галина вышла замуж за офицера, уехала за ним на Камчатку. Прабабушка Аря помогала им одно время воспитывать ребенка, но через многократные обмены смогла улучшить жилищные условия и в 1964-м переехала в Нижний Новгород (тогда Горький). Там она прожила последние годы жизни. Скончалась моя «боевая» прабабушка 10 февраля 1987 г.

О ЖИЗНИ В СССР[1]

Трохимчук Анастасия Васильевна, 22 года,
выпускница Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова (2018),
председатель студенческого научного кружка (2016–2018),
магистрант Тульского государственного университета,
администратор сайта Межрегиональной общественной организации «Историко-просветительский центр «Преемственность»,
лауреат премии Президента РФ по поддержке талантливой молодежи (2016),
Тульская область, г. Плавск — г. Тула

Я придерживаюсь мнения, что для объективной оценки исторических событий должно пройти продолжительное время. Однако ещё с детства по телевидению и из газет я слышала негативные фразы, направленные в сторону СССР. Являясь представителем поколения, рожденного после распада Советского Союза, о жизни в ту эпоху могу судить лишь по кинофильмам, книгам, чужим отзывам и, конечно, воспоминаниям моих родственников — рассказам, услышанным когда-то от бабушек, и историям, рассказанным мамой.

В 1960-х годах моя бабушка Маша, тогда молодая симпатичная девушка, устроилась работать в Плавск на оптово-торговую базу товароведом. Бабушке приходилось ездить по области и получать на больших областных базах пряники, печенье и другие продукты, а потом доставлять их в магазины Плавского района. Ей очень нравилась работа, позволившая побывать во многих городах, познакомиться с интересными людьми. Она часто вспоминала, что народ раньше был намного проще и добрее.

Маше пришлось снять комнату у одной семьи в Плавске, так как каждый день ездить на работу из деревни в другой район не было возможности. С хозяевами квартиры она подружилась, ее приняли почти как члена семьи (раньше говорили, «как свою»). Однажды на день рождения к их сыну пришли друзья и коллеги, среди которых был очень красивый парень Алексей. Маше он сразу понравился, однако она постеснялась с ним заговорить.

Через несколько дней бабушка увидела из окна зарево огня: горело здание возле Свято-Сергиевского храма в Плавске. Она тут же побежала, чтобы помочь потушить пожар. В стороне собралась толпа зевак, наблюдавших, как неравнодушные люди помогают пожарным справиться с огнем. Среди этих смельчаков моя бабушка снова увидела Алексея. Он был восхищен тем, с какой отвагой девушка принимала участие в борьбе с огнем. Наконец, пожар был потушен. Алексей взял Марию за руку. Так они прогуляли весь вечер и больше уже никогда не расставались.

После свадьбы молодые жили в поселке Горбачево, откуда был родом Алексей. В 1969 г. у них родилась Леночка, моя мама. После ее рождения бабушка и дедушка получили квартиру в Плавске. Крестной матерью Лены стала старшая сестра Марии Зина, о которой я писала в книге поколений «Мы помним...» (2015). Мама вспоминает, что родители работали допоздна. Иногда после закрытия детского сада домой ее приводила нянечка. Они вместе сидели на лавочке возле подъезда и ждали, пока мама или папа вернутся домой.

Каждое лето Лена ездила вместе со своей крестной в деревню к бабушке. По выходным приезжали родители. Все вместе они ходили за грибами и ягодами, помогали бабушке по хозяйству. На зиму бабушку привозили в Плавск, потому что одной в доме ей было тяжело. Но как только таял снег, бабушка Настя уже просилась отвезти ее обратно в деревню — не могла сидеть в четырех стенах.

Молодежи сегодня повсюду внушается, что в Советском Союзе ничего не было: ни еды, ни одежды, ни мебели. По рассказам, услышанным от бабушек и от мамы, я понимаю, что это не так. В таких маленьких городках, как Плавск, в кооптрговских магазинах были продукты, но стоили они дорого. Можно было позволить себе только самое необходимое, без излишеств. Мой дедушка перед праздниками ездил в Москву, чтобы закупиться: там цены были ниже, качество товаров лучше, ассортимент шире. Обратно поезд приезжал поздно ночью, и мама с теплотой вспоминает, как ждала возвращения своего папы с гостинцами как настоящего чуда.

За одеждой тоже приходилось ездить в Москву, в «Детский мир». Многое брали «на вырост», в основном это касалось зимней одежды. Кроме того, многое шили и вязали сами: бабушка Зина часто шила для мамы платьица, панамки, шапочки. Когда мама подросла, научилась шитью и вязанию сама и по выкройкам и схемам из журналов стала сама шить себе наряды.

Самые яркие воспоминания о жизни в СССР у моей мамы связаны со школьной порой. Она была круглой отличницей, а самых лучших учеников награждали различными поездками: во Владикавказ, в Кременчуг, в Полтаву, в Ужгород, в Сочи. В школах проводили сбор и сдачу макулатуры; денег пионеры и школьники за это не получали, однако самый активный класс награждался грамотой. По воспоминаниям мамы, момент награждения был очень почетным и волнительным. Перед всей школой в торжественной обстановке сам директор вручал грамоту и объявлял всем, что их класс — лучший! А после школы с соперниками по сбору макулатуры, живущими в том же дворе, играли в казаки-разбойники.

С товарищами по школе были отношения взаимопомощи: в пятом классе коллективно с одноклассницами, живущими в том же доме, писали со-

---

[1] Продолжение. См.: *Трохимчук А.В.* Бабушка Зина // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч.2 / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. С. 338–340; *Трохимчук А.В.* «Жили тяжело, но весело» // Мы помним... (2017). С. 648–651.

чинение по картине и, конечно же, написали все одинаково. Учительница, разумеется, поставила всем по двойке и заставила переписать. Вообще, сосед через стенку, учившийся на год младше, стучал по батарее и спрашивал в дырочку, где проходит труба отопления, нет ли у Лены необходимого ему сочинения? Если сочинение было, Лена просовывала его в эту дырочку.

Однажды зимой мама после школы зашла вместе со своей одноклассницей домой. Родители были на работе, но бабушка Настя должна была быть в квартире. Лена несколько раз позвала бабушку — тишина. Девочки зашли в зал и услышали тихое «пи-пи-пи». Сомнений не было — в квартире мышь! Они запрыгнули на диван и стали визжать от страха. Каково же было их удивление, когда из-под стола, смеясь до слез, вылезла восьмидесятилетняя бабушка Настя!

Когда мама училась в 6 классе, бабушка Настя уже окончательно переехала в Плавск. 10 ноября 1982 г. умер Л. И. Брежнев. Плакали всей семьей. Особенно болезненно отреагировала на эту новость бабушка Настя: она вырезала из журнала «Огонек» его портрет, обшила его черной бархатной тканью и перетянула траурной ленточкой.

Школу мама закончила в 1987 г. с серебряной медалью: на «4» сдала русский язык, очень сложным было итоговое сочинение. Поехала поступать в Москву на ревизора, была уверена, что все получится: ведь помимо успешно освоенной школьной программы она прошла подготовительный курс. Однако оказалось, что знаний для поступления в этот институт было недостаточно: прошли только те, у кого были связи. Мама не знала, что делать дальше, запасного варианта у нее не было, потому что она была уверена в своих силах. Тогда вместе с подругой они поехали в Старую Купавну поступать в техникум на химика-технолога. Во время учебы мама часто приезжала на выходные к бабушке Зине, иногда вместе со своей подругой. Хлебосольная крестная всегда была рада гостям: от души кормила их, вела беседы, оставляла у себя ночевать. С собой собирала целую сумку продуктов и, кроме того, давала 3 рубля «на пропитание». К слову, у мамы в техникуме была повышенная стипендия — 45 рублей, а проживание в общежитии было абсолютно бесплатным.

Когда я расспрашивала маму о жизни в советское время, с ее лица не сходила улыбка. Я смотрела на нее и видела, как она, вспоминая все это, словно переносится в то время, снова из взрослой Елены Алексеевны становится той маленькой Леночкой, собиравшей в деревне ягоды, ждущей папу с гостинцами из Москвы, трясущейся от страха, услышав «пи-пи-пи». Ни от нее, ни от бабушек, ни от папы я никогда не слышала ничего плохого о жизни в Советском Союзе. Да, не было многого, что есть сейчас, только это было и не нужно. Были не нужны деликатесы на столе, были не нужны дорогие иномарки, брендовая одежда... Ведь было другое: доброта, порядочность, взаимопомощь, хорошие отношения между людьми, неподдельные эмоции.

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Холодков Виталий Валерьевич, 49 лет,
студент 2 курса заочно-ускоренной формы обучения
Тульского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова,
монтажник видеонаблюдения и систем безопасности,
г. Тула

Федор Никитович Холодков

Мой героический дедушка

Когда-то в далёком 1984 году, во времена Советского Союза, мы с отцом решили посетить места боёв, где в 1944 году погиб мой дедушка, командир роты гвардии старший лейтенант Холодков Фёдор Никитович. Мы отправились на Западную Украину, в Волынскую область, посёлок Ратно, село Речные Пески. По приезде были приятно удивлены — как раз в это время там отмечалось 40-летие освобождения этого местечка от немецких захватчиков. Из разных уголков нашей Родины приехали ветераны Великой Отечественной войны, участвующие в освобождении района, сослуживцы моего дедушки по 38-й гвардейской дивизии. Нам повезло узнать у них про последний героический бой моего деда. Вот что рассказали ветераны.

Это была разведка боем 21 июня 1944 года. Рано утром четвёртая рота под командованием Ф. Н. Холодкова, усиленная двумя штрафными ротами, пошла на прорыв. Быстро овладели селом Пяски Жечицке (Речные Пески — до войны это село было польским). Немцы побросали свою технику, понеся большие потери. Так как это было раннее утро, то некоторые из них убегали в нижнем белье (подштанниках).

Получив подкрепление, немцы попытались выбить из села наших воинов. Наше подразделение отразило все атаки и ждало помощи и поддержки основных сил. Но переправы для наших войск и артиллерия уже были разбиты. Фашисты с помощью танков отсекли наши войска, окружили обороняющихся бойцов 4-й роты под командованием деда. Помощь наших сил не смогла пробиться. И наши почти все погибли. Убитых и раненых немцы бросили в колодец. Некоторым раненым удалось выползти ночью к своим позициям. Но мой дед погиб при отражении атаки.

Местная власть и население хорошо принимали нас с ветеранами тогда, на 40-летие освобождения Ратнинского района. Имя деда увековечили на обелиске в честь погибших героев. Но сейчас это другая страна, у которой другой менталитет и другие герои.

Дед — мой герой

Мой отец остался сиротой в 5 лет, рано стал курить, хулиганить, обижаясь на клеймо безотцовщины. Всю жизнь интересовался подробностями войны. Объездил много музеев, перечитал гору литературы. Когда вырос, поступил учиться в Тульский политех на закрытую специальность (не случайно, а чтобы укреплять обороноспособность страны!). Неоднократно он писал в Центральный архив, чтобы узнать о том сражении, в котором погиб его отец, и только в 2007 году были рассекречены сведения.

Мой дед, Фёдор Никитович Холодков, родился в деревне Будки Арсеньевского района Тульской губернии в 1907 году. По окончании ремесленного училища работал в Туле. За ударный труд и заслуги в начале 30-х годов по направлению партии был переведен на Косогорский металлургический завод начальником цеха крупных заготовок и узлов. Руководство завода отмечало его как хорошего работника. Да и простой трудовой народ, рабочие и служащие очень уважали и любили Фёдора Никитовича. Он был очень отзывчивым и внимательным к вопросам и нуждам рабочих. Интересовался их проблемами не только производственными, но и семейными, помогал им. И через два года на общественном собрании его выбрали председателем заводского комитета Косогорского завода, а потом в течение шести лет переизбирали.

В 1939 году Фёдор Никитович ушёл добровольцем на войну с Финляндией. Был награжден. По окончании Финской войны в 1940 году в Москве окончил курсы председателей завкомов (т.е. современными словами— курсы повышения квалификации). Работал и жил там же, на Косой Горе.

В октябре 1941-го началась эвакуация Косогорского металлургического завода на Урал, в пермский город Лысьва, где был налажен выпуск фугасных бомб и снарядов на оборудовании эвакуированного механического цеха. Фёдор Никитович мог эвакуироваться вместе с заводом в тыл. Но мой дед, сильный духом и патриотичный человек, ушёл добровольцем на фронт, хотя имел бронь.

Фёдор Никитович Холодков в 1942 году был ранен, подлечился и вернулся в ту же свою 38-ю дивизию. В начале 1943 года снова ранение. Гвардии старший лейтенант Ф.Н. Холодков награжден и отправлен в город Красноярск в госпиталь. После излечения он получил пополнение своей роты и снова на фронт через Москву. Удалось заскочить домой, на Косой Горе побыл всего два дня. И снова в часть, и снова в бой. 38-я гвардейская дивизия шла с боями по Украине.

Летом 21 июня 1944 года командир роты гвардии старший лейтенант Холодков Фёдор Никитович погиб в том самом бою. Полегла вся

его рота, так как они были на острие атаки 1-го Белорусского фронта. Пришла похоронка и письмо от друзей с обещанием отомстить врагу. Адрес: УССР, Волынская область, Ратненский район, деревня Пески Речицкие.

За последний свой бой дед был посмертно представлен к правительственной награде — ордену Отечественной войны I степени.

Мне, как и моему отцу, всегда хотелось узнать подробности гибели деда, и на сайте Память Народа я нашел журнал боевых действий 38-й гвардейской дивизии, позволивший восстановить хронику событий, и наградной лист.

Дед, командуя 4-й стрелковой ротой в своем последнем бою, одним из первых ворвался в траншеи противника, в рукопашном бою лично уничтожил 4 немцев и взял в плен одного солдата. Под его руководством подразделение отразило 4 контратаки противника. Во время последней контратаки (танков и пехоты) тов. Холодков Фёдор Никитович погиб смертью храбрых.

Малолетний сын героя

Мой отец Валерий Фёдорович Холодков родился перед войной, 23 июля 1939 года. Когда немцы в 1941 году подошли к Туле, захватили посёлок Косая Гора, маленькому мальчику было два с половиной года. Семья воевавшего на фронте члена коммунистическойпПартии, до войны председателя завкома Косогорского металлургического завода, оказалась в оккупации. Это было очень опасно, немцы уже стали разыскивать жену Федора Никитовича с маленькими детьми: сыном и дочкой. Но соседи успели предупредить за несколько минут до визита гитлеровцев, и им удалось скрыться. Александру Ивановну с детьми приютили родственники из села Хованское Алексинского района. Но радость была недолгой, вскоре немцы захватили и Хованское; в селе расквартировалась немецкая воинская часть. И вновь им удалось уцелеть. Хотя двухлетний Валерка ругался с печки на немцев: «Уходите, миканеры, а то вас собака съест». Видимо, солдаты в форме ассоциировались у него с милиционером, которым всегда пугали маленьких детей.

Красная Армия вскоре выбила из села немецких оккупантов. При отступлении один из немецких солдат, зная, что в полуподвальном помещении прячутся женщины и дети, открыл дверь и бросил гранату. Александра Ивановна в страшном испуге закричала: «Валер, выкидывай её на улицу!» Отец был ближе всех к двери, не растерялся и, не мешкая, открыл дверь и выбросил гранату вслед убегающему немцу. Тем самым спас много жизней.

Это семейное предание мне очень нравится, т.к. оно рождает вопрос — понимал ли тот немец, бросивший гранату, что даже маленькие советские дети способны, пусть на неосознанный, но все-таки поступок?!

О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ

Данилина Надежда Евгеньевна, 35 лет,
студентка 2 курса заочной формы обучения направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Тула

Проблема сохранения памяти о прошлом — одна из актуальных сегодня. Известный советский психолог С.Л. Рубинштейн писал: «Без памяти мы были бы существами мгновения. Наше прошлое было бы мертвым для будущего. Настоящее, по мере его протекания, безвозвратно исчезало бы в прошлом. Не было бы ни основанных на прошлом знаний, ни навыков. Не было бы психической жизни, смыкающейся в единстве личного сознания, и невозможен был бы факт по существу непрерывного учения, проходящий через всю нашу жизнь и делающий нас тем, что мы есть» [1, с. 302].

Память — это то, что помогает человеку не забывать свое прошлое и придает жизненные силы в трудных обстоятельствах. Трудно однозначно ответить на вопрос о том, хорошо или плохо жилось в советское время, но, в любом случае, это — эпоха, которая оставила неизгладимый след в истории.

В СССР большинство людей жило примерно на одном уровне. Огромной социальной пропасти между бедными и богатыми не существовало. С детства все шли в детский сад, мест хватало. Затем в школьные годы дети могли посещать любые секции и кружки. После школы можно было поступить в училище, техникум или институт. Молодые люди охотно шли в армию — служить было почетно. После получения профессионального образования молодежь по распределению устраивалась на работу. Не было боязни за свое будущее, была уверенность в завтрашнем дне. Бесплатное образование, медицина, широкий список льгот позволяли людям чувствовать себя уверенно.

Много положительных моментов было в советском прошлом, но в то же время много бед и лишений пришлось пережить поколениям, жившим в эту эпоху. Так считаю я и мои родители.

Отец — Евгений Константинович Данилин — родился в 1950 г. в городе Теплое. Он рос в многодетной семье (4 брата и сестра), жилось непросто — продуктов питания, одежды и обуви не хватало, но благодаря сплоченности и трудолюбию семья выкарабкалась. Возмужав и набравшись опыта в строительстве, отец переехал в Тулу и несколько десятилетий проработал строителем.

Мама — Данилина Антонина Петровна — родилась в 1950 г. в городе Богородицке. В 1970-е годы она получила медицинское образование и устроилась работать медсестрой в детский сад в г. Туле.

В 1974 г. родилась моя сестра Светлана. Она стала педагогом. Сестра получила педагогическое образование по специальности «учитель начальных классов» и посвятила свою жизнь служению детям. Я моложе сестры на 10 лет. Из своего детства я вспоминаю веселые школьные турпоходы и участие в «Зарнице». Немногие современные дети знают, что «Зарница» — увлекательнейшая военизированная игра, приносившая радость как мальчишкам, так и девчонкам. Это спортивная военно-патриотическая игра, где разделенные на две команды ребята («красные» и «синие», «южане» и «северяне» и т. д.) соревновались в разных прикладных военных видах спорта.

Анна Ивановна Тимашкова

Особое внимание хочется уделить моей бабушке Анне Ивановне Тимашковой. Она родилась в 1927 г. в Воловском районе, в селе Непрядево, в многодетной семье (пять сестер и один брат) и застала трудное военное время. Когда началась Великая Отечественная война, ей было 14 лет. В первый же год войны погибли ее отец и мама — Иван Сергеевич и Мария Николаевна Лосевы. После их смерти воспитание детей на себя взяла бабушка (моя прабабушка).

Непросто им пришлось в военные годы — голод, смерти близких, непосильный труд, разруха... Выдержали все. Дети тогда, в отличие от избалованных современных детей, не знали, что такое душистое мыло, сахар, удобная новая одежда, обувь; они ценили, прежде всего, знания, добросовестный труд, добрые отношения. К сожалению, все они уже давно покинули нас, но когда были живы, учили дорожить всем тем, что есть.

За доблестный труд бабушка Анна Ивановна получила звание «Ветеран труда». К сожалению, в 2019 году 10 января этого замечательного человека не стало, бабушка не дожила всего лишь 39 дней до своего 92-летия.

Обсуждение вопроса о жизни простого человека во времена Советского Союза сейчас вызывает бурные споры. Кому-то вспоминаются бесплатные образование и медицина, льготные путевки в пионерские лагеря и санатории, стабильные зарплата и пенсии. У кого-то всплывают воспоминания о дефиците и очередях, уравниловке и «нищенском существовании», когда автолавка в деревню приезжала раз в неделю.

Как и любая историческая веха, время существования СССР отмечено своими плюсами и минусами. Я не берусь давать оценку политического, экономического и общественного плана, да и никакую другую тоже. Но я считаю, что наша обязанность внимательно относиться к прошлому, помнить и чтить подвиг людей, подаривших жизнь последующим поколениям.

Литература и источники

1. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. Т. I. — М.: Педагогика, 1989.

Глава 11. СТУДЕНТЫ НАУЧНОГО КРУЖКА О ВЛИЯНИИ ВОЙНЫ НА СУДЬБЫ

(НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ — РОСТОВЦЕВА Л.И., Д-Р. СОЦИОЛ. НАУК, ПРОФЕССОР)

«ГЛАВНОЕ, РЕБЯТА, СЕРДЦЕМ НЕ СТАРЕТЬ...»

Ефанова Анна Александровна, 21 год,
студентка 4 курса направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Тула

Татьяна Лунева

Эти слова из песни любит повторять моя бабушка Лунева Татьяна Александровна[1].

«Мне посчастливилось быть комсомолкой! Ученицей 8 класса я вступила в ряды ВЛКСМ. Подвигов не совершила, но старалась ответственно нести звание комсомолки. И очень этим гордилась!» — вспоминает бабушка.

Будучи творческой и целеустремленной, имеющая «отличную» успеваемость, она в числе первых из одноклассников вступила в ряды комсомольской организации.

Но не всем это удавалось сделать с первого раза. Надо было выдержать три этапа приема в комсомол. Сначала отсеивали двоечников и хулиганов. Затем проходило собеседование на общем комсомольском собрании. И лишь потом — экзамен в РК ВЛКСМ. Не дать четких и ясных ответов на задаваемые вопросы означало остаться вне комсомола. А это было страшно и стыдно.

В 1973 году бабушка поступила в Тульский сельскохозяйственный техникум. В 1975 году окончила учебное заведение и получила диплом «с отличием» по специальности «Бухгалтерский учет в сельскохозяйственном производстве». В период обучения была секретарем комсомольской организации техникума. Студенты принимали активное участие в художественной самодеятельности, спортивных соревнованиях. Особенно запомнились поездки на уборку картофеля и яблок. Каждый день в течение месяца студентов-комсомольцев возили на крытых грузовых машинах в яблоневые сады Ясногорского района. Выдавали ведра и ящики. Был план на день — собрать 6 ящиков яблок с дерева и 10 ящиков с земли.

По окончании техникума бабушка работала бухгалтером в колхозе им. XXI съезда КПСС Арсеньевского района Тульской области. И одновременно была секретарем комсомольской организации колхоза, в которой состояло 48 комсомольцев.

«Казалось, была обычная жизнь. Но она кипела и бурлила, рождая новые мысли и идеи, — вспоминает бабушка. — В разгар уборочной молодежь отправлялась на колхозный зерноток на сортировку зерна после (!) рабочего дня. Все старались и работали в полную силу, а в помощь молодым юношам и девушкам гудела сортировочная машина, оповещая всех о том, что работа«кипит». И было в этом звуке что-то завораживающее, чарующее. А золотые горы зерна говорили: «Будем с хлебом!»

В каждой комсомольской организации создавались агитбригады. Мы принимали активное участие в художественной самодеятельности своего и соседних районов. Под большим впечатлением остались от поездки зимой на санях, прицепленных к трактору, в с. Мизгея и п. Стрелецкий Одоевского района. Стоял сильный мороз и снега было по колено. Но девочки в капроновых колготочках, в сапожках на каблучках, подкрасив губки, ловко запрыгивали в сани. Артистов же ждут! В концертной программе были музыкальные номера в сопровождении гармошки, стихи и юмористические сценки.

С 1979 по 1981 год Татьяна Александровна работала заведующей сектором учета в РК ВЛКСМ Арсеньевского района.

В то время в районе было 53 комсомольских организации с общей численностью комсомольцев 1760 человек.

Молодежь вместе с партийными работниками устраивала субботники по благоустройству поселка. В эти годы на въезде в поселок был высажен парк, который вскоре получил название Комсомольский.

«Это просто незабываемые годы! Это — молодость, дружба, задор, энергия, закалка на всю последующую жизнь!» — восторженно произносит бабушка и на ее лице пробегает улыбка.

На протяжении 27 лет бабушка работала начальником Отдела Пенсионного фонда в Арсеньевском районе Тульской области. Сейчас она на пенсии. Но продолжает занимать активную жизненную позицию, является членом Совета женщин Арсеньевского района и клубного любительского объединения «Родник». Пользуется большим уважением среди коллег, друзей, детей и внуков. Я горжусь моей бабушкой.

---

[1] Лунева Татьяна Александровна — невестка Лунева Петра Степановича, моего прадедушки, участника Великой Отечественной войны. О нем см.: *Ефанова А.А.* Пчеловод-колхозник с 42-летним стажем // Мы помним... Сразу после войны. Книга воспоминаний и размышлений поколений. — Тула: Аквариус, 2017. — С.625–627.

ДЕТДОМОВСКОЕ ДЕТСТВО МОЕЙ БАБУШКИ

Косова Екатерина Сергеевна, 18 лет,
студентка 1 курса направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Тула

Галина Андреевна Буланова

Моя бабушка Галина Андреевна Буланова родилась 24 августа 1941 года в селе Воскресенское Воскресенского района Саратовской области.

У ее бабушки Анны Агаповны и Андрея Георгиевича было шестеро детей: Мария (1920 г. р.), Павел (1925 г. р.), Тамара (1931 г. р.), Николай (1935 г. р.), Эльвира (все называли её Аллой, 1937 г. р.) и последний ребёнок — моя бабушка Галина (1941 г. р.).

Жили они очень бедно, но дружно. У прадеда были «золотые руки» и все жители деревни Клены, где образовалась семья, обращались к нему за помощью. Скоро в хозяйстве появилась корова, и дети узнали вкус молока. Но недолгим было это счастье: за одну корову их «раскулачили» и выгнали из деревни. Собрав все свои пожитки, которые поместились в нескольких узлах, и погрузив их в лодку, поплыли они по реке Волге в другую деревню, в которой председателем был их родственник. Когда все устали, решили переночевать на берегу, но утром обнаружили, что лодку, вещи и документы украли. Голодные и замерзшие добрались они до деревни, но... родственник их не пустил. Мой прадед умолял написать ему справку (вместо украденного документа), на что получил отказ — люди тогда жили в страхе, и родственник побоялся.

В результате семья остановилась в заброшенном доме в селе Воскресенское. Однажды прадед спросил у председателя колхоза, почему не работает мельница. Вскоре за ним приехали и без объяснений куда-то увезли... Но через несколько дней прадеда привезли на запряжённой лошадью телеге, да еще с мешком муки. Оказалось, что он ремонтировал мельницу.

Началась Великая Отечественная война и отец бабушки Андрей Георгиевич, а также старший брат Павел ушли на фронт.

За старшего в семье остался средний сын Николай, которому было 12 лет. Чтобы прокормить семью, он пошёл работать в колхоз.

В 1944 году пришла похоронка на старшего сына и брата Павла. Переживания ослабили здоровье прабабушки — она стала очень часто болеть.

После ранения вернулся прадед.

Наверное, самое ужасное событие в семье произошло, когда прабабушка вечером собрала всех детей и сказала, что она ночью умрёт и запретила плакать. Так и произошло, утром прабабушку обнаружили умершей на печи.

Через некоторое время прадед привёл в дом мачеху с 7 детьми. Но в скором времени у прадеда обострилось военное ранение, началась гангрена ноги и он скончался.

Мачеха отказалась от неродных детей и младших приняли в детский дом, а старшие уже были самостоятельными: Мария пошла работать трактористом и стала жить отдельно, Николай поступил в ремесленное училище с проживанием в интернате.

Поскольку дети были разного возраста, их определили по разным детским домам. Только двум сёстрам — Алле (10 лет) и моей бабушке Гале (5 лет) — посчастливилось остаться вместе. Но этому счастью предшествовало несчастье — когда крепко обнявшихся девочек хотели разлучить и ручки расцепили, маленькая Галя побежала за сестрой и провалилась в открытый люк. К счастью, платье зацепилось за крючок, и старшая Алла вытащила сестричку.

Бабушка вспоминает с ужасом послевоенный детский дом: постоянное недоедание; одежда, перешитая из грубой солдатской формы; наказания, когда запирали в сыром подвале с крысами; бритье голов от вшей и эпидемии.

Когда детей строем вели в школу через рынок, то торговцы кричали: «Детдомовские идут», — и все прятали свои продукты, чтобы кто-то из голодных детей не схватил что-нибудь съестное.

В 14 лет бабушку отправили на трикотажную фабрику в г. Иваново, и началась её самостоятельная жизнь. Подростки, наравне со взрослыми, работали посменно. Особенно тяжело приходилось им в ночную смену, когда легкая дремота могла обернуться трагедией для девчонок с длинными косами, которые легко мог затянуть станок с миллионом крючков и ниток. К сожалению, такие несчастные случаи были. После окончания 8-го класса, провожая девчонок в другой город на трикотажную фабрику, воспитатели детского дома не разрешили им взять тёплую одежду, пообещав выслать вещи позднее. Поскольку никаких посылок они не получили, то вскладчину купили один комплект тёплой одежды и носили поочерёдно.

В 16 лет бабушку разыскала средняя сестра Тамара и позвала к себе в г. Пензу. Как оказалось, в первую очередь, ей нужна была няня для грудной дочери. В 18 лет бабушка с радостью устроилась крановщицей на завод и ушла жить в общежитие. К тому времени в Пензу приехала и сестра Эльвира (Алла), с которой бабушка была особенно дружна.

В 20 лет бабушка вышла замуж и родила мою маму.

Несмотря на пережитые трудности, моя бабушка очень добрый, любящий и мудрый человек. Я горжусь ею!

«СВЕТЛОЕ ПРОШЛОЕ», ИЛИ САМОЕ СЧАСТЛИВОЕ ВРЕМЯ

Моисейкина Наталья Евгеньевна, 40 лет,
студентка 2 курса заочного отделения направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
Тульская область, г. Алексин

Наш пароходик отходит в светлое прошлое,
Не без волнений отходит и не без труда.
Не потому, что так хочется нам невозможного,
Просто не хочется больше уже никуда.

О. Митяев

Все мы родом из детства, каждый из своего — неповторимого и безвозвратного. И чем старше становимся, тем чаще посещают детские воспоминания: веселые и счастливые от своей беззаботности, грустные — от осознания необратимости.

Я родилась в 1979 году в семье рабочих. Мое детство пришлось на эпоху Советского Союза. Советская эпоха — это прошлый век... Много разных «картинок» сохранилось в памяти из детства. Иногда они всплывают так ярко и отчетливо, что я вспоминаю даже те свои ощущения и эмоции. Например, как после летнего дождя мы с дворовыми ребятами, обув резиновые сапоги, бежали мерить лужи или как играли в магазин, расплачиваясь листочками; помню ощущения радости и любопытства от распаковывания новогодних подарков, умопомрачительный запах мандарин и конфет, фантики от которых сразу же попадали в коллекцию, хранящуюся в бумажной коробке...

1986 год — подготовка к школе. Папа специально взял отпуск, и мы идем в школу. Меня распирает гордость от осознания того, что я — будущая ученица, и чувства предстоящей ответственности. Я старательно вывожу квадратики, треугольнички и кружки. Дома мама учит зажигать спичками газ и жарить яичницу — обязательные шаги к самостоятельной жизни. В преддверии 1 сентября в магазине «Березка» покупаем школьную форму, запасные воротнички, туфли, болоньевую куртку.

Посвящение в октябрята. Ребята постарше начали пристегивать звездочки, и я стараюсь на «муравьиный шажочек» выйти вперед, чтобы меня не пропустили. Потом иду домой, не застегивая куртку и даже специально не запахивая, чтобы был виден значок октябренка. В классе нас объединили в «звездочки», по пять человек в каждой. Мы старательно выполняли различные задания, поручения, учились помогать товарищу, работать в коллективе.

Каждый год, на летние каникулы, родители отвозили нас с братом к бабушке и дедушке в деревню. Моя бабушка была прекрасной хозяйкой и неутомимой труженицей. В доме — чистота и порядок, на огороде — ни одного сорнячка, а еще хозяйство домашнее, скотина. Каждый день она вставала с петухами и ложилась затемно. Нас тоже приобщали к труду, да и мне самой постоянно хотелось помогать, проявлять самостоятельность. Помню, как ходили с бабушкой полоскать белье на речку, как пололи грядки в огороде, как мой дедушка сделал нам с братом маленькие тяпки, которыми мы окучивали картошку.

Весна 1988 года. Из нашего класса отобрали несколько человек, которые хорошо учились и примерно себя вели, и мы ходили в местный дом культуры, где сначала записывали под диктовку, а потом учили наизусть торжественную клятву пионера. В ряды пионеров нас принимали раньше других. Был солнечный денек, но еще лежал снег. На мемориальном комплексе комсомольцы повязали нам красные галстуки. Отчетливо помню всю торжественность обстановки и свое волнение.

В 1989 году я — экскурсовод в школьном музее «Молодая гвардия»; наша задача — рассказывать школьникам о подвигах героев-молодогвардейцев. В январе 1991 года, на зимних каникулах — поездка в г. Белая Церковь Киевской области, на X Всесоюзный слет «Молодогвардейцы наших дней». Туда съехались ребята из разных уголков Советского Союза. Мы видели настоящих молодогвардейцев Ольгу Ивановну Иванцову и Василия Ивановича Левашова! Тогда мы, наверное, все же до конца не понимали всего величия их подвигов. Осознание того, что нашему поколению выпала огромная честь видеть этих героев и слышать их рассказы из первых уст, пришло позднее.

О. И. Иванцова и В. И. Левашов в первом ряду (крайние слева)

Все эти воспоминания очень дороги мне. Свое детство я вспоминаю как самое счастливое время, наполненное верой в добро и справедливость. Именно то, что это было в советское время, повлияло на формирование моих жизненных принципов и ценностей.

ГЕРОИ СЕМЬИ ВЕСЕЛОВСКИХ

Сергеева Алина Александровна, 19 лет,
студентка 2 курса направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Тула

Нет в России семьи такой,
Где б не памятен был свой герой,
И глаза молодых солдат
С фотографий увядших глядят…

Е. Агранович

В семье Веселовских Ивана Васильевича и Екатерины Егоровны было четверо детей: моя прабабушка Евдокия Ивановна, в замужестве Кулик (1927–2012), ее сестра Валентина Ивановна (1937–2018), в замужестве Бобылёва, братья Дмитрий Иванович (1921–1984) и Михаил Иванович (1924–1943). Жили они в селе Лобаново Ефремовского района Тульской области.

Когда началась Великая Отечественная война, старший из сыновей, Дмитрий, проходил действительную военную службу. Так и прошел он всю войну со своим 17-м артиллерийским полком 137-й стрелковой дивизии 48-й армии. Воевал на Курской дуге и Западном фронте, во время боевых действий был ранен и контужен. Носил звание старшины и имел много боевых наград. После окончания Великой Отечественной войны остался на сверхсрочную службу (до декабря 1947 года).

А младшему из братьев, Михаилу, на начало войны не было еще и 17 лет. Он пошел воевать добровольцем. Зачислили его в пехоту и начали обучать военному делу. В одном из писем он пишет: «Сейчас мы прекратили учебу и находимся на оборонительных работах».

В октябре 1942-го в одном из боев Михаил был ранен в руку. Госпиталь находился в городе Ефремов, и командование разрешило ему побывать дома. К этому времени отец, Иван Васильевич, ушел на фронт (в годы войны он был снайпером).

По воспоминаниям прабабушки, брат Михаил сильно изменился, возмужал, повзрослел. Он рассказывал о том, как страшно, когда идут бои.

Но душа его оставалась чистой и лиричной:

«Стою я на улице и смотрю в тот край,
Где дом мой родной — теплый как май,
Я грустен, конечно, но грусть удаляю
Пением песен, с какими гуляю,
По полю. И думаю: «Вернусь я домой,
Опять я увижу маму мою
И песнь о войне своей ей спою».
06.11.1942.

Михаил Иванович Веселовский. 1943 г.

Дмитрий Иванович Веселовский. 1943 г.

Екатерина Егоровна Веселовская и ее дети Дмитрий, Евдокия, Валентина. 1967 г.

Он любил сочинять стихи, до войны у него была тетрадь, в которую он записывал сочинения и стихотворения.

7 ноября 1942 года в 4 часа утра Михаил уехал на фронт в распоряжение 48-й армии Брянского фронта. К этому времени он был командиром взвода роты ПТР 685-го стрелкового полка 193-й Краснознаменной стрелковой дивизии. 2 сентября 1943 года Михаил пишет свое последнее письмо домой, в котором сообщает, что уже неделю находится в наступлении. Письмо написано в 11 часов утра. И в тот же день Михаил погиб…

В письме от командования капитан Гончаров написал: «…Михаил Иванович, как и вся Красная Армия перешел в наступление и гонит ненавистных немцев на сотни километров… Под селом Новая Жизнь при отражении трех контратак противника он подбил немецкий танк, за что был представлен к правительственной награде. Прошел он еще несколько десятков километров от этого села и под селом Подлесные Выселки Курской области при отражении танковой атаки противника был убит 02.09.43. Ординарец его тоже был ранен … он лучше бы описал о его такой судьбе…»

Могила Веселовского Михаила Ивановича находится в с. Подывотье Севского района Брянской области. Посмертно он был награжден орденом Отечественной войны II степени.

После страшной войны семья возвращалась к мирной жизни.

Дмитрий Иванович окончил войну с боевыми наградами: орденом Красной Звезды, медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Он был ранен и контужен, но остался в армии на сверхсрочной службе. Служил в Латвийской ССР, восстанавливая Ригу. Женился. Затем уволился из рядов Советской Армии и всю свою жизнь проработал

завскладом на заводе «Ригасельмаш». У него родилась дочь Валентина, а затем и внук Роман. Дмитрий Иванович добросовестно проработал на заводе, за что был неоднократно награжден грамотами и медалями. Умер Дмитрий в 1983 году, похоронен в г. Рига.

Отец семейства, Иван Васильевич Веселовский, вернулся с войны тоже с боевыми наградами. Работал портным, шил мужские костюмы.

Моя прабабушка, Евдокия Ивановна, поступила учиться в Ефремовский педагогический техникум. А младшей Вале в 1945 году, когда закончилась война, было всего лишь 8 лет. Она пошла в первый класс.

Екатерина Егоровна, мама моей прабабушки очень сильно переживала гибель своего сына Михаила. У нее парализовало ноги, и она не могла ходить, ее приходилось возить на самодельных санках к врачам в поликлинику. Жизнь в деревне была голодной и трудной, не было ни работы, ни денег.

После окончания педучилища прабабушку Евдокию Ивановну направили работать в г. Тулу, в школу рабочей молодежи. Она поступила в Тульский педагогический институт на филологический факультет. Живя в общежитии для учителей, забрала к себе в город свою младшую сестру.

Жизнь стала налаживаться. Валентина окончила среднюю школу, поступила в пищевой техникум в г. Рига. После окончания техникума вернулась в Тулу, вышла замуж, родила сына, которого назвали, как и ее погибшего брата, Михаилом. Всю жизнь проработала она в пищевой промышленности — технологом на Тульском ликероводочном заводе.

Евдокия Ивановна закончила институт, тоже вышла замуж. Молодой семье дали квартиру, у них родились дети: дочь Елена и сын Виктор. До самой пенсии прабабушка проработала в школе учителем начальных классов.

Я помню свою прабабушку. Она занималась со мной и моим братом, читала нам книжки. Мы учили стихи, пели детские песенки. Прабабушка учила нас читать и писать. Она воспитывала нас быть честными и справедливыми. Мне запомнилось, какой она была доброй, заботливой, терпеливой! Сколько времени и сил посвятила она нам, сколькому нас научила!

Умерла она в 2012 году.

Прабабушка Евдокия Ивановна и сестра ее Валентина Ивановна в послевоенные годы вели розыскную работу, переписывались с военкоматами, нашли место захоронения погибшего брата. Выхлопотали своей матери Екатерине Егоровне пенсию по потере кормильца, сына Михаила, лейтенанта Советской Армии. Умерла Екатерина Егоровна Веселовская в 1986 году.

ЧЕМУ НАС УЧИЛА ПРАБАБУШКА[1]

Стрельникова Диана Сергеевна, 18 лет,
студентка 1 курса направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Тула

А.А. Яковлева
(1924–2015)

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. повлияла на ценности, жизненные цели и личные интересы людей. Она затронула всех и каждого, независимо от того, участвовал человек в войне или нет.

Моя прабабушка была участницей этого трагического события в истории нашего государства. Анастасия Андреевна Яковлева (03.11.1924–30.04.2015) родилась в деревне Астанино Егорьевского района Московской области. По счастливой случайности в конце войны ее взяли работать в КГБ г. Новомосковска (Тульская область), а затем перевели в аналогичное подразделение в г. Узловая, где она проработала еще 8 лет.

Жизненный опыт, приобретенный прабабушкой в годы войны, профессиональные навыки, полученные за годы службы, она максимально постаралась передать членам своей семьи. Прежде всего Анастасия Андреевна воспитывала в нас пунктуальность и точность, развивала навык общения, учила сдерживать свои обещания и быть справедливыми ко всем окружающим людям.

В течение всей своей жизни прабабушка всегда любила держать все под контролем — даже в глубокой старости самостоятельно звонила в государственные организации и узнавала, какие льготы, надбавки ей положены, что изменилось в сфере социальной защиты населения. Она была в курсе всех событий: смотрела новости, слушала радио, читала местные газеты. Именно поэтому все родственники, друзья и знакомые А.А. Яковлевой считали ее интересным и образованным собеседником. Что касается памяти, то она у Анастасии Андреевны была феноменальной: она помнила все значимые даты, имена и дни рождения всех родственников, а также знала содержание законодательных актов РФ.

Прабабушка приучила нас вникать во все тонкости какого-либо вопроса, изучать его досконально, обращать внимание на мелочи. И этот навык, действительно, помогал нам во многих жизненных ситуациях, в чем мы убеждались не раз.

---

[1] Продолжение. См.: Воспоминания Анастасии Андреевны Яковлевой (03.11.1924–30.04.2015) // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Сразу после войны / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2017. С. 637–639.

Так как прабабушка пережила голодные годы войны, то она с особым трепетом относилась к продуктам питания: экономила и покупала продукты с длительным сроком годности, впрок. Такую же привычку она выработала и у нас: крупы, растительное масло, овощи, мясные продукты мы стараемся покупать заранее — до того момента, когда они закончатся.

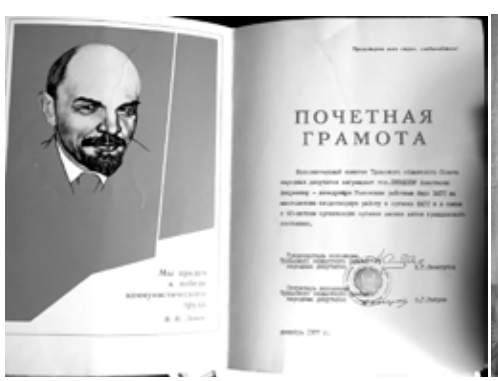
Конечно же, Великая Отечественная война проявила ее патриотизм. Прабабушка очень сильно любила Родину и хотела «заразить» этой любовью будущее поколение, когда приходила в школы на открытые уроки, посвященные памятным датам. Нас она научила беречь и защищать свое Отечество: ходила регулярно с нами на парад в День Победы, рассказывала поучительные истории периода 1941–1945 гг., которые остались в нашей памяти навсегда!

Наставления и учения ветеранов войны — бесценны! Нам просто необходимо перенять их опыт и убеждения. И только тогда мы сможем сохранить в истории их бессмертный подвиг и воспитать достойное новое поколение!

Свои награды за деятельность в годы Великой Отечественной войны бабушка спрятала в неведомое нам место. Надеемся, мы их когда-то найдем, а пока нашей семейной реликвией являются ее юбилейные медали: «60 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «65 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «В честь 70-летия обороны Тулы и начала контрнаступления под Москвой», «300-летие начала государственного оружейного производства в г. Тула», «70 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Бережем мы и ее грамоты, благодарственные письма, поздравления. Так, в одной из них за подписями председателя исполкома Тульского областного Совета народных депутатов Н.Т. Синегубова и секретаря С.Г. Реброва, говорится: «Исполнительный комитет Тульского областного Совета народных депутатов награждает тов. ЯКОВЛЕВУ Анастасию Андреевну — заведующую Узловским районным бюро ЗАГС, за многолетнюю плодотворную работу в органах ЗАГС и в связи с 60-летием организации органов записи актов гражданского состояния.

декабрь 1977 г.»

«ПОСЛЕ ВОЙНЫ НИЧЕГО БОЛЬШЕ НЕ СТРАШНО»

Аль Таамнех Айман, 18 лет,
студент 1 курса Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова
г. Тула

Мой прадед Василий Васильевич Шеврыгин (1923–2008)

Мой прадедушка Василий Васильевич Шеврыгин родился 1 января 1923 г. в большом селе Борец Рязанской области в семье казака. После окончания 5 классов сельской школы ему пришлось пойти работать слесарем, чтобы помогать родителям. Все было хорошо, пока на нашу страну в 1941 г. не напала гитлеровская Германия. Тогда моего прадедушку призвали в армию. С 16 декабря 1941 г. он воевал в звании рядового солдата-пулеметчика в 745-м стрелковом полку. А его отец, Василий Федорович, воевавший еще в Гражданскую войну, попал на трудовой фронт, рыл окопы для обороны города Тулы.

Про войну мой прадед рассказывать не любил. Когда спрашивали, он больше отмахивался и молчал. Однако про некоторые эпизоды из той его жизни я услышал от моих бабушки и мамы.

В 1942 г. под Воронежем произошел такой случай. Все бойцы, которые сражались рядом с Василием, погибли. В живых остались только двое: он с другом. Они залегли с пулеметами в разбитом доме. Потом товарищ решил поменяться с Василием местом, а когда они переместились, буквально через пять минут его сразила шальная пуля, попав прямо в сердце. Он умер на руках моего прадеда. Василия ранило в бедро, контузило, он потерял сознание. После этого молодой солдат попал в плен к немцам.

Пока Василий находился в плену, его сочли погибшим, и матери пришла «похоронка». На родине, в Рязани, его отпели в церкви как погибшего на фронте. И, как выяснилось позднее, он был посмертно представлен к высокой награде — ордену, кажется. Следом на фронт забрали его младшего брата Ивана. Мать осталась одна со своим горем, заболела и умерла в Рязанской психбольнице. Могилу ее так и не нашли.

После освобождения из плена прадедушке пришлось пройти проверку, которая подтвердила, что он — не предатель. Он был помещен в проверочно-фильтрационный лагерь в г. Сталиногорске. Сначала прадед работал в столовой, а получив документы, трудился в шахте, на восстановлении разрушенных войной цехов Сталиногорского химкомбината, Сталиногорской «ГРЭС» и др. Здесь же в Сталиногорске он встретил свою будущую жену Тамару.

Встретились два одиночества, полюбили друг друга и в 1945 г. создали семью. Жили трудно. Жилья не было. Из заброшенного туалета в бараке они смогли сделать комнату, в которой прожили до 1961 г. Чтобы не голодать, собирали на полях замерзшую картошку, ели свекольную ботву и лебеду.

В 1946 г. родилась дочь Лида (моя бабушка). Со слов прабабушки Тамары, Василий приносил с работы кусочек хлеба, который им давали, а сам, бывало, падал в голодный обморок. Вместо соски с молоком ребенку давали сосать этот хлеб.

Замкнут и немногословен был прадед после войны. В редкие минуты воспоминаний о своих боевых товарищах по его щеке катилась скупая мужская слеза. Семья старалась не бередить душевную рану расспросами. Всякое пришлось испытать этому человеку и на фронте, и в плену, и в послевоенное время: голод, холод, смерть товарищей, потери родных и близких, друзей. Неизвестно, как бы сложилась его дальнейшая жизнь, если б не любовь, семья, дети, и конечно же, труд, стремление к лучшей жизни. Это помогло выстоять, не потерять себя и не озлобиться.

Мой прадед Василий Васильевич до самой пенсии работал слесарем-монтажником на объектах города. Пользовался заслуженным уважением. Был бригадиром, передовиком производства, ударником трех пятилеток, неоднократно награждался почетными грамотами и благодарственными письмами, медалями, был членом профкома «Новомосковскхимстрой».

Вместе с моей прабабушкой он прожил 63 года. Они вырастили достойных дочерей Лидию и Валентину, которые работали в горкоме партии и администрации города. Также они помогли моей бабушке воспитать достойную дочь Нину (мою маму), которая в данный момент является заведующей архивом Новомосковского института РХТУ им. Д. И. Менделеева.

В моих глазах с самого детства прадедушка был самым смелым человеком на планете, с него я брал пример. Он не боялся вылезти из окна на 5-м этаже, чтобы помыть стекла. Я считал это невероятной смелостью, т. к. боялся высоты. Однажды я спросил, не страшно ли ему. Он посмотрел на меня несколько секунд и медленно ответил: «После войны, дорогой, ничего мне больше не страшно». Эти слова я запомнил на всю жизнь.

Я горжусь своим прадедом, и сделаю всё, чтобы будущие поколения моей семьи знали своего Героя и им гордились!

8 августа 2008 г. моего прадеда Василия Васильевича не стало, но память об этом скромном, немногословном, честном человеке, прожившем тяжелую жизнь, живет и будет жить в наших сердцах. Память о нем в нашей семье не умрет никогда, и я об этом позабочусь!

НЕПРОСТЫЕ СУДЬБЫ МОИХ ЧЕТЫРЕХ ПРАДЕДОВ

Арутюнян Сирануш Артуровна, 18 лет,
студентка 1 курса направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ имени Г. В. Плеханова,
г. Тула

Я — армянка, и у меня большая семья, дружная и крепкая. Великая Отечественная война затронула многие семьи в эти жуткие годы, и моя не исключение. Все мои прадедушки воевали, но, к сожалению, я не обладаю большим запасом информации о них. Никто из них не любил рассказывать про эти страшные годы, а кто-то и вовсе не успел — погиб. Всякий раз, когда я прошу своих родителей рассказать мне про родственников и войну, они не могут сдержать слёз, и я, конечно же, тоже.

У моего прадедушки Тиграна Нерсесовича Акопяна (1901–1973) было два родных брата: Арамаис Нерсесович Акопян (1910–1942) и Борис Нерсесович Акопян (1914–1946). Тигран был старшиной и с 1941 по 1947 г. служил на границе с Турцией в погранвойсках. Арамаис в 1941 г. ушел на войну, а в 1942 г. пропал без вести вблизи Керченского пролива. Военный путь Бориса, также как и братьев, начался в 1941 г. Он тоже был старшиной, как и Тигран. Уже в 1980-х гг. выяснилось, что он служил в НКВД. В 1942 г. получил отпуск на месяц, и в это время зародилась жизнь моей бабушки. После этого прадедушка возвратился на фронт, дошел до Польши; знаю, что он участвовал в освобождении Варшавы 17 января 1945 г.

Пройдя всю войну, Борис Нерсесович погиб в 1946 году во время патрулирования от пули бандеровского снайпера.

Между прочим, сегодня большая часть украинской молодежи считает бандеровцев борцами за свободу. А они — не борцы, они — предатели и настоящие звери, которые в годы Великой Отечественной войны не просто убивали людей всех возрастов, а еще и истязали их, прежде чем нанести смертельный удар. Белорусское село Хатынь, недалеко от которого похоронен мой прадедушка Борис, было просто-напросто стерто с лица земли в марте 1943 г. На совести бандеровцев и Украинской повстанческой армии, по данным МИДа России, также Львовский погром 1–3 июля 1941 г., когда было уничтожено несколько тысяч жителей, в основном евреев; расстрелы в Бабьем Яру под Киевом в 1941–1943 гг. при пособничестве украинских националистов нескольких десятков тысяч человек: евреев, украинцев, советских военнопленных; ликвидация еврейского гетто в Ровно в июле 1942 г., отнявшая жизни более 5 ты-

Арамаис Нерсесович Акопян (1910–1942)

сяч человек; Волынская резня, учиненная весной-летом 1943 года и приведшая к гибели нескольких десятков тысяч поляков и украинцев; карательные акции в ходе подавления Словацкого национального восстания 1944 года [1].

О зверствах бандеровцев в годы Великой Отечественной войны можно узнать из рассекреченных документов на сайте Министерства обороны России, где представлены архивные свидетельства также об их тесном партнерстве с немецко-фашистскими войсками [2]. «Подрывная деятельность в советском тылу, террор, массовые расстрелы населения — немцы оставляли бандеровцам самую грязную работу» [3]. Однако и западные ученые тоже публикуют серьезные исследования, обнажающие зловещую суть идеологии Степана Бандеры и кровавые плоды претворения этой идеологии в жизнь украинскими националистами. К примеру, вышедшая недавно в Польше книга «Бандера. Фашизм. Геноцид. Культ. Жизнь и миф украинского националиста» польско-немецкого историка Гжегожа Россолиньского-Лиебе основана на фактах, которые неугодны польским и украинским политикам [4].

И после всего этого бандеровцев в сегодняшней Украине считают героями?!

Долгое время мой прадедушка Борис Нерсесович Акопян считался без вести пропавшим, но недавно мой дядя нашел информацию в архивах и выяснил, что его могила находится в Беларуси, деревне Дубно, куда товарищи перевезли его тело и похоронили.

У меня был ещё один прадедушка — Людвиг Степанович Акопян (1908–1978). Он дошел до Берлина, но в последней битве попал в плен к немцам. Его отправили в Алжир, где он работал в шахтах по добыче урана. Ему удалось сбежать из плена. Однажды, когда ночью отправляли сырье, прадедушка, не зная куда попадет, зацепился за нижнюю часть вагона поезда. Он сумел добраться до Франции, но на границе его поймали и снова отправили в плен.

Борис Нерсесович Акопян (1914–1946)

После окончания войны он вернулся в Париж, где встретился и подружился с состоятельным армянином. Тот предоставил ему жильё и работу. Так, прадедушка прожил во Франции 6 лет. Его новый друг предлагал ему остаться и жениться на его дочери, но прадедушка Людвиг очень любил прабабушку и мечтал вернуться на Родину к семье.

В 1951 г. он возвратился в Москву, но семью свою увидел нескоро. Его отправили в проверочно-фильтрационный лагерь в Сибирь.

В 1955 г., во время «хрущевской оттепели», прадедушка вернулся на родину в Армению.

Я безмерно счастлива, что могу почтить память своих близких в этой замечательной книге поколений «Мы помним...»! Благодаря им сейчас есть я, благодаря им я узнала, что моя бабушка была русской, значит, и во мне есть русская кровь. Наконец, благодаря их подвигам мы все сейчас живём под мирным небом. Я хочу, чтобы каждый помнил, кому он обязан жизнью, и иногда думал, какие он совершает поступки, чтобы не допустить войны снова.

Каждый год, празднуя День Победы, мы вспоминаем о войне. Разные семейные истории и гордость за беспримерный подвиг воинов и тружеников тыла передаются из поколения в поколение, объединяют всех нас, служат нам незыблемым нравственным ориентиром. Именно они, наши деды и прадеды, определили исход войны, повернули «колесо истории» к миру и прогрессу.

Я всегда буду помнить о том, какую высокую цену заплатил наш народ за эти долгожданные мгновения торжества и триумфа и какое мужество требовалось от людей в те непростые и сложные годы. Стойкостью, беспримерным мужеством защитники показали всему миру, что нет и никогда не будет такой силы, которая смогла бы поставить на колени русского человека.

Источники и литература

1. МИД России: новое воинское приветствие на Украине. 24 августа 2018 г. URL: https://rvio.histrf.ru/activities/news/item-5347 (дата обращения: 24.05.2020).

2. Минобороны России разоблачило преступления бандеровцев в годы войны. URL: https://ria.ru/20140403/1002328994.html (дата обращения: 24.05.2020).

3. Михаил Мягков о зверствах бандеровцев в годы войны. URL: https://rvio.histrf.ru/activities/news/item-530 (дата обращения: 24.05.2020).

4. *Шторм А.* Преступления, которые нельзя забыть: в Польше издана книга о Бандере. URL: https://eadaily.com/ru/news/2018/06/12/prestupleniya-kotorye-nelzya-zabyt-v-polshe-izdana-kniga-o-bandere (дата обращения: 24.05.2020).

«ТЫ БЫЛ ХОРОШИМ ЧЕЛОВЕКОМ!»

Ключникова Наталья Андреевна, 21 год,
студентка 4 курса направления «Экономика»,
профиль «Финансы и кредит»,
Тульский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Тула

> Герой тот, кто умно и храбро умер, приблизив час победы. Но дважды герой тот, кто сумел победить врага и остался жив.
>
> В. И. Чуйков [1, с. 52]

Мой прадед Зотов Виктор Константинович родился 25 декабря 1922 года в Московской области, в городе Серпухове. Его отец, Константин Илларионович Зотов, 1895 года рождения, был родом из Тамбовской губернии, после гражданской войны находился в должности директора мелкого предприятия (артели), а впоследствии работал в мастерской. Он был внушительного роста — 196 см и имел 46-й размер ноги, у него был абсолютный музыкальный слух, и он всегда радовал свою семью игрой на аккордеоне или гармошке. У него был на удивление очень красивый каллиграфический почерк. Мать прадеда, Дарья Никитична Зотова, родилась 1 апреля 1904 года и работала медсестрой в стоматологии. У моего прадеда был младший брат Владимир, который родился в 1924 году и в дальнейшем окончил военное училище.

Виктор Константинович окончил 9 классов школы № 2 города Серпухова в 1939 году. Пошёл работать, а когда началась война, в октябре 1941 года добровольцем записался в Красную Армию. Имел звание рядового, прошёл курсы и стал сержантом. Он был назначен в расчёт зенитного орудия. В марте 1942 года воевал на Калининском фронте, а летом получил тяжелое осколочное ранение от мины. От его расчёта в живых осталось всего два человека, включая его самого.

В течение двух последующих лет Виктор Константинович лежал в различных госпиталях — у него отказало одно лёгкое и была серьёзная травма позвоночника. Он стал инвалидом I группы и его комиссовали в 1944 году, но несмотря ни на что в этом же году он добился того, чтобы его вновь отправили на фронт. Так он оказался в Польше в должности зенитного орудийного мастера 7-го запасного артиллерийского полка и прослужил там до конца войны.

Владимир Константинович, брат моего прадеда, служил старшим лейтенантом и командиром пулеметного взвода гвардейского стрелкового полка в Венгрии, его назначили комендантом в маленьком городке, но, к огромному сожалению, в 1944 году пришла похоронка. Он умер в возрасте 20 лет и нам неизвестна причина его смерти. Он был награжден Орденом Красной Звезды посмертно.

Виктор Константинович с мамой Дарьей Никитичной и соседкой

После войны мой прадед вернулся в Серпухов, работал на заводе «Металлист», который в то время выполнял государственные заказы для комплектования космических кораблей «Прогресс» и «Союз», ракет-носителей «Протон», Международной космической станции. Он был старшим мастером и внес свой вклад в развитие космической отрасли. Там же он познакомился со своей будущей женой — Раисой Ивановной Колчевой, в 1947 году они поженились. Через год, в 1948 году у них родилась дочь Вера, в 1950 году — сын Владимир (мой дедушка), в 1953 году — младший сын Сергей. Наша прабабушка сберегла послевоенную фотографию, на которой запечатлен прадед. Эта реликвия находится в домашнем архиве их дочери.

Виктор Константинович часто ездил в санатории, чтобы поправить подорванное войной здоровье. В ВКП(б) он вступил еще на фронте в июле 1943 года и после войны оставался убежденным коммунистом с активной жизненной позицией: являлся секретарем парткома (1950–1960-е гг.), председателем цехового комитета в профкоме. Прадедушка рано ушёл на пенсию в возрасте 55 лет. Умер в 1987 году в возрасте 65 лет.

Мой прадед был награждён орденом Отечественной войны I степени, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За боевые заслуги». Кратко его подвиг был описан в наградном листе начальником арт. снабжения 7-го запасного артполка, капитаном АТС Прохоровым 27 июня 1945 года:

«Зотов Виктор Константинович, участник Отечественной войны с марта 1942 года, имеет одно тяжелое ранение. Находясь в арт. мастерской в должности орудийного зенитного мастера показал себя как технически грамотного младшего командира. Товарищ Зотов производит высококачественный ремонт орудий всех калибров. Хорошо проводит занятия с курсантским составом. Как член ВКП(б) активно участвует в общественно-политической работе. Дисциплинированный, требователен к себе и подчиненным.

Виктор Константинович на демонстрации трудящихся 1 мая с коллективом завода «Металлист» (крайний слева)

Виктор Константинович на свадьбе дочери с женой и мамой (стоит сзади)

Достоин награждения медалью «За боевые заслуги» [2].

Я не имела возможности когда-либо пообщаться со своим прадедом, но если бы мне предоставили этот шанс, я бы сказала ему:

«Здравствуй, дед! Дорогой защитник Родины! Я тебя никогда не видела, но в нашей семье все помнят тебя и много рассказывают, каким ты был человеком. Ты заслужил много наград, и все они хранятся в нашей семье. Мы гордимся тобой!

Мои слова тебе — это благодарность! Большое тебе спасибо, мой прадед, за то, что ты вместе с другими солдатами, со всем народом защищал нашу Родину. Могу представить, как тяжело было вам воевать, когда в любой миг могла оборваться жизнь. Много было потерь, но вы, солдаты, не сдавались и шли дальше, чтобы одержать победу.

Это вам мы обязаны за мирное небо над головой, за яркое солнце, за то, что мы живы, за наше счастливое детство, за счастливую семью, за то, что нас любят и любим мы.

Ты и после войны много сделал для нашей страны. Ты был хорошим человеком! Ты хорошо воспитал своих детей, в том числе и моего любимого деда. Помни и знай, ты жив в наших сердцах и всегда будешь жить. Тобой я горжусь, ты воевал не напрасно!

Твоя правнучка Наташа».

Литература и источники

1. *Чуйков В.И.* Сражение века. М.: Советская Россия, 1975.

2. Зотов Виктор Константинович. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie26155603/ (дата обращения: 15.06.2020).

ПРАДЕД СРАЖАЛСЯ ЗА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Якимишина Елена Александровна, 23 года,
студентка 2 курса заочного отделения Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Тула

И.Н. Подколзин (1917–1989)

Мой прадед – защитник Отечества

75 лет назад Победой советского народа закончилась Великая Отечественная война. Участником событий тех страшных лет был и мой прадедушка, Подколзин Иван Николаевич. Он прошёл всю войну от самого ее начала и до победного мая 1945 года.

Подколзин Иван Николаевич родился 15 июня 1917 года в с. Солодилово Воловского района Тульской области. В 1938 г. был призван в ряды Красной Армии. Отслужил срочную службу, но демобилизоваться не успел. Началась война.

Иван Николаевич служил во 2-м кавалерийском полку под командованием генерала П.А. Белова в должности радиста, командовал передвижной радиостанцией. Он обязан был поддерживать связь с наступающими полками и эскадронами, помогая штабу координировать действия. И, конечно, приходилось и самому браться за оружие.

За отличия в сражениях летом и осенью 1941 г. 2-й кавалерийский корпус генерала Павла Белова был удостоен звания гвардейского и переименован в 1-й гвардейский.

И.Н. Подколзин принимал участие в битве под Москвой, освобождал Украину, участвовал в освобождении Берлина и Праги. Получил звание младшего лейтенанта. За боевые заслуги был награждён медалями «За оборону Москвы», «За Отвагу», двумя медалями «За боевые заслуги», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», нагрудным знаком «Гвардия», к 40-летию Победы был награждён орденом Отечественной войны II степени.

После окончания войны Иван Николаевич еще год продолжал военную службу и вернулся домой только в 1946 году. Сразу же включился в трудовую жизнь. Много лет отработал в Плавском районном пункте по заготовке зерна. Был заместителем директора, потом директором пункта.

Он не любил рассказывать про события военных лет, не любил вспоминать войну. Я думаю, словами трудно передать то, что пришлось пережить! Лишь изредка говорил он о том, как страшно было терять боевых друзей, тех, с кем делил горстку табака, плечом к плечу шёл в бой.

Умер прадедушка в 1989 году.

За мирную жизнь, за голубое небо над головой, за Советский Союз сражался мой прадедушка, как и все советские солдаты.

Про Советский Союз. Мои размышления

Чем дальше в прошлое уходит Советский Союз, тем больше желающих в него вернуться. Как и любая историческая эпоха, время существования СССР имеет свои плюсы и минусы. Жизнь в Стране Советов не была идеальной, но люди вспоминают, скучают, сравнивают. И сегодня эта эпоха будоражит и волнует соотечественников. Порой разворачиваются жаркие дебаты в обществе, выясняя, насколько счастлив был советский человек и как жили в СССР.

По воспоминаниям моих родственников, была простая и счастливая жизнь миллионов людей, которые гордились Великой Победой и Советским Союзом, верили в светлое будущее. Отличительной чертой того времени была стабильность: люди не боялись ни повышения цен, ни увольнения, ни грядущего дня. Кто-то вспоминает бесплатное образование и медицину, льготные путевки в пионерские лагеря и санатории, время стабильной зарплаты и пенсии; кто-то говорит об очередях и дефиците, бытовой неустроенности в каком-нибудь далеком колхозе, куда ездили «на картошку» или сенокос. Но все отмечают добрые и доверительные человеческие отношения.

Посидеть с соседскими детьми, сбегать для кого-то в аптеку — не было проблемой. О решетках на окнах и железных дверях никто не задумывался, ключи от квартиры лежали под ковриком. Не то, что сегодняшняя обособленность, отчужденность — человек порой не знает, кто живет с ним рядом на площадке. В советское время общество было единым целым. Воспитание в тепле коллектива начиналось с детского сада, затем школа, институт, производство. Все делалось вместе и сообща. Коллективизм — самое большое достижение советского времени. Каждый чувствовал свою принадлежность к великому народу, жил интересами и радостями своей страны, своего города, села, своего предприятия. Человек не был один: будни и праздники, печали и радости проживали все вместе.

Отношение к школе в СССР, да и к образованию в целом, сильно отличалось от современного. Советские граждане имели право на бесплатное образование — это было гордостью Страны Советов. Причем среднее образование было всеобщим и обязательным. А поступить в вуз мог любой желающий после успешной сдачи вступительных экзаменов; как правило, конкурс в вузы был высокий. Сейчас некоторые ставят под сомнение уровень советского образования, однако ученые и специалисты, взращенные в этой «плохой системе», за рубежом идут нарасхват.

А с каким уважением относились к учителям!

Ещё один весомый аргумент в пользу СССР — советский человек всегда мог рассчитывать на бесплатную медицинскую помощь. Советская санитарно-эпидемиологическая служба была лучшей в мире.

Женщины не боялись рожать детей, потому что не было той озабоченности, как прокормить и «вывести в люди». Соответственно, рождаемость в стране росла, и не нужны были для этого никакие дополнительные льготы и поощрения.

Одним из больных вопросов Советского Союза был квартирный вопрос. Квартирные очереди растягивались на долгие годы, несмотря на то, что ежегодно жилищное строительство рапортовало о сдаче новых микрорайонов.

В СССР не было социального расслоения между «верхами» и «низами», не было той непреодолимой пропасти, которую можно наблюдать сейчас.

Культура, как и сама жизнь в СССР была неоднозначной. Не все писатели могли публиковаться, чтобы дойти до читателя, поэтому использовали самиздат. Кому-то пришлось уехать из страны, кого-то отправляли в ссылку за «тунеядство» и никакие ходатайства коллег не могли спасти от чужбины. Нельзя забыть разгромленную выставку авангардистов. У представителей творческой интеллигенции в Советском Союзе была совсем не легкая жизнь.

В кинематографе ситуация была не столь печальная, хотя и здесь цензура не дремала. Именно в это время были сняты шедевры мирового класса, которые до сих пор не сходят с экрана: «Война и мир» С. Ф. Бондарчука, комедии Л. И. Гайдая и Э. А. Рязанова, «Москва слезам не верит» В. В. Меньшова и многое другое.

Ностальгия по СССР продолжает набирать обороты. Люди вспоминают все: и пионерию, и комсомол, и доступность детских садов, и летние лагеря для детей, и бесплатные секции и кружки, и отсутствие бомжей на улице. Одним словом, стабильную и спокойную жизнь. Вспоминают и праздники в СССР, как вместе шли на парадах, гордые за свою страну, за ее великие достижения, за героизм своих людей. Вспоминают, как дружно жили по соседству представители разных национальностей и не было никакого деления и нетерпимости. Был товарищ, друг и брат — советский человек.

Кто-то СССР вспоминает с ностальгией (таких сегодня большинство), а кто-то — с ужасом. Как ни странно, и те, и другие, наверно, правы. Можно по-разному относиться к ушедшей эпохе, но ее нельзя забыть, это наша история. А в истории всегда бывает и хорошее, и плохое; хорошее — вызывает чувство гордости, плохое — учит не повторять ошибок.

«НЕ ЖАЛЕЛ СВОИХ СИЛ И ЗДОРОВЬЯ...»

Серегина Яна Денисовна, 19 лет,
студентка 2 курса направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Тула

П.Г. Силкин (1926–1993)

Мой прадедушка (по маминой линии) Пётр Герасимович Силкин — белорус, родился в 1926 году в деревне Беляевка Чечерского района Гомельской области Белорусской ССР.

Когда началась Великая Отечественная война, ему было всего 15 лет. Пришлось пережить много лишений, находясь в оккупации. Почти всю деревню сожгли фашисты, и люди жили в лесу в землянках.

После освобождения Гомельской области от фашистской оккупации, 17-летний прадедушка пошел добровольцем на фронт. Он воевал в разведке снайпером, имел звание сержанта, был командиром минометного расчета. Трижды ранен. Награждён двумя орденами Славы III степени и орденом Отечественной войны I степени, а также медалями «За Отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и «За взятие Берлина».

Вернулся прадедушка с войны в родные края инвалидом 3 группы с осколком в груди. Его сразу же назначили секретарем сельского совета. После военной разрухи нужно было восстанавливать сельское хозяйство в совхозе «Беляевский».

Прадед был энергичный, веселый и смелый мужчина. В сельском совете он познакомился с моей прабабушкой Анной Гавриловной, и в 1947 году они поженились, а в 1949 году у них родилась дочь — моя бабушка. Через 2 года родилась вторая дочь. Прожили они с прабабушкой счастливых 46 лет. У них 4 внука и 4 правнука, но о правнуках прадед так и не узнал. Петр Герасимович ушел из жизни в 1993 году от сердечного приступа, ему было 68 лет.

Моя бабушка помнит из своего детства, как к ним в гости неожиданно приехал заслуженный артист РСФСР куплетист Владимир Нечаев. С прадедом они познакомились в фронтовом госпитале, где у Нечаева был концерт.

Прадеду был противопоказан тяжелый физический труд, но он все равно трудился и на сенокосе, и в поле (был бригадиром полеводческой бригады). Какое-то время работал начальником заготконторы, но больше всего он трудился в лесничестве, занимался охраной заповедника «Беляевский». Он отлично ориентировался в лесу, мог за день пройти 10–15 км пешком. Петр Герасимович был хорошим охотником, о чем говорит «Орден охотника», выданный ему от лесничества.

Петр Герасимович и Анна Гавриловна Силкины

Дома прадед увлекался пчеловодством и вырастил сад. Его часто просили помочь ухаживать за совхозным садом. Он был хорошим столяром-самоучкой: мастерил оконные рамы, табуретки, стулья и столы всем родственникам и друзьям.

Вспыльчивость прадеда сглаживала прабабушка Анна Гавриловна. Она была спокойная и относилась ко всем с уважением. Они оба обожали своих дочерей и внуков. Единственное, о чем они не любили рассказывать — это о войне. Говорили: «Лучше вам этого никогда не узнать!»

Прабабушке тоже приходилось нелегко. С раннего утра она хлопотала по дому, и все домашнее хозяйство (куры, поросенок, кролики) было на ней. Днем она работала на совхозном поле, а вечером ее ждали домашние дела и собственный огород.

В 1986 году их настигла новая беда — произошла авария на Чернобыльской атомной электростанции. В город Чечерск и близлежащие районы принесло радиационное облако. Местные люди считают, что хвойные леса в той местности тогда спасли людей в деревнях, так как притянули радиационное облако на себя.

Первую неделю после аварии все испытывали постоянную жажду, никак не могли напиться воды. Когда узнали о радиации, то испытали шок. Зеленый хвойный лес стал коричневым.

Единственное, что утешало прабабушку и прадедушку это то, что их дети и внуки на тот момент жили в чистой зоне. Везде, где выпали радиационные осадки, пришлось вырубить все ягодные кусты и закопать их. Всех интересовал один вопрос: «Сколько нам осталось жить?» Но как всегда это бывает, с годами все смирились со своей участью.

У прадедушки и прабабушки была трудная жизнь, они многое пережили. Им пришлось преодолеть множество трудностей, но они выстояли, не жалуясь на судьбу, и прожили достойную жизнь.

Слова из наградного листа 1945 года «Не жалел своих сил и здоровья...» оказались применимы ко всей его жизни.

2018 г.

РЯДОВОЙ МОЛЧАНОВ ИВАН МАТВЕЕВИЧ

Леонов Максим Сергеевич, 19 лет,
студент 2 курса направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
председатель студенческого научного кружка «Поведение
потребителей и потребительская культура»,
председатель Студенческого совета филиала,
г. Тула

Мой прадед Иван Матвеевич Молчанов родился в крестьянской семье 10 апреля 1915 г. Жили они в Тульской области, в Алексинском районе, в деревне Лукино. Семья была многодетная: родители, он, брат и четыре сестры, то есть восемь человек (поэтому у нас много родственников в Туле, Алексине, Москве; одна из сестер прадеда еще жива, трое уже умерли, а брат погиб на войне).

Вся семья работала в колхозе. Жили бедно. Имели небольшую усадьбу; выращивали овощи, держали корову и кур.

Довелось Ивану Матвеевичу повоевать в Монголии на Халхин-Голе против японцев в 1939 г.; был простым рядовым. После нападения на Советский Союз гитлеровской Германии в 1941 г. был призван защищать Родину. Нам известно, что он был десантником, служил в 8-й гвардейской воздушно-десантной бригаде.

Прадед был очень смелым, у него было много друзей, ведь прыжки с парашютом способствовали и тому, и другому. Моя мама рассказывает, что в детстве она видела много фронтовых фотографий прадеда с друзьями-сослуживцами, но был пожар, дом сгорел, и альбом не сохранился.

И.М. Молчанов (слева) с однополчанами

О том, где конкретно воевал прадед, мы мало что знаем, так как его сын, мой дед, давно умер и унес с собой все подробности. Известно лишь, что вернулся прадед Иван Матвеевич после войны в 1945 г. в родную деревню, женился на моей прабабушке. Далее молодая семья решила перебраться в город к родственникам, которые жили в Туле, в Зареченском районе.

Устроился прадед на работу в горячий кузнечный цех Комбайнового завода, там проработал 22 года. В 1947 г. родился мой дедушка, который, став взрослым, тоже пошёл работать в этот цех. В газете «Комбайностроитель» даже была заметка о династии рабочих Молчановых. В Советское время очень приветствовались трудовые династии в рабочих коллективах. Большое уважение вызывали люди, прошедшие войну, и их дети, пришедшие работать с ними плечом к плечу. В заметке были отмечены высокие профессиональные качества моего деда и прадеда, их рвение к работе и добросовестному труду.

В 1953 году прадед участвовал в строительстве жилого дома, где в дальнейшем получил квартиру. Там до сих пор живет его внук — Молчанов Сергей Николаевич, который назвал своего сына в честь деда — Иваном.

В 1969 году прадед вышел на пенсию по горячей сетке, в том же году родилась моя мама. Декретный отпуск женщин тогда был очень короткий. В 2–3 месяца ребенка уже отдавали в ясли, а мама выходила на работу. Поэтому прадед и прабабушка решили помочь в воспитании девочки своему сыну и снохе, которой надо было выходить на работу — взяли новорожденную и уехали на родину в деревню Лукино Алексинского района. Там прадед 10 лет проработал в совхозе — пас стада коров сначала на лошади, потом после травмы ключицы — пешком.

Односельчане Ивана Матвеевича уважали. Кто-то обращался за советом по ведению хозяйства, кто-то — за помощью. Председатель совхоза «Приволье», в котором прадед тоже работал, относился к нему с большим уважением, так как был уверен, что он не подведёт, если нужно — выполнит любую работу, подменит заболевшего, выручит в трудной ситуации. Стада всегда были в порядке и без потерь.

До самой смерти 20 ноября 1988 г. прадед жил в родной деревне. Любил свою землю. Там выросла моя мама, которая до сих пор с большой любовью вспоминает те времена в деревне: те поля, тот лес и речку. Прадед очень сильно повлиял на характер и жизнь моей мамы, он привил у неё любовь к животным, ведь в деревне у них было очень много домашней скотины и птиц: куры, кролики, овцы, козы, коровы, поросята, гуси и утки. Мама с прадедом вместе ходили собирать сено, кормили этих животных, она помогала ему по хозяйству. Все летние каникулы она с радостью проводила в деревне.

О боевой славе моего деда свидетельствуют медаль «За отвагу», орден Отечественной войны, юбилейные медали, памятные часы, а также фронтовые фотографии. К сожалению, не все у нас сохранилось из-за того пожара 12 лет назад. Но мама часто вспоминает своего деда, следит за его могилой, ездит на малую родину, где росла. А 9 Мая мы обязательно возлагаем цветы к памятнику павшим героям, и по традиции фотографию моего прадеда я несу на шествии «Бессмертного полка» в родном городе Туле.

«А МЫ ПРЕД НИМИ ВСЕ В ДОЛГУ»[1]

Куликова Ирина Андреевна, 19 лет,
студентка 1 курса заочной формы обучения
направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Тула

Пусть память в душах поколений
Времен теченье не сотрет.
Ни павших, ни живых забвенье
Пусть не коснется, не убьет!

Е. Агранович

Десять лет назад, 5 мая 2010 года, на презентации книги воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...» я оказалась самой юной участницей проекта. И хотя конкурс эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» был объявлен среди молодежи, мне, 9-летней четверокласснице Ивановской основной общеобразовательной школы Тепло-Огаревского района Тульской области, повезло — жюри понравилось мое коротенькое эссе «Наша армия успела вовремя», и оно было опубликовано.

Как сказала руководитель проекта Людмила Ивановна Ростовцева, «ком подступает к горлу», когда она читает или вспоминает этот искренний пересказ девочкой слов своей бабушки о том, что немцы подготовили списки для расстрела жителей поселка Ханино Суворовского района, в котором были даже трехлетние дети и среди них ее сестра. Я написала тогда:

«Но наша армия успела вовремя. Люди остались в живых.

А старосту, который составлял списки, нашли потом расстрелянным. Он валялся внизу около пруда, возле бани. Предатели никому не нужны. Говорят, что расстреляли его наши солдаты.

Уже много лет прошло, но те страшные события вряд ли забудутся. Слишком велико было горе!»

И вот через 10 лет я поступила учиться в Тульский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова. Первая лекция по микроэкономике профессора Л.И. Ростовцевой. Она делает объявление о пятом конкурсе эссе для книги поколений «Мы помним...» и приглашает нас принять участие. При этом, как пример, вспоминает мою работу десятилетней давности и тот мой вывод — не детский, но по-детски сформулированный — «Предатели никому не нужны». Она испытывает волнение, а я признаюсь, что та юная Ира Куликова — это я...

Итак, что же произошло дальше в том далеком 1941-м? Как сложились судьбы моих героев?

Части Красной Армии освободили поселок Ханино Суворовского района Тульской области от немецких захватчиков 19 декабря 1941 г. Люди, которых фашисты должны были расстрелять, остались в живых.

После победы наших войск в Великой войне началось восстановление разрушенного хозяйства по всей стране, в том числе и в поселке Ханино.

Та трехлетняя девочка, одна из многих, которую чудом спасла вовремя подоспевшая армия, выросла, окончила Ханинскую среднюю школу. И вот в 1953 году уже девушкой Валентина Петровна Филиппова вступила во взрослую жизнь. Она осталась жить в родном поселке и работать контроллером на арматурном заводе. Делала задвижки для трубопроводов. В те годы Ханино стал крупным промышленным центром.

Ее мать, Наталья Ивановна Филиппова, после войны работала на пекарне: замешивала муку, готовила тесто для будущего хлеба. А хлеб в Ханино пекли очень вкусный, необыкновенный. Он отличался от другого хлеба, хотя все в советской стране должно было быть по ГОСТу, одинаковым (так рассказывала мне моя бабушка, сестра Валентины Петровны).

Ее отец, Петр Григорьевич Филиппов, сразу, как только началась война, ушел на фронт. Он был связистом: обеспечивал устойчивую связь для управления войсками и оповещения об обстановке на фронтах, снабжал штаб необходимыми сведениями, доставлял оперативную информацию в боевые части. Спасая своего товарища, был ранен в правое плечо. Был награжден медалью «За отвагу». Молитвами жены и дочери Петру посчастливилось вернуться с фронта в родной дом, к семье. В послевоенные годы он работал вместе с дочерью на арматурном заводе до пенсии, продвинулся по карьерной лестнице до начальника отдела сбыта.

Петр Григорьевич Филиппов

Все они прожили счастливую долгую жизнь и благодарили судьбу за тот миг, когда наша армия спасла их жизни. Они были рады видеть, как растут их дети и внуки. Смерть настигла их уже после развала СССР, и многое они не увидели...

Как правильно и хорошо сказала Маргарита Агашина:

«Сто лет пройдет, и сто метелиц,
А мы пред ними все в долгу...»!

---

[1] Продолжение. См.: *Куликова И.А.* Наша армия успела вовремя // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2010. С. 452.

100 ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ МОЕГО РОДА

Медведская Анастасия Игоревна, 20 лет,
студентка 2 курса заочной формы обучения
направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Тула

Макар Федорович Николаев

Мне хочется по случаю 75-летия со дня окончания Великой Отечественной войны рассказать о моих родственниках, служивших Отечеству на протяжении века.

Мой прадедушка, Макар Федорович Николаев, был легендарным человеком. Уроженец Уральской земли, он прошел две мировые войны, Финскую войну и революцию 1917 г.

Прадед родился в 1890 году в городе Уфа в семье железнодорожников и рано остался сиротой. Рано начал работать подмастерьем у краснодеревщика на мебельной фабрике, естественно, жилось несладко сироте. У прадеда Макара были золотые руки, он делал красивую резную мебель не только на работе, но и для семьи.

Первая мировая война вторглась в жизнь моего прадеда неожиданно. Голод, острая нехватка оружия, кругом сырость, холод и сыпной тиф. Наши солдаты, в том числе и мой прадед, были на передовой под Ригой, в окопах. Они мужественно сражались из последних сил, активно сопротивлялись немцам, но враг захватил несколько плацдармов. Немцы обстреливали наших солдат из пушек и травили хлором. Прадед был ранен и отравлен, после чего попал в госпиталь. Он не любил вспоминать об этом, но эти события оставили огромный след в его жизни — его лёгкие были обожжены хлором, и он кашлял до конца жизни. Прадед Макар был награжден тремя Георгиевскими крестами и медалью «За храбрость».

Но на этом испытания не закончились. В 1917 году мой прадед был активным участником революции. Он печатал агитационные листовки в типографиях, которые скрывались в пещерах. В этом ему помогала его жена, моя прабабушка, Николаева (Чернова) Мария Ивановна. У нее были роскошные черные волосы, в которых она прятала и проносила листовки.

После революции мой прадедушка был участником коллективизации, председателем колхоза. Параллельно получил высшее образование — учился на инженера, а также окончил партийную школу.

В следующий раз жизнь преподнесла прадеду испытания в виде Финской войны. Он был серьезно ранен. Известно об этом мало, прадед Макар не любил жаловаться и рассказывать об этом, но я точно знаю, что он лежал в госпитале после участия в секретных операциях.

М.Ф. Николаев в госпитале в Первую мировую

Последней войной деда стала Великая Отечественная, на которую он пошел в 50 с лишним лет (!). На ней он получил тяжелое ранение. После госпиталя трудился в тылу, на трудовом фронте – возраст и многочисленные ранения сделали свое дело, воевать он больше не мог по состоянию здоровья.

В период Великой Отечественной войны моя прабабушка работала в госпитале и воспитывала семерых детей. Она всегда была примером стойкости в нашей семье. Прабабушка Мария стирала руками одежду солдат на реке в сорокаградусный мороз, сушила её дома над печкой. Выращивала на огороде урожай, чтобы прокормить детей и помочь выжить людям, эвакуированным из Ленинграда. Прадедушка погиб 18 мая 1944 года. Его сын, Валентин Макарович Николаев, продолжил дело отца, прошел всю войну и погиб 9 мая 1945 года в Германии. У нас сохранилась его открытка с фронта брату. Он пишет в 1943 г.:

«Геннадий, шлю тебе привет!

Ты что-то, брат, стал меня забывать совсем, давно уже не получаю от тебя писем, некогда что ли тебе.

Как идет твоя учеба, как проводишь время, а? Что делают дома, как чувствует себя мама и остальные члены нашей семьи, давай пиши обо всем. Наверно, все хулиганишь и не слушаешься. Смотри, браток, приеду домой, поговорим. Ну ладно, будь здоров, передавай всем от меня по привету и пиши.

Валентин. 23 января 1943 г.»

Моя бабушка, Раиса Макаровна Гончар (в девичестве — Николаева), родилась в 1935 году в Уфе и застала войну пятилетней девочкой. Бабушка рассказывала: «В наш дом приехали люди из Ленинграда — двое детей, больной мужчина и его жена. Для них в комнате отгородили угол веревкой, на которую повесили кусок ткани. Женщина подошла к маме и попросила разрешения собрать с огорода замерзшие листья капусты,

На позиции под Ригой. М. Ф. Николаев 1917 г.

Макар Федорович и Мария Ивановна Николаевы

чтобы накормить семью. Мама ей сказала, что будем жить одной семьей, что есть запас капусты и картофеля с огорода, поделилась одеждой».

Так они прожили несколько лет, а в послевоенное время моя бабушка Раиса еще долго переписывалась с этими детьми из Ленинграда, как с самыми близкими людьми, вплоть до восьмидесятых годов.

Эти воспоминания, рассказы о доброте и человечности, на которых воспитали мою мать и меня, для моей семьи являются большим сокровищем. У нас остались немногочисленные фотографии прабабушки и прадедушки, на которых счастливые годы семейной жизни, сложные годы войны, горечь утраты близких...

Моя мама, Гончар Оксана Анатольевна — врач, и она тоже не просто лечит, спасает жизни, но и служит нашему Отечеству. Она продолжает традиции рода и учит меня своим примером тому же. О ней — мой рассказ в главе «Женские судьбы» этой книги.

Я горжусь своей семьей и подвигом каждого ее члена!

А они сами ведь даже не считали свои действия какими-то особенными, они думали, что иначе быть не может, что все так жили. Делали то, что нужно для победы, для мира, для страны и людей. Помогали друг другу.

Эту память важно сохранить для будущих поколений и всегда помнить, кому мы обязаны мирным небом над головой.

ЖИЗНЬ НА ДВА ВЕКА И ДВЕ СТРАНЫ

Гуляева Олеся Владимировна, 33 года,
студентка 2 курса заочной формы обучения
направления «Экономика»
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Тула

Так получилось, что моя жизнь пришлась не только на два века, но и на две страны. Родилась я не в той стране, в которой живу сейчас. Я родом из СССР. Что же было хорошего и плохого в той жизни, какие яркие и интересные события о жизни в СССР остались в памяти?

У более старшего поколения Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в жизни, я же родилась гораздо позже, поэтому о ней знаю лишь понаслышке. В моей семье погибших на войне не было — повезло, все остались живы! Мой прадед Пётр Фёдорович Давыдов, 1904 года рождения, провоевав несколько месяцев, вернулся домой после ранения, став инвалидом. Его нога с простреленным коленом до конца жизни больше не сгибалась. А его сын, мой дед Александр Петрович Давыдов,1923 года рождения, так стремился на фронт, что прибавил себе два года, и поэтому, обманув работников военкомата, был призван. Воевал практически с начала и до конца войны. Он является тем редким счастливцем, который сумел пройти всю войну и остаться живым-невредимым. К сожалению, ни деда, ни прадеда я не знала, рассказы о них слышала только от родителей и бабушки. Эти воспоминания в нашей семье все любят и все гордятся воевавшими.

Из ранних детских воспоминаний о Советском Союзе я помню демонстрации на 1 Мая и 7 Ноября. Мне было интересно смотреть и сравнивать проходящие колонны разных предприятий — у кого ярче, интереснее, красочнее. Один раз папа взял меня на демонстрацию, и я шла с ним в заводской колонне. Мне это понравилось меньше, так как я не увидела другие колонны. Но зато мне подарили много флажков и шариков.

Александр Петрович Давыдов

Почему-то очень много воспоминаний о магазинах — огромные магазины и пустые прилавки с консервами и трехлитровыми банками сока. А позже я помню очереди в магазинах, за всем... Чтобы что-то купить, нужно было отстоять очередь, причем часто эти очереди были на улицах. Поход в магазин занимал уйму времени, часто в очереди приходилось стоять всей семьей, потому что продукты давали по определенному количеству «в одни руки».

А затем и вовсе ввели талоны и даже самые элементарные товары, как мыло, масло, крупы можно было купить только по талонам, и все с теми же очередями. Неприятие к очередям у меня осталось на всю жизнь, я даже сейчас, если захожу в магазин и вижу, что на кассе собралось много народу, могу вообще выйти сразу же и пойти в другой магазин.

Среди положительных моментов могу вспомнить то, что на улицах было относительно безопасно, и дети гуляли довольно далеко от дома, не опасаясь ничего. Хотя ближе к 1990-м ситуация стала меняться в обратную сторону.

Все говорят, о том, что раньше были более человечные принципы и ценности, люди были добрее. В целом я этого не заметила, т.к. была еще маленькой, но мне кажется, что это не зависит от эпохи, а зависит от людей: доброта, сочувствие есть в каждом человеке и обществе, также и жестокость, эгоистичность — тоже.

А вот то, что люди сейчас свободнее и раскованнее, это точно. В СССР, даже в 1970–1980 гг., оставалась память о сталинских репрессиях, поэтому свободно говорить о том, что думаешь, было не принято. Нас, детей, часто предупреждали, что анекдот, который услышал, рассказывать нельзя, так как он политический и за него могут посадить в тюрьму. К тому же, было очень мало информации, а сейчас мы можем многое узнать о том, что происходит в мире, можем посещать те или другие страны. В СССР такая возможность была не у многих, точнее — ни у кого из обычных людей ее не было.

Мне современные ценности и установки нравятся больше, сейчас у нас больше возможностей, каждый, если хочет может их использовать.

Да, в СССР было больше социальных гарантий. Но они часто были условными — чтобы получить ту же квартиру бесплатно (что сейчас все ставят в безусловный плюс СССР), необходимо было проработать на заводе много лет, простояв в очереди. И даже при этом условии, получили квартиры далеко не все.

Были в СССР и репрессии, уничтожение собственного народа, что не должно повториться.

Мои родители работали на заводе в три смены: с утра, с четырех и в ночь. Сейчас нет такой смены, как с четырех. Положительным моментом также было то, что в отпуск им давали путевки в дом отдыха или на турбазы. Хорошо помню, как мы ездили с мамой в такие дома отдыха. Вот где, по моим детским воспоминаниям, было действительно хорошо. Мы целый день находились на свежем воздухе, делали поделки из коры и много чего еще интересного. Позднее я также ездила от работы родителей в пионерские лагеря и очень любила это.

Наша семья состояла из четырех человек: мама, папа, я и младший брат. Мы жили в небольшом доме, который состоял из комнаты и кухни, было достаточно тесно. Мебель покупали поэтому раскладную: диван-кровать, кресло-кровать, раскладушка. Как раз таки мои родители не успели получить квартиру в СССР, хотя и отработали полжизни на заводе и стояли в очереди.

Что касается денег, то их хватало, может быть потому, что покупать было особо и нечего. Но я не помню до 90-х годов разговоров о нехватке денег, чаще говорили о нехватке продуктов, о том, что надо что-то достать и купить.

Дедушка с моей мамой на руках, бабушка и их родственники с детьми. Тульская область, Веневский район, с. Бельково. Ок. 1954 г.

Как итог, я могу сказать, что меня настоящая жизнь устраивает больше, мне нравится, что у меня есть определенные возможности, которых раньше быть не могло.

Сейчас в Интернете ведутся бесконечные дискуссии о том, было ли лучше в СССР или лучше сейчас, при этом каждый отстаивает свою позицию порой довольно агрессивно. Мое мнение — как и любая историческая эпоха, время существования СССР отмечено своими плюсами и минусами. И давать однозначную оценку, хорошо тогда было или плохо, на мой взгляд, неправильно. Что-то было лучше в СССР, что-то лучше сейчас. Единой позиции на данный вопрос быть не может. Но так как мы родились все-таки в СССР, то мы обязаны помнить об этой стране, и наши воспоминания могут быть довольно важными.

Глава 12. ШКОЛЬНИКИ О ПОДВИГАХ ПРАДЕДОВ

ПОДВИГ ШОФЁРА

Алисов Артём Павлович, 11 лет
ученик 5«А» класса МКОУ «Гимназия»,
учитель — Скрипкина Анна Ивановна,
Тульская область, г. Ефремов

В интернете мы нашли сводки Советского информбюро, датированные 3 и 4 августа 1944 года о боях и форсировании нашими войсками реки Висла.

А мой прадед Шароварин Михаил Акимович, 1907 года рождения, сражался в это время в радиороте 125-го отдельного полка связи и был награжден орденом. В наградном листе говорится о его подвиге:

«Гвардии сержант Шароварин, работая шофером звуковещательной станции МГУ, работающей по пропаганде среди войск противника в непосредственной близости от передовой, всегда содержит свою машину в боевой готовности. Проявляя исключительно добросовестное отношение к своей работе, сержант Шароварин в условиях бездорожья, пересеченной местности в ночное время без света на передовой линии проводил свою машину к указанному пункту, не имея ни одного случая аварии и поломки.

Работая все время со станцией на переднем крае, сержант Шароварин, несмотря на неоднократный обстрел противником, всегда проявлял мужество и спокойствие за рулем, быстро и умело уводил машину из-под обстрела.

Во время работы звуковещательной станции ночами 3 и 4 августа в районе местечка Юзефов на р. Висла противник подверг ее сильному артминометному обстрелу. Однако сержант Шароварин под разрывом снарядов продолжал оставаться на своем рабочем месте до окончания работы станции и только по получении распоряжения нач-ка станции вывел машину из-под обстрела.

За хорошую работу, проявленное мужество и отвагу гв. сержант Шароварин достоин награждения орденом Красной Звезды».

Какой же смелый мой прадед! Неужели ему не было страшно?

А я представляю, как это могло быть... Теплый августовский вечер. Рядом со своей полуторкой дремлет солдат, положив голову на вещмешок, чуть накинув на себя старенькую, пробитую осколками в нескольких местах шинель. Снится шофёру его деревня, лесок за околицей, куда идет он нарвать веток берёзы для веника. Жена затопит баньку, промоет водицей половицы, потом крутым кипятком заварит свежие пахучие березовые ветки...

И тут раздаются ухающие разрывы снарядов, немцы напоминают о себе. Солдат вскакивает, стряхивает пыль с шинели, а вместе с ней и щемящее чувство короткого сна. На трофейных часах светится число — 3 августа. С офицером снова едут на линию фронта, поближе к гитлеровцам. Снова уворачиваются от артобстрела, преодолевая бездорожье, пока лейтенант будет включать звуковещательную станцию, призывая фрицев сдаваться. «Вот тебе и банька», — усмехается шофёр, и нахмуренные брови раздвигаются в стороны, пустив по лицу сеть лучиков-морщин.

Мой прадед, Михаил Акимович Шароварин, прошёл всю войну, точнее, проехал на своей «машине боевой». Исколесил пол-России, доехал до Праги, там его застала Великая Победа, но не закончилась для него война. Отправили на Дальний Восток воевать с Японией.

А после войны...

Прадед вернулся живым, но был изранен и контужен, плохо слышал. До войны в их семье было только двое мальчиков, один из них — мой дед. А после войны появилось еще 8 детей — это мои бабушки и дедушки.

Михаилу Акимовичу в 1945 году было 38 лет, молодой, опаленный войной человек. Но некогда было вспоминать и горевать. Нужно было работать, кормить детей, восстанавливать страну. До самой пенсии проработал прадед шофером на «Летучке». И снова, как в бою, всегда собран, аккуратен, деловит. Когда стало подводить зрение, ушел в МТМ (машинно-тракторные мастерские) работать слесарем-инструментальщиком. И эту профессию с легкостью освоил. Все было ему по плечу и по силам.

Умер прадед 21 января 1990 года. Восемнадцать лет спустя, в 2008, я появился на свет. Целое поколение людей выросло за это время, но мы все связаны незримой нитью.

Поэтому слышу гул мотора, пулеметные очереди, разрывы артиллерийских снарядов, шипящий звук радиостанции, передающий монотонный стук метронома, который через 7 ударов прерывается фразой на немецком языке, и тот вечер 3 августа 1944 года становится частью моей биографии.

«БЕЛЫЕ ПРИЗРАКИ»

Битюцкая Варвара Сергеевна, 9 лет,
ученица 3 класса МБОУ «Гимназия № 18»,
учитель — Егорова Галина Сергеевна,
Тульская область, г. Алексин

Я, к счастью, не жила в войну. Но даже при мысли о ней мне становится жутко. Я знаю, что это — страшное событие для каждого человека, пережившего это время.

В нашей семье воевал мой прадедушка по папиной линии Петр Федорович Абрамов. Он родился 12 июля 1920 года в деревне Фёдоровка Ефремовского района Тульской области. В январе 1942 года его призвали в армию. Ему было 22 года.

«Белые призраки»

С июля 1942 г. по 9 мая 1945 г. прадедушка служил в составе 10-й отдельной лыжной бригады 130-го стрелкового полка. Лыжные формирования во время Великой Отечественной войны называли «белые призраки». Самым удобным и надежным способом передвижения в снежную зиму были лыжи. Эти бригады должны были дезорганизовывать противника, отвлекать его. Они могли неожиданно напасть на фланги и тылы врага, т. к. были более мобильны, чем пехота. В них направляли служить политически проверенных, надежных и физически крепких бойцов. Дедушка рассказывал, как по 12 часов в день солдаты сначала овладевали лыжами, тренировались на трассе в пять километров. Для поддержания боевого духа молодых солдат к ним в полк приезжал сам маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.

После шестимесячной подготовки бригада была отправлена на фронт и 1 февраля 1943 года выгрузилась в Калаче-на-Дону. Ей предстояло догнать и усилить передовые части войск, которые после победы под Сталинградом направлялись к Днепру. Лыжники бригады шли быстро, хотя и не без потерь от немецкой авиации. В бой вступили только 22 февраля в районе Барвенково Харьковской области.

«Готовили нас, — вспоминал Петр Федорович, — по военным временам основательно и долго. Сначала мы тренировались на настиле из хвойных иголок, а когда выпал снег, то в естественных условиях. Необходимо было не просто научиться ходить на лыжах, но делать это быстро и бесшумно. В это время шли ожесточенные бои на 4-м Украинском фронте. Туда и перебросили нашу бригаду. Харьковская «мясорубка» перемолола многих наших молодых солдат. 7 апреля 1943 года, во время подготовки к форсированию Северного Донца, я был ранен и получил легкую контузию. Вскоре наша бригада попала в окружение...»

Немного подлечившись, прадедушка продолжил службу в составе лыжной бригады. Но это было не последнее его ранение. Всего через несколько месяцев, 24 августа 1943 года, во время Изюм-Барвенковской наступательной операции Петр Федорович был тяжело ранен. Во время боя его бригада попала в окружение и несла сильные потери, тогда дедушка не растерялся, выставил орудие на открытую позицию и стал расстреливать в упор наступающего противника и его технику. Осколок от взорвавшегося немецкого снаряда ранил его в ногу, но прадедушка держался до конца и дождался подкрепления.

После тяжелого ранения Петра Федоровича перевели на должность шофера в 581-й отдельный зенитно-артиллерийский полк. День победы прадедушка встретил в Германии. В родное село он вернулся только в июле 1946 года.

Сколько же надо было иметь физических и духовных сил, чтобы пройти весь этот путь, длинною в четыре страшных года! Я часто задумываюсь, как он все это выдержал? О его мужестве говорят боевые награды: медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орден Великой Отечественной войны, медаль «За боевые заслуги».

Нелегко пришлось и в послевоенное время. Особо тяжелый урон война нанесла сельскому хозяйству. Вернувшись на родину, прадедушка работал животноводом. Несмотря на все трудности, выполнял свою работу добросовестно. За высокие показатели неоднократно награждался ценными подарками, был в почете у руководства и односельчан.

Война наложила отпечаток на характер прадедушки. Научила не сдаваться, стойко переносить все трудности и лишения. В 1960 году в семье Абрамовых случилась беда — сгорел дом. На тот момент у него было семеро детей... Но Петр Федорович не опустил руки, не отчаялся, сам отстроил сгоревший дом. Всей семьей по крупицам они смогли восстановить свой скромный быт.

Дедушка прожил 88 лет и умер в 2008 году, его похоронили в с. Бунырево Алексинского района. После себя Пётр Фёдорович оставил 8 детей, 16 внуков и 10 правнуков. День Победы в нашей семье — это особенный праздник, который объединяет все поколения! Я горжусь своим прадедушкой! И так же, как и он, люблю ходить на лыжах.

МОЙ ПРАДЕД — МАЙОР МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ

Ветров Марк Александрович, 9 лет,
учащийся 3 «А» класса
МБОУ «Центр образования № 36»,
г. Тула

Война... Какое это страшное слово! С 1941 по 1945 г. Советский Союз отчаянно боролся с фашизмом.

О войне я знаю пока очень мало. Знаю, что тяжело было нашим солдатам справляться с фашистской нечистью. Много наших солдат полегло на полях сражений.

Я знакомлюсь с теми моментами истории нашей страны, слушая рассказы взрослых и читая книги, написанные для детей и о детях тех лет.

По воспоминаниям моих родных и близких, которые мы храним и собираем по крупицам, в военных действиях участвовал мой прадед со стороны мамы и два его родных брата. Родной брат прабабушки пропал без вести ближе к 1943 году. Даже второй прадед, будучи еще ребенком (12–13 лет) совершал немыслимые поступки, когда захватчики оккупировали его деревню...

Сегодня я хочу рассказать вам о моем прадеде, участнике Великой Отечественной войны Андрее Александровиче Ветрове. Я не застал его, он умер за несколько лет до моего рождения, прожив долгую жизнь честного, доброго, справедливого, бескорыстного человека. Оставив в нашей семье, да и во всем небольшом городе Тульской области — Алексине светлую память о себе. Прадеда там знали и уважали все — и люди его поколения, и поколения его детей и внуков. В моей семье им заслуженно гордятся, вспоминая о нем только теплыми словами; то поколение, его — совершенно иное, сейчас справедливо говорят: «Теперь таких людей нет».

А. А. Ветров

Родился Андрей Александрович в 1920 г., в городе Орёл, где окончил школу и поступил в медицинский техникум, по окончании которого был распределен на Дальний Восток, в г. Хабаровск. Там работал участковым врачом до июня 1941 года. Потом окончил курсы военного врача и был призван служить на границу с Китаем. С началом войны с Японией участвовал в боевых действиях на территории Китая в качестве командира санитарной роты. В составе его роты были врачи, медицинские сестры, полевые санитарки, хозяйственный батальон, транспортный батальон. В течение всей войны и после, до 1946 года, он лечил, оперировал и восстанавливал раненых солдат. Участвовал в боевых действиях.

Награждён орденом Великой Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги» и другими почетными наградами.

В 1946 году был направлен в город Алексин Тульской области в действующую воинскую часть, где и продолжил службу. В 1947 году поступил в Тульский педагогический институт, на Исторический факультет, который окончил в 1953 г.

В 1954 году воинская часть была расформирована, прадед был демобилизован в воинском звании майора медицинской службы.

После демобилизации до пенсии работал директором Вечернего техникума — филиала Новомосковского энергетического.

Вот краткая биография. Сухие факты жизни. Для нас, моей семьи, мой прадед — герой. Ведь благодаря ему, молодому парню, в те страшные годы удалось выжить огромному количеству раненных бойцов. Таких же парней и девчонок, как он сам.

Андрей Александрович — один из сотен тысяч таких же простых советских людей, которые строили свои планы на жизнь, будучи школьниками, как мы сейчас, но их планы перечеркнула Война.

В этом году к нам снова придёт 75-й раз победный май. Но те, «кто уже не придёт никогда», не увидят праздничного салюта. Они никогда не состарятся в нашей памяти, не уйдут со страниц книг. Они вечно останутся молодыми в легендах и мифах. Для нас они будут вечно живыми.

Роберт Рождественский в «Реквиеме» призывал:

Помните!
Через века,
через года,
помните!
О тех,
кто уже не придёт никогда,
помните!

И мы помним.

СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ

Головина Арина Романовна, 17 лет,
ученица 11 класса МБОУ «Гимназия №18»,
учитель — Губанова Ирина Юрьевна,
Тульская область, г. Алексин

Мне даже страшно *представить*, что я и мои друзья, юные мальчишки и девчонки, сейчас оказались бы в ситуации, когда пришлось бы повзрослеть в один миг и встать на защиту своих близких, своей страны и сражаться за родное.

Так произошло с одним калужским пареньком. Владимир Васильевич Басов родился 18 июля 1924 года , а свое восемнадцатилетие встретил в 1942 году под Сталинградом. К тому времени он уже имел некоторый опыт солдата-фронтовика. Участвуя в боях под Зайцевой горой, что на территории Барятинского района Калужской области, он воочию увидел всю бесчеловечность войны, все ужасы и страдания, которые приносит она людям, рожденным творить. «Но мы знали, *что* и *кого* защищали, поэтому стояли насмерть», — всегда говорил Владимир Васильевич, когда заходил разговор о той далекой и страшной войне.

Шли упорные, ожесточенные бои за высоту 102 — овеянный ратной славой русских солдат Мамаев курган. Редели ряды защитников высоты, но все оставшиеся в живых думали об одном: «НАДО. Надо, во что бы то ни стало выстоять». И вот... очередная атака неприятелей. Один из танков устремился на укрытие, где находился Владимир Васильевич. Он достал из окопа единственную оставшуюся противотанковую гранату. «Можно промахнуться», — пронеслось тогда у него в голове, но в ту же секунду вспомнил совет своего однополчанина, как нужно действовать в такой ситуации. Он притаился на дне окопа, грохочущая танковая махина проскрежетала над его головой. И в то же время красноармеец Басов кинул вслед уходящему танку гранату. Танк дрогнул, завертелся на одной гусенице. Владимир тут же бросил бутылку с зажигательной смесью, повалил густой дым...

Эту историю рассказала мне моя двоюродная тетя Галя, дочь Владимира Васильевича Басова. А мне он приходится дедушкой.

За героизм, проявленный в том жестоком бою, мой дедушка награжден медалью «За отвагу». После Сталинграда были бои за Варшаву, форсирование Вислы и Одера, штурм Берлина!

После демобилизации из рядов Советской армии Владимир Васильевич работал на различных предприятиях в городе Калуге. С 1957 по 1988 год работал в милиции: сначала водителем в ГАИ, а после служил в уголовном розыске в звании сержанта.

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Громова Анастасия Андреевна, 11 лет,
ученица 5 класса МКОУ «Двориковская СОШ»,
учитель — Козюн Татьяна Николаевна,
Тульская область, Воловский район, д. Дворики

Смотрят, как живые, с фотографий
Люди незаметных биографий,
Ретушью прикрашены слегка,
Люди всех известных биографий —
Жители любого городка.

С. С. Орлов

Мой прадедушка, Проходцев Николай Иванович

Я хочу рассказать о своем прадедушке, уважаемом человеке — Николае Ивановиче Проходцеве. Родился он в д. Комиссаровка Воловского района Тульской области в 1924 г. После 5 классов школы сначала помогал родителям в хозяйстве. Но тяга к знаниям привела в училище механизации сельского хозяйства, которое он окончил на «отлично».

Кроме него в семье еще было 6 детей. Два старших брата были призваны в Красную Армию уже осенью 1941 г., прадедушка — в августе 1942 г. Через два месяца, в октябре 1942 г., был призван на трудовой фронт его отец (кстати, он был участником Гражданской войны). Итак, защищать нашу Родину отправились четверо из семьи Проходцевых.

Дома остались 4 младших сестры с мамой. Им было очень тяжело: приходилось работать и в поле, и дома.

Прадедушка был механизатором, поэтому ему несложно было переквалифицироваться на водителя военной машины. Он освобождал Украину, Польшу, Венгрию. Победу встретил в Праге.

Свою первую боевую награду — медаль «За Боевые Заслуги» — он получил при освобождении города Станислава, крупного административного центра Западной Украины, в июле 1944 г. Есть у прадедушки медаль «За Отвагу» и орден Красной Звезды.

Вот что рассказывал мне прадедушка, вспоминая о войне:

«Что запомнилось мне на всю жизнь, так это то, что вторую медаль я получил в январе 1945 года, а орден — месяц спустя. Вручал их командир полка Карташов, под началом которого я воевал до Дня Победы. Хорошо помню, за что получил орден Красной Звезды. Моей задачей

Мой прадедушка на работе в совхозе «Двориковский»

было бесперебойно подвозить боеприпасы. Бывало, вели машины и не знали, где наткнешься на засыпанный снегом окоп или траншею.

В тот день я подвозил очередную партию снарядов и вдруг увидел, что в боевом расчете не хватает людей, тогда я сразу из кабины и к орудиям. Одним словом, были отбиты все атаки немцев и укреплен наш плацдарм».

Возвратившись домой после войны, прадедушка стал работать в колхозе «Двориковский» механизатором. Он пахал землю, сеял, убирал. И здесь он показывал молодым пример добросовестного отношения к земле и технике.

Неоднократно награждался почетными грамотами, ценными подарками. А в 1970 году за свой труд был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Так что мой прадед был герой и в войну, и после войны — в труде.

Я всегда буду гордиться моим прадедушкой Николаем Ивановичем Проходцевым!

Ежегодно я участвую в Бессмертном полку, несу его фотографию. Я очень рада, что в нашей семье есть свой герой и в Великой Победе нашей страны есть заслуга и моего прадедушки.

***

PS. Когда версталась книга, мы нашли на сайте «Память народа» описание подвига, за который рядовой Николай Иванович Проходцев был удостоен медали «За боевые заслуги»:

«8.4.1944 г. в бою за населенный пункт — Хомякувцы, Станиславской области, под сильным ружейно-пулеметным огнем на огневой позиции 1-й батареи произвел мастерской ремонт орудия, чем обеспечил отражение атак противника».

Относительно медали «За Отвагу» есть только указание на реквизиты документа о награждении красноармейца Проходцева: ЦАМО. Фонд 33. Опись 717037. Единица хранения 2298.

Пока нет на сайте и описания подвига, за который ефрейтор Проходцев был удостоен ордена Красной Звезды. Но указана дата награждения: 18.02.1945, реквизиты документа: ЦАМО. Фонд 33. Опись 686196. Единица хранения 4488 и место службы: 1642 иптап РГК 4 УкрФ.

Будем ждать новой информации о подвигах на сайте!

ПРАДЕДУШКА В. С. КОРОЛЕВ НА ВОЙНЕ И В РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

Королев Георгий Андреевич, 16 лет,
ученик школы № 4 им. Л. Г. Осипенко,
Калужская область, г. Обнинск

Василий Сергеевич Королев (справа) с товарищем

О своем прадедушке по папиной линии я хочу рассказать, опираясь на воспоминания его сына — моего дедушки, Королева Анатолия Васильевича.

Мой прадедушка, Василий Сергеевич Королев, родился в 1898 году в деревне Тишинина Медынского уезда Калужской губернии в семье крестьян Устиньи Михайловны и Сергея Петровича Королевых. Кроме него, в семье ещё были две сестры — Варвара и Лукерья. Отучился Василий всего 3 класса, после чего помогал своей многодетной семье по хозяйству вплоть до призыва в армию.

Прадедушке в жизни пришлось много повоевать. Сначала это была Первая мировая война, во время которой он служил стрелком в царской армии и воевал против Австро-Венгрии. Потом, при Советах, он помогал бороться с контрреволюционерами в Одессе.

Тяжелым ударом для страны стала Великая Отечественная война. Принимая участие в битве за Москву в 1941 году, Василий Сергеевич получил ранение. После ранения и вплоть до окончания войны работал на фронте инструктором-санитаром при полевом госпитале.

Прадедушка рассказывал, что госпиталь принимал такое большое количество раненых солдат, что их едва успевали распределять. Легкие ранения лечили на месте, тяжелых больных отправляли в тыл. Василий Сергеевич своими руками делал некое подобие протезов для облегчения самостоятельного передвижения раненых солдат. Люди в госпитале работали до изнеможения, по 18–20 часов в сутки.

По окончании Великой Отечественной войны мой прадед был направлен на войну с Японией; демобилизован в звании ефрейтора.

Имеет орден Великой Отечественной войны II степени, две медали — «За победу над Германией» и «За победу над Японией», множество благодарностей от И. В.Сталина за каждый освобожденный город.

***

Вернувшись в родные места, где его ждала семья — жена Матрена и четверо детей — Василий Сергеевич стал работать в колхозе. В разные годы он трудился в должностях бригадира, счетовода, зоотехника. Прадед много сил отдал организации сельскохозяйственного производства в своем родном колхозе. Жена работала дояркой на ферме. Работы было много, мужских рук не хватало, ведь большинство мужчин осталось на полях сражений. Приходилось работать от рассвета до заката. Особенно тяжело приходилось женщинам, у которых мужья не вернулись с войны. Вернувшиеся мужчины, чем могли, помогали одиноким женщинам: строили скотные дворы, подвозили дрова, сено, отбивали косы.

После войны у прадедушки с прабабушкой родились ещё два сына, в том числе и мой дедушка Толя. Деревня жила тяжело, но дружно. Старшие два сына ушли служить в ряды Советской Армии, третий сын уехал учиться в Москву в ФЗО. Младшие дети во всем помогали. Условия жизни были непростыми, жили бедно. Одежды не было — что мама сошьет (рубахи да штаны), да у портного (телогрейку) справят, то и носили. Из обуви были валенки, калоши да резиновые сапоги. Для младших детей было большой радостью и счастьем, когда московские дети, приезжавшие на лето, после отъезда оставляли одежду и сельские ребятишки донашивали ее.

В конце 40-х — начале 50-х годов в колхозе работали за трудодни, ставились палочки в учетном документе, где одна палочка равна одному отработанному дню. Основная часть колхозного урожая — зерна — шла государству, а оставшаяся часть делилась между колхозниками согласно отработанным трудодням. Колхозники за трудодни получали рожь и овес, из которых пекли хлеб и которым кормили свой скот. Кроме того, выдавалась зарплата 8–10 рублей в месяц. Это были небольшие деньги. Их тратили на масло, сахар, крупы, инвентарь и ткани, а также одежду.

У каждой семьи были свои огороды, их засаживали картошкой и капустой, которые сами ели и скотину кормили. Держали корову, поросят, кур, гусей, индеек, овец, коз. Не голодали благодаря натуральному подсобному хозяйству.

С каждым годом жизнь становилась все лучше и лучше. Страна восстанавливалась, укреплялось сельское хозяйство. В соседнем селе Кременское Медынского района была построена машинотракторная станция (МТС), куда государство поставляло трактора, машины для обработки колхозной земли.

В конце 50-х годов стали проводить электричество по деревням. В деревне появилось радио. В доме висела черная тарелка — это было радио, как вспоминает мой дедушка Толя. Телевизор появился уже в 60-х годах. Деревенские дети во всем помогали своим родителям: доили коров, пасли лошадей, принимали активное участие в заготовке кормов.

Мой дедушка вспоминает свои детские и юношеские годы в родной деревне как очень счастливое время. Деревенские жители умели не только усердно трудиться, но и от души отдыхать. Каждые выходные пели песни под гармонь, устраивали танцы, особенно после уборки урожая, когда времени становилось больше. Интересно, что уже с начала 50-х годов в деревню Тишинину один раз в неделю привозили кино. Зимой киноустановка ставилась просто в домах у добрых людей, а в летнее время в большом добротном сарае, на воротах которого висела надпись «Кинотеатр Спартак». Смотрели фильмы все, от мала до велика. Для всех просмотр фильма был такой радостью! Бригадир выделял лошадей с повозкой для того, чтобы кинофильм смогли посмотреть и в других деревнях.

В саду у дедушки Василия и бабушки Матрены

Фильмы учили честности, справедливости, доброте, взаимовыручке, воспитывали добропорядочных людей. Сама среда, атмосфера, царившая в деревне, объединяла и способствовала правильному воспитанию молодежи. На первом месте было трудовое воспитание. Школа также играла значительную роль в воспитании детей. Учителя пользовались огромным уважением и авторитетом среди учеников и их родителей, их почитали, как святых людей! Педагоги отдавали всех себя, чтобы как можно лучше научить. Оставляли после уроков и многократно объясняли до тех пор, пока ученик не поймет.

Годы шли, дети выросли. Кто-то уехал в город, кто-то остался в родной деревне.

С 1964 года мой прадедушка Василий Сергеевич вышел на пенсию. Он занимался домашним хозяйством, торговал на дому от Сельпо продуктами. Последние годы своей жизни болел астмой. Умер в ноябре 1972 года. Ему было 74 года.

Мой дедушка, Анатолий Васильевич Королев, вспоминает своего отца как невероятно трудолюбивого, доброго и жизнерадостного человека, интересного собеседника. Рассказывал, как он был рад, когда родился его внук — мой отец, как всеми силами помогал молодой семье даже на старости лет.

Моя семья и по сей день хранит память о Василии Сергеевиче и считает его настоящим героем!

ОНИ СРАЖАЛИСЬ, НЕ ЖАЛЕЯ СЕБЯ...

Корчагина Татьяна Алексеевна, 17 лет,
ученица 11 класса МБОУ «Гимназии № 1 — Центр образования»,
учитель — Неоронова Анжела Александровна,
Тульская область, г. Щекино

Алексей Николаевич Бузаков

Мой прадед, Алексей Николаевич Бузаков, родился в деревне Кузьминка, что привольно раскинулась на берегу реки Смолка, впадающей в р. Дон. Когда-то здесь, в лесу, затаился засадный полк московского князя Димитрия, который в тяжелую минуту ударил в тыл войску Мамая, поэтому неудивительно, что там живут такие смелые люди.

Когда началась Великая Отечественная война, моему прадедушке исполнилось пятнадцать лет. Его отец тогда воевал под Ленинградом. Однако ему не было суждено вернуться домой. Последнее письмо от него было датировано ноябрём 1941 года. Алексей Николаевич горел жаждой мщения. Ему хотелось скорее попасть на фронт. В июне 1943 года, заканчивая 8 класс, он обратился в Куркинский райвоенкомат, но ему отказали. «Придёт время — призовём», — сказали ему тогда. Призвали в августе. И началась его воинская служба, растянувшаяся на тринадцать лет.

Сначала Алексей Николаевич был направлен в 25-ю учебно-стрелковую дивизию. После обучения станковый пулемёт «Максим» стал основным боевым оружием юного младшего сержанта. Вскоре его назначили командиром расчета, а после — помощником командира автоматного взвода в составе 3-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта П. С. Рыбалко.

9 января 1945 года передовые части 3-й гвардейской танковой армии вступили на территорию фашистской Германии, продвигаясь в направлении на Берлин и Дрезден. Тот уличный бой в городе Любань навсегда запомнился Алексею.

Это было в марте. В надвигавшихся вечерних сумерках бойцы взвода Бузакова выбивали фашистов из дома. Считая, что его защитников не осталось, Алексей Николаевич выскочил из укрытия и внезапно увидел невдалеке силуэт немца. Оба растерялись от неожиданной встречи, на миг замерли, а опомнившись, одновременно выстрелили. Мой прадед почувствовал жёсткий удар в бедро и упал на битый кирпич. Но заметил, что его противник тоже рухнул.

Нина Семеновна и Алексей Николаевич Бузыкины

Очнувшись уже в темноте, Алексей Николаевич прислушался к удаляющимся звукам боя. Вокруг никого. Голова кружилась от потери крови. Вдруг словно из-под земли возник санинструктор. Он дотащил раненого до одного из подвалов, сказав, что пойдет за помощью. Больше прадед его не видел. Дальше ему пришлось добираться самостоятельно. Он выполз из подвала и по звукам боя стал пробираться в сторону батареи. На ощупь нашёл какой-то обломок доски и, опираясь на него как на костыль, обессиленный добрался до своих к рассвету. Но оказать помощь было некому. Командир, наскоро перевязав рану, распорядился отправить раненого в медсанбат.

Там, придя в себя после наркоза, Бузаков понял, что ему сделали операцию. Хирург сказал, что пулю найти не удалось, придется ехать в стационарный госпиталь. И вот уже там вражеская пуля сама показалась из раны.

За отличие в боях сержант Бузаков был награждён орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», многочисленными благодарностями командования. Ему поручались отдельные ответственные задания. Неоднократно ходил в разведку в тыл врага.

Ни на миг не забывал Алексей, что он родом с Куликова поля — святыни русского народа, что настал и его черёд защищать свою землю.

Я безмерно горжусь своим прадедушкой, ведь он, не задумываясь, рисковал своей жизнью, чтобы мы сейчас жили в мире.

Однако в мирное время подвиги Алексея Николаевича не закончились. В послевоенные годы прадедушка отправился в военное училище, после окончания которого служил офицером Советской Армии.

В 50-е годы Алексей Николаевич был направлен в Среднюю Азию, там он встретил любовь своей жизни, Нину Семёновну, и наш род Бузаковых продолжился.

Позднее семья перебралась в посёлок Первомайский Тульской области, где прадедушка устроился на «Щекиноазот», на котором и проработал до конца жизни, внося вклад в развитие химической промышленности нашей Родины.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Масюкова Фаина Руслановна, 13 лет,
обучающаяся детского творческого объединения «Созвездие»
МБОУ ДО «Дом детского творчества»,
педагог — Бирина Галина Петровна,
Тульская область, г. Донской

Знаю, помните вы, не забыли
Хату детства и небо над ней,
Как в войну нас фашисты губили
За оградами концлагерей.
Всё мы видели, всё испытали:
Голод, холод, побои и страх,
К голым нарам порой примерзали
Малыши с сединой на висках...

Узник № 65468 концлагеря Дахау
Окружной Леонид Иванович

Мой прадедушка, Иван Григорьевич Косачёв

Мой прадедушка, Иван Григорьевич Косачёв — бывший малолетний узник фашистского концлагеря в годы Великой Отечественной войны. Тяжелым катком прошлась эта жестокая война по маленьким, незащищённым душам. Они несли свой тяжёлый крест — ни в чём не повинные, лишённые самой радостной поры — детства.

Я хочу поделиться воспоминаниями моего прадедушки. Ведь он, как и немногие другие, оставшиеся в живых, ветераны и узники — последние свидетели той страшной войны, что унесла двадцать семь миллионов человеческих жизней.

Прадедушка Ваня родился 11 февраля 1929 года в деревне Терешино Батуринского района Смоленской области. В семье было четверо детей, мать и отец. В начале войны умер брат, и Ваня стал старшим из детей.

На всю жизнь он запомнил, как в воскресенье ярким солнечным утром 1941 года в небе появилось много самолётов, они летели группами и все в сторону Смоленска. И только на следующий день, когда всех взрослых мужчин стали отправлять в район и направлять на фронт, в деревне узнали, что началась война.

Двенадцатилетний Ваня очень скоро почувствовал весь ужас войны на себе. Фронт быстро приблизился к его родной деревне и остановился в 10 километрах от неё. Уже в июле 1941 года прадедушка и его семья узнали, что такое бомбёжки. Пришлось наравне со взрослыми рыть окопы и во время налёта бомбардировщиков по несколько раз в день спасаться в них.

В июне 1942 года после продолжительной болезни (язвы желудка) и ранения во время Гражданской войны умер его отец, который был освобождён от призыва в армию по болезни, но работал в прифронтовой зоне на оборонных сооружениях. Ему было всего пятьдесят лет.

В конце 1942 года немцы попытались произвести контрнаступление; в деревне Терешино остановилась воинская часть на ночёвку. Партизаны об этом были извещены и ночью внезапно напали на них. Был жестокий бой, в котором погибло много немцев и сгорело несколько деревенских изб. А наутро деревенских жителей выгнали из домов и угнали в другую деревню, подальше от леса, в том числе и семью Косачёвых. В этой деревне Прудище лютовал тиф. Прадедушка, его брат, сестра и мама, — все заразились этим страшным заболеванием. 6 января 1943 года умерла мама, не справившаяся с болезнью. Ей было всего сорок два года. Осталось трое детей: старшему Ване — тринадцать лет, брату — двенадцать и сестре — всего одиннадцать лет.

В марте 1943 года при отступлении немцы забрали с собой почти всё население. Всех жителей двух деревень догнали до города Духовщина. Там их выстроили и начали сортировать. Иван попал в одну шеренгу, а брат с сестрой — в другую. Так он расстался с братом навсегда, а с сестрой — надолго, до 1948 года. Группу прадедушки посадили на машины и повезли до города Ярцево. Там пересадили в товарные вагоны и повезли в Германию под охраной. Везли через горевший Смоленск, Оршу. Потом проехали Польшу и остановились в немецком городе Штутгарт. Взрослых и детей загнали за колючую проволоку.

Лагерь был большой, много бараков. Комендант лагеря был небольшого роста и очень злой, всегда ходил с резиновой дубинкой и часто применял её в деле. Один раз одного пленного за какую-то провинность при всех забил насмерть.

При раздаче баланды из брюквы надзиратели постоянно били пленных такими резиновыми палками, которые они называли «гумми». «Один раз и мне попало по плечу этой «гумми», после этого я две недели не мог свободно поднимать руку, такой она давала результат», — вспоминает прадедушка.

Ежедневно по несколько групп пленных увозили на работу, но малолетних, как мой прадед, к работе пока не привлекали.

В бараках были трёхъярусные нары, лежать приходилось плотно друг к другу. Уже через два месяца многие не могли взбираться на верхние нары от истощения.

Барак находился рядом с овощехранилищем. Днём туда привозили овощи: брюкву, картошку, свеклу. Иногда, ради забавы, немцы перекидывали брюкву или свеклу через колючую проволоку, и вот за этой брюквой бросались сразу все, кто это видел. Образовывалась куча-мала, а брюква оказывалась где-то в стороне и доставалась совсем другому, который часто и не участвовал в схватке за добычу, а на месте борьбы зачастую оставались погибшие.

Вскоре прадедушку вместе с другими узниками увезли из этого лагеря. Везли через город Штеттин, Штральзунд, затем привезли в город Барт. Здесь всех выстроили в шеренгу, где их начали осматривать хорошо одетые мужчины и женщины. Оказалось, это был рынок рабочей силы. Так Ваня попал в населённый пункт с названием Кенц, недалеко от Барта.

Тогда купили шесть человек и повезли их на лошадях в повозке на резиновом ходу. Среди них был Саша Шауро из Витебской области, с которым вскоре было решено совершить побег. Он был на год старше прадедушки. Но убежать они не успели.

Работа была очень тяжёлая — детям нужно было таскать тяжеленные мешки с мукой. С этой работой друзья не справлялись и вскоре их отвезли на тот же рынок в город Барт. Так прадедушка оказался второй раз на продаже.

На этот раз купила его женщина. Ехали поездом где-то чуть больше десяти километров. Селение называлось Ноесдорф. Муж этой женщины был бургомистром этого селения, звали его Карл фон Ранге. У них уже было несколько работников. Здесь в обязанности входили все сельскохозяйственные работы: кормить, ухаживать, доить шесть коров, пахать, бороновать, сеять, косить и убирать сено. И всё это продолжалось от темна до темна. Место для ночлега было отведено в сарае возле скота.

В семье бургомистра у всех были велосипеды. Ване очень хотелось прокатиться на этом чуде. Ко второй весне он уже освоился и, когда хозяева отдыхали, стал украдкой выводить велосипед дочери бургомистра и учиться на нём ездить. В один из таких моментов из дома вышла хозяйка и с криком «форфлюктергунд»[1] стала избивать мальчика палкой, которая попала ей под руку, до тех тор, пока её не остановил сам бургомистр. Прадед уже думал, что не выживет. Такой ценою он научился ездить на велосипеде.

2 мая 1945 года Советская Армия освободила наших пленных. Когда наши войска вошли в селение, хозяева куда-то разбежались. Прадедушку, как самого младшего, обо всём расспросили, потом посадили с собой обедать, а к ночи уложили спать на хозяйскую пуховую постель.

[1] Der verfluchte Hund! (нем.) — ругательство «Проклятая (поганая, паршивая) собака!». — Прим. ред.

День Победы Иван встретил в советской воинской части. Он был поставлен на довольствие, проходил строевую подготовку. Но через какое-то время поступил приказ несовершеннолетних из армии отчислить.

В Штеттине собрали первую группу репатриированных из трёхсот человек. Шли пешком через всю оставшуюся часть Германии, через всю Польшу, до города Гродно. Были организованы места отдыха и ночлега, питание. График был такой: шли три дня, на четвёртый — отдых, в день должны были проходить от двадцати пяти до пятидесяти километров. В этом походе он узнал, как можно спать на ходу. Поход продолжался около двух месяцев.

Затем погрузили женщин с маленькими детьми в товарные вагоны, а мужчины всю дорогу до Смоленска ехали на крышах вагонов. Прадедушка всегда удивлялся, что за всю дорогу, даже в ночное время, никто не упал с крыши.

На родину Иван Григорьевич вернулся в сентябре 1945 года. Зимой 1945–1946 гг. пришлось работать на лесозаготовках в своей Смоленской области. В конце марта 1946 года переехал в город Калугу. Поступил на калужский завод, где проработал до призыва на службу в Военно-морской флот. Там прослужил чуть больше пяти лет.

В октябре 1954 года пришлось поработать в Тульской области на шахте. С 1962 года снова в Калуге — трудовая деятельность связана с Калужским заводом, где проработал около тридцати пяти лет.

В 1973 году закончил машиностроительный техникум.

Прадедушка являлся членом городского комитета бывших малолетних узников Ленинского округа города Калуги, несколько лет был председателем этого комитета. Последние годы он проживал в Тульской области.

Мой прадедушка Косачёв Иван Григорьевич умер 15 сентября 2018 года в возрасте 89 лет. У него было детство, опалённое большой бедой и непомерными страданиями. Война отняла самое святое — родных, Родину, детство. Это невозможно забыть и невозможно простить.

Я восхищаюсь своим предком, его стремлением к жизни, патриотизмом, храбростью, добротой, умением уважать других и делиться последним, что есть. Он любил жизнь, людей и всегда трудился на благо общества.

Низкий тебе поклон, дорогой мой Иван Григорьевич!

ЧЕРНО-БЕЛЫЙ ПОРТРЕТ НА СТЕНЕ

Мосякин Тимофей Сергеевич, 15 лет,
ученик 9 класса МОУ «Санталовская СШ»,
учитель — Мельникова Ирина Владимировна,
Тульская область, Ясногорский район, пос. Санталовский

Молодой человек с плотно сжатыми губами, чуть нахмурясь, смотрит с портрета. Я всегда побаивался этого взгляда, потому каждый раз приходя к дедушке, старался занять кресло, которое повернуто спинкой к черно-белому изображению в рамке. Так было спокойнее. В этот раз я зашел за молоком. Уйти из этого дома, не попив чая, было невозможно. Ароматное варенье из лесной земляники, собственноручно собранный цветочный мёд. Отказываться от такой вкусноты — грех!

Но сегодня всё было как-то иначе. Дед пролил чай на белую скатерть, варенье забыл вовсе. Зато на стол был водружен торт. Чуть кособокий, с крошками шоколада и потёками глазури. Явно не из магазина. «Дед, кто пёк?» — засмеялся я. «Сам», — ошеломил меня ответ. Как сам? Дед пёк торт?

«День рождения, — чуть помолчав, добавил дедушка. — У отца».

Дедушка мотнул головой в сторону, заставляя меня развернуться к портрету. Прадед. Что я о нем знаю? Александр Дорофеевич. Вот, собственно, и всё. «Дед, расскажи», — попросил я.

«Родился отец в семье сапожника, — начал дед. — Его отец был прекрасным мастером, поэтому семья жила в достатке, а ее глава пользовался уважением и любовью среди горожан. Дело-то на Урале было, а там тёплая добротная обувь на вес золота. В семье было двое детей. И жили хорошо. А потом деда признали кулаком в 1928 году да и отобрали всё нажитое. Жить стало сложно, отцу было тогда всего 14. Осознав, что времена изменились, отец ушел из дома, чтобы не быть обузой для родителей. Отучившись в фабрично-заводском училище, начал работать на стройке. Зарабатывал как только мог. 16-летним парнишкой работал на хлебокомбинате, рассчитав, что возле продуктов выжить будет полегче. Нанимался на поденную работу.

В 1939 году был призван на службу в армию, а вот вернуться оттуда не успел — началась война. Воевал на территории Украины, в Львовской области, был пулемётчиком. Однажды во время боя был ранен. Очнулся отец в доме местных жителей, пожилых людей, которые, заметив израненного, но живого бойца, вытащили его с поля боя. Но вскоре до деревни добрались немцы. Собрав местных жителей, они объявили, что каждый, кто прячет у себя советского солдата, будет расстрелян. Вопреки всему, старики не собирались выдавать раненого, начали думать, как быть дальше. И тогда отец ушел сам, не желая подвергать такой страшной опасности спасших его от смерти людей.

А потом были лагеря. Попав в свой первый лагерь, встретил сослуживца, чему очень обрадовался. И лишь через несколько дней понял, что тот уже не служил Красной Армии, стал полицаем. Отец говорил, что таких людей видно было сразу — в их взгляде не чувствовалось животного страха и постоянного голода. Всего отец прошел три лагеря, освобожден был с окончанием войны. А потом были проверки и два лагеря в Союзе. Тогда не верили никому, в каждом освобождённом из плена видели предателя, изменившего Родине. Прекратилось это преследование только в 1953-м. В том же году отцу был вручен орден Великой Отечественной войны.

Отец получал пенсию по инвалидности, так как изувеченную ногу спасти не удалось. Было проведено три операции, после каждой из которых шансы на возвращение к работе таяли. Несмотря на это отец женился, родились двое детей. Помня его плодотворный труд на хлебокомбинате, к нему несколько раз приезжали местные начальники, уговаривая стать наставником для молодых рабочих. Но отец так и не нашел в себе сил. Всю оставшуюся жизнь он работал сторожем, довольствуясь совсем малым. К 25-летию Победы ветерану дали светлую и уютную квартиру в Ижевске, а в 1967-ом — мотоколяску. Уже в конце 70-х он стал владельцем нового автомобиля Запорожец, чему был безмерно рад. Он прожил нелегкую жизнь, полную боли и лишений. Главной его радостью помимо семьи были пчелы. До самой старости отец держал до 100 пчелиных семей. Большую роль в жизни отца играла вера. Она помогала в самые сложные времена, когда казалось, что надежды и быть не может. Отец говорил, что большинство людей верили. Иначе было не выжить. Одной из немногих вещей, доставшихся мне от отца, стала Библия, написанная еще на старославянском языке. На тему войны разговаривать с ним было бесполезно. Отец считал, что незачем об этом говорить, ничего интересного, а тем более подходящего для детских ушей в тех событиях нет. И лишь по обрывкам случайно сказанных им слов я постепенно сложил то, что сейчас тебе рассказываю. Отец никогда не улыбался, чаще всего выражение его лица было задумчивым. Наверное, раны на теле и сердце не давали ему забыться. Но несмотря на всё, он оставался благодарным каждому дню прожитой жизни человеком».

В воздухе повисла тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов на стене. Глаза дедушки были каким-то отстраненными, а в моих стояли слезы. И мне, 11-летнему, было вовсе не стыдно. Я ушел домой, забыв у порога так и оставшуюся пустой банку для молока. Прошло четыре года со дня того разговора. Больше мы никогда не поднимали эту тему. Теперь я не выбираю кресло, стоящее спинкой к фотографии, а каждый раз сажусь напротив портрета и долго смотрю в плотно сжатые губы и нахмуренный взгляд. Торт мы печём вместе.

МОЙ ПРАДЕД — НАСТОЯЩИЙ ГЕРОЙ!

Нечаева Зоя Юрьевна, 14 лет,
ученица 7 класса МОУ «Санталовская СШ»,
учитель — Мельникова Мария Вячеславовна,
Тульская область, Ясногорский р-он, пос. Санталовский

В какой семье не помнят деда,
Помилуй, Бог?!
Они — создатели победы —
Бессмертный полк.

В. Иголкин

Каждый год в день Победы я иду в колонне Бессмертного полка со штендером, на котором изображены мои прадедушка и прабабушка. В один из праздничных дней, когда в нашей семье чтят память родственников, я спросила бабушку:

— Кто эти красивые люди на старой фотографии?

— Это, Зоинька, мои мама и папа. Семёновы Егор Михайлович и Мария Николаевна.

— Они были на войне?

— Папа воевал, а мама работала в тылу.

— Бабуль, расскажи, какие они были, какие подвиги совершили?

— Это были простые сельские люди, очень трудолюбивые и добрые. Жили они в деревне Андрюшково, мы ездили туда на их могилки, помнишь? Там отчий дом моего папы. Он был старшим сыном в семье, где росли семеро детей.

Родился он в 1913 году. В 1939 его призвали на Советско-финскую войну. Вернулся в 1940 году, а весной 1941 женился на красавице Марии, и стали молодые жить в родительском доме вместе с его мамой, моей бабушкой. А тут Великая Отечественная война началась, его сразу мобилизовали. Мама осталась со свекровью. В феврале 1942 года родила первенца, назвали его по просьбе отца Василием, в память о погибшем товарище.

Тяжело маме пришлось. Работу несли тогда женщины непосильную. В колхозе работали день и ночь, а когда враг к Туле подходил — окопы копали, железную дорогу ремонтировали. Всё выдержала. С надеждой и любовью ждала хозяина с фронта. Вот видишь эту фотографию? Твоя прабабушка отослала её мужу на войну, он носил ее у сердца и вернулся к своей Марусе.

Отец прошёл всю войну, служил он кавалеристом. Имел ранения. Папа был очень отзывчивый, внимательный и заботливый человек. Родные звали его Егорушка, а в деревне — Егор Михайлович, потому что любили и уважали. Он очень красиво пел. На праздниках запевал русские народные песни так, что все заслушивались, а нам, детям, перед сном затягивал не колыбельные, а «По военной дороге...» или «Мы красные кавалеристы...», видать, вспоминал о военных походах. О подвигах не рассказывал, может быть, я мала ещё была для серьёзных историй. О том, что у него есть ордена и медали, я узнала после его смерти, когда их несли перед похоронной процессией. Мне тогда всего 10 лет было. И мать вновь осталась одна с тремя детьми.

Егор Михайлович Семенов (1912–1961), кавалер 3-х орденов Славы.
Мария Николаевна Семенова (1921–1997), труженица тыла.
Лаптевский р-он Тульской обл., д. Андрюшково

— Бабушка, а отчего прадедушка умер?

— Он погиб на работе. После войны папа работал трактористом в колхозе. Летом 1960 года, возвращаясь с сенокоса, он вез колхозниц с поля, доехав до моста через речку, по которому переезжал каждый день, вдруг остановился и попросил всех слезть с трактора. Переправляясь, трактор перевернулся и упал в речку. Папа погиб. Божий был человек. До последнего мгновения не причинил никому ни зла, ни боли. Вот такая наша семейная история, Зоя. Помни ее и храни.

Выслушав рассказ бабушки, я долго думала о своих милых предках. Если у прадеда были ордена и медали, значит он был не просто хороший человек, он был героем. Я обратилась к архивным документам на сайтах «Подвиг народа» и «Память народа», и вот что мне стало известно.

Семёнов Егор Михайлович прошёл героический фронтовой путь с декабря 1941 года от Смоленска до Ленинграда и закончил его в Эстонии на берегах Балтийского моря в мае 1945 года. Совершил множество подвигов. В январе 1942 года в составе разведгруппы, выполняя задание в тылу врага под Смоленском, доставил военнопленного (языка), за это был представлен к медали «За Отвагу».

Все последующие годы Егор Михайлович на переднем фронте. 17 марта 1943 года, преследуя немецкую пехоту в составе кавалеристского полка, зарубил 12 немцев и сам был ранен.

7 сентября 1944 года, сойдя с коня, подорвал фашистский танк и взял в плен двух противников, одним из которых был немецкий офицер. Сам был ранен из пистолета. По совокупности подвигов в 1944 году был представлен к награждению орденом Славы III степени.

Вот так, жил в деревне Андрюшково Ясногорского района Тульской области неизвестный герой, отважный, бесконечно любящий свою семью и великую Родину мой прадед — Егор Михайлович Семёнов.

«И НИКОГДА НЕ ОБОРВЕТСЯ ВЕКОВ СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ...»

Самсонов Денис Вячеславович, 15 лет,
учащийся 10 класса МКОУ
«Липковский центр образования № 1»
Муниципального образования Киреевский район Тульской области,
учитель — Привизенцева Светлана Васильевна,
Тульская обл., Киреевский район, г. Липки

Ярко и величественно горят языки пламени у могилы воинов, павших в боях за освобождение нашей местности в 1941–1943 годы Великой Отечественной войны. Снова зажжен здесь Вечный огонь памяти (ветераны добились). В 1972 году он загорелся от факела нашего земляка — полного кавалера трех орденов Славы Токарева Сергея Павловича, а в 2000-е власти посчитали неразумным тратить деньги на газ в небольшом умирающем бывшем шахтерском городке Липки, и его погасили. Теперь он опять горит немеркнущим пламенем, а к братской могиле, где спят вечным сном воины Сибирской дивизии, несут и несут цветы благодарные потомки. Рядом стела «Бессмертного полка» с фотографиями моих земляков, приближавших Великую Победу. Их много.

С.А. Кальнов в 2000 году

Сегодня хоронят двух солдат, найденных поисковиками у деревни Липки на окраине леса. Я стою в почетном карауле с флагом России. Священник совершает обряд погребения, поют «Вечную память». У присутствующих, особенно у пожилых, на глазах слезы... Да, мы достойны, чтоб и у нас в городе горел, не угасая, Вечный огонь, ведь почти в каждой семье воевали на фронте, трудились в тылу, восстанавливали разрушенное войной хозяйство. После митинга и мы с родителями поедем на могилы своих защитников Родины.

В нашей семье стало традицией чтить память предков. В 7-ом классе я писал исследовательскую работу о своей прапрабабушке, схимонахине, прозорливой старице Сепфоре. Теперь я хочу рассказать о своем прадеде Сергее Алексеевиче Кальнове. Я родился в 2004 году и уже не застал прадеда в живых. Но по рассказам родных я представляю его необыкновенным. Говорят, что я похож на него: и внешне, и своим оптимизмом, и любовью к музыке. Может быть... Но я очень хотел бы быть похожим.

В 1912 году в городе Вязники Владимирской области в семье сторожа земской управы родился мальчик Сергей. В начальной школе он

С.А. Кальнов в первые годы войны

в числе первых ребят города в 1924 году вступил в пионеры и принимал активное участие в выполнении пионерских поручений. В эти трудные голодные годы, годы разрухи Сергей упорно овладевал знаниями. Окончив школу, он поступил учиться в Вязниковскую профессионально-техническую школу, где приобрел специальность токаря, по которой затем работал на фабрике «Свободный пролетарий».

В эти прекрасные, но очень трудные годы Советской стране нужны были специалисты. И Кальнова Сергея, как примерного в учебе и работе, зачислили в число студентов Свердловского горного института, где он получил специальность горного инженера по эксплуатации рудных месторождений.

По путевке Народного комитета тяжелой промышленности прадед начал свою инженерную деятельность. И сколько же в нем было оптимизма, жизнелюбия, огромного трудолюбия, чтобы в сложнейших природных и жизненных условиях в короткий срок показать себя прекрасным специалистом и организатором! Все это не укрылось от зоркого глаза начальства, и Сергея повысили в должности. Он стал начальником старательского отдела «Приморское золото».

Война, обрушившаяся на нашу страну, прервала все его планы и мечты. В военном билете офицера точно указаны учетные данные, время прохождения службы. В августе 1941 года Сергей был призван в ряды Советской Армии и прошел всю войну до победного конца, уволившись в запас лишь в 1946 году в звании капитана. Война бросала всюду. С августа 1941 года по апрель 1943 года служил на Дальнем Востоке командиром артиллерийского взвода 1137-го артиллерийского полка. Затем полк был направлен под Москву, где сформировали 86-ю артиллерийскую бригаду 5-го артиллерийского дивизиона Центрального фронта, которую направили на Курскую дугу. С апреля по август 1943 года Сергей был командиром батареи. Во время боя в районе Малого Архангельска был ранен в предплечье. После лечения в госпитале назначен начальником штаба дивизии 326-го артиллерийского полка 148-й стрелковой дивизии 1-го Украинского фронта. А с января 1944 года стал помощником начальника штаба 326-го артиллерийского полка 148-й стрелковой дивизии 4-го Украинского фронта. В этом же году получил тяжелое ранение в лобовую часть лица. Освобождал Польшу, Чехословакию. Войну закончил под Прагой. За выполнение боевых заданий командования на фронтах борьбы с немецкими захватчиками награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Красной звезды и медалями.

С однополчанами после боя. Кальнов С.А. — в среднем ряду, 2-й справа

Удивительная биография! И за всеми этими цифрами и датами столько мужества, отваги, силы воли и оптимизма, веры в Победу! На фотографиях я вижу прадедушку в гимнастерке в первые годы войны, на привале с гармонью, с однополчанами после боя. Каким-то чудом в нашей семье сохранились фронтовые письма прадедушки, адресованные его жене — моей прабабушке Кальновой Антонине Николаевне. Бережно держу их в руках. Покоробленные листочки, написанные не всегда ровным почерком в перерывах между боями, с пометкой «Проверено военной цензурой» и номерами полевой почты. Это письма 1944–1945 годов. Другие, видимо, не дошли или потеряны. Прадедушка писал почти ежедневно, скучал, вставлял любимые стихи и песни. Месяцами ждал ответов — война... С замиранием сердца читаю:

«...Два дня я не писал тебе писем, потому что не имел свободного времени...»

«...Сейчас уже ночь, идет обычная работа на передовой. Видны следы трассирующих пуль, грохот выстрелов и разрывов, мерцание ракет...»

«...Как вспомнишь, что ты находишься по другую сторону земного полушария, так сразу становится горько на душе. Скорей бы домой!..»

Какое счастье, что прадедушка вернулся домой живым, что его род продолжился и есть я!

В мае 1946 года, сразу после демобилизации, мой прадед продолжил свою трудовую деятельность. На сей раз судьба забросила его в поселок Хром-Тау Актюбинской области, где он проработал 10 лет и стал управляющим Донского хромитового рудоуправления.

Трудно человеку, выросшему рядом с прекрасными березами, видевшему могучую силу тайги, смотреть вдаль и наблюдать только выжженные солнцем пучочки ковыля, потрескавшуюся от жары землю, беркутов на столбах да шустрых сусликов, суетливо снующих под ногами. Душа захотела зелени, прохлады от шумящих деревьев. Прадед Сережа становится организатором посадки парка культуры и отдыха. И зашумел своей листвой окрепший оазис, названный жителями «парком Кальнова». Нелегко было налаживать жизнь в этом далеком от больших дорог поселке, но его мужество, трудолюбие, настойчивость и огромная любовь к людям оставили глубокий след на Казахской земле.

В 1956 году Кальновы всей семьей переехали в город Киреевск Тульской области. Работая управляющим Тульского рудоуправления, прадедушка с большой энергией боролся за внедрение в производство новой техники, передовой технологии и механизации трудоемких процессов. По его инициативе на руднике был осуществлён переход с подземной добычи руды на открытые работы. В 1963 году на руднике впервые был построен сушильный комплекс. За отличную, добросовестную работу прадедушка был награжден медалями: «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие», медалью ВДНХ, медалью «Ветеран труда».

На привале. Кальнов С.А. — справа с аккордеоном

С именем управляющего Кальнова были связаны все главные преобразования в молодом городе Киреевске: благоустройство и озеленение улочек, мощение плиткой тротуаров, закладка городского парка и мемориального сквера, возведение красавца Дома культуры и других видных зданий, бурное строительство благоустроенного жилья.

Выйдя на пенсию, прадедушка занимался общественной работой, возглавлял Совет ветеранов Великой Отечественной войны города Киреевска.

Вокруг своего дома он вырастил прекрасный сад с лучшими сортами груш и вишен. До самой своей кончины в 2002 году сажал овощи и сам же их консервировал для детей и внуков.

Смотрю на фотографии прадеда, размышляю о его жизни. Честно жил, служил Отечеству, имеет награды... В его честь назван парк... Он, несомненно, герой. И в то же время обыкновенный человек, каких много в России. Кто-то из моих родных несколько лет назад записал понравившееся стихотворение. Недавно я узнал, что оно принадлежит самобытному поэту Геннадию Ивановичу Кабаеву. Вот строчки из него:

Жизнь человека — только миг / В безбрежном времени Вселенной, / И только в памяти живых / Она становится нетленной.

Мой прадед Сергей Алексеевич Кальнов жив в памяти нашей семьи, как и миллионы погибших на войне и выживших героев в памяти своих родственников. Я думаю, что не только родственников, но и в памяти Родины-матери, России.

И дух их, продолжая жить, / Во внуков, правнуков вольется, / И никогда не оборвется / Веков связующая нить.

(Из стихотворения Г. И. Кабаева)

ГОРЖУСЬ СВОИМ ПРАДЕДОМ!

Тюрин Евгений Андреевич, 11 лет,
ученик 5 «В» класса МОУ «СОШ № 3 им. С.В. Ишеева г. Ясногорска»,
учитель — Титова Ирина Александровна,
Тульская область, г. Ясногорск

А.Д. Кузьменко

Мой героический прадед Анатолий Данилович Кузьменко — украинец по национальности. Он родился 26 августа 1914 года в селе Березниговатое Николаевского района. В школе учился хорошо, поэтому после ее окончания пошел учиться в военное училище на техника-танкиста. После окончания училища был распределен в портовый город Одессу. Там его и застала весть о наступлении немецких войск на Советский Союз. Прадедушке было 27 лет, когда его призвали на фронт. Воевал в 13-м гвардейском танковом полку. Был командиром экипажа танка.

Сталинградская битва, продолжавшаяся с июля 1942 года по февраль 1943 года, — одно из важнейших сражений Великой Отечественной войны. Мой прадед был участником этого сражения, остался жив, но потерял много своих товарищей.

Он получил пулевое ранение в спину и был контужен. А 5 декабря 1943 года во время боя в его танк попал снаряд. Если бы не солдаты, которые вытащили его из танка, он бы сгорел в нем. Прадедушка получил сильные ожоги и множественные осколочные ранения. Его отправили в госпиталь, в деревню Поповкино Тульской области. Там он познакомился с моей прабабушкой Зинаидой.

А.Д. Кузьменко — сидит, крайний слева. Под Сталинградом. 15.10.1942 г.

Прадедушка много рассказывал своим детям об ужасах войны, о том, что пережили тогда молодые солдаты. Если бы не его рассказы, мне бы нечего было о нем сейчас написать. Он рассказывал о том, что очень тяжело приходилось солдатам, особенно зимой. Как после боев от усталости даже сидеть в танке было невозможно — от напряжения все болело, да и раны давали о себе знать. Как им хотелось хоть на минуту закрыть глаза и услышать тишину. Когда становилось совсем темно, фашисты переставали палить из пушек, они вываливались из танков прямо на снег, и не могли подняться, сразу засыпали. А часовые переворачивали их, чтобы они не замерзли. «Казалось, что человек не может выдержать всего этого. Но мы открывали глаза и снова шли в бой», — рассказывал прадедушка Толя моей бабушке.

А.Д. Кузьменко (внизу) со своим товарищем. 1944 г.

Мой прадед имел множество медалей и орденов. Они были для него очень дороги, особенно два ордена Боевого Красного Знамени.

С войны к себе на родину Анатолий Данилович вернулся в звании гвардии капитана. Но пробыл на Украине совсем недолго. В 1946 году его снова призвали служить на Курилы, на остров Симусю. Он уже был в звании полковника. Уехали туда с прабабушкой. На острове была воинская часть, школа, где стала работать учителем прабабушка Зина, консервный завод, где обслуживающим персоналом были пленные японцы. На острове были очень тяжелые условия для жизни. Зимы очень холодные и снежные, лето очень влажное. Там у прабабушки родился сын, но из-за тяжелых условий он вскоре умер. И прабабушка решила покинуть остров. Прадедушка не захотел с ней расставаться и после двух лет службы на Курилах демобилизовался. Они приехали на Украину. Прожили там год. А в 1948 году переехали в Тульскую область, в нынешний Ясногорск. Прадедушке, как ветерану войны, дали землю, и он построил дом. Сейчас я в нем и живу со своими родителями и сестрой. Мой папа — внук прадедушки Толи, а я — правнук.

Мой папа тоже мне рассказывал про своего деда Толю. Дед очень любил моего папу. Мастерил с ним разные деревянные игрушки. У меня до сих пор сохранились кораблик, ружье и пистолет. Я буду их беречь. Дедушка любил петь военные песни.

А еще мой папа рассказывал, как у дедушки из спины и рук выходили осколки от снарядов. Папа помогал их вытаскивать.

Очень жаль, что я не видел своего прадеда, он бы мне тоже многое рассказал и многому научил.

Бабушка рассказывала, что прадед Толя был настоящим убежденным коммунистом и патриотом своей Родины. Был строгим, требовательным и честным человеком. День 9 Мая был для него самым большим и важным праздником. На дом он всегда вывешивал Красное знамя.

Послевоенные годы были непростые, страна оправлялась от войны. И здесь мой прадед Толя был в первых рядах. Он работал несколько лет третьим секретарем в местном райкоме партии. Своими знаниями и опытом он делился с молодыми кадрами. Затем прадеда назначили директором магазина. Но он страдал от сильных головных болей из-за контузий, и поэтому долго не смог занимать эту должность. Стал работать водителем в прокуратуре.

И уже будучи на пенсии, проработал несколько лет в 3-й школе (кстати, в которой я сейчас учусь) учителем по предмету «автодело». Прадедушку часто приглашали в школы нашего города, где он рассказывал ученикам о войне и героическом подвиге русских солдат.

В нашей семье бережно хранятся фотографии прадедушки Анатолия Даниловича, медали и ордена, наградные книжки и удостоверения. Рассматривая черно-белые фотографии, я вспоминаю рассказы своей бабушки о тяжелых испытаниях, выпавших на его долю. А с фотографий на меня смотрит мужественный человек с серьезным выражением лица, разучившийся за годы войны улыбаться.

Я рассказал только об одном своем прадеде, двое других тоже были героями, которым довелось нести нелёгкое бремя в те тяжёлые военные годы. А сколько таких героев? Да они в каждой семье!

А. Д. Кузьменко в районной библиотеке на встрече с учениками

ВОЕННЫЙ РАЗВЕДЧИК И ПИСАТЕЛЬ ОВИДИЙ ГОРЧАКОВ — МОЙ ПРАДЕДУШКА

Шарова Василиса, 14 лет,
обучающаяся ГБОУ города Москвы «Школа № 843»,
г. Москва

Военный писатель и разведчик Овидий Горчаков

Военный разведчик-диверсант, командир спецразведгруппы, переводчик-синхронист, работавший с первыми лицами государства, писатель, автор двух десятков романов и повестей, сценарист, литературовед, занимавшийся изучением истории предков Михаила Юрьевича Лермонтова в Шотландии и в России, глава Всероссийской федерации стрельбы из лука... Сложно поверить, что всё это один человек. Но это так. И этот человек — мой прадедушка Овидий Александрович ГОРЧАКОВ!

Прадедушка родился в Одессе 28 октября 1924 года в семье кадрового офицера-чекиста. Родители назвали его Овидием в честь древнеримского поэта, потому что их первая встреча произошла в городке Овидиополь в Одесской области. По преданию, когда-то в тех местах жил сосланный римским императором Августом великий поэт Овидий. Друзьям Овидия Горчакова это имя казалось странным и сложным, поэтому многие из них звали его просто Витя. Так же называли его и фронтовые товарищи, и ко многим эта привычка привязалась на всю жизнь.

По рассказам моей мамы, у её дедушки была добрая традиция принимать у себя боевых товарищей. Они съезжались в наш дом со всего Советского Союза и всегда привозили с собой подарки и гостинцы. Украинское сало, сибирские соления и орехи, кавказские вина и фрукты или мешок картошки из Белоруссии, но никогда друзья не приезжали с пустыми руками. Это были разные люди с разнообразными и часто нелёгкими судьбами, которых раз и навсегда объединила война. К сожалению, мне не удалось застать ни эти дружеские посиделки на кухне, ни самого прадедушку — он умер в 2000-м году, за 5 лет до моего рождения.

Мой прадедушка прошёл почти всю войну, а после Победы был уволен в запас в звании лейтенанта. Потом он окончил Высшие курсы переводчиков при столичном государственном педагогическом институте иностранных языков и Литературный институт имени Горького, стал писателем, был принят в Союз писателей СССР. Прадедушка написал более 20 книг: «„Максим“ не выходит на связь», «Далеко по ту сторо-

ну фронта», «Он же капрал Вудсток», «Хранить вечно», «От Арденн до Берлина», «Лебеди не изменяют», «Ян Берзин — командарм ГРУ», «Внимание: чудо-мина!»,«Накануне, или Трагедия Кассандры», «Они встали на пути “Тайфуна”», «В гостях у дяди Сэма», «Американский синдром», «Падающий дождь», «Если б мы не любили так нежно», «Сага о Лермонтах» и другие. А пародийный шпионский роман «Джин Грин — неприкасаемый» Горчаков написал вместе с Василием Аксёновым и Григорием Поженяном, опубликован роман был под общим псевдонимом Гривадий Горпожакс.

Желание стать писателем появилось у Овидия Александровича ещё до войны. Прадедушка писал стихи и прозу, знал наизусть многие произведения Шекспира в оригинале. Английский язык для него был как родной. Его отец (мой прапрадедушка) свободно владел английским языком, в 1930-х годах он работал в Америке, Англии, Франции, а с ним путешествовал и маленький Овидий с сёстрами, учился в школах Нью-Йорка и Лондона. После войны желание посвятить себя литературе стало только крепче — Овидий Горчаков решил донести до читателей всю правду о войне.

На момент начала войны моему прадедушке было всего 17 лет. Военный путь Овидия Александровича начался с того, что весной 1942 года добровольцем по комсомольской путевке он был направлен на обучение в разведшколу войсковой части специального назначения 9903, впоследствии знаменитую такими Героями, как Зоя Космодемьянская, Елена Колесова, Григорий Линьков, Иван Банов, Никита Дронов, Вера Волошина. Командиром этой одной из самых засекреченных частей был майор Артур Карлович Спрогис.

Младший лейтенант О.А. Горчаков

Прадедушка быстро вырос из рядового бойца в руководителя спецразведгруппы. Он воевал в тылу врага на Брянщине, в Белоруссии, Польше, Германии.

Первая заброска Горчакова в немецкий тыл произошла в марте 1942 года. Вот как об этом пишет он сам: «Напрасно старался я заглянуть в открытый люк через плечи и головы друзей. Я ничего не увидел, кроме зловещей чёрной щели, пересекаемой огненно-голубой струёй раскалённого газа из выхлопного патрубка.

Первый боевой прыжок! Внизу — немецкий тыл… Несколько сот километров от линии фронта. <…>

Во рту пересохло, ноги налились свинцом, приросли к полу. Но вперёд толкает неизбежность прыжка, немыслимость отказа от него. Всё остальное произошло с невероятной быстротой. <…>

Встречный поток ветра завертел, закрутил меня. Тугой воздушный вихрь резанул по глазам, ворвался в рот. Кажется, я падал, крутясь волчком, штопором, вниз головой. Зашлось сердце. Я не смог сдержать сдавленного крика, ничего не видел, ничего не слышал, кроме грохота, воя, свиста в ушах. «Раз… два… три…» Несколько секунд, несколько невероятно долгих секунд… Но вот меня крепко встряхнул, раскрывшись, парашют. Давящее безмолвие заполнило всё вокруг» (Из книги «Вне закона»).

Прыжок оказался не совсем удачным, а мог бы стать и смертельным — парашют запутался в ветвях дерева, и Горчакову пришлось обрезать стропы. Он упал на старый пень с острыми краями. Кровотечение и боль были настолько сильны, что юный разведчик едва дошёл до места сбора его диверсионно-разведывательной группы. Как утверждают специалисты, 70 % разведчиков гибли на первом же задании. Овидий исключение: он летал в тыл врага не менее 5 раз и выжил!

О своём первом боевом задании Овидий Александрович подробно рассказал в повести «Вне закона». Эта книга стала первой в литературном творчестве прадедушки, но была опубликована только 40 лет спустя, в годы горбачёвской перестройки, что, впрочем, невероятно обрадовало его, уверенного в том, что «Вне закона» не увидит свет никогда. Овидий Александрович от радости скупил почти весь тираж книги, чтобы дарить друзьям, товарищам и знакомым. Он вспоминал, что когда эта книга ещё была рукописью, он показал её Василию Семёновичу Гроссману — известному советскому писателю, и тот назвал её «лучшей книгой о партизанском движении и одной из лучших книг о войне».

Причин, по которым книга не была издана сразу после написания, было много. Скорее всего, люди, которые отвечали за выпуск книги, не хоте-

ли, чтобы читатели узнали правду о войне. Ведь партизанам, диверсантам приходилось воевать не только с немецко-фашистскими оккупантами, но и со своими соотечественниками-коллаборационистами, ставшими бургомистрами, старостами и полицаями; а иногда враги, трусы и предатели находились и среди солдат, офицеров и даже генералов Красной Армии...

В большинстве других своих книг Овидий Горчаков продолжал рассказывать о том, что происходило на фронте и во вражеском тылу. По роману «Вызываем огонь на себя», написанному в соавторстве с поляком Янушем Пшимановским, был снят одноимённый многосерийный фильм, очень полюбившийся телезрителям, а прадедушка получил премию Ленинского комсомола. Это история про смелую девушку Аню Морозову, которая организовала подпольную группу в своём родном посёлке Сеща на Брянщине, захваченном фашистскими оккупантами. Вернувшись после бомбардировок в разорённый немцами посёлок, девушка устроилась прачкой на фашистскую авиабазу и, рискуя жизнью, начала собирать ценные разведсведения. Она привлекла к этому важному делу своих подруг и знакомых. Подпольная группа быстро разрасталась и вскоре стала интернациональной: Ане удалось привлечь к агентурной и диверсионной работе поляков и чехов, осуществлявших техническое обслуживание авиабазы.

Благодаря разведданным подпольщиков советская авиация осуществляла точную бомбардировку фашистского аэродрома и немецко-полицейских гарнизонов, а партизаны объединённого партизанского отряда имени Чапаева под командованием Ф. С. Данченкова (впоследствии Первая Клетнянская партизанская бригада) провели блестящую операцию по разгрому базы отдыха лётчиков люфтваффе в деревне Сергеевка. Более двух десятков немецких самолётов взорвались в воздухе от магнитных мин, заложенных поляками при подготовке машин к полёту для бомбардировки советских городов.

Аня Морозова после освобождения Брянщины в сентябре 1943 года ушла на фронт. Воевала в разведгруппе «Джек» в качестве радистки с позывным «Лебедь». Она героически погибла (будучи ранена, взорвала себя и несколько фашистов) в последний календарный день 1944 года, не дожив до победы всего несколько месяцев. Посмертно 8 мая 1965 года ей было присвоено звание Героя Советского Союза.

Мой прадедушка был настолько воодушевлён её подвигами, что написал про Аню Морозову ещё в одной своей книге — «Лебединая песня» и в рассказах, входивших в сборники о героинях Великой Отечественной войны.

Увлекательные и невероятные истории про разведчиков, диверсантов, партизан вдохновляли многих авторов послевоенного времени. Известный писатель Юлиан Семёнов посвятил цикл повестей бойцам невидимого фронта. Самые популярные герои Семёнова известны многим — это Штирлиц и майор Вихрь. Одним из прототипов майора Вихря стал мой прадедушка Овидий Горчаков (два других прототипа — это разведчики Алексей Ботян и Евгений Березняк). Сам автор говорил, что вложил в образ Вихря внешность и характер Овидия Александровича, с которым они были хорошими друзьями.

За годы своей военной службы мой прадедушка был награждён орденами Отечественной войны I степени (второй орден Отечественной войны I степени он получил уже в 1985 году), Красной Звезды и боевыми медалями, среди которых медали «Партизану Отечественной войны» I степени, «За оборону Москвы». Он был также награждён высшим орденом Польской Народной Республики «За воинскую доблесть» (Virtuti Militari), поскольку участвовал в операции по вывозу из немецкого тыла первого народного правительства Польши во главе с маршалом Марианом Спыхальским. Звание Героя Советского Союза военный разведчик Горчаков так и не получил, хотя представлялся к нему дважды. Но для нас — его детей, внуков и правнуков — Овидий Горчаков всегда будет Героем!

Несмотря на два тяжёлых ранения, полученных во время боевых действий, ему посчастливилось остаться в живых и дожить до 75 лет. Мой прадедушка завещал развеять его прах над Клетнянскими партизанскими лесами в Брянской области, о которых он неоднократно писал (к примеру, многим любителям военной прозы хорошо известна его повесть «Я живу средь Клетнянского леса...»), и моя прабабушка выполнила его волю. В тех краях, в том самом посёлке Сеща, где отважно боролись с фашистами Аня Морозова и её товарищи, сейчас находится Сещинский музей интернационального подполья. Там есть стенд, посвящённый моему прадедушке. Моя прабабушка, бабушка, мама и папа были там, и я надеюсь когда-нибудь посетить это место.

Печально, что мой прадедушка не дожил до наших дней и мне не удалось послушать его захватывающие истории о войне, но зато у меня есть возможность узнать о нём больше благодаря его книгам. Мне бы хотелось прочитать их все! И я сделаю это! Я горжусь своим прадедушкой, его храбростью и преданностью Родине. Ведь именно ради нас Овидий Горчаков прошёл свой тяжёлый фронтовой путь.

О. А. Горчаков с семьей. Фото из семейного архива дочери Наталии Горчаковой

Глава 13. ПАМЯТЬ О ГЕРОЯХ СЕМЬИ И СТРАНЫ

НЕПОКОРЕННЫЕ, ИЛИ ИНТЕРНЕТ-ПОИСК ПО СЛЕДАМ РАССКАЗА М. П. ПРИДОНОВА «ДВАДЦАТЬ ДВА»

Архипова Татьяна Константиновна, 15 лет,
Петровичева Варвара Николаевна, 16 лет,
Кожевников Артемий Сергеевич, 15 лет,
Петухов Андрей Дмитриевич, 15 лет,
учащиеся 9 «Д» класса МБОУ «ЦО № 22 —Лицей искусств»,
руководители:
Бурцев Игорь Петрович, 64 года,
Шульдишов Алексей Викторович, 36 лет,
г. Тула

Посвящается всем тем, кто канул в небытие
за колючей проволокой лагерей военнопленных,
оставаясь до конца верными своему воинскому
долгу и присяге.

Принесли мы Родине присягу
Эту клятву свято бережем...
(строевая песня 147-й стрелковой дивизии)

В городе Туле в обычной панельной девятиэтажке живет человек необычной судьбы. В свои двадцать лет он в полной мере познал и испытал ад — не тот, описанный пером великого Данте, а реальный, земной, имеющий название «концентрационные лагеря», сохранив при этом чувство собственного достоинства, верность воинскому долгу и присяге. Призванный в ноябре 1939-го года в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии Придонов Михаил Придонович проходил службу в роте связи 551-го стрелкового полка 147-й стрелковой дивизии, сформированной на базе бывшей легендарной 25-й Чапаевской стрелковой дивизии. На втором году службы он как отличник боевой и политической подготовки был направлен командованием части на курсы младших лейтенантов при

полку связи в городе Одесса. 16 июля 1941 года, уже в звании младшего лейтенанта, которое ему было присвоено досрочно, Михаил Придонович был направлен в город Днепродзержинск на должность командира взвода 631-го отдельного батальона связи 273-й стрелковой дивизии 6-й армии. В августе 1941 года 6-я и 12-я армии оказались в окружении (Уманьский котел). 17 октября 1941 года в районе населенного пункта Староверовка при выходе из окружения и попытке перехода линии фронта младший лейтенант М. П. Придонов был пленен немецкими войсками. Началась его одиссея по лагерям. Их было много: Кременчуг, Владимир-Волынский, Ламсдорф, Гросс-Розен, концентрационный лагерь III-й категории Маутхаузен. Михаил Придонович предпринял две попытки побега, которые, к сожалению, не удались.

После освобождения из Маутхаузена 5 мая 1945 года и до конца июля этого же года он проходил проверку по линии 2-го отдела военной контрразведки (СМЕРШ) в городе Цветтль в советской зоне оккупации Германии. С конца июля и по октябрь прошел окончательную проверку в городе Невель в расположении 1-ой Горьковской запасной стрелковой дивизии. В конце ноября 1945 года М. П. Придонов был демобилизован в запас в звании младшего лейтенанта и вернулся в свой родной город Тбилиси. С 2007 года и по настоящее время проживает в Туле.

Необычная судьба, в которой переплелось трагическое и героическое, а также его харизма и коммуникабельность сделали М. П. Придонова весьма известной личностью в нашем городе. Его активная жизненная позиция породила у нас желание встретиться с этим необычным человеком.

Наше знакомство состоялось 13 ноября 2018 года. Уже с первых минут встречи он поразил всех нас присущим ему жизненным оптимизмом, верностью тем идеалам и морально-нравственным принципам, которыми он руководствуется всю свою жизнь. В ходе нашей беседы был один эпизод, который произвел на нас особо неизгладимое впечатление. Прервав на минуту свой рассказ и свои ответы на наши вопросы, Михаил Придонович выдвинул один из ящиков своего письменного стола и достал из него... подлинный «мютцен», головной убор узника концентрационного лагеря Маутхаузен, а затем на немецком языке, громко и четко, словно он вновь находится на лагерном плацу, на аппели, назвал свой лагерный номер — 128972.

Тот самый «мютцен» — головной убор узника концлагеря Маутхаузен М. П. Придонова

В комнате, где проходила наша беседа, установилась на некоторое время гнетущая тишина. Нам всем вдруг показалось, что мы услышали злобный лай овчарок, а в приоткрытое окно как бы пахнуло смрадным запахом густого черного дыма, исходящего из труб лагерного крематория.

Школьники с учителем Игорем Петровичем Бурцевым в гостях у Михаила Придоновича Придонова

Чтобы переменить тему разговора, гостеприимный хозяин затем нам показал два альбома, автором которых он является, с простыми названиями: «Шрифты» и «Грузинские шрифты». Сначала изумление, а потом восхищение охватило всех нас при просмотре этих необычных альбомов. Оказалось, что Михаил Придонович — художник-шрифтист. После войны он работал на киностудии «Грузия-фильм», в творческом объединении мультипликации. Шрифты, выполненные им вручную, по собственным эскизам перьевыми ручками и тушью, поразили нас не только высочайшим мастерством исполнения, но и тем, что ни один шрифт не повторяет другой, каждая буква своеобразна и несет характер индивидуальности. Еще большее удивление ожидало нас, когда мы увидели благодарственное письмо за подписью директора Государственного музея «Эрмитаж» М.Б. Пиотровского за преподнесенные в дар музею эти творения. Ведь это высочайшая оценка работы мастера!

Огромный жизненный опыт, непревзойденный дар рассказчика и собеседника привел Михаила Придоновича на склоне лет в еще одну сферу человеческой деятельности. Он — автор большого числа рассказов различной тематики, автобиографической повести «Я, гражданин...», которую он посвятил памяти своего друга и товарища по плену Сергею Багдасарову, к сожалению, уже оставившему этот мир [1].

Свои произведения М.П. Придонов дарит своим друзьям, знакомым, в первую очередь молодежи. Новые рассказы он сначала распечатывает на принтере, переплетает в брошюрку с яркой обложкой, на которой название оформляет своими необычными шрифтами, и вручает всем желающим. А впоследствии из этих многочисленных брошюрок

рождается толстая книга. Так, в 2019 году появился сборник рассказов с жизнеутверждающим названием «И все-таки она вертится» [2]. В него вошли не только рассказы, посвященные историческим событиям, свидетелем или участником которых был автор (разделы «Служба в армии», «Испытание»), но и его политические и философские статьи, где дается оценка социально-политическим процессам, происходящим в современном российском обществе.

Один из рассказов, опубликованный в этой книге под названием «Двадцать два», особенно запал нам в душу [2, с. 181–188]. В нем речь идет о побеге группы военнопленных, бывших командиров Красной Армии в звании от лейтенанта и до полковника из лагеря военнопленных города Владимир-Волынский (Шталаг 365) 1 июня 1942 года. Михаил Придонович был непосредственным очевидцем последующих за этим побегом событий: доставки в лагерь изуродованных тел убитых во время преследования военнопленных, публичного расстрела некоторых участников побега. По его рассказу, он был лично свидетелем трех случаев расстрела. Однако в силу объективных причин в рассказе не указаны фамилии, имена, отчества и воинские звания участников побега.

Находясь под впечатлением от этой истории, мы решили, по возможности, узнать, кто эти герои, используя ресурсы Интернета, сайтов «Забытый полк», «Авиация СГВ», «Память народа» и, конечно, в первую очередь ОБД «Мемориал». Почему мы решили взяться за эту поисковую работу?

Мы глубоко убеждены, что все военнопленные продолжали считать себя солдатами — побег в случае успеха давал им не только личную свободу, но и возможность продолжать вооруженную борьбу с врагами своей Родины, неважно где, в рядах действующей армии или же партизанских формирований. Это были герои. Герои той, практически неизвестной и слабо изученной страницы истории Великой Отечественной войны, повествующей о трагической, граничащей с самопожертвованием, но и одновременно героической борьбой большей части наших военнопленных в страшных, нечеловеческих условиях лагерей.

Приступая к поисковой работе, мы отлично осознавали, какой огромный объем информации нам предстоит обработать. Нами был определен круг первоочередных вопросов, ответы на которые нам необходимо было найти. В первую очередь предстояло установить:

— хотя бы минимум биографических данных участников побега (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения и проживания в довоенное время);

— воинские звания, занимаемые должности и, по возможности, номера воинских частей, в которых они проходили службу до момента пленения;

— осуществитьб поиск документов (регистрационные анкеты военнопленных, списки безвозвратных потерь и пропавших без вести), относящихся к периоду июль — октябрь 1941 года;

— фамилии, имена, отчества военнопленных, связанных со Шталагом 365, дату и характер смерти (расстрел), которые охватывает период с июня по сентябрь 1942 года.

В начале нашей работы Михаил Придонович назвал лишь фамилию и имя одного из участников побега — переводчик Иванов Анатолий, с которым он был знаком лично. Он предупредил нас о том, что часто военнопленные, командиры Красной Армии, проходя регистрацию в лагере, называли вымышленные имена и фамилии. Это сильно усложнило нашу работу.

Через три месяца кропотливой работы и поиска нам удалось обнаружить информацию о личности первого участника данного побега, с которым был лично знаком М. П. Придонов. Вероятно, это был Власов Владимир Захарович, 1909 года рождения, старший лейтенант, переводчик штаба 21-й армии Юго-Западного фронта. Пленен 18 сентября 1941 года при попытке выхода из окружения в районе города Пирятин. В лагере выполнял обязанности переводчика; был расстрелян 11 августа 1942 года. Михаил Придонович так описывает его расстрел, свидетелем которого он был:

«...из карцера его вывели на расстрел с также связанными за спиной руками. Но он не стал на колени, не повернулся лицом к стене, не позволил завязать себе глаза. Успел до выстрелов, прозвучавших с поспешностью, не ожидая команды, прокричать: «Да здравствует советская Германия!». Может, хотел еще что-либо сказать, да не успел. В любом случае молодчина. Геройский парень...» [2, с. 188].

В процессе нашего поиска мы обратили внимание на одну существенную закономерность. Как нам удалось выяснить, большинство участников побега до момента своего пленения проходили службу в воинских частях и соединениях 6-й и 12-й армий, окруженных в районе города Умань, а также 5-й, 21-й, 26-й, 37-й армий Юго-Западного фронта, окруженных в районе города Киев.

Вот их имена:

— Касьянеко Василий Васильевич, 1903 года рождения, капитан, 478-го артиллерийского полка 171-ой стрелковой дивизии 37-й армии. Пленен при выходе из окружения 24 сентября 1941 года в районе населенного пункта Борисловка. Расстрелян 13 июня 1942 года;

— Галяшкин Всеволод Яковлевич, 1901 года рождения, полковник. Начальник артиллерии 64-го стрелкового корпуса (394-й и 596-й артиллерийские полки) 37-й армии. Пленен при выходе из окружения 23 сентября 1941 года в районе населенного пункта Яготин. Погиб при попытке побега 1 июня 1942 года;

— Синицин Василий Федотович, 1915 года рождения, интендант 2-го ранга, начальник секретной части штаба 5-ой армии Юго-Западного фронта. Пленен при выходе из окружения 23 сентября 1941 года в районе населенного пункта Подгородище. Погиб при попытке побега 1 июня 1942 года [3, с. 194, 282; 4, с. 45–46, 105, 155].

Сейчас в нашей разработке находятся следующие фамилии пяти возможных участников данного побега: Гайдуковский, Оппель, Островский, Водецкий, Воробьев [5, с. 265]. Пока нам известны лишь только фамилии. Их имен, отчеств, дат рождения за исключением двух (Гайдуковский, 1906 года рождения, Островский 1892 года рождения), в документах нет. Нам удалось лишь установить их возможные звания и должности. Предположительно:

— Водецкий, Воробьев занимали должности заместителей командира батальона по политической части, что соответствует воинским званиям капитан/майор;

— Оппель, капитан, предположительно служил в штабе 6-ой армии;

— Гайдуковский, лейтенант;

— Островский, интендант 2-го ранга, возможно, переводчик штаба 6-й армии [6, с. 416, 418].

Даты и места пленения в документах отсутствуют. Объем информации по вышеуказанным фамилиям огромен. ОБД «Мемориал» на фамилию Воробьев предоставил нам информацию объемом в 2470 страниц, по 20 фамилий на каждой. Итого 49 400 фамилий. Чтобы ускорить процесс поиска, наши руководители Бурцев Игорь Петрович и Шульдишов Алексей Викторович посоветовали нам и практически показали, как искать те фамилии, которые в базе данных ОБД «Мемориал» отмечены условным знаком «Документы о военнопленных». Это несколько сократило объем обрабатываемой информации, что, безусловно, ускорило нашу работу. Результат использования данного подхода не замедлил сказаться.

На форуме сайта «Авиация СГВ» нашли ещё фамилии Добросердова и Андреева. Исходя из этой информации с привлечением базы данных ОБД «Мемориал» нам удалось установить их имена, отчества, воинские звания [7, с. 115–118]:

Андрей Исаевич Добросердов

— Добросердов Андрей Исаевич 1903 года рождения. Место рождения — Смоленская область, поселок Нижний Уфанин. Капитан, 207-й отдельный саперный батальон предположительно 102-й стрелковой дивизии. Согласно анкете военнопленного, был пленен 1 февраля 1942 года в районе города Бердичев. Погиб при попытке побега 1 июня 1942 года;

— Андреев Николай Тимофеевич, 1902 года рождения. Место рождения — Полтавская область,

деревня Мажуха. Старший лейтенант 618-го стрелкового полка, предположительно 215-й моторизованной дивизии 5-й армии. Юго-Западный фронт. Пленен при выходе из окружения 7 августа 1941 года в районе населенного пункта Копейковата. Погиб при попытке побега 1 июня 1942 года.

В процессе нашей работы перед нами возникла необходимость найти ответы еще на три вопроса, чтобы более полно представить себе картину события 1 июня 1942 года: во-первых, характер побега — был ли он заранее спланирован и подготовлен или же носил спонтанный, стихийный характер; во-вторых, если побег 1 июня был заранее спланирован, то кто стоял за его подготовкой? Была ли это личная инициатива определенной группы военнопленных или же данный побег был результатом деятельности подпольного лагерного комитета Сопротивления; наконец, в-третьих, были ли случаи боестолкновения участников побега с охраной лагеря, участвующей в преследовании?

Вопросы, вопросы, вопросы...

Во Владимиро-Волынском лагере был так называемый «генеральский блок». В период с сентября по октябрь в этом блоке содержались командующие 6-й и 12-й армиями генерал-майоры Музыченко Иван Николаевич и Понеделин Павел Григорьевич. Летом и осенью 1942 года в этом блоке находились также заместитель командующего 6-й армией по тылу генерал-майор Зусмалович Григорий Моисеевич (о его содержании в лагере хорошо известно Михаилу Придоновичу) и командир 109-й стрелковой дивизии генерал-майор Новиков Петр Григорьевич (после эвакуации из осажденного Севастополя вице-адмирала Ф. С. Октябрьского и командующего Приморской армией генерал-майора И. Е. Петрова он исполнял обязанности командующего Севастопольским оборонительным районом. 2 июля 1942 года катера Черноморского флота, на борту которых находились генерал-майор П. Г Новиков и члены его штаба, были перехвачены и атакованы немецкими торпедными катерами и авиацией. Так генерал-майор Новиков Петр Григорьевич, будучи раненым, попал в плен).

Так была ли подпольная организация Сопротивления в Шталаге 365?

Частично ответ на этот вопрос был нами получен в книге О. С. Смыслова «Сталинские генералы в плену» [3]. В главе восьмой автор приводит список генералов Красной Армии, погибших в плену. В их числе он указывает и командира 6-го кавалерийского корпуса генерал-майора Никитина Ивана Семеновича, который после пленения содержался в лагере Владимир-Волынский. О. С. Смыслов, ссылаясь на военно-биографический сборник «Комкоры», высказывает предположение, что именно в этот момент в лагере и был создан подпольный комитет Сопротивления. Таким образом, если мы примем эту версию, то можно предположить, что побег 1 июня 1942 года был заранее спланированной акцией.

Что касается самого побега, то по воспоминаниям Михаила Придоновича, его главной целью была попытка вывести из лагеря двух генералов Красной Армии, зарегистрированных под другими фамилиями и воинскими званиями. В своем рассказе «Двадцать два» М. П. Придонов пишет:

«...слухи обрастали все новыми подробностями. Якобы Москва заслала двух разведчиков с заданием выкрасть, вывести, освободить из плена двух советских генералов. Для этого они и создали специальную команду...» [2, с. 182].

Так кто это был? Подлинные фамилии этих двух генералов мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Сам генерал-майор Никитин Иван Семенович был переведен в лагерь Хаммельбург, а в январе 1942 года переведен в тюрьму города Нюрнберг, где ему был присвоен статус «политического заключенного». В апреле 1942 года генерал-майор Никитин И. С. за отказ от сотрудничества был казнен (расстрелян).

Как же развивались события? Когда стало ясно, что идет преследование, группа беглецов разделилась. Была оставлена группа прикрытия (арьергард) в составе восьми человек. Именно их тела, изуродованные до неузнаваемости, были первыми доставлены в лагерь для опознания. На вооружении данной группы было два карабина К-95 калибром 7,92-мм, взятых у убитых конвоиров, и лопаты, которые могли быть использованы как холодное оружие. Шансов надолго задержать преследование у данной группы не было. Была только возможность подороже продать свои жизни, отлично сознавая, что это их последний бой. Кто же были эти герои?

На сайте «Авиация СГВ» участники форума высказали предположение, что в состав группы прикрытия входили:

— Найдис Павел Филиппович, 1902 года рождения. Полковник. Командир 122-го артиллерийского полка 44-й горнострелковой дивизии. Пленен при выходе из окружения в районе населенного пункта Терновка 8 августа 1941 года. В лагере зарегистрировался как Филиппов Павел Филиппович, старший лейтенант. Первоначально содержался в шталаге 365 Z, который являлся филиалом Владимиро-Волинского лагеря. 21 февраля 1942 года был переведен в шталаг 365 (город Владимир-Волынск);

Матвей Фадеевич Старостин

— Старостин Матвей Фадеевич, 1897 года рождения. Полковник. 67-ой стрелковый корпус 21-й армии Юго-Западного фронта. Пленен при выходе из окружения 22 сентября 1941 года в районе населенного пункта Сенча;

— Неверов Митрофан Павлович, 1902 года рождения. Майор. 62-я бомбардировочная авиаци-

Митрофан Павлович Неверов

онная дивизия. Был сбит в воздушном бою 24 сентября 1941 года в районе населенного пункта Городище. Первоначально содержался в Шталаге 355 (город Проскуров), затем был переведен в Шталаг 365 (город Владимир-Волынский).

Именно они, имея на вооружении два карабина из расчета по шесть обойм на каждый, составили первую линию прикрытия, вступив в перестрелку с преследователями. Когда закончились боеприпасы, они пошли врукопашную. Фамилии, имена, отчества и воинские звания остальных пяти участников группы прикрытия пока неизвестны. Какие потери понесли преследователи в ходе этого боестолкновения неизвестно, но, видимо, они были. На наш взгляд, этим можно объяснить ту жестокость, проявленную немецкими солдатами по отношению к телам погибших военнопленных. Всего в лагерь было доставлено в течение 1–3 июня 1942 года двенадцать тел погибших военнопленных. Восемь военнопленных, предположительно, участников побега, были доставлены в лагерь и публично расстреляны. Последним был расстрелян 11 августа 1942 года старший лейтенант Власов Владимир Захарович, о котором мы уже упоминали в начале. Судьба четырех беглецов неизвестна, возможно, им удалось сбежать. Так что нам предстоит еще много работы. Мы надеемся на успех. И да сопутствует нам удача!

Литература и источники

1. *Придонов М.* Я, гражданин… Тула: Тульский полиграфист, 2014.
2. *Придонов М.* И все-таки она вертится. Рассказы. Тула: Аквариус, 2019.
3. *Смыслов О.С.* Сталинские генералы в плену. М.: Вече, 2014.
4. *Смыслов О.С.* Плен. Жизнь и смерть в немецких концлагерях. М.: Вече, 2014.
5. *Исаев А.В.* Котлы 41-го. М.: Яуза; ЭКСМО, 2005.
6. *Исаев А.В.* Приграничные сражения 1941. М.: Яуза; ЭКСМО, 2011.
7. Сборник военно-исторических карт «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.». Ч. I. М.: МО РФ, Звонница, 2011.

НАВСЕГДА ОСТАНУТСЯ В МОЕМ СЕРДЦЕ…

Балабанова Татьяна Васильевна, 14 лет,
учащаяся 9 класса МКОУ «Архангельская СОШ»,
учитель — Безгин Михаил Николаевич,
Тульская область, Чернский район

Я родилась в красивом и цветущем селе Архангельское Тульской области, но родина моих родителей, дедушек и бабушек — далекая Грузия. Я много разговаривала со своими родственниками о том, где и когда жилось лучше. Часто с ностальгией они вспоминают 1960–80-е годы. Жили интереснее, дружнее, веселее. Может, они были молоды и здоровы, или же и в самом деле тогда все было так хорошо. Радовались полету Юрия Гагарина в космос, достижениям в спорте, первым телевизорам и магнитофонам. Отношения между людьми были более тёплыми и человечными, больше помогали друг другу. Соседи заходили в гости по-простому, несмотря на социальный статус и достаток, просто поговорить о жизни… В наше современное время мне и моим сверстникам это не совсем понятно.

Сейчас в нашей стране тихо и мирно, но этот мир будет до тех пор, пока мы будем помнить самую кровопролитную войну XX века.

В связи с этим мне хочется рассказать о некоторых представителях нашей семьи, которым довелось жить в то непростое время.

Из всей многочисленной семьи Балабановых больше всего известно про Гаврилу Григорьевича Балабанова. Он родился в 1903 году в крестьянской семье, одним из первых вступил в комсомол, в начале 1920-х окончил рабочий факультет в Москве. В 1930-х возглавил партийную ячейку и стал активным участником создания колхоза в селе Гореловка в Грузии. Был председателем колхоза, председателем исполкома районного Совета. В годы войны у себя на родине в Грузии возглавлял отряд СМЕРШ.

Это был человек высокой культуры и образованности. По его инициативе строились важные объекты. Он был инициатором строительства Спасовского оросительного канала в Грузии. Им часто внедрялись новые технологии в своем колхозе. Много ездил по своему региону, часто бывал в столице и был лично знаком с известными тогда людьми, например с Серго Орджоникидзе, Анастасом Микояном, Михаилом Ивановичем Калининым.

Гаврила Григорьевич Балабанов (слева)

Его часто делегировали на различные съезды духоборцев, хотя в глубине души себя он таковым не считал; ко взглядам земляков относился все же с пониманием.

В послевоенное время Гаврила Григорьевич долгое время был вторым секретарем райкома партии КПСС в Богдановском районе Грузинской ССР. Был активным строителем новой жизни и уважаемым тогда человеком.

В 1970-х — начале 1980-х гг. он все еще продолжал работу, но уже общественную. Был внештатным корреспондентом газеты «Заря» [1], часто встречался с учащимися Гореловской школы, был инициатором создания сельского музея.

Но отношение к Гаврилу Балабанову у части местного населения было и остается не совсем хорошее. Говорили, что он был причастен к раскулачиванию, ведь большинство людей среди духоборцев жили хорошо, и крестьяне-единоличники сначала не хотели вступать в колхозы.

У Гаврилы Григорьевича и его жены Меланьи Ивановны, моей прапрабабушки, родились двое сыновей — Михаил и Василий. Василий, это мой прадед, был еще маленький, когда началась Великая Отечественная война, а вот Михаила, родившегося в 1922 году, призвали на фронт, и ему пришлось воевать. От него во время войны было получено несколько писем. В одном из них он писал:

«Я знаю, были случаи, когда фрицевские самолеты гуляли над моим любимым городом Тбилиси. Правда, мне сказали, разрушения и жертвы были небольшие. Ничего, дорогие родные, крепите тыл, а мы постараемся, чтобы больше эти дробины никогда не появились над солнечной Грузией. Ничего, недолго осталось фашистам издеваться над нашей Родиной».

Это одно из последних писем Михаила Балабанова. Оно датировано 25 ноября 1942 года. Вскоре от него вообще перестали приходить письма. Он погиб в воздушном бою под Сталинградом.

Михаил с отличием окончил Гореловскую среднюю школу. Он хорошо знал и любил математику и физику. Наверное, поэтому и стал военным летчиком. Он воевал целый год и отдал самое дорогое, что есть у человека — жизнь.

«Душа моя еще больше налилась гневом и ненавистью к этим гитлеровским мерзавцам. Бомбы, снаряды, мины, автоматчики, танки. У, «зверюга», Гитлер. Пусть знает, что победа все равно будет за нами...»

М.Г. Балабанов

1942 год для нашей страны был очень трудным годом. Гитлеровцы рвались к Волге, к Кавказу, из последних сил защищался Ленинград. И только стойкость всех людей, их высокий моральный дух, вера в победу сломили фашистский хребет. Михаил не испытал счастья Победы, но он верил в нее:

«...Здесь сейчас убирают хлеб. Хлеб — замечательный. Только жаль, что кое-что перепало немцу. Но ничего, пусть кушает и давится, и пусть знает, Победа будет за нами!»

Даже в самые трудные минуты Михаил думал о своей семье, интересовался, что происходит в его родном селе. До конца дней он оставался любящим сыном. Вот что писал Михаил своей матери:

«Здравствуй, дорогая мама! На твое имя я выслал свой денежный аттестат на сумму 300 рублей. Все вам будет полегче. У меня все нормально. Нахожусь в действующей армии. Живите и думайте, что скоро будет конец войне».

Еще мой один родственник по линии прабабушки, Сапрыкин Николай Михайлович, тоже был на фронте. Он был молод, полон сил, любил свою семью и свою страну.

«Здравствуй, дорогая мама и любимые сестрёнки! Первым долгом своего письма сообщаю, что я жив и здоров, чего и вам желаю, письма ваши получаю, и от Дуси тоже, а от папаши нет, дорогая мамочка. Я писал, чтобы мне больше не писали, скоро перееду на новое место службы, тогда сообщу вам. Новостей особых нет, школу окончил, получил звание младший лейтенант. Вот что хотел написать о себе: здоровье хорошее, только одно, дорогая мамочка, очень соскучился. Не пришлось нам повидаться с вами, пока находился на учебе. Но ничего, ещё увидимся, смотри за сестрёнками и хозяйством. Когда получишь это письмо, напиши папаше, что я еду к нему бить фашистов. Дорогая мамочка, целую тебя и сестренок крепко и много раз, а вы, сестрёнки, слушайте мамочку, передайте привет бабушке, тетке и их деткам. Живите мирно, скоро увидимся, посмотрим, какое моё счастье. Ещё разок, не скучайте, а пишите письма, когда получите мой новый адрес. Люба, передай привет моему боевому товарищу, Лукьянову Петру, и скажи, что пусть не обижается, что не написал ему.

Чуть не забыл. Недавно видел нашего земляка, Надеина Михаила. Они только вышли из боя. Он сидел раненый возле дерева и был не просто ранен, страшно ранен. Живот распорот, видны все внутренности. У нас не было времени остановиться, надо было идти дальше. Вряд ли выживет. До свидания. Ваш любящий сын и брат Коля. 16.07.1943».

Это было последнее письмо от Николая. Он пропал без вести. Михаил Надеин же выжил. После госпиталя вернулся с фронта домой. Женился, у него родились четверо детей. Дожил до глубокой старости.

Н.М Сапрыкин. 1942 г.

Война — не просто страшное событие, для меня это повод задуматься о том, что мы должны сделать для того, чтобы такое больше не повторилось.

Литература и источники

1. Газета РК КП Грузии «Заря», 1981 г. №54; «Заря», 1983 г. № 56.

ПАМЯТЬ НАШИХ СЕРДЕЦ

Гришин Борис Вячеславович, 10 лет,
ученик 4 класса МБОУ «СОШ № 13»,
учитель — Гришина Татьяна Анатольевна,
Тульская область, г. Донской

Наверное, каждый из нас может рассказать о своих дедах и прадедах, воевавших с фашистами на полях сражений или ковавших победу в тылу. И я хочу рассказать о ратном пути своих родственников.

Прадедушка Михаил Иванович Гришин родился 11 февраля 1918 года. Его призвали в ряды Красной Армии в 1939 году. Дома остались жена и годовалая дочка, крестная моей мамы. Михаил Иванович служил в артиллерийских войсках наводчиком расчета в Белоруссии.

Но не все приняли весть о войне как трагедию. Некоторые, наоборот, помогали фашистам. Однажды во время боя, когда поднесли ящик со снарядами, прадедушка открыл его и увидел в нем обычные гвозди. Произошла заминка. Этого хватило фашистам, чтобы взять в плен пушечный расчет.

Солдат отправили в концлагерь на территории Германии. Потянулись жуткие четыре года плена. Совершенно случайно прадед избежал расстрела. Дело было так.

Пленные в лагере работали. На поверке немцы спросили, нет ли среди них сварщиков. Прадедушка был другой специальности, а его друг, как говорят, был сварщиком «от бога». Он шепнул Михаилу Ивановичу, чтобы тот тоже вышел. Прадед доверял другу. Несколько человек сделали шаг вперед и не успели опомниться, как всех остальных немцы расстреляли.

М.И. Гришин (стоит)
(1915–1980)

Но фашисты решили проверить профессионализм пленных, назначили время экзамена. Друг прадеда помог освоить ему азы сварки, и тот смог пройти проверку (прадедушка после войны был тоже сварщиком «от бога» и работал на заводе почти до последних дней). Недоедание, издевательства сделали людей тенями. Четыре раза прадед с друзьями пытались бежать, но их ловили и возвращали в бараки.

В 1945 году американская армия освободила пленных, и русских солдат отправили в СССР, но там ко всем пленным было подозрительное отношение — не предатели ли? — поэтому состав погнали на Урал.

По прибытии людей распределили по лагерям. Началось новое испытание. На сей раз побег прадеду удался.

Он приехал домой в 1946 году. Семья была в большом изумлении, так как считала его пропавшим без вести. Кто-то донес и прадеда арестовали, а затем судили трибуналом. Суд его помиловал.

Прадедушка Миша редко рассказывал обо всем происшедшем, но когда уступал расспросам детей, (а у него их трое), он говорил, а из глаз лились горючие слезы.

А.И. Овчаренко
(1918–1992)

Мой другой прапрадедушка Овчаренко Андрей Иванович родился 15 февраля 1915 года. Его призвали в ряды Красной Армии в 1936 году. Отслужив два года, он уже собирался домой, как началась финская война, в которой довелось принять участие.

В 1940 году прапрадед вернулся домой. Но отпуск оказался недолгим. В 1941 году его призвали в танковые войска, где он прослужил до 1945 года.

Дома сохранилась трудовая книжка, в которой первая послевоенная запись гласит, что он приступил к работе в августе 1945 года.

Прапрадед Андрей прошел войну рядовым танкистом. Он был высокого роста, и моя бабушка всегда посмеивалась, недоумевая, как он влезал в танк. А он смотрел на нее и все переводил в шутку, якобы было место, куда можно вытянуть ноги. Всегда рассказывал не о том, что горел в танке, что дышать в нем очень трудно, а о вкусной гречневой каше с тушенкой, которую привозила походная кухня, и как они правдами и неправдами старались, чтобы им накладывали побольше наваристой каши.

Но иногда его глаза становились печальными. Это происходило, когда он брал книгу маршала Советского Союза Еременко Андрея Ивановича «В начале войны». Эта книга была для него настольной. Когда я пролистал ее, то понял, что, читая эту книгу, прапрадед еще и еще раз проходил по дорогам войны, вспоминая своих боевых товарищей, многие из которых не вернулись домой.

В 1959 году за участие в Великой Отечественной войне рядовые Андрей Иванович Овчаренко и Михаил Иванович Гришин получили медали по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 09 мая 1945 года. В 1970 году Андрей Иванович награжден за доблесть и отвагу нагрудным знаком «25 лет Победы в Великой Отечественной войне» (удостоверение подписано Министром обороны СССР Советского Союза А. Гречко).

«СУРОВОЕ, МУЖСКОЕ НАШЕ ДЕЛО МЫ ДОВЕДЁМ — И С ЧЕСТЬЮ — ДО КОНЦА!» (ФРОНТОВАЯ ИСТОРИЯ БРАТЬЕВ ПАВЛА И ПЕТРА ГОЛОВАЧЕВЫХ)

Дульзон Олеся Олеговна, 12 лет,
ученица 7 «В» класса МБОУ «СОШ № 17»,
учитель — Колотовкина Алла Евгеньевна,
Тульская область, г. Новомосковск

Мы подружились с говором винтовки,
запомнив милой родины наказ...

Всеволод Рождественский

Олеся Дульзон в колонне «Бессмертного Полка» 9 мая 2018 года

9 мая 2018 года я первый раз приняла участие в движении «Бессмертный полк», несла в руках фотографию моего прадедушки, рядового Рабоче-крестьянской Красной армии, Головачева Павла Ивановича, родившегося в 1912 году в селе Большие Кулики Моршанского района Тамбовской области.

Летом 1941 года моя прабабушка, Головачева Пелагея Никифоровна, проводила молодого мужа на фронт и осталась с двумя маленькими дочками. Счастливой весной 1945 года они с букетами полевых цветов на станции Ракша будут встречать поезда с фронтовиками в надежде увидеть своего защитника Родины, но... Дочери и жена не дождались отца и мужа с фронта. Пришло извещение о том, что Головачев Павел Иванович без вести пропал в ноябре 1941 года. В «Книге Памяти» Моршанского района это известие подтверждается. Но родные долго не могли смириться: «Без вести пропал...». Неправда это! / Он солдат — его терять нельзя...» (Н. Рачков).

Размышляя о солдатской судьбе прадеда, я читала исторические справки о начале войны на тамбовщине, в которых говорится: «Налеты немецкой авиации на территорию края начались с августа 1941 года и усилились к октябрю». Говоря словами документов, Головачев Павел Иванович стал частью «колоссальных, безвозвратных потерь Красной армии на фронте в 1941 году. Погибло в боях и пропало без вести до 70 %

мобилизованных тамбовчан» [1, с. 5]. Рядовые и сержанты сухопутных войск имели наименьшие шансы выжить на войне.

От семьи Головачёвых «суровое мужское дело» довёл до Победы младший брат моего прадедушки, Петр Иванович Головачёв. Дата его рождения в паспорте — 24 августа 1924 года. Фактически родился в 1926 году. Чтобы попасть на фронт, приписал себе два года. Строки из «Песни смелых» (Музыка: В. Белый. Стихи: А. Сурков) и про него тоже: «Смелый к победе стремится, / Смелым — дорога вперед. / Смелого пуля боится, / Смелого штык не берет».

Курсант Ташкентского пулемётного училища Пётр Головачёв

Младший лейтенант Пётр Иванович Головачёв

Студент исторического факультета Тамбовского педагогического института Пётр Иванович Головачёв

Итак, юный Пётр Головачев в 1941 году от Моршанского военкомата отправился на учебу в 6-ую Воронежскую школу ВВС, которая потом была эвакуирована в город Караганду.

23 октября 1942 года он призван Ленинским РВК города Караганды Казахской ССР в ряды Вооружённых Сил. Направлен в Ташкентское пулеметное училище. В октябре 1943 года получил звание младшего лейтенанта, назначен командиром пулеметного взвода 39 отдельного полка резерва офицерского состава 2-ого Украинского фронта. И это — в семнадцать лет! Молодому лейтенанту нужно было справляться с возложенной ответственностью, рассчитывать, как вести огонь по противнику, решать тактические задачи, проявлять лучшие качества офицера, чтобы показывать пример подчиненным. С декабря 1943 года мой двоюродный прадедушка командовал пулеметным взводом 51-го стрелкового полка 93-й стрелковой дивизии 2-го Украинского фронта. Эта дивизия успешно действовала при освобождении Левобережной Украины. Пройдя с боями около 200 километров, её части освободили свыше

100 населённых пунктов; в начале декабря 1943 года участвовали в наступательной операции на криворожском направлении.

В январе 1944 года Пётр Иванович был ранен, потерял глаз; четыре месяца восстанавливался в эвакогоспитале № 3263. Но уже в мае 1944 года он продолжил защищать Родину в качестве командира пулемётного взвода 18 отдельного полка резерва офицерского состава 3-го Украинского фронта. Под Кишинёвым Петр Иванович получил тяжёлое ранение в ногу. До декабря 1944 года находился на излечении в госпитале № 2614, затем продолжил свой боевой путь в 16-м отдельном полку резерва офицерского состава Орловского военного округа. 11 мая 1945 года был уволен в запас.

Девятнадцатилетний победитель, младший лейтенант, выдержавший с честью «суровое мужское дело», возвратился домой.

За боевые заслуги перед Родиной Пётр Иванович Головачёв награжден орденом Красной Звезды, медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Военный опыт и жизненную мудрость мой прадедушка решил передать детям, поэтому с 15 июня 1945 года работал военным руководителем Пашининской средней школы Тамбовской области, одновременно получал педагогическое образование на историческом факультете Тамбовского педагогического института. Затем были курсы немецкого языка в Москве. С 1949 по 1980 годы мой прадед занимал пост директора Новоалександровской школы Ракшинского района Тамбовской области, преподавал историю и немецкий язык. Вместе с женой Валентиной Ивановной Докудовской, учителем начальных классов, они воспитали дочерей Нину и Галину, которые хранят память о Петре Ивановиче. Именно они сохранили автобиографию отца и, являясь двоюродными сестрами моей бабушки, Валентины Павловны Ямщиковой (в девичестве — Головачёвой), поделились со мной своими воспоминаниями. Также в нашей семье хранится выписка из военного билета, что позволило узнать подлинную фронтовую историю Петра Ивановича, дорогую для меня и всех родственников.

9 мая 2019 года, участвуя в движении «Бессмертный полк», я держала фотографии уже двух братьев: Павла Ивановича и Петра Ивановича Головачёвых. В ряду тысяч героев мои прадеды прошли победным строем в честь 74-ой годовщины Великой Победы. Я рада, что мы с родителями делаем важное дело — сохраняем суровую правду и память о войне, «Ведь эта память — наша совесть. / Она, как сила, нам нужна...» (Ю. Воронов)

Литература и источники

1. Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны: метод. разработки к лекции / В.Е. Бредихин. — Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007.

МОЙ «БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК»

Захаркина Алина Андреевна, 17 лет,
ученица 11 класса МКОУ СОШ МО Славный,
учитель — Захаркина Елена Станиславовна,
Тульская область, п.г.т. Славный

Листаю семейный альбом, вглядываюсь в лица на фотографиях. Перебираю ордена и медали, читаю наградные документы, чудом уцелевший дневник. Я никогда не видела этих людей, их не стало задолго до моего рождения, но в моем воображении они оживают: молодые, красивые, полные надежд... Мои прадедушки и прабабушки.

Какое страшное испытание выпало на их пути! Как они смогли пережить все это? Мои мысли летят туда, в страшные сороковые. Что чувствовали они, находясь в шаге от смерти? Я решила собрать все сохранившиеся в семье документы, фотографии, воспоминания, опросить родственников, изучить и проанализировать архивные данные, литературу, отражающую события этого периода. Результатов моей работы с нетерпением ждала вся семья.

Из всех моих родственников, бывших участниками и свидетелями войны, я застала только моих прабабушек. Они рассказывали о том, что им пришлось пережить. Но о прадедушках информации сохранилось в семье немного. Мне и всем моим родным хотелось знать о них побольше.

Мой прадед, Александр Гаврилович Давыдов родился 5 мая 1921 года в селе Троицкое Чернского района Тульской области в семье зажиточных крестьян. В 30-е годы отец его был репрессирован.

Моя прабабушка, Серегина Мария Федоровна, 1920 года рождения, рассказывала, что приехала в Троицкое работать в школу учителем русского и немецкого языков и поселилась на квартире в доме прадеда. Тот служил в армии и из писем от своих родителей из дома узнал, что невеста ему уже есть!

Прабабушка была невысокая, с копной рыжих волос, никогда не считала себя красавицей, но поклонников у нее было много. Она была активисткой, веселой, острой на язык, танцевала все модные на тот момент танцы, даже умела играть на скрипке.

Её судьба была непростой. Когда она родилась, шла Гражданская война. Через две недели после её рождения отец ушел на фронт. «Какая она маленькая. Береги её, Маша», — с такими словами отец покидал свою семью. Больше родные его не видели. Умер от тифа.

Мама прабабушки осталась одна с маленькой дочкой на руках. К ней посватался вдовец с тремя оставшимися без матери детьми. Так прабабушка оказалась в доме отчима, в деревне Русино Чернского района. Со време-

Мой прадед, старший лейтенант Александр Гаврилович Давыдов

нем в семье родилось еще трое детей. Жили трудно, но дружно, много работали. Родители были строгими. Конечно, падчерице доставалось больше всех.

В школе моя прабабушка была лучшей ученицей. После ее окончания вопреки воле отчима пошла учиться в Чернское педагогическое училище. Было трудно, голодно. Прабабушка рассказывала, как сдавала кровь, чтобы купить еды. Когда об этом узнала мама моей прабабушки, то насушила мешок сухарей, принесла ей со слезами и просьбой не делать так больше.

Когда в 1941-м прадед был призван на фронт, прабабушка была беременной. В нашей семье хранится свидетельство о рождении девочки Любы. Она не прожила и года. Умерла в 1943-м. Пока прабабушка ходила на станцию за мукой, ребенок заболел. Менингит…

Прадед начал воевать на Воронежском фронте в 45-м стрелковом полку 375-й стрелковой дивизии. В 1942 году был тяжело ранен. После госпиталя продолжил воевать, участвовал в освобождении Севастополя. При штурме Сапун-горы был снова ранен. После излечения продолжил воевать в составе 4-го Украинского фронта. Участвовал в освобождении Одессы, в Ясско-Кишинёвской операции, освобождал Румынию. Война для него закончилась в Венгрии. В наградном листе сказано, что 13 октября 1944 года, исполняя обязанности командира стрелковой роты 45-го стрелкового полка 375-й стрелковой дивизии, при освобождении г. Будапешта на северной его окраине старший лейтенант Александр Гаврилович Давыдов был тяжело ранен. Рота, которой он командовал, занималась зачисткой территории города. Немцы, отступая, оставляли мины, отравленную еду, вино. Во время штурма автоматная очередь перебила прадеду ногу.

Начались долгие месяцы мучений в госпиталях. Гангрена потребовала несколько операций. В конце войны от прадеда пришло письмо. Он писал, что остался без ноги. К этому времени у прабабушки погиб один из братьев, Григорий. До войны он, как и прабабушка, был учителем. Новость о том, что прадед жив, была большой радостью. Ответное письмо прабабушки читали всем госпиталем, чтобы вселить в бойцов уверенность, что и их также ждут дома.

В 1946 году прадед вернулся — на костылях, с протезом через плечо, который изготовили ему в госпитале. За боевые заслуги мой прадед был награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, медалями «За Боевые Заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Через год в семье родился сын. Назвали Евгением, в честь брата прадеда, погибшего в Германии 9 мая 1945 года. Известно, что в тот долгожданный для всех день старший брат моего прадеда Евгений Гаврилович Давыдов улетел на самолете, который был сбит и не вернулся на аэродром. Из рассказа моего деда, Давыдова Станислава Александровича мне известно, что брат прадеда Евгений до войны учился на летчика-механика. В архиве сайта «Память народа» я нашла информацию о старшем сержанте Давыдове Евгении Гавриловиче.

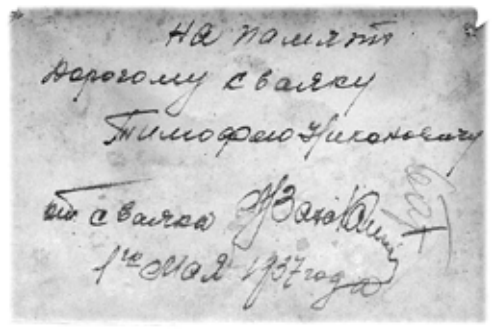
Старший сержант Евгений Гаврилович Давыдов, старший брат моего прадеда. Фото 1944 года

Из архивных документов следует, что брат моего прадеда был старшим сержантом, старшим метеорологом метеостанции 762-го батальона аэродромного обслуживания. Награжден медалью «За оборону Ленинграда».

Через 6 лет после войны родился мой дед, Станислав Александрович Давыдов. Он также стал учителем истории. Из его рассказов я и узнала о своем прадеде, который умер в 1988 году. Ранения, нелегкая послевоенная жизнь дали о себе знать. А прабабушка прожила долгую жизнь, когда её не стало, мне было восемь лет, я хорошо её помню.

Перелистываю страничку альбома. Вот фотография другого моего прадедушки — Михаила Михайловича Захаркина. Годы войны стали для него настоящей трагедией. Страшно представить, как можно было пережить то, что выпало на его долю.

Мой прадед, Михаил Михайлович Захаркин (крайний справа). Фото 1937 года

Родился в 1913 году в деревне Кузьменки ныне Арсеньевского района Тульской области. До войны был счетоводом, вел документацию в колхозе, учился в школе трактористов в 1940 году. 13 июня 1941 года, за 9 дней до начала войны, был призван в армию. Служил в 355-м лёгкоартиллерийском полку 110-й стрелковой дивизии, которая формировалась в Московском военном округе в городе Тула.

Героический подвиг воинов-туляков 61-го стрелкового

корпуса в боях у г. Могилева был позже описан писателем К. М. Симоновым в первой части его романа «Живые и мёртвые». В архивных данных упоминается, что 25 июля 1941 года 110-я стрелковая дивизия была фактически уничтожена. 26 июля мой прадед попал в плен. Четыре года... Но он выжил. Освобожден был только 11 апреля 1945 года американскими войсками. В архиве сохранился список освобожденных из лагеря Альтенграбов. Под номером 740 — мой прадед, Захаркин Михаил Михайлович...

В семье младшей дочери прадеда сохранился дневник. В нем описан весь его тяжелый жизненный путь: довоенное время, учеба, работа, война, плен, названия лагерей, в которых он был, освобождение, путь домой, послевоенная жизнь. Прадед умер рано, в 1964 году. Страдания, перенесенные им в фашистских застенках, не прошли даром. Прабабушка осталась одна с семью детьми.

В дневнике прадеда есть стихотворение о пережитом в фашистских застенках.

Тихо струны гитары звенели,
Пережитое вспомнилось мне.
Муки жизни немецкого плена
Уж не встретит никто и нигде.

Так, друзья, разрешите исполнить,
То, что камнем на сердце легло,
Что из меня теперь сделали звери,
И что стал для людей я никто.

Нас там в лагере тысячи жили.
Смерть нам прямо смотрела в глаза.
Холод, голод и вшей миллионы
Выводили людей из ума.

Мы как тени по блоку бродили,
Чтоб найти себе пищи кусок,
Но встречали мы крики конвоя,
А затем уже выстрел и кровь.

Неужели навек я погибший
И не жить мне средь лучших друзей,
И не видеть семьи мне родимой,
И не быть мне в компании друзей?

До того эта жизнь надоела,
Я хотел бы с друзьями пожить.
Позабыть хоть на время тот ужас,
Что пришлось мне в плену пережить.

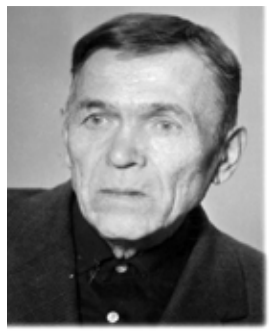
Говорить больше нет моей силы,
Сердце кровью моей облилось,
Много тысяч народу сгубили,
А вот мне пережить удалось.

Так, друзья, разрешите закончить,
Нету силы моей продолжать,
Мне пришлось пережить столько муки,
Что не в силах я все рассказать.

Прадед все перенес и выжил. В 1946 вернулся домой. После войны в семье родилось еще трое детей. Михаил Михайлович много работал в колхозе, был бригадиром. Но самое страшное на мой взгляд — отношение к бывшим военнопленным. Не было ни уважения, ни почестей, ни льгот. Из рассказов младшей дочери моего прадеда, Лидии Михайловны Денисовой ,я узнала о том, как тяжело им жилось, особенно, когда умер отец.

Совсем недавно мне удалось найти архивную информацию еще об одном моем прадедушке — Сидорове Александре Пантелеевиче. Родился он в деревне Мастоумко Каменского района Тульской области. Бабушка рассказывала, что он прошел всю войну, но больше мы ничего не знали. Награды потерялись при переездах. Выяснилось, что 31 мая 1941 года прадед был призван в армию, служил в 801-м Тильзитском стрелковом полку, был артиллеристом.

О подвиге прадеда я узнала из наградного листа к ордену Отечественной войны II степени. Оказывается, он командовал орудием во время штурма города Кёнигсберг. Когда вражескую оборону прорвали, он обеспечивал пехоте движение вперед. Метким огнём разбил два дзота и девять пулеметных точек врага. Несмотря на то, что мой прадед был ранен в кисть левой руки и плечо, он не сходил с позиции и выполнял свой долг перед Родиной.

Мой прадед Александр Пантелеевич Сидоров

Я буду помнить о моих героических прадедушках и прабабушках и передам эту память своим потомкам. Чтобы помнили...

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СУДЬБЕ МОЕЙ СЕМЬИ

Корнеева Виктория Михайловна, 14 лет,
ученица 8 класса МОУ «СОШ №3 им. С.В. Ишеева,
учитель — Савостьянова Надежда Анатольевна,
Тульская область, г. Ясногорск

Великая Отечественная война коснулась многих из моих родных. Например, сестру моей прабабушки вместе с подругой взяли в плен, но, к счастью, им удалось сбежать. Двоюродную сестру прадедушки фашисты угнали в Голландию. После освобождения из неволи она осталась жить там. А брат пропал без вести.

Но я хочу рассказать о самом важном человеке в нашей семье — отце моей бабушки.

Илья Владимирович Артамонов

Мой прадедушка Илья Владимирович Артамонов родился 2 августа 1908 года в Калужской области, в Козельском районе, в посёлке Матвеевский. Работал ветеринарным врачом. В 1927 году женился на Анастасии Павловне Сидоровой, которая работала в колхозе. Участвовал в Советско-финляндской войне 1939–1940 годов, где получил ранение. Из-за этого его не сразу взяли на фронт.

Илья Владимирович воевал за освобождение Козельска. Город был оккупирован фашистами 8 октября 1941 года. Красноармейцы поджигали заводы и склады, чтобы ничего не досталось врагу. Это был приказ партии. 12 октября враги обратили в пепел городскую библиотеку с 13000 экземпляров книг [1]. С набережной города и сейчас видно, что осталось от железнодорожного моста. Его взорвали, чтобы отрезать путь фашистам. 81 день город находился в оккупации и 28 декабря был освобождён 2-ой гвардейской кавалерийской и 75-ой кавалерийской дивизиями. Взять город сходу не получилось. Кавалеристы генерала П. А. Белова пошли в обход — они окружили Козельск с северо-запада и юга, пехота начала наступать с востока. И в течение суток войска Красной Армии выбили немцев из города. Титул «Злого града», полученный ещё при монголо-татарах, был подтверждён.

В Козельск было удобно доставлять раненых по железной дороге. В 1943 году в городе было 34 госпиталя. Их обустраивали и на заводах, и в школах. Известно, что почти восемь месяцев подряд раненых привозили в монастырь Казанской Свято-Амросиевской пустыни.

Историк Александр Секерин рассказывает: «Чаще всего такие госпитали располагались в шалашах, землянках, а здесь были готовые помещения, здесь как будто не было войны» [1].

Железнодорожный мост через реку Жиздра до войны [2]

Мой прадед освобождал Польшу. Он со своим батальоном возводил мосты через реку Вислу, чтобы по ним переправлять танки, орудия, боеприпасы.

Немцы отчаянно сопротивлялись. Они всё взрывали и взрывали построенное, а нашим приходилось заново восстанавливать. Обстановка стабилизировалась только в середине августа, когда удалось навести надёжные мосты через Вислу и прикрыть их огнём зениток.

В результате тяжелого ранения Илья Владимирович в 1944 году был комиссован.

У моего прадедушки много наград: орден Отечественной войны I степени, медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд» и др.

Вернулся прадед в посёлок Матвеевский к Анастасии Павловне и троим детям. Долго лечился. Позднее, в 50-х годах, в деревне Хряпкино построил дом. Работал бухгалтером, заведующим животноводческой бригадой. Был очень трудолюбивым человеком. Содержал большое хозяйство: коровы, свиньи, куры, гуси, утки, овцы. Даже на пенсии он не сидел без дела. Плёл корзинки, которые потом отдавал на ферму. Со своей женой Анастасией они прожили вместе 58 лет. У них была большая и дружная семья, в которой выросло 9 детей.

Умер мой прадедушка 5 июня 1990 года. Светлая память о нём будет всегда в сердцах нашей семьи.

Литература и источники

1. Город воинской славы Козельск во время войны пережил 81-дневную оккупацию. URL: https://www.1tv.ru/news/2015-03-21/21721-gorod_voinskoy_slavy_kozelsk_vo_vremya_voyny_perezhil_81_dnevnuyu_okkupatsiyu (дата обращения: 12.03.2020).

2. Козельск. Путешествие в прошлое: Поисково-исторический форум. URL: http://smolbattle.ru/threads/Козельск-путешествие-в-прошлое.65543/ (дата обращения: 12.03.2020).

«БУДЬ ПРОКЛЯТ СОРОК ПЕРВЫЙ ГОД...»

Макарова Татьяна Викторовна, 11 лет,
ученица 5 класса МБОУ «ЦО 55 им. А.И. Миронова»,
учитель — Симонова Людмила Сергеевна,
Тульская область, Ленинский район, с. Хрущёво

Мой прадед не любит вспоминать о войне. Ему 94 года, сколько всего он пережил и перевидал! Но рассказывать об этом не любит.

Николай Николаевич Щелкунцов родился 15 мая 1925 года. Учился в той же школе, что и я. В 17 лет пошёл работать слесарем в артель «Красный слесарь» (потом это завод «Металлоизделий»). Как и многие в то время, он занимался в тире. Был чемпионом завода по стрельбе из мелкокалиберной винтовки, а в 1940 году занял второе место по Ленинскому району.

Когда началась война, рыл окопы в Дубенском районе. 9 января 1943 года был направлен в военное училище города Казани, которое закончил через шесть месяцев. Ему присвоили звание младшего сержанта и в июле этого же года Николая Николаевича отправили в Витебск в 235-ю стрелковую дивизию 3-го Белорусского фронта, через три месяца назначили командиром стрелкового отделения, состоявшего из одиннадцати человек.

5 октября 1944 года прадедушка участвовал в бою при форсировании реки Неман. На мой вопрос о том, как это было, он отвечал: «Вот будешь читать Тёркина, узнаешь».

В этом бою прадед получил тяжёлое осколочное ранение левого глаза с повреждением глазного яблока. Впоследствии он был награждён орденом Славы III степени, а через год, 16 сентября, был представлен к другой правительственной награде — ордену Красного Знамени. Грудь прадедушки украшают и орден Отечественной войны, и медаль «За победу над Германией», и другие медали.

После ранения прадед находился на лечении в Прибалтийском эвакогоспитале. Потом его отправили на Дальний Восток, где он охранял пленных японцев, строивших дорогу Иркутск — Слюдян.

В родное село прадедушка вернулся 9 декабря 1945 года. Женился, вырастил двух сыновей. Вплоть до самой пенсии (1980 г.) проработал на одном месте — заводе «Металлоизделий» — слесарем-инструментальщиком. Кроме военных наград прадедушка имеет и трудовые, одна из которых — медаль «Ветеран труда».

Когда по телевидению показывают военную хронику или фильмы, прадедушка говорит со слезами на уже выцветших, а когда-то голубых, глазах: «Вот, показывают, смотри, помни». Но иногда он всё-таки вспоминает:

«Помню, пришлось спасаться бегством (как это ни стыдно), враг напал внезапно, не были готовы к встрече с ним. Кто оказался проворнее, успел убежать, а некоторые были захвачены фашистами. Потом уже слышали душераздирающие крики захваченных товарищей, аж за километр, но, скорее всего, это было в нашем воображении. Но ничего сделать мы тогда не могли. До сих пор, как вспомню это, стыдно за себя, хотя было мне тогда неполных двадцать».

Моя сестра, когда в очередной раз слышит этот рассказ, говорит, что эти чувства испытал и А. Т. Твардовский: «Я знаю, никакой моей вины / В том, что другие не пришли с войны, / В том, что они — кто старше, кто моложе — / Остались там, и не о том же речь, / Что я их мог, но не сумел сберечь, — / Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...»

Самый главный праздник в нашем доме, как и у многих — День Победы. Мы всегда собираемся в гостеприимном доме моего прадедушки, садимся вокруг него и просим рассказать о том, как всё было. Одно дело — кино и книги, и совсем другое — когда об этом говорит живой свидетель этой войны. Мы спрашиваем его о том, было ли страшно, ведь ты такой молодой, ещё вся жизнь впереди, а тут... Немногочисленные истории, о которых прадед всё же рассказывает, очень путаные, потому, как говорит он сам, и война была такой. Когда шли в атаку, иногда даже не понимали, где враг, где наши, бежали, стреляли. И победили...

Сейчас прадедушка живёт с нами по соседству, сам ведёт хозяйство и не хочет переезжать ни к одному из сыновей. Чуть свет, а он уже на ногах, работает в своём саду: то обрезает кусты, то подкармливает грядки с клубникой, ухаживает за огурцами и помидорами в теплице. Мы, конечно, помогаем ему, но он старается всё делать сам. В магазин за покупками ходит только сам: «Что я, немощный что ли?», — обижается.

Моя мама как-то спросила его, счастлив ли он? Ведь столько пришлось пережить: войну, крах Советского Союза, за который сражался. Дед задумался и сказал: «Сейчас, несмотря ни на что, стало жить лучше, спокойнее, нежели при советской власти; хотя особых изменений не замечаю, потому как счастье заключается не в политике или деньгах. Главное — это семья».

За столом во время праздников еле усаживается наша многочисленная семья: два сына и их жёны, трое внуков и пятеро правнуков.

Я горжусь тем, что рядом со мной, в соседнем доме, живёт мой прадедушка — Николай Николаевич Щелкунцов — в прошлом юный солдат, прошедший Великую Отечественную войну, который, говоря словами поэта Алексея Недогонова, «за пять немыслимых годов прошёл мильоны городов и защитил Державу».

Я БУДУ ПОМНИТЬ ВАШИ ИМЕНА

Малофеева Анжелика Андреевна, 17 лет,
ученица 11 класса МКОУ Бучальской СОШ Кимовского района,
учитель — Никитина Елена Анатольевна,
Тульская область, Кимовский район, с. Бучалки

Великая Отечественная война сплотила всех: главное — не отдать страну фашистским захватчикам!

И страна выстояла. Погибли 27 миллионов человечек! А те, кто вернулись домой, уже не были прежними. Война оставила в их душах глубокие раны.

Не обошла война и нашу семью. Многие наши родственники воевали. Но нам известны не все. О тех, о которых мы знаем и помним, известно совсем немного, о некоторых — только имена. Но эти имена мы будем помнить, потому что это имена героев.

Судьбы наших героев разные. Кто-то пропал без вести в первые месяцы ожесточённых боёв, кто-то погиб, некоторые прошли всю войну и даже дошли до Берлина!

Передо мной именной список безвозвратных потерь рядового и сержантского состава. В нем имя Василия Максимовича Морозова... Это брат моего прадедушки... «Список безвозвратных потерь». Как страшно звучит. Сколько было этих «безвозвратных»? А я хочу возвратить память о них.

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя», — говорится в Евангелие от Иоанна, 15:13.

Василий Максимович ушёл на фронт в 18 лет. О нём рассказывал нам наш ныне покойный прадедушка Владимир Максимович Морозов, которому тогда было всего лишь 9 лет.

Сначала Василия Максимовича не брали на войну, он работал на шахте в Бучалках, у него была бронь. Но он очень хотел защищать Родину. И в 1943 году он ушёл добровольцем на фронт. Воевал в составе четвёртого воздушно-десантного стрелкового полка второй гвардейской дивизии, был пулемётчиком. Воевал он совсем недолго, дошёл до города Конотопа Украинской ССР. 11 сентября 1943 года был убит в бою. Похоронили его там же, в хуторе Вольный, далеко от родного дома. Вскоре о гибели юного героя узнала его семья. Горе было неописуемо. Но эта смерть молодого солдата была ненапрасной. Он погиб за свою страну, за свою семью, за тех, кого знал и любил.

В памяти родных он остался жизнерадостным и доброжелательным юношей, который всегда был отзывчив, старался помочь своим близким и друзьям, хотел, чтобы всё у них было хорошо.

Василий Максимович Морозов

Как трудно собирать по крупинкам события прошлого! Как хочется знать больше! Если бы была возможность поговорить с ними о той жизни!

Ещё один герой из моей семьи — Спиридон Петрович Новиков. Это дядя моей прабабушки. Родился он в 1916 году в селе Молодёнки, деревне Колычовка. Был призван на войну в первые дни, остался жив, вернулся домой невредимым. О войне он говорил мало, не любил вспоминать о ней. Он прошёл весь боевой путь, до Победы.

Вернулся домой, в деревню, затем переехал в Сталиногорск (ныне Новомосковск), работал в мотор-вагонном депо, ремонтировал вагоны. В 1985 году, в честь сорокалетия Великой Победы, был награждён Орденом Отечественной войны II степени.

Спиридон Петрович любил свою семью и работу, относился ко всему очень ответственно. Он был очень трудолюбивым, не мог сидеть без дела. Любил свою страну, гордился Советским Союзом.

Родным Спиридон Петрович запомнился как человек очень добрый и ласковый, но при этом требовательный и строгий к окружающим и прежде всего к самому себе. Он считал, что поступки всегда должны быть человечными, и каждый человек всегда должен быть готовым ответить за свои дела.

Я думаю, этот внутренний стержень, дисциплинированность остались в его характере, укрепились в нём вследствие страшной войны. Однако он не ожесточился, его сердце всегда излучало доброту и тепло. А ведь этот человек видел много смертей...

Спиридон Петрович знал ценность и хрупкость человеческой жизни, поэтому был со всеми добр, всем дарил благожелательную улыбку.

Герои Великой Отечественной войны навсегда останутся в нашей памяти. Мне, как, наверное, и каждому, очень приятно осознавать, что и в нашем роду были защитники Отечества, герои, которые внесли свой вклад в Победу, а после войны честно трудились, укрепляя Советский Союз.

Я и мои будущие дети будем помнить тех, благодаря кому мы свободны!

Литература и источники

1. Сайт ЦА МО РФ. URL: https://archive.mil.ru/archival_service/central/requests.htm.
2. Домашний архив.

МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ О БОЛЬШОЙ ВОЙНЕ

Савина Кристина Алексеевна, 17 лет,
ученица 11 класса МБОУ «Гимназия №18»,
учитель —Губанова Ирина Юрьевна,
Тульская область, г. Алексин

До некоторых пор о Великой Отечественной войне я знала из книг, кинофильмов, школьных учебников. «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой...» Эти слова известной песни заставили меня задуматься: а что я знаю о своих родных, живших тогда, в эти суровые годы? Ведь о них не написано книг и учебников, скоро не останется никого, кто бы знал их живыми...

Решить эту непростую задачу мне помогла прабабушка, Валентина Васильевна Савина. Сейчас ей 83 года, во время войны она была маленькой девочкой, но именно благодаря ей, ее крепкой памяти и живому уму, я смогу сохранить и передать фотографии и истории о большой и страшной войне.

Мой прапрадед Василий Федорович Мишин, 1884 года рождения, родился и прожил всю свою жизнь в деревне Лапочки Чернского района Тульской области. В 1941 году фашисты наступали так стремительно, что не все люди успевали эвакуироваться, многие уходили в леса и становились партизанами.

Так вот, мой прапрадед руководил продовольственным обозом, доставлявшим продукты партизанскому отряду. В деревне не было ни машин, ни лошадей, единственной тягловой силой были быки. В очередной раз, когда обоз направлялся к партизанам, случилось непредвиденное. Недаром говорят: «Упёртый как бык». Вот и бык моего прапрадедушки потащил его к озеру, мимо которого проезжал обоз. Василий Федорович провалился под лёд вместе с быком и поклажей, но товарищи смогли вытащить и дедушку, и быка, и продовольствие. Они отошли недалеко от деревни, и могли бы вернуться, но Василий Федорович решил доставить продовольствие партизанам, чего бы ему это ни стоило. Он понимал, что люди там голодают и очень ждут обоз.

Свой долг дедушка выполнил, но очень сильно заболел и его не смогли спасти. Эта потеря стала большой утратой для семьи, в которой осталось пятеро детей. Про своего отца моя прабабушка говорила: «Он детей своих любил до безумия. Всем всегда помогал, никому никогда не отказывал».

Поступок прапрадеда — пример мужества. Именно благодаря таким людям, как он, мы победили! Василий Федорович не думал о себе, он отдал себя тем, кто надеялся и верил ему...

И еще один урок из прошлого усвоила я: если уж взялся за дело, всегда нужно доводить его до конца, как бы трудно ни было!

Мой второй прапрадед, Савин Василий Сергеевич, 1908 года рождения, родился и вырос в моём родном городе Алексине, в Тульской области.

Когда началась война, он работал на химическом комбинате кузнецом. Василий Сергеевич был очень квалифицированным специалистом, поэтому ему дали бронь, чтобы он работал для фронта на своем предприятии.

Шел суровый 1942 год. В один из дней Василий Сергеевич, как обычно, ушёл на работу. Люди на производстве трудились сутками, чтобы помочь фронту, но Василия Сергеевича не было дома уже два дня, и его семья начала волноваться. Оказалось, что он ушел на фронт! В военкомате рассказали, что он сам пришёл и сдал бронь, сказал, что не может сидеть на месте, хочет защищать Родину с оружием в руках.

Мой прапрадед регулярно писал письма своей семье, в которых рассказывал о боях, о своих товарищах и всячески старался подбадривать своих родных. Писал, что скоро вернётся с победой домой.

Но однажды после долгого перерыва его жене, Марфе Сергеевне Савиной, пришло извещение о том, что ее муж пропал без вести. Она никак не могла смириться и отказывалось верить в это. И оказалась права, через месяц пришло драгоценное письмо от Василия Сергеевича, в котором он сообщал: «Мы были в окружении, почта не работала. Я жив и здоров за меня не волнуйтесь...»

Связь возобновилась, дедушка продолжал писать письма, но в 1943 году пришло еще одно извещение. Василий Сергеевич снова пропал без вести, на этот раз уже навсегда. Марфа Сергеевна, его жена, ждала мужа всю свою жизнь, она так и не вышла замуж, потому что до самых своих последних дней не считала себя вдовой и верила, что любимый вернется...

В моей семье есть ещё один пример преданности и безграничной женской любви. Рябова Нина Васильевна, сестра моей прабабушки, тоже получила извещение о пропавшем без вести муже. Она искала его, писала письма в архивы, ездила по музеям и братским могилам в надежде найти хотя бы его имя и место, где он похоронен. И вот только в 2000 году на ее многочисленные запросы пришёл долгожданный ответ из московского музея. В конверте к письму прилагались копии документов из архива, в которых рассказывалось о страшном бое на Украине, в городе Сумы. Оказалось, что муж Нины Васильевны, Виктор Рябов, похоронен там в братской могиле. Так, спустя почти полвека, Нина Васильевна, наконец, нашла могилу своего мужа.

Эти люди — гордость моей семьи. Их жизнь и поступки показывают явный пример мужества и героизма, верности и преданности. Они сделали всё возможное для нашего будущего, не пожалели даже своих жизней. Ради нас. Ради меня.

9 Мая, в день Великой Победы, я снова вместе с ними встану в ряды Бессмертного полка. И крепкая нить памяти не оборвется!

НА БЛАГО И СИЛУ ОТЕЧЕСТВА

Слободская Екатерина Павловна, 16 лет,
ученица 11 «Б» класса
ГБОУ СОШ № 233 Красногвардейского района,
г. Санкт-Петербург

«Клянусь честью, ни за что на свете
я не хотел бы переменить Отечество
или иметь другую историю,
кроме истории наших предков,
такой, какой нам Бог ее дал».

А. С. Пушкин
(Из письма к П. Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г.)

Второй год я работаю над исследованием своей родословной по документам семейного архива, которое назвала «Война и мир прапрадеда Арсения». Герой исследования — Арсений Александрович Елсаков (1903–1985), родился в Архангельском крае спустя 192 года после рождения знаменитого земляка Михаила Ломоносова (19.11.1711–15.04.1765). Удивительна общность этих судеб: выходцы из поморов, уехавшие за знаниями — ученые с инженерным складом ума — государственные мужи...

Прапрадед Арсений — дважды орденоносец в годы Великой Отечественной войны, инженер-капитан, талантливый конструктор-изобретатель, рационализатор производства Центрального бюро тяжелого и уникального станкостроения (ЦБТС), ведущий инженер, долгое время работавший за границей, специалист станкостроения, 15 лет бывший народным избранником, депутатом Ленинградского Совета депутатов трудящихся...

Арсений Александрович в 1946 году

Сегодня многие молодые люди мечтают уехать за границу [1], надеясь обрести комфорт и реализовать себя там в качестве специалистов, что говорит об утрате привязанности молодых россиян к Родине и проблематичности их служения на «благо и силу Отечества». Если процесс выезда из страны молодежи будет продолжаться, что же станет с нашей Родиной?! Беспокойство за будущее страны обращает нас к прошлому. Судьба моего прапрадеда, наследника Ломоносова, свидетельствует об особом северорусском характере, особой его привязанности к семье и Родине.

Семейное фото в 1938 году

Испокон веков жила в Архангельском крае поморская семья Елсаковых. Что же это за народ такой, мои предки по маме, поморы? В конце XIX века поморами называли занятых на рыбных и зверобойных промыслах промышленников из Архангельской губернии, ходивших на Мурман, север Норвегии, сопровождавших обозы в центральную часть России. Известно, что Михаил Ломоносов, первый русский академик, впервые прибыл в Москву именно с поморским обозом.

14 октября 1903 года в деревне Шешурово Котласского района в семье помора Александра Ивановича Елсакова, родился сын Арсений — четвертым ребенком в семье. Работая над исследованием, я обнаружила, что в семейном архиве почти нет фотографий дедушкиной семьи и дедушкиных писем, хотя его жена и дочь помнят, как дед писал с фронта, придумав собственный «эзопов язык» для военной цензуры. Их предстоит еще найти. Из нескольких фотографий семейного альбома выделяется та, где он с женой Екатериной Ивановной и обнимающей его маленькой дочкой Ариадной. Сейчас Ариадне Арсеньевне, моей прабабушке 86 лет. Она-то и стала главным биографом своего отца, рассказчиком семейных преданий, которые передала своей дочери, моей бабушке Елене Львовне Афанасьевой (1954 г.р.). И все же, мне мало бабушкиных рассказов. Так хочется представить деда Арсения живым, действующим, говорящим! Где подсмотреть живые образы предков, услышать их живой язык? Конечно, в литературном творчестве. Наиболее любимы в Поморье длинные волшебные сказания приключенческого характера, в которых действие связано с морем. Обычно главный герой таких сказок — бедняк с главным героем-женщиной, делящей все испытания наравне с мужчиной. О поморской жизни написаны чудесные сказки Бориса Шергина и Степана Писахова, по которым на студии «Союзмультфильм» снята серия «Смех и горе у Бела моря». Сказание Бориса Шергина «Слово о Ломоносове» — о человеке, порвавшем со средой пращуров, который вырывается в большой мир, узнает этот мир и преобразует его, чтобы продолжать дело своего народа на новом историческом и технологическом витке, — созвучно и моему герою.

Средний ребенок из пятерых детей, Арсений с отцом Александром Ивановичем сопровождал продуктовые обозы, а мать, Евдокия Павловна, занималась детьми и домашним хозяйством, при этом не отказываясь от любых приработков: «брала стирку» и шила, помогая мужу и семье. Прапрадед вспоминал, что до праздника Покрова сапоги он не

надевал и четыре года бегал босиком на занятия в церковно-приходскую школу. Покров день — день в календаре восточных славян, приходящийся на 14 октября. В народной традиции этот день отмечал встречу осени с зимой. Название праздника связано с первым снегом, «покрывающим» землю. Батюшка, преподававший ученикам Закон Божий, всегда выделял сообразительного мальчишку и говорил, что из него будет толк [2; 3]. Тяга к знаниям влекла Арсения к обучению. Для поездки в город, как это сделал Михаил Ломоносов, у деда возможности не было: Арсений с 10-ти лет осиротел и отвечал в семье за пропитание, воспитание брата и сестер. Подрабатывал на отцовской работе экипировкой и сопровождением обозов. Решение проблемы дальнейшего обучения пришло неожиданно.

После революции 1917 года на деревенском сходе, где жил Арсений, обсуждали распоряжение из Петрограда о выделении из деревни на рабфак (рабочий факультет) одного подростка или молодого человека для обучения.

Никто не хотел отправлять своих сыновей в чужой край. Да и о том, что такое рабфак, сельчане толком не знали. Подумав, решили обратиться за помощью к семье сирот Елсаковых: «Арсений, выручай сельчан, поезжай на этот рабфак, а мы возьмем на себя обязательство, что твои останутся живы, мы их подкормим и поможем, а то ведь им все одно пропадать, помрут с голоду» [2; 4]. Так, общим собранием и выбрали его от всего поселения. И сельчане свое слово сдержали.

Мой дед имел при себе только направление на рабфак и свою одежду, как и Михайло Ломоносов, который выехал из Холмогор, «снеся на себе шубу, да кафтан, да три рубля денег... ног под собой не чуя от радости» [5, с. 3]...

Выпуск Костромского рабфака в мае 1925 г.

15-летний Арсений оказался в старинном русском городе Костроме на Волге. Там говорили нараспев и о́кали, как и на Русском Севере. Здесь родилась среди приезжих поговорка: «Кострома, дай ума!». Сохранилась фотография студентов-выпускников Костромского государственного рабфака, конец обучения на рабфаке: на нас смотрят восторженные лица выпускников, полные веры в завтрашний

день, где их ждала новая «большая» учеба. Закончив учебу в мае 1925-го, уже в июне он направился продолжать образование в Ленинградский Политехнический институт имени М.И. Калинина. Полное современное название места его обучения «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; факультет металлургии, машиностроения и транспорта; кафедра основы конструирования и машиноведения».

Истощение от студенчества и подработок в 1926 году

В «Трудовом списке» (прообраз трудовой книжки) указано, что в 1926 году Арсений одновременно и студент Л.Т.И., и в то же время — грузчик в Ленинградском порту. Напряженный труд и учеба при плохом питании привели к физическому и нервному истощению, а также к заболеванию туберкулезом легких. Но пытливый студент не только продолжил учебу, но и с успехом окончил институт экстерном — на год раньше в 1930 году! Самые сложные предметы — сопромат, теоретическая механика — Арсению Александровичу давались с легкостью. С исключительной точностью делались все расчеты. Часто бывало так, что на лекциях преподаватели уставали писать на доске из-за преклонного возраста и просили Арсения дописать пример вместо них. Его настолько ценили как одного из лучших студентов, что в голодное время заболевания туберкулёзом один из преподавателей, профессор Михаил Андреевич Шателен (1866–1957), имеющий особый дар находить в молодых учениках задатки будущих ученых, настоял на том, чтобы перед занятиями Арсений заходил к нему домой и выпивал стакан козьего молока [2].

Институтскую практику выпускник прошел на ткацкой фабрике, в фабричном поселке Писцово Ивановской области, где и встретился со своей будущей женой и моей прапрабабушкой Екатериной Ивановной Филатовой.

В 1936 году молодой инженер устроился на работу в Ленинградское проектно-конструкторское бюро (КБ). Именно это место работы станет для него родным до самого окончания трудовой деятельности. Со временем менялось название его КБ на СКБ (специальное конструкторское бюро), росла и квалификация: сначала старший инженер, потом старший конструктор и далее — ведущий конструктор.

Тяжким испытанием для страны и народа стала Великая Отечественная война, где проявились разносторонние таланты инженер-капитана Елсакова.

Особые качества и боевой дух Арсения Александровича на войне показывает выдержка из наградного листа: «Тов. Елсаков за период боев с 16.04. по 02.05.45 г. проявил свою инициативу, сумел обеспечить

полк автотранспортом, что дало возможность быстрейшей доставки боеприпасов наступающим подразделениям. В ходе уличных боев в Берлине тов. Елсаков под сильным арт. мин. обстрелом противника сам лично подвозил боеприпасы на передовые позиции... способствуя успеху по взятию Рейхстага. За проявленную инициативу и организацию по бесперебойному материально-техническому обеспечению полка, что способствовало успеху в овладении Берлином, достоин правительственной награды — ордена Отечественной войны II степени» [2].

Самоотверженность, ответственность, активность, смекалка бойца Елсакова проявились в десяти наступательных операциях 1944–1945 года. Всего за этот период им было получено пять боевых орденов и медалей. Сколько же смертельных рискованных ситуаций стоит за этими подвигами! В то же время удивительно и везение Арсения: туберкулез 2-й степени чудесным образом был излечен, всю войну боец прошел без единого ранения. Он оказался ранен осколками мины, повредившими конечности, в первый же послевоенный день при разминировании берлинских укреплений.

Арсению Александровичу, бравшему Берлин в составе воинских частей, раненному там в первый послевоенный день, пришлось и поработать в Германии как специалисту станкостроения высокого класса более 10-ти лет.

О его высоком профессионализме свидетельствуют награды, грамоты мирного времени и высокий статус депутата. Депутатская деятельность досконально нами не исследована. Согласно депутатским билетам, он представлял народ в Октябрьском Совете депутатов трудящихся по 61-му избирательному округу города Ленинграда три созыва подряд: с 1955 по 1970 годы.

В германском госпитале после ранения осколками мины — конец мая 1945 года. Берлин

17 июня 1985 года от пережитых тяжелых испытаний, последствий ранения, ответственной напряженной работы после продолжительной болезни на 82-м году жизни Арсений Елсаков тихо умер, оплакиваемый своими родными и близкими.

Русский Север в истории моей семьи оказался особым местом: здесь служил мой отец — Павел Константинович Слободской — в Архангельской воинской части. А в город Мирный папа был направлен на военную службу (космодром Плисецк), с 1996 по 2007, где они с моей мамой, Ольгой Андреевной, прожили 11 лет. Я жила там вместе с ними с 2002

по 2007 годы. Запомнила очень красивый парк около дома, в котором часто гуляли мы с мамой. Только сейчас понимаю, что наше возвращение на родину прапрадеда не было случайным. За нелегкую судьбу главного героя, прапрадедушки Арсения, ее трудности, взлеты и падения, ордена и медали я отвечаю перед своей совестью, перед своим родом. Надеюсь и верю, что и мои потомки будут достойны поморской веточки нашей родословной и продолжат труды на пользу и славу Отечества.

Творчество Бориса Шергина помогло мне увидеть Русский Север, образы его героев живыми и привлекательными с их языком, понятиями, ценностями.

Это к нам обращен призыв Михаила Ломоносова:

«О, вы, которых ожидает / Отечество от недр своих, / И видеть таковых желает, / Каких зовет от стран чужих, / О, ваши дни благословенны! Дерзайте, ныне ободренны, / Раченьем вашим показать, / Что может собственных Платонов / И быстрых разумом Невтонов / Российская земля рождать...» [5, с. 11].

Сегодня, когда существует проблема запустения и опустошения Русского Севера и самой России из-за миграции населения в большие города, значительного отъезда молодежи заграницу, мой рассказ адресован и отъезжающим. Плывите заграницу, учитесь там, получайте новый опыт, чтобы вернуться в Россию обновленными и быть добрыми хозяевами в своем Отечестве, служа на его пользу и благо, как говорил Ломоносов: «...я в Германии гнезда вить не буду. Я в России родился, там и пригодился» [5, с. 6].

Мой прапрадед Арсений Елсаков возвращался на Родину всегда.

А в 2019 году статистика отмечает реэмиграцию — возврат на Родину многих наших соотечественников [1]. Это вселяет надежду на будущее России, а вместе с ней и Русского Севера.

Литература и источники

1. *Демидова М.* Росстат говорит, что из РФ выехало в 2018 г. более 440 000 человек: кто они и куда они уехали. URL: // https://yakapitalist.ru/finansy/iz-rossii-uekhalo-lyudey/ (дата обращения: 11.03.2020).
2. Документы семейного архива.
3. Покров день. URL: http://days.pravoslavie.ru/ (дата обращения: 11.03.2020).
4. Рабфак. URL: http://letopis.msu.ru/facultet/rabochiy-rabfak/ (дата обращения: 11.03.2020).
5. *Шергин Б.* Слово о Ломоносове. Библиотека электронных текстов. URL: https://libcat.ru/knigi/spravochnaya-literatura/literature-short/11292-11-boris-shergin-slovo-o-lomonosove.html#text (дата обращения: 11.03.2020).

РЕБЯТА, ДАВАЙТЕ ЖИТЬ ДРУЖНО!

Судницына Анастасия, 9 лет,
учащаяся Русской субботней
школы Кирилла и Мефодия в Оттаве,
Канада, г. Гатино

Что мы, дети мирного времени, знаем о войне?

Так получилось, что я родилась на одном континенте, а живу на другом, и от бабушек меня отделяет океан. И здесь (в Канаде) мало говорят о войне. Я все равно попытаюсь поделиться своими мыслями о войне.

Война… Много раз слышала это страшное слово. О войне читала книги, фильмы смотрела, что-то рассказывали родители.

В моем понимании, война — это смерть людей: солдат, женщин, стариков и детей.

Война — это разруха.

Война — это боль, страх и страдание.

Война — это покинутые места и пустые поля…

Так быть не должно. Войны должны прекратиться. Сколько б я ни думала о войне, я не понимаю ее смысла.

Из рассказов моих родителей я знаю, что три моих прадедушки воевали. Двое погибли за Родину. Третий выжил в концлагере и вернулся спустя несколько лет после войны. Семья думала, что он погиб.

И в наши дни есть страны, где люди воюют. В детском саду, который посещает мой младший брат, есть мальчик из Сирии. Его семья убежала от ужасов войны.

Рисунок Барымова Алексея,
1 «А» класс МБОУ ЦО № 25
г. Тулы

Мне, как ребенку, трудно представить — кому и зачем нужно захватывать чужие территории. Люди должны радоваться жизни, а не убивать друг друга.

Давайте жить в мире и любви!

Военные памятники, книги, фильмы, музеи — все это наша память, страшная память. Мы должны знать об этом и не допускать войны в будущем.

Мне повезло, что в стране, где я живу, все спокойно.

Когда мы живем дружно и не воюем, то все счастливы.

19 июля 2018

СПАСИБО!

Трофимов Егор Алексеевич, 15 лет,
учащийся 8 «А» МБОУ СОШ № 17,
г. Калуга

Хочу сказать «Спасибо!» своим прадедушкам и прабабушкам, которые победили в самой страшной войне человечества — Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.!

Низкий поклон всем тем, кто воевал на фронте и в тылу в то страшное время!

В нашей семье много героев войны. О некоторых я знаю от папы, а прабабушку Александру Ивановну я расспрашивал сам. Ей 94 года. Вот что она рассказала о моем прадедушке Тихоне Семёновиче Трофимове.

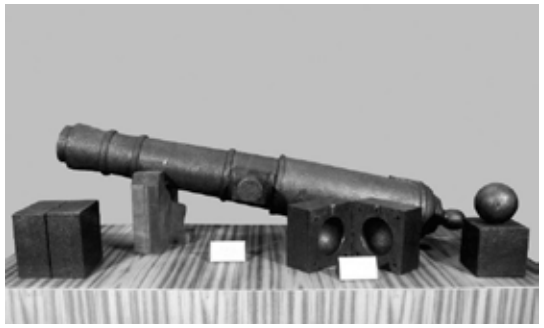
Он родился в июне 1921 года в деревне Русиново Калужской области. В семье было семеро детей — четыре брата и три сестры. Закончил прадедушка 4 класса деревенской школы. С самого раннего детства помогал родителям по хозяйству и начал трудовой путь учеником фрезеровщика на заводе «Тяжпромарматура» в Алексине.

Осенью 1941 года, когда враг оказался совсем близко, часть людей и оборудования были эвакуированы на Урал, в г. Ирбит Свердловской области. И мой прадедушка как один из лучших специалистов занимался организацией производства на новом месте. Работали под открытым небом — станки сначала стояли прямо в поле. Трудились по 20 часов в сутки. Спали прямо на земле, рядом со станками. Мороз был очень крепкий. Через некоторое время над участками стали устанавливать шатры, но они спасали только от ветра и снега. Позднее прислали роту немецких военнопленных. И эта рота поступила в распоряжение Тихона Семёновича.

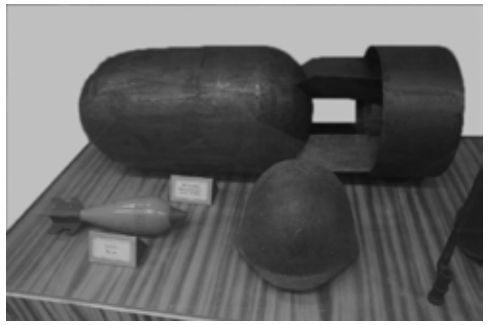
В короткие сроки было налажено производство военной продукции для фронта. Как оказалось, это было не впервые. Я заинтересовался историей завода и хочу кратко рассказать о ней, т. к. она восхищает и показывает трудовые подвиги коллектива в разные времена для страны.

Основан завод был тульским кузнецом-оружейником Максимом Перфильевичем Мосоловым, который подал в 1728 году челобитную в Берг-коллегию с просьбой о создании «Водяного железоделательного завода» на реке Мышеге и получил разрешение, а в конце 1729 года уже был выплавлен первый металл. Завод снабжал железом и чугуном Тульский оружейный завод. Во время войн России с Турцией в XVIII веке Мышегский завод освоил производство пушек фальконет для сухопутных войск и морского флота (весила такая пушка 250 кг). В 1808 году собственником стал А. А. Чесменский, который перестроил производство

на художественное литье, но в годы Отечественной войны 1812 года, будучи начальником Калужского народного ополчения, подчинил его снова военным нуждам. После изгнания Наполеона из России вместо ядер и картечи завод специализировался на фигурном литье — части Триумфальной арки в Москве, памятник в Тарутино, где произошло решающее сражение войны 1812 года, ограда Александровского сада у Московского Кремля отлиты на Мышегском заводе. Во время Крымской войны 1853–1856 гг., накануне Первой мировой войны, завод снова выполнял заказы военного министерства. После Октябрьской революции 1917 года и гражданской войны завод был единственным труболитейным предприятием центра России и сыграл важную роль в индустриализации. С конца 1938 года он получил название «Мышегский арматурный завод», а с февраля 1972 года — Алексинский завод «Тяжпромарматура».

Пушка фальконет — экспонат музея истории Алексинского завода «Тяжпромарматура»

Мина 82 мм, фугасная авиационная 100 кг бомба и каска, выпускались в годы Великой Отечественной войны

На эвакуированном в г. Ирбит заводе стали изготавливать снаряды для пушек и легендарных «Катюш». Тихон Семёнович рассказывал, что работа была настолько напряжённой, что люди просились на фронт. Но им руководство объясняло, что без снарядов мы не сможем воевать, не сможем победить, а, значит, работа здесь, в тылу, крайне важна для фронта. Казалось, что силы уже были на исходе, но понимание того, что каждый выпущенный снаряд завода приближает к Победе, давало силы.

После войны прадедушка вернулся в колхоз в родную деревню и работал там бригадиром смешанных бригад.

В декабре 1947 года он женился на Кузнецовой Александре Ивановне, уроженке деревни Лаговщина.

Своим детям про войну он рассказывал очень мало, как и многие пережившие эти страшные дни. Он всегда много трудился на работе и дома. И всегда был примером во всём для своих детей — трёх сыновей — учил их быть честными, справедливыми и не бояться трудностей.

Мой прадедушка Тихон Семенович был награждён многими медалями и отмечен разными грамотами.

А мой двоюродный прадедушка, Иван Семёнович Трофимов, был военным и служил в мотострелковых войсках. Во время войны, как и все военные, сразу был отправлен на передовую. Я знаю, что он погиб в Курской битве.

Молодая семья — Тихон и Александра Трофимовы

По другой линии прадедушка и прабабушка — Владимир Васильевич и Прасковья Прокофьевна Сочины — попали в плен к немцам. Было это под Смоленском. Их заставили работать на солдат. Спать удавалось понемногу, а по ночам, когда всё утихало, они пробирались на огороды и откапывали гнилую картошку. С собой немцы увезли этих пленных аж за триста километров, в Калужскую область. Под Калугой их освободили войска Красной Армии.

Весь этот ужас прошедшей войны, конечно, не мог не отразиться на характере людей. Из рассказов своих родственников, из книг о том времени я знаю, что люди были раньше сплочённее и добрее, чем сейчас. Все старались помогать друг другу. Выжить и победить — было главным стимулом для каждого; вместе этого добиться было легче.

То, что удалось пережить нашим прадедушкам и прабабушкам, конечно, невозможно точно описать словами. Подвиг, который все они совершили — бесценен! Ведь только благодаря их труду, упорству, невероятной силе воли, их желанию освободить нашу Родину от гитлеровцев мы сейчас работаем в красивых помещениях, покупаем продукты в чистых магазинах, учимся в светлых классах школ, занимаемся любыми видами спорта, то есть просто беззаботно живём. И всё это только благодаря Подвигу наших Героев!

Памятник в Тарутино

Литература и источники

1. Тяжпромарматура. История предприятия. URL: http://www.aztpa.ru/company/istoriya-predpriyatiya/ (дата обращения: 10.07.2020).

ОНИ ВСЕ НАМ РОДНЫЕ

Фёдорова Кристина Алексеевна, 17 лет,
ученица 11 класса МКОУ Бучальской СОШ Кимовского района,
учитель — Никитина Елена Анатольевна,
Тульская область, с. Бучалки

Недавно я узнала о моем земляке, односельчанине, который жил недалеко от нас. Он прошел войну. Три года находился в фашистских лагерях! И выжил! Он написал об этом книгу «Три года в лагерях смерти». Звали его Андрей Николаевич Белов [1]. Он был учителем математики и черчения в средней школе посёлка Бучалки Кимовского района Тульской области. Моя классная руководительница, Ильюшина Валентина Серафимовна, поделилась воспоминаниями о нем.

Она знала его уже после войны. Андрей Николаевич был учителем строгим, требовательным. К нему относились с уважением не только в школе, но и в селе, и в районе. Вспоминать войну, особенно жизнь в лагерях, он не любил. А жизнь мирную, со своими учениками и школой любил. Всегда говорил детям о том, как прекрасна наша огромная страна — СССР. Как много отдали люди нашей страны, чтобы победить, как сплотились люди разных национальностей перед общим врагом. Как прекрасна новая послевоенная жизнь! И её нужно строить и радоваться ей.

Сколько же пришлось ему пройти, чтобы так радоваться этой новой жизни! Он был членом КПСС. В конце мая 1941 года его назначили командиром взвода связи 317-й батареи береговой обороны Балтийского района на острове Сарема (Эзель).

Моряк-артиллерист попал в лагеря Эстонии после ранения. Даже просто описывать, что происходило там, очень тяжело. Я не представляю, как он смог остаться в живых. Это просто чудо!

Андрей Николаевич Белов, учитель Бучальской средней школы во втором ряду, в центре, 1974 г.

В своей книге Андрей Николаевич Белов говорит, что голод, тяжелейший физический труд, издевательства фашистов, всё то, что ему удалось пережить, «должно было вытравить из несчастных пленников всё человеческое». По мнению фашистов, измученные люди должны были потерять собственное достоинство, враждовать из-за крошки хлеба или более тёплого угла в бараке. Но этого не произошло. Только единицы падали духом, сдавались. «Лучше остаться рабом, чем предателем!» — считали они.

Белов не сдался! Он научился ждать и терпеть. Он писал: «Человек может привыкнуть ко всему, даже к лагерю военнопленных, если там остались друзья и должны произойти решительные события, благодаря которым он сможет освободиться от унизительного рабства и рассчитаться за всё» [1].

Из лагеря смерти он пытался сбежать вместе с товарищами не раз, не два. И всё-таки ему удалось снова увидеть лес и «вкусить» запах свободы. Его последний побег осуществился! Он был счастлив, что увидел лица тех, кого уже, думал, не увидит никогда. Уже в партизанском отряде Андрей Николаевич продолжил сражаться с врагами. Но вскоре ему пришлось расстаться с большинством товарищей, так как многих перевели в действующую армию.

После Великой Победы Андрей Николаевич вернулся на родину. Уже дома он получил известия о своих боевых товарищах. Кто-то геройски погиб. Кто-то из его товарищей также вернулся в родные места и снова стал работать как прежде: преподавателем, техником, автомехаником, мотористом, колхозником. И каждый из них счастлив, что их труд вновь мирный! Фашисты оставили всем глубокие шрамы не только на телах, но и в душах. Эти шрамы не исчезли. Они напоминают о прошлом.

Андрею Николаевичу было нелегко писать книгу о том, что он пережил. Эти воспоминания переносили его туда, где он страдал и переживал все заново. Но он сознательно на это шёл. Его книга должна заставлять читателя задуматься о том, что было. И это будет высшей наградой ему — так написано в последних строчках книги.

Я горжусь моим земляком и всеми теми, кто защитил наше будущее, отстоял свою Родину. На войне нет неродных. Они все нам родные. На войне нет подвигов больших и маленьких. За каждым из них стоит жизнь человека, которую он отдал, спасая других. Каждый герой достоин памяти и почёта!

Литература

1. *Белов А. Н.* Три года в лагерях смерти. — Тула: Тульское книжное издательство, 1961.

2. Фото из Бучальской сельской библиотеки Кимовского района Тульской области.

ВКЛАД МОИХ ПРЕДКОВ В ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ...

Чекмарёва Арина Сергеевна, 10 лет,
ученица 5 класса МКОУ «Станционная СОШ»,
учитель — Чекмарёва Татьяна Владимировна,
Тульская область, Воловский район

Иван Герасимович Хохлов (1917–1985)

Мне хочется рассказать о моём прадедушке, Иване Герасимовиче Хохлове, ветеране Великой Отечественной войны. К сожалению, о нём я знаю только со слов и воспоминаний моей бабушки (его дочери), так как умер он в 1985 году. Но память о прадеде всегда с нами. Как реликвии хранятся в нашей семье его медали и ордена за участие в боевых действиях.

Он был очень скромным, неразговорчивым человеком. Не любил вспоминать военное лихолетье. Да и было отчего. Ведь на его долю выпали тяжёлые испытания.

Иван Герасимович родился в 1917 году в деревне Николаевка Ефремовского района. Образование — 5 классов. С восемнадцати лет пошёл работать шофёром в совхоз «Сафоново». В 1938 году был призван в Красную Армию. Прадедушка пережил две тяжёлые войны: Финскую и Великую Отечественную.

Суровой осенью 1941 года прадед оборонял Москву. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 года награждён медалью «За оборону Москвы». Это была очень страшная, тяжёлая битва.

На протяжении долгих семи лет прадедушка был шофёром: в 6-й танковой бригаде, в 372-й отдельной автороте, в 834-й отдельной автороте, в 1-й автороте, в Управлении второго Прибалтийского фронта, в Тульском военном продпункте. В 1944 г. был награждён орденом Славы III степени за то, что трижды выводил машину из-под огня противника, благодаря своей смелости и отваге захватил в плен одного офицера-летчика с подбитого самолета противника. А 26 августа 1944 г. он, «следуя на передовую линию фронта, в лесу наскочил на засаду противника, состоящую из 12 человек немцев, вооружённых пулемётом, винтовками и гранатами. Тов. Хохлов с автоматом бросился в атаку на группу немцев, своим дерзким действием и шумом вместе с майором Федоренко создал панику среди противника, захватили всех с оружием в плен и передали командиру 268 гв.с.д.», — узнали мы недавно из наградного листа.

После войны он вернулся в родное село Николаевку. Стал работать шофёром в совхозе, растить сына. В 1950 г. родилась дочь Тамара, моя бабушка. Через два года семья переехала на ст. Турдей Воловского района Тульской области. Прадедушка продолжил трудиться водителем с 1946 по 1983 г. на Турдейском щебёночном заводе Московской железной дороги. По воспоминаниям бабушки, он был человеком трудолюбивым, честным, любящим своё дело. С большой ответственностью относился к своей профессии, любил свою семью.

Елена Александровна Корнеева. 1941 г.

А вот старая, пожелтевшая фотография. На ней молодая девушка. В глазах — печаль, усталость. Это моя прабабушка — Елена Александровна Корнеева. В 1941–1942 годах она работала медсестрой в Борятинской сельской больнице, где в то время был госпиталь. Здесь она и познакомилась с Иваном Герасимовичем Хохловым, моим прадедом.

По рассказам моей бабушки, её дочери, во время боёв раненых поступало так много, что врачи и медсёстры падали от усталости. Им давали отдохнуть час-полтора, и снова за работу.

Я думаю, столкнуться лицом к лицу со смертью страшно в любом возрасте. Откуда у двадцатилетней девушки такая выдержка и мужество? Откуда силы, физические и моральные? Говорят, что чужую боль, каждую рану она чувствовала как свою. Наверное, именно сострадание помогло ей не очерстветь душой, выстоять в эти страшные годы.

Хочется вспомнить ещё об одной моей прабабушке, Татьяне Петровне Копытиной. О её жизни в годы войны знаю из рассказов дедушки, её сына: «Война — жестокое время, тяжёлое испытание для всех людей. Конечно, и моя мама не осталась в стороне. Она была труженицей тыла. Наравне со всеми рыла окопы для солдат под городом Плавск. Копали голодные, хлеб давали по кусочку в день. Затем работала в колхозе, выполняя тяжёлую работу. И всё же выжила, не сломалась. А ведь ей всего было девятнадцать лет...»

После войны трудилась на Турдейском щебёночном заводе Московской железной дороги. Она всё же вспоминала те лихие годы: как рыли окопы, как попадали под бомбёжку немецких самолётов... При этом на её глазах блестели слёзы. Это были для неё тяжёлые воспоминания.

Я думаю, что победа нашей страны в Великой Отечественной войне соткана из миллионов маленьких подвигов простых советских людей, таких, как мои прабабушки и прадед. Я горжусь ими и хочу быть на них похожей. Хочу также честно трудиться, любить свою Родину.

Войны быть не должно. Мы, дети, хотим жить под мирным небом, учиться, смеяться и радоваться жизни.

ТРУД — ПРЕВЫШЕ ВСЕГО!

Шигапова Эльмира Рамильевна, 11 лет,
ученица 6 класса МБОУ «СОШ №13»,
учитель — Флерко Анна Николаевна,
Тульская область, г. Донской

Н.К. Шигапов (1931–2016)

Мой прадедушка Нагим Калимуллович Шигапов встретил войну, будучи моим ровесником. Он родился 10.12.1931 г. в Татарстане, в Буинском районе, в деревне Кзыл-Каим. В один день детство десятилетнего мальчишки оборвалось словом ВОЙНА.

Что врезалось ему в память?

Учёба в 4 классе, желание учиться. Писали на газетах, на любом клочке, так как тетрадей не было. Вместо ручек использовали сажу.

Тяжкий труд в колхозе, помощь маме по хозяйству, рытьё окопов (по территории Буинского района проходил сооружаемый оборонительный рубеж).

Еды не хватало, ходили копать в поле оставшуюся замерзшую картошку и пекли блины, собирали ботву свёклы, промёрзшую, склизкую, и варили из неё суп.

В семье было семеро братьев, мой прадедушка — четвёртый ребенок. Они всегда старались держаться вместе.

Мужество, стойкость, желание победить, помочь стране своим трудом слились воедино в сознании юного мальчишки, рано повзрослевшего.

Нагим Калимуллович награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После войны он остался в деревне, учиться дальше не пошел, так и оставшись с четырьмя классами образования. Родители умерли рано, растил младших братьев. И труд, тяжкий труд...

С 1952 по 1955 год служил в Советской армии. Затем поехал на работу в Тульскую область, в г. Узловую на Вторую Россошинскую шахту; трудился лесогоном на участке № 3. В 1958 году переведен взрывником участка № 5, в этом же году женился, жена тоже работала на шахте, родился сын.

Освоил разные шахтерские профессии, кем только ни работал. В трудовой книжке значатся раздатчик аммонитного склада, горнорабочий очистного забоя 5 разряда, крепильщик по ремонту 4 разряда. За трудовые показатели имеет благодарность.

Домой провели телефон, по которому его вызывали на разные участки шахты для подрыва горных пород.

В 1984 году вышел на пенсию, но продолжал работать в шахте до 1988 года. На пенсии он не сидел сложа руки, а снова трудился с 1988 по 2000 годы, но уже не в шахте — там не позволяло здоровье.

Прадедушка награждён медалью «Ветеран труда», юбилейными медалями ко Дню Победы.

У моего прадедушки 2 детей, 3 внука, 8 правнуков. Его не стало 14.10.2016 года.

Я очень ценю тот факт в моей жизни, что я имела возможность общаться со своими прадедушками, узнавать о горьких событиях Великой Отечественной войны из уст очевидцев — родных людей.

А. З. Ахметов (1926–2020)

О моем еще одном прадедушке — участнике Великой Отечественной войны Атаулле Зинатулловиче Ахметове, служившем на флоте, — я писала раньше[1]. После войны он также работал на шахтах — горнорабочим, проходчиком, был под завалом, долго восстанавливался, дважды был командирован на остров Шпицберген.

В этом году, в канун Великой Победы, не стало последнего свидетеля войны в нашей семье. Прадедушка прожил большую жизнь — непростую, но тем не менее длинную. Я часто думаю, вспоминая его, в чем заключается секрет долголетия? На войне ему посчастливилось уцелеть и после войны приходилось не раз рисковать в шахте, был на грани гибели. Наверно, его секрет в том, что он жил по совести и в трудах, всегда старался для людей.

Труд шахтера — очень тяжелый и опасный, но моим прадедушкам он оказался по силам, так как они получили закалку в войну. Они и меня учили, что труд — превыше всего!

Я горжусь моими прадедушками-тружениками!

А в День Победы 9 Мая мы всегда их вспоминаем.

Рисунок Эльмиры Шигаповой, 6-й класс

---

[1] См.: *Шигапова Э.Р.* Память сердца жива // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Сразу после войны / Под редакцией Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой — Тула: Аквариус, 2017. — С. 806–807.

Глава 14. ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

ПАЧКА МАХОРКИ, ИЛИ ПОЧЕМУ МАМУ НЕ УГНАЛИ В ГЕРМАНИЮ

Вихарева Римма Васильевна, 72 года,
пенсионерка, выпускница экономического факультета Донецкого государственного университета, работала экономистом, начальником планового отдела Морского пароходства, г. Мурманск

Раиса Завгородняя, 16 лет

В городе Геническ, на Украине, жила семья моих бабушки и дедушки. Семья была обычная, как множество других: муж, жена, двое детишек. Глава семьи — Иван Лукич Завгородний, супруга его — Ульяна Ефимовна Завгородняя. 19 февраля 1925 года родилась девочка (впоследствии моя мама), назвали Раисой. А на следующий год на свет появился мальчик, нарекли Анатолием.

Когда началась война, семья жила в Запорожье. Иван Лукич работал начальником Управления пищепрома г. Запорожье, Ульяна Ефимовна, как и большинство женщин тогда, была домохозяйкой, занималась семьей и воспитанием детей.

В начале 1942 года начался набор остарбайтеров на оккупированных немцами территориях. Люди ехать не хотели, поэтому чаще всего употребляется слово «угон» в Германию — людей отправляли насильно на принудительные работы. Хватали даже на улице, поэтому все прятались.

Маме в феврале исполнилось 17 лет — как раз тот возраст, который считался немцами предпочтительным для угона в Германию. Они угоняли на работы прежде всего молодежь, здоровых и сильных подростков[1]. Но маме удалось избежать этой участи благодаря махорке. Она рассказывала, что ее научили заварить пачку махорки стаканом кипятка и выпить. Это вызывало сильное сердцебиение. Такую «процедуру» ей пришлось проделать дважды перед медицинским освидетельствованием. В результате ее не взяли из-за плохого здоровья.

Но... всю оставшуюся жизнь она страдала, действительно, от болезни сердца... Она была уверена, что проблемы с сердцем начались из-за той махорки, что спасла ее от угона в Германию...

Анатолий погиб в 1943 году, защищая село Вознесенка Запорожской области. Бабушка в войну ходила по деревням и меняла вещи на продукты, так как очень голодали.

После войны мама окончила Днепропетровский университет, стала педагогом. Преподавала историю в школе. В 1945 году вышла замуж за моего отца Василия Михайловича Французова, 1921 года рождения. Он был военным — полковником. Приехал служить в Запорожье, а потом был направлен в Западную Украину для борьбы с бандеровцами, которые бесчинствовали и уничтожали людей. Служил в городах Ровно, Луцк, Львов. В 1947 году родилась я. Мои родители создали очень дружную семью, их объединяло взаимопонимание, вера и любовь к Родине — СССР.

Летом 2013 года мама с интересом читала на даче в Севастополе книгу поколений «Мы помним...» и вспомнила эту свою историю.

В декабре 2013 года Раиса Ивановна Французова умерла от ишемии сердца, не дожив два месяца до 89 лет.

Литература и источники

1. Заключительная речь Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко. Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 29 и 30 июля 1946 г. URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163734-zaklyuchitelnaya-rech-glavnogo-obvinitelya-ot-sssr-r-a-rudenko-stenogramma-zasedaniy-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala-ot-29-i-30-i-yulya-1946-g#mode/inspect/page/45/zoom/4 (дата обращения: 20.11.2020).

2. Обвинительная речь Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко (фрагмент). 30 июля 1946 г. Аудиозапись. // РГАФД. Ф. 1. Оп. 19. DVD № 239 (№ 46 (1-4)). Продолжительность записи — 8 мин. 09 сек. URL: http://nurnberg.rusarchives.ru/documents/obvinitelnaya-rech-glavnogo-obvinitelya-ot-sssr-ra-rudenko-fragment (дата обращения: 20.11.2020).

[1] «... в промышленности и частично в сельском хозяйстве Германии во время войны было использовано около 10 миллионов подневольных рабочих, как вывезенных с оккупированных территорий, так и из числа военнопленных.

<...> Нет нужды ссылаться на многочисленные документальные доказательства, представленные Трибуналу и с бесстрастностью устанавливающие преступный характер методов массового угона в рабство населения оккупированных территорий и организаторскую роль в этих преступлениях подсудимого Заукеля.

Насколько далеко зашли эти преступления, свидетельствует проведенная немецкими военными и гражданскими властями операция, зашифрованная под названием «Сено», которая предусматривала насильственный угон в рабство детей в возрасте от 10 до 14 лет и угон украинских девушек, предназначенных Гитлером для онемечивания.

<...> Сам подсудимый Заукель был вынужден признать, что иностранные рабочие содержались в лагерях за колючей проволокой и были обязаны носить специальные опознавательные знаки.

<...> В апреле 1943 года в целях форсирования вывоза рабочей силы он лично посетил города Ровно, Киев, Днепропетровск, Запорожье, Симферополь, Минск, Ригу, а в июне того же года — Прагу, Краков, снова Киев, Запорожье и Мелитополь» [1; 2]. — *Прим. ред.*

СЕМЕЙНАЯ ЗАГАДКА

Шабалина Галина Валерьевна, 58 лет,
учитель начальных классов управления общего образования
Улан-Баторского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
Монголия, г. Улан-Батор

Я хочу рассказать о своей маме, Сидоровой Светлане Леонидовне. Мне, как и любому человеку, хочется знать родословную семьи, своих бабушек и дедушек. Но время, в которое жили мои родители, имеет много белых пятен, и некоторые вопросы не дают мне покоя и сегодня.

Моя мама родилась на Крайнем Севере, в городе Игарка Красноярского края, в январе 1939 г.

Из детских отрывочных воспоминаний складывается интересная и в то же время загадочная картина.

Семья Сидоровых проживала в центре города Игарка, в хорошей светлой благоустроенной квартире. Из воспоминаний мамы: «Мы жили в новом двухэтажном доме, у нас были огромные окна, когда мама их мыла, она ставила 3 стула».

Мамин отец (мой дед), Сидоров Леонид Захарович, занимал высокую должность в городе — главный бригадир рыболовецкой конторы.

Мама (моя бабушка), была домохозяйкой, воспитывала троих детей.

Дальше, из отрывочных рассказов о детстве, начинается кошмар, непонятный ни одному ребенку.

Мама рассказывает: «Мы из города убегали ночью. Пришел дядя, брат отца, и сказал, чтобы наша семья покинула город, срочно. Мы не взяли ничего, только документы и верхнюю одежду. Помню, что мама сильно плакала...». Долгой и изнурительной была дорога из г. Игарка до п. Туруханск. Что же запомнилось моей маме? Да только то, что забыла одну варежку дома, ведь сборы были недолгие. И мама всю дорогу меняла эту варежку с одной руки на другую.

В дороге наша бабушка умерла, и трое детей стали сиротами. Какой удар получила эта женщина, которой было всего 34 года? Какую страшную новость она узнала и срочно покинула родной дом и город, с тремя малолетними детьми?

Как-то при разговоре мама сказала: «А я знаю девичью фамилию своей мамы!». Я удивилась: «Откуда тебе знать? Ведь тебе было всего 5 лет?»

«А мама всю дорогу твердила, что она Парилова Елена Петровна, а отец Сидоров Леонид Захарович».

Теперь я точно знаю — неслучайно она внушала своим детям — кто они и откуда.

Однажды мама услышала по телевизору азбуку «Морзе» и говорит: «А я понимаю, что отстукивает телефонистка!». И на наше недоумение, ответила: «Так мама была радисткой!».

Мой дед считается пропавшим без вести. Еще в 1980-е гг. я обращалась в крайвоенкомат, чтобы навести справки о своем родном деде. Оказалось, что во время войны из Красноярского края было призвано 780 Сидоровых, 256 Сидоровых Леонидов и более 100 Сидоровых Леонидов с отчеством Захарович. Но не было такого человека, у которого было трое детей.

По отрывочным, совсем небольшим данным, мы хотели бы узнать истину — почему бабушка вынуждена была бежать с детьми и что случилось с дедушкой.

Мама, прожив в Туруханском детдоме три года, была переведена в Игарский детский дом (знаменитый по очеркам Астафьева В. П.).

После пребывания в детском доме она поступила в Игарское Педагогическое училище народов Севера. Закончив училище, была направлена работать по распределению в Эвенкийский автономный округ. Два года проработала Светлана Леонидовна в фактории Чиринда (с 1961 по 1963 г.), учила детей коренной национальности. А в 1963 году переехала работать в Ногинский графитовый рудник, где проработала учителем начальных классов 21 год (по 1984 год) в средней школе. Светлана Леонидовна Сидорова награждена за добросовестный труд знаками «Победитель соцсоревнования» за 1973, 1974, 1975, 1976, 1977 гг.; в 1980 г. была занесена в «Книгу Почета» лучших людей Эвенкии. С 1984 года начала работать в школе № 84 Октябрьского района.

Бывшие ученики не забывают ее, в праздничные дни приходят поздравительные открытки и телеграммы, которые мама бережно хранит. Светлана Леонидовна не только хороший учитель, но и замечательная мать. Она воспитала трех дочерей. Первая дочь, Галина Валерьевна — педагог, вторая дочь, Валентина Валерьевна — врач, третья дочь, Ольга Валерьевна — ветврач.

В 1989 г. за многолетний добросовестный труд получила удостоверение «Ветеран труда». Мы гордимся нашей мамой, оставшейся сиротой в годы войны и ставшей настоящим профессионалом и хорошим человеком!

Сидорова Светлана Леонидовна, г. Красноярск, школа № 84, 1998 г.

ПО-РУССКИ «МАМА», ПО-ГРУЗИНСКИ «НАНА», А ПО-АВАРСКИ – ЛАСКОВО «БАБА́»

Агаширинова Заира Магомедовна, 19 лет,
студентка 2 курса заочно-ускоренной формы обучения
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
профиль «Финансы и кредит»,
научный руководитель — Л.И. Ростовцева, д. социол. н., профессор
кафедры гуманитарных дисциплин,
г. Тула

Я приехала в Тулу из Республики Дагестан; по национальности — наполовину даргинка, наполовину рутулка. Родилась в местечке, которое граничит с Азербайджанской Республикой — на юге, с Грузией — на юго-западе, а также с Чеченской Республикой — на западе, со Ставропольским краем — на северо-западе и с Республикой Калмыкия — на севере.

Согласно Конституции Республики Дагестан государственными языками являются русский и языки 13 народов, населяющих республику: аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский, чеченский языки.

Мои родители родились на Кавказе: папа в Дагестане, в Сергаколинском районе, мама в Азербайджане, в городе Шеки.

Кавказ — очень интересный и многонациональный регион. Характер горцев обусловлен условиями их жизни, традициями и укладом. Вежливость и сдержанность очень ценят на Кавказе. Недаром адыгейская пословица гласит: «Не стремись к почётному месту — если ты его заслужил, оно тебе достанется».

Отношение к родителям — это святое. Ведь благодаря родителям мы появляемся на свет, они нас воспитывают, дают образование. За все это мы должны отблагодарить родителей уважением и почтением в старости.

С ранних лет на Кавказе мальчиков учат быть воинами, а девочек воспитывают домашними, трудолюбивыми, тихими, покорными, но с чувством собственного достоинства. Конечно, современная жизнь вносит свои коррективы и многие правила соблюдаются уже не так, как раньше, но все же, традиции уважаются. Каждый парень должен уважать отца, мать, иначе его не будут уважать в обществе. Мать на первом месте, затем отец.

Замечательный аварский поэт Расул Гамзатов отразил в своем стихотворении «Берегите матерей» это отношение к самому дорогому, что есть у человека:

Слово это сроду не обманет,
В нем сокрыто жизни существо.
В нем — исток всего. Ему конца нет.
Встаньте!..
Я произношу его:
«Мама!»

В годы Великой Отечественной войны женщины Дагестана вносили свой вклад в дело победы: осваивали мужские профессии (токаря, слесаря, машиниста), чтобы производить боеприпасы, саперные лопаты, окопные печки, отправляли на фронт посылки с вязаными шерстяными носками, перчатками, испеченными булочками и печеньем, письмами и кисетами, собирали деньги на создание танковой колонны «Шамиль», на эскадрилью самолетов имени героя гражданской войны Алибека Багатырова и другое вооружение. В различных районах Дагестана 24 женщины возглавили в 1942 году колхозы вместо ушедших на фронт мужчин [1].

Верные жены ждали своих мужей, братьев, отцов. Но не всем суждено было дождаться счастливой минуты:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей...

Кстати, два старших брата Расула Гамзатова, написавшего эти проникновенные строки, не вернулись с войны: в 1943 году Магомет умер в эвакогоспитале, Ахильчи — пропал без вести.

Чтобы участвовать в конкурсе эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», я хотела расспросить маму о нашем роде, о советском прошлом, но она, воспитанная в скромности и кротости в соответствии с многовековыми традициями, наотрез отказалась, не желая высвечивать свое имя.

Я обратилась к другу семьи Айюбу Ахмедову. И вот что я узнала о жизни во время СССР.

Ахмедов Айюб Алкиши Оглы родился 18 апреля 1969 года, в большой семье из 14 человек (из них 12 детей), в Масаллынском районе Азербайджанской ССР.

Отец Алкиши Ахмедов был муллой, читал священную книгу всех мусульман, был знатоком Корана и религиозных обрядов, молился, совершал обряды бракосочетания, похорон. Мама его в основном занималась домашними делами и детьми.

Самые яркие воспоминания о советском прошлом — жить было хорошо; доверяли друг другу, дав «честное слово», исполняли обещанное.

Цены были копеечные. Коробок спичек стоил 1 копейку, батон хлеба — 14 копеек, проезд был 6 копеек.

Муку покупали каждый месяц по 2–3 мешка, каждый день пекли хлеб сами, в день по 15 кг муки уходило.

Рыбу солили и держали в больших деревянных сосудах, чтобы не портилась.

Сушили мясо, которое после этого хранилось достаточно долго.

Телевизионные репортеры каждые выходные, в субботу и в воскресенье, приходили и снимали людей, брали интервью в парке и потом показывали по местному каналу. Задавали обычные вопросы: «Как живется?», «Что нравится в городе, что не так?» и т. д.

Люди были очень воспитанные и внимательные. Например, подъехал автобус, все зашли, сели и ждут, когда он тронется. Но видят — подходит беременная женщина, и люди выходят из автобуса, помогают ей донести вещи, подняться и сесть в автобус.

Отработав 8 часов, хватало времени погулять в парке, сходить в кино. В бесплатном зоопарке были козы, утки, два медведя (Маша и Миша), гуси, заяц и волк.

На 50 рублей вполне можно было прожить, а остальные деньги оставались на отдых, развлечения и сбережения. Можно было поехать отдыхать летом.

За счет завода давали квартиры, и Айюб Ахмедов стоял в очереди на получение жилья. Но произошел развал СССР, и квартиру он не получил.

В 1997 году открыл павильон, продавал сигареты, пряности, орехи, семечки, спиртное. Не прижился и продал павильон. Однажды решил продавать мясо. Для этого поехал с другом в Волгоград, привёз мясо, но в результате «прогорел», в те времена был сильный рекет.

После развала СССР стали «метаться» туда-сюда: переехали в Мурманск, потом два года жили в Липецке, потом снова в Мурманск, пока не осели в Туле.

Но мамино воспитание с детства в любви и заботе согревает всю жизнь, помогает преодолевать превратности судьбы.

Литература и источники

1. Женщины Дагестана внесли неоценимый вклад в дело Победы в Великой Отечественной войне // РИА «Дагестан». URL: //https://www.riadagestan.ru/news/science/zhenshchiny_dagestana_vnesli_neotsenimyy_vklad_v_delo_pobedy_v_velikoy_otechestvennoy_voyne/ (дата обращения: 15.03.2020).

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК — МОЯ ПРАБАБУШКА

Фролова Дарья Андреевна, 16 лет,
ученица школы №4 им. Л. Г. Осипенко,
Калужская область, г. Обнинск

Эхо войны в моей семье.
Помните!
Через века, через года —
Помните!
О тех, кто уже не придет
никогда, —
Помните!

Роберт Рождественский

Одним из важнейших событий XX века стала Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Важность сохранения исторической памяти о войне и послевоенном времени становится все более значимой, так как недруги хотят переписать историю, умалить роль СССР. Хорошо, что есть живые свидетели, которые не позволяют это сделать. Среди них и моя прабабушка.

Ушанова Елизавета Алексеевна, которой сейчас уже 92 года. Родилась она в 1927 году в городе Коврове Владимирской губернии. Жила в многодетной семье, где было семеро детей. На сегодняшний день проживает в г. Обнинске Калужской области. Она рассказала мне о войне и послевоенной жизни своей семьи.

«Жизнь была тяжелой», — говорит Елизавета Алексеевна. С самого детства моя прабабушка помогала своим родителям: жала рожь, пилила и колола дрова, а также помогала работать в колхозе. Но мирная жизнь была прервана войной. Училась прабабушка в Коврове, во время Великой Отечественной войны был пропущен один год обучения. Тетрадей не было, писали в старых книгах между строк. Голод. Перемену в школе ждали с нетерпением — давали 50 грамм черного хлеба.

Моя прабабушка рассказывает: «Когда началась Великая Отечественная война, было очень тревожно. Фашистские бомбардировщики не раз пролетали совсем рядом, когда летели на город Горький (Нижний Новгород), а один из самолетов сбросил бомбы около «Красного моста» (железнодорожный мост через реку Клязьму рядом с Ковровом), с целью разбить его. В Коврове был завод, на котором производили оружие (вскоре после войны он стал носить имя В. А. Дегтярева — в честь знаменитого конструктора пулеметов и противотанковых ружей). Этот завод помогал Красной Армии, снабжая оружием пехотинцев и танкистов, военных

летчиков и моряков. Во время войны там пришлось работать даже подросткам, многие из которых и школу не успели закончить. Обучаясь в ремесленном училище, на практике они изготовляли детали оружия — пулеметов, авиационных пушек. Ведь рабочих тогда не хватало — многие с самого начала войны ушли в армию, на фронт. Завод с лета 1941 года стал работать по непрерывному круглосуточному графику, без выходных и отпусков. Было тяжело, но все хотели помочь нашей армии победить врага. Своей цели фашисты не достигли.

Народ очень ждал окончания войны. С фронта ждали мужей, сыновей, братьев и всех родных. Окончилась война безоговорочной капитуляцией Германии. Близких встречали со слезами...»

С 1947 года Елизавета Алексеевна работала учителем начальных классов. В классе было 42 человека, учителей в школе не хватало. Из-за нехватки средств прабабушка подрабатывала в кочегарне. В послевоенное время у Елизаветы Алексеевны родились две дочери — Галина и Татьяна. Уходя на работу, прабабушка оставляла детей на печке, а на большой перемене прибегала проведать и возвращалась обратно на работу.

«В жизни помог труд, — говорила Елизавета Алексеевна. — Если бы не труд, то, возможно, народ и дальше жил бы в голоде». Держали коров, коз; всегда было свое молоко и молочные продукты. Прабабушка вспоминала, как рабочим выдавали карточки на получение 500 грамм хлеба в день. Хлеб съедали за раз, затем ждали следующего дня. Было тяжело, но даже в тяжелом периоде жизни были хорошие моменты. Елизавета Алексеевна любила по праздникам сходить на танцы в клубе; возила учеников в театры и музеи, даже ходила в походы.

«Вспоминая каждый момент своей жизни, смело могу сказать о том, что я счастливый человек, — говорит Елизавета Алексеевна, — удачно вышла замуж, родились умные, хорошие и добрые дети».

Я очень рада, что моя прабабушка ещё жива и я пока ещё могу узнать от нее побольше о ее судьбе, о жизни людей в то непростое время. Пройдет не так уж много лет и этих людей не останется на Земле. Поэтому надо спешить сейчас отдать им дань уважения за то, что мы живем, видим солнце и небо, ощущаем запахи цветов, любим, радуемся, мечтаем...

Я горжусь своей прабабушкой, которая сумела в то трудное время вырастить и воспитать своих детей. Галина и Татьяна сейчас помогают нам: своим детям, своим внукам, всей своей родне. Рассказывают о своей нелегкой жизни, дают советы. Я думаю, что наше поколение не должно забывать «эхо войны» в своей семье. Я хочу знать историю своего народа и учиться у прабабушки любить жизнь!

ВОСПОМИНАНИЯ МОЕЙ БАБУШКИ А.В. КРАЙНОВОЙ

Пинаева Елена Олеговна, 15 лет,
ученица ГБОУ «Школа «Дмитровский»
имени Героя Советского Союза В.П. Кислякова»,
выпускница ГБУДО «Детская музыкально-хоровая школа №106,
г. Москва

Александра Васильевна Крайнова

Я попросила мою бабушку Александру Васильевну Крайнову (в девичестве — Токареву) поделиться своими воспоминаниями о довоенном, военном и послевоенном времени. Вот что она рассказала.

Родилась она в 1934 году в деревне Коровинка Сергачского района Нижегородской области. Сначала жили в маленькой избушке около 4-х квадратных метров (впоследствии из этой избушки сделали баню), потом родители Токарев Василий Яковлевич и Прасковья Павловна построили дом. Топилась изба по-чёрному — у печки не было трубы и дым выходил через дверь. К тому моменту, как началась Великая Отечественная война, дом был уже построен, и в семье родилось трое детей: моя бабушка Александра, её сестра Раиса и брат Михаил.

На третий день войны Василия Яковлевича призвали на фронт. Бабушке было 7 лет, и она запомнила, как 25 июня 1941 г. рано утром папа и мама шептались. Мама спрашивала: «Что же ты ничего не сказал? Я бы тебе хлеба испекла». Отец ответил: «Да ладно. Ничего не надо, вам пригодится». Потом он поцеловал детей и ушёл.

Прасковья Павловна получила от мужа только одно письмо. В нём он писал, что всё хорошо и что они двигаются в Смоленском направлении. Больше писем не было.

Прадедушка пропал без вести. И мы недавно в музее Великой Отечественной войны в Москве на Поклонной горе нашли запись в книге памяти о том, что Токарев Василий Яковлевич пропал без вести. Всю свою жизнь Прасковья Павловна ждала мужа и надеялась, что он вернётся.

Когда Василий Яковлевич уходил на фронт, Прасковья Павловна была в положении, и в октябре у неё родились ещё две дочки: Лиза и Вера. Так прабабушка осталась одна с 5 детьми. В те времена декретного отпуска не было, и женщинам приходилось работать в колхозе до родов и сразу же выходить на работу после рождения ребенка. Несколь-

Василий Яковлевич Токарев

ко раз в день женщинам, имевшим грудных детей, разрешалось уйти с работы, чтобы покормить младенцев.

За работу выписывали трудодни, за определённое количество трудодней давали зерно, выделяли покос (участок земли, с которого можно было скосить траву и насушить сено для коровы) или давали разрешение нарубить дров для печи.

Кроме того, что Прасковья Павловна работала в колхозе, ей надо было обрабатывать и свой участок земли. Так как из колхоза забрали много лошадей на фронт, то приходилось свой участок вспахивать самой. Моя бабушка рассказала, как Прасковья Павловна вместе со своими подругами-ровесницами Зоей и Машей, вспахали три участка по пятьдесят соток каждый. Паша с Машей впрягались в плуг (вместо лошадей), а Зоя нажимала и направляла его. Всем троим было по 26 лет, и они были щупленькие, худенькие, невысокого роста. А потом все трое дивились, не могли понять, как им это удалось.

Пока Прасковья работала в колхозе или на огороде, моя бабушка присматривала за младшими сёстрами и братом, готовила еду и ходила за водой на Гремячий ключ.

Деревня Коровинка располагается на возвышенности, а Гремячий ключ находится под горой в глубоком овраге, заросшем лесом. За питьевой водой вся деревня ходила к этому ключу, примерно полтора километра в одну сторону. Вода в этом ключе очень вкусная, и все деревенские жители с любовью относились к роднику, вырубали кусты и поросль деревьев, чтобы сохранить тропинку, сооружали настил около ключа, чтобы можно было подойти, не замочив ноги. Сделали небольшой сруб и вставили желоб, по которому текла вода, чтобы было удобно набирать воду в вёдра. А назвали этот ключ любовно «Гремячий», потому что вода, вытекая, шумела и звенела на всю округу — и пока шли по лесу к этому ключу, и когда возвращались с вёдрами на коромысле в деревню. Далеко слышался шум воды, усиленный эхом. Воду для технических нужд: стирки, мытья посуды, мытья полов, мытья в бане, для домашнего скота — брали из выкопанного пруда или собирали дождевую воду.

Моя бабушка Шура ходила учиться в село Ключево, за 7 километров от своей деревни, значит, приходилось каждый день проделывать путь туда и обратно в 14 километров (!). Лишь изредка она оставалась ночевать у своей бабушки Евдокии, которая жила в Ключево. В школу ходила и в дождь, и в мороз по просёлочной дороге. Асфальтовых дорог в то время там не было. Весной и осенью — грязи по колено, и дети снимали обувь и шли всю дорогу босиком два часа в одну сторону и столько же

обратно. А зимой дорогу занесёт так, что и не видно, где она. Один раз по пути ребята встретили волков. Школьники остановились и в ужасе замерли, волки тоже не двигались, смотрели на детей, а потом ушли — видать, были не голодные.

Школа отапливалась не всегда, а если и отапливалась, то плохо. Бывало и так, что дети шли по сильному морозу в школу, приходили, а учителя давали задание — какие страницы прочитать, и отправляли обратно, поскольку в помещении было слишком холодно, чтобы учиться. Писала бабушка в школе на обёрточной бумаге, которую её мама линовала по ножу, так как линейки не было. И от этого строчки шли вкривь и вкось.

А летом бабушка работала в поле. Женщины и дети вручную пропалывали посевы, часто приходилось убирать урожай тоже вручную. Зимними вечерами все женщины вязали перчатки для солдат. Отдельно вывязывались большой и указательный пальцы, а все остальные были вместе, как в варежке. Такие перчатки позволяли солдатам нажимать на спусковой крючок.

В военные годы была жёсткая дисциплина. Ни в коем случае нельзя было без спроса брать ничего колхозного. За горсть зерна могли посадить в тюрьму. Бабушка рассказывала, как однажды зимой убранный и сложенный в копёшки горох остался в поле, потому что не на чем было его вывезти. Полуголодные дети приходили туда тайком, брали горсть гороха, убегали и тайком грызли его. О том, что ходили за горохом, дети боялись говорить даже матерям. Политика была такой, что пусть лучше пропадёт, чем раздать людям колхозную собственность.

Привлечь к ответу можно было за вязанку дров или охапку сена, собранные без спроса.

Однажды Нюру Полякову чуть не посадили в тюрьму из-за частушки. Когда в деревню приехал человек из города, он услышал, как Нюра пела частушку:

Пшеницу — за границу,
А картофель — на вино.
А колхозникам-шобонникам[1] —
Бесплатное кино.

Городской человек доложил об этом в милицию, и начались разборки. Нюру спас председатель колхоза, который во время расследования сказал следователю, что она дурочка, и у неё «не все дома». Чуть позже он пришёл к женщине и тоже рассказал ей об этом, предложив изобразить дурочку. Нюра так и сделала. На допрос она надела дырявые валенки с заплатками из ситца в цветочек и сидела с невинным видом, любо-

[1] Шобонник — от слова «шобон» — старая рваная одежда.

валась валенками с розами. На вопрос, где она услышала эту частушку, Нюра ответила: «На вокзале какие-то ребятишки пели, я и запомнила». Несколько раз следователь вызывал её в город на допрос. Но в конце концов, Нюру, жену фронтовика, мать троих детей, всё-таки отпустили, предупредив, что если что-то подобное повторится, то ей уже ничто не поможет.

Праздники, такие как 1 Мая, 7 Ноября, отмечались всей деревней. В тёплую погоду люди собирались на улице, в холодную — у кого-нибудь дома. Каждый нёс еду из своего дома: варёную картошку, солёные огурцы, помидоры, капусту, пироги с картошкой, с капустой, с луком и яйцами, приносили столы, скамьи. Готовили и устраивали праздник «вскладчину». Эти дни всегда проходили весело, шумно и интересно: с песнями и частушками под гармошку, с танцами.

Но несмотря на трудности военных и послевоенных лет, моя бабушка окончила школу, педагогическое училище. По распределению была направлена в Якутию, где три года преподавала в начальных классах русский язык и литературу. Потом вернулась в родную деревню Коровинку, вышла замуж за деревенского парня, который был на четыре года ее старше и в детстве «нянчился» и играл с нею.

Дальнейшую свою жизнь бабушка посвятила семье, следуя за своим мужем Юрием Васильевичем, электромехаником, работавшим на стройках Рязани, Свердловска, Подмосковья.

Военные годы оставили отпечаток на судьбе каждого человека. Бабушкины брат и сёстры уже умерли, так как их детство прошло во время лишений: плохое питание, отсутствие медицинской помощи. Да и сама бабушка чуть не умерла, когда в военное время, простудившись, заболела пневмонией и несколько дней не могли найти лошадь, которая отвезла бы ее в больницу в город Сергач, где ей сделали операцию.

По мнению бабушки, она, старшая, пережила своих сестер и брата потому, что родилась до войны и имела лучший уход и питание в детском возрасте, чем они в годы войны.

У бабушки две дочери и четыре внука. А я, ее внучка каждый год с родителями в Москве хожу с портретами моих прадедов с Бессмертным полком.

МОЕЙ ПРАБАБУШКЕ-ДОБРОВОЛЬЦУ — ДЕВЯНОСТО СЕМЬ

Чернова Софья Игоревна, 16 лет,
ученица 11 класса МОУ «СОШ №3 имени С.В. Ишеева»,
учитель — Титова Ирина Александровна,
Тульская область, г. Ясногорск

Нина Сергеевна Чернова (в девичестве — Жданова) — моя прабабушка по папиной линии. Родилась она 27.10.1922 года в селе Никольское Ясногорского (тогда Лаптевского) района в семье колхозников Сергея Ивановича и Марии Тимофеевны Ждановых. У них было семеро детей. Папа был секретарем парторганизации колхоза, это наложило отпечаток на воспитание — все дети внесли свой вклад в защиту Отечества от врагов и завоевание Победы: Василий Сергеевич, артиллерист, прошел всю войну, Федор Сергеевич был командиром морской обороны, Анна Сергеевна, старший сержант, служила в железнодорожных войсках, Наталья Сергеевна — зенитчица, Валентина Сергеевна (в замужестве — Мазурина) и Антонина Сергеевна (в замужестве — Куренкова) — участники трудового фронта.

До войны моя прабабушка училась в Никольской школе, затем в Лаптевской, окончила учительские курсы и стала работать учителем математики в Малоскуратовской школе Чернского района.

О начале войны она узнала, когда приехала в свою деревню на выходные. К вечеру в Лаптево появились военные и сообщили о том, что началась война.

После 22 июня прабабушка продолжала учить детей, но вскоре по комсомольской путевке ушла добровольцем на фронт. Сначала она попала в Липецкую область, в 140-ю роту, где их учили быть связистами, а затем попала в 31-й истребительный авиационный полк, где прослужила до конца войны. Полк входил в 295-ю Новомосковскую ордена Кутузова истребительную авиационную дивизию 17-й воздушной армии. Их самолеты бомбили наземную технику противника, военные части, особенно танки.

Моя прабабушка с сестрами

Больше всего прабабушке запомнилась операция по освобождению Харькова и тяжелые бои за Новомосковск Днепропетровской области. За эту операцию их дивизия и получила название «Новомосковской».

Еще запомнился случай, когда полку пришлось сопровождать транспортный самолет. Летчики не знали, что за самолет они сопровождают. Но вскоре выяснилось, что своего Верховного главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина — он летел на Тегеранскую конференцию.

В своем полку моя прабабушка познакомилась со своим будущим мужем и моим прадедушкой Черновым Годой Авраамовичем. Подполковник Чернов был начальником штаба 31-го истребительского авиационного полка. А недавно мы нашли его имя в интернете в числе командиров полка с 15.04.1945 г. до 17.06.1945 г., правда с припиской (ВрИД) — видимо, он временно исполнял эту должность в самом конце войны [1; 2, с. 341]. Прадед был представлен к ордену Отечественной войны I степени. Ранее он был награжден орденом «Красной Звезды» (11.02.1943 г.), орденом Отечественной войны II-й степени (18.04.1944 г.), медалью «За боевые заслуги» (02.11.1944 г.).

Об окончании войны Нина Сергеевна узнала в ночь с 8 на 9 мая. Она была дежурной в штабе полка, раздался звонок и ей сообщили о том, что война закончилась.

Бабушкин полк прошел с боями от Сталинграда до Вены. Кроме России, их полк освобождал Румынию, Венгрию, Болгарию, Украину, Югославию, Австрию.

За время войны моя прабабушка была дважды ранена и контужена. Дважды награждена медалью «За боевые Заслуги» (03.11.1943 г. и 25.04.1945 г.) Первой медалью ее наградили за то, что с 19 июля по 31 июля 1942 г. на Сталинградском фронте совершила 6 вынужденных прыжков летным составом, не имея при этом ни единого отказа парашютов. Находясь на Юго-Западном фронте с 15.04.1943 г., совершила 5 вынужденных прыжков летным составом, также не имея отказа парашюта в воздухе. Вторую медаль Нина Сергеевна получила, работая в должности старшего писаря строевого отдела, где проявила себя как грамотный и исполнительный сотрудник. Всё секретное и совершенно секретное делопроизводство находилось в отличном состоянии. За это она не раз получала благодарности от командования.

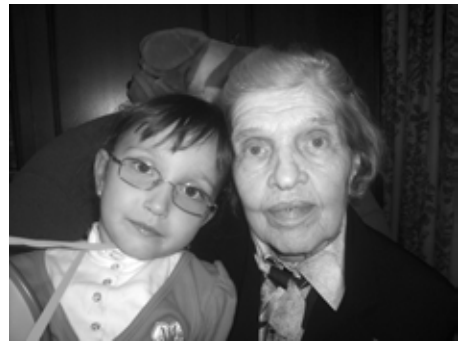

Прабабушка с сыном Игорем

Всех женщин полка демобилизовали в сентябре 1945 года. Так получилось, что поезд, на котором возвращалась домой моя прабабушка, проходил мимо Лаптево. Там она вышла и начала свою мирную жизнь. В 1946 году родила сына Игоря — моего дедушку. С 1948 года начала работать счетоводом Лаптевского (сейчас Ясногорского) машиностроительного завода. Через два года стала бухгалтером, еще через два года — старшим бухгалтером. 1 декабря 1956 была переведена в СКБ (специальное конструкторское бюро) техником, через полгода — переведена в ОТЗ (отдел труда и зарплаты), а затем стала старшим инженером. С 1 июня 1991 года прабабушка на пенсии.

Имеет много грамот (своего завода, Ясногорского райкома партии, Тульского областного совета ветеранов) и медалей («За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За взятие Будапешта», «За освобождение Белграда», «За взятие Вены», медаль Жукова, «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина»).

Сейчас ей 97 лет, и она до сих пор рассказывает мне и другим правнучкам о тех годах. Всю свою жизнь прабабушка была очень активна, везде, где только можно, участвовала. Ходила на все демонстрации и парады в честь Дня Победы. Когда мы, правнучки, были маленькими, то постоянно гуляли с нею, а дома она нам рассказывала очень много всяких интересных историй о войне, о том времени, о людях. Она знала много стихов, пела песни. Любимым нашим занятием с прабабушкой была игра в карты или настольные игры. Еще мне из детства запомнилось, когда к ней в гости кто-то приходил, она сразу же угощала конфетками «Алёнка». Очень любили мы с прабабушкой готовить всякие блюда.

Я и моя прабабушка, 2008 год

До сих пор моя прабабушка очень добрый, светлый, лучезарный человек, всегда приходящий на помощь в случае необходимости.

Я горжусь подвигом своих предков и обязательно буду рассказывать своим потомкам и о них, и о тех страшных днях, что им довелось пережить в войну.

Литература и источники

1. 31-й Краснознаменный истребительный авиационный Нижнеднестровский орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого полк. URL: http://ava.org.ru/iap/31.htm.

2. *Анохин В.А., Быков М.Ю.* Все истребительные авиаполки Сталина. Первая полная энциклопедия. Научно-популярное издание. М.: Яуза-пресс, 2014.

«ЗАСНУЛА В МИРНОЕ ВРЕМЯ, А ПРОСНУЛАСЬ В ВОЙНУ...»

(ИЗ ДНЕВНИКА ПРАБАБУШКИ)

Павлов Андрей Вячеславович, 17 лет,
ученик 11 класса МБОУ «Гимназия №1 — Центр Образования»,
учитель — Неоронова Анжела Александровна,
Тульская область, г. Щёкино

Люди!
Покуда сердца стучатся,—
Помните!
Какой ценой завоевано счастье,—
Пожалуйста, помните!

Р. Рождественский. Реквием

В каждой семье есть истории о родственниках, которые воевали в годы Великой Отечественной войны, трудились в тылу, являлись бойцами «невидимого фронта», состояли в подполье. Такие истории передаются из уст в уста, из поколения в поколение, и память о том кошмаре, который довелось пережить нашему народу, сохраняется.

Историю, которую я хочу рассказать — о моей прабабушке, которой довелось лично пережить все ужасы войны. Помог мне это сделать ее дневник, который она вела в годы своей молодости.

18 июня 1941 года моя прабабушка, Аникеева Татьяна Петровна (05.01.1923–09.11.2006), успешно закончила своё обучение в средней школе № 1 города Щёкино Тульской области. Как и у многих её сверстников, у неё были мечты, планы, желания. Она очень хотела стать учительницей и уже подала документы в одно из учебных заведений. 21 июня 1941 года у неё был выпускной, как и во многих школах СССР. Она танцевала, радовалась, предвкушая грядущую взрослую жизнь. В этот день она вернулась домой около 2 часов ночи и легла спать. А через два часа гитлеровцы нарушили границу Советского Союза, и в нашей истории начался кровавый период, разделивший жизнь советского народа на «до» и «после» войны.

Выступление Молотова по радио было в 12 часов дня. В своем дневнике прабабушка написала:

«Странное движение резко началось в доме. Я спала, но сквозь сон ощущала, что что-то не так. Потом резко стало тихо. Я решила немного приоткрыть глаза. Смотрю, а в комнату ко мне мама идёт. И идёт очень странно, как будто ноги подкашивались, но я как-то не придала никакого значения. Мутно всё было спросонья-то. Но не дошла она до меня — папа остановил. Сказал, чтобы не будила. После этого я отвернулась и ещё часок поспала.

Вскоре, когда я проснулась окончательно, встала, потянулась и резво пошла на кухню. Там уже все мои собрались. Мама, папа, Серёжка и Митька — два брата моих. Папа стоял, отвернувшись и глядя в окно, мама сидела на лавке, обняв братьев, и смотрела каким-то странным, будто убитым, взглядом в пол, Митька прижался к ней, как котёнок, который только родился, к кошке, а Серёжка держал, поглаживал, прикасался губами к руке мамы. Тут я и поняла, что что-то да случилось. Мой задор как рукой сняло. Я очень сильно испугалась, потому что подумала, что кто-то из родных или друзей умер.

Я присела на табуретку и тихо, как будто хотела, чтобы вопрос не услышали и не дали ответ, который боялась услышать из-за страха, спросила у Серёжки: «Что случилось?». Он взглянул на меня, и, как потерянный, глухо сказал: «Война, Тань. Ты спала, а мы слушать ходили. Напали на нас».

И его слова меня как будто по голове ударили. Я сидела и не понимала, что вообще происходит. Мы вот в школе изучали по истории всякие битвы, войны, сражения. И мне казалось, что это всё уже прошло, что такое осталось только в учебниках по истории. А тут сказали, что напали на нас, война...»

Моя прабабушка говорила, что заснула в мирное время, а проснулась в войну. Ей было 17 лет, когда она узнала о войне. Началась всеобщая мобилизация, она очень хотела пойти на фронт в качестве медсестры.

Из её дневника:

«Очень мне хотелось помочь ребятам нашим. Надеялась всё, что с Митькой и Серёжкой пойду. Но маме накануне сон приснился, как будто она отпускает трёх лебедей в небо, двое улетело, а третий потихоньку спускаться стал и потом с ней остался. Ну, вот она посчитала, что это знак и запретила мне уходить на фронт».

Вскоре Сергея и Дмитрия забрали на фронт. Их судьба печальна, один воевал на Ленинградском фронте, где пропал без вести, второй — на Сталинградском фронте.

Из письма его однополчан:

«Мы, когда дом захватывали, Серёжка вверх побежал, к пулемётчикам. Вырубить их хотел, чтобы ребят наших не полегло много. Наверх ещё пара ребят побежала. Ну а мы нижние этажи отбивали. Когда уже всю немчуру побили, решили всех наших собрать. Наверх забрались. В комнату заходим, а там Серёжка лежит мёртвый, а рядом фриц с автоматом, тоже мёртвый. Видать в рукопашном сцепились и оба погибли».

28 октября 1941 года гитлеровцы вошли в наш город. Дни оккупации бабушка всегда вспоминала в своих дневниках с ужасом:

«Подселили к нам четырех немецких офицеров. И вот один раз пришли к нам трое. Нашли у меня в комнате словарик русско-немецкий — в школе я же учила немецкий — и показывают на него и говорят, мол, чья это книга, тот и будет нам все переводить. Мама меня за себя спрятала — испугалась, что они убить хотят меня. А я ей говорю, чтобы успокоилась, что всё нормально будет.

Я им объяснила всё, что язык немного знаю, спросила, что им надо. Они потребовали еды. Ну, еды у нас было мало. Но, понятно, отказать мы не могли. И ещё специально они гремели, махали своими вальтерами — запугивали нас. Посадили их за стол.

Вскоре четвёртый офицер пришёл. Высокий, светлый, и лицо было какое-то не такое, как у этих трёх. Было что-то такое в нём, как будто русское. Сел за стол, фуражку снял, представился как Альберт. Оказалось, что это русский немец. Папа — немец, а мама — русская.

Наверное, это огромное счастье, что именно к нам поселили Альберта. Он был очень с нами добр. Один раз ночью один фриц пьяный к нам в дом ворвался. Стал требовать еды, выпить и ещё много чего. Альберт тут же вышел, отчитал немца и выдворил его за дверь. Если бы не он, я даже не знаю, что с нами могло бы произойти, так что в нашем доме благодаря Альберту было относительно спокойно. А вот в городе немцы творили бесчинства. Грабили, били, убивали.

Один раз согнали всех наших на мороз к пожарной станции. Кто успел одеться, кто не успел, им всё равно было. И стали расстреливать сначала каждого десятого, потом каждого пятого, потом каждого третьего. Когда каждого третьего стреляли, очередь почти на мне была, но, опять же очень сильно повезло, немцы прекратили расстрел. Оказалось, у них одного офицера убил часовой, и подумали на нас — вот и решили наказать. Разогнали по домам, а трупы запретили подбирать. Аж часовых поставили их охранять. Но наш народ всё-таки ловкий, смекалистый. Папа с мужиками некоторыми ночью пробирались и по-тихому вытаскивали оттуда трупы.

Вот так мы и просидели под немцами до декабря. Но и им жизнь маслом не казалась. Ребята многие в подполье ушли и вредили фрицам по-всякому...

Много было случаев зверских, много убили людей, много расстреляли. В декабре-то, когда морозы вдарили наши русские, и когда от Тулы их наши погнали, немцы вообще разозлились: чуть ли не каждый день то убьют кого-нибудь, то что-нибудь сломают, то что-нибудь украдут.

И вот когда уже окончательно они уходили, Альберт нам сказал, что очень рад, что русская армия наступает на них и что они отступают. Он сам был против этой войны. Была в нём больше русская душа. Он, бывало, от расстрела спасал не только нас, но и некоторых соседей. Хороший парень был. Только вот как ему не повезло — телом-то на той стороне был, а душой на нашей...»

До и во время оккупации моя прабабушка работала на трудовом фронте. Она рыла окопы, сооружала укрепления, помогала горожанам. После оккупации она работала на шахте № 7 Щекиноуголь (с 23.04.1942 г. до 24.11.1953 г.) табельщицей, секретарем в транспортном управлении. В мае 1953 г. перешла на завод «Кислотоупор», в мае 1986 г. вышла на пенсию.

Сослуживцы отмечали ее трудолюбие, стремление помочь людям. Соседи говорили о доброте, сдержанности, искренности. К ней в дом приходили за советом многие друзья и знакомые; никому не отказывала, помогала словом и делом.

После войны она была награждена орденом «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Эта медаль является нашей семейной реликвией, которая будет маленьким памятником, напоминающим нам и нашим потомкам о подвиге, совершённом родным человеком.

Я всегда очень любил слушать рассказы о войне. Я гордился, горжусь и буду гордиться тем, что являюсь родственником человека, который внёс свой вклад в Великую Победу нашего великого народа.

Есть подвиги, о которых знают единицы, как например, я о трудовом подвиге моей прабабушки. Есть подвиги, о которых говорит вся страна и которые записаны в истории нашей страны золотыми буквами: подвиг 28 панфиловцев, подвиг ленинградцев, подвиг Александра Матросова, Николая Гастелло, Лёни Голикова, Зины Портновой, Алексея Маресьева, подвиги молодогвардейцев. Все они совершены ради спасения Родины.

Имя моей прабабушки не упоминается в учебниках истории, как и подвиги большинства людей, кто приближал эту Великую Победу. Да, она не воевала на передовой, но проведённые на шахте бессонные ночи, неимоверное напряжение сил всех тружеников в годы войны за станком, в забое, у мартеновской печи, на поле — это тот огромный трудовой подвиг, что был совершён в тылу, способствовал успеху Красной Армии на фронте.

Моя задача — сохранить и передать потомкам память об этом подвиге.

Пока в сознании людей будут жить уроки той войны, человечество не совершит ошибок.

МОЯ ПРАБАБУШКА ЗОЯ — МЕДСЕСТРА

Старовойтов Никита Сергеевич, 18 лет,
ученик 11 класса МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 57»,
Республика Удмуртия, г. Ижевск

Зоя Михайловна Гришина

Зоя Михайловна Гришина, моя прабабушка, родилась 19 мая 1925 года. Во время войны она работала в госпиталях после окончания Можгинского медицинского училища в возрасте 18 лет (год себе приписала, чтобы быть старше).

В августе 1942 года, по распределению, она попала в головной госпиталь в городе Ижевске, на Карлутской площади. Это был большой госпиталь на 1500 коек, где работали 400 медицинских сестер, в том числе и моя прабабушка. Работала в хирургическом отделении; дежурили вдвоем на 150 коек, а это очень большая нагрузка и ответственность. Раненых было очень много, не всегда хватало штатных коек в палатах, многие лежали в коридоре.

Работы было очень много и опыт приобретался быстро. Уже к 20 годам прабабушка считалась опытной медицинской сестрой. Питание тогда было по продуктовым карточкам, а это 500 гр хлеба в день. С ростом профессионализма она могла расчитывать на получение еще и 2 кг муки в месяц.

Жила моя прабабушка на выделенной жилплощади у старика, спала сначала на полу на кухне. Одежды было мало, ее родители жили бедно в Можге. И при всем том однажды прабабушку обокрали, унесли все теплые вещи и продуктовые карточки. Наступала зима и ей пришлось в летней обуви, которая вся продралась, идти пешком из Ижевска до Можги 100 км, чтобы взять пальто своего брата, ушедшего на войну. В этом пальто она и проходила всю холодную зиму.

Однажды пришел эшелон, переполненный ранеными. Их доставляли на трамвае к нынешней центральной площади Ижевска, и в этот день, без еды, она носила раненых на себе с остановки ЦУМ до нынешней Детской больницы, где находился госпиталь. Росту она была маленькая и очень худенькая, а солдат было очень много. В тот день она так устала физически, что думала: «Вот дойти бы до дома и не умереть самой».

Позднее прабабушку как высококлассного специалиста перевели в глазное отделение госпиталя, который был расположен в здании школы № 28 на пер. Широком. Там физически стало работать намного легче, но морально — тяжелее. Многие раненые, которые потеряли зрение, очень тягостно переживали свое состояние. В 1944 году ей поручили сопровождать одного раненого, который полностью лишился зрения, в Витебскую область, через Смоленск. Город был полностью разрушен и увиденное ужаснуло ее.

После войны она трудилась старшей операционной сестрой в Гарнизонном госпитале Ветеранов войн, была очень уважаема за свой профессионализм врачами-хирургами. Имеет медаль за «Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Когда мне было 7 месяцев и моя мама вышла на работу, прабабушка полностью взяла на себя заботы обо мне, что и делает до сих пор. Она с удовольствием и большим желанием обвязывает носками и варежками всю нашу большую семью.

СВЕДЕНИЯ О ПООЩРЕНИЯХ И НАГРАЖДЕНИЯХ

№ записи	Дата: Год	Дата: Месяц	Дата: Число	Поощрения и награждения	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
1	2			3	4
1	1943	XI	6	За хорошую самоотвер[женную] работу объяв[лена] Благодарность	Пр. 1307 от 6/II-43г.
2	1944	2	22	За хорошую работу в деле восстановления здоровья раненых	Пр. № 53 от 22/II-44г.
3	1944	4	30	За хорошие показатели в работе в деле обеспечения объявлена Благодарность	Пр. №122 от 30.4.44г.
4	1945	2	22	За хорошую работу в деле восстановления объявлена Благодарность	Пр. №53 от 22/II 45г.
5	1946	4	5	Награждена медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»	Указ Пр. Вер. Сов. СССР от 2.5.45г.
6	1946	5	28	Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»	Указ Пр. Вер. Сов. СССР от 6.6.45г.

Страничка из трудовой книжки с благодарностями«за хорошую работу в деле восстановления здоровья раненых больных»

Прабабушка Зоя — очень сильная и отважная личность. Не щадя своих сил, она трудилась в госпиталях ради нашей Победы.

Я очень горжусь своей прабабушкой, она пример отваги и доблести защитников тыла.

ВОЙНА КОСНУЛАСЬ ЮНОСТИ КРЫЛОМ…

Медведская Анастасия Игоревна, 20 лет,
студентка 2 курса заочной формы обучения,
направление «Экономика»,
Тульский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова,
научный руководитель — Ростовцева Людмила Ивановна,
д. социол. н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин,
г. Тула

Оксана Анатольевна Гончар — моя мама, 1980 год

Воспоминания человека — это ценность, которую хранят в сердце и передают своим детям, внукам. Мало кто из молодежи в наше время интересуется историей своей страны. К сожалению, в современном мире не обременяют себя воспоминаниями о войне, о том, кто создал этот стабильный мир.

Моя мама, Гончар Оксана Анатольевна, родилась 8 декабря 1962 года в городе Галляарал Самаркандской области Узбекской ССР в семье служащих. Моя бабушка, Гончар Раиса Макаровна, была юристом по образованию, а дедушка, Гончар Анатолий Яковлевич, — инженером. Обычная советская семья со своими традициями и памятью о важных событиях Отечества. Бабушка говорила, что мама всегда была активным и целеустремленным человеком.

Мама окончила школу в 1979 году, ей было 16 лет. В этот же год она поступила в Самаркандский медицинский институт. Мама часто рассказывала мне о своем советском детстве, как жили и о чем мечтали ее сверстники. Спортсмены, комсомольцы, неравнодушные и искренние люди. В их время не было «чужой беды», люди всегда приходили на помощь. В советское время все шло по плану: школа, институт, работа, а главное — уверенность в завтрашнем дне. Помимо хороших воспоминаний были и страшные, тяжелые, которые остались в памяти на всю жизнь.

В 2019 году исполнилось 30 лет со дня вывода наших войск из Афганистана. В 1979 году в СССР произошло событие, о котором нельзя забыть — Афганская война. Мама училась на первом курсе, когда началась война в Афганистане.

Афганистан — страна на южной границе СССР — была всего в 370 километрах от места учебы моей мамы. Несмотря на то, что было мирное время — война косвенно коснулась и ее. После окончания первого курса студенты проходили медицинскую практику как медицинские сестры. Маме предстояло пройти практику в госпитале, в городе Термез, на берегу реки Амударьи. На противоположном берегу начинался Афганистан. Две страны разделял лишь один мост.

По рассказам мамы, Термез — это древний город с множеством глинобитных зданий. Воспоминания тяжелые, ведь, по сути, ей было всего 17 лет. Она говорила, что когда изучаешь медицину по учебникам, то не представляешь, как тяжело и страшно бывает на практике. Ту летнюю практику мама уже никогда не забудет. Всего два месяца, повлиявшие на характер, дальнейшую жизнь и мировоззрение.

Несколько девочек-студенток, в том числе и моя мама, попавшие в тот госпиталь, хоть и не участвовали в боевых действиях, но в полной мере ощутили последствия этой войны. В госпиталь привозили очень много раненых солдат — их сверстников, в нем распределяли пострадавших по степени тяжести полученных травм. Моей маме приходилось оказывать помощь раненым солдатам во время перевязок и операций. Для неподготовленной психики это было очень тяжело и страшно, ведь эти ребята оставались без рук и без ног. Пули, применяемые душманами во время боевых действий, были со смещенным центром тяжести и превращали тело человека в «фарш». Такая пуля могла пройти все тело, войти через руку, а выйти через ногу.

Сначала от увиденного мама и другие студентки падали в обморок, просто «сползали по стенке». Военные врачи говорили: «Вы будущие офицеры медицинской службы и не имеете права жалеть и плакать. Ваша задача — помогать, поддерживать и поднимать боевой дух солдатам. Сострадание проявляется в деле, а не в слезах». Девочки выполняли приказы, изо всех сил держались днем, а ночью плакали в подушку от жалости и страха.

По мере прохождения практики все вставало на свои места, ездили в приграничную зону, забирали раненых солдат. Постепенно характер закалялся, вчерашние беззаботные дети научились многому. Они стали более уверенно и быстро выполнять свои обязанности. Поднимали настроение солдатам в палатах, старались успокоить и морально поддержать во время медицинских процедур. Солдатам, пережившим ужасы войны, надо было уделить внимание, посидеть рядом, просто поговорить. Возможно, именно эти события сделали мамин характер волевым и немного жестким.

После окончания института из этих студентов получились хорошие врачи, умеющие быстро принимать важные решения. У них нет отметок в военных билетах, нет боевых наград, но эту войну до сих пор моя мама вспоминает с трудом. Мама говорит: «Надо помнить тех, кто сотворил мир и дал нам возможность спокойно спать по ночам». Для меня мама — живой пример силы воли, характера.

В моей семье на протяжении многих поколений служили и служат своему Отечеству, выполняют свой долг, когда приходит время. Мне есть кем гордиться, а эту память я передам моим детям и внукам.

«УГНАННАЯ» ЮНОСТЬ

Понкратова Полина Алексеевна, 17 лет,
обучающаяся 2 курса ГПОУ ТО «Болоховский машиностроительный техникум»,
руководитель — Савина Светлана Викторовна,
Тульская область, г. Липки

Война… Сколько горя, боли в этом коротком слове! Идет семьдесят пятый год с того момента, как объявили о победе над фашистской Германией. Не только мы, наши родители, но даже бабушки и дедушки не были свидетелями всего того ужаса, который пришлось пережить советским людям за эти четыре военные года. Как вихрь промчалась война по нашей земле, искалечив судьбы всех, не пощадив никого. Кого-то война отправила на фронт, и им уже не дано было вернуться домой. Кто-то работал в колхозах, на заводах, помогал фронту как мог. Кому-то пришлось пережить немецкий плен, а потом еще и лагеря. Были и те, кому суждено стать «остарбайтерами» — рабочими с Востока. Кто эти люди? Как жилось им в Германии? Как встретили их на родной земле? Попробую разобраться во всем этом на примере судьбы Александры Михайловны Самаричевой.

Рассказ свой веду со слов старшего сына Александры Михайловны Дыкина Вячеслава Михайловича. Александра Михайловна ушла из жизни в 2013 году. Пока была жива, вспоминать о годах войны не хотела, да и нельзя было, даже дети ее узнали обо всем только в конце девяностых.

А. М. Самаричева

Самаричева Александра Михайловна родилась в 1928 году в Болховском районе Орловской области. В семье было четверо своих детей и один ребенок приемный. Обычная советская семья. Работали отец и мать, дети им помогали. Ничего особенного. И кто знает, как бы сложилась жизнь Шуры, ее братьев и сестер, но в окно постучалась война. Болховский район Орловской области был оккупирован фашистами около полутора лет, и ее родная Богдановка не была исключением. Сказать, что было страшно, — это ничего не сказать. Язык великих Г. Гейне, Т. Манна, В. Гете уже не казался Шуре таким прекрасным. Люди, говорящие на этом языке, несли смерть, насилие. Немецкие захватчики грабили мирное население, издевались над ним. Но самое страшное произошло в 1943 году, когда фашисты, осознавая, что властвовать на орловской земле им осталось недолго, стали усиленно угонять местное население на принудительные работы в Германию. Этих людей немцы называли «остарбайтерами» — восточными рабочими.

Александре всего пятнадцать лет. Дальше Болхова она никогда нигде не была. Что ждет ее на чужбине, вернется ли на родину?

Мчались с молодежью эшелоны
На чужбину рабского труда.
И с перрона, и в вагонах стоны,
Неизвестность, страхи и беда.

Работала Александра Михайловна в западной части Германии, где была сосредоточена основная промышленность Третьего рейха. Работать пришлось подсобным рабочим на оборонном заводе. Каково это было работать на государство, с которым воюет твоя страна, твои родственники, знакомые? Что чувствовала она, пятнадцатилетняя девочка? Разве об этом расскажешь? Разве найдутся слова, чтобы описать все страдания, перенесенные ею?

Александра, как и другие остарбайтеры, обязана была носить нашивку темно-голубого цвета с надписью «OST». Жили они в бараках, кормили так, чтобы возможно было эксплуатировать в самой большой степени при самых минимальных затратах. Фашисты просчитывали все. В Интернете я нашла выписку из одного немецкого циркуляра: «Взрослый остарбайтер или узник концлагеря приносит в год 1650 рейхсмарок чистой прибыли. В статью дохода, кроме собственно работ, включена также утилизация костей, волос и подкожного жира. Ребенок приносит около 1200 рейхсмарок, поскольку подкожного жира и волос имеет меньше, а на тяжелых работах живет не более полугода». Но несмотря ни на что, она выжила! Освободили их в 1945 году американцы. Освобожденным предлагали уехать жить в Америку. Но о какой Америке могла идти речь, когда почти каждую ночь снился родной дом!

Работа в рабстве тяжела,
Но верила ты очень страстно,
Наступит день, и вновь страна
Вернет своих девчат обратно!

А дома было не все так просто. Бывшие остарбайтеры никак не вписывались в официальную советскую память о войне: они не считались ни узниками фашизма, ни ветеранами. Мама предупреждала: «Молчи! Обо всем, что видела, что делала — молчи! А лучше бы тебе уехать».

Темно-голубую нашивку с надписью «OST» пришлось сменить на клеймо «Работала на врага». Что тут поделаешь? Такое было время. Считалось, что люди, оказавшиеся на территории Германии, — предатели. Мол, лучше бы их убили, как можно работать на Германию?

В чем же я виновата? За что со мной так? И тут же она находила ответ: «Так надо. Время сейчас такое тяжелое, пойди, разберись, кто свой, кто чужой!» И не обозлилась она, не очерствела душой, не потеряла веру в людей. Только и без того от природы тихая, скромная, стала как-то еще тише и покорней.

А уехать все же пришлось. Работала Александра Михайловна на торфяных разработках в Ленинградской области. Работа была тяжелой. Но разве ее этим испугаешь? От темна до темна простаивали в вязкой холодной жиже. Сильно кусали комары. От работы в воде болели ноги. Из всех орудий труда — лопаты и тачки. В теплые дни работали без выходных, чтобы больше добыть торфа. Приходилось не только добывать, но и грузить его в железнодорожные составы. Но согревала душу мысль о том, что работает-то она дома, на благо своей страны, что здесь начинает она новую жизнь.

Там Шура и познакомилась с Дыкиным Михаилом Михайловичем, своим будущим мужем. Фронтовик, высокий, крепкий, он как-то сразу взял шефство над худенькой беззащитной Шурой Самаричевой. Они поженились.

В начале пятидесятых отправились в Тульскую область, где открывались шахты, предоставлялось жилье. Поселились в Липках — молодом, строящемся городке. У Александры и Михаила родилось трое сыновей.

Семью нужно было кормить, и Шура устроилась работать на кирпичный завод садчицей. Поясню: садчик — это рабочий, который сырой кирпич возит в печь на обжиг. Я была на кирпичном заводе и хочу сказать, что не всем мужчинам по плечу работа там. А что уж говорить о женщинах! А Александра Михайловна проработала на кирпичном заводе двадцать пять лет!

Двадцать пять лет тепло своих рук отдавала кирпичу, наверное, по этой причине кирпичные дома теплее блочных. Ее сын, Вячеслав Дыкин, показал мне награды мамы. Всех и не перечислишь! Да и Александра Михайловна бы не одобрила, не любила хвастаться, никогда не развешивала напоказ грамоты, которых у нее, к слову сказать, больше двух десятков.

Скажу только, что за свой труд Дыкина Александра Михайловна была удостоена почетного звания Ветеран труда. На заводе до сих пор имеется Книга Почета, куда вместе с другими передовиками производства вписано и ее имя. Сейчас все награды бережно хранятся ее сыном, который показывает их внукам, чтобы помнили, чтобы гордились.

Вся жизнь Александры Михайловны — это труд и семья. Жили Дыкины не один год в квартире с подселением. Одну комнату занимала их семья, вторую — другая семья. И ничего, жили, работали, растили детей. Мне удалось поговорить с соседкой Александры Михайловны, которая сказала так: «Шура — порядочная женщина, она и муху-то, наверно, никогда не обидела, не то чтоб человека. Добрая была, всем старалась помочь. Память у нее была очень хорошая. Столько стихов наизусть знала! И никогда не жаловалась ни на судьбу, ни на мужа, ни на соседей. Умела ценить то, что имела!»

Сыновья узнали о том, что их мать в годы войны была вывезена в Германию, только в конце девяностых, в годы «перестройки». В 1992 г. правительство ФРГ приняло решение о выплатах за принудительный труд бывшим «восточным рабочим». 16 декабря 1994 г. Б. Н. Ельциным был подписан указ о реабилитации военнопленных и остарбайтеров. Казалось бы, справедливость восторжествовала. Но разве можно в денежном эквиваленте оценить искалеченную молодость, навсегда подорванное здоровье?! Да и даже когда об этом было разрешено говорить, Александра Михайловна все равно предпочитала молчать. Каждый раз, когда заводили разговор о войне, повторяла: «А другим разве легче было? Я была несовершеннолетней девчонкой, меня миновали сталинские лагеря. Есть те, кто больше меня пострадал».

Я перебираю пожелтевшие фотографии. Вот Александра Михайловна с мужем Михаилом и совсем еще маленькими сыновьями. Скромная, в платьице с белым вывязанным крючком воротником, вокруг головы — коса. А вот они втроем: Александра, Михаил и их первенец — Славик. Совсем еще молоденькие. Рассматриваю фотографии, а в голове стучит один и тот же вопрос: «Как ты, худенькая, бледнолицая девчонка, смогла все вынести на своих хрупких плечах, как смогла сберечь все самое лучшее, что свойственно женщине, матери? Где черпала ты силы? Как человечеству перед тобой загладить свою вину?» Ответа нет.

Но я прекрасно пониманию, что именно на таких людях и держится наша земля, они составляют тот стержень, который не дает возможность тьме побороть свет! Понимаю, что о таких людях нужно писать и писать, но, увы, многих уже нет с нами, приходится собирать все по крупицам. Но даже эти скупые воспоминания, думаю, будут полезны нам всем, чтобы помнили, чтобы берегли этот зыбкий мир, чтобы никогда не повторилась судьба пятнадцатилетней девочки, увезенной в далекую страну в качестве раба!

ПУТЬ К ВЕРЕ И НАУКЕ[1]

Нестерова Екатерина Игоревна, 25 лет,
выпускница Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова (2015),
лауреат премии Президента РФ
по поддержке талантливой молодежи (2015),
сотрудник Операционного центра Сбербанка,
г. Тула

Война оставила в сердцах многих людей глубокий след. Я хочу рассказать о влиянии войны на судьбы двух моих героинь, с которыми меня свела работа над книгой поколений «Мы помним...». Сегодня, к сожалению, их уже нет с нами, но остались воспоминания, которые дают нам урок.

Варвара Васильевна Булгакова

Великая Отечественная Война существенно отличалась от всех войн, которые вела Россия со времен принятия христианства: впервые за много веков воины шли на врага не под святыми образами и без молитвенных напутствий священников. История русских войн наполнена фактами о том, как солдаты молились перед боем, как привозили войскам чудотворные иконы, как великие святые благословляли военачальников на победу. И только в описании событий Великой Отечественной войны сложно найти подобное.

На полях Великой Отечественной войны не было полковых священников, не было молебнов перед боем, но родные и близкие молились за русских воинов, за их победу. Русская Православная Церковь в те страшные годы была, как и всегда, со своим народом. Да и сами участники и очевидцы войны в переломные моменты обращались к Богу «про себя».

Близкая родственница моих друзей Варвара Васильевна Булгакова была из очень религиозной семьи. Но истинно верить начала после пережитого в блокадном Ленинграде. Совсем юной девушкой после школы она поехала из Тулы в Ленинград поступать в институт...

Постоянно испытываемый голод, пробирающий до самых костей холод, смерти вокруг... Ей ничего не оставалось делать, как только верить. Верить в то, что она останется жива, что победа будет одержана русскими солдатами и она вернется домой.

В кажущихся безвыходных ситуациях, в моменты страха и отчаяния человек находит утешение в Вере. Варвара Васильевна верила, и это помогло ей выжить. Она благополучно эвакуировалась из блокадного Ленинграда и всю жизнь благодарила Бога за этот шанс — вернуться домой. Вера дала ей силы выстоять во времена тяжких испытаний, когда ни разум, ничто другое, кажется, не могло помочь человеку.

Варвара Васильевна всегда была человеком добрым и отзывчивым. Пережитое в блокадном Ленинграде оставило глубокий след в ее сердце. Ей удалось эвакуироваться, но многие остались там и не все смогли выжить. После войны многие блокадники остались инвалидами и нуждающимися в помощи. Варвара Васильевна стала заниматься общественной работой, помогала тем, кто пережил блокаду Ленинграда.

У каждого человека свой путь к Вере. Некоторым с детства пытаются привить любовь к Богу, но не всегда в юном возрасте можно осознать, что именно это означает. Взрослея, сталкиваясь с грехами, страстями, различными противоречивыми ситуациями, многие из нас по-другому начинают понимать слово «вера».

Святая Вера Варвары Васильевны передалась и ее родственникам. Она учила, как правильно молиться, жить в соответствии с заповедями, соблюдать основные каноны. Их путь к Вере начался именно с ее напутствий и первых молитв. Варвара Васильевна говорила, что Вера делает души людей добрыми и светлыми.

Я полагаю, что сегодня решающим фактором любого противостояния является не только количество и качество оружия, а прежде всего человек. Склонив головы перед великим подвигом советского народа, сокрушившего фашизм, нам нужно помнить и о бесценном вкладе в Великую Победу Русской Православной Церкви, которая помогала объединить людей силой духа в нелегкой борьбе против врага, вселяла надежду.

Наталья Борисовна Парикова

Другая героиня моего эссе, Наталья Борисовна, была атеистом.

Знакомство с ней оставило в моей душе большой след. Мы тесно общались на протяжении всех моих студенческих лет. Сначала я долго набирала для книги «Мы помним...» ее воспоминания[2], разбирала ее непростой почерк, вносила многочисленные изменения в тексте. Потом Наталья Борисовна показала самую большую для нее ценность — письма отца с фронта — и разрешила их сфотографировать. Так как в книге невозможно было представить все их богатое содержание, родилась идея сделать брошюру «35 писем из осажденного Севастополя» и открыть ею новый проект, молодежный, под названием «Послание из прошлого». Почему молодежный? Потому что расшифровывали и набирали тексты писем студенты научного кружка Л.И. Ростовцевой, иллюстрировали — школьники Бородинской СОШ Тульской области под руководством

---

[1] Продолжение. См.: *Нестерова Е.И.* Частичка души человека // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 2 / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2012. С. 252–257.

[2] См.: *Парикова Н.Б.* Папины письма из осажденного Севастополя // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2015. С. 430–439.

С. В. Бариновой. Во время работы с письмами так увлеклись и разволновались, что нам захотелось написать эссе и высказать в них свои мысли и чувства по поводу этих документов. Одним словом, создавала брошюру молодежь под руководством опытных наставников. Даже обложка и титул сделаны студенткой А. Мининой и участником Великой Отечественной войны, художником-шрифтистом М. П. Придоновым.

Постепенно наши отношения переросли из деловых в нечто большее — я уже не только с Людмилой Ивановной, но и с мамой и папой приходила иногда к Наталье Борисовне; она часто звонила нам. Одинокий человек... Ей приятно было общение со всеми нами, иногда нуждалась в какой-то помощи.

Она удивляла нас тем, что постоянно думала и говорила о своем учебнике русского языка для младших школьников, над которым она много лет работала. Издать его было ее мечтой. История древней Руси была также излюбленной темой ее разговоров.

С гордостью и большим уважением она рассказывала об учебе в аспирантуре Института русского языка Академии наук СССР, где под руководством члена-корреспондента Академии Наук СССР Р. И. Аванесова защитила кандидатскую диссертацию. Оживлялась, когда вспоминала о диалектологической экспедиции в начале пятидесятых, ведь вкус к науке и любовь к русскому слову привил научный руководитель. Она и сама стала серьезным ученым.

С благодарностью отзывалась о коллегах в ТГПУ им. Л. Н. Толстого, которые ее не забывали: Д. А. Романове, Н. А. Гаврилиной, Н. А. Красовской — которые издали ее монографию, навещали, поздравляли с праздниками. Я не знакома с ними лично, но слышала о них от Натальи Борисовны и видела их издания, посвященные ей к юбилеям.

Но военное детство постоянно обнаруживало себя — и в аналогиях при рассуждениях, и просто в воспоминаниях, и в мысли, которую она высказала несколько раз: «Не было бы войны, был бы жив папа, и жизнь моя сложилась бы по-другому». Войну она винила и в том, что не имела детей.

Я уже позднее поняла, почему Наталья Борисовна так дорожила письмами отца — в них он воспитывал ее и те человеческие качества, которые привели ее в науку и которые она передавала всю жизнь своим ученикам. Там сформулированы заветы для нее и всех нас.

Жаль только, что брошюра так и осталась в количестве 10 экземпляров, которые изданы на полученную мною премию Президента РФ по поддержке талантливой молодежи. Неоднократные попытки получить грант на распространение среди молодежи этой брошюры не увенчались пока успехом (хотя оценки всегда были высокие, но не хватало несколько баллов).

Я очень рада, что мне довелось в моей жизни встретить этих двух удивительных женщин, рассказать о них другим!

БЛОКАДНИЦА

Винник Ариадна Кимовна, 15 лет,
обучающаяся МБОУ Дубровской №1 СОШ
им. генерал-майора Никитина И.С.,
Брянская область, р. п. Дубровка

Е.А. Лукьянова

Екатерина Афанасьевна Лукьянова — большой друг нашей школы. Она родилась в ноябре 1929 года в красивом городе Ленинграде, который все называли культурной столицей страны. Семья жила дружно, но, говорят, счастье долгим не бывает: неожиданно умер отец. А потом пришла война...

Уже в конце августа 1941 года немецко-фашистские войска вышли на ближайшие подступы к Ленинграду. С 4 сентября противник начал варварский артиллерийский обстрел города и систематические налёты авиации. 8 сентября замкнулось кольцо блокады Ленинграда.

Очень тяжёлым было снабжение населения и войск продовольствием и водой. С 20 ноября 1941 года нормы на питание стали самые низкие: рабочие в день получали 250 граммов хлеба, сделанного из суррогата, а дети и служащие — по 125 граммов. Кусочек хлеба был так мал, что человек не ощущал его веса на руке.

В городе были и другие тяжёлые испытания: не работали водопровод, канализация, не было электричества, топлива, стоял транспорт. Истощённые голодом, обессилевшие ленинградцы жили в холодных квартирах с выбитыми стеклами, за водой ходили к Неве.

Счёт умерших от голода, холода, бомбёжек и артобстрелов ленинградцев шёл на сотни тысяч человек.

И всё же никакие муки и лишения не смогли сломить мужества и стойкости защитников Ленинграда, не смогли поколебать веры ленинградцев в победу над фашизмом. Город боролся.

Вместе со своим любимым городом выживала и, по мере сил, боролась и Катя. Участвовала в дежурствах на крышах домов: вместе со старшими товарищами тушила и сбрасывала вниз зажигательные бомбы врага. Пережила все ужасы первой блокадной зимы: авианалёты и артобстрелы фашистов, голод, холод, смерть близких. В лютый холод ходила за водой к проруби на Неве, стояла в длинных очередях для того, чтобы отоварить продуктовые карточки. Однажды хлебную карточку у девочки украли. Как пережили месяц, одному богу известно. До сих пор для Екатерины Афанасьевны это самое страшное воспоминание.

Мать Екатерины, Анастасия Иосифовна, работала на военном заводе. Она умерла от голода в январе 1942 года. Двенадцатилетняя девочка осталась в осаждённом городе совершенно одна. Помогли соседи, которые поместили её в детский дом. А оттуда по единственной транспортной магистрали, связывающей город с Большой землёй, — «Дороге жизни», проходившей по Ладожскому озеру, — девочку переправили в детский дом в Ярославской области.

Здесь не было авианалётов, бомбёжек, что поначалу казалось невероятным. Блокадных детей старались окружить заботой и вниманием, подкармливали, но жизнь в детском доме доброй сказкой отнюдь не была.

После снятия блокады Ленинграда Екатерина вернулась в родной город, окончила педагогическое училище, получила специальность учителя русского языка и литературы. Преподавала русскую словесность в Читинской области. Долгие годы работала директором школы-интерната. Потом переехала на Брянщину. Сейчас живёт в посёлке Дубровка в небольшой квартирке в первом микрорайоне.

Екатерина Афанасьевна Лукьянова имеет знак «Жителю блокадного Ленинграда», дающий ей статус ветерана Великой Отечественной войны, награждена медалями. Часто встречается с молодёжью, передавая ей свой богатый жизненный опыт.

Одна из таких встреч и побудила меня написать стихотворение о блокаде...

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА

Шёл сорок первый в Ленинграде.
Кругом разруха, боль и страх.
И в этот страшный год в блокаде
Застыли слёзы на глазах.

Летят гранаты, бомбы рвутся,
Кругом руины, смерть и кровь.
Но ленинградцы не сдаются,
Идут в атаку вновь и вновь.

У города в три миллиона
На выживанье шансов нет.
Но люди держат оборону,
Фашистам нанося ответ.

Сирены звук всем режет уши,
В укрытие зовёт людей.
Они устали это слушать,
И мамы жмут к себе детей.

Нет хлеба, нет воды и света,
Мороз до минус тридцати.
Со страхом ждут они рассвета:
Как бы из жизни не уйти.

Но смерть по улицам шагает,
Прохожим смотрит вслед она,
Блокадным бедам помогая,
Уносит жизни в никуда.

И сожжена вся мебель в доме,
И книги тоже сожжены.
А дети все в голодной коме,
И души мам истерзаны.

Стоят дома и выбиты все стекла,
В них холодно, и жизни нет,
И не согреть детей в лохмотьях,
И на плите не варится обед.

И мать дрожащими руками,
Краюшку хлеба в 200 грамм,
Даёт ребенку со слезами,
Шепча: «ещё чуть вечером отдам».

Нелёгкая судьба у Ленинграда.
Жизнь превратила в мумии людей.
А страшная фашистская осада,
Растянута была на 9 сотен дней.

С трудом блокаду, но прорвали!
Врага отбросили назад!
Сбылось всё то, о чём мечтали:
Свободным стал наш Ленинград!

Прошло немало лет с той даты.
Но Питер эту дату чтит.
И каждый год в день снятия блокады,
Над городом салют гремит.

В честь каждого погибшего в те годы
Гремит салют, мы чествуем и помним всех.
Отдали жизнь свою, но вырвали свободу.
Мы чтим их подвиг, празднуем успех.

2018 г.

Выпускники нашей школы, защищавшие Ленинград

Старший лейтенант **Борис Абрамович Левитин**, 1921 г.р., командир артиллерийской батареи. Погиб в бою 16 ноября 1943 года на Ленинградском фронте. Последнее письмо домой он написал 14 ноября 1943 года, за два дня до своей гибели. Как всегда, краткое, но тёплое: «Здравствуйте, дорогие! Сообщаю, что я жив и здоров… Пишите, как вы там? Как здоровье мамы? Обо мне не беспокойтесь. Не так уж много осталось до нашей окончательной победы. А тогда непременно встретимся. Держитесь там, а мы здесь. Будьте здоровы. Целую крепко. Ваш сын и брат Борис».

Капитан **Пётр Игнатьевич Новиков**, командир батареи 113-го стрелкового полка, принимал активное участие в обороне Ленинграда, был тяжело ранен, участвовал в прорыве блокады города, в освобождении Прибалтики. Погиб в бою близ Клайпеды 29 января 1945 года. Был представлен к званию Героя Советского Союза (посмертно).

Гвардии капитан **Иван Ильич Никулин**, был командиром артиллерийской роты. В боях под городом на Неве получил тяжёлое ранение. Награждён 5 боевыми орденами.

Наш бывший завуч гвардии сержант **Василий Ефимович Родиков**, радист 15-й артиллерийской дивизии армии прорыва РГК, участвовал в снятии блокады Ленинграда, освобождении Прибалтики, Польши.

Гвардии полковник **Алексей Александрович Гайдуков,** в составе Волховского фронта защищал Ленинград 793 дня.

Рядовой **Иван Алексеевич Власов,** прошёл дорогами войны в составе Волховского, Карельского, Ленинградского фронтов.

ЧАСТЬ 3

Глава 15. ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА

МИРНЫЕ ДНИ

Крамаренко Сергей Макарович
(10.04.1923–21.05.2020)

Из-за пандемии коронавируса презентация этой книги не состоялась 5 мая 2020 г., как было запланировано. А 21 мая не стало Сергея Макаровича Крамаренко, Героя Советского Союза, генерал-майора авиации, одного из первых асов реактивной эры, участника двух войн: Великой Отечественной 1941–1945 гг. и войны в Корее 1950–1953 гг. Его воспоминания публиковались в двух книгах поколений «Мы помним...»[1].

Подробно свой боевой и жизненный путь Сергей Макарович описал в книге «Против «мессеров» и «сейбров». В небе двух войн» (М.: ЭКСМО, 2014). Уходят Герои, но остаются Слово и Память...

* * *

После войны в Корее Штаб нашей 324-й дивизии разместился в городе Калуге, где были вполне благоприятные условия для жизни. Второму полку дивизии (196-му иап) повезло больше, чем нам: ему достался военный городок и аэродром севернее Малоярославца, почти в дачной зоне Москвы. Так как я и раньше подавал заявления о направлении меня на учебу в Военно-воздушную академию, то сразу после обустройства написал и отнес командиру полка мое заявление. Вишняков не стал возражать и, подписав заявление, передал его в дивизию, а пока отправил меня в отпуск. По возвращении из отпуска я и узнал, что командование Московского Округа ПВО, в который теперь вошла наша дивизия, направляет меня на учебу в Военно-воздушную академию на ст. Монино.

С.М. Крамаренко

Вскоре из Академии пришел вызов для сдачи экзаменов. Но, приехав туда и разместившись

---

[1] См.: *Крамаренко С.М.* Небо зовет // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. С. 272–283; *Крамаренко С.М.* От Дня Победы до Корейской войны // Мы помним... (2017). С. 142–151.

в большой комнате на третьем этаже четырехэтажного здания, я узнал, что меня, как окончившего среднюю школу на «отлично», зачислили в Академию без экзаменов. В комнате нас было человек восемь: я подружился со многими из них и помогал им готовиться к экзаменам. Но конкурс был небольшой, и все мои товарищи успешно сдали экзамены и были приняты. Так мы стали 28-м приемом Командного факультета.

Занятия, как и положено, начались 1 сентября. Проходили они 6 дней в неделю по 6 часов. Новым было только изучение секретных дисциплин: в первую очередь тактики — как ВВС, так и других родов войск. Изучался в основном опыт боевых действий авиации в годы Великой Отечественной войны: опыт, который испытали на себе наши учителя. Изучение же опыта боев на современных реактивных самолетах не производилось. Новое прививалось с трудом.

Из других занятий мне особенно запомнились аэродинамика, воздушная стрельба и прочие авиационные науки. К сожалению, многое из того, что было нужно нам как авиационным командирам, воспитателям летчиков, в Академии не изучалось. В первую очередь не изучалась такая наука, как психология. Как подойти к человеку, как подготовить его к выполнению боевого задания, иногда смертельно опасного? Как сделать, чтобы наши летчики всегда побеждали? В годы войны это достигалось воспитанием летчиков в боевых коллективах.

Малейшие проявления трусости, попытки уклониться от выполнения боевых заданий сразу становились явными и немедленно разбирались со всеми летчиками. В дальнейшем такие летчики брались под особый контроль и или исправлялись, превозмогали себя и начинали хорошо воевать, или продолжали уклоняться от боя по всевозможным причинам — и тогда их или направляли в штрафные роты, или «жалели» и переводили в тыловые части.

В марте мы узнали о болезни Сталина, а затем и о его смерти. Я искренне скорбел, и все, кого я знал, были так же потрясены смертью Вождя. Ведь даже противники Сталина признавали его величайшую роль в преобразовании страны из отсталой сельскохозяйственной в могучую индустриальную и особенно в мобилизации всех сил страны и разгром фашистской Германии и милитаристской Японии. Массы народа, москвичей, хотели пройти мимо его гроба, стоящего в Колонном зале. Но поскольку люди шли по улицам широкой толпой, а в Колонный зал входили маленькой струйкой, то постепенно на улицах образовалось огромное скопление людей. К несчастью, на спуске к Трубной площади началась давка. Многие в этой давке падали и погибали… Сам я в этот момент, приехав из Монино, стоял несколько часов у метро «Кировская». Так и не продвинувшись, я решил пойти обходными путями и через несколько часов все-таки попал в Колонный зал, чтобы попрощаться со Сталиным. Все увиденное было и торжественно, и печально…

На другой день уже в 7 часов утра мы стояли на Болотной площади. Был сильный мороз, и холод пронизывал нас, в наших шинелях и ботинках. В 9 часов мы уже были на Красной площади и стояли справа, почти у угла Мавзолея, поэтому все происходило перед нами как на ладони. Мы стояли уже довольно долго и успели порядком замерзнуть, когда показалась похоронная процессия. Впереди медленно двигался катафалк, на котором стоял гроб. Сзади шли члены Политбюро и правительства вместе с родственниками. Запомнилось, что все шли молча, со скорбным выражением лиц, лишь Светлана переговаривалась о чем-то с шедшей рядом подругой.

Начался траурный митинг. Все выступающие говорили об огромной утрате, клялись продолжить дело Ленина — Сталина. Затем тело Сталина стали вносить в Мавзолей. Грянули артиллерийские залпы, и вот последние почести — прохождение по Красной площади парадных колонн Московского гарнизона и военных академий. Сначала мы шли, не чувствуя ног — так они замерзли. Но понемногу ноги отошли, и от Исторического музея мы шли уже полным парадным шагом. Это была наша последняя почесть Вождю, сделавшему советскую страну великой.

Мы провели в Академии три года. К моменту окончания Академии к нам приехали представители управления кадров ВВС и ПВО. По одному мы заходили в комнату, в которой сидел за столом полковник в летных погонах, перед ним лежали наши дела. Полковник спросил меня:

— Какие есть желания?

Я ответил:

— Хочу летать. Хотел бы вернуться в свою дивизию, в Калугу.

Полковник улыбнулся:

— Конечно, к своим всегда хочется, но там сейчас места для вас нет. Мы думаем назначить вас заместителем командира полка. Не хотите поехать в Андижан? Прекрасное место, цветущая долина.

Но меня это не устраивало, и я сказал:

— Большое спасибо, но хотелось бы где-то поближе.

Полковник смилостивился:

— Ну ладно, учитывая, что вы Герой Советского Союза, поедете в Белоруссию, в Мачулищи заместителем командира полка — там нужен боевой летчик. Прекрасное место.

После этого полковник закрыл личное дело, показывая, что разговор окончен — решение окончательное. Мне осталось только поблагодарить его и уйти.

По долгу службы мне приходилось жить и работать в Белоруссии, Грузии, Сибири… В середине 60-х годов организовывалась Служба безопасности полетов ВВС. Это была новая служба в Вооруженных силах, и ее срочно нужно было укомплектовывать кадрами. Когда я подал рапорт о переводе, начальник Службы безопасности полетов вызвал меня на бесе-

ду. Поговорив со мной, он сказал, что может предложить мне должность старшего летчика-инспектора. Осенью 1966 года я переехал в Москву.

Прибыв в Москву, мы вчетвером, с женой и двумя детьми, разместились в небольшой однокомнатной квартире ее родителей. Моя мать уехала к моему младшему брату в Черняховск, где он был летчиком бомбардировочного полка (в 1968 году он разбился в Германии на бомбардировщике Ил-28). Жить вшестером в двадцатиметровой комнате было тяжело, но это не смущало нас.

Дела на работе шли хорошо. Начальником Службы безопасности полетов ВВС был генерал-лейтенант Борис Николаевич Еремин. По характеру это был очень спокойный, рассудительный и, что было очень важно для такой должности, чрезвычайно принципиальный человек.

Меня определили в первый отдел, отдел учета и анализа летных происшествий. Начальником отдела был опытнейший летчик и прекрасный офицер Василий Васильевич Ефремов. Он начал с того, что дал мне для изучения кипу приказов. После того как я прочитал их, он вручил мне акт расследования летного происшествия и дал задание: написать директиву в авиационные части с описанием летного происшествия, выявлением его причин, указаниями по предотвращению подобных происшествий в дальнейшем и мерами по наказанию виновных. Когда через день, прочитав несколько аналогичных директив и приказов, я представил ему свой проект директивы, он прочитал ее, исправил несколько пунктов, усилил наказание виновных и сказал: «Ну вот, первый блин получился!»

3–4 раза в год приходилось выезжать на расследование летных происшествий. В это время еще не на всех самолетах устанавливались регистраторы параметров полета (так называемые «черные ящики»), а устанавливаемые регистрировали на бумажной ленте только скорость и высоту полета, что было явно недостаточно для выяснения причин происшествия.

Участвуя в расследовании летных происшествий и изучая акты расследования других происшествий, я понемногу набирался опыта. Оказалось, что расследование — это сложнейшее дело, буквально целая наука: здесь необходимы знания психологии летчиков, конструкции самолетов, двигателей, приборов, метеорологии. Необходимо хорошо знать инструкции по технике пилотирования и эксплуатации самолетов. В общем, инспектор Службы должен быть универсалом, специалистом во всех вопросах расследования.

Обычно при расследовании мне приходилось тщательно отбирать то, что могло способствовать установлению истинной причины происшествия. При этом мне иногда приходилось выступать против мнения части комиссии. Так, при расследовании катастрофы самолета МиГ-17, разбившегося на выводе из пикирования после стрельбы по наземным целям, пришлось рассчитывать всю траекторию вывода, на основании которой и удалось доказать, что вывод из пикирования начался на недопустимо малой высоте. Председатель и некоторые члены комиссии долго не соглашались с этим, пытаясь выставить причиной катастрофы заклинивание управления посторонним предметом. Но так как рули высоты самолета были полностью отклонены на вывод, то эту версию легко удалось отбить. В конце концов комиссия сделала заключение, что причиной является ошибка летчика, поздно начавшего выводить самолет из пикирования.

Интересно, что через несколько лет я случайно встретил летчика из этого полка. В разговоре он неожиданно коснулся этого летного происшествия и буквально огорошил меня, сказав:

— А знаете, товарищ полковник, в чем причина той катастрофы? Мой друг поспорил с нашими летчиками, что он даст две очереди по мишеням и скажет нам, куда легли снаряды, — и добавил: — Я до сих пор ругаю себя, что не отговорил его от этой дурацкой затеи…

Да, в авиации бывает все — и чтобы успешно летать, нужно иметь холодную голову и стальные нервы!

Вскоре судьба вновь бросила меня в далекую страну с весьма почетной и сложной миссией — я стал советником командующего ВВС Ирака по безопасности полетов. В Ираке я провел год, наполненный различными событиями. Иракское командование было довольно моей работой и направило шифровку начальнику штаба ВВС маршалу Силантьеву с просьбой поощрить меня за успешную работу по снижению аварийности в иракских ВВС. Жаль было расставаться с иракскими офицерами, со многими из которых были установлены самые хорошие отношения, жаль было покидать прекрасный город Багдад с его величественными башнями, мечетями и минаретами.

После командировки в Ирак мне предложили должность старшего офицера в аппарате главного военного советника в Алжире. Я согласился. В Алжире мы с женой провели два года, была проделана большая, но в общем незаметная работа по руководству и обеспечению советских военных специалистов, которые очищали огромную территорию от мин, установленных французской армией во время боевых действий. Но какая разница с Ираком! Там советский военный советник — товарищ и друг. В любой военной части любой иракский командир будет радушно встречать советского советника и сразу будут устанавливаться самые приятные, чуть ли не приятельские отношения. Здесь же отношения несколько настороженные. Тяжелые утраты, понесенные алжирцами в длительной борьбе за независимость, заставляют их неприязненно относиться к европейцам, людям другой расы, куда, видимо, они причисляли и нас.

Последние прощальные слова и объятия, знакомый аэропорт… Под нами зеленые рощи, потом бескрайняя синь моря. Прощай, Алжир!

О КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЕ И УВОЛЬНЕНИИ ИЗ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ[1]

Кульпов Николай Иванович, 96 лет,
подполковник в отставке,
командир эскадрильи авиаполка «Нормандия-Неман» (1952–1960),
кавалер двух орденов Отечественной войны,
орденов Красной Звезды и Красного Знамени,
кавалер французского ордена Почетного легиона,
Почетный гражданин Тульской области,
г. Тула

Н.И. Кульпов на презентации четвертой книги поколений «Мы помним...» в Тульском государственном музее оружия, 5 мая 2017 г.

После окончания Великой Отечественной войны наш 206-й корректировочно-разведывательный Кёнигсбергский авиационный полк базировался в Калининградской области (как потом стала называться эта территория с 1947 года). В ходе реорганизации был осуществлен переход на штаты мирного времени — столько штурмовых полков на ИЛах, как в годы войны, было не нужно. Нас расформировали, а летчиков и технический состав распределили в авиационные части бомбардировочной, истребительной авиации. Так я стал истребителем, летал сначала на самолетах ЛА-7, ЛА-9, ЛА-11 (Лавочкиных), а затем на ЯКах (самолетах Яковлева) в легендарном полку «Нормандия-Неман».

Сначала базировались в Белоруссии, потом — в Московском военном округе. Наш полк в числе первых освоил реактивные самолеты, и я все-таки пролетел на ЯК-15 над Красной площадью в 1948 году на Первомайском параде (ведь на параде Победы 24 июня 1945 года не удалось — как известно, из-за плохой погоды воздушная часть парада была отменена). Во время службы осваивал и другие, более современные самолеты.

В июле 1950 года наш 18-й гвардейский истребительный авиационный полк (18 гв. иап — *Н.К.*) был передислоцирован на Дальний Восток, под г. Уссурийск, на аэродром Воздвиженка. Возник очаг напряженности на Корейском полуострове. Советский Союз тогда формально не участвовал в войне, но активно помогал техникой и вооружением Северной Корее и выступившему на ее стороне Китаю. На советских летчиков была возложена задача по прикрытию важнейших объектов Северной Кореи и КНДР.

Мы жили сначала в палатках, без семей. По прибытию эшелонов с самолетами продолжили совершенствовать свое мастерство в технике пилотирования на МиГ-15. В сентябре, когда приехали наши семьи, поселились в военном городке «Западный». А весной следующего года был китайский город Мукден и аэродром Андунь, где базировалось соединение генерала Кожедуба.

Наш 18 гв. иап в начале июня первым приступил к боевому дежурству и стал вылетать на перехват американских самолетов, как правило всей второй эскадрильей. Иногда в день приходилось по три вылета; от напряжения в последнем вылете голова плохо держалась в вертикальном положении.

Вели воздушные бои. За 10 месяцев мне пришлось однажды катапультироваться, но и я лично сбил один F-8h и подбил бомбардировщик B-29.

В 1952 году я стал командиром эскадрильи в 18 гв. иап «Нормандия-Неман».

За годы службы судьба свела меня с двумя Героями Советского Союза:

В Корее моим ведущим был Василий Георгиевич Серегин. В 2019 году в Ломинцевской школе № 22, которая носит его имя, французский военный атташе вручил мне и Борису Цудикову орден Почетного Легиона — высшую награду Франции.

В Китае заместителем командира авиаэскадрильи в дивизии Кожедуба был Сергей Макарович Крамаренко. Он дважды был сбит: один раз в 1942 году, в другой раз — в Корее. И дважды ему повезло — когда был освобожден из плена Красной Армией и когда американский истребитель промахнулся, стреляя по спускавшемуся на парашюте летчику (но он рассчитался — сбил 13 американских самолетов). Герой Советского Союза Крамаренко С.М. окончил академию ВВС, стал командиром 523-го полка, а я в этом полку был командиром эскадрильи. У меня сохранилось фото с ним, сделанное значительно позднее.

В 1960 году Н.С. Хрущев начал сокращать Вооруженные Силы, особенно ВВС. Он оправдывал это тем, что у нас теперь есть ракеты. Я попал под сокращение — командир авиа-эскадрильи с большим опытом, в том числе и боевым, в 41 год стал не нужен. Правда, максимальную пенсию 200 рублей я получил.

Переехал в Тулу. Имел намерение перейти на летную работу в гражданский воздушный флот, но мне отказали. Пришлось устраиваться на завод, в механический цех нормировщиком с перспективой на по-

---

[1] Продолжение. См. *Кульпов Н.И.* Два курьезных случая // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч.1 /Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. С. 292–295; *Кульпов Н.И.* Любовь с первого взгляда // Мы помним... Сразу после войны (2017). С. 168–172.

вышение — в будущем стать начальником цеха. Проработав два года, я уволился, т. к. на освободившееся место прислали специалиста из обкома КПСС.

Перешел на работу в Тульский автомеханический техникум транспортного строительства, где более 10 лет преподавал начальную военную подготовку, двигатели внутреннего сгорания. Эта работа мне нравилась, я находил в ней удовлетворение и тем более от того, что учащиеся получали навыки и знания по военным дисциплинам, необходимые Защитнику Отечества.

Несколько моих студентов после окончания техникума поступили в высшие военные училища и стали офицерами, двое дослужились до звания генерала.

Работал также на заводе «Газстройдеталь» инженером, на общественном пункте охраны порядка в Скуратовском микрорайоне.

В 1970-е и особенно в 1980-е годы, когда руководителем государства стал Горбачев, много внимания уделялось борьбе с пьянством и алкоголизмом. Для борьбы с этим злом создавались лечебно-трудовые профилактории (ЛТП). Клиентов этого заведения лечили принудительно от 6 месяцев до 2 лет. Конечно, условия пребывания там были достаточно жесткие, но эти заведения многим помогли вылечиться, вернуться к нормальной жизни. Попасть в ЛТП было большим позором. В целом же они помогли остановить безудержное пьянство и алкоголизм в стране.

Мне, как председателю Общественного совета микрорайона, предоставлялось право направлять на лечение в ЛТП по жалобе близких родственников или общественности. Надо сказать, мой авторитет в микрорайоне был очень высок. Ко мне часто обращались жены таких «гуляк»: «Николай Иванович, поговорите с моим... Помогите...».

По поводу всех правонарушений и непорядка на поселках микрорайона обращались ко мне и как к депутату.

Теплые воспоминания вызывает Добровольная народная дружина (ДНД). Это был хороший институт охраны порядка, его многие вспоминают сегодня. Все организации микрорайона ежедневно по графику выделяли сотрудников в добровольную дружину. Те приходили на общественный пункт охраны порядка, получали повязки и выходили на патрулирование по улицам, в торговые места. Дружинники посещали также жителей, состоящих на учете и склонных к правонарушениям, в том числе и подростков, ходили и по жалобам жителей. Дежурство никогда не срывалось, так как за участие в нем к очередному отпуску добавляли три дня. К тому же, это была возможность погулять на свежем воздухе, пообщаться с коллегами, помочь кому-то.

Бывали и разные курьезные случаи. Так, однажды на поселке Первомайском молодой человек из Плавска выбил стекла вместе с рамами. Я направил туда пять дружинников. Тогда мобильных телефонов не

было и я поехал на своих «Жигулях» выяснить, почему они так долго задержались. Оказалось, виновник отказывался идти в пункт ДНД, так бурно себя вел, что его связали. Что делать? Пришлось проявить хитрость и его припугнуть. Говорю дружинникам: «Привязать его к бамперу моих «Жигулей», раз он не хочет идти сам...». Те сначала растерялись, а потом поняли мой розыгрыш и начали привязывать. Тогда только хулиган испугался и пошел сам.

Также вспоминается созданный мною подростковый клуб, в котором успешно работали кружки художественной самодеятельности, автомотокружки, шахматный и др., которыми руководили оплачиваемые профкомом завода «Газстройдеталь» специалисты. По содержанию работы и достижениям наш общественный пункт в городе был лучшим. Для обмена опытом работы к нам приезжали коллеги из других районов города и области, даже из ГДР и Чехословакии.

В 68 средней школе успешно работал (и до сих пор работает) поисковый кружок учащихся старших классов. С его помощью были установлены имена многих погибших в годы войны солдат и офицеров, захороненных на поселке Первомайском, мы долго поддерживали связь с их близкими.

Сегодняшней молодежи желаю, во-первых, дружить со спортом и физкультурой, чтобы быть здоровым (я был кандидатом в мастера спорта по лыжам, имел первый разряд по прыжкам с парашютом), во-вторых, стремиться к знаниям, ведь современная жизнь требует постоянной учебы, в-третьих, любить свое Отечество, людей, семью, уважать старших. В этом счастье!

А еще — не завидуйте и не унывайте, относитесь ко всему с юмором и улыбкой, не забывайте, что движение — жизнь. В этом секрет долголетия.

Н.И. Кульпов и С.М. Крамаренко (слева второй и третий)

ПОСЛЕ ВОЙНЫ[1]

Пронин Василий Гаврилович, 95 лет,
первый заместитель председателя Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов Юго-Восточного административного округа г. Москвы, председатель Совета ветеранов 11(16) гвардейской Армии, в которой воевал во время войны, Почетный житель МО «Текстильщики», г. Москва

Я родился в семье военнослужащего 25 февраля 1925 г. в Рязанской области, с. Спешнево. Когда мне было 5 лет, семья переехала в Тулу в связи с переводом отца, Гавриила Ксенофонтовича, на новую работу. Долгое время он руководил Кировским отделом милиции Пролетарского района Тулы, а в 1941 г. принимал непосредственное участие в обороне города.

Я встретил войну учеником 9 класса. В октябре 1941 года фашистские войска подходили к Туле. Жители города, в том числе и комсомольцы, принимали активное участие в создании оборонительных рубежей в пригороде: рыли противотанковые рвы, траншеи и окопы, устанавливали противотанковые «ежи». На южном участке обороны города, в районе Платоновского леса возводили сооружения, в Мясново рыли рвы. Я был тогда секретарем комсомольской организации школы и членом горкома комсомола, принимал непосредственное участие в сооружении оборонительных объектов города.

В 1942 году был мобилизован в ряды Красной Армии. Воевал в роте автоматчиков, а затем в разведке на Западном и Брянском фронтах. Однажды брали «языка» и «засветились». Пришлось тащить на себе и раненых товарищей, и плененного фашиста, который оказался ценным «приобретением»: с его помощью нашим войскам удалось успешно завершить ответственную операцию. За «языка» орденом «Боевого Красного Знамени» меня награждал сам Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин в Кремле в 1944 г.

В 1943 году участвовал в ряде кровопролитных боев, в т. ч. и на Курской дуге. Тогда погиб командир роты. И мне, комсоргу, пришлось поднимать роту в атаку. За те действия я был награжден медалью «За отвагу».

В 1944 году при форсировании реки Десны был тяжело ранен. Мне грозила полная неподвижность. В теле сидело 13 осколков от пуль.

Пришлось проявить упорство и наперекор судьбе заняться излечением. Однажды в газете я прочитал статью о товарище по несчастью — инвалиде войны, который, как и я, был ранен в позвоночник, но вылечился благодаря занятиям физкультурой. Я разыскал его, расспросил и разработал свой комплекс упражнений и собственный тренажер. После упорных тренировок снова стал кататься на лыжах и даже добился успехов в этом виде спорта. На то, чтобы встать на ноги, ушло два года.

В 1948 году окончил Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, а после этого 40 лет отработал в Центральном статистическом управлении при Совете Министров СССР, пройдя путь от рядового экономиста до начальника Главного управления, затем и Управляющего делами ЦСУ Союзного Совмина.

Занимался развитием вычислительной сети органов государственной статистики. Под моим руководством и при непосредственном участии решались организационные и технические вопросы внедрения вычислительной техники в статистическую практику, осуществлялась научная и проектная разработка, создание и ввод в эксплуатацию Автоматизированной системы государственной статистики. За это был отмечен двумя Золотыми медалями ВДНХ СССР. При этом неоднократно избирался в районные Советы народных депутатов города Москвы, был членом Исполкома Бауманского района столицы.

Много занимаюсь патриотическим воспитанием молодежи до сих пор: координирую 164 общеобразовательные школы, где находятся 134 музея Боевой Славы, еще 10 музеев Памяти — в других образовательных учреждениях. В мои основные обязанности входит обеспечение их соответствующей литературой, напоминание районным Советам ветеранов о предстоящих мероприятиях, посещение церемоний открытия новых школьных музеев и многое другое.

Уже в послевоенное время был награжден орденами «Отечественной войны» I степени, «Трудового Красного Знамени», «Знаком Почёта» (дважды), медалью «За Отвагу» и 30 другими медалями. Московским городским Советом ветеранов удостоен звания «Почётный ветеран».

Недавно Губернатор Тульской области Алексей Геннадьевич Дюмин вручил мне серебряную медаль «За особый вклад в развитие Тульской области», высоко отметив мою деятельность по поддержке ветеранского движения и военно-патриотическому воспитанию молодёжи. Мне было приятно, что на малой родине меня не забывают.

Губернатор Тульской области А.Г. Дюмин поздравляет с наградой Василия Гавриловича Пронина

[1] Продолжение. См.: *Пронин В.Г.* Из пятнадцати вернулся один // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч.1 / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. С. 295–298.

ВОСПОМИНАНИЯ РАКЕТЧИКА[1]

Плешаков Иван Давыдович, 83 года,
полковник в отставке,
г. Тула

Полковник
И.Д. Плешаков

В свою взрослую самостоятельную жизнь я вступил в судьбоносном 1953 году. В этот год умер И. В. Сталин, и политическое руководство в стране перешло к новым лидерам — это были Н. С. Хрущев, Г. М. Маленков и другие. Произошли существенные изменения в нашей внутренней политике, которые повлияли на улучшение материального положения всего советского народа.

Но на международной арене сохранялась острая напряженность. Западные державы во главе с США создали агрессивный военный блок НАТО, систематически развязывали военные конфликты в различных точках земного шара. Это требовало от Советского Союза постоянно уделять большое внимание обороне страны, укреплению Вооруженных Сил. Всё население, и прежде всего молодежь, воспитывалось в духе готовности к защите Родины. Вот почему мой выбор военного училища для своей дальнейшей учебы был не случаен.

По совету нашего районного военкома я избрал Сумское артиллерийское училище — одно из старейших военных заведений, готовящее высококвалифицированные офицерские кадры для Вооруженных Сил СССР. В сентябре 1953 года я успешно сдал вступительные экзамены, а уже 5 декабря, в День Сталинской Конституции, принял военную присягу. С той поры в течение 35 лет проходил службу в Советской Армии. И в дальнейшем на различных этапах жизни страны я выполнял задачи по укреплению её обороноспособности.

После окончания училища в 1956 году был направлен в артиллерийский полк в город Белая Церковь Киевской области. Командуя взводом, совершенствовал боевую выучку солдат, сержантов и офицеров, одновременно перенимал опыт старших товарищей, в первую очередь фронтовиков. С большой благодарностью вспоминаю их постоянную поддержку меня, совсем молодого офицера. Это подполковник И. А. Ушаков, капитан Щербина А. С., старший лейтенант Панин И. С.

[1] Продолжение. Начало см.: *Плешаков И.Д.* Военное детство на Луганщине // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. С. 473–480; *Плешаков И.Д.* Первые послевоенные годы в моей жизни // Мы помним... Сразу после войны. (2017). С. 233–242.

Выступает
Иван Давыдович
Плешаков

В конце 50-х — начале 60-х годов обстановка в мире потребовала новых качественных изменений в Вооруженных Силах. В войска поступают ракетные боевые комплексы, соответственно, создаются ракетные дивизионы и бригады. Группа наших офицеров, в том числе и я, были отобраны для формирования бригады оперативно-тактических ракет в соседнем военном городке (7-я площадка). Мы получали новую, совершенно для нас незнакомую боевую технику, изучали её, приводили в боеготовное положение. Одновременно поступал и личный состав, как из учебных центров, так и по призыву. Всех их распределяли по подразделениям и включали в боевые расчеты. Оперативно мы приступали к освоению своих штатных обязанностей.

Необходимо особо отметить, что наши воины с большим усердием и гордостью выполняли возложенные на них ответственные задачи. Это было время Юрия Гагарина; его полет в космос воодушевил всех наших солдат, сержантов, офицеров. Мы считали себя причастными к этому знаменательному событию, ведь мы были ракетчиками.

За короткие сроки все стартовые батареи бригады получили допуск к выполнению боевых задач. Необходимо было провести учебно-боевые пуски ракет на практике. С этой целью нам поступил приказ Министра Обороны СССР: отправиться на Государственный полигон Капустин Яр за Волгу, провести учения и в условиях, максимально приближенных к боевым, произвести эти пуски. Перевозка на полигон осуществлялась железнодорожным транспортом, а если учесть, что вся наша ракетная техника была крупногабаритной, то можно легко представить, насколько сложной была погрузка и выгрузка этой техники на платформы, крепление её и укрытие огромными тентами. Тем более, что в пути следования к нашим эшелонам посторонние лица проявляли повышенный интерес.

После длительных учений и многокилометровых маршей мы сосредоточились на одной из площадок в степи. Разместились в палатках и приступили к подготовке техники к пускам. На полигоне существовала особая контрольная группа, которая проверяла как наши знания, так и практические навыки работы на технике. Развернулось социалистическое соревнование за право первыми произвести боевой пуск. В этом соревновании участвовало 6 стартовых батарей. Это почетное право завоевала батарея капитана В. Перышкина. Она успешно выполнила свою задачу.

В общей сложности бригада находилась на Государственном полигоне свыше двух месяцев, а потом вернулась к месту своей постоянной

дислокации (за исключением одной стартовой батареи, которую оставили для проведения испытательных пусков).

Однако спокойная боевая подготовка подразделений бригады была недолгой, так как международная обстановка продолжала накаляться. «Берлинский кризис» потребовал усиления нашей группировки в ГДР (1961 г.). Нам поступил приказ Министра Обороны СССР отправить два наших ракетных дивизиона в Группу Советских войск в Германию. Из Министерства Обороны прибыла специальная комиссия, которая проверяла все отправляемые подразделения, особое внимание уделялось качеству боевой техники, её соответствию всем инструкциям.

Вскоре поступила команда на нашей базе сформировать новые три ракетных дивизиона. Эта очень ответственная задача потребовала призыва большого числа молодежи из народного хозяйства, а также подготовки новых офицеров в военных училищах. Призванные поступили с очень высоким уровнем подготовки. Молодежь была в основном из Донбасса (Донецкая и Луганская обл.). Это были ребята со средним или среднетехническим образованием, а офицеры — из новых ракетных училищ. Прошла переподготовку на курсах ЦАОК (Центральных артиллерийских офицерских курсах, г. Ленинград) и в академии новая большая группа офицеров-артиллеристов. Лично я также сначала закончил ЦАОК, а потом военную академию.

А в стране на смену бывшим лидерам Н. С. Хрущеву и Г. М. Маленкову пришел Л. И. Брежнев. Это также привело к корректировке нашей внутренней политики. Осуществлялись масштабные проекты по дальнейшему росту промышленного производства, вводились в строй новые заводы, гидроэлектростанции. Именно в эти годы шло строительство знаменитой Байкало-Амурской магистрали (БАМ). Новые достижения были и в освоении космоса — полеты наших космонавтов, их встречи на орбите с американскими космонавтами, создание Международной космической станции «Мир».

У нас, воинов Вооруженных Сил СССР, это вызывало законную гордость за нашу Родину, за её достижения. На своей собственной судьбе мы ощущали результаты и улучшения материального состояния: по качеству вещевого снабжения и продовольственного обеспечения солдат, сержантов и офицеров, их жилищных условий.

После окончания Военно-политической академии имени В. И. Ленина я проходил службу на политических должностях в артиллерийских частях в городах Тамбов и Скопин Рязанской области. В 1976 г. я был направлен на преподавательскую работу по подготовке офицерских кадров в Тульское высшее артиллерийское инженерное училище, где служил старшим преподавателем, заместителем начальника кафедры. В 1988 году я был уволен в запас, но еще три года продолжал работать в училище как гражданский преподаватель.

Мое увольнение со службы в Вооруженных Силах совпало с одним из крупнейших изменений в нашей стране. 9 февраля 1985 года умер очередной наш государственный руководитель Ю. В. Андропов, Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран молодой партийный лидер М. С. Горбачев. Его приход, первые заявления и решения вселили уверенность в народе на скорые изменения в нашей жизни, на её улучшение. Наступила, так называемая «перестройка». Главные лозунги: демократизация и гласность, плюрализм, социализм с человеческим лицом и т. п. В партии, да и в обществе в целом, эти проблемы были давно назревшими, но когда их выпустили из-под контроля, процесс стал неуправляемым.

Как лично я относился ко всем этим явлениям? К тому времени я был уже достаточно опытным политработником — прошел полковое звено, был начальником политотдела артиллерийской бригады, окончил ВПА им. В. И. Ленина с отличием, часто общался с политическим руководством МВО и Сухопутных войск. На базе этого опыта я лично понимал, что пора предпринимать радикальные меры для улучшения дел по руководству страной. Первые шаги нового лидера нашли понимание и одобрение. Но вскоре М. С. Горбачев попал под влияние своего окружения (Яковлев, Шеварнадзе и др.) и начал сдавать позиции, заискивать перед Западом, идти им на уступки. Всё это привело к катастрофе — распаду СССР.

Распад Союза лежит и на совести тогдашних лидеров России, Украины и Белоруссии (Б. Н. Ельцин, Л. М. Кравчук и С. С. Шушкевич). Это они, исходя из своих амбициозных интересов, пытаясь уйти из-под контроля Горбачева, игнорируя мнение большинства советского народа, собрались в Бресте и приняли это преступное решение. «Беловежские соглашения» провозгласили о создании вместо СССР СНГ (Содружества Независимых Государств). Потом в СНГ объединились 11 государств, бывших Союзных республик (без Грузии, Литвы, Латвии и Эстонии). Однако, единого государственного и хозяйственного организма из этого СНГ не получилось, так как пострадали все сферы, его составляющие: экономическая, политическая, идеологическая.

Вот таковы последствия этого преступного решения, которое повернуло вспять наше социальное развитие и привело к возврату капитализма в самом неприглядном его виде. Вместо «социализма с человеческим лицом» был рожден «капитализм со звериным оскалом», а вместе с ним и нувориши, которые быстро «прихватизировали» все богатства, созданные народом за 70 лет. Они живут теперь припеваючи, а народ остался «без гроша в кармане». Сейчас никто не имеет права не только требовать пересмотра этой приватизации, но даже и думать об изменении сложившегося статус-кво.

ЗДЕСЬ СОЛНЦЕ В МОРЕ МЕДЛЕННО САДИТСЯ[1]

Гусев Владимир Алексеевич, 71 год,
ветеран труда и Вооружённых Сил,
почётный работник общего образования России,
член Российского Союза писателей,
член Клуба православных писателей «Родник»,
Тульская область, пос. Дубна

О себе

В интернете известен как Владимир Гусев Тульский.

Родился 13 сентября 1948 года в семье морского офицера в г. Мурманске.

С 1951 года жили в г. Выборге Ленинградской области.

В 1957 году отец демобилизовался, и семья переехала на его родину в г. Тулу.

Учился в 1-й средней школе, занимался в театральной студии клуба ТОЗ Семёна Зиновьевича Косого, в литературном объединении, которое возглавлял известный тульский поэт Юрий Щёлков, в секции вольной борьбы, под руководством многократного чемпиона СССР Ивана Шабанова.

Был многократным чемпионом и призёром Тулы и Тульской области по вольной и классической борьбе.

Окончил школу в 1966 году и по 1969 год проходил срочную службу в Тульском артучилище.

В 1970 году поступил на факультет иностранных языков ТГПИ им. Толстого.

В 1974–1975 гг. находился в командировке в республике Судан.

По возвращению из командировки женился на студентке биологического факультета Нине Анатольевне Лабазовой.

После окончания института, в 1976 году, жил с женою в таёжной дер. Ёркино Архангельской области и работал учителем в сельской школе.

В 1977 году поступил на службу по контракту в звании мичмана Балтийского флота. Служил и жил с женою и новорожденной дочкой Наталией в Балтийске, Калининградской области.

В 1978–1980 годах участвовал в нескольких дальних походах кораблей Балтийского Флота.

С 1981 года исполнял обязанности начальника физической подготовки части и инструктора спецподготовки.

В 1985 году переведён для дальнейшего прохождения службы на Северный Флот, в г. Мурманск.

Имея продолжительный отпуск и бесплатный проезд в любой район СССР, много путешествовал с семьёй по стране. Объездили Крым, Кавказ, Абхазию, Узбекистан, Азербайджан, Закарпатье. Посетили Ригу, Москву, Ленинград. Полазали по горам Тянь-Шаня.

В 1994 вышел на пенсию и поселился в Дубенском районе. Жили сначала в лесной деревне Бабошино. С 1999-го живём с семьёй в Дубне.

Преподавал в школе английский язык, ОБЖ, физкультуру.

С 1999 года готовил в ДЮСШ пос. Дубна, по авторской программе «Витязь», детей к службе в Вооружённых Силах России: рукопашный бой, ориентирование, приемы выживания и преодоления препятствий, стрелковая подготовка.

С 2010 года на пенсии.

За отличие в воинской службе и участие в дальних походах Флота награждён медалями. В числе лучших тренеров ВМФ награждён в 1982 году грамотой главкома ВМФ, адмирала Флота Горшкова.

За успешное осуществление программы «Витязь» присвоено звание «Почётный работник образования России».

Ветеран труда и Вооружённых Сил.

Постоянный автор Альманаха стран СНГ и Крыма «Планета друзей».

Печатался в поэтических сборниках Петербурга и Москвы.

Балтийск

Балтийск! Его мы сразу полюбили.
Крутые волны, чайки, корабли,
В песке янтарных крошек изобилье…
Здесь западный форпост родной земли!
У немцев звался городок — Пиллау,
Фашистов база в нём в войну была…
Парит здесь в небе наш орёл — двуглавый,
Прогнав с гнезда фашистского орла.
Печален вид разрушенных строений,—
Их Гитлер неприступными считал,—
Остались лишь времён минувших тени:
Бетон и искорёженный металл.

Здесь солнце в море медленно садится,
Когда Россия спит уже давно,
На самой нашей западной границе
Служить мне с милой было суждено.
День ясный — тут же с неба дождик брызнет,

---

[1] Продолжение. См.: *Гусев В.А.* «Прощайте, скалистые горы!» // Мы помним… Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. С. 348–354; *Гусев В.А.* Жизнь смерти оказалась вновь сильней // Мы помним… Сразу после войны (2017). С. 215–220.

Зимой морозных дней почти что нет…
Балтийск, Балтийск! Ты 8 лет из жизни!
Таких красивых и счастливых лет!
То закипает море в злобе дикой,
А после штиль полнейший настаёт…
Оплот здесь нашей Родины Великой —
Прославленный в сраженьях Русский Флот!
Всегда на побережье воздух чище.
В Балтийске нет дворцов и колоннад:
Старинных прусских зданий стены, крыши
Наш привлекали непривыкший взгляд.

Сначала жили мы на Камсигале,
Там было очень сыро, крыс полно!
С соседями друг другу помогали,
С друзьями пили в праздники вино.
Обзавелись мы садом-огородом,
Растили тыквы килограмм под сто.
Таких мы груш нигде не ели сроду.
И огурцы не крал у нас никто!
Потом квартиру получили вскоре —
Своя хрущёвка, словно рай земной!
За домом был лесок. За лесом — море!
Песчаный пляж и чайки над волной!
По берегу мы очень часто ходим —
С дочуркой нашей вместе — трое нас —
Здесь что-то для души всегда находим.
Всегда здесь что-то радует наш глаз.

А был я неплохим специалистом —
Мозги, какие надо, дал мне Бог.
Мог на английском объясниться чисто.
И что задумал враг, понять я мог.
Мне помнятся Балтийские причалы.
Судьба морская вдаль меня звала!
Меня ты провожала и встречала —
Три года дочка без отца росла.
Я вспоминаю, как мы шли когда-то
Навстречу бурям и лихим штормам
По неспокойным водам Каттегата
К Фарерским и Гебридским островам.

Когда не видно света маяка
Сквозь мглы непроницаемую стену,
И по стальному кружеву антенны
Ползут чернее гари облака.
Когда вскипает море пеной белой,
А голос ветра так похож на стон,
И наш корабль теснят остервенело
Гигантские валы со всех сторон.
Покажется: встал на дыбы весь мир!
В нём места нет для неба и для суши,
В нём только крик: «Спасите наши души!»,
Отчаяньем взрывающий эфир…

Ярились волны, ветер выл уныло,
Клял море тот, кто в море в первый раз,
И остальных крутила и мутила
Романтика морская без прикрас.
Держалось наше бедное «корыто» —
За что-то, видно, миловал нас Бог.
Я с вахты приходил совсем разбитый
И очень долго задремать не мог.
Пищали в страхе крысы где-то рядом,
Врывался прямо в душу ветра вой,
Меня — то в небо поднимало задом,
То вновь швыряло в бездну головой.
Когда летишь, не очень-то приятно —
Отпустит ли проклятая волна? —
Всё думалось: «Вернёмся ли обратно?» —
Ведь как-никак, а дома ждёт жена.
Звал тишину я, словно Божью милость,
И засыпал всегда с большим трудом…
Мне почему-то очень часто снились
Весенний сад, красивый, тёплый дом.
Был сад всегда наполнен тишиною,
Сияло солнце, и цвели цветы.
И ты была всегда в тех снах со мною…
Как хорошо, когда со мною ты!..

Тогда я в Бога верил и не верил —
На всякий случай! — честно говоря.
В любовь я верил и в заветный берег,
Где мы искали брызги янтаря.
Но начиналась наша там дорога,

Указанная ангелами нам,
Которой мы пришли позднее к Богу,
В Его небесный постучавшись Храм.

***

Каким аршином иль другою мерой
Измерить можно дружбу моряков?
Я с Ниной, Петька, Вера и Венера,
Венерин муж — Володька Бураков…
В весёлом, очень дружном коллективе
На самом дальнем краешке земли
Гуляли вместе, и детей растили,
И службу нашу трудную несли.
Всегда с друзьями собирались вместе.
В дни праздников больших, в дни именин.
Нас окружали люди долга, чести —
Потомки тех, кто штурмом брал Берлин!
В Германию послали Петьку с Верой —
Судьба с друзьями разлучила нас.
А мы с любимой убыли на Север,
Где ждал нас в сопках северный спецназ…

Давно уж повзрослели наши дети.
Нас время превращает в стариков.
Иных друзей уж нет на белом свете,
Ушёл от нас Володька Бураков!
Родители давно уже на Небе…
Куда ты, жизнь, торопишься, спешишь?
А, впрочем, никогда я старым не был.
Я просто полюбил покой и тишь!
Я просто полюбил тропинки сада,
Всё, что растёт, цветёт в моём саду!
Со мною здесь моя Нинуля рядом —
По жизни с ней я рядышком иду!

Горит печальный огонёк в лампаде…
Для покаянья мир души открыв,
Молюсь, на этот огонёк я глядя,
За тех, кто умер, и за тех, кто жив.

Стоны чаек

Песок и волн солёных брызги…
Жизнь пролетела словно сон.
И нам не быть уже в Балтийске,
Не слышать чаек грустный стон.

Там мы сердцами были юны…
Мир юности — совсем иной!
Сидели на песчаных дюнах,
Любуясь ласковой волной.

Цвела черёмуха у моря.
Там был недалеко наш дом…
И мы ещё не знали горя.
Нам было хорошо вдвоём.

Песок лизали нежно волны.
Казалась вечною весна…
Лишь чаек горестные стоны
Нам говорили: «Жизнь сложна!»

Сияли небеса бездонно,
Даря надежд волшебный свет…
Но чаек горестные стоны
Как плач о тех, кого уж нет!

Дух леса сладковато-томный,
Дух моря, свежесть мокрых дюн…
А чаек горестные стоны
Не слышат те, кто сердцем юн.

Ответы на вопросы для пятой книги поколений «Мы помним…»

1. ПРАВИТЕЛИ СТРАНЫ

Моё отношение к большинству правителей пост-революционной России — все они лишь выдвиженцы. За их спиной стоит всегда какая-то политическая элита страны, которая, обладая огромными финансовыми и прочими возможностями, «заказывает музыку». Таких группировок две:

— деструктивная элита, заинтересованная в слабом государстве, которое легко грабить (она часто поддерживается из-за рубежа кругами, которые также заинтересованы в слабой России);

— конструктивная элита, заинтересованная в сильном государстве, поскольку живёт не за счёт разграбления страны, но за счёт госзаказов, за счёт огромных окладов и льгот, которые может дать им лишь сильное государство.

Ленина, Горбачёва, Ельцина я отношу к исполнителям заказов деструктивной элиты. Они — разрушители России.

За спиною Хрущёва, Брежнева, Андропова, Путина — те, кто хотели и хотят видеть Россию богатой и сильной; они — строители России.

2. СТАЛИН

Считаю его человеком, который не вписывается в мою классификацию правителей. Он, уничтожив в стране практически всю политическую элиту, стал полным диктатором.

Одновременно Сталин нанёс сокрушительный удар по троцкизму.

Троцкизм предполагал продолжение ленинского курса революционной борьбы в других странах, что неизменно привело бы Советскую Россию к новым военным конфликтам с этими странами и, возможно, к полному её краху в борьбе с объединённой Европой и Америкой.

В стране, где после Октябрьского переворота и Гражданской войны царили революционно-анархический хаос, голод, разруха, единственным спасением были единовластие и курс на интенсивное экономическое развитие. Народ, который привык при первом своём недовольстве хвататься за оружие и строить баррикады, снова превратился при Сталине в послушного и сознательного труженика. Сталин практически выбил из людей бунтарский дух, как выбил в своё время этот дух Пётр Первый из русского народа расправой над стрельцами.

Народ, которому большевики внушили, что для счастливой жизни надо что-то разрушить, что-то у кого-то отнять, кого-то уничтожить, при Сталине обрёл снова желание самоотверженно трудиться и ради счастья не убивать людей, а отдавать собственные жизни.

Сталин вместо политической элиты создал в стране послушную партийно-чиновничью номенклатуру.

Но постепенно конструктивная политическая элита возродилась. Она и привела к власти Никиту Сергеевича Хрущёва вскоре после смерти Сталина, понимая, что этот человек никогда новым Сталином не будет, а народу он может приглянуться своим пустословием и красочными обещаниями светлого будущего: «Догоним и перегоним Америку!».

Но им был допущен ряд промахов на внешней и внутренней политической арене. В связи с этим он был отстранён от власти политической элитой в 1964 году и заменён более управляемым и предсказуемым Брежневым.

3. ЖУКОВ

Сталин, как человек мудрый, отлично понимал свою несостоятельность во многих вопросах жизни страны. Поэтому прибегал к помощи немногочисленных советников.

Жуков был талантливейшим полководцем своего времени. Постепенно он стал главным советником Сталина в военных вопросах.

4. ГОСУДАРСТВО ПОСЛЕ СТАЛИНА

Государство в пост-сталинский период решало 2 важнейшие задачи:

1) повышение собственной обороноспособности,

2) повышение благосостояния народа.

Первая задача была решена более чем успешно. На успешное решение второй задачи сил и средств не хватило. Народ, который был нищим, стал бедным! Несомненно, это определённый прогресс!

5. ПЕРЕСТРОЙКА

Перестройка экономических и социальных отношений была необходима, но, проводимая деструктивной элитой в собственных интересах, она превратилась в очередную кампанию по развалу и разграблению России.

Перестройка в КНР, начатая в 1978 году Дэн Сяопином и продолжающаяся до с их пор, ведётся конструктивной партийной элитой, жестоко подавляющей деятельность всех антинародных и антигосударственных элементов. Успехи, достигнутые КНР за 40 лет — потрясающие! А ведь находилась она на грани экономической и социальной катастрофы.

Главное, китайцы доказали, что и в рамках социализма можно создать великую и процветающую державу, которая по многим показателям обошла капиталистические страны.

Китайские перестройщики действовали в интересах всего народа. Наши «перестройщики» работали на всевозможные мафиозные кланы в стране и за рубежом. Хозяевами страны фактически стали Ходорковский, Гусинский, Березовский.

Положение народа и государства стало катастрофическим.

6. РАСПАД СССР

СССР по своей сути был огромной империей, сотканной из разнородных и разнонациональных провинций.

Часто интересы этих провинций шли вразрез с общегосударственным курсом. Распад подобного государства неизбежен. Это доказано историей.

История помнит распад Римской, Монгольской, Британской империй, также сшитых из разнородных тел.

В составе России остались те, кто были в ней всегда —194 нации, связанные общей историей, культурой, языком.

А остальным хочется пожелать успехов в их самостийном развитии.

7. В ЧЁМ ПРИЧИНА РАСПАДА СССР

Русский народ пошёл за большевиками и разгромил Российскую империю, поверив, что он способен создать государство, в котором все будут равны и начнут получать материальные блага по потребностям.

За 70 лет советской власти такое государство создано не было и не могло быть создано. У всех людей способности разные и это исключает возможность равенства людей. Любая уравниловка лишает талантливых людей желания трудиться и преумножать богатства страны. Без продуктивного труда наиболее способных и предприимчивых членов общество обречено на обнищание.

Когда народ, наконец, понял, что коммунизма не будет, что американские негры живут лучше нас, появилась потребность в изменении строя.

8. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

Многие из нас, люди старшего поколения, вспоминают Советский Союз с благодарностью. Мы были счастливы там лишь только потому, что были молоды.

А условия жизни большинства людей там были гораздо хуже, чем сегодня. Питались хуже. Одевались хуже. Съездить куда-то за границу не мечтали.

Мы с женою пенсионеры. У меня мичманская пенсия, а у неё социалка — минимальная по старости, поскольку стаж маленький.

Едим, что хотим. На одежду, лекарства, оплату коммунальных услуг и интернета хватает. Кормим и одеваем внука, который с нами живёт и учится в 7-м классе. Внучке-студентке помогаем. Кто там вопит, что у нас народ голодает?

В нашем посёлке есть интернат для инвалидов. Когда-то я вместе с ними в нашем Оздоровительном центре занимался. Многих знаю. На жизнь они свою не жалуются. Среди них даже чемпионы Европы есть по армрестлингу и другим видам спорта.

Не знаю, чтобы кто-то и из моих бывших воспитанников бедствовал. Многие служат Родине. Обзавелись семьями, получили квартиры. Было бы желание у людей работать и служить, а источник доходов найдётся.

Современная молодёжь стала более энергичной и прагматичной.

Но это хорошо. Век такой!

9. МОИ ПОЖЕЛАНИЯ МОЛОДЁЖИ.

Дорогие друзья! Знаю, времени у Вас мало. Но время, потраченное на изучение исторического и культурного наследия России, вместе с умением решать сложные математические задачи сделает Ваш ум ясным, а души восприимчивыми к духовной красоте, без которой немыслимо счастье.

Современная молодёжь талантливее нас, но ограничена материальной сферой бытия, которая счастливым человека не делает.

ХРАНИ ВАС БОГ!

МОЗАМБИК: ПАМЯТЬ СЕРДЦА[1]

Гетманцев Леонид Вячеславович, 56 лет,
майор запаса, ветеран боевых действий,
Астраханская область, г. Знаменск

Стезю советского офицера я избрал осознанно. Сомнений и не было. Родился и вырос в городе военных, в местном гарнизоне служили отец и его младший брат. Да и других примеров воинской службы Отечеству в роду было достаточно. Дядя, по маминой линии, в январе 1943 года ушел на фронт в неполные восемнадцать. Артиллеристом прошел путь от Курска до Вены, затем бои в Маньчжурии. Таким же юным боролся за Советскую власть в Гражданскую и мой дед. А в годы Великой Отечественной войны он сражался на Миус-фронте и за Ленинград. Прадеды — участники первой мировой. Для меня в юношестве все они, испытавшие многое, являлись мерилом того, на что способен человек, что он в состоянии выдержать в ратной службе.

За армейские годы довелось неоднократно принимать участие в различных военных конфликтах и мне. Первый свой боевой опыт я получил еще лейтенантом.

...Самолет пошел на снижение. Красным светом зажглось табло «Пристегните ремни», и мягкий голос бортпроводницы, ставший уже родным за двадцатичасовой перелет, объявил: «Наш самолет совершает посадку в аэропорту...» Пассажиры заметно оживились, нетерпеливо заерзали в креслах и с интересом пытались разглядеть через иллюминаторы Ту-154: что там? какая она — эта неизвестная многим страна? И вот шасси коснулись гладкого бетона посадочной полосы. Самолет слегка качнуло, взвыли турбины двигателя, отрабатывая режим торможения. Не дожидаясь полной его остановки, все разом вскочили с мест и, теснясь в узком проходе, стали продвигаться как можно ближе к выходу. Перелет весьма утомил. Хотелось быстрее ступить на земную твердь. Прошли томительные минуты ожидания, и выходной люк самолета распахнулся. В салон толчком ворвался пышущий жаром воздух, а вместе с ним мотивы незнакомой народной музыки и запах чужой страны, специфический и резкий. Московский заснеженный февраль с крепким морозцем остался где-то там — в другом полушарии, за многие тысячи километров. Сойдя с трапа, мы окунулись в липкую жару Южного тропика. Здравствуй, Мапуту! — столица Народной Республики Мозамбик.

Так 6 февраля 1986 года началась моя служба инструктором в Народной Армии этой африканской страны.

---

[1] Продолжение. См.: ...И на груди его светилась медаль за город Будапешт // Мы помним... Сразу после войны. Книга воспоминаний и размышлений поколений. — Тула: Аквариус, 2017. — С. 385–389.

Гетманцев Л.В., Мозамбик. Инструкторы

Здесь уже много лет шла гражданская война. Антиправительственные вооруженные группировки поддерживала ЮАР и спецслужбы ведущих стран НАТО, а Советский Союз оказывал (во многом неофициально) военную помощь законному правительству Мозамбика: вооружением, техникой, летчиками и советниками. Мы, новая группа военных специалистов с документами гражданских инженеров в кармане, получили конкретную задачу: подготовить элитное подразделение для правительственных войск — батальон «коммандос».

Первые дней десять, пока находились в столице, незаметно пролетели в различного рода инструктажах и разъяснениях в аппарате нашего Главного военного советника, в беседах замполита об интернациональном долге, заучивании простейших фраз на португальском языке. И каждую ночь вскакивали с гостиничных кроватей, заслышав выстрелы. Шла война, и даже в самой столице — особенно в ее пригородах — разгорались перестрелки. То тут, то там линии трассеров рассекали ночное небо.

Наконец группу переодели в полевую форму местной армии без знаков различия. Ранним утром мы, новоиспеченные «камарадаш инструтореш» («товарищи инструкторы»), расселись в кузове новенького, только что с конвейера, армейского ЗиЛ-131 и под усиленной охраной направились за несколько десятков километров в местечко Маталане. Там, в дебрях саванны, и был оборудован учебный лагерь для подготовки батальона. Новое место встретило с военным гостеприимством: в первую же ночь приняли боевое крещение. Минометный обстрел длился недолго, да и вреда никакого не причинил. Мины легли кучно около нашего жилья, но с перелетом метров на тридцать. Стало ясно: здесь условного, как на учениях, противника нет и лучший друг твой — это «калаш». Позже выяснилось, что километрах в трех-четырех расположена база бандитов, терроризировавших всю округу и ставших нашими беспокойными соседями. Сполна с ними рассчитались месяцев через пять, когда обучаемый батальон стал обретать навыки, слаженность и боевую силу. Потрепали банду основательно. Это была первая успешная операция спецбатальона «коммандос» как боевой единицы и наш, инструкторов, результат работы. Однако не все было просто, как может показаться на первый взгляд. Часто сталкивались с определенными трудностями при обучении бойцов. Это и невозможность общения с частью рекрутов, знавших только язык своего племени (выручал метод «делай как я»). И малообразованные аборигены из глубинки, мало

или совсем не видевшие в своей жизни никакой техники и поэтому заявлявшие: «Радиосвязь — это обман! На расстоянии с нами может разговаривать только Господь». Да и многое другое, что казалось нам дома, в Союзе, элементарным и обыденным. Что сказать?.. Африка. Племена и народы со своими укладами, понятиями и нравами.

...Прошло девять месяцев, часть нашей группы перебросили в провинцию Тете — северо-запад Мозамбика, глубь африканского континента. Задача та же — готовить специально обученные батальоны теперь уже для территориальных войск военного округа. Но климат и условия жизни жестче: сухая, не спадающая даже ночью жара, военно-транспортный самолет с продуктами и, главное, письмами от родных прилетает раз в три-четыре месяца. Случалось, что хлеба не нюхали месяцами, а гольный, без ничего, и поэтому опротивевший рис просто не лез уже в горло. Однако дело свое выполняли на совесть.

С тех лет сохранилась у меня малюсенькая вырезка из газеты «Известия». Всего несколько строк сообщения ТАСС (большего тогда и не писали): «Мапуту. Террористами из так называемого «мозамбикского национального сопротивления» (МНА), орудующими в провинции Тете, руководят семь коммандос из расистского разведывательного подразделения «Рэккиз». Этот факт, указывает информационное агентство Мозамбика АИМ, свидетельствует о том, что ЮАР открыто проводит политику агрессии и дестабилизации против НРМ». А вместе с вырезкой в армейский альбом вклеено и фото нашей семерки инструкторов: Валентин, Михаил, Григорий, я, Сергей, Анатолий (ранее воевавший в Афгане) и Владимир. Мы тогда говорили: противостояние семь на семь, но об этом газеты не пишут.

Помню всех ребят. И этих, и многих других, с кем вместе довелось оказывать интернациональную помощь Мозамбику. С кем сводила дальнейшая офицерская служба — прошедших Афганистан и Анголу, Вьетнам и Лаос, Ливан и Сирию, Ливию и Египет, Кубу. Все мы — одна семья, боевое братство.

Памяти всех, исполнивших до конца служебный долг за пределами Отечества и в иных горячих точках, посвящаю поэтические строки:

Я поднялся в атаку,
Он остался лежать.
До ближайшей воронки
Дай мне, Смерть, добежать.
Дай мне это вот поле
До конца перейти,
Не гадаю уж боле,
Что же там впереди.
Добежать до воронки
По команде «Вперед!»
Ну, а дальше...
А дальше — уж как повезет.

По-пластунски к ложбинке,
Где противник не ждет,
Заслоняюсь травинкой —
Вдруг меня сбережет.
Пули вжикают злобно,
И осколки свистят.
Слава Богу, что мимо,
Не в меня — пусть летят.
Я прошел ту атаку,
Он остался лежать.
Не поднимется больше...
Эх, война, твою ж мать!..

МОИ СЫНОВЬЯ — ОФИЦЕРЫ![1]

Белевская Валентина Владимировна, 66 лет,
инженер-экономист, поэтесса,
г. Тула

Очевидно, мы не сможем укреплять
наши международные позиции, развивать
экономику, демократические институты, если будем
не в состоянии защитить Россию.

В. В. Путин. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России

Защита Отечества в России всегда считалась делом чести каждого молодого человека, священной обязанностью.

«Есть такая профессия — Родину защищать» — эта фраза маршала Гречко стала крылатой после выхода на экраны в 1971 году фильма «Офицеры» и произнесения артистом Василием Лановым, была и темой сочинения моего старшего сына Александра. Пятый класс. В голове прокручивается музыка из кинофильма, затрагивающая самые тонкие струны души. Фильм смотрели вместе, всей семьёй. Сын пишет сочинение, на всём протяжении которого красной нитью обозначено искреннее желание стать офицером. Младший, Евгений, вторит словам старшего брата. Мне тогда было страшно. Страшно за них. Они такие маленькие. Нуждаются в нашей заботе. А тут...

Время летит быстро. Сыновья взрослеют. Из мальчиков превращаются в мужчин. И мы понимаем, что армия — это не только школа жизни, но и испытание на прочность характера, это — удел мужественных парней. И сыновья выбрали своей профессией служение Отечеству. В детстве они очень любили слушать рассказы о войне, воспоминания бабушек и дедушки о подвигах погибших и выживших героев Великой Отечественной войны.

Сыновья интересовались военной техникой, коллекционируя машинки, танки и прочую военную технику. И вот настал первый наш торжественный день, когда старший сын Александр, пройдя курс молодого бойца, принимал присягу на площади Победы города Тулы вместе с остальными курсантами Тульского Артиллерийского Инженерного Института. Звучала песня в исполнении Олега Газманова «Офицеры».

[1] Продолжение. См.: *Белевская В.В.* И эхом отзывается война... // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 2 / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2012. С. 42–45; *Белевская В.В.* Боевые дочери России // Мы помним... Ч. 2 (2015). С. 35–38.

Очень торжественное и трогательное мероприятие, запомнившееся нам, родителям и бабушкам с дедушкой, на всю оставшуюся жизнь.

Через пять лет (разница в возрасте у сыновей пять лет) следовало продолжение. Младший сын Евгений принимал присягу в Пензенском артиллерийском инженерном институте. К сожалению, с 2008 года штатная численность Вооружённых Сил РФ сокращалась, но сыну удалось окончить ВУЗ и получить офицерские погоны.

Итак, два офицера в семье. Два крыла, две надежды, две гордости, две тревоги и две любви. Учёба в военном ВУЗе приучила сыновей к самостоятельному принятию решений в любой жизненной ситуации.

Сейчас, когда в мире нестабильная политическая обстановка, наша Родина особенно нуждается в надёжной защите. И наши сыновья, овладев уже и гражданскими профессиями, в любой момент готовы встать на защиту любимого Отечества.

Говорят, «Если ты делаешь то, что любишь — ты свободен. Если ты любишь то, что делаешь, — ты счастлив». Я желаю своим и всем нашим сыновьям счастья, крепкого здоровья и безграничной любви к Родине, к близким и ко всему, что их окружает.

Предлагаю своё стихотворение, посвящённое всем защитникам нашего любимого Отечества.

В ДЕНЬ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА

Сегодня двадцать третье февраля,
И календарь пылает ярко-красным,
И день весенний, солнечный и ясный,
На градуснике — около нуля.

Оставь свои заботы на потом,
Важнее есть! Принёс весёлый ветер,
Сказал, что ты — достойнейший на свете
И служишь мне невидимым щитом.

Тобою восхищаться — чту за честь,
Ты заслужил такое уваженье!
Вся суть твоя — огонь на пораженье.
Я счастлива, что у меня ты есть!

Не важно, ты — военный или нет,
Нигде не избежать моментов трудных.
Подчас и в мире — непростые будни,
Когда нельзя вернуться без побед...

Кому, как не тебе, о том судить:
И без войны быть может мир опасен.
А ты в моих глазах всегда прекрасен:
С таким, как ты, страну не победить!

Защитник, отложи свои дела
И улыбнись, когда елей на уши
Льют женщины: ты дифирамбы слушай,
Но от моей любви сгори дотла.

Дотла сгори, мне душу исцеля,
Сегодня ты необычайно классный…
А календарь с утра пылает красным
В твой праздник, двадцать третье февраля…

А ТИШИНА У КАЖДОГО СВОЯ… (О СОБЫТИЯХ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС)

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

Николай Гумилёв. Слово

Предпраздничный разгул. Конец апреля.
Цветы, шары, оркестры и пломбир…
Готовятся к сезону карусели,
А с ними транспаранты «МИРУ — МИР!».

С работы возвращались, как обычно,
К родным, под свой уютный тёплый кров,
Но поворот судьбы стал непривычным —
Страшнее не случалось катастроф!

Чернобыль на секунду словно замер —
Часов остановился даже ход,
И Небо с безутешными слезами
Десятилетья это горе пьёт…

Стих ветер, перестал играть листвою
Пирамидальных стройных тополей,
И новый ход задал в часах историй
Этап бесчеловечный на земле…

События всемирного масштаба —
Взрыв прогремел, последовал второй.
И кто — на смерть? Спасатель! Шёл он, дабы
Уйти в бессмертье — доблестный герой.

Зашкаливала излученья доза,
Но надо человечество спасти…
Не признавая жизненной угрозы,
К утру огонь погашен, до шести.

Но зоны смерти нет! Важней — молчанье.
Молчанья зона! Все догадки — прочь.
Не отчужденья! Важно, чтоб отчаянье
Не навредило б избранным в ту ночь…

Вот им-то было всё, как раз, понятно —
«Сплавляли» прочь любимую родню…
А по динамику не очень внятно…
Всё про порядок… много раз на дню…

А пыль радиоактивная осела…
Повисла гробовая тишина —
Вся правда в этой тишине висела,
Чудовищна, бесстрастна, холодна…

Итог: диагноз лучевой болезни,
Разрушивший все планы и мечты,
Что не родиться было бы полезней…
О, жертвы хромосомной частоты!

Погибло столько! Точно не известно…
Нет продолженья — будущих внучат!
На тысячи те счёты повсеместно,
Но все молчат. Об этом все молчат.

День памяти чернобыльских событий,
И пеший ход, и площади в огнях,
И выжившие — в явном дефиците,
И боль утраты в тех апрельских днях…

…Через века воскреснет всё же Припять,
Заселит новый город молодёжь,
А нынче о погибших свечи жгите,
И помните… И всё ж, и всё ж, и всё ж…

В жизни случается всякое. Но человеку свойственно ожидать от будущего лучшего. Надежда исцеляет души. Память возвращает в прошлое, она избранна.

Я НИКОГДА НЕ ВИДЕЛА ВОЙНЫ

Я никогда не видела войны,
Я не была сестричкой медсанбата,
И в том, конечно, нет моей вины,
Но, кажется, я в чём-то виновата...

За то, что страх не ведала её,
Что досыта довольствовалась хлебом,
За то, что детство протекло моё
Под радужным послевоенным небом,

За то, что юность вишнею цвела,
За то, что я училась и смеялась,
И, расправляя дерзкие крыла,
Взлетая, пуль свинцовых не боялась...

Глядит с Небес Ненайденный солдат,
Смерть, к сожаленью, лучших выбирает.
Попавший на земле в кромешный ад,
Герой, Всевышним удостоен Рая...

Я не была на страшной той войне,
Но долг забыть о ней мне не позволит,
И, чтоб вины не испытать вдвойне,
Душевные утихомирить боли,

Я искренне, с любовью, глубоко,
Молиться буду об ушедших в Вечность...
С потерями смириться нелегко —
Прости, солдат, я зажигаю свечи,

В молчанье, память горькую храня...
А в Небе синем, скорбно-виноватом,
Я вижу отблеск Вечного Огня,
Как синий взгляд погибшего солдата.

Май, 2019 г.

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ[1]

Макаров Николай Алексеевич, 72 года,
гвардии майор медицинской службы
(Воздушно-десантные войска),
член Союза писателей России,
член Российского Союза ветеранов Афганистана,
г. Тула

Гвардии майор Н.А. Макаров, 1983 г.

Отец мечтал стать врачом, а стал им я

Сегодня подчас слишком много говорят о патриотизме и патриотическом воспитании, причем те, кто говорит, порою сами патриотами не являются — уж очень явно расходятся их слова с делами. Или проводят мероприятия ради «галочки».

Вспоминаю своё далёкое детство, детство сельского школьника. Никто нас не призывал быть тогда патриотами; мы были ими все.

Прошло каких-то 10 лет, как окончилась Война. 9 мая в сельском клубе (битком набитом) — на сцене 30–40-летние ветераны войны (их тогда ветеранами никто и не называл — фронтовики). Среди них — двое с орденом Красного Знамени; один из них — мой отец, Алексей Дмитриевич Макаров. В семнадцать с половиной лет мечтавший поступить в Военно-медицинскую академию, что в Ленинграде, но в восемнадцать лет и полтора месяца оставшийся без обеих ног... О Войне, в том числе и со сцены, ни он, ни другие фронтовики много не рассказывали, тем более — о патриотизме.

На наших глазах, глазах сельских пацанов, вчерашние фронтовики пахали поля, собирали урожай, ремонтировали технику, а отец учил нас русскому языку и литературе. Мне в школе не посчастливилось учиться в его классах, но дома... Дома он меня учил (громко сказано — учил): на моих глазах он каждый день надевал специальные фланелевые чулки на в кровь растёртые культи, пристёгивал протезы и шёл в школу.

---

[1] Продолжение. См.: *Макаров Н.А.* Об отце // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений Ч. 1 / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2012. С. 434–443; Макаров Н.А. Из воспоминаний отца // Мы помним... Ч. 2 (2015). С. 91–101; *Макаров Н.А.* «Любовь — это на всю жизнь» // Мы помним... (2017). С. 289–304.

У него одного среди учителей не было прозвища. Знаю, что на его уроках стояла тишина — муха пролетит — слышно: объяснял ли правила грамматики, рассказывал ли о Евгении Онегине, о Есенине (тогда полузапрещённом поэте), читал ли свои стихи — тишина в классе. К нему, бессменному депутату сельского совета, обращались по любым вопросам: никому не отказывал, всем помогал, со всеми селянами — на равных, никогда не кичился своим высшим образованием. В шахматы сыграть — пожалуйста, на рыбалку, охоту — тоже, грамм сто, сто пятьдесят пропустить с такими же фронтовиками по праздникам — дело святое.

Приведу несколько отрывков из районной и областной прессы об отце.

«Знамя Октября», 4 декабря 1958 года.

ПО ПУТИ К РАСЦВЕТУ, К НОВЫМ ПОБЕДАМ

(С районного собрания партийного актива).

«...Директор Ново-Тарбеевской средней школы т. Макаров поделился опытом работы ученической бригады, которая выращивала морковь в колхозе имени Ленина, рассказал о том, как школа готовится к перестройке обучения учащихся, на примере старшеклассников показал любовь к труду, которую они проявляют при изучении трактора, электродела, при уходе за кроликами...»

«Знамя Октября», 10 января 1959 года.

СОВЕЩАНИЕ УЧИТЕЛЕЙ РАЙОНА

«...Первым в прениях выступил директор Н.-Тарбеевской средней школы т. Макаров. Он рассказал о том, как в Н.-Тарбеевской школе осуществляется соединение обучения с полезным трудом. Учащиеся 8–10 классов 5 дней в неделю работают на МТФ, а учащиеся 7 классов — на СТФ[2]. В школе введено самообслуживание. Ребята моют полы, убирают классы.

Говоря об ассортименте школьных буфетов, т. Макаров высказал критическое замечание в адрес райпотребсоюза, который плохо заботится об организации горячего питания для ребят...»

«Знамя Октября», 8 октября 1960 года.

РАБОТАТЬ С ПЕРСПЕКТИВОЙ, ИДТИ ПО ПУТИ ПОДЪЁМА

«...тов. Макаров справедливо критиковал партбюро и его секретаря тов. Грезнева за несерьёзное отношение к подготовке к новому учебному году в сети партийного просвещения. Многие коммунисты до сих пор не знают, в каком кружке они будут заниматься, кто будет пропагандистом.

Затем тов. Макаров сказал о том, что партбюро недооценивает роль женщин, не проводит с ними воспитательную работу, совершенно не выдвигает наиболее способных и активных на руководящие должности.

[2] МТФ — молочнотоварная ферма, СТФ — свинотоварная ферма. — *Прим. ред.*

В числе 46 коммунистов только 3 женщины. Мало заботится партбюро о работе школ, о развёртывании культмассовой работы на селе, о торговле...»

«Знамя Октября», май 1965 года.

А. Логунова. У НОВОТАРБЕЕВЦЕВ

«Торжественно отметили День Победы жители села Ново-Тарбеево.

С докладом о 20-летии Великой Победы выступил бывший фронтовик, директор школы А. Д. Макаров. Он говорил о героическом подвиге советских людей в борьбе с фашистской Германией. В этой войне участвовали и сотни наших односельчан. В настоящее время в селе проживает 138 участников Великой Отечественной войны...»

Томская областная молодёжная газета «Молодой Ленинец», апрель 1971 года.

УРОК ЖИЗНИ

«“В сорок первом ему было семнадцать. И он мечтал стать врачом.

Но он стал разведчиком.

Вместо того, чтобы взять скальпель, он взял автомат. Вместо того, чтобы лечить людей, он стал убивать...”

Это о моем отце. Именно о нем я говорил, когда накануне полувекового юбилея со дня произнесения речи В. И. Ленина на III съезде комсомола, мы, будущие военные медики, в рамках Ленинского урока провели собрание, основной темой которого был разговор «Почему я хочу стать военным врачом». Перед нами сразу встала большая нравственная проблема: врач — самая гуманная профессия на земле, и война — это противоестественное состояние общества...

Профессия военного врача опасна. Но быть членом Ленинского комсомола — значит, невзирая ни на какие опасности и трудности, добиваться победы.

Только победы. Победы в операционной и победы в бою. И я хочу, чтобы лет так через двадцать мои дети сказали:

— Если бы потребовалось, он взял в руки автомат, как его отец... в сорок первом...

Но ему больше повезло. Он хотел, и он стал врачом, военным врачом, и всю жизнь держал в руках только скальпель...»

В поисково-спасательной службе ВВС. Обеспечение космического полета В. Г. Лазарева — О. Г. Макарова

Прошло три года после окончания Военно-медицинского факультета, и меня стали привлекать, естественно, после соответствующей проверки, к обеспечению пилотируемых космических полётов по линии Поисково-спасательной службы (ПСС) ВВС (18 полётов из двадцати одного в 1975–1980 годах).

Итак, первая моя «работа» 5 апреля 1975 года. Запуск космического корабля «Союз-18» с космонавтами В. Г. Лазаревым и О. Г. Макаровым. Позывной — «Урал».

Для меня всё было ново, незнакомо, очень интересно, престижно, в конце концов. Стоять, пусть и не у истоков, но почти на переднем крае того, чем мы «были впереди планеты всей».

На борту «Ан-24» мы (я и подчиненные мне прапорщик и два солдата из ПСС ВВС) летели встречным параллельным курсом траектории запуска на высоте где-то шести тысяч метров в сторону Космодрома «Байконур». Прапорщик и солдаты (ветераны ПСС) мирно дремали в грузовом отсеке. Парашюты и наше снаряжение лежали в сумках. Нерасчехлённые, упакованные для транспортировки. Я переходил от иллюминатора к иллюминатору, заглядывал в кабину к летчикам, лез ко всем с разными вопросами.

Шутки-прибаутки. Штурман подтрунивает надо мной, над моей любознательностью. Экипаж занят привычной, рутинной работой. Очередной раз, подойдя к иллюминатору, удивляюсь, что земля резко накренилась влево, и мы стали разворачиваться на противоположный курс. Ничего не понимая, думая, что всё, работа на этом закончена и мы летим на аэродром взлёта, оборачиваюсь к борттехнику с каким-то пустяшным вопросом.

Он отмахнулся. Затем выругался.

Вот те раз!

В это время из кабины выходит командир и сразу на повышенных тонах, заглушая шум двигателей:

— Вы почему без парашютов? Быстро приготовиться к десантированию!

Вначале я подумал, что это розыгрыш.

— Авария у них, — со вздохом, обычным голосом добавил он. — Наверное, придётся вам прыгать.

Да, первая работа и сразу в пекло. Но, прыгать, так прыгать. Первый раз, что ли? Затем нас, врачей-десантников, и прикомандировывают к лётчикам, что с нашей квалификацией у них нет таких врачей-прыгунов.

Помогая друг другу экипироваться для десантирования, мы (группа ПДГ — парашютно-десантная группа — из четырех человек: я — с медицинской сумкой неотложной помощи и ключами от крышки люка спускаемого аппарата; прапорщик с какими-то приборами и пистолетом; солдаты с имуществом и автоматами) не заметили, как самолет снизился до тысячи метров. На земле уже стояла ночь, хотя на высоте и светило солнце.

Подойдя к нам, борттехник прицепил карабинчики вытяжных наших парашютов к тросу.

— На боевом! Скоро прыгать!

Загорелся красный плафон. Открылся люк, из которого в тепло салона самолета дохнуло... чем, вот там дохнуло-то?

— Аккуратней при приземлении! — борттехник нас перекрестил. — С Богом!

Но тут же люк захлопнулся…?! Красный плафон фонаря погас...?!

— Москва запретила прыгать, — пояснил командир. – Космонавты обнаружены. Вроде пока у них всё в порядке, без травм. Не хватало ещё десантуру угробить. Внизу — ночь, горы, ветер под двадцать метров.

Самое интересное, драматичное и комичное началось с раннего утра следующего дня...

Все силы, участвовавшие в спасении космонавтов, были сосредоточены на аэродроме города Семипалатинска. Среди них — несколько групп ПДГ с врачами-десантниками. Самолеты «Ан-12», «Ан-24», вертолеты «Ми-6», «Ми-8». Всю ночь с космонавтами, совершившими аварийную посадку, поддерживалась устойчивая связь. Над местом, где они находились, постоянно на большой высоте кружился один из самолетов-ретрансляторов, обеспечивая связь с Москвой. На спускаемом аппарате работал радиомаяк и световой маяк, вроде большой ГАИшной мигалки.

На КП военных летчиков всю ночь шла непрерывная кропотливая работа по выработке решения, как спасать космонавтов. Под утро командующий ВВС военного округа огласил перед всеми участниками предстоящей работы решение:

— Первыми к космонавтам прыгает ПДГ с такого-то вертолета. Как только рассветет — готовность к взлету. Вопросы есть?

Не надо ходить в театр, не надо смотреть финал бессмертного «Ревизора» Н. В. Гоголя — когда на вопрос командующего ВВС прозвучал ответ старшего лейтенанта медицинской службы А. Р., врача нашего батальона связи, которому предстояло первому оказаться у космонавтов, совершив парашютный прыжок во главе своей ПДГ:

— А наши парашюты (Д-1-8) не приспособлены для прыжков с вертолетов «Ми-8»!

Немая сцена... Вот, он — «Ревизор». Именно для этого, для подобных случаев, нас (ВДВ-шников) и привлекали в Поисково-спасательную службу (ППС ВВС). Все в шоке. Командующий ВВС, наполовину поднявшийся со стула, так и застыл в непривычной, неудобной позе. Полковники Чеканов и Леонов, старшие военные медики из штаба ВВС страны с недоумением разглядывают А. Р. Мёртвая тишина стоит пять, десять, пятнадцать, двадцать секунд.

Вот отчубучил; позор на все ВДВ. На всех врачей-десантников. Надо спасать наше высокое реноме. Поднимаюсь с места и безапелляционно заявляю (энтузиазма, наглости, бесшабашности, молодости — девать некуда):

— Старший лейтенант Макаров. Воздушно-десантные войска! Готов прыгать!

Поднялся невообразимый гвалт. Все с облегчением вздохнули. А. Р. смотрит на меня как на смертника.

— Доктор, бери машину, — это голос командующего ВВС округа, — перевози своё имущество с самолёта на вертолёт. Пойдёшь с ПДГ своего... коллеги.

На всё про всё ушло около часа. Пока я вернулся со стоянки «Ан-24», было принято совсем другое решение. Космонавтов поднять лебёдкой, зависнув одному вертолёту над ними. Группу А. Р., также зависнув, на лебёдке десантировать (есть такой способ десантирования — «с вису») с другого вертолёта неподалеку. Москва дала «добро».

Все вертолёты, один за одним, поднялись в воздух. Всё начальство разместилось на «Вышке». «Ан-12» кружил на восьми тысячах метров. «Ан-24» находился на стоянке. Моя ПДГ осталась не у дел, удобно разместившись на стульях в помещении, где совсем недавно бурлили страсти о принятии судьбоносного решения.

Так что всё дальнейшее, все этапы спасения космонавтов проходили на моих глазах. Вернее сказать, о всех этапах, всех действиях и всех разговорах по рации я слышал. Громкоговорящую связь никто не удосужился отключить.

Итак, началось.

Докладывает командир эскадрильи «Ми-8» полковник (или подполковник?) Кондратьев, первым подлетевший к месту предстоящей работы.

— Вижу объект! Лежит на крутом склоне горы. Купол зацепился за деревья. На спускаемом аппарате сидят: один, два... три исследователя, (это так в открытом эфире называли космонавтов) и курят.

Вначале всё внимание и здесь, на КП, и в Москве было обращено на последнее слово «курят?!». Откуда у космонавтов сигареты в космическом корабле? Затем разом до всех дошло: «Трое?!»

Думали-рядили... Не буду утомлять подробностями. Как оказалось, этим «третьим» стал лесник из «Ми-4», лесничего вертолёта, рано по утру летевшего куда-то по своим лесничьим делам. Заинтересовавшись неизвестным природным явлением, они высадили для выяснения пожароопасности одного своего коллегу.

В семьдесят девятом — начало Афганистана

Мне довелось послужить и там — военврачом... Но писать о себе не стану. Приведу несколько штришков о наших тульских медсестричках-афганках.

Светлана Дмитриевна Блохина (Гусева) (22.04.1957–27.02.2020)

Перед Светланой Гусевой, уроженкой города Тулы, медицинской сестрой и комсомольским вожаком МСЧ № 2 открывались громадные перспективы комсомольско-партийной карьеры. Однако, мы — в том числе

и Светлана — только предполагаем, а наверху располагают. И когда пришла в медсанчасть разнарядка на одну медсестру для работы в госпиталях Афганистана, то лучшей кандидатуры, чем Гусева, было не найти. Квалифицированная медицинская сестра хирургического отделения; лидер молодёжи Косой Горы, каждый год участвующая с трудными подростками в авто-мотопробеге по местам боёв Великой Отечественной войны; народная дружинница — гроза хулиганов и дебоширов посёлка; депутат поселкового и городского Советов народных депутатов; да что там перечислять — просто хороший, душевный человек, Комсомолка, одним словом, с большой буквы.

...В Афганистане, ожидая в Центральном военном госпитале отправку в Кундуз на постоянное место работы, она вдруг — всего через полчаса после прибытия — срочно была затребована в хирургическое отделение. Не нашлось среди вновь прибывших медицинских сестёр человека с её опытом работы хирургической медицинской сестры. Только и спросили:

— Капельницы ставить умеешь?

На утвердительный кивок сразу последовало продолжение от старшей медсестры, уходящей на пятиминутку:

— Вот — раненые. Первая задача — сними капельницы.

Медсестра Гусева не только сняла капельницы, но и выполнила все остальные процедуры, расписанные на каждого пациента: уколы, таблетки-микстуры, перевязки, ласковое слово, в конце концов. Как известно, пятиминутки порой затягиваются на час и более. В нашем случае, увидев проделанную работу, старшая только лаконично бросила:

— В ночь заступаешь на дежурство.

Так два года и дежурила, вернее, работала Светлана Гусева палатно-процедурной медицинской сестрой 1-го хирургического отделения 650-го военного госпиталя в Афганистане.

Из воспоминаний медицинской сестры Светланы Гусевой:

«...В нашем отделении находилось до 100–120 раненых, в послеоперационной палате — 20 человек. За сутки приходилось ставить до 30–40 капельниц плюс уколы и другие процедуры. Помощники — солдаты из команды выздоравливающих.

Самое ужасное с нами происходило после дежурства: приходишь в свой закуток, и слёзы сами катятся по щекам — два-три летальных случая за сутки. В нашем отделении не только хирургические больные находились, не только раненые хирургического профиля, но и урологические, и нейрохирургические — всем приходилось оказывать помощь. Даже инфекционные больные лечились: удалили у солдата аппендицит, а перед самой выпиской — температура за сорок — малярия.

Да, честно говоря, и бытовые условия оставляли желать лучшего. Душевая для женщин работала только два дня: вторник и пятница. Если в эти дни случалось дежурство, то с душем — в банальном пролёте.

Электрический свет выключали в шесть вечера — комендантский час; только реанимационная и операционная освещались. Из Союза, наряду с другими вещами и продуктами, везли свечи и канцелярский клей. Если свечи — понятно, для освещения после комендантского часа, то клей — для наклейки анализов в истории болезней.

Тем не менее, с ностальгической грустью вспоминаются те, афганские, тяжёлые дни и ночи...».

Стоп, стоп, стоп...

А четыре литра донорской крови, сданной раненым солдатам и офицерам, два случая из которых — прямым переливанием. А бессонные ночи в палатах этих раненых и много еще чего...

Дюкова Людмила Николаевна

Родилась 23.03.1945 в Нойхаузском концентрационном лагере в Германии.

В альбоме «Музея военной истории Тульского края» «Время выбрало нас» прочитал о Людмиле Дюковой первую строчку: «Биография Людмилы Николаевны Дюковой похожа на биографии многих девушек той поры...». Ничего подобного — биография Дюковой абсолютно не похожа на большинство биографий девушек той поры. Её биография — необычная. Хотя, может быть, с определённого возраста она и похожа на другие биографии представительниц Советского Союза — не отрицаю, но вот дата и место рождения у неё просто поразительные...

Из рассказа Людмилы Дюковой*:*

«...Маму мою, как и многих девушек из Житомирского детского дома, с первых дней войны угнали на работы в Германию. Отца угнали в сорок третьем, перед началом Курской битвы и поселили в тот же концлагерь — в гражданских концлагерях, по рассказам родителей, по крайней мере, в их лагере, мужчины и женщины жили вместе, правда, в разных бараках. С отцом же вышла совсем невероятная история. Он служил на одном из кораблей Балтийского флота в Кронштадте и в сорок первом году, попав под бомбёжку, был тяжело ранен и сильно контужен. За ним, получив письмо от командира корабля, приехала бабушка и, как рассказывал отец, увезла его умирать в родную деревню под Орлом. Но деревенский климат, парное молоко, а главное, домашний уход, сделали чудо — отец выжил, но по состоянию здоровья был вчистую комиссован из Красной Армии.

В сорок третьем, перед самым началом Курской битвы, всё население их деревни было угнано в Германию и размещено в том лагере, где находилась и, сама того не подозревая, будущая моя мама. В этом лагере я и родилась. После войны, когда нас освободили, отца оставили в Германии, и он почти год занимался вывозом трофейного имущества и оборудования с германских заводов. Эта его тогдашняя работа и спасла семью от репрессий после войны — единственная семья на всю нашу деревню не побывала в советских лагерях и никуда не была сослана. А я оказалась самым молодым (!) в Советском Союзе узником, кто родился в концентрационных лагерях. Приехав из Германии, отца назначили в одно из лесничеств в Калужской области, а вскоре мы переехали в Белёв.

После семилетки в Белёве окончила медицинское училище в 1962 году и по распределению отработала пять лет в Киреевске, а с 1967 года по настоящее время работаю в седьмой медсанчасти...»

Всё правильно: работала и продолжает работать в седьмой медсанчасти г. Тулы с небольшим перерывом в два года и один месяц, которые Людмила служила в Афганистане.

Продолжение рассказа Людмилы Дюковой:

«...Пришла в военкомат, написала заявление, что желаю работать по специальности в Группе Советских войск в Германии, но мне в военкомате прямо ответили, что с моей биографией путь закрыт на семь и более замков и в Германию, и в Чехословакию, и в Европу вообще. Я, по недомыслию, пыталась выяснить причину, а мне опять прямо ответили, что у меня могут остаться какие-то связи с сорок пятого года в Германии. Хоть плачь, хоть смейся — какие связи у грудного ребёнка? Правда, мне предложили альтернативный вариант: хочешь заграничной романтики — поезжай в Афганистан...»

Так в августе 1982 года Людмила Дюкова оказалась в Афганистане в Баграмском медсанбате, полевая почта 93982, на должности медицинской сестры операционно-перевязочного взвода медицинской роты.

Продолжение рассказа Людмилы Дюковой:

«...Полгода не могла без слёз (а то и без рыданий навзрыд) смотреть на раненых и погибших. Ничего не могла поделать с собой, никак не могла привыкнуть к таким ужасам Афганской войны. Узнав о моём состоянии, меня однажды вызвал к себе командир дивизии и предложил создать в медсанбате коллектив художественной самодеятельности. Естественно, я не отказалась, и стали мы давать концерты не только перед больными и ранеными, но и в боевых частях дивизии. И перед афганскими частями выступали. Надо было видеть лица бойцов на наших концертах — такие лица я видела в кинохрониках военных лет, когда на передовой пела Клавдия Шульженко...»

В сентябре 1984 года, вернувшись из командировки, Людмила пошла в военкомат с просьбой о предоставлении квартиры, которую ей перед отправкой в Афганистан обещали. Но чиновник про обещание забыл. Пришлось писать письмо в Партийную комиссию при ЦК КПСС. Через месяц вручили ордер на квартиру.

А страна наша держится и будет держаться на таких, как Людмила Дюкова, на нас с вами.

Честь и Слава ей, простой русской женщине!

МОЙ ПАПА — МОЯ ГОРДОСТЬ

Хлебникова Татьяна Анатольевна, 21 год,
студентка 2 курса заочно-ускоренной формы обучения
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Тула

Анатолий Юрьевич Хлебников

На фото мой папа, заместитель начальника воздушно-десантной подготовки Воздушно-десантных войск, полковник. Родился он 7 октября 1965 года в г. Ессентуки Ставропольского края, умер, когда ему было всего 46 лет. Сейчас ему было бы 54 года.

В 1988 году папа окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, в 2003 году — Общевойсковую академию Вооружённых Сил Российской Федерации.

В Воздушно-десантных войсках прошёл путь от инженера отделения воздушно-десантной службы дивизии до заместителя начальника воздушно-десантной подготовки ВДВ.

Папа хорошо учился в школе и с самого детства мечтал служить в ВДВ. В старших классах, готовясь к поступлению в училище, делал маленькие парашюты и скидывал пупсов с балкона, тренируя точность приземления. Как только исполнилось 18 лет, первый раз прыгнул с парашютом. Всего у папы было за жизнь более 1000 прыжков.

Я родилась, когда папа был лейтенантом. Он был очень добрым и хорошим, всегда и во всём мне помогал, мы проводили очень много времени вместе. Летом брал меня с собой на прыжки, мне очень нравилось наблюдать за летящими, красивыми парашютами. Я всегда любила проводить время с папой, и как только у него выдавалась свободная минутка (которых, к сожалению, было мало), он старался уделить ее семье.

У меня есть также сестрёнка, мы всегда с большой гордостью и любовью вспоминаем с ней годы, проведённые с папой.

В декабре 2003 года он участвовал в течение месяца в военных действиях в Чечне; по возвращению был награждён в соответствии с приказом Министра обороны РФ медалью «За отличие в военной службе» I ст. Мой папа награжден также орденом «За военные заслуги», медалью «За боевые заслуги», знаком отличия «За заслуги», медалью «За отличие в воинской службе», медалью «За отличие в военной службе» II ст., медалью «Генерал армии Маргелов», медалью «За воинскую доблесть» I ст.

К сожалению, сейчас папы уже нет с нами, но мы всегда будем его помнить и гордиться!

КУБА, ЛЮБОВЬ МОЯ...

Сенько Дмитрий Андреевич, 82 года,
полковник в отставке,
председатель Белорусского отделения
международного общественного фонда им. полководца Г.К. Жукова,
председатель Белорусского отделения воинов-ветеранов
интернационалистов-кубинцев,
Республика Беларусь, г. Минск

К 50-летию начала Кубинской революции

Окончив в 1959 году Сумское артиллерийско-техническое училище, службу начал старшим техником РТБ в Житомирской области.

В мае 1962 года поступила команда готовиться в длительную служебную командировку. Семьи отправили к родителям, личный состав в июле погрузили в эшелоны и выехали в Николаев. Там нас переодели в гражданскую форму: костюмы, ботинки, плащи; выдали рабочую форму — тельняшки, брюки, головные уборы.

Личный состав и технику погрузили на теплоход «Академик Курчатов». Технику разместили в твиндеки (нижняя часть корабля) и на палубе, закрыв брезентом. Для личного состава оборудовали трюм, разместив на двухэтажных койках.

Прошли Босфор, Гибралтар, впереди — Атлантический океан. Никто не знал, куда, зачем мы идём. И только в середине Атлантики, вскрыв третий пакет, командир сообщил, что направляемся на Кубу.

Условия на корабле оказались запредельными: девятибалльный шторм, жара свыше 40 градусов, а в трюме около 320 человек. На палубу не выпускали, лишь частично открыли люк с палубы. Недалеко от Кубы истребители США делали облёт корабля на 100–150-метровой высоте.

На пятнадцатые сутки плавания корабль пришвартовался в порту Мариель. Технику выгружали сами, ввиду отсутствия в порту корабельных кранов.

Выгруженная техника становилась в колонну, и ночью мы двинулись к своему месту расположения в сторону Пиналь-де-Рио, примерно в ста пятидесяти километрах от Гаваны.

Несмотря на то, что мы двигались ночью, «собрали» огромное количество машин кубинцев. Когда проходили города и селения, нас встречали радостные кубинцы с чашечками кофе и рукомойниками.

Нас разместили на большой, заросшей травой поляне. Спали мы на матрасах под открытым небом, затем поставили большие палатки на аэродромные плиты. Но и в палатки к нам пробиралась всяческая эк-

зотическая нечисть: москиты, скорпионы, фаланги. Несколько человек мы похоронили из-за тропической малярии.

Основная наша задача после благоустройства лагеря заключалась в проверке и приведении в боевое дежурство наших изделий, т. е. подготовке головных частей к боевому применению (проведение контрольных циклов после транспортировки), а для расчётов полков — подготовке и установке ракет на пусковые столы.

Но столы не были приспособлены к «уползающему» грунту после тропических ливней, вследствие чего ракеты могли упасть. Поэтому командир полка за несвоевременную установку ракет был снят с должности. И всё же, применяя дополнительные меры крепления, 24 ракеты установили на стартовые столы, они находились в 16-часовой готовности к пуску (мощность головной части — одна мегатонна в тротиловом эквиваленте).

Самая напряжённая обстановка, накалившись, казалось, дальше возможного, случилась с 23 по 28 октября 1962 года, когда США объявили блокаду Кубе.

Кубинские войска по приказу Фиделя Кастро привели в полную боевую готовность. Наши части по приказу из Москвы также были приведены в полную боевую готовность.

Морская авиация США начала сбрасывать глубинные бомбы по нашим четырём подводным лодкам, сопровождавшим наши надводные корабли. Американские разведывательные самолёты парами ежедневно утром и вечером облетали наши боевые позиции на высоте 100–150 метров.

25 октября кубинцы получили приказ сбивать всех нарушителей воздушного пространства. И 27 октября на высоте 21 тысячи километров нашей зенитной ракетой был сбит американский разведывательный самолёт U-2; над нашими боевыми позициями кубинцы из 37-мм зенитных установок сбили F-106.

На этом, в принципе, и окончился «Карибский кризис». Поставленные Н. С. Хрущёвым условия снятия кризисной ситуации президент США Джон Кеннеди принял, как то: снятие блокады Кубы; вывод американских ракет с территории Турции и Италии; налаживание нормальных дипломатических и экономических отношений с правительством Кубы.

И... 30 октября мы приступили к демонтажу и отправке ракет в Союз. К концу ноября часть личного состава, в том числе и автор этих строк, погрузившись на теплоход «Грузия», отправились на Родину, в порт Одессы.

К своей семье вернулся только 25 декабря. Моей дочери исполнилось три месяца...

МЫ — ИЗ ВОЕННОЙ ДИНАСТИИ

Евсин Никита Андреевич, 8 лет,
ученик 2 А класса МАОУ «Лицей №1»,
учитель — Яковлева Ольга Владимировна,
Рыжов Виктор Федорович, 72 года,
г. Тула

Что такое война? Даже трудно это представить, какое это было страшное событие в нашей истории.

В каждой семье есть свой герой. В нашей семье их два.

Ф. И. Рыжов

Мой прадедушка Федор Иванович Рыжов

Родился он 3 августа 1920 года в Калужской области. Окончил училище ФЗО. Немного поработал помощником машиниста паровоза в городе Калуга. В 1939 году его призвали в Красную Армию. Он служил водителем санитарной машины в 148-ом истребительном летном полку в Прибалтике, в г. Лиепая.

Война для него началась в 3 часа 30 минут 22 июня 1941 года с бомбежки аэродрома. Уже через час после обстрела аэродрома Федор Иванович на санитарной машине повез раненых в госпиталь, который находился в городе Рига. На полдороге их настигли немецкие бомбардировщики. Только они с санитаркой успели оттащить тяжелораненого в лес, как в машину попала бомба, погибли остальные раненые. Машины не стало. Раненого и санитарку он отправил с попутной машиной в госпиталь, а сам пошел назад в часть.

Когда вернулся, его воинской части уже не было. По приказу штаба Северо-западной армии, 148-ой истребительный авиаполк направили на запасной аэродром в г. Ригу. А вокруг уже все было забито отступающими. Он прибился к отступающей морской пехоте. Это были лихие воины. Отступали в тяжелой обстановке. Свою часть прадедушка нашел под Москвой.

В 1942 году их перебросили на переформирование под город Горький (ныне Нижний Новгород). Федора Рыжова направили в Военное училище. Весной 1943-го он стал офицером.

Прадедушка Федор воевал под Смоленском, потом в Прибалтике в мотострелковом полку. В 1945 году он участвовал в штурме города Кенигсберг (ныне Калининград) в составе 3-го Белорусского фронта. Воевал в инженерно-штурмовой бригаде помощником начальника политодела по комсомольской работе. День Победы он встретил уже в звании капитана.

Он прошел долгий путь войны от начала до конца. Был ранен, контужен, потерял много друзей и товарищей. Награжден орденом «Отечественной войны II степени», тремя орденами «Красной Звезды», семью медалями, в том числе «За отвагу», «За взятие Кенигсберга» и другими.

После окончания войны с другими офицерами он ездил в Берлин, где оставил свою подпись на Рейхстаге.

После войны Федор Иванович Рыжов служил в армии до 1968 года, в том числе в Германии. Постоянно давали о себе знать ранения и контузия. Закончил службу в звании подполковника в городе Новосибирске.

Прадедушка Федор умер 10 декабря 1986 года. До последних дней он занимался военно-патриотической работой, часто выступал перед школьниками, студентами, призывниками. Родители говорят, что он делился своими воспоминаниями о войне, чтобы вдохнуть в молодых ребят тот дух патриотизма, которым обладал.

М.И. Егоров

Мой прадедушка Михаил Иванович Егоров

9 мая 1945 года... Для всех это был праздник со слезами на глазах...

Но прадедушку впереди ждало главное сражение его жизни — в августе 1945 года он участвовал в боях в войне с Японией на Забайкальском фронте в составе саперного батальона 94-й стрелковой дивизии в штурмовой группе по уничтожению Хайларского укрепленного района.

«Кто мы были? Всего лишь мальчишки, в жизнь которых без спроса ворвалась война», — вспоминал прадедушка те нелегкие дни.

Родился он в Томской области в Асинском районе 27 января 1926 года в семье рабочих. Он учился в школе, когда началась война. Эшелонами стали поступать раненые с фронта, часть школ переоборудовали в госпитали. Ученики их школы были направлены в ремесленные и другие училища. После окончания ФЗО (фабрично-заводское обучение) мой прадедушка работал на цинковом заводе слесарем-инструментальщиком.

В 1943 году ему исполнилось 17 лет, и он был призван в Красную Армию на границу с Манчжурией, которую оккупировала Япония. Молодые солдаты, в числе которых был и мой прадедушка, наблюдали, как Квантунская армия вела подготовку для вступления в войну с Советским Союзом. Наши войска были готовы для отражения японской агрессии. Саперный батальон, в котором он проходил службу, принимал активное участие в сооружении оборонительных рубежей на границе.

И вот пришел день 9 мая 1945 года. Наступила долгожданная Великая Победа над Германией. Но уже 8 августа 1945 года началась война СССР с Японией.

В ночь с 8 на 9 августа 1945 года Михаил Егоров вступил в боевые действия с японской Квантунской армией. В составе 124-го саперного батальона он обеспечивал переправу черещз приграничную реку Аргунь.

В полосе наступления Забайкальского фронта находились Хуланаршанский, Чжалайнор-маньчжурский и Хайларский укрепленные районы. Наиболее упорно противник сопротивлялся в Хайларском укрепрайоне, который японцы обустраивали более 10 лет. Там уже в первый день войны начались ожесточенные бои.

Основу укрепленного района составляли долговременные огневые точки (ДОТ) из железобетона, которые имели 3-4 метровые стены и были хорошо укреплены. Артиллерия и даже авиация были не способны их уничтожить. Для разрушения были привлечены саперы, в том числе и мой прадедушка.

Опыта участия в боевых действиях, тем более в уничтожении долговременных сооружений, у молодых ребят не было. После поджигания зажигательных трубок саперы уходили в укрытие, а в это время японцы выходили из сооружений и удаляли зажигательные трубки, а взрывчатку уносили в подземелье.

К прадедушкиному отделению прикрепили опытного сапера, участника войны, старшего сержанта Черных, кавалера двух орденов Славы. Он организовал подвоз взрывчатого вещества на волокушах за танком и охрану заложенных зарядов. При очередном подрыве ДОТа он решил сам остаться на охране. После взрыва старший сержант не вернулся с боевого задания...

Благодаря усвоенному опыту при поддержке танков и пехоты саперы закладывали в амбразуры взрывчатку (тротил весом 1,5–2 тонны) и подрывали. Так было уничтожено около 50 ДОТов и 8 других оборонительных сооружений, что дало возможность дальнейшего наступления наших войск [1].

За успешное выполнение боевого задания младший сержант Михаил Егоров — командир отделения штурмовой группы — был награжден медалью «За отвагу».

После окончания войны ему довелось в течение двух месяцев участвовать в уничтожении Хайларского укрепленного района со всей его жизнедеятельностью подземелья. В 1946–1947 годах Михаил Егоров участвовал в разминировании Советской Государственной границы с Китаем. Потом прошел курсы лейтенантов и в 1961 году экстерном окончил Высшее Военное Инженерное Командное Училище. В 1967–1972 годах продолжил службу в Группе Советских Войск в Германии. С 1972 по 1976 годы служил в городе Белеве Тульской области начальником мобилизационной группы бригады.

Мой прадедушка Михаил Иванович всю жизнь посвятил защите Отечества в рядах Советской Армии. Прослужив в саперных войсках 34 года, ушел в отставку в звании полковника.

7 апреля 2018 года прадедушки Миши не стало. Но он навсегда останется в моей памяти не только добрым и улыбчивым дедушкой, но и главным образцом настоящего мужчины.

Его заслуги перед Отечеством были отмечены многочисленными наградами: орден «Отечественной войны II степени», медали «За отвагу», «За боевые заслуги», юбилейный почетный гражданский орден Серебряная Звезда «Общественное признание» и еще 22 медали, в том числе за выслугу и юбилейные награды.

Военная династия

Оба моих прадедушки встретили войну совсем молодыми, проведя молодость в боях, где погибали их товарищи. Война закалила их характеры. Поэтому они очень ценили жизнь, не тратили ее понапрасну. Усердно служили, отдавая все силы на благо социалистического Отечества. Советский Союз для них — это было всё. Здесь они родились, росли, учились, воевали за страну Советов, здесь служили, любили и жили. Они считали, что устройство СССР — это самый лучший и справедливый строй, который дал им всё в жизни. Прадедушка Миша очень сожалел о распаде СССР и всегда с теплотой вспоминал то лучшее время.

Именно с них, моих прадедушек, началась военная династия нашей семьи. Воспитанные в духе самоотверженного патриотизма все мужчины в семье не просто отдавали долг Родине, отслужив срочную службу в армии, а военное ремесло становилось делом их жизни. В нашей семье три полковника и два подполковника. Я тоже мечтаю стать военным, продолжить благородное дело и встать на страже нашей Родины.

Но самым главным я считаю, чтобы мы, современные дети, знали правду о Великой Отечественной войне, о том, как тяжело было всем — и нашим сверстникам, и взрослым, как долго тянулись военные годы, какой бескрайней радостью стал День Победы! Как наша страна, наши Герои победили фашизм! Ведь мое поколение последнее, которое видит живых ветеранов той войны, защитников Родины, настоящих патриотов.

Но не все современные дети понимают всю ценность этого подвига. У них свои герои — из мультфильмов, современных фильмов. А я убежден, что память о фронтовиках, их подвигах не даст допустить еще одной страшной трагедии.

Литература и источники

1. *Цирлин А.Д., Бирюков П.И., Истомин В.П., Федосеев Е.Н.* Инженерные войска в боях за Советскую Родину. Гл.15. На Дальнем Востоке — М.: Воениздат, 1970. URL: http://militera.lib.ru/h/engineers/15.html (дата обращения: 14.07.2020).

ПАМЯТЬ ГРЯДУЩЕГО, ИЛИ ПЛОДЫ ЗАДУШЕВНЫХ РАЗГОВОРОВ С ТРЕМЯ ВЕТЕРАНАМИ ВОЙНЫ: ОТЦОМ, ДЕДОМ И ПРАДЕДОМ — «ОТЦОМ НАРОДА»[1]

Кашицын Виктор Валентинович, 65 лет,
профессор, кандидат экономических наук
начальник кафедры экономической теории и мировой экономики
Государственного морского университета им. адм. Ф.Ф. Ушакова,
г. Новороссийск

Вот уже более 10 лет продолжается реализация важнейшего и ценнейшего проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» (или именуемого часто «Мы помним...» по названию выпущенной в его рамках серии книг), задуманного и реализуемого группой уникальных подвижников-туляков во главе с Людмилой Ивановной Ростовцевой. Проект этот о Великой Отечественной войне, проявленной в судьбах людей и отраженной каким-либо образом в сознании её участников, свидетелей и их потомков (потому это не просто пять книг, а книг воспоминаний и размышлений поколений). Перед глазами читателя этой серии книг поколений «Мы помним...» разворачивается колоссальная эпопея живой истории самого непостижимого на планете народа, представленная жизнями и судьбами людей и их воспоминаниями о событиях самого великого и одновременно трагического периода бытия страны — периода Великой Отечественной войны!

О войне много сказано и показано, много переспорено и «копий сломано», много позабыто и вспомнено, много скрыто и открыто, придумано и искажено. Но, чем дальше течет поток жизни, тем в более грандиозных смыслах и объемах раскрывается это явление, и данный проект этому по-крупному способствует. Огромное спасибо и низкий поклон всем тем, кто его организует, делает и ему способствует!

Когда я вспоминаю послевоенную историю страны, те мысли, которые непрестанно генерировались в головах людей, их рефлексию по поводу происходящего, то невольно ловлю себя на ощущении какого-то всё более явного и мощного взгляда извне, материализующегося присутствия в сегодняшней жизни наших героических дедушек и бабушек, отцов и матерей, воевавших и павших в боях, своими жизнями заслонивших страну, а потом и возродивших её из пепла. Причем, чем дальше по времени, идеологии и

[1] Продолжение. См.: *Кашицын В.В.* Наша Великая Победа // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. С. 383–385.

ценностям мы от них отдаляемся, тем более очевиднее их присутствие и дыхание! Воистину поверишь здесь в библейское послание по поводу восстания мёртвых в момент окончательной битвы сил добра и зла под горой Армагеддон, между прочим, прогнозируемых приблизительно на наше время.

В любом случае Великая война и Великая Победа не перестают будоражить разум касательно того, как же так всё-таки получилось, что идеалы и ценности самого светлого в истории страны и человечества опыта-прорыва в торжество справедливости и невиданного эпохального развития под названием «Советский Союз» в конечном итоге привели к этому провальному ямочному состоянию, в котором страна пребывает последние 30 лет, понеся в своей истории невиданные потери по всему спектру материальных и духовных человеческих ресурсов. Очевидно, что такие ёмкие исторические катастрофы вдруг и неожиданно являться не могут! Очевидно, что в состоянии и эволюции общества, страны исподволь системно и длительно, шаг за шагом, должны были происходить процессы, которые в конечном итоге закономерно и неумолимо привели нас к этой исторической катастрофе, которая по совокупности факторов и потерь, повторимся, не имела аналогов в полуторатысячелетней истории самой уникальной в истории человечества нации и страны.

И если с научной, философской, политэкономической, исторической точек зрения эти закономерности достаточно быстро и реалистично исследовались и обнаруживались (несмотря на примитивизацию или, наоборот, ложное усложнение гуманитарных наук в целом), то с точки зрения населения и властной системы управления эти закономерности отторгались или вовсе не учитывались. Такое явление в массовом и линейном формате могло происходить и происходило только в случае мощного отрыва механизма воспроизводства власти и управляющей системы (воспроизводства кадров) от науки (прежде всего гуманитарной) и, естественно, от профессионализма в целом. И, соответственно, этому процессу отрыва не мог не воспоследовать устойчивый, нарастающий и системный отрыв населения от науки, просвещения, образования и профессионализма с последующим неизбежным обесценением данных сфер в ценностной матрице населения. А непонимание деградирующей властной элитой сути своих же программных документов (программа партии, устав и др.) в конечном итоге привело деградацию властной элиты к полному отрыву от генома развития и ложным иррациональным представлениям об обществе, экономике, развитии и природе вещей в целом. Чего стоит хотя бы строительство коммунизма к 1980 году, хрущёвская и косыгинская реформы, провозглашаемый заглавной целью развития рост потребления, трансформация в качестве экономической основы управления и страны советов депутатов трудящихся в советы народных депутатов в Конституции 1977 года и т. д.

Одним словом, если целевые ориентиры первых 30 лет эволюции СССР были прозрачны: восстановление хозяйства после мировой и гражданской войн, запуск механизма внутреннего рынка страны, электрификация, коллективизация, индустриализация, победа в войне и восстановление хозяйства после неё, ядерная энергетика и космос и т. д., то с политико-экономическими формами как на микро-, так и на макроуровне и их системной гибкостью была полная неопределенность. И. В. Сталин как мог в течение 20 лет пытался активировать развитие политической экономии (Библии в управлении крупной страны). Но тщетно, особых результатов достигнуть не удалось, пока в конце концов после длительной и мощной всесоюзной научной дискуссии 1951 года по поводу основных будущих политико-экономических ориентиров развития страны и издания учебника политической экономии не написал сам серьёзную работу по этому поводу — «Экономические проблемы развития социализма в СССР», в 1952 году, где, вообще говоря, расставил методологические акценты системы развития, которые через 30 лет китайцы и заложили в основание своей модели развития. Ну а дальше? А дальше всё хорошо известно. Модель профессионального, на базе новой системы управления и кадрового воспроизводства броска в будущее была похоронена вместе с культом личности и началась длинная историческая полоса консервации, деградации и вымывания из системы управления интеллекта и профессионализма. За последние 30 лет этот процесс был доведен до логического конца, ударно и вкупе с разграблением страны.

Иосиф Виссарионович Сталин

Поэтому причинно-следственная связь в процессе превращения страны из сверхдержавы-победителя в проигравшую сторону и страну-аутсайдер была активирована не в 1985–1995 гг., а существенно раньше, после скоропостижной смерти И. В. Сталина, так и не успевшего запустить механизм новой редакции НЭПа в середине 1950-х годов! И проблема здесь — не в социализме, а в системе управления и в качестве кадрового состава КПСС, где любой профессионализм скрупулезно уничтожался 35 лет, и в последние 30 лет до сегодняшнего дня уничтожен фактически полностью.

Ну а что же население?! Какова же его позиция и рефлексия по этому поводу, спросит вдумчивый читатель. Разумеется, населению нашему в проницательности и вдумчивости не откажешь. Но, как и в любой другой большой стране, оно у нас очень разное. По нашему глубокому убеждению, с точки зрения проникновения в суть проблемы, нас здесь интересующей, население условно можно разделить на две подвижных части по признаку уровня, качества и динамики его профессионализма. В двадцатые годы в результате культурной революции и направленности преобразований на созидание у населения выработался заметный условный рефлекс к росту образования и профессионализма, так как стало

понятно заметному большинству населения, что честным квалифицированным трудом в жизни можно добиться если не всего, то очень многого. Именно в результате этого в стране была на большой промежуток времени обретена удивительно созидающая пассионарная креативная среда, реализацию которой кроме как чудом трудно назвать по-другому. Буквально за три десятка лет страна потрясающе преобразилась. И ядром-локомотивом в данной трансформации, безусловно, была партия, большая часть которой, к величайшему сожалению, полегла на фронте, да и часто в тылу в период войны. «Коммунисты, вперед!» никогда не было фантомом на фронте, в атаке, перед которой бойцы часто вступали в партию. Никогда нельзя забывать, что именно поэтому из 8 млн. 600 тысяч погибших бойцов больше половины были коммунисты. Именно коммунисты и офицеры младшего комсостава гибли всегда первыми. Поэтому качественный состав партии после войны и вплоть до 1991 года так и не восстановился полностью. Отсюда и проистекают основные проблемы трансформации партии, системы управления и в конечном итоге — тенденция деградации профессионализма и страны в целом.

Многочисленные в течение жизни разговоры на эту тему с отцом и его братьями-фронтовиками, дедом и другими офицерами-ветеранами при всей их скромности, нежелании говорить о войне и реакции на окружающую действительность в последующие 40 лет не оставляют нам вариантов иных объяснений причин неумолимо ускоряющейся деградации обстановки в стране.

Конечно в 50-е, 60-ые годы прошлого века страна по инерции развивалась в заданном творцами системы направлении. И порой достаточно успешно. Но в 70-е годы, когда партия в деградации окончательно опередила страну, последствия чего не заставили себя долго ждать, спрогнозировать дальнейшие события думающим профессиональным людям было не очень трудно. Как, впрочем, и сегодня, имея в виду, что тренды не изменились. Как была в эпицентре проблем система управления, тотально уничтожающая профессионализм во всех его проявлениях, так пока все и продолжается!

В жизни каждого человека отец значит больше, чем сто учителей, вне зависимости есть он, или нет, «воспитывал» он хорошо или плохо, или вообще не «воспитывал», так как «генетика» запускает механизм заполнения миссии отца тем самым положительным в росте и развитии человека, на что способна его креативная благородная фантазия. Ведь он инициировал жизнь, дал Отчество и обозначил Отечество, вне которого человека не существует!

Взрослея, человек неумолимо переосмысливает роль и место Отца в своей жизни через призму этой стержневой в его жизни миссии, и, если это произошло, сам становится человеком окончательно! Отсюда и проистекает неистребимое желание каждого человека чем дальше, тем в большей степени узнать максимально больше о жизни отца и его личных и профессиональных перипетиях, о его мировоззрении и поступках, о его взглядах на жизнь и её премудростях: ввиду того, что сама жизнь происходит от него, организуется вокруг него и посредством его защищается, целеуказуется и наполняется смыслом!

Обозревая в данном контексте всю свою бессознательную и сознательную жизнь, рано или поздно понимаешь, что твоё воспитание осуществлялось как бы не специально и главным образом в бессловесном формате. И отец, и мать с утра до вечера работали и работали, как правило, напряжённо, и те немногие часы, которые проводились в семейном кругу, были наполнены элементами поддержания на плаву домашнего хозяйства, подготовкой к очередным профессиональным напряжениям и, очень редко, совместными досуговыми акциями, где опять-таки часто обсуждались вопросы оптимизации профессиональной деятельности.

Одним словом, фактический воспитательный процесс реализовывался как бы опосредованно, через среду, через аксиоматику совместной семейной и общественной деятельности. И, соответственно, дети незаметно и неумолимо через циклы жизнедеятельности родителей вовлекались в гармоничную жизнь семьи, общности, социума и страны вслед за родителями, впитывая их стиль, рефлексируя по поводу акцентов этого стиля.

Отец мой, Валентин Сергеевич Кашицын, родился и вырос в многодетной сельской семье, где с рассвета до заката вне зависимости от пола и возраста работали. Его отец, герой Первой мировой войны и Брусиловского прорыва, где он потерял ногу, днём как кавалерист объезжал в должности лесника лесные угодья Владимирской губернии, а вечером, насколько мог, трудился дома по хозяйству и плёл корзины на продажу. Пятеро сыновей и две дочери тоже с утра до вечера помогали родителям и в свободное время, помогая друг другу, учились.

Война внесла в этот процесс свои жёсткие коррективы. Трое сыновей в первые же дни ушли на фронт. Младшие сыновья и дочери за себя и за них с удвоенной энергией продолжали работать. Отец в 15 лет поступил в лесной техникум, но менее чем через год вынужден был вернуться в семью, так как оказался старшим, и хозяйство без него могло прийти в упадок. Но еще через год, в 17 лет, его призвали в военное училище, так как на фронте катастрофически не хватало младшего комсостава. Проучившись в училище 7 месяцев, в результате очередного прорыва немцами фронта он в составе всего училища в неполные 18 лет оказался на фронте, где, отвоевав 8 месяцев, оказался в части, берущей плацдарм перед взятием города Киева. И вот здесь, в ожесточенном бою и после форсирования

Валентин Сергеевич Кашицын

Днепра он был тяжело ранен, после чего пролечился несколько месяцев в различных госпиталях. В этот период началось ускоренное формирование погранотрядов для восстановления западной границы страны, куда отец и попал как ограниченно восстановленный после тяжелого ранения. Нельзя не отметить, что погранвойска в течение фактически 8 лет на западно-украинской границе, находясь в координатах войны с бандеровцами, часто попадали в ситуацию круговой обороны. Но так как боевые действия с бандеровцами вели в основном силовые подразделения, формируемые из местного западноукраинского населения, люто ненавидевшего бандеровцев за их жестокость и зверства, а последние жутко боялись пограничников, потерь среди них было очень мало. Но именно погранвойска, в которых пришлось отцу служить много лет после войны, (и боевые действия) круто изменили его планы поступления в лесотехнический институт и овладения профессией инженера. Вынужденно оставшись в погранвойсках, он в конечном итоге и прослужил в них всю свою жизнь офицером, уволившись с должности начальника оперативного отдела штаба погранотряда в 1980 году.

Собственно, на погранзаставе на грузино-турецкой границе я и родился в 1954 году в семье офицера-пограничника и мамы — преподавателя математики средней школы, которая после окончания Псковского пединститута попала по распределению во Владимирскую область, где как раз в отпуске и оказался мой отец.

Война, конечно, оставила заметный след в семье отца, где один брат погиб в июле 1941 года под Псковом, второй в том же 1941 году после окружения и контузии в бою во время прорыва попал в плен, был освобождён нашими войсками в Австрии в 1945 году, третий брат, как и отец, был тяжело ранен, но закончил войну офицером и так же, как мой отец, остался служить в армии. В семье мамы потерь было меньше, так как воевал, и то недолго, только её отец, Власеев Михаил Григорьевич, мой дед, который после первого взятия Керчи в 1942 году оказался тяжело ранен и после долгого лечения был комиссован; в качестве агронома высокой квалификации он должен был на освобождённой земле Кубани поднимать с нуля колхоз, который и превратил в течение 5 лет в колхоз-миллионер с самыми высокими урожаями.

Михаил Григорьевич Власеев

И вот обозревая из глубины своего детства, из школьных лет свои «университеты» и осмысливая их, быстро прихожу к выводу, что собственно специально и детально нас никто предметно и специально не учил чему-либо и не воспитывал: ни родители, ни дедушки с бабушками. Всё происходило как бы само собой. Многочисленные дети и внуки сами учились, приобщаясь к непрерывному труду родителей, дедушек и бабушек, пребывая с ними в процессе многообразной деятельности в непрерывных разговорах, дискуссиях и вопросах-ответах, между прочим, взаимных дебатах. Июль проводили в станице на Кубани, август — в селе во Владимирской губернии. И там и там мы сливались с привычным многообразным бытом, сельской детворой, с природой и постигали невероятно интересные науки: учились косить, дрова заготавливать, ягоды собирать, пасти и доить коров, делать из молока сливки, сметану и масло, ходить с лошадьми в ночное, руками ловить рыбу, варить варенье и делать на зиму закрутки и прочее, прочее, прочее.

Ну а в течение учебного года напряжённо учишься, читаешь море литературы, ходишь в спортивную секцию, учишься в музыкальной школе, общаешься с детворой во дворе и так далее. Одним словом, не до родителей здесь и не до воспитания. Все заняты осмысленным делом, и самым памятным вопросом в конце учебного года становится родительский вопрос: «Ты какой класс окончил и с какими результатами?». Такой вот, однако, «тоталитаризм» и такая вот «безнадёга»?! Ну а в студенческие времена на смену сельским практикам и пионерским лагерям приходят студенческие отряды и картошка!

Что можно сказать по этому поводу, возвращаясь к пафосу осмысленных дебатов со старшими поколениями? Конечно, эпицентр проблемы разворота к деградации — это гипертрофированная урбанизация, исчезновение в 1950-е годы в стране устойчивого большинства сельского населения и, как следствие, приговор — вопарение малодетной городской семьи. А в производстве — исчезновение цитадели социализма и его университета — коллективного самоуправления, реализующегося в формах кооперации, артелей, промыслов и других самоуправляющихся независимых форм. Не деревню надо было доить и подтягивать, уничтожая ее, к городу, а город диверсифицировать и подтягивать к деревне. Не целину надо было осваивать, а трансформировать и развивать Нечерноземье. Не хрущобы надо было строить, а развивать всесоюзный коттеджный проект. Не эгоизм и дикое потребительство надо было культивировать в малодетных городских семьях, а пестовать и стимулировать умножение многодетных семей, где старшие дети организуют младших. Но для этого потребен высочайший гуманитарный профессионализм и доминантный его культ в системе воспроизводства кадров в управлении!

И до тех пор, пока отцы и деды-фронтовики с нами, то есть не забыты, пока не забыто их отношение к делу, к работе, к войне, к истории, к системе, к власти и управлению, шансы на вылезание из исторической ямы, в которой мы оказались в последние 65 и, особенно, 30 лет, есть! Это сегодня главное, равно как и рачительное эффективное их, этих шансов, использование!

И на все про все нам осталось максимум 3 года. Ну а дальше? А дальше в лучшем случае историческое забвение и небытие, если мы эти три года оставшихся не используем рачительно.

НАМ ЕСТЬ КЕМ ГОРДИТЬСЯ![1]

Якимова Лариса Алексеевна, 71 год,
пенсионерка, учитель английского языка,
дочь полковника Алексея Степановича Головина,
участника Великой Отечественной войны,
Почетного гражданина Тульской области,
г. Тула

Думаю, не так много найдётся семей, где бы сразу пятеро ее членов были удостоены медали «За оборону Москвы».

Главой семейства был Степан Матвеевич Головин, потомственный оружейник. Он изготавливал и ремонтировал оружие даже в самые трудные дни обороны Тулы осенью 1941-го. Мария Ивановна Головина — мать четверых сыновей, защитников своего Отечества. Она была обаятельной и удивительно остроумной женщиной, сочетавшей в себе женственность и в то же время необыкновенную твердость характера. Избиралась депутатом горсовета в конце 1920-х, во время войны помогала руководить строительством баррикад и противотанковых заграждений на тульских улицах, а после войны долго оставалась одним из лучших председателей уличных комитетов.

Материнское сердце ее было переполнено непередаваемой радостью, когда все четыре сына собрались дома после войны живые-невредимые и были удостоены многих наград за героическую службу.

Мой отец, Алексей Степанович, был младший в семье сын. А старший Дмитрий всегда являлся образцом для подражания. Поэтому я расскажу сначала о нем.

С юных лет вся жизнь Дмитрия была связана со спортом. В годы войны работал слесарем на ТОЗе вместе с отцом, а зимой 1942–1943 гг. по заданию облвоенкомата подготовил 115 инструкторов лыжных батальонов из числа офицеров. Дмитрий Степанович Головин — первый мастер спорта в Туле по лыжным гонкам. Будучи тренером, воспитал много выдающихся лыжников и легкоатлетов, среди которых олимпийский чемпион Вячеслав Веденин, чемпион Европы в беге на 400 метров с барьерами Анатолий Юлин, чемпионка Всемирной студенческой зимней Универсиады Валентина Тюхова, победитель Первенства страны среди юниоров Виктор Давыдов.

В должности заместителя председателя областного спорткомитета Д. С. Головин немало сделал для развития спорта и пропаганды здорового образа жизни. Его ученики подхватили у тренера эстафету, развивая физкультуру и спорт в Туле и оставив о себе добрую память: это прежде всего директор «АК Туламашзавод», Герой Социалистического Труда Вадим Сергеевич Усов (1925–2005) и зам. начальника Главприокскстроя Сергей Андреевич Игнатов. Занимавшиеся у Дмитрия Степановича Лариса Романовна и Юрий Алексеевич Тюриковы, сами став тренерами, преподавателями физкультуры, дали путевку в жизнь множеству благодарных им воспитанников. А они, в свою очередь, очень тепло вспоминают Д. С. Головина.

Вот и мой отец в детстве любил лыжи, играл в хоккей, выигрывал областные соревнования по бегу. После семилетки тоже пошел на оружейный завод фрезеровщиком, был комсоргом цеха. В 1941-м, когда Гудериан стал приближаться к Туле, ему предложили войти в состав диверсионно-разведывательной группы особого отдела НКВД при штабе 50-й армии.

В мае 1942 г. Алексея Головина призвали в Красную Армию и он стал бойцом первой резервной (впоследствии 64-й) армии. Больше всего отцу запомнились охрана и сопровождение плененного в сталинградском «котле» вместе с 300-тысячной группировкой фельдмаршала Фридриха фон Паулюса: «Из подвала центрального универмага города, где находился немецкий штаб, Паулюса доставили в Бекетовку, в штаб нашей армии. Здесь его ожидали для допроса командующий 64-й армией генерал-лейтенант М. С. Шумилов и начальник особого отдела НКВД армии И. И. Глина», — вспоминал он. Я помню, как М. С. Шумилов приезжал в Тулу. Отец участвовал также в Курской битве (уже в СМЕРШ), форсировал Днепр, освобождал Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию, Чехословакию.

После войны он служил старшим оперуполномоченным в Управлении контрразведки МГБ Южной группы войск по Тульской области. Выявлял бывших полицаев и фашистских пособников, иностранную агентуру. В 1951 г. был направлен на работу в Германию, в 1953-м — в управление внутренних дел Тульской области, в 1960-м — в уголовно-исполнительную систему. Закончил службу замполитом исправительно-трудовой колонии № 5 г. Донского.

Выйдя на заслуженный отдых, папа принимал активное участие в общественной работе: являлся председателем Совета ветеранов Управления исполнения наказаний Министерства юстиции РФ по Тульской области, занимался патриотическим воспитанием молодого поколения. В 2012 г. ему было присвоено звание «Почетный гражданин Тульской области».

Орденов и медалей у отца было так много, что парадный мундир был очень тяжел и его было трудно носить в преклонном возрасте.

Я часто вспоминаю отца — каким он был светлым человеком! Его искромётный и оригинальный юмор привлекал внимание молодого поколения, с которым он всегда мог найти общий язык. Это и способствовало воспитательной работе, которой он занимался до последних дней.

---

[1] См.: *Головин А. С.* Моя семья // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1. Тула: Гриф и К, 2012. С. 277–289; *Нестерова Е. И.* Сталинградская битва в воспоминаниях А. С. Головина // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 2. Тула: Аквариус, 2015. С. 316–319.

Самым любимым занятием в его жизни было чтение. Книги — это его страсть. Целая комната была отведена под стеллажи, где стояли тома классической, военно-исторической и научной литературы.

В юности он мечтал стать актером и занимался в драмкружке при Тульском театре. Однажды он заменил заболевшего актера, сыграл роль солдата в пьесе «Любовь Яровая». И хотя роль была маленькая, его заметили. Но, увы, война, жестокая и беспощадная, разрушила его планы, однако в течение всей жизни он декламировал стихи при любом удобном случае с большим успехом. А на конференциях читал доклады своим молодым голосом. И даже в 90 лет он сохранял прекрасную физическую форму, ежедневно делал гимнастику и обливался холодной водой, сохранял неисчерпаемую жажду жизни и необычайный оптимизм.

Еще с двумя братьями, Михаилом и Анатолием, до последних дней его связывали теплые братские отношения.

Михаил в октябре 1941-го был призван в Тульский рабочий полк, охранял оружейный завод. Известный в Туле факт — как группа рабочих, в т. ч. и Михаил, под руководством лучшего токаря страны А. В. Моторина выполнили спецзадание: за трое суток без сна и отдыха отремонтировали боевое орудие. Позднее он получил звание «Лучший токарь завода». А в 1944-м по рекомендации администрации ТОЗа и общественных организаций М. С. Головин как активный участник обороны Тулы был направлен для прохождения службы в органы НКГБ Тульской области. Да так и прослужил в органах госбезопасности свыше четверти века. Его уважали. Служебное положение давало ему доступ к секретной информации, которую руководство из соображений осторожности не доверяло бумаге.

Анатолий двадцатилетним пареньком, начав ещё с Финской войны, прошёл зенитчиком всю Великую Отечественную войну с первого до последнего дня. Он был скромным героем и не любил рассказывать, как в Финскую лежал на снегу, поджидая противника, и обморозил руки и пальцы на ногах. Он не любит вспоминать, как при обороне Ленинграда падал в голодные обмороки. Но он любил вспоминать, как встретил русоволосую девушку Веру, связистку зенитно-артиллерийской бригады, как они поженились, а 9 мая 1945 г. родился сын Владимир. После войны он работал инструктором физкультуры на Тульском патронном заводе, а затем в течение 36 лет руководил кадровой службой на местном мясоптицекомбинате. И здесь служил честно и добросовестно.

Кстати, когда мой папа женился в 1947 году, то узнал, что его тесть Михаил Григорьевич Костиков во время Великой Отечественной войны был заместителем директора Тульского комбайнового завода, а затем завода «Штамп». Эти заводы производили снаряды, патроны и гильзы для фронта. М. Г. Костиков являлся кавалером орденов Трудового Красного Знамени и «Знак почета», был также награжден медалью «За оборону Москвы» и др.

МГНОВЕНИЯ ВСТРЕЧ С БАТЕЙ[1]

Шеин Николай Григорьевич, 86 лет,
майор в отставке, член правления Тульской региональной общественной историко-просветительской организации «Знание — Данко», заслуженный работник культуры РФ, г. Тула

Генерал армии В.Ф. Маргелов

После войны я окончил в Оренбурге техникум механизации сельского хозяйства (1949–1953), затем Воздушно-десантное военное училище в г. Алма-Ата (1953–1956) и был направлен в Тулу, в 106-ю гв. воздушно-десантную дивизию, где прослужил 6 лет командиром взвода (1956–1962). Потом была служба в 105-й гв. воздушно-десантной дивизии в Фергане (1962–1968) и в 103-й гв. воздушно-десантной дивизии в Витебске (1968–1977). В Самаре служил в распоряжении командующего Приволжским военным округом, в политотделе спецчастей Уфимского гарнизона (1977–1979), начальником Уфимского гарнизонного университета (1979–1984). В Уфе началась деятельность в обществе «Знание» — сначала референтом Башкирской республиканской организации, потом заведующим отделом методической работы (1977–1987).

Когда вернулся в Тулу, вся последующая жизнь оказалась связанной с правлением Тульской областной организации общества «Знание» России — от референта (1988–1997) до заместителя председателя правления (1997–1999) и председателя (1999–2014).

Большое внимание я всегда уделял патриотическому воспитанию. До сих пор много выступаю перед детьми и молодежью, делюсь воспоминаниями о своем детстве и юности, омраченными войной, чтобы они знали — надо хранить память и быть благодарным всем тем, кто отстоял мир и трудится во имя Отечества.

Еще один мой рассказ — точнее мои наблюдения курсанта — о выдающемся человеке Василии Филипповиче Маргелове, Герое Советского Союза (1944), генерале армии, командующем Воздушно-десантными войсками СССР (1954–1959 и 1961–1979) и создателе ВДВ.

---

[1] Продолжение. См.: *Шеин Н.Г.* «Мы, маленькие, были нужны стране» // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 /Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. С. 425–430; *Шеин Н.Г.* Мечты послевоенного детства // Мы помним... Сразу после войны (2017). С. 286–288

Первый раз я увидел Маргелова Василия Филипповича, легендарного командующего воздушно-десантными войсками, в 1955 году на трибуне строевого плаца Алма-Атинского воздушно-десантного училища. В кожаной авиационной куртке и фуражке он стоял у края трибуны, а не в центре, как положено командующему. Смотрел куда-то в сторону и напряженно курил, видимо, думал о чём-то серьёзном, и ему было не до нас, курсантов училища, марширующих по плацу.

Вторая встреча была уже при выпуске из училища в сентябре 1956 года также на плацу и потом на выпускном вечере в нашей курсантской столовой. Маргелов сидел вместе с нами за одним столиком и каждый выпускник, кто хотел, мог подойти к нему, сказать что-то или спросить, чокнуться стаканами (я постеснялся это сделать). С каждым В.Ф. Маргелов находил общий язык, мы его чувствовали полностью своим, именно батей, как потом и стали его называть все в воздушно-десантных войсках.

Затем приходилось видеть Маргелова несколько раз на трибуне строевого плаца или собраниях офицеров в 351-м парашютно-десантном полку, где я служил с 1956 по 1969 годы. Но вот одна встреча у меня была с Маргеловым, как говорят, один на один.

Расскажу подробнее.

Я тогда служил командиром второй парашютно-десантной роты, которую назначили внештатной разведывательной ротой полка. Несколько месяцев назад в войсках ввели новый метод строевой подготовки, как мы его между собой стали называть «квадратно-гнездовой». На плацу рисовались квадраты и мы вышагивали по ним строевым шагом сначала одиночно, потом в составе подразделений.

В одно из воскресений уже под вечер ко мне домой прибежал посыльный и доложил, что меня срочно вызывает в штаб командир полка полковник Добровольский А. М. Прибегаю в кабинет командира полка, там рядом с командиром сидит подполковник Перфильев Я. С., заместитель по политчасти. Оба какие-то озабоченные.

Добровольский мне с ходу:

— Товарищ капитан, завтра в 9.00 вашу роту проверяет по строевой подготовке лично командующий ВДВ генерал армии Маргелов. Форма повседневная, с оружием.

Я стою, вытянувшись по-военному. Молчу. Добровольский продолжает:

— В пятницу командующий проверил разведроту Ошского полка, командира роты арестовал на пять суток за плохую строевую подготовку роты. В субботу проверил разведроту Ферганского полка, командиру роты объявил строгий выговор за слабую строевую подготовку роты. Завтра ваша очередь. Вы понимаете Вашу ответственность за честь полка?!

Что мне оставалось ответить?

— Так точно, товарищ полковник!

— Что вы намерены предпринять?

Мысли одна за другой закружились у меня в голове, какую выбрать — никак не соображу. Выручил подполковник Перфильев Я. С. Он предложил:

— Давайте так: вы идите сейчас в расположение роты, соберите личный состав в ленкомнате, я приду и объясню задачу. А вы немедленно организуйте стирку обмундирования в авиационном бензине, вызовите в роту полковых портных, сапожников. Починить всё обмундирование и обувь, получить полные комплекты значков на складе. Обмундирование выгладить, обувь начистить до блеска. Надеюсь, ночи вам на это хватит?

Я опять ответил:

— Так точно!

Всю ночь трудились, я успел только утром сбегать домой позавтракать и подшить свежий подворотничок к гимнастёрке.

И вот 8.30 утра. Вторая парашютно-десантная рота в выстиранном обмундировании, со всеми значками, начищенными до блеска сапогами стоит на полковом плацу, ожидая командующего ВДВ.

Вдруг... хлынул ливень. Сплошные потоки воды полились с небес на вычищенную роту. На плацу образовались громадные лужи. Тем не менее командующий ВДВ генерал армии Маргелов В.Ф. ровно в 9.00 быстро вышел из КПП и направился к нам. За ним бежали офицеры штаба полка, ему на ходу накинули на плечи накидку от дождя, он резко махнул рукой, показывая, чтобы не мешали, а шли заниматься своими делами по распорядку дня.

Увидев это, я заорал во всё горло:

— Рота, смирно! Равнение на середину!

И пошёл строевым шагом навстречу Маргелову, разбрызгивая

Памятник командующему Воздушно-десантными войсками В.Ф. Маргелову в Москве. Скульптор Алексей Чебаненко, архитектор проекта Сергей Калугин. На постаменте — фразы, ставшие девизом всей жизни военачальника: «Никто, кроме нас» и «С любых высот — в любое пекло».

воду в лужах. Он тоже как-то подобрался, идёт ко мне навстречу чуть ли не строевым шагом.

Пришлось остановиться прямо на середине лужи:

— Товарищ командующий! Вторая парашютно-десантная рота занимается строевой подготовкой. Командир роты — гвардии капитан Шеин.

Маргелов вышел к середине развёрнутого строя роты:

— Здравствуйте, гвардейцы десантники!

Рота ответила дружно и громко:

— Здравия желаем, товарищ командующий!

Маргелов пожал мне руку, посмотрел из-под капюшона накидки как-то тепло на застывшую в строю роту:

— Хорошо, ротный, занимайтесь по плану. А я покурю...

Отошёл от трибуны, закурил и стал думать, видимо, о чём-то своём, изредка бросая на нас внимательные взгляды из-под мокрого капюшона накидки.

В соответствии с «квадратно-гнездовым» методом обучения я перестраивал роту, делал разные манипуляции, как положено по этому методу, с мокрыми до нитки гвардейцами, вдруг вижу: Маргелов бросил курить и идёт ко мне. Ору:

— Рота, смирно!

— Вольно, вольно, — говорит Маргелов, — пусть взводные занимаются, а мы с тобой, ротный, поговорим.

Я подал команду командирам взводов заниматься в составе взводов, с волнением подошёл к Маргелову.

— Ротный, как настроение у ребят?

— Хорошее, товарищ командующий!

— Вопросы, просьбы есть?

— Никак нет, товарищ командующий!

— Покажи, ротный, мне свой личный план на неделю.

Тут я замер. План-конспект на проведение строевой подготовки мне подготовил ротный писарь, а личный план я забыл написать. Пришлось признаться:

— Товарищ командующий, не успел я подготовить личный план, после занятий немедленно сделаю...

— Ладно, ротный, я тоже не успеваю планы писать, давай с ротой торжественным маршем, потом с песней, я посмотрю.

Дождь как раз прекратился, Маргелов снял накидку, взошёл на трибуну и ждёт.

Торжественным маршем мимо трибуны с командующим мы прошли, не чувствуя ног. Как будто летели. Теперь с песней. Запевалами в роте были братья-близнецы Филюнины. Звонко затянули:

Только ветер, только ветер
Возле самого виска.
Лучше нету войск на свете,
Чем десантные войска!

Шеин Н.Г. — командир роты

Рота пропела тоже с энтузиазмом. Маргелов махнул рукой, чтобы мы следовали в казарму. Через час сигнал от штаба полка: «Сбор офицеров!».

Ну, думаю, готовься, гвардии капитан Шеин, на гауптвахту...

Собрали офицеров полка в клубе части. Маргелов стоял на сцене один и примерно час говорил о главной задаче:

— Необходимо воздушно-десантные войска одеть в броню. Боевые машины должны десантироваться вместе с экипажем.

И только в конце сказал:

— Строевая подготовка роты: один ротный — строевик, остальные — крючки.

Попрощался с офицерами, сел в машину, уехал на аэродром и улетел в Москву.

Видимо, после этих слов командующего меня стали постоянно назначать старшим колонны на парадах в городе Ташкенте. Правда, потом зам. командующего Туркестанским военным округом тоже отмечал мою хорошую строевую подготовку, что приятно вспомнить.

ОБРАЩЕНИЕ К ЮНЫМ В ДЕНЬ ПОБЕДЫ[1]

Черкасская Вера Клавдиевна, 65 лет,
пенсионер, кандидат философских наук, доцент,
полковник милиции,
г. Тула

Когда беседа, фильм, песня или какое-то событие напоминают о Великой Отечественной войне, перед мысленным взором, словно в кадрах документального кино, появляются дорогие сердцу лица родных, опаленных огнем боев и военных операций. Дед. Бабушка. Отцы — мой и моего супруга. Их братья… Можно было бы написать большой героический роман. И становится грустно от сознания, что никогда такой роман не увидит свет. Парадокс, но для этого мы слишком мало знаем. Те, кто по-настоящему воевал, не любили вспоминать войну и редко о ней что-то рассказывали. Почему? Могу только предполагать. Скорее всего, это не одна, а целый комплекс причин, из-за которых даже самый красноречивый словно утрачивал свой дар, касаясь военного прошлого. Да и мы, нужно честно сказать, не осознавали, что за каждой наградой на пиджаках и платьях — история подвига. Для нас это были не герои войны, а просто бабушки и дедушки, папы и мамы, близкие и родные.

И все-таки для поколения, рожденного в пятидесятых, война была непременным фактором взросления. Мы играли в войну, вырезая из деревяшек пистолеты и автоматы. Мы радовались, когда «наши» побеждали на экранах кинотеатров и телевизоров. Тонкими, неокрепшими детскими голосами, но с большим чувством пели военные песни. А самое позорное и оскорбительное слово было «фашист». И мы неосознанно подражали героям, хотели быть хоть немного похожими на них.

Прожив целую жизнь, оглядываясь назад и вокруг, на тех многих и многих, с кем сводила судьба, работа, служба, могу сказать: «Нам это удалось!». Мы любили страну, в которой жили, и гордились ее достижениями. Учились охотно, так как считали, что универсальные знания расширяют сферы реализации человека. Выбирали ВУЗы по призванию, а не потому, сколько могут «занести» родители за наше поступление. Работали, презирая имитацию бурной деятельности.

Но той страны, за которую воевали наши отцы и деды, больше нет. Жизнь становится динамичнее. Новые технологии разрывают прежние формы и каналы общения. Нарастает агрессивность информационных атак на сознание. И слабеет память, в том числе память историческая.

[1] Продолжение. См.: *Черкасская В.К.* Офицеры. История любви // Мы помним… Книга воспоминаний и размышлений поколений. Тула: Гриф и К, 2010. С. 201–204.

С тревогой вглядываюсь в своего десятилетнего внука. Искренен ли он, когда в рядах Бессмертного полка несет фотографии своих героических предков? Испытывает ли гордость, читая строки описания подвигов родных в представлениях на награждения, рассматривая их ордена и медали? Не накроют ли его искаженные представления об итогах войны и ее победителях?

Как отклик на эти раздумья, в День Победы — 9 Мая 2019 года — появилось это стихотворение. Написалось сразу, без помарок, будто кто-то уже готовым вложил его мне в голову. Оно адресовано и моему внуку, и всем, рожденным в постсоветской реальности, с надеждой на то, что свет и величие Победы отразится в их душах, сформирует характер, проявится в делах.

БУДЬТЕ ДОСТОЙНЫ

Помяните сгоревших
в горниле жестокой войны!
Поклонитесь и тем,
кто уже улетел с журавлями!
Пусть вам снятся
счастливые, добрые, мирные сны —
За всех тех, кто уже
не присядет к столу вместе с нами.
Ветеранам дарите
открытость сердец и тепло!
Презирайте обиды,
ничтожные страхи и беды!
И ЖИВИТЕ! — как Люди:
открыто, свободно, светло!
И достойными будьте
Великой и тяжкой Победы!

Рисунок Барымова Алексея, 1 «А» класс МБОУ № 25, г. Тулы

Глава 16. СОЗИДАТЕЛИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

РАДИ ОБЩЕГО ДЕЛА: НОВОМОСКОВСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ[1]

Богомолов Виталий Алексеевич, 74 года,
кандидат экономических наук,
член бюро Тульской общественной организации ветеранов войны,
труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов,
эксперт Общественного совета при Министерстве
промышленности и науки Тульской области,
Почетный гражданин г. Новомосковска Тульской области,
г. Тула

Послевоенный период развития страны остался в моей памяти как время массового трудового энтузиазма советских людей, время грандиозных строек и больших свершений.

Меня переполняет чувство гордости за свою родину и желание сделать как можно больше для её дальнейшего развития.

Перед окончанием в 1968 году института (Новомосковского филиала МХТИ) я был твердо намерен идти по распределению только на производство, на конкретный участок работы, где бы мог непосредственно участвовать в процессе создания материальных благ для народа.

К сожалению, когда подошло время выбирать будущее место работы, выбор оказался небольшой. Очень много мест было в г. Тулу в институты «ВНИПИМ» и «Гипрохим», куда и устремилось большинство выпускников. Из химических предприятий предлагался только один Вахшский азотно-туковый завод в Таджикистане. И хотя я шёл по распределению в числе первых, не раздумывая взял направление именно на это предприятие. Все ребята бросились меня отговаривать, недоумевая, зачем ехать в Таджикистан, когда есть прекрасная возможность обосноваться в областном центре, но я был непреклонен в своем выборе.

К сожалению, а может быть, теперь уже по прошествии многих лет, и к счастью, поехать в Таджикистан мне было не суждено. Вскоре после

[1] Продолжение. См.: *Богомолов В.А.* Моя семья до войны, в войне и после // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Сразу после войны / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2017. С.201–215.

получения направления на работу меня вызвали в облвоенкомат и объявили, что призывают в Советскую Армию и направляют для прохождения службы лейтенантом в Краснознамённый Дальневосточный военный округ.

После окончания службы вопрос об обязательной отработке по полученному ранее направлению отпал сам собой, и мне предстояло уже самостоятельно определяться с будущей работой.

Естественно, я вернулся в г. Новомосковск, где меня ждали жена и только что родившийся сын.

У меня было огромное желание поступить на работу на химический комбинат имени В.И. Ленина, крупнейшее предприятие по выпуску минеральных удобрений не только в стране, но и в Европе, имевшее славную историю и богатейшие традиции. Работать на таком предприятии я считал большой честью.

Через пару дней после возвращения с Дальнего Востока, имея на руках справку от Министерства обороны о первоочередном приеме меня на работу, я направился в отдел кадров предприятия и тут же, неожиданно для себя, получил отказ, поскольку вакантных мест на инженерные должности не было. Потом я еще не раз сходил в отдел кадров с просьбой взять меня на работу, хотя бы для начала слесарем или аппаратчиком, но вновь был отказ.

Отчаявшись и вспомнив, что являюсь кандидатом в члены КПСС, я решил зайти в партийный комитет предприятия в надежде на то, что там поймут мою проблему и, может быть, помогут с трудоустройством.

К моему счастью, в парткоме я встретился с замечательным человеком — Кусакиным Иваном Фёдоровичем, который, выслушав меня, проникся моим желанием работать на предприятии и сделал всё от него зависящее, чтобы я всё же оказался в рядах химиков. Правда, и он не смог помочь мне в осуществлении желания работать непосредственно в цехе, пришлось довольствоваться местом в проектном отделе химкомбината. Конечно, в душе было разочарование, но семью нужно было кормить, и я приступил к работе в группе механизации проектного отдела.

Работа меня не тяготила, поскольку любил черчение, хорошо разбирался в чертежах и имел определенный навык в этой работе, поскольку на преддипломной практике на Сумгаитском суперфосфатном заводе пришлось поработать в проектном отделе.

После трех месяцев работы я уже замещал руководителя группы в его отсутствие, но тяга к работе непосредственно в цехе меня не оставляла, и я постоянно наведывался в отдел кадров с просьбой о переводе в цех. Но все оказалось не так просто. Однажды с такой просьбой я пришел на прием к главному инженеру предприятия А.А. Зуеву. Тот посмеялся и сказал, что в проектном отделе очень нужны молодые кадры, а о переводе в цех можно говорить только в том случае, если я грубо нарушу трудовую дисциплину, т.е. как бы в наказание.

Нарушать дисциплину в мои планы не входило, поэтому пришлось продолжать трудиться в проектном отделе.

Партийное бюро заводоуправления мне, как кандидату в члены КПСС, естественно сразу же дало партийное поручение, обязав организовать в коллективе физкультурную работу.

Дело в том, что на химкомбинате ежегодно проводилась среди цехов и служб предприятия спартакиада по различным видам спорта. Традиционно победителем спартакиады в комплексном зачете в последние годы становился коллектив цеха контрольно-измерительных приборов и автоматики (КИПиА), поскольку там трудилось очень много молодежи. Коллектив заводоуправления в соревнованиях спартакиады никогда не участвовал, объясняя это тем, что в отделах работают люде уже далеко не молодые, и им не до спорта. Естественно, руководство партийной и профсоюзной организаций заводоуправления за это подвергалось критике. И им очень хотелось исправить ситуацию.

Задача передо мной стояла очень сложная. Убедить работников отделов, особенно женщин, вспомнить молодость и встать на лыжи, коньки, выйти на беговую дорожку стадиона, сыграть в теннис, волейбол и т. д. было непросто. Но мне это удалось. Все выходные дни я пропадал на спортивных площадках, организовывая людей на участке в соревнованиях. И произошло невероятное: спортсмены заводоуправления успешно выступили во всех видах соревнований и стали чемпионами заводской спартакиады. Никто не мог поверить, что такое может быть, а цех КИПиА был просто в шоке.

Вспоминая сегодня этот небольшой жизненный эпизод, невольно прихожу к мысли, что на такое люди были способны только в то советское время.

Ведь их никто не заставлял участвовать в соревнованиях, не принуждал, тем более не обещал ни отгулы, ни премии, ни другие поощрения. Но работники заводоуправления жертвовали своим свободным временем, обделяли вниманием семьи, откладывали на «потом» многие личные дела только ради того, чтобы постоять за честь коллектива, чтобы он не выглядел «белой вороной» среди других. Такое самопожертвование ради общего дела было присуще советскому периоду.

Моя общественная работа была замечена и вскоре меня избрали председателем Совета молодых специалистов предприятия, а затем комсомольцы оказали мне высокое доверие, избрав секретарем Комитета ВЛКСМ химкомбината.

Комсомольская организация на химкомбинате была одной из самых крупных и сильных в области. В ее рядах насчитывалось около четырех тысяч членов ВЛКСМ. Комсомольцы и молодежь составляли почти 70 процентов тринадцатитысячного коллектива химкомбината. Это была большая и реальная сила, которая играла огромную роль в решении стоящих перед коллективом химиков задач.

Вообще следует отметить, что ВЛКСМ в те годы был серьезным жизненным университетом для десятков миллионов юношей и девушек нашей страны, в том числе через него прошли более двух миллионов молодых жителей нашей Тульской области.

Весь путь комсомола — это путь созидания и героических свершений, заслуженно отмеченный шестью орденами, в том числе тремя высшими наградами Родины — орденами В. И. Ленина.

Поэтому руководить комсомольской организацией такого крупного и передового предприятия было делом непростым и очень ответственным.

В это время химкомбинат вступил в период своего бурного развития. За последние годы на предприятии при активном участии комсомольцев и молодежи было построено 35 новых производств, в том числе сложных удобрений, серной и азотной кислот, хлора, каустика, диметилтерефталата, полихлорвиниловых смол и других.

Комсомольцы активно развернули социалистическое соревнование за досрочное освоение этих мощностей. В результате цех сложных удобрений вышел на проектную мощность на полгода раньше установленного срока, на несколько месяцев был опережен график освоения проектных мощностей цехов слабой азотной кислоты, хлорного производства и других. Комсомольцы за два последних года помогли предприятию получить экономию от снижения себестоимости продукции свыше десяти миллионов рублей, в том числе больше половины — за счет снижения расходных норм сырья, материалов и энергоресурсов.

В текущей 9-й пятилетке предстояло ввести в эксплуатацию крупнейшие производства слабой азотной кислоты II очереди, аммиачной селитры и уникальное крупнотоннажное производство аммиака.

Большие агрегаты — это было последнее слово в отечественной химии, огромный шаг вперед. Их пуск и освоение позволяли увеличить действующие мощности по производству минеральных удобрений в полтора раза.

Комитет комсомола химкомбината направлял максимум усилий на повышение эффективности работы. Повсеместно были созданы комсомольско-молодежные комитеты (смены, бригады), посты «Комсомольского прожектора», проводились рейды по выявлению и ликвидации «узких мест».

Молодые химики включились в соцсоревнование со своими коллегами из городов Щёкино и Северодонецка.

Для новых производств подбирались самые лучшие, грамотные, знающие и инициативные молодые кадры. По комсомольским путевкам на строящиеся объекты были направлены сотни юношей и девушек. А по субботам и воскресеньям до 2000 молодых новомосковцев с других предприятий и организаций города приезжали на возведение больших агрегатов.

Строительство новых крупнотоннажных производств химкомбината было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Слава о ней гремела по всей стране. Она была под пристальным вниманием ЦК партии и правительства страны.

15 июля 1972 г. на химкомбинате состоялось открытое комсомольское собрание молодых активистов-химиков, строителей, проектировщиков, цель которого состояла в том, чтобы совместно выработать комсомольскую стратегию и тактику по выполнению напряженных планов девятой пятилетки, развертыванию социалистического соревнования в честь 50-летия образования СССР.

На свое собрание комсомольцы пригласили министра химической промышленности СССР Л. А. Костандова, секретаря ЦК ВЛКСМ Г. П. Елисеева, секретаря Тульского обкома КПСС И. К. Стрелкова, первого секретаря Новомосковского ГК КПСС С. С. Арбузова, директора химкомбината Н. П. Сумцова, главного инженера треста «Новомосковск-химстрой» Н. М. Емельянова и других ответственных товарищей. Само участие в комсомольском собрании столь высоких руководителей свидетельствует о той огромной роли, которая отводилась комсомольцам и молодежи в решении грандиозной задачи по техническому перевооружению одного из флагманов химической промышленности страны.

На собрании состоялся откровенный, конкретный, глубоко заинтересованный разговор о задачах комсомольцев и молодежи по досрочному вводу в строй действующих объектов минеральных удобрений.

Участники открытого собрания комсомольского актива в принятом обращении ко всем комсомольцам и молодым химикам, строителям и проектировщикам обязались на один год раньше срока, в 1974 году, ввести в строй действующих производства слабой азотной кислоты и аммиачной селитры и на два месяца раньше, к 57-й годовщине Великого Октября, — большой агрегат аммиака, соответственно досрочно освоить и их проектные мощности, что позволит значительно увеличить выпуск продукции, повысить производительность труда, улучшить качество и снизить себестоимость выпускаемых химических продуктов.

Одновременно участники собрания призвали всех юношей и девушек до конца изжить нарушения трудовой дисциплины, использовать каждый час и каждую минуту для высокопроизводительного труда. «Ни одного отстающего рядом!» — именно под таким девизом решили работать молодые участники ударной комсомольской стройки.

Выступая на этом собрании, министр химической промышленности СССР Л. А. Костандов сказал, обращаясь к комсомольцам: «Не надо успокаиваться цифрами перевыполнения планов пяти месяцев. Положение на стройке на самом деле значительно сложнее, чем это выглядит на бумаге, поэтому не смотрите назад, смотрите вперед. Без преувеличения скажу: не совершив подвига, невозможно решить поставленные перед вами задачи».

Комсомольцы и молодежь химкомбината вместе с другими участниками стройки совершили этот подвиг и выполнили все взятые на себя обязательства по досрочному выполнению решений XXIV съезда КПСС, предусматривающих ускоренное развитие химической промышленности.

Вот такие серьезные и сложные государственные задачи решала в те годы комсомольская организация химкомбината.

Хотелось бы рассказать еще об одном эпизоде, характеризующем наше общество того периода, когда все без исключения, начиная от руководителей предприятий и организаций до студентов и учащихся, в едином порыве включались в выполнение общественнозначимых дел на общественных началах.

В 1984 году я был избран вторым секретарем Новомосковского ГК КПСС. Это время характеризовалось не только экономической активностью предприятия, но и развернувшейся подготовкой к 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Повсеместно приводились в порядок памятники и захоронения павших воинов. Городской мемориал погибших в боях за освобождение Новомосковска имел скромный вид и уже не совсем, в эстетическом плане, соответствовал статусу города. Бывая на этом святом месте, я всегда задумывался о том, чтобы реконструировать монумент, сделать его более торжественным и солидным. Помог случай. В начале 1985 г., посещая электростанцию, я увидел на территории предприятия лежащую у забора стелу с цифрами «1941–1945 гг.», рядом, в деревянной обрешетке, лежала гранитная фигура «скорбящей матери». Выяснилось, что этот монумент руководство ГРЭС приобрело еще десять лет назад и хотело установить его к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в сквере Дворца культуры энергетиков, но свои задумки по ряду причин не смогло осуществить. Тут же зародилась мысль забрать это «богатство» у предприятия и использовать его для реконструкции существующей городской братской могилы. Руководители ГРЭС пошли навстречу и передали скульптурную композицию городу.

До юбилейной даты оставалось четыре месяца, можно было не успеть завершить все работы, да и финансирования никакого не было, поскольку финансовый план на 1985 год был уже давно сверстан. Я доложил о своих намерениях первому секретарю ГК КПСС С. С. Арбузову. Тот выслушал молча, но всем своим видом дал понять: уложишься вовремя — молодец, демонтируешь старый монумент и не завершишь установку нового к 9 мая — «лишишься головы». Я расценил это как одобрение идеи, и работа закипела, причем, как я уже отмечал, практически без финансирования.

Молодые инженеры из Новомосковского филиала Государственного института азотной промышленности (НФ ГИАП), руководимые секретарем партбюро А. В. Обысовым, в свободное от работы время выполнили

проект нового мемориального комплекса, добавив к «конфискованным» с электростанции элементам новые детали. Мы сумели договориться с руководителями Долгопрудненского завода на получение гранита взамен на кое-какую химическую продукцию. Но полированного гранита удалось получить очень мало, большинство гранитных плит были неотполированными. Пытались полировать сами кустарным способом, но безуспешно. Тем не менее, нашли решение, как использовать неполированный гранит не в ущерб эстетичному виду комплекса. По мере возведения нового монумента возникла идея облагородить весь участок леса, прилежащий к братской могиле, и сделать парк Памяти. Вырубили заросли кустарника, территорию у монумента выложили плиткой. Проложили дорожки, установили светильники, садовые диваны, сделали памятную стену новомосковцев — Героев Советского Союза. Заказали в Министерстве обороны военную технику времен войны. По ее прибытии поставили на постамент тяжелый танк «ИС-2» и установили ряд артиллерийских систем. Получилось все очень неплохо, а главное, вовремя.

Примечательно то, что в деконструкции братской могилы и создании парка Памяти принимал участие практически весь город. За каждым предприятием, организацией, учебным заведением был закреплен определенный участок работы. На строительной площадке царили небывалый подъем и энтузиазм, подгонять было никого не нужно. Лишь однажды пришлось серьезно поговорить с руководством ПО «Новомосковскбытхим», которое затягивало сооружение постамента под танк. От школьников, желающих поработать по благоустройству территории, не было отбоя.

9 мая 1985 г. при огромном стечении народа монумент был торжественно открыт. И по сей день этот уголок города является одним из самых любимых у горожан. А после реконструкции, проведенной к 65-летию Великой Победы, он стал еще краше и величественнее. Вот так, практически на одном энтузиазме, была решена очень важная задача по приданию нового импульса в работе по патриотическому воспитанию молодежи г. Новомосковска.

В те годы было сделано очень много для экономического и социального развития города, области и страны в целом. Это стало во многом результатом того, что тому периоду были присущи высокая сознательность людей, творческий подход к делу, стремление работать качественно и высокопроизводительно в целях наиболее эффективного решения стоящих задач.

НА ОТВЕТСТВЕННОЙ ДОЛЖНОСТИ В МИНИСТЕРСТВЕ РЫБНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

Макарова Валентина Степановна, 85 лет,
ветеран рыбного хозяйства СССР,
г. Москва

Я родилась 13 декабря 1934 года в деревне Близнино Владимирской области. Там проживали родители моей мамы — дедушка Федор Григорьевич и бабушка Татьяна Владимировна. Дом был большой, крепкий и красивый. Дедушка строил его сам вместе со своим старшим сыном Иваном. В нашей семье было четверо детей, я — самая младшая.

В 1936 году семья переехала в Москву на папину жилплощадь (он был строителем военных объектов). Это была комната в общежитии, в полуподвале, размером в шесть квадратных метров.

Великая Отечественная война нас застала в Москве. Помню обстрелы города. Мы не бежали в бомбоубежище, а прятались в комнате под столом. Было очень страшно, родителей с нами не было, все защищали город.

Вскоре нам удалось уехать в деревню. Там продолжили учебу. Трое из нас пошли в начальную школу в деревне. Старший брат ходил в школу-десятилетку, которая была далеко, в 12 км от нас.

Зима 1941 года была очень тяжелая, так как продуктов не было, дров для печек не хватало, корм для скотины подходил к концу. Мама ездила в город и обменивала теплые вещи на еду.

Зима, слава Богу, прошла. Все остались живы. Один эпизод из детства помню особенно ярко. Как-то мама меня отправила набрать к завтраку земляники. Поляна была недалеко от дома. Я побежала и стала собирать ягоды в ладошку, высыпать их в кружку, которая стояла под кустом. И вот, в очередной раз прибежав с ягодами в руках, я не увидела кружки. Тогда я упала на землю, горько заплакала и своими силами стала обращаться к Богу, просить о помощи. И вскоре кружка была найдена. Я, счастливая и радостная, побежала домой. В голове мысли, что мама будет довольна, кружка цела, и ягоды к столу всех порадуют. Слава Богу! С этих пор я поняла, что Господь всегда рядом, всегда нас слышит и идет на помощь.

Военные годы проходили в тяжелом труде. Копали, сажали, поливали, убирали огромный огород, следили за скотиной, курами, собакой, заготавливали на зиму сено и березовые листья для коз, а также дрова для печи. Дедушка болел, бабушка и мама с утра до вечера работали в колхозе.

Однажды по деревне прошел слух, что на железнодорожной станции Второво, в 12 км от деревни, немцы разбомбили железнодорожный со-

став, где были товарные вагоны, и на пути рассыпалась гречневая крупа. Взяв мешок, мама поспешила на станцию. В тот же день она принесла эту крупу. Вспоминаю, как все мы вечером при свете керосиновой лампы разбирали зерно, удаляя камушки и песок. Конечно, не все удалось выбрать. Но как было вкусно!

Старший брат Володя сделал мельницу, чтобы эту крупу размолоть. И на православные праздники бабушка и мама пекли пироги. На праздник Рождества Христова украшалась елка самодельными красочными игрушками из фольги и картона, а среди них на ниточках висели пирожки. Так радостно было просыпаться и видеть это!

Семья была верующая, православная. Дедушка был грамотным, умным и добрым. Почти вся деревня приходила к нему за советом или с просьбой написать родным. Он любил читать, выписывал журнал «Нива». До сих пор у меня хранятся два журнала за 1902 год. Дедушка умер в 1943 году. Бабушка — скромная, тихая, трудолюбивая, добрая, всех старалась утешить, всем помочь и облегчить трудную жизнь.

После войны, в 1945 году, мы переехали в Москву. Было тяжело, когда отец подвергся аресту (позже был реабилитирован).

Валентина Степановна Макарова. Середина 1950-х годов

Я училась недалеко от дома, в 235-й школе. По окончании семи классов поступила в Химический политехникум им. В. И. Ленина. В 1953 году получила диплом с отличием и поступила на вечернее отделение Инженерно-экономического института им. С. Орджоникидзе. По распределению работала на Дорогомиловском химическом заводе им. М. В. Фрунзе. Сначала бухгалтером, а затем инженером-экономистом технического отдела. Активно участвовала в общественной жизни коллектива. Была старшей вожатой заводского пионерского лагеря «Красный Стан», расположенного недалеко от места, где проходила знаменитая Бородинская битва.

Этот период жизни оставил в памяти светлые воспоминания. В нашей заводской среде была особая доброта и радость.

Так сложилось, что в 1968 году я перешла на работу в Министерство рыбного хозяйства, в «Соврыбфлот», который был создан для координации экономической деятельности рыболовного флота СССР за рубежом.

Коллектив объединения принял меня хорошо. Я занимала должность начальника валютно-финансового отдела, постигнув все особенности работы с иностранной валютой. Рыбная отрасль в то время была в почете и ценилась. Это было вполне заслуженно благодаря нелегкому, напряженному и ответственному труду наших замечательных рыбаков

и успехам наших научных кадров. Высокий технологический уровень наших судов, профессионализм работников помогал защищать интересы страны, советского рыболовства.

Мне приходилось нередко выезжать в командировки — как внутренние, так и зарубежные с целью проверки правильности использования валютных средств, выделяемых рыбной отрасли из госбюджета.

Работа была очень ответственная, сложная, интересная. Я ее любила, поскольку могла оказать необходимую помощь и поддержку людям, которые в этом нуждались, находясь вдали от дома, в открытом океане.

Думая о прошедших годах, с теплотой и благодарностью вспоминаю непосредственных руководителей: Г. В. Жигалова, начальника «Соврыбфлота», его заместителя В. Г. Липанова, а также Н. П. Кудрявцева, заместителя Министра рыбного хозяйства, и других, чей труд меня многому научил, прежде всего, любви к морю и вниманию к нуждам моряков. Я также ценила те теплые отношения, которые сложились с руководителями морских бассейнов и баз флота.

Командировки в портовые города нашей страны были многочисленны. Это — Мурманск, Рига, Вильнюс, Клайпеда, Калининград, Севастополь, Керчь, Новороссийск, Батуми, Одесса, Находка, Владивосток, Южно-Сахалинск, Петропавловск-Камчатский и другие. Были поездкии за рубеж — в Англию, Францию, Швейцарию, Германию, Сенегал, Мозамбик, Японию, Анголу, Экваториальную Гвинею, Перу, Новую Зеландию и другие страны.

Советскую делегацию за границей всегда принимали достойно, обеспечивали необходимым, создавали все условия для работы и отдыха. На дипломатических приемах я не бывала, только помню встречу с руководством Экваториальной Гвинеи по случаю передачи от советской стороны в подарок берегового катера.

В суете и напряженности жизни не всегда вспоминала о Боге, но Он был со мной — помогал, вразумлял, наставлял, разрешал благополучно все неприятности. Вспоминаю командировку в Перу (порт Лима) совместно с представителями Минфина. Я из-за болезни ребенка вылетела на два дня позже. Летела одна. Первая посадка была в Анголе. Там нам объявили, что в связи с тропическим ливнем будет еще посадка на Кубе. В Гаване нас разместили в зале ожидания. Непонятно почему (скорее всего, от усталости) я заснула. Проснулась внезапно, почувствовав, что меня кто-то будит, похлопывая по плечу. Оборачиваюсь — никого, зал ожидания почти пуст. И вдруг слышу, что заканчивается посадка на мой рейс. Я спешно побежала на посадку. Когда меня на автокаре довезли до самолета, то трап был уже убран. Еще бы секунда, и я бы не смогла сесть в самолет, благополучно долететь до Лимы и приступить к работе. До сих по меня волнует вопрос — кто мог меня разбудить от глубокого сна? Я остаюсь при мысли, что это Ангел, которого послал Господь, что-

бы избавить меня от беды и позора, которые были неминуемы в случае опоздания.

Большую радость приносили встречи с моряками на рыболовных судах, где нам приходилось отвечать на вопросы, разъяснять основные положения инструкции по расходованию валюты. Были и непростые моменты, связанные с нашими проверками и обнаружением случаев, когда валюта расходовалась неправильно. Мы проверяли чаще всего СРТМ — средние рыболовные морозильные траулеры, которые заходили в иностранные порты. Также проверяли суда научно-исследовательских институтов, которые находились в подчинении Министерства рыбного хозяйства и занимались научно-информационным обеспечением отрасли.

Рыбаки — народ трудолюбивый, открытый, добрый, внимательный и сердечный. И при этом смелый, выносливый, мужественный. Для себя я поняла, что все, кто связан в своей жизни со стихией, — это особая категория людей, на которой многое держится в мире.

XVI «Чириковские встречи». Приходской дом храма Живоначальной Троицы в Листах (исторически — Адмиралтейский храм). 27 января 2018. В. С. Макарова в белом платочке сидит в центре (пятая слева)

Последним местом моей работы стал «Цветметэкспорт». В 1991 году мой сорокалетний стаж непрерывного труда был завершен. Начался новый этап, связанный с церковной жизнью. Я пришла в храм Святой Троицы в Листах и была обрадована, когда настоятель протоиерей Георгий Мезенцев предложил мне потрудиться. Храм был недавно передан Церкви, и нужны были люди. Я стала помогать (дежурила у подсвечников, в церковных палатках).

Когда я узнала, что храм со времен Петра Великого имел статус Адмиралтейского, т. е. был связан с морем и флотом, я поняла, насколько не случаен был мой приход сюда. Приятно, что меня с почетом и уважением приветствуют на «Чириковских встречах» и на других

мероприятиях, которые проходят в рамках приходского историко-просветительского проекта «Адмиралтейский храм и его выдающиеся прихожане». Этот проект действует более 10 лет по благословению игумена Кирилла (Коровина) и благодаря труду профессиональных историков, энтузиастов-волонтеров Светланы и Анны Ермишиных. Я очень люблю «Чириковские встречи», на которых оживает моя связь с морем и флотом. Морские песни в исполнении регента хора Василия Петровича Мишина, певчих Сергея и Анны Зубковых трогают до глубины души. Особенно мне нравится Морской кант XVIII века «Буря море раздымает…». Приведу отрывок из него:

Буря море раздымает,
А ветр волны подымает:
Сверху небо потемнело,
Кругом море почернело,
Почернело.

В полдни будто в полуночи,
Ослепило мраком очи:
Одна молнья-свет мелькает,
Туча с громом наступает,
Наступает.

Волны с шумом бьют тревогу,
Нельзя смечать и дорогу, —
Вдруг настала перемена,
Везде в море кипит пена,
Кипит пена.

Прибавляет ветр погоду,
Чуть же черплет корабль воду:
Мореходцы суетятся —
От потопу как спасаться,
Как спасаться.

А начальство все в заботе,
А матросы все в работе:
Иной кверху лезет снизу,
Иной сверху летит книзу,
Летит книзу.

Тут парусы подбирают,
Там веревки прикрепляют;
Нет никому в трудах спуску,
Ни сухаря на закуску,
На закуску.

Интересно слушать рассказы офицеров — ветеранов флота (контр-адмирала К. А. Шопотова, контр-адмирала Н. П. Мартынова, капитана 1 ранга В. И. Васильева, капитана 1 ранга А. Л. Егорова, полковника медицинской службы В. Е. Разумкова, капитана 1 ранга Ю. П. Павлова, капитана 2 ранга Е. Е. Следь и многих других), видеть интерес молодежи, учеников морских кадетских классов, по-новому ощущать связь с нашими славными морскими традициями. С особым чувством я отношусь к своей фамилии — Макарова, которую так и хочется соотнести с родом прославленного адмирала Флота Российского.

К сожалению, в последнее время у меня возникли проблемы со здоровьем. Но все равно, если держат ноги, я стараюсь приехать в храм, особенно на большие церковные праздники. И всегда молюсь за моряков — об упокоении тех, кто работал и служил на флоте, и о здравии тех, кто в море.

РОДОМ ИЗ ДЕРЕВНИ ТОЗ[1]

Чурин Василий Прокопьевич, 68 лет,
пенсионер,
президент Международного общественного фонда
имени полководца Г.К. Жукова,
лауреат Государственной премии имени Г.К. Жукова,
Калужская область, г. Жуков

В 1930 году одиннадцать семей, проживающих в деревне, именуемой Валовая, образовали товарищество по совместной обработке земли, сокращенно — ТОЗ. С тех пор и пошло — не Валовая, а ТОЗ.

Родился я, Чурин Василий Прокопьевич, 5 ноября 1951 года в деревне ТОЗ Нюксенского района Вологодской области в многодетной крестьянской семье седьмым ребенком. Но в паспорте записано число рождения 7 ноября. По словам матери, при получении свидетельства о рождении мой отец, Чурин Прокопий Евграфович, сказал: «Пусть будет 7 ноября, в день Октябрьской революции, разница в два дня роли не сыграет, а 7 ноября — это навсегда!». Но, как мы видим сейчас, мой отец ошибся.

Он прошел всю войну, вернулся домой живой и здоровый в звании ефрейтора. У отца было два класса образования. Они со своей сестрой Полиной в детстве ходили по деревням и собирали милостыню, настолько бедно жила их семья. Про свое детство мои родители почти ничего не рассказывали — жизнь перед революцией и после нее селян не радовала.

Мой отец был великолепным плотником. В деревне говорили, что Пронька так отешет косяк, что другому плотнику и рубанком не простругать. Он делал отличные дровни и подсанки. Но самое главное ремесло, которым мой отец владел в совершенстве, — это изготовление валенок. По качеству ему не было равных ни в своей волости, ни в соседних волостях. Очередь на их валку доходила до двух лет. Мы, младшие послевоенные дети — Толик, Маша и я, Вася, — помогали: очищали овечью шерсть от разного мусора, «теребили» ее, то есть максимально рыхлили. После этого отец брал весь процесс валки в свои руки и через 2–3 дня на свет появлялся очередной шедевр — красивые, мягкие, теплые, долговечные валенки, а их владельцы чувствовали себя в тот момент самыми счастливыми на свете людьми. Весь процесс был исключительно ручной, очень тяжелый — у отца почти все время болели руки и ныла спина.

Хочу рассказать об одном случае, который на несколько лет изменил привычный уклад жизни моих родителей, да и всей нашей семьи.

В 1952 году мой отец работал конюхом в бригаде № 2 колхоза «Гвардеец». После войны лошадей было очень мало и каждое появление на свет здорового жеребенка было событием для всего колхоза. И вот мой отец договорился с кладовщиком Денисовским Александром Владимировичем, тоже фронтовиком, поддержать жеребую кобылу по кличке Казачка овсом. Кладовщик выдал без решения правления колхоза мешок овса. Кто-то донес в органы, что произошла кража колхозного овса.

В нашем доме был произведен обыск, овса не нашли — он был на конюшне, но тем не менее двоих участников Великой Отечественной войны, орденоносцев осудили на 8 лет каждого за то, что они кормили колхозным овсом колхозную кобылу. Кстати, она произвела на свет прекрасную, неутомимую труженицу по кличке Летка. На ней я перевозил много сена, навоза, силоса и другого груза. И только вскоре после смерти И.В. Сталина по ходатайству моего крестного — замполита полка Дьякова Василия Александровича, пришедшего с войны в звании майора, — двоих осужденных освободили. Они отсидели ни за что по 8 месяцев. После возвращения отца из заключения к нам домой пришел председатель колхоза Кашников Василий Александрович и просил прощения за тот гнусный поступок. Так нам стало известно имя доносчика, кстати, тоже участника войны. После этого случая отец уехал в г. Мурманск к двум старшим сыновьям Николаю и Александру. Николай учился в мореходном училище, а Александр работал на рыболовецком траулере.

В 1956 году третий по счету сын моих родителей, Иван, уехал трактористом на подъем целины. И мать упросила отца вернуться на родину. Он приехал. Сначала работал разнорабочим, потом конюхом, затем какое-то время бригадиром бригады № 2 . Он был физически очень сильный человек, выносил из трюма парохода по три мешка пшеницы: по одному мешку под мышками и третий мешок на спине.

Несмотря на то, что судьба испытывала его во многих ситуациях, включая тюрьму, Прокопий Евграфович не озлобился на советскую власть. Правда, он очень мало говорил о войне и не носил боевые награды на костюме. Они лежали в металлическом сундучке вместе с документами и государственными облигациями.

В нашем колхозе «Гвардеец» с большим размахом отмечался праздник Великой Октябрьской социалистической революции — варили пиво из солода, который готовили изо ржи. Пиво готовилось около трех суток. Затем в одной из самых больших изб собиралась вся бригада — от мала до велика. Сначала бригадир подводил итоги работы бригады за текущий год, затем он давал слово всем желающим. При обсуждении итогов работы и планов на будущее равнодушных не было. Стол ломился от деревенских разносолов. Поскольку это была осень и на вологодчине, в 100 км от Великого Устюга, было уже очень холодно, и в это время массово забивали скотину, то на столе преобладали мясные закус-

---

[1] Продолжение. См.: *Чурин В.П.* Мой друг и учитель // Мы помним... Часть 1. Книга воспоминаний и размышлений поколений / под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. С. 509–514.

ки. Также в изобилии были представлены дары леса, среди них грузди, рыжики, клюква, брусника, морошка.

Такие большие праздники всей бригадой проводили два раза в год — на 7 ноября и на 1 мая.

Могу сказать, что никакой поголовной пьянки, как некоторые «историки» сельской жизни повествует, не было. А о самогоне вообще никто из жителей деревни ТОЗ не слышал и тем более его не гнал. Не как сейчас: даже Всероссийские фестивали по самогону проводят, и где — в столице нашей Родины — Москве! Дожили.

Отец мой был не только сильным, но справедливым и жестким человеком: в его присутствии на колхозных праздниках никогда не было никаких скандалов, тем более драк, а были шутки, байки, народные песни под гармошку лились рекой. Бессменной запевалой была Рожина Екатерина Васильевна — доярка, проживавшая в соседней деревне Холм.

Жизнь помаленьку в колхозе «Гвардеец» налаживалась: стали поступать новые тракторы, комбайны, сначала прицепные, потом самоходные, сеялки, минеральные удобрения, не было проблем с наличием горюче-смазочных материалов, оставалось только работать честно и добросовестно. Подавляющее число колхозников так и делали. Кроме работы в колхозе все без исключения держали большое подсобное хозяйство. Оно включало в себя: корову обязательно — она считалась наравне с земельным участком кормилицей, от нее приплод, а также овец, поросят, кур, гусей, кроликов. На огородах выращивали картофель, ячмень, овес, лук, чеснок, капусту, морковь, свеклу, репу, огурцы, а наиболее продвинутые огородники — помидоры. Несколько человек имели пчелиные пасеки. Следует сказать, что все работы по подсобному, домашнему хозяйству велись параллельно с колхозным производством, которое всегда ставилось на первое место. Таким образом колхоз жил и развивался: построили клуб, магазин, библиотеку, школу с медпунктом. Сейчас это называется инфраструктурой.

В 1964 году в деревнях колхоза «Гвардеец» было 68 дворов, в семьях колхозников воспитывался 231 ребенок, работающих в колхозе насчитывалось 135 человек. Затем в течение примерно восьми лет было построено: два новых коровника на 100 голов каждый, теплый гараж для техники, зерноток, новый маслозавод, провели телефонную связь и радио, пробурили три водяных скважины.

В 1961 году прошла денежная реформа — деньги намного подорожали. Всем ученикам Городищенской средней школы № 2, которая находилась в 15 км от ТОЗа, родители на неделю давали на карманные расходы по одному рублю. Дети жили шесть дней в интернате и только в субботу вечером, на один день, а вернее на полдня, приходили пешком, редко приезжали на какой-либо технике к родителям в родной дом. А в воскресенье в обед надо было опять выдвигаться в школу и опять на неделю.

Но все равно и за один день ученики помогали своим родителям, бабушкам и дедушкам выполнять значительный объем работы. В первую очередь это уборка урожая и самая трудоемкая работа — копка картошки, зимой — заготовка дров.

Несмотря на все трудности деревенского быта, жить с каждым годом становилось все лучше и лучше. По-моему, в 1960 году в столовых райпотребсоюза хлеб стал бесплатным. Любой человек мог зайти в такую столовую и купить за 3 копейки стакан сладкого чая, а хлеба с ним съесть без ограничения — сколько хочешь.

Но желающих так делать было немного, потому что, во-первых, все без исключения работали и во-вторых, это, на мой сегодняшний взгляд, было стыдно. Но факт остается фактом: государство не давало убогим и инвалидам умереть с голоду. И я не помню, чтобы в селе Городищна был хотя бы один попрошайка.

4 февраля 1962 года для нашей семьи стал черным днем: неожиданно в пятидесятилетнем возрасте, в расцвете сил, умирает от двустороннего воспаления легких мой отец. Помню похороны. Снегу до пояса. Гроб с телом везут на дровнях, я сижу на гробе и управляю старой лошадью, мерином по кличке Майко.

Сохранилась черно-белая фотография того события — народу полколхоза.

Сказать, что это был для нашей семьи траур — значит ничего не сказать. Для нашей семьи это была катастрофа, беда, которая не выходит из моей головы уже пятьдесят восемь лет. И думаю, не выйдет из памяти до моей кончины.

Итак, нас осталось четверо: мать, брат Толик четырнадцати лет, сестра Мария двенадцати лет и я, Вася, десяти лет. А у старших братьев была своя жизнь и свои планы на ее ход.

С того времени у нас троих, рожденных после войны, началось быстрое взросление. Сколько буду жить, столько и помнить бесконечные слезы матери. Особенно тягостное восприятие от постигшего нашу семью горя я испытывал ночью. Мне казалось, что все ночи напролет мама плакала не переставая. Особенно тяжело было от того, что мать прибаливала — у нее было осложнение от перенесенной «желтухи», а я еще не мог в полной мере исполнять всю работу по хозяйству. Толик и Маша уже учились в средней школе, уезжали на неделю и жили в интернате.

Вот тогда-то, чтобы хоть как-то успокоить свою мать и облегчить ей жизнь, я дал слово ей и себе самому, что овладею в совершенстве всей работой в колхозной бригаде и по своему подсобному хозяйству, причем в кратчайшее время. Свое слово-клятву я сдержал: уже после окончания седьмого класса косил в бригаде наравне со взрослыми. Овладеть деревенским ремеслом, без которого в деревне не выжить, мне помогали все взрослые мужики. Но особенно меня уважал, а может и полюбил

Денисовский Валентин Тимановичь. Он научил меня делать грабли, насаживать на косье косы и их отбивать, ставить обзороды — так в нашей местности назывались стога сена. После окончания девятого класса мы с Валентином Тимановичем косили сдельно, то есть отдельно от бригады. Несколько раз выкашивали за световой день по гектару. Скажу всем, что это адский труд. Далеко не всем мужикам это удавалось. Делалось это не из-за того, чтобы установить рекорд, а для того, чтобы больше заработать.

Показывать высокую выработку было из-за чего: всем школьникам платили в полуторном размере. Это значило, что за одну и ту же работу ученики получали на 50 % больше. Если взрослый колхозник зарабатывал один рубль, то ученик один рубль пятьдесят копеек за одну и ту же работу. Стимул налицо.

Однажды мы со старшим братом Толиком объезжали молодую кобылу, которая еще ни разу не была ни под седлом, ни в оглоблях. Бригадир Дьяков Александр Алексеевич, кстати, очень хороший человек, сказал: «А что, Васька, слабо эту гнедую объездить?». Должен сказать, что нрав у этой трехгодовалой кобылы был норовистый — она могла ударить копытом и укусить своими большими зубами.

Нам удалось-таки, повторяю, впервые в ее лошадиной жизни, запрячь в оглобли и прицепить конный однолемешный плуг. За плугом был брат, а мне предстояло вести ее строго прямо по огороду под уздцы. После первого же шага она встала на дыбы и так мотнула головой, что я в мгновение ока оказался в воздухе, но не отпустил из рук уздечку. Это нас и спасло от неминуемых травм. Все-таки нам удалось вспахать огород, около двадцати соток, с того дня у лошади начались рабочие будни, как у ее сородичей. А бригадир нам объявил благодарность.

После долгих уговоров матери мой брат-целинник вернулся на родину, и нам стало полегче, да и младшая троица подросла. Толик поступил в сельхозинститут учиться на инженера-механика, сестра поступила в лесотехнический техникум, а я после окончания средней школы поступил в Рязанский радиотехнический институт. Туда поступать мне посоветовал прекрасный учитель физики Чухин Александр Александрович, ему уже за восемьдесят, но он еще бодр, активен и занимается воспитанием внуков.

Восьмого июня 1973 года от рака умерла мать. Стоит перед глазами наша последняя с ней встреча. Закончились зимние каникулы, надо было уезжать в Рязань, уже стояла заведенная грузовая машина ГАЗ-53.

Прощаемся с сестрой, она уже жила на родине, вдруг мать приглашает меня в горницу, берет не знаю откуда взявшийся крест, трижды меня крестит, благословляет и говорит слова, которые мне навсегда врезались в память: «Вася, живи по совести, своим умом, трудись, не воруй, уважай людей. И все у тебя получится. Мы с тобой видимся последний раз». Я сразу же возразил: «Что ты такое говоришь? Мы еще увидимся много раз!». В тот момент у меня перехватило дыхание и мысли в голову не шли, никак

не ожидал услышать такое. Потом мать добавила, что скоро придет время жениться, присмотрись к девушке, она работает библиотекарем, деревенская, добрая, работящая — что тебе еще надо? В нашем роду никто не разводился. После этих слов она меня обняла, и мы оба заплакали. И действительно, это была последняя встреча с самым дорогим для меня человеком. А к той девушке-библиотекарю я присмотрелся и смотрю на нее уже 44 года. Её зовут Нина Дмитриевна, она моя жена. У нас с ней двое прекрасных детей, Наташа и Андрей, и семеро внучат: пятеро внуков и две внучки.

Учась в институте, пришлось пережить очень неприятный момент. Известно, что студенческие строительные отряды в 70-е годы двадцатого века были самым популярным студенческим движением. И вот после первого курса меня вызывают в комитет комсомола радиотехнического факультета и фактически в принудительном порядке заставляют ехать в стройотряд. Мне пришлось долго объяснять, что для меня стройотряд на моей малой родине, что больная мать и надо ей помогать по хозяйству и работать в колхозе. Я говорил, что по интенсивности труда моя работа не уступит работе в любом стройотряде. Секретарь комитета комсомола не хотел слушать мои доводы, всячески стыдил, угрожал рассмотрением персонального дела, исключением из членов ВЛКСМ и, возможно, как последний шаг, отчислением из института. И все-таки я в стройотряд не поехал. По приезду в родную деревню ТОЗ приступил к работе в полную силу. Через неделю или две бригадир Дьяков А. А. собирает собрание бригады и сообщает о своем отъезде в Ленинград на лечение примерно месяца на два-три. Встал вопрос о бригадире. Сейчас точно вспомнить не могу, но кто-то предложил мою кандидатуру. Колхозы отличались, по крайней мере в то время, самой настоящей демократией. Вопрос был поставлен на голосование. Несмотря на то, что в бригаде трудились трое участников войны, другие уважаемые, авторитетные колхозники, бригадиром единогласно избрали меня.

Мать была и рада, и сомневалась — справлюсь ли я. Почти все труженики в бригаде были меня опытнее и старше. Ответственность навалилась нешуточная. Подъем в пять утра, обход каждого двора, планирование работы, ежедневная работа с людьми. За мной закрепили трактор МТЗ-80 — возить людей на дальние сенокосы. Ездили на двухосной тракторной тележке. Когда позволяла погода, брали с собой гармошку и всю дорогу — около двух часов, пели песни. Потом целый день работали: косили, сгребали сено, сваживали его на лошадях, ставили стога. Молодые ребята, ученики, ловили бреднем рыбу в речке Сельменьге, повариха варила уху на первое. На второе была вермишель или лапша с тушенкой или мясом, молоко, простокваша, чай на травах. Масла сливочного было вдоволь. После обеда отдыхали около часа, затем опять работали без перекуров до вечера. Затем была обратная дорога. Тоже пели песни, но уже не все и не так усердно.

Наша бригада первой в колхозе выполнила план по заготовке сена, убрала все необходимые площади на силос и сенаж и приступила к осеннему севу озимой ржи. Весь необходимый объем работ был выполнен качественно и в срок. Пришла пора ехать на учебу в институт. Через некоторое время меня приглашают в деканат и показывают письмо из колхоза «Гвардеец»с решением правления колхоза, которое гласит: «За высокие производственные показатели во время летних каникул объявить студенту второго курса РРТИ Чурину Василию благодарность и выплатить денежную премию в сумме двадцати пяти рублей». Данное решение было оглашено на комсомольском собрании курса, после чего я ежегодно ездил во время летних каникул на свою родину в деревню ТОЗ колхоза «Гвардеец». Отрицательной реакции со стороны комитета комсомола курса больше не было. С тех пор прошло 50 лет, а нехороший осадок о комсомольском вожаке у меня остался до сих пор. Для меня его поведение стало примером, как не надо работать. И этот опыт мне очень пригодился в будущем.

18 июня 1974 умирает Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. В Рязани были приспущены государственные флаги. Хотя траура государственного объявлено не было. Несколько моих преподавателей в РРТИ были участниками Великой Отечественной войны. Воспоминания о войне и о роли Жукова в ней я услышал непосредственно из их уст. Многие гордились Жуковым Г. К. как величайшим военачальником и сравнивали его с Суворовым и Кутузовым. Это крепко запало в мою душу.

В 1975 году, по окончании института, по распределению я попал работать в Калужский научно-исследовательский радиотехнический институт, КНИРТИ, в поселок Протва Жуковского района Калужской области. Какое же было мое удивление, когда я узнал,что попал на родину самого Жукова. Что это: случайность или судьба? Я думаю, это не было случайностью. Первое время я работал в КНИРТИ инженером, затем освобожденным секретарем комитета комсомола, инструктором Жуковского райкома КПСС, первым секретарем Жуковского райкома ВЛКСМ, заместителем Жуковского райисполкома, первым секретарем Жуковского райкома КПСС, главой администрации Жуковского района Калужской области.

Жизнь в Жуковском районе меня свела с людьми неординарными, патриотами своей страны, из которых несколько человек встречались с Г. К. Жуковым. А участник Великой Отечественной войны Вячеслав Павлович Семин был настоящим другом Г. К. Жукова и часто бывал в его семье.

Мы сделали все возможное, чтобы увековечить имя народного Маршала. При поддержке руководства Калужской области, Российской Федерации в 1995 году было построено новое здание Государственного музея Г. К. Жукова. С 1 января 2020 года наш Жуковский музей получил статус федерального и стал филиалом музея Великой Отечественной войны на Поклонной Горе в городе Москве. А непосредственные организаторы строительства музея стали лауреатами Государственной премии имени Г. К. Жукова. В их число попал и я.

Все годы меня постоянно, как магнитом, тянуло на свою малую родину в д. ТОЗ. И я каждый год находил возможность приехать туда, а иногда и по два раза. На моих глазах был как подъем родного колхоза, так и его развал. Поднимали десятилетия, развалили за несколько лет.

Сколько судеб поломала необдуманная антистолыпинская реформа в жизни селян: началось с ликвидации неперспективных деревень, а закончилось ликвидацией целого уклада колхозно-совхозной жизни. Жизнь целых поколений рухнула в небытие.

А ведь непосильным, в основном женским трудом, была обеспечена продовольствием действующая Красная Армия в 1941–1945 годах. Всё, до последнего зернышка, деревенские труженицы отправляли на фронт, а сами ели картофельные очистки, клеверные шишки, а в муку добавляли белый мох. Все военные годы люди подписывались на государственные займы, платили налоги, сдавали государству мясо, яйца, молоко со своего личного подворья, отдавали для фронта теплые вещи.

Сейчас северо-запад России представляет собой практически разрушенные, умершие или умирающие деревни. Из 14 колхозов и совхозов в Нюксенском районе Вологодской области осталось 4 хозяйства с очень малым количеством коров. Про настоящее масло с маркой «Вологодское» все давно забыли. А ведь оно занимало первые места на международных выставках в Париже, было отличительной маркой, как сейчас сказали бы, брендом Советского Союза, его сельскохозяйственной отрасли.

Почти все поля заросли. Думаю, что если бы встали из могил наши предки, которые раскорчевывали поля, на лошадях их распахивали, вручную засевали и вручную жали, они бы всех нас посадили на вилы, и правильно бы сделали. Катастрофически уменьшается население: начальные и восьмилетние школы закрыты, учиться некому, как некому и учить. У меня сердце кровью обливается от всего происшедшего. В деревнях одна часть людей доживает, другая выживает. Работать негде. Хуже,чем после войны. По прогнозам думающих местных жителей через 30–50 лет будут летать одни голодные вороны.

Наш единственный в округе дом

Несмотря на всеобщий развал устоявшегося сельского быта, в том числе и моей родной деревни ТОЗ, я продолжаю туда ежегодно ездить. И езжу не один,

В.П. Чурин с сыном и внуками на охоте

а со своими внуками: Даней, Гошей, Ильей, Матвеем. Младшему внуку — Тимофею — сейчас десять месяцев. Но думаю, что он тоже проявит интерес к своим историческим корням. Стараюсь им привить любовь к малой родине своих дедушки и бабушки. Показать всю красоту неброского северного пейзажа. И мне, похоже, это удается делать — внуки предпочитают отдыху на Черном море отдых в несуществующей деревне ТОЗ. Хотя это не совсем правда, что деревни не существует. Один дом там все-таки стоит, и это дом моих родителей. Вместе с сыном, племянниками и внуками мы содержим в хорошем, ухоженном состоянии единственный жилой дом из тринадцати деревень, что входили в состав колхоза «Гвардеец».

Приезжая туда, мы пашем и засеваем овсом поля для медведей, кабанов, зайцев, тетеревов. Внуки изучают тонкости охоты на медведя. Сам я добыл за свою пятидесятипятилетнюю охотничью тропу тридцать пять медведей, сын Андрей — семь, ну а внуки пока любуются медведями и кабанами, которые лакомятся на овсяных полях.

Я не питаю иллюзий о том, что все вернется на круги своя, что все поля опять будут обрабатываться, опять оживут разоренные деревни и будет слышен детский смех. Но я на 100 процентов убежден, что таких убийственных экономических реформ в будущем проводить нельзя — это преступление. В 1986 году не стало колхоза «Гвардеец», а оставшихся его гвардейцев присоединили к соседнему колхозу имени Кирова. Через несколько лет его также не стало. Остались обозленные на свою судьбу бывшие колхозники, которые по-стахановски, без выходных и отпусков занимались сельским хозяйством.

В одночасье колхозники стали никому не нужны. В лихие 90-е годы кризис наступил не только в деревне, но и в городе — закрывались массово промышленные предприятия, и безработица доходила до 30 процентов. Многим селянам городская жизнь — хуже пытки. Они в совершенстве владели сельскохозяйственными специальностями, занимались сельским хозяйством всю свою жизнь… Так они остались один на один с жизненной трагедией.

Мы еще не представляли, что принесет для страны, Союза Советских Социалистических Республик, 1991 год. Он был уже на пороге.

Февраль, 2020 год

«РОДИНА НАША – КОЛЫБЕЛЬ ГЕРОЕВ»

Олейник Александр Петрович, 66 лет,
педагог дополнительного образования
МУ ДО «Дом детского творчества»,
Тульская область, г. Белёв

Мне очень нравятся слова А.Н. Толстого «Родина наша — колыбель героев», поэтому я решил показать эту мысль на примере моих землячек-тружениц, о которых писала газета «Белевская правда» с 1959 по 1987 годы.

Трудовые победы

Мария Ивановна Звездочкина родилась в 1919 году в деревне Куракова Белевского района. Эта деревня расположена на правом берегу Оки, за поймой, напротив левого обрывистого белевского берега. Так и смотрят друг на друга город и деревня, как брат и сестра.

Большая бедная крестьянская семья из 18 человек умещалась в маленьком домике. При образовании колхозов отец одним из первых вступил в хозяйство, куда и отвел свою лошадь. Видя бедственное положение семьи, правление колхоза выдало отцу корову [1].

Мария, старшая из детей, начала свою трудовую биографию в колхозе «Восход», который потом слился с совхозом «Белевский». 14-летним подростком Мария пришла на овощное поле, чтобы на день-два заменить больную мать, да так и осталась в трудовом коллективе. Звеньевая Мария Федоровна Алимпиева хвалила: «Уж больно ты цепка в работе». Веселую жизнерадостную девушку просили запевать песни по дороге в деревню. В коллективе ее уважали. Опытные овощеводы учили на практике премудростям промысла. Подсказывали. А слава белевских огородников известна исстари.

Через 2 года Марии доверили звено. Трудно было руководить, но при поддержке опытных наставников справилась и с этой должностью. Труд овощевода сложен, но М. И. Звездочкина отдавалась любимой работе всей душой, накапливая необходимые знания и опыт. В то время главной тягловой силой была лошадь.

В 1941 году успели убрать урожай, а 25 октября город и деревню заняли немецкие войска. Два месяца сельчане прожили на оккупированной территории. Новый 1942 год встречали освобожденными. Жителям деревни, колхозам был нанесен серьезный урон. При отступлении фашисты расстреляли 8 человек.

В десятке километров от деревни шли бои, а народ налаживал жизнь. Весной на полях кипела работа. Колхозники на себе носили семенной материал на поля, которые были готовы для посадки и посева. Выращенные

овощи в основном шли на питание армейских частей. Полностью Белевский район освободили в конце июля 1943 года. В ходе работ на поля залетали снаряды, иногда бомбили с воздуха. Овощеводы проявляли настоящий героизм. Они, несмотря на опасность, выращивали и отправляли для передовых частей фронта огурцы, помидоры, морковь, свеклу, капусту. В годы Великой Отечественной войны у звеньевой Марии Звездочкиной особенно проявились организаторские способности. В победном мае 1945 года директор совхоза Ю. Л. Воинов вызвал к себе М. И. Звездочкину.

— Мария Ивановна, вы хорошо проявили себя на работе звеньевой. Нам на третье отделение требуется бригадир. Мы решили выдвинуть вас на эту должность.

— Тяжеловато будет, боюсь, не справлюсь, — пыталась отказаться женщина.

Ночью она долго не спала, все думала, как быть, соглашаться или нет. Но потом вопрос решила положительно и приняла бригаду. С первого же дня ввела индивидуальную сдельщину. При отсутствии машин такая организация труда позволяла содержать овощные в отличном состоянии. Бригадир соседней бригады Анна Алимпиева наставляла: «Умей по-настоящему с рабочих спросить, но не забывай и за хорошую работу похвалить». Мария стала применять это правило в жизни. Хорошо усвоила все особенности ухода за овощными культурами. Внедряла все прогрессивные новаторские технологии. Поля ее бригады, площадью около 200 гектаров, простирались от деревни Кураковой до реки Оки, как раз против белевских монастырей. Во все времена это были сенокосные делянки белевского городского общества и отдельных хозяев [1, 5 декабря 1970].

Заготавливали сено белевцы два раза в летний сезон. В этих местах много заболоченных участков, ручейков и речек, а поперек всего поля проходила широкая старица Черногрязка. На таком поле пришлось очень много потрудиться для отвода вод и осушения земель. При разливе реки водой заполнялись все низменные места. Бригада прокапывала дополнительные канавы, по которым сходила вода. Преодолевая трудности, вызываемые и другими погодными условиями, бригада проводила своевременную посадку и посев овощей. В засуху применяли рыхление и прополку растений, так называемый «сухой» полив. Только огурцы рыхлили 6 раз. В основном применялся семипольный полевой севооборот, который практиковался русскими уже более ста лет. Схема севооборота: первое поле — многолетние травы первого года; второе поле — многолетние травы второго года пользования; третье поле — капуста; четвертое поле — столовые корнеплоды; пятое поле — столовая морковь; шестое поле — кормовые корнеплоды; седьмое поле — яровые зерновые с подсевом многолетних трав. Все на площади 250 гектаров. В среднем на каждый гектар вносят более 4-х тонн органических и до 5 центнеров минеральных удобрений. Этот и некоторые другие сельскохозяйственные приемы упоминаются в учебниках Московской сельскохозяйственной академии. Совхоз входил в систему «Союзплодоовощ» и служил сырьевой базой Белевского сушильного завода. Основное направление совхоза — овощеводство с хорошо развитым семеноводством. Выращиваются: капуста, помидоры, столовая свекла, лук, пастернак, бобы, огурцы. Культивирует семена капусты, лука, свеклы столовой, моркови, петрушки, пастернака, огурцов и помидоров. Овощи и семенники размещены, главным образом, на пойменных землях [2]. За добросовестную работу в 1948, 1950, 1951 годах совхозу присуждалось переходящее Красное знамя ВЦСПС и Министерства пищевой промышленности СССР.

Ударный труд на совхозных полях

На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1954 года привлекал стенд совхоза «Белевский». Экспонировались кочаны поздней капусты сорта «Слава», давшего рекордный урожай — 615 центнеров с гектара, высокоурожайные помидоры «Маяк», свекла столовая «Бордо», а также огурцы, полученные от скрещивания сортов «Нежинский» с «Вязниковским». Для защиты огурцов от холодных ветров применялись полосы из кустов картофеля. Через каждые 2 ряда картофеля по 6 рядов огурцов с расстоянием между рядками 70 см. Производится поливка семенных овощных культур и поздней капусты. Выставка являлась прекрасной лабораторией передового сельскохозяйственного опыта [1, 5 июля 1980].

За успехи, достигнутые по увеличению производства и сдачи государству продуктов сельского хозяйства, в конце декабря 1957 года Тульская область награждена орденом Ленина.

В 1959 году на ВДНХ — Выставке Достижений Народного Хозяйства — экспонировалось свыше 500 высокоурожайных сортов овощей и картофеля. Большое восхищение у экскурсантов вызвали овощи совхоза «Белевский», который экспонирует раннюю белокочанную капусту № 1 с высокой урожайностью — 400 центнеров с каждого из 17 гектаров. Замечательны представленные экспонаты огурцов, моркови, лука сорта «Бессоновский» и других культур. И это во время, когда королевой полей стала кукуруза [1, 14 декабря 1959].

В 1960 году бригада Марии Ивановны Звездочкиной вырастила и убрала богатый урожай овощей: 661 центнер ранней капусты, 650 центнеров поздней, 645 центнеров моркови, 552 центнера кормовой свеклы с каждого гектара [1, 2 декабря 1960].

В 1961 году члена рабочего комитета Марию Ивановну Звездочкину избрали депутатом Кураковского сельского совета. В 1963 году избрали депутатом районного Совета депутатов трудящихся по кураковскому округу № 12.

В 1966 году бригаде присваивается высокое звание «Бригада Коммунистического труда» — как одному из лучших производственных участков. К следующему году в отделении из 6 бригад пять добились права

называться коллективами коммунистического труда [1, 1 мая 1967; 5 декабря 1970].

С применением различной техники и передовых технологий бригада М.И. Звездочкиной из года в год выращивает хорошие урожаи. В 1970 году получен урожай овощей в среднем со всей площади 108 гектаров по 361 центнеру с каждого гектара при плановом задании в 303 центнера. Собран урожай столовой свеклы по 300 центнеров, моркови по 320 центнеров, пастернака по 170 центнеров, помидоров по 180 центнеров, огурцов по 128 центнеров, капусты поздней по 580 центнеров с каждого гектара [1, 5 декабря 1970].

За успехи, достигнутые в 1972 году в развитии сельского хозяйства, выполнение условий показателей для отбора участников ВДНХ СССР по сельскому хозяйству и их награждению Главный комитет ВДНХ СССР постановил наградить дипломами и медалями Выставки по Белевскому району: Дипломом Первой степени и набором музыкальных инструментов бригаду № 2 первого отделения совхоза «Белевский»; Золотой медалью и ценным подарком Звездочкину Марию Ивановну, бригадира совхоза «Белевский» [1, 20 сентября 1973]. За большие успехи, достигнутые во Всесоюзном социалистическом соревновании, и проявленную трудовую доблесть в выполнении принятых обязательств по увеличению производства и продажи государству зерна и других продуктов земледелия в 1973 году присвоить звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой медали «Серп и молот» Звездочкиной Марии Ивановне — бригадиру совхоза «Белевский» [3].

В 1972 году на площади 152 гектара бригада получила по 272 центнера овощей с гектара. В 1973 году собрали овощей 346 центнеров при плане 265 центнеров и обязательстве 287 центнеров с гектара. В 1974 году за бригадой: лук на репку — 42 гектара; капуста ранняя — 4 гектара; капуста поздняя — 24 гектара; огурцы — 10 гектаров; томаты — 7 гектаров; морковь — 16 гектаров. Всего закреплено 103 гектара овощных культур. Кроме того, семенники капусты — 4 гектара; многолетние травы на сено — 50 гектаров и овес — 43 гектара. Подготовка почвы, посев, посадка овощных культур в бригаде Марии Ивановны полностью механизированы. Имеется необходимый набор сельхозмашин для проведения этих работ: борон, культиваторов и плугов. Не удалось полностью исключить на уборочных работах ручной труд. Главное, для получения высоких урожаев — орошение. В совхозе 8 дождевальных установок. Целенаправленная система ухода за посевами овощных культур, применение химических прополок и борьба с сорняками позволяют ежегодно получать в открытом грунте высокие и устойчивые урожаи. От организации работ многое зависит в успешном проведении уборочной страды. Большую заинтересованность овощеводов создает начисление к основной зарплате дополнительной оплаты в размере 30%, которая выдается после подведения итогов деятельности бригады за год. Сюда

входит доплата за продукцию при условии выполнения установленных планов. Если же бригада перевыполнила плановое задание, то начисляются также премиальные за перевыполнение плана получения валовой продукции и сокращение прямых затрат [2]. В бригаде Марии Ивановны Звездочкиной в 1979 году овощи размещены на 153 гектарах. При неблагоприятных климатических условиях выращен неплохой урожай капусты по 30 центнеров с гектара и реализовано ее 200 тонн. С площади 55 гектаров убран лук. Получено и реализовано 510 тонн. Отправлено 65 тонн огурцов и 106 тонн помидоров. До заморозков убрано 40 гектаров моркови, собрано ее 950 тонн, а государству отправлено 550 тонн [1, 30 декабря 1968]. В деревне Кураковой в этом же отделении совхоза «Белевский» трудилась полная однофамилица нашей героини. На Кураковской молочно-товарной ферме много лет проработала Мария Ивановна Звездочкина (1913–1995). Передовая труженица за 1967 год надоила по 2949 килограммов молока от каждой коровы, успешно выполнив свои социалистические обязательства. В 1968 году Мария Ивановна дала слово надоить по 2800 килограммов молока от каждой коровы. При стойловом содержании коров получала от каждой из них по 6–7 литров молока в день [1, 30 января 1968].

Рекордные урожаи в совхозных садах

Гераскина (Тютюникова) Полина Давыдовна родилась на хуторе Андреевский Октябрьского района Оренбургской области 14 июня 1926 года. После окончания Краснодарского института в 1950 году по распределению начала работать в Белевском районе.

Центральный комитет КПСС — Коммунистической партии Советского Союза и Совет Министров СССР в постановлении от 30 июня 1956 года обязали колхозы и совхозы обеспечить расширение площадей под садами и ягодниками, улучшить уход за ними, а также обеспечить внесение органических и минеральных удобрений, ремонт насаждений. Согласно перспективному плану в районе должно быть посажено к 1960 году до 700 гектаров садов [1, 6 сентября 1956].

В алтуховских садах особое предпочтение отдается старинному сорту — русской антоновке. Этот сорт наиболее устойчивый и урожайный. Одно дерево дает в год до 50 килограммов плодов. Пастила из этих яблок по вкусовым качествам не имеет себе равной. На трети площади садов выращиваются яблоки летних сортов, такие как «коричное», «боровинка», «белый налив», «осеннее полосатое» и другие. Сады раскинулись на площади 930 гектаров, из них: семечковых — 811, косточковых — 82, смородины — 33, крыжовника — 4 гектара. Защитные полосы и естественные леса охраняют сады от сильных ветров и бурь. В пятилетке запланировано получить: яблок — 8410, ягод — 382 тонны. С начала года заготовлено более двух тысяч тонн органических удобрений для подкормки плодоносящего сада.

Сады отделения сначала ремонтировали, а затем производили уплотнение (сажали деревья с расстоянием 10х5 метров) и тем добились увеличения количества деревьев на гектаре. Вносили в почву до 900 килограммов минеральных удобрений на один гектар. Заботились о садозащитных полосах. Теперь сад дает устойчивые урожаи, прибыль растет, себестоимость яблок стала низкой.

На Первой районной конференции женщин П. Гераскина в своем выступлении сказала: «Нам, советским людям, не пристало успокаиваться на достигнутом. Коллектив совхоза «Алтухово» поставил перед собой ответственную задачу — увеличить урожай плодов и ягод в 3–4 раза, полностью удовлетворить потребности населения в этих продуктах» [1, 20 марта 1960].

В своей статье «Каждому колхозу и совхозу — фабрику удобрений» Полина Гераскина изложила следующее: «Каждый совхоз и колхоз должен создать у себя своеобразную фабрику производства удобрений: построить навозохранилища, жижесборники, организовать компостирование торфа, навоза, всевозможных хозяйственных отходов. Больше скота — больше удобрений. Больше удобрений — выше урожай. Выше урожай — больше скота. Таково непременное правило организации сельскохозяйственного производства». В 1960 году на каждый гектар было внесено по 40 тонн удобрений. Было получено по 18,5 центнера зерновых, а с семенных участков по 23 центнера зерна. Получен отличный урожай кукурузы. В 1961 году внесено по 50–60 тонн компостов [1, 25 августа 1961].

За высокие показатели во всех отраслях сельскохозяйственного производства в 1967 году Василий Тимофеевич Гераскин награжден орденом Ленина. Орденом Ленина награждена и его жена — Полина Давыдовна Гераскина. Высшую награду Родины ей вручили в 1960 году. В 1970 году супруги Гераскины получили юбилейные медали.

В отделении № 2 совхоза «Заря» средняя урожайность зерновых за пятилетие составила 23 центнера с гектара. А в 1970 году собрано по 26 центнеров зерновых. Средний урожай яблок за пятилетку составил 155 центнеров, а в юбилейном, 1970 году, получено плодов по 171 центнеру с гектара. Агроном отделения Гераскина П. Д. — делегат XXIV съезда КПСС. Искусство садоводов достигло уровня, при котором сады, раскинувшиеся на площади более ста гектаров, не имеют периодичности в плодоношении. В девятой пятилетке (1971–1975 года) весь коллектив рабочих и специалистов упорно работает над тем, чтобы с каждого гектара всей площади посева в первом году взять по 25 центнеров зерновых. Благосостояние отдельного человека зависит от результатов производственной деятельности всего коллектива. По результатам последнего года в порядке дополнительной оплаты во втором отделении 129 рабочих и служащих получили по пять окладов. И это не первый год [1, 18 февраля 1971].

За выдающиеся успехи, достигнутые в развитии сельскохозяйственного производства и выполнении пятилетнего плана продажи государству продуктов земледелия и животноводства, присвоено звание Героя Социалистического Труда Гераскиной Полине Давыдовне — агроному отделения № 2 совхоза «Заря» Белевского района [1, 10 апреля 1971].

19 декабря 1970 года на XXXII Белевской районной партийной конференции П. Д. Гераскину избрали делегатом с правом решающего голоса на XVI Тульскую областную партийную конференцию.

За достигнутые успехи в 1971 году в развитии сельского хозяйства и выполнение «Условий и показателей для отбора участников Выставки достижений народного хозяйства СССР и их награждению» награждена Золотой медалью и денежной премией в размере двухсот рублей Гераскина Полина Давыдовна — агроном отделения совхоза «Заря» [1, 9 января 1973].

17 июня 1973 года П. Гераскину избрали депутатом Белевского районного Совета депутатов трудящихся.

В статье «Растить достойную смену» главный агроном совхоза «Заря», делегат XXIV съезда КПСС изложила следующее: «Мы, старшее поколение, являемся наставниками молодых, передаем им свой опыт, знания и мастерство. Мы должны проявлять заботу о молодом труженике, больше уделять внимания его интересам, воспитывать заинтересованность каждого в общем успехе. Воспитывать у молодежи уважение к профессиям, добросовестное отношение к любому порученному делу» [1, 23 июня 1973].

Работа агронома-садовода кропотлива и требует большой любви и терпения, она длится круглый год. Приходится ждать сбора плодов во вновь заложенных садах не один год. Новые садовые посадки имеют 40 процентов яблонь новых зимостойких сортов «Богатырь» и «Северный синап». В 1976–1977 годах средняя урожайность плодов в отделении составила 82–85 центнеров с гектара. В 1978 году запланировали получить 90 центнеров. Такой высокий урожай могут получить садоводы под руководством Заслуженного агронома РСФСР, Героя Социалистического Труда Полины Давыдовны Гераскиной [1, 5 августа 1978].

Полина Давыдовна принимала участие в работе Всесоюзной конференции женщин, на которой было 600 человек. Через 17 лет, в феврале 1987 года, она вновь принимала участие в работе аналогичной конференции, на которой женщин было в два раза больше. Участники с волнением слушали доклад Председателя Совета советских женщин В. В. Терешковой [1, 7 марта 1987].

Литература

1. Белевская правда за 1959–1987 гг.
2. *Маслов В.Я.* Родное поле. М. 1975 г.
3. Коммунар, 12 декабря 1973 г.

ИСТОРИЯ КОЛХОЗА ИМЕНИ ГЕОРГИЯ ДИМИТРОВА В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Трифонов Никита Владимирович, 20 лет,
студент 3 курса ГПОУ «Училище (колледж) олимпийского резерва Тульской области»,
руководитель — Дмитриева Татьяна Владимировна,
Тульская область, г. Новомосковск

Летом 2016 года на чердаке брошенного и пустого дома в селе Ка́менка Белёвского района, принадлежавшего бухгалтеру колхоза имени Георгия Димитрова Кузиной Евдокии Ильиничне, была найдена папка с документами. Это оказалась часть архива колхоза имени Георгия Димитрова, в который входило это село. Архив содержит часть документов 1959–1962 годов. Прежде всего и самое главное — это «Книга протоколов заседаний правления колхоза». Затем различные заявления колхозников, написанные ими собственноручно. Здесь также находятся разные акты на выбраковку колхозных животных; ведомости на оплату счетов за электроэнергию в частных хозяйствах, ежемесячные счета на оплату за использование колхозных лошадей для личных нужд колхозников и счета за покрытие (осеменение) личных коров колхозников и списки коров в домашних подворьях. Здесь же и списки колхозников на покупку мяса в колхозе и стоимость самого мяса различных категорий.

В целом архив довольно интересный, он даёт наглядное представление об очень тяжёлой жизни сельского населения в СССР начала 1960-х годов. Одно дело слышать об этом противоречивые рассказы стариков и совсем другое — видеть эту тяжёлую жизнь по фактическим документам. Например, в 1961 году наша страна стала космической державой, отправив на орбиту космонавта Ю. А. Гагарина, а в русской деревне в это время насильно отбирали в частных подворьях телят под угрозой дисциплинарного наказания. Это делалось для того, чтобы догнать и перегнать США по производству мяса. Сельские жители вынуждены были покупать мясо в колхозе. Ещё было запрещено держать в личных целях лошадей, и их у колхозников не было. Лошадь, как и грузовой автомобиль, относилась к транспортному средству (гужевой транспорт) и при Н. С. Хрущёве запрещалась к содержанию в частных подворьях. Делалось это для того, чтобы сельские жители не смогли получить дополнительный заработок деньгами, используя лошадь как транспортное средство и как средство обогащения. При этом заработная плата в колхозе оставалась крайне низкой.

Считается, что во времена Никиты Сергеевича Хрущёва жизнь в СССР стала намного легче, чем до этого периода. По крайней мере, так говорит большинство людей разного возраста. Однако его планы по коренной перестройке всего сельского уклада жизни, вплоть до желания и стремления сравнять деревню с городом, а также догнать и перегнать США по производству сельхозпродукции, в первую очередь мяса и молока, не могли не вызвать объективные трудности, прежде всего, в русской деревне. Найденный нами архив недвусмысленно показывает, насколько трудной была жизнь в это время в деревне и как в ней претворялись в жизнь грандиозные замыслы Н. С. Хрущёва.

Особый интерес представляет протокол № 1 заседания правления колхоза от 05.02.1960 года, в котором первым вопросом стояло выступление председателя колхоза Никиты Николаевича Наумова. Он подробно рассказал об итогах декабрьского Пленума ЦК КПСС и о задачах колхоза. Председатель Наумов предлагает принимать телят от колхозников за деньги живым весом для колхоза с последующей их реализацией. Кто после этого собрания продаст телёнка на стороне, того лишат пастбища и разрешат пасти корову и другой скот, только уплатив в кассу по 500 рублей за каждую голову. В дополнение предложил применять к виновным строгое дисциплинарное взыскание, а также запретить этому хозяйству выдавать тягловую силу (лошадей) для обработки огородов и других нужд (кроме поездки в больницу). Принимать во внимание падёж телят только с заключением ветврача.

Поскольку в протоколе собрания не уточнено о каком декабрьском пленуме идёт речь, 1958 или 1959 годов, я решил изучить материалы этих двух пленумов, тем более что они по содержанию очень близкие. Выяснилось, что Пленум от 19.12.1958 года отметил: «Задача состоит в том, чтобы обеспечить рост доходов колхозов не за счёт повышения цен на продукты, а за счёт увеличения валовых сборов продукции» [1, с. 2]. Колхозам дали задание не только выполнить планы по сельхозпродукции, но и значительно перевыполнить их. «Парторганизации должны мобилизовать все силы на претворение в жизнь идеи Пленума. Мобилизовать все имеющиеся резервы для дальнейшего резкого увеличения производства сельхозпродуктов» [1, с. 2].

Далее Пленум отмечает: «С ростом общественного хозяйства колхозов личное хозяйство колхозников будет постепенно утрачивать своё значение. Колхозникам станет выгоднее получать продукты в колхозе, чем тратить свой труд на их производство в личном хозяйстве» [2, с. 4].

Следует отметить, что накануне этого Пленума Н. С. Хрущёв поставил задачу догнать США по производству продуктов животноводства на душу населения и стал настойчиво требовать от обкомов и райкомов КПСС выполнения повышенных обязательств по сдаче мяса государству. На декабрьском Пленуме 1959 года Хрущёв резко критиковал работу сельского хозяйства страны. Шла речь об огромных перспективах и резервах.

После Пленума началась кампания по реализации решений декабрьского Пленума и выступления Хрущёва. На село послали 850 агитаторов и пропагандистов. Не дожидаясь результатов, Хрущёв наградил орденами Ленина Рязанскую и Тульскую области, принявшие более высокие обязательства. Сама процедура награждения областей была пропагандистской [3].

Смотрим далее архив. Прошёл один год с начала принудительного изъятия телят (читай — мяса) из частных подворий, в результате мяса у колхозников не стало. Об этом свидетельствует архивная «Ведомость на выдачу семьям колхозников мяса в ноябре 1961 года». В ведомости отмечена 91 семья, а это почти 90 % от общего количества работников колхоза. Весьма интересна «Ведомость на получение денежной премии за 1-ю половину июля 1961 года». Как мы видим, из 48 человек никто не получил даже 1 рубля. Максимальная премия составила 88 копеек, минимальная — 9 копеек. Этот документ подтверждает крайне низкую заработную плату в колхозе.

При работе с другими историческими источниками выяснилось следующее: заработная плата в колхозах (на 1972 год) на конно-ручных работах в животноводстве осуществлялась по разрядам. Всего было 6 разрядов. По минимальному 1 разряду она составляла 2 р. 34 коп, а по самому высокому 6 разряду — 2 р. 81 коп. Трактористы-шоферы получали по 1 разряду 3 р. 36 коп, по 6 разряду — 6 р. 06 коп. [4]. Если эти суммы умножить на количество рабочих дней, то мы увидим реальную зарплату колхозников.

Следует особо отметить, что зарплату деньгами колхозники в Белёвском районе стали получать только с 1960 года, а до этого расчёт производился натуральной оплатой сельхозпродукцией за трудодни [5, с. 194]. Это видно на примере заявления (просьбы) колхозника В. М. Игнатова из рассматриваемого нами колхоза.

Смотрим далее архив. Наибольшее количество документов в архиве — это «Списки колхозников, бравших для личных нужд лошадей». При этом дотошно учитывалось количество часов нахождения лошадей у крестьян; записывался маршрут и цель аренды животного. Так за 8 часов пользования одной лошадью колхозник платил в кассу 1 р. 20 коп. Интерес представляет «Акт на выбраковку телят и баранов от 03.11.1961 г.». В Акте отражена кличка телёнка и его окрас, его инвентарный номер, вес, упитанность и причины выбраковки — из-за болезни, указывается и сама болезнь.

В архиве много личных заявлений от граждан к председателю колхоза Наумову Н. Н. Из этих заявлений мы узнаём, что в 1961 году у колхозников ещё не было паспортов, т. е. они были «неполноценными» гражданами своей страны, так как не могли по этой причине никуда самовольно выехать из деревни. Это видно из заявлений. При

этом только от председателя колхоза зависело, кому он разрешит получить паспорт, а кому нет. Например, молодой парень Г. Д. Михеев, окончивший школу и желающий получить профессию в ФЗО, получил отказ председателя колхоза, а его товарищ и, возможно, одноклассник Н. С. Хрисанов получил паспорт и поехал учиться. Получил запрет на получение паспорта и колхозник Ю. В. Курочкин, желающий подзаработать в городе.

При работе с историческими источниками выяснилось, что только с 1958 года сельские жители, отправлявшиеся на сезонные работы, получили право на получение краткосрочного паспорта, который действовал на время заключения договора. При этом выдача разрешения на временное убытие из колхоза оставалась на усмотрение председателя [6, с. 14].

Часть личных заявлений колхозников — это их крик души. Люди молят председателя не дать им умереть от голода, выдать им на пропитание зерна, чтобы смолоть из него муки и крупы. Это заявления И. В. Шеламова, Н. С. Гарбузова, А. М. Тимохиной и О. Г. Позднуховой. Из заявления А. А. Сечкина видно, что продовольственная норма выдачи на одного человека в колхозе в 1960 году составляла 100 г зерна на 1 день.

Разбирая заявления колхозников, мы отобрали часть из них, в которых вырисовывается моральный облик бригадира и коммуниста Макара Андреевича Сидорова. Это заявления колхозниц М. В. Жмуриной, З. С. Грачёвой и А. И. Мельниковой. Причём заявление А. И. Мельниковой адресовано секретарю партийной организации колхоза — Е. В. Ленкову. Весьма интересно заявление З. С. Грачёвой из д. Пахинские Вы́селки, в котором она приводит колхозную частушку про бригадира Сидорова. Интересна и резолюция председателя колхоза, написанная на заявлении З. С. Грачёвой: «Считать несостоятельной без свидетелей». Очевидно, «рука руку моет». Из этих заявлений видно, что бригадир не только злоупотребляет алкоголем, но и ведёт разгульный образ жизни. Однако, когда в 1960 году встал вопрос об объединении полеводческих бригад в колхозе, бригадиром объединённой бригады оставили М. А. Сидорова.

Из рассмотренных нами архивных документов видно, какова была жизнь в русской деревне в начале космического века, как жили победители фашизма, избавившие Европу от его ужасов. При этом именно деревня и колхозники кормили всю огромную страну. Если в городах особо не задумывались, откуда и что появляется на продуктовых прилавках магазинов, то жители деревни думали постоянно о хлебе насущном, и это не пустые слова. Деревня, кормившая город, сама голодала, к тому же ещё была бесправная, не имеющая паспортов. От прихоти председателя колхоза зависела вся дальнейшая жизнь конкретного селянина, отпустит он в город на учёбу или нет. Государство лишь на словах заботилось о благосостоянии своих сельских граждан, но не в силах

было что-то изменить коренным образом, хотя и пыталось. Хотело, как лучше, а получалось, как всегда.

Однако общеизвестный факт, что царская Россия являлась кормилицей Европы. В Белёвском уезде массы крестьян при реформе П. А. Столыпина стали уходить на отруба́, поселяясь хуторами и деревушками. Только в Белёвском районе их было больше сотни. В каждом хозяйстве было, как минимум, по две лошади. Государство постоянно оказывало финансовую помощь и поддержку. При насильственной коллективизации именно «столыпинские» хутора принудительно переселили на места их прежнего проживания. Народ лишили его собственной матери-земли, сделав её чужой мачехой, отняв всё, что было, и принудительно заставили работать на этой земле, устанавливая сроки посевной и уборочной в тишине министерских кабинетов, невзирая на конкретные погодные условия. Всё это привело к закономерному результату, который общеизвестен, но в нашем конкретном случае ещё и подтверждён чудесно сохраненным колхозным архивом.

Спасибо Вам за это, Евдокия Ильинична!

Литература и источники

1. Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу товарища Н. С. Хрущева принятое 19 декабря 1958 года // Правда Коммунизма № 151, 26 декабря, 1958.

2. Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу товарища Н. С. Хрущева принятое 19 декабря 1958 года // Правда Коммунизма № 150, 24 декабря 1958 г.

3. Сушков А. В. Высшее руководство СССР и «Рязанское дело» (1959–1961 годы) 02.02.2017. URL: http://worldcrisis.ru/crisis/2586722.

4. Димони Т. М. Социальное обеспечение колхозников Европейского Севера России во второй половине XX века // URL: you 1917-91.narod.ru/dimoni_pensii.html.

5. Зайцев В. И. Послевоенная жизнь в селе Зайцево Белёвского района. Воспоминания и размышления // Белёвские чтения. Вып. 3., М.(МГУЛ), 2003.

6. Попов В. П. Паспортная система в СССР (1932-1976)// Социологическое исследование, 1995. № 8. С. 3–14.

СССР — СТРАНА СОЗИДАНИЯ, СПРАВЕДЛИВОСТИ, РАВЕНСТВА[1]

Савостьянов Валерий Николаевич, 71 год,
инженер, поэт, лауреат международных и российских литературных премий,
г. Тула

Мне повезло быть свидетелем послевоенной жизни страны сразу и в деревне, и в городе. Во-первых, повезло родиться после войны в деревне и учиться в деревенской начальной школе. А во-вторых, потом ещё повезло переехать вместе с родителями в заводской посёлок под Тулой, который через несколько лет вошёл в черту города, и я стал учиться уже в городской школе. Да еще с производственным обучением, когда в старших классах один день в неделю мы проводили на заводе, получая знания и навыки по одной из рабочих профессий. Я, например, — слесарь.

Сразу после школы у меня был ещё Политехнический институт с ежегодными летними производственными практиками: для большинства студентов — на заводах, стройках, в НИИ (научно-исследовательских институтах), а для меня — на шахтах Подмосковья и Донбасса, поскольку я получал специальность «Горный инженер-электрик».

А после окончания института — распределение. В институтской комиссии по распределению сидели приехавшие со всех концов страны так называемые «купцы» — представители разных предприятий. Можно было выбрать и Якутию, и Воркуту, и Кузбасс, и Донбасс, и Подмосковье, и даже военную службу, поскольку у нас в институте была военная кафедра и мы получили офицерское звание. Так что я, как и мои друзья-однокурсники, уже в институтские годы и побывал непосредственно на производстве, и повидал страну.

Много хорошего может вспомнить представитель нашего послевоенного поколения. А я доволен особенно, так как кроме Политеха, шахт, заводов, научных лабораторий и вычислительных центров были в моей жизни ещё и литературные объединения, кружки, совещания самых разных уровней: от областных до международных. Были газеты и журналы, где печатались мои стихи, а потом ещё издательства, где выпускались мои книги. Жаль только, что не было в ней Литинститута — не сложилось как-то, хотя я мечтал о нём.

---

[1] См.: *Савостьянов В.Н.* Не дадим украсть Победу! // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним... Ч.1 / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. С. 395–401; *Савостьянов В.Н.* Пятнадцатилетия // Мы помним... Сразу после войны (2017). С. 334–338.

Деревенское детство

Итак, самые первые впечатления. Это солнечный свет, бьющий в окна дедовского дома в деревне Сергиевское. Это бабушка, мама и отец — ощущение моей абсолютной защищённости. Еще, конечно же, мой дед-фронтовик, председатель колхоза. Он учился в Туле в сельскохозяйственном техникуме и всегда, приезжая из города, привозил мне какой-нибудь сладкий гостинец, чаще всего плитку шоколада. И это было очень вкусно!

Весна, посевная. Я на одном из ближайших к деревне полей — пришёл к бабушке, работающей на сеялке. Здесь же дед. Из подслушанного мною взрослого разговора: «При Маленкове, кажется, стало чуть легче, лучше...».

Потом (через несколько лет) вспоминается звучащая каждое утро по радио бодрая, весёлая песня: «Едем мы, друзья, в дальние края: станем новосёлами и ты, и я». Дядя, недавно вернувшийся из армии, собирается на целину. А я постепенно осваиваю дядин велосипед: учусь ездить на нём — пока, увы, только под раму. Но уже объездил на нём все деревенские окрестности, любимое место — речка Упа.

Деревня Нижние Присады. Наша семья — отец, мама и я — живёт уже несколько лет отдельно от деда и бабушки. У нас третья часть деревенского кирпичного дома: комнатка — даже не в два — а всего лишь в полтора окна, печка, занимающая чуть ли ни её четверть, а как выходишь из комнаты, маленькие сенцы и сразу направо — дверь на улицу. С улицы дверь в большой деревянный сарай, где лежат брёвна — это наши дрова. Там же, как вы понимаете, и так называемый «туалет», запоминающийся на всю жизнь — особенно в крещенские морозы.

Бедность несказанная: ведь чтобы купить это жильё, родители потратили не только все сбережения, но и продали всё, что смогли: мамины платья, папины лыжи и ещё, говорят, в долг влезли. Но что удивительно, в семье никакого уныния! Каждое утро отец идёт пешком на завод: до него не менее часа ходьбы. Он работает молотобойцем в сталеплавильном цехе — помощником кузнеца, нашего деревенского соседа дяди Хрома. Это к нему мы иногда в праздники ходим смотреть телевизор: деревня вместе с хуторами, расположенными поодаль, огромная, а телевизоров во всей деревне только три, третий как раз у дяди Хрома.

Несколько слов о нашей деревне, о Нижних Присадах: она того стоит. Если Сергиевское, или, как мы ещё её называем, Упское, стоит прямо на шоссе Тула — Новомосковск — и расположена тем самым весьма выгодно: ну ещё бы, ведь главная улица Сергиевского — это асфальтированное шоссе, то Нижние Присады в тупике, на холме большой излучины реки Упы, что километрах в четырёх от Сергиевского ниже по течению. Главная же улица деревни Нижние Присады, на которой как раз и наш дом, обычная, земляная, разъезженная, в глубоких колеях — как говорится, асфальтом здесь и не пахнет, а вот грязи, особенно весной и осенью, по колено.

Зато на заливном лугу в мае мы, дошколята и младшие школьники, ловим майских жуков, а потом всё лето играем в лапту, а более взрослые ребята ещё и в футбол — и между собой, и деревня на деревню. Помнится, именно здесь я, всегда такой открытый и прямой, впервые почувствовал, что в жизни порой необходима и дипломатия, предполагающая уклончивые ответы на прямые вопросы товарищей, за кого ты болеешь. Потому что я и сам во время одного из таких вот футбольных матчей, когда встречались наши нижнеприсадские и мои упские, где за команду упских играли мои дядья, младшие братья мамы, не знал, за кого же всё-таки я больше болею: за «наших» или за «моих»...

Но футбол здесь — это летом. А весной половодье отрезает на несколько дней нашу деревню и от хуторов, расположенных на другой стороне лощины, и вообще от цивилизации. Разумеется, в это время заливается и низкий, из крупных брёвен, мост через излучину, находящийся на востоке, в самом конце главной улицы. Он очень крепкий, и никакое половодье обычно не сносит его.

О нашей семье и школе

Мама моя работает санитаркой в областной психиатрической больнице в посёлке Петелино. Работает мама по сменам — в три смены. И бывает так, что днём она дома, а на ночь глядя уходит на работу: это значит, что у неё третья смена. Идёт, конечно, тоже пешком, и тоже не менее часа. А зимой, когда дорогу заметает, то и более. Отцу в этом плане легче: ему в метель можно хотя бы полпути пройти по «линии», то есть по железнодорожным путям. По ним на завод паровозами возят уголь, кокс для доменных печей, поэтому «линию» чистят и в метель. Маме же эта «линия» не помощница, ей в другую сторону: она лишь пересекает её — и дальше всю дорогу по сугробам...

А на полочке в сенцах — малиновое варенье: и когда мама помажет им кусок хлеба — праздник! А так оно — лишь когда заболеешь...

Заболел корью. Но оказывается, в нашей деревне есть врач! Он пришёл, послушал, выписал какое-то лекарство — и вылечил!..

И вот мне уже семь лет, и я иду в школу, в мою первую Нижнеприсадскую начальную школу. Деревенская школа — это одноэтажный дом с двумя классами. В нём сразу, как войдёшь с улицы в кажущийся после дневного света сумрачный коридор, направо маленькая комната, где живёт директор. Вернее, это директриса — Анна Павловна. Она же ещё одновременно и школьный сторож, и истопник, и уборщица. Эта комната — её служебное жильё, и туда нам, ученикам, заходить не положено, так что я только однажды побывал там по какому-то исключительному случаю.

Далее, прямо по коридору, школьные классы, большие светлые комнаты с партами. Ближний класс — проходной, а в дальнем классе, как

войдёшь, дверь налево и небольшая комнатка — школьная библиотека. Классные комнаты разделены большой белой, побелённой известью, печкой. Зимой, особенно с утра, пока ещё печь только растапливается, в классах очень холодно, и мы сидим за партами, не раздеваясь, прямо в пальто.

Поскольку начальная школа предполагает четырёхклассное обучение, а классных помещений здесь всего два, то учиться нам приходится в две смены. Учеников в каждом классе много, двадцать-тридцать человек, так что во всей школе, наверное, не меньше сотни... Сегодня, увы, школа эта уже давно закрыта: учить некого. И теперь нескольких нижнеприсадских школьников возят в Петелинскую среднюю школу.

Идти до школы, наверное, с километр, может быть, чуть меньше.

Учусь я хорошо. Но как-то однажды схватил двойку. Понуро бреду домой. Жду выговор, а, может быть, и наказание. Сообразительный дружок-одноклассник подсказывает выход: вырвать лист с двойкой! Вырываю! Школьная тетрадь из 12-листовой превращается в 10-листовую, потому что нужно выбросить и ещё один лист, противоположный вырванному. Первый грех! Но родители, видимо, замученные тяжёлой работой и неустроенным бытом, ничего не заметили...

Отцу тридцать, он ещё совсем молодой человек, а уж по моим нынешним меркам просто пацан. Но в нашей семье прибавление: родилась моя сестра Нина, и жить в этой нашей полутораокошечной комнатке стало ну совсем тесно-претесно! Отец решил строиться. А в наших Нижних Присадах, но не в самой деревне, а на хуторе, ближе к тому заводу, где он работает, живёт отец моего отца, а, значит, мой дед Алексей. И вот рядом со своим домом он выделил нам участок, правда, не справа, через проулок, где хотелось, а слева. Завезли шлак, залили фундамент. Работа кипит!..

И вдруг — всё бросили! Потрясающая новость: отец от завода записался на «народную стройку» — будет в нерабочее время, то есть, после смены и по выходным дням, строить многоквартирный дом в заводском посёлке Криволучье! И в нём нам дадут квартиру!

Бедный мой отец: теперь-то я понимаю, какой ценой тебе досталась эта наша криволученская квартира! С каким трудом ты смог выработать необходимое количество рабочих часов на строительстве дома для её получения! И даже несмотря на то, что иногда по выходным дням на стройку приезжали помогать и мама, и мой дед с моими дядьями, часов этих всё равно не хватало — и ты оказался одним из последних в списке. А последним решено было давать угловые квартиры: с меньшими раза в два коридорами и кладовками и без балконов. Но зато, когда тянули жребий, тебе всё-таки повезло: квартира оказалась хоть и угловой, но на престижном втором этаже трёхэтажного дома. Великое спасибо тебе, отец, — за твою смелость и предприимчивость, трудолюбие, упорство и стойкость! Я думаю, что это был самый главный, поворотный момент не только в жизни всей нашей семьи, но, что очень важно, и в моей учёбе, во многом определивший мою будущую судьбу инженера и поэта.

Итак, самый конец 1959-го года. Новый год и начало нашей новой жизни! Мы переехали в новую двухкомнатную квартиру! В городскую квартиру со всеми удобствами — и она действительно городская, хоть пока что в заводском посёлке. В ней меня, деревенского мальчишку, всё поражает. Вода сама течёт из крана! Тёплый туалет в самой квартире! — уж, конечно, это не то что наш деревенский сарай. На кухне огромный металлический цилиндр, бак — это титан, нагрев воду в котором деревянными полешками, можно помыться в ванной!

(Газ к нам в квартиру проведут позже, года через четыре, когда начнут газифицировать наш присоединённый к Туле криволученский посёлок — и тогда уже наша «хрущёвка» станет почти абсолютным раем!).

И ещё, что, быть может, самое главное: совсем рядом двухэтажная городская школа, в которой не только просторные классы, но и большой спортзал со спортивными снарядами. Он же при необходимости ещё служит нам и залом актовым, в котором проводятся все общешкольные мероприятия: школьные собрания, концерты и смотры художественной самодеятельности, КВНы, выпускные балы и, конечно, новогодние вечера, для чего в нём под каждый Новый год ставится большая — под самый потолок — нарядная ёлка. Для меня всё это — как одна сплошная сказка! Сказка ещё и, может быть, потому, что прямо в холле, напротив входной двери, справа у лестницы на второй этаж, стоит чучело настоящего огромного медведя!

(Позднее, когда вдруг неожиданно обнаружится, что всю заднюю часть шкуры медведя ребята порезали на «жостки» — это была тогда у нас такая весьма популярная дворовая игра — и из чучела бедного медведя сыпятся опилки и труха, медведя из холла спешно убрали).

В этой новой школе я учусь, учусь с каждым годом всё лучше и лучше — и, учась, принимаю самое активное участие в школьных, а потом и районных олимпиадах по математике, физике, литературе. И однажды даже выступаю за наш Пролетарский район на областной олимпиаде по математике, где занимаю четвёртое место. Жаль, что не призовое, ну хотя бы третье — потому что призёров областных олимпиад приглашают учиться в Москву, в математические классы при МГУ, собирая, таким образом, одарённых детей со всей страны. Какой шанс упущен!..

Школу я заканчиваю одним из лучших учеников — с серебряной медалью. Как тут не вспомнить добрым и благодарным словом учителей моих дорогих Антонину Петровну Золотову (математика), Антонину Евсеевну Буробину (русский язык и литература), Ольгу Александровну Афонцеву (химия и классное руководство), физика Воробьёва, директора Цымбаленко, да и всех остальных учителей тоже.

Этот период в жизни нашей страны, названный в дальнейшем кем-то «хрущёвской оттепелью», запомнился мне ещё и совершенно изумительными, уникальными темпами строительства жилья! Запомнился ещё,

может быть, и потому, что жил я именно в Криволучье, пригородном посёлке крупного областного центра, и новые микрорайоны «хрущёвок», когда мы порой, бывая в городе, проезжали мимо них — казалось, росли прямо на наших глазах! К тому же нас, школьников, иногда во внеурочное время привлекали к уборке мусора в уже готовых микрорайоновских пятиэтажках, и все мы, конечно, были в курсе, где, что и как строится.

Городская жизнь

И так вот Старое Криволучье, на дальней окраине которого я жил и учился, в несколько лет соединилось благодаря этим микрорайонам с самим городом Тулой, и тоже стало городом. Жилья, видимо, было построено действительно много: как-то отец сказал, что только на один их заводской сталеплавильный цех пришли ордера сразу аж на 30 с лишним квартир — такого у них раньше никогда не случалось. И ему, дескать, предлагают, поскольку мы у него с моей сестрой разнополые дети, поменять нашу квартиру на новую, уже трёхкомнатную. Какая замечательная возможность появилась у нашей семьи — тем более, если вспомнить, как трудно досталась отцу эта наша «двушка»!

Но потом почему-то родители решили этого не делать: дескать, у нас здесь и сарай под домом с полками для заготовок на зиму и земляной ямой для хранения картошки, а что там будет, неизвестно, и вообще: только что обжились здесь, а каждый переезд, как говорится, отчасти равнозначен пожару. Не знаю, может быть, они были по-своему правы: в последующем сараи под домами во многих пятиэтажках уже не делали, а хранить картошку зимой всё равно где-то было нужно. Ведь почти все тогда сажали её на участках, выделяемых от завода, а уж, тем более, мы и такие, как мы — деревенские. У нас, как мне кажется, была не только необходимость, но ещё и потребность в этом, как если бы зов крови и голос предков повелевал нам делать это каждую весну.

Происходило это обычно так: завод по договору с колхозами распахивал выделенные ему поля. Поле, предназначенное конкретному цеху, например, нашему, сталеплавильному, делилось на участки, и в зависимости от состава семьи рабочий получал на семью две, три, четыре или даже более соток. Чаще всего участок был каждый раз в новом месте. И всегда было интересно увидеть ещё и это новое место, которое становилось нам, благодаря нашему труду и поту, хоть немножко, но родным, а сам весь этот картофельный процесс превращался в праздник.

И вот весной семьями, организованно, на заводском транспорте, мы выезжали на наше поле — сажать картошку. Ранней же осенью процесс повторялся: мы выезжали, опять же организованно, копать нашу картошку, ссыпали её в мешки — и заводскими машинами этот урожай доставлялся прямо до дома. И всё это (можно ли представить такое сегодня?) не стоило нам ни рубля!

Потом картошку чаще всего, если позволяла погода, прямо возле дома высыпали из мешков, просушивали на солнышке, проветривали и перебирали. Оставалось лишь перетаскать её в сарай и ссыпать в погреб или же земляную яму, где она и хранилась всю осень и зиму до следующей весны. Так что, конечно, наличие сарая под домом для хозяйственного, с крестьянскими генами, семьянина, например, такого, как мой отец, было очень важным аргументом при принятии решения об обмене квартиры...

Что же ещё осталось в памяти от этого, пожалуй, самого счастливого периода моей жизни, где каждый день был наполнен надеждами и каким-то абсолютно уверенным ожиданием радости? Остались благодарные воспоминания о нашем криволученском литературном кружке, о моём первом стихотворении, напечатанном в заводской газете «Металлург», о первых моих литературных конкурсах в нашем тульском Дворце пионеров и во всесоюзном журнале «Юный натуралист», в которых я, даже как-то неожиданно для себя, не очень-то и стараясь, вдруг стал победителем. И ворох писем, пришедших на моё имя со всей страны, когда в журнале «Юный натуралист» были напечатаны мои стихи и почему-то вместо номера школы и класса, как это обычно бывало, мой домашний адрес!

И, конечно, остались в памяти мои спортивные увлечения: прежде всего, наша секция лёгкой атлетики, что базировалась в криволученском Доме культуры, в его, если смотреть с улицы Металлургов, правом крыле. И наши тренировки, а ещё выступления и победы на стадионе «Металлург» и на стадионе в нашем Тульском кремле: был такой когда-то — старожилы наверняка помнят. Я довольно быстро бегал и далеко метал мяч...

А когда этот наш легкоатлетический кружок вдруг неожиданно закрылся, занимался я ещё какое-то время и лыжами. Но однажды, выступая за наш класс на первенстве школы, не рассчитал с одеждой: был сильный ветер, метель — и я обморозился...

Лыжи у меня были свои, домашние, а вот коньков не было. А мне так хотелось иметь коньки, именно свои, беговые — «ножи», как мы их называли. Но как я ни просил родителей купить мне коньки, они так и не смогли: семья жила бедно, от получки до получки. «Ножи» на какое-то время дал мне мой школьный товарищ Слава Фокеев: ему стали малы их ботинки. Мне они тоже были маловаты, жали, но я надевал их на самый тонкий носок и учился бегать, пока ноги не замерзали. Катались мы на коньках на огромном катке стадиона «Металлург», футбольном поле, заливаемом каждый год под каток. Здесь обычно играла музыка, а в самом центре, начиная с Нового года, стояла большая нарядная ёлка. Вот вокруг неё я и нарезал круги. Но радость эта была недолгой, вскоре коньки пришлось вернуть, так что хорошо бегать на них я так и не научился...

Со Славой ещё, когда я приходил в гости, мы иногда пытались играть в настольный теннис: столом для игры служил обычный раздвижной обеденный стол, вместо сетки ставили рядом, чуть раскрывая их, несколько книг и учебников, а ракетки мы заранее выпиливали лобзиком из фанеры. Однако удовольствия от игры не получалось: комната была слишком тесной, мебель, стены, дверь — всё мешало.

По-настоящему же в теннис я наигрался позднее, когда у меня появилась своя компания близких друзей: Валера Пашкин, Саша Нартов, Галя Заика, Люся Долинина. У Люсиного отца в сарае, прямо возле их дома, имелся хоть и самодельный, но почти настоящих размеров теннисный стол — и нам разрешалось им пользоваться. Стол мы ставили тут же в скверике и играли, сколько хотелось — иногда до темноты. Вокруг нашего стола собирались ребята со всего двора, просили поиграть — и мы вели себя демократично: играть позволялось всем по очереди...

А в девятом классе Коля Орлов, наш одноклассник, записался в велосипедную секцию в общество «Динамо», и мы тоже потянулись за ним на трек и в Центральный парк, в динамовский клуб. Занимались у довольно известного велосипедного тренера Касаткина: бегали кроссы по парку, крутили на велостанках. И вот уже вскоре мчались по бетонному кругу нашего знаменитого тульского велотрека, старейшего в стране. Мчались на трековских велосипедах — они, оказывается, специальные: у них не бывает тормозов. Уже делали прикидки на время, а на лето тренер обещал выдать нам спортивные гоночные велосипеды. О, гоночный велосипед — тогда это была моя просто заоблачная мечта!

Но, увы, всё для меня закончилось печально. Нет, я не упал с велосипеда на треке и не разбился вдрызг, хотя однажды был весьма близок к этому. Просто на обычной, совершенно рядовой тренировке в зале в перерыве меня угораздило побороться с товарищем по секции, а он, оказывается, занимался до этого борьбой и хорошо знал приёмы. И когда он бросил меня на пол, то я, поняв, что лечу в пол головой, конечно, инстинктивно подставил руки. И учиться в десятом классе мне пришлось с загипсованной правой рукой, а писать пришлось научиться левой. И у меня, кстати, это неплохо получилось...

И ещё у меня остались книги, подаренные мне как победителю различных школьных и районных олимпиад: тогда именно книги были наиболее частым подарком и считались весьма ценной наградой. Может быть, потому, что своих книг, а уж, тем более, своих домашних библиотек, в наших семьях почти ни у кого не было. И в числе этих подаренных книг очень дорогая мне и, думаю, весьма редкая сегодня книга Юрия Гагарина «Дорога в космос», где внутри неё есть не только фото нашего первого космонавта Земли, но и фотографии Н.С. Хрущёва, вдруг неожиданно отовсюду исчезнувшие с середины 60-х годов...

О правлении Хрущева

Кто-то из моих читателей может подумать, что я идеализирую времена Хрущёва, а на самом деле — это совсем не так. Хорошо помню тот холодок, ознобом пробежавший по нашим спинам во время Карибского кризиса, холодок от угрозы новой, ещё невиданной, самой страшной ядерной войны...

И ещё хорошо помню случившийся в стране неурожай начала 60-х. Тут уж и его, хрущёвская, целина не помогла: в магазинах наших совсем не было белого хлеба, один только чёрный, а молоко выдавали только для детей по спискам и лишь по пол-литра в день. За всем же остальным: мясом, маслом, колбасой и т.д. приходилось ездить в Москву на электричках. То же самое было и с вещами: почти всё — телевизор, радиоприёмник, более-менее приличная одежда, обувь, даже мебель — всё это покупалось в Москве, разумеется, чаще всего с переплатой.

И если об этих двух фактах: реальной угрозе ядерной войны и тотальном дефиците — я знал тогда и сам, прочувствовав их на себе, то о многих других фактах я узнал лишь гораздо позднее. Какие же это факты «волюнтаристической» деятельности Никиты Хрущёва, как говорили об этом потом, когда его сняли со всех постов, факты, так сказать, со знаком минус?

Это, прежде всего, как мне кажется, незаконная передача Крыма Украинской ССР, что аукается нам и сегодня.

Это остановка строительства и ликвидация почти готовой Транспpolярной магистрали, Кольской железной дороги и многих других железных и автомобильных дорог, а также гидротехнических сооружений и портов, промышленных предприятий, туннеля на Сахалин. Фактически отменялась сталинская экономическая политика. Какие стройки, предопределяющие послевоенное развитие страны и оборону её были погублены будущим «кукурузником» и иже с ним!

И здесь же непременно нужно вспомнить срыв, а затем и забвение грандиозного «Сталинского плана преобразования природы», призванного бороться с чёрными пылевыми бурями, с эрозией почвы. План предусматривал посадку защитных лесных полос по границам полей, по склонам балок и оврагов, по берегам водоёмов, облесение и закрепление песков, что не только препятствовало бы чёрным бурям в южных районах нашей страны, но и значительно повышало урожайность.

Одной из составляющих плана была так называемая травопольная система земледелия. При Хрущёве она подверглась осмеиванию. До сих пор помню куплет песенных юмористов: «Травопольная система, до чего ж ты хороша: в поле травка да цветочки, а в амбаре — ни шиша!». В результате на смену экологически безопасному травополью пришло использование удобрений и ядохимикатов. Огромные средства тратились на строительство химических заводов, внесение удобрений в почву.

И в итоге почвы многих полей оказались засолены, водоёмы отравлены. Погибали птицы, животные и насекомые. Среди людей учащались случаи раковых заболеваний...

И ещё — беспрецедентное, поспешное, непродуманное сокращение армии: тысячи неустроенных офицеров! И один из них, как потом оказалось, мой будущий тесть. Военный лётчик, участник войны, он вынужден был после увольнения из армии стать учеником на заводе и, как мальчишка, осваивать новую рабочую специальность, разумеется, при этом существенно потеряв в зарплате. И ещё к тому же несколько лет жить со своей семьёй в тесном сыром подвале у приютивших дальних родственников, где и родилась потом моя будущая любимая и жена.

Это также ещё фактическое уничтожение «неперспективных деревень» под видом укрупнения, собирания их в так называемые «агрогорода», а также введение драконовских налогов на приусадебное хозяйство, из-за чего колхозники по всей стране резали домашний скот и рубили яблоневые сады.

А легкомысленные эксперименты с образованием и средней школой? Помните, то школы 10-летки, то 11-летки, то опять 10-летки? И тут уж это коснулось меня лично. В 1966-м году, когда Хрущёв вроде бы уже отправлен на пенсию, но последствия его руководства всё ещё сказываются, случился «двойной» выпуск: сразу 10-х и 11-х классов. А это значит, и «двойной» конкурс в ВУЗы, естественно, не рассчитанные на такой наплыв абитуриентов. Так что многие наши выпускники 1966-го года загодя были обречены не получить высшее образование...

Я уже даже и не вспоминаю здесь его хрущёвский ботинок на трибуне ООН, эксперименты с кукурузой повсеместно и даже на полях северных областей, выставку авангардистов в московском Манеже — это, как мне кажется, сегодня известно всем, кто хоть чуть-чуть интересуется историей нашей страны. Даже его хрущёвская целина, вначале вроде бы давшая высокие урожаи, в дальнейшем лишь поспособствовала тем самым чёрным пылевым бурям, о которых сказано выше.

А что же можно считать безусловными плюсами периода хрущёвского руководства страной? Наш первый спутник, первый полёт человека в космос, дома-«хрущёвки». И это, пожалуй, всё.

Так что уж теперь-то я хорошо понимаю, почему скульптор Эрнст Неизвестный сделал памятник на могилу Хрущёва чёрно-белый, абсолютно контрастных цветов. Да просто потому, что такой вот он был Никита Сергеевич Хрущёв — разный, и само правление его было весьма контрастным...

МАТУШКА РОДИМАЯ

«Матушка родимая, матушка родная,
За окном не светят звёзды, в поле — мгла ночная.
Как пойдёшь ты на дежурство ночью по просёлку,
Что ты скажешь — слышишь: воет! —
встретившему волку?»

«Воевода волчьей рати,
Впереди вся ночка —
А меня пусти ты ради
Малого сыночка!..»

«Матушка родимая, матушка родная,
Кое-где мерцают звёзды, в поле — тьма ночная.
И мерцает лёд просёлка красной лунной медью.
Что ты скажешь злому зверю, шатуну-медведю?»

«О, дремучих чащ хозяин,
Я прошу отсрочку —
Скоро выпускной экзамен
Предстоит сыночку!..»

«Матушка родимая, матушка родная,
В облаках сверкают звёзды, в поле — жуть ночная.
По просёлку ходят в дымке люди-невидимки.
Что ты скажешь джентльменам кистеня и финки?»

«Атаман, вас браги бочка,
Пир горой, веселье —
Ждёт на свадьбе у сыночка
В это воскресенье!..»

«Матушка родимая, матушка родная,
Празднично сияют звёзды, тает мгла ночная!
По просёлку Белый Ангел мчит, включив сирену.
Не ходи, — не надо, мама, — в эту «Третью Смену»!

«Белый Ангел, стой! Ни звука!
Дай дожить мне ночку —
Окрестить мне утром внука
Дай помочь сыночку!..»

АДРЕС

Как друзей своих рисковых
И подружек поселковых
Сладко вспомнить имена,
Так же сладко — уж поверьте! —
Прочитать мне на конверте:
«Доменная, 1А».
Нету адреса в помине!
И никто тут не повинен:
Улица не снесена.
Просто город рос, как бездна, —
Съел посёлок наш —
Исчезла
«Доменная, 1А».
Говорит одна наука:
Смена буквы или звука
Изменить судьбу должна.
Ну, а если адрес целый —
Адрес юности бесценной:
«Доменная, 1А»?..

И сегодня — всё другое:
Новый мир, где Григ и Гойя,
Где Поэзии страна,
Знаю всё: Париж и Таллин —
Но тебя мне не хватает,
«Доменная, 1А»!
Как же мне друзей рисковых
И подружек поселковых
Сладко вспомнить имена
И читать стихи в конверте,
Где про домны и конвертер,
«Доменная, 1А»!..
Что же было там такое?
Труб дыханье заводское,
Клуб строителей,
Шпана,
Нос, разбитый в первой драке,
Рай «хрущёвок»
И бараки.
«Доменная, 1А».
А ещё была спецовка,
И слесарка, и вальцовка,
Бригадира седина.
Раз в неделю до заката
Труд ударный. И зарплата!
«Доменная, 1А»...

Ну и всё? И что ж такого —
Что дороже городского,
Что пьянило без вина?
Роскошь звёздная околиц,
Поцелуи робких школьниц —
«Доменная, 1А»!
Математика и сцена.
Братства — лыж и КВНа.
Память, что была война.
Орден снайпера-соседа,
Гордость, горькая беседа...
«Доменная, 1А».
И велик, не испоганен,
Жив Союз!
И жив Гагарин,
Цель ближайшая — Луна!..
Выпускной — увы! — в спортзале:
Зала нет. Но есть медали!
«Доменная, 1А».
Молоды отец и мама.
Мир надежд, самообмана —
Прочен, как из чугуна!
Без потерь!
Без пира глупых!..
Но чугун твой — слишком хрупок,
«Доменная, 1А»!..
Мне теперь, коль в сердце слёзно —
И не сложно, и не поздно
Те окликнуть времена:
Лишь послать привет в конверте —
Адрес, где не знают смерти:
«Доменная, 1А»!

«ДОЛЖЕН И СЫН ГЕРОЕМ СТАТЬ…»

Щеглов Виктор Васильевич, 69 лет,
журналист, ведущий программ ГТРК «Тула»,
академик Международной педагогической академии,
лауреат премии имени С.И. Мосина,
г. Тула

«Должен и сын героем стать, если отец герой…» — есть такие строки в одной из патриотических песен советского времени. А ведь действительно должен! В этом продолжении заключается не только эстафета поколений, но и эстафета подвига, мужества. В этом каждый раз убеждаешься, когда обращаешься к истории своего рода, своей семьи, своего Отечества. Подвиг этот — готовность пожертвовать собой, защищая свою страну, свой народ, не щадя себя трудиться на благо государства, преодолевая все трудности — заложен у всех нас на генном уровне. И это не какой-то взращенный, выпестованный патриотизм — нет, это образ жизни народа, наша великая национальная идея.

…Перебираю старые семейные фотографии, на которых спокойные, добрые, доверчивые лица родных людей. Тяжело представить, сколько им пришлось испытать, пройти, пережить, чтобы… победить. Прадед Трофим — участник Брусиловского прорыва в Первой мировой войне, о которой он не любил рассказывать и не показывал царские награды. Да и не принято тогда было кичиться подвигами «за царя». Дед Георгий, как долго мы считали, согласно полученным документам, пропал без вести в 1943 году. А потом, когда были рассекречены многие архивы военных лет, оказалось, что он умер от ран в госпитале Ленинграда за несколько недель до прорыва блокады и похоронен на Пискаревском мемориальном кладбище. Отец вместе со своим братом-близнецом дошел до Берлина. А вот небольшое водительское удостоверение шофера третьего класса, выданное в 1942 году моей маме Клавдии Георгиевне. Остались в памяти ее рассказы, как она, восемнадцатилетняя девчушка, с роскошной, уложенной косой, в лютые морозы, в дождь и слякоть на деревянной полуторке возила на фронт снаряды, патроны, снаряжение. Сколько раз замерзала, оказывалась на волосок от смерти.

В детские годы, как и многие другие ребята, я запоем читал книги о героях гражданской и Великой Отечественной войн; завидуя этим поколениям бойцов, победителей, думал, что в наше мирное время кончилась эпоха подвигов и негде уже проявить себя. Потом понял, насколько был неправ. Эпоха победителей плавно перетекла в эпоху созидателей, творцов, строителей. Вчерашние герои-фронтовики сразу же заняли передовые позиции на фронте трудовом: при восстановлении разрушенного народного хозяйства, развитии науки, культуры, искусства, совершенствовании здравоохранения, образования… За ними тянулась молодая поросль детей войны и послевоенного времени. Многочисленные газеты, журналы, радио- и телепередачи постоянно рассказывали о новых подвигах, свершениях: целина, покорение космоса, БАМ, создание мощных атомоходов, ракет, образцов военной техники, подъем Нечерноземья….

Мы знали фамилии не только членов Политбюро, но и простых людей — героев труда: шахтеров, сталеваров, хлеборобов, машиностроителей, учителей и медиков… Их фотографии входили в нашу повседневную жизнь, их интервью и размышления заставляли задуматься — а какой вклад ты на своем месте внес в общее дело? Мы торопились жить, опасаясь, что и это время созидателей и творцов уйдет и нам останется только почивать на лаврах успехов старших поколений.

Но эстафета мужества продолжается. Каждому периоду — свои подвиги. Сегодня огромные возможности проявить себя, быть достойным подвигов прадедов, дедов и отцов. Выбирай свое предназначение, отдавайся этому сполна, с любовью, осознавая то, что твой скромный труд нужен обществу и переживет тебя самого.

Мне повезло. С восемнадцати лет, связав себя с журналистикой, я опубликовал более двух тысяч очерков, статей, зарисовок, репортажей в многотиражных, районных, областных и центральных газетах, журналах, реферативных сборниках. Были мои публикации и в книгах. Главный герой всех моих печатных, а с 1992 года еще и радиоматериалов — человек-созидатель: ветеран войны и труда, передовик производства, известные в Туле и области ученые, аграрии, учителя, врачи, спортсмены, деятели культуры и искусства — люди, с которых, как раньше советовали молодежи, нужно брать пример. Часто выступал в школах, проводил Радиоуроки Мужества с использованием редких архивных аудиозаписей.

Среди моих книг хочется выделить «Говорит Тула» (2012), «Тульский Хесед и его волонтеры» (2013), «Время. События. Люди» (2015). В 2018 году вышла книга «Тыл — фронту», в которой впервые полно и подробно, на основе воспоминаний туляков, работавших в эвакуации в годы Великой Отечественной войны, их детей, архивных справок, газетных публикаций, фрагментов некоторых изданий, ставших библиографической редкостью, воспроизводится небывалая дотоле в мировой истории народная трудовая эпопея по эвакуации и восстановлению тульских оборонных предприятий. В 2019 году была издана подготовленная и отредактированная мной повесть журналиста-ветерана Николая Людвигова «А в тайге — тишина» о работе тульских станкостроителей в Златоусте в годы войны.

В этих двух книгах речь идет о работе туляков в глубоком тылу — о народном подвиге, который маршал Г.К. Жуков приравнивал, по своему значению для Победы, к величайшим сражениям Второй мировой войны.

Книги, как уже показала практика моих многочисленных встреч в разных аудиториях, представляют интерес не только для ветеранов и членов их семей, но и для подрастающего поколения, так как учат любить Родину, бороться и побеждать, честно, добросовестно и качественно работать, преодолевая трудности. Это очень актуально для сегодняшнего времени.

Написал ряд статей для книг в подарочном исполнении «Тула оружейная: люди, достижения, перспективы» (2012 г.) и «Премия имени С. И. Мосина из века в век» (2018 г.), изданных в Москве Издательским домом «Оружие и технологии».

Горжусь, что принимал участие в подготовке 15 очерков для двух томов книги «История успеха» в проекте Тульского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова. Нельзя не сказать о еще двух проектах этого вуза: «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» и «Послание из прошлого». О серии книг воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...» я с удовольствием рассказываю в авторских программах ГТРК «Тула».

Темой патриотического воспитания в СМИ занимаюсь почти 50 лет. А сейчас, когда некоторые политики ряда стран стараются осознанно исказить события и уроки войны, послевоенного строительства, переписывают историю, «наш святой долг, — как сказал Президент России В.В. Путин, — защитить подлинных героев» [1]. Россия никому не должна ничего доказывать, однако обязана противопоставить искажению истории «объективную информацию, которая имеется в достаточном количестве» [2]. У нас на этой ниве огромное поле деятельности, большие планы и возможности. Отрадно, что в эту работу активно включается молодежь: школьники, студенты, волонтеры, поисковики, следопыты, краеведы, юные историки и журналисты... Они стремятся тоже стать героями, как и их деды, прадеды и отцы.

Сегодня, какими бы громкими ни были эти слова, работа эта — наш передний край, наш Сталинград, наша память, которую мы никому не позволим стереть.

Литература и источники

1. Путин назвал святым долгом защиту подлинных героев Великой Отечественной войны. URL: https://tass.ru/obschestvo/6415955 (дата обращения: 23.09.2020).

2. Путин заявил, что нельзя позволить стереть память о Великой Отечественной войне. URL: https://tass.ru/obschestvo/7553205 (дата обращения: 23.09.2020).

МОЙ ПУТЬ — ИЗ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО[1]

Пинаев Олег Иванович, 82 года,
пенсионер, инженер, ветеран труда,
многодетный отец,
г. Москва

Юность. Институт

Будучи школьником, я поставил себе цель стать конструктором. Для этого надо было окончить Тульский механический институт. Конкурс был в то время большой. Я усердно готовился, посещал подготовительные курсы. Поступил благополучно, с одной «4» по химии. В группе были ребята с производства, которые до поступления работали на заводе. Учились мы на машфаке института (впоследствии переименованного в Тульский политехнический институт) с 1954 по 1959 гг. Институтские годы незабываемы: это интересная учёба, спорт, туризм, освоение целины, женитьба, политические события, шефская работа в сельском хозяйстве.

В институте мне больше всего нравилось заниматься на кафедре у Памва Николаевича Маркова. У него я делал факультативно свою первую конструкторскую работу, у него же в лаборатории в «порядке поощрения» первый раз стрелял из ручного пулемёта. Дипломный проект я делал в КБ оружейного завода под руководством известных оружейников Волкова и Ярцева. Защищался там же.

Все институтские годы мы приобщались к сельхозработам, каждый год ездили в подшефные колхозы на работу. Иногда 2–3 раза в год: весной, летом, осенью. В хозяйствах косили, копали силосные ямы, стоговали, убирали урожай.

В институте у нас была военная кафедра. По окончании учёбы провели сборы в Тесницких лагерях. Запомнилось, как мы чистили самоходные пушки с мотоциклетным мотором, катались на них (молодость!), изучали приёмы самбо. Желающие прыгали с парашютом. На первый прыжок желающих было человек 100, но из корзины аэростата добровольно смогли прыгнуть не все, их выталкивал «вышибала». С каждым прыжком количество желающих прыгать уменьшалось в 2 раза. На последний прыжок из самолёта нас оказалось четверо. Когда после прыжка осмотришь парашют, охватывает такой прилив радости, что хочется петь.

Окончили институт мы младшими лейтенантами запаса.

---

[1] Продолжение. См.: *Пинаев О.И.* Мои военные воспоминания // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1. / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. — Тула: Аквариус, 2015. — С. 465–473; *Пинаев О.И.* Воспоминания о послевоенном времени // Мы помним... (2017). С. 257–261.

Целина

В 1957 году большая группа студентов сдала досрочно весеннюю экзаменационную сессию и поехала на шесть месяцев в Казахстан осваивать целину. Ехали мы целую неделю в грузовых вагонах. По дороге ухитрились позагорать, искупаться в Волге, на бегу познакомиться с проезжаемыми городами, очень понравился Омск. Доехали до станции Щербакты под Павлодаром. Там загрузились в три «полуторки» (поверх запчастей к тракторам и комбайнам, молока с сыром в бидонах, ящиков крупы) и приехали в деревню. Там жили выселенные чеченцы. Они нам сказали, что их сюда незаконно выселили во время войны, и они ждут, когда можно будет вернуться домой, а потому не работают. Но женщины чеченские работали.

Мы успели к посевной, а уехали, убрав урожай пшеницы.

Земли там тощие, дождей мало, всходы редкие, зернышки небольшие, но поля необъятные. Комбайн с утра до обеда идёт в одну сторону по прямой, набирает несколько раз полный бункер, после обеда — обратно, успевает к ужину.

Жили мы в больших армейских палатках, человек по десять в каждой. В отдельной палатке, расположенной между нашими, жили студентки, их приходилось «охранять», т.к. местным были в диковинку девушки в купальниках, да ещё работавшие в поле или на току.

Питание в Казахстане у нас было своеобразное: много баранины, ячневая каша, сыр. Воду привозили в бочках из озера.

Я привёз с собой из Тулы ружье, которое позволяло разнообразить наше питание. Его мне подарил мой дядя Дмитрий Павлович Пинаев, конструктор-оружейник, в один из приездов из Златоуста в Тулу. Это была златоустовская курковая одностволка 16 калибра с оригинальной отделкой. Иногда мы с товарищем ходили на пресное озеро за 5 км и приносили оттуда уток. Недалеко ещё были солёное озеро, а также содное. В пресном и солёном мы ловили рыбу, а в содном — совершенно безжизненном (без растений, без рыб, без птиц) — стирали одежду.

На целине я работал на разных работах: точил ручным кругом ножи для тракторной сенокосилки, был помощником комбайнёра на прицепном комбайне, трактористом (но заводить трактор не умел — обычно помогал это делать местный тракторист). Урожай пшеницы в 1957 году в Казахстане был очень большой.

Перед поездкой на целину мы знали, что климат там резко континентальный, одежды взяли достаточно, а ещё я прихватил фотоаппарат «Смена» с химикатами. Делал снимки для институтской газеты и для «Молодого коммунара».

Иногда мы мылись в бане. Баней была небольшая изба с земляным полом. На полу между камней, на которых стоял бак с водой, раскладывали костёр, топили «по-чёрному». Сейчас, наверное, не все знают, что

это такое, а всё очень просто. Нет печки, нет трубы, а внутрь «вползают», когда всё прогорит и дым уйдёт. Жара была нестерпимая.

В Казахстане за полгода мы неплохо заработали. Перед отъездом домой целый день провели в Павлодаре, купались в Иртыше, убедились, что в магазинах с промтоварами и едой здесь значительно лучше, чем в Туле. Я себе купил спортивный костюм, спортивные часы производства Второго Московского часового завода (противоударные, светящиеся, с секундной стрелкой, влагостойкие), много книг. В Туле такие книги можно было приобрести только по ограниченной подписке. Дорвавшись до еды в магазине, мы накупили всякой вкуснятины в дорогу. Возвращались в Тулу в плацкартных вагонах, бесплатно. После спартанской жизни в степи нам казалось, что мы попали в пятизвёздочную гостиницу.

Тула — город спортивный

В институте традиционно был сильный спортколлектив. Я выступал в соревнованиях за институт и факультет по лыжам, конькам, велосипеду, лодке, стрельбе. В то время в честь Дня Победы и обороны Тулы проводились эстафеты, в том числе военизированные, с охватом всех районов города. В 1950-х годах телевизоров не было, и эстафеты превращались в городской праздник. На всех этапах играла музыка, было много болельщиков. Выступали коллективы школ, институтов, заводов. Наш коллектив часто бывал в числе победителей.

В институте была активная туристическая секция. Руководил ею студент Марат Товбин. Одним из активных участников был Лев Беллер. Учились и работали в то время 6 дней в неделю, а в конце недели проводились походы выходного дня, пешие или лыжные. В каникулы — шлюпочные по Упе.

Один из лыжных походов был в район Черепецкой ТЭЦ. Там мы выступали с концертами в домах отдыха, за что нас кормили. Были с экскурсией на ТЭЦ. Посетили могилу Саши Чекалина, партизана-разведчика, повешенного фашистами. Из Тулы выезжали с Лихвинского вокзала по узкоколейной железной дороге (сейчас её нет).

Для походов по Тульской области пользовались «синьками» (копиями) карт землеустроителей, а ещё у нас была очень подробная трофейная карта Тульской области, правда, на немецком языке. На ней были указаны даже отдельные деревья, бугры, ручейки, болотца.

Мы ходили пешком или на лыжах, а в рюкзаках — сменная одежда, еда на всё время пути. Каждый день проходили километров по двадцать, потом ночлег у костра в лесу. Наши ребята ходили по Карелии, сплавлялись по реке Белой на плотах, был горный поход по долине реки Кача в Крыму с выходом в Ялту и спуском к морю.

Я руководил одним из лыжных походов 2-й категории сложности по Свердловской области. Для этого похода в ходе отборочных соревнований среди лыжников и туристов была сформирована группа: 5 парней

и 5 девушек, я был 11-м. Цель похода — участие в соревнованиях на Первом Всесоюзном слёте туристов в Свердловске. Сначала мы доехали на поезде до Верх-Невинска. Там выгрузились, а идти почти не можем. Рюкзаки тяжеленные: у каждого еда на 10 дней, тёплая одежда для ночлега в снежной тайге; да в дороге расслабились. Мороз был сильный. Лыжи наши беговые проваливались чуть ли не по колено в рыхлый снег. Если упадёшь — то ползёшь до дерева или ждёшь, пока тебя поднимут. Лыжню прокладывали по очереди по 100 метров — только мальчики, девочек берегли. Один из нас — хороший лыжник — попав в тайгу, совершенно потерял силы. Девочки его тянули на верёвках, так как пятеро ребят прокладывали лыжню. На этого городского парня угнетающе подействовала безмолвная бескрайняя тайга. Одна из ночёвок была в свободной во время каникул школе. Ночью я услышал крик ужаса из соседнего класса, прибежал, оказалось, девочки при свете свечи увидели в шкафу скелет, испугались.

На другой день были соревнования за городом, мы своего «горожанина» включили в заявку, так как он ожил в городе, стал опять «орлом». Верёвка опять пригодилась, зачёт был командный, по последнему. Мы финишировали всей командой, как бурлаки, правда, тянули не баржу, а последнего спортсмена. Аплодисменты болельщиков сорвали.

Посетили Уральский завод тяжёлого машиностроения. Размер увиденных деталей и цехов нас поразил.

Обычно Тульский комитет физкультуры, возглавляемый в то время Наумовым, в значительной степени финансировал мероприятия, помогал со снаряжением и организационно. Но мы зарабатывали и сами разными способами. У меня дома был городской телефон — в то время редкость. Я собирал группу спортсменов и бегом на вокзал — разгружать вагоны. Получали наличными, а потом деньги шли в общую копилку для институтского фонда турснаряжения. На каждом институтском вечере мы организовывали с помощью большой стационарной камеры фотоателье, а на другой день продавали фотографии. Спрос был.

Первый Европейский слет туристов в Польше

В 1958 году Тульский спорткомитет предложил набрать велотуристов из студентов для поездки на слёт туристов в Польшу. Мы провели отборочные соревнования, выбрали лучших юношей и девушек; руководителем нам назначили работника Тульского горкома комсомола, совершенно неспортивного человека, но внешне очень привлекательного. Он был видным парнем и пользовался большим успехом.

До Варшавы мы ехали на поезде. Пока в Бресте меняли колёсные пары, мы сбегали до Брестской крепости. Музея там ещё не было. По Польше мы путешествовали на велосипедах, заранее было известно, в каком городе ночуем. Мы посетили Гданьск, Гдыню, видели взорванный бункер Гитлера, были в концлагере. Ужасные впечатления произвела гора волос, обуви, в том числе и детской, а в крематории — кости и черепа.

В Варшаве возвышался Дворец науки и культуры, с его 32-го этажа далеко вокруг были видны руины ещё не восстановленного после войны города. Мы посетили здесь автозавод, выпускавший автомашины «Варшава», копии нашей «Победы». Крупногабаритные штампованные детали привозились из Горького. Остальное поляки делали сами. Они модернизировали эту машину, сделали из неё хороший грузовичок. Сейчас этого завода уже нет.

Мы участвовали в соревнованиях по спортивному ориентированию и в велокроссе. Спорториентирование для нас было незнакомым видом соревнований, но в команде было 5 студентов из Москвы, в том числе и геолог. Он профессионально шагами определял пройденный путь, а по компасу — направление. Советская команда прошла маршрут быстрее и точнее всех, так как мы много бежали, а часть пути сократили, проплыв по озеру. Но мы прошли маршрут в обратную сторону, так как не учли, что на польском языке «направо» означает у нас «налево». Получили поощрительные призы — котелки, планшетку. На соревновании по велокроссу одним из препятствий была стенка, которую надо было перелезть вместе с велосипедом. На разминке я её легко перелезал, но когда на дистанции уже устал, то не мог запрыгнуть и подтянуться. Пришлось повесить велосипед и по нему как по лестнице залезть.

Параллельно с нами путешествовали англичане и немцы. Мы удивлялись, что во всех ресторанах немцев обслуживали в первую очередь, а нас — после них. И англичанам, и немцам очень понравились мои велосипед «Турист», фотоаппарат «Смена» и спортивные часы. Предлагали поменять или продать, но я был идейным, отказывался.

В день приезда в гостинице в Варшаве произошёл с нами курьезный случай. Мы спускаемся по лестнице, а нам навстречу... эсэсовцы. Мы чуть было не в драку, но проводник Здынек успел сказать, что это артисты, идут съёмки фильма. С одним «эсэсовцем» мы подружились. Он часто приезжал на наши остановки, я его потом иногда видел в польских фильмах.

Вехи трудовой биографии

При социализме каждый выпускник института должен был работать там, куда направит комиссия. Мне пришлось по распределению ехать на завод в Москву с женой-тулячкой. Познакомился я с ней оригинально. Родились мы с ней в одном роддоме на площади Челюскинцев почти в один день, но познакомились не там. На одной из лекций по математике в большой аудитории корпуса № 2 преподаватель выгнал за разговоры студентку. Я обратил на неё внимание, очаровался, познакомился, стал приглашать ее в турпоходы и в 1958 году «попал в сети» на 45 лет к Пинаевой (Сурковой) Галине Васильевне. Ее, к сожалению, уже нет с нами, но остались 6 внуков и 4 правнука.

Выпускников нашей институтской группы направили на работу в разные города: Тула, Москва, Вятские Поляны, Климовск, Златоуст и др. Долгое время мы периодически встречались в Туле, последние годы, увы, перестали...

Вагоноремонтный завод

Итак, мы с женой получили направление на вагоноремонтный завод, который делал радиолокаторы, в Москву.

Я попал в отдел механизации и автоматизации производства. Начальником отдела был Михаил Семёнович Рабинович, начальником КБ — Владилен Семёнович Будницкий. Институтская подготовка позволила нам быстро освоиться. Жена в СКБ занималась 52 года монтажом радиоаппаратуры.

Кроме работы конструктором, я преподавал в заводском техникуме гидравлику, на курсах мастеров — токарное дело, а в вечерней школе — черчение. Энергии хватало, и я создал в отделе молодёжное конструкторское бюро, которое проектировало средства механизации сверх плановых заданий. Это давало хорошую практику конструкторам. По нашим чертежам очень оперативно в экспериментальном цехе нашего отдела изготавливали нестандартное оборудование: клепальные пистолеты, станки для резки трансформаторной бумаги, фольги, изоляционной ленты, волноводных труб, паровозный роторный снегоочиститель для заводской железнодорожной сети, сверлильные головки и др.

Работая 6 дней в неделю, мы успевали и рыбу ловить, и на охоту ходить, снимали кинофильмы, занимались спортом. Работа на этом заводе показалась мне неперспективной, так как основные специалисты-разработчики были электронщиками.

Авиационное конструкторское бюро МАКБ «Темп»

Я перешёл на работу в авиационное конструкторское бюро МАКБ «Темп», где занимался разработкой систем автоматического регулирования топливоподачи в авиационные турбореактивные двигатели. Там я получил звание инженера-конструктора второй категории. Первая была большой редкостью. Я участвовал в разработке изделий для различных двигателей, в частности для самолета ТУ-144, некоторых истребителей. Имею авторские свидетельства. В этой «фирме» я проработал 8 лет и получил хороший опыт как инженер, это пригодилось в дальнейшей работе в тракторной отрасли, автомобильной, нефтяной.

Завод опытных конструкций НАТИ

В 1969 году мне предложили перейти на работу в Минэлектротехпром помощником министра. Я прошёл все необходимые согласования. Парторг министерства сказал: «Снимайся с учёта и давай сразу к нам». Я ответил, что я беспартийный, он удивился и дал срок на вступление в кандидаты. Пока шёл кандидатский стаж, мне предложили поработать главным инженером на заводе опытных конструкций при Научно-исследовательском тракторном институте. Я с удовольствием перешёл.

Опытный завод НАТИ был уникальным по составу специалистов, рабочих и инженеров, по технологическим возможностям. На этом заводе мы изготавливали опытные образцы двигателей, тракторов, поршней, вкладышей, головок, форсунок, топливных насосов, гусениц, в том числе резинометаллических. Изготавливали также стенды для испытаний узлов, агрегатов, тракторов, делали пневмопочту для зданий на Лубянке. Одно время мы были единственными в стране изготовителями роторно-поршневых двигателей для мотоциклов, машин, тракторов. Вёл работы доктор технических наук Виктор Соломонович Бениович.

В это время в анкетах надо было писать, чем занимался до революции, в каких партиях состоял, чем занимался во время Великой Отечественной войны, был ли в оккупации, кто родители и тому подобное. Я написал в графе «происхождение» «из рабочих». Зав. парткабинетом НАТИ Александр Николаевич Буров — старый коммунист — «раскопал», что моя мать Валерия Михайловна Пинаева (Теплова) — кандидат филологических наук, отец — преподаватель физкультуры и вынес вопрос на партком. Там я показал довоенную фотографию, где мать в тисках обрабатывает деталь. Он был повержен.

В НАТИ я работал 12 лет в разных должностях: главным инженером опытного завода, секретарём партийного комитета института, директором опытного завода. Завод был на хорошем счету в министерстве. В горкоме профсоюза первое место в соцсоревновании обычно занимал ЗИЛ, а мы второе: это было очень хорошо, т. к. размеры несоизмеримы. ЗИЛ — много десятков тысяч человек, а наш — всего пятьсот человек. Но завод уникальный. Я всегда старался организовать работу так, чтобы мой коллектив был лучшим.

Будучи на партийной работе, я очень принципиально относился к порядочности коммунистов. Однажды мы исключили склочника из партии, райком утвердил, горком тоже; он написал письмо А. Я. Пельше, председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Тот нас с директором института вызвал к себе на Старую площадь. Кабинет громадный, без излишеств. В нём сидит представительный бодрый старичок, знакомый по портретам. А. Я. Пельше говорит: «Как же вы так неосмотрительно связались с кляузником? Я понимаю ваши аргументы, но, если я вас не накажу, он может жаловаться дальше... Поэтому вам — поставить на вид без занесения в учётную карточку, а ему — строгий выговор с занесением».

Мы на радостях пошли в столовую для работников ЦК КПСС, удивились ценам и качеству. Пообедали почти бесплатно. Когда уходили —

увидели, выходит из здания старичок, еле идёт, свою машину ЗИЛ обходил минут 5, ему помогал водитель. Это был Пельше.

После этого знакомства он привлекал меня для проверки завода «Красная Звезда» в Риге, выпускавшего хорошие моники — мини-мотоциклы. На этом заводе моников выпускали больше, чем было в отчётах. Спрос на них большой. Кстати, в Риге делали неплохой микроавтобус «РАФ» на базе «Победы». После развала Советского Союза латыши отказались продавать эту машину в Россию, а в Европе она была не нужна. Наши освоили производство в Нижнем Новгороде хорошей машины «Газель», а завод в Риге закрылся.

Когда я работал освобождённым секретарём партийного комитета института, несколько сотрудников эмигрировали в Израиль. В райкоме партии меня спросили: «Как я допустил, что мой зам. по идеологии, известный учёный, ветеран войны, орденоносец эмигрировал в Израиль?». Я ответил, что это я его направил для усиления партийной работы и нашего влияния. Вопрос был закрыт.

В семидесятые годы много внимания уделялось шефской работе в сельском хозяйстве. У института был подшефный совхоз в Подольском районе Подмосковья. Мы ему помогали техникой, строительством, направляли людей.

Сотрудники ехали неохотно из-за бытовых условий, а когда построили благоустроенный дом с комнатами на два человека, от желающих не было отбоя круглогодично.

В Госкомитете СССР по нефтепродуктам

В 1981 году я перешёл на работу начальником отдела новой техники в Госкомитет СССР по нефтепродуктам. Руководителем Комитета был Талгат Закирович Хурамшин. Меня удивило, что в союзном комитете зарплата значительно выше, чем у директора завода. Тогда директора работали честно, зарплату получали по штатному расписанию. Работая в Комитете, я организовывал разработку и производство различных изделий на подведомственных предприятиях. Мы изготавливали бензозаправочные колонки, автозаправочные станции, резервуары большой ёмкости, приборы, бочки, трубопроводную аппаратуру, всё, что надо для производства и транспортировки нефтепродуктов.

Завод «Металлист»

Когда Горбачев стал ликвидировать министерства, я заблаговременно перешёл главным инженером на завод «Металлист». Восьмидесятые годы были благоприятными для заводов. Завод «Металлист» всегда выполнял план, успешно продавал продукцию, со снабжением проблем не было, благодаря использованию труда инвалидов имел налоговые льготы. Мы проектировали и осваивали новую продукцию, строили

новые цеха, покупали современное оборудование, модернизировали гальванику, наладили очистные сооружения.

Опытный завод НАМИ

В 1989 году я перешёл на работу главным инженером опытного завода в научно-исследовательский автомобильный институт (НАМИ). Этот завод был значительно ближе к моему дому, и я его хорошо знал, так как сотрудничал с ним с 1970 года. Завод уникальный. Он изготавливал опытные образцы машин, автомобильных деталей и узлов для всех заводов Союза, кроме Тольяттинского (у него была хорошая опытная база).

Девяностые годы для промышленности были трудными. Происходило уничтожение промышленности. Заказы от научно-исследовательских отделов института и от других заводов почти прекратились. Коллектив не загружен, зарплаты низкие. Завод какое-то время был зимой без отопления, без электроэнергии — но выжили. Чтобы удержать уникальные квалифицированные кадры, мы стали изготавливать и ремонтировать любые детали для иномарок. В это время в страну хлынули изношенные иномарки. Запчастей в продаже не было. Мы стали для любой машины по заказам владельцев делать и ремонтировать поршневые кольца, клапаны, поршни, головки, блоки цилиндров, насосы, крылья, любые узлы и детали. Заводское оборудование и квалификация рабочих это позволяли, зарабатывали хорошо, специалистов удержали.

Институт выживал тем, что лаборатории сертифицировали автомобильную технику, занялись автосервисом. В эти годы делали кузовные детали для грузовичка 2141 (АЗЛК). «Москвич-2141» был хорошей машиной, но не рекламировался, это погубило завод. Изготовили несколько образцов с различными двигателями малотоннажных автомашин «Кузя» для Кутаисского автозавода. Эти машинки мы на заводе использовали для межцеховых перевозок, чистки снега и т. д. Постоянно изготавливали опытные образцы деталей и узлов для Волжского автомобильного завода. Изготовили несколько автоматических коробок передач для грузовых машин и автобусов по заказу Южной Кореи по чертежам НАМИ. Корейцы контролировали процесс изготовления деталей и испытания коробок, поэтапно финансировали. Под эту коробку построили потом завод.

В девяностые годы, когда развалили промышленность, завод выжил, сохранился, сберёг квалифицированные кадры в основном за счёт автосервиса и случайных заказов.

В те годы я старался браться за любые заказы. Однажды был заказ из США по изготовлению опытной партии вентилируемых тормозных дисков для автомашин. Заказ большой номенклатуры. Изготовили, упаковали, отправили, получили отзыв, что диски слишком хороши. Нужны для пробега 20–30 тысяч километров, а наши прошли более 100 тысяч и ещё годны. Это невыгодно автопроизводителям.

В этом столетии на завод стали поступать заказы от учёных, купили новое оборудование, освоили новые техпроцессы. В том числе изготовление деталей методом напыления на 3D-принтере. Несмотря на санкции, завод закупил много оборудования в Германии — отечественного нет. Сейчас он изготавливает кортеж-машины для президента, чтобы он мог ездить на отечественных машинах.

Покой нам только снится. Работа в детском саду

В 67 лет я расстался с промышленностью и перешёл на работу в детский сад рабочим по зданию. В это время туда стала ходить моя младшая дочь. Проработал в саду почти 8 лет, пока не уволили по сокращению штата в связи с оптимизацией при объединении со школой. За время работы в детском саду я привёл в порядок всю мебель, электрику, сантехнику, канализацию, вентиляцию, швейные и стиральные машины, кухонное оборудование, санитарное состояние и др., изготавливал сценическое оборудование для спектаклей и праздников.

Членом КПСС я был с 1969 по 1989 год. Из этих 20 лет 2 года я был на руководящей партийной работе и всегда считал, что члены партии как кристалл, но, когда близко познакомился с руководством райкома, горкома, ЦК — разочаровался. Заметил громадный идейный разрыв между руководством и рядовыми членами партии. В середине 1989 года я перестал платить членские взносы, а, перейдя на работу главным инженером на ЗОК НАМИ, на партучёт не встал. Партия распалась удивительно быстро. Продержавшись у власти почти 70 лет, уничтожив миллионы лучших людей, разорив страну, погубив великую империю, большевики бросили власть так же быстро, как и захватили её.

Сейчас мне 82 года, я на пенсии. Новую работу пока не ищу. Проработал 56 лет, из них более 30 лет — директором или главным инженером на заводе. Дом построил, много деревьев посадил, сыновей-дочерей в количестве 6 человек вырастил, внуков пока 6, правнуков 6, из детей трое — инженеры, один — чиновник, двое ещё учатся. В Москве расстояния большие, из-за этого с внуками-правнуками зимой видимся редко. Летом — по-другому. Дачи рядом и трое младших внуков и детей общаются всё лето, иногда ездим купаться на озеро на десяти велосипедах.

В заключение

1. Оглядываясь в прошлое, анализируя мою работу в промышленности в 60–80-е годы XX столетия, невольно делаю вывод, что эти годы были для работы НИИ и КБ, заводов благополучными. Учеными и инженерами велись новые разработки; благодаря квалифицированным рабочим, наличию хорошего оборудования на производстве все это быстро изготавливалось и использовалось в народном хозяйстве.

Заводы были хозрасчетными. В стоимость продукции закладывались затраты на производство (на материалы, электроэнергию, зарплату, амортизацию оборудования и зданий), прибыль 10–30 %, транспортные расходы, социально-бытовые нужды. Изделия получались со справедливой стоимостью. Не было рыночных грабительских цен, не было сговора производителей и продавцов, не было баснословной неконтролируемой наценки продавцов.

Промышленность и сельское хозяйство страны работали рентабельно, страна была самодостаточна, всем обеспечивала себя сама.

2. Я подробно описал начало моей трудовой деятельности, чтобы на своем примере показать, что молодые специалисты в 1960-х годах хорошо трудоустраивались, обеспечивались жильем.

Тогда было развернуто массовое жилищное строительство, предприятия предоставляли бесплатно квартиры своим работникам, в т. ч. молодым специалистам. В 1960 г. моя семья получила отдельную двухкомнатную квартиру. Квартиры распределял заводской профсоюзный комитет. Вскоре родился первый ребенок. Когда появился второй, квартиру дали трехкомнатную и детский сад. Когда у старшего сына родилась двойня, ему выделили большую трехкомнатную квартиру.

3. В 80-х годах промышленность еще работала неплохо. Для завода можно было купить любое оборудование, если что-либо не производилось и не могли спроектировать и изготовить в стране, то через соответствующие министерства Госплан выделял валюту и можно было купить в других странах. Я лично покупал оборудование для заводов в Германии, Италии, Японии. Любой завод, продукция которого пользовалась спросом, имел достаточно денег на счету для развития производства, освоения новой продукции, защиты окружающей среды. Деньги не разворовывались.

4. В 90-х годах шло активное разрушение промышленности и экономики. У нас были грамотные специалисты, инженеры и рабочие, хорошие предприятия. Но появилось много желающих обанкротить предприятия и сделать склады в их зданиях. Зарплаты не было месяцами...

5. С избранием президентом В. В. Путина, назначением премьер-министром М. Е. Фрадкова началось возрождение промышленности, в т. ч. на нашем заводе появились заказы от ученых-автомобилистов.

При Путине российское общество воспряло духом — он стал говорить о национальных интересах и наших традиционных ценностях. Он обеспечил необходимую для национальной экономики политическую стабильность, ограничил произвол региональных руководителей и олигархов, заставил правительство разрабатывать долгосрочные прогнозы экономического и социального развития. При нём начала возрождаться армия.

Путин — лучший руководитель страны в XX–XXI вв., истинный патриот. Но в окружающей его элите много демократов-западников. Инициативы Путина часто тонут в «болоте».

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ: ВОЗВРАЩЕНИЕ С ВОЙНЫ В МИР

Чечулина Ирина Николаевна, 62 года,
кандидат химических наук, член Союза литераторов РФ,

Чечулин Александр Алексеевич, 63 года,
заместитель Генерального директора ТОО «Синтезхим»,

Дронова Нина Петровна, 81 год,
жительница с. Стрельцы Гремячевского района Тульской области в послевоенные годы, г. Москва

Созидательным трудом были наполнены послевоенные годы наших родителей, перенесших в годы юности испытание войной. Наверное, поэтому мы, их дети, родившиеся через десятилетие после событий вражеского нашествия, уже не увидели разрушенных и обгоревших зданий, вытоптанных полей с воронками от разрывов снарядов и длинных очередей за хлебом. Как вспоминали очевидцы первых послевоенных лет, духовная атмосфера становления мирной жизни была радостной, эмоционально приподнятой, полной надежд и веры в лучшее будущее. Солдаты, вернувшиеся с войны с гитлеровской Германией, начинали осознавать, что они смогли пройти и преодолеть невероятные испытания, выжить и принести Победу своему народу, обеспечив дальнейшую созидательную жизнь народам всей Земли под мирным небом!

Такой подъем духа давал силы людям стремительно налаживать, восстанавливать, создавать заново, казалось бы, навсегда уничтоженные города, предприятия, заводы. Чудо «возрождения из пепла» происходило буквально на глазах, создавая новую реальность.

В 1946 году вернулся с войны лейтенант медицинской службы Алексей Алексеевич Чечулин (1923–1996), пять лет прослуживший в действующей армии. К этому времени ему уже исполнилось 23 года. На Сталинградских плацдармах перед Волгой начинался его боевой путь, где в период Сталинградской битвы он вынес с поля боя раненого командира и был представлен к награде Орденом Красной Звезды. Под огнем артиллерии, непрерывными обстрелами хорошо просматриваемых противником полей сражений он спасал раненых бойцов, которых приходилось нести на себе. Стараясь не попасть под пули, оказывал первую медицинскую помощь. В январе 1943 года Алексей получил серьезное осколочное ранение в глаз и плечо, но в мае 1943 года смог снова встать в строй.

Фотографии А. А. Чечулина — перед уходом на фронт в 1941 году, после его выхода из госпиталя в 1943 году и после завершения Маньчжурской наступательной операции в Порт-Артуре в 1945 году — наглядно показывают, как изменяют внешность молодого человека годы войны. От берегов реки Волги до берегов реки Эльбы протянулись дороги войны для юного лейтенанта, участника штурма Берлина 2 мая 1945 года.

Алексей Чечулин (слева) со школьным товарищем перед отправкой на фронт. Москва, 1941 г.

Алексей Чечулин (справа) с боевым товарищем, май 1943 г.

А. Чечулин после выхода из госпиталя, 1943 г.

Возвращение солдат из Берлина перед отправкой на Дальний Восток, Москва, июль 1945 г. Алексей Чечулин (сидит второй слева в первом ряду) рядом с родителями, сестрой и боевыми друзьями в Берлине, май 1945 г.

Лейтенант Алексей Чечулин, Порт-Артур, 1946 г.

Письмо с фронта в 1945 году:

Скоро к вам придем, родные,
Путь обратный не далек.
Исходить пришлось солдату
Европу вдоль и поперек.
Всем хотелось поскорее
Вновь увидеть дом родной,
Но страданья, смерть и пули
Встали грозною волной.
Мы под Вязьмой погибали,
В окружение попав,
Днепр форсировали, Одер,
Боевых друзей теряв.
Но однажды под Берлином,
Только стали на привал,
Вдруг услышал плач я детский,
Что на помощь призывал.
Развалины еще дымились,
Подошел поближе я,
Плачет немка молодая,
К груди прижав свое дитя.
Я помог достать ей вещи,
Что засыпало землей,
Напоил водой ребенка
Прям из фляги фронтовой.
Ее плач, ее улыбку
Не забуду никогда,
Пусть живет малыш немецкий
Без войны во все года...

Но для Алексея война не закончилась 9 мая 1945 года. Разворачивалась стратегическая наступательная операция на Дальнем Востоке под руководством маршала А. М. Василевского. В июне 1946 года А. А. Чечулин написал свое последнее письмо домой из армии перед возвращением из Порт-Артура.

Родной дом А. Чечулина находился в Москве, в районе улицы Арбат, в тихом переулке, который за столетия своего существования сменил несколько названий: переулок Каменная слобода, Резчиков переулок, переулок Воеводина.

Еще когда Москва строилась из белого камня, здесь проживали резчики по камню со своими семьями, о чем до сих пор напоминает название местности. Картина художника В. Д. Поленова «Московский дворик» сохранила для нас наглядное воспоминание о том, как выглядел этот уголок старой Москвы в последней четверти XIX века. В четырехэтажном каменном доме № 9, окруженном тогда деревянными бревенчатыми домиками, в квартире на третьем этаже Алексея ждали после войны отец, мать и две младшие сестры.

Московский дворик. Художник Поленов В.Д., ГТГ, 1878 г.

На переднем плане слева — дворянская усадьба, главный дом которой сохранялся еще в 1930-е годы, на втором плане — Спасо-Преображенский храм «на Песках», действующий до сих пор, на дальнем плане — храм Свт. Николая «в Плотниках», снесенный в 1930-е годы.

Поэт Мария Муромцева, родившаяся и значительную часть жизни прожившая на улице Арбат в Москве, вспоминает о волнующих встречах солдат, вернувшихся живыми домой.

СИРЕНЬ

Сирень ломали в скверах и садах,
Несметные охапки и букеты
Несли к пыхтящим мирно поездам,
Что привезли — своих — домой — с Победой!

Встречали жданных долго, дорогих,
Что против лет так щедро постарели
За всех, кто не дожил, чтобы встречали их,
Дрожа в руках, рассветные сирени.

Морщинки целовали, чтоб двоим, троим
Досталось ликованье этой встречи,
Чтоб небосвод, сирени побратим,
Им не ложился, взорванный, на плечи.[1]

Перед лейтенантом, как и перед многими солдатами, встали вопросы: что делать дальше, куда применить свои силы в мирное время, какую выбрать профессию? Алексей перед войной окончил среднюю школу № 12 им. В. Д. Поленова и за фронтовые годы основательно подзабыл книжную премудрость.

[1] Мария Муромцева, член Союза писателей России. Стихотворение «Сирень», рукопись.

Участникам войны в течение нескольких послевоенных лет было предоставлено право поступать в любое высшее учебное заведение вне конкурса. Все были уверены, что Алексей продолжит учебу в области медицины. Но он решительно сказал, что за годы войны видел столько крови и страданий, что теперь, когда предоставляется выбор, он предпочтет более спокойную профессию. Его родственники, дядя и отец, до 1928 года имели торговую лавку и ремонтные мастерские на Смоленском-Сенном рынке, располагавшемся поблизости от дома. Сенным рынок назывался потому, что там торговали сеном и фуражом для лошадей, которые были еще 7–8 десятилетий назад важным средством перемещения грузов; торговали обычными дровами, которые были исключительно ценным источником тепла для всего населения Москвы. Все эти товары перевозили водным путем по Москва-реке и разгружали на пристани у Дорогомиловского (Бородинского) моста, откуда доставляли на Смоленский-Сенной рынок для продажи.

Отец настойчиво советовал сыну стать квалифицированным товароведом, продолжить семейную традицию, осуществить его давнюю мечту — получить высшее образование и поступить учиться в Академию народного хозяйства им. Г. В. Плеханова.

В сентябре 1947 года Алексей стал студентом 1 курса. Особенно тяжело ему было изучать французский язык, осваивать специфику произношения и сложную грамматику окончания слов. Зато в будущем на протяжении более 30 лет ему довелось работать в торговых представительствах СССР во франкоговорящих странах: Алжире, Тунисе, Сенегале и Марокко, успешно вести переговоры с представителями торговых фирм Франции, Бельгии, Ливана и других стран на французском языке.

На факультете товароведения было немало таких фронтовиков, как Алексей Чечулин. От других студентов, только окончивших школу, бывшие фронтовики внешне отличались тем, что одежда у них была не вполне гражданская — носили гимнастерки, шинели военных лет, донашивали сапоги из военного обмундирования. Страна только начинала подниматься из руин и все были рады той одежде, какая досталась.

Алексей учился на дневном отделении института и получал стипендию. По вечерам после учебы и в единственный выходной от занятий день он вместе с отцом «ходил подрабатывать», т.е. строить и ремонтировать дома в частном секторе, складывать печи, выполнять разные ремонтные работы. В 1949 году дядя Алексея, Виктор Иванович Шаховской, «бывший» князь, получил от научно-исследовательской организации, где он работал над ядерными проектами под руководством академика П. Л. Капицы, относительно большой участок земли (30 соток) на станции Зеленоградская Ярославской железной дороги. Алексей Чечулин с отцом Алексеем Ивановичем построили на этом участке вместительный двухэтажный дом из круглых сосновых бревен, который стоит и служит людям до сих пор. Заработанных денег Алексею

вполне хватало, чтобы помогать матери и обеспечивать сестер без отрыва от дневного обучения в ВУЗе.

Профессия товароведа приобретала в послевоенные годы особую актуальность: с конца 1940-х — начала 1950-х годов происходило массовое восстановление разрушенного войной хозяйства, и все новые и новые предприятия начинали выпуск своей продукции.

В 1955 году Алексей женился на Раисе Дроновой, у них родилось двое сыновей. Раиса Петровна по линии матери происходила из потомственного рода священноцерковнослужителей Бурцевых, в течение нескольких столетий служивших в различных приходах Веневского уезда Тульской губернии. После замужества Раиса Петровна полностью посвятила себя семье: воспитывала детей, поддерживала в доме тепло и уют, много шила и вязала, ежедневно готовила свежие обеды и ужины.

Вскоре после войны на месте Смоленского-Сенного рынка началось возведение высотного здания Министерства иностранных дел, в северном крыле которого, непосредственно примыкающем к улице Арбат, разместилось Министерство внешней торговли. В этом здании, примерно на том же самом месте, где в былые годы располагались лавки рыночных купцов и предпринимателей, проработал в течение трех десятилетий выпускник факультета товароведения А. Чечулин, проживая поблизости в том же доме, где родился. Такое близкое расположение места работы и дома — в нескольких минутах ходьбы — позволяло не только отведать свежеприготовленный супругой обед, но и отдохнуть, по старинному русскому обычаю, после обеда в течение получаса. При этом не нарушая довольно четкого режима работы, который подвергался самому жесткому контролю со стороны отдела кадров всех предприятий в стране, особенно в послевоенные годы.

Перед организацией «Центросоюз», где начал работать Алексей Чечулин товароведом после завершения учебы, стояла непростая комплексная задача: добиться такого качества выпускаемых нашей отечественной промышленностью товаров, чтобы они могли успешно конкурировать на внешнем рынке с товарами других стран. Другими словами, необходимо было налаживать экспорт российской продукции, постоянно расширяя количество наименований конкурентоспособных товаров.

А.А. Чечулин с семьей приехал на работу в торговое представительство СССР в Сенегале, 1967 г.

Алексей стал заочно, без отрыва от основной работы, учиться в Академии внешней торговли СССР. Слушателей Академии об-

Эксперт А.А. Чечулин предлагает продукцию отечественных предприятий иностранным партнерам, Пльзень, Чехия, 1970 г.

учали, как правильно составлять международные торговые договоры купли-продажи, как с минимальными расходами организовывать транспортную перевозку грузов с пересечением границ одной или нескольких стран с различной спецификой характера оформления документов, как правильно себя вести в случае неизбежных прецедентов, конфликтных ситуаций, как грамотно осуществлять ценовую политику. Многие преподаватели имели большой опыт практической работы еще со времен царской России.

Внешняя торговля нашей страны до 1992 года была монопольной, то есть все международные торговые сделки заключала одна организация — Министерство внешней торговли (МВТ СССР) как полномочный представитель государства. Министерство имело многочисленные отделы, специализирующиеся по торговым операциям с различными видами товаров: например, фирма «Экспортлен» занималась изделиями из льна, «Экспортлес» продавала древесину и изделия из нее, фирма «Разноэкспорт» покупала одежду, обувь и другие товары личного пользования высокого качества. Через систему фирм МВТ СССР шли из нашей страны на экспорт металлопрокат, машины, станки, тракторы, другая сельскохозяйственная техника, нефтепродукты, сжиженные газы, например, аммиак, разнообразная продукция, выпускаемая химическими предприятиями, и многое другое.

Все контракты заключались представителями государства, и вся прибыль от продажи перечислялась в доход государства. Промышленная государственная политика строилась таким образом, чтобы исходное сырье, например, металлическую руду, уголь, нефть, газ, древесину, подвергать как можно более глубокой переработке на территории собственной страны, создавая возможно большее количество квалифицированных рабочих мест, а уже затем предлагать полученные продукты на товарный рынок. Торговля преимущественно сырьем обычно предполагает отсутствие на территории собственной страны необходимых производственных мощностей и рабочей силы для переработки. Эта аксиома хорошо известна специалистам в области экономики.

Первоначально молодой специалист Алексей Чечулин работал с предприятиями, которые выпускают ткани из льна и изделия из этих тканей, которые всегда традиционно востребованы на мировом рынке благодаря уникальным природным свойствам льняных волокон. Однако для выхода на мировой рынок заводам следовало придать своим товарам те

конкретные технические характеристики, которые оговаривали в условиях контракта зарубежные заказчики.

А. Чечулин (слева) в Северной Африке, 1980-е гг.

Через несколько лет А.А. Чечулин стал специализироваться на работе с продукцией предприятий пищевой промышленности в качестве эксперта Всесоюзного объединения «Союзплодоимпорт». В последние два десятилетия, когда Россия стала импортировать продовольствие в значительных объемах, выглядит парадоксальным тот факт, что наша страна в послевоенные годы не только практически не закупала продукты питания в других странах, но и наращивала тенденцию постоянного расширения ассортимента поставляемых на экспорт пищевых товаров своих собственных государственных заводов. Такие заводы располагались во многих населенных пунктах. А.А. Чечулин часто ездил в Липецк, Краснодар, Воронеж, на Донбасс, продукция пищевых предприятий которых поставлялась в другие страны. География экспорта расширялась, так как качество продукции наших заводов после переработки было гарантированно высокое, без избытка консервантов, а исходное сельскохозяйственное сырье отличалось хорошим натуральным вкусом.

В задачу эксперта входила подготовка условий контрактов на поставку в зарубежные страны отечественной продукции с тем, чтобы обеспечить постоянный гарантированный высокий уровень заказов. Особо ответственным этапом решения этой задачи была выработка оптимальной ценовой политики для получения дополнительной хорошей денежной выручки для производителей. Задачи были непростые — прежде всего требовалось достичь экспортного качества продукции. А.А. Чечулин совместно с инженерами-технологами заводов изучали отечественный и зарубежный опыт производств и сумели наладить выпуск консервированных овощей и фруктов в стеклянных банках хорошего качества, которые с удовольствием покупали зарубежные партнеры.

Это был изобильный ассортимент: консервированные огурцы-корнишоны в банках со специями, маринованные, изысканной формы патиссоны в прозрачной заливке, баклажанная и кабачковая икра, яблочное, грушевое, сливовое, тыквенное пюре для детского питания в разнообразной упаковке, соки, джемы и многое другое. Мы видели образцы этих товаров в 1970–80-е годы, выпуск которых начинался еще в 1950-е годы. Были даже консервированные в виде треугольных долек арбузы в трехлитровых банках, экзотический вкус которых также привлек внимание гостей из других стран. Для производства всего этого богатства в послевоенные годы были построены новые заводы высокой тех-

нологической культуры и мощности, которые можно было редко встретить тогда где-либо в мире.

Но были в структуре экспорта товары, которые не нуждались в широкой рекламе, и всегда находились покупатели из ряда стран, стремившиеся их приобретать по мере предложения в любых объемах. Это был «традиционный» экспорт из России в послевоенные годы — черная и красная икра рыб, водка московского завода «Кристалл» и «Советское шампанское» из города Артемовска Донецкой области.

Виноград не рос в г. Артемовске, но там, в глубинах земных недр, находились огромные пространства соляных копей, где сложились особые благоприятные климатические условия для сбраживания игристого вина, в результате чего оно приобретало уникальный благородный вкус и оптимальную концентрацию растворенного углекислого газа. Эти подземные копи формировались столетиями с тех пор, как производилась добыча каменной соли из разведанных месторождений донскими казаками из станицы Трехизбянская еще в XVII веке.

Иногда, но чрезвычайно редко, возникали и спорные ситуации между партнерами, заключившими договор, связанные с нарушением регламента производства или изменением сроков поставки. В этих случаях особая ответственность возлагалась на эксперта и исключительное значение тогда приобретали его личные качества: способность умиротворить стороны, не допустить возникновения конфликтной ситуации, умение уважительно и тактично вести переговоры, сохраняя дружеские отношения с партнерами долгие годы.

Ассортимент отечественных товаров, поставляемых за рубеж, имел в послевоенные годы тенденцию устойчивого расширения, что обусловливало формирование обширного рынка заказчиков из других стран и постоянный спрос. Например, совершенно неожиданно в 1970-е годы были впервые подписаны крупные контракты на поставку маринованных грибов. В мире вдруг вспыхнул необыкновенный спрос на грибы лисички. Оказывается, ученые обнаружили их уникальное лекарственное воздействие на организм человека, стремящегося к долголетию при хорошей физической форме. А. А. Чечулин вспоминал, что он был в числе тех, кто организовывал процесс переработки лисичек на наших консервных заводах. Вскоре они наладили выпуск маринованных лисичек в стеклянных банках и стали осуществлять экспортные поставки. Самые крупные заказы шли во Францию. Однако удовлетворить всех желающих в Европе отведать маринованных лисичек из России так и не смогли, так как в лесах России непросто организовать столь масштабный сбор сезонных грибов.

О себе после выхода на пенсию Алексей Алексеевич рассказывал, что у работника внешней торговли в послевоенные годы было много производственных сложностей, требовавших постоянного напряжения сил и чувства ответственности, которые не видны постороннему глазу. Он вспоминал, какая это большая личная ответственность — грамотно подготовить договор о поставках и затем постоянно контролировать качество каждой поставляемой партии. Ведь за этой работой стоят многодневные усилия самых разных людей, больших трудовых коллективов и репутация страны, поэтому приходилось постоянно быть очень внимательным, чтобы не подвести тех, кто доверил тебе плоды своего труда. Ведь никто не будет платить деньги за недоброкачественный товар, и бывает очень стыдно, если в какой-то партии товара окажется испорченная банка с продукцией. В то же время, необходимо было постоянно следить не только за сроками поставок, но и за сроками их своевременной оплаты со стороны покупателя.

Коллеги из Марокко поздравляют А.А. Чечулина с юбилеем, 1983 г.

Товаровед с большим стажем, А. А. Чечулин говорил, что направление экспорта — самое сложное в торговле, когда нужно самому находить покупателей на достаточно насыщенных рынках, разъяснять преимущества своего товара, заинтересовать покупателя, быть готовым нести ответственность за качество поставляемой продукции, хорошо знать текущую рыночную обстановку и поставщиков аналогичных товаров, вести твердую ценовую политику. Импортер, напротив, уже имеет приготовленные деньги и к нему сами стекаются продавцы, заинтересованные в продаже своих товаров. Ему остается только выбирать более выгодные условия покупки и проверять юридические документы.

В последние годы перед выходом на пенсию А. А. Чечулин был заместителем торгового представителя СССР в Марокко. Он осуществлял закупки крупнотоннажных партий преимущественно плодов цитрусовых деревьев (мандаринов, апельсинов) для нужд всей страны, непосредственно на плантациях выполнял оформление транспортных документов на вывоз, контролировал организацию погрузки-разгрузки в порту и т. д., т. е. многое из того, что сейчас принято называть иностранными словами: менеджмент, маркетинг, логистика. Затем эти мандарины перевозили в нашу страну на пароходах. В его обязанности также входило еженедельное посещение местного рынка в портовом марокканском городе Касабланка, где он закупал небольшие партии сезонных овощей и фруктов для отправки в Москву на самолете. В 1991 году механизм торговых операций резко изменился и сегодня множество различных фирм и компаний выполняют эту работу в сопоставимом объеме.

Послевоенные годы — это годы нашего детства, которые много лет спустя вспоминаются легко, беззаботно и счастливо; это были зрелые годы жизни наших родителей, работавших с утра до вечера, не любивших вспоминать тяжелый военный период, но и особо не жаловавших-

После выхода на заслуженный отдых, 1991 г.

ся на свою судьбу. Это был целый многогранный мир — мир нашей земной жизни, когда другого уже не будет дано, и который, впрочем, не выбирают, как и своих родителей.

Наш поэт-современник Арсен Мелитонян сумел так выразить сложную событийную гамму не так давно ушедшего послевоенного времени:

Сложный мир чёрно-белый почувствуй сполна!
Посмотри: так — жила, выживала страна,
Так — Москва вырастала из сруба избы,
Так — с надеждою ждали счастливой судьбы.
Так — властители мира решали за нас,
Так — недобро сверкал под фуражкою глаз.
Так — в бою побеждали, крушили врага,
Так — любили семью и за друга горой,
Так — в шеренгах на площади славили строй.
Так — летали в космическое далеко,
Так — как многим казалось, дышали легко.
Так — гонимые, в мир уходили иной,
Так — гордились Великой, ...распятой страной.
Так — за праздничным днём приходил будний день.
Так — фотограф ловил в объектив светотень.
Так — летит, размывая мгновения, снег,
Целый век сохранён! #фотопамять — хештег...

В последние годы, когда и отца уже нет с нами, и все больше уходит ветеранов Великой Отечественной войны, как-то вдруг сразу изменился мир без их присутствия. Мужественные и неравнодушные, добрые и заботливые, открытые и всегда готовые прийти на помощь другим, не теряющие бодрости духа ни при каких обстоятельствах — таким запомнилось это поколение, прошедшее дорогами войны.

Сейчас, когда мы отмечаем День Победы почти одни, без большинства солдат-победителей, ушедших в вечность, нам помогает выстоять в сложных обстоятельствах жизни незримая духовная сила, ощущение, что они находятся рядом с нами, поддерживая и укрепляя нас.

Октябрь, 2018 год

СЛАВНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ДОЛГОРУКОВСКОЙ РАЙОННОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ[1]

Крюкова Надежда Ивановна, 52 года,
директор музея-усадьбы «Край Долгоруковский»,
Липецкая область, с. Долгоруково

Они были первыми

Период зарождения Долгоруковской комсомолии[2] пришелся на начало двадцатых годов двадцатого столетия. Одной их самых первых по времени формирования можно назвать Стегаловскую комсомольскую ячейку, созданную в 1923 году. Первым комсомольским вожаком в Стегаловке был ***Алексей Лукин***. Эта информация содержится в воспоминаниях одного из первых комсомольцев, уроженца с. Стегаловка Полосина А. М., впоследствии директора Стегаловской школы, Заслуженного учителя: *«Интересной, большой жизнью жил комсомол. Здесь и практическая помощь сельсовету в выполнении заданий по заготовке хлеба, картофеля, в проведении воскресников по ремонту дорог, устройству прудов, здесь и организация культурного досуга, громкие читки газет «Беднота», «Соха и молот», обучение грамоте по «Плакатному букварю» и даже постановка спектаклей. В 1923 году в Стегаловке был организован и первый пионерский отряд. Им руководил Семен Руднев»*.

Вскоре после образования 24 июня 1928 года Долгоруковского района была создана и районная комсомольская организация, первым руководителем которой стал ***Алексей Васильевич Литвинов***.

К 1929 году в районе было уже 110 комсомольцев. Их семьи первыми вступали в колхозы, всемерно боролись за упрочение советского строя, были примером на селе.

Глобальное преобразование общества, коллективизация, появление первых тракторов кардинально меняли жизнь на селе. По заданию комсомольской ячейки деревни Николаевка комсомолец ***Петр Долгов*** охранял общественное поле от ночных кулацких потрав. В ночном поле Петр пел. Он пел громко и счастливо. Душа окрылялась и пришедшими переменами, и взаимной любовью к односельчанке красавице Химе Дро-

[1] Продолжение. См.: *Крюкова Н. И.* Не подлежит забвению // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2012. С. 164–174; *Крюкова Н. И.* Родина, взрастившая героев // Мы помним... Ч. 2 (2015). С. 107–112.

[2] Долгоруковский район входил в состав Центрально-Черноземной области (1928–1934 гг.), Курской области (1934–1939 гг.), Орловской области (1939–1954 гг.), Липецкой области (с 1954 по настоящее время).

Открытие обелиска Петру Долгову

новой. Он пел, чтобы слышали поднимающиеся травы, родной Олым и небо, уже озаренное краской рассвета. Пуля из кулацкого обреза оборвала эту песню...

Осенью 1972 года, в канун 54-й годовщины Ленинского комсомола, на берегу Олыма поднялся светлокаменный обелиск. На нем высечены слова: «Комсомольцу Петру Долгову (убит кулаками в 1929 году). Пускай ты умер, но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером».

В период коллективизации сельского хозяйства в деревне Знаменка председателем колхоза был избран комсомолец ***Сергей Каравашкин***. Три года управлял он хозяйством. Во время хлебозаготовок колхоз одним из первых в районе выполнил план. Но в 27 лет Сергей Степанович был убит кулаком-спекулянтом Гришиным из-за лошади, которую по решению сельсовета отобрали у кулака и передали в колхоз.

На 1 января 1940 года в районной комсомольской организации состояло 1 700 человек.

Период стремительного роста села оборвала война. Вся страна поднялась на защиту Родины. Героическим трудом долгоруковцев отмечены те годы в истории района. Тысячи наших земляков сражались на фронте. Но и на нашей земле совершались военные подвиги, ведь и здесь зимой 41 года был фронт.

Люди старшего поколения помнят, что фашисты особенно боялись коммунистов и комсомольцев. Боялись за смелость, самоотверженность, идейную стойкость.

Д.А. Лестев

В Ильинке зимой 1941 года геройски погиб комсомолец ***Кузьма Епихин***. Он был проводником разведгруппы. Когда шел с задания, нарвался на немецкий патруль. Фашисты пытали и били Кузьму, но, ничего не добившись, да еще обнаружив в кармане комсомольский билет — расстреляли.

Создателем комсомольской ячейки в с. Долгуша и одним из первых комсомольцев Долгоруковского района был ***Дмитрий Александрович Лестев***. Его детство и юность прошли в селе Долгуша. Окончив начальную школу, Дмитрий учился в Задонской гимназии № 1. После ее окончания вернулся домой, работал секретарём сельсовета, участвовал

в организации колхозов. В 1925 году был призван в армию, действительную службу проходил в Хамовниках в Москве, где остался на сверхсрочной службе. В середине 30-х годов окончил Военно-политическую академию в Ленинграде.

И.С. Дёшин

Великую Отечественную войну он встретил в Минске, куда незадолго до ее начала был переведён начальником Политуправления Особого Западного фронта. В первые дни войны Лестев участвовал в тяжелейших боях на реке Березине, в районе города Борисов. Кровавыми дорогами отступления шел вместе с войсками на восток. Дмитрий Александрович был членом Военного совета и начальником Политуправления Западного фронта. Подпись Лестева стоит под директивой командующего войсками Западного фронта о переходе войск к обороне 10 сентября 1941 года. Отважный комиссар появлялся на переднем крае там, где решались главные задачи. Его слова обращений всегда воодушевляли воинов, заряжая уверенностью и оптимизмом.

18 ноября 1941 года, когда немцы рвались к Москве, Лестев, оставаясь на передовой, погиб от ранения осколком снаряда.

Трое из пяти Героев Советского Союза, наших земляков, уходили на фронт комсомольцами.

Иван Семёнович Дёшин родился в 1918 году в д. Котово Долгоруковского района в бедной крестьянской семье. После окончания Свишенской семилетки работал в родном колхозе «Новый строитель». С июля 1941 года — в действующей армии. Был награждён орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды. Командуя батальоном во время прорыва обороны западнее города Ковель, 18 июля 1944 года ворвался в боевые порядки противника, лично руководил прорывом обороны, организовал форсирование Западного Буга.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года Ивану Семёновичу Дешину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В.С. Севрин

Виктор Семенович Севрин родился в 1924 году в д. Суры Долгоруковского района. С 1942 года — участник Великой Отечественной войны. Участвовал в боях на Брянском, Центральном, 1-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. Награжден орденами: Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды и многими медалями. На фронте был принят в ряды Коммунистической партии. Командир стрелковой

А.И. Дёшин

роты, лейтенант Севрин отличился в боях за расширение плацдарма на реке Одер и за предместья Берлина.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года лейтенанту Севрину Виктору Семеневичу присвоено звание Героя Советского Союза. После окончания войны капитан Севрин продолжал служить в рядах Советской Армии. Потом по болезни был демобилизован. В 1959 году В. С. Севрин умер.

Андрей Иванович Дёшин родился в 1924 году в деревне Котово Долгоруковского района. После окончания Свишенской семилетней школы работал в колхозе, помогал содержать семью, так как был старшим из детей. В октябре 1942 года А. И. Дёшин был призван в Красную Армию, сражался в составе Брянского, Центрального фронтов. Комсомолец Дёшин проявил себя храбрым, бесстрашным бойцом.

При форсировании реки Десны ефрейтор Дёшин получил задачу организовать связь дивизиона с поддерживаемыми стрелковыми подразделениями. Дёшин обвязался кабелем и вплавь переправился под огнём противника на правый берег, своевременно связал дивизион со штабом стрелкового полка. 21 сентября 1943 года при вторичном форсировании реки Десна Дёшин под огнём противника обеспечил прокладку телефонной линии, чем способствовал успеху наступления. За подвиги при форсировании Десны А. И. Дёшину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

О двадцати двух девушках-комсомолках, совершавших подвиги в годы Великой Отечественной войны, повествует статья краеведа Николая Филимонова «Уходили комсомолки, уходили на войну».

Послевоенное восстановление было очень нелегким. Но после тягот войны эти трудности не казались безысходными и мучительными. Ведь их преодоление открывало перспективы новой, счастливой, благополучной жизни. После многомиллионных потерь в годы войны комсомольцы стали настоящей надежной опорой в огромном созидательном труде.

Н.И. Егоров

Трудовые свершения долгоруковских комсомольцев

Своими выдающимися достижениями в период 60-х годов Долгоруковский район во многом обязан талантливым руководителям. В 1964 году район возглавил уроженец деревни Знаменка Долгоруковского района ***Николай Илларионович Егоров***. Здесь в полной мере проявились его талант руководителя, смелость, инициативность, огромное желание сделать жизнь на селе лучше. Н. И. Егоров награждён орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак почёта».

Л.В. Бельский

Комсомольскую организацию Долгоруковского района с 1964 по 1970 год возглавлял ***Леонид Васильевич Бельский***, впоследствии ставший первым секретарём Липецкого обкома ВЛКСМ, первым секретарём Липецкого райкома партии. Во внимании Леонида Васильевича были и трудовые достижения, и досуг комсомольцев. Не случайно до сих пор наши земляки с таким восторгом вспоминают и общие трудовые будни, и общие праздники, концерты, вечера отдыха, многочисленные мероприятия, где их комсомольский вожак был не просто зрителем, а самым активным участником.

Леонид Васильевич награждён орденами Трудового Красного Знамени, «Знак почёта», медалью «За трудовое отличие».

Весомый вклад в развитие Долгоруковского района внёс ***Николай Александрович Толоконников***. Родился он на Долгоруковской земле в д. Ильинка в 1928 году. Здесь учился, отсюда был призван в армию. Там его избрали секретарём комсомольской организации подразделения. По возвращении домой работал в РК ВЛКСМ с 1953 по 1959 год, в том числе в должности первого секретаря в 1957–1959 годах.

Его всегда отличали трудолюбие, порядочность, чувство долга. При назначении на новые должности Николай Александрович неизменно отвечал: «Спасибо за доверие». За этими скромными словами стояла кропотливая работа, громадная самоотдача, честное служение людям.

В ходе подготовки к празднованию 50-летия Великого Октября комсомольцы Долгоруковского района приняли самое активное участие в выполнении программы знаменитой трехлетки культуры (1965–1967 гг.). В течение этих лет предстояло построить 130 объектов соцкультбыта — клубов, библиотек, школ, детских садов, магазинов, столовых, бань, парикмахерских, Домов животноводов и др. Всего было сдано около двухсот объектов культуры и быта.

Н.А. Толоконников

Эти достижения были отмечены присуждением району переходящего Красного Знамени Совета Министров РСФСР и ВЦСПС и денежной премии.

Районная комсомольская организация была награждена памятным Красным Знаменем ЦК ВЛКСМ.

Становление экономики района было делом всеобщим. Новые темпы производства требовали замены ручного труда на механизированный. Среди отраслей сельского хозяйства меньше всего механизирован был труд в животноводстве.

В 1968 году на пленуме Долгоруковского райкома ВЛКСМ была объявлена комсомольская двухлетка по механизации ферм. За оставшиеся 6 месяцев 1968 года предусматривалось смонтировать 15, а всего за два года — 50 доильных установок.

В конце декабря 1968 года состоялся пленум райкома комсомола, на котором обсуждались итоги работы по механизации ферм. То, что планировалось на два года, оказалось выполненным за шесть месяцев. Комсомольско-молодежные бригады смонтировали 70 доильных установок, что позволило почти все поголовье коров перевести на механическое доение.

Ценная инициатива долгоруковцев была одобрена и в области. Обком комсомола объявил ударную двухлетку по механизации ферм Липецкой области. И вот уже решением обкома КПСС создан областной штаб, в районах созданы районные штабы. Двухлетка начала набирать силу. Первыми на призыв долгоруковцев ответили измалковцы, затем комсомольцы Краснинского района.

Двухлетка предусматривала механизацию не всего животноводства, а прежде всего молочнотоварных ферм и, в первую очередь, доения коров. Именно этот участок был взят потому, что он являлся самым необеспеченным кадрами, самым трудоемким.

Двухлетка рассматривалась как первая ступенька для перехода к комплексной механизации.

Молодёжь страны учится у долгоруковцев

Опыт долгоруковцев получил резонанс не только в Липецкой области, но и за ее пределами. На всю страну прозвучал с трибуны XVI съезда ВЛКСМ рассказ о замечательных достижениях комсомольцев Долгоруковского района. Делегатом этого съезда была наша Валентина Филичева, трактористка совхоза «Долгоруковский». ЦК ВЛКСМ одобрил работу Долгоруковской комсомольской организации, ее опыт привлечения молодежи к научно-техническому прогрессу на селе. И вот в Москве принято решение о проведении в июле 1970 года в Долгоруково и Липецке Всесоюзного семинара первых секретарей сельских райкомов комсомола.

Район начал готовиться к этому грандиозному событию. Необходимо было достойно встретить гостей со всего Советского Союза. Все организации и предприятия района трудились с максимальной отдачей. Все, от мала до велика, вносили свой посильный вклад в общее дело.

Газеты того времени пестрели заголовками, созвучными фразе: «Молодежь страны учится у долгоруковцев». Гордость переполняла сердца наших комсомольцев. Ведь это их трудовые достижения прославились на весь Советский Союз, ведь это они смогли поднять сельскохозяйственное производство на новую ступень. Руководил работой семинара первый секретарь ЦК ВЛКСМ Евгений Михайлович Тяжельников.

Он написал замечательные слова в дни семинара:

«С большим удовлетворением познакомился с замечательными делами комсомольцев и молодежи Долгоруковского района, которые под руководством коммунистов проделали огромную работу по механизации животноводческих ферм.

Покорен девушками и юношами, их умом, трудом, талантом, красотой.

Уверен, что успехи не вскружат вам голову. Хорошему предела нет. И у вас есть большие резервы.

Сердечно благодарю за огромный заряд бодрости, уверенности!

Будьте здоровы, счастливы! Новых больших ярких дел!»

Время шло, комсомольцы не остановились на достигнутом. Как верно сказал Е. М. Тяжельников, успехи не вскружили голову, молодые труженики уверенно брались за ту работу, которая была нужна Родине. И вот все увереннее набирает темпы движение «Девушки! За руль трактора!», начало которому было положено в январе 1970 года, когда на районном слете женщин-механизаторов трактористка Валентина Филичева обратилась к своим сверстницам: «Техника может быть послушна не только мужчинам. Вы знаете, что мы, женщины, управляем ею не хуже. С этой трибуны я обращаюсь ко всем женщинам района и области с призывом смелее овладевать механизаторскими профессиями».

Этот почин был подхвачен. Через некоторое время на курсах занимались десятки девушек из колхозов и совхозов области.

Первым всегда трудно. Они всегда на виду, на них равняются другие.

Первая в районе женская тракторная бригада была создана в совхозе «Долгоруковский». Ее бригадиром была Валентина Филичева.

Валентина Филичева

На своём ДТ-75 Валентина вспахивала за смену 9–10 гектаров, перевыполняя норму в полтора-два раза. В 1970 году она ездила на районные, областные, зональные и всесоюзные соревнования пахарей. У себя в районе и области, а затем и в Рамони Воронежской области, где проходили зональные соревнования, она была признана лучшим пахарем. На всесоюзных соревнованиях трактористке досталось восьмое место. Валентина Филичева первой из женщин области освоила трактор К-700. А позднее

Женская тракторная бригада Валентины Филичевой

в «нагрузку» к трактору взяла зерноуборочный комбайн и обошла всех совхозных асов, выдав из бункера «Нивы» 7783 центнера зерна.

Высокая оценка трудовых свершений долгоруковцев

Общий труд руководителей района, тружеников разных сфер экономики привел к достижениям, которые вывели Долгоруковский район на всесоюзную арену славы.

22 апреля 1974 года накануне открытия XVII съезда ВЛКСМ был издан указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Долгоруковской комсомольской организации Орденом Трудового Красного Знамени «За большой вклад комсомольцев и молодёжи в увеличение производства сельскохозяйственной продукции, активное участие в комплексной механизации животноводства, плодотворную работу по воспитанию молодёжи».

После вручения ордена ещё немало добрых дел будет на счету долгоруковских комсомольцев. Шире будет развиваться движение «Девушки! За руль трактора и штурвал комбайна», почин «Всем классом — в селе» вызовет активные отклики у выпускников Больше-Боёвской, Меньше-Колодезьской и Верхне-Ломовецкой школ. Для этого будет подготовлена хорошая база. Для молодых животноводов созданы приемлемые рабочие места, построены общежития, организован досуг. Как известно, основа животноводства — это кормовая база, поэтому комсомольцы 80-х трудились под девизом «Кормам — комсомольскую заботу!».

Первый секретарь Липецкого обкома КПСС Григорий Петрович Павлов прикрепляет Орден Трудового Красного Знамени к орденской ленте на знамени Долгоруковской комсомольской организации

90-летие комсомола на долгоруковской земле

В 1991 году прекратила существование комсомольская организация страны. Но она не исчезла, не растворилась в новых политических и социальных веяниях. Почти все нынешние руководители имеют за плечами опыт комсомольской деятельности, позволяющий грамотно и чётко справляться с огромным объёмом работы. Производные комсомольских строек до сих пор являются составной частью экономики страны. А память миллионов людей хранят добрые воспоминания о комсомольской юности. Поэтому не случайно в рамках торжественных мероприятий, проходивших в области в честь 90-летия ВЛКСМ, в районном ДК состоялась встреча, на которую собрались ветераны комсомола, представители власти и общественности. В качестве почётных гостей на этом мероприятии присутствовали вице-губернатор области П. Т. Горлов и бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников. Петр Тихонович отметил, что комсомол умел воспитывать дух товарищества, взаимной помощи в коллективе, высочайшую ответственность не только за свою личную судьбу, а за судьбу села, города, области и страны в целом.

Е. М. Тяжельников в Долгоруковском ДК в 2008 году

Евгений Михайлович в своём выступлении выразил восхищение отношением долгоруковцев к комсомолу, тем, как бережно сохраняется память о всех, кто его создавал, кто вписал в него яркие страницы, кто остался верен и комсомольскому знамени, и комсомольскому братству.

Уничтожение комсомольской организации страны, забвение достижений и заслуг комсомольцев — это большая потеря для будущего нашей Родины...

В первом ряду: Н. Г. Королёв, Л. В. Бельский, Н. И. Егоров, Е. М. Тяжельников, П. Т. Горлов

«ТОЛЬКО БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ»[1]

Нестерова Нина Сергеевна, 73 года,
заведующая фортепианным отделением
Тульской детской музыкальной школы им. Г.З Райхеля,
г. Тула

Пенсионер
Сергей Николаевич
Ильин

«Только бы не было войны» — эти слова отца я слышала всегда, когда в семье наступали трудные времена.

С первых дней и до конца войны он приближал Победу, будучи железнодорожником, трудясь в Тульском отделении Московской железной дороги. Вспоминать войну он не любил.

Всю послевоенную жизнь отец старался заполнить созиданием, заботой и теплотой к людям. Его работа была связана с ночными сменами. (Он работал дежурным по отделению). Но это его не угнетало. Он считал ночь для сна пустой тратой времени.

В 1958 г. железнодорожникам выделили дачные участки в п. Ревякино под Тулой. Зная энергичный характер отца, его выбрали председателем кооператива. С каким воодушевлением взялся он за это дело!

На моих глазах территория кооператива преобразилась. Появились хорошая дорога, вода для хозяйственных нужд, электричество, ограда. В лесу был найден родник и оборудован колодец. Вода оказалась изумительно чистой и вкусной. Многие считали ее лечебной.

Самым оригинальным и всеми любимым достижением была радиоточка с трансляцией произведений классической музыки. Я в это время училась в музыкальном училище, собирала пластинки и проводила такие концерты, часто по заявкам. Звучали Чайковский, Рахманинов, пел Шаляпин.

Папа выдумщик был отменный. И все это делал для кого-то, не для себя. Дома мы его почти не видели — постоянно в заботах.

Нашим садам уже 62 года, и все его дела служат людям до сих пор.

Когда я его жалела, просила отдохнуть, он мне говорил: «Люблю преодолевать трудности, иначе скучно».

С наступлением пенсионного возраста мы настояли, чтобы отец оставил работу — ночные дежурства были уже не по силам. Я думала, что он заскучает, оставшись без дела, но нет — ни минуты уныния. Он переключился на семью. С моей мамой, Анной Ивановной, отец прожил в заботах и радостях почти 60 лет. Они очень дополняли друг друга, понимали с полуслова, были «в одной упряжке».

Внуки Сережа и Миша на даче

Любви напоказ не было, тогда это было не принято. Но я часто замечала, как он любовался ею.

Они берегли друг друга. Старались порой скрыть свои недомогания, чтобы не волновать.

Первым слег отец — инсульт. Но раньше умерла мама, в одночасье. Случился удар. Меня потрясли слова отца, когда он узнал, что мамы нет: «Я бы ее спас». Сила потрясения была такова, что он поднялся, пошел.

А вернула к жизни его дача. Мама умерла в мае, а в начале июня я увезла его на природу. Погода стояла хорошая, и мы с ним потихоньку жили, учились ходить, писать.

Время для меня было трудное, но мысли о сиделке, о какой-то помощи даже не возникали. Так хотелось вернуть ему ту любовь и заботу, которой я напиталась с детства.

Я до сих пор, особенно в минуты уныния, вспоминаю руки отца. Сколько добрых дел эти руки сделали!

Отец обладал ощущением радости Бытия, счастья мирной жизни. Но эта фраза о войне периодически «всплывала» и была порой причиной споров. «Ну какая в XX веке война? Все вкусили прелесть мирной, сытой жизни!» — говорили мы, молодые.

Отец прожил достойную долгую жизнь — 88 лет. Но до конца дней его не покидала тревога. И он оказался прав. Живя сегодня в этом безумном мире, я все чаще вспоминаю и слышу слова отца: «Только бы не было войны».

Молодые родители
и маленькая Нина

---

[1] Продолжение. См. *Нестерова Н.С.* Тульский железнодорожник // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч.1 / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2012. С. 218–220.

ПЕРВЫЙ ЦЕЛИННЫЙ ОТРЯД МГУ[1]

Семененко Всеволод Васильевич, 82 года,
доктор экономических наук, профессор,
выпускник экономического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова 1960 года,
г. Екатеринбург

Воспоминания о целине мне особенно до́роги — здесь я приобрел настоящих друзей, здесь происходило становление наших личностей, здесь мы испытали свои чувства с моей одногруппницей Лией Верташ, с которой поженились на 5 курсе.

Наше поколение особенное. Все мы были детьми войны, рано повзрослевшими и ответственными. Много видели горя и того, что детям лучше бы не видеть. Все мы руководствовались словами «прежде думай о Родине, а потом о себе». Моя внучка Наташа уже написала во второй книге поколений «Мы помним...» о перипетиях в годы войны своей бабушки Лии Тимофеевны, моей жены, которой в сорок первом исполнилось 6 лет (она со своей мамой была угнана из Орла в Германию), я же хочу рассказать о том, как мы старались внести свой вклад в развитие народного хозяйства в послевоенное время. Подробно о себе и моем поколении я написал в очерках «О друзьях, коллегах и работе» [1].

1957 год

Всеволод Семененко, студент 5 курса МГУ. 1960 г.

Москва взбудоражена подготовкой к Всемирному фестивалю молодежи и студентов, а в это же время на всех факультетах МГУ — запись комсомольцев-добровольцев в целинный отряд на уборку хлеба в Казахстан. Стране нужен хлеб, свой хлеб по устойчивой доступной всем цене. И молодежь откликнулась. Энтузиазм был большой, отбор добровольцев был жесткий: с тройками в летнюю сессию не брали! На наш курс факультетское бюро ВЛКСМ выделило всего 20 мест в отряде. Работы на целине предполагались с середины июля по октябрь включительно, поэтому учебный семестр после нашего возвращения сильно интенсифицировался, а нас объединили в особую учебную группу.

19 июля жаркого лета 1957 года Москва торжественно, с речами и оркестром, проводила наш МГУ-шный эшелон. «...В края далекие, в поля широкие, и в степи те, где бродят ишаки...», — так с чувством пели мы свой римейк знаменитой песни Вертинского под стук колес, сидя на полу теплушки, раскачиваясь и свесив ноги в открытые створки вагона. Паровоз тащил наш эшелон несколько суток. На долгих стоянках котлы паровоза заправлялись водой, а мы, высыпав из вагонов, ждали момента, когда можно будет открыть вентиль водоразборного столба и водопад холодной воды рухнет на платформу, на наши головы и спины, и мы, хохоча, радостно вопя, как ныне выражается молодежь, получим сильнейший кайф.

Кормили наш целинный отряд, как и другие студенческие отряды, в столовых на вокзальных военно-призывных пунктах. Помню остановку в Свердловске. Все дружно выскочили из вагонов, выстроились в широкую и длинную колонну и, барабаня железными кружками и ложками по железным мискам, дружно ринулись в солдатскую столовую, горланя латиноамериканскую песню с жутковатым текстом в студенческом переводе: «Мы ползем по Уругваю, ночь царапает глаза, только крики попугая...ая...ая...». Обед был фирменный, даже с компотом. Так я впервые ступил на уральскую землю и познакомился с городом, который в дальнейшем во многом определил мою жизнь.

И вот мы в бескрайней степи северного Казахстана. Командир нашего факультетского отряда, компанейский, веселый парень аспирант Леша Емельянов (в будущем видный ученый экономист-аграрий, академик РАН), с основным составом остался в главном подразделении в большом казахском селении, а к отряду нашего курса (20 человек) присоединили еще 20 студентов с химфака и отправили на полевой стан в 25 километрах от ближайшего селения. Привезли нам полевую кухню, огромную бочку (в человеческий рост) с водой, под открытым небом сколотили два деревянных стола с лавками и поставили большущую военную палатку на 40 человек.

Лия Верташ, студентка 5 курса МГУ. 1960 г.

Слева от входа мы близко один к другому разложили прямо на земле 20 матрасов, набитых соломой, — для девочек, а справа в таком же порядке 20 матрасов для ребят. В середине палатки соорудили небольшую перегородку из чемоданов (рюкзаки тогда были не в ходу). Так и стали жить и работать без электричества, радио, телефона и других радостей цивилизации, но зато узнали, как хлеб растет. В самом высоком смысле этого слова — ХЛЕБ. В чистой степи мы остались одни, без начальства, получив только общий план объема работ; сроки и порядок их выполнения определяли сами. Это была целина в прямом смысле: весной рабочие с разных заводов и фабрик страны вспахали и засеяли веками

[1] Продолжение. См.: *Фадейчева Н.Л.* Свидетельница эпохи // Мы помним... 1941. Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 2 / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2012. С. 381–386.

не тронутую степь, а мы должны были выполнить все уборочные работы по первой целине.

Сначала надо было построить ток для зерна. Потом были работы на комбайнах по уборке хлеба, обработка зерна на току и его отправка в приемные пункты (мы возили зерно, вернее, сопровождали в город-курорт Боровое). Какой радостью было увидеть электрические столбы и услышать на элеваторе радио!

Из целинной экзотики вспоминаются два огромных вола и прикрепленное к ним цепями такое же огромное бревно. Все это называлось волокушей. Волы были медлительные, погонял их обычно наш однокурсник Юра Овсеенко (в будущем первый наш доктор экономических наук, долгое время проработавший в ЦЭМИ). Только его окрик выводил волов из сонливости, они начинали двигаться, бревно на цепях волоклось за ними, а зерно под волокушей переворачивалось. Для нас это была большая помощь, так как вручную переворачивать зерно лопатой надо очень быстро, иначе зерно горит, и уборка становится бессмысленной.

Еду готовили сами: дежурили по двое суток по два человека — парень и девочка. Продукты привозили на телеге (нам выделили лошадь) из украинского богатого совхоза, то есть это был совхоз переселенцев с Украины. Особенно вкусными были пышный деревенский хлеб, молоко, сливочное масло. Привозили также овощи, мясо. Земли вокруг были очень богаты. Во многих небольших озерах рыбу не ловили, а просто черпали дырявыми ведрами. На такую рыбалку мы ездили два раза до начала уборочных работ и потом на весь отряд варили вкуснейшую уху и даже жарили рыбу. По сравнению с московской голодной студенческой жизнью весь отряд поздоровел и от круглосуточного пребывания на свежем воздухе, и от здоровой (или, как сказали бы сегодня, экологически чистой) пищи, и от сознания того, что это «мой труд вливается в труд моей республики», как точно написал Маяковский еще в 1920-х годах о молодой республике Советов. И мы, целинники, гордились своим трудом, гордились тем, что можем помочь своей стране, что умеем не только шутить и смеяться.

Обед целинников. Лия Верташ — вторая слева

Полвека спустя

В июле 2007 года в нашем отряде был юбилей: 50 лет с момента первой поездки на целину! 50 лет пролетели как один день. Было море

звонков друг другу. Радовались, смеялись, вспоминали. Олег Катихин (преподает в МГУ) кричит в трубку: «Так это ж ты, Сева, дежурил, когда каша на костре пропала!». «Да, — отвечаю, смеясь, — но это ты был такой голодный и решил дать ускорение процессу кипения, плеснув солярку в костер! А она, вспыхнув, взлетела над кастрюлей и, рухнув, утопилась в каше!».

Потом кто-то вспомнил, что однажды дежурные вымыли всю вермишель, а потом стали ее варить, но почему-то получился кисель. И тут в телефонных перезвонах услышали, наконец, признание. Это Галя Латышева, наша самая интеллектуальная однокурсница, ставшая единственной из наших девочек доктором экономических наук, членом многих ученых советов вузов Москвы, тогда была твердо убеждена, что все, что нужно сварить, надо перед тем обязательно хорошо вымыть!

1958 год

Неугомонный наш отряд и в следующем 1958 году, опять отправился на целину. Сначала нам сказали, мол, ребята, спасибо, вы уже съездили, теперь другие рвутся. Но мы всем отрядом пошли в деканат, в бюро комсомола и даже в партком. И начальство сдалось. Опять в теплушках, опять с песнями. Опять через Свердловск. На Электродепо эшелон стоял долго, и все мальчишки побежали купаться в Верхисетском пруду! В эту поездку весь факультетский отряд в 90 человек с разных курсов оставили в одном большом совхозе Узенкуле. Эта целина сильно отличалась от первой. Во-первых, совхоз был богатый, жили там немцы, наши немцы, давно обрусевшие, в добротных домах, рослые и красивые. И работа налажена была четко. Нас подключили к местным бригадам. Поля были ухоженные, комбайны шли без поломок (уборка была раздельной) и сам труд был более интенсивный, т. е. требовал больше сил. Наш отряд работал на комбайнах, на строительстве коровников, на прополке, сенокосе. Жили мы не в палатках, а в большом старом, выбеленном и просушенном коровнике. Вход через дверь, похожую на ворота, в две створки с торца. Слева высокий, почти в рост человека настил. Это спальные места для девочек. Справа такой же высокий настил — места для ребят. В середине коровника длинный деревянный стол с лавками. И главное — под потолком электрическая лампа!

В. В. Семененко читает у палатки. Лето 1957 г.

В первую поездку на целину у нас был патефон и иногда кто-нибудь вечером после ужина, когда уже все засыпали, заводил его, чуть высвечивая фонариком пластинку. Запомнилась такая картина: ночь в бескрайней степи, уставшие студенты засыпают, и вдруг на всю ширь этой ночной бескрайности льется музыка — Сен-Санс. Рондо Капричиозе. Романтики мы были. На второй целине у нас уже была радиола и куча пластинок с танцевальной музыкой, особенно итальянской. До начала уборки хлеба по вечерам возле коровника устраивали танцы. В этот раз на целину с нами поехали наши итальянцы и китайцы с факультета. Работали дружно. Китайцы первыми шли на самые вредные работы. Например, они на совхозных самолетах облетали поля и обсыпали их дустом от сельхозвредителей (это были поля под парами).

Работа по уборке подвигалась к концу, скоро, недели через три, уже поедем домой. И тут произошла трагедия, наше факультетское, университетское горе. Погиб наш однокурсник, замечательный парень, прекрасный человек, комсомолец, англичанин Том Гиббонс. Уборка хлеба тогда была уже закончена. Оставались работы на силосных комбайнах, убирали кукурузу на силос. К нам в коровник пришел комбайнер и сказал, что нужны три человека: парень и две девушки — на уборку кукурузы. Обычно эта работа была самой непривлекательной. Уборка шла так: одновременно трактор тащил комбайн, косил, перемалывал и через желоб в виде широкого изогнутого железного хобота сыпал сочный силос в рядом идущий грузовик. Трое студентов должны были вилами ровнять и сапогами утрамбовывать мокрую от сока зеленую массу в кузове. Брюки, куртки, все промокало и если сразу после работы одежду не прополоскать, то она засохнет колом с неприятным запахом. И еще была опасность упасть с кузова, особенно когда он полон силосом выше борта. Бывали случаи падения и у нас в отряде. Однажды я не успел увернуться и железный желоб комбайна ударил мне в спину, мои вилы, а за ними и я оказались на земле. Мне повезло, что вилы отлетели дальше места моего падения. Многие девочки боялись работать на силосе.

В тот злополучный день очередь идти на комбайн подошла двум ребятам с нашего курса: или Тому идти, или Володе Гурьеву. Они бросили монетку. Выпало Тому. Он, зная о страхе девочек, рыцарски сказал, что один справится. И ушел с комбайнером. Минут через сорок кто-то вбежал в коровник и крикнул: «Том погиб!». Все были в шоке. Не верили. Не может быть. Но было так. Поехали в поле. В кабине с шофером сидел тракторист, а Том с комбайнером, стоя, ехали в кузове, держась за рейки кабины. Шофер спешил и гнал машину по скользкой от прошедшего дождя и черной от жирного чернозема дороге и, поздно заметив поворот, все же резко свернул на него. Машина перевернулась. В кабине все остались живы, комбайнера выбросило и он только ушибся, а Том крепко держался и его придавило кабиной.

Погиб мгновенно. Его тело самолетом отправили в Москву. Факультет был в трауре. Похоронили Тома на Ваганьковском кладбище.

Вернувшись с целины, мы решили на комсомольском собрании курса по воскресеньям работать на стройках (тогда строились огромные полнометражки на Ленинском проспекте и достраивалось метро «Университет»), чтобы заработать деньги на памятник Тому. Весь четвертый курс и первое полугодие пятого мы работали, и перед окончанием университета памятник Тому был готов. Это была высокая стела с его скульптурным профилем. Наши однокурсники, живя или бывая в Москве, навещают могилу нашего Тома. Мы его всегда помним. И наши дети и внуки знают Тома по нашим рассказам.

На целине. Перерыв на току

Литература

1. *Семененко В.В.* О друзьях, коллегах и работе: очерки. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2008.— 137 с.

МГУ НА ЦЕЛИНЕ

Рыженкова Нина Васильевна, 80 лет,
ветеран труда, доцент,
кандидат экономических наук,
г. Тула

Сев.-Казахстанская обл., 9 октября 1958 г.

В 1958 году, т. е. более 60 лет назад, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова отправил свой студенческий отряд в Северо-Казахстанскую область. Решать важную для страны проблему, продовольственную, довольно противоречивым способом — освоением целинных и залежных земель.

На целину отправился после сдачи экзаменов практически весь 3-й курс, т. е. уже 4-й, а добровольцами с ними — часть студентов старших (например, Б. Ракитский) и младших курсов. Со 2-го курса нас отправилось 20 человек.

Командир отряда — Рыженков Константин (кандидат в члены КПСС, отслуживший 4 года в армии и проработавший несколько лет на Новокраматорском заводе). Таких «взрослых» студентов, в т. ч. участников Великой Отечественной войны, было среди нас примерно половина. Другая половина — это «золотые медалисты», и я в их числе, которых тогда принимали без экзаменов после собеседования прямо после 10 класса. Был у нас и комиссар отряда — преподаватель факультета по фамилии Мамай. Его участие в работе заключалось в трехразовом посещении кухни, и вскоре он был отозван домой. Его заменил Ю. Краснопояс, участник войны. Это был настоящий комиссар, про которого, как и про командира, мы слагали шуточные песни.

Мне не было еще 19 лет, но очень хотелось посмотреть нашу необъятную страну и как-то участвовать вместе с другими в ее делах. Так что не только долг перед страной, но и романтика дальних странствий позвала многих из нас в дорогу. И не зря. Хоть и ехали мы в «теплушках», а спали на нарах, но зато мы видели миражи, постояли одной ногой в Европе, а другой — в Азии, когда переезжали Урал, и уже в первый вечер у нас были танцы под патефон и знакомство со студентами разных курсов.

Пока стояло жаркое лето, было много разных видов работ. Строгий командир распределял с вечера всех по местам, и утром нас развозили на сенокос, на стройку, на уборку овощей подчас за несколько десятков километров по бескрайней степи. Но основное наше задание — уборка хлеба — началось в августе, когда созрела пшеница. Я работала сначала копнильщицей, а потом — помощником комбайнера Андрея Андреевича Кнора. Это был добродушный трудолюбивый немец, сосланный с Волги на север Казахстана в первые месяцы войны. Мне доводилось его подменять, когда он прямо в степи спал несколько часов, чтобы не тратить время на поездку в центральную усадьбу совхоза или в его отделение. До сих пор помню это упоительное чувство: ты ведешь комбайн, и эта огромная махина (машина) будто плывет по бескрайнему морю.

Но не все было так безоблачно. Погиб английский студент Том Гиббонс. Это была трагическая случайность: работники ехали на поле, машина перевернулась, всех разбросало, но все остались живы, а Том погиб на месте. У него остались жена и дочь, которых потом долгие годы навещали однокурсники.

1 сентября, когда на факультете начались занятия, мы погрустили — по просьбе руководства совхоза пришлось остаться еще почти на месяц из-за большого объема работ.

Сложные проблемы возникли с одеждой и обувью, особенно когда начались заморозки, а потом пошли дожди. Мы ехали налегке, надеясь вернуться в Москву к началу нового учебного года. Порвались и вышли из строя босоножки и летние туфли, многие остались буквально босиком. «Проживали в Узункуле девяносто босяков. Девяносто — без Мамая. С ними Костя Рыженков», — пели мы по вечерам, подбадривая себя. Выручила нас, как это часто бывает, наша армия: через директора совхоза наш командир вышел на ближайшую воинскую часть, и нам выделили ватники и солдатские ботинки самых маленьких размеров (40–42).

Работа на целине основательно повлияла на жизнь большинства студентов, в том числе и мою. Здесь я познакомилась со своим будущим мужем — нашим командиром. Здесь были наши первые прогулки «при луне» в хорошую погоду или вечерние «посиделки», когда я помогала Константину выпускать стенгазету или составлять обзоры за рабочую неделю.

Наша дружба продолжилась и в университете. Примерно через год мы поженились, а еще через год родилась наша старшая дочь Наталья, младшая Ирина появилась уже в Туле, куда меня распределили после окончания учебы. Константина Рыженкова оставили в аспирантуре, а я в это время начала работу ассистентом на кафедре политэкономии в Тульском механическом институте (впоследствии — «политехе», ныне — ТулГУ), где и проработала более полувека, окончив заочно аспирантуру и пройдя путь от ассистента до доцента.

Сейчас мы с мужем на заслуженном отдыхе. Но вся наша жизнь оказалась связанной с МГУ: обе дочери, их мужья, моя младшая сестра Тамара окончили экономический факультет, защитили диссертации, преподают. Даже внучка — тоже выпускница МГУ, правда, изучала не экономику, а испанский язык. Но это уже другая история!

МОЙ КОМСОМОЛ[1]

Салихов Вячеслав Александрович, 76 лет,
полковник в отставке,
президент Тульской региональной общественной организации
«Союз ветеранов госбезопасности»,
член Союза журналистов России,
Почетный гражданин Кимовского МО Тульской области,
г. Тула

Объективно изучая историю нашего государства, невозможно переоценить все то, что сделано за десятилетия поколениями советской молодежи для победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., послевоенного восстановления народного хозяйства, экономического и социального развития страны. Так, в годы войны 11 тыс. человек стали Героями Советского Союза, из них 7 тыс. человек были членами ВЛКСМ. Освоение целины, покорение космоса, строительство БАМа, многочисленных промышленных предприятий, эпохальные достижения в науке, культуре, спорте — везде впереди были комсомольцы.

Сегодня, когда по всей стране (и даже за ее пределами) в День Победы проходит «Бессмертный полк», я не могу не вспомнить, как мы готовились к 30-летию Великой Победы. На каждом предприятии, в каждом цехе, бригаде проводилась акция «За себя и за того парня». Проходила она искренне, серьезно, с чувством благодарности и любви к тем, кто подарил нам счастливую мирную жизнь и «не вернулся с боя».

Мне довелось работать освобожденным секретарем горкома ВЛКСМ на моей малой родине. У нас была традиция накануне важных событий в жизни Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи приглашать на встречу с активом ветеранов комсомола. На одной из таких встреч Леонид Алексеевич Страхов, первый секретарь Кимовского горкома комсомола, признался, что ему очень повезло работать в период, когда происходило интенсивное развитие угледобывающей отрасли, полномасштабное строительство жилья и важных социальных объектов в городе. В 1950-е гг. были построены Дом культуры горняков, больница с поликлиникой, общежития, стадион. На шахтах в то время работало много молодежи, надо было проявлять заботу о ее культурном уровне, привлечении к спортивно-массовым и культурным мероприятиям. При шахтных поселках открывались школы, клубы, библиотеки.

[1] Продолжение. См.: *Салихов В. А.* Братья из Краснополья // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. С. 551–557; *Салихов В.А.* Судьба партийного работника / Мы помним... Сразу после войны (2017). С. 545–552.

Руководил тогда угольной промышленностью Кимовского района в качестве управляющего трестом «Красноармейскуголь» Аслан-бек Темблович Бессолов, которому в 1957 г. было присвоено звание Героя Социалистического Труда. К сожалению, он рано ушел из жизни из-за тяжелого заболевания — в 45 лет. Воспитал двух достойных сыновей, которыми гордятся земляки. С младшим Виталием, инженером шахты «Зубовская», активным комсомольцем, я был знаком, он приходил часто к нам в горком, когда я работал вторым секретарем. К сожалению, тоже рано ушел из жизни в результате аварии на одном из предприятий в Болгарии, где был в загранкомандировке. А старший сын Владимир был тоже горняк, как и отец. Он строил Московский метрополитен, работал главным инженером строительно-монтажного управления, а потом главным инженером (с 1976 г.) и начальником управления (с 1980 г.) «Бамтоннельстроя». За большой вклад в строительство Байкало-Амурской магистрали удостоен звания Герой Социалистического Труда в 2010 г. Вот такая семья проживала и трудилась в Кимовске: отец и сын — Герои Социалистического Труда!

Л. А. Страхову пришлось заниматься и организацией работы с молодежью района по направлению ее в Казахстан на освоение целинных и залежных земель. По линии ЦК ВЛКСМ были на сей счет соответствующие разнарядки. Отправляли молодежь очень торжественно с железнодорожной станции, которая тогда называлась «Епифань». Из нашего села Краснополье тоже уезжали на целину механизаторы, трактористы, шоферы. Молодежи в селе было много; помню среди участников освоения целины Григория Григорьевича Андреева, его жену Лидию Петровну, ребят из семей Клиновых, Маркеловых, Митраковых.

Моя старшая сестра Валентина Александровна, окончившая в середине 50-х гг. Московскую сельскохозяйственную академию им. К. А. Тимирязева, попросила направить ее на работу в Казахстан. Она была награждена медалью «За освоение целинных земель», орденом Трудового Красного Знамени. Валентина сохранила большое уважение к казахам, с теплом вспоминала, как жила долгое время в казахской семье. Когда приезжала к нам в отпуск, готовила казахские блюда и рассказывала, что, прожив несколько лет в Казахстане, никогда не ощущала различий в отношениях между людьми по национальному признаку, все жили одной семьей.

Комсомольцы — учащиеся общеобразовательных учреждений — активно вовлекались в трудовую деятельность. Например, старшеклассники нашей школы помогали сельхозпредприятиям в уборке картофеля, свеклы, капусты. Помню, как мы в 1961 г. классом убирали картофель и несколько дней жили в деревне Морчуги в домах местных жителей, а вечером ходили в клуб на танцы, конечно, под присмотром учителей.

Да и сами проявляли инициативу, занимались серьезным делом. В нашей средней школе № 2 был спортивный зал, который требовал ре-

конструкции: когда играли в волейбол или баскетбол, часто попадали мячом в потолок, так как он был очень низкий. Вот и решили мы, учащиеся, увлекающиеся спортом, сами реконструировать зал в дни летних каникул. Сняли покрытие пола и углубили его. Работа была не из легких, но 1 сентября в школе был праздник — мы получили, по сути, новый спортивный зал. После таких трудовых дел мы крепли душой и телом, вырабатывался характер.

Мне вспомнился этот случай не так давно. Я как председатель Совета ветеранов УФСБ по Тульской области обратился в одну из школ г. Тулы с просьбой помочь благоустроить памятник герою-пограничнику, участнику Великой Отечественной войны. Но мне разъяснили, что это вопрос непростой — нужно согласие учеников и их родителей... Я не могу представить, как прокуратура спрашивала бы с нашего директора школы Ивана Андреевича Гаврюхина и преподавателя физкультуры Алексея Васильевича Федюкина за «эксплуатацию» нашего труда при реконструкции спортзала. Понятно, время было другое...

Не стоял комсомол и в стороне от активного вовлечения в трудовую деятельность через соцсоревнование и движение за коммунистический труд. На шахтах, в колхозах и совхозах создавались комсомольско-молодежные коллективы, которые принимали на себя высокие обязательства. Победители получали материальное и моральное поощрение. Молодые передовики производства включались в состав молодежных туристических групп для поездок за границу по линии молодежного бюро «Спутник» ЦК ВЛКСМ.

Существовала система направлений достойных комсомольцев предприятиями и организациями на учебу в высшие и средние учебные заведения, студентам выплачивалась стипендия и гарантировалась работа после их окончания. Комсомол давал «путевку в жизнь».

Хочу вспомнить имя еще одного комсомольского лидера — Ивана Николаевича Багрянова, первого секретаря Епифанского райкома ВЛКСМ с 1955 г. и Кимовского горкома ВЛКСМ — с 1957 по 1959 гг. Конец 50-х — время реформы в сельском хозяйстве, создания ударных комсомольских строек (у нас в области — Щекинский и Сталиногорский химкомбинаты, Тульский металлургический завод), где комсомольцы и молодежь проявили себя созидателями. И. Н. Багрянов был удостоен высшей комсомольской награды ЦК ВЛКСМ — знака «За активную работу в комсомоле». Он знал, что такое труд, с детства — в годы войны подростком трудился в колхозе, за что в 1946 г. был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Затем он работал секретарем по идеологии, почти 10 лет возглавлял Кимовский горисполком. В 1966 г. после распределения в Кимовский район по окончании пединститута меня пригласили зайти к секретарю горкома партии И. Н. Багрянову, курирующему народное образование.

Задав несколько вопросов, он предложил мне работу в качестве... директора восьмилетней школы. Я был ошарашен: «Иван Николаевич, я же со студенческой скамьи, у меня нет опыта работы в школе. Какой из меня директор?» «Это понятно, но ты почти три года был членом комитета комсомола института, возглавлял оперативный отряд по обеспечению общественного порядка, состоял в лекторской группе обкома ВЛКСМ, являешься кандидатом в члены КПСС. Мне рассказывали, как ты выступал с лекциями в нашем районе, защитил дипломную работу на отлично». Мне стало понятно, что обо мне наводились справки. Так я стал директором Дудкинской школы.

Когда в декабре 1967 г. меня избрали на комсомольской конференции вторым секретарем горкома комсомола, мне надо было отвечать за организацию идеологической работы среди молодежи: комсомольскую политическую учебу, организацию культурного досуга молодежи, спортивно-массовую работу, военно-патриотическое воспитание, осуществление взаимодействия с ДОСААФ, спортивными организациями, предупреждение преступности среди несовершеннолетних, а также за работу оперативного отряда. Естественно, мы работали тесно с Иваном Николаевичем, который был секретарем горкома КПСС по идеологии, вместе организовывали мероприятия, праздники, работу по линии общества «Знание» и многое другое. А в 2000 г., когда я избирался депутатом в Тульскую областную Думу от г. Кимовска, И. Н. Багрянов был моим доверенным лицом.

Комсомольцы делали очень много полезных дел, были неравнодушны друг к другу, всегда готовы протянуть руку помощи попавшему в беду, занимались физкультурой и спортом, художественной самодеятельностью, участвовали с большим интересом в конкурсах «Лучший по профессии», осуществляли шефскую работу, боролись за здоровый образ жизни, стремились своим трудом сделать жизнь лучше.

Надо стараться не забывать происходившее ранее, мысленно возвращаться к прошлому, по возможности вспоминать и рассказывать о людях, которые каким-то образом повлияли на твою жизнь, оставили след в памяти. Нельзя забывать добро, сделанное для тебя теми, кто шел с тобой по жизни рядом.

Современной молодежи надо знать и помнить, что в советский период истории нашего государства было много хорошего, а главное — была уверенность в завтрашнем дне и гарантия того, что тебя обучат и вылечат за счет государства, придет время — обеспечат бесплатной квартирой. Жизнь была яркой. А «делали» ее, жизнь, потрясающие люди.

Записал Егор Годованный,
студент 1 курса Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова

Глава 17. ТВОРЦЫ КУЛЬТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БОГА…
(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЮРИИ НИКОЛАЕВИЧЕ ОЗЕРОВЕ)

Урюмцев Олег Григорьевич, 61 год,
журналист, режиссер, актер,
президент Международного фестиваля
военного кино им. Ю.Н. Озерова,
г. Москва

Ю. Озеров, О. Урюмцев

Международный фестиваль военного кино имени Ю.Н. Озерова существует с 2003 г. В Туле он был проведен впервые в 2013 г. по приглашению министра образования и культуры Тульской области Д.В. Бычкова. В 2014 г. после возвращения Крыма в «родную гавань» наш кинофорум в г. Севастополе стал первым из 200 российских фестивалей, а в 2015-м он был проведен в Калининграде, где 70 лет назад Юрий Озеров встретил Великую Победу и потом работал в комендатуре города.

С 2016 г. Международный фестиваль военного кино проводится по приглашению губернатора Тульской области А.Г. Дюмина ежегодно на Тульской земле. Полагаю, символичным стало предложение опубликовать в книге поколений «Мы помним…», издающейся в Туле в рамках проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», воспоминания о моем учителе, профессионале высокого класса, участнике Великой Отечественной войны режиссере Ю.Н. Озерове, имя которого носит фестиваль. Его киноэпопея «Освобождение» принадлежит к лучшим произведениям о войне. Ее посмотрело в мире полмиллиарда человек и, как сказал К. Шахназаров, никто такого лучше не сделал и не сделает больше никогда. Даже Маршал Победы Г.К. Жуков выделял ее из всех других военных фильмов за правдивость. Я благодарен Богу, который подарил мне возможность учиться и работать под руководством Мастера, неординарной личности, «второго папы».

Связать свою жизнь с кино я решил еще в школе. «Журавль в небе» манил своим сладким и почти родным курлыканьем. Слава Богу, к десятому классу хватило ума понять, что «синица в руках» надежней. И я пошел в журналисты. Но уже на третьем курсе университета журавль снова подал голос, хотя с именем Озерова это никак не ассоциировалось. Нам, журналистам восьмидесятых, ближе были Калатозов, Чухрай, Тарковский, Шукшин и Данелия. Мы знали и любили военные фильмы, но душа просила мирных, светлых лент, таких как «Я шагаю по Москве» или «Живёт такой парень».

«Освобождение», ворвавшееся на экраны с рёвом сотни танков, произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Широкомасштабная война жила потом в подсознании ещё долгие годы, а история капитана Цветаева и его друга Сашки затронула самые глубины жаждущей новых откровений души.

— Скляр! — зовет Сашка, и таинственные камыши отзываются: Я-а!..

— Скляр, — радуется Сашка-Никоненко, глядя удивленными глазами то на Цветаева, то на камыши и уверенно идет навстречу… смерти.

— Скляр!!! — а из кустов пулемётная очередь.

— Сашка, наз-зад! — кричит Цветаев-Олялин так, что на шее вздуваются вены, но душа любимого ординарца уже отлетает в общий строй — тот самый, что идёт на небеса…

Я не читал тогда «Батальоны просят огня» Юрия Бондарева. В десятом классе мы читали «Братьев Карамазовых», и для меня это была вершина. А об Озерове я даже думать не мог, и что у него мастерская во ВГИКе, не подозревал. И когда учился в университете, на журналистике, я мечтал поступить, максимум, к Хуциеву. «Весна на Заречной улице», «Июльский дождь» — это было моё. Но ведь мечтал-таки. Из-за этого наша журналистская братия смотрела на меня косо. Как бы они не косились, человек предполагает, а Господь располагает. И через три года отработки на телевидении я отправил свои рассказы и фотоработы во ВГИК. И совсем неожиданно для меня после предварительного отбора из семисот претендентов к творческому конкурсу допустили 140: вместе со мной. Что-то мне подсказало: кажется, парень, тебя заметили!

Молодой редактор телевидения — гордый и не комплексующий при виде «звёзд», узнав, в какую мастерскую вызван, я испугался. Если Озеров — значит, война. Если война — значит, крышка, потому что изучить Великую Отечественную было невозможно даже за год. А у меня и месяца не было. Так что ехал я практически на эшафот.

Только учась у Юрия Николаевича, я понял, что ему нужна была не война, а наши способности генерировать идеи, рассуждать, принимать оригинальные решения. Девять человек из двенадцати, принятых на курс, уже имели высшее образование. «Научить режиссуре нельзя, — говорил Юрий Николаевич. — Это дар: он или есть, или нет. Учитесь думать, а мастерство придет». Много позже под руки попалось интервью Юрия Николаевича, где он рассказывал, как учился у Игоря Савченко. Поразительная преемственность: «Савченко никогда не стремился нас чему-либо научить в школьном смысле этого слова. Я не хочу делать из вас савченят, — говорил он. — Спорьте, не соглашайтесь, даже ошибайтесь, только, ради Бога, размышляйте». Красивый, сорокачетырехлетний мастер с проницательным взглядом и высоким лбом, он знал, как учить своих учеников. Знал, как учить, и Озеров.

Странное дело, но к вере в Бога косвенным образом меня тоже привел Юрий Николаевич. Прорваться в «десятку» среди ста сорока претендентов — ярких, одаренных — дело безнадежное. Но я почему-то верил в Промысел. Не буду вспоминать всего — это объём рассказа, но некоторые подробности опишу. Творческий конкурс из трех туров у нас и экзамены были выстроены через день. Первый тур — режиссура, через день — актерское мастерство, ещё через день — сочинение и в конце — обществоведение, или наука ни о чем, как называли этот предмет в школе. Не знаю почему, но, проходя творческий конкурс, я взахлеб читал, а заодно и шпаргалировал «Евгения Онегина». «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог...» — дальше этого четверостишия в школе я так и не продвинулся. Пушкинские воздыхания о Татьяне, женских ножках и о шалопае Онегине колыхали меня, как парус в штиль. Но тут... «раскрылись очи», и я изучал поэму, как карту исчезнувших сокровищ — двумя глазами «на полную диафрагму».

Я даже не удивился, когда в зале на четыреста человек педагог, разорвав конверт, произнёс тему сочинения: «Образ Евгения в поэме Пушкина «Евгений Онегин». Всё было, как надо, но самоуверенность оказалась коварной. Я не успел переписать свои перлы с черновика и получил «три». А в моем случае «три» — это тот самый эшафот. Следующий экзамен, чтобы набрать средний балл «четыре», мне надо было сдать на «отлично». «Обществоведение» со всеми его стадиями... капитализма и социализма, с переходными и нисползающими, да ещё после десяти лет с окончания школы, плюс пяти — учебы в университете и трех лет работы на телевидении — как замутнили мой разум! За один день вспомнить весь учебник! Это не-воз-можно.

Но ранним утром, как обычно, я ушёл в лес подумать. А к вечеру на экзаменовку пришла старшая сестра Валентина. Она преподавала историю и обществоведение в старших классах. «Два с плюсом или три минусом», — оценила она мои знания. Но плоть немощна, а дух крепок. Выучил-таки я один билет, чтоб «от зубов...», и один дополнительный — на всякий случай. Родная тетя написала на бумажке «настоящую народную молитву». Я прочитал её перед тем, как тянуть билет. Про себя, разумеется. И опять не удивился, когда достал именно тот, что учил. И когда мне задали дополнительный вопрос, оказалось, что это же тот самый вопрос, какой я учил! И я так блеснул знаниями, что получил высший балл, который до меня имела только Лена Тонунц... А Тонунц уже тогда была известной актрисой, сыграв «И ещё одна ночь Шахерезады». Даже если бы я был Аладдином, тягаться было бы бесполезно. Но человек предполагает...

В мастерскую Озеров принял меня одиннадцатым сверх десяти положенных. Девять из зачисленных были направлены из республик СССР. А направление — это дорожная карта в ВУЗ, практически беспрепятственное поступление. Такие были правила в Советском Союзе. Пролезали, конечно, и бездари, но было много и талантливых, хотя не очень удачливых ребят. Таким и давались направления. «Талантам надо помогать, — писал сатирик Иванов, — бездарные прорвутся сами».

В первые дни «мастерства» мы создавали литературные этюды. Без диалогов. Скажем, через предметы и обстановку нужно было охарактеризовать обладателя жилища. «Никто для вас лучше вас не напишет», — говорил Озеров. И мы заново учились писать, образно выражать мысли, размышлять, громить произведения своих сокурсников, играть в собственных этюдах, спотыкаться и вставать. Какое сказочное время!

И никто из нас практически не замечал хозяина этой большой сумасшедшей семьи. «Режиссёр должен раствориться в актере», — говорил Юрий Николаевич. И растворился. Он был частью, как декорация в павильоне, оператор у режиссёра, отец у сына. Он слушал всех, молчал, иногда кивал, но это не означало, что он на твоей стороне. Резюме всегда было последним и обжалования не требовало. Спустя годы я узнал, что и «щукинцы» придерживаются такой же школы воспитания актёров. «Студенты сами выбирают материал, какой хотят, — пишет в своей книге «Работаю актером» Михаил Ульянов, — сами режиссируют, сами играют. Эти плавания, во время которых не надо слушаться ничьих команд, удивительно укрепляют студента. Они заставляют мыслить, смотреть на вещи своими глазами...». Я должен благодарить Озерова за то, что не запрещал нам ставить всё, «плыть туда, куда хотелось». Иногда с удовольствием перелистываю свои режиссерские сценарии тех лет.

Вампиловские «Двадцать минут с Ангелом» — форточка со свежим воздухом. Нам нравилось дышать этим воздухом. И Озеров любил острые и «не запиленные», как любая классика, вещи. Но самым приятным подарком для меня была постановка отрывка из «Плахи» Чингиза Айтматова. Я взял ту часть, где происходит казнь Авдия. На эту роль пригласил удивительно пластичного и трудолюбивого актера Василия

Пашалы из «молдавской» мастерской Бориса Чиркова, которая после его смерти стала джигарханяновской. Озерову отрывок понравился. Смущал только объем постановки. Он боялся, что она растянется, будет ритмически не динамичной и вялой.

Как там обстояло у Айтматова — не помню, но у нас главного героя Авдия после избиения распинали на дереве. Самым ярким исполнителем дерево и оказалось: настоящий тополь с зелёной листвой, сломанный ураганом в лесу, недалеко от ВГИКа. Он бы погиб, а так послужил искусству. Мы принесли его в мастерскую, подогнали ствол под потолок и научились устанавливать за минуту — в распор. Только закрывался занавес после очередного этюда, как за ним уже красовалось дерево с неприклеенными листочками. Тополь больше всех восхитил Тамару Макарову, супругу Сергея Герасимова. Наша мастерская соединялась с герасимовской через смежную стену, и на показах мы использовали обе, перемещаясь через распашную дверь в середине. Через неё и дерево вносили, которое, обмотав мокрыми тряпками, хранили и поливали до показа в соседней мастерской самого Герасимова. Моя постановка из-за необычной декорации стояла последней. Юрий Николаевич предупредил, что будет «звёздный состав» экзаменаторов — Сергей Бондарчук, Ирина Скобцева, Тамара Макарова, Марлен Хуциев, Лев Кулиджанов, декан и даже ректор. А поскольку Кулиджанов очень часто публично симулировал сон, то играть надо было ярко и громко. Мы и дали ярко! Когда мой герой грязно рявкнул «по фене», Кулиджанов подпрыгнул и «открыл веки». Озеров остался доволен. Он любил здоровую конкуренцию.

Мы не прибивали Авдия гвоздями: театр — не кино, а за секунды поднимали его «избитое тело» так, что он попадал между двумя мощными ветвями, обматывали кисти рук веревками, и тот «висел». Впечатление потрясающее. От дальней стены герасимовской мастерской медленно подползал к дереву «кровавый луч рассветного солнца», поднимаясь по стволу и освещая контровым светом фигуру Авдия вместе с черным абрисом дерева. Григовская «Смерть Озе» из «Пер Гюнта» привносила в финал пронзительную чувственность. Не помню, сколько после финала молчали в темноте зрители, но тогда это показалось вечностью. Я подумал: провал. Но вдруг разразились аплодисменты... Странное дело: все, кто играл в отрывке, были из мастерской Озерова. Кроме Авдия, конечно. Успех одного, как правило, должен вызвать зависть у другого. Режиссеры — народ эгоистичный. Но радовались все. Все получили «отлично».

Юрий Николаевич и подмастерьев себе набирал только из числа «профи». Его тезка Юрий Ильяшевский из «Нового театра», что на Ярославке, был приглашен преподавать актерское мастерство. Это он научил нас думать ощущениями — для нас это было большой новостью. Человек сначала осязает, потом сообщает информацию мозгу, мозг дает импульс телу. Играть по Станиславскому — значит, идти от потребности, от ощущений.

Озеров не вмешивался. Это была не его площадка. Хотя он и на своей никогда не мешал. Но однажды на заключительном спектакле по мастерству (мы играли театральную пьесу «Пролетая над гнездом кукушки...» Кена Кизи), чтобы отыграть жуткий страх, я использовал простой трюк, хоть и обусловленный. У нас была сцена на двоих с Федором Бондарчуком. Он играл Мака, я — Чезвика. В конце сцены появлялась гадюка-медсестра (Елена Тонунц), от которой «мороз шёл по коже». Она могла сотворить «с обитателями психушки» что угодно. Мощный транквилизатор — семечки. Лоботомия, когда у человека отнимают разум — вот что страшно. Но Чезвик перед Маком самоутверждался, и поэтому сидел на столе, что «категорически запрещено правилами», а чтобы быстро скрыться, надо было исчезнуть, раствориться в воздухе. Как существо более слабое, Чезвик боялся сестры больше Мака. Как это продемонстрировать? Позади стола я поставил железный стул, который если тронуть, гремел, как ржавый комбайн на пашне. Входила сестра, диалог прерывался, и я падал. Прямо со стола. Во всяком случае, так казалось зрителям. Некоторые охали. Каскадеры для приземления ставят «приходы» — маты или коробки. У меня «приходом» был стул. Я откидывался на него спиной, он визжал, как резаный поросёнок, создавая иллюзию грандиозного падения, и повисала тишина. А через несколько секунд из-за стола появлялась голова уставшего Чезвика с больными глазами.

В уголке Озерову понравилось. Он любил трюки. В его фильмах их всегда хватало в избытке: от «Кочубея» до «Сталинграда». После показа замечательный актер Альберт Филозов сказал, что «играть героя, у которого не так много слов, гораздо труднее, чем со словами». Мне было приятно. Что-то похожее сказал Никита Михалков на «мастер-классе» в Доме кино: подыгрывать актеру, когда ты за кадром, надо так, чтобы он, получая твою энергию, блистал на площадке, раскрываясь во всей полноте своей роли.

Олег Урюмцев (слева), Юрий Озеров (в центре)

Но одно дело — актерское мастерство на площадке, и совсем другое — режиссура в кино. Первой была у меня игровая трехчастевка «Тупик» с Федором Бондарчуком в главной роли. Свой сценарий, своя история о том, как «младший» (Бондарчук) пытается спасти «старшего» брата Вовку, неудачно женившегося на женщине

с ребёнком и сбежавшего от родителей в какую-то дыру на Севере. Для младшего брата старший казался неудачником, заблудившимся в трёх соснах. Но когда он, по сценарию, находит дом брата в глухом лесу, на задворках цивилизации, видит простой быт, тихое семейство, гудки за окном маневрового поезда, то впервые начинает понимать то, чего не замечал всё свое детство: как взрослел старший, как делал выбор, становился человеком. Короткая встреча, разговоры о пустяках — что они могут изменить? Но меняют. И даже много. Младший смотрит на Вовку по-новому, как на старшего, а не заблудшего брата. Такая короткая, но реальная история. Озерову она понравилась. Ведь мы, как и прежний курс, продолжали традиции мастерской «актуального фильма». А «Тупик» был актуальней некуда.

На втором курсе мне, испорченному хорошей литературой ещё со времен журналистики, пришла в голову идея снять курсовую по Ивану Бунину. «Лёгкое дыхание» так задело за живое, что образы стали грезиться в пластике. Андрей Тарковский писал, что «если режиссер почувствовал атмосферу, он может снимать». Мне казалось, что я ощущал даже запахи. На роль главной героини заочно была утверждена Оля Кабо из мастерской С. Ф. Бондарчука — эфемерная, легкая, как розовый лепесток. Я колесил по Подмосковью, выбирая натуру. Уже готовы были фотопробы, и я подал заявку на постановку. Никогда ничего нельзя утверждать заранее. «Режиссер должен управлять не только группой, но и собой». Впервые на мастерстве я увидел Озерова взволнованным:

— Журналист! Когда в мире столько поразительных тем, хочет снимать Бунина! Конечно, прошлый век — это выразительно, это костюмы, но где позиция?! Твоя позиция, личная, как режиссера, точка зрения?! Не Бунина, а твоя!». Откуда мне было знать, что за четыре года до моего поступления в «Искусстве кино» Юрий Николаевич уже выразил свое кредо: «Современность — душа нашего искусства, а создание образа современника, достойного подражания — главная забота». Спустя двадцать лет то же самое сказал известный поэт и актер Михаил Ножкин, сыгравший в «Освобождении» Ярцева: «В том, что нынешнее поколение — без хребта, виноваты мы с вами. У наших детей нет примеров для подражания — наших героев, на которых хотелось бы походить. Все заполнено англоязычными стереотипами. Даже китайцы теперь живут и воюют по-американски». Выходит, сейчас мы получили то, против чего боролся Озеров три десятилетия назад! Против американизма в кино, в истории. Поистине, «большое видится на расстоянии».

Курсовую пришлось отложить, и я снял «Острова зелёные» — вторую учебную работу на современную тему. Там уж я имел точку зрения. Но, как говорят военные, всё это «выучка паркетная». Участие в съемках полнометражного фильма — вот ценнейший материал, профессиональный опыт, о котором мечтает любой кинематографист, не то, что студент! Для нас такой школой стал «Сталинград».

На съемки в Керчь из Москвы уходило два состава: один — с группой и актерами, с военной техникой — другой. С замиранием сердца на перроне белорусского вокзала весной 88-го мы думали: так, наверное, двадцать лет назад уходили эшелоны на съемки первой в мире киноэпопеи «Освобождение». Специально для этого проекта на одном из уральских заводов с конвейера сошли десять «Тигров» и пять самоходок «Фердинанд». Эта техника потом «воевала» во многих киносражениях. Трудно представить, в какие затраты вошли бы нынешние продюсеры, ставься эта картина теперь, в начале XXI века. Но тогда был «нерушимый Союз» и Госзаказ, и этим всё сказано. Три министерства — культуры, обороны и финансов — «ударили по рукам». Правду надо было отвоевывать не только на фронте, но и на экране, заполоненном «бессмертными подвигами американских солдат». Нет, американцы никогда, кроме как в Голливуде, серьезно не воевали — это факт. Пол-Европы в огне они видели только через океан, но запаха крови не осязали и горящих столиц других государств не видели. Озеров должен был донести до них этот запах. И ему удалось. Танковое сражение на Курской дуге равнодушным не оставило никого — ни японца, ни американца, ни даже немца. Премьера 8 мая 1970 года в Берлине прошла с ошеломляющим успехом.

Я писал когда-то об одном шалом лётчике-штурмовике Дулимове, воевавшем под Прохоровкой на «Ил-2». Он никогда не думал о смерти, воюя, как виртуоз. Его, как бабочку в полете, сбил немецкий танк — так низко летали штурмовики. Слава Богу, оторванная кабина вместе с Дулимовым угодила в воронку.

Изумлением и слезами наполняются глаза, когда на экране тяжелые стальные машины лежат кверху брюхом и, словно беспомощные майские жуки, вращают гусеницами. А когда трассеры, пролетая над головой обезумевшего, бегущего от танка немецкого солдата, исчезают в горящей глубине кадра, ты невольно ощущаешь запах войны — запах гари, смешанный с запахом смерти.

Двухсерийный «Сталинград» был далеким отголоском «Освобождения», последним широким мазком художника Озерова. Но мы были молоды, и «весь мир лежал у наших ног». И мы оторвались, как говорится, по полной: погибали в немецких массовках, воевали «за наших», строили мизансцены, разрабатывали декорации, работали с каскадерами, учили роли и играли так, словно воскрешали эпические образы. Хотя так оно и было: каждый герой у Юрия Николаевича являлся частью истории, маленьким осколком огромного зеркала прошлого, в котором на съемках отражались наши современные лица.

Захват сталинградской школы Озеров снимал в Керчи на одном из старых заводов. Во время войны бомбардировщики «Люфтваффе» разнесли его на гигантские части. Он, словно страшное чудовище из беспощадной войны, сохранился до наших дней в развороченном виде —

бетонные в несколько метров толщиной стены с вынутыми кишками арматуры, полупросевшие монолитные крыши, выбитые глаза окон... Живая декорация сама давала импульс к работе.

Наш разведвзвод брал эту школу нахрапом — дерзко, как моряки «с полундрой». Федор Бондарчук играл пулеметчика, Тигран Кеосаян — связного, я — командира разведвзвода. Взятие школы придумали сами. После шквального огня из Фединого «ручника» и наших с Тиграном «шмайссеров» я через две ступени мчался вверх, выбивал ногой дверь и вламывался вместе со взводом на второй этаж. Но в начале ни стен, ни дверей не было — только перекрытия между этажами. Ни нас, ни тем более Озерова это не останавливало. Кроме того, из-за отсутствия стен с этажа открывался прекрасный вид на лестницу, по которой мы должны были подниматься. Главный оператор Игорь Слабневич любил ёмкие панорамы: от маленьких фигурок штурмующих солдат на первом этаже до их крупного плана прямо перед камерой — на втором. На память приходит взятие Рейхстага в «Освобождении»: изумительный вертикальный трэвеллинг, где кадр идёт почти без монтажа и штурм видишь в реальном времени!

По моим эскизам на втором этаже художники построили декорацию с двойными дверями, изобразили часть кирпичной стены, на которой те стояли, и процесс пошел. Вначале был отснят кадр захвата подвала школы. И вот — мы уже у края этого жутко узкого и длинного лестничного марша без перил и какой-либо страховки... Только ступени и кошмарно высокий второй этаж — метров пять или семь!

— Внимание! Камера!!! Мотор!.. — Не знаю, как другие, но я никогда в военных фильмах не снимался, и мне было неведомо, как рвутся во время съемок пиротехнические штучки. Ведь даже на генеральных репетициях эти «секретики» в действие не приводились. Но когда, бросив «лимонку», я побежал наверх, а она реально рванула, да так, что под ноги выкатился «убитый» фриц, мне захотелось обратно. Грохот разрывов, запах тротила и свист вылетающих из твоего «шмайссера» гильз — это поднимет даже мёртвого. Но актеры должны играть — сражаться и при этом произносить слова роли, когда с жаром, когда с холодком... Помню только страх и дикий восторг! Эти чувства всегда смешивались, когда кричали «Мотор!», и Озеров не мешал наслаждаться. Никогда. Он был командующим, голоса которого не

Слева направо: Ф. Бондарчук, О. Урюмцев, Ю. Озеров, Т. Кеосаян

слышишь. «Как он на фронте командовал? — думалось мне. — Там ведь приказывать надо». Но мы прекрасно знали, что ему нужно. И он это чувствовал.

Вторую часть взятия школы мы снимали в Чехословакии. По старой дружбе Озерову разрешили «разобрать на части» старинную часть города Кладно, недалеко от Праги, очень похожую на прежний Сталинград, чтобы на этом месте отстроить современные кварталы. Проверив нас в Керчи, Юрий Николаевич от многочисленных щедрот поручил нам целую сцену. Лейтенант Костерин, которому Чуйков (Пауэрс Бут, актёр Голливуда) поручил взять школу — самое высокое место в городе, должен был оттуда вести корректировку огня. С каскадерами, участниками этого штурма, Шолоховым и Горбачевым, метр за метром за день до съемок мы планомерно прошли всю сцену: здесь удар ножом немца с винтовкой — план средний, тут выдергивается чека — план крупный, мы прижимаемся к стене, летит «лимонка», взрыв... Оператор со «стэдикамом» движется рядом, чтобы видеть нас «на среднем» (очень хотелось нам, студентам, попробовать дорогущую голливудскую технику за 75 тысяч долларов, как хвастал «бразеровский» оператор). Бондарчук с пулеметом прорывается в пролом в стене — общий план — и бежит навстречу второй камере, а мы по ступеням вбегаем вверх (стэдикам за нами) и сходимся в последней рукопашной, где позже на шальной звонок я кричу: «Школа наша!!!» — и ряд непереводимой на английский язык лексики. Кстати, для «Уорнер Бразерс» группа всегда снимала по дополнительному дублю на английском. И мне, всю жизнь изучавшему немецкий, приходилось во время съемок читать по бумажкам, спрятанным в декорации. Но лексика переводу не поддавалась. В английском нет слов для точного выражения русских эмоций.

В общем, весь замысел штурма был изложен Юрию Николаевичу. Он даже похвалил нас, но на следующий день всю сцену снял по-своему, феноменально просто. И главное — не было дорогого стэдикама, только тележка с рельсами, без которой Слабневич практически не снимал. А с ним Озеров работал уже лет тридцать, ещё со времен первого фильма «Сын», и все сцены они планировали с шести утра. И не было ещё капитализма в нашей стране, и можно было тратить деньги, но «стэдикам made in USA» так и не использовали. Не понимаю, почему? Он все равно уже приехал из Америки.

И длинные пролеты над полем боя, уже потом, мы со вторым оператором снимали с нашего — родного. А ведь Озеров не был продюсером и денег мог не считать, требуя для себя что угодно. Но не требовал, обходясь тем, что проще. Он и одевался просто. Зимой на съемках — солдатский тулуп, валенки, летом — штаны из плащевки и любимая старая рубашка, из фильма в фильм. Однажды, по счастливой случайности, я увидел несколько секунд рабочего момента «взятия Рейхстага». Они вошли в шестой фильм эпопеи — «Последний штурм». Вдоль ступеней были выложены рельсы метров на сто, по которым катился со своим чу-

до-аппаратом Слабневич, а перед ним поднимались в атаку сотни наших солдат-актёров. Взрыв, черный дым, пламя, огромные, порезанные пулями и осколками колонны Рейхстага, гранитные длинные ступени. Все слилось. Шквал пиротехнического огня проглатывал людей. И за всем этим долгие сто метров бежал рядом с тележкой Юрий Николаевич, размахивая, как Чапай, правой рукой и поднимая без всякого мегафона мощным голосом новые цепи штурмующих. Вот где был центр тяжести! Вот где стучало главное сердце картины! Оно бежало за оператором, готовое выпрыгнуть, и, буквально как на фронте, поднимало бойцов в атаку. За таким командиром и я бы пошел. Так на самом деле и произошло.

В тот день «мы взяли школу» быстро, уже к обеду. Можно было еще «повоевать». Но Юрий Николаевич сказал «снято». А у меня была круглая дата — 30 лет, и в мыслях я уже был далеко от площадки. Переодевшись «в гражданку», я решил посмотреть и встал позади кресла Озерова — наблюдать. Думал, место возле него — самое безопасное. Но когда пиротехники привели все свои «машинки» в действие, кусок кирпича, оторвавшись от груды обломков, снарядом просвистел мимо его головы и ударил в стену возле нас. Озеров не шелохнулся. Он остался солдатом на всю жизнь и, как выражался один из героев его картин, «пулям не кланялся». И если в интервью он говорит: «я старый солдат» — это правда. А у меня тогда был «столбняк» от страха.

Сейчас почти с тридцатилетнего расстояния я смотрю «сталинградские» кадры с грустью. Жаль, что нет «папы», нет его дней рождения, его друзей, многие из которых ушли прямо за ним, что мы сами разбрелись по своим деловым и семейным углам и нас не связывает даже память... Мы даже меняем номера мобильных, чтобы нам не дозвонились. Жаль, а ведь мы встретились благодаря Озерову, его великому дару объединять, а не разобщать людей. Как всё изменилось. Бизнес занял всё пространство нашего мозга.

Кстати, как «папу» назвали «папой», знают немногие. Это было в Керчи на съемках. Вечерами, когда группе выделялось время для отдыха, неутомимые студенты использовали его иначе. В кино не хотелось — своего хватало. Но иногда наш десант производил высадку в ресторане гостиницы «Керчь». Скудные запасы денежных средств тут же растворялись в городской казне, и утром актерско-студенческий ансамбль выглядел задумчивым. Юрий Николаевич читал по лицам. Помню утро на берегу залива, где снималась сцена танковой атаки. Линию обороны держали «бравые морячки» от каскадеров. Планировалось много взрывов. Это был не наш день. Озеров, наблюдая за подготовкой, по ходу давая указания, полюбопытствовал: как, мол, дела? Что-то вы приуныли, соколики. Первым к походному режиссерскому креслу был приглашен Бондарчук. Хотя Федор тогда не очень хотел разговаривать,

тем не менее, обратно ушёл с «десяткой». «Десятка» по тем временам была как нынешняя тысяча. Меня позвали вторым. После короткой разведки по поводу здоровья и писем на родину Мастер спросил:

— Как с деньгами?

— Какие деньги у студентов? Как обычно.

— Ну, а настроение?

— Настроение боевое. Жаль, сегодня не снимаемся.

Слева направо: Ю. Озеров, П. Бут, О. Урюмцев

Патриотизм Озеров высоко оценил, но не выше «десятки», и попросил помочь нашему второму режиссеру Левковичу, хотя тот и в сложных ситуациях ни в чем не нуждался. Потом по «десятке» унесли все наши студенты. «Папа» да и только. Так он и остался папой для нас навсегда. Иногда, чтобы пожурить, он брал своими мягкими пальцами за мочку уха и говорил: «ОлЕша». И я понимал: был не прав, виноват. И отвечал взаимностью. Однажды в Керчи в январе не было снега. Снималась масштабная танковая атака. За танками шла пехота. График жесткий. Совместное с Уорнер Бразерс производство, ждать некогда. Поле засыпали искусственным снегом со стеклом. Получился зимний Сталинград. Но я увидел, что Слабневич снимает с крана, цепляя соседнее здание. Кто знает, может, он и не захватывал его в кадре, но на окнах, на остатках стен этого здания снега не было! А постройка старая — тридцатых годов: ни потолков, ни перекрытий. Рискованное занятие: идти с лопатой по ржавым рельсам на высоте трех метров, чтобы засыпать «снегом» подоконники. К чести опять же Бондарчука, из группы отозвался только он. Мы кое-как затащили мешок «со снегом» на пристройку и задекорировали здание под зиму. Озеров об этом даже не узнал. Позже многие актеры говорили, что к нам он относился, как к родным детям. И 26 января, в день его рождения, пятнадцать лет кряду я поздравлял сразу двух пап: сначала своего, потом названого. Они родились в один день, что тоже символично.

Учиться у него можно было бесконечно, и не только режиссуре — только наблюдай и делай выводы. «Режиссёр должен смотреть на мир с точки зрения Бога». Когда он впервые сказал мне это, я понял буквально: значит, сверху — «с крана» или вертолета. Я думал о съемках, а он говорил диалектически. Спустя десятилетия я понял, что это должен быть взгляд всепроникающий, всесторонний, как Божье Око, охватывающее не только хорошее и приятное, но и плохое, и даже мерзкое. За простым кадром

должно быть много другого, заэкранного. И кино — не конъюнктура, выгодная сейчас и кому-то. Это — правда. «Что есть истина?» — спрашивал Пилат Христа, в то время как Истина стояла перед ним. Истина — это правда. А наличие правды в нас — это совесть. Режиссер — главное зернышко фильма, которое «если не умрет — не прорастет», а если умрет — растворится в фильме и принесет великий урожай. За кино не должно быть стыдно. Вот что значит «с точки зрения Бога».

В гостиной озеровской квартиры, у дивана, есть икона «Тайная вечеря». Когда я оказался у него дома, понял, почему в мастерскую он набрал вместо десяти студентов двенадцать. Все удивительным образом совпадало. Последняя мастерская. Даже без Иуды не обошлось. Не буду называть его имя.

Озеров был для нас «папой» до конца дней. Я прекрасно помню время, когда мы с супругой, едва поженившись, остались без угла. В пору молодости тебя мало интересует, где ты будешь жить: «С милым и в шалаше рай». Но у нас и шалаша не было. И Озеров звонил, писал, превозносил мои скудные способности, сравнивая их даже с шукшинскими. Надо сказать, помогло. Комната в коммуналке для нас стала самым уютным местечком на белом свете. А ведь он и генералам помогал.

И там действительно был рай. Там я написал сценарий первого полнометражного фильма «Исход», снимал некоторые сцены с Прыгуновым и Табаковым. И это были лучшие годы, овеянные теплой заботой Мастера. «Лицом к лицу — лица не увидать». Когда такой человек рядом, ты не замечаешь. Это данность, от которой тебе просто хочется прыгать, и мы прыгали. Теперь потолок опустился. Как шутили тогда болгарские киношники: «перестройка, перестрелка, перекличка». Все произошло до смешного точно. У нас не было распределения, и с красным дипломом я оказался среди безработных. В духе перестройки мне приходилось перестраиваться. Надо сказать, очень болезненно. Озерову тоже пришлось хлебнуть «горбачевского лиха». Из-за своего названия «Сталинград» лёг на полку. Но Озеров не был бы Озеровым, если бы остановился. К тому же актеры, к которым Мастер относился, как к детям, искали, «где бы деньгу срубить». Люди слонялись без дела, а прекрасный материал пылился на полке. Надо отдать должное Юрию Николаевичу, который не стал посыпать голову пеплом, а приумножил, как в евангельской притче, «таланты». В период всеобщего развала и безработицы он поступил как опытный продюсер, предложив «Ганем-фильму» (Сирия) снять ленту о войне снайперов в Сталинграде, куда вошел бы неиспользованный материал. Так появились на свет «Ангелы смерти», и мы с Федором воскресли из 42 года, снова взявшись оборонять бастион на Волге.

Теперь мы были — сибирский снайпер Иван и Степан, которые при первой же встрече смываются «в самоход» на танцы. И вот на этих «танцах-шманцах» меня серьезно заклинило. Я никак не мог выговорить фразу, написанную в сценарии. Язык аж за зубы цеплялся. Как тут не позавидуешь Никоненко! Любой самый непроизносимый текст, даже на арабском, он подаст так, будто это его самые сердечные слова. Репетировали недолго. Сразу начали снимать. Сначала Озеров терпеливо молчал, когда из-за меня останавливался уже второй дубль. Потом он выпалил в сердцах: «Весь брак за счет Урюмцева!». Ну, понятно, что третий дубль сразу пошел в чистовой монтаж. Для меня «Ангелы» — это фильм-открытие... самого себя. И для многих, наверное, тоже. Федя впервые играл главную роль, Катя Стриженова впервые сражалась в Великой Отечественной, а американец Пауэрс Бут — воевал в мундире русского генерала. На «Сталинграде», правда, Озеров тоже угрожал мне высчитать из стипендии, но там ситуация была сложнее. Когда на крыше нас «расстреляли» немецкие самолеты, я должен был от собственной руки улететь в бетонную стену. Это сейчас каскадеров тросами отбрасывают назад. А тогда мы летали сами. Пилотку ниточкой сдернули — «ранение в голову». Даешь себе в лоб рукой, на которой шарик с кровью, и полетел. А падать надо быстро. Но остаться в рамках кадра, падая спиной на бетон, не всегда возможно. И получилось у меня только с четвертого захода. Четыре раза меня заново гримировали, смывая «кровь». А «Кодак» всегда дорогой был, да еще 70-миллиметровый — по спецзаказу. Тогда-то меня Юрий Николаевич и пугнул деньгами. В «Ангелах» я многое открывал для себя заново. Но чего не знал, так это то, что «Ангелы» снимались, чтобы не дать нам разувериться и в жизни, и в кино. Я знаю режиссёров, которые не выдержали безработицы и покончили жизнь самоубийством. Автор «Джентльменов удачи», например. Тогда было очень сложное время. Когда-нибудь мы посмотрим на «перестройку» через другие очки. Самому Озерову до финальной черты оставалось 10 лет. Все уже сделано. Он мог бы отдыхать, мог. Но не мог. Он думал о нас, о людях вообще, о мире. И когда он говорил о политике, очень расстраивался, что его не понимают. У него был совсем иной взгляд.

Восьмидесятилетний юбилей Озерова в Доме Ханжонкова впервые прошел без него. Он лежал в «Кремлёвке» с инфарктом. Трудно представить всегда спокойного человека, сраженного инфарктом. Его жена и сподвижница Диляра Киримовна умолила врачей и спала у его кровати на полу в «сестринской», всю ночь согревая своей рукой его руку. Он просил её не уходить, и она не уходила. Тогда его никто не мог защитить. Они были одним организмом, одной энергией — он, она и Всевышний. Я тогда вел на радио «Новости кино», и мы с Леной Тонунц поздравили Мастера с юбилеем. Что-то подсказывало мне, что он выживет. И он оправдал надежды. По весне вернулся домой, в любимую квартиру с прекрасным видом на храм Христа Спасителя. Он часто лю-

бовался его куполами. Жизнь потекла своим чередом, но течение у неё уже было другое. Юрий Николаевич выглядел бодрым, но похудевшим и очень усталым. Как-то после первого инфаркта он рассказывал, как невесело лежать в больнице. Да ещё в окружении людей, ослабевших разумом, когда они, как в романе Олеши, «по утрам поют в клозете».

Поразительный факт, дошедший до меня значительно позже: незадолго до выписки к нему в палату зашли три монаха. Они как раз тогда были в больнице. Проходя по коридору, заглянули в «сестринскую», узнали Мастера, поговорили с женой. И долго пробыли с Озеровым наедине. После этого ему стало лучше, и вскоре он выписался. Летом я приехал повидаться, даже фотоаппарат взял. Но Юрий Николаевич сказал, что неважно выглядит, что скоро будет в форме, и тогда мы с ним обязательно сфотографируемся... И всё обсудим: и политику, и политиканов, и искусство в целом, и закат кино, в частности, маятник которого в стране уже дошел до критической мертвой точки... Но не обсудили. И не сфотографировались. Маятник жизни Мастера — яркой, как росчерк звезды, пролетевшей через весь небосклон, в ночь незадолго до его смерти, качнул другой маятник — памяти, которая жива, пока живут его ленты, где незабываемые герои Олялина и Никоненко, Голубкиной и Ульянова, Носика и Каморного кричат свои вечные слова, прорываются из окружения и штурмуют Рейхстаг всякий раз, когда экраны в кинотеатрах озаряются светлым названием «Освобождение».

Юрий Николаевич умер прямо в «реанимобиле», от дома отъехав метров на пятьсот. Его сердце, по рассказам врачей, было истончено, как марля — сплошная некрозная ткань. Это значит, что все трудности он переживал в себе. Щадя самолюбие других, он жертвовал собой. Но виду никогда не подавал и не сдавался. Он сражался до конца и был воином, как в жизни, так и на площадке. И если человек — микрокосмос, то вокруг него вращались тысячи планет: артистов, режиссеров, историков, военных... просто любопытных и воздыхающих. Когда его не стало, ход планет в его Вселенной нарушился. Нельзя было, чтобы дело Юрия Николаевича, дело, которому он посвятил жизнь — защиты нашего солдата от засорения нашей истории фальсификацией, исчезло навсегда. Это была наша победа, за которую отдано 27 миллионов жизней. Никто никогда в мире не приносил за человечество такие жертвы. Поэтому, практически сразу после смерти, родился кинофестиваль его имени, который, хоть и молод, но пытается смотреть на мир по-озеровски — «с точки зрения Бога».

А «Освобождение» и сегодня смотрят так же внимательно, затаив, как и прежде, дыхание. Хоть и зрители теперь совсем другие. В этом мы убеждались неоднократно. И теперь вот уже почти 20 лет живет международный фестиваль его имени. Значит, это кому-нибудь нужно. Как вы считаете?

«У ПАМЯТИ ВРЕМЕНИ НЕТ» (ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ МОТИВЫ В ЛИТЕРАТУРЕ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ)

Злыгостева Наталья Ильинична,
кандидат философских наук, доцент,
главный научный сотрудник научно-
исследовательского центра регионоведения
Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена,
г. Вятка

Великая Отечественная война — событие, оставившее след не только в истории нашего народа, но и в жизни каждого из нас. Казалось бы, время отодвигает минувшее, и всё происходившее в нём становится прошлым. И нынче есть силы, даже в нашей стране, стремящиеся стереть память о прошедшем или представить его в негативном, неприглядном свете. И юным, живущим в современном потребительском обществе, с его лоскутным мировоззрением, автономной моралью, в немалой мере утратившим верные жизненные ориентиры, плохо знающим свою историю, непросто ответить на вопросы:

Кто же действительно победил в войне?

Не лучше ли нам было проиграть её?

Что дала нам Победа?

И ответы на них следует искать не только в исторической литературе, где одни и те же факты могут быть истолкованы и освещены совершенно по-разному, но прежде всего, в литературе художественной.

Кстати, на Западе освещение событий Второй мировой войны в ней далеко не было столь масштабным, глубоким и полным, как в литературе нашей.

Военная проза и поэзия оставили в ней след яркий, выразительный и очень личностный. Именно благодаря нашим писателям мы можем правильно осознать и осмыслить: почему мы одержали в Великой войне не только военную, политическую, но и духовно-нравственную победу.

Писатели, прошедшие войну, внесли в написанное ими не только представление о её событийной стороне, но и внутреннее, трагическое проживание испытанного, точно и образно отражённое в слове.

Война была не только их настоящим, она определила будущее, дала возможность через призму пережитого осознать, что обусловило нашу Победу, и какие нравственные уроки вынес из войны народ. И в этом

осознании ярко прочитываются присущие нашей военной прозе и поэзии христианские мотивы.

Да, слово «Бог» звучит там редко, но по сути своей всё в лучших их образцах пронизано духом христианства. И это неудивительно, в нашем народе вопреки всем гонениям на веру и церковь продолжали жить живые евангельские чувства, жестоко подавляемые, но не уничтоженные. Война высвободила их из-под спуда, породила то духовное единение, без которого победа над мощным, прекрасно вооружённым и хорошо организованным врагом была бы невозможна.

Это понимало и тогдашнее высшее политическое руководство страны, сознавая, что война не будет победоносной, если она не станет священной и народной, если в борьбе с врагом соединятся не товарищи и граждане, а братья и сёстры. Народ объединился на борьбу с врагом, несшим на его землю страшное, разрушительное зло, и он в ней защищал не только своё земное, но и духовное Отечество, соединившиеся в единое и неразрывное целое. Он отстаивал свои попранные святыни, определявшие его внутреннее, потаённое, часто им самим не осознаваемое бытие.

Именно об этом писал в повести «В окопах Сталинграда» В. П. Некрасов, видевший в своих героях «скрытую теплоту патриотизма». Один из них — рядовой Валега, юный сибирский паренёк, простой, не особо образованный, что такое Родина, пожалуй, и объяснить-то не может, но он будет биться за неё до конца. Именно в этой жертвенной любви русского человека к своему Отечеству, к тому исконному, вечному и необъяснимому, что для него оно определяет, видел писатель истоки грядущей победы.

Об этом чуде, дающем веру в неизбежность победы, ведут диалог два героя некрасовской повести — пожилой инженер Георгий Акимович и молодой лейтенант Керженцев. Первому из них почти не верится в то, что мы можем одолеть эту страшную вражескую силу с её организованностью и мощью. И лишь надежда на невозможное, на чудо, столь явно присущая его юному оппоненту, даёт ему возможность с ним согласиться. В нём и самом живёт внутреннее убеждение, неподвластное разуму, что людей, отстаивающих свои святыни, победить нельзя. И с этим глубоко созвучна мысль русского философа И. А. Ильина: будущее есть лишь у того народа, у которого есть не только для чего жить, но есть то, ради чего он может умереть. Именно это вселяло веру в неизбежность победы в самых тяжёлых, трудных, безысходных ситуациях. И это выразительно и точно отразилось в строках А. А. Ахматовой:

И та, что сегодня прощается с милым, —
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

[1, с. 32]

В них и вера в силу народного духа, и ответственность перед прошлым и будущим своего Отечества. О том, что именно вера в силу народного духа помогает выстоять, выдержать в самые страшные минуты, писали многие писатели военного поколения. Об этом размышляет герой повести Ю. В. Бондарева «Батальоны просят огня» капитан Ермаков. Для него в этом чувстве было нечто недоступное рассудку, но укрепляющее, обнадёживающее, всему придающее смысл. Да, он с болью и страданием видел, как гибнут батальоны, гибнут те, с кем он недавно ещё говорил, шутил, с кем бок о бок стоял под огнём, и видел то, что гибли они с верою. Осознание этого и для них, и для него было спасительным: «без веры умирать страшно».

Смерть на войне — событие рядовое, но от этого ещё более страшное и трагичное. Именно там в полной мере постигается хрупкость человеческой жизни.

В повести «В окопах Сталинграда» В. П. Некрасова есть ужасающий в своей обыденности эпизод. Человек убит, а окурок, брошенный им, ещё дымится, и воспринять смерть в это мгновение как реальность невероятно страшно, почти невозможно. Смерть на войне принималась и внутренне проживалась по-разному. Для главного героя повести В. Л. Кондратьева «Сашка», совсем ещё молодого, «дивно было то, как безжалобно умирали люди — особенно отцы». В этом безропотном отношении к смерти у тех, кто старше, было смиренное и безропотное её восприятие, присущее христианскому сознанию и глубоко укоренившееся в народной среде.

Для молодых, только ещё начавших жить, смерть, вопреки её обыденной реальности, оставалась чем-то почти невозможным. В душе, самой потаённой её глубине, хранилось детское понимание жизни как вечности. Оно выразительно прочитывается в образе совсем молоденького лейтенанта, вчерашнего школьника Прошина из бондаревской повести «Батальоны просят огня». Он мечтал о героической смерти на поле боя, но она была для него не настоящей, существующей вне его, и в момент гибели он остро чувствует величайшую её несправедливость и убеждённость в том, что высшая справедливость в мире обязательно должна быть. Это детское удивление перед чем-то, неожиданно открывшимся, осталось и в глазах убитого мальчика-лейтенанта из повести В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда».

Это особое, странное для нас сегодняшних отношение к смерти на войне я впервые прочувствовала через рассказ отца. Он попал на войну в самом её конце, в январе 1945 года. Ему тогда только исполнилось восемнадцать, прошёл он через всю Польшу до Эльбы, где был тяжело ранен, рядовым с противотанковым ружьём. Был награждён медалями и двумя орденами Красной Звезды. На мой вопрос, за что он их получил, отвечал коротко: «Воевал». О войне, как все фронтовики, не рас-

сказывал. И только однажды, когда я его спросила, чего ему больше всего хотелось в самые тяжелые минуты, он неожиданно ответил — чтобы убили. Помолчал и рассказал о том, что, когда весной развернулось наступление, шли по разгрязшим дорогам, почти не останавливаясь, днём и ночью, и так неделю. Падали по обочинам, спали по 15–20 минут и снова шли, шли, шли. И в какой-то момент так захотелось, чтобы пуля попала именно в тебя, но думалось не о смерти, а о покое. А впереди было ещё три месяца войны.

Есть такое удивительное слово «подвиг» в нашем языке. Оно соединено для нас с духовным подвижничеством. Из житий святых мы знаем, как невероятно трудно подвизаться на этом пути, постоянно борясь с собственной греховной природой, преодолевая её. Подвиг на войне во многом сродни духовному. Он тоже в преодолении себя. Это понимает простой паренёк Сашка из одноимённой повести В. Л. Кондратьева. Война и для него, и для любого солдата — это каждый день нечеловеческого преодоления. Воевать можно, лишь превозмогая себя, «заколачивая страх и жажду жить внутрь себя на самое донышко души, чтобы не мешали делать то, что надо». Поэтому каждый день на войне — это подвиг.

Наши повести о войне, в отличие от западных, не событийны. Они о сохранении человеческого в человеке в нечеловеческих условиях. Да, невыносимо трудно преодолевать чувство ужаса перед ползущим на тебя танком, бороться с постоянным голодом и мучительной жаждой, с заедающими тебя вшами.

Но всё же самое сложное — вопреки всему этому не ожесточиться, не превратиться в страшного и беспощадного зверя. Сохранить в себе великое христианское чувство сострадания и милосердия, более того, не только к ближнему, а и к врагу. Главный герой повести Б. Л. Васильева «А зори здесь тихие» старшина Федот Васков понимает, как страшно переступить через закон «не убий» даже взрослому мужчине, а каково это молоденьким девчонкам: «Мужики и те страдали, когда их совесть наново перекраивалась. В женщине самой природой ненависть к насилию заложена» [2, с. 62]. И они, совсем ещё юные, глубоко чувствуют эту правду, осознавая, что и воевать надо без злобы, «а то остервенеем. Как немцы остервенели». Милосердие проявлялось порою, казалось бы, в мелочах бытовых, житейских, но открывающих душу добрую, чистую, способную искренне сострадать. В повести Ю. В. Бондарева «Горячий снег» разведчики, плохо одетые, замёрзшие, выполнили приказ, взяли языка, а вот тёплую шинель с него не сняли.

Глубина христианского сострадания по отношению к врагу выразительно прочитывается всё в том же кондратьевском «Сашке», у которого рука не поднимается, чтобы убить безоружного немца. В бою — это одно, там каждый защищает своё. Он понимает, что не сможет выполнить приказ, не сможет выстрелить — «не по-человечески это». В его внутреннем протесте против, казалось бы, справедливого и оправданного возмездия возобладало чувство той высшей справедливости, переступить через которую невозможно. Оно открывалось и в той жертвенной любви по отношению к тем, с кем воевал, с кем вместе сражался, с кем соединился не судьбой, а теми незримыми, но такими прочными узами, что и смерть оказывалась не властна над ними.

Война изменила, перевернула представление людей о реальности. Мирная жизнь со всеми её огорчениями, радостями и надеждами казалась такой далёкой и призрачной. То, что ещё вчера было таким осязаемым и близким, ушло, отдалилось. Для старшего лейтенанта Кондратьева (Ю. В. Бондарев «Батальоны просят огня»), вчерашнего филолога, его новое бытие — это не книги на столе, не уютная настольная лампа, это окоп, в котором на тебя во время обстрела падают потревоженные мыши, это холодная и мокрая землянка и горящая земля и люди, ставшие в этом аду для тебя самыми родными. И заповедь о том, что нет выше любви, чем «жизнь отдать за други своя», именно там обретала своё подлинное и живое звучание.

Всё важное и значимое в этой далёкой мирной жизни понималось и виделось на войне иначе, даже друзья давние и привычные. Об этом размышляет лейтенант Керженцев (В. П. Некрасов «В окопах Сталинграда») после тяжёлых и затяжных боёв. Все, кто были рядом с ними в это время, казались ему роднее и ближе. Его ординарец Валега, не очень образованный, не читавший книг, прочтённых им, но готовый, не задумываясь, не размышляя, во время боя прикрыть его собой. Керженцев чувствует, что его с Валегой соединяет не ситуация, не привычка, а что-то совсем другое, не определяемое словами. И он невольно задаётся вопросом, а испытывал он это чувство по отношению к прежним друзьям? Вынесли бы они его с поля боя? Пошёл ли бы он вместе с ними в разведку?

Наверное, нигде сущность человека не раскрывается так глубоко и полно, как во время тяжёлых испытаний, ставящих каждый день человека перед лицом смерти. Именно в эти мгновения проявляется в нём всё худшее и всё лучшее. Многие из них в этом жертвенном служении Отечеству и ближнему открывали, обретали себя. Один из героев повести Ю. В. Бондарева «Батальоны просят огня» бесшабашный, беспутный в мирной жизни Жорка, не раздумывая, бросается спасать почти незнакомого ему Скляра. В этом естественном душевном порыве — желание уберечь, защитить другого даже ценою собственной жизни. И в этой же повести есть эпизод, дающий понять и почувствовать, что нет смерти там, где есть любовь. Ничего не осталось от юного лейтенанта Прошина, сметённого взрывом, и, казалось бы, такой короткой была его боевая жизнь. Но с какой щемящей нежностью и болью говорит о нём годящийся ему в отцы наводчик. Он для него и убитый по-прежнему живой. Для них, простых солдат, бывших

старше его, он мальчик, школьник, очень добрый, делившийся с ними своим пайком, любивший и жалевший их, оставшийся в их памяти вечно живым. И невольно вспоминаются слова Н. В. Гоголя о великой силе русского товарищества, основанной не на кровных узах, а на духовном, внутреннем единении, а оттого святом и вечном. «Нет уз святее товарищества. Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь своё дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких как в Русской земле не было таких товарищей.

...Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни на есть в тебе... Нет, так любить никто не может» [3, с. 266].

В таком единении нет ни временных, ни пространственных границ, оно существует в другом измерении, постигаемом только сердечной мудростью и любовью, приближающих человека к Богу. Об этом писал святой нашего времени Паисий Святогорец, видя в жертвенной любви, освобождённой от эгоизма и себялюбия, возможность даже в самые последние мгновения почувствовать Бога. «Жертва, чтобы она была по Богу, должна быть свободна от человеческого: корысти, гордости и т. д. Когда человек смиренно жертвует собой, тогда это означает, что у него есть любовь, тогда он преклоняет к себе Бога» [4, с. 203].

Русская литература о войне увидела и открыла правду бескорыстного жертвования в своих простых и великих героях: в солдате, закрывшем собою капитана Ермакова (Ю. В. Бондарев «Батальоны просят огня»), старика Филатова, не отошедшего от пулемёта, когда на него шёл танк, и спасшего этим остальных.

Они стояли насмерть, движимые великой силой любви, идущей от сердца, спасающие ею не только остающихся в живых, но и самих себя. Они над этим не задумывались, об этом не размышляли, но «райские двери были для них открыты». Это чувствовала, об этом писала А. А. Ахматова:

Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь отдавших за други своя»,
Незатейливые парнишки —
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки,
Внуки, братики, сыновья!
[1, с. 35]

Все они — убитые и живые, прошедшие путём великих мук и страданий, соединились судьбой, кровью, душой. И душа тех, кто остался в живых, не знала покоя от чувства вины перед теми, кто не вернулся, перед их родными. Вина — постоянно тревожащая совесть. Это подлинно христианское чувство, заставляющее человека нравственно страдать и через страдание очищать свою душу. Она стала едва ли не главным лейтмотивом в прозе и поэзии о войне, и как трагично звучат строки А. Твардовского об этом непреходящем у нашего народа чувстве:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...
[5, с. 217]

Эта вина у каждого своя и выстрадать её можно только глубоко лично. Есть страшная вина полковника Иверзева (Ю. В. Бондарев «Батальоны просят огня»), отправившего на заклание, на верную смерть сотни людей, поскольку этого требовали обстоятельства военного времени, искупаемая его собственною кровью и сухими бесслёзными рыданиями. Это и вина перед женщинами, принявшими на себя все тяготы войны. Им, нередко совсем юным, приходилось не только выносить бойцов с поля боя, но и брать в руки оружие. А они, как героиня повести Ю. В. Бондарева «Горячий снег» Зоя, мечтали о муже, о детях. Счастье для неё, чтобы в доме было много ребятишек, и она кормила бы их кашей, а потом вытирала их перепачканные мордашки. И когда гибнет Зоя, не может смириться с этим лейтенант Кузнецов, не может справиться с чувством немыслимой вины перед нею.

Тоже чувство вины терзает и старшину Васкова за гибель девочек, так рано погибших. И не только перед ними, но и перед детьми, перед теми, кто не родился, не пришёл в этот мир, потому что он не смог уберечь их матерей. И мучается он тем, как ответить, когда спросят: «Что же это вы, мужики, там наших мам от пуль защитить не могли? Что же это вы со смертью их оженили, а сами целенькие?» [2, с. 86].

В нашей литературе о войне живёт живая боль, и потому то, о чём она говорит, не подвластно времени. Она в лучших своих произведениях несёт отзвук Вечного, а поэтому всегда будет находить отклик в сердцах. В нашей способности помнить о прошлом личной духовной памятью — залог нашего бытия как великого народа, нашего будущего.

Святые нового времени предвосхитили явление, родившееся в народных глубинах, — появление Бессмертного полка. Они утверждали, что возрождение России начнётся тогда, когда мёртвые пойдут вместе с живыми. Но об этом же ещё в начале войны пророчески писала А. А. Ахматова:

А вы, друзья мои последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена! Захлопываю святцы;

И на колени все! Багровый хлынул свет,
Рядами стройными проходят ленинградцы,
Живые с мертвыми. Для Бога мертвых нет.
[1, с. 40]

Художественная литература в большей мере, нежели научная, даёт нам возможность осознать, что Родина — это духовная реальность. Могут меняться режимы, власти, государственные устройства, но она всегда будет неизменной — доказательство тому Великая война и Великая Победа. «Но чтобы найти её и узнать, — писал И. А. Ильин, — человеку нужна личная духовность. Это просто и ясно — родина воспринимается именно живым и непосредственным духовным опытом; человек, совсем лишённый его, будет лишён и патриотизма» [6, с. 180], то есть того чувства, без которого нет личности и нет народа. Обращение сегодня к нравственному опыту войны даёт возможность нам ощутить своё единение — не социальное и политическое, а духовное, именно в нём наша сила. Осознание этого молодыми людьми даст им возможность увидеть и Отечество, и своё место в нём в верной исторической перспективе. Именно об этом говорит историк и политолог Н. А. Нарочницкая: «Неподдельное глубокое чувство, с каким страна поклоняется Великой Победе, являет впечатляющий потенциал национального единения. Это не народонаселение, не просто численная масса — это нация — единый преемственно живущий организм с общим духом, с общими целями и ценностями национального бытия, с общими историческими переживаниями. Такие нации в любых испытаниях сохраняют себя как явление мировой истории и культуры» [7, с. 312].

Литература

1. *Ахматова А. А.* Стихотворения. Поэмы. Автобиографическая проза. М.: Слово, 2000.
2. Военная проза. Т. 3. / Сост. Л. И. Лазарев. — М.: Слово, 1999.
3. *Гоголь Н. В.* Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. Повести. Ревизор. Женитьба. М.: Слово, 2000.
4. *Старец Паисий Святогорец.* Слова. Том V. Страсти и добродетели. М.: Издательский Дом «Святая Гора», 2010.
5. *Твардовский А.Т.* Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1981.
6. *Ильин И.А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1.— М.: Русская книга, 1993.
7. *Нарочницкая Н.А.* Русский код развития. 2-е изд., доп. М.: Книжный мир, 2015.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ КАРТИНА СТРАНЫ И РЕГИОНА В БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ УКАЗАТЕЛЯХ БИБЛИОТЕКИ

Куканова Инна Алексеевна, 44 года,
заведующий Центром книжных памятников и краеведения
Тульской областной научной библиотеки,
г. Тула

Деятельность общедоступных библиотек в СССР была неразрывно связана с общественно-политическими условиями развития страны, более того, они относились к идеологическим учреждениям непосредственного влияния на массы. Временной отрезок с середины 50-х до 90-х гг. XX века характеризовался как период значительных перемен в общественно-политическом и экономическом курсе руководства. В истории советского государства и общества в эти годы наблюдается плодотворное развитие культуры, в том числе активная деятельность библиотек, перед которыми стояла задача отражать реалии новой советской действительности. Если в послевоенный период библиотеки в профессиональном плане были нацелены в первую очередь на восстановление и пополнение фондов и обслуживание книгой, то постсталинский период ориентирован на устойчивое развитие библиографической деятельности, характеризующей успехи страны в промышленности, сельском хозяйстве, культурном строительстве.

В связи с тем, что в середине 1950-х гг. Тульская областная библиотека им. В. И. Ленина вела активную работу с государственными массовыми библиотеками региона, методические разработки сопровождались библиографическими пособиями. Издавались бюллетень «В помощь работе массовых библиотек» и тематические рекомендательные пособия. Их тематика была определена политико-просветительской линией правящей Коммунистической Партии Советского Союза, под воздействием которой осуществлялось управление страной. Значимым событием 1953 года явился сентябрьский пленум ЦК КПСС, который подверг критике аграрную политику И. В. Сталина. В докладе «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР» Н. С. Хрущёв поднимал вопрос о реформировании и подъёме сельского хозяйства. Пленум принял комплекс мер по усилению экономической заинтересованности колхозов и совхозов в производстве сельскохозяйственной продукции и расширении возможностей для развития колхозного рынка. В следующем 1954 году Тульской областной библиотекой им. В. И. Ленина в помощь изучающим материалы сентябрьского Пленума ЦК КПСС

был выпушен ряд рекомендательных пособий о выращивании высоких урожаев зерновых и технических культур, картофеля и овощей, о передовом опыте механизации сельского хозяйства и передовом опыте руководства колхозным производством, о содержании скота в зимних условиях. Пособия адресованы работникам полеводства, овощеводам, животноводам, трактористам и комбайнерам, бригадирам и председателям колхозов.

В 1950-е гг. была разработана отдельная серия пособий в помощь сельским библиотекарям Тульской области с рекомендуемыми для чтения списками литературы: «За высокие урожаи! Материалы к весеннему севу» (Тула, 1958) [1], «За своевременный ремонт тракторов! (обзор лит. для механизаторов)» (Тула, 1956) [2], «Что читать телятнице по уходу за телятами в январе — марте месяцах» (Тула, 1956) [3], «Что читать полеводам в период подготовки и проведения весеннего сева» (Тула, 1956) [4] и т. д. По содержанию подобные издания выходили за рамки сельскохозяйственной тематики. Методико-библиографические материалы являлись инструментом создания широких возможностей для идеологического воздействия и патриотического воспитания советской молодежи. В числе адресованных для сельских библиотекарей изданий были также «Работа с книгой Н. Болдырева “О моральном облике советской молодежи”» [5] (Тула, 1955) или, например, «Будущему воину о Советской Армии» (Тула, 1956) [6]. Тиражи каждого указателя были достаточно большие и составляли 500–700 экземпляров.

Большое значение советским правительством в 50-е гг. уделялось задаче ускорения технического прогресса в промышленности и индустриальному развитию страны. Под девизом «Претворим в жизнь решения XX съезда КПСС» библиотекой был разработан и выпущен ряд рекомендательных пособий «Что читать токарю IV–V разрядов» (Тула, 1956) [7], «Что читать фрезеровщику IV–V разрядов» (Тула, 1956) [8], «Что читать слесарю IV–V разрядов» (Тула, 1957) [9], «Что читать слесарю VI–VII разрядов механических и ремонтных цехов» (Тула, 1957) [10], «Что читать шофёру III и II классов» (Тула, 1957) [11].

Успехи советского народа в строительстве нового социалистического общества партия связывала с победой Великой Октябрьской социалистической революции, подчёркивая её важное историческое значение для страны. В СССР день 7 ноября отмечался как главный государственный праздник. Безусловно, библиотека не могла обойти стороной юбилейные десятилетия Великого Октября. К 40-летию революции были выпущены библиографические указатели краеведческого содержания «Тула в Октябре и сегодня (1917–1957)» (Тула, 1958) [12] и «Тульские мастера-оружейники» (Тула, 1957) [13]. Последний содержит литературу по теме «Тула — старейший центр русского оружейного производства» о мастерах-оружейниках: С. И. Мосине, Ф. В. Токареве и В. А. Дегтярёве, а также о тульском мастерстве в художественной литературе. Во вступительной статье «Великое мастерство оружейников» тульский историк и краевед В. Ашурков даёт краткую справку об истории создания Тульского оружейного завода и тульских мастерах.

В содержании библиографических изданий начинает прослеживаться краеведческая тематика. С 1959 года библиотека приступила к выпуску краеведческого библиографического указателя «Тульская область», в котором были отражены новые поступления о тульском регионе. Являясь одной из форм краеведческой библиографии, это серьёзное и значимое издание выходило в свет, сменив позднее заглавие на «Литература о Тульской области», вплоть до 1990 года.

С начала 1960-х гг. библиотека ориентирована на подготовку краеведческих библиографических пособий. Данная работа существенно усиливается после прошедшего в Москве в январе 1961 года Всесоюзного совещания по справочно-библиографической работе. В качестве примера можно перечислить некоторые краеведческие рекомендательные списки литературы, составленные библиотекой: в 1961 г. — «К 20-летию обороны Тулы» [14], в 1962 г. — «Арсенал русской славы» [15], приуроченный к 250-летию Тульского оружейного завода, в 1968 г. — «Край наш Тульский» [16] и др. В 60-е гг. перед библиотекой, как перед идеологическим учреждением, стояли задачи партийной пропаганды и воспитания нового человека. Подобные указатели тоже имели краеведческую составляющую: «Комсомол — нашей партии доблестный сын: славный путь тульского комсомола» (Тула, 1968) [17], «Ленин и Тульский край» (Тула, 1970) [18] и т.д.

С 1965 г. библиотека начала выпуск значимого краеведческого издания «Календарь знаменательных и памятных дат по Тульской области». Тульская областная универсальная научная библиотека продолжает его выпуск в настоящее время под названием «Тульский край. Памятные даты». Фактически издание представляет собой историко-краеведческий альманах, где наряду с традиционным перечнем знаменательных дат содержатся исследовательские материалы и републикации библиографических редкостей.

В 1960-е гг. библиотеки следовали основной установке советской пропаганды о передовом положении Советского Союза и были призваны бороться против капиталистической идеологии. Страна вступила в период строительства коммунистического общества. В библиотеке отмечается значительный рост изданий, подчинённых данной идее. Так, Тульским областным управлением культуры, методическим советом облсовпрофа и Тульской областной библиотекой им. В. И. Ленина были выпущены методические и библиографические материалы по проведению тематического вечера в библиотеке «Об агрессивной политике американского империализма» (Тула, 1967) [19], тема которого — «Позор XX века». В изда-

нии предложены названия для выступлений: «Два лагеря — два мира», «Гнездо диверсий и заговоров», «Нет мира под оливами», «Кровь и гнев Ближнего Востока», «Щит солидарности против копья агрессии». В дополнительных замечаниях рекомендован просмотр диафильмов и кинокартин, дана подробная инструкция по составлению библиотечных плакатов и, конечно, рекомендательный список литературы по теме вечера.

Отклик находила информация только о «братских» социалистических странах Восточной Европы, и только они получали отражение в библиографических рекомендательных пособиях. «Что читать о Чехословакии» (Тула, 1964) [20] — рекомендательный список литературы, составленный Тульской областной библиотекой им. В.И. Ленина совместно с библиотечным отделением городского общества советско-чехословацкой дружбы, которое было создано 21 марта 1960 года. В предисловии к изданию отмечено, что во всех библиотеках города велась широкая пропаганда литературы о Чехословакии, с которой у туляков имелись тесные связи. Наряду с публикациями политических деятелей СССР и Чехословакии в сборнике представлена художественная литература о стране, статьи из центральных и региональных периодических изданий. Так, например, в разделе «О дружеских связях туляков с Чехословакией» имеется указание на статью А. Глебова «Конверт вскрыт через 15 лет. Прекрасная история о волнующей дружбе», опубликованную в газете «Известия» от 30 августа 1963 г., с краткой аннотацией: «Рентгенотехник поликлиники завода синтетического каучука (г. Ефремов) рассказывает о дружбе с чешской семьей, начавшейся в конце Великой Отечественной войны (1945 г.)» [20, с. 9].

История дружбы двух семей невероятно трогательна. Медицинский работник Алексей Глебов служил в воинской части, входившей в состав 38-й армии 4-го Украинского фронта. С 30 апреля на 1 мая часть овладела чехословацким городом Острава. К утру 2 мая советские войска вышли к окраине села Стара Весь, за овладение которым завязался ожесточенный бой с гитлеровцами. 3 мая село было освобождено, и Алексею Глебову было поручено найти помещение для приема раненых. У порога одного дома его встретила женщина с проседью в волосах. Хозяйку звали Франтишек Поличек. Она пригласила в дом, была явно взволнована, на ломаном русском языке просила помощи у врача. Алексей Глебов вспоминает: «На широкой деревянной кровати лежала молодая женщина, она рожала. И роды, как видел, проходили тяжело. Роды начались во время боя. Мимо дома с грохотом проносились танки, кругом рвались снаряды… Однако не прошло и часа, как начался интенсивный артиллерийский обстрел. И случилось так, что два снаряда угодили в крышу, а третьим разбило трубу. Представляете себе, как все это восприняла роженица!.. Тут как раз вошел и я. Мне ничего не оставалось делать, как стать акушером…». Пока за окнами кипел бой, родился мальчик.

Село подверглось ожесточенному обстрелу. Преследуя противника, советские войска уходили из села. Перед расставанием семья предложила советскому врачу поучаствовать в выборе имени для своего крестника. В честь прихода Советской Армии в Чехословакию, в честь освобождения села Стара Весь мальчика назвали Ваней, Иваном. Отец ребенка предложил Алексею Глебову пожелать что-то ребенку. Тогда-то и решил советский врач написать Ване письмо с просьбой вскрыть конверт через 15 лет. Письмо было следующего содержания: «Я напомнил о тяжелых годах оккупации Чехословакии, о великой битве советских людей за честь, свободу и независимость своей Родины, за освобождение стран Европы от гитлеровского нашествия. Рассказал, при каких обстоятельствах родился Иван Клима, как освобождено село Стара Весь советской воинской частью. Я выразил уверенность, что его поколение будет более счастливо, чем наше, что войн, которые пришлось пережить его родителям, нам, советским людям, и народам Европы, больше уже не будет. Я пожелал ему расти здоровым, крепким, хорошо учиться и вспоминать о нас, советских людях. А в конце выразил надежду, что обязательно встретимся в более подходящее время. Подписался так: «С приветом, русский офицер Алексей Глебов».

Алексей Гаврилович Глебов (крайний справа) с крестником Ваней

Все 15 лет семья Карела Клима хранила письмо, оно было вскрыто 3 мая 1960 года, в день рождения Ивана Клима. В 1963 году по приглашению организации Союза чехословацко-советской дружбы города Фридек и села Стара Весь состоялась такая волнительная, такая важная, нужная и долгожданная встреча майора запаса медицинской службы Алексея Гавриловича Глебова с семьей Карела Клима и с 15-летним крестником Иваном. На память о встрече две семьи — чешская и русская — сделали фото, где крайний справа Алексей Гаврилович Глебов с крестником Ваней.

В 1970–80-е гг. библиотека ведёт планомерную и последовательную библиографическую работу. Тематика изданий не отличалась разнообразием. По-прежнему, рекомендательные списки отражали курс партии и правительства («Соревнование — могучий фактор коммунистического строительства» (Тула, 1971)) [21], трудовые успехи в коммунистическом строительстве («Прославленные люди села» (Тула, 1988)) [22], воспитание советского человека («Коммунистическое воспитание в процессе ов-

ладения основами наук» (Тула, 1978)) [23]. Указатели затрагивали темы промышленности («Борьба за экономию и бережливость в промышленности — важнейшая народохозяйственная задача» (Тула, 1971)) [24] и сельского хозяйства («Агропромышленному комплексу — ускоренное развитие» (Тула, 1988)) [25]. Библиографическая деятельность велась строго в «русле» установок Постановления ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» от 8 мая 1974 года.

Особое значение уделялось пропаганде героического подвига и героизма советского народа и важным датам в истории Советского государства — годовщинам Великой Октябрьской революции, Победе в Великой Отечественной войне и др. «Славу бесстрашного воина и талантливого умельца снискала себе в веках Тула. Здесь сформировался и закалился в классовых битвах один из боевых отрядов русского пролетариата», — из предисловия рекомендательного библиографического указателя литературы «Их именами названы...», вышедшего в свет в 1987 году к 70-летию Великого Октября [26]. В издании библиографическими списками сопровождаются краткие биографии видных деятелей революционного движения и активных участников установления советской власти в Туле, туляков — героев гражданской войны, имена которых увековечены в названиях улиц. Нельзя не отметить библиографический указатель «Тула и область в Великой Отечественной войне» (Тула, 1975) [27], приуроченный к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне. Издание включает более 1300 наименований книг и статей, систематизированных по разделам: героическая оборона города, тульское народное ополчение, борьба против немецко-фашистских захватчиков в районах области, туляки на фронтах Великой Отечественной и т. д. Вспомогательные указатели: алфавитный — авторов и заглавий, именной и географический позволяют легко ориентироваться при поиске нужной информации.

Следует отметить, что в данный период времени библиографическая работа приобрела основательный характер. Значительно увеличилось количество краеведческих указателей и рекомендательных списков. Несколько расширилась их тематика: «Природа Тульского края» (Тула, 1987) [28], «Организация краеведческой и туристско-экскурсионной работы в школе» (Тула. 1984) [29], «Старинные производства Тульского края» (Тула, 1972) [30]. Материалы о старинных тульских производствах заслуживают особого внимания. О Туле, как о важнейшем центре производства отечественного оружия, и ранее отмечалось в различных изданиях. Собранная в отдельный указатель информация о производствах художественного оружия, баяна, тульского самовара, пряника и филимоновской игрушки, сопровождаемая библиографическими списками, появилась, пожалуй, впервые. О филимоновской игрушке:

«...импровизации «барыни» с осиными талиями в широких юбках, всадники на причудливых лошадях, медведи, коровы, кони, петухи — живо напоминают персонажи народных сказок. Раскрашенные яркими красками — желтой, малиновой, зеленой, покрытые своеобразным орнаментальным узором, они отражают вековые традиции народного творчества и одновременно удачно вписываются в современный интерьер» [30, с. 13] или: «Кто не знает этого старинного русского лакомства, дошедшего до нас через столетия? <...> Пряничные доски вырезали мастера в традициях народного искусства, изображая на них растительный орнамент, фантастические фигуры. Своеобразное оформление, не говоря уже о самом рецепте — «секрете» приготовления, всегда выделяло тульские пряники среди многих других» [30, с. 11], — звучит очень актуально в XXI веке в связи с возрождением старинных промыслов и ремёсел.

Писатели Тульского края — тема, востребованная читателями и изучаемая библиотекой. Как правило, указатели были приурочены к юбилейным датам. В качестве примера можно назвать: «Л. Н. Толстой и Тульский край» (Тула, 1981) [31] к 150-летнему юбилею со дня рождения писателя, «В. А. Жуковский и Тульский край: 1783–1983» (Тула, 1982) [32], «Андрей Тимофеевич Болотов» (Тула, 1988) [33], «Николай Яковлевич Москвин» (Тула, 1990) [34].

Советский период, который стереотипно называют «застойным», тем не менее характеризуется интенсивным развитием библиотечного дела, в частности устойчивым становлением библиографической деятельности, отличается специальными акцентами со стороны партийных и хозяйственных органов относительно роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся. В это время наблюдается увеличение объёма издаваемых библиотекой рекомендательных библиографических списков, указателей и пособий, в том числе краеведческой направленности. В силу сложившихся в стране социально-экономических и политических процессов многие аспекты историко-культурного развития региона отражения в изданиях не получали. Содержательная составляющая указателей постсталинского периода ярко и объёмно характеризует атмосферу того времени, наглядно демонстрирует взаимодействие культуры с идеологией, которая формировала читательские интересы и определяла систему человеческих ценностей и жизненных ориентиров общества с одной стороны, с другой — формулировала пути и перспективы библиотечного развития.

Литература и источники

1. За высокие урожаи! Материалы к весеннему севу / отв. за вып. Н. В. Забашта; сост.: Р. М. Островский, Л. С. Русакова. Обл. б-ка им. В. И. Ленина, Метод.-библиогр. отд. — Тула, 1958 (Полиграф. ф-ка). — 42 с. — (В помощь сельским библиотекарям Тульской области).

2. За своевременный ремонт тракторов! (обзор лит. для механизаторов области) / отв. за вып. Н. В. Забашта; сост. Р. М. Островский. Обл. б-ка им. В. И. Ленина, Научно-метод. и библиогр. отд. — Тула, 1956 (Тип. изд-ва газ. «Коммунар»). — 16 с. — (В помощь сельским библиотекарям Тульской области).

3. Что читать телятнице по уходу за телятами в январе — марте месяцах / сост. З. Д. Петракова; науч. консультант А. Г. Литвин. Обл. б-ка им. В. И. Ленина, Научно-метод. и библиогр. отд. — Тула: [б. и.], 1956 (Тип. изд-ва «Коммунар»). — 12 с. — (В помощь сельским библиотекарям Тульской области).

4. Что читать полеводам в период подготовки и проведения весеннего сева: (рек. список лит.) / сост. М.Б. Михановская; консультант А. И. Савушкин; отв. за вып. Н. Забашта, Д. Дубова. Обл. б-ка им. В. И. Ленина, Научно-метод. и библиогр. отд. — Тула, 1956 — 19 с. — (В помощь сельским библиотекарям Тульской области).

5. Работа с книгой Н. Болдырева «О моральном облике советской молодежи»: (метод. письмо) / сост. Р. М. Островский; Тул. обл. б-ка им. В. И. Ленина, Метод. каб. — Тула: Кн. изд., 1955. — 16 с. — (В помощь сельским библиотекарям Тульской области).

6. Будущему воину о Советской Армии: (рек. указ. лит.) / Тул. обл. б-ка им. В. И. Ленина, Науч.-метод. и библиогр. отд. — Тула, 1956. — 43 с. — (В помощь сельским библиотекарям Тульской области).

7. Что читать токарю IV–V разрядов: (краткий список лит.) / сост. З. Д. Петракова; науч. консультант Н. А. Погожев; отв. за вып. Н. В. Забашта. Тул. обл. б-ка им. В. И. Ленина, Научно-метод. и библиогр. отд. — Тула: [б. и.], 1956 (Полиграф. ф-ка). — 9 с. — (Претворим в жизнь решения XX съезда партии) (В помощь массовым библиотекам Тульской области).

8. Что читать фрезеровщику IV–V разрядов: (краткий список лит.) / сост. З. Д. Петракова; консультант Н. А. Погожев; отв. за вып. Н. Забашта; Тул. обл. б-ка им. В. И. Ленина, Науч.-метод. и библиогр. отд. — Тула, 1956. — 7 с. — (В помощь массовым библиотекам Тульской области) (Претворим в жизнь решения XX съезда партии).

9. Что читать слесарю IV–V разрядов механических и ремонтных цехов: краткий список лит. / сост. З. Д. Петракова; Тул. обл. б-ка им. В. И. Ленина, Методико-библиогр. отд. — Тула, 1957. — 7 с.

10. Что читать слесарю VI–VII разрядов механических и ремонтных цехов: (крат. рек. список лит.) / сост. З. Д. Петракова; консультант Н. А. Погожев; отв. за вып. Н. В. Забашта; Обл. б-ка им. В. И. Ленина, Метод.-библиогр. отд. — Тула, 1957. — 15 с. — (В помощь массовым библиотекам Тульской области) (Претворим в жизнь решения XX съезда КПСС).

11. Что читать шоферу III и II классов: (крат. рек. список лит.) / сост. А. П. Пудалов; отв. за вып. Н. В. Забашта; Обл. б-ка им. В. И. Ленина, Метод.-библиогр. отд. — Тула, 1957. — 13 с. — (В помощь массовым библиотекам Тульской области) (Претворим в жизнь решения XX съезда КПСС).

12. Тула в Октябре и сегодня (1917 г. — 1957 г.): краткий список книг и статей / сост.: В. П. Полегаева, Л. С. Русакова; отв. за вып. Н. В. Забашта; Обл. б-ка им. В. И. Ленина. Методическо-библиогр. отдел. — Тула: [б. и.], 1958. — 21 с. — (В помощь сельским библиотекарям Тульской области).

13. Тульские мастера-оружейники: указ. лит. / Тул. обл. б-ка им. В. И. Ленина; Методическо-библиогр. отд.; сост. В. П. Полегаева; отв. за вып. Н. Забашта. — Тула, 1957. — 51 с. — (К 40-летию Великого Октября. В помощь массовым библиотекам Тульской области).

14. К 20-летию обороны Тулы: рек. список лит. / Обл. упр. культуры, Обл. б-ка им. В. И. Ленина; сост. В. П. Полегаева. — Тула, 1961. — 7 с.

15. Арсенал русской славы: к 250-летию Тульск. оружейного завода: указ. лит. / Обл. б-ка им. В. И. Ленина, СБО. — Тула, 1962. — 10 с.

16. Край наш Тульский: (рек. указ. лит.) / сост.: В. П. Полегаева, Г. А. Пилипенко, И. К. Заруцкая, Л. С. Коптельцева; предисл. В. И. Боть. Тул. обл. б-ка им. В. И. Ленина. — Тула, 1968. — 148 с.

17. Комсомол — нашей партии доблестный сын: славный путь тульского комсомола: (рек. указ. лит.) / сост.: Г. А. Пилипенко; отв. за вып. М. Б. Михановская; Тул. обл. ком. ВЛКСМ, Тул. обл. б-ка им. В. И. Ленина. — Тула, 1968. — 28 с. — (50 лет ВЛКСМ).

18. Ленин и Тульский край: рек. указ. лит. / Тул. обл. б-ка им. В. И. Ленина; Спр.-библиогр. отд.; сост.: В. П. Полетаева, Г. А. Пилипенко; науч. консульт. В. И. Крутинков. — Тула: Ясногор. тип., 1970. — 77 с.

19. Об агрессивной политике американского империализма: метод. и библиогр. материалы по проведению темат. вечера в б-ке / сост.: А. Н. Соколов, Т. М. Анисимова; ред. В. П. Юдаев. Обл. б-ка им. В. И. Ленина, Научно-метод. отд., Справ.-библиогр. отд., Облсовпроф, Метод. совет. — Тула: Приок. кн. изд-во, 1967. — 21 с. — (Тезисы ЦК КПСС — в массы).

20. Что читать о Чехословакии: (рек. список лит.) / сост. Л. С. Коптельцева. Тул. обл. б-ка им. В. И. Ленина, Справ.-библиогр. отд., Библ. отд-ние гор. О-ва сов.-чехослов. дружбы. — Тула : [б. и.], 1964 (Тип. изд-ва газ. «Коммунар»). — 16 с.

21. Соревнование — могучий фактор коммунистического строительства: рек. список лит. / Тул. обл. б-ка им. В. И. Ленина, Справ.-библиогр. отд. — Тула, 1973. — 5 с.

22. Прославленные люди села: рек. библиогр. указатель литературы / сост.: Р. М. Ведехина, Г. Н. Цветкова; отв. за вып. В. П. Панкрушина; Тул. обл. б-ка им. В. И. Ленина. — Тула: Ясногорск. тип., 1988. — 63 с.

23. Коммунистическое воспитание в процессе овладения основами наук: (рек. список лит.) / сост. Л. Л. Леонова. Тул. обл. б-ка им. В. И. Ленина, Справ.-библиогр. отд. — Тула, 1978. — 12 с.

24. Борьба за экономию и бережливость в промышленности — важнейшая народохозяйственная задача: (крат. список лит.) / Тул. обл. б-ка им. В. И. Ленина, Справ.-библиогр. отд. — Тула, 1971. — 15 с. — (Решения XXIV съезда КПСС — в жизнь!).

25. Агропромышленному комплексу — ускоренное развитие: рек. указ. лит. / ред. Л. С. Коптельцева. — Тула, 1988. — 23 с.

26. Их именами названы...: (рек. библиогр. указ. лит.) / сост. А. Д. Афанасова; Тул. обл. б-ка им. В. И. Ленина, Информ.-библиогр. отдел. — Тула, 1987. — 35 с.

27. Тула и область в Великой Отечественной войне: (библиогр. указ. лит. к 30-летию победы в Великой Отечественной войне Советского Союза в 1941–1945 гг.) / Тул. обл. б-ка им. В. И. Ленина; Спр.-библиогр. отд.; [сост. Г. А. Пилипенко; науч. ред. Е. Ивановский]. — Тула: Ясногорск. тип., 1975. — 162 с.

28. Природа Тульского края: рек. библиогр. указ. лит. / сост. Л. Л. Леонова, Л. С. Коптельцева; Тул. обл. б-ка им. В. И. Ленина, Информ.-библиогр. отд. — Тула, 1987. — 23 с.

29. Организация краеведческой и туристско-экскурсионной работы в школе: рек. библиогр. спис. лит. — Тула, 1984. — 11 с.

30. Старинные производства Тульского края: рек. указ. лит. / сост.: В. П. Полегаева, Г. А. Пилипенко; науч. ред. В. Н. Ашурков; отв. за вып. П. И. Сыч; Тульск. обл. отд-ние Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры, Тульск. обл. б-ка им. В. И. Ленина. — Тула, 1972. — 14 с.

31. Л. Н. Толстой и Тульский край: указ. лит. / сост. В. М. Руднев, авт. пред. Н. А. Милонов, отв. за вып. М. Б. Михановская; Тул. обл. б-ка им. В. И. Ленина. Справочно-библиогр. отд. Тул. обл. отд. Всерос. об-ва охраны памятников истории и культуры. — Тула, 1981. — 46 с.

32. В. А. Жуковский и Тульский край: 1783–1983: рек. указ. лит. / сост. В. М. Руднев; предисл. Н. А. Милонова; отв. ред. М. Б. Михановская; Тул. обл. б-ка им. В. И. Ленина, справ.-библиогр. отд., Тул. обл. отд-ние Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. — Тула, 1982 (Ясногор. тип.). — 12 с.

33. Андрей Тимофеевич Болотов: библиогр. указ. / Тульск. обл. б-ка, Информ.-библиогр. отд.; сост. А. Д. Афанасова. — Тула: Богород. тип., 1988. — 28 с.

34. Николай Яковлевич Москвин: библиогр. указ. / сост.: В. М. Руднев, Л. Н. Букрина; ред. А. Д. Афанасова; Тул. обл. б-ка им. В.И. Ленина, Тул. обл. краевед. музей. — Тула, 1990. — 16 с.

СОРОК ЛЕТ ПОКОЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ[1]

Наумова Галина Романовна, 72 года,
доктор исторических наук,
профессор исторического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова,
г. Москва

Галина Романовна Наумова, д.и.н., профессор, на конференции-презентации первой книги поколений «Мы помним...». Тула, 5 мая 2010 г.

Сорок лет покоя и социальной защищённости обеспечили нам наши отцы и матери. Примерно столько послевоенных лет было в среднем отведено военному поколению. На счету его представителей — не только Победа, но и неустанный, напряженный прижизненный труд. Многие из них вступили в сознательную жизнь еще до Великой Отечественной войны, но житейский и социальный опыт этих людей в довоенный период только закладывался.

Великая Отечественная война выработала в обществе новое отношение к жизни, к стране. Сложились новые понятия о сущности человеческого бытия, о значении и ценности индивидуального человеческого опыта. Именно военное поколение в послевоенный период и составило стержень социальной жизни страны. Многие из тех, кто родился до 1917 года, заканчивали церковно-приходские школы. В основном это были выходцы из крестьянской России. Наши учителя сказали бы, что они являли собой крестьянскую альтернативу российской истории.

Великая Отечественная привела к возникновению в стране новой генерации граждан. Основные свойства и черты людей этой генерации уходили корнями в ментальные структуры народного сознания. Так проявились забытые смыслы бытия Отечества. Люди оказались именно в той чрезвычайной ситуации, когда жизненные, нравственные уроки закреплялись в сознании, в общественной практике.

Участники войны в 1950–1960-х годах в своем большинстве были совсем молодыми, хотя и много повидавшими и испытавшими людьми.

---

[1] Продолжение. См.: *Наумова Г.Р., Никонов А.В.* Наши отцы // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю. М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2010. С. 183–191; Наумова Г. Р. Наше военное родословие / Мы помним... 1941. Ч. II (2012). С. 90–93.

Война потребовала от солдат и офицеров умения самостоятельно принимать сложные решения, готовности брать на себя ответственность. Это было «поколение победителей», людей отважных, преданных своей стране, которым чужды были интриги, «подковерные» методы мелочной борьбы.

Даже в наше время, когда в деятельный возраст вошли уже постсоветские поколения, в обществе известны и популярны имена Г. К. Жукова, И. С. Конева, К. К. Рокоссовского и других полководцев Великой Отечественной. Конечно, многие сегодня справедливо бьют тревогу в связи с тем, что молодежь плохо знает имена своих героических предков. Но это уже претензия к современной российской системе образования. Эти огрехи воспитания множат наш нравственный долг перед ветеранами.

Однако следует признать, что свою долю ответственности перед ветеранами несет и политическое руководство СССР. Приходится констатировать, что оно внесло свою лепту в кампанию дискредитации победителей в войне и своими действиями добавило седых волос ветеранам Второй мировой.

Прежде всего мы имеем в виду «развенчание» культа личности Сталина. Мы даже говорим не о самих этих решениях, а о формах и обстоятельствах, в которых это произошло, об их историческом и нравственном контексте. Ведь И. В. Сталин был Верховным Главнокомандующим все годы войны, руководил в это время страной и армией, и нелепые и злопыхательские утверждения Н. С. Хрущева о его якобы «невежестве» в военных вопросах, о том, что он, дескать, руководил Вооруженными Силами СССР «по глобусу», были унижением для участников войны, которые воевали в составе возглавляемых Верховным командующим Вооруженных Сил, получали от его имени награды, которые стоили им крови, а часто и самой жизни, и прекрасно знали, какие усилия армии и народа стоят за победой в Великой Отечественной войне.

Доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» был сделан на XX съезде КПСС, но за рамками съезда; он был зачитан 25 февраля 1956 г., после того, как съезд официально уже закончил свою работу. Повестка дня, известная делегатам, была исчерпана, и состоялись выборы нового состава ЦК КПСС. В тех же идеологических рамках, что и доклад, было выдержано опубликованное в июне 1956 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О преодолении культа личности и его последствий».

Большое недовольство общественности вызвал тот факт, что власти не решились опубликовать доклад Хрущева, а лишь знакомили членов партии с его содержанием. Более того, во время зачитывания доклада делегатам съезда не разрешалось делать никаких записей. Это воспринималось рядовыми коммунистами, в том числе военнослужащими, как нежелание партии говорить всю правду народу. Вместе с тем, содержание доклада начиная с марта 1956 г. подробно пересказывалось ведущими

средствами массовой информации стран Запада, а в июне 1956 г. текст доклада появился в печати в США: сначала на английском (на страницах «Нью-Йорк таймс»), а затем на русском языках. В то же время в СССР доклад впервые был официально опубликован лишь в 1989 г. «Разоблачение» культа личности Сталина, сопровождавшееся выносом тела Генералиссимуса из Мавзолея, вызвало в обществе много вопросов.

Ветераны войны как люди, видевшие и помнившие многое из нашей довоенной истории, не могли понять, почему за преступления большевиков ответил лишь Сталин. Ведь для очевидцев тех событий история преступлений 1920–1930-х годов против народа и государства была связана со многими другими именами, а «призвали» к посмертному ответу лишь Сталина, и это при том, что он-то хотя бы отчасти искупил преступления большевиков своим активным участием в достижении Победы. Более того, параллельно шла огульная реабилитация всех участников политических столкновений внутри партии и советского общества 1920–1930-х годов.

Кроме этой очевидной несправедливости «хрущевское» руководство предприняло и другие вполне реальные действия, направленные против советского офицерства, которые, по нашему мнению, можно охарактеризовать как прямую социальную провокацию. Второй раз в истории XX века русское офицерство было политиками поставлено в обстоятельства, когда оно вынуждено было стесняться своего военного мундира. Именно тогда в общественном сознании были размещены вредоносные споры неуважения к Победе и победителям. В период 1955–1960 гг. под лозунгом «экономии средств» СССР в одностороннем порядке проводит сокращения Вооруженных Сил. Так, в 1955–1958 гг. произошло первое сокращение Вооруженных Сил на треть (из армии были уволены почти 2 млн 140 тысяч солдат и офицеров). В январе 1960 г. Верховный Совет СССР без обсуждения утвердил Закон «О новом значительном сокращении Вооруженных Сил СССР». Из армии и флота были уволены еще до 1 миллиона 300 тысяч солдат и офицеров, что составляло почти треть от общей численности всех военнослужащих в СССР на то время. Сокращения были проведены без всяких расчетов и без учета интересов военнослужащих. Людям, большинство из которых прошли войну, часто не давали дослужить до нормальной пенсии и буквально выбрасывали на улицу. Офицерам, имевшим боевые награды и спасшим родину от фашизма, вполне серьезно предлагали ехать в деревню и работать свинарями и пастухами. То есть по существу начинать трудовую жизнь заново. Сколько тогда было поломано судеб ветеранов, освободивших мир от фашизма, сколько принесено страданий их семьям!

С этой же целью — «экономии», отказа от «милитаризма» — была уничтожена значительная часть надводных кораблей Военно-Морского Флота СССР и часть авиации. Все это было уничтожением матери-

ального и человеческого ресурса победоносной Советской Армии, совершавшееся на глазах советских воинов! Кстати, впоследствии нечто подобное было предпринято М. С. Горбачевым, принявшим политически, экономически и социально немотивированное решение о выводе советских войск из стран Восточной Европы, который был похож на бегство. Это послужило одним из слагаемых развала СССР и Организации Варшавского договора.

Реакцию на указанные действия властей со стороны ветеранов можно было предвидеть. Обстоятельства жизни этих людей, которые постоянно испытывались судьбой на честность перед окружающими и самими собой, развили в них нравственность: в отношении окружающих, друзей, фронтовых товарищей, но прежде всего — перед самими собой.

Эти и другие черты военного поколения дают нам право всех его представителей считать «отцами», «учителями», и в данном случае эти определения тождественны. Они, наши учителя, и были в известной степени нашими родителями. Так мы ощущали их и так же они ощущали нас. Ни в каком другом поколении мы, учившиеся в университете в 1960-х годах, не чувствовали так отчетливо это их к нам отношение, отношение, которое нас сопровождало по нашей жизни до тех пор, пока было живо и деятельно их поколение. И мы хорошо помним, что нравственность этих людей определяла результаты их деятельности, становилась основой принятия ими решений. Может быть потому, что они жили и трудились и за себя, и за нас, и за тех своих боевых товарищей, которым не дано было увидеть плоды Победы и иметь после Победы собственных детей и внуков. Их тогда было на историческом факультете большинство, и каждый из нас встречался с каждым из них ежедневно. С каждым именем связаны те или иные ассоциации. Вспоминаю М. Т. Белявского, который принимал у меня вступительные экзамены в МГУ. Тогда этим занимались не администраторы низшего звена, а профессора, заслуженные люди, которым было важно и интересно знать, какое пополнение приходит на факультет. Каждодневно помню И. Д. Ковальченко, И. А. Федосова, В. И. Злобина, А. М. Сахарова, Е. А. Бонди, А. К. Леонтьева, М. Е. Найдёнова, К. Г. Левыкина...

Черты военного поколения, о которых говорилось выше, были присущи всем его представителям, в чем мы, тогдашние студенты и аспиранты, неоднократно убеждались. Так, вспоминаю, насколько деликатно и в то же время принципиально решался вопрос качества студенческого состава факультета. Конкурс на бюджетные места в середине 1960-х годов составлял 10–12 чел. на место. Экзаменаторам и административной верхушке факультета надо было выбирать между теми, для кого при поступлении создавались условия наибольшего благоприятствования, и остальными. Мой курс начинался со 125 бюджетных мест. После первой зимней сессии он существенно вырос за счет дополнительных

бюджетных мест, выделенных для тех, кто по итогам вступительных экзаменов оказался на вечернем отделении. Так был найден выход, соблюдена социальная справедливость.

Мой отец Роман Кузьмич Наумов (1912–2003), провоевав с 30 ноября 1939 г. до мая 1945 г., вышел в отставку в конце 1950-х годов. При этом оказался в непростой жизненной ситуации. Государство признавало его право на получение жилья по месту его призыва в армию, то есть в г. Москве, но жильё предоставить не могло. Отец понимает, что реализация этого права потребует усилий. И он находит свой путь решения жилищного вопроса. Отец начинает трудиться внештатным инструктором Советского РК КПСС г. Москвы. Самый центр столицы с его многочисленными жилищными проблемами оказался в поле его внимания. По каждой жалобе граждан ему приходилось проводить детальное обследование, в том числе состояния жилищного фонда. По его итогам он составлял аналитические справки и выносил рекомендации. Разбирая архив отца, я выявила 320 рукописных справок за его подписью. Теперь они хранятся в моём архиве.

Берем буквально, что называется, «на удачу».

1. *«Секретарю Советского РК КПСС тов. Тужилкину И. М.*

Справка

По письму гр. Туманова А.А., прож. Лесная ул., 6/8 кв. 11, обратившегося в редакцию газеты «Московская правда» с просьбой об оказании помощи в улучшении жилищных условий.

Гр. Туманов с женой и 2-мя детьми в возрасте 6 и 14 лет занимает комнату 20 кв. м., расположенную в подвале 2-этажного старого кирпичного дома. Комната имеет 2 окна малых размеров, углубление в землю 2 м., потолок бетонный, высотой 2,2 м., стены сырые, пол гнилой, расположена рядом с котельной и имеет общий с ней вход. Комната к жизни непригодна. В квартире всего 4 комнаты, из них 2 комнаты свободные — жильцы были выселены в 1959 году. Уборной в квартире нет. На очереди, по улучшению жилищных условий, состоят с 1956 года и внесены в списки на получение комнаты в 1962 году.

Предложение: Учитывая непригодность комнаты к жилью, расположенность рядом с котельной с общим ходом с квартирой и очередности с 1956 года просить Райисполком ускорить переселение семьи гр. Туманова.

Внештатный инструктор РК КПСС /Наумов/»

Или еще другой документ.

2. *«Секретарю Советского РК КПСС тов. Кореневскому С.А.*

Справка

По заявлению гр. Башковой А.И., проживающей ул. Горького д. 41, кв. 87, обратившейся в Советский РК КПСС с просьбой о закреплении за ней занимаемой комнаты.

Гр. Башкова 1891 года — одиночка, занимает комнату пл. 5,62, принадлежащую гр. Синегубову Николаю Ивановичу — бывшему заместителю министра Путей сообщения. Гр. Синегубов имеет на 4-х человек еще 2 комнаты площадью 50 кв. метров. В 1946 году гр. Синегубов принял на работу гр. Башкову в свой персональный вагон на должность проводника-хозяйки и прописал в своей квартире, как дальнюю родственницу. В настоящее время гр. Синегубов и гр. Башкова — персональные пенсионеры. Гр. Башкова обращалась с просьбой к гр. Синегубову о закреплении за ней занимаемой комнаты пл. 5,62 кв. м., но последний ей в просьбе отказал.

Предложение: Учитывая длительное проживание гр. Башковой в занимаемой комнате и излишки жил. площади у гр. Синегубова. просить Райисполком о закреплении комнаты пл. 5,62 кв. м. за гр. Башковой.

Внешт. инстр. РК КПСС /Наумов/»

Ну, и еще один документ.

3. *«Секретарю Советского РК КПСС тов. Кирикову Н.А.*

Справка

По заявлению гр. Ершова Г.А., проживающего Б. Грузинская ул., д. 32, кв. 10, обратившегося в Советский РК КПСС с просьбой разобраться в деле гр. Жукова Н.А., проживавшего в этой же квартире и получившего незаконно инвалидность I группы и комнату.

Проверкой на месте установлено:

Гр. Жуков Николай Андреевич 1913 года рождения до 1939 года совместно с матерью Жуковой П.С. проживал Б. Конюшковский пер. д. 13, кв. 1 в комнате площадью 12 кв. метров на 1-м этаже 2-этажного кирпичного хорошего дома. В 1939 году по обмену переехал в подвал Б. Грузинская ул., д. 32, кв. 10.

5-го января 1950 года гр. Жуков Н.А. арестован и был осужден на 15 лет.

В июле м-це 1955 года из заключения прибыл.

В сентябре м-це 1957 года получил инвалидность первой группы.

С 1943 года по 1957 год гр. Жуков Н.А. получил пять паспортов.

В 1955 году гр. Жуков с женой и двумя детьми как члены семьи гр. Жуковой П.С. включены в список очередников для улучшения жилищных условий.

В марте м-це 1959 года гр. Жукова П.С. просит Райисполком предоставить жилплощадь невестке и сыну с двумя детьми с оставлением ее в подвале на прежней площади.

Решением Райисполкома № 18/12 от 22.4.59 года гр. Жуковой Екатерине Федоровне, ее мужу гр. Жукову Н.А. и на двух детей предоставлена комната площадью 26,46 кв. м. со снятием с учета гр. Жуковой П.С.

Таким образом гр. Жукова П.С. слепая и беспомощная, оставлена в подвале, а ее сын, гр. Жуков Н.А. как инвалид I группы получил комнату со всеми удобствами.

В настоящее время установлено, что гр. Жуков Н.А. не имел права на инвалидность I группы и выплата пенсии ему прекращена. О чем и сообщено гр. Ершову.

Вывод: Гр. Жуков Н.А., использовав инвалидность I группы, незаконно получил комнату, лишив возможность улучшить жилищные условия своей матери гр. Жуковой П.С., нуждающейся в постороннем присмотре, и создал исключительно тяжелые условия для жильцов кв. 10 по Б. Грузинской ул., которые вынуждены следить за действиями слепой женщины.

Просить Райисполком ордер, выданный на имя гр. Жуковой Е.Ф. аннулировать [и] выписать на имя гр. Жуковой П.С., которая числилась очередником района с 1955 года.

Внештатный инструктор РК КПСС /Наумов/
18 июня 1959 г.»

Из сохранившихся документов мы можем узнать, каково было состояние жилищного фонда центра Москвы в самом начале 1960-х годов, как, когда и кем заселялся центр столицы, какова была социальная практика распределения жилья и многое другое. Но для меня это в первую очередь документы о мировидении и нравственной позиции моего отца. Рассматривая непростые жизненные ситуации, он никогда не смотрел на людей сверху вниз. Каждая жилищная проблема становилась для него задачей, требующей решения, в первую очередь с позиции общей социальной и конкретной человеческой справедливости.

Он входит в положение людей, которые находятся в сложной жизненной и жилищной ситуации, и пытается соотнести это со своими моральными принципами. Так, в первом документе он сам, без всяких комиссий берет на себя ответственность определить комнату, в которой проживает семья из четырех человек, как непригодную для прожива-

Ольга Кузьминична Наумова (1922–2005)

Три сестры (слева-направо): Людмила, Галина, Римма

Роман Кузьмич Наумов (1912–2003)

ния, и прямо пишет об этом. Из второго документа становится ясно: он видит, что женщина была прописана на жилплощади руководящим работником, по существу, в роли прислуги, которую с определенного времени решили уволить, выгнав человека буквально «на улицу». Ну, а в третьем из приведенных документов он, как видим, приходит к выводу, что сама пожилая женщина была инициатором выделения комнаты ее сыну с семьей, и он мог бы со спокойной совестью «закрыть» этот вопрос. Но он посчитал, что ее родственники совершили аморальный поступок, оставив пожилую слепую женщину в комнате без удобств и отказавшись от ухода за ней. Это все — решения не формальные, это — решения «по совести».

Я думаю, что и для себя он добровольно взял внутренний урок, даже решусь сказать — «зарок». Свой собственный жилищный вопрос он решил только тогда, когда поддержал какое-то число очередников, нуждавшихся, как и он сам, в решении квартирного вопроса. Характерно, что, получая квартиру для своей семьи, он отказался от предложенной ему 3-комнатной квартиры на Миусах и вселился с семьёй из 5 человек в квартиру из 2-х комнат.

Мы, как дети «поколения победителей», жили, а во многом и до сих пор живём в духовно-нравственном пространстве наших родителей. Им принадлежит целая эпоха в истории России, в которую они трудились и воевали. И сущность, результаты этой деятельности не надо отрывать от личных, человеческих качеств и усилий, приписывать политикам, идеологам, разным обновленцам и реформаторам.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ВОЕННОЙ МАСКИРОВКИ И БРИГАДА «ИЗО-АГИТ» В БИОГРАФИИ ХУДОЖНИКА Н. Г. ТИХОНОВА

Обухов Николай Федорович, 72 года,
инженер, выпускник МАИ,
писатель, пенсионер, ветеран труда,
г. Москва

Мой дедушка, Николай Георгиевич Тихонов (1892–1988), родом из подмосковного сельца Вербилки, знаменитого одной из старейших фарфоровых фабрик России.

В 1916 г. он с отличием окончил Императорское Строгановское Центральное художественно-промышленное училище по специальности «Художник по прикладному искусству» со званием «Ученый рисовальщик» и всю свою долгую жизнь посвятил беззаветному служению изобразительному искусству и педагогике в России [1]. Он не только творил прекрасное, но и трижды защищал свое Отечество, отдав воинской службе около десяти лет своей насыщенной событиями жизни.

Я хочу рассказать сначала более подробно о втором призыве дедушки в армию, когда бывший прапорщик, командир взвода, воевавший в царской армии на Юго-Западном фронте в Галиции, был мобилизован в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА) и направлен в качестве прикомандированного войскового художника-маскировщика в Высшую школу военной маскировки (ВШВМ).

Призыв в РККА

ВШВМ входила в состав Главного управления военно-учебных заведений (ГУВУЗ) РККА. Она была открыта в 1918 г. в Москве и сыграла важную роль в развитии военно-маскировочного дела и подготовке войсковых маскировщиков различного уровня. Одним из направлений ее деятельности было исследование и применение опыта Первой мировой войны в области маскировки и организации маскировочных работ.

Непосредственное участие в организации школы принимали бывшие офицеры царской армии, братья Николай и Алексей Сучковы, которые с 1914 г. служили под руководством К. И. Величко, известного русского и советского военного инженера [2]. Прообразом ВШВМ стала организованная братьями Сучковыми еще в 1916 г. школа военной маскировки, успешно действовавшая до конца 1917 г.

В Российском государственном военном архиве (РГВА) удалось найти данные о службе Н.Г. Тихонова в РККА в «Краткой записке о службе вой-

ского художника в Высшей Школе Военной Маскировки» и учетной карточке воинского билета № 13333, датированных 13 августа 1923 г.

Из записки следует, что дедушка был мобилизован в РККА 5 сентября 1919 г. и поступил в ВШВМ в должности командира взвода [3].

В дальнейших хитросплетениях военной и художнической судьбы Николая Георгиевича помогут разобраться документы из его личного архива.

18 сентября 1919 г. он получил в ВШВМ удостоверение за № 6662/с:

«Дано сие от Высшей Школы Военной Маскировки Рабоче-Крестьянской Красной Армии тов. Тихонову Николаю Георгиевичу в том, что он состоит в прикомандировании к названной Школе, что подписью и приложением печати удостоверяется».

Через две с половиной недели он направляется на Западный фронт для выполнения заданий по маскировке, о чем гласит удостоверение № 17020/с от 6 октября 1919 г.:

«Дано сие от Высшей Школы Военной Маскировки Рабоче-Крестьянской Красной Армии тов. Тихонову в том, что он действительно командирован в распоряжение командира I-ой Отдельной Маскроты на Запфронт, что подписью и приложением печати удостоверяется».

16 ноября 1919 г. он получает в родных Вербилках уникальный по содержанию документ, во многом решивший его дальнейшую судьбу. Бюро Вербилковской ячейки Российской коммунистической партии большевиков выдает ему удостоверение № 12:

«Вербилковская ячейка РКП /б/ рекомендует т. Тихонова Николая Георгиевича как честного и активного работника и стоящего на платформе Советской Власти» [4].

Это была своего рода партийная характеристика на молодого беспартийного художника, бывшего младшего офицера царской армии Николая Тихонова, которая позволила ему принять непосредственное участие в невиданном в те суровые времена эксперименте молодой Советской республики в области агитации и пропаганды.

В упомянутой Краткой записке, хранящейся в РГВА, сказано, что 2 декабря 1919 г. он был откомандирован в Агитационно-Инструкторский Отдел Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов РСФСР, где и работал до демобилизации в 1922 г. [3].

Весьма интересно еще одно удостоверение, выданное Отделением подвижных складов Военного отдела Издательства ЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов РСФСР № 271 от 17 декабря 1919 г. для представления в Военно-Технический Комитет:

«Дано сие художнику Николаю Георгиевичу Тихонову для представления в Военно-Технический Комиссариат в том, что он является незаменимым специалистом по росписи Литературно-Агитационных поездов Военного Отдела Издательства ЦИК, отправляемых на фронт.

Член Коллегии Военного Отдела Издательства ЦИК Я. Буров» [4].

Отмечу весьма интересный факт. В прямоугольном штампе этого удостоверения местопребыванием Отделения подвижных складов обозначен московский 2-й Дом советов, расположенный в гостинице «Метрополь» в квартире № 16.

Агитпарпоезда

Еще до призыва в РККА дедушка начал преподавать (с ноября 1918 г.) рисование в 1-й и 3-й советских трудовых школах 1-й ступени, а в начале 1919 г. он назначается учителем в 11-ю (бывшую Мариинскую) и 22-ю (бывшую Неглинную) советские трудовые школы 1-й ступени.

Одновременно он разрабатывает эскизы и делает росписи агитационных плакатов на Ярославской железной дороге по заданию Агитационно-Инструкторского Отдела ВЦИК. К этой работе его привлёк художник И. И. Нивинский, в прошлом выпускник и преподаватель Строгановского училища, близкий друг старшего брата Сергея [5].

Дедушка работал с художником Нивинским еще в 1915–1917 гг. на росписи залов строящегося в то время нового здания Брянского (впоследствии — Киевского) вокзала Москвы.

В 1918 г. И. И. Нивинский стал заведующим Художественного подотдела Отдела Агитпарпоездов ВЦИК и предложил Николаю Георгиевичу вступить в формируемую бригаду художников-реалистов «Изо-Агит». Бригада должна была принять участие в разработке и оформлении агитационно-инструкторских пароходов и поездов, поскольку первый опыт создания литературно-инструкторского поезда «Имени В. И. Ленина № 1» в 1918 г. оказался не совсем удачным из-за его чрезмерной футуристичности и отвлеченно-символических условных изображений [6].

С первых дней своего существования молодая Советская республика придавала огромное значение массовой агитационно-пропагандистской и просветительской работе, в том числе уникальному проекту по созданию агитационных пароходов и поездов. Положение об агитпарпоездах было разработано и утверждено при непосредственном участии В. И. Ленина в начале 1919 г. В народе их быстро стали называть «ВЦИКом на колесах».

Для обеспечения их бесперебойного функционирования был создан Отдел агитпарпоездов ВЦИК, который возглавил Я.И. Буров, матрос с крейсера «Аврора», большевик, активный участник Октябрьской революции, член ВЦИК. Он имел исключительное право напрямую обращаться по всем вопросам к председателю Совета народных комиссаров РСФСР (СНК) товарищу В. И. Ленину.

В работе агитпарпоездов активное и непосредственное участие принимали видные государственные и партийные работники М. И. Калинин, Н. К. Крупская, Я. М. Свердлов, А. В. Луначарский, Г. И. Петровский, М. Ф. Владимирский, М. С. Ольминский и Н. А. Семашко.

Уже в 1920 г. был выпущен сборник статей «Агитпарпоезда В.Ц.И.К. Их история, аппарат, методы и формы работы». В нем были подробно рассмотрены первые результаты их деятельности [7]. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) хранится объемный фонд Р-1252 «Агитационно-инструкторские поезда и пароходы Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. 1918–1922» [8], включающий самые различные материалы по данному вопросу.

В январе 1919 г. Президиум ВЦИК утвердил положение о литературно-инструкторских поездах, в соответствии с которым поезд или пароход возглавлял комиссар, назначавшийся Президиумом ВЦИК. В состав каждого поезда или парохода входили основные органы: политотдел (лекторы и инструкторы), бюро жалоб, редакция, типография, киноустановка. Работали также отделы: информационный, Российского телеграфного агентства (РОСТА), кино, выставочный, имелись литературный склад и книжный магазин. Охрану поезда или парохода осуществляла комендатура. Каждый агитпоезд и агитпароход имел свое нарядно вышитое знамя [7].

Для руководства деятельностью агитпарпоездов Президиум ВЦИК создал Комиссию по управлению агитпоездами и пароходами ВЦИК. В ее подчинении было восемь агитационно-инструкторских поездов и три агитационно-инструкторских парохода. Дедушка принимал самое активное участие в оформлении большинства из них: агитпоездов «Красный Казак», «Советский Кавказ», имени В.И. Ленина, «Украинский агитпоезд имени В.И. Ленина», «Октябрьская революция», «Красный Восток», имени Якова Свердлова, 2-го поезда «Октябрьская революция» и агитпароходов «ВЦИК» и «Красная звезда».

Вместе с ним работали его старший брат С.Е. Тихонов и однокашник по Строгановскому училищу А.И. Гущин.

О том, что дедушка начал трудиться в Отделе Агитационно-Инструкторских парпоездов ВЦИК как комвзвода ВШВМ ГУВУЗ РККА, свидетельствует удостоверение № 6336 от 3 апреля 1920 года:

«Дано сие художнику Высшей Школы Военной Маскировки Рабоче-Крестьянской Красной Армии тов. Н.Г. Тихонову, прикомандированному к Отделу Агитационно-Инструкторских парпоездов ВЦИК, в том, что он работает по декоративной росписи Агитационно-Инструкторских поездов ВЦИК» [4].

Очень наглядно и необычайно интересно процесс художественного создания агитпарпоездов рассмотрен в двухтомнике «Агитмассовое искусство Советской России. Материалы и документы: Агитпоезда, агитпароходы. Передвижной театр. Политический плакат 1918–1932», изданном в 2002 году.

В первом томе этого издания представлены систематизированные архивные документы и материалы первого пятнадцатилетия Советской

власти по данной тематике. И, самое главное, здесь приведены воспоминания участников и свидетелей тех далеких событий.

Второй том содержит уникальный и богатейший иллюстративный материал (архивные фотографии и плакатные работы) того периода, касающийся, в том числе, и агитпарпоездов.

Интересующие нас документы помещены в первом томе в разделе 1 «Роспись агитпоездов и агитпароходов. Передвижной театр. Материалы и документы. 1918–1932». Здесь приводится выписка «Из протокола заседания Союза деятелей подсекции художников-прикладников по искусству и художественной промышленности об утверждении списка художников, участвовавших в росписи поезда «Красный Восток» от 29 октября 1919, где указаны фамилии 8 художников: 1. Виноградов, 2. Гущин, 3. Тихонов, 4. Якимченко, 5. Сапалов, 6. Соборова, 7. Овешников, 8. Н. Панков [6, с. 53].

И нас интересуют приведенные воспоминания Н.Е. Тихонова о работе коллектива художников «Изо-Агит». Вот они:

«По росписи агитпоездов я начал работать в 1919 г. с коллективом Изо-Агит в железнодорожных мастерских в Мытищах. В коллектив входили разнообразные художники: живописцы, графики, прикладники, бывшие иконописцы. Маркичев М.А. кончил Академию художеств; Герасимов С.В., Пичугин С.И., Поманский Н.Н., Тихонов С.Е. — школу Живописи, Ваяния и Зодчества; Бельский А.П., Виноградов В.М., Гущин А.И., Кочергин Н.М., Нивинский И.И., Пашков Н.П., Сапалов Н.И., Тихонов Н.Е. — Строгановское училище; Глазунов А.А., Гусев Т.В. — бывшие иконописцы.

Несмотря на это, коллектив под руководством Нивинского И.И. работал дружно. Все помогали друг другу. Эскизы просматривались и обсуждались всем коллективом, исправлялись перед тем, как представлялись в отдел ВЦИК.

Выполненная по эскизам на вагонах роспись перед сдачей ее комиссии также коллективно обсуждалась, и вносились поправки в нее.

Замечания и указания по работе каждого художника руководитель Нивинский И.И. всегда делал в корректной, доброжелательной форме. Он следил за тем, чтобы получаемые нами от отдела, порой довольно подробно разработанные сценарии росписи, были выполнены декоративно и художественно, хорошо были видны на расстоянии и были понятны народу. Он допускал и условный, и реалистический подход в изображениях, но чтобы была сохранена целостность решения всего поезда. Сюжетно-тематические росписи чередовались с орнаментальными.

Роспись производилась масляными красками. Вместо палитр были большие железные противни, которые ставили рядом с собой. Многие краски, которыми работали (особенно киноварь красная), быстро выгорали во время рейса поезда.

Все красные знамена, по возвращении поезда из рейса, делались грязно-серыми.

Работать приходилось в очень трудных условиях. Тяжелое положение всей страны: голод, разруха. Зимой мастерские не отапливались, температура была в них как на улице.

Хотя и получали мы паек, но все равно всегда были полуголодные. Работали в пальто, в валенках и даже в перчатках, когда было очень холодно.

Сроки для выполнения давались очень сжатые. На эскизы примерно неделя, каждому художнику на каждую стенку вагона отдел давал довольно подробно разработанный сценарий того, что и как нужно было изобразить для решения темы. Приходилось все рисовать от себя и в такие короткие сроки, а в каждую композицию кроме орнаментальных входили фигуры людей, животных, пейзаж. Натурой пользоваться не было возможности. Вполне понятно, что довольно часто в росписи вагонов можно было увидеть недостатки в рисунке: нарушение пропорций и перспективы. Герасимов С.В. добродушно высмеивал такие недостатки...». Но, как следует из дальнейшего текста, высмеивал весьма тонко, интеллигентно. Далее дедушка описывает, как С.В. Герасимов рассказывал сон, в котором ожили их уродливые животные с росписи вагонов [6, с. 53–54].

Со всеми художниками заключались договоры на производство работ с указанием вознаграждения за их выполнение и с особыми условиями производства работ. Так, в примечании к «Договору заведующего агитационно-инструкторским отделом парпоездов ВЦИК Я.И. Бурова с художником И.И. Нивинским на роспись агитпоезда «Красный Казак», датированному 12 февраля 1920 г., дается следующее пояснение:

«Во всех договорах каждым из художников было обусловлено:

«Работы будут производиться в Курских ж.д. мастерских при 5–7 градусов тепла, и мне будет ежедневно в дни моей работы выдаваться: обед из 2 блюд, ужин из 2 блюд, или одного в двойной порции до полной сытости, хлеба 1 ½ ф., заварка чая, 6 золотников сахара и еженедельно ¼ ф. табаку».

(см. ГАРФ. Ф.1252, оп. 1, д. 182, л. 8 об., 13–53)» [6, с. 59].

Интересна своим лаконизмом и незатейливыми выражениями выдержка из документа под названием «Из протокола совещания агитационно-инструкторского отдела парпоездов ВЦИК с художниками по рассмотрению эскизов агитпоездов «Красный Кавказ» и имени В.И. Ленина («Октябрьская революция»)», датированного не ранее 16 апреля 1920 г. В документе содержится таблица с замечаниями жюри по каждой из работ художников. По эскизу № 15 «Телефон» Тихонова записано: «Принято, лозунг сделать внизу, провода выше окон. Бабу убрать» [6, с. 70].

В следующем отрывке видно, как скрупулезно и предметно разбиралась выполняемая художниками работа: «По эскизу 16 апреля 1920 г.: «Телефон в городе показать старой системы на светлом столе. На рабочего надеть австрийскую куртку, хорошие сапоги. Изобразить вид фабрики в окно, хорошую обстановку комнаты. Провод должен идти ярко и отчетливо, резко бросаясь в глаза. Дерево убрать, переставить старика в левый угол избы. Орнамент уничтожить, заменить другим, общим для всех вагонов».

После исправления эскиза от 16 апреля 1920 г. в протоколе записано: «Эскиз принимается. Фигура рабочего худая. Инструменты должны соответствовать действительности».

И, наконец, 18 мая 1920 г. внесено последнее замечание: «В надписях переставить двоеточие, переписать пыли от автомобиля сзади» [6, с. 76].

Для поощрения художников в те голодные годы ВЦИК была предусмотрена выдача премий в натуральном выражении за хорошую и ударную работу. Это демонстрирует «Договор агитационно-инструкторского отдела парпоездов ВЦИК с художником Н.П. Пашковым о росписи «Украинского агитпоезда имени В.И. Ленина», заключенный не ранее 21 июля 1920 г.:

«Отдел инстр[укторско]-агитационных поездов ВЦИК заключает настоящий договор с коллективом художников «Изо-Агит» в лице его председателя, художника Н.П. Пашкова, в следующем:

<...> 4. Работы будут производиться в Харьковских [железнодорожных] мастерских, и во время работы будут для коллектива выдаваться обеды из двух блюд, ужины из двух блюд, хлеба 1 ½ ф., 3 заварки чая, сахар и табак по поездной норме сотрудников.

<...> 7. Художникам-исполнителям гарантируется проезд по железной дороге туда и обратно со спальным местом за счет отдела.

<...> 9. Помимо денежного вознаграждения коллектив за срочность работы получает от отдела паек на всех участников работы, в количестве на каждого: муки 1 пуд пшеничной крупного размола, 10 ф. круп, 20 ф. фруктов, 5 ф. сахара, 250 шт. папирос, 2 ф. жиров, 1 ф. мыла, 2 ф. соли и 5 коробок спичек.

Вследствие невозможности получения на месте жиров, мыла, соли и спичек таковые предметы выдаются отделом по приезде художников из командировки.

10. К поданной отделу смете коллективом «Изо-Агит» прибавляется при условии подтверждения Всерабисом[1] 30% прибавка к общей сумме сметы за отъезд из Москвы и работу вне Москвы, в г. Харькове.

11. По присуждению жюри могут быть индивидуальные премии за художественное исполнение работ по объявленной отдельной норме:

1 премия — 30 ф. муки, 6 ф. рыбы, 2 ф. соли.

2 премия — 15 ф. муки, 3 ф. рыбы, 1 ф. соли.

Примечание. Премии должны быть выданы отделом в Москве.

[1] Всерабис — Всесоюзный профессиональный союз работников искусств. — Прим.ред.

Заведующий отделом инструкторско-агитационных
поездов ВЦИК Я. Буров
Зав. художественным подотделом А. Пекелис
Председатель коллектива художников «Изо-Агит» Пашков
ГАРФ. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 115. Л. 26 Подлинник» [6, с. 83–84].

Напомню, что по «Положению о мерах и весах 1899 года» эталон русского фунта в метрической системе мер был равен 0,4095 кг, а 1 золотник — 4,266 г. В пересчете премированный художник мог получить около 12 кг муки, 2,5 кг рыбы и 0,8 кг соли [1].

Для эпохи гражданской войны и военного коммунизма в России это было целое состояние, которое было больше месячного пайка по первой категории карточного снабжения рабочих оборонных предприятий, занятых тяжелым физическим трудом, и рабочих-транспортников.

В примечаниях к документу «Из отчета заведующего агитационно-инструкторским отделом парпоездов ВЦИК Я. И. Бурова по осмотру чехословацкой делегацией агитпоездов «Красное Знамя» и «Советский Кавказ»» от 26 октября 1920 г. указано, что жюри по результатам работы на агитпоезде «Красное Знамя» постановило выдать всем художникам премию. Среди них был и Н. Е. Тихонов, который за роспись вагона № 1311а получил одну вторую премию [6, с. 100].

Весь коллектив художников «Изо-Агит» немало потрудился над созданием художественно-декоративного оформления и росписи агитпарпоездов и сделал очень многое для обеспечения их устойчивой и бесперебойной работы.

Свою лепту в это дело внес и мой дедушка Н. Е. Тихонов, работая творчески, с полной отдачей сил, ответственно подходя к выполнению любого порученного ему задания.

В составе бригады художников «Изо-Агит» он оформлял различные революционные празднества в Москве до 1925 года.

О значении агитпоездов

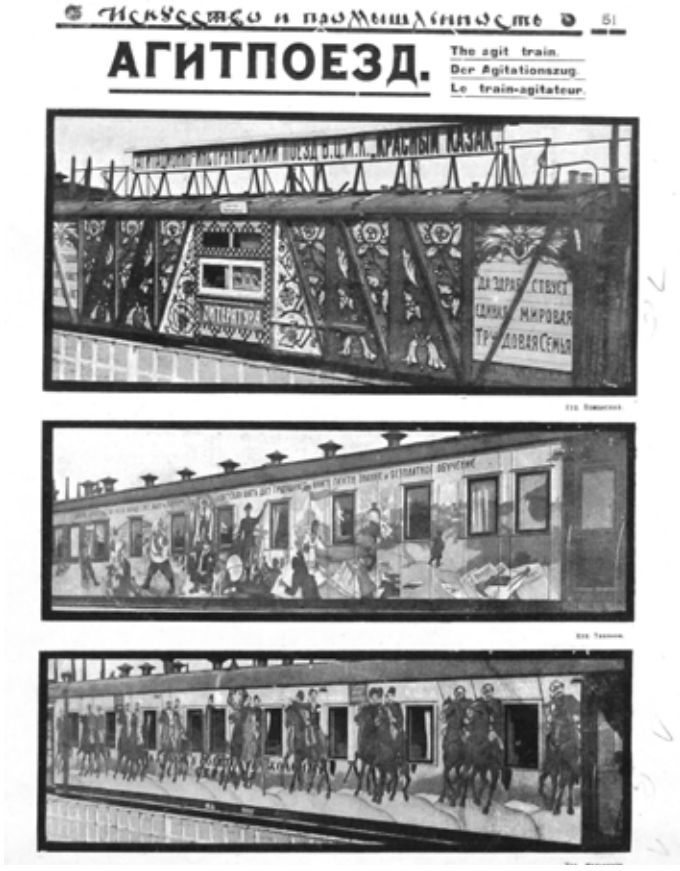
В 1924 г. в журнале «Искусство и Промышленность» № 1 была опубликована статья «Агитпоезд», где говорилось:

«В истории плаката, который впервые в советских руках приобрел такое важное агитационное значение, агитационные поезда были самыми яркими достижениями.

Плакат никогда не поднимался на большую высоту: целые поезда превращались в живые, пробегающие тысячи верст, плакаты.

Расписывались и превращались с виду в драгоценные ларцы даже товарные вагоны.

Приходил на какую-нибудь захолустную станцию такой сказочно-расписанный поезд и сразу вносил праздничное оживление.

Фотоснимки из журнала «Искусство и промышленность». 1924. № 1. С. 51. Оформление вагонов агитпоезда «Красный Казак». Надпись на первом вагоне (сверху): «Литература», правее: «Да здравствует единая мировая трудовая семья». Худ. Поманский. Фрагмент надписи на втором вагоне: «Советская власть дает трудящимся книгу, газету, знание и безплатное обучение». Худ. Тихонов

Все население сбегалось и до мельчайших подробностей изучало все детали подписи и росписи.

<...> Повторяем: в истории прикладной живописи агитпоезд яркое, небывалое в целом свете явление.

Советский плакат получил невероятную динамичность.

Кроме поездов в плакаты превращались и пароходы... » [10, с. 51–54].

Отмечу еще один примечательный факт. Когда в сентябре 1922 г. дедушка демобилизуется из РККА, то в его учетно-воинском билете № 7340/7060 делается следующая запись: «Уволен в бессрочный отпуск».

Однако офицер запаса, военный маскировщик Н. Г. Тихонов будет еще не раз привлекаться к выполнению различных армейских работ.

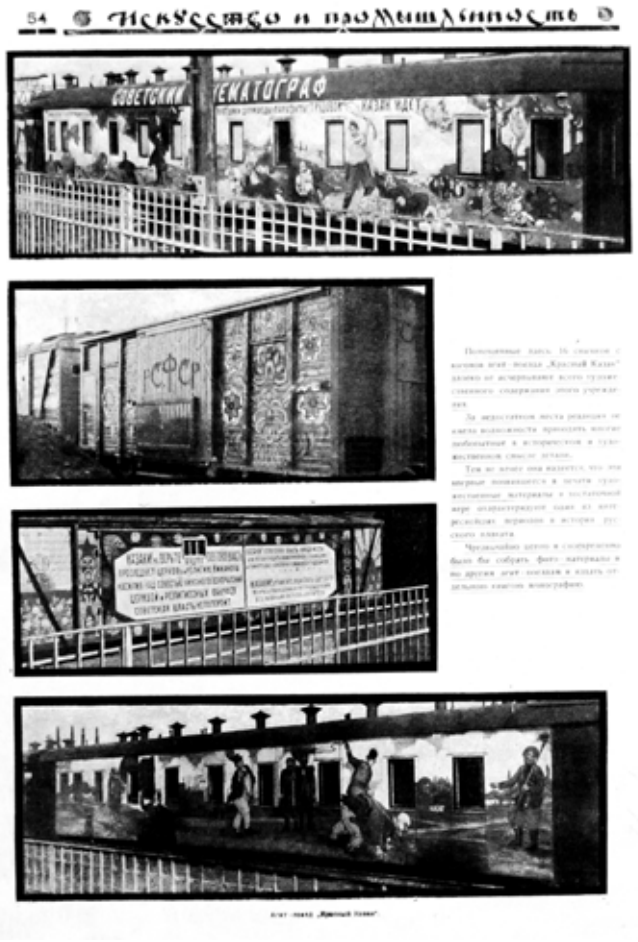
Вот, например, выписка из приказа № 147 от 27 августа 1934 г. по I-му Отдельному Маскировочному батальону (Нахабино):

«...§ 3. Командирам запаса т. т. Домшлак, Семину, Тихонову и Дмитриеву за добросовестное отношение к проектированию спец. заданий объявляю от лица службы благодарность.

Командир батальона Скляр

Врид. Комиссара батальона Пчелинцев

Начальник штаба Ясин» [4].

Фотоснимки из журнала «Искусство и промышленность». 1924. № 1. С. 54. Надпись (слева) на третьем (сверху) вагоне: «Казаки! Не верьте будто Советская Власть преследует церковь и религию. Никакого насилия над совестью, никакого оскорбления церквей и религиозных обычаев Советская Власть не потерпит»

Деятельность в Великую Отечественную и после нее

В жестокую годину Великой Отечественной войны Н.Г. Тихонов, как верный сын и патриот своей Отчизны, в декабре 1941 г. добровольцем вступает в ряды Красной Армии и в возрасте 49 лет становится курсантом на Курсах усовершенствования командного состава Инженерных Войск Красной Армии в звании командира взвода.

После окончания курсов он в звании инженер-капитана направляется в Кострому в Отдельный учебный батальон резерва офицерского состава на должность старшего преподавателя военной топографии и смежных дисциплин.

Н. Г. Тихонов демобилизуется из инженерных войск Красной Армии в сентябре 1944 года.

В декабре 1952 года дедушка был снят с военного учета со званием «Инженер-капитан в отставке» по причине достижения предельного возраста.

Отмечу в заключение, что дедушка прослужил в Красной Армии без малого три года, но он не считался участником Великой Отечественной войны! И это можно смело отнести к парадоксам того непростого времени. В его военном билете офицера запаса ВС СССР № 30905 в разделе IV «Участие в Великой Отечественной войне с Германией и в войне с Японией» было записано: «Не участвовал».

При этом в 1946 году он был награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». А в удостоверении Н № 023235 к последней записано, что инженер-капитан Тихонов Н. Г. награжден медалью за участие в Великой Отечественной войне.

Как бы участвовал, а вроде бы и нет — умопомрачительная ситуация!

Справедливости ради отмечу, что до конца жизни дедушка исправно получал каждые десять лет юбилейные медали ко Дню Победы в Великой Отечественной войне.

С 1945 г. Н. Г. Тихонов — член Союза художников РСФСР и СССР, Художественных фондов РСФСР и СССР, плодотворно работал в МОСХ, долгие годы был членом Художественного и ученого советов Научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП).

До 1982 г. принимал участие в художественных выставках (кстати, за работы в области народного прикладного искусства получил золотую и бронзовую медали еще на Международной Парижской выставке современных декоративных и промышленных искусств 1925 г.).

Свою педагогическую деятельность, начатую в далеком 1915 г. во время учебы в Строгановском училище, Н. Г. Тихонов продолжал до 1971 г. Он был одним из основателей МХПУ им. М. И. Калинина, преподавал композицию и другие ИЗО-дисциплины в Московском институте

прикладного и декоративного искусства и в Московском технологическом институте.

Живопись истинного приверженца русского народного искусства Н. Г. Тихонова привлекает свежестью, искренностью, жизнелюбием. Его краски, кажется, из самой природы. Он разводил много цветов и любил изображать их, подчас писал прямо из открытого окна или в саду.

Одинаково мастерски использовал темперу, гуашь, акварель, смешанную технику, карандаш, тушь и масло.

К сожалению, дедушка редко датировал свои произведения, а еще реже подписывал их, работая в свое удовольствие и часто просто «в стол».

Н. Г. Тихонов прожил 96 лет. Но и в самых последних его произведениях не отыскать признаков старости — его картины так же проникнуты оптимизмом и жизнелюбием, трогательными чувствами и трепетным отношением к родной природе, любовью к малой родине.

Литература и источники

1. *Обухов Н.Ф.* Помни предков своих. Художник Н. Г. Тихонов. Хроника жизни и творчества. М.: Издательский дом «Сталинград», 2015.

2. Командиры Красной Армии. Командный состав Р.К.К.А. в межвоенный период. Командиры Красной Армии. URL: https://eugend.livejournal.com/22606.html (дата обращения: 15.12.18).

3. РГВА, Ф. 37976 (Коллекция послужных списков и личных дел на командно-начальствующий и политический состав РККА), Оп. 7, Ед. хр. 5872.

4. Архив личных документов Н. Г. Тихонова, частное собрание, г. Москва.

5. *Исаев П. Н.* Строгановка (Императорское Строгановское Центральное художественно-промышленное училище). 1825–1918: Библиографический словарь. — Т. 2 / Под общей редакцией В. Ф. Шевченко. — М.: Лабиринт, 2007.

6. Агитмассовое искусство Советской России. Материалы и документы: Агитпоезда, агитпароходы. Передвижной театр. Политический плакат 1918–1932. — В 2-х тт. Т 1. / Под ред. В. П. Толстого; авт.-сост. И. М. Бибикова, Н. И. Бабурина, Н. И. Левченко. — М.: Изд. дом «Искусство», 2002.

7. Агитпарпоезда В.Ц.И.К. Их история, аппарат, методы и формы работы // Сборник статей под редакцией В. Карпинского. — М.: Государственное издательство, 1920.

8. ГАРФ. Ф. Р-1252 («Агитационно-инструкторские поезда и пароходы Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. 1918–1922»). Оп.1.

9. Агитпоезд // Искусство и Промышленность. 1924. № 1. С. 51–54.

МУЗЫКА ПАМЯТИ

Семенова Любовь Александровна, 67 лет,
инженер, выпускница Московского института электронного машиностроения,
супруга музыканта-гитариста, композитора В. К. Семенова,
г. Москва

Любовь Александровна Семенова.
Фотография 1969 года

Родилась я в Москве в 1952 году. Мой отец Александр Павлович — фронтовик. Дедушка, Павел Арсентьевич, приехал в Москву из Орловской области еще в 1930-е годы. Дедушка и бабушка по линии мамы, Анны Семеновны, жили в деревне в Тульской области. Каждое лето нас с сестрой Светланой и двоюродной сестрой Надей отвозили туда. Мы отдыхали и помогали по хозяйству. Много гуляли. Места там красивые, рядом — Куликово поле.

В Москве до 1963 года мы жили в коммунальных квартирах. В школе я хорошо училась и одно время даже мечтала стать учительницей. Любила заниматься спортом и участвовала в соревнованиях. Ходили на демонстрации. Тогда популярными были песни о Кубе, и мы их бодро пели, маршируя. Недавно пересматривала концерты Александры Пахмутовой, и песня «Куба — любовь моя» в исполнении Муслима Магомаева навеяла мысли о детстве. Интересно, что у моей подруги Ларисы Школьниковой во многом схожие воспоминания.

Еще одно школьное увлечение — походы в театр. Были и в театре Юного зрителя, и в театре Советской Армии. Особенно запомнился спектакль «Солдат и Ева» с Федором Чеханковым и Ларисой Голубкиной. Во МХАТе сильное впечатление на меня произвела «Анна Каренина».

После школы пробовала поступить в Московский энергетический институт, который располагался на Красноказарменной улице. Главный учебный корпус МЭИ с торжественными колоннами казался таким внушительным, монументальным.

К сожалению, мне не довелось здесь учиться. Не смогла сдать экзамен по физике. Но район мне нравился, и я туда приезжала, чтобы погулять в Лефортовском парке, полюбоваться Екатерининским дворцом, почувствовать особую атмосферу места. Здесь сохранились «красные казармы» — здания бывших кадетских корпусов (двух служебных корпусов Екатерининского дворца и Лефортовских казарм), выстроенных из красного кирпича.

На первомайской демонстрации. Москва. Сер. 1980-х годов

Вскоре я стала работать в лаборатории Всесоюзного научно-исследовательского института оптико-физических измерений (ВНИИОФИ). Институт располагался в то время на улице Рождественка. Помню высокую, красивую колокольню Рождественского монастыря, который был напротив. В корпусах закрытого монастыря находились административные службы нашего института. После возрождения церковной жизни я не раз здесь бывала. Было волнительно стоять под сводами древнего собора Рождества Пресвятой Богородицы и вспоминать прошлое.

Работая в лаборатории института на технической должности, я поняла, что мне необходимо учиться. И поступила с хорошими результатами на вечернее отделение Московского института электронного машиностроения (в Большом Вузовском переулке). Сейчас переулку вернули историческое название — Большой Трехсвятительский. Училась 7 лет (с академическим перерывом) на факультете автоматики и телемеханики. Моя подруга, Юлия Каплун, училась на факультете вычислительной техники. Впоследствии, в 1990-е годы, когда она эмигрировала в США, то ее образование позволило получить хорошую профессию. Диплом не только был признан, но и засчитан как магистерский (поскольку обучение длилось 6 лет), оценки за гуманитарные предметы также сыграли положительную роль.

В нашем институте на первом этаже размещались одни из первых компьютеров в нашей стране. Они были так огромны, что занимали целую комнату и страшно гудели.

Помимо работы и учебы, мы, как было приняло в советское время, летом ездили помогать совхозу. Одни трудились на току, другие — на покосе. По осени ездили собирать турнепс, свеклу, морковь. Было весело и дружно.

В это время я познакомилась со своим будущим мужем Вячеславом Семеновым. Талантливый музыкант-гитарист, композитор. Он работал в ВИА «Коробейники», «Надежда», в оркестре под управлением Анатолия Кролла. А. Кролл — очень яркая личность в джазовом мире. В 1960-е годы он создал молодежный джаз-оркестр при Тульской филармонии. Благодаря этому Тула, как кто-то отметил, стала «негласной столицей джаза». А потом в Москве Кролл создал оркестр «Современник», где и играл Слава несколько лет.

Вячеслав Константинович Семенов на репетиции эстрадно-симфонического оркестра Гостелерадио. Дом звукозаписи на ул. Качалова (ул. Малая Никитская). Москва. Начало 1980-х годов

В 1980 году муж получил приглашение от Юрия Силантьева — художественного руководителя и главного дирижера оркестра Гостелерадио. Он перешел в оркестр и связал с ним свою судьбу почти на 20 лет. В это время стал активно писать музыку (на стихи Анатолия Поперечного, Николая Рубцова, Николая Шумакова, Светланы Ковалевой и других). Часто первыми слушателями были я и сын Константин. На семейных встречах мы — моя сестра Светлана, племянница Аня, невестка Лена и внуки Павел и Дима, — любили слушать Славины песни и подпевать.

Многие песни мужа исполняли известные певцы: Валентина Толкунова («Женское сердце»), Галина Ненашева («Тихая музыка русских полей», «Увлеклась нечаянно», «Вишневая метель»), Александр Буйнов («Все обойдется»), Валерий Белянин («Конь буланый»), Галина Улетова («Не гляди на меня некрасивую»). Позднее появились новые исполнители: Олеся Орешенкова, Маргарита Смирнова, Наталия Косминская.

Вспоминаю, как всем было приятно, когда в 1990 году песня «Конь буланый» была признана лучшей песней года и вошла в сборник «Песни радио и кино». Проникновенна музыка и слова Николая Шумакова:

Где ты, конь буланый?
Выйди из тумана.
Верю, знаю — я тебя найду!
И в одну минуту
С ног сорву я путы,
И губами к гриве припаду...

В 2011 году мы с волнением следили за финалом конкурса телеканала «Культура» «Романс — XXI век». Очень надеялись на успех Славиной песни «Воля вольная» на стихи Светланы Ковалевой, которую исполняла Фаина Николас. Песня победила!

Ну и, конечно, особая радость была связана с популярностью песни старшего брата, Владимира Семенова, «Звездочка моя ясная».

Оба брата были музыкально талантливы. И у обоих талант проявился еще на родине, в Астрахани. Слава любил возвращаться в родной го-

род. Я тоже несколько раз была там. Помню астраханские помидоры, рыбу и икру, арбузы, которые покупались на станции Баскунчак в поезде Астрахань — Москва. Все имело неповторимый вкус. Вспоминаю и грустные картины, мертвых осетров, плывущих по реке.

Поездки в Астрахань были в середине 1980-х годов. В эти годы я работала уже в другом месте, во ВНИИКИ. Всесоюзный научно-исследовательский институт классификации, терминологии и информации по стандартизации и качеству располагался на ул. Щусева (Гранатный переулок). Моя работа требовала особой внимательности и ответственности.

С начала 1990-х годов институт, как и вся страна, находился в сложной ситуации. И в 1996 году я была вынуждена уйти в менее связанную с наукой сферу.

Во все годы жизни со мной всегда было любимое занятие — рукоделие, которое и успокаивало, и приносило радость творчества. В этом труде — традиции нашей семьи. Моя бабушка ткала, мама вязала, сестра шила. Сейчас я с большим удовольствием вышиваю, вяжу вещи родным.

Когда я прихожу в Мещанский Центр социального обслуживания, я вспоминаю, как здесь любил бывать мой муж, который недавно, в октябре 2017 года, ушел из жизни. Он учил игре на гитаре, выступал со своими песнями, даже написал гимн-посвящение ЦСО и району. Меня особенно трогает, как здесь помнят о Славе и его творчестве. Хочется выразить бесконечную признательность Марине Владимировне Салтыковой, Марине Петровне Яшиной и многим друзьям — певцам и музыкантам, благодаря которым поддерживается память и длится жизнь песни. Одна из последних Славиных песен на стихотворение В. Набокова «Осень» мною особо любима:

Простая, как Божье прощенье,
Прозрачная ширится даль.
Ах, осень, мое упоенье,
Моя золотая печаль!

Вячеслава нет с нами, но свое сердце, наполненное музыкой, он оставил людям...

ОТ ВСЕЙ ДУШИ[1]

Кочетова Марина Евгеньевна, 55 лет,
педагог культурно-образовательного центра «Родник»,
Канада, г. Оттава

Мы, жители XXI века, ни дня не мыслим без компьютера, некоего спасательного круга. А полвека назад о тотальном «зависании» в компьютере даже и не мечтали, о столь популярных ныне социальных сетях ведать не ведали. В несуществующем больше Советском Союзе главным спасательным кругом для большинства был телевизор. У всех и у каждого были и любимые телепередачи. Загадочный мир телевидения манил миллионы людей, больших и маленьких, притягивая их к телеэкранам.

Одной из самых любимых зрителями и популярных передач была программа центрального телевидения «От всей души», на протяжении ряда лет её бессменной ведущей являлась любимица публики Валентина Михайловна Леонтьева (тётя Валя, как называли её все дети страны, обожая передачи «В гостях у сказки» и «Спокойной ночи, малыши» с её участием).

В отличие от детских передач, программа «От всей души» относилась к молодёжной редакции ЦТ. Она выходила раз в месяц в течение нескольких лет, приковывая к экранам телевизоров любознательных детишек, сентиментальных дам, деловых мужчин, умудрённых жизненным опытом пенсионеров — представителей всех социальных кругов, жителей всех многочисленных уголков бескрайнего Советского Союза. В каждом выпуске этой передачи, рейтинг популярности которой мог бы поспорить с рейтингом сегодняшнего «Секрета на миллион» или «Сегодня вечером», рассказывалось о героях (представителях разных профессий и возрастных групп) того или иного советского города.

Любовь Кочетова и Валентина Леонтьева

[1] Продолжение. См.: *Кочетова М.Е.* Рожденный творить // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. С.210–214; *Кочетова М.Е.* Легенда по имени Любовь // Мы помним... Ч. 1 (2015). С.238–241; *Кочетова М.Е.* Полный кавалер ордена Славы из семьи Касинцевых // Мы помним... Сразу после войны (2017). С.395–400.

Однажды в мае 1977 года программа «От всей души» приехала в мой родной город Тулу. В славном городе-герое — кузнице оружия, столице самоварного производства, на родине тульского пряника, жило много интересных людей с необычными судьбами, заслуживающих внимания данной телепередачи. Попасть на запись любой программы центрального телевидения в качестве зрителя в те годы было престижно и почти невозможно. Ну а оказаться непосредственным участником программы, которую будут смотреть миллионы зрителей по всей стране, и вовсе считалось чем-то запредельным.

За пару месяцев до записи тульского выпуска мама сказала мне, что вечером к нам придут журналисты из Москвы, и все уроки я должна сделать до их прихода. Предстоящий визит журналистов меня совершенно не пугал, поскольку представители этой профессии частенько появлялись у нас дома, чтобы взять интервью у моей прославленной мамы, первой в истории велосипедного спорта чемпионки мира со множеством высоких титулов и званий. Но тележурналисты из Москвы в моём понимании должны были отличаться от журналистов, писавших для газет и журналов. Однако большой разницы я не почувствовала, увидев на пороге двух миловидных дам — главного редактора М. Краснянскую (я знала её фамилию из титров многих телепередач молодёжной редакции) и тележурналиста А. Васильеву, разве что пару интересных «сплетен» про Останкино, которыми они поделились, невозможно было услышать где-то ещё. Гостьи из Москвы провели у нас целый вечер, разговор складывался интересно. При этом был включён магнитофон, одновременно с этим дамы успевали фиксировать что-то в свои блокнотики, каждая в свой. Мне было чрезвычайно любопытно, ЧТО они там себе записывали, но попросить разрешения заглянуть в их записи не хватало смелости. На следующее утро я пришла в школу, переполненная впечатлениями. Для себя общение с непосредственными создателями известной телепрограммы я считала законченным. Каково же было моё изумление, когда почти два месяца спустя М. Краснянская, главный редактор, позвонила из Москвы и сказала мне (поскольку я подошла к телефону), что приглашает меня вместе с мамой на запись передачи. Я не поверила своим ушам, на минуточку представив себе, что на меня через экраны телевизоров будут смотреть жители всего Советского Союза… Но тут же себя успокоила тем, что смотреть будут вовсе не на меня, потому что я всего лишь буду присутствовать в зале в качестве зрителя.

Наступил тот самый знаменательный день. С самого утра я места себе не находила, хотя приходить на запись программы надо было к 4 часам дня. В школу не пошла, настраивалась на столь важное мероприятие, предвкушала встречу с тётей Валей Леонтьевой. Мне никак не верилось, что вечером я её увижу лично и даже, если повезёт, дотронусь до неё. Девичьи мечты.

Марина Кочетова

Пришли мы за сорок минут до начала записи. Всё происходило во Дворце профсоюзов. В фойе нас встречала знакомая уже М. Краснянская, передавшая мне две большие конфеты «Гулливер» от самой тёти Вали! Как?! Тётя Валя меня даже не знает! Почему она мне персонально передала конфеты?! Мне объяснили, что это на счастье, что тётя Валя уже знает, как я выгляжу, поскольку видела мои фотографии, изучая и заучивая материалы о маме, одной из героинь предстоящей программы. (Всю обработанную информацию про каждого участника программы Валентина Михайловна должна была заучивать наизусть, что требовало немало сил и полной концентрации внимания)… Нас проводили на наши места в первых рядах довольно большого зала. Мы сели. У меня сердце выскакивало от нетерпения. Я так переволновалась, что одна из подаренных мне конфет растаяла прямо внутри фантика в моей пылающей ладони. Вторую мама вовремя убрала в сумочку, и фантик от той конфеты я хранила на память много-много лет. Кроме меня детей в зрительном зале не было. Во всяком случае, я не видела. Детей-героев передачи тоже не было. Поэтому удивлению моему не было предела, когда меня вдруг пригласила на сцену(!) та самая легендарная тётя Валя, которую знали в лицо и по имени все девчонки и мальчишки Советского Союза! Слава Богу, говорить ничего не надо было. Зато сбылась моя мечта! Я не только дотронулась до тёти Вали, но крепко обняла её, а после передачи мы поговорили о впечатлениях и сфотографировались. До сих пор помню её синий бархатный пиджак с правительственной наградой на нём (В. М. Леонтьева была Героем Социалистического Труда).

Запись двухчасовой программы прошла на одном дыхании. Героев передачи ожидало множество сюрпризов. Например, по секрету от мамы телевидение пригласило на передачу её брата и первого тренера из Ленинграда, о приезде которых мама не подозревала — им запретили не то что звонить нам по телефону, но даже и гулять по городу, чтоб случайно не встретиться с кем-то из родных и знакомых… Помню, что мама очень хотела получить запись передачи после выхода её в эфир. На память! И она имела на это право как непосредственный участник. Но, однако, несмотря на многочисленные попытки раздобыть запись по всем официальным каналам, сделать этого так и не удалось. Каково же было мне обнаружить эту теперь уже архивную запись из фондов советского телевидения в свободном доступе в ютубе 43 года спустя! Невероятно, но факт! Так что, если кто-то из читателей помнит «От всей души», есть возможность отыскать все её выпуски в ютубе. Современные технологии творят чудеса!

А жизнь продолжается, несмотря на коронавирус. Давайте будем продолжать жить и делать всё ОТ ВСЕЙ ДУШИ!

СОЗДАВАЛИ ЛЕКАРСТВА, СОХРАНЯЛИ ПАМЯТЬ

Архангельская Надежда Витальевна, 79 лет,
Ветеран труда, инженер-технолог, научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского химико-фармацевтического института, Всесоюзного института научной и технической информации АН СССР, г. Москва

Н.В. Архангельская. Конец 1950-х годов

Я родилась в Москве 14 января 1941 года. Архангельские — древний священнический род. Аркадий Михайлович Архангельский, мой прадед, служил в храме Рождества Христова на погосте Рождествено (сейчас это Солнечногорский район Московской области), был благочинным. Этот погост интересен тем, что здесь похоронен известный историк и государственный деятель Василий Татищев, который провел свои последние годы жизни в соседней усадьбе Болдино. Надгробие из белого известняка привлекало наше детское внимание. Я помню, как мы пытались расшифровать церковнославянские тексты. Позднее, приезжая на могилу прадеда и дедушки, мы с сестрами посещали и могилу В.Н. Татищева. Правда, добраться туда с каждым годом становилось все труднее — церковь в середине 1950-х была разрушена, все заросло.

У прадеда Аркадия Михайловича было три дочери: Людмила, Александра, Капитолина — и два сына: Владимир (мой дедушка) и Михаил.

Владимир Аркадьевич тоже стал священником. Он служил в разных храмах, а в 1922 году вернулся в Рождествено. Семья была большая, 9 детей: Мария, Варвара, Антонина, Сергий, Агния, Николай, Александра, Виталий (мой отец), Константин.

Все прожили долгую жизнь. Помню интересные рассказы моих тетушек Марии, Антонины и Агнии об учебе в Филаретовском училище (основано свт. Филаретом (Дроздовым) для воспитания девочек из семей бедных священников). Сохранилась фотография, на которой изображены они, дядя Сергей, который был учителем, прабабушка Ефросиния, дедушка Владимир и бабушка Александра, а также маленькие Виталий и Константин.

Мой отец, Виталий Владимирович, был строителем, строил в Москве жилые дома для Министерства путей сообщения. Мама, Кутузова Анна Тихоновна, происходила из верующей и крепкой крестьянской семьи.

Сестры Татьяна, Надежда, Наталья Архангельские и двоюродная сестра Людмила с дедушкой Тихоном Семеновичем Кутузовым. Середина 1950-х годов

Я была старшей из трех дочерей. После окончания школы мы, дети войны, старались поступить в институты, чтобы иметь надежную специальность и возможность с пользой служить своему Отечеству. Младшая сестра, Татьяна, работала в Научно-исследовательском институте гражданской авиации. Я и Наталья учились в Московском институте тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова на факультете технологии и синтеза лекарственных и биологически активных веществ. Историческое здание МИТХТ находится на Малой Пироговской улице. Там работали и преподавали корифеи лекарственной химии. Среди них — профессор Преображенский Николай Алексеевич, мировую известность которому принесла разработка и внедрение в производство метода синтеза алкалоида пилокарпина.

После окончания учебы мы с сестрой работали во Всесоюзном научно-исследовательском химико-фармацевтическом институте (ВНИХФИ им. С. Орджоникидзе). Я — в лаборатории, которая занималась синтезом противотуберкулезных лекарств (заведующая — профессор Мария Николаевна Щукина). Полученные у нас препараты ПАСК, Фтивазид, Этоксид позволили отечественной медицине успешно бороться с туберкулезом.

Моя сестра Наталья работала в лаборатории противовирусных соединений под руководством профессора Максима Яковлевича Крафта. Она участвовала в разработке многих известных противовирусных средств, в том числе Оксолина. Наталья Витальевна защитила кандидатскую диссертацию по этому препарату, была награждена серебряной медалью на ВДНХ. В этой лаборатории были разработаны и такие лекарства, как Арбидол, Бонафтон, Флореналь.

Наталья Витальевна Архангельская (справа) с Галиной Яковлевной Урецкой в лаборатории противовирусных соединений ВНИХФИ. Москва. Начало 1970-х годов

На базе лабораторий института были созданы Свердловский и Купавинский филиалы ВНИХФИ, Всесоюзный научно-исследовательский институт антибиотиков и другие.

Мне важно здесь отметить, что при всем светском характере наших профессий мы с сестрами продолжали сохранять веру, старались больше узнать о жизни наших предков-священников.

Наша семья была также связана со священническим родом Страховых. Моя прабабушка, Наталья Тимофеевна Архангельская, была сестрой о. Николая Страхова, сыновья которого, Владимир и Петр, также стали священниками. Одна из моих тетушек, Агния, в годы учения в Филаретовском училище жила в семье Страховых. И в дальнейшем поддерживались отношения. Мои родители, в частности, знали и нам передали, что о. Владимир Страхов был настоятелем храма Святой Троицы в Листах в Москве. В 1930-е годы он был сослан, расстрелян в Ульяновске 17 февраля 1938 года. Был расстрелян и младший брат, о. Петр Страхов (20 октября 1930 года, место захоронения — Ваганьковское кладбище).

В храме Живоначальной Троицы в Листах собирается материал о протоиерее Владимире для предоставления в Синодальную комиссию по канонизации святых. Появилось исследование историка храма, А. В. Ермишиной «Ректор тайной Московской духовной академии — профессор, протоиерей Владимир Николаевич Страхов. Жизненный путь», где раскрывается многогранная личность авторитетного богослова, пастыря и проповедника, исповедника веры. Несколько слов сказано и о судьбе сыновей о. Владимира. Младший сын, Страхов Евгений Владимирович (1909–1978), стал известным альтистом, профессором Московской консерватории. Старший сын, Сергей Владимирович (1908–1987), стал признанным ученым в области электротехники, профессором, доктором технических наук, работал в Академии наук СССР.

Мне теперь интересно узнать, как сложилась судьба детей Сергея и Евгения Страховых. Очень бы хотелось, чтобы произошла встреча потомков наших родов.

Бережное хранение семейной памяти очень важно. Именно углубление этой памяти, понимание духовных корней единства помогало мне и близким преодолевать многие трудности жизни. Например, те, которые были связаны с событиями 1990-х годов, когда разваливалась страна, наука, наш родной институт на Зубовской улице. Ветшали его корпуса, было объявлено о банкротстве. Мы с болью узнали, что ВНИХФИ прекратил свое существование. В 2017 году начался снос строений института (хотя заявленный памятник архитектуры был в Красной книге Архнадзора).

К счастью, многие препараты, созданные в институте за 90 лет славной истории, до сих пор востребованы и приносят пользу людям. А главное, жива в нас память поколений, сила духовных и творческих взаимодействий, которая создает основу жизни.

О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ ЧЕЛОВЕКЕ, ХУДОЖНИКЕ, ОТЦЕ, МУЖЕ

Агличева Ирина Владимировна, 48 лет,
советник Аппарата ФКУ
«Общественная палата Российской Федерации»,
кандидат психологических наук, доцент,
г. Москва

Мой папа, Владимир Павлович Матюшин, родился в Туле 8 ноября 1939 года. В 1941 году его отец и два родных дяди ушли на фронт и все погибли, защищая свою Родину. Павел Константинович Матюшин погиб 8 августа 1942 года, защищая Москву под Можайском (д. Астафьево Московской области). Его жене, моей бабушке, пришло извещение о без вести пропавшем муже. Сколько слез она пролила, пережила горя…

Наш папа узнал место гибели своего отца уже в своем зрелом возрасте, он вел активный розыск его через военкоматы Советского Союза. Благодаря папиным поискам нашлось ещё более ста погибших солдат в этом же месте, и вскоре в селе Поречье Можайского района возвели Мемориал памяти погибшим солдатам.

Моему папе катастрофически не хватало отца всю жизнь, он часто говорил: «Если бы у меня был отец…». Мой папа вырос в не самом благополучном Пролетарском районе города Тулы, ему приходилось с самого детства драться с хулиганами, защищать свою честь, бороться за выживание. В 8 лет у него обнаружилась тяга к рисованию, в 11 лет он осознал, что хочет стать профессиональным художником и после окончания 7 классов поехал поступать в Елецкое художественное училище.

Он тайно уехал из дома, оставив на столе для мамы записку: «Поехал поступать в художественное училище, не волнуйся, напишу». Почему он так сделал? Он знал, что мама не отпустит его никуда. Она — вдова, и сын для нее был единственной отрадой в жизни.

Владимир Матюшин уехал учиться в свои 14 лет без денег, добирался до города Ельца на поездах «зайцем», в товарных вагонах. Все до мельчайших деталей продумал заранее, поэтому добрался до места и вскоре стал студентом Елецкого художественного училища.

Папе очень нравилось учиться, он мечтал стать профессиональным художником. Конечно, бытовая жизнь была очень тяжелая, жили впроголодь, у большинства студентов даже не было носков. Папа рассказывал, как они с друзьями перед походами на танцы, на свидания рисовали до щиколоток на ногах себе носки — полоски разноцветные, якобы расцветка носков. Конечно, папа часто писал письма своей маме, она поддерживала его морально и всегда писала в ответ: «Учись, сынок!».

Во время папиной учебы происходило много интересных событий, и вот одно из них. В годы правления Н. С. Хрущева старшекурсники их училища стали объединяться вокруг острых политических тем, в частности, вокруг темы всеобщего засевания полей нашей Родины кукурузой. Так вот, папа рассказывал, как один выпускник художественного училища защищал свою дипломную картину «Сеятель». На картине был изображен крестьянин в виде скелета, стоящий посреди полей и сеющий кукурузу! Подобных дипломных работ было несколько. Можно представить себе, какой разразился скандал. Самое печальное, что политически активным молодым людям так и не дали дипломы, более того — их выгнали из учебного заведения! И вскоре Елецкое художественное училище закрыли, а всех студентов и моего папу в том числе, перевели в Рязанское художественное училище. Вот такая история...

Папа получил диплом, вернулся в свой родной город Тулу, устроился работать учителем черчения и рисования в средней школе. Параллельно учился в вузе, получил высшее образование, работал в художественном фонде города, был художником-оформителем на больших предприятиях. Женился, родились мы с братом.

Я очень благодарна своему папе Владимиру Павловичу Матюшину! За большую Любовь к нашей маме, к нам с братом, к своим родителям. За то, что он расставил приоритеты в сторону Семьи. Наш папа посвятил нам всего себя. Благодаря его активности мы все вместе почти каждые выходные ездили в Москву на художественные выставки, в академические театры и другие культурные места. Папа очень много вкладывал в наше развитие: духовное, культурное, человеческое. У папы были и свои выставки этюдов, портретов. В нашем родительском доме много его работ. Мама хранит и дорожит ими.

Папа уделял большое внимание культурной жизни нашего города. Например, он передавал в дар свои работы в больницы, поликлиники города, чтобы они радовали глаз пациентов.

В 80-х годах папа расписал масляными красками более 10 веранд в детском саду № 135 нашего города. По просьбе заведующей этого детского сада серые веранды для детских прогулок папа преобразил в прекрасные сказочные домики. Он нарисовал на верандах сюжеты из известных произведений: «Малыш и Карлсон», «Репка», «Кот в сапогах» и других.

Папа очень любил писать живописные этюды, миниатюры. В любое свободное время он отправлялся с этюдником на природу.

С болью и слезами на глазах наш папа всегда вспоминал Великую Отечественную войну, День Победы 9 мая был для всех нас Святым днем.

Моего папы не стало 8 сентября 2011 года, с того дня он живет в моем сердце, я еще больше люблю его, дорожу и благодарю за всё.

ЛУЧШИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ[1]

Шепарёв Роман Михайлович, 59 лет,
ведущий научный сотрудник Государственного центрального музея современной истории России, кандидат исторических наук, г. Москва

Я нередко задумываюсь о своей жизни. Правильно ли я живу? Что нужно еще сделать, что еще не сделано? Почему-то возникает мысль, что почти ничего не сделано, я — бездарный прожигатель данной мне один раз драгоценной жизни. Мне под 60 лет, в этом возрасте люди достигают огромных высот в своей жизни, становятся великими. Я же — ведущий научный сотрудник центрального столичного музея, специалист по истории оружия. Денег, драгоценностей, власти я не имею, так же как я не имею семьи. Если не получил этого к 60 годам жизни, то возможно, уже и не получишь.

Все познается в сравнении. Мне известно достаточно людей, которые практически не знают радости в жизни, плывут по течению, прежде всего, проклинают свою работу, занятие которой составляет у каждого человека основную часть времени. С неинтересной работой мирятся только лишь потому, что она приносит средства к существованию, иногда значительные средства. Такие люди живут от отпуска к отпуску. Раз в год они могут позволить себе заграничный курорт и на короткое время увидеть яркое пятно в своей беспросветной жалкой жизнёнке. Конец отпускного блаженства для них — черный день.

Опираясь на народную мудрость, я сделал для себя вывод, что не нужно искусственно создавать себе трудности. Как это сделать? Ответ на этот вопрос подсказал мне отец, который для меня всегда был примером для подражания. Он всегда был настоящим профессионалом, знатоком своего дела. Поэтому и я понял, что нельзя быть страдающим бездельником, необходимо быть профессионалом, жить своим делом, не задумываясь о том, принесет это выгоду или нет.

В СССР у нас была блестящая возможность самореализации. Средняя школа давала крепкие базовые знания. Школьный курс на 80 % состоял из учебных дисциплин, которые преподавали еще в дореволюционных гимназиях. Выпускник школы имел определенные знания как по точным наукам — математике, физике, химии и др., так и по гуманитарным наукам — русскому языку, литературе, истории, географии и др. Все образование, как школьное, так и институтское, было бесплатным.

---

[1] Продолжение. См.: *Шепарев Р.М.* Пример для подражания // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Сразу после войны / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2017. С. 316–326.

От человека требовалось только разбираться в основах наук. Выпускники школ с математическим складом ума шли в инженерные или математические вузы, где у них была возможность стать специалистами в различных отраслях производства, гуманитарии имели возможность стать историками, литературоведами, филологами, лингвистами и т. п. Разумеется, нужно было сдать вступительные экзамены, что было нелегко. Но если поступать в вуз с производства, тем более на заочное или вечернее отделение, задача во много раз облегчалась.

Наблюдая работу научных сотрудников в музеях, я быстро понял, что это — для меня. Практически каждый научный сотрудник в музее — человек неравнодушный, «заведенный», посвящает всего себя любимому делу. Хранитель фонда металла в музее — как правило, неповторимый знаток истории, как металлургии, так и промышленного производства. Хранитель фонда оружия в музее — носитель уникальных знаний истории оружия. Перечень можно продолжать. Такие люди нередко становятся знаменитостями, которых привлекают для научных консультаций представители всех сфер жизни — от кинематографистов до представителей высшей власти.

Поэтому я решил для себя, что необходимо стать таким ученым — специалистом, каких раньше не было. Я изучал все, что касается истории оружия, как огнестрельного, так и холодного. В школе, на военной службе, в институте читал монографии по этой тематике. После того, как отец показал мне такие музеи, как Исторический, Вооруженных Сил, Революции, Оружейную палату, я самостоятельно стал их посещать, в том числе и выставки оружия. На охоте я научился стрелять, познал прелесть этого процесса.

Осталось дело за малым — нужно получить образование и занять должность музейного научного сотрудника. Статус военного меня привлекал с раннего детства. Поэтому я решил стать не просто историком оружия, а военным историком оружия. Я поступил в военно-политическое авиационное училище. Там я увидел службу и работу военных преподавателей. Мне показалось заманчивым, имея офицерское звание, стать преподавателем истории и заниматься наукой, касающейся истории оружия. Тем более что в 1960–1970-е гг. офицер Советской Армии имел превосходное материальное содержание и обеспечение.

Осуществить это помешала болезнь, из-за которой я был комиссован. Это был для меня первый удар, полученный от жизни. Но по советскому законодательству я имел право на зачисление в любой гражданский вуз, не имеющий военной кафедры, без экзаменов. Это право пришлось еще доказывать, так как мой случай почти не имел прецедентов, многие институтские сотрудники считали, что я обязан поступать на общих основаниях. Только побывав в министерстве Высшего и среднего специального образования, пообщавшись с юристами, я получил доказательства

своего права. Ректор Московского государственного историко-архивного института Н. П. Красавченко в разговоре со мной и моим отцом выразил сомнение, не будет ли учеба в вузе мне во вред? Отец на это сказал, что зачисление будет для меня моральным лекарством. В результате я был зачислен без вступительных экзаменов.

Но облегчения это мне не принесло, так как я авансом был поставлен на старт, получил обязанность доказать свой студенческий статус и не сойти с дистанции. Получится ли это у меня, я не знал. Первая же сессия показала, что мои знания недостаточны, я вытянул ее на тройки, с двумя пересдачами. По программе я обязан был написать семинарский доклад по истории СССР и курсовую работу по истории КПСС. Я уже начал думать, что, если у меня и это не получится, надо оставить мечты о высшем образовании. Институт дал мне понять, что историком называется не тот, кто наизусть может пересказать учебник истории, а только тот, кто умеет работать с источниками — документами, как на бумажном носителе, так и на всех других носителях (металлических, деревянных, матерчатых, пластмассовых и др.). Даже географические особенности местности и ирригационные сооружения являются источниками. Оружие оказалось великолепным и уникальным историческим источником.

С огромной опаской я начал написание семинарского доклада, не имея никакого опыта. Первый вариант я уничтожил, мне он не понравился. Второй вариант я написал совершенно в другом ключе, этот вариант мне гораздо больше понравился. Преподаватель, который славился своей придирчивостью и принципиальностью, остался доволен моей работой. После этого я понял, что попал в цель. Курсовая работа также была зачтена. Это меня воодушевило, у меня пропал страх, что я не стану профессионалом. Так в течение 5 лет я «набивал руку» в написании научных докладов. Нередко задумывался, как я буду работать в архиве или музее. Я предполагал, что моя работа будет примерно тем, чему меня учили в институте.

Разочарование было ужасным. Попав на работу в ЦГАСА (Центральный гос. архив Советской Армии), я понял, что работу, данную мне, может выполнить любой, умеющий читать и писать, высшее образование здесь не требуется.

Ветераны Гражданской войны заваливали архив запросами о подтверждении факта службы и участия в войне. Они указывали номера полков, дивизий, время службы. Моя задача была — просмотр приказов по личному составу, нахождение приказа о зачислении человека в полк, всех фактов пребывания его в полку, приказа об отчислении. Затем составлялась архивная справка, подтверждающая факт службы и участия в войне. В день нужно было обработать 3 запроса. Учитывая, что в архив приходило по 7 000 запросов в день, перспектива настоящей

квалифицированной научной работы, касающейся истории Гражданской войны, мне не светила. Тем более о хорошем заработке не приходилось говорить, так как жалкие 90 рублей в месяц было стыдно назвать заработком.

Я почувствовал себя обманутым государством. Некоторые доброхоты пытались учить меня, как в таких условиях делается карьера. Мне говорили, что нужно набиться в друзья к перспективному начальнику, стать для него своим полезным человеком, дарить подарки. Как противно мне было выслушивать это! Я ориентировался только на напутствия отца, который всегда говорил мне: «Стань опытным специалистом, тебя обязательно заметят». Я быстро пришел к выводу, что путем наверх может быть только диссертация. Зная, что в кандидатский минимум входит экзамен по иностранному языку, я начал изучать немецкий язык снова, по учебнику для иностранцев.

В результате я оказался в штате Государственного Исторического музея на хозяйственной должности. Моей целью было занять научную должность. В ГИМе это оказалось очень непросто. Связи, протекция имели колоссальное значение. У меня этого не было и в помине. Поэтому все равно диссертация для меня имела основное значение. Приобретя научный авторитет, можно рассчитывать на квалифицированную должность. Зная, что к кандидатскому экзамену по языку допускают-ся только те, кто подготовит профессиональный перевод монографии по специальности, я принялся переводить книгу по истории охотничьего оружия. Для этого я ежедневно, на свежую голову, переводил со словарем сначала по одной фразе из книги.

Начальник усердно убеждал меня, что ничего нового я по истории оружия не скажу, мне будет непросто найти научного руководителя, для этого нужно убедить известного профессора в правоте и жизнеспособности своих научных идей. К счастью, после первого же посещения кафедры источниковедения историко-архивного института заведующий кафедрой проф. В. А. Муравьев живо заинтересовался моей идеей, согласился взять надо мной научное руководство. Я, воодушевленный, вылетел как на крыльях из здания института.

Остальное оказалось для меня вопросом техники. В отделе аспирантуры было оформлено прикрепление к кафедре, я был допущен к сдаче минимума – сначала философии, затем языка. Оба экзамена были сданы на отлично. Через год, в 2000 г., я сдал специальность также на отлично. Все занятия проходили самостоятельно, по выходным и по отпускам. Я не претендовал со стороны музея ни на какие льготы. Единственно, когда я ездил на сборы материала в Питер в Артиллерийский музей, заместитель директора ГИМа по научной работе В. Л. Егоров распорядился оформить мою поездку как командировку и компенсировал мне большие материальные затраты на авиабилет.

Через год я подготовил диссертацию, представил ее сначала научному руководителю, затем на обсуждение кафедры. Работа была принята «на ура». Когда профессор Муравьев сказал мне, что у меня есть свой язык изложения, я понял, что снова попал в цель. Интересуясь искусством, прежде всего рок-музыкой, я достаточно узнал, что в науке, как и в искусстве, главное — найти свое неповторимое лицо. Получилось, что Муравьев признал мою уникальность, что для меня всегда было высшей оценкой.

Диплом кандидата наук я получил в 2002 г., а годом раньше, узнав, что должность хранителя оружия Гос. центрального музея современной истории России (бывшего Музея Революции) вакантна, обратился в ГЦМСИР и был принят.

Я могу констатировать, что профессия историка оружия является моей первой жизнью. Но почти нет такого человека, какой не имел бы хобби. Таким хобби для меня оказалось увлечение рок-музыкой. Это увлечение имеет глубокие корни, уходящие в мои школьные годы. В 9-м классе средней школы среди нас было повальное увлечение роком. Такие группы как Битлз, Роллинг Стоунз, Дип Перпл, Лед Зеппелин, Юрайя Хип, Блэк Саббат и др. были нашими любимыми. Записи доставали с большим трудом, слушали, затаив дыхание. Не разбираться в роке было неприлично. Увлечение этой музыкой переросло в мировоззрение, в способ восприятия жизни. Я могу сказать, что рок-музыка стала для меня второй жизнью после истории оружия. Эти аспекты помогают мне жить и переживать все неприятности.

К сожалению, мои и не только мои увлечения рок-музыкой абсолютно не совпадали с политикой государства. С точки зрения Советской власти рок считался вредным, антисоветским, антисоциальным явлением. Некоторые чересчур ретивые поборники социалистической морали объявили рок продукцией, сочиненной в ЦРУ для ведения подрывной деятельности в СССР и странах социалистического содружества.

Тот факт, что произведение искусства можно создать, только имея природный талант, абсолютно игнорировался, тогда как смысл песен популярных рок-групп имел, особенно в годы войны во Вьетнаме, яркую антивоенную и гуманистическую направленность. Прослушивание этой музыки не запрещалось, но и не поощрялось. Поэтому приобрести в советском магазине диск рок-музыки было невозможным. Но популярность таких групп как Битлз, Роллинг Стоунз была настолько велика, что в СССР был налажен выпуск пластинок-миньонов с записями этих групп. На «яблоках» этих пластинок писали русские переводы названий песен, нередко искаженные, чтобы не вызывать двусмысленность (песня Битлз «Octopus garden» была переведена как «Сад», песня Роллинг Стоунз «Paint in black», была переведена как «Нарисуй это черным» и др.). При этом название группы вовсе не писали, нередко писали нейтральное «Вокально-инструментальный ансамбль».

Такие пластинки являли собой довольно жалкое зрелище. Приобретение же подлинных заграничных дисков было доступно очень ограниченной части населения СССР. Прежде всего, такие диски могли приобрести сотрудники дипкорпуса, летчики загранрейсов, работники Внешторга, моряки дальнего плавания и др. Простой народ мог приобрести их только на «черном рынке».

В Москве существовала музыкальная «толкучка». В центральных магазинах можно было купить «из-под полы» любой диск рок-музыки. Я бывал на «толкучке», видел ее контингент, иногда покупал там диски. Вспоминая то время, я могу разделить всех обитателей «толкучки» на три категории, три неравные части. Самая немногочисленная часть объединяла в себе людей, непосредственно связанных с загранпоездками или с людьми, постоянно имеющими доступ к заграница. У таких людей можно было купить настоящую качественную продукцию, не бывшие в употреблении диски знаменитых рок-групп, изготовленные в ведущих западных странах: в Англии, США, Западной Германии, Франции, Голландии. Такие диски стоили по максимуму. В другую категорию можно было объединить людей, покупающих у них диски. К такой категории я относил себя. Диски были очень дорогие, цены на них могли равняться месячной зарплате рядового гражданина СССР. Поэтому собирать коллекцию таких вещей было очень накладно.

Популярно было иметь хорошую звуковую аппаратуру, покупать диск, записывать его на аудиокассету или катушку, затем немедленно сбывать на «толкучке», если была возможность, делать наценку (навар) и продавать. Бывали даже такие случаи: человек покупает диск по очень дорогой цене, сразу договаривается о продаже его завтра, едет домой, записывает его, на следующий день продает за ту же цену. Нередко диски покупали в складчину — трое или четверо приятелей собирали по 15–20 рублей, набирали нужную сумму, покупали диск, каждый его себе записывал, затем диск сбывали. Если диск был знаменитой группы и высоко котировался, продать его не было проблемой.

Третья категория состояла из различных прохиндеев, алкоголиков, темных подозрительных личностей. Эта категория была наиболее многочисленная. Такие обитатели «толкучки» могли продать за Битлз или Пинк Флойд диск хора имени Пятницкого, переклеив «яблоки» и пересняв обложку. Мне приходилось видеть целый портфель поддельных дисков. Мой приятель, с которым мы ходили, сказал, увидев эти подделки: «Диски хорошие, но покупать их не буду, вы сами знаете почему». Среди таких людей попадались преступные группировки. Один из них просил показать ему диски, отходил с владельцем в сторону от посторонних взглядов. Двое или трое других в укромном месте перехватывали их, вырывали из рук портфель с дисками и убегали, при сопротивлении наносили удары. Пострадавшего мне также приходилось видеть.

Милиция время от времени разгоняла «толкучки». Созерцать толкучечный контингент было противно и унизительно. Я много раз задавал себе вопрос — почему нужно это терпеть, чтобы обзавестись по-настоящему хорошей музыкой? Я сделал для себя вывод: такой способ приобретения музыкальной продукции неудовлетворителен. Мой излюбленный способ был таким: я приезжаю на «толкучку», не имея при себе ни денег, ни дисков. Спрашиваю, что есть в продаже? Если нахожу то, что мне нужно, предлагаю проехать с продавцом к нему на квартиру, внимательно осмотреть диски, поставить на проигрыватель. Если качество меня удовлетворит, я куплю. Многие, конечно, не соглашались на такой способ покупки, что усиливало мои подозрения, что диски некачественные. Но иногда находились люди, которые шли на мои условия. Так мне удалось попасть в квартиру студента, в которой была японская супераппаратура и огромная коллекция дисков ведущих западных групп, не бывших в употреблении. Я купил диск группы Дип Перпл, обменялся со студентом номерами телефонов. После этого ездить на «толкучку» отпала всякая необходимость. Если мне нужен диск, я ему звонил, если у него были диски на продажу, он звонил мне.

Я узнал несколько таких человек, с их помощью мне удалось собрать невиданную среди рядовых граждан СССР коллекцию. В 1980-х годах в моей коллекции было около 50 дисков ведущих рок-групп: Битлз, Роллинг Стоунз, Пинк Флойд, Юрайя Хип, Дип Перпл, Куин, Генезис и др. Особое впечатление на меня произвело прослушивание дисков на японской стационарной аппаратуре. У мужа подруги моей мамы была такая аппаратура: проигрыватель фирмы Сони, колонки фирмы Филипс. Когда я послушал эту аппаратуру в 1980 г., то почти не узнал звук, который раньше слушал на простом и дешевом советском проигрывателе. Слушая песни диско-группы Бони М — Распутин, Реки Вавилона и др. — я получил иллюзию, что две волны мощного и чистого звука несутся на тебя, колонки как бы дышат, звуковой поток вжимает тебя в сидение, возникает кайф, родственный опьянению.

После этого сеанса я стал искренне презирать отечественные проигрыватели и поставил перед собой цель: во что бы то ни стало обзавестись фирменной аппаратурой, позволяющей получать максимальное удовольствие от музыки. По-настоящему мне это удалось только к концу 1980-х годов.

Отец был ярым противником приобретения музыки «из-под полы». Он нередко говорил мне, что я раздаю свой заработок плохим людям, которые обогащаются за счет трудящихся, покупают дачи, автомобили, гуляют в ресторанах и т. п. Мама же не была против этого. Она говорила, что мне лучше покупать диски и слушать музыку дома, чем нести свой заработок в рестораны, становиться заурядным алкоголиком.

Мне не раз приходилось задумываться — почему такое прекрасное, высокоразвитое, могущественное, отлично вооруженное государство,

ядерная держава не может обеспечить своих граждан таким пустяком, как бытовая радиоаппаратура, бытовая техника, мебель, модная современная одежда и др.? Потребности граждан во многих сферах были сопряжены с дефицитом. Многие нужные вещи приходилось не просто покупать, а доставать. Так, достать мебель для квартиры было очень непросто. В магазинах собирались огромные очереди, люди ездили специально отмечаться.

Я запомнил, как наша семья покупала мебельную стенку. Такая покупка стала Его Величество случаем. Владелец стенки был должен деньги коллеге по работе. Он был вынужден по рекомендации коллеги продать нам стенку, чтобы расплатиться по долгам.

В СССР процветала продажа и покупка различных полезных и дефицитных предметов по объявлениям. Продавались газеты, такие как «Рекламное приложение» к газете «Московский комсомолец» и др. В народе они получили название «Сплетница» или даже «Правда» (намек на то, что объявления о продажах или покупках фактически являются абсолютно правдивыми). По объявлению можно было купить все, что угодно, в том числе автомобили, аппаратуру, одежду, не говоря о музыкальных дисках. (Когда началась «перестройка», я с радостью первый раз в жизни купил в комиссионном магазине, абсолютно легально, диск группы Пинк Флойд «Стена». У меня появилась иллюзия, что жизнь начала налаживаться.)

Как историк оружия я также задумывался, почему советские оружейные предприятия, преуспевшие в выпуске боевого оружия, делая охотничьи ружья, допускают брак? Не было секретом, что отечественные ружья могут иметь незакаленные детали, которые срабатываются от трения, что может привести к самопроизвольному выстрелу, стволы могут быть неправильно спаяны, с нарушением строгой параллельности, что приводит к нарушению точности стрельбы. Ружья западных фирм такими недостатками не страдали. Подобные недостатки были характерны и для отечественного автомобилестроения. Отец не раз иронически говорил: «Самый худший Зауэр или Зимсон лучше самого лучшего ТОЗ БМ, или самый худший Мерседес-Бенц лучше самого лучшего Москвича».

О причинах этого сказано было немало. Плановая социалистическая экономика не могла обеспечить качество продукции, потому что план нередко был нереальным, приходилось жертвовать качеством ради количества. Практика планирования «от достигнутого» приводила к нереальности планов. Результат — низкое качество и брак в выпуске продукции. Выполнение планов нередко становилось фиктивным, на бумаге. Советские производственники знали несколько способов фиктивного выполнения планов — от примитивных приписок до повышения расценок в нормировании производства. Откровенно, становится жаль руководителей производства, которые, зная наперед, что гонят брак, выполняя нереальный план, делали вид, что занимаются созидательным трудом.

Так стала в стране социализма процветать двойная мораль. На бумаге — все в порядке. Фактически — экономика страдает. Но до этого никому не было дела, возражать было глупо. Это могло привести к исключению из партии. Партийность в то время была всем. Беспартийный с высшим образованием рисковал до пенсии быть рядовым служащим с мизерным заработком. Каждый год райкомы партии спускали в учреждения ничтожные разнарядки на прием сотрудников с высшим образованием (в пределах одного-двух). За право быть принятым в партию разворачивались баталии между сотрудниками учреждений. Протекция также имела огромное значение. Иногда дирекция назначала начальниками талантливых людей из беспартийных, таких принимали в партию нередко для того, чтобы иметь на него механизм воздействия по партийной линии. Рабочему вступить в партию было легче легкого.

Оборонное производство было лишено во многом указанных недостатков. Отец вспоминал, как он работал на оборонном предприятии — в НИИ хлорной промышленности. Он с восторгом отзывался о директоре предприятия Антонове, талантливом руководителе и ученом. Отец с удовольствием рассказывал, как директор снял с должности карьериста-начальника конструкторского бюро. Узнав, что КБ третий год подряд не может разработать ртутный электролизер, директор вызвал заведующего и спросил причину неудач. Начальник КБ ничего не мог ответить, а когда директор спросил, как он владеет иностранными языками, ответил, что может переводить со словарем английские тексты. На это Антонов заявил, что главный конструктор такого огромного предприятия обязан свободно владеть английским языком, а не уподобляться школьникам (конструкторское бюро занимало 4-этажное здание). Директор вынул реферативный журнал на английском языке, показал страницу, где было написано, что итальянская фирма еще 2 года назад выпустила этот электролизер и получила за него приз на международной выставке. Затем он заявил, что начальник КБ обязан такой информацией владеть, обязан был связаться с фирмой и закупить у нее техдокументацию электролизера, а здесь, на месте, дорабатывать чертежи в сторону снижения себестоимости изготовления и повышения технических характеристик. В заключение Антонов объявил, что должность начальника КБ занимающему это место непосильна и предложил сдать дела.

А с отцом у директора произошел такой разговор. Он сказал отцу, что предприятие выполнило государственный заказ на поставку выпускаемого вещества (это был хлористый алюминий). Отец, как технолог, владел только одной технологией, а так как выпуск хлористого алюминия

сворачивается, нужно будет разрабатывать технологию выпуска другого вещества. В силу того, что отец имеет профессию инженера-механика, а не химика, он не сможет самостоятельно разработать новую технологию. Поэтому директор назначил отца механиком цеха с сохранением той же зарплаты, а технологом назначил инженера-химика.

Начальником цеха, в котором работал отец, был полковник в отставке Березовский. В армии он был начальником химической службы (начхимом) полка. Свою службу обожал, как и работу на заводе. На заводе он время от времени становился источником разных казусов. Был большим любителем лично проверять качество изготовления реакторов, газоходов и т.п. Это выражалось в том, что он лично лазил в реакторы или в газоходы. Иногда застревал в них, что чуть было не заканчивалось катастрофой. Его спасало то, что он о своих мероприятиях предупреждал подчиненных, которые его вовремя вызволяли. Никогда не расставался с армейским обмундированием. На работу ходил только в форме. Но в День Советской Армии, когда вышел приказ командующего Московским гарнизоном о переодевании каждого военного 23 февраля в парадное обмундирование, Березовский пришел на работу, как всегда, в повседневном обмундировании – о приказе он не слышал. Конечно, он был задержан патрулем. У него были проверены документы, а затем директору Антонову пришло уведомление о нарушении его подчиненным приказа командующего гарнизоном. Антонов вызвал Березовского и сказал ему, что на предприятии практически каждый является военным в отставке, среди них есть генералы и адмиралы. Никто из них не демонстрирует свое военное прошлое, не подчеркивает звание, включая самого директора, который является полковником. После такой беседы Березовский перестал носить обмундирование.

К большому сожалению, в СССР к 1970–1980-м годам не стало нормой такое отношение к производству на прочих, необоронных предприятиях.

Лозунги о скорой постройке коммунизма постоянно сопровождали нас. Они были на зданиях, в зрительных залах, на заборах, в школах, детских садах. («Мы коммунизм построим, жить в коммунизме нам», «Солнце коммунизма светит миру», «По ленинскому пути к коммунизму» и т. п.). Искренне никто, полагаю, в эти лозунги не верил.

Еще одно свидетельство о проявлении двойной морали стало мне вспоминаться после распада СССР в 1991 г. Я учился в советской школе. Мне казалось, что программа имеет ряд недостатков, но зная, как учат в современной школе, у меня есть основания считать себя счастливым человеком, получившим прекрасные базовые знания. И вот в советской школе имел место такой возмутительный факт.

Директор школы, в которой я учился 8 лет, дискредитировал своим поступком весь смысл советского образования. Среди одноклассников был человек, который являлся для администрации «необходимым злом». Называть его имени не буду. Он постоянно имел замечания от учителей за прогулы, хамство, лень и т.п. Он уже был кандидатом на исключение из школы. «Чудо» произошло в считанные дни. Он был на экстренном собрании выбран в Совет дружины, ему поручили быть знаменосцем, а затем ему вручили путевку в Артек как лучшему ученику. И он побывал в Артеке. Когда я задал наивный вопрос «Почему?», мне было сказано: «За общественную работу».

Мама, которая работала на одном предприятии с родителями этого одноклассника, просветила меня. Она сказала, что его папа — столяр, а мама — маляр сделали ремонт в кабинете директора. Так директор их отблагодарил за счет школы. Настоящий отличник учебы, достойный Артека, путевку не получил. Одноклассник получил такой урок: он узнал, что учиться необязательно, быть дисциплинированным необязательно, но обязательно стать своим у начальства, тогда любые нарушения сойдут с рук, еще и выиграешь. Через год директор уже не занимал своей должности. Я не знаю, был ли он снят или ушел на повышение. Этот случай быстро забылся. Распад СССР вдруг мне о нем напомнил.

В настоящее время мы живем по другим принципам. Коммунизм никто не строит. Изжили ли мы двойную мораль? В какой-то мере да. Сейчас никто не прикрывается коммунистическими лозунгами, преследуя корыстные цели. Но является ли это благом? Если нечестные поступки людей отрицательно влияют на благосостояние страны, это может привести к катастрофе, как на Украине. Рецептов жизни давать не следует, но изложить личную позицию никогда не было вредным. Моя позиция заключается в том, что недопустимы любые поступки, которые направлены против собственной страны. Правильна мысль о том, что наиболее уязвимое место в нашем государстве — это низкое благосостояние людей, рядовых граждан.

Подведем итог. За 60 лет жизни я много узнал. Тот факт, что авторитетные люди с докторской степенью признают мою научную состоятельность, что на работе, которая, как известно, занимает у людей большую часть времени, никто не считает меня никчемным человеком, а, наоборот, считают умелым профессионалом, говорит о том, что живу я все-таки не впустую. Когда я учился в военном училище, командир роты, майор В. В. Безъязычный, разговаривая с моими отцом и мамой, охарактеризовал меня как гражданина коммунистического будущего. Я запомнился ему как исполнительный, стремящийся к овладению знаниями курсант. Действительно, время учебы, овладения основами профессии можно назвать лучшими годами жизни.

Да, жизнь показывает, что профессионалом я стал и живу не зря. Мое первое желание в настоящее время — жить в государстве, в котором полностью изжита двойная мораль, а также обеспечены каждому гражданину справедливость и безопасность.

СОРОК ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ

Фрейверт Людмила Борисовна, 62 года,
искусствовед-эксперт Центра
традиционной тульской керамики,
кандидат философских наук,
г. Тула

Первые 10–12 лет послевоенной жизни в СССР опишу, основываясь на воспоминаниях моих родителей.

Начну с воспоминаний моей мамы, Сковронек Лили Лазаревны (1923–1985).

Мама. Уфа, Москва, Магнитогорск

Уфа.

Шел 1945 г., война уже заканчивалась. Бабушка, мамина мама, буквально вытолкала (мамино слово) старшую дочь в Москву учиться. Помогать ей она, конечно же, не могла. На руках еще младшая. Муж пропал в 1938-м.

В те времена можно было посылать в учебные заведения копии документов (позднее это отменили, сейчас опять ввели). Мама написала в Москву в только что созданный Московский государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных (ныне Российская академия музыки им. Гнесиных), в Киевскую консерваторию, еще куда-то.

Денег не было. Ни на что. Из чехла для пианино бабушка сшила маме комбинацию. Лучшая подруга связала и подарила носки. Не было денег и на билет. Но тут подвернулась оказия. Надо было сопровождать раненого.

Уже приехав в Москву (а это тогда было 3 дня), мама поняла, что ехать еще в Киев — это очень далеко. И осталась в Москве.

После провинциального музыкального училища обнаружились большие пробелы в знаниях, и маму на два года «отправили» учиться в училище.

Жила она в общежитии, которое дали не сразу. Сначала на Трифоновке (ныне Олимпийский проспект), а потом и на самой Собачьей площадке (да-да, такой адрес). Сейчас эти особнячки «съел» Новый Арбат, много лет бывший Калининским проспектом. Здание на ул. Воровского (ныне опять Поварской) появилось позже.

В общежитии в комнате их было 14 человек, позднее — 9. Мама была счастлива, если было полстакана пшена на день.

Кто-то из девушек ночью ел под одеялом. Почему? Боялась, что попросят? Ночью сильнее чувствовала голод?

Были несколько студенток из Якутии. Одна из соседок, певица Шура Громова, родом из глухой деревни. Много настрадалась в жизни. Похоронила двух крохотных детей.

Большинство студентов музыкальных учебных заведений тогда зарабатывали себе на жизнь частными уроками. Телефона нет. Приходишь на 6-й этаж без лифта и узнаёшь: сегодня урока не будет...

Первое время мама ходила на концерты практически каждый день. Это стоило дешево: балкон, входные билеты и т. п. Первый раз в Колонном зале Дома союзов (б. Дворянское собрание) она была в ботинках, в которых в Тукране, под Уфой, копала картошку. Именно там, в Колонном зале, у маминой подруги во время аплодисментов украли муфту, а в ней были продуктовые карточки.

Отмена карточек в 1947 г. была большой радостью для всех. А для голодных студентов — тем более.

Как-то мама на рынке хотела купить чуть-чуть творога. Подошла к женщине. Сумма для мамы была слишком велика. Но женщина сказала: «Вы говорите: дорого. Я своей дочке творог не даю...»

Примерно в это же время одна из маминых соседок по общежитию целый год копила деньги на покупку новых туфель. А после денежной реформы на эти деньги купила себе булочку.

Во время войны у многих была иллюзия, что ужас и кошмар 1930-х годов не повторится. Но после войны репрессивная машина закрутилась с новой силой. Разгром генетики и кибернетики, постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», травля М. Зощенко и А. Ахматовой, Постановление ЦК ВКП(б) 1948 года «Об опере Мурадели “Великая дружба”». Достоинства и недостатки этой оперы здесь не имели никакого значения. Главной мишенью были наши лучшие композиторы: Н. Мясковский, С. Прокофьев, Д. Шостакович, В. Шебалин (тогда ректор Московской консерватории), Г. Попов. А Мурадели просто «попал под руку», потому что «неправильно» отобразил дружбу советских народов. Он написал несколько хороших песен и одну великую — «Бухенвальдский набат» (1958 г.).

А в музыкальном образовании велась «борьба с космополитизмом». В Гнесинском институте, как и в других учебных заведениях, в одночасье выгнали практически всех лучших педагогов. А вместо них пришли бездари. Читая лекции по истории музыки в профильном ВУЗе, они обкладывались учебниками по истории за 5–6 класс общеобразовательной школы.

Кое-кто из хороших педагогов уцелел. Но, например, вместо зарубежной музыки надо было преподавать, что русские музыканты говорили о ней. А слушать произведения вроде и не обязательно.

Была одна педагог, которую студенты прозвали «беременная революцией». С большим энтузиазмом и пафосом она говорила то, что требовалось. После выхода очередного постановления или другого документа — противоположное, но с теми же эмоциями. Например, о музыке С. Прокофьева к кинофильму «Александр Невский» она говорила, что в музыке, характеризующей образы русских людей, он реалист, а в музыке крестоносцев — формалист.

Ее муж, литературовед, погиб в сталинских лагерях. У него другая фамилия. Их сын, носящий фамилию отца, стал замечательным философом, автором отличной книги о Канте. Писал он где-то и о своих разговорах с мамой на религиозные и диссидентские темы. Там ее образ сильно отличается от того, который знала моя мама и я. В 1970-е годы она еще преподавала и с тем же пафосом рассуждала на темы революции и социализма. Она прожила более 90 лет, была хорошая, доброжелательная женщина.

Я специально не пишу их фамилий: ни ее, ни сына. Не хочу бросать на них тень. Кто знал эту семью или их историю, книги ее мужа и сына, уже их расшифровал.

Еще одна история для тех, кто тоскует по временам сталинизма. В 1951 году в Москву приезжал на гастроли легендарный итальянский дирижер Вилли Ферреро. Группа из нескольких студенток хотела подарить артисту корзину сирени. Им не дали это сделать. Чудом не исключили из института. Как же: низкопоклонство перед Западом...

Небольшое отступление. До сих пор у современных трубачей одно из самых исполняемых произведений — «Концерт-поэма» А. Арутюняна, написанный еще в 1949–1950 гг. Я думаю, даже более молодые читатели помнят в исполнении М. Магомаева песни А. Бабаджаняна: «Благодарю тебя», «Не спеши», «Твои следы», «Свадьба», «Королева красоты», «Лучший город земли», «Пока я помню, я живу». И много других.

Этих очень хороших и очень профессиональных композиторов учил Генрих Ильич Литинский (1901–1985), замечательный педагог и весьма остроумный человек.

Историю, которую я сейчас расскажу, вряд ли помнит кто-то, кроме меня. Во времена печально знаменитого постановления 1948 года сыну Литинского Жене было 4 года. Его родители, оба композиторы, много говорили об этом дома и с учениками. И вот однажды Женя сказал: «Как это композиторы не понимают! Надо писать простую народную музыку!». Потом Женя стал физиком. Этот эпизод мама рассказывала много раз.

В Москве в Союзе композиторов бурлила жизнь. На его пленумах, в журнале «Советская музыка» и в других местах проходила так называемая «дискуссия о программности». Многое из сказанного тогда кажется до ужаса наивным и примитивным. Конечно, программа не может сделать музыку лучше или хуже, но она помогает слушателю проникнуться содержанием инструментального произведения, а стремление

к массовости и популярности было одним из характерных импульсов советской культуры. Будем откровенны: неопытному слушателю значительно легче слушать небольшое симфоническое произведение, имеющее программное название, чем длящуюся около часа симфонию №...

В 1951 году в Москве прозвучала симфоническая поэма туркменского композитора Вели Мухатова «Моя родина». Это красивая музыка, основанная на туркменском народном мелосе и написанная с применением арсенала средств академической музыки. В 1952 г. композитор получил за нее Сталинскую премию 2-й степени.

Маме удалось получить доступ к партитуре. Один экземпляр они передавали друг другу по очереди с «Женькой Светлановым», тем самым, чье имя сейчас носит один из залов Московского Дома музыки. Он должен был дирижировать этим произведением, а мама — писать дипломную работу о ней.

Что касается этой работы, здесь интересы разных людей и сил переплелись причудливым образом. Мамин руководитель Р. — личность очень, очень противоречивая. Да, большой профессионал с энциклопедическими познаниями, владеющий несколькими языками. Будучи представителем баронского рода, верой и правдой служил советской власти. В 1948–1949 гг. уцелел и остался на работе, в отличие от своих изгнанных коллег. В том году дипломников у него было много, потому что он строил кооперативную квартиру и нуждался в деньгах. Мама всегда была человеком самостоятельным и работала, как считала нужным. Руководитель хотел, чтобы в тексте основное внимание уделялось дискуссии о программности, а музыка Мухатова была всего лишь примером. Мама же хотела писать именно о музыке. Однажды Р. стукнул по столу своим большим костлявым кулаком и рявкнул: «Кто здесь руководитель? Кто кем командовать будет?!». На что мама ответила: «Руководитель вы, а работа моя». К счастью, машинистка не поняла его правки, поэтому текст остался в прежнем виде.

Настала завершающая фаза работы над дипломом. Нужно было показать готовый текст композитору и рецензенту.

Мухатов тогда находился в Москве. Позднее мама много раз тепло вспоминала визит в его семью, симпатичную жену, вкусную и сытную национальную еду (полный обед). Читая работу, он всё время говорил, что здесь написано именно то, что он думал, чего хотел добиться. Частью угощения было и какое-то вино.

Закончив беседу, мама стала собираться дальше. И обнаружила, что не может встать... Всё-таки к рецензенту она в этот день попала.

Уже после защиты диплома маму уговаривали расширить часть, посвященную биографии и всему творчеству Мухатова, убрать раздел о дискуссии и таким образом превратить работу в книгу о композиторе. Не сложилось.

Позднее, уже в 1970-е годы, отдыхая в Ялте, мы общались с разными людьми со всех концов Советского Союза. Было много туркмен. Все они знали имя Мухатова и отзывались о нем с большой теплотой и любовью.

В 1952 году мама закончила институт. Из 11 иногородних, кто учился с ней на одном курсе, в провинцию уехало только двое. Мама и ее землячка и подруга, Людмила Петровна Атанова. Она прошла фронт, имела боевые награды. У нее были шрамы на грудной клетке. Но почему-то она всегда носила открытый ворот. Вероятно, ткань вокруг шеи ей мешала... Атанова вернулась в Уфу. Стала там Заслуженным деятелем искусств Российской Федерации и Башкирской АССР.

Мама получила распределение в Калинин (ныне Тверь). Вместе с Галиной Калининой, певицей, они поехали в этот город. Общежития для педагогов нет. Снять жилье невозможно. Его сдавали мамы «девочек на выданье» для офицеров, обучающихся в Военной академии.

И вот две девушки 28 лет в чужом городе, без крыши над головой. Что они сделали? Сели на крыльцо одного из домов и стали хохотать!

Какое-то время она жила в кабинете завуча. Потом ее приютила знакомая.

Несколько слов о строгости тогдашних нравов. Директору училища пришлось довольно жестко объяснить, что его сотрудники — не его гарем. Через какое-то время он сделал маме замечание, что нельзя ходить в блузке с коротким рукавом(!).

Потом, когда родители, будучи уже женатыми, уезжали в Магнитогорск, директор меленько отомстил. Через много лет они как-то повстречали его в Москве. Он обрадовался, похоже, искренне.

История моего папы

Фрейверт Борис Иосифович (1925–1984), музыковед. Родился в Харькове, на фронт ушел из Ташкента.

После ранения в 1944 году папа год лежал в госпиталях. Затем вышел. Военную академию, в типографии которой работал дедушка, перевели в Калинин. Семья жила в полуподвальной комнате, где проходящие люди были видны только до колен. К многочисленным материальным и бытовым трудностям люди относились стоически и с юмором. Со смехом папа рассказывал мне, что как-то в пустой кастрюле обнаружил мышь. Чтобы она не убежала, он, проделывая вращательные движения, выбежал с этой кастрюлей на улицу и выбросил зверюгу там. А она попала прямо в морду пробегавшего кота.

После ранения у папы была полностью изъята правая коленная чашечка и кости соединены напрямую. С палкой он ходил очень недолго. А потом жил полноценной жизнью: плавал, ходил на лыжах и вообще много двигался. Когда он стоял, не было видно, что одна нога короче другой на 4 см.

До 1941 года папа учился в школе в Харькове. Из мальчиков его класса уцелел он и еще один, который не был на фронте из-за серьезного заболевания. Погибали и девочки. Про одну я знаю точно. Надя Сухарева.

После войны папа, у которого был красивый голос, работал в Калининском ансамбле песни и пляски. Они ездили на гастроли. Были в том числе в Молдавии. Папа очень вкусно рассказывал, что там на рынке очень добрые продавцы, все зазывали попробовать. Пока ряд пройдешь — сыт и пьян.

Во все времена были люди, считающие артистов и вообще людей, работающих в другом месте, лентяями. Один такой высказал пианистке, что они бездельники. Она позвала его, посадила рядом с собой, взяла за руку, положила ее на стол. И сказала: «Шевели этим пальцем, потом этим, все по очереди, и так полчаса». Очень скоро мужик стал пищать, что ему больно. Зато научился на всю жизнь.

Папа поступил на вокальное отделение Калининского музыкального училища. У него был голос огромного диапазона. Педагоги спорили: у него тенор, баритон, бас?

Как-то к ним в училище приехал известнейший в те времена тенор, Георгий Виноградов. Он недавно вернулся из лагерей (или из ссылки?). После пережитого он позволял себе одну папиросу в день. Очень тепло отнесся к студентам, давал им хорошие профессиональные советы. (Интернет утверждает, что Виноградов был педагогом Валерия Леонтьева.)

Музыкально-теоретические предметы у папы вел Ростислав Сергеевич Таубе. Его и его жену, Наталью Флорентьевну, папа вспоминал очень тепло. Увидев папины отличные данные, Ростислав Сергеевич занимался с ним бесплатно. Позднее семья Таубе переехала в Саратов, где они работали в консерватории.

Я уже писала о том, что после ранения в коленную чашечку о сценической карьере папе пришлось забыть. Отличный слух, музыкальность, творческие данные, т. е. умение и желание сочинять музыку — всё это позволяло думать о профессии музыковеда. После уроков Таубе папа решил поступать в Московский государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных на специальность «музыковедение». На заочное.

Когда папа пришел со своим дипломом вокального отделения сдавать документы в Гнесинский институт, там едва не засмеялись в голос. Между программами по теоретическим предметам у музыковедов и вокалистов разница примерно такая же, как между учебником физики для 6 класса и программой олимпиады где-нибудь в физтехе.

Но после сдачи экзаменов у папы стояли «пятерки» по профилирующим дисциплинам, спасибо Таубе. К тому же он был инвалид войны.

Когда абитуриенты 1950 года пришли смотреть списки поступивших, там была фамилия девушки, которую никто из них не видел. Папы в списке не было. Как была восстановлена справедливость (исправлена

«ошибка»), папа не рассказывал подробно. По-моему, пришлось идти в военкомат. Но девицу эту никто так и не увидел.

В 1952 году в Калинин приехала моя мама. Там, на работе в музыкально-педагогическом училище, они и познакомились, в 1953 г. — поженились.

Дальше две линии повествования соединяются.

Как я уже писала выше, у папиной семьи была одна комната в полуподвале, примерно в таких же условиях жила семья моей мамы в Риге. Мамина мама и брат потом переехали в две комнаты на первом этаже деревянного дома с туалетом — выгребной ямой в подъезде. Реально молодой семье жить было негде. Ситуация с жильем в СССР после войны была тяжелая.

Мамина подруга, Дагмара Александровна Бубырева, по распределению попавшая в Магнитогорск Челябинской области, стала звать моих родителей туда, и они поехали.

То, что я буду описывать далее, я многое помню сама.

Город — гигант металлургии, бурно развивающийся, с энергичным и высокоталантливым директором музыкального училища.

Жизнь в Магнитогорске была очень специфичной. Город находится на двух берегах Урала. Следовательно, все транспортные проблемы, помноженные на морозы, ветры и другие особенности резко континентального климата, налицо. Мы жили на правом берегу, училище — на левом.

Слова «экология» тогда не было. Но все знали, как пахнет сульфитка, аммиак, и эти запахи и слова я помню с детства. Когда пускали шлак — всё небо было бордовым. Красиво... Светлых пальто в Магнитке никто не носил. Когда мы вынимали из почтового ящика новый журнал «Советская музыка» (сейчас он называется «Музыкальная академия»), на его обложке оставалась белая пятерня: след от копоти.

Иногда на выходной люди ездили на Банное или Соленое озера. Была видна «шапка над городом».

И одновременно с этим в городе была насыщенная музыкальная жизнь. Магнитогорское музыкальное училище и Магнитогорская хоровая капелла выполняли одновременно и функцию филармонии. Директор училища, Семен Григорьевич Эйдинов, дирижер-хоровик, прекрасный музыкант и организатор, создал капеллу, слава о которой гремела по всей стране. В Риге, в краю с традиционно высочайшей хоровой культурой, билетов на концерты гастролей Магнитогорской капеллы было не достать.

У них были замечательные концертные программы. В частности, они исполняли почти целиком «Руслана и Людмилу» М. И. Глинки. За вычетом увертюры, симфонических эпизодов (танцев) и ряда арий.

Капелла много выступала на Магнитогорском металлургическом комбинате, в цехах.

В газете «Магнитогорский рабочий» регулярно публиковались статьи о музыке. Часто их писала мама, изредка — папа.

Зарплаты тогда были низкие у всех. У папы педагогическая нагрузка была по 50, а иногда и 60 часов в неделю (доходило до 3 ставок). И это сочеталось с активной творческой жизнью: он сочинял много музыки, в училище регулярно проходили концерты, ставились капустники. В одном из них, под названием «Пиковая двойка», папа в соответствующем костюме пел полностью пролог из оперы Р. Леонкавалло «Паяцы» (отблеск несостоявшейся сценической карьеры) с актуальными словами: «Ты человек? Нет, ты студент!»

Экономический уровень жизни был такой, что, например, моя мама имела 1 шерстяное (потом 2) и 1 летнее платье. Когда оно разорвалось пополам, мама заняла денег у друзей и в дикую жару в шерстяном платье пошла покупать себе другое. И так жили все. По принципу: «В субботу вечером в таз, в понедельник на себя».

Тогда даже люди, которые могли себе позволить больше, старались не демонстрировать превосходство своего материального положения. Многие годы меня в зарубежных фильмах раздражали бесконечные переодевания героев. Для них это знак следующего дня, для людей моего поколения и старше — выставление напоказ своего богатства. Правила приличия могут быть очень разными и меняться на протяжении жизни одного человека.

Позитивный жизненный настрой, энтузиазм чувствовался во всем. Сохранились фотографии этого времени. На них все и практически всегда улыбаются. Искренне.

Характерно, что при невероятной занятости люди все же успевали ходить друг к другу в гости, общаться. Эти трапезы могли быть со спиртным или без, неважно. На стол ставилось всё сразу, и «соленое», и «сладкое».

Студенты и педагоги много времени проводили вместе. Помню их частое присутствие в нашем доме. Работа над дипломом, подготовка к выступлениям и просто общение.

Еще один бытовой штрих. В Магнитогорске продавались довольно большие продолговатые глазированные пряники. Они были овальной формы и по высоте больше, чем, например, тульские. Без начинки. Их называли почему-то «бананы». Для меня до недавнего времени это слово обозначало в первую очередь именно пряник моего детства.

Думаю, многие помнят первомайские и ноябрьские демонстрации тех лет. Удивительно, но людям действительно было весело: шарики, искусственные цветы, пение, танцы, шутки.

В Магнитогорске еще надо было учитывать характер резко континентального климата. 30 апреля мог еще лежать снег, а 1 мая все уже в летних платьях. В Туле часто 1 мая была хорошая погода, а 2-го — дождь со снегом.

Семья, 1964 г.

Одно из важнейших событий жизни нашей семьи — получение мамой справки о реабилитации деда. Бабушки уже не было на свете. Эту маленькую справку с исправленной опиской в дате мама хранила как зеницу ока.

Еще одно событие 1950-х годов — массовое снятие инвалидности с фронтовиков. Это коснулось и моего папы, и моего дяди. Была такая формулировка: «приспособившийся».

В 1962 году по ряду причин наша семья переехала в Тулу. Квартиру в Магнитогорске мы «бросили». В Туле администрация Тульского музыкального училища им. А. С. Даргомыжского (директором тогда был Е. К. Федоров) обещала дать квартиру через год. Слово свое сдержала. Как и по отношению к еще двум семьям педагогов. Через несколько лет училищу дали еще одну квартиру. И всё. Вступить в кооператив тогда было невозможно, поменять квартиру — крайне сложно, купить — такого оборота речи при социализме не было.

Наша семья занимала две комнаты во флигеле во дворе училища, на ул. Тургеневской, д. 5. Соседние две комнаты занимала семья Пучковых. Размеры наших комнат были 10 и 4 кв. м. На стенах — сырые пятна, чьи узоры я тоже помню. Хорошо, что был туалет и кухня с водой. Часть менее нужной мебели была отправлена опять в Ригу к родным. Эта замечательная рижская мебель пережила 4 переезда. Почти вся она, с 1958 г., служит мне до сих пор.

После войны велось широкое массовое жилищное строительство. Как известно сейчас историкам архитектуры, проекты этих домов, прозванных «хрущобы», разрабатывались в мастерской Константина Мельникова, великого советского архитектора. Стояла задача построить больше, быстрее и дешевле. Не менее четверти населения получили эти квартиры. Сейчас плохое об этом жилье не говорит только ленивый. Но из чего мы туда въехали? «На 38 комнаток всего одна уборная...», по В. Высоцкому, были еще не самым плохим вариантом.

Сравнивать это жилье со сталинскими домами — как говорится, не вполне корректно. Они решали разные социальные задачи. Жилое строительство 1930-х годов и позднее предназначалось для элиты. У В. Маяковского есть стихотворение «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру». Обратите внимание на фамилию героя...

В годы хрущевской оттепели было построено много зданий, определивших облик советских городов. Из знаковых построек Москвы — конечно же, Кремлёвский Дворец съездов и Калининский проспект, ныне Новый Арбат, здание СЭВ (Совет экономической взаимопомощи). Эти сооружения сразу стали пользоваться любовью советских людей.

Дворец съездов вписан в ансамбль Кремля, который тоже складывался не за один век...

Историки современной архитектуры сопоставляют Калининский проспект с решениями скандинавских городов, с постройками Л. Мис ван дер Роэ, остряки сравнивают его со вставной челюстью.

Москвоведы, историки градостроительства печалятся о разрушении исторической ткани города (а транспорт куда девать?). Но я помню это ощущение праздника от широкого проспекта, магазинов и кафе, чьи интерьеры воспринимались тогда как остро современные, как образы новой жизни. Частью этой жизни был и знаменитый дефицит — многочасовые очереди за продуктами, одеждой и обувью.

Помню такой диалог между москвичами и нами: «Мой муж три часа ходил по Москве, искал сметану» — «Вы знаете, в Туле никто не ищет сметану».

Еще одно воспоминание 1960-х — приезд Фиделя Кастро на первомайские праздники в Москву в 1963 г. Было ощущение энтузиазма, праздника, ликования. Видя улыбку Фиделя, буквально каждый участник демонстрации чувствовал, что приветствовали тебя лично. Помню это по себе (было мне 6 лет).

Событие 1967 или 1968 года, которое помнят многие туляки, — страшная трамвайная авария. В часы пик люди ездили не только на подножках, но и висели снаружи. Один раз трамвай перевернулся. На правую сторону по ходу. Кто висел снаружи, погибли сразу. Жертв было очень много. Дочь одного из тех, кто попал в катастрофу, училась у моих родителей. Она рассказала нам всё очень подробно. В эти дни мы решили послушать по радио западные голоса. Какая конкретно была радиостанция, не помню, но переврали они всё, что только можно. С тех пор в правдивую безгрешность «товарищей буржуев» я не верю.

Еще одна особенность жизни того времени. С 1963 по 1983 год наша семья практически каждый год ездила в Ялту. Это была действительно всесоюзная здравница. Туда приезжали люди со всех концов Советского Союза, из всех республик. Люди с заболеваниями бронхов, легких и почек есть везде. Ялта была очень демократичным курортом: много столовых, курортная поликлиника, водолечебница, большой пляж, где не то что яблоку — черешне не всегда было где упасть. Места занимали с раннего утра. Где-то часов с 5:30 — 6:00. Наверное, промежуток между 2-м и 3-м зонтиком ничем не лучше промежутка между 4-м и 5-м. Но как-то люди приходили на одни и те же места, и «рассадка» была стабильной, почти как в оркестре.

Поскольку советские врачи прекрасно знали и озвучивали, что акклиматизация длится 3 дня, а полная акклиматизация — 2 недели,

люди старались приезжать хотя бы на 3 недели. Стандартная длина путевки — 24 дня. А три санатория близко от моря — «Киев», «Энергетик» и «Запорожье» — были профильными для заболеваний почек. Там курс лечения по путевке длился 48 дней. Поскольку болезни бронхов и почек обычно от человека не уходят совсем, люди ездили туда десятилетиями. Было много дружеских связей, общения. В течение года — открытки по праздникам с основными новостями.

Климат Крыма обладает своими особенностями. Летом в одно и то же время, практически по минутам, становится тепло, жарко, холодно. Между процедурами и едой требуется соблюдать определенный интервал. Это знали и понимали все. Встретившись через год, люди утром и днем задерживались буквально на 1–2 минуты. Все разговоры и подробности — вечером. На набережной. Больные не только делились народными рецептами. Самое удивительное, что ими интересовались и врачи. И сообщали заинтересованным пациентам.

Многим из этих больных нельзя было переохлаждаться и, следовательно, купаться. «Пловцы» им очень сочувствовали. А поскольку большинство тогда купалось в шапочках, даже незнакомые люди часто просили в них принести им воды. Это было очень распространено.

Через много лет, оказавшись впервые в Сочи, я спросила: кому набрать воды в шапку? Все очень удивились. Там это не было принято...

Состав отдыхающих в Ялте был очень пестрый. Можно было прожить на очень небольшие деньги. Как-то, уже в 1980-е, мы с мамой подсчитали, что при скромной жизни семье из 3 человек 1 минута пребывания в Ялте обходится в 1 копейку... (тогда 3–5 копеек стоил билет на транспорт).

Моя мама говорила, что ОБХСС (Отдел борьбы с хищениями социалистической собственности) не нужен. Достаточно походить в ресторан и посмотреть, кто что берет на обед. Не раз за сезон, а каждый день...

Несколько лет можно было наблюдать, как на набережной танцевали под народные инструменты люди, приехавшие с Кавказа и Средней Азии, явно представители разных народов. Наблюдала я и оживленные беседы азербайджанцев и туркмен — они понимали друг друга, разговаривая каждый на своем языке.

Интересная особенность ялтинской курортной жизни этих лет — своеобразный «переменный дресс-код», если выразиться по-современному. Утром на пляж все одевались очень просто, можно сказать, бедно. Обычно старые вылинявшие халаты, рубашки и ситцевые купальники в цветочек. Днем — сон, отдых. А вечером все наряжались. Разумеется, в соответствии со своими финансовыми возможностями и национальными традициями. Обычно за сезон выпадало 1–3 по-настоящему холодных вечера, и тогда непредусмотрительные отдыхающие с легкой завистью смотрели на длинные платья с вышивкой и шаровары женщин из Средней Азии.

Свои ритуалы были в столовых и ресторанах. Один из столовских афоризмов тех лет — объявление: «Столы без пищи не занимать!»

Тогда официанты не носили бейджиков, но постоянные посетители обычно знали их имена и основные обстоятельства их жизни.

Что касается повседневной трудовой жизни с ее дефицитами и «длинными, зелеными, что пахнут колбасой» («продуктовые» электрички «Москва — Тула»), об этом помнят многие. Рюкзаки, тележки были в каждой семье. Как-то после праздников у меня, кажется, пропал билет на электричку — не смогла войти даже в тамбур.

Со слов соседки, давно покойной, знаю такую историю. Ее знакомую, возмутившуюся отсутствием ряда продуктов в одном из московских магазинов, стоявший поблизости мужчина пообещал отвезти в хороший гастроном. В условном месте ее и нескольких других людей ждала машина. Их отвезли в какой-то Дом культуры и там долго показывали документальные фильмы о голоде и стихийных бедствиях в разных странах. Потом они поехали домой, уже без продуктов.

Моя история

В 1971 году я поступила учиться в Москву, в Музыкальное училище им. Гнесиных. Сдала на все «пятерки». Не хвастаюсь, но просто штрих быта: хотя я была иногородней, стипендии у меня не было, потому что ее давали «по материальному положению», а последнее определяли по справкам.

В 1970-е годы идеологический диктат стал ослабевать. После «бульдозерных» выставок какая-то информация о нашем художественном андеграунде просачивалась. В Москве был большой ажиотаж по поводу первой выставки наших советских авангардистов в залах Московского союза художников-графиков. Малая Грузинская, 28, рядом с общежитием Московской консерватории.

Прекрасно помню свой первый поход туда. Зима 1975–1976 гг., холодный день. А мои сапоги прохудились. Купить невозможно — дефицит. Приехала в старых валенках с заплатками.

Простояв где-то, наверное, часа 2–3, я поняла, что надо срочно греться. Обошла этот дом кругом, нашла теплый тамбур. В какой-то момент заметила, что за стеклом с той стороны ходят люди. Пригляделась. Вроде картины висят. Дернула дверь. Она оказалась открытой. Я вошла на выставку, постаралась пройти подальше от двери, чтобы не было понятно мое жульничество.

Еще один «художественный» эпизод примерно тех же лет. Он связан с другой группой событий. Много времени, места и внимания тогда уделялось трем книгам, автором которых числился Л. И. Брежнев: «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». Художники тогда писали портреты Брежнева и картины по сюжетам этих книг.

И вот в Манеже проходит очередная выставка. Официозно-грандиозная, как всегда. Но на таких выставках всегда находилось несколько по-настоящему интересных работ. Интересных с разных точек зрения.

Одним из обласканных властью художников был Дмитрий Налбандян (кстати, в Ялте мы общались с одной пожилой и потрясающе красивой дамой, Сильвией Степановной Налбандян, которая говорила, что Булат Окуджава и художник Налбандян — ее родственники).

На выставке в Манеже — его картина «Л. И. Брежнев работает над “Воспоминаниями”». На картине он сидит спиной к свету перед чистым листом бумаги и держит красный (т. е. редакторский!) карандаш острием к себе. Да, советские деятели культуры были большие мастера по подтекстам и комбинациям из известного количества пальцев, которые просвечивали сквозь карман, и иногда очень сильно.

На рубеже 70-х и 80-х годов мы несколько раз снимали в Ялте комнату у семьи Пугиных в одном из «элитных» домов. Александр Иванович, бывший директор школы, потом долго возглавлял горком профсоюза медицинских работников. Его жена, домохозяйка, вязала шапки и ходила продавать их. Пугин, который тогда уже был на пенсии, играл важную роль в восстановлении Днепрогэса и написал об этом книгу. Мы всей семьей читали его машинопись. Не сужу о художественном таланте, но описания — точные, конкретные. Пугин приехал туда значительно раньше Брежнева, и по тексту получалось, что всё самое существенное уже было сделано. Понимал ли это сам автор — сейчас уже никто не скажет. Он пытался опубликовать свою книгу. Ему везде отказывали. Этот текст, возможно, создавал свой миф, но реально разрушал миф более «высокопоставленный». Судя по яркости и детальности описания, предполагаю, что там было много правды.

В институте мы проходили только одну философию: диалектический и исторический материализм. Какие-то вводные главы о других философских системах там тоже присутствовали. В принципе, это был далеко не самый плохой метод философского образования. Если хочешь, можно понять, как строится одна система. Достаточно простая для понимания студента, занятого другими вещами. Во всяком случае, аргументации типа «эта система плохая, потому что она не нравится мне или правительству», мы от педагогов не слышали.

По всем общественно-политическим дисциплинам с нас «драли много шкур». На выпускном курсе был такой легендарный предмет: «научный коммунизм». У нас в Московском Государственном музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных его преподавали два педагога. Если их лекции иногда проходили одновременно, мы старались попасть к Владимиру Семеновичу Фритлинскому. Многое из того, что он говорил в 1980–1981 гг., я услышала вновь уже после перестройки. Не сразу.

Училась я тогда на заочном отделении. Интересно, что с нами — уже работающими самостоятельными людьми — преподаватели разговаривали иначе и чувствовали себя свободнее. Дневники часто очень удивлялись тем эпизодам лекций, которые мы им пересказывали.

Заглянула в интернет. Увидела фото Фритлинского. Узнаваем, хоть прошло почти 40 лет. Работает с психологами. Душевно обрадовалась, что он жив и трудоспособен.

Если вам скажут, что при социализме не было безработицы — неправда. Например, я с 1982 по 1984 г. не могла найти работу по специальности «музыковедение» ни в музыкальных школах, ни в училищах. Сложность была в том, что советские люди, в том числе близкие, часто рассуждали по принципу: «Такого не может быть, вы сами виноваты». Здесь срабатывал простой психологический механизм: «У них так, потому что они плохие; я хороший, со мной такого не будет». Что касается стабильности тогдашней жизни: она была. Тебе хорошо — отлично; тебе плохо — дёргаться бесполезно...

Поскольку у моей мамы была инвалидность, она была практически беспомощной, я не попадала в тунеядцы, меня не трогали. Но когда я приносила в райком комсомола свои взносы 2 копейки, иногда возникали неприятные разговоры; как только я говорила: «Помогите устроиться», — сразу же стихали.

Еще особенность жизни 1970–1980-х гг. — так называемые лекции по международному положению. Часто они были интересными: там говорилось то, что не попадало в газеты, теле- и радиопередачи. Однажды, где-то в промежутке между 1976 и 1981 годом, лектор сказал: «Диссидентство у нас в стране не имеет никакой социальной почвы. На весь Советский Союз их 300 человек». До 1985 года оставалось не так уж много времени...

МОЯ ПАМЯТЬ О Г.И. ПАНШИНЕ — УЧИТЕЛЕ В СПОРТЕ И ЖИЗНИ

Богомолов Виталий Алексеевич, 72 года,
пенсионер,
Почетный гражданин г. Новомосковска Тульской области,
г. Новомосковск

В жизни каждого из нас наверняка есть два-три человека, которые сыграли большую роль в становлении характера, выборе жизненной позиции. Одним из таких людей для меня и был Глеб Иванович Паншин. Я благодарен судьбе, что она свела меня с этим человеком еще в детстве. Познакомился я с ним в сентябре 1958 г., когда 13-летним мальчишкой пришел во Дворец пионеров записываться в секцию бокса. Но поскольку этим видом спорта разрешали заниматься только с 14 лет, то мне посоветовали пойти в секцию акробатики, позаниматься там, окрепнуть и через год вернуться к вопросу о боксе. Я так и сделал — поступил на отделение акробатики детской спортивной школы, где тренером был Глеб Иванович, а вскоре он стал и директором ДСШ.

С первых занятий я был вовлечен в атмосферу товарищества, уважительного отношения друг к другу. Это придавало силы для освоения сложных акробатических элементов. Глеб Иванович воспитывал в нас силу воли, преданность делу. Он был очень требовательным педагогом, пресекал любую расхлябанность, не прощал никаких шалостей в быту, поверхностного отношения к учебе в общеобразовательной школе. Мне такой подход нравился. Пропустить тренировку было недопустимо, это означало малодушие, безволие и предательство. Очень многие ребята с нашего квартала начинали заниматься в секции, но через две-три недели занятия бросали — не выдерживали ни моральных, ни физических нагрузок. И тем приятнее было осознавать, что ты не смалодушничал, ты выдержал.

Вместе со мной до конца прошел этот путь и мой товарищ, одноклассник Анатолий Зимин. И мы очень благодарны Глебу Ивановичу, что он помог нам поверить в себя, научил преодолевать трудности, проявлять упорство в достижении поставленных целей.

Мы безоговорочно верили в своего тренера, потому что видели в нем настоящего порядочного человека, профессионала, со всей серьезностью относящегося к своему делу и судьбе каждого из нас.

Естественно, что через год я забыл про бокс и продолжил заниматься акробатикой, а затем и гимнастикой.

Забегая вперед, скажу, что со временем Глеб Иванович стал великолепным писателем, и начинал он с книг для детей, поскольку прекрасно знал их душу. Свою первую книгу под названием «Шестеро с «Альбатроса» он выпустил в 1968 г. В этом же году я закончил институт и получил диплом инженера-механика. На презентации этой книжки Глеб Иванович подарил мне ее экземпляр с дарственной надписью следующего содержания: «В. Богомолову — в память о гимнастике. И желаю трудных инженерных дорог». В последней фразе весь Глеб Иванович. Он хорошо понимал, что легких путей в работе и в жизни не бывает, и не стал желать, как обычно, успехов и счастья, а сразу же настраивал на серьезное отношение к работе и готовность к преодолению трудностей. Но, пройдя школу Глеба Ивановича, я к этому был готов. И последующая жизнь показала, что действительно легких путей не было.

Глеб Иванович Паншин был бесконечно предан спорту, поскольку видел в нем не источник для достижения каких-то своих личных целей, а средство воспитания патриотов своей Родины, настоящих граждан страны с крепкими моральными и физическими устоями.

Особого уважения заслуживает его подвижническая деятельность по организации строительства здания детской спортивной школы, а в последующем и здания техникума физической культуры. И здесь проявились не только его исключительные организаторские способности, но и педагогический талант, поскольку строительство ДСШ превратилось в своего рода воспитательный полигон юных спортсменов, так как практически каждый из них прошел хорошую трудовую закалку, работая на этой стройке. Вот именно с таких строек брали свое начало будущие летние трудовые лагеря школьников, студенческие строительные отряды.

Глеб Иванович Паншин оставил глубокий след в истории г. Новомосковска и Тульской области.

В последние годы, занимаясь активной писательской деятельностью, он многое сделал по сохранению исторической памяти о Куликовской битве, по превращению Куликова поля в центр патриотического воспитания молодого поколения, в центр, объединяющий все здоровые силы России для дальнейшего укрепления государственности. Огромную роль в этом сыграл созданный и редактируемый им литературно-художественный журнал «Поле Куликово». Бесценна и созданная Глебом Ивановичем «Энциклопедия Куликова Поля».

В тяжелые первые постсоветские времена, когда все буквально рушилось, активная деятельность Глеба Ивановича во многом способствовала тому, чтобы события Куликовской эпопеи не стерлись в памяти современников. Ежегодно он с группой энтузиастов, объединенных «Товариществом «Куликово Поле», проводил на Куликовом Поле День поминовения воинов, павших за Отечество во все времена. Мероприятия проводились без помпезного официоза, без указания «сверху». Люди собирались не по принуждению, а по зову сердца, руководствуясь чувством духовной общности и болью за судьбу России. Эта работа Глеба Ивановича заслуживает глубочайшего уважения и людского признания.

Летом 1997 г., когда я работал первым заместителем губернатора Тульской области В.А. Стародубцева, Глеб Иванович приехал ко мне в Тулу и во время разговора затронул тему Куликова Поля. При этом намекнул, что было бы неплохо организовать там в сентябре празднование в честь очередной годовщины Куликовской битвы. Мне это предложение показалось весьма интересным и своевременным. Ситуация в области была очень тяжелая, многие предприятия простаивали, задерживали выплату заработной платы, катастрофически не хватало средств на решение первоочередных социально-бытовых проблем. И проведение в масштабах области с широким привлечением людей празднования очередной годовщины победы русского народа на Куликовом Поле, на мой взгляд, могло бы воодушевить людей, вселить веру в завтрашний день, мобилизовать на преодоление трудностей. Со своими мыслями мы пошли к губернатору В.А. Стародубцеву. Будучи большим патриотом, Василий Александрович с полуслова понял важность этого мероприятия, тут же дал добро и поручил нам заняться подготовкой праздника. В нашем распоряжении было менее двух месяцев, а объем работ предстояло выполнить огромный: отремонтировать подъездные дороги, которые были разбиты вдребезги, провести благоустройство территории у самого Красного холма, подготовить культурно-развлекательную программу и т.д. Но мы с успехом справились с этой задачей и впервые за многие годы провели грандиозный праздник, в котором приняли участие десятки тысяч жителей Тульской и близлежащих областей.

После этого такие праздники стали проводиться уже регулярно и с каждым годом масштабнее и интереснее.

Темой Куликова Поля Глеб Иванович занимался до последних минут своей жизни. В девяностые годы у него возникли серьезные проблемы со здоровьем. Ему сделали операцию по удалению опухоли головного мозга. Болезнь вроде бы отступила, но затем вновь начала прогрессировать. В январе 1999 года ему предстояла повторная операция. Но он не опускал руки и продолжал работать. 7 января 1999 г., незадолго до операции, он написал письма губернатору В.А. Стародубцеву и мне, в которых проявились его неукротимый характер, железная сила воли, стремление до последней секунды жизни служить Родине. В частности он пишет:

«Дорогой Василий Александрович, судьбе угодно еще раз испытать меня — 20 или 21 января мне будет повторная операция, результат которой не только в руках нейрохирургов. Я иду на неё спокойно с надеждой на милость Божию и судьбы, но и с чувством неудовлетврения, что так мало успел порадеть Отечеству, и так много ещё не доделано. Знаю лишь твёрдо, что держался до последнего патрона, что и в утро перед операцией не потрачу попусту и минуты — при мне будут ручка с бумагой и магнитофон.

Конечно, я надеюсь и не унываю, однако, как говорят хирурги, даже аппендицит удалить — тоже риск. Поэтому прошу понять мои просьбы в продолжение начатых дел в пользу России и не осудить за настойчивость.

Первая — поручить лично В.А. Богомолову общий контроль за начатыми делами по строительству музея на Куликовом поле и всем, что с этим связано. Знаю, как он перегружен, но верю, что не откажется из чувства укоренённого воспитанием патриотизма. Куликово поле — это тот духовный стержень, вокруг которого можно сплотить всю Центральную Россию для победы над новыми мамаями.

Вторая — вместе с губернаторами-государственниками удержать и расширить общерусское информационное поле высокого художественно-публицистического уровня, имея средством журнал “Поле Куликово”, с ежемесячным дешёвым массовым приложением. Это недорого, если взяться сообща.

Вы знаете, что я ещё ни разу не ошибся в предвидении политической перспективы, поэтому:

Лично Вы не сдавайте административных позиций, если только возникнет реальная возможность подняться выше...

Не обижайтесь, Бога ради, если второпях сказал что-то не так.

Верю в Вас и сердечно, по-братски обнимаю. Ваш Г. Паншин».

Какая сила духа!

В письме, адресованном мне, он написал:

«Дорогой Виталий! Ты меня знаешь всю жизнь и поймешь, что письма мои к Василию Александровичу и тебе — это не от слабости духа, но лишь от заботы, в случае неудачного исхода операции, за продолжение дел, которые мы вместе начинали с высокими думами о спасении Отечества от нынешних посягателей на само наше существование.

Итак, сначала о письме к Василию Александровичу. Передай его, когда сочтёшь нужным, вместе с самодельным моим подарком, где всё — от литья до деревянного кружка сделано моими руками. На медали Сергий Радонежский благословляет Дмитрия Московского (будущего Донского) на Куликовскую битву; рядом — Пересвет и Ослябя, сзади — воины. Не откажи мне и в просьбе принять на себя заботы по музейно-мемориальному комплексу Куликова поля. Ты мне как старший сын, кому же ещё доверить осуществление главной мечты всей жизни? Но даже если всё обойдётся, ведь именно с тобой я согласился взяться за дело!.. Сейчас не такой момент, чтобы лукавить, не договаривать.

Личная просьба (тоже ради общего дела) может быть только одна: помочь изданию моей книги для детей и юношества. Мерзко и невмоготу терпеть засилие бездуховной и разлагающей литературы. Конечно, мои рассказы и повести — не классика, но польза от них ещё будет, а это тоже в нашу общую копилку. Рукопись книги у Азы Дмитриевны.

Хочу, чтобы ты оставался всегда самим собой, этого довольно, чтобы с честью послужить Родине, прожить достойно и с любовью в кругу семьи и самых близких тебе людей.

И всё-таки надеюсь на лучшее, и тогда ещё не один год будет в тяжелых совместных трудах, но верю, — и с утешающими результатами...

Обнимаю вас всех сердечно и целую. Г. Паншин».

Оба письма пронизаны тревогой не о личной судьбе, а о незавершенных делах во благо людей. Конечно, было приятно читать и добрые слова в мой адрес. Такие слова и высказанное доверие, конечно же, окрыляют и придают новые силы. Ведь сказаны они человеком, которого ты бесконечно уважаешь и ценишь.

Глеб Иванович прожил после повторной операции еще около четырех лет. Все те вопросы, которые были поставлены им в письмах, ему удалось решить, в основном, самому.

Мечта Глеба Ивановича осуществилась: храм Сергия Радонежского возвращен в ведение церкви, на Куликовом поле вновь, как и прежде, растет ковыль, возрождена знаменитая Зеленая дубрава, построен грандиозный музейный комплекс.

Куликово поле не забыто и продолжает быть объединяющим началом духовного возрождения народа.

Мне очень приятно, что в моем доме есть несколько вещей, которые ежедневно напоминают мне о моем любимом учителе в спорте и в жизни Глебе Ивановиче Паншине.

Как-то во время одной из встреч он сказал, что ему очень хочется подарить мне какую-нибудь вещицу, которая бы сохраняла память о нем. При этом он оговорился, что у него нет каких-то старинных фамильных вещей, но есть скромный однорожковый подсвечник, очень памятный ему, который он с удовольствием бы мне подарил. С еще большим удовольствием я принял этот дорогой для меня подарок.

За год с небольшим до своей кончины Глеб Иванович подарил мне, пожалуй, одно из главных своих детищ — энциклопедию «Поле Куликово», изданную в двух томах, и, как всегда, с теплыми словами, западающими в душу. Он написал на обложке книги: «Дорогой Виталий! Изо всех остатных сил обнимаю тебя с чувством благодарности за все доброе, что ты сделал для меня, для журнала, для Куликова поля.

Хочу, чтобы ты был счастлив во все годы в кругу любящей тебя семьи и среди друзей-товарищей. Хочу, чтобы труды твои на пользу Отечеству продолжались долго и были оценены по достоинству. Твой Г. Паншин 21.09.2001 г.».

И вот с этими добрыми словами и пожеланиями я несу все эти годы память о Глебе Ивановиче Паншине — великом человеке и патриоте, посвятившем всего себя без остатка служению Отечеству.

А. Д. ШЕРЕМЕТ: ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, ОРГАНИЗАТОР

Носова Ольга Александровна, 60 лет,
генеральный директор Саморегулируемой организации аудиторов Ассоциация «Содружество» (СРО ААС),
член Совета Торгово-промышленной палаты РФ по саморегулированию предпринимательской и профессиональной деятельности,
член Экспертного совета Государственной Думы РФ по законодательному обеспечению аудиторской и контрольно-ревизионной деятельности в РФ ,
Чая Владимир Тигранович, 75 лет,
вице-президент СРО ААС, д.э.н., профессор, главный научный сотрудник кафедры учета, анализа и аудита экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

А. Д. Шеремет (1929–2020)

Нам посчастливилось работать с удивительным человеком, имя которого широко известно не только в России, но и далеко за ее пределами.

Анатолий Данилович Шеремет родился 2 сентября 1929 года в деревне Головлинка Иваньковского района Тульской области. Выдающийся ученый, человек редкой эрудиции и интеллигентности, Анатолий Данилович внес большой вклад в развитие российской науки, в создание научной школы комплексного экономического анализа, стоял у истоков развития отечественного аудита. Его авторские методики широко используются в практике хозяйственной деятельности, а фундаментальные работы получили самую высокую оценку специалистов как в России, так и за рубежом.

Вся жизнь А. Д. Шеремета связана с экономическим факультетом Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова: студент, окончивший курс обучения с красным дипломом (1952); аспирант, досрочно и успешно защитивший кандидатскую диссертацию (1955 г.); старший преподаватель (1955); доцент (1960); доктор экономических наук (1971); профессор, заведующий кафедрой учета, анализа и аудита (1972–2012), а потом научный руководитель кафедры; свыше 40 лет — председатель диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности «Бухгалтерский учет, статистика»; с 1991 года — руководитель Учебно-методического цен-

тра МГУ по обучению и переподготовке профессиональных бухгалтеров и аудиторов — таков путь известного ученого и педагога.

В числе главных итогов учебно-педагогической деятельности можно выделить следующие:

— создание первого в стране учебника по анализу экономики предприятий для факультета журналистики (1967);

— публикация первого в стране университетского учебного пособия по теории экономического анализа (1971), в дальнейшем развитого вместе с профессором М. И. Бакановым в основной учебник для экономических специальностей вузов (1981), и личного учебника «Теория экономического анализа» (2002);

— развитие идей его учителя, профессора С. К. Татура, и создание университетского курса анализа хозяйственной деятельности (1974);

— создание первого в стране учебника «Комплексный анализ хозяйственной деятельности» (2006);

— организация в МГУ имени М.В. Ломоносова одного из первых в России Учебно-методического центра обучения и переподготовки профессиональных бухгалтеров и аудиторов (1991), в котором прошли обучение более 40 000 слушателей.

А. Д. Шеремет заведовал кафедрой на протяжении 40 лет, создав мощный коллектив единомышленников, открыв дорогу в мир науки и образования многим своим ученикам как в России, так и в странах СНГ, поднял престиж бухгалтерской профессии в целом. Как профессионал в изучении учетно-аналитической мысли, за свою жизнь Анатолий Данилович внес огромный вклад в развитие теории, методологии и практики учета, анализа и аудита.

За годы своей научной работы Анатолий Данилович подготовил и опубликовал свыше 350 работ общим объемом более 1200 печатных листов. Он является автором или соавтором 23 научных монографий, 28 учебников и учебных пособий с грифом Минобрнауки России, выдержавших 7 изданий, 13 методик и практических пособий, часть из которых рекомендована Минфином России в качестве типовых.

Им была создана научная школа проблем комплексного экономического анализа, утвержденная Ученым советом экономического факультета МГУ им М.В. Ломоносова. Под его руководством защищены 60 кандидатских диссертаций, он был консультантом успешно защищенных 27 докторских диссертаций.

Научная деятельность А. Д. Шеремета отмечена грамотой Ломоносовских чтений МГУ (1964), званием Лауреата Ломоносовской премии «За научную деятельность» (1978); «Заслуженный деятель науки РСФСР» (1980) и «Заслуженный экономист Российской Федерации» (1998), почетными грамотами ВАК СССР «За особые заслуги в работе по аттестации научных и научно-педагогических кадров» (1978 и 1982).

Коллектив кафедры (сидят слева направо): А.Д. Харченко, А.Д. Шеремет, основатель кафедры С.К. Татур, И.А. Ломакин, С.И. Полякова

В 1989 г. А. Д. Шеремет создал Ассоциацию бухгалтеров СССР, которая со временем была преобразована в Ассоциацию бухгалтеров и аудиторов СНГ. К 1993 г. она объединила на основе коллективного членства все ассоциации бухгалтеров новых независимых государств, присоединившихся к СНГ. Впоследствии она была переименована в Ассоциацию бухгалтеров и аудиторов «Содружество», а позже в Саморегулируемую организацию аудиторов Ассоциация «Содружество». Более 30 лет он был и навсегда остался бессменным Президентом Ассоциации бухгалтеров и аудиторов, и по праву гордился тем, что созданная им СРО ААС прошла проверку на прочность и доказала право на существование. На сегодняшний день она остается в стране единственной саморегулируемой организацией аудиторов, соответствующей требованиям федерального законодательства.

Начиная с середины 60-х годов А. Д. Шеремет одним их первых от СССР, а после его распада — от СНГ и России представлял бухгалтерское и аудиторское сообщество за рубежом. Он хорошо известен в Международной Федерации бухгалтеров (IFAC, или МФБ). Еще в 1987 году, во время его стажировки в университете Нью-Йорка, когда он впервые познакомился с деятельностью МФБ и ее независимых комитетов, он представил МФБ руководимую им организацию — Ассоциацию бухгалтеров СССР. Благодаря связям с Международной Федерацией бухгалтеров (IFAC), с европейскими организациями профессиональных бухгалтеров и аудиторов А. Д. Шеремет и его ближайшие соратники почувствовали необходимость развития независимого аудита и подготовки аудиторов.

Только до 1991 г. экзаменационная комиссия АБиАС подготовила и выдала свыше 4 тысяч аттестатов аудиторов по программе, близкой к за-

рубежным аналогам, но с учетом особенностей рыночной экономики России. А. Д. Шеремет широко пропагандировал внедрение Международных стандартов аудита и образования в России и странах СНГ. СРО ААС принимала активное участие в международных проектах по реформированию аудита по программе Евросоюза ТАСИС, а также в совместных международных конференциях под эгидой IFAC, IASB и IAASB в 2011 и в 2013 гг. В 2014 году СРО ААС была принята в члены МФБ, и в настоящее время она остается единственной профессиональной организацией аудиторов, представляющей аудиторов России на международной арене.

Профессор А. Д. Шеремет основал в 1991 году Центр бухгалтеров и аудиторов МГУ имени М. В. Ломоносова, который последние десятилетия известен по всей стране как Учебно-методический центр А. Д. Шеремета по обучению и переподготовке профессиональных бухгалтеров и аудиторов.

Одним из самых важных направлений многогранной деятельности А. Д. Шеремета было развитие бухгалтерского и аудиторского образования. Анатолий Данилович не только создал, но и реализовал систему аттестации профессиональных бухгалтеров, был одним из главных создателей системы подготовки и аттестации аудиторов. Стандарты образования, повышения квалификации бухгалтеров и аудиторов многие десятилетия развиваются по направлениям, определенным А. Д. Шереметом.

Заслуги А. Д. Шеремета в развитии науки и образования высоко оценены руководством страны. За большой вклад в реализацию Правительственной программы по реформированию бухгалтерского учета в Российской Федерации А. Д. Шеремет поощрен благодарностями Президента РФ (1999 и 2018), Председателя Государственной Думы РФ (2000 и 2001), Министра финансов РФ (2003). Он — лауреат Ломоносовской премии «За педагогическую деятельность» (1974), «Почетный работник высшего образования Российской Федерации» (2001). За более чем 65 лет преподавания, в первую очередь в Московском университете, а также в ряде других ВУЗов и учебных центров, несколько поколений экономистов России и ближнего зарубежья называют Анатолия Даниловича своим Учителем.

По учебникам, пособиям и монографиям, написанным А. Д. Шереметом, получили образование, аттестаты аудиторов и профессиональных бухгалтеров сотни тысяч людей. Его труды переведены на многие языки мира.

В области научной деятельности А. Д. Шереметом разработаны следующие направления: теория и методология комплексного экономического анализа деятельности предприятий, типовая методика практического комплексного анализа деятельности предприятий, новый математический метод факторного анализа, получивший название интегральный, пятифакторная модель рентабельности активов на базе показателей интенсификации производственных и финансовых ресурсов, система абсолютных и относительных показателей комплексной оценки эффективности хозяйственной деятельности, методика комплексной сравнительной

оценки финансовой устойчивости на основе авторского «метода расстояний», методика рейтинговой оценки финансовых ине финансовых показателей устойчивого развития предприятий по данным интегральной отчетности (финансовой, социальной и экологической).

Социальная активность А. Д. Шеремета проявлялась в большой научно-практической общественной работе. До последних дней жизни он являлся членом Рабочего органа Совета по аудиторской деятельности, членом Сената Вольного экономического общества России, председателем Международного редакционного совета журнала «Аудит», членом редакционной коллегии журналов «Экономический анализ» и «Аудит и финансовый анализ», заместителем председателя Экспертного Совета ВАК СССР (1975–1983), заместителем сопредседателей Экспертного Комитета при ЦБ РФ по банковскому аудиту, вице-президентом Гильдии Финансистов, членом Совета директоров Национального фонда подготовки финансовых и управленческих кадров, заместителем председателя, членом Совета Учебно-методического объединения при Финансовом университете при Правительстве РФ.

Анатолий Данилович являлся Почетным доктором Тартусского университета, Почетным профессором Ташкентского государственного экономического университета, Алма-Атинской академии экономики и статистики, Почетным академиком Международной академии экономики и финансов (Казахстан), действительным членом Международной академии менеджмента, Международной экономической академии Евразии, Академии экономических наук Украины, сертифицированным бухгалтером Международной ассоциации бухгалтеров (IAB), Почетным членом Института профессиональных бухгалтеров и аудиторов России, Палаты Аудиторов Азербайджанской республики, членом Международной ассоциации бухгалтерского образования и научных разработок (IAAER), Европейской ассоциации бухгалтеров (EAA), Евразийской региональной группы бухгалтеров и аудиторов (ЕРГБА). А. Д. Шеремет был отмечен правительственными наградами Узбекистана, Казахстана и Вьетнама.

Анатолий Данилович осуществлял системный подход в своей жизни во всем: в работе, в спорте, в повседневных делах. Он всегда был верен своему слову и никогда не нарушал его, даже при изменившихся обстоятельствах. Для него всегда было важно довести начатое дело до практического результата. Он прозорливо определял направления дальнейшего развития и до самого последнего дня смотрел вперед, щедро делясь своими идеями и мыслями со своими коллегами.

Анализ роли и значения деятельности А. Д. Шеремета еще впереди. О великом Учителе и Ученом А. Д. Шеремете будет написано еще много статей, его идеи и дальше будут воплощаться в жизнь его учениками и последователями.

ЗАПИСКИ О 60–70-Х ГОДАХ: О ДОМЕ, ДВОРЕ, ШКОЛЕ И НЕ ТОЛЬКО…[1]

Калмыкова Елена Юрьевна, 65 лет,
врач,
г. Москва

Наш дом № 9/12 располагался на улице Фрунзе. Мы были центровые. По углам всегда стояли милиционеры, так как это была трасса, по которой ездили правительственные машины, через Боровицкую площадь они въезжали в Боровицкие ворота Кремля. Поэтому улица всегда охранялась. Напротив нас был читальный зал Библиотеки имени В. И. Ленина, а читальный юношеский зал — по улице Моховая, напротив основного здания библиотеки. Рядом с нашим домом всегда стоял милиционер, поэтому было тихо, спокойно. А по праздникам через нашу улицу всегда шли демонстрации и парады. Мы всё это видели. На Большой Каменный мост все ребята и девчата бегали смотреть салюты.

Хочу рассказать о нашем дворе. Сейчас такого нет. Сейчас куда выйдешь? Разве это двор? Это — просто улица. А у нас был именно двор, который с четырех сторон был закрыт домами, и были металлические ворота — проход, куда могла заехать машина. Потом их сняли, но я их хорошо помню. В этих воротах была калитка, и малышня любила на них кататься. Мы к ним прицепимся и ездим туда-сюда… Эти ворота закрывались дворниками, т. е. у нас был закрытый двор. Поэтому ребёнка можно было спокойно выпустить гулять. Краем глаза за нами присматривала дворничиха тётя Настя, у которой было три сына: Саша, Сережа и Володя, которого все называли Вотя — он был самым маленьким. В летнюю пору, когда она поливала двор, мы с криками и визгом бегали под этой струёй. Летом двор не закрывался, но чужие к нам не заходили. В то время большого количества машин не было. Единственный, у кого была машина во всём нашем дворе, это дядя Миша Еврейсон. У него был «Опель», который он привёз с собой с войны. На войне он был шофёром, и ему эту машину потом отдали. Мы с ребятнёй облепляли этот «Опель», и дядя Миша возил нас вокруг небольшого садика, располагавшегося в центре двора. Сейчас могут сказать: «Какая это в сущности ерунда!». А тогда мы были счастливы!

Во дворе выставлялись столы и стулья. В солнечные дни вывешивалось бельё, выносили раскладушки. Никто ничего чужого не брал, не воровал. Тётя Маша ставила на стол большой самовар и вишнёвое варенье. Тогда я впервые попробовала вишнёвое варенье без косточек.

Напротив нас была швейная мастерская по пошиву кошельков и сумок. Мы любили виснуть в её окнах и разговаривать с девушками-швеями. Нам даже иногда перепадали обрезки кожи. Потом мастерская была преобразована в склад. А прямо перед нами стоял одноэтажный красный кирпичный дом, отделявший наш дом от помойки. И когда этот кирпичный дом разбирали, то видели на кирпичах клеймо Петра I.

Не могу не вспомнить дворовые игры. Мы обожали играть в казаки-разбойники. Причём, играли мы в нескольких дворах сразу (в одном дворе играть было неинтересно). В одном дворе играли в казаки-разбойники дети 1–2 классов. Другая компания — ребята 5–6 классов нашего двора и дома № 8 по улице Маркса и Энгельса. А там были такие проходные дворы! Через них можно было пройти и на Волхонку, и в переулок Маршала Шапошникова (сейчас он называется Колымажный)… Словом, в несколько мест можно было пройти из двора дома № 8. Вот здесь мы и носились. Иной раз кто-то убегал, и мы не знали, где его искать…

Весенние каникулы. Текут ручьи, звенит капель. Мы с моей подругой Мариной в 7-м классе ещё пускали кораблики, играли в куклы в дочки-матери, хотя по современным понятиям мы были уже взрослые девицы.

В десятом классе мы ещё прыгали через «прыгалки» — простые и двойные (когда крутили двумя руками навстречу друг другу), очень любили играть в «вышибалу». Когда мы были маленькими, у нас была популярна игра со словами «соседи, а мы к вам пришли». Эта игра называлась «женитьба». Была еще игра «штандер», но в неё мы играли меньше.

Мечты детей о будущем

Девочки в основном хотели стать учителями и врачами, но некоторые хотели быть гимнастками. Жил у нас один мальчик, который мечтал работать мороженщиком или продавать пирожки. Но, в целом, мальчики хотели стать водителями, лётчиками, моряками. Еще хотели быть хоккеистами, а некоторые — космонавтами.

О школьных годах

Раньше такого не было, что страшно ребёнка отпустить одного. Идём мы в первый класс. Школа № 57 — рядом с домом; там раньше был кадетский корпус. Все собирались и шли в школьный двор.

С 1-го по 4-й класс нас вела Лариса Леонидовна Глухова, которая учила ещё нашу маму. А с 5-го по 10-й нашим классным руководителем была учительница русского языка и литературы — Лидия Григорьевна Семейкина, в которую был влюблён весь класс. До недавнего времени мы каждый год у неё собирались. Учитель физкультуры — Джеймс

---

[1] Воспоминания сестры см.: *Токарева Е.Ю.* Нахлынувшие воспоминания // Мы помним… Книга воспоминаний и размышлений поколений. Сразу после войны / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2017. С. 455–465.

Владимирович Ахмеди. Нина Арсеновна Калантар — учительница по французскому языку. Алексей Иванович Шемякин — учитель математики. Это были те столпы, учителя, на которых держалась школа, которые учили из поколения в поколение.

Алексей Иванович Шемякин пришёл в нашу школу немного позже, после 59-й школы, где он работал директором и в которой учился Василий Сталин. Он был уже достаточно пожилым человеком. Его все очень любили и уважали. Педагог он был, как говорится, «от Бога».Учил так, что я математику знаю до сих пор. Я даже своего сына Юру готовила к поступлению в Бауманский институт. Алексей Иванович Шемякин был секретарём школьной партийной ячейки. Кстати, именно он мне давал рекомендацию в комсомол. Он был очень мудрый и остроумный человек. Он ходил по рядам между партами и говорил: «Откройте домашнее задание» и своим проницательным взглядом сразу определял — сделал ли его ученик добросовестно или нет. Если он вдруг понимал, что ученик не сам делал домашнее задание, то большим красным карандашом Алексей Иванович буквально раздирал тетрадь и ставил двойку. Кроме того, Алексей Иванович очень не любил шариковые ручки (тогда они только входили в обиход). Школьники обязаны были писать нормальными перьевыми ручками или ручками-самописками.

Нина Арсеновна и Джеймс Владимирович — это были два человека, которые следили за внешним обликом всей школы. В наше время все учащиеся носили школьную форму. И всё же девочки есть девочки. Мы любили повоображать друг перед другом: у кого какая ленточка, бантик, фартучек... Но это было настолько невинно, по-детски, не то что сейчас: у кого круче машина, телефон или компьютер. Слов «крутой», «круче» вообще не было в нашем лексиконе. Мы все ходили в коричневых платьицах, чёрных фартучках. Единственно, была разница: отложной воротничок или воротничок-стоечка, некоторые девочки ходили с крыльями на фартучках и в юбочках разного фасона. Чем могли похвастаться? Портфельчиками, туфельками, чулочками... А больше и нечем было. Но самое главное, можно было похвастаться знаниями! Если ты был двоечником, то неважно было, какой у тебя портфельчик, бантик и прочие атрибуты. Встречали по одёжке, а провожали по уму. А если ты был отличник, тебя все уважали несмотря ни на что.

В 60 —70-е годы в школе воспитывали достаточно строго. Чтобы поступить в октябрята или пионеры, за это боролись. Собирая макулатуру, металлолом, бились за первое место. И если в октябрята принимали всех, то в пионеры — только лучших из лучших. В пионеры принимали поэтапно. Сначала принимали достойную десятку, а потом остальных понемногу. Я с гордостью могу сказать, что я была в первой десятке и меня принимали в пионеры на Красной площади! Это было великое событие в моей жизни! И в комсомол меня принимали на Красной площади. В комсомол тоже принимали не скопом, а маленькими группами меньше десяти человек.

Вообще, школьные годы я вспоминаю с каким-то щемящим теплом и радостью. Мы очень любили собирать макулатуру и металлолом, потому что труд нас ещё больше сплачивал. За макулатурой мы ходили по квартирам и нам с радостью отдавали старые журналы и газеты (возможно ли это сейчас? Да вас никто на порог не пустит!). Всё это сносилось на школьный двор, где стояли весы, и определённые люди подсчитывали «улов» каждого класса, а затем подводились итоги. Классам, которые больше всего собрали макулатуры, выдавали грамоты. Но грамоты выдавались редко. Вместо этого могли выдать торт или пирог.

Отдельно хочу рассказать о сборе металлолома. С макулатурой было проще: взял в две руки и пошёл. С металлоломом было сложнее. Он же тяжелее. Конечно, мы не задумывались над тем, чтобы надеть подобающую одежду, ведь на металлоломе могла быть ржавчина. Ходили собирать в основном в школьной форме. А если было холодно, надевали сверху плащи или куртки. И в увлечении этим «важным» делом нет-нет, да и прижмём какой-нибудь ржавый болт или сковородку к себе. И мы, грязные, но гордые и довольные своим трудом, несли это старое железо на школьный двор. Вот мы нашли какую-то выброшенную батарею. Счастью не было предела! Накинулись на эту батарею и несколько человек поволокли её в школу. Тащили всё, что найдем «железного». Польза от наших сборов была двойная: во-первых, мы делали улицы и дворы чище, а во-вторых — нас приучали к труду.

Мы выпускали стенгазету, помогали отстающим (это было обязательно!). 22 апреля, в день рождения Ленина, всегда был Всесоюзный субботник. На этом субботнике работали все: не только школы, но и заводы, предприятия и другие организации. Работали все, естественно, даром, безвозмездно. В нашей школе ленинские субботники проводились следующим образом. В каждом классе делали что-то своё — где готовили, где шили, где убирали класс или школьную территорию... Словом, все что-то делали. Надо сказать, что субботник был для всех праздником. После работы обязательно был концерт. На субботник все приходили нарядные. Были у нас иногда и маленькие субботники. В то время пол в школе натирали мастикой. На это приходило человек десять. А вот когда надо было украшать класс, тогда приходили все. В основном класс украшали перед Новым годом. Были ещё «салютные» дни: это 1 мая и 9 мая. От 1-го до 9-го мая был какой-то общий праздник с небывалым душевным подъёмом. К первому мая все старались купить своим детям новую обувь. Особенно у девочек это был праздник: им покупали новые туфельки, и от 1-го до 9-го мая они не успевали износиться. В самой атмосфере витало чувство праздника: весна, прозрачная зелень, школьники прыгают в классики, прыгалки... Пиршество природы и детей!

У нас был очень хороший школьный театр, но просуществовал он недолго, хотя постановки в нём были интересные, на которые ходила не только наша школа, но и весь район. Режиссёром был Андрей Мекке. А после его ухода мы ставили спектакли с Лидией Григорьевной, учительницей русского языка и литературы. Это были настоящие театрализованные представления. Помню, наше представление по мотивам стихотворения Корнея Чуковского «Тараканище» принималось всегда на «ура». Может показаться странным, но актёрами из нас никто не хотел стать.

Не могу не вспомнить школьные вечера! Они проходили неизменно в актовом зале. Все приходили нарядные. В старших классах у девочек уже были туфельки на каблучках. Пока было светло, музыка играла, все жались у стены. Главное, дождаться, когда, наконец, выключат свет, чтобы можно было потанцевать. При свете все очень боялись. Я никогда не забуду один новогодний вечер в десятом классе. Мне в первый раз купили лакированные туфельки на каблучке. Я пришла на вечер в платьице и в этих лакированных туфельках. В зале играла музыка и звучала песня «Восточная». Это была очень модная песня Валерия Ободзинского:

Льёт ли тёплый дождь,
Падает ли снег —
Я в подъезде против дома
Твоего стою.
Жду, что ты пройдёшь,
А быть может нет.
Стоит мне тебя увидеть —
О, как я счастлив...

И припев:

В каждой строчке только точки
После буквы «Л».
Ты поймёшь, конечно, всё,
Что я сказать хотел.
Сказать хотел, но не сумел.

Эти простые незатейливые слова «Восточной песни» знала практически вся молодёжь 60 — 70-х годов.

Я стою и... мне безумно хочется танцевать!.. И вдруг ко мне подходит Миша Тарасов — самый высокий, представительный парень нашего класса! Он очень красиво умел ухаживать за девушками. Миша приглашает меня танцевать. Мы танцуем вдвоём посреди огромного зала, при полном свете!.. Я была на вершине счастья!..

О взаимоотношениях девушки и парня

Мы уже учились в институте. Нам было где-то лет по двадцать. Парень пригласил меня домой. Три года назад мы с ним окончили одну школу и, конечно, было интересно увидеться и расспросить о достигнутых успехах. Пришли домой — дома никого не оказалось. Родители были на даче. Садимся, слушаем ансамбль скрипачей Большого театра, пьём вино «Псоу», едим земляничное варенье. Обсуждали какие-то мировые проблемы, какие-то фильмы, как играет ансамбль скрипачей и какую бы классическую музыку нам ещё послушать. Мы даже не целовались. Вот такие были отношения. Посидели, обсудили, всё было очень мило, меня проводили домой и на этом всё закончилось. Кому сейчас это рассказать — так не поверят!

О взаимоотношениях людей

Люди тогда были другие — какие-то более человечные, отзывчивые. Сейчас я иногда вижу, что снова что-то в людях просыпается. А был период — вообще чёрный, мрачный: каждый — в себе и безразличие — к другому. А тогда: всегда помогут, если человеку плохо.

У нас был один знакомый мальчик, который не так давно упал на улице, ударился головой. К нему никто не подошёл и он... умер. Такого раньше не было. Чуть что случится — все сразу подбегали. Во-первых, потому, что не было раньше бомжей. Все как-то жили в своих квартирах. Кто-то победнее, кто-то побогаче. Пьяницы, конечно, были, но всех их доносили, довозили, провожали до их места жительства. Я не помню, чтобы кто-нибудь валялся. В нашем доме жила одна женщина, звали ее Агапка. У неё было пять сыновей мал мала меньше. И вот мы во дворе играли все вместе... Но стоило мимо двора кому-то пройти и сказать: «Ребята, там ваша мать лежит около «бабьего» магазина[2]», — мальчишки вставали, пять человек, и шли за матерью. Не дай Бог, кто-либо скажет про их мать худое слово, сыновья пускались в драку. Мать была для них Мать (святое!), какая бы она ни была. Мы их все уважали и ждали, пока они помоют, уложат свою мать и выйдут к нам играть. Такое было уважение к старшим.

Мамина сестра, тётя Валя, считала своим долгом помогать семье своего погибшего на войне жениха, Семёна Еврейсона. Он был старшим братом Михаила.

С днём рожденья, команданте!..

В наши годы только создавалось телевидение. Были телевизоры «КВН» с малюсенькими экранчиками, на которых ставились линзы. Да, я смотрела телевизор, но это было настолько редко. Первое, что я вспомнила: это была передача «Шустрик и Мямлик». Когда она шла, ребёнка

[2] Так называли в народе магазин на ул. Волхонка, 5 (на углу перед Боровицкой площадью).

Слева направо: дикторы телевидения Нина Кондратова, Валентина Леонтьева, Анна Шилова

можно было не видеть и не слышать. Это была одна из первых детских передач с игровыми персонажами на советском ТВ из 50-х годов; телепрограмма была всего одна, а телевизоров на всю Москву насчитывалось не более двух тысяч…

Автором и создателем этой детской передачи был Борис Михайлович Поюровский (1933–2016) — автор многих передач на радио и телевидении, заслуженный деятель искусств РФ. Его даже в шутку называли «папа» Шустрика и Мямлика. В передаче принимали участие куклы театра С. В. Образцова.

В основном у нас было, конечно, радио. Сначала были «тарелки», потом маленькие радиоприёмники… Одной из любимых передач у детей постарше была «Пинерская зорька».

По радио нас учили петь, и мы разучивали песни именно по радио. Я до сих пор помню слова зимней песенки про зайчика, разученной благодаря радио:

«Ты, малыш, не беспокойся, / Ты ушастого не бойся. / Зайка не кусается…».

«Взвейтесь кострами, синие ночи…» — это песня, которую знали и любили петь все дети пионерского возраста. Безусловно, у нас были и свои любимые песни.

Одним из главных событий, потрясших весь мир и наше детское воображение (до сих пор не могу без волнения говорить об этом!), была Кубинская революция! Это было непередаваемо! Шёл 1961 год. Я училась тогда в первом классе. Фидель Кастро со своими товарищами приехал в Москву. Кубинская делегация пришла в Тайницкий сад Кремля (тогда Тайницкий сад был открыт для всех. Там зимой заливали очень интересные горки, в том числе и спиральные). И мы их увидели! Настоящих, живых революционеров! Загорелые, почти чёрные, с горящими глазами, с чёрными кудрявыми бородами, в шапках-ушанках (была зима). Сейчас бы их назвали «мачо». А для нас это были революционеры. Среди них особенно выделялись Фидель Кастро и Эрнесто Че Гевара. Фиделя Кастро мы знали, нам его часто показывали, а я почему-то запомнила горящие глаза Че Гевара. Он был небольшого роста, но его удивительные чёрные блестящие глаза потрясли меня! Я его увидела — и он запал в моё детское сердце. Я ещё тогда не знала, что это был Эрнесто Че Гевара…

Е. Ю. Калмыкова

В то время любимой песней была песня А. Пахмутовой на слова С. Гребенникова и Н. Добронравова «Куба — любовь моя»:

«Куба — любовь моя,
Остров зари багровой.
Песня летит, над планетой звеня —
Куба — любовь моя!..»

Пели эту песню мы раз десять подряд, пели до хрипоты. Поэтому для нашего поколения кубинцы — это были революционеры, это было всё. Это были наши герои!

Потом прошло какое-то время. Всё постепенно улеглось. Я уже училась в институте. Вдруг увидела портрет Че Гевара и поняла, что узнаю его. Я вспомнила своё детство, вспомнила, как видела его зимой в далёком 1961 году. Самое удивительное, что мы с ним родились в один день — 14 июня! А ещё удивительнее, что он тоже врач! Это была моя первая детская любовь…

И с тех пор мои друзья, знающие эту историю, поздравляя меня с днём рожденья, неизменно говорят: «С днём рожденья, команданте!».

«Человек в космосе!..»

Мы строили коммунизм. Слова «таких в коммунизм не берём» были не просто слова, брошенные в пустоту. Они заставляли человека подтянуться, переосмыслить свою жизнь. Все строили коммунизм. Все строили светлое будущее. У нас был свет в конце туннеля, и мы знали, что мы идём к нему.

Какое было счастье, когда полетел Юрий Гагарин! Я была тогда ещё маленькая, но я это помню до сих пор. Это был 1961 год, апрель месяц, а я только в сентябре готовилась идти в школу. Солнечное утро, звенит капель… Мама с папой на работе, бабушка пошла в магазин. Радио у нас было всегда включено. И я слышу: «Человек в космосе!». Юрий Гагарин уже потом был у всех на устах, а сначала: «Человек в космосе!». Это было, как гром среди ясного неба! Дыхание перехватило, глаза выскакивали из орбит!

Приходит бабушка. Я бегу к ней навстречу с выпученными глазами и кричу: «Бабушка! Человек в космосе!..». Она меня тут же осаживает: «Что ты тут придумываешь?!» (бабушка ещё ничего не знала и сразу не могла понять, что произошло). А я не унимаюсь: «Бабушка, бабушка, по радио объявили, что человек в космосе!». Тут бабушка понимает, что внучка встревожена не зря, и мы вместе с ней быстро подходим к радио… А оттуда, как заклинание летели слова: «ЧЕ-ЛО-ВЕК ПО-ЛЕ-

ТЕЛ В КОС-МОС!!!». От этой новости у всех перехватывало дыхание. Мы были горды, мы били себя в грудь — мы запустили человека в космос, мы — великие!

В то время любая новость подобного плана очень быстро распространялась в обществе. Конечно, родители на работе всё узнали. В секунду у нас дома собрался народ! Родители пришли с работы уже со своими друзьями по Академии имени Ф. Э. Дзержинского — дядя Коля и тётя Галя Касаткины, дядя Володя и тётя Нелля Шишовы, дядя Авенир и тётя Ира Масловы. А что было на столе? Бабушка испекла пирожки с картошкой, борщ; отварная картошка, селёдка, какое-то винцо… Но, самое главное — печёные пирожки с картошкой! Сидели за столом, кричали «ура!»...

Собрались в секунду только ради одного события — ЧЕЛОВЕК ПОЛЕТЕЛ В КОСМОС! Я и сейчас закрываю глаза и вижу: вот посидели, выпили, быстренько все оделись. Мама носила тогда высокую прическу типа «халы». На ней было синее ратиновое пальто с ромбовидными пуговицами, белый с красным капроновый шарфик и чёрные туфельки. Я почему-то запомнила только, как была одета мама.

Все собираются. Меня, естественно, берут с собой. И мы пошли на Манежную площадь. А там уже полно народа! Наша группа как-то встала в кольцо, а я посередине. Все были возбуждены, восторженное настроение витало в воздухе и весь народ кричал: «УРА ГАГАРИНУ! УРА ГАГАРИНУ!». И мы, конечно, тоже кричали: «УРА ГАГАРИНУ!». Даже я, маленькая, тоже не желая отставать от взрослых, своим тоненьким голосочком кричала: «УРА-А-А ГАГАРИНУ! УРА-А-А ГАГАРИНУ!».

Позже к нам присоединилась тётя Валя. Бабушка осталась дома готовить для нас чай: печенье, сухари, сушки, вафли, может, какие-нибудь леденцы, сахар и ароматный чай! И это был Праздник! ЮРИЙ ГАГАРИН ПОЛЕТЕЛ В КОСМОС! Праздник для ВСЕХ! Народ ликовал! Я не знаю, как было в других городах, сёлах… Я знаю, что было в Москве. Никто никого не призывал, не агитировал ни по телевизору, ни по радио, ничего не рассылали, никого не заставляли идти. Все люди, как один, вышли и кричали: «УРА ГАГАРИНУ!». И все были бесконечно счастливы! Было впечатление, что мы полетели всей страной в космос. Вот такое было ощущение страны! Люди были очень сплочены и горды за страну.

Записала Токарева Евгения Юрьевна, 55 лет,
член Союза писателей России

МОЯ СТРАНА, КОТОРОЙ БОЛЬШЕ НЕТ… (1960-е гг.)[1]

Прошина Татьяна Валерьевна, 67 лет,
менеджер по проектам,
победитель международного конкурса «Пушкин в Британии» 2019 г.
в номинации «Лучшее конкурсное стихотворение»,
г. Оттава, Канада

Начало 60-х

Не знаю, что бы я делала без книг, особенно в тоскливые осенне-зимние вечера. Я читала часами, не замечая времени. Летом было весело, а зимой в моей жизни были только учёба, отметки, нотации родителей, мучительная игра на пианино, бесконечные дела по дому. Я только и слышала: «Бросай книжку, пора делать уроки». Тогда я брала учебник, а под него прятала книжку и читала её украдкой.

По телевидению не было того обилия фильмов и программ, как сейчас. Вещали всего две главные программы со скудным набором телепередач и повторяющихся фильмов. Вторую программу даже в шутку прозвали «кинотеатром повторного фильма».

Из телепередач тех лет до нас дожил только «Клуб весёлых и находчивых» («КВН») да «Голубой огонек». Успех «КВН» превзошёл все ожидания. Программа транслируется до сих пор. Передачи были более популярны, чем спорт и приключенческие фильмы. Говорят, что эта передача была названа в честь первого телевизора «КВН».

У знаменитого телевизора КВН-49 экран был маленьким, поэтому перед ним ставили увеличительную линзу из стекла, наполненную глицерином или водой. Он в нашей семье пробыл недолго, затем мы купили «Рекорд» — еще один сверхпопулярный чёрно-белый телевизор, который у нас очень долго продержался. Потом «Темп», «Рубин» и т. д. Цветным телевизором «Юность» я обзавелась, когда вышла замуж в 1979 году. Он постоянно ломался и большую часть времени проводил в телевизионном ателье. В то время заменить бракованный товар было нельзя. Для починки телевизора или холодильника вызывали мастера из ремонтного ателье, так назывались ремонтные мастерские. Или просили знакомых починить технику. Было много умельцев — «мастеров на все руки». Даже я умела починить утюг или розетку.

---

[1] Продолжение. См.: *Прошина Т. В.* Наша семья (1940–1950-е гг.) // Мы помним… Книга воспоминаний и размышлений поколений. Т. 1. До войны, в войну и после / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2020. С. 562–577.

Конечно, все любили передачу «Голубой огонек». Только на ней можно было услышать все любимые песни и последние модные хиты. Сейчас это новогодне-праздничная программа не самого лучшего качества. Из первых женщин-дикторов помню Нину Кондратову и Валентину Леонтьеву.

Но моей самой любимой программой был «Клуб кинопутешественников». Её первым ведущим был Владимир Шнейдеров. Передача была чрезвычайно популярной. Мало кому тогда удавалось выехать за пределы «железного занавеса», а в передаче можно было увидеть все те неизведанные и незнакомые места.

В 1973 году после смерти Шнейдерова ведущим программы стал учёный-медик и путешественник Юрий Сенкевич. Он стал особенно знаменит после его приключений на «Ра» и «Тигрисе». Программу закрыли в 2003 году после смерти ведущего. Мне довелось встретиться с Юрием Сенкевичем в 1976 году, через год после экспериментального полёта «Союз-Аполлон», на совместной встрече смешанной советско-американской рабочей группы, где обсуждались вопросы систем жизнеобеспечения полёта. Юрий Сенкевич работал в Институте медико-биологических проблем и занимался медицинской частью пилотируемых космических полётов. Я работала в Институте кардиологии в международном отделе и меня пригласили поработать переводчиком.

Встреча проводилась в Ташкенте на даче Первого секретаря ЦК КПСС Узбекской СССР Шарафа Рашидова. На встрече присутствовали, кроме технических специалистов, космонавт и врач Борис Егоров и космонавт канд. тех. наук Виталий Севастьянов. Борис Егоров приехал со своей третьей женой, звездой фильма «Три плюс два», Натальей Кустинской. Участников полёта «Союз — Аполлон» от американской стороны не было. Был только один астронавт, учёный Стори Масгрейв (Story Musgrave), с которым произошёл курьёзный случай. Стори Масгрейв был интеллигентом с шестью дипломами — по математике, компьютерному программированию, химии, физиологии и биофизике, литературе, а также доктором медицинских наук. В то время он ещё не летал в космос. Его первый из пяти полётов на Шаттле состоялся в 1983 году. Он был специалистом высочайшего класса, но абсолютно неподготовленным к советской действительности. Все заседания рабочей группы заканчивались хлебосольными узбекскими банкетами и возлияниями, на которых ему без должной тренировки приходилось очень тяжело. После очередного банкета американский астронавт решил вести здоровый образ жизни. Утром он выбежал на пробежку по охраняемой территории дачи первого лица Узбекистана. Было жарко, и он бегал в спортивных трусах и майке. Ничего не подозревающий Рашидов рано утром выглянул в окно и вдруг увидел там несущегося к его дому полуголого атлета. Вся охрана была поднята на ноги, но, к счастью, всё обошлось. Поездка была очень интересной. Нам выделили небольшой

самолёт с личным экипажем и провели экскурсию по жемчужинам Узбекистана — городам Ташкент, Бухара и Хива.

Вместе с «Клубом кинопутешественников» вышла телепрограмма, которую сейчас ведет врач Елена Малышева. Это программа «Здоровье». Её позднее стала вести Юлия Белянчикова, врач Центрального института переливания крови. Она была одной из самых популярных ведущих — знающая, интеллигентная, привлекательная. Правда, её прическа мне всегда казалась старомодной.

Были и другие программы, пользующиеся успехом у зрителей, — «Музыкальный киоск», «Кинопанорама».

В моём раннем детстве не было любимой всеми передачи «Спокойной ночи, малыши». Она впервые появилась, когда мне было 13 лет. Её смотрели уже мои дети. Они каждый вечер усаживались у экрана, чтобы вновь встретиться со своими друзьями: псом Филей, поросёнком Хрюшей, зайчонком Степашкой и вороной Каркушей.

Вы, наверное, заметили, что самые популярные программы, созданные в начале телевизионной эры, оказались долгожителями. Мне кажется, что они продержались так долго потому, что отражали вкусы и интересы своего народа, а не бездумно копировали западные образцы, которые, как грибы, быстро вырастают и так же быстро исчезают.

Как же обстояли дела в 60-е с показом детских фильмов на экранах страны? По телевизору шли фильмы из 50-х. Детских фильмов в моём детстве было немного, но все — шедевры советского кино. Я хорошо помню и пересмотрела по нескольку раз «Садко», «По щучьему велению», «Золушка», «Капитанская дочка», «Пятнадцатилетний капитан», «Старик Хоттабыч», «Два капитана», «Илья Муромец», «Василиса Прекрасная», «Марья-искусница», «Кащей Бессмертный», «Чук и Гек», «Тимур и его команда», «Каменный цветок» и, конечно, самую популярную среди всех возрастов «Карнавальную ночь».

Мои любимые мультики того времени — «Сказка о Мальчише-Кибальчише», «Цветик- семицветик», «Аленький цветочек», «Золотой ключик», «Снежная королева», «Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях», «Серая шейка», «Двенадцать месяцев», «Заколдованный мальчик».

Наряду со становлением телевидения и развитием кинематографии не отставали и другие области. Подгоняемые лозунгом Хрущёва «догнать и перегнать Америку», мы добились колоссальных успехов в космической отрасли. А 12 апреля 1961 года произошло эпохальное событие. Как гром среди ясного неба прозвучал голос диктора Балашова: «Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза...». Мир затаил дыхание, когда пришло сообщение о первом полёте человека в космос. Практически вся страна в этот день замерла у радиоприёмников. Прохожие стояли около уличных радиоточек. И все облегчённо вздохнули, когда, сделав один, всего лишь один виток вокруг Земли на

космическом корабле «Восток-1», через 108 минут после начала полёта Юрий Гагарин приземлился на Саратовской земле.

С чем можно сравнить ликование советских людей? Разве что только с Днём Победы. Наверное, это была первая всеобщая послевоенная радость. Я помню, как к нам в 3-й класс посреди урока вбежала взволнованная завуч и включила радио на полную громкость. Это было, как разорвавшаяся бомба. Мы повскакивали с мест, стали прыгать, орать, вопить, махать руками. Продолжать уроки было бессмысленно, и нас всех отпустили домой. То же самое испытывала вся страна. Мы выбежали на улицу, а там — уже полно народа. Возникали стихийные митинги, писали самодельные плакаты, пели песни, кричали «ура!» — все хотели поделиться своей радостью. Это был единый порыв всеобщего сумасшествия и ликования.

Юрий Гагарин был идеальным первым космонавтом. Обычный, простой советский человек с очень располагающей внешностью и обаятельной улыбкой. О, эта улыбка Гагарина! Говорят, именно из-за неё Королёв выбрал его из двух кандидатов. Потом эта улыбка стала нашим космическим брендом. Когда Гагарин возвращался из своего полёта в Москву, вся страна прильнула к телевизорам. Он вышел из самолёта и пошёл по красной дорожке, чтобы отрапортовать Хрущёву о выполненном задании. И вдруг у него развязались шнурки. Мне хотелось впрыгнуть в телевизор и самой быстро все исправить. Но он обладал невозмутимым самообладанием и даже ни на секунду не отвлёкся на такую мелочь. Подумаешь — шнурки! Мы ещё больше полюбили его за это. Потом были международные турне, где толпы людей с цветами выстраивались вдоль всего пути следования. Он посетил около 30 стран и даже встречался с королевой Елизаветой Второй. Это был всемирный триумф. Все мальчишки теперь хотели стать космонавтами. А сколько в тот год родилось Юриев — не сосчитать. Наши мечты, все безумные фантазии о Туманности Андромеды, Аэлите и инженере Гарине с его гиперболоидом стали казаться реальностью.

Несмотря на всемирную популярность, Гагарин так и остался обычным парнем. Испытание славой он пережил легко, а вот отношение начальства и политика партии испортили ему жизнь. Его «берегли» — не допускали до полётов. Он стал «представительской» фигурой, символом достижений социализма, а ему хотелось летать и снова смотреть на землю через иллюминатор космической ракеты. Ходили разные слухи, конечно, преувеличенные в десять раз. Но всем было понятно, что к такой жизни он не был готов. А в 1968 году Юрий Алексеевич Гагарин, первый человек планеты Земля, побывавший в космосе, разбился, выполняя учебный полёт вместе с лётчиком-инструктором В. С. Серёгиным. Так закончилась яркая, как молния, жизнь любимца всей страны, всего мира. До сих пор звучит грустная песня Пахмутовой, напоминающая нам о его

гибели: «Опустела без тебя земля, как мне несколько часов прожить..». Год 1961-й стал эпохальным годом всемирной истории.

Но не так хорошо обстояли дела в нашей семье. Наступил следующий, 1962 год. Хотя отец был уже в звании капитана и получил высшее образование в Московском университете, в строительстве которого он участвовал вместе со своей частью после войны, он все ещё работал в военкомате на небольшом окладе. Денег едва хватало. К тому же надо было помогать бабушке, которая получала крошечную пенсию за погибшего мужа. У нее было нервное заболевание, и она не могла работать в полную силу, хотя внешне выглядела вполне здоровой. У мамы это никак не укладывалось в голове, и они часто ссорились, а отец пытался их примирить. Вечный конфликт между невесткой и свекровью. В очередную такую ссору у него прихватило сердце, и он слег с инфарктом, хотя было ему тогда всего 37 лет. Сказались также годы войны и напряжённые занятия в университете. Пару месяцев он пролежал в больнице, но молодой организм переборол болезнь, и он выписался в хорошем состоянии. Но даже после этого бабушка и мама не могли примириться и обвиняли друг друга в его болезни. Пока он лежал в больнице, меня, чтобы не болталась под ногами, отправили в пионерлагерь.

Переезд

Выписавшись из больницы и уже имея высшее университетское образование, отец стал искать новую работу. И вот в 1963 году ему повезло, и он получил должность в Военно-дипломатической академии в отделе под началом сына знаменитого разведчика Кузнецова. Не представляю, как ему удалось попасть туда без медкомиссии. Потом он мне рассказывал, что всегда «терял» медкарты, где чёрным по белому написано, что у него рубцы на сердце после инфаркта. По этой же причине он всегда отказывался от предложений другой работы, хотя ему много раз предлагали выехать за границу. Тогда не было компьютеров, и вся информация хранилась на карте, которую можно было «потерять». Хорошо, что это была служба, которая не требовала физических нагрузок, как в полевых условиях.

От нового места работы нам выделили однокомнатную квартиру, и наша коммунальная эпопея закончилась. Жизнь разделилась на «до» и «после». Мы погрузили нехитрые пожитки в грузовичок, я села в кузов среди вещей, и мы с ветерком проехали по Москве. Поселились в районе Хорошёвского шоссе. Квартира хоть и была однокомнатной, но очень хорошей планировки и с большой 10-метровой кухней. В ней даже была маленькая 6-метровая кладовочка без окон, которую переоборудовали под мою комнату. Поставили туда кровать и малюсенький столик для занятий. Ещё в ней был небольшой встроенный шкаф, где я хранила свои пожитки — вещи, книги и учебники. В этой кладовке я прожила до окончания института.

С папиной новой работой нам стало полегче с деньгами, но мы всё равно жили скромно. Сначала копили на мебель — старую пришлось выбросить на свалку. Потом отец копил на машину — машины были его главной страстью. Через некоторое время мы приобрели подержаный маленький «Москвич-403» уникального цвета «само». Это нечто среднее между розовым и оранжевым. Он бегал, как весёлый розовый поросёнок, только сигнал не хрюкал. Это была моя самая любимая машина. Она, правда, требовала много внимания, и отец всё свободное время проводил со своей любимицей. Она была проста в уходе и легко ремонтировалась своими руками. Автосервисов практически не было. И чинили машины сами. Для мужчин это был также повод встретиться с друзьями, поговорить и выпить.

Машин в то время было мало. Дороги не были загружены, как сейчас. Да и правила не были такими строгими. Не были строгими и гаишники, тогда их называли милиционер патрульно-постовой службы или попросту постовой милиционер. Я помню, мы подъезжали к площади Восстания, и постовой в будке переключил свет с зелёного на красный. Отец то ли задумался, то ли не увидел, но поехал прямо на красный свет через всю огромную площадь перед носом у постового. Он не спеша вышел из своей будки, остановил нас и риторически вежливо спросил: «Ну, что же Вы, товарищ, нарушаете?». На что отец по-армейски ответил: «Виноват, больше не повторится», — и получил свои права обратно без прокола. Тогда за нарушения делали прокол в учётной карточке. О том, чтобы предложить денег, не могло быть и речи.

Ещё одна примечательная черта того времени — шум на дорогах. Машины сигналили постоянно. Водители и пешеходы относились друг к другу без должного уважения. Водители редко тормозили на переходах, могли ещё и напугать резким сигналом. А пешеходы перебегали дорогу там, где им больше нравилось, игнорируя переходы. В общем, порядка на дорогах не было, но и машин было мало. Дороги были в плохом состоянии, особенно их края. Отец всегда держался середины дороги. Когда он проезжал близко к бордюру, то часто прокалывал шину. Там валялось много гвоздей и железяк.

С бензином тоже было не всё в порядке. Заправок было мало, и за бензином выстраивались длинные очереди. Поэтому у отца всегда были две запасные канистры с бензином, которые он хранил в гараже.

Если отец все свое время проводил в гараже, то мама не выходила с кухни. У неё теперь была своя собственная плита, и она кулинарила с утра до вечера. Выпечка была её коньком. По воскресеньям — обязательно блины на завтрак в разном виде — с мясом, творогом, простые со сметаной. Каждый день к чаю — кексы и пирожки. При этом все мы были довольно худые. Видимо, всё зависит от качества продуктов. Продукты были качественные, без удобрений.

В 1963 году стало плохо с продуктами и наступила пора очередей. Если раньше я стояла по два часа в очереди только за разливным молоком, то теперь очереди были за всем. Мы приходили специально до открытия продуктового магазина и ждали, чтобы войти первыми и успеть купить хоть что-нибудь. Я и сейчас вижу себя в конце очереди, которая протянулась из магазина до конца дома и ещё завернула за угол. За хлебом стояли по 3 часа. В руки давали 1–2 буханки. В действительности это были две очереди — одна в кассу, другая за продуктами. В очереди можно было выучить уроки, если запастись учебником. Я любила стихи и подростком увлекалась Асадовым, переписывала его стихи в тетрадку и заучивала наизусть. Однажды я два часа читала Асадова в очереди своей дворовой подружке.

Эти очереди появились, когда Хрущёв начал экспериментировать с кукурузой после посещения Америки. Кукурузу начали сажать повсюду, заменяя ею пшеницу и рожь. Кормов стало не хватать, мясо подорожало, начался дефицит продуктов. Папа как-то принес напечатанное на листочке «крамольное» стихотворение про кукурузные эксперименты Хрущёва. Мама его до сих пор помнит:

Был у нас король такой, / Уточнять не стану, / Раздавал он хлеб и соль / Очень многим странам…

Однажды мне пришлось простоять полдня в одной специфической очереди. Но это к продуктам не имеет никакого отношения. Режиссер А. Митта объявил конкурс на главную роль в фильме «Звонят, откройте дверь». Со всей Москвы, а может быть и из других городов, на просмотр ринулись тысячи подростков. Требовалась юная 12-летняя актриса. Поехали и мы с подружкой. Я рассчитывала на свою длинную косу, но комиссия на нас даже не обратила внимания — мы были переростки, обеим уже по 13 лет. На роль Тани Нечаевой из тысяч претенденток выбрали Елену Проклову. Картина стала дебютом Елены Прокловой в кино. На момент выхода фильма в 1965 году ей едва исполнилось 12 лет. Потом её фотография заняла почётное место в моём альбоме киноартистов. Тогда была мода собирать фотографии любимых актёров и вклеивать их в альбом.

Очереди — это настоящий советский феномен. Они были везде и всегда: за продуктами, вещами, мебелью, книгами, билетами. Очереди в поликлинике, в кино, в кафе, в ресторане, на автобус, такси. За мебелью и книгами нужно было приезжать несколько дней отмечаться. Номер очереди писали на руке химическим карандашом. Обычно с кем-нибудь кооперировались и стояли каждый по 2–3 часа. Конечно, от бесконечного стояния у людей портился характер. Ссоры и ругань обязательно сопровождали каждую очередь. А у продавцов, как и у врачей, наступал иммунитет к покупателям и больным. Хамство с их стороны было делом привычным. Хамство было общей чертой всех работников советского сервиса. Если продавец тебе не хамил, то в лучшем случае он был угрю-

мым от усталости, бесконечного стояния на ногах и напора взбешённых покупателей. Продавец обычно отвечала на недовольство покупателей: «Вас много, а я одна».

Не было очередей только за советским ширпотребом (товарами широкого потребления). Ботинки советского производства можно было купить везде. Они были прочные, но уродливые и очень жёсткие. Везде висели драповые сине-серо-коричневые пальто какого-то глинобитного фасона. В хозяйственном магазине свободно можно было купить гвозди, вёдра, молотки, лопаты. Все полки овощных магазинов были заставлены пыльными трёхлитровыми банками с фруктовыми соками. Соки были отличные, а главное — дешёвые, но они почему-то были непопулярны. Вот бы сейчас вернуть их на прилавки!

Провалы в развитии экономики страны в начале 60-х привели к тому, что Хрущёва сняли с должности. Сейчас я понимаю, что не только это было причиной — он стал слишком многое разрешать народу. Это и международный фестиваль, и свободомыслящие поэты Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Роберт Рождественский. Слишком уж он был либеральным по сравнению со сталинским режимом, в том числе и в отношении литературы.

В 1964 году после переезда я только пошла в новую школу, и как-то утром в октябре по дороге в школу мне моя подружка говорит: «А ты знаешь, что сегодня Хрущёва сняли?». Для меня это было полной неожиданностью. Я запомнила, что испытала чувство абсолютного недоумения. Как же так? Всё было хорошо и вдруг — сняли. Мы верили газетам и телевизору, где всегда хвалили руководство партии и правительства. А потом вдруг оказывалось, что у Сталина — культ личности, а у Хрущёва — волюнтаризм. Это было выше моего детского понимания. Ведь несмотря на его эксцентричность, Хрущёва по-своему любили. Народ тогда впервые почувствовал вкус свободы.

В наше время уже осмыслена эпоха правления Хрущёва, дана оценка ему как руководителю. В целом эпоха правления Хрущёва с 1953 по 1964 годы получилась крайне противоречивой, но яркой в истории нашей страны, так же как и личность её руководителя. Никита Сергеевич Хрущёв — один из самых противоречивых советских политиков. В моём детстве мы видели его как недалёкого толстяка, который не утруждал себя дипломатическим протоколом и в ООН стучал ботинком по столу. Сейчас ясно, что он был совсем не простым человеком. С одной стороны, жёсткий, даже жестокий. Я недавно видела документальный фильм, где приводились расстрельные списки на тысячи людей, подписанные Хрущёвым при Сталине. А с другой стороны, главным достижением Хрущёва принято считать разоблачение «культа личности» Сталина на XX съезде КПСС. Осуждение массовых репрессий повысило его популярность среди народа.

После Сталина Хрущёв казался очень либеральным политиком. Сейчас время правления Хрущёва называют «оттепелью» — тогда произошло смягчение политической системы, снижение уровня цензуры, приоткрытие «железного занавеса». Появились шестидесятники, развивалось киноискусство. Увеличился выпуск кинокартин. Стали выпускать правдивые фильмы про жизнь и людей. «Летят журавли» завоевали Гран-при Каннского фестиваля. «Иваново детство» — Золотого Льва в Венеции. В это время советский режим как бы дрогнул, принял одушевлённый облик.

Среди главных положительных моментов правления Хрущёва необходимо назвать освоение космоса — страна стала лидером в этой сфере на долгие годы. Хрущёв развернул массовое строительство индивидуального жилья, т. н. «хрущёвок», бурно развивалась наука и технологии. При Хрущёве впервые на пенсию можно было жить. Колхозники, находившиеся на положении крепостных, стали получать плату за труд. Им выдали паспорта, разрешили уезжать в город.

Вместе с тем с именем Хрущёва связана и организация самой жёсткой антирелигиозной кампании. Сейчас считается, что это была вторая волна гонений на церковь. Он обещал к 80-му году показать последнего попа по телевизору. Люди совсем перестали ходить в церковь. Церкви переделали под склады зерна, удобрений. В них размещали разные НИИ. Мне как-то показали НИИ в одной из церквей, где испытывали электрические разряды, имитацию молний.

Одним из самых «странных» решений Хрущёва оказалась передача Крыма, входившего в состав РСФСР, в виде дара Украинской ССР. Этот необдуманный шаг сдетонировал в настоящем и привёл к трагическим последствиям. Я помню, как мы первый раз после этого приехали в Крым, и меня неприятно поразило, что все вывески стали на украинском языке.

Но главным провалом Хрущёва, пожалуй, можно считать сельское хозяйство, и годы правления Хрущёва оказались довольно голодными.

В 1964 году против Хрущёва назрел заговор, возглавленный Брежневым, и решением Пленума ЦК КПСС его сняли за «волюнтаризм» и «субъективизм», пока он был на отдыхе в Пицунде. Все оставшиеся годы своей жизни Хрущёв провел в изоляции — его не допускали до политики. Он даже успел надиктовать мемуары, хотя был не особо грамотным. Никита Сергеевич умер 11 сентября 1971 года в возрасте 77 лет. Его тихо без свидетелей похоронили на Новодевичьем кладбище. Сейчас сняли документальный фильм про Хрущёва по воспоминаниям его сына Сергея. Он с сожалением говорил, что никто не хотел выступать на похоронах его отца — боялись, и что были только венки от родных и всего один венок от ЦК КПСС и Совета Министров. На похороны никого не пускали. Были благодарные люди, которые хотели почтить

последнюю память, но туда рвались и люди с молотками, которые пострадали от его политики.

Эту двойственность характера и поступков Хрущёва отобразил автор памятника на его могиле, знаменитый скульптор Эрнст Неизвестный. Памятник представляет собой вертикальный камень, одна половина белая, другая чёрная, внизу большая плита. Камни неправильной формы, входят один в другой и составляют одно целое. Бронзовая голова в нише на белом мраморе на фоне чёрного гранита. Памятник символизирует жизнь и смерть, добро и зло. С момента установки памятник вызывет большой интерес у посетителей Новодевичьего. Я сама много раз после осмотра Новодевичьего монастыря водила группы иностранных туристов на кладбище и показывала им памятник Хрущёву.

С этого периода начинается новая эпоха в истории Советского Союза — эпоха Брежнева.

Эпоха Брежнева в 60-е годы

Эпоху правления Леонида Ильича Брежнева можно разделить на две части. Первая — с середины 60-х до середины 70-х, когда страна развивалась невероятными темпами. В это десятилетие не было ни войн, ни революций, ни голода, был стабильный политический курс. Энергичный и довольно молодой Брежнев умело проводил внутреннюю и внешнюю политику. Мы тогда говорили, что пока он жив, войны не будет.

В это десятилетие стране было чем гордиться: невероятными темпами шло строительство. Во всех газетах освещалась главная комсомольская стройка страны — Байкало-Амурская магистраль (БАМ).

Огромные достижения в космосе: впервые наш космонавт Алексей Леонов вышел в открытый космос; лунный грунт бороздил «Луноход-1»; советские космические станции сели на Венеру.

Спортивные достижения СССР были намного выше западных: огромной популярностью пользовался олимпийский чемпион тяжелоатлет Юрий Власов и его знаменитая книга «Особый район Китая»; олимпийский чемпион (прыжки в высоту) Валерий Брумель был всеобщим любимцем; все гордились шестикратной олимпийской чемпионкой конькобежкой Лидией Скобликовой, олимпийским чемпионом боксером Валерием Попенченко, гимнасткой Ларисой Латыниной (18 олимпийских медалей); о лучшем вратаре мирового футбола Льве Яшине слагали легенды; следили за играми чемпиона мира шахматиста Михаила Таля. Всей семьёй мы, не отрываясь, смотрели выступления первых советских золотых медалистов в фигурном катании Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова. 1970-е стали ещё и триумфом советского хоккея. Сборная СССР завоевала все самые высокие титулы в мировом хоккее. Победить Канаду в суперсерии, страну, где хоккей был главным видом

спорта — это было высшее достижение. Ведь в Канаде считалось, что если рождается мальчик, то будет хоккеист. Если девочка — то жена хоккеиста. В «команде звёзд» играли выдающиеся спортсмены В. Харламов, А. Мальцев, Б. Михайлов, А. Якушев, А. Рагулин, В. Третьяк.

На высоте было все — экономика, наука, искусство.

В литературе Шолохову дали Нобелевскую премию, издали «Мастера и Маргариту» Булгакова, сначала в журнале «Москва», который передавали из рук в руки и зачитывали до дыр. Скрипач Давид Ойстрах собирал полные концертные залы по всему миру. На мировой сцене выступали наши знаменитости оперы и балета: Ирина Архипова, Галина Вишневская; Майя Плисецкая, Екатерина Максимова, Марис Лиепа, Владимир Васильев. Я видела спектакли Большого со многими из этих артистов оперы и балета. Самыми любимыми были оперы «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Борис Годунов», «Иоланта» и балеты «Иван Грозный», «Спартак», «Кармен-сюита». Советский балет стал визитной карточкой СССР. В это время Макаревич создает свою «Машину времени». Эдита Пьеха, София Ротару, Юлий Ким, Владимир Высоцкий — все оттуда, из 60–70-х.

Это было «золотое время» для нашей страны. Медицинское обслуживание и образование были бесплатными, квартплата была смехотворной, плата за коммунальные услуги составляла копейки. Разрешили личные подсобные хозяйства. Чтобы повысить благосостояние людей, в 70-е годы предприятия стали раздавать садово-огородные участки. Да, зарплаты были небольшими, но, если рассматривать социальные программы и стоимость социальных услуг советского человека по отношению к заработной плате, то получится, что советские люди жили чрезвычайно зажиточно.

Как раз в это время, после переезда в другой район, я пошла в новую 141-ю школу в 6-й класс. Первый год мне было довольно непривычно, потому что теперь по всем предметам были разные учителя. Шестой класс я закончила уже не на все пятерки, как раньше. Мне было трудновато. Зато мы начали учиться по пятидневной неделе и отдыхали целых два дня!

В новой школе у меня появилась подружка Галя. Мы с ней были не разлей вода, пока не произошел один неприятный инцидент. Галя была из простой семьи, училась так себе, но очень старалась. Она казалась взрослее нас, сверстников, и была очень правильной и какой-то уж слишком прямолинейной — только чёрное и белое, без оттенков. А я была очень открытой, немного наивной и доверчивой, говорила то, что думала. В семье у меня была сложная «политическая» обстановка. Мама сидела дома и узнавала только политкорректные новости из газет и телевизора. Папа же в душе был немного диссидент, хотя ничего против советской власти не имел. Но он всегда был в гуще событий и видел, что происходит на самом деле. Я часто слышала, как он говорил

про СССР, что это «страна чудес», как у Буратино, а далее следовали объяснения, что действительно происходит в стране и в правительстве. Всё это говорилось для мамы, а не для меня. Меня просто не принимали в расчет, думая, что я ничего не понимаю. А я, наслушавшись взрослых разговоров, чувствовала себя «просвещённой».

Как-то Галя завела разговор про «наше счастливое детство» и про то, как мы будем жить при коммунизме и как нам повезло, что мы родились в этой стране. Я тоже гордилась тем, что живу в СССР, но «просветила» её, что дела в стране обстоят не совсем так, как она себе это представляет. На том и расстались. Она же решила, что я глубоко заблуждаюсь, и меня надо срочно спасать. На следующий день она сообщила нашему классному руководителю о моей «моральной неустойчивости» и передала весь наш разговор.

По-видимому, эта милейшая учительница придерживалась таких же взглядов, как и я. Мне она ничего не сказала, но вызвала родителей и предупредила их о том, чтобы при мне таких разговоров больше не вели. Я получила хорошую взбучку за свой болтливый язык и поняла, как мне невероятно повезло с учительницей. Когда я попыталась объяснить Гале, что нельзя быть таким «павликом морозовым», она меня не поняла. Она искренне пыталась мне помочь. На этом наша дружба закончилась. Но это уже был 8-й класс, и она ушла из школы в медучилище. Многие оставили школу после восьмого класса. Мальчик, которому я симпатизировала, тоже ушел в геолого-разведочный техникум. Я ему немного завидовала — профессия геолога была овеяна романтикой, как тогда пели в неофициальном гимне геологов: «А я еду, а я еду за туманом, за мечтами и за запахом тайги».

Помимо романтики была и реальная жизнь. Москва была поделена на районы со своими бандами хулиганов. Были особо опасные районы — Марьина Роща, Люберцы. На разборки сходились район на район. Мы жили в районе Хорошёвки и у нас были свои молодёжные разборки за территорию влияния. Там сходилась стенка на стенку молодёжь Хорошёвского шоссе и Хорошёвских улиц.

В 8-м классе меня приняли в комсомол. В комсомол вступали в 14 лет и автоматически выбывали в 28. Сначала мы получали рекомендацию комитета комсомола своей школы, а потом приходили на собеседование в райком комсомола. В райкоме задавали вопросы по Уставу ВЛКСМ и брошюре Ленина «Задачи союзов молодёжи».

Исключить из комсомола могли за хулиганство, посещение церкви, неуплату членских взносов. В церкви стояли проверяющие и выясняли фамилии молодых прихожан. Им потом отправляли письмо на работу, после чего грозило увольнение. Или сообщали в школу, тогда могли исключить из комсомола. Я только один раз в школьные годы забежала в церковь на Соколе поставить свечку перед экзаменом и тут же испарилась.

Став комсомольцем, нужно было раз в месяц присутствовать на комсомольском собрании, платить комсомольские взносы и иметь общественную нагрузку. Я занималась с отстающими в младших классах. Помогала по математике и английскому шестикласснику. Он был двоечником, а с моей лёгкой руки хорошо закончил год. Один год я была комсоргом класса. А потом отвечала за спортивную работу. Даже была чемпионом школы по лыжам. Первое место я разделила с моей подружкой Таней.

Для некомсомольцев были закрыты двери ВУЗов, так как при поступлении нужно было подать с документами характеристику из комитета комсомола. Выезжать за границу даже в соцстрану тоже было нельзя, потому что требовалась комсомольская рекомендация.

Несмотря на некоторый формализм и перегибы, комсомол был авторитетной организацией. Жаль, что в современной России нет такого молодёжного движения, которое занималось бы организацией подрастающего поколения, его патриотическим и моральным воспитанием, давало бы молодёжи нравственную ориентировку, так необходимую в наше непростое время.

В 1958 году вместо 7-летнего ввели всеобщее обязательное 8-летнее образование. Срок обучения в школе увеличили до 11 лет. А потом снова вернулись с 1966-го учебного года к школе-десятилетке. Поэтому в 1966-м году мы проходили два года за один. После восьмого можно было идти в техникум. Для более слабых было ПТУ, где обучали рабочим специальностям. Или можно было остаться в школе и закончить 9–10 классы. Выбор был большой и у всех.

Всё образование было бесплатным — ясли, детсады, школы, интернаты, ПТУ, техникумы, институты и университеты. Мы были свободны от поборов. С нас никогда не собирали деньги на учебники, охрану, ремонт класса, оборудование, мебель, устройство газонов.

Я сначала подумывала, не пойти ли мне учиться в техникум. Даже побывала на дне открытых дверей в приборостроительном, где мне очень понравилось. После техникума было легче поступить в технический ВУЗ. Я уже наметила себе два института по территориальному признаку. Рядом был авиационный институт и автодорожный — оба очень сильные ВУЗы с высоким вступительным конкурсом. Мне до сих пор немного жаль, что я не стала инженером. А отец хотел, чтобы я стала музыкантом, как бабушка.

После переезда я перешла в расположенную рядом музыкальную школу им. Дунаевского. И через три года её закончила. Это была одна из лучших школ Москвы с сильным педагогическим составом. У меня была замечательная учительница Ада Владиславовна, и только благодаря ей я догнала своих сверстников в учёбе и хорошо сдала выпускные экзамены. Она выжала из меня всё, что можно, и я смогла осилить довольно сложную программу. На выпускном играла фугу Баха,

прелюдию Шостаковича, пьесу Чайковского «Осень» и первую часть ре-минорного концерта Моцарта. Я была счастлива, что получила свою заслуженную четвёрку. Зато по музлитературе блистала. А вот со своим «внутренним слухом» по сольфеджио выше тройки не поднималась. Мой отец хотел, чтобы я стала преподавателем музыки, но моя мудрая учительница деликатно дала понять, что с моими данными больших высот я в музыке не добьюсь и на хорошую работу рассчитывать не смогу.

Родители предпринимали большие усилия, чтобы я была музыкально образована. Мама водила меня в театры и на концерты. Мы пересмотрели весь подходящий для моего возраста репертуар Большого театра — «Спящая красавица», «Щелкунчик», «Лебединое озеро», «Русалка», «Дон Кихот», «Руслан и Людмила»; лучшие спектакли в Немировича-Данченко — «Доктор Айболит», «Снегурочка», «Золушка».

Билеты мы доставали «по блату». Мама два года ходила на курсы английского языка и там подружилась с администратором гостиницы «Интурист». У них была квота билетов на иностранных гостей. С их барского стола нам тоже перепадало.

«Блат» был фундаментом, на котором строились отношения в СССР. Деньги по сравнению со связями ничего не значили — не было возможности их потратить. Если ты покупал то, что никак не мог заработать, то мог быстро попасть на заметку в ОБХСС. А хорошие знакомые или нужные «друзья» могли за взаимные услуги достать тебе любой дефицит, или устроить на работу, или помочь поступить в престижный институт.

Старшие классы

Успешно сдав экзамены за 8-й класс, я перешла в 9-й. Последние два старших класса общеобразовательной школы по сегодняшней терминологии считались старшей школой. Мои весёлые лагерные денёчки закончились, и эти последние годы стали самыми значительными во всей моей школьной жизни.

Все слабые ученики отсеялись, и в 9-м остались только сильные, нацеленные на поступление в ВУЗы студенты. К нам добавилось еще несколько ребят из новых домов, построенных на Хорошёвке для служащих Генштаба. Всего в классе было 26 человек.

У меня появилась новая подружка Таня. Нас так и звали — Таня в квадрате. Она мне очень помогала — мы вместе организовывали спортивные мероприятия. Она ходила в ту же музыкальную школу по классу виолончели, и мы даже играли какие-то пьески дуэтом.

У нас была необыкновенная классная руководительница Людмила Дмитриевна Жадченко. Она вела историю и на каждом уроке заставляла нас думать и соображать. Она требовала от нас логических выводов в истории и абсолютного знания предмета. А итоговые уроки вообще были, как мини-спектакли. Она не была замужем, не имела детей и всю

жизнь посвящала своим ученикам. Отсутствие семьи наложило отпечаток на её характер — она была слишком строгой и бескомпромиссной, жёсткой, а с подростками всё-таки нужно больше понимания. Поэтому у некоторых были с ней конфликты, да и мне тоже досталось.

ЛДЖ, как звали мы нашу учительницу, была уже не очень молодой, но у неё была масса энергии. Зимой в 9-м классе мы все поехали в Марфино, где сняли дом на зимние каникулы. Там был шикарный дворцово-парковый ансамбль XVIII–XIX века, а рядом село Федоскино — родина русской лаковой миниатюры, откуда распространилась особая технология изготовления — «Палех», «Мстёра» и «Холуй». Музейные экспонаты были необычайно красивы.

На следующие зимние каникулы мы точно так же всем классом отдыхали в селе Ашукино. Это село находится недалеко от Сергиева Посада (тогда Загорск), всего минут 20 на электричке. Как раз наступало Рождество и, хотя мы не верили в бога, нам было страшно любопытно и хотелось узнать, что же это такое — Рождество. Кто-то предложил съездить туда на электричке. Нас собралось человек шесть. Добрались без осложнений, нашли собор, где проходила праздничная служба. По-видимому, это был Троицкий собор. Мы не предполагали, да и не могли знать, что Троице-Сергиева лавра — это центр духовной жизни и что туда приедут люди со всей страны.

Народу было — не протолкнуться, много увечных и стариков. Нам было страшно интересно, что же происходит там, впереди, у алтаря, и мы стали проталкиваться вперёд. У самого алтаря один из наших мальчиков вдруг падает в обморок. Это был здоровый, спортивный парень. Я подозреваю, что его обморок был связан не только с духотой в помещении, но и с его духовным здоровьем. После школы он работал в международном аэропорту, и у него стала откуда-то появляться дорогая импортная аппаратура, а в аэропорту в это время участились случаи пропажи техники. А потом он и вовсе повредился умом. Конечно, мы его быстро вынесли из церкви, он пришёл в себя, и мы вернулись в Ашукино, где нам здорово влетело от нашей учительницы.

Летом после 9-го класса мы, опять все вместе, поехали в Ленинград на белые ночи. Разместились в местной школе в спортзале. Там были огромные окна, и из-за белых ночей спать было невозможно — светло, как днем. Целый месяц мы бродили по музеям, галереям, паркам, пели ночами под гитару на набережной, смотрели на развод мостов, ездили по пушкинским местам. Больше всего меня поразили кружевные чугунные балконы и решётки Ленинграда. Я истратила на них всю свою плёнку.

Поездка была незабываемой. Мы просто влюбились в город на Неве. Так как наша руководительница вела историю, то она уделяла огромное внимание патриотическому воспитанию и, кстати, небезуспешно. В Ленинграде она водила нас на Пискаревское кладбище, где мы читали от-

рывки из дневников блокадников. А в Москве устраивала тематические занятия по Великой Отечественной войне. Были и уроки с музыкальным сопровождением и песней «Священная война». У нас даже была своя песня, которую мы исполняли хором каждый раз, когда заканчивалось классное собрание:

«Забота у нас простая, забота наша такая,
Жила бы страна родная, и нету других забот.
И снег, и ветер, и звёзд ночной полет,
Меня мое сердце в тревожную даль зовёт».

Вообще, культурная жизнь в нашем классе, да и во всей школе была на высоте. Мы поставили мини-спектакль по Куприну для родителей и всех желающих, где я, моя подруга Таня и еще одна девочка Вера читали «Гранатовый браслет» под музыку при свете зелёной лампы, сидя за столом, покрытым зелёным сукном. Вера была очень талантливой, она читала последнюю часть, и многие зрители плакали. В школе нас водили на все знаковые фильмы: «Обыкновенный фашизм» Ромма, «Война и мир» Бондарчука и др. Проводили общешкольные концерты, в которых мы все участвовали. Были и танцевальные вечера для старшеклассников, на которые всегда рвались дворовые ребята, а дежурные родители их не пускали.

Наш класс был очень дружным, мы помогали друг другу во всем. Я, например, была лучшей ученицей по истории и писала нашему отличнику планы, а он мне помогал с математикой. Вечерами мы обычно собирались у кого-нибудь во дворе и в беседке пели песни под гитару или шли на волейбол. По выходным — в Серебряный бор, который был в получасе езды на троллейбусе. У нас проходили разные туристические сборы.

Однажды в 9-м классе мы поехали на общешкольный турсбор, и там я познакомилась с мальчиком из другого класса. Он был высоким, красивым и веселым и даже бренчал что-то на гитаре. Еще он играл в волейбол в школьной секции с мальчишками из нашего класса, куда я тут же записалась. Это была моя первая любовь, правда, без взаимности — он встречался с другой девочкой из своего класса. В дальнейшем он поступил в медицинский и даже водил меня на анатомические занятия, где плавали отказные трупы в больших формалиновых ваннах. Я сама напросилась — мне было очень любопытно, как учатся медики. Потом он около 40 лет проработал в Филатовской больнице и стал нашим домашним врачом, а я переводила ему медицинские статьи с английского. Как-то мой маленький сын заболел с очень высокой температурой и в бреду всё повторял: «Мама, позови дядю Лёшу. Только он может меня спасти». Алексей Смирнов стал профессором, ведущим хирургом Филатовской больницы и даже участвовал в разделении сиамских близнецов Гиты и Зиты. А тогда в школе мы вместе тренировались, и я ходила к нему домой пить чай.

В девятом классе я чуть не вылетела из школы из-за принципиальности нашей учительницы. Я была лучшей ученицей по её предмету, очень любила историю, вела общественную работу, но дисциплина у меня хромала. Я постоянно отвлекалась, получала замечания и всё время опаздывала. Мой дневник пестрел красными чернилами от замечаний. В конце концов, нашей классной это надоело, и она решила больше не пускать меня на занятия за опоздания. Уроки истории, как назло, были сдвоенными и первыми в утреннем расписании. За каждый пропущенный урок — не по моей вине — она ставила мне двойку в журнале. Никакие увещевания моих родителей не помогли. Так прошел месяц или два. Я уже собралась переходить в другую школу.

На мое «счастье» она заболела и попала в больницу. На замену пришёл директор школы, который тоже был историком. Я явилась на занятия, как ни в чем не бывало, вызубрив урок наизусть. Директор увидел непорядок в журнале — где-то десять двоек и тут же вызвал меня к доске. Я отвечала блестяще, но он «постеснялся» поставить мне пять, и я получила четвёрку. Он все-таки спросил, откуда у меня столько двоек при таком знании предмета, но я молчала, как партизан. В конце года первый раз в жизни у меня вышел трояк по истории. А наша учительница проболела до конца года, а в 10-м классе уже всё забылось, и мы снова стали друзьями. Только теперь я уже не опаздывала. Потом она даже помогала мне поступить в институт — готовила к экзамену по истории.

В 10-м классе я решила, что буду поступать в Московский иняз им. Мориса Тореза на английский факультет и стала готовиться к экзаменам. Я занималась с аспирантом института, но у него не было методики натаскивания на экзамены, мы просто учили язык, не спеша разбирая тексты. Я закончила школу, сдала экзамены и, как и весь наш класс, пошла поступать в институт. Конкурс был огромный. Нужно было сдать 4 экзамена. Из 20 баллов необходимо было получить минимум 19, то есть одну четвёрку, а я набрала всего 16 и не прошла по конкурсу. Наш единственный отличник поступил в физтех, остальные в разные ВУЗы — нефтяной, архитектурный, строительный, филологический, экономический, плехановский, педагогический.

Весь следующий год я занималась с преподавателями. Мой преподаватель по английскому был спецом по натаскиванию. Мы занимались бесконечными дриллами, и к каждому занятию я исписывала целую тетрадь по 100 с лишним примеров на грамматические правила. Русский я учила по учебнику техникума, по литературе писала бесконечные сочинения, а по истории занималась с нашей учительницей. В итоге я получила две четвёрки вместо одной и попала только на вечерний. Я была единственной в группе, кто поступил из обычной общеобразовательной школы, а не из английской спецшколы.

Глава 18. СОВЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

ОТГОЛОСКИ ВОЙНЫ

Андрианова Лидия Михайловна, 83 года,
пенсионер, ветеран труда, учитель физики
школы-гимназии № 5 города Троицка Московской области,
лауреат премии фонда Сороса среди учителей средних школ (1994),
г. Москва, поселение Краснопахорское, с. Красная Пахра

Полицаи

Их было пять. Почему эти молодые мужчины были не на фронте и как они стали полицаями, я не знаю. В те далекие годы, когда я была ребенком, хотя и большим, такие вопросы у меня не возникали. А когда захотелось спросить, отвечать уже было некому. Напишу о них то, что знаю.

Об одном я уже писала. Они с женой были нашими соседями, детей не было. Это тот полицай, который кричал на маму, когда она носила воду и еду нашим солдатам, сидевшим в болоте, в высоких камышах за нашим огородом, который грозил маме оставить меня сиротой, а потом забрал у нас всех кур, оторвав их головы и оставив в сарае. Он уехал вместе с немцами, когда уезжала, а точнее бежала, отступая, комендатура. Больше ни о нем, ни о его жене никто никогда не упоминал. Их судьба не интересовала никого.

Два других полицая, оба Ивана, были женаты, имели детей. Жили они на другой улице, параллельной нашей. Дочь первого Ивана, назову его так, и сын второго Ивана были моими одноклассниками. Оба они после победы были осуждены, отбыли в лагерях по десять лет и вернулись к семьям. Первый Иван занялся сапожным ремеслом. Он шил и ремонтировал обувь. Жили замкнуто. Даже с соседями не общались. Клиентов было мало.

Второй Иван был более общительным, где-то работал и часто говорил, что, будучи полицаями, они ничего плохого людям не делали. Но друзьями они так и не обзавелись. Слово «полицай» людей отталкивало. Я не называю их фамилии, хотя и помню. Умерли оба, как говорят, своей смертью. Помог лагерный туберкулез.

Четвертого полицейского я не знаю. Даже визуально не могу припомнить. Возможно, я его никогда и не видела, и о его судьбе ничего не

слышала. А вот сына его знала. Они с мамой остались в Криворожье, он учился в нашей школе, но на два класса старше меня — учился легко, был «круглым» отличником. После окончания школы поступил в институт. И в вузе был отличником, выполнял общественную работу и уже на втором курсе стал «Сталинским стипендиатом».

Я училась на первом курсе, он — на третьем, когда его не стало.

Когда он в очередной раз пришел на занятие в институт, его пригласили в актовый зал на общефакультетское комсомольское собрание. В повестке был один вопрос: «Место ли детям полицаев в советском ВУЗе?». Позже мы узнали, что при поступлении в институт он в автобиографии не написал, что его отец был полицаем, а написал только о маме: где и кем работала. А отца он вычеркнул из своей жизни.

Но эти подробности его биографии стали известны, когда он был блестящим студентом третьего курса. Не трудно представить, что он пережил на этом собрании. Сколько услышал и ощутил презрения, унижения.

В итоге постановили: 1) из комсомола исключить; 2) Сталинской стипендии лишить; 3) из института отчислить, т. к. дети полицаев не могут, не должны учиться в советских ВУЗах.

После собрания парень пришел в свое общежитие и повесился.

Война давно закончилась, но все еще продолжала ломать судьбы людей и забирать жизни, хотя не пулями и не снарядами.

И о последнем, пятом полицае, которого я встречала много раз и хорошо помню. Он тоже был Иван. Всегда был угрюм, и, глядя на него, создавалось впечатление, что перед тобой жестокий, злобный человек. Семью он не создал, жил один, ни с кем не общался, но где-то работал.

Когда я приехала на очередные летние каникулы, в слободе бурно обсуждалось событие, связанное с этим полицаем. Его утром нашли на улице без сознания, жестоко избитым. Такого никогда у нас не случалось. Вызвали «скорую» и отвезли его в больницу. Врачи сообщили в милицию. Состояние его было крайне тяжелое, и хотя его привели в сознание, врачи не давали никаких шансов, так как травмы были слишком тяжелые. Приехал следователь, задавал вопросы, пытаясь узнать от него, кто избил. Иван отвечал на другие вопросы, но так и умер, не назвав своих обидчиков. Следователь уехал. Дело, видимо, закрыли.

А спустя какое-то время в слободе стали говорить, что недели за две до избиения полицая видели двоих относительно молодых мужчин. Они были не из наших. А после смерти бывшего полицая их уже никто не видел. Стали друг у друга спрашивать, чьи это знакомые, или к кому они приезжали, у кого останавливались? Оказалось, что никто их не знал. А может быть, не хотели об этом говорить? Не признавались? Но все сошлись на одной версии — это месть! А кто и за что готов был так мстить бывшему полицаю?

Для ответа на этот вопрос расскажу еще об одном эпизоде военных лет, когда мы были под немцем. На одном из окружавших нас хуторов скрывался наш раненый офицер, его взяли немцы. Видимо, кто-то его выдал. Но комендатура нашей слободы не стала им заниматься, его решили отправить в комендатуру г. Миллерово. Конвоировать пленного немцы поручили полицаю Ивану, самому молодому из полицаев. Об этом слышали работники кухни комендатуры, когда переводчица объясняла полицаю задание. До Миллерово было 30 км, а транспорта не было никакого, эти 30 км надо было пройти пешком. Было начало декабря. В тех местах в этом время всегда дуют очень холодные ветры, да еще и первые заморозки. Особенно пронизывающий ветер дул со стороны Калмыкии. Этот ветер переносил еще и песок, а когда попадал в лицо, казалось, тебя режут ножом.

Такой же холод был и в тот день, когда полицай повел пленного в Миллерово. Дорога шла параллельно возвышенности, пересеченной глубокими старыми оврагами, заросшими деревьями. Это и есть балки, их несколько вдоль дороги. Когда они прошли около 7 км, полицай приказал пленному повернуть к первой балке и в самом ее начале застрелил его. Наверное, не хотелось идти 30 км в такой холод. А мог бы отпустить пленного, подарить человеку жизнь.

Вернувшись в Криворожскую комендатуру, он доложил немцам, что застрелил солдата при попытке к бегству. Это также слышали работники кухни. Немцы не стали разбираться или наказывать полицая. А случившемуся в балке были свидетели. Напротив этой балки, по другую сторону дороги, примерно в 2 км от дороги был хутор. Две соседки с этого хутора отправили своих сыновей 12 и 13 лет за сушняком в балку. Надо было топить печь. До войны топили углем, который привозили с Донбасса, но при немцах в печь бросали все, что могло гореть. Разбирали заборы, плетни, загоны и т. п. Мальчишки пошли в балку, собрали по вязанке дров и присели на них отдохнуть и поболтать перед обратной дорогой. Вскоре они услышали мужской окрик: «Шагай, шагай к балке». Мальчики отползли в глубь балки и затаились, услышав по звуку шагов, что идут двое. Лежали тихо, не зная, что их ждет. Но мужчины в глубь балки не пошли. Вскоре раздался выстрел. Ребята замерли, а через некоторое время шаги начали удаляться. И стало понятно, что уходит только один человек. Ребята пролежали довольно долго, прислушиваясь к разным звукам, а когда поняли, что больше в балке никого нет, то осторожно перебрались на другую сторону и побежали домой, забыв про дрова. Дома они стали рассказывать, перебивая друг друга, что какой-то мужчина кого-то застрелил.

Ночью женщины с мальчишками пошли к балке, нашли тело солдата (он был в шинели), принесли на хутор и похоронили на местном кладбище. А точнее сказать, подзахоронили в уже бывшей могиле, чтобы не

привлекать внимание немцев. «Сарафанное радио» и в те годы работало хорошо. Поэтому вскоре всем было ясно, кто убил нашего солдата.

Когда же избили бывшего полицая, то все согласились с версией, что полицая нашли и ему отомстили родственники расстрелянного солдата. Только говорили, что это была не месть, а кара, настигшая подлеца и негодяя.

Это еще один пример, подтверждающий, что и после победного салюта война продолжала напоминать о себе. Видимо, с нашим поколением она будет идти параллельно до конца наших дней, т. к. часто, кажется, без всякой на то причины, подсознание выбрасывает страшные картины военных лет.

Денежная реформа 1947 года

Я училась во втором классе, когда к нам в класс пришли три новых мальчика. Они были одного возраста и оказались в нашей слободе вместе со своими мамами. Появление новых людей тогда никого не удивляло. Местные знали друг друга, т. к. целые поколения жили на одном месте. Но война все изменила. Многие потеряли родных, близких, лишились домов и искали пристанища в других местах. А некоторые возвращались в родные края и задерживались у нас на какое-то время. Все к новеньким относились с пониманием, старались помочь.

Вот и эти три женщины нашли у нас жилье, дети пошли учиться. Но тогда еще была карточная система. Продуктовые карточки выдавались только работающим — на них самих и тем, кто был на их иждивении.

Надо признать, что карточная система работала четко. Все карточки можно было отоварить в первый день. Можно было в течение месяца выкупать то, что необходимо. А можно было и в последний день месяца получить все. Никто никогда не слышал отказа, что уже что-то закончилось. То, что определено карточкой, получишь в удобное время.

Возвращаюсь к началу рассказа. Две мамы моих одноклассников сразу определились с работой и получили карточки на себя и на своих мальчиков. А третья сказала, что она очень больна, и работать не может. А как питаться? Рынка не было. В свободной продаже нигде ничего не было. Да и где взять деньги? Наша учительница, Таисия Григорьевна Фролова, пригласила всех родителей на собрание и объяснила ситуацию. Она беспокоилась об ученике. Ребенок не может и не должен остаться голодным. Долго обсуждали, что делать и как быть. Лишней еды ни у кого не было. Жили в те годы очень трудно. Решили: мать в любом случае пусть заботится о себе сама, а ребенка будут кормить все. Составили график, а точнее воспользовались списком учащихся в классном журнале. Выглядело это так. Когда наступала, например, наша очередь кормить мальчика, то утром он приходил к нам. Все завтракали, мои родители уходили на работу, мы — в школу. Дома оставалась

бабушка. После уроков мы с Володей (так звали мальчика) шли к нам, и бабушка кормила нас обедом. После обеда мы садились учить уроки. Иногда Володя после обеда уходил домой и приходил к ужину, а иногда оставался у нас и уходил домой только после ужина. На другой день он шел в другую семью.

Но вот «грянула» денежная реформа 1947 г. У кого деньги хранились в Сберкассе, так тогда назывался Сбербанк, для тех сохранялась тайна вкладов, и обмен шел по курсу 1:1, т. е. за один старый рубль начислялся один новый. Наличные же деньги обменивались по курсу 1:10, т. е. за один новый рубль надо было отдать 10 рублей старых денег. Обмен шел открыто, и в Сберкассе в тот день было полно народу. Количество полученных на руки новых денег сопровождалось шутками, т. к. самый значительный обмен определился 5 рублями новых денег. И в этот день в Сберкассу с тяжелым чемоданом вошла «больная» мама Володи. Она притащила для обмена чемодан, набитый деньгами. В нем было 2 000 000 руб., о чем она при всех громко ответила работникам Сберкассы на вопрос, который они задавали всем: «Сколько рублей будете обменивать?». Ответ прозвучал: «Два миллиона». Случилась немая сцена, почти по Гоголю. Все поняли, что она не была больна, а сидела дома, охраняя чемодан с двумя миллионами. Все, кто был в это время в Сберкассе, стали ее ругать, выражать свое возмущение. Ведь все знали, как кормили ее сына.

Работники Сберкассы вызвали милицию. Быстро пришли три милиционера, взяли чемодан с деньгами и увели «больную» мамашу. Больше ее никто не видел. Володя тоже в школу больше не ходил. А о денежном чемодане долго еще говорили. Больше всего жителей нашей слободы возмущало то, что мать готова была морить голодом своего ребенка, сидя на этих миллионах.

Все понимали, что эти деньги связаны с войной. Как они у нее оказались? Почему она не сдала их в милицию сама? Для чего они предназначались? Как она намеревалась ими распорядиться?

Вопросов было много, а ответа на них никто не узнал.

«Панынка»

Видимо, у родителей перед войной были какие-то планы домашних дел, и они завезли песок. А выгрузили его не во дворе, а у самого забора, но за двором. Потом война, и никто уже не вспоминал о довоенных планах. И эта куча песка для нас, детей, стала местом игр. Мы пытались что-то строить, переносили песок с одного места на другое. Эти игры с песком продолжались и при немцах. Песок был очень пыльный. Одежда на нас — только трусики, т. к. было жаркое лето. Мы часто забегали во двор попить воды. Всегда торопились, поэтому вода стекала по подбородку на грудь, а потом и на живот. К этим ручейкам воды быстро прилипала пыль от песка, и все мы были сказочно раскрашены: грязные черные пятна на щеках, вокруг рта, черные полосы по груди и животу. Это считалось нормой, и никто не пытался нас днем мыть.

У меня были белокурые вьющиеся волосы до плеч, и они никак не сочетались с моим раскрасом. И вот однажды я играла все на той же куче песка вместе с другими «полосатыми» и почувствовала, как кто-то, взяв за подбородок, поднял мою голову. Открыв глаза, я увидела немца. Он показался мне очень большим и страшным. Я испугалась и закричала, что было сил.

Тут же прибежала мама, схватила меня за руки и потащила во двор. Немец шел за нами и говорил: «Панынка, панынка», — а жестами показывал, что меня надо вымыть. Когда мама поняла, что у немца нет злых намерений, она остановилась и всякими способами пыталась объяснить, что я грязная потому, что нет мыла.

Немец понимающе закивал, улыбнулся и вышел со двора. Минут через двадцать он вернулся и протянул маме два куска мыла: хозяйственное и туалетное. Первый раз мы все увидели мыло в упаковке. У нас любое мыло до войны продавалось «голышом», а здесь туалетное мыло было в красивой бумажной упаковке. Мама, как могла, поблагодарила немца. Он улыбнулся и вышел со двора, повторяя и указывая рукой на меня: «Панынка, панынка!».

Мама положила мыло к умывальнику, который был во дворе. У нас все лето проходило во дворе: готовили еду, ели. У плиты-горнушки стоял старый стол, накрытый клеенкой, вокруг него стояли старые табуретки, тут же был умывальник, а на нем теперь и подарок от немца — мыло.

Но вскоре во двор зашел другой немец. Обходя двор, как всегда, он увидел мыло. С минуту он молча стоял и смотрел. Затем взял оба куска, засунул в карманы шорт и вышел со двора.

Так «панынку» и не помыли немецким мылом в такой красивой упаковке.

«Чуден божий свет! Уж каких чудес в нем нет!», — подумала, видимо, корова, опустив утром голову в бочку с водой

Мама и бабушка несколько дней спускались с крутого обрыва на огород и там, на болоте, серпом срезали высокий камыш и приносили его во двор. Работа была тяжелая, но за несколько дней они подняли много камыша. А когда он привял, увязали его пучками толщиной в руку, потом пучки связали между собой. Получилась толстая циновка. Ее они приставили к плетню, который отделял двор от огорода. За плетнем стояли ульи.

Так женщины готовились качать мед, чтобы немцы не увидели. Бабушка на печке-горнушке грела воду, в которой разогревали ножи. Го-

рячими ножами срезали воск на рамках. Мама «колдовала» над ульями. Мед надо было выкачать очень быстро, т.к. немцы несколько раз в день заходили во дворы, осматривали все углы, брали и уносили все, что им приглянулось.

Прошло все удачно. Мед выкачали, медогонку помыли, убрали в сарай, присыпали сеном и пошли в дом пробовать свежий мед. Все знают, что пчелы после такой процедуры очень злые. И вот во двор зашел немец. А так как было очень жарко, то на нем были только шорты и тапки. Поле деятельности для обиженных пчел было обширное.

Но ведь немец ничего не знал и даже не подозревал, что его ожидает. И, как всегда, пошел осматривать двор, заглянул в кастрюлю, которая стояла на горнушке, и было понятно, что уходить со двора он не торопился. А за это время вокруг него собрался рой агрессивных пчел. Понял ситуацию он слишком поздно. Пчелы успели «повеселиться» на нем.

На другой день утром к нам пришла Анна Емельяновна. Она жила напротив, на другой стороне улицы, и рассказала, что утром выводила корову пастись. Перед выходом корова всегда пила воду из бочки, стоявшей у ворот. Опустив голову в бочку, корова фыркнула и отскочила. Емельяновна, озадаченная поведением коровы, сама заглянула в бочку и увидела в ней немца. Он сидел по уши в воде, лицо у него было распухшее, глаз не было видно. Он пытался жестами объяснить, что с ним случилось и почему он всю ночь просидел в воде.

Женщины посмеялись без вопросов и объяснений.

Все на нашей улице знали, что пчелы были только у нас.

Из школьных лет

Я пошла в школу в 1944 г. Еще шла война. Школа сгорела, учебников, тетрадей, ручек, чернил не было. Начинали учиться в сарае, приспособленном под класс, писали на каких-то листах. Букварь был один. Он принадлежал нашей первой учительнице Таисии Григорьевне Фроловой. Но мы очень старались учиться. Да и учителя у нас были прекрасные. Из местных были только Таисия Григорьевна да учительница географии, а после войны и директор школы Владимир Игнатьевич Хмеловской. Все остальные были из тех, кого война лишила дома или кто возвращался из эвакуации и задерживался почему-то у нас. Это были учителя, заслуживающие самых высоких похвал. Нам с ними повезло. Среди них была наша учительница русского языка Екатерина Ивановна. Она жила у нас сыном, который был чуть-чуть старше меня. Анна Ивановна Кашкова — учитель литературы в старших классах, она учила нас писать сочинения; Екатерина Павловна — учитель физики, выпускница физмата Краковского университета.

Через несколько лет силами родителей построили школу на фундаменте сгоревшей. И нас перевели из сараев в новую школу. И вот тут-то

я увидела еще одного учителя — мужчину. Оказалось, что он преподавал литературу в старших классах. Все его ученики были в то время уже взрослые, им было по 19–20 лет, из-за перерыва в учебе при оккупации. Держались они особняком.

А когда мы выходили на переменах в общий коридор школы, то видели этого учителя всегда в окружении своих учеников. Они, как правило, что-то бурно обсуждали. Видимо, он был хорошим учителем, если его ученики не отпускали даже на переменах. Я не знаю его имени, но хорошо помню визуально. Это был очень красивый мужчина, высокий, стройный, с белой седой головой и красивым лицом.

Да и жители, не имевшие отношения к школе, тоже его знали, т. к. ежедневно в одно и то же время он спускался по тропинке довольно крутого оврага, и она его выводила на луг. И лугом, всегда с непокрытой головой, он шел к речке. Погода никак не влияла на его маршрут. Улицей к речке он никогда не ходил.

А потом он внезапно исчез. «Сарафанное радио» разнесло по слободе: «Шпион!». Мне кажется, что это случилось, когда я училась в 5-м или 6-м классе.

Будучи студентами, мы все старались приехать на летние каникулы домой. Встречались. И как всегда, вспоминали школьные годы. На одну из наших посиделок зашел директор школы Владимир Игнатьевич. В тот раз я спросила его о том учителе литературы. Вот что он рассказал: «Была глубокая ночь. Мы спали, когда кто-то постучал в дверь. Я оделся и пошел открывать. Увидел троих мужчин в милицейской форме, но они были не из нашей милиции. С ними был первый секретарь нашего райкома партии. Один из милиционеров велел мне одеться и всех проводить к учителю литературы. Они назвали его фамилию. Я выполнил приказ. Мы пришли к дому, в котором жил учитель с женой. Было темно, все спали. Я постучал в окно. Вскоре в окне появился свет, и нам открыли дверь. Мы все зашли в комнату. Милиционер приказал учителю одеться, ничего не объясняя. Жена его громко заплакала. Учитель подошел к ней и сказал: «Маша, не плачь. Береги себя». Он оделся, и мы вышли. Когда возвращались, я оказался рядом с одним из милиционеров. Незаметно я толкнул его плечом и вопросительно на него посмотрел. Он сквозь зубы процедил: «Шпион».

После от секретаря райкома я узнал, что наш учитель, оказывается, был шпионом, которого оставили в нашей стране для продолжения шпионской работы. А у нас он временно жил, ожидая указаний своих хозяев. И ежедневные прогулки его лугом к речке имели свой смысл.

Больше о нем никто никаких разговоров не вел. Жена его уехала тихо и незаметно, не привлекая внимания.

И опять война напомнила о себе. Я пишу об этом и как будто вижу его, идущего всегда в одиночестве по лугу к речке Калитве.

ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ

Прошина Татьяна Валерьевна, 67 лет,
менеджер по проектам,
победитель международного конкурса «Пушкин в Британии» 2019 г.
в номинации «Лучшее конкурсное стихотворение»,
Канада, г. Оттава

Обычно летом мы с родителями отдыхали на Чёрном море в Крыму, редко на Кавказе. У отца была фобия — он страшно боялся летать на самолётах. Он воевал, дошёл до Берлина, имел орден Красной Звезды, был храбрым офицером, а летать на самолётах отказывался. Это случилось после того, как он прыгнул с парашютом на учебном полете. Поэтому мы с мамой обычно заранее вылетали на юг на самолёте, все организовывали, а он потом подтягивался на поезде и оставался дней на 10. Поездка на юг тогда была недорогой. Можно было совсем дёшево снять халупу где-нибудь на окраине города или в ближайшей от города деревне и питаться дешёвыми фруктами и овощами с местного рынка.

С родителями отдыхать было довольно скучно. Купаться они не любили, друзей не было, играть было не с кем. Только одно-единственное лето было запоминающимся, лет в 10, когда я познакомилась с местными мальчишками, и мы ходили плавать, лазали по скалам и пещерам, ловили рыбу на самодельные удочки, пекли на костре крабов, ныряли с высоченных скал. Однажды нас попросили набрать мидий, и родители вместе с соседями сварили их в огромном ведре с рисом. Так что первый раз я мидий попробовала еще в детстве. Второй — в 90-е годы в Хьюстоне.

Побывав один раз в лагере, я потом стала приезжать туда каждый год, часто на все три смены. Тогда в семьях было мало детей, как правило, один, максимум два ребёнка в семье. Послевоенные годы были тяжелыми и никто не хотел, как выражался мой отец, «плодить нищету». Когда я заговаривала о братике или сестрёнке, он сердился. Я была единственным ребёнком в семье и отсюда бесконечные запреты: не ходи босиком — заболеешь, не лезь на забор — упадёшь, не плавай — утонешь. Я до сих пор не умею кататься на велосипеде. Его мне так и не купили — вдруг разобьюсь или попаду под машину. Поэтому лагерь для меня был, как глоток свежего воздуха. Я всячески отговаривалась, чтобы не ехать на юг с родителями.

Пионерлагерь был от КГБ — маминой прежней службы. Качество лагеря напрямую зависело от богатства предприятия, которое этим лагерем владело. Мне повезло — это был один из лучших и богатых лагерей и располагался в Подмосковье, в живописном месте, окружённом берёзовой рощей. Свое название он получил от ближайшей железнодорожной станции «Белые столбы». Галич сделал «Белые столбы» известными, спев про психбольницу. На самом деле больница располагалась на станции «Столбовая». Но всё равно, когда я говорила, что вернулась из «Белых столбов», то на меня всегда странно смотрели.

Перед отъездом мы с родителями составляли список вещей и приклеивали его на внутренней стенке чемодана. Чемоданчик был маленький, углы обиты железом. Вещей брала немного — пионерскую форму, тренировочный костюм, шаровары, кофту, пару маек, одно платьице, кеды и босоножки. Все чемоданы хранились в лагере в кладовке. Она открывалась раз в день на час, и тогда каждый мог взять всё, что ему нужно. Кровати были старого образца — железные, с панцирной сеткой. Всем выдавали комплект постельного белья и вафельное полотенце. Бельё меняли раз в неделю в банный день. В отрядах было человек по 30–40.

Рядом с нашим лагерем протекала речка, где для детей была построена большая деревянная купальня. Был также маленький прудик, где водились утки, и большой яблоневый сад. Была даже своя ферма с поросятами. Мы жили в больших просторных корпусах. Один — тёплый с отоплением для малышей и летние, деревянные — для детей постарше. Были там и спортивные площадки для волейбола и баскетбола, стол для настольного тенниса. В отдельном корпусе размещались кружки. Я ходила в кружок фото и вязания. Там я научилась фотографировать, проявлять и закреплять плёнку и печатать фотографии. Научилась основам вязания и в дальнейшем вязала юбочки и кофточки своим куклам, а потом детям.

В том же корпусе был единственный на весь лагерь чёрно-белый телевизор, где мы собирались, чтобы посмотреть футбол. Футболом интересовались все. У нас даже была смешанная команда девочек и мальчиков. Была и волейбольная команда. Как все-таки странно, что времени едва хватало на все мероприятия, и при этом у нас не было ни мобильников, ни компьютерных игр, ни сегодняшнего телевидения.

Распорядок дня в лагере соблюдался неукоснительно и помогал поддерживать дисциплину.

Подъём. В восемь утра нас будил горн:

Вставай, вставай, дружок,
С постели на горшок.
Вставай, вставай, вставай,
Штанишки одевай.

Все выскакивали в майках и шароварах на зарядку. Затем шли умываться, одеваться и заправлять кровати. Главное было стряхнуть хлебные крошки и песок с простыни, натянуть в струнку одеяло и поставить ровным уголком подушку. Затем мы отправлялись на линейку.

Горнист. Рисунок Перязевой Софии, 7«Б» класс МКОУ «Гимназия», г. Ефремов

Линейка проводилась в центре лагеря на специальной площадке, окружённой газонами и цветами. Посреди неё возвышалась трибуна-постамент с флагштоком. Флаг утром поднимали, а вечером опускали наиболее отличившиеся в предыдущий день пионеры. Чаще всего вызывали за отличное дежурство по лагерной столовой. Также на линейках делались важные сообщения по поводу предстоящего дня, хвалили за хорошие дела, ругали за какие-то проступки. Торжественные линейки проводились в лагере в дни открытия и закрытия лагерных смен. На них выносили красное знамя.

Мне так хотелось, чтобы и меня хоть раз вызвали поднять флаг. В некоторые дни я старалась изо всех сил: убирала территорию, лучше всех помогала в столовой, показывала отличные результаты на соревнованиях. Я пробегала 60 метров в своей возрастной группе лучше всех, была капитаном волейбольной команды. Но ни разу мне не удалось выйти к флагштоку и удостоиться чести поднять флаг. Зато за провинности часто попадала на кухню чистить картошку.

Завтрак. С линейки мы строем шли на завтрак. Утром, как правило, давали молочную кашу, варёное яйцо, чай, какао, хлеб с маслом и сыром. Если была манная каша, да еще с изюмом, то у меня был праздник. Мало кто из детей любил манную кашу, а я её обожала. Даже маме говорила, когда она пыталась заставить меня есть суп, что своих детей буду кормить только манной кашей. У меня перед глазами картина, как со всего стола ко мне двигаются тарелки с кашей.

После завтрака был обход. В палатах поддерживался военный порядок. Сидеть и лежать на кроватях до обхода не разрешалось. Кровати должны были быть аккуратно заправлены.

Затем отряды до обеда уходили в лес. В лесу у нас было футбольное поле и легкоатлетическая площадка. Мы либо играли в футбол, либо соревновались — бегали, прыгали в длину, метали мяч. Была обязательная Спартакиада, проводилось множество турниров — по футболу, волейболу, настольному теннису. Я всегда домой привозила грамоты из лагеря за спортивные достижения. Редко когда удавалось просто позагорать.

Я всегда рвалась в лагерь, потому что только там могла спокойно заниматься спортом. Дело в том, что у меня был сильный сколиоз, и я посещала специальные лечебные занятия в Москве для укрепления спины и позвоночника. Родители считали, что спорт мне вредит. Внешне мой сколиоз был незаметен, но его всё время нужно было держать под

контролем, и мне рекомендовали спать на жёстком. Мама всё понимала буквально. Она приехала с отцом в лагерь и настояла, чтобы меня уложили на доски. Мне сколотили щит, и я стала спать на голых досках, покрытых одной простынкой. После нескольких бессонных ночей я всё-таки положила на него матрас.

Вообще, единственный ребенок в семье — это поле для экспериментов. В лагере у родителей не было возможностей ставить надо мной эксперименты и контролировать меня. Там я была, как все.

Если не было спортивных состязаний после завтрака, то вожатые готовили с нами конкурсы или мы просто бродили в лесу по оврагам, лазали по деревьям. В походах у костра запекали картошку в золе или поджаривали чёрный хлеб, надетый на ветку, ловили раков в реке. В лесу можно было собирать грибы и ягоды. Я даже сушила грибы на ниточке и привозила их домой, а мама втихаря выбрасывала, боясь отравиться. Пару раз за смену нас вывозили полоть свёклу или морковь на совхозных полях, откуда мы, по-видимому, тоже получали продукты.

Конкурсов в лагере было множество. Проводился смотр строевой песни. Но не политической песни, как в других лагерях, а обычной. Но всё равно, игры отменялись и заменялись маршировкой и разучиванием песни. Мне врезалась в память наша отрядная «До чего же хорошо кругом! Под деревьями густыми — светлый дом и дорожка золотая, ярким солнцем залитая, по которой мы идем, мы идем, мы идем. До чего же хорошо кругом!». Если отряд нарушал дисциплину, то вожатый заставлял нас дополнительно маршировать под окнами корпуса.

Обед. В два часа звучал горн «Бери ложку, бери хлеб и садись-ка за обед», мы строились и шли в столовую. Питанию в лагерях уделялось особое внимание, и к концу смены пионер должен был обязательно прибавить в весе. Обед состоял из трех блюд: на первое — суп, на второе — котлеты с гарниром, макароны по-флотски, гречка, картофельное пюре с селёдкой. На третье — традиционный компот из сухофруктов или яблок из местного сада. Компот был самым популярным, на него даже спорили. Кормили отменно, даже несколько раз давали красную рыбу и черную икру. Иногда на обед была черешня. К концу лета на столах появлялись арбузы. В нашем лагере никто ничего не воровал и не делал деньги на детях, ну, по крайней мере, если и делали, то нас не обижали. Нельзя сказать, что это была норма. Нам просто повезло.

Ежедневно все старшие отряды по очереди дежурили в столовой. Для начала надо было начистить огромную кастрюлю картофеля, затем разнести еду на подносах, а потом убрать тарелки со столов и протереть столы. После обеда до 4-х часов в лагере был тихий или, как его ещё называли, мёртвый час; все должны были лежать тихо в своих кроватях. Вожатые постоянно приходили и проверяли. Мы в это время шёпотом рассказывали всякие истории или анекдоты.

Затем полдник, а после него проходили те самые конкурсы и смотры или было свободное время, когда каждый занимался, чем хотел. Ходили в разные кружки, я иногда занималась музыкой, в дождливые дни шли в библиотеку за интересной книжкой. Впрочем, иногда вместо кружков мы с «верными друзьями» убегали с территории лагеря и придумывали себе всякие испытания, типа перейти босиком через ручей, посадить пиявку на ногу, перепрыгнуть через овраг, пройти голыми ногами по крапиве.

Всю смену отряды готовились к концерту, посвящённому закрытию лагеря. Это был конкурс на лучший смотр художественной самодеятельности. Один раз на закрытии наш отряд выступил с танцем индейцев. Мы сшили себе юбки из камыша, а на голову надели венки. В таких костюмах весь отряд, включая вожатых, танцевал танец аборигенов — мы ходили по кругу, размахивая длинными палками, и, притопывая босыми ногами, пели какую-то абракадабру типа: «Хо-хо, ху-па-па». Было так дико, громко и весело, что мы победили. Отряды, которые заняли первые три места, получали вечером за ужином приз — специально испечённый сладкий пирог.

В детстве я ещё очень любила ловить бабочек и везде брала с собой сачок. Многие дети тогда собирали либо гербарии, либо коллекции бабочек. Я одна уходила в дальнюю часть территории, где был лес, и часами бегала по кустам в поисках редких экземпляров. Капустницы и крапивницы меня не интересовали. Я гонялась за фараонами и павлиньим глазом или рогатыми жуками.

Кроме бабочек я любила всякую живность и много лет состояла в кружке юных натуралистов. В разное время ухаживала за утками, кроликами и поросятами. Мне не лень было вставать в 5–6 утра и бежать на пруд кормить уток. Было у меня два «своих» кролика. Я их кормила, чистила клетку, выносила погулять по одному. Однажды я выпустила в загон обоих кроликов вместе, и они подрались. Дрались просто насмерть. Вот вам и мирные травоядные. Я испугалась и решила их разнять. Так один из них, как лютый хищник, вцепился мне в палец и повис на нём. Пришлось даже идти в медпункт, а на пальце остался большой шрам.

А потом была история с поросятами. На нашей маленькой лагерной ферме было два поросёнка. Я, как юннат, две смены подряд присматривала за одним из них, Борькой. Чистила его, кормила, чесала, приходила к нему несколько раз в день. Он меня очень полюбил, и это было взаимно. В последней смене несколько отрядов пошли в поход с ночёвкой, с палатками и сухим пайком.

Назад мы прошагали несколько километров по жаре с рюкзаками и страшно устали и перегрелись на солнце. На обед опоздали. Еле-еле добрели до столовой, поковыряли еду, горячий суп есть не стали — было

очень жарко. Потом разбрелись по корпусам отдыхать. А после сна я побежала к своему Борьке — а его нет. Из него нам сварили суп на обед. Меня чуть не стошнило. С тех пор я завязала с юннатами, хотя вегетарианкой так и не стала.

Ещё у нас была старенькая лошадь. Это был наш местный транспорт. Её запрягали в телегу и возили разные грузы по территории лагеря — бидоны, яблоки… Когда она отдыхала, то просто стояла неподвижно, облепленная мухами. Она всё время трясла головой и махала хвостом, пытаясь отогнать мух. У неё была длинная чёлка, которая закрывала глаза, и мы с друзьями подумали, что она ей мешает, и решили подкоротить. Не помню, кому пришла эта идея в голову, кажется мне. Мы сбегали за ножницами и подрезали чёлку нашей бессловесной твари. Хотели даже хвост укоротить, но вовремя остановились. Когда мы услышали, что какие-то «хулиганы» (а это были мы) обкорнали нашу лошадь, то страшно расстроились. Оказывается, длинная чёлка нужна лошадям, чтобы мухи не лезли в глаза. Я очень переживала и только надеялась, что чёлка скоро отрастёт. До сих пор мне жалко нашу старенькую лошадку.

Где бы мы ни были и чем бы ни занимались в свободное время, главное было вернуться к ужину.

Ужин. Вечером горнист созывал всех на ужин. Мы с голоду не умирали, но до сна еще было далеко, и к отбою уже хотели есть. Родительские передачи долго не задерживались. Печенье и пряники быстро заканчивались, и мы на ужине набивали карманы чёрным хлебом, который потом жевали после отбоя, лёжа в постели. Отсюда и крошки на простынях, которые утром надо было обязательно стряхнуть.

В родительский день, обычно в воскресенье, приезжали родители. Привозили чистую одежду, везли еду в огромных сумках. Сначала располагались где-нибудь на полянке и устраивали пикник. В этот день можно было уйти из лагеря. Родителей ждали, чтобы потом несколько дней наслаждаться этим богатством.

Вечерняя линейка. После ужина мы шли на линейку, где подводились итоги дня, называли отличившихся на дежурстве, сообщали о нарушителях дисциплины и опускали флаг. Затем все расходились по корпусам и готовились к вечеру.

Вечером в лагере были через день либо танцы, либо кино.

Кино показывали в клубе. С кино нам тоже очень повезло. Рядом с лагерем был Госфильмофонд, и от него нам на шефской основе выделяли очень интересные фильмы, которые нигде больше не показывали. Нам постоянно привозили оттуда диснеевские мультики, которые страна увидела только в годы перестройки. Мы одними из первых посмотрели американский фильм «Римские каникулы» с Одри Хепбёрн. Кино ждали больше, чем танцы, потому что фильмы были очень интересные.

На танцы (сейчас это называется дискотека) ходили «себя показать и других посмотреть». С мальчиками танцевали мало. Если танцевали, то на «пионерском расстоянии», держа друг друга почти на вытянутых руках. Часто девчонки танцевали друг с другом или просто сидели вдоль стен. Я танцевать стеснялась и на танцы ходила не часто. Но всё равно к вечеру все готовились основательно. С собой из дома обязательно привозили платьице. Потом менялись одеждой. Почему-то чужие вещи всегда казались привлекательнее своих. Некоторые менялись вещами на целую смену. Главное было не уехать домой в чужой кофте.

За мной в старшем отряде ухаживал один мальчик, который тоже не очень любил танцы. Мы с ним вечером садились на лавочку и разговаривали. Он мечтал об экзотической профессии океанолога и рассказывал мне о своих планах. Фантазировал, как будет плавать по всем океанам, изучать подводный мир, спускаться на батискафе в подводные глубины. Не знаю, кем он стал в дальнейшем, больше я о нем ничего не слышала. Всё было очень целомудренно. Отношений, как таковых, между девочками и мальчиками не было. Сейчас, наверное, по-другому. Но тогда, по крайней мере в нашем лагере, была только дружба.

Отбой. После кино или танцев в 10 часов — отбой. Звучал горн «Спать, спать по палатам, пионерам и вожатым». Все готовились ко сну: умывались, чистили зубы, мыли ноги. Но жизнь не затихала ещё долго. Все бегали из палаты в палату, пугали друг друга. На ночь рассказывали всякие страшилки: «В тёмном-претёмном лесу на тёмной-претёмной опушке стоял чёрный-пречёрный гроб. А в нем...» или просили вожатого почитать про приключения или рассказать какую-нибудь историю.

Последняя ночь перед отъездом носила ритуальный характер —мазали спящих зубной пастой. Могли привязать ноги шнурками к кровати или связать кеды вместе. В последнюю ночь лучше было не спать, иначе утром проснёшься весь разукрашенный.

Помню и другие детские «шалости». У некоторых детей был энурез, и они писались. Когда этот ребёнок засыпал, кто-нибудь из детей начинал переливать воду из кружки в кружку около его кровати, таким образом провоцируя энурез. Утром простыни вывешивали для просушки, и детям было очень стыдно. Я всегда отговаривала от этой затеи.

Отношения между детьми не были безоблачными. Дети могли быть очень злыми. Как «воспитательная» мера были распространены «тёмные». Это когда тебя ночью накрывают одеялом и колотят несколько человек. Потом все разбегаются. Один единственный раз я поехала в другой лагерь. В нашем отряде лидером была девочка, которая никак не хотела уступать свое первенство. Со мной она стала тихо враждовать, когда пара её подружек переметнулись ко мне, ведь я была новенькая в этом лагере, чужая. Однажды ночью на меня вдруг набросили одеяло, прижали к кровати и стали бить. А я была очень спортивной и сильной,

даже сейчас занимаюсь гантелями. В общем, «тёмная» не получилась. Свет ночью включать было нельзя, и я даже не увидела, кто на меня напал, но на сто процентов уверена, что это была та девочка и её подружки. Утром я сделала вид, что ничего не случилось. Больше меня никто никогда не пытался задирать.

В лагере не всегда было просто. Некоторые домашние дети все время плакали, скучали по родителям и просились домой. Домашним детям в лагере было очень трудно, и их часто забирали домой до окончания смены. Но таких было немного. Мы все к концу смены становились одной дружной командой.

В последний день смены вечером нам устраивали праздничный ужин и прощальный пионерский костёр на лесной поляне. Костёр был очень большим. До ночи мы пели песни, особенно традиционные «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы — пионеры, дети рабочих». На следующий день утром нас автобусами развозили по домам, либо забирали сами родители. Прощаясь с друзьями, мы обещали встретиться в Москве, исписывали пожеланиями свои галстуки. Я поддерживала отношения с некоторыми ребятами.

Был у меня друг в лагере. Оказалось, что он жил недалеко от меня, на Соколе, в так называемых «генеральских домах». Вернувшись из лагеря, я познакомила его со своей школьной подругой, и мы втроем иногда гуляли вместе. Он был немного странноватый, никогда не рассказывал о своей семье. Любил придумывать всякие истории. У него нельзя было понять, где правда, а где выдумка. Однажды он рассказал, что нашёл машину времени и летал на другую планету. При этом он говорил эту чушь так искренне и с таким воодушевлением, что мы почти поверили. Чтобы мы поверили окончательно, он подарил нам чёрный камень с золотыми вкраплениями, якобы с той планеты. Несколько дней мы ходили, как оглушённые. Камень я храню, но никогда его не проверяла. Наверное, это какой-нибудь лучистый колчедан. А этот мальчик после этого исчез и больше не появлялся. Я думаю, он потом поступил в театральный.

Еще у меня в лагере была закадычная подруга Света. Мы каждый год договаривались и вместе приезжали в лагерь. Она в Москве училась в престижной английской спецшколе на Ленинском проспекте, а я была

из обычной школы. Она знала все тексты песен битлов, которые тогда уже вошли в моду. Я вцепилась в неё, как репей — научи да научи. Мы с ней целыми днями ходили по территории и пели песни. Я ещё сейчас помню все слова битловских песен.

Из-за своего знания языка Света пользовалась большим уважением среди вожатых. С вожатыми нам тоже повезло. Все они были студентами Ленинского пединститута с факультетов иностранных языков, в основном с английского и испанского. Все были очень заводными, творческими и немного свободомыслящими молодыми людьми. Один даже занимался йогой и рассказывал нам про опыты с телепатией, про прану, кожное дыхание. И это в 60-х годах! С ними было интересно. Мы разучивали разные англо-испанские песни и слушали рассказы про другие страны. С пионерского лагеря и пошло мое увлечение языками. Я в дальнейшем поступила в Московский иняз.

Были, конечно, в лагере и свои трудности. Особых удобств не было. Умывальники — в ряд на улице. Одна на весь лагерь сушилка, где мы оставляли на решётках сушиться свою одежду и обувь. Если шёл дождь или что-то стирали, то сушили на себе, потому что места в сушилке не было, все стеллажи были заняты вещами, а на кроватях развешивать не разрешали. Обувь всегда была мокрой. Банный день — всего лишь один раз в неделю. А ещё комары! Я приезжала домой вся искусанная. Репеллентов тоже не производили, и мы пользовались одеколоном «Гвоздика», который мало помогал в лесу. А ещё нелюбимый тихий час, запрет выходить за территорию…

Несмотря на это, жизнь в лагере была идеально сбалансирована. Пионерлагерь — это самые лучшие, светлые дни моей подростковой жизни. Я даже не помню, что в это время происходило в школе. Совсем не запомнились тусклые осенне-зимние дни этого школьного периода, а только яркая, насыщенная, дружная жизнь пионерлагеря. В лагере мы жили, а не существовали и каждое лето ехали туда с удовольствием — в предвкушении приключений, веселья и встречи друзей.

«УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ…»
(1970-е — начало 1980-х гг.)

Прошина Татьяна Валерьевна, 67 лет,
менеджер по проектам,
победитель международного конкурса «Пушкин в Британии» 2019 г.
в номинации «Лучшее конкурсное стихотворение»,
Канада, г. Оттава

Студенческие годы

Иняз имени Мориса Тореза, куда я поступила, был о-о-очень блатным. В нем училось много «золотой» молодёжи. В моей группе училась дочка актера Глебова («Тихий Дон»); дочка известного журналиста газеты «Правда» Бориса Ласкина; дочка завкафедрой нашего института, остальные тоже были непростые дети. Моя новая подруга Оля закончила престижную английскую спецшколу. Сейчас она живет в Нью-Йорке и работает судебным переводчиком. Говорит, что её работа никогда не кончится, потому что русские в Америке постоянно попадают под судебные разборки. Я езжу к ней в гости почти каждый год на Рождество.

Никто, конечно, из этой «золотой» молодёжи не работал. Хотя, если ты учился на вечернем, то должен был предоставить справку о работе. Во времена социализма обязаны работать были все, иначе ты считался тунеядцем. Разрешалось не работать только пенсионерам, инвалидам и замужним домохозяйкам. За тунеядство могли арестовать и заставить работать принудительно. На работе можно было ничего не делать, но присутствие было обязательно. Как тогда говорили: «Мы делаем вид, что работаем, а государство делает вид, что нам платит». Многие непризнанные писатели и поэты устраивались сторожами, дворниками или даже кочегарами, чтобы не считаться тунеядцами, иметь свою каморку и возможность творить.

Первый год мне ещё как-то удалось профилонить, но так как связей у меня не было, чтобы достать справку, я отправилась на поиски работы. В это время как раз набирали стюардесс на международные рейсы. Я прошла комиссию и почти уже получила работу, но мне поставили условие перевестись на заочный или даже бросить институт. Я тут же отказалась и забрала документы.

Я все же устроилась на работу «по блату», через свою родственницу, которая работала в медицине. Учиться и работать одновременно было невозможно физически — некогда готовиться к занятиям, поэтому я устроилась на полставки. Только в медицинских учреждениях была работа на полставки. Меня взяли лаборантом в НИИ педиатрии в лабораторию развития мозга при врождённых и наследственных заболеваниях. Сначала я

занималась гистологией. Делала срезы запарафиненных образцов мозга на микротоме. Иногда ассистировала на операциях на крысах и кроликах, ухаживала за животными в виварии.

В это время я собиралась замуж за молоденького музыканта, с которым познакомилась на «языковой» почве — он пытался учить язык. В 1971 году мне было 20 лет. Любовь, конечно, была, но больше было желание избавиться от родительской опеки. Мы сняли сначала комнату, а потом небольшую квартирку на окраине. Денег у нас не было, и его и мои родители договорились платить за квартиру. Костя к тому времени закончил музыкальное училище и работал в гастролирующем диксиленде — небольшой труппе артистов Москонцерта, которые разъезжали по разным городам. Одно время вместе с ними выступала молодая певица-мулатка. Непонятно, откуда она взялась, ведь по возрасту она не подходила под «фестивального» ребёнка. На летние студенческие каникулы я сопровождала их на гастролях.

Потом Костя устроился в новый эстрадный оркестр, и у них как раз был репетиционный период, когда зарплату не платили. Мы жили вдвоем на мои 65 рублей. Как-то купили утюг, и денег едва осталось на еду. Костя утром репетировал, а потом ехал к родителям и там обедал, а у меня с работой и учебой не оставалось времени, да и гордость не позволяла просить деньги у родителей. И тут я стала падать в голодные обмороки в общественном транспорте. Несмотря на это, мы не ругались и жили весело и мирно. Потом Костины родители перестали давать в одностороннем порядке деньги на съём жилья, и мы решили, что переедем к ним, у моих квартира была однокомнатная, и там просто не было места для четверых.

Костя был очень талантливым. Когда набирали телефон, он по звуку набора мог определить номер. В это время готовилась концертная программа «Товарищ кино» и его, талантливого музыканта, пригласили аккомпанировать одной очень известной актрисе и певице. Во второй половине концерта выступал очень популярный испанский певец Рафаэль, и в Москве попасть на этот концерт было сложно. Я решила, что поеду вместе с труппой в Ленинград и там увижу всю программу. Программа была очень интересной, и я с удовольствием ходила и на концерты, и на репетиции.

Как-то во время репетиции я бродила за кулисами и заглянула на сцену, а там мой муж с этой певицей держатся за руки. Когда они меня увидели, то отдёрнули руки. Меня что-то кольнуло, но я постаралась не придать этому значения, ведь она была старше его на 14 лет. Но интуиция меня не подвела. У моего мужа, по-видимому, начался с ней роман. Он вдруг очень изменился, начались скандалы на ровном месте. Последней каплей была сберкнижка, которую я случайно нашла во время уборки. Оказалось, что у Кости уже полгода, как кончился репетиционный период, и он получал хорошую по тем временам зарплату в 160 рублей и всю её откладывал — копил себе на машину. Видимо, уже решил со мной расстаться и скрывал это. А я в это время отдавала свои копейки в общий котел и стреляла у его папы по рублю на обед. После этого мы разошлись. Во время развода около здания суда его уже ждала новая пассия на такси.

Я их обоих очень хорошо понимаю. Её привлёк молоденький хорошенький мальчик. Костя же преклонялся перед её талантом (и не он один), хотел лучшей, безбедной жизни, быть в обществе известных киноактёров и музыкантов, думал, что это поможет ему с карьерой. Но, в конечном счёте, из талантливого музыканта он постепенно превратился в администратора своей новой жены. Детей у него так никогда и не было.

Но завершающий аккорд моего недолгого замужества случился после развода. Костя подал на размен нашей однокомнатной 20-метровой квартиры, где я жила вместе с родителями. Пришлось искать свидетелей, приглашать их в суд, доказывать, что он там никогда не жил. На заседание суда он не пришёл, но суд был гуманный и справедливый, и Костя проиграл. Через много лет он меня разыскал и просил прощения. Все равно, худо ли бедно, но мы с ним два года прожили интересно, ярко и с приключениями.

Советско-американская программа

Шёл 1972 год. Я снова была свободна и уже закончила третий курс института. Дружно и синхронно мы с моей страной начали в 1972 году новую жизнь. Мою должность на полставки закрыли, я потеряла работу и отправилась на поиски новой.

А в СССР стали налаживаться отношения между СССР и США. В 1972 году с визитом приехал президент США Ричард Никсон. После погашения Кубинского кризиса и окончания войны во Вьетнаме входила в силу «разрядка международной напряжённости». Брежнев был последовательным сторонником политики разрядки, и им были подписаны важные соглашения о сотрудничестве с США в области исследования космоса, охраны окружающей среды, здравоохранения.

Для координации программы здравоохранения был создан Объединенный советско-американский комитет (ОСАК), который определил темы сотрудничества по наиболее распространенным болезням — сердечно-сосудистым (ССЗ) и онкологическим заболеваниям.

Для осуществления программы сотрудничества по ССЗ в Институте клинической кардиологии им. А. Л. Мясникова создали международный отдел, куда мне удалось устроиться переводчиком-администратором. Наш отдел курировал Евгений Иванович Чазов, тогда начальник четвертого управления, а впоследствии министр здравоохранения. Ди-

ректором Института кардиологии был профессор Игорь Константинович Шхвацабая.

ОСАК утвердил 4 темы совместных исследований в области сердечно-сосудистых заболеваний: 1) патогенез атеросклероза; 2) лечение ишемической болезни сердца; 3) метаболизм миокарда; 4) врожденные пороки сердца. Затем были добавлены еще две темы: Эпидемиология ССЗ и Внезапная смерть. Последнюю проблему многие годы возглавлял Леонид Валентинович Розенштраух. Он и его сотрудники проводили совместные исследования со специалистами из различных университетов США — Колумбийского, Гарвардского, Чикагского, Дьюка и многих других.

Я отвечала за приём делегаций по трём темам совместных исследований. К нам приезжали группы учёных-медиков, биологов, статистиков, диетологов. Участники двустороннего сотрудничества словно забыли, что всё это происходит в разгар «холодной войны». Со многими мы подружились и долгое время поддерживали отношения. Оформить приём иностранной делегации в то время было непросто. Связи с заграницей только начинали налаживаться, и у меня было очень много работы.

Я уже училась на четвёртом курсе и была единственной в нашей группе, кто имел постоянную работу по специальности. Последние два годы учёбы были невероятно тяжёлыми. На работе приходилось постоянно задерживаться, а заниматься во время работы не было возможности. НИИ кардиологии был, пожалуй, единственным медицинским учреждением, где имелся международный отдел, поэтому меня часто приглашали через Минздрав на разные мероприятия. Одна из таких поездок была с космонавтами в Узбекистан, о которой я уже упоминала. Я, кстати, неплохо знала сотрудника кардиоцентра Олега Атькова, который полетел в космос на станции «Салют-7», где выполнял научные исследования, используя аппаратуру кардиоцентра. Еще была одна интересная поездка на круизном теплоходе «Карелия».

Кроме рабочих групп к нам приезжали по приглашению Е. Чазова и высокопоставленные делегации. Среди членов делегаций были такие именитые учёные, как известный врач-кардиолог, президент Нью-Йоркского медицинского общества Исадор Розенфельд (Isadore Rosenfeld), кстати, с русско-еврейскими корнями; легендарный хирург и учёный Майкл ДеБейки (Michael DeBakey). Майкл ДеБейки считался величайшим сердечно-сосудистым хирургом современности. За годы работы он сделал около 60 тысяч операций, лечил президентов Кеннеди, Джонсона, Никсона. Делал операцию президенту Академии наук СССР Келдышу, консультировал во время операции Бориса Ельцина. Он умер в 99 лет, из которых 75 лет было медицинского стажа.

Руководителем делегаций неоднократно приезжал зам. министра здравоохранения, образования и социального обеспечения США гос-

подин Теодор Купер (Theodore Cooper), курировавший всю программу сотрудничества. Однажды к нам даже приехал бывший личный врач Жаклин Кеннеди.

Чем ещё мне запомнился 1972 год? СССР исполнилось 50 лет, и во время одной из деловых командировок мне подарили сервиз, выпущенный к 50-летию СССР. Вышел мой любимый фильм режиссёра Станислава Ростоцкого «А зори здесь тихие». Я сначала посмотрела спектакль на Таганке, который меня просто ошеломил, поэтому к фильму сначала отнеслась скептически. Но фильм очень понравился и мгновенно сделался самым любимым из многих советских фильмов о войне. А ещё в кинопрокате появился философский фильм Андрея Тарковского «Солярис» с Донатасом Банионисом, который опередил своё время. Огромное впечатление произвел на меня фильм «Комитет 19-ти». В нем показано то, о чём говорилось ежедневно официальным языком: в Африке — голод, страны разрабатывают бактериологическое оружие, работают разные комитеты. Но когда это видишь в фильме… Спасибо авторам. Запомнился на всю жизнь. Похоже, что современный птичий грипп, эбола и свиной грипп — это такое же рукотворное произведение. В 1973 году вышли немеркнущие «Семнадцать мгновений весны» — легендарный советский киносериал, завоевавший фантастическую популярность. Это фильм о том, как нужно служить Отечеству. До сих пор ходят анекдоты про Штирлица и Мюллера.

А на телевидении обожаемой всеми передачей был «Кабачок 13 стульев» — комедия советского абсурда, где позволялось всё — флирт, критика начальства, питьё в баре. Ей шёл уже шестой год, но популярность только росла. Чего стоила только одна пани Моника с её шляпками! Мы все копировали моду «Кабачка», поголовно ходили в приталенных батниках — мне их помогала шить моя подружка Рая. Ножки обтягивали сапоги-чулки — страшно дефицитные, а приятель привёз мне такие же из-за границы — лаковые, коричневые, на платформе. Я их носила, пока они все не потрескались. К сожалению, передачу закрыли в 1980 году после обострения политической ситуации в Польше.

На международной арене, пожалуй, самым значительным событием был разгоревшийся в США Уотергейтский скандал.

И снова — учёба

Через два года я закончила институт и продолжала работать в НИИ кардиологии. Работала я с удовольствием, и у меня хорошо получалось. Появилась возможность поехать в командировку за границу поработать в ООН письменным переводчиком. У меня в институте была подруга Марина, которую я устроила к нам в отдел на работу вторым переводчиком. Во время оформления документов у меня из рабочего стола вдруг пропадает комсомольский билет. А это чревато большим скандалом. Ни о какой загранице не могло быть и речи. Вместо меня в командиров-

ку поехала вторая переводчица. Столы наши стояли рядом, и ни у кого другого не было к ним доступа. По-видимому, ей слишком сильно хотелось поработать в ООН, что она решилась на такой поступок. Тогда поездки за пределы страны стали для меня закрыты до выхода из комсомола в 28 лет. Потом я узнала, что она также докладывала обо мне начальству. После этой истории осталось чувство горечи на всю жизнь.

Прошло уже два года, как я закончила институт. Обстановка в отделе была напряжённой, и я решила, что пора что-то менять. Отец в свое время на совершеннолетие подарил мне открытку с известными словами Ленина «учиться, учиться и ещё раз учиться». Я пересмотрела свой багаж знаний и решила, что надо продолжать учиться. Через знакомых, минуя директора нашего НИИ, в 1976 году выбила себе направление на высший двухгодичный факультет переводчиков при инязе. Это было дневное отделение, но стипендию я не получала и перевелась на работу на дому в отдел по строительству нового кардиоцентра, где делала переводы каталогов импортного оборудования.

Это были замечательные годы моей юности, когда можно было посвятить себя учебе, не отвлекаясь на работу. С таким удовольствием я никогда не занималась. Перевод у нас вёл практикующий переводчик ООН. Главное, что это были люди из профессии. Моим самым любимым предметом был художественный перевод, который вела пожилая переводчица английской классики. Зато лучше всего у меня получался технический. А мою итоговую работу по русскому языку, как самую лучшую, оставили на кафедре. Кроме английского мы два года учили и русский по всем разделам — стилистике, лексикологии, грамматике, фонетике. Оказалось, что у русского языка очень сложная фонетика. Не знаю, с чем сравнить его по сложности, но иностранцам, изучающим русский, надо давать медаль. Еще один интереснейший предмет — политическая география, которую вёл журналист-международник. Мы изучали геополитику США и должны были рисовать карту Америки по памяти на доске и знать все 50 штатов с главными городами. Я благодарна всем преподавателям «Высшей школы переводчиков». Все мои знания языка, чистота грамматики — оттуда.

Хорошим переводчиком стать не трудно. А вот гениальным — очень трудно. Нужно, чтобы сошлись вместе несколько факторов — высокая культура, великолепное (без запинок) владение родным русским языком, хорошая память, огромная работоспособность, быстрота мышления и только в самом конце — талант. Я была близко знакома с одним из таких самородков. Это Леонид Володарский. Его отец, Вениамин Осипович, преподавал у нас язык на третьем курсе. Он мне неоднократно намекал, что его сын был бы мне хорошей парой. У Лёни был своеобразный носовой тембр голоса из-за сломанного носа. Его голос сразу можно было узнать среди других переводчиков. Он перевёл более пяти

тысяч фильмов, мог переводить без подготовки, с первого раза; переводил английскую и американскую художественную литературу, в том числе Стивена Кинга; владел четырьмя языками: английским, французским, испанским и итальянским.

Система подготовки переводчиков на нашем курсе имела один колоссальный минус: она была очень идеологизирована. Самыми скучными были лекции по истории КПСС, на которые почти никто не ходил, и я решила навести порядок. К тому времени я восстановила свой комсомольский билет и была избрана комсоргом курса. Я сказала пронзительную речь и просила всех повысить посещаемость предмета. На мою голову на следующую лекцию пришли почти все. Когда преподаватель увидел, сколько, оказывается, у него человек на курсе, то он очень удивился и рассердился. Он воскликнул: «Члены партии, встаньте! Всех вас попрошу остаться после лекции». Я очень пожалела, что проявила «комсомольскую бдительность». Хорошо, что это не отразилось на моих отношениях с однокурсниками.

На курсе у меня появились очень хорошие друзья. С нами учились студенты из разных городов. Мы потом ездили друг к другу в гости в Ленинград и Ригу. Жаль, до Новосибирска и Таганрога не успели доехать. В нашей компании была дочка актрисы Театра сатиры Нины Архиповой — Лена Горбатова. Ее отчимом был Георгий Менглет, который их с братом воспитал и которого они очень любили. Родной отец, писатель Борис Горбатов, умер, когда они были совсем маленькими. Лена жила на Беговой, и мы иногда заходили к ней в гости.

Я очень подружилась со студенткой из Таганрога. Её прислали с завода «Красный котельщик», которому были необходимы специалисты-переводчики. У нее был невероятный талант — она шила, как заправская портниха, даже пальто могла сшить. С её помощью я оделась с головы до пят. Мой молодой человек имел чеки магазина «Берёзка» и покупал мне очень красивые ткани, а она шила мне модные костюмы, пиджаки и платья. Она даже жила какое-то время у меня. Сейчас она живет в Таганроге и занимается техническими переводами.

Система магазинов «Берёзка» была создана для обслуживания советских загранработников и членов их семей и торговала за чеки. Граждане Союза, работающие за рубежом, основную часть своего заработка получали в чеках, которые выдавались им по возвращении на родину. Рядовым гражданам путь в эти магазины был закрыт. Даже в период тотального дефицита в них было всё, что душа пожелает. Моя подруга Ольга год проработала в Ираке на строительстве спутниковой станции и сумела купить себе мебель и обставить всю квартиру за чеки. У меня чеков не было, и я рассчитывала только на друзей.

Друзей было много. Мы все вместе ходили по театрам и на концерты. Самым модным тогда был Театр на Таганке, и мы стали его завсегда-

таями. Обычно мы выделяли кого-то одного из нашей компании и посылали её в кассу театра. Там она отстаивала очередь за билетами для всех. Дошло до того, что одна из нас устроилась в театр мыть полы. С её помощью мы получали контрамарки на любые спектакли. Контрамарки были без мест, и мы сидели на ступеньках в проходе, иногда на приставных стульях. А прогон «Мастера и Маргариты» я вообще смотрела из осветительской будки. Когда учёба закончилась, наша «поломойщица» уехала к себе домой в Краснодар.

Я пересмотрела много спектаклей на Таганке: «Десять дней, которые потрясли мир», «Антимиры», «...А зори здесь тихие», «Вишнёвый сад» с Высоцким в роли Лопахина, «Пугачев» опять же с Высоцким; самые любимые — «Добрый человек из Сезуана» со Славиной и «Тартюф» со Смеховым.

Ещё одним моим увлечением в студенческие годы было катание на горных лыжах. Я вместе с друзьями ездила в горнолыжные лагеря, в основном на Чегет, в Архыз, Домбай, Эльбрус. Я любила альплагеря, которые на зиму переделывали под горнолыжные базы. Там нас учили технике катания, начиная с азов. Любовь к горным лыжам осталась до сегодняшнего дня. Самое красивое место было в Архызе в Лунной Долине, где мы десять дней пробыли на базе. Жили в походных условиях, спали на нарах в спальных мешках. Мне досталось место с краю, и мой спальный мешок ночью примерзал к стенке. Умывались ледяной водой на речке. Дежурили по трое-четверо — две девушки и парни. Надо было встать в пять утра, натопить печь, сходить за водой на реку и приготовить завтрак. Нам как-то с Олей не спалось, и она предложила, чтобы никто не понял, поболтать по-английски. Мы с ней обсудили всю нашу группу, а наутро... никто с нами не разговаривал. Оказалось, что половина группы знает язык, среди них — студенты МГИМО. Мы были здорово наказаны за свою болтливость, и поделом. Пришлось нам самим, без помощи ребят, колоть дрова, таскать из реки воду и топить печь.

На почве горных лыж я познакомилась со своим будущим мужем, регбистом, который играл за сборную СССР.

В это время брежневское правление плавно перешло в эпоху застоя.

Стагнация

Во второй половине 70-х мы вдруг увидели одряхлевшего Брежнева. Вместе с увяданием генсека стала увядать и сама империя. Нефтяной бум закончился, и снижение мировых цен на нефть привело к тому, что экономика практически прекратила свое развитие. Гонка вооружений и милитаризация страны подрывала и без того деградирующую экономику. СССР отстал от Запада, падал жизненный уровень населения.

В стране не было лёгкой промышленности, не было зарубежной музыки, для простых смертных не было выезда за границу, но, правда, не было ни пошлости, ни рекламы.

Необходимы были реформы, но «кремлёвские старцы» не хотели никаких перемен. Леонид Ильич отличался мягкостью характера, даже некоторой сентиментальностью. В период его правления прекратились чистки партийного аппарата. Партийная верхушка стала представлять собой закрытый клан, куда не могли попасть со стороны молодые способные управленцы, всё решали связи. Граждане потеряли веру в идеалы коммунизма, на кухнях обсуждали проблемы общества, мечтали вырваться из-за «железного занавеса», выехать за границу. Считалось, что там «трава зеленее» и живётся комфортнее. В это время СССР необдуманно вступил в Афганскую войну. Кто-то пытался протестовать, но за это отправляли в психушку. Афганские матери стали объединяться, чтобы противостоять произволу властей, забирающих их сыновей на верную смерть в никому не нужной войне. В конце войны многие матери «афганцев» вошли в «Комитет солдатских матерей».

Инакомыслие в эти годы преследовалось по закону — выслали Солженицына и Ростроповича, Бродского и Шемякина, отправили в ссылку Сахарова, преследовали диссидентов. В стране началась третья волна массовой эмиграции в Израиль и США. Эмигрировала интеллигенция, в основном еврейская. Уехали многие известные писатели, актёры, музыканты, спортсмены, учёные. Моя подруга Оля тоже уехала в США.

Я в это время уже была замужем и, как-то гуляя в парке с коляской в 1981 году, разговорилась с одной мамочкой. Она мне сказала, что скоро уедет в Израиль и мечтает жить в кибуце. Я не могла понять, зачем. А ей хотелось лучшего будущего для своих детей. Я до этого не знала о трудностях людей с «пятым пунктом». Евреи не могли поступить в хорошие ВУЗы, их не брали в МГУ. Шли, как правило, в творческие профессии или в медицину, так как на работу в оборонные предприятия и в стратегические НИИ их не брали. Была масса других ограничений, о которых мне рассказала эта молодая мама.

В стране в это же время усугубился товарный и продуктовый дефицит. В московских магазинах стояли огромные очереди за колбасой. Электрички, возвращающиеся после выходных из Москвы, назывались колбасными.

Основной валютой в то время была водка. Пили все. За то, чтобы вспахать огород, починить кран или сделать еще какую-нибудь работу, деньги не брали. Такса была — бутылка водки. Мама на даче всегда держала несколько бутылок водки для этих целей. А отец держал водку в машине на случай, если мы где-нибудь застрянем. Дороги были, как в той песне: «Эх, российские дороги — семь ухабов на версту». Сейчас вы не увидите валяющихся пьяных. А тогда запросто можно было увидеть пьяного в кювете или лежащего на газоне и даже в подъезде, особенно в дни получки. Было распространено воровство на предприятиях

и в учереждениях. Тащили все, что можно. Например, через работу доставали к первому сентября все школьные принадлежности. Кто где работал, оттуда и брал, оправдываясь, что государство народное, поэтому всё принадлежит народу.

Несмотря на угасающую экономику, в Москве состоялся всенародный праздник — в 1980 проводилась всемирная Олимпиада. Для соревнований построили спортивный комплекс «Олимпийский» на проспекте Мира, отремонтировали стадион «Лужники». Принимали гостей новые гостиницы «Космос» и «Измайлово». Построили новый международный аэропорт «Шереметьево-2».

Я хорошо помню, как Москва опустела и преобразилась. На улицах было чисто, красиво и безопасно; не было толчеи и давки. Москву на время Олимпиады закрыли, приезжих не пускали. Оказалось, что москвичей не так уж и много. Тогда появилось много новинок в открытой продаже. Много чего закупили у финнов для Олимпиады, чтобы не «ударить в грязь лицом». Впервые мы попробовали твердую вяленую финскую колбасу «салями», сыры, финское масло.

Удручало то, что США объявили бойкот Олимпиаде в связи с вводом в 1979 году советских войск в Афганистан. К ним присоединились Канада, ФРГ, Япония, Австрия, Китай и другие страны. Несмотря на это, праздник состоялся.

Я смотрела выступления советских гимнастов. Помню гимнастку Нелли Ким с двумя золотыми медалями и румынку Надю Команечи, которая стала 5-кратной олимпийской чемпионкой. Талисманом московской Олимпиады был Олимпийский Мишка. Во время закрытия Олимпиады под песню Пахмутовой «До свидания, Москва» на воздушных шарах выплыл огромный Мишка, помахал на прощание лапой, медленно поднялся над стадионом и исчез в ночном небе. Это было настолько трогательно, что мы плакали, сидя перед телевизором.

Идиллию Олимпиады испортила властям внезапная смерть Владимира Высоцкого 25 июля 1980 года. Ему было всего 42 года. О кончине актера не было почти никакой информации. Только маленький некролог в газетах «Вечерняя Москва» и «Советская культура». Но весть о его смерти тут же облетела весь город. О похоронах потом много рассказывали. Все любили Высоцкого, но такого переполняющего всенародного почитания никто не ожидал. Перед Театром на Таганке собрались тысячи людей, сидели даже на крышах. Люди стояли с ночи, чтобы с ним проститься. Очередь растянулась на 9 км.

Власти разрешали Высоцкому многое: ездить за границу — во Францию и США, жениться на француженке, иметь «мерседес», как у Брежнева. Его пластинки выпускали, его снимали в кино. Но и Высоцкий, в свою очередь, был патриотом. Его военные песни — очень патриотичные, без пафоса и советских клише. Власть его по-своему любила, сколько терпела, просто он был не очень удобным актером и певцом… и даже умер «не вовремя».

По воспоминаниям сына Никиты, на похоронной процессии люди, прорываясь через оцепление, бросали букеты под колеса похоронного автобуса. Вся траурная колонна ехала по цветам. Похоронили Высоцкого на Ваганьковском кладбище. В этот же год умер любимый многими французский певец Джо Дассен, которому было 44 года.

А через два года в 1982 году смерть прибрала и самого генсека. Последние годы Брежнев был тяжело болен, перенеся в 1976-м клиническую смерть. Полного восстановления не произошло: нарушились мышление и речь. Он с трудом выговаривал слова. По этому поводу ходило много анекдотов. У него было несколько инсультов и инфарктов.

Всем было очевидно его состояние, он несколько раз просил освободить его от должности. Но партийные бонзы не хотели ничего менять и уговаривали его остаться. Он так и оставался генсеком до конца своих дней.

Несколько дней по радио и телевизору звучала скорбная музыка, в стране был объявлен трёхдневный траур. На похороны приехали представители иностранных государств. Москву снова закрыли.

Потом были престарелые Юрий Андропов и Константин Черненко. Страна хотела перемен, люди надеялись, что наступит новая жизнь. Но надежды не оправдались. Государственная машина еще проскрипела несколько лет, а потом началась «Перестройка». Но это уже совсем другая история, как говорит известный актёр Леонид Каневский.

***

А это сегодняшний день. Фотография о пребывании в Канаде из нашего семейного архива.

«Бессмертный полк» перед Музеем войны в Оттаве. 2017 г.

КУЛИКОВО ПОЛЕ И ПЕРВЫЕ ПОЛЕТЫ В КОСМОС

Ермишина Светлана Александровна, 68 лет,
доцент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
кандидат исторических наук,
г. Москва

Первые впечатления на Куликовом поле

«Начала истории» как-то «надевают шапку» на все последующее течение ее. Эту мысль известного философа В. В. Розанова можно вполне применить и к началу жизни человека, его детству, юности. Для этих ранних этапов очень важны внешние факторы, впечатления.

Два весьма значительных обстоятельства ярко запечатлела моя детская память. Это Куликово поле и первый удивительный полет в космос Юрия Гагарина, а 6–7 августа — второй полет Германа Титова. Наша поездка на Поле была именно в августовские дни, в год нашего космического ликования.

Куликово поле, его сила и притяжение сделали, казалось, космос ближе, а представления о космической победе более сильными. Мы приехали на Поле вместе с деревенскими ребятами и сельской учительницей. Весело доехали в кузове грузовика, помню, что-то пели. Слов наш экскурсовод говорила мало, но впечатление от них оставалось сильное. Поле русской славы само все вмещало, все рассказывало. Чувствовалось его мощное пространственно-временное основание. Впечатляли просторы, разнотравье, которое представлялось сказочной ковыль-травою. Бродили по пояс в этой траве вокруг огромного столпа-памятника вел. князю Дмитрию Донскому. Представляли, как наши предки помогали воздвигать памятник.

Запомнился ветер, который то сильнее, то тише волновал траву и нас. Стало почему-то тревожно. Наверное, эту тревогу усиливал и вид разрушенного храма. Осторожно вошли внутрь, дверей не было. Страшно было стоять на сказочной ковыль-траве посредине храма и смотреть на небо — крыши на куполе не было. Еще один разрушенный храм был в наших краях. Но подобного разорения больше мне не приходилось видеть. В Москве кремлевские соборы были очень красивые. Видимо, этот храм разрушили фашисты, — подумали мы. Однако недавно я узнала, что разорение храма было делом рук «своих» же людей, которые снимали с крыши тонкие медные листы и меняли на самогон, растаскивали плиты с пола. Власть храм-памятник русским воинам тогда не защитила. Да мы и не знали о разрушительных действиях и репрессиях, которым она подвергла Русскую Православную Церковь. Но то, что развалины храма — это несправедливо и некрасиво, мы почувствовали.

Прошло время, и Куликово поле стало музеем-заповедником, и ковыль-трава уже не сказочная, а специально посеянная, шумит на Поле. В 2005 г., в год празднования 625-летия Куликовской битвы, мы побывали в родных краях. Историческое событие, тысячи радостных людей. Божественная Литургия под открытым небом. Сияющий храм преподобного Сергия Радонежского торжествовал!

Внучки в деревне у дедушки Семена Матвеевича. Деревня Горки, близ села Никитское-на-Дону. Тульская обл. Лето 1961 г.

А тогда, сорок пять лет назад, сквозь израненную крышу этого храма на Куликовом поле я совершенно по-другому увидела небо. В моем восторге от космических полетов, от ночного звездного неба, на котором мы радостно отыскивали движущиеся звездочки-спутники, зазвучала грустная нота. Я была охвачена этими сложными впечатлениями, возвращаясь домой.

Лето в деревне близ Куликова поля

Домой — это в деревню Горки. Нас с сестрой Любочкой с раннего детства отправляли на лето в эту деревню близ села Никитское-на-Дону, на малую родину моей мамы Анны. К добрейшему дедушке Семену Матвеевичу и ласковой бабушке Надежде Алексеевне Зиминым, которые трогательно и заботливо относились друг к другу и с незабываемой теплотой привечали своих внучек. Мы еще застали молчаливую прабабушку Софью Прохоровну, маму бабушки. Она прожила 96 лет, и в ее жизни были весьма сложные периоды, которые, как видно, и научили ее мудро молчать. Приезжали еще внуки от детей Марии, Ивана, Павла (убит на войне), Дмитрия. Чаще всех с нами жила маленькая двоюродная сестра Надюша. Бывали в отпуске кто-то и из наших молодых родителей. Так что еще в начале 1960-х гг. под одной крышей собирались представители четырех поколений рода Зиминых.

Наша крестьянская усадьба, как называл дедушка дом и участок вокруг, находилась в начале деревни. Сама деревня, остатки которой сохранились до сих пор, стояла на возвышенности-горке на левом берегу Дона. Сейчас местность около деревни обозначена как заповедное степное урочище «Горки». Здесь выходят на поверхность известняковые пласты. Мы их называли «камнями». Здесь росла вкусная полевая ягода земляника. Удивляло обилие родников в округе. И мы искали какие-то чудесные родники. Может быть, Прощеные колодцы вел. князя

Дмитрия Донского. Искали и «клады Мамая». Детские фантазии питались поверьем, что когда Мамай бежал с поля битвы, то в спешке где-то здесь зарыл награбленное богатство.

Наш дом — это традиционное для тех мест жилище. В комнате был красный угол с иконами, большой стол, лавки по стенам, резной деревянный шкафчик, типа «горки», кустарного производства. Много фотографий родных висело на стенах. Украшением были настенные круглые часы с боем конца XIX в., которые дедушка в 1905 г. привез из Москвы, отслужив срочную службу в царской армии.

И, конечно, как во всякой деревенской избе, был большой старинный сундук, в котором было много вещей, одежда, изделия народного рукоделия. Все наши женщины вязали платки, ткали. До сих пор сохранилась дорожка, вытканная еще сто лет назад бабушкой, греют и платки, связанные мамой. Левая часть дома — горница, сени, крыльцо были сложены из необработанного белого местного камня. К дому примыкал крытый двор для хозяйственных нужд и животных. Целый мир! Помню высокие кусты акации. За домом росли березы, стоял шалаш, был гамак на березах, здесь сушили сено. А дальше — большой сад, особенно яблонь антоновки было много. Были посадки огурцов, тыквы, укропа, грядки картофеля на ближнем и дальнем, за ракитами, огороде.

Мы приезжали в деревню не отдыхать, а жить, а, значит, трудиться. Сразу же получали трудовое задание: прополка огорода, уход за животными, овечками, коровкой, которых надо было пригонять вечером из стада. Один раз мне даже доверили быть подпаском у нанятого деревенским сообществом пастуха. Впечатление от рассвета, который я впервые увидела, было необыкновенной силы. По воздействию сравнимо с поразительным видом земли из самолета. Мы летали из Тулы на кукурузниках в наши края. Около поселка Грибоедова был полевой аэродром. И, конечно, наши фантазии на космические темы еще больше дополняли представления о планете Земля. Казалось, «земля — она ласковая!» (М. Цветаева).

В нашем доме налаженный ритм не прерывался. Труд, отдых, обед — все в свое время. Мы, дети, быстро подключались к этому распорядку. Однако никто не наказывал, если невзначай и нарушали. Например, с Дона, с купанья вовремя не придешь или в полях забегаешься, за ягодами «на камни» долго проходишь. Правда, оставались без обеда. Хотя перекусить можно было — молоко, хлеб, овощи всегда под рукой. Но за общий стол — только в ужин. И все же мы старались не нарушать порядок, не печалить дедушку и бабушку. Не забывали и о своих трудовых обязанностях.

Желая не отставать от деревенских ребят и чем-то помочь дедушке, напросилась я работать в совхозе. Дали мне делянку кукурузы с маленькими росточками. Радовалась, когда они выросли выше головы.

Про кукурузную головную боль сельских руководителей тогда мы не знали. Растили кукурузу, делали куколки из початков. И я даже свою первую зарплату получила за нее. Мои сестрички запомнили, что я их одарила лимонадом и конфетами, купила хлеб для всей семьи.

Но куда мне было своим скромным опытом сельской жизни сравниться с деревенскими ребятами и девчатами, которые осваивали пространство с поразительной легкостью и храбростью. Ездили на лошадях, ловко выполняли любые хозяйственные работы, косили траву, плавали и ныряли в Дону, ловили рыбу, ходили босиком по земле и колкой стерне. А как красиво девочки постарше носили полные ведра на коромысле. И все это весело, задорно, ладно.

Были и печальные страницы моей деревенской жизни. Один раз дедушка меня, как старшую, наказал строго за горох с совхозного поля, который мы с деревенскими ребятами, не подумав, набрали. Позднее я поняла, чего дедушка опасался. Он помнил, как в 1930-е гг. обвиняли в «хищении государственного и народного имущества» по «закону о трех колосках», как в народе назвали это правительственное постановление.

Когда мы жили в деревне, то сами замечали и в то время ограничения со стороны власти. Так, например, строго было определено, где можно косить или рвать траву, заготавливая сено для домашних животных. Нередко мы, дети, слышали разговоры взрослых о налогах, о трудностях, с этим связанных. Но эти обстоятельства детскую жизнь не омрачали. Для нас простора и еды было достаточно.

Семейные предания о Л. Н. Толстом и И. И. Раевском

Из семейных историй смутно с детства помнила одну, связанную с фотографией моего прадеда Алексея Соскова вместе со Л. Н. Толстым. Имя великого писателя в доме произносили часто. Более того, любимым чтением дедушки были произведения писателя. Он читал бабушке «Войну и мир», «Анну Каренину»... Издания были дореволюционными. Все, увы, затерялось, когда бабушку увозили в Москву после смерти дедушки в 1963 г. Книги, иконы раздали соседям. Осталась только икона преп. Сергия Радонежского — бабушка Надя без этой иконы, родительского благословения, отказывалась ехать.

История с фотографией могла бы забыться окончательно, если бы не случай. Весной 1972 г. я, уже будучи студенткой МГУ, после поездки в Ясную Поляну подробно рассказывала о ней бабушке. И вдруг Надежда Алексеевна перебила меня вопросом: «Это у какого же ты Льва была, у Толстого? Так я его знаю, он меня девочкой на коленях держал и сладким чем-то угощал». И далее поведала мне историю о том, как ее мама Софья работала экономкой у помещика Раевского. А отец, Алексей, был конюхом и кучером у графа Льва Николаевича Толстого, когда тот приезжал к Ивану Ивановичу Раевскому в голодные годы, и они от-

крывали столовые для бедствовавшего народа. Много они тогда объездили деревень, помогая людям.

Долго были живы свидетели (в том числе и моя бабушка), благодарно помнившие помощь И. И. Раевского и Л. Н. Толстого народу. Помним теперь и мы, наши дети и внуки об этом и обо всех других добрых делах Раевских: заботу и помощь крестьянам в повышении культуры земледелия, больницу и школу в Никитском (здесь учились и дети из нашего рода) и потребительское общество с магазином. Местные краеведы передают память землякам (к примеру, статья Л. Ермиловой). Интересны воспоминания и потомков Раевских (С. П. Раевский «Пять веков Раевских»).

С Раевскими была связана еще одна история, о которой поведала моя тетя Мария, старшая дочь бабушки. Кто-то из Раевских, уезжая после революции, передал прабабушке Софье на хранение часть имущества. И это едва не привело к беде во время кампании по раскулачиванию. Дед Семен, узнав накануне об обыске, недолго думая, взвалил мешки на плечи, пошел к Дону и сбросил опасную ношу. Остался один кувшинчик, с которым мы за ягодами ходили. Как потом выяснилось, кувшинчик — из мейсенского фарфора, с фирменным клеймом в виде двух скрещенных синих мечей и звездочкой между ними. Подруга моей дочери Анны, искусствовед Флора, в свое время обратила на изделие внимание, определив, что оно относится к концу XVIII в. «Знатный» кувшинчик до сих пор, увы, с отбитым носиком, соседствует у нас в доме с современной посудой.

Он продолжает напоминать о деревенской жизни в Никитском, о Белом доме, усадьбе Раевских в Бегичевке, на правом берегу Дона, который, к сожалению, был разрушен. Здесь был установлен памятный знак с надписью, что в доме И. И. Раевского бывал Л. Н. Толстой во время голода.

В деревенской жизни чувствовался вековой традиционный уклад. Связан он был и с деятельностью помещиков, и с жизненной силой основ народной жизни. Сочетание твердых устоев домостроительства и свободы передвижения по обширным просторам вокруг деревни, на Дон было очень важно для воспитания и сохранения свободолюбивого характера людей. Даже мы, городские дети, чувствовали эту свободу, свое бытие, которое нельзя отобрать у человека, оно найдет выход. Все казалось своим. Может быть, это общинный код так действовал.

Сельские традиции

Я застала живые традиции в деревне. Помню молодежные гулянья «на улице». Там я и петь, и плясать научилась. И сельскую интеллигенцию, особенно учителей помню. Как-то особо приветливы они были к нам, городским детям. Юлия Ивановна Митрюхина нас возила на Куликово поле, а шофером грузовой машины был ее муж Николай. С их

дочкой Ирочкой мы дружили. Учительницей была наша соседка Мария Степановна Алексахина, ее мама, баба Катя, была женой дедушкиного брата Степана Матвеевича. Помню супружескую пару Хаминых, дочь этих учителей Галина была школьным библиотекарем. Мы с дедушкой Семеном были ее постоянными читателями. Старое школьное здание хорошо помню, ухоженную территорию вокруг, кусты крыжовника.

Запомнились яркие народные традиции церковных праздников. Когда мы только приезжали в деревню, то нас встречала сирень и избы, украшенные березой, хороводы водили парни и девчата. Все это — народные приметы праздника Живоначальной Троицы. На Петров день (12 июля), так называли праздник свв. апп. Петра и Павла, молодежь рассвет встречала, кашу варили, играли в «городушки». В деревне очень любили праздник св. Илии Пророка (2 августа). Взрослые угощение готовили специальное, а дети к грому прислушивались, дальние зарницы выглядывали, как они хлеб «зарят». Радостными и вкусными были августовские праздники Спаса: Медовый (14 августа), Яблочный (19 августа). Край яблочный, чудные запахи на всю деревню. Сосед, наш родственник дядя Володя, мед качал. Помню его угощение — янтарный мед в сотах.

Эти народные встречи церковных праздников украшали бабушки-паломницы, которые проходили через нашу деревню и шли вверх по течению Дона. Шли на церковную службу в доме у священника, поскольку храмов не было. Среди них была и наша ближняя родственница — бабушка Анюта из Лошаков. На обратном пути она угощала нас вкусным хлебушком. Эти бабушки проходили много километров, но были всегда радостные.

Несмотря на то, что был разрушен храм вмч. Никиты в Никитском, народ всегда помнил о своем престольном празднике 28 сентября. Недавно узнала и имя священника, служившего в храме в начале XX в., — о. Василий Миловидов. Был разрушен храм вмч. Екатерины на правом берегу Дона. Помню березки на его крыше. Здесь было имение С. П. Бегичева, друга Раевских и А. С. Грибоедова, который не раз приезжал сюда и даже написал здесь некоторые главы «Горе от ума». В советское время с. Екатерининское было названо поселком Грибоедова.

Недавно с радостью услышала, что недалеко от Никитского в Орловке восстанавливается Свято-Никольский храм. Много стараний и труда вкладывает в возрождение храма наш земляк Александр Сергеевич Яковлев, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор биологических наук. Священник Алексей Дудин уже проводит в храме службу.

Очень жаль, что всего один раз, очень недолго во время школьных каникул, была на родине отца, которую ему во время Орловской битвы довелось освобождать. У орловских родственников побывала после того, как дом в Горках уже опустел без хозяина, и бабушка переехала

к дочерям в Москву. Но увидеть с. Критово и д. Александровку, которая была в памяти моей связана с именем прадеда Арсентия Капитоновича Ермишина и его дорогой жены Галины, так и не удалось. Эта земля помнила и переселение прадеда с семьей в Кулунду, и его возвращение, лихолетье революции, коллективизацию и разрушение храма Сошествия Святого Духа, их тяжелейшую жизнь, в том числе и папиной мамы Дарьи Андреевны с детьми, как, впрочем, и всех во время оккупации гитлеровцами и многое другое, что хранит семейная память. Только недавно узнала, что местное предание связывает историю села с именем благ. вел. кн. Александра Невского.

Городская жизнь, школа

Не менее сильно, но по-другому впечатляла городская жизнь. Мой дедушка Павел Арсеньевич Ермишин приехал в Москву на стройки пятилеток в начале 1930-х гг., а мой папа Александр Павлович перед войной — с Орловской земли. Бабушка Дарья Андреевна с двумя сыновьями, Петром и Николаем, и дочерью Екатериной приехала сразу же после войны. Мы жили на Площади борьбы (Александровской площади) в старинном доме начала прошлого века. Очень хорошо помню широкие лестницы, просторные парадные подъезды, огромные окна, наш уютный двор, а за домом — оживленную площадь. Когда-то доходный дом стал домом с коммунальными квартирами. В одной из них у дедушки были две смежные небольшие комнаты. С теснотой коммуналки, хотя с соседями жили дружно, меня мирили площадь и расходившиеся от нее улицы Образцова, Достоевского, Палиха.

Здесь я пошла в школу, но очень скоро мы с родителями и сестрой переехали на Бутырский хутор. Местность казалась необустроенной, заводской дом — невзрачным, но комната в коммунальной квартире была значительно больше. В ту пору за нашим домом была болотистая местность, по которой плавали на плотах. Жаль, что мало мы знали тогда об истории места.

Мама Анна Семеновна (слева) и папа Александр Павлович, его сестра Екатерина Павловна с подругой на первомайской демонстрации. Москва. Начало 1950-х гг.

А местная историческая «фабула» весьма интересна. Владельцами земель в округе села Сущево были знатные представители родов Рюриковичей и Романовых. Бутырки — это земли, деревни, удаленные от центра. Часть земель церкви

Рождества Пресвятой Богородицы (XVII в.) правительство отдало в 1823 г. Московскому обществу сельского хозяйства для улучшения культуры земледелия. Это и был Бутырский хутор, в истории которого была и земледельческая школа, связанная с Московским университетом, и первая в истории России сельскохозяйственная выставка. Здесь были заложены основы будущей Тимирязевской сельскохозяйственной академии и центр школьного образования и культурно-просветительной работы.

Проводы в школу на даче детского сада в Подмосковье. Конец августа 1957 г.

Вот в этих местах мы жили. Папа Александр Павлович служил в автохозяйстве воинской организации, мама Анна Семеновна тогда работала в химической лаборатории Комбината твердых сплавов. В доме очень часто собирались дружные компании наших родных и друзей. Мужчины были все фронтовики. И мелодии военных песен были всегда на слуху. Помню, папа мне дал прочитать «Василия Теркина» Александра Твардовского со словами: «Это — правда».

Продолжилась моя учеба теперь уже в школе № 250, которая до сих пор стоит на ул. И. Гончарова. И надо сказать, что все хорошие отзывы о советском образовании вполне можно отнести к нашей школе. Все в ней было ориентировано на пробуждение интереса учащихся к знанию, к размышлению. Первая моя учительница Зинаида Ивановна Подмаркова прививала нам этот интерес, соединяя это с добротой и заботой, которая не забывается до сих пор.

Все предметы были любимыми. Литература и русский язык, математика, особенно геометрия, химия, физика, даже астрофизика, видимо в связи с увлечением космосом нам о ней рассказывали. «Хочу все знать!» — это был наш девиз.

Дедушка Павел Арсеньевич с внучками. Бутырский хутор. Весна 1962 г.

Особой идеологизации нашего обучения не помню. В преподавании истории больше на источники обращали внимание, литературы и русского языка — на классическое наследие. Идеологические ак-

центы начали появляться в старших классах на уроках по советской истории и обществоведению, но это уже было в другой школе.

Нас учили многое делать своими руками: шить, вышивать, мальчиков, да и девочек тоже — столярничать. Ревностно мы относились к сдаче норм БГТО, ГТО. Я стеснялась своих скромных спортивных показателей на фоне блестящих результатов своих одноклассников.

Очень рано меня заинтересовала история. И в этом вижу несомненное влияние нашей учительницы Брониславы Михайловны Билак, которая, как потом выяснилось, сама окончила исторический факультет МГУ. Она обладала удивительным даром исторического чутья и умела пробуждать его у своих учеников. Помню, как мы в историческом кружке из папье-маше делали макет мавзолея Тадж-Махал. К сожалению, очень поздно я узнала, что можно было еще совсем недавно засвидетельствовать ей лично свою признательность. Об этом мне рассказала тоже ее ученица, наш университетский профессор, известный археолог Е. А. Рыбина.

Учитель английского языка Валентина Александровна Кириллина, которая долгое время жила в Англии, буквально погрузила нас в английскую культуру, язык. Наши занятия всегда проходили в атмосфере живого общения, как на уроках, так и в формате «English spiking club», даже на переменах. Мы читали английские книги, разучивали английские песенки, стихи, дублировали отечественные мультфильмы, встречались за чаем с английскими друзьями нашей учительницы. Все это потом пригодилось мне при поступлении в университет на экзамене по языку.

Школьный театральный кружок, а эти кружки были в каждой школе, был главным центром притяжения моих увлечений. Наша руководительница была из творческого содружества известной театральной студии Дома пионеров и школьников на ул. Дурова под руководством Варвары Ивановны Стручковой. Недавно узнала, что из этой студии вышли известные актеры Т. Лаврова, В. Смехов, Г. Бортников, В. Коршунов и многие другие.

Мы любили спектакли Театра юного зрителя, где В. И. Стручкова играла в свое время. И наши спектакли были из репертуара ТЮЗа. Моя первая роль — Кот в спектакле «Два клена». Это спектакль о материнской любви, настоящей дружбе и победе Добра. Мой герой говорил: «Разумный кот, перед тем как выйти, три раза обернется» и «три раза подумает, прежде, чем сказать». Очень назидательно! А еще помню роль мисс Феллер в спектакле «Снежок» о чернокожем мальчике, о борьбе за равные права и достоинство всех людей. Мы очень горячо сочувствовали всем, чьи права были ущемлены. Хотя еще не знали, что с правами и в нашей стране было весьма сложно и, конечно, не ведали, что еще в конце XIX в. известный философ В. С. Соловьев говорил о «праве человека на достойное существование».

Большое внимание наши педагоги уделяли музыкальному образованию. В школе был свой музыкальный оркестр, а при нем кружки обучения на различных музыкальных инструментах. Моя сестра Любаша упорно училась игре на домре. Наверное, ее вдохновлял наш папа, который отлично играл на гитаре и балалайке, причем выучился сам еще подростком.

Невозможно забыть школьные музыкальные абонементы и бессменную ведущую встреч Светлану Викторовну Виноградову, удивительного музыковеда-просветителя с всероссийской известностью. В течение нескольких лет в актовом зале школы собирались на ее волшебные лекции-концерты десятки юных слушателей. Она вселяла в нас уверенность, что мир музыки открыт для нас, что «в любом возрасте это доступно человеку».

Мы учились и петь хором. На уроках разучивали «Гренаду», «Герои Эллады», песни о войне, о моряках. Пели: «Орленок, орленок, взлети выше солнца...». Особенно старательно разучивали военные песни с 1965 г., когда в стране начали вновь праздновать День Победы. Особенно запомнились литературно-музыкальные композиции о войне, но в них все чаще появлялись новые темы, близкие к песням Б. Окуджавы: «Ах, война, что ж ты сделала, подлая...».

Исполняли на праздничных школьных концертах и художественные монтажи о дружбе народов СССР. Мне почти всегда доставалось представлять в национальном костюме Украину и Грузию. Вот строчки, которые я помню: «Украина, Украина, милый край богатый, аист белыми крылами бьет по крыше хаты...». И песню «Рідна мати моя, ты ночей не доспала. / И водила мене у поля край села...». О Грузии пели: «Нэтав садарис кидэвц / Удзирод люрджи каласи... / Расцветай под солнцем, Грузия моя...». А еще исполняли грузинские и украинские народные танцы. Стихами, песнями и танцами были представлены в этих композициях и другие народы нашей страны.

Все это песенно-стихотворное и танцевальное разнообразие как-то очень естественно у нас соединялось с песнями, поэзией новых течений. Для вечеров в Политехническом музее мы еще были малы. Но вот в пионерских лагерях вместе с вожатыми распевали бардовские песни, не зная, что они так называются. Первая песня, которую я услышала в пионерском лагере, называлась «Ты у меня одна...» (Ю. Визбор). Ее пела наша вожатая Лия, студентка пединститута. Впечатлял и Б. Окуджава: «Какое новое сраженье ни покачнуло б шар земной, / Я все равно паду на той, на той далекой, на гражданской, / И комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной».

Если бы не было этого витка романтизации революции и гражданской войны «шестидесятников», мы бы от утопий коммунизма освободились бы раньше. По крайне мере, уже вникали в стихи Н. Доризо «О голом короле»: «Юноша стареющий, / Демон начинающий, / Ни во что не веря-

щий, / Все на свете знающий...» И далее: «Я, как самый наивный / Андерсеновский мальчик, / Тычу пальцем в тебя: / — А король-то ведь гол!..».

В остальном наша школьная жизнь была похожа на школу 1960-х гг., показанную в художественных фильмах «Друг мой, Колька» (1961 г.) (мы даже встречались с творческим коллективом фильма) и «Доживем до понедельника» (1968 г.).

Самоопределение, путь к выбору профессии

Но был один важный период в моей школьной истории, который весьма усложнил картину мира школьницы. И опять это было связано с моим увлечением театром, но уже не в традициях ТЮЗа.

Наш завуч, учитель химии Семен Аркадьевич Ривкин, пригласил меня, тогда ученицу 8 класса, в свою новую театральную студию. Сначала были мои тихие сидения на репетициях старших студийцев. Они были важные, шумные, фонтанировали различными предложениями, идеями, стихами. Наши спектакли были похожи, как мне казалось, на капустники. В текстах чаще всего была пародия на комсомольскую жизнь. Стихи накладывали на известные песенные мелодии. Так, помню, на мотив опереточного куплета «Без женщин жить нельзя на свете, нет...» три парня отплясывали на сцене нечто похожее на канкан и пели: «Нас трое, можем мы бюро создать, вызвать общественниц и обязать!». «Общественниц» тянули к новому лидеру под такие слова: «Общественниц юных подать мне сюда, / я вынужден ими заняться, / я быть демократом намерен всегда, / а ну приведите их, братцы, / пора за девчонок нам браться...».

Меня насторожило использование мотива песни о героической Одессе.

Но поскольку все были дружными, веселыми, интересными, то внутреннее напряжение уходило быстро. В интернете недавно нашла воспоминания некоторых старших студийцев о том, как они сочиняли музыку, стихи, писали сценарии и ставили маленькие авторские спектакли. АБСУРД было первым названием этой студии: Ассоциация-братство смелых, умных, романтичных детей. Эти дети заявляли в школьной стенгазете: «перетасованы века!» и призывали «дерзать, сотрудничать, бороться!».

Потом наш руководитель создал новую студию во Дворце пионеров на Ленгорах, с ним пришли его ребята. Так было создано Первое юношеское литературно-театральное объединение. Из старших студийцев помню талантливую Ольгу Потапову, ее замечательные стихи. Недавно с радостью прочла ее интервью и узнала, что она стала учительницей литературы. Из ее рассказа узнала, что среди студийцев был и известный ныне М. Е. Швыдкой.

В моей памяти остался спектакль, на котором присутствовал Ю. П. Любимов, и то, что ему он понравился. Знаменитый режиссер

Театра на Таганке хорошо знал нашего руководителя. В перестроечное время С. А. Ривкин эмигрировал в США, у него была в Бостоне частная театральная школа.

И я участвовала в этом спектакле о начале учебного года. Читала заставку к нему — четверостишье К. Пруткова: «Вянет лист. Проходит лето. / Иней серебрится... / Юнкер Шмидт из пистолета / Хочет застрелиться. / Погоди, безумный, снова / Зелень оживится! / Юнкер Шмидт! честное слово, / Лето возвратится!». Но недолго я занималась в студии. Почему-то не сложилось.

Я перешла в другую школу №245 на улице Щепкина (здание не сохранилось), рядом с домом. Мы тогда уже жили на Трифоновской улице. В новой школе ушла в историю, классическую русскую литературу, привлекало творчество Л. Н. Толстого, М. Ю. Лермонтова. Помню наставление нашей учительницы И. Х. Барбаш: «Повзрослеешь, придешь обязательно к Пушкину!». Хороший английский и уроки Л. П. Зузолиной позволяли сохранить интерес к детективам Агаты Кристи.

В эти годы центр моего образования переместился в МГУ им. М. В. Ломоносова. По субботам и воскресеньям посещала очень интересные занятия университетского лектория по истории, литературе и русскому языку для поступающих. У нас сложилась хорошая компания слушателей.

Интерес к истории привлек внимание и к деятельности Общества охраны памятников и культуры, созданного в 1965 г. Тогда же началось мое самостоятельное изучение Москвы. Особенно усиленно я этим занялась уже после школы, когда, сразу не поступив в университет, работала пионервожатой.

Помню, как мы вынашивали план «надзора» за старинным храмом мч. Трифона (кон. XV в.). Но это не получилось, и мы начали обживать маленький особнячок XIX в. в Напрудном пер., который нам отдали под молодежный клуб.

Мы часто ходили на замечательные встречи с писателями, поэтами, художниками в библиотеку, еще с дореволюционными традициями, имени А. С. Грибоедова (в Больничном переулке.). Библиотечные работники нас всегда держали в курсе всех издательских новинок. Именно здесь в читальном зале мы прочли первое издание романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»...

Таковы сегодняшние впечатления от некоторых обстоятельств моего «пришествия «в себя» (В. В. Розанов) в школьные годы, которые пришлись на 1960-е гг.

Дальше был и остается Университет.

ПИСЬМО РУКОВОДИТЕЛЮ ПРОЕКТА «Я ГОРЖУСЬ ПОДВИГОМ ОТЦОВ, ДЕДОВ, ПРАДЕДОВ»

Чередниченко Лариса Геннадьевна, 69 лет,
доктор экономических наук,
профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Москва

Уважаемая Людмила Ивановна!

Получила Ваше любезное приглашение поделиться эпизодами и размышлениями о науке, учебе и воспитании.

Прежде всего, хочется выразить Вам глубокую благодарность за такую прекрасную идею — безусловно, многие события в жизни людей могут послужить опытом для других, особенно для молодежи.

Надеюсь, что мои скромные попытки публицистического жанра будут подвергнуты профессиональной корректировке. Заранее благодарю за снисхождение к моему материалу.

Родилась я в 1950 г. в самой, как говорили раньше, простой семье. Мама работала на ткацкой фабрике, а папа после демобилизации работал контролером ОТК на Ногинском заводе топливной аппаратуры. Во времена моего детства не принято было учить детей читать до школы. Но папа так много мне читал, что все книги я знала наизусть, так что в доме перед гостями родители иногда устраивали мои «показательные выступления». Предлагалось взять любую детскую книжку, открыть на любой странице, а я тут же вслух говорила, что там написано. В большинстве случаев трудно было разубедить, что я еще совсем не умею читать.

Я думаю, что любовь к книге, привитая с детства, сыграла решающую роль в моей жизни. Я очень легко и радостно училась и всегда знала, что на любые вопросы я найду ответ в книгах.

Я глубоко убеждена, что любовь к книге можно воспитывать и укреплять в любом возрасте. Может быть, даже стоит применять «силовые методы». В частности, жаль, что преподаватели практически не требуют от наших студентов конспектирования научной литературы. Это хоть и «давно забытое старое», но, исходя из собственного опыта, я могу утверждать, что основная платформа знаний была заложена на первых курсах обучения в университете, когда с нас нещадно требовали конспектировать первоисточники. На экзамены мы шли с несколькими общими тетрадями, исписанными по ночам нашими «выжимками» из работ классиков экономической науки.

Я бесконечно благодарна судьбе, что мне выпало счастье учиться на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. На III и IV курсах у нас был спецсеминар по «Капиталу» К. Маркса, то есть два года мы читали, обсуждали, конспектировали этот великий научный труд. А ведь известно, что для написания конспекта порой необходимо несколько раз внимательно вчитаться в текст. Конспектировать К. Маркса очень сложно, поскольку трудно выбрать самое основное. Ведь каждая фраза — это предмет для осмысления. Так что мы по несколько раз прочитали «Капитал» К. Маркса. Безусловно, это не является определяющим, так как можно прочитать много раз, но так ничего и не понять. И тем не менее, я убеждена в пользе конспектирования для обучения наших студентов.

Из моих наблюдений последних лет я делаю вывод о том, что наши студенты мало времени проводят в читальных залах библиотек. Да, наверное, удобнее читать те же учебники дома «на диване», однако такого доступа к экономической, в частности, литературе, как в библиотеке, нет. Даже если брать книги на дом, такой возможности «покопаться» в журналах, газетах, каталогах нет. Безусловно, должны быть хорошие читальные залы. Безусловно, к нашим вузам, особенно вновь образующимся, должны предъявляться серьезные требования в отношении возможности доступа студентов к учебной и научной литературе. И Интернет не может заменить удовольствия полистать книгу, вдохнуть ее манящий запах.

Поскольку в моем повествовании преобладает жанр воспоминаний, мне хотелось бы кратко упомянуть о своих студенческих годах. Я поступила на экономический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в то время, когда он располагался в здании на Манежной площади. Сейчас там находится факультет журналистики. На Ленинских (Воробьевых) горах строилось новое здание 1-го корпуса гуманитарных факультетов МГУ, куда мы вскоре переехали. И мы всем курсом ездили на субботники и воскресники, помогали убирать мусор, приводить в порядок прилегающую территорию, по собственной инициативе оказывали помощь библиотеке при переезде в новый корпус. И все это мы делали не по обязательным установкам, а по инициативе нашей комсомольской организации. Я была комсоргом в группе, по результатам социалистического соревнования мы заняли 1 место на факультете. Мы очень активно участвовали в научной жизни факультета, в работе научных кружков, семинаров. Когда защищал докторскую диссертацию преподаватель, который вел у нас занятия, В.В. Корочкин, мы всей группой были на его защите, поздравили его с успехом, подарили цветы. Сейчас я понимаю, как ему это было приятно.

Нам читали лекции превосходные преподаватели. Они были не только маститыми учеными, но и прекрасными людьми. Помню лекцию 1 сентября на пятом курсе. Читал ее замечательный экономист, д.э.н., профессор Н.В. Хессин. На нашем курсе было около 300 студентов.

Лекция была в большой поточной аудитории. Поскольку был первый день учебы после лета, кто-то из нашей группы написал записку: «Кто желает отметить начало занятий, встречаемся в общежитии». А это было время, когда мы все являлись членами Общества трезвости и даже платили взносы. Тогда даже свадьбы игрались без спиртного. Практически вся наша группа подписала свои фамилии в этой записке. В наше время вопросы преподавателю на лекции задавались только письменно. И кто-то из студентов, хочется думать, что неумышленно, передал эту записку с нашими фамилиями лектору. Профессор, развернув листок, начал вслух читать, а мы помертвели, т. к. поняли, что нас могли просто отчислить из университета. Все замерли. Наступила пауза. А профессор со словами, что он тоже не против, взял ручку и расписался в записке.

С 1993 г. по 2016 г. я заведовала кафедрой экономической теории в Московской академии экономики и права (все время ее существования). На кафедре действовал студенческий научный кружок «Москва глазами студентов». Руководила его работой преподаватель экономической географии и регионалистики С.И. Бородина. Работа была направлена на воспитание у студентов чувства патриотизма, любви к своей Родине и гордости за Отчизну. Вместе со студентами мы посещали неоднократно Троице-Сергиеву лавру, Спасо-Сторожевский монастырь в г. Звенигороде, Свято-Данилов монастырь в г. Москве, совершали экскурсии по территории музея-заповедника «Московский Кремль» с посещением Оружейной палаты, ездили в Александровскую слободу, в города Суздаль, Переславль-Залесский, Кострому и т.д. Все эти поездки чрезвычайно сближали нас со студентами. По результатам поездок обязательно выпускали стенгазеты с фотографиями и впечатлениями, организовывали конференции с приглашением студентов из других вузов, в том числе из РЭУ имени Г.В. Плеханова (тогда это была Академия). Студенты готовили научные доклады, учились мастерству публичных выступлений. Участвуя в работе кружка, они получали навыки коллективного общения, взаимовыручки и товарищества. Бесценным являлось духовное обогащение и ощущение гордости за свою страну.

Я уверена, что общение со студентами не должно ограничиваться аудиторными часами. Это должны быть и конференции, и студенческие диспуты, дебаты, совместные поездки, экскурсии.

Наши студенты в подавляющем своем большинстве любознательны, пытливы, отзывчивы на внимание преподавателей. И хочется соответствовать их лучшим представлениям о преподавателе. Поэтому каждый раз перед входом в аудиторию я испытываю волнение, за которое благодарна судьбе. Ведь это означает, что меня ждет радость общения, желание взаимопонимания, стремление к познанию и совершенствованию.

На этом я завершаю свои скромные размышления и воспоминания.

С уважением и благодарностью, Л. Г. Чередниченко.

23 марта 2020 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ЧИСТОПРУДНУЮ[1]

Караваева Ольга Михайловна, 72 года,
пенсионерка, ветеран труда,
ведущий инженер-конструктор НПО «Гелиймаш» (1965–1998),
выпускница 11 «А» класса школы № 310 выпуска 1965 года,
г. Москва

Чистопрудная наша страна,
Наша судьба,
Лебедем белым
По Москве проплыла.

Годы летят. И мы с ними по орбите жизни вместе с земным шаром по его циферблату. У каждого человека, поколения свой отсчет и своя память. Все хорошее, доброе помнится. Лица, слова, события… В детстве мы счастливы, и как хочется вернуться в ту счастливую страну! Чем старше становимся, тем интереснее это путешествие.

У Харитонья в переулке

1954 год. Мы идем в первый класс. Сколько всего наслушался наш серебристый тополь, склонивший свои ветки над нашей лавочкой, где мы сидели и обсуждали, кому какую форму и портфель купили родители! «Бывалые» второклассники рассказывали, что для беготни по лужам за корабликами, поисков кладов по чердакам и подвалам не будет времени. «Про казаков-разбойников позабудьте, — поучали они нас. — От уроков не убежите до Ильинки и Красной Площади».

Да, мы туда бегали (до них было минут 20 ходьбы), прячась от другой команды, и «зависали» там на несколько часов. А возвращались домой, когда уже все забыли, кто с кем играл…

В нашем дворе жила семья учительницы Валентины Петровны Гузинок из школы, в которую нас записали родители. С ее дочерью Лялькой мы катались с ледяной горки, а отец Ляльки, муж Валентины Петровны, полковник, возил наш поезд, составленный из нескольких санок, по двору. Валентину Петровну очень уважали, но, к сожалению наших родителей, она стала учителем 1«А», а нас записали в 1«Б» и 1«Г», разбив дворовую команду.

---

[1] Продолжение. См.: *Караваева О.М.* Уходили мужики на войну защищать свою родную сторону // Мы помним… Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2010. С. 228–231; *Караваева О.М.* Страна Чистопрудная // Мы помним… Сразу после войны (2017). С. 220–226.

Директора 310-й школы мы тоже знали. Еще бы! Наши старшие братья учились у него. О нем ходили легенды, его уважали. Когда он шел по улице, то ребята переходили на ту сторону, где он шел, чтобы поздороваться с ним. «Колобок идет», — говорили они. Так, любя, его звали между собой. Свое прозвище он, конечно, знал и не обижался.

А звали директора школы Федор Георгиевич Зобов. Мы, малышня, подражая старшим, важно говорили: «Колобок идет», — и тоже выбегали на улицу поздороваться с ним. Это был улыбчивый, невысокого роста, полноватый, прихрамывающий мужчина. Федор Георгиевич прошел войну фронтовым разведчиком, имел ранения, награды. При его деятельном участии была построена новая 310-я школа. Она стояла на углу Большого Харитоньевского переулка, в глубине двора, за двумя двухэтажными деревянными жилыми домами неприглядного вида, обшитыми почерневшими от времени досками.

На одном из домов, ближе к углу переулка, была темная чугунная мемориальная доска с примерно такой надписью: «Здесь у поэта Одоевского останавливался А.С. Пушкин» (или А.С. Грибоедов? Но этого уже почти никто не помнит). Старые дома снесли, построив новый кирпичный дом.

За этими зданиями была остановка легендарного трамвая «А» — «Аннушки». Мальчики хулиганили, подкладывая на рельсы пятаки, а потом, когда трамвай, звоня, отъезжал от остановки, бежали подбирать полученные «биты». И катались, прицепившись сзади. Много чего связано с «Аннушкой» и хорошего, и не очень, даже трагичного.

Директор не выгонял трудных учеников из школы, а находил к ним подход. Ведь многие вернулись из эвакуации, жили без отцовского воспитания. Жизнь им досталась не «сахарная» — это он хорошо понимал. Часто он останавливался, здоровался, спрашивал: «Как дела, чем занимаешься, как дома?». Ребята потом говорили: «Колобок меня узнал! Вот человек!».

Его все знали и уважали в районе. Это был добрый, мудрый человек, педагог, директор. За несколько месяцев до скоропостижного ухода из жизни его выбрали заместителем председателя райисполкома Бауманского района. Его провожало огромное количество людей. Вся Покровка была заполнена народом: родителями, педагогами, детьми. Мы все со скорбью прощались с нашим директором. Его сын, Слава, учился в 11 «А» выпуска 1965 года. Федор Георгиевич оставил после себя хорошее наследство: прекрасно организованное образование и воспитание, хорошо подобранный педагогический коллектив, школьные традиции.

В школе был прекрасный кабинет труда со сверлильным, токарным и другими станками. Мы умели на них работать, знали, как обходиться с напильниками по металлу, по дереву, другими инструментами. Нас учили не чураться никакого труда. На уроках домоводства нас учили

шить, вязать, кроить, штопать, вышивать, готовить. Это нам потом пригодилось в трудовых лагерях в колхозе, куда мы ездили летом.

Первый раз в первый класс

Из коммуналок, подъездов, дворов выводили первоклашек. В этот год ввели новую школьную форму: для мальчиков — кители с блестящими пуговицами, гимнастерки серого цвета, подпоясанные широкими ремнями с пряжками, фуражки с кокардами, для девочек — коричневые платья, нарядные белые фартуки и белые банты в косичках. Все друг друга разглядывали, прохожие удивленно улыбались — гимназисты, не гимназисты… Необычно.

И вот она, школа. Нас подвели к белым колоннам у входа, где ждали учителя. Было очень шумно от возгласов старшеклассников. Цветы, цветы… В горшках — комнатные (просили приносить для уюта в классах) и букеты с дач, а то и дворовых клумб. Тогда не было вообще обилия цветов из ларьков и магазинов.

После торжественных речей нас, притихших от важности момента, разводили по классам на пятый этаж, где от разных сторон актового зала находились по два класса. В классе было очень светло, мы расставили на подоконниках горшки с цветами, нас рассадили за парты: мальчик-девочка. Стали знакомиться. Кто с любопытством, кто с испугом — рассматривали друг друга.

Учительница представилась: Светлана Михайловна Куклина. Стала нас вызывать по журналу. Так состоялось наше первое знакомство с одноклассниками. Четвертая, пятая, шестая парты: Игорек Барышников, Игорек Добрынин, Толик Злотников, Тоня Андреева и я. Так мы просидели вместе до седьмого класса и в этом составе окончили в классе «Г» школу в 1965 году.

На родительских собраниях наши родители тоже перезнакомились, все знали друг друга и детей. Дружбе положила начало Кира Алексеевна Андреева, мама Тони Андреевой. Нас пригласили в гости на Тонины именины. Родители были предупреждены и оповещены, чтобы не было волнений. Помнится, наевшись пирожных и пирожков, мы все уселись в черное кожаное кресло у огромного письменного стола с зеленым сукном. В кресле уместилось человек пять, и стали рассуждать о чем-то, представляя, как в этом кресле сидел Николай Егорович Жуковский, приходивший в гости к Тониному деду. Н.Е. Жуковского мы представляли с большой волнистой седой бородой. Таким мы его видели на мраморной белой мемориальной плите на колонне ворот нашего дома № 8 по улице Жуковского (у Тони был дом № 2). Игорь Барышников много умничал, смешил, вообще развлекал. Единственный наш постоянный отличник, золотой медалист выпуска 1965 года.

Постепенно мы сдружились, помогали друг другу в учебе. Чем-то менялись, старались держаться вне уроков вместе. Надо сказать, что

в классе были дети из разных семей. Дети из однодетных семей были эгоистичнее, напористее, капризнее. Но в основном у всех были братья и сестры, и поэтому были не избалованы. Светлана Михайловна относилась к детям хорошо. Пробыла она у нас недолго, в третьем классе вышла замуж и ушла в декрет. Мы остались «бесхозными».

Колоритными фигурами в классе были Гриша Симановский, Костя Гавриков и Эдик Ферзон.

Гриша отличился тем, что на одном из первых уроков вытащил большой будильник, который громко зазвенел в портфеле, развеселив весь класс. Он сидел на первой парте, прямо перед учительницей. «Мама велела, я не успеваю до звонка», — бормотал он, оглядываясь на ребят, и с испугом глядя на учительницу, непонимающе моргая, обращаясь ко всем. Все надрывались от смеха и ждали реакции Светланы Михайловны. Она тут же взяла дневник и сделала запись о вызове мамы в школу.

Эдик Ферзон, прихватив папку с тетрадями — портфель он не признавал, — срывался после первого урока со словами: «Плюй на все — здоровье дороже!». Он уходил к своим голубям. Его голубятня возвышалась над сараями двух дворов, разделяющих улицу Жуковского и Чистопрудный бульвар. Во дворе были такие же двухэтажные дома и кинотеатр «Колизей» (теперь театр «Современник»). Мне из окна было видно, как Эдик в школьной форме гонял голубей, размахивая длинным шестом с привязанной белой тряпкой, свистел и был весьма доволен своим занятием. Увидев меня в окне, он кричал: «Только пришла? Ну до завтра», — и показывая мне кулак, демонстративно садился на крышу под большой рябиной, уложившей свои ветки, усыпанные красными гроздьями, на железную крышу. По этой рябине мы сползали с крыши вниз, когда перемещались на каток или убегали от «казаков-разбойников» в сторону Ильинки.

Озорства было много, особенно на уроках пения. Они проходили в актовом зале на пятом этаже. Зал большой, светлый, с блестящим паркетным полом. На сцене с бархатным бордовым занавесом стояли черный рояль и доска с тряпкой и мелом. На ней нас обучали нотной грамоте. На Большую Никитскую мы бегали за нотными тетрадями. Костя Гавриков с присущей ему выдумкой и энергией прятался до прихода учительницы в занавес. Учительница, маленькая, с ярко-рыжими редкими волосами (кто-то из знатоков высказался: «Красится хной»), и Костя, корчивший «рожицы» и фигуры, раскручивая занавес, вызывали громкий смех. «Гавриков, сядь, начинаем урок». Но ему этого выступления было мало. Он принес мышь и закрыл ее под крышкой рояля (впоследствии учительница с опаской садилась за рояль).

Пели тоже с фантазией: Валюн (Валя Горожанов) басом: «Щорс идет под знаменем, красный командир», Костя — писклявым голосом: «Эй, эй, красный командир», затем взмахивал рукой в зал, и все орали: «Голова обвязана...». Учительница хлопала крышкой рояля: «Вон, дневники сюда!». Мы, как один, из солидарности вставали, складывали на рояль дневники и молча, маршируя, строем выходили из зала. После всех уроков мы получали дневники с записями для родителей и двойками. У ребят были жирные колы по поведению. После бесед родителей мы пытались угомонить Костю, но за мышь его не выдал никто. Это сейчас вспоминается с ужасом и стыдом, а тогда: «Товарища выручай — не выдавай». Позор! Да и мышь убежала.

С особым чувством исполнялся «Варяг»: «Пощады никто не желает...». И нас она хвалила: «Хорошо, ну, ведь можете!».

Воспитание всесторонне развитой личности

Были у нас занятия бального танца. Нас учили танцевать вальс, танго, другие танцы. Обычно на этих уроках собирали первые младшие классы. Особенно хорошо это получалось у мальчиков. Саша Егоров до сих пор поражает нас своим чувством ритма, пластичностью. Это в 70 лет-то!

Директор Зобов заботился о всестороннем развитии детей. Сколько всего интересного происходило в нашем зале! «Котовского пригласили», — прошел слух, и мы ждали этого концерта. Мы видели и слышали великих артистов: Николая Мордвинова, Ираклия Андроникова, Бориса Ливанова, Дмитрия Журавлева, Игоря Дивова. Их выступления производили на нас большое впечатление, это запомнилось из детства на всю жизнь. Утренники проводил Борис Брунов — кто-то из его детей учился у нас.

В старших классах проходили вечера поэзии. Хорошо помню вечер поэзии Риммы Казаковой. Тогда она предложила кому-нибудь почитать свои стихи: «Я по вашим глазам вижу, что многие из вас пишут стихи. Выходите, не стесняйтесь». Но все промолчали, никто не вышел. После ее стихов как-то нелепо и стеснительно было что-либо прочитать, да поэзией, наверное, свои стихи никто не мог назвать. Стеснялись, побаивались.

Актовый зал. Там ставились спектакли драмкружка по пьесам Д.И. Фонвизина. Художественная самодеятельность была у нас сильная. Под гитару пели песни Б. Окуджавы, В. Высоцкого ученики выпускного 11 класса (в 1963 году) Александр Аринушкин и Виктор Макаров. Они были кумирами школы. Женя Карельских выступал в спектаклях, он занимался в драмкружке Дома пионеров в переулке Стопани. Сейчас он артист театра и кино. Был очень хороший хор мальчиков.

Наша Анечка Гейшерик выступала с задорными танцами. И мы ею гордились и восхищались. Она занималась в хореографическом ансамбле «Школьные годы». Поразила своим талантом и наша Ира Дадалко. Нарядившись в яркое взрослое платье, она читала отрывки из пьесы А.Н. Островского «Свои люди — сочтемся». Липочка! Липочка и все тут. Артисткой она не стала. Стала педагогом, финансистом. Знаю, что

студенты ходили с удовольствием на ее лекции как самые яркие и доходчивые; аудитории всегда были полными.

Талант есть во всем, если человек талантлив. По самодеятельности наша школа постоянно занимала первое место среди школ района. И в этом была заслуга наших комсомольских вожаков Олега Гуджояна и Володи Скоморохова (выпуск 1963 года). Замечательные были ребята, хорошие комсомольские организаторы.

В старших классах жизнь была насыщенной, интересной. Школа стала нашим вторым домом.

А в третьем и четвертом классах мы были предоставлены сами себе. Уроки замещали разные учителя, кто был свободен от своих занятий. Часто приходили учителя-фронтовики, они много нам рассказывали о войне без всяких прикрас, то, что видели сами. В четвертом классе к нам пришел учитель Георгий Алексеевич. Высокий, подтянутый человек в офицерской форме без погон. Дисциплина наладилась, мальчики подтянулись, заправили свои гимнастерки под ремни, оценки стали повышаться, все стали стараться учиться хорошо.

Как нас учили в пятом-шестом классах

В пятый класс мы успешно перешли. Учителя и предметы стали другими, разными. Детство заканчивалось! В седьмом классе к нам пришла классным руководителем учительница истории Лариса Михайловна Самсонова. Состав класса изменился, многие ушли в ПТУ, разъехались в другие районы. Шло переселение в «хрущевки», центр Москвы расселялся из коммуналок.

Лариса Михайловна воспитала из класса комсомольскую ячейку, много занималась нашим воспитанием. Были организованы посещения лекций в Третьяковской галерее, мы приобщились к искусству, узнавали о художниках, их картинах, полюбили картины Тропинина, Серова, Иванова, Репина, Врубеля и других. Обожали эти занятия и радовались наступлению вторника, внеклассного урока в Третьяковке.

Дружный наш класс готовился к экзаменам в восьмом классе. В школах внедрялась 11-летка. В девятый класс набирали без троек. Было о чем задуматься. Постоянные изменения и реформы заставляли думать о будущем. Что, как и куда?!

Сдали мы экзамены хорошо. 10 человек из класса остались в школе, которая стала одиннадцатилеткой с производственным обучением. Организовали два класса из трех: «А» — электромонтажники и класс «Б» — чертежники. Мы, 22 человека, и еще 16 пришедших из других школ попали в «А». В этот класс набирали без троек.

Позади были детство и наши дружные годы до восьмого класса — с поездками, лыжными походами в Петрищево, сбором макулатуры на Главпочтамте, когда мы тащили по Чистым прудам сетки и тюки по снегу, помогая друг другу. Первые влюбленности, симпатии. Мы расставались, разъезжались. У всех начиналась другая жизнь.

Учителя того периода — опытные, знающие педагоги. Историю Древнего мира вела Екатерина Моисеевна Симон. Часто ходили с ней в Исторический музей, там проходили некоторые уроки. Мумии, скульптуры, предметы искусства — все оживляло наше представление о Египте, Греции. Живые уроки. Писали рефераты, зачитывали их на уроках, например, «Творчество Микеланджело» и др.

Учительница русского языка и литературы Мария Ивановна Сидорова учила нас составлять план к сочинениям, разбирать характер героев. Строгая, но по-матерински добрая, понимающая.

Михаил Игнатьевич Жежеров — математик и физик, фронтовик. Сколько нервов мы ему потрепали в третьем и четвертом классах, а в пятом и шестом он не узнавал нас — мы стали стараться. И уже нас не надо было выводить в коридор и заставлять строем маршировать, выбивая и успокаивая нашу кипящую энергию анархии и единства.

В пятом-шестом классах у нас была классным руководителем Минна Григорьевна Фишер. Добрейшей души человек, опытный педагог. Мой брат учился у нее, и он с друзьями часто ее навещал. Они приходили к ней домой на чай уже даже взрослые, поздравить или посоветоваться. Она любила свой предмет, очень помогала им в освоении языка. Не ругала, все с юмором, чтобы никого не обидеть, все по-доброму и в то же время строго. Бывало, после очередной проверки поднимет над столом тетрадки: «Эти тетради даже на Тишинском рынке не продать. Валюн — кляксы. Два» и так далее. И не обидно, и никто не ехидничал. Клякс становилось поменьше. Она любила детей, и лицо у нее было доброе, располагающее к доверию. Мы ее любили и уважали. Несколько человек поступило потом в Иняз на немецкий факультет.

Учитель рисования и черчения В. Я. Вебер, красавец-мужчина, выпускник нашей школы. Он учил ребят рисовать. В кабинете были макеты, чучела птиц, мы рисовали их, он учил накладывать тени простым карандашом. Подойдет, подправит, и чучело на рисунке оживало: «Так лучше, правда?». Учил азам черчения, шрифтам, работе с тушью, обводить рейсфедером простенькие чертежи, разбирать и чертить детальки в проекциях. Мы любили его уроки. Да и сам он к себе очень располагал, и интересно было на занятиях.

Уроки истории мы любили. Сколько было споров на уроках. Мы изучали первоисточники, копались в книгах, ходили в читальный зал имени И. С. Тургенева на Кировской. Тетради с конспектами, таблицы, которые мы составляли, помогали впоследствии даже в ВУЗах. Троек не было. Нас учили думать, не зашориваться в догмах, рассуждать, работать с книгами, конспектами.

Полет Юрия Гагарина в космос

Из периода 1961–1962 годов запомнился яркий день 12 апреля 1961 года — полет Гагарина Ю.А. В школе не до занятий. По Кировской шли демонстранты, студенты. Москва ликовала. Нас отпустили по домам. Но вечером все сбежали на Красную площадь. Салют, ликование. Люди говорили: «Такое было в 1945 году в День Победы!».

В Кремле закончился прием. И вдруг в толпе появился человек невысокого роста, в темном двубортном пальто, в темной шляпе, широколицый. Толпа орала: «Ура!». Его, каких-то людей рядом с ним окружили, а он читал «Стихи о советском паспорте» В. В. Маяковского. «Интересно, кто это?» — шептали люди. Много лет спустя мы увидели портрет С. П. Королева и, не сговариваясь, говорили: «Неужели это был тогда сам Королев?». Слишком похож. Но тогда было много эмоций, песен, ликования. Домой мы шли в толпе, люди шли компаниями, раздавались песни под гитары, праздник продолжался, постепенно растворяясь к Садовому кольцу в переулки от Ильинки до Земляного Вала.

Тогда для многих молодых людей и для нас это стало определяющим в выборе ВУЗов. МИФИ, МФТИ, Бауманский, МАИ, МИЭМ — институты, которые закончили наши одноклассники, а впоследствии и работали в этой сфере. Но кто бы мог заглянуть тогда в 1990-е годы? Кто мог знать? Сколько они принесут потерь старшего грамотного инженерного сообщества! Трагедия для инженерных профессий и людей. Птица Феникс восстает из пепла молодыми кадрами и умами. Будьте умнее нас!

В седьмом и восьмом классах

В седьмом классе к нам пришли две красивые девочки: Лена Градюшко и Таня Полькина. Тогда у нас была уже классным руководителем Лариса Михайловна Самсонова. Она у них в старой школе была пионервожатой, и вот теперь они оказались в нашем классе. Мальчики сразу оценили их привлекательность и нежность, стали проявлять симпатию. Да и они как-то сразу влились в коллектив, как будто все время учились с нами. Класс наш был дружелюбный. Да и жили мы все в Чистопрудных переулках.

У Леночки Градюшко, как мы узнали уже в дальнейшем, родной отец был Михаил Анчаров, известный писатель и бард, фронтовик. В седьмом-восьмом классах было много переживаний, трудных, скрытных для подростка. Она сама неплохо писала рассказы, ее воспоминания об отце есть в интернете. Есть книга о М. Анчарове. Сама она окончила Институт связи. К великой нашей печали, ее не стало в 2017 году в 70 лет. Это был талантливый, правдивый, прямой, тонкий, творческий человек. Люди живы, пока о них помнят!

Летом, после экзаменов за восьмой класс, погрузив в грузовик раскладушки, одеяла и рюкзаки, мы сборной трех классов «А», «Б», «В»

поехали в колхоз. С нами поехали учитель физкультуры Юрий Анатольевич Калинов, географичка Нелли Ивановна Анисимова, будущий классный руководитель нашего 9 «А», учительница домоводства Силуянова. Жили мы в длинном амбаре, разделенном на две части: слева — мальчики, справа — девочки. Наши помещения были разделены помещением для преподавателей. Света не было, окна малюсенькие, свет нам провели за десять дней до отъезда.

Юрий Анатольевич соорудил с мальчиками коробку из досок под туалет, такую низкую, что головы торчали над этой конурой. Колхоз был небогатый, председатель был братом нашей биологички. Условия спартанские, некомфортные, но нам это было без разницы, главное — нам было весело, и мы были вместе. Мы выгоняли тщедушных телят, падающих от голода, гоняли ворон по полю, чтобы они не клевали посевы. Пожалуй, и вся работа, но мы ее выполняли усердно.

Купались в речке, отдыхали, играли в футбол, ручной мяч. За несколько дней до отъезда ходили в деревенскую баню на берегу речки с вениками, парилкой. Сами таскали воду, разогревая котел с водой. Сочиняли частушки, которые пели потом в Москве.

Старшеклассники

1 сентября началась новая жизнь, пришли новые ребята из других школ. Сильные, неординарные, почти отличники. Саша Татиколов, Коля Обухов, Аня Гейшерик, Ира Дадалко, Саша Зарецкий, Лена Фабричникова, Ира Никифорова, Кондрат Сиваков, Рита Мамонтова, Лева Нисневич. И как-то быстро все стали одним коллективом. Ребята были хорошие, интересные, доброжелательные. Все стремились поступить в ВУЗы. Народ был вольнолюбивый и сформировавшийся как личности. Уроки были похожи на театрализованные выступления. По-моему, нашим учителям было не менее интересно наблюдать за нашим классом, чем нам друг за другом. Все старались себя показать, самовыразиться. Коллективное содружество или театр у школьной доски.

Вспоминается поход в кинотеатр «Колизей». Шел фильм режиссёра Юлия Райзмана «А если это любовь?». Полшколы, почти не договариваясь, оказалась в зале. В школе в тот день должна была быть городская контрольная по химии...

Учительница химии Ольга Семеновна Макарова, очень знающий педагог, своеобразная, требовательная, была остра на язык, могла вогнать в краску или высмеять, обидеть и достаточно злопамятна. Девочек она недолюбливала. Мы по-разному к ней относились, ценя ее умение и знание химии. Перед уроком она выстраивала нас в коридоре рядом с туалетной комнатой: мальчики, за ними девочки, обходила наш строй, девочек отправляла в туалет, если у них были капроновые чулки, а не простые хлопчатобумажные (которые уже никто не носил из молоде-

жи), у тех, у кого были завитушки на голове, отправляла выпрямлять их под водой.

В общем, контрольную мы бойкотировали. Фильм был в тему. Зал был полон учениками 9, 10 и 11 классов. В середине фильма на экране возникла огромная тень фигуры Николая Степановича Харламова. Зажегся свет, и он со сцены скомандовал: «310-я школа с вещами на выход. Марш в школу!». Мы разбежались по Чистым, в школу не вернулись. Засели на лавочках у Покровских ворот, занявшись умными философскими беседами.

Последствий этого события не было. Родители на собрании нас защитили. К. А. Андреева, мама Тони Андреевой, высказала Ольге Семеновне за ее унижения девочек. Все обошлось, контрольную мы написали. Она больше нас не строила перед кабинетом, но не забывала и того собрания, и нашего естественного желания следить за собой. В МИХМ у нас никто не пошел, там Ольга Семеновна принимала вступительные экзамены. Хотя химию мы учили и достаточно неплохо знали.

Собирали мы и металлолом. В 1960-х годах людей переселяли в новые квартиры-«хрущевки». Жители выбрасывали старые железные кровати с металлическими набалдашниками и пружинными сетками. Все это мы тащили в школу. Кастрюли, старые чайники и другие непонятные железки. Где-то в девятом или десятом классе такой сбор был запоминающимся. За первое место обещали билеты в Большой театр. И мы получили эти билеты на премьеру оперы Т.Н. Хренникова «Мать» по А. М. Горькому.

А на следующий день, входя в школу, мы услышали громкое пение. «Павлуша, Павлуша...», — пел Славик Зобов, и бас Саши Егорова: «Что случилось...». И хохот на всю школу одноклассников. «Арестовали... Арестовали», — басили оба. Вбежала Нелли Ивановна Анисимова: «Кто здесь ругается? Что случилось?». Ей стали объяснять, что делятся впечатлениями о премьере. Она со смехом убежала к себе в учительскую. А мы все лежали на партах от смеха.

Наши зимние лагеря и колхозы даром не прошли — коллективизм и солидарность в самовыражении личности и класса — приоритет.

Нелли Ивановна была частью нашего коллектива, правда, в десятом классе она уже была назначена заведующей учебной частью, а классным руководителем стала другая учительница, но вспоминали мы только Нелю — так мы ее звали между собой. Какая-то особая атмосфера витала в классе. В школу хотелось идти, хотелось общаться с товарищами. Мы любили свою школу и свой 11«А».

Вспоминается день, когда мы собрались на празднование восемнадцатилетия нашего организатора встреч выпускников Натальи Масленниковой, ставшей учителем математики. Дом на улице Макаренко, коммунальная квартира с многочисленными соседями. Они доброжелательно

встречали шумную молодежь и провожали к комнате. Родители радушно приняли нас. Мама, Софья Федоровна, член родительского комитета, отец, Сергей Кондратьевич, довольны были такому коллективу. Наташа взяла на себя роль диспетчера и организатора дальнейших встреч. Она составила и обновляет картотеку наших новых телефонов и адресов. Сообщает о месте и времени этих встреч. Правда, кто может, помогает в организации и поиске места встреч. Но в дальнейшем, уже в новой квартире этой семьи, мы собирались не однажды, принятые с таким же теплом.

И еще о наших любимых учителях

Николай Степанович Харламов — наш учитель литературы, заведующий учебной частью. Фронтовик, прошел тяжелую жизненную школу. Был ранен, попал в плен с тяжелой контузией, был узником концлагеря. Без прикрас рассказывал о плене, где за колючей проволокой в чистом поле умирали тысячи наших бойцов, как их морили голодом. Потом он попал в концлагерь, где советских пленных спасали французы и англичане, получавшие от Красного Креста посылки с продуктами.

Он выжил, стал нашим учителем. Уроки были похожи на беседы, живые обсуждения книг, творчества классиков. Сам он очень любил В. В. Маяковского, читал его стихи, сам писал стихи, и мы полюбили поэзию. Часто классом ходили в Политехнический музей, где проходили вечера поэзии. Видели поэтов Б. Ахмадуллину, Е. Евтушенко, Р. Рождественского, А. Вознесенского, Б. Окуджаву и слушали их стихи. Были очарованы этими вечерами, шли пешком к Чистым и обсуждали, делились своими впечатлениями.

Николай Степанович говорил: «В жизни стоит заниматься только искусством. Ребята, читайте классику: Чехова, Тургенева — будете хорошими людьми».

Мы его очень любили. Для нас он был сильным, смелым человеком. Это действительно была незаурядная личность, мощный человек. Мы ему верили. Он был русским человеком и говорил: «Нам судьбу надо встречать мужественно и не ныть, жить по совести».

Математику преподавал Юрий Валентинович Паперно. Помним его: «Ну-с, молодые люди, чем сегодня порадуете, удивите?». Его облик, эти очечки на подслеповатых глазах, трубочка... Вид человека, понимающего вкус жизни. Он не ругал, когда объяснял уроки — класс молчал, сосредоточенно впитывал знания. «Молодые люди, кто не хочет учиться, у того есть шанс увидеть «небо в крупную клеточку». Становитесь инженерами, будете всегда иметь заработок на хлеб с маслом».

Мы занимались, писали рефераты, какие-то юмористические математические истории. В одиннадцатом классе он с нами дополнительно занимался два раза в неделю, подготавливая к экзаменам в ВУЗы, тратя бесплатно свое личное время. Все старшеклассники его любили. Наш незабвенный Юрий Валентинович Паперно!

Вечером, часов в 8–9, мы встречались у больших часов на Жуковской у типографии и шли на прогулки по Чистым. В подворотне на Макаренской улице стоял Юрий Валентинович, покуривая свою трубочку. Он жил в этом дворе и встречал нас: «Что, молодые люди, на вечерний моцион? Не забудьте, у вас первые часы — математика». Но назавтра, выискивая глазами, кого вызвать к доске, понимал: не готовы и не спрашивал, зная, что будет двойка, в лучшем случае три. Сам еще молодой человек, он старался не портить нам жизнь. И все-таки мы старались его не подводить, учили и учили его предмет.

Когда уже он слег больным и немощным, его поддерживали и ухаживали наши ученики Слава Зобов, Саша Харламов и Саша Егоров. Жалко, что он ушел из жизни рановато. Это был самый яркий человек, педагог, пользовавшийся любовью всех старшеклассников. Мы его неоднократно приглашали на свои встречи. Приходил к нам и Николай Степанович: «Ну-ка, давайте, рассказывайте, кем стали, где работаете?» и как всегда читал свои стихи и, конечно, Маяковского.

Наши дорогие и любимые учителя, люди благородной профессии, их можно назвать деятелями общего образования в СССР — образования не только знаний, но и образования личностей молодого поколения, правильного и грамотного понимания истории страны, людей мыслящих, умеющих работать в коллективе, ценить людей и старшее поколение. Их уже нет, но они с нами. Встречаясь, мы поднимаем за них бокалы, как за живых. Они в нашей благодарной памяти!

Любимым учителем физкультуры был, конечно, Юрий Анатольевич Калинов. Высокий, красивый молодой человек. Мы его все обожали. Он был как старший товарищ, тренер и наставник. Он понимал, кто на что способен и не заставлял заниматься физкультурой через «не могу», видел силы ребенка, у кого какой характер и здоровье. Волейбол, баскетбол. Мы с удовольствием играли, знали правила, участвовали в различных районных и городских соревнованиях. К нему можно было обращаться с любыми вопросами, посоветоваться. Для мальчиков это было важно. Настоящий тренер и преподаватель.

Наш спортивный зал был хорошо оборудован инвентарем, гимнастическими снарядами, шведской стенкой, брусьями, канатами. Гимнастикой с нами занимался Владимир Иванович Шмелев. Оба эти преподавателя с нами ездили в спортивные зимние лагеря и колхозы летом. Зимой коньки, благо каток всегда рядом на Чистых прудах. Лыжи — в Сокольниках на базе.

В девятом классе на каникулы мы ездили в зимний лагерь в Толстопальцево, где собирались старшеклассники школы, в десятом классе — в Планерное. Мы прекрасно проводили каникулы, набирались сил, катались на лыжах. В Планерном уже мы были старшеклассниками, и оба класса «А» и «Б», знающие друг друга с первых классов, очень сдружились.

Крутые горки Планерного. Сняв фанерные щиты с кроватей, мы по три-четыре человека неслись на щитах с крутизны между деревьев, не боясь, а иногда и рискуя врезаться в дерево. Трамплины нас не пугали, и мы неслись на лыжах вниз. С удовольствием вспоминаем это время — бесшабашное, веселое и доброе. И, конечно же, нашего Юрия Анатольевича. Он был с нами и в колхозе как старший товарищ, дурачился, бегал и играл с нами в футбол, ручной мяч (он был мастером спорта по этому виду), рассказывал какие-то смешные истории, но дисциплину требовал.

У мальчиков мужское воспитание было налицо. Юрию Анатольевичу многие подражали. Наши ребята Слава Зобов и Саша Егоров вошли в сборную школы по ручному мячу, где был тренером, конечно, Юрий Анатольевич. Эти ребята выделялись в классе, за них соперничали девочки наших двух классов, но это было так по-детски. Девочки из «Б» ходили за Сашей Егоровым по коридору, где обычно мы прохаживались на переменах, пытались обратить его внимание. А он с высоты своего роста оборачивался и гаркал: «Чего надо?». Саша Татиколов скромный, стеснительный, очень умный, прекрасно учившийся, не замечал повышенного внимания к своей персоне и очень стеснялся. И ничего не замечал. Уже во взрослом возрасте на встречах он говорил: «Что же вы раньше-то не говорили? Вот не знал».

О комсомоле и дне сегодняшнем

Все, что у нас было хорошего, это, конечно, заслуга наших учителей, и, все же, была сильная комсомольская организация, как бы это сейчас немодно не звучало. Идеологически мы не были зашорены. Были разные мнения и философские рассуждения. Это же были 1960-е годы. Да и все много читали, видели и способны были рассуждать и анализировать. Сколько было споров, пусть по-детски, по-юношески.

История, я уже говорила, была у нас одним из сильных предметов — Володя Рожанец, Саша Елизаров поражали такими глубокими мыслями и знаниями! Настоящие философы. Недаром стали научными работниками. Володя Рожанец — кандидат наук. Саша Елизаров много рассуждал и обдумывал вопросы образования и педагогики.

Надо сказать, что все надеялись только на себя, на свои головы и руки. Сейчас, глядя на наши фотографии как бы из дня сегодняшнего глазами проживших жизнь пожилых людей, мы сами отмечаем одухотворенные лица, в глазах – целеустремленность юности. Игорь Барышников, собрав все фотографии, сделал фильм о нашем 11«А». Какая большая жизнь и такая короткая: «Жизнь только миг между прошлым и будущим». А в ней было столько хороших людей! Да и других хватало…

Но осталось тепло нашего отчего дома — Чистопрудной страны, наши прекрасные родители и педагоги. И это помогло многим пережить

тяжелые перестроечные времена, личные потери и трагедии. У нашего поколения есть свой стержень. Нет потребительского отношения к жизни и стране, к государству. Да и все остались такими же скромными, порядочными людьми.

Интересно, любопытно, какими будут другие поколения. Остается надежда — внуки должны быть лучше и умнее своих предков!

В десятом, одиннадцатом классах мы стали совсем взрослыми, самостоятельными. Секретарем комитета комсомола школы стал Борис Шмагин из 11«Б» чертежников. С ним и с Женей Шиловой связана наша замечательная поездка в так называемый спортивно-трудовой лагерь в ста километрах от Москвы (Барыбино). Они самостоятельно нашли колхоз, договорились с председателем колхоза о проживании, работе, питании, оплате. Многое стерлось в памяти, но пересоленное мясо теленка, которого выдал нам председатель колхоза (они вдвоем и солили, закапывали в какую-то яму для хранения, мы варили из него супы и готовили второе), помнят все.

Учителей тогда с нами не было, со всем справлялись сами, дисциплина была железной, работали на совесть. Колхоз-лагерь показал, что мы стали взрослыми, самостоятельными, способными решать житейские вопросы. И зимние лагеря, и колхоз даром не прошли. Мы стали коллективом без всякой глупой анархии. Недаром Женя Шилова, учитель географии, стала впоследствии Заслуженным учителем России. Для нас она осталась Женечкой, «Стрекозой». Мы ее так между собой звали за красивые глаза и веселый характер.

Наш класс стал сплоченным коллективом, все ученики были дружелюбными товарищами, хотя все были разными по характеру, из семей с разным социальным положением. Между собой мы были равными. Родители с теплотой относились к нам, не препятствовали нашим посиделкам у себя дома. В основном все жили в коммуналках. Ребята подобрались хорошие, уважительные. Мы собирались вместе группами решать задания по физике, математике, поговорить и поспорить о литературе, искусстве, обсудить историческую тему урока. И учителя, и родители, сами мы влияли положительно друг на друга. Окружение ровесников имеет большое значение в становлении личности.

К 8 марта, 23 февраля мы готовили подарки, делали стенгазеты. Подрисовывали к фотографиям лица фигуры, сочиняли каждому стихи. Дарили каждому фотомонтаж этих газет.

Наступило время окончания школы. Последний звонок, выпускные экзамены. Экзамены сдали все успешно. Выпускной вечер… и экзамены в ВУЗы. Все 37 человек сразу поступили в различные ВУЗы: 6 человек поступили в МИЭМ на Вузовском, 6 — в МГУ, 4 — в Бауманский, по 3 — в Иняз, МФТИ, МИФИ, МАИ, 2 — в медицинский, по 1 — в МГИМО и МИИТ.

1 сентября мы, уже первокурсники, собрались у своей лавочки на Чистых недалеко от пруда. Так мы встречались два года. Постепенно студенческая жизнь захватила, мы договорились встречаться раз в пять лет. Все очень неплохо работали, росли профессионально, защищали кандидатские. 5 или 6 человек стали кандидатами наук. Саша Татиколов стал доктором наук. Лева Нисневич стал хорошим хирургом, Толик Злотников — врачом-анестезиологом.

Научные работники, неплохие инженеры, дипломат, переводчики, писатель, преподаватели школ и ВУЗов. Мы были уверены в завтрашнем дне, и никто из нас не мог предположить, что мы будем переживать времена Остапа Бендера и детей лейтенанта Шмидта. Придется выживать, институты и предприятия будут уничтожаться, многие останутся без работы, познают рынок, рыночки, «Лужники».

Нас разбросало по всей Москве в спальные районы. Для инженерного сообщества наступят трагические времена. Нам придется думать о старых родителях, оставшихся с мизерными пенсиями. Та атмосфера коренных москвичей с ее необычным теплом отношений с соседями, дружбой по двору с детства, старым московским духом «размоется» в спальных районах, накроется новыми волнами граждан из других республик и городов уже бывшего Союза. «Понаехали тут», — станет расхожей фразой. Люди искали работу, выживали. Но это все принималось с присущей москвичам добротой и толерантностью еще со времен Ивана Калиты…

Прошло 52 года со дня окончания школы. Пятерых товарищей мы потеряли, проводив и держась вместе. Никто из нас не уехал из страны, мы до сих пор встречаемся, и когда мы вместе — мы тот же 11«А» и все наши детские «заморочки» с нами, как будто мы те же мальчики и девочки, «братики» и «сестрички», как мы называли друг друга. Многие еще работают, у кого есть силы и здоровье.

Благодарность нашим родителям, учителям той Чистопрудной страны, нашему Отечеству сохраняем бережно.

Наша книга воспоминаний — это своеобразная летопись, составленная современниками, живыми свидетелями советского периода, и расскажет о жизни нескольких поколений той ушедшей Советской страны: как они учились, дружили, любили свое Отечество, своих товарищей, какие люди были в той далекой стране, по глупости и предательству разоренной, но восстающей из пепла вновь.

Глубоки корни российские, и мы их не растеряли потому, что у нас есть память, история. И спасибо советской стране!

СОЛНЦЕ, МАЙ, АРБАТ, ЛЮБОВЬ…

Гейдэ Нина Александровна, 53 года,
писатель, литературный критик,
переводчик с датского, культуролог,
Дания, г. Копенгаген

О себе

Родилась в Москве в 1966 г., окончила факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Председатель Европейского Творческого Союза «Огниво», созданного в Копенгагене с целью объединения творческих людей независимо от национальности. Основатель первого в Скандинавии русскоязычного журнала «Берег» (ныне — «Новый Берег»). Член Международной Ассоциации писателей и публицистов, Европейского конгресса литераторов и Объединения русскоязычных литераторов Финляндии. Лауреат многих международных литературных конкурсов. Автор пяти сборников стихотворений, лирической прозы и переводов датской поэзии: «Тень незабудки», «Билет на "Титаник"», «Чёрный махаон», «Флорентийские полдни», «Беглый луч». В сфере культурологии занимаюсь налаживанием гуманитарных связей между Данией и Россией, а также русскоязычными творческими проектами в Европе.

Нам было по шестнадцать лет. Нам казалось, что мы бессмертны и всесильны. И эти четыре слова — солнце, май, Арбат, любовь — в их поэтическом единстве были тому неоспоримым доказательством. Арбат был нашим всем, как Пушкин в представлении Аполлона Григорьева.

Куда после уроков? Конечно же на Арбат. Сначала — в магазин «Мелодия», взглянуть, нет ли там интересных музыкальных новинок, потом — затеряться в старинных арбатских переулках, как будто созданных для неспешных прогулок и неторопливых разговоров о самом главном: о жизни, о душе, о любви. Всегда было интересно заглянуть в букинистический, с благоговением полистать старинные книги в тиснёных переплетах, а после посмотреть на шустрых морских свинок и весёлых разноцветных попугайчиков в зоомагазине. Напоследок не забыть поинтересоваться репертуаром в Вахтанговском, и тогда уже с лёгким сердцем нырять в метро «Арбатская» и разъезжаться по домам — делать скучные уроки и жить немного «не своей» жизнью. Потому что своя, настоящая, прекрасная жизнь витала там, на Арбате, и манила нас, и звала — и мы неизменно возвращались в этот прекрасный уголок старой Москвы.

Прогулки после школы по Арбату — это было лучшее время суток, юности и вообще лучшее время нашей жизни. Но спроси нас кто-нибудь тогда, почему это было так, разве смогли бы мы определить словами нашу любовь к Арбату, поверить алгеброй гармонию? Мы не были Сальери, мы были Моцартами в душе, и Арбат был нашим дирижёром. Мы творили свой собственный мир, творили самих себя, мы строили планы, предчувствовали и предвкушали будущее, мы ошибались и набивали шишки, но снова шли вперёд, а Арбат был нашей мудрой, ласковой нянькой, весёлой и печальной одновременно. Нам никогда не было с Арбатом скучно.

А потом мы вылетели из арбатского кокона юности в большую жизнь, окрылённые надеждами увидеть, удивить и покорить весь мир — и ведь, действительно, и увидели, и удивили, и покорили, но так и не встретили места на планете, где нам было бы лучше, чем на Арбате.

И вот теперь, разлетевшись по разным странам и городам, мы неизменно возвращаемся в исходную точку нашей жизни и души — на Арбат, и всё глубже трогают нас окуджавские строки: «Мы начали прогулку с арбатского двора, к нему-то всё, как видно, и вернётся…». Окуджава ведь, оказывается, всё знал наперёд, всё понимал и делился с нами этим пониманием. Теперь знаем и мы, что колыбель детства и юности — священна, но только до конца осознать свою связь с тем местом, которое называется «малая родина», можно лишь пройдя большую часть своего жизненного пути.

Казавшиеся в юности чуть высокопарными поэтические строки теперь совпадают с нашим собственным дыханием и биением сердца: «арбатство, растворённое в крови, неистребимо, как сама природа».

Вот так мы и живём: уезжаем с Арбата и на Арбат возвращаемся, приводим сюда своих детей, друзей, любимых, поминаем ушедших навсегда. Когда-нибудь приведём сюда наших внуков.

Нам в лицо дуют ветры перемен, одна эпоха наступает на пятки другой. Но Арбат — неизменен. И как ему это удаётся — это тоже его тайна, которую, может быть, и не надо разгадывать. Зачем? Стоит ли ломать старинные золотые часы, чтобы посмотреть, как они отмеряют время? Ведь могут взять и остановиться.

А мы так хотим, чтобы Арбат не останавливался, чтобы он жил дальше, жил бесконечно, и мы никогда не могли «пройти его до конца»…

Март 2019

ПАМЯТЬ

Переназвали Родину мою —
перекроили и перерядили,
но вспомню я опять и воспою
страну, где родилась и пригодилась.

Там солнце серебро роняет в снег,
там яблоневый цвет осыпал окна,
там осенью — в моём счастливом сне —
«Вот урожай-то нынче!» — мама охнет

и в печь поставит яблочный пирог,
а после в дымку белую рассвета
шагнёт опять — за тайный тот порог
небытия, что мне ещё неведом.

А с ней отец — он мне улыбку шлёт
по волнам моря Чёрного, как чайку.
Две бабушки мои — одна нам шьёт,
другая колыбель мою качает —

согнулись под вдовством, как под плитой,
и осознаю я ещё не скоро
в беспечности весёлой, молодой —
какое их сердца сушило горе.

Лишь Родины спасённой небеса
потерь лечили разрывные раны.
Тогда ещё могли смотреть в глаза
мы без стыда и боли ветеранам.

Не сомневались — срок придёт, и мы
умножим славу бывших поколений.
Нас в той стране учили быть людьми.
Нам — сильным — было море по колено.

Там школьных дней калейдоскоп цветной,
там дружба, что почти уже полвека —
с далёким прошлым верный мой связной
и ценностей незыблемых проверка.

Вот только правит миром век иной —
безликий, электронный, виртуальный.
Арбатский двор, прогулки под луной,
любви причал, надежды парус алый —

всё это атрибуты жизни той,
которая ушла, как Атлантида,
под воду Леты — детскою мечтой
была когда-то лампа Аладдина.

Страну мою великую верни —
волшебника какого попросить мне?
И оба деда пусть придут с войны —
я обниму их и скажу: простите,

что Родину, и вашу, и мою,
переназвали и перекроили,
но подвиг ваш бессмертный воспою,
чтобы о нём потомки не забыли.

РОССИЯ

Ты — богоизбранна, Россия!
Ты в трудный час всегда со мной —
мне связь с тобой давала силы
делить судьбу с чужой страной.

Нет для души лекарства лучше —
на Родину вернуться вновь.
Ты в темноте Вселенной — лучик,
мой компас жизненных основ.

С тобой затягивались раны
от затянувшихся разлук,
души твоей простор бескрайний —
меня манил — ласкал мой слух

язык, который был дарован
Господней волей. Что там Рим —
в Россию все ведут дороги,
и путь её неповторим.

Нестоящее — настоящим
слезами смою у могил
родных — и храма настоятель
сподобит благостных молитв.

Многострадальная Россия —
любви божественной исток.
Меня рожденьем поразила —
бессмертья подари глоток.

Май 2020

ЦЕПЬ СОБЫТИЙ[1]

Паншина Елена Григорьевна, 67 лет,
пенсионерка, образование — высшее техническое,
дочь Маргариты Михайловны Паншиной,
бойца разведывательно-диверсионной в/ч 9903[2]
Западного фронта,
г. Москва

Для того, чтобы пересеклись судьбы двух людей, должна произойти целая цепь событий. Встрече Маргариты Михайловны Паншиной, моей мамы, и Татьяны Михайловны Осиповой, племянницы Лизы Беневской, предшествовала цепь как бы нечаянных событий. Все началась с моего перевода в 1962 г. из школы № 558 в школу № 15 города Москвы. Школа № 558 располагалась недалеко от Серпуховского вала и была самой обычной с изучением французского языка после 4-го класса. Моего старшего брата решили учить еще и английскому языку, учительница приходила домой. Возможно, я, восьмилетняя девочка, прыгала вокруг и мешала, и меня усадили за стол рядом с братом. К концу года учительница сказала, что брату лучше это дело бросить, а девочку она могла бы рекомендовать в английскую спецшколу № 15.

Школа была расположена среди ЗИЛовских домов, и завод над ней шефствовал. Патриотическая работа была на высоте. В школу приезжали летчики из эскадрильи Нормандия-Неман: и советские, и французы. Запомнилась встреча с Героем Советского Союза Алексеем Маресьевым и как перед этой встречей вся школа читала «Повесть о настоящем человеке».

И вот весной 1965 г., в четвертом классе, учительница спросила у класса: «У кого родители воевали?» — и я сразу подняла руку. Потому что часто слушала рассказы отца о войне и рассматривала следы от ран — сквозной на руке и на спине от осколка, остановившегося у сердца. Я стала просить папу прийти в школу и рассказать всем о том, как он воевал. Сначала папа отнекивался спокойно, а потом начал сердиться и отослал меня к маме: «Пусть в школу идет она». Так я узнала, что и мама тоже была на войне. И цепочка потянулась дальше.

Слева направо: М.М. Паншина, Т.М. Осипова, Е.Г. Паншина

Про партизан Подмосковья, про Зою Космодемьянскую мы, школьники, уже много знали. Мама очень волновалась, и я тоже очень волновалась, поэтому плохо помню подробности ее рассказа, кроме одного момента. Когда немцы бросали в партизан гранаты и те падали очень близко, партизаны кидали их обратно. Но один парень — Володя Чернышевич не успел, и граната взорвалась у него в руках. Он был командиром группы, в которой была мамина подруга Лёля Шатерник.

Через полгода в декабре 1965 г. родители перевели меня в другую спецшколу — № 14 поближе к дому, а мама «осталась» в школе № 15 — там образовалась поисковая группа из школьников под руководством учительницы Ольги Алексеевны Гурычёвой.

Из маминых коротких рассказов я знала, что ребята из 15-й школы ищут пропавших без вести бойцов в/ч 9903 и их родственников. Но слегка поучаствовать в этом мне пришлось много позднее.

Мама несколько раз ездила в Хамовники в поисках адреса Лизы Беневской, следы которой терялись в какой-то школе на каких-то «Кочках». К тому времени я уже работала в ФИАНе[3] и для анкеты нужен был адрес бывшего мужа. Я этот адрес добыла за несколько копеек в Мосгорсправке и посоветовала маме попросить в этой самой Справке адреса всех Беневских. Фамилия достаточно редкая и пусть их будет сотня или две, ребята за какое-то время всех бы обошли.

Адресов оказалось всего 12. А ближайший к нашему дому адрес дома на улице Профсоюзной Москвы оказался тем самым, где жили родственники Лизы Беневской. Цепь замкнулась.

---

[1] Продолжение. См.: *Паншина М.М.* Как будто вчера // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К., 2010. С. 112–115; *Осипова Т.М., Паншина М.М.* О девушках разведывательно-диверсионной в/ч 9903 // Мы помним... (2017). С. 172–184.

[2] В диверсионно-разведывательной в/ч 9903 Западного фронта воевали Зоя Космодемьянская, Вера Волошина, всего более 2 тысяч добровольцев, из которых каждый второй погиб или пропал без вести. Об этом см. также: *Осипова Т.В.* Лиза. Воскрешение из забвения // Мы помним... (2010). С. 18–30; *Сукачева К.В.* Всегда стремилась быть на переднем крае // Мы помним... (2010). С. 93–112. — Прим. ред.

[3] ФИАН — Физический институт имени П.Н. Лебедева Российской академии наук. Является одним из крупнейших и, как говорится на его официальном сайте, «по-видимому, старейшим научно-исследовательским центром России». Как современный полифизический институт ФИАН основан выдающимся физиком-оптиком и организатором науки академиком С.И. Вавиловым в 1934 году. ФИАН гордится достижениями своих ученых-лауреатов Нобелевской премии: это И.Е. Тамм, П.А. Черенков, И.М. Франк, Н.Г. Басов, А.М. Прохоров, А.Д. Сахаров, В.Л. Гинзбург. Практически во всех областях современной физики есть впечатляющий вклад сотрудников ФИАН. — *Прим. ред.*

ОСОБЕННАЯ ЖИЗНЬ ОБЫЧНОЙ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ, ИЛИ КАКУЮ ШКОЛУ МЫ ПОТЕРЯЛИ

Починкова Елена Анатольевна, 46 лет,
к.э.н., преподаватель экономических дисциплин
КубГУ, филиал в г. Новороссийске

Я родилась и выросла в СССР. В 1980 г. я пошла в первый класс восьмилетней школы №15 г. Новороссийска. Последующие восемь лет были самыми замечательными в жизни. Сегодня я преподаватель высшей школы, поэтому происходящее в образовании мне близко, понятно и очень значимо.

Это была небольшая школа, где каждый друг друга знал. Все ученики жили в одном районе, большинство родителей работали вместе. Это был промышленный район города. Рядом со школой находился цементный завод «Октябрь». Нас водили туда на экскурсии, и уже в младших классах мы знали, как производится цемент, знали историю завода. Мы занимались в кружках заводского клуба, ходили в библиотеку при заводе, еду для школьного буфета готовили в заводской столовой. В старших классах на базе завода для нас был организован учебно-производственный комбинат, где мы получали знания по основам профессий технолога цементного производства, химика-лаборанта и др. Так наша школьная жизнь была соединена с жизнью большого производства.

Наша школа находится на том месте, где в 1942 г. были остановлены немецкие войска. Она была построена после войны там, где проходила линия фронта и шли ожесточенные бои. Мы это знали. Рядом со школой находятся братские могилы, могилы героев, место героического подвига «Дзот сарайчик». В памятные даты: День Победы, 3 февраля — дата высадки десанта на Малую землю, 16 сентября — День освобождения города у нас в школе была торжественная линейка, классный час, встреча с ветеранами, возложение цветов. Мы впитали мысль, что мы на передовой, мы не можем отступать, как не отступили те, кто защищал эту землю.

Нам прививали мысль, что мы живем в мирное время, но помним подвиг защитников, и все, что мы делаем, должно быть достойно их памяти. И мы с сумасшедшим энтузиазмом собирали макулатуру и металлолом, сушили сено и лекарственные травы. Участвовали во всех мероприятиях и всегда хотели быть первыми. Нас неизменно отмечали грамотами в конкурсе агитбригад, конкурсе политической песни, городских соревнованиях по баскетболу, на городских и зональных предметных олимпиадах, конкурсах рисунков, городском туристическом слете. Мы участвовали в городских конкурсах бальных танцев, научившись танцевать у своих же одноклассников. Мы выпускали еженедельные стенгазеты, в которых гордились успехами и стыдили провинившихся. Мы старались перевыполнить нормы в летних трудовых лагерях. И даже школьные субботники несли с собой всеобщее веселье и восторг от полученного результата.

Наши учителя работали по принципу «кто же, если не я?». Они жили нами, а мы школой. Нам читали стихи и книги, которых не было в школьной программе. Мы учили песни, которые поем до сих пор. Каждый учитель стремился объяснять так, чтобы поняли все до единого. Тех, кто успевал быстрее, привлекали в помощь отстающим. И даже на каникулах учителя занимались нами. Водили нас в кино, планетарий, походы, на экскурсии. Став постарше, мы стали ездить в путешествия по городам нашей страны: Москва, Керчь, Минск, Брест, Ярославль, Тирасполь, Волгоград, Ленинград, Тула, Ростов Великий, Суздаль. И всегда это — экскурсии, всегда — живая история и повод для гордости за свою страну. Каждая поездка приносила море новых знаний и впечатлений.

После уроков мы почти всегда оставались в школе и готовились к предстоящим праздникам и конкурсам. Самыми яркими праздниками в нашей школе были «Золотая осень» и «Пятнадцать дружных». На праздник «Золотая осень», мы готовили рисунки, поделки из природных материалов, составляли композиции из даров осени. Завершался праздник «Осенним балом», на который каждый класс готовил номера самодеятельности.

Праздник «Пятнадцать дружных» проводился в декабре и был посвящен образованию СССР. Он длился неделю. Классы заранее выбирали союзные республики, которые будут представлять. Делали газеты, посвященные их истории и культуре. Нужно было приготовить национальные блюда и представить их на суд жюри. Завершалась неделя большим праздником, где каждый класс показывал номера, связанные с культурой республик: песни, танцы, постановки. Мы научились ценить национальную самобытность народов нашей страны.

Нас учили любить природу. Мы ходили в походы, где нам показывали те растения, которые мы изучали в учебнике, и те, которых там не было. Рядом со школой находится парк, посаженный после войны комсомольцами и носящий имя Ленинского комсомола. В этом парке нам показывали, как прекрасна осень и весна в природе. А если вдруг выпадал такой редкий на юге снег, то нам разрешали вместо уроков бежать на улицу и радоваться такому «чуду».

Весной в нашей школе проводили школьный турслет. После сокращенного учебного дня все ученики и учителя с рюкзаками шли в горы на огром-

ную поляну. Там проводились соревнования по спортивному ориентированию, знанию трав и минералов, умению готовить походную еду, ставить палатку, разводить костер, оказывать первую медицинскую помощь. Каждых класс разбивал стоянку, готовил походную еду. В заключение большой концерт с песнями под гитару, танцами и постановками.

Нас учили дружить, любить, уважать и заботиться друг о друге. Мы навещали болеющих одноклассников, приносили им домашнее задание и школьные новости. Мальчики носили девочкам портфели и учились подавать пальто. В день рождения именинник угощал весь класс чем-нибудь вкусным. На 23 февраля и 8 марта мы готовили подарки и концерт своим одноклассникам.

Мы жили в своей школе, но никогда не чувствовали себя изолированными. Мы постоянно общались с другими школами на различных мероприятиях, слетах, конкурсах, олимпиадах и соревнованиях. Мы писали письма ветеранам, поздравляли их с праздником. Каждую неделю у нас была политинформация, и мы знали о событиях в стране и мире. Мы собирали подписи в поддержку революционеров Южной Америки. Мы ощущали себя частью большого мира и считали, что живем в самой лучшей и передовой стране. У нас была мощная пионерская дружина и комсомольская организация. Ученики нашей школы неоднократно ездили в лагеря «Артек» и «Орленок», привозили и делились с нами традициями и песнями.

Мы до сих пор дружим. Многие выпускники нашей школы до сих пор занимают активную жизненную позицию. И все уверены, что из нашей школы выходили особенные люди. Спасибо за это нашим учителям. Тищенко Валентина Ивановна — наша первая учительница. Научила нас всему, что нужно нам до сих пор. Глоба (Черная) Нина Андреевна — наш первый классный руководитель. Она научила нас дружить, стремиться и делать, говорить по-английски и вести домашнее хозяйство. Велигоцкая Ольга Владимировна научила нас красоте русского языка, поэзии и тем эмоциональным переживаниям, которые несет литература. Пояркова Лилия Алексеевна научила нас считать в уме, аккуратности и точности математики. Велигоцкая Светлана Павловна воспитывала в нас строжайшую дисциплину, но всем до единого смогла объяснить законы физики. Николаева Наталья Семеновна внушила нам мысль, что в спорте для нас нет ограничений. Рембез Владимир Петрович учил нас истории, черчению и был нашим старшим другом, с которым можно было обсуждать любые вопросы мироздания, искусства и жизни вообще. Сысоева Лидия Николаевна была в годы войны малолетней узницей, преподавала физику и возилась с нами в школьном летнем лагере, фантастически рассказывала нам мифы Эллады и классическую французскую литературу. Но главное, чему все учителя стремились нас научить, была Человечность. Спасибо, дорогие, и низкий вам поклон!

ЗАТО У НАС БЫЛО ДЕТСТВО…

Баринова Светлана Викторовна, 38 лет,
победитель регионального этапа
Всероссийского конкурса «Учитель года — 2017»,
учитель русского языка и литературы,
Тульская область, Киреевский район

Почему-то в нашей стране популярно неодобрительное восприятие прошлого, переоценка ценностей, развенчивание «мифов».

Советское время в последние годы принято ругать. Из СМИ можно узнать о том, как насаждался социализм, душилась свобода слова, а следовательно, пресекалось и творчество. Будто у молодежи формировали стереотипное мышление. Воспитывали всесторонне развитые личности, а значит, не развитые, потому что всё развить в человеке невозможно. Учили по одной программе во всех школах: не давали возможности педагогу создать свою воспитательную систему, индивидуальную программу обучения ребенка.

Больно и страшно читать подобные высказывания человеку, родившемуся в СССР, а это большая часть населения современной России. Неужели нам жилось и училось настолько плохо? Были ли позитивные моменты в советском обществе? Можно ли найти людей, помнящих счастливое время в своем недавнем прошлом?

Я родилась в 1980 году. Когда СССР распался, мне исполнилось всего 11 лет. Много ли я знала о жизни в широком смысле этого слова?

Моя мама работала учителем в школе и пропадала там по целым дням. Она приходила уставшая, но довольная: свою работу очень любила. Вечерами проверяла тетради, готовилась к урокам. Однако на меня и старшего брата Диму в этом плотном графике всегда находилось время: в нашей семье было принято обсуждать, как прошел день, какие принес открытия.

Брат учился в политехническом институте и получал стипендию больше, чем бабушкина пенсия. Это было совершенно непонятно мне, а бабушкой воспринималось как должное: «Дима хорошо учится, за это его поощряет государство. Я же, хотя работала заведующей садиком и директором школы, считалась колхозницей, и пенсию должна получать, как все колхозники. На жизнь хватает — это самое главное». Да, на жизнь тогда хватало. Иждивенец в семье один — я. Правда, мама отказалась от алиментов, но была дача. А это свежий воздух, свои овощи и фрукты, веселые соседи.

Соседи — это огромная часть нашей советской счастливой жизни. Помню, что дверь в квартиру никогда не закрывалась на замок,

а на даче — вовсе не закрывалась, стояла распахнутая настежь, если позволяли погодные условия. В любой момент могли зайти соседи, чтобы попросить соль или хлеб, рассказать новости, поделиться радостью, посочувствовать горю. Когда пеклись пироги, то их ел весь подъезд. Арбузом угощали всех детей из дома.

Сейчас мы живем не так. Не только квартиры, но и подъезды запираем. Когда уезжаешь на несколько дней в гости, с большим трудом пристраиваешь ключ соседке снизу: вдруг труба потечет. Все чего-то боятся: наркоманы принесут заразу — за перила браться нельзя, бомжи испортят воздух — домофон должен быть всегда исправен, воры заберутся в квартиру — уходя, проверяй не только дверь, но и балкон.

В моем детстве было по-другому. Бабушке со спокойной душой оставляли не только своих внуков, но и соседских. Знали: все будут накормлены, присмотрены, развлечены. Бабушка устраивала конкурсы: кто быстрее прочитает, кто интереснее придумает окончание рассказа или сказки, кто аккуратнее справится с раскраской, кто лучше сделает рисунок. Не припомню ни одного случая, когда нас кормили бы насильно. Все ели сами и с аппетитом. То ли бабушка так вкусно готовила, то ли она правильно нас занимала? А, может, и то, и другое вместе?

Игрушки собирались со всего подъезда летом во двор, зимой — в одну квартиру. Летом играли в «Дочки-матери», «Казаки-разбойники», «Море волнуется раз», в «Салочки», «Прятки», «Лягушечки», «Резиночки». Зимой обязательно строили снежную крепость, катались на санках, лыжах, коньках. В поселке заливали три катка, а сейчас один, и тот полупустой. Мы все радовались воскресным походам на лыжах, а современные дети стараются не выходя из дома поиграть в компьютерные игры.

И у нас не все игры были подвижные. Вечерами играли в лото, шашки, домино, шахматы, собирали мозаику. Но больше всего у нас дома любили читать. «Читальный зал», — говорила соседка, когда приходила к нам, и нередко сама брала книжку почитать. Читали с удовольствием не только в нашей семье. Много читать было нормой. С одноклассниками обменивались книгами, делились впечатлениями. В библиотеке были любимые полки. Читательские дневники заводились в тетрадях не из 12 листов, а из 48, а если повезет купить, то и 96.

Вспоминаю навсегда ушедшее советское детство не только с удовольствием, но и с болью — болью учителя русского языка и литературы, пускающегося на всевозможные ухищрения, чтобы заставить учеников прочитать необходимый минимум книг. Определяю для детей ближайшие цели: контрольное сочинение — итоговое собеседование — ОГЭ по русскому языку — итоговое сочинение, ЕГЭ по русскому языку. Пытаюсь доказать детям и родителям, что невозможно пройти данные испытания, прочитав школьную программу в кратком изложении. Преследуя эти прагматичные цели, надеюсь сделать главное для любого

учителя и родителя — воспитать порядочного человека, гражданина и патриота. В современных реалиях это очень не просто.

А как воспитывали нас, рожденных в СССР? Единая воспитательная система работала практически без сбоев. В первом классе на линейке в честь праздника 7 ноября большую часть класса принимали в октябрята. Непринятые хулиганы стеснялись, переживали, даже плакали и, самое главное, пытались исправиться. Все хотели носить октябрятский значок — чувствовать себя частью целого. Это был мощный стимул самодисциплины.

Октябрята объединялись в звездочки. Звеньевой отвечал за учебу и поведение подопечных. Сложно? Да, но и интересно: помочь, подсказать и послушать о себе мнение окружающих. Если твоя звездочка не в отстающих, то чувствуешь, как растут крылья. Так с раннего детства формировались ответственность и «чувство локтя» — товарищество, о котором так много говорится сейчас.

Если одноклассник болел, ни у кого из родителей не возникало мысли о том, что проведать этого ребенка нельзя. Приходили и помогали «не отстать в школе». И почему-то не заболевали после такого похода.

Над ветеранами войны и труда брали шефство: ходили в магазин, убирались в доме, помогали на огороде. Поднимаясь по лестнице, брали сумку у пожилого человека — доносили до квартиры. В транспорте уступали место старшим. Считали это естественным. Ни о каком волонтерстве не слышали, но именно им и занимались.

Весной и осенью убирали пришкольную территорию, при этом еще и соревновались между классами. В современной школе перед проведением подобных мероприятий необходимо получить разрешение от родителей. И удивителен даже не сам факт оформления документов, а то, что не все родители считают возможным для своего ребенка заниматься общественно-полезным трудом. Вот и воспитывай патриотизм после этого.

Помню, как ездили на экскурсии всем классом. В начальной школе обычно посещали все музеи Тульской области. Поездки были доступны и малообеспеченным, и многодетным. Сейчас музеи для школьников бесплатны, а за услуги транспортной компании, гида, медицинской сестры необходимо платить. За пределы области без сопровождения ГАИ выезжать не рекомендуется. Школьный туризм постепенно сходит на нет.

Помню, как нас принимали в пионеры в краеведческом музее. Красивая пионерская форма, значки, галстук — символ Красного знамени — навсегда врезались в память. Думаю, многие пионеры (считаю, что бывших пионеров не бывает) и сейчас могут произнести торжественную клятву. Слова «горячо любить свою Родину» были не пустым звуком. Мы действительно любили Родину, поэтому любим ее до сих пор.

Так какое у нас было детство? Однозначно, счастливое. Для меня фраза «советское счастливое детство» не является речевым штампом.

ПЕРЕД НАМИ — ПРИМЕР ЖИВОЙ: ПЁТР ВАСИЛЬЕВИЧ ПОЛЯКОВ[1]

Гончаров Николай Павлович, 78 лет,
столяр-краснодеревщик, пенсионер,
г. Тула,
Гончарова Наталия Николаевна, 53 года,
канд. филол. н., доцент
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»,
г. Тула

Сидят: Галина Ивановна и Николай Павлович Гончаровы. Стоят: Пётр Васильевич и Ольга Тимофеевна Поляковы

Пётр Васильевич Поляков — Почётный гражданин Дубенского района Тульской области, участник Великой Отечественной войны — награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «Медалью Жукова», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». За учительский труд Петр Васильевич награжден медалями «За трудовую доблесть», «Ветеран труда», отмечен званиями «Заслуженный учитель школы РСФСР», «Отличник Министерства просвещения». П. В. Поляков — создатель первого в районе краеведческого музея. За большие достижения в туристско-поисковой работе Пётр Васильевич награжден памятной медалью «Дорогами отцов-героев», врученной ему лично маршалом И. С. Коневым.

Когда охватываешь мысленным взором биографию этого человека, приходит понимание, что вся эта жизнь — «учебное пособие» по сохранению в каждом человеческого достоинства, творческого начала, душевной щедрости в самых тяжелых, порой невыносимых условиях.

О жизни Петра Васильевича Полякова подробно рассказано его дочерью и внучкой в очерке «Семья и школа», опубликованном в четвертой книге поколений «Мы помним...». Однако существует и ещё одно, стихотворное жизнеописание, созданное его зятем Николаем Павловичем Гончаровым в 1982 году к шестидесятилетнему юбилею Петра Васильевича.

Петру Васильевичу Полякову,
любимому отцу и учителю

Беспорточное детство! Что там, в глубине?
Позабытых дорог перепутки.
Вспоминаю подспудно, как будто во сне,
Беззаботные эти минутки.

Всё бы помнить мне, да идут года.
Всё бы видеть, да мало охоты.
Очень жаль мне фотографов: иногда
Не получишь вовремя фото.

Жизнь и смерть. Они рядом идут.
Сердцем понял я ту аксиому:
С разницей в несколько дней и минут
Уносили родных из дома.

Трудный год! Голодовка, снега...
В год бескормицы и ненастья
Нас с братишкой к себе приняла
Разлюбезная тётка Настасья.

Повзрослел, возмужал и раздался в плечах
С деревенских харчей и работы,
Да красоты земные теснились в мечтах,
Как тропинок лесных повороты.

На подводе попутной с котомкой в руках
Прибыл к граду губернскому Туле.
Может, искру во мне разглядел старикан?
Факт. Учиться я начал. Меня не надули.

Кисть, палитру, мольберт я освоил легко.
Всё мне радостно было. Движенье
Человеческих рук и машины тепло
Во единое слились стремленье.

Перед вами студент, и скажу, не тая,
В медицине ни уха ни рыла...
Любопытство зовёт и — глотай не жуя,
Что учёба тебе приносила.

[1] *Гончарова Н. Н., Лунчева Л. П.* Семья и школа // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Сразу после войны / под. ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2017. С. 367– 376.

И вдруг гром среди ясного-ясного дня!
— Это что же? — Война! — Вот опять чертовщина!
«Шаг вперёд!» — вызывают по списку меня.
«Кругом марш!» — залезаю я в чрево машины.

А машина-то — танк, та, что мощью своей
Халхин-Гол и Хасан покорила.
Ленинградцев спасла. Киев пал перед ней,
А с «Дугой» нам Берлин приоткрыла.

Воевал — выживал и раненья имел,
Много раз в лазаретах валялся.
Но всегда надо мною луч света висел,
И живым я остаться поклялся.

Наконец я дождался победного дня!
Белобрыс и безус, неженатый...
И любовь, точно боль, охватила меня,
Как вернулся в родные пенаты.

И чужая беда стала ношей моей,
И родными жены стали дети...
Повзрослели, пошли по дороге своей,
За их счастье я тоже в ответе.

Моя дочь — моя радость, очей её цвет
На палитре когда-то увидел.
Я всем сердцем хочу, чтобы ранний рассвет
Ни её, ни семью не обидел.

И наладилась жизнь. Поступил в институт,
Хоть отстал и устал до безумья.
Дом построил. А дети растут.
Лишь для них, для семьи все раздумья.

Незаметно и дедушкой стать довелось
Не единожды. Ныне уж пять
Разновозрастных русых и темных волос —
Это ж дети мои опять!

Ну, а труд — это школа, большая семья!
Быть учителем — век в напряженье.
Мне завидуют, значит, счастлив я,
Значит, выиграл я сраженье.

И не там, где терял и здоровье, и кровь.
И не там, где прошёл обученье.
Я «заслуженным» стал — оценили вновь!
Значит, выиграл я сраженье!

Алым факелом гроздья рябины горят...
Георгинов расцвет в палисаднике...
Понял я, что не только для малых ребят
Красный цвет — жизнелюбья рассадинка.

***

Эта жизнь для ослабленных духом — предел,
Для оставшихся не у дел,
Для скорбящих, коптящих и нытиков,
Подлецов и скупцов «без винтиков».

Для живущих, творящих — расцвет!
Может, против кто? Да или нет?
Перед нами — пример живой:
Пётр Васильевич — молодой!

Быть ему молодым вовек!
Настоящий он человек,
Распахнуть настежь сердце готовый.
Он из будущего! Он новый!

Достойная память о П. В. Полякове — продолжение его дела. До сих пор сохранились рукописи его краеведческих исследований, явившиеся обобщением большой туристско-поисковой работы, проводимой им с учениками Дубенской средней школы, членами кружка «Юный географ», а позднее клуба «Родина» на протяжении нескольких десятилетий, с 1956 года.

Пётр Васильевич с учениками ходили в походы, изучали родной край, записывали воспоминания старожилов. Так появились знания о ремеслах на дубенской земле, быте людей, новые сведения об исторических личностях. Они бывали на местах древних городищ: Берёзовское, Супруты, Павшино (бывший город Спаш). Одними из первых «открыли» село Лужное, обратили внимание на тот факт, что это малая родина выдающегося мореплавателя, исследователя северо-западного побережья Северной Америки, северной части Тихого океана Алексея Ильича Чирикова.

Проводили кружковцы-краеведы акции «Обелиск»: находили могилы погибших в войну солдат, ухаживали за ними, посылали письма родным о месте захоронения их родственников. На всю жизнь остался в памяти учеников поход «По дорогам Великой Отечественной войны». Бывший лесник Андрей Семенович Храпков провел ребят по тому пути, которым он в ноябре 1941 года вывел из окружения нашу кавалерийскую дивизию. Об этом подвиге Петр Васильевич Поляков в соавторстве с тульской писательницей Марией Никитичной Казаковой написал рассказ «Лесная быль» [1, с. 236–254], позднее на собственные средства установил памятник А. С. Храпкову.

Воспитанники Петра Васильевича становились победителями областных соревнований, призерами двух Всесоюзных, трех республиканских соревнований. Собранные в походах материалы обрабатывались и пополняли коллекцию созданного П. В. Поляковым школьного музея, первого в Дубне. Будучи разносторонне одаренным человеком, Петр Васильевич писал картины, которыми оформлял музейную экспозицию: портреты знаменитых путешественников, карты Тульской области, исторические картины, пейзажи. По сей день действует школьный краеведческий музей, основанный П. В. Поляковым.

Богатейший опыт Петра Васильевича Полякова даёт прекрасную возможность возродить действенные, но незаслуженно забытые методы гражданско-патриотического воспитания: изучение архивных документов, проведение туристических походов и поездок по родному краю, записи воспоминаний очевидцев исторических событий — всего того, чем с любовью и самоотдачей занимался учитель Пётр Васильевич Поляков. Воссозданными туристическими маршрутами, которыми ходил Петр Васильевич со своими учениками, хорошо было бы провести нынешних школьников, открыв перед ними новые стороны нашей родной земли, её героической истории и многогранной культуры. Именно так, через изучение истории родного края, воспитывается истинная любовь к Родине и стремление беззаветного служения ей.

Литература

1. *Казакова М., Поляков П.* Лесная быль // Слово о подвиге. Литературно-художественный сборник. Книга вторая. — Тула: Приокское книжное издательство, 1985.

Я ИЗ ТУЛЬСКОГО ЗАРЕЧЬЯ[1]

Алешин Владимир Сергеевич, 73 года,
летчик, командир Тульского объединенного авиационного отряда (1987–1995),
директор Тульского аэропорта (1995–2001),
руководитель Клуба православных писателей «Родник»,
г. Тула

Пацан Вовка

Я хорошо помню себя маленьким — тульским пацаном из Заречья. Родился через девять месяцев после дня Победы. Наша семья жила в частном домике на улице Октябрьской. Недалеко от нашего дома находилась 52-я средняя школа. Пропадая целыми днями на улице, видел постоянно в небе военные самолёты. Они взлетали и садились на аэродроме Клоково, расположенном в трёх километрах от нашего дома. Встречал военных лётчиков, рассказывавших про закончившуюся недавно войну. Было интересно. Уже тогда я узнал, что в Клоково стоял авиационный полк, и на вооружении полка были самолёты Ли-2, Ил-12 и десантные планеры Ц-12. На этих планерах тогда осуществлялись тренировочные полёты для подготовки к грандиозному и секретному тогда перелёту со специальным грузом в район Северного полюса и оснащению там временного ледового аэродрома подскока. А в годы войны здесь, в Клоково, проходила обучение на Як-1 эскадрилья «Нормандия», которая позже получила имя «Нормандия — Неман».

На аэродром мы с пацанами бегали мимо школы, в которую нам предстояло скоро пойти учиться в первый класс. Мы видели на крыше двухэтажной школы установленную ещё во время войны специальную сирену, которая выдавала специальный сигнал тревоги для населения в случае опасной ситуации. Тогда многое ещё говорило о том, что недавно была война.

Быстро пролетело беззаботное дошкольное время, и я пошел в первый класс. Я узнал, что наш директор Мартынова Анна Петровна руководила школой и во время войны. За годы учёбы она не раз рассказывала нам о школьной жизни в то тяжкое время испытаний. А недавно некоторые из ее рассказов «ожили» в моей памяти благодаря ее мемуарам на сайте музея школы «По путям, дорогам фронтовым...» [1].

[1] Продолжение. См.: *Алешина И.А.* Два прадеда // Мы помним... Часть 2. Книга воспоминаний и размышлений поколений. — Тула: Аквариус, 2015. — С. 290–294.

Школьник Володя Алешин

22 июня 1941 года началась война. 1 сентября школа, как всегда, распахнула свои двери, начались занятия. Но после первой же воздушной тревоги ученики разбежались по домам и в школу не приходили. Город оказался на осадном положении. «Все учителя ежедневно ходили в райисполком и выполняли распоряжения Городского комитета обороны: разносили по домам талоны на хлеб, на уголь. Вечерами и ночами дежурили по месту жительства, следили за светомаскировкой, а когда объявлялась тревога, будили соседей, чтобы они уходили в бомбоубежища. В конце октября в Тулу прибыл Сибирский полк и «Катюши». После их первого удара услышали сильный взрыв и увидели большое пламя. Все очень переживали, думали, что взорвали ТОЗ. Пошли утром посмотреть, завод стоит. Тогда поняли, что это бьют наши.

Школа оказалась в третьем оборонительном участке Тулы. По данным архива Министерства обороны, по состоянию на 14 ноября 1941 г. в её здании располагался штаб 258-й стрелковой дивизии, позже ставшей 12-й гвардейской, а также госпиталь № 3038, находившийся под шефством завода «Красный Октябрь» [1].

Но встречу нового 1942 года детям организовали с елкой и подарками. А учителя тайком от ребят смахивали слезы…

8 января 1942 года 52-я школа заново начала функционировать. Учителям и ученикам пришлось приложить поистине титанические усилия, чтобы в условиях военного времени восстановить здание школы и вдохнуть в неё новую жизнь. В окнах классов не было стекол, электрические лампочки разбиты, канализация не работала, отопление тоже. Топить было нечем. Трубы заморожены.

Коллектив учителей школы был дружный, сплоченный. Вместе с родителями и учащимися организовали уборку школы. Кто-то из родителей принес лампочки, кто-то — куски фанеры, чтобы забить оконные рамы. В холоде начали учебу. Сидели одетыми, даже в варежках, так как мерзли руки.

Когда появилась возможность «получить дрова и уголь для отопления, всей школой ходили по Венёвской дороге и приносили по одному полену каждый, потом ходили за дровами на склад Ряжского вокзала, на склад около сахаро-рафинадного завода. За углем ездили с ребятами в мороз на открытой платформе на Гостеевскую шахту. Туда была проведена трамвайная линия. Сгружали уголь на улице Максима Горького около улицы Володарского (теперь Демидовская). Отсюда возили его на салазках в школу. Ночью учителям и ребятам приходилось караулить оставленный уголь, так как у жителей тоже не было топлива, и они брали, где только можно», — вспоминала Анна Петровна.

1941–1942 учебный год в школе № 52 закончился, как обычно, «последним звонком» 25 мая 1942 года. Успеваемость была хорошая — сказался призыв к учащимся «Каждая полученная пятерка — удар по фашистам!».

Последние три года войны были и холодными, и голодными, но все поддерживали друг друга, как могли. Ученики помнят, как среди урока открывалась в классе дверь, и дежурный учитель пересчитывал учеников, а потом выдавал им по пончику с вареньем. Это было дополнительным стимулом посещения школы. Все жили очень трудно, у многих уже погибли отцы на фронте.

Анна Петровна рассказывала нам и о послевоенной жизни нашей школы. Вокруг школы был пустырь. Очень большой вклад в благоустройство территории внесла биолог Аксенова Анна Николаевна. Под ее руководством родители и ребята выбрали много камней и кирпичей из почвы, добыли саженцы в Зеленстрое и периодически высаживали вокруг школы тополя, липы, под окнами — акацию. Создали опытный участок, где сажали фруктовые деревья, вишни, сливы, смородину, крыжовник, проводили всякие опыты, выращивали всевозможные овощи. Из зерен акации вырастили более двух тысяч кустарников и отдали в совхоз Архангельский.

Очень большая работа была проведена в Комсомольском парке. После осадного положения он был на грани гибели — деревьев осталось мало, множество окопов, стояли орудия. Ученики и учителя засыпали окопы, очистили от мусора весь парк, посадили деревья и цветы, за которыми ухаживали и в летнее время.

Я хорошо помню уже сам тот послевоенный период. Ходил по утрам в этот парк и в фуражку собирал грибы. Когда наступал вечер, то ходил смотреть, как на специальной площадке танцуют взрослые. Звучали вальсы, танго, фокстроты. Было очень интересно. Но чаще, проходя через парк, я пробирался через забор на территорию военного аэродрома. Там мне было особенно интересно смотреть за взлётами и посадками военных самолётов. Уже тогда в четвёртом классе я прочитал книгу «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого и узнал о военном лётчике-истребителе Алексее Маресьеве, который потеряв в воздушном бою обе ноги, уже на протезах вновь стал летать и сбивать фашистские самолёты. «Я буду лётчиком», — говорил я себе.

Прошло время. Уже в 9-м классе я поступил в тульский аэроклуб на планерное отделение. На самолётное не взяли по возрасту. Вспоминаю свой первый прыжок с парашютом и себя счастливым с загорелым лицом, пришедшим в тот морозный день в свой 9-й Б класс. Мне было, что рассказать своим школьным товарищам.

Помню и уже летнее время экзаменов на аттестат зрелости. Я первым тащил на всех экзаменах экзаменационный билет. Быстро готовился и отвечал.

Юноша Владимир Алешин

Сдав экзамен, я уже «летел» на аэродром «Мясново», чтобы на планере с помощью самолёта-буксировщика ЯК-12 подняться в небо и, отцепившись, парить под облаками. Это не забыть и не передать!

И вот теперь, когда прошли годы и я стал лётчиком первого класса, отлетал около 20 000 часов в воздухе, я часто вспоминаю двухэтажное здание своей 52-й школы в Зареченском районе на окраине г. Тулы, где проучился 11 лет (с 1953 по 1964 гг.). Теперь она под № 5.

3 февраля 2019 г. ходил на вечер встречи с выпускниками. Знал, что вряд ли увижу своих одноклассников и учителей. Но что-то потянуло, и я пошел. Вспоминая, медленно передвигался по коридорам школы и обошёл всё, что мог. Нахлынули воспоминания. Вот здесь я увидел себя в первом и втором классах. Звонок. Урок закончился. Перерыв. Я достаю из небольшого матерчатого мешочка мамин школьный завтрак — французскую булку, разрезанную вдоль пополам и намазанную сливочным маслом. Съедаю с аппетитом всё и сразу. А вот здесь, в конце коридора, стояла временная деревянная сцена. Здесь я увидел себя в третьем классе, читающим на сцене от автора сказку «Репка», а в это время мои друзья-одноклассники разыгрывали сюжет сказки. А вот в этом месте на втором этаже мы стояли на торжественной школьной линейке в одну шеренгу вдоль длинного коридора. Я слышу, как мы произносим вслух клятву пионера и нам, счастливым, повязывают красные галстуки. Вспомнил и увидел себя далее председателем совета пионерского отряда и барабанщиком пионерской дружины школы. А вот прошло два года, и я увидел себя на той же деревянной сцене в другом спектакле — «Павлик Морозов» в главной роли. И здесь же через ещё пару лет увидел себя уже комсомольцем. Я читаю со сцены:

…Мы строили — кирпич по кирпичу —
Свободную республику Советов
И шли к победе, веря Ильичу,
Святому слову ленинских заветов…

А вот здесь тот школьный спортзал, который сделали на первом этаже из двух смежных классов, углубив пол вниз метра на два. Заглянул и увидел себя в том времени — членом сборной команды школы по лёгкой атлетике. А здесь был школьный актовый зал. Его сделали тоже из двух смежных классов, разобрав кирпичную стенку.

Здесь — я уже в старших классах и уже секретарь комсомольской организации школы. Припомнился школьный диспут среди старшеклассников на тему «Что такое счастье?». Я — комсомольский вожак и отвечаю за всё. Как же затеять разговор? Как сделать так, чтобы мои товарищи сразу «завелись» и получился «горячий» разговор-диспут? К этому времени я уже спортсмен — планерист Тульского аэроклуба. Уже позади первый прыжок с парашютом и первый самостоятельный полёт в тульском небе на планере КАИ-12. А теперь все старшеклассники собрались в актовом зале, мне приходится выходить первым и начинать разговор. Вышел и… вру. Смело и уверенно заявляю, что для меня самое большое счастье — это получить пятёрку за мои знания и т. д. Услышав это, вознегодовала моя одноклассница Галка Хивинцева, вскочила и возмущённо заявила о своём несогласии. Затем она высказала своё понимание счастья, размышляя о любви и дружбе. И пошёл горячий разговор, спор, настоящий диспут. Всё тогда получилось. А я вечером возвращался домой счастливый — и от памятного первого парашютного прыжка, и от первого самостоятельного вылета на планере, и от получившегося школьного диспута.

Летчик Владимир Сергеевич Алешин

Иду дальше по коридору и подхожу к месту, где сегодня актовый зал школы. Он на том же месте, где был при нашем выпуске. Захожу и вижу всех нас в 1964 году на выпускном вечере. Мы — взволнованные, радостные и немного грустные. Нам вручают аттестаты зрелости, нам желают удачи и попутного ветра. Теперь очередь ответного слова от выпускников. Мне нужно снова выходить первому. Вышел. Жуткое волнение. Никогда такого не было. Благодарю всех и за всё. Благодарю за пожелание нам «попутного ветра», но уверенно добавляю, что, если будет встречный — мы и со встречным справимся. Потом были памятные записи друг другу в личные записные книжки, прощание, слёзы, танцы в школе и по пути домой в самом центре Зареченского моста под оркестр, который провожал нас, шествуя с нами уже по улицам города. Школьные годы завершились и ушли в прошлое навсегда. Прощай, школа. Мы остались с полученными знаниями и пошли дальше каждый своей дорогой. Я ещё не знал, что в скором времени «встречный ветер» будет испытывать меня сразу и очень серьёзно. Мне удалось всё-таки выдержать. Я достиг несмотря ни на что своей цели — стал профессиональным лётчиком. И всё это благодаря родителям и родной школе.

Литература и источники

1. Музей МОУ-СОШ № 52 «По путям, дорогам фронтовым…» URL: http://www.tulaschool.ru/default/museum/36/26/ (дата обращения 15.10.2019).

ЧУДО[1]

Шеверёв Геннадий Михайлович, 72 года,
солист Тульской областной филармонии,
Заслуженный артист РФ,
г. Тула

Семья Шеверёвых.
Гена стоит рядом с мамой
на табуретке

Скоро новый, 1958 год. У меня в кармане огромная сумма денег — 34 копейки. Я опускаю руку в карман и снова ощупываю монеты. Они разного размера и цвета. Они пахнут чужими жизнями, заботами, путешествиями. Но сейчас они собрались в маленькую кучку в углу моего кармана и от них исходит спокойное обещание дружбы.

Мне 8 лет. Этой осенью я с мамой и братом приехал к отцу в поселок Строитель Белгородской области, и новая жизнь меня немного пугает. Школа находится за лесом, идти надо долго, места неизвестные, люди незнакомые. И их очень много! Я привыкаю долго. Я недоверчив, необщителен, неуверен в себе. Моё заикание является естественной преградой общению, поэтому я завидую всем, для кого произносить слова ничего не стоит, и, следовательно, я завидую всем. Лес, тёмный и густой — рядом; он манит нас, мальчишек, особыми богатствами. В каждом окопе, если покопаться, можно найти патроны, автоматные ленты, снаряды. Здесь проходила знаменитая Курская дуга, некоторые называют её иначе — «Белгородско-Курская дуга».

Конечно, никакой «дуги» в природе не существовало — просто так назвали выступ, образовавшийся на линии фронта. Мы с упоением, не думая об опасности, чуть ли не ежедневно, роемся в окопах и траншеях; каждый надеется найти пистолет или автомат. Но никто ни разу не нашел исправного оружия, хотя искорёженные и ржавые винтовки, гнутые автоматы с дырками в стволах, залепленных землёй, мы находили, и немало. Много было касок — наших и немецких, фляжек, полуистлевших ремней и планшетов. Мы очень любили накопать патронов, пулеметных лент и снарядов и побросать их в костёр. Сами мы отбегали на приличное расстояние, заскакивали в окопы или становились за деревья — и ждали... Через некоторое время начиналась канонада, пулемётная трескотня — и пули со свистом летели над нами и вокруг нас...

А сейчас я иду по декабрьской слякоти в магазин. Иду за сладостями! Если учесть, что билет в кино стоит 5 копеек, то сумма в кармане весьма значительна, и я надеюсь купить и конфеты, и печенье, и даже маленькую шоколадку, которую видел у соседа по парте.

Вечереет. Прохожих немного. Я иду мимо одноэтажных финских домов, вдоль заборов из штакетника, минуя редкие столбы с лампочками, бросающими на грязную дорогу желтоватые полянки света... Внизу трудятся мои ноги, попеременно попадая в поле зрения, когда я опускаю голову... Шлёп, шлёп...

Вот и магазин. Следуя примеру тети, входящей передо мной, я сильно топаю, отряхивая сапоги, и вхожу в открытую дверь, которую тетя ещё не успевает закрыть. Она удивленно оглядывается, говорит мне с улыбкой: «О!» — и неожиданно пропускает вперёд. А глаза мои уже жадно бегают и пожирают магазинную роскошь и блеск, я вижу все сразу: и разноцветные конфеты в вазах, и булки с маком, и винтовые пирамидки шоколадок с серебряными торцами, большие подносы с мандаринами, лимонами, грушами, яблоками — а ноги уже несут меня по грязным опилкам, разбросанным по деревянному полу, — к прилавку, где громко и оживленно топчется, колышется очередь.

Становлюсь в хвост, тетя оказывается за мной, и медленно, медленно мы начинаем двигаться к продавщице... (очередь за счастьем...)

— Люди добрые, — вдруг слышу я за спиной, — давайте, может... это... пропустим пацана, ему еще уроки учить... А?

Все замолкают и начинают оборачиваться. Я вижу разные лица, обращённые ко мне: кто с улыбкой, кто равнодушно, а мужик в спецовке нагибается ко мне, обдает перегаром и сипло говорит:

— Ты за конфетами или за водкой, малый? — и перекрывая возгласы, довольно хохочет, нахлобучив между делом мне шапку на глаза.

Две женщины тянут меня вперед, отстраняют мужика, который добродушно огрызается, и подводят к прилавку, где прямо напротив себя я вижу тарелки железных весов с клювиками, а над ними доброе толстое лицо продавщицы в белом колпаке...

И тут вдруг я немею. Всё исчезает — и я вижу ЭТО... Я вижу что-то красивое, ослепительное, радостное. Над и за головой продавщицы на протянутом вдоль прилавка шнуре висят ёлочные украшения: серебряные и золотые зайчики из картона, желтые лимончики, рифленые искрящиеся шишечки, рубиновые шарики в серебряной фольге, всякие рыбки, белочки, мишки, ракеты и спутники, звёзды и луна...

---

[1] См. также: *Шеверев Г.М.* Мешок сухарей // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч.1 Тула: Аквариус, 2015. С. 405–409; Шеверев Г. М. Маэстро Борис Беляев // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколени. Ч. 1 Тула: Аквариус, 2015. С. 526–530.

Но красивее всего — даже невозможно и сравнивать! — вот эти таинственные стеклянно-серебряно-золотые шары, опутанные, оплетённые тоненькими серебряными трубочками — эти волшебные сооружения, напоминающие маленькие люстры, сверкающие, сияющие, блистающие... Пропуск в красивую сказку. Обещание исполнения тайных надежд. Символ причастности к новой жизни — манящей и непонятной...

...И уже через две минуты я, улыбаясь от шуток, выхожу на тёмную улицу, держа в руках ёлочную игрушку. Иванушка в незабвенной сказке Ершова, наверно, меньше трепетал, храня в шапке перо жар-птицы и летя на коньке в свой град-столицу.

Я тогда благополучно донес свое чудо до дому, истратив на него 28 копеек. Конфет, разумеется, никаких не купил, на шоколадку тоже не хватило.

Я благополучно донес игрушку. Ёлки дома, конечно, не было. Я повесил чудо на стенку, на гвоздь под рамой с фотографиями, и каждый день, едва проснувшись, любовался им.

Так чудо провисело очень долго, запылилось, стало незаметным и уже не радовало и не предвещало ничего, ну, а потом непонятно, почему — упало, часть трубок раскололась...

Впрочем, было это уже в марте, а в апреле случилось и настоящее горе... Меня не приняли в пионеры. Не потому, чтобы я был недостоин или плохо успевал, или замечен был в хулиганстве — нет, просто мне единственному в классе родители не купили галстук. Забыли купить. Но это уже другая история.

P.S.

Заслуженный артист России Г. Шеверев. 1975 г.

Прошло много лет, и мальчик Гена стал Заслуженным артистом России. Но вера в чудо не покидает его всю жизнь. Уже то, что Геннадий Шеверёв стал певцом, сам он считает чудом, т. к. ни семья, ни условия жизни, ни воспитание не предвещали артистической карьеры. После школы он поступил на исторический факультет Харьковского университета. Потом армия, поступление на подготовительное отделение Харьковской консерватории... Всю жизнь он мечтал попасть в Италию, колыбель музыкального искусства, страну певцов, подарившую миру оперу, а также в США, которые с детства считал другой «планетой». Побывал и там, и там — и это тоже было для него чудо! А последние 10 лет в Новый год он дарит чудо тульским детям, с удовольствием погружаясь в сказочную роль Деда Мороза.

Редактор

МЫ — ПОКОЛЕНИЕ ПЯТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ[1]

Бардина Ирина Николаевна, 68 лет,
пенсионерка, бывший преподаватель
ГПОУ ТО «Тульский экономический колледж»,
Тульская область, г. Щекино

Мой папа Николай Трофимович Седов прошел всю войну с 1941 по 1945 год. Мама Лидия Сергеевна Седова (урожд. Кочукова) работала на военном заводе, награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После окончания войны отец продолжал службу в Германии; сохранилась его переписка с мамой в этот период. После войны мама исполнила свою мечту — стала учителем математики и была направлена по распределению в Воловский район Тульской области. С ней поехала моя бабушка Татьяна Степановна Кочукова. В 1937 году она и ее муж Сергей Михайлович Кочуков были арестованы как враги народа по 58-й статье. Дедушку расстреляли, а бабушка получила по 58-й статье 8 лет как японская шпионка (это она, воспитательница детского сада, которая в жизни ни одного японца не видела?!). После разоблачения культа личности Сталина и она, и дедушка были реабилитированы.

В селе, где находилась мамина школа, учителям жилось голодно. Выручала бабушкина швейная машинка. Бабушка умела отлично шить и перешивать одежду. Жители расплачивались продуктами, поэтому маме с бабушкой почти не пришлось голодать.

В 1950 году отец демобилизовался. Мама и папа поженились. Папа работал инструктором горкома комсомола, а затем секретарем горкома партии в городе Щекино, мама преподавала математику в городской школе. Бабушка жила с нами. Папе выделили две комнаты в коммунальной квартире, в которых была в основном самодельная мебель.

Моим самым любимым местом в квартире был уголок, в котором висело радио — черная тарелка с кнопкой. Программа была одна. Я очень любила слушать детскую передачу «Угадай-ка». Мне нравилось отгадывать загадки в этой передаче и посылать рисунки с отгадками. Ещё у нас был патефон и несколько пластинок. Мне очень нравилось слушать «Катюшу» и песни Руслановой. Папа заводил обычно патефон в выходные и праздничные дни, и взрослые танцевали под музыку.

У соседа по квартире, дяди Саши, была необыкновенная вещь — радиоприемник. Иногда он разрешал мне и моей подружке зайти в гости

---

[1] Продолжение. См.: *Бардина И.Н.* Мои родители в годы Великой Отечественной войны // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. / Под ред. Ю. М. Осипов, Л. И. Ростовцева. — Тула: Гриф и К, 2010. — С. 258–259.

и послушать передачи. Мы восхищались, когда он крутил ручки настройки и ловил передачи не только на русском языке, но и на неизвестных нам языках.

Следы войны были видны в нашем городе везде. Немецкая оккупация в Щекино длилась три месяца. В лесочке, недалеко от нашего дома, вдоль дороги, ведущей на шахты, были вырыты окопы, мальчишки любили играть там в войну и часто находили патроны и гильзы. На улицах нередко можно было встретить инвалидов. Безногие ездили на деревянных тележках, отталкиваясь деревянными брусками от земли. У некоторых были инвалидные коляски и даже машины для инвалидов.

Папа и мама приходили с работы поздно. Мамина школа работала в две смены. В классах было по 40–45 человек. Мама любила свою профессию, могла найти контакт с любым учеником. Очень дружным был класс выпуска 1965 года, в котором мама была классным руководителем. До настоящего времени в начале июля каждого года организуется встреча учеников этого класса. Приезжают бывшие ученики из Москвы, Подмосковья, Пскова, Краснодара, Тулы и Тульской области. С этим классом мама много раз ходила в походы, ездила на черноморское побережье Кавказа на работу в совхозы. В совхозах ребята собирали и пололи ранние овощи, собирали фрукты. Жили в палаточном лагере, сами готовили еду и, конечно, купались в море. На память осталось много фотографий. К пятидесятилетию окончания школы выпускники сняли фильм, в котором много кадров посвящено моей маме. Мама умерла в 2012 году, и в последний путь её провожало очень много бывших учеников.

Конец 1950-х и 1960-е годы для меня связаны со школой. Класс был большой — 43 человека, дружный. Запомнился 1961 год — полет Гагарина в космос. Встречу космонавта в Москве должны были показывать по телевидению. В классе только у четверых учеников были телевизоры. Ребята распределились на четыре группы, чтобы каждый мог увидеть Юрия Гагарина. У нас в классе было два мальчика по имени Юра. Как они гордились, что являются тезками самого Гагарина!

Школьная жизнь протекала у меня, как и у всех учеников того времени: первый и второй класс — октябрята (с гордостью носили на груди звездочки с изображением Ленина в отроческом возрасте), третий класс — торжественное вступление в ряды пионеров. Нас принимали в пионеры на площади Ленина города Щекино. Пионерская форма — черная или синяя юбка и белая блузка. Мы произносили пионерскую клятву, и старшие ребята повязывали нам на шею красные пионерские галстуки. В каждом классе был пионерский отряд, который делился на звенья. Между звеньями шли соревнования за успеваемость. В классе на стене висел плакат с изображением ракеты, автомобиля и черепахи. Номер каждого звена по итогам учебы размещался на каком-либо изображении. Все ребята очень переживали, когда звено попадало на спину черепахи, и ругали нерадивого ученика, из-за которого снизилась успеваемость.

Устраивались соревнования между отрядами по сбору макулатуры, металлолома, желудей. 7 ноября и 1 мая мы участвовали в демонстрации на площади Ленина. Впереди нашей колонны несли плакат с номером школы. Старшие ребята шли с большими красными флагами. Младшие школьники несли маленькие флажки, воздушные шарики. Заблаговременно, чтобы к Первому мая распустились березовые листочки, в классе учительница ставила в ведро с водой ветки березы. К празднику распускались листочки, к веткам привязывали шары, разноцветные бантики. С такими веточками мы шли на праздник Первомая на демонстрацию.

В каждой школе была пионервожатая. Она проводила пионерские сборы, соревнования, определяла лучших пионеров для поездки в Артек, организовывала переписку со школьниками из социалистических стран. Я переписывалась с девочкой из Болгарии.

Учились мы 10 лет. Десятый класс был выпускной. Некоторые ребята уходили в техникумы или профессионально-технические училища после восьмого класса. Экзамены в восьмом и десятом классе сдавали письменно и устно. Подготовка в школе была хорошая. Я поступила в Тульский политехнический институт без дополнительной подготовки, только на базе знаний, полученных в школе.

Группа наша была очень дружной. На каникулах часто ездили в поездки. Запомнились поездки в Ленинград, Одессу, туристические поезда с посещением городов-героев, путешествие на туристическом теплоходе по Волге, лыжный поход по туристическому маршруту в Карпатах, лыжный поход из турбазы «Алексин-Бор» в Калугу.

Окончила институт я по специальности «Прикладная математика» в 1974 году. Это был первый выпуск программистов, поэтому распределяли нас в основном в Тулу и Тульскую область. Попала в проектный институт, в отдел автоматизированных систем управления. Очень хороший был коллектив — в основном молодёжь. Я очень любила свою работу: мне нравилось составлять программы, строить блок-схемы, ездить в командировки на предприятия и в организации с целью внедрения проектов.

Я получила должность старшего инженера, повышение зарплаты, но все-таки перешла на работу в Тульский экономический колледж преподавателем программирования (так как работа была рядом с домом). В колледже я проработала 39 лет. Работа мне нравилась. Многие мои студенты неоднократно занимали призовые места на региональных олимпиадах по программированию. Многие выпускники, работая по специальности, занимают руководящие должности.

Сейчас я на пенсии, воспитываю внуков и правнучку, рассказываю о военных и трудовых подвигах прадедушки и прабабушки. Каждый год 9 мая наша семья с портретами дедушки и бабушки идет в рядах Бессмертного полка. В нашей семье хранятся фотографии, письма, медали моих родителей, и я думаю, что память об их жизни, подвигах надолго останется в памяти потомков.

ЖИЛИ КАК ОДНА СЕМЬЯ[1]

Алтунина Людмила Дмитриевна, 65 лет,
член Союза журналистов,
член Академии российской литературы,
зав. отделом литературоведения и
публицистики альманаха «Ковчег»,
г. Тула

В шестидесятых — семидесятых — восьмидесятых годах минувшего столетия большинство советских людей искренне верили в то, что все люди — братья (во всяком случае, в нашей-то стране уж точно). Я — метиска, родившаяся и выросшая в Горном Алтае (отец — алтаец, мать — русская), всегда была окружена представителями разных национальностей. Все мои школьные подруги — русские, я отношусь к ним как к сестрам, до сих пор мы поддерживаем тесные связи.

В университете — а училась я в Поволжье, в Казанском госуниверситете — друзья, сокурсники, преподаватели тоже были разных национальностей. И все мы жили дружно, как одна семья. Это, пожалуй, самое ценное, что объединяло всех советских людей — крепкая дружба между людьми разных национальностей, представителями пятнадцати союзных республик, входивших в состав бывшего СССР.

А Украину-то вообще воспринимали как сестру родную, её народ — как истинных братьев. Тогда и подумать не могли мы, и в страшном сне не могло присниться то, что ныне происходит там. У меня остались самые светлые и милые сердцу воспоминания о моих поездках во время студенческих каникул туда к брату, который служил в городе Прилуки после окончания военного лётного училища. Как тепло нас принимали на украинской земле! Как замечательно мы гуляли по прекрасному Киеву и знаменитому Крещатику!

В Казанском университете я дружила со Светланой-одесситкой, тоже учившейся на журфаке...

Почему в своё время я, сибирская школьница, выбрала именно Казанский госуниверситет, и сама не знаю, наверное, интуиция, провидение подсказали и, как оказалось, не подвели меня. Когда я училась в десятом классе Майминской средней школы № 1, что находится в Горном Алтае, нас, успешных учеников, повезли на зимние каникулы в Москву. Побывать в столице нашей Родины — в самой Москве! О таком мечтал каждый школьник! Мы выходили из поезда на многих остановках: Барнаул, Омск, Тюмень, Свердловск, Казань... Вот именно — Казань! Едва я ступила на её заснеженную землю в те предновогодние дни конца 1968 года, сердце моё ёкнуло и учащенно забилось: вмиг влюбилась в этот город, хотя видела его впервые и то с перрона вокзала. Впоследствии узнала, что мой прадед по материнской линии, Сазон Пупышев, был родом откуда-то оттуда, из казанских мест. Возможно, во мне заговорила генная память. «Окончу школу и непременно приеду сюда учиться на журналиста, в Казанский госуниверситет», — решила я тотчас. Так и сделала.

Спустя полгода в середине жаркого июля 1969 года приехала в Казань поступать в университет. В городе — ни родных, ни близких, ни знакомых.

Приехала в субботу, к вечеру. Когда нашла университет, он уже закрывался, поэтому оформлять меня в общежитие было некому. Предстояло ждать до понедельника. Гостиницу посчитала дороговатым удовольствием и решила коротать две ночи на вокзале.

Погуляла, пока было светло, по городу — красив! Особенно очаровали старинный кремль с дозорной наклонной, «падающей» башней Сююмбике, овеянной легендой о любви, набережная реки Казанки, площадь с памятником татарскому поэту-патриоту Мусе Джалилю, замученному в фашистских застенках, уютные улочки с домами старинной архитектуры.

А переночевать устроилась в вокзальном кресле. Чтобы скоротать время, стала писать письма — родителям, брату, сестре, школьным подругам. Почти до утра, пока рядом со мной не остановились студенты-стройотрядовцы: двое парней и симпатичная девушка. Познакомились. До сих пор помню их имена — Рашид, Ренат и Мадина. Все они были родом, как оказалось, из сельской глубинки Татарстана и учились в сельскохозяйственном институте. Узнав о моей ситуации, они пригласили меня к себе. Так я впервые оказалась в студенческом общежитии. Оно находилось в красивейшем месте, на берегу большого озера Кабан.

Мадина предоставила мне одну из трёх свободных кроватей в комнате, где она жила. Раздобыла где-то чистое белье. Еду, узнав обо мне, один за другим несли, похоже, все немногочисленные студенты, находившиеся в это летнее время в общежитии. Весёлого, жизнерадостного народа разных национальностей собралась полная комната: расспросы, рассказы о студенческом житье-бытье, шутки, смех. О таком гостеприимстве я и не мечтала!

Когда я поспала, ребята повели меня угощать в студенческую столовую, затем — купаться на озеро Кабан и бродить по окрестностям. До позднего вечера гуляли мы по старинной Казани, о которой раньше

---

[1] Продолжение. См.: *Алтунина Л.Д.* Без вести пропавшие // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2012. С. 416–424; *Алтунина Л.Д.* «Сибиряки идут!..» // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. С. 535–547; *Алтунина Л.Д.* После войны // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Сразу после войны / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2017. С. 535–545.

я только в книгах читала. Так приветливо встретил меня город, где суждено мне было обрести на всю жизнь друзей, профессию журналиста и замечательного мужа.

Со студенческой группой мне тоже повезло. Наша 415-я группа оказалась удивительной, экспериментальной: все — личности яркие, стремящиеся максимально себя проявить. Двадцать пять человек, половина из которых — на татарском отделении. И мы все — русские, татары, удмурты, чуваши, башкиры, мордва, евреи, поволжские немцы — дружили между собой. Моими близкими друзьями стали татары: Нафиса Сафина, Хазбулат Шамсутдинов, Султан Салимзянов, Нияз Акмалов, Рашад Мифтахов, а также русские: Наташа Белогорцева, Татьяна Саломатина, Татьяна Воскресенская, Елена Чернобровкина, Вася Беспалов. На старших курсах Хазбулат Шамсутдинов и Татьяна Саломатина поженились. Таня приехала с Урала, Хазбулат — из Татарии. Их любовь вспыхнула с первого взгляда, с первой вечеринки группы. Сейчас чета Шамсутдиновых — известная в Казани. Они — владельцы самой популярной в городе газеты «Вечерняя Казань», правая их рука в делах — Нафиса Сафина. Она ответственная, пунктуальная, энергичная, преданная, все эти годы рядом и в работе, в редакции «Вечерки», и по-прежнему в дружбе.

...Моя комната в общежитии вообще представляла собой интернационал: татарка Роза, башкирка Фарида, чувашка Валя и я — наполовину русская, наполовину алтайка. И такое — в каждой комнате. Все очень разные, но очень дружные между собой.

Однажды, ещё будучи не замужем, я сильно заболела ангиной. Меня ежедневно навещал математик-мордвин Женя Раков — большой любитель танцев, с которым мы «выделывали коленца» на студенческих дискотеках, танцуя шейк, и упоенно вальсировали. Сидя возле моей кровати в общежитии, он читал мне вслух «Маленького принца» Экзюпери. Слова о том, что мы в ответе за тех, кого приручили, Женя произнес с особой интонацией и, многозначительно посмотрев на меня, взял мою ладонь и нежно приложил её к своим губам. Но для меня он был только партнёром по танцам. Я мгновенно отдернула и спрятала руку под одеяло, недовольно нахмурив брови. Он смутился, густо покраснев, и сказал тихо: «Я всё понял, извини...», но просто, по-товарищески, продолжал приходить и читать Экзюпери, чтобы в одиночестве мне не было скучно. «Хандра и уныние, — шутил он, — не способствуют здоровью, а вот хорошая книга и танцы — да!».

Студенты разных факультетов, курсов, специальностей и национальностей нашего университета дружно, весело работали по осени в колхозах на уборке урожая; на летних каникулах трудились на стройках страны, в том числе на таких ударных, гремевших на весь тогдашний Союз, как БАМ и КАМАЗ, — в составе стройотрядов.

Мы дружили со студентами и других казанских вузов — авиационного, медицинского, химико-технологического, финансово-экономического, педагогического — и, конечно же, это были парни и девушки самых разных национальностей, но как мы дружили! И сколько находили интересных совместных дел и занятий! На базе Казанского авиационного института (КАИ) сообща выпускали межвузовскую газету «Самолёт»; устраивали вечера отдыха и ходили с палатками в походы на реку Илеть, что в Мордовии (ныне республика Марий Эл). Места там дивные! Природа — чудо! И лес, и крутой берег, и плёсы, и отличная рыбалка. Сколько было смеха, шуток, песен под гитару у костра, забавных приключений! До сих пор приятно вспомнить.

...Во время летней сессии после второго курса неожиданно пришла от папы телеграмма, что моя мама при смерти. Мне срочно нужно было лететь в Горно-Алтайск за три тысячи километров, а денег на авиабилет не хватало (их, как известно, всегда не хватает студентам). Деньги на билет, как потом выяснилось, собирали чуть ли не всем общежитием. Мои подруги по собственной инициативе прошли по комнатам, рассказали о случившемся, и все дружно откликнулись, отдавая, кто сколько может, а то и последнее. Каждый, видимо, примерил мою беду на себя, ведь вдали от родного дома начинаешь острее любить, ценить и родительский дом, и отца с матерью, чаще их вспоминать. Мы постоянно говорили о своих родителях с огромной любовью.

Девчонки, видимо, стараясь хоть как-то смягчить моё горе, несли подарки, собирая меня в дорогу, кто что мог. Одесситка Светлана Торшина, учившаяся старше нас двумя курсами, кстати, в одной группе с Владиком Фрониным — сегодняшним главным редактором «Российской газеты», вручила мне коротенькую, чёрную, из лаковой кожи юбку и пепельный, в крупных завитушках парик — писк тогдашней моды, мечта каждой форсуньи. Достать в то время все эти вещи было далеко не просто. Светлана купила их во время зимних каникул на одесской барахолке, где, как известно, приобрести можно было всё даже в то дефицитное время, и горделиво щеголяла в них на зависть модницам, но не пожалела подарить всё это мне. Юбка та великолепно подходила к моим лаковым сапогам-чулкам на высокой платформе. Парик тот, кстати, до сих пор у меня цел: храню как память. Башкирка Фарида, с которой мы жили в одной комнате, порывалась подарить мне свою белую пуховую косынку (но я платки не носила, да и у неё она была единственная). Рафис Абзалов принёс мне томик стихов его любимого татарского поэта Мусы Джалиля; Толгат Минибаев — царствие ему Небесное — листок со своими рукописными стихами на татарском языке с русским переводом.

Когда после смерти мамы я вернулась в университет, с каким участием и тактом, без лишних слов и расспросов разделили они со мной горечь моей невосполнимой утраты. Не знаю, как бы без всех них я пе-

режила смерть самого дорогого на свете человека, ведь мне тогда казалось, что с уходом мамы жизнь для меня остановится. И разве я могу предать забвению все эти мгновения, распахнутые сердца и дружеские руки, протянутые мне в самые чёрные для меня дни ровесниками самых разных национальностей!

В студенческой среде я встретила своего мужа Вячеслава Алтунина. Он был в университете известной, этакой харизматической личностью. Утончённый в своих литературных пристрастиях, весьма избирательный в выборе знакомств и друзей, с точёным профилем, с тонкими длинными, нервными пальцами, задумчивый, погруженный в себя, писал стихи — «Байрон», одним словом. Он возглавлял университетское научно-литературное общество «Лаокоон», выступал со своими стихами, а также со стихами любимых зарубежных поэтов и поэтов Серебряного века на факультетских и университетских вечерах, публиковался в газетах. Мог часами читать наизусть всего шекспировского «Гамлета», Петрарку, других поэтов, длиннющие отрывки из Булгакова, Бунина, Гоголя, Льва Толстого, Достоевского; мог ответить на любой вопрос, касающийся литературы и её истории. Слыл ходячей энциклопедией.

И все это нам дали наши замечательные преподаватели — тоже люди разных национальностей, многих из которых уже нет в живых: заведующий кафедрой журналистики Ф. А. Агзамов, наш куратор группы М. С. Савельева, М. Н. Шамилов, Т. С. Карлова, К. К. Петров, К. Н. Куранов, Р. М. Нуруллина, Д. Г. Акчурин, Л. М. Пивоварова, А. А. Роот, Ю. И. Фролов и другие.

Пройдя большую часть жизненного пути, могу сказать, что на этой любимой планете Земля есть у меня три дорогих сердцу места: моя малая родина Горный Алтай, Казань и Тула, даже больше — Средняя полоса России, где живу уже сорок лет. Здесь родились, выросли и получили высшее образование трое моих детей, появились внуки. Осознание этого наполняет душу радостью.

Мне очень повезло, что почти всю свою жизнь я связана с высшей школой, со студенчеством. После Казанского государственного университета судьба подарила счастье тридцать шесть лет проработать в Тульском государственном университете. И здесь я нашла похожую картину: вуз был, есть и, уверена, всегда будет интернациональным. Здесь — тоже студенты разных национальностей, не только россияне, но и из дальнего и ближнего зарубежья. Студенты, преподаватели, сотрудники и здесь, в Туле, как и в Казани — люди самых разных национальностей, но нет ни распрей, ни вражды, а есть взаимопонимание и взаимопомощь.

Как это здорово, ведь все люди — дети Бога!

«В ТулГУ — ЧАСТЬ МОЕЙ ДУШИ»

Шафран Яков Наумович, 66 лет,
зам. гл. редактора ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»,
гл. редактор альманаха «Ковчег»,
член Российского союза писателей и Академии российской литературы,
г. Тула

Первый корпус ТулПИ

Отзвучал последний вальс на выпускном балу в далёком 1967-м, улеглись эмоции и началась кропотливая подготовка к вступительным экзаменам в Тульский политехнический институт (ныне Тульский государственный университет, ТулГУ). И как ни тяжела была экзаменационная пора, испытания в памяти остались как праздник.

Я поставил себе цель поступить в институт и превысил необходимую планку, набрав баллов больше необходимого. До сих пор очень ярко помню тот день, когда на общем итоговом собрании абитуриентов были объявлены результаты экзаменов. Радость, счастье, открывшаяся перспектива, самоуважение... Чувство победителя, любовь к жизни и к людям — всё это наполняло меня изнутри и изливалось вовне на окружающих — знакомых и незнакомых людей.

Передо мной открылся совершенно новый мир — фундаментальные, внушающие уже своим видом уважение корпуса, большие лектории, солидные преподаватели, новые предметы. Вокруг и во всём чувствовалась энергия созидания, которая, входя в резонанс с молодой энергией студенчества, обещала будущие достижения, новые победы и успех в жизни.

И я понял, что закончилось отрочество, закончилась прошлая жизнь и начался новый её этап. Не случайно самой первой лекцией была лекция по начертательной геометрии. Это было очень символично, ибо, только правильно начертав, можно создать правильный проект — в том числе и жизни...

После нескольких первых дней занятий нас, как тогда было принято, послали в колхоз скирдовать сено. Вот где мы все быстро сдружились

Яков Шафран на колхозном поле

и узнали друг друга. В совместном труде мы получили первую жизненную закалку...

Когда я вернулся из колхоза, мать устроила мне встречу с профессором Серафимом Ивановичем Лашневым. Оказывается, до войны мамина семья жила в одной коммунальной квартире с семьёй Лашневых, и девочки-подростки любили общаться со студентом — добрым, умным и много знающим молодым человеком, от которого много переняли, так как росли без отца. Серафим относился к ним как к равным, и это им очень нравилось.

Во время учёбы в институте я ещё раз встретился с Серафимом Ивановичем и имел с ним разговор. Обе эти беседы оказали на меня, на моё формирование очень большое влияние.

На механико-технологическом факультете я проучился год. Летом во время трудовой практики познакомился с ребятами со специальности «Двигатели летательных аппаратов» машиностроительного факультета. Вдохновленный будущностью, которую давала эта специальность, я перешел на нее.

На первых двух курсах более всего запомнились преподаватели начертательной геометрии, физики и математики, которые заложили основы будущих знаний. Помню, какую радость испытал на последнем экзамене во втором семестре 2-го курса, когда получил очередную пятёрку. Отличные оценки давали право на повышенную стипендию, и я добился её. Она стала хорошей помощью родителям, так как в семье нашей было ещё двое детей моложе меня. А родители получали мало.

Успех дал мне почувствовать не только радость победы, но и то, что всего можно добиться, нужно только захотеть.

На третьем курсе мы стали изучать специальные дисциплины. И первые шаги в этом нам помогали делать запомнившиеся на всю жизнь Рэм Александрович Зеленин и Павм Николаевич Марков.

Следует сказать и о военной кафедре, занятия на которой проходили один полный учебный день в неделю. Они приучили нас к дисциплине, аккуратности, пробудили чувство причастности к силе страны, к её ракетному щиту. Именно там мы всё увидели в действии — каждый клапан, каждый элерон, каждое реле. Мы изучили работу этой техники и научились оперативно действовать, поняли, что любое действие обречено на успех, если есть заранее отработанный план.

У нас на специальности в двух группах учились четыре девушки среди примерно сорока ребят. Вот где была школа уважения, внимания, такта и заботы. Помню также, каким примером во многом были для

меня мои сокурсники: Борис Чигарёв, Александр Кузнецов, Вячеслав Морозов, Сергей Хвалин, Игорь Савин, Александр Конов, Виктор Милованов, Валерий Дунаев и др.

Присяга на военных сборах после 4 курса

Всегда буду помнить преподавателей института, повлиявших на моё формирование как инженера, так и человека. Особо благодарен навсегда оставшимся в памяти профессорам Леониду Александровичу Толоконникову, Нине Петровне Юрмановой, Михаилу Алексеевичу Мамонтову и Марселию Петровичу Кузьмину. Образование, полученное благодаря им и другим преподавателям, было высоким по своему уровню, поэтому стало хорошей основой для работы и дальнейших специализаций в различных сферах деятельности.

Настоящий преподаватель, где бы он ни работал — в школе или в ВУЗе, — кроме обучения предмету образует и души своих учеников. И я до сих пор помню и ценю такие уроки. Помню, с какой любовью Константин Константинович Коркин, читая лекции по «Конструкции кранов и подъёмных машин», рассказывал о каждой гайке и каждом болте, как о живых существах. Его лекции были поэмами, и они так свежи в сердце, как будто всё это было вчера. А М.А. Мамонтов постоянно перемежал «Теорию жидкостей и газов» притчами, юмором и воспоминаниями. Он всегда держал себя с нами, как с равными, был добр и снисходителен. Он пользовался огромным авторитетом и вызывал глубокое чувство уважения к себе. Заведующий кафедрой «Двигатели летательных аппаратов» М.П. Кузьмин никогда не создавал непреодолимой дистанции между собой и студентами и всегда был готов поделиться знаниями, жизненным опытом, всегда был добр, ровен в общении и внимателен к студентам.

Эти Преподаватели (именно с большой буквы) знали главное — вначале нужно воспитать душу студента, а потом уже в ухоженную почву сажать семена профессиональных знаний.

Всё это неоднократно вспоминаю, когда прохожу по территории Университетского городка или проезжаю мимо. А городок этот большой, это город в городе. Каждый корпус вызывает ностальгию по тому доброму студенческому времени, по тем незабываемым годам жизни. О каждом из них можно написать своё особое эссе, ибо они все, как и люди, разные, каждый имеет свою душу. До сих пор захожу иногда в тот или иной корпус и испытываю чувство радости в родных стенах. Но особенно мне дорог 1-й корпус, где я занимался больше всего. Здесь я стал специалистом, защищал дипломную работу. Здесь я ощущаю мою «альма-матер».

Вспоминаю и первые физкультурные опыты свои на институтском стадионе. Они позволили мне осознать свою физическую слабость и побудили к самостоятельным занятиям физкультурой. Это очень помогло мне в дальнейшем приобщении к ЗОЖ (здоровому образу жизни).

И ещё есть очень важный аспект, в котором помог родной институт. Когда я учился на первых двух курсах, часто по ночам мне снились уроки литературы в школе. Сдвиг в сторону технического образования побудил меня обратить внимание на ту сторону моей души, которая была склонна к литературному творчеству. С 1970-го года я стал писать стихи, увлёкся С. Есениным, часто посещал две любимые библиотеки — областную и центральную городскую, где часто проводил время за чтением.

Нужно сказать, что и к Богу я пришёл в институте. Однажды на первом курсе зашёл в общественно-политический читальный зал на 4-м этаже главного корпуса и взял первый том Всемирной истории. Решил изучать историю с самого начала, где рассказывалось о том, как обезьяна посредством труда стала человеком. Моего терпения хватило только на час. Я подумал: «Это глупость, этого просто не может быть! Наиболее верно, разумно и логично Творение, а не эволюция». Так я начал свой путь к Богу и нравственности.

И на этом пути были книги. «Библейские сказания» З. Косидовского дали первые представления о Библии. «Дневники» Л. Н. Толстого привили мне стремление к духовному развитию и работе над собой. Письма А. П. Чехова помогли приобрести навыки самовоспитания. Произведения К. Г. Паустовского воспитали во мне любовь к родной земле, к природе, открыли смысл жизни, романтику путешествий по российским просторам. Книги Р. Бредбери, А. Азимова, С. Лема дали первые знания в области психологии взаимоотношений, отношения к технике, преодолении препятствий, научили жить настоящим, думая о будущем.

Большое впечатление и воспитательное влияние оказал на меня тогда один из первых отечественных сериалов «День за днём». Жаль, что сейчас нет таких сериалов, для молодёжи это было бы очень полезно.

Таким образом, время учёбы в институте — это важный этап жизни. У каждого он складывался по-своему. И в каждом конкретном случае, как оказалось, был промысел Божий, жизнь давала свои уроки, необходимые именно данному человеку. Я благодарен Богу и жизни за институтские годы. Здесь часть моей души, мои корни. Ничего не может быть важнее корней, ведь без них человек — перекати-поле. Человек должен помнить и чтить свои корни, ибо они от Бога!

КАК НАС ВОСПИТЫВАЛИ. БЛАГОДАРНОСТЬ СЕМЬЕ, УЧИТЕЛЯМ, ТРЕНЕРАМ

Ростовцева Людмила Ивановна, 62 года,
доктор социологических наук, профессор Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова, г. Тула

Семья

Родилась я в 1957 году через две с половиной недели после выведения Советским Союзом на орбиту первого искусственного спутника Земли. Наверно, поэтому космическая тема остается в числе очень ярких в воспоминаниях о детстве.

Отец, Иван Митрофанович Мордасов (1919–1997), был участником Великой Отечественной войны. Это я знала с раннего детства. Уроженец деревни Вознесенка Семилуцкого района Воронежской области после войны на свою малую родину не вернулся (хотя этого очень хотели его сестры, даже невесту подыскали), а осел в г. Донском Тульской области, проработав до пенсии на шахтах Подмосковного угольного бассейна. Сразу после войны он проходил проверку в Донбассе, так как в начале августа 1942 года попал в плен в Сальских степях на Дону, на третий раз смог сбежать и воевал затем в Потворовском партизанском отряде на территории Чехословакии до 6 мая 1945 года. В г. Золотое Луганской области, где во время проверки работал в шахте, познакомился с моей мамой Любовью Григорьевной, женился и в 1946 году переехал в Донской. Так война определила его дальнейшую судьбу — профессию шахтера (до войны он работал помощником машиниста паровоза) и семейное положение.

В нашей семье я — самая младшая, моложе сестры Галины на 10 лет и брата Владимира — на 6 лет. Поэтому была всеми обласкана и считалась всеобщей любимицей; никто меня никогда сильно не ругал и не наказывал. Хотя и я была понятливой, реагировала на взгляд и тон, руководствуясь правилом «Лучше учиться на чужих ошибках, чем на своих».

Интересно то, что пословицы и поговорки имели большое значение в нашем воспитании, ведь в них заложена целая система нравоучения. Я тоже использую их, но замечаю, к сожалению, что реакция на них у современной молодежи неоднозначная — от полного принятия до раздражения (как, например, у моего сына) и непонимания смысла вообще (как у многих студентов, которые не могут объяснить, к примеру, одну из любимых поговорок моей мамы «По одежке протягивай ножки». Конечно, в условиях общества массового потребления, когда реклама

Наша семья с гостями — М. А. Кондрашовой и ее сыном (в центре). 1961 г. Фото бабушки выполнено на «Фотокоре»

и банки постоянно ориентируют на кредит, мысль «по доходам и расходы» кажется им странной).

В числе любимых пословиц и поговорок моей мамы были «Не плюй в пустой колодец — пригодится воды напиться» и «Один в поле не воин». Мне тоже нравится мудрость первой и очевидность второй. Не люблю неблагодарных; нужно помнить то хорошее, что тебе сделали, быть благодарным и не забывать, что жизнь переменчива — с ее взлетами и падениями, успехами и неудачами... Понимать это важно не только для отдельного человека, но и для целых поколений, всего социума.

У папы главным было, чтобы «не хуже, чем у людей», а брата он учил «давать сдачи», уметь постоять за себя. Очень любил экскурсии и меня, в частности, возил «показать Красную площадь и ВДНХ», «показать Воронеж, родину». Помню, как уже на пенсии, по совету брата, вернувшегося из туристической поездки, он отправился в Керчь. Я от него унаследовала «Терпение, труд все перетрут».

Моя бабушка, Анна Федоровна Задоя (1903–1986), имела свой набор характерных высказываний. Как человек верующий, она разделяла истину «Без Бога не до порога». Далее следовали пословицы «Дай Бог давать, лишь бы не просить» и светская — «Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей». Бабушка, действительно, была очень общительным и отзывчивым человеком, поддерживала отношения со множеством людей: с кем-то когда-то ехала в поезде, кто-то жил на квартире, кого-то выручила, заняв денег, сделав букет к 1 сентября, сшив или вышив платье... — и все писали ей потом до последних дней письма, приезжали в гости, шли за советом, с просьбой, навещали.

Бабушка имела непростую судьбу и знала о войне не понаслышке. Родилась на Полтавщине, в пять лет осталась сиротой. Жила у польских панов, которые любили сообразительную девочку, поэтому взяли ее «нянчить» своих детей, т. е. играть с ними (но она рассказывала, что приходилось кормить также свиней, которые ростом были чуть ли не с нее). Когда хозяйских детей учили грамоте, она тоже научилась читать и писать, как она говорила, «из-за плеч» (разговаривала она на суржике — смеси украинского языка с русским). Всю жизнь потом не расставалась с книгами, помню, в преклонном возрасте под подушкой всегда лежала толстенная «Популярная медицинская энциклопедия» и еще несколько книжек. Книги тогда были в дефиците, но у бабушки была хорошая знакомая Зоя — продавщица книжного магазина; кроме того, много книг она выписывала по почте — это были издания о лекарственных травах, пчелах, народной медицине. Читала Библию, изданную в конце XIX в., которую ей кто-то подарил (книга была как новенькая, т. к. прежние владельцы бережно хранили ее в сундуке и читали лишь после бани).

Анна Федоровна Задоя

В 16 лет бабушка вышла замуж за 17-летнего Григория Задою, тоже сироту, и молодая семья переехала в Донбасс, в г. Золотое, на шахты. Впоследствии Григорий Кузьмич окончил курсы и перед войной работал инспектором шахт. Воспитывали двух дочек — Надежду, 1924 г. р., и Любовь, 1926 г. р., мою маму. Уже немолодым человеком дед попал на фронт, пропал без вести в возрасте 40 лет, защищая Севастополь, 3 июля 1942 г. (его имя мы нашли в Пантеоне памяти ИМК «35-я береговая батарея»).

Своих дочек бабушке удалось спасти от угона в Германию благодаря находчивости. Она обрила их наголо и распустила слух, что у девушек брюшной тиф. Поэтому полицай водил немцев стороной мимо их дома. Правда, однажды эта версия чуть было не оказалась раскрытой — молодые девушки решили поиграть на гитаре; хорошо, что вовремя увидели в окно идущего к дому полицая и успели притвориться «умирающими». То ли он, действительно, не слышал, то ли сделал вид, что ничего не заметил, осталось неизвестным — может быть, потому что до войны у бабушки были хорошие отношения с его семьей, она шила им платья и костюмы, фотографировала «Фотокором».

Кроме двух родных дочерей бабушка воспитала еще и племянника Виктора 1935 г. р., сына своей сестры, погибшей от снаряда, попавшего в дом при бомбежке. Виктор Алексеевич Борисенко называл ее матерью, и все считали его родным сыном. Он служил прапорщиком в п/я УЮ400/1, долгие годы избирался секретарем партийной организации, удостоен чести быть сфотографированным на фоне развернутого Красного знамени организации; очень хорошо пел и играл на гитаре. Когда я начала работать, он дал мне совет: «Под лежачий камень вода не течет».

Школа

Первая учительница, Мария Григорьевна Трушина, запомнилась своей объективностью, мы все для нее были одинаковые — не было любимчиков или, наоборот, нелюбимых учеников. Отношение ко всем было ровное.

В октябре 1 класса мы стали октябрятами, нас распределили по октябрятским «звездочкам», вручили значки. Это был эффективный элемент

Октябрятский значок

системы воспитания коллективистских и нравственных ценностей. У каждой «звездочки» был свой девиз, например: «Один за всех, все за одного», «Бороться и искать — найти и не сдаваться», «Сам погибай — товарища выручай» и т. д. Это было наше руководство к действию. У каждого из пяти членов «звездочки» была своя роль (поручение): командир, санитарка, книголюб и др. Я была санитаркой, бабушка мне сшила белую повязку с красным крестом на правую руку и сумочку через плечо тоже с красным крестом, в которой лежал бинтик и зеленка, и каждое утро я проверяла у всех уши, руки, ногти, шею — чтобы были чистыми. Тогда пришивали белые воротнички и манжеты на форму, они должны были быть свежими.

Запомнились лозунги: «Октябрята — дружные ребята», «Только тех, кто любит труд, октябрятами зовут». Помню, как заболела Вера Лукашина и мы ходили к ней домой в дер. Егорьевку объяснять уроки по два человека каждый день. Потом заболела я и меня отправили в детский санаторий на Бобрик Гору, где я проучилась до конца учебного года. Здесь я попала в новый класс, мы также учились, но в нас больше развивали творческие способности: мы делали всевозможные инсценировки сказок А. С. Пушкина, рисовали, устраивали к праздникам утренники для родителей со стихами и танцами в красивых костюмах народов СССР.

Во 2 классе Мария Григорьевна принесла мне почитать книгу Николая Носова «Незнайка на Луне». Ребята из класса увидели и «встали в очередь» с ее разрешения. Когда книга обошла всех желающих и Юра Митяев принес ее в школу, она была трудно узнаваемой — ярко-жёлтая обложка превратилась в грязно-серую с жирными пятнами. Но Мария Григорьевна никого не ругала, не выясняла, кто измазал и «жарил блины» на ней (как она говорила в отношении грязных тетрадок), однако по выражению ее лица и удивленному покачиванию головой все поняли — как это нехорошо, что к книге нужно относиться бережно, так же как, впрочем, и к любой чужой вещи. Всем стало стыдно.

Нужно заметить, что и другие учителя делились с нами своими библиотеками — благодаря учителю русского языка и литературы Анастасии Митрофановне Рытовой в 6 или 7 классе я прочитала «Матерь человеческую» Виталия Закруткина. Вероятно, эта книга наложила особый отпечаток на мое поведение — во-первых, я испытала потрясение от описанных в повести событий начала Великой Отечественной войны; во-вторых, в своей преподавательской практике я тоже предоставляю студентам свои личные книги, журналы для подготовки докладов, рефератов, научно-исследовательских работ. Анастасия Митрофановна была одной из моих любимых учителей.

Тамара Владимировна Барская пришла к нам в 10 классе и стала преподавать обществознание. Она была молода, мы все ее полюбили и за глаза называли «наша Тамара». Ее уроки нам очень нравились. Благодаря ей я стала преподавателем политической экономии — так интересно она рассказывала нам о трех источниках и трех составных частях марксизма. К ней я пришла со справочником для поступающих в МГУ посоветоваться относительно специальности «политическая экономия», обнаруженной на экономическом факультете. Когда появился проект «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», Тамара Владимировна со своей внучкой Юлей дважды участвовала в нем[1]. А благодаря еще одной работе, подготовленной совместно с ее ученицей и коллегой Г. И. Крюковой[2], стало известно, как неформально вела патриотическую работу наша учитель физкультуры Анна Андреевна Михайлова в 1950-е годы, разыскивая родственников погибших в 1941 г. и похороненных в нашем микрорайоне воинов; оказывается, она оставила составленный со своими учениками альбом с письмами и фотографиями. Мы с одноклассниками даже не подозревали об этом. Анна Андреевна со своими ребятами сделали важное дело тихо и скромно, без громких слов, а с нами она делала другое дело — воспитывала в нас любовь к физкультуре и спорту. Спасибо ей за это!

Нелли Дмитриевна Родина — учитель пения. Она не просто разучивала с нами песни на уроках, познакомила с нотной грамотой, но открывала увлекательный мир музыки. Ее вклад в творческое развитие учеников был особенно весом: она руководила хором, ставила музыкальные спектакли. Уже в младших классах мне посчастливилось играть в операх Наталии Герчик «Волк и семеро козлят», «Гуси-лебеди», петь в хоре «Красной шапочки».

Всей школой под руководством учителей труда Ирины Александровны и Николая Федоровича Кузнецовых создавали костюмы и декорации. Долго репетировали во внеучебное время, затем выступали перед родителями в клубе на родительском лектории и, наконец, на смотре художественной самодеятельности школ города. Знаю, что впоследствии, когда я уже была студенткой, возглавляемый Нелли Дмитриевной коллектив выступал с одной из опер в Москве на творческом вечере композитора Наталии Герчик, а исполнительница главной роли в опере «Красная шапочка» Татьяна Овруцкая (в замужестве Полякова) после школы поступила учиться в Саратовскую государственную консерваторию имени Л.В. Собинова.

---

[1] См.: *Куликова Ю.А.* Дорогие фотографии // Мы помним... 1941. Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч.2 / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2012. С. 378–381; *Куликова Ю.А.* Мой сосед Алексей Петрович Залюбовин // Мы помним... Ч. 1 (2015). С. 575–577.

[2] *Данкина К.А.* Никто не забыт, ничто не забыто // Мы помним... 1941. Ч. 2 (2012). С. 410–413.

Для каждого, кто пел в хоре, в детских операх, посещал уроки Н. Д. Родиной, занятия имели огромное воспитательное значение. Они приобщали к мировой и национальной музыкальной культуре, обогащали внутренний мир, способствовали единению. Я очень часто вспоминаю Нелли Дмитриевну на протяжении всей своей жизни. Так, в прошлом году на концерте Венского филармонического Штраус Оркестра, состоявшегося в Тульской областной филармонии, подпевала знакомые мелодии. Эти произведения навеяли добрые воспоминания — мы слушали их и разучивали с Нелли Дмитриевной. «Вальс цветов» Иоганна Штрауса исполняли хором на городском смотре художественной самодеятельности на два голоса.

С благодарностью вспоминаю директора школы Веру Васильевну Мерзликину, которая пришла к нам в 10 классе, когда мы успели «запустить» (от слова «запущение») физику за 8–9 классы, так как несколько раз менялись учителя. Что же предприняла Вера Васильевна? Мы стали параллельно с учебником 10 класса вновь изучать параграфы из учебника 9 класса. Своей требовательностью, неравнодушием и бескорыстием к концу учебного года проблему ей удалось решить.

Немецкий язык преподавали Тамара Константиновна Куксгаузен (поволжская немка) и Ирина Николаевна Саркетова (после войны жившая с родителями в Германии несколько лет). Язык они знали прекрасно, и ребята их очень любили. Кстати, Ирина Николаевна — участник нашего проекта[3], очень творческая личность и замечательный человек. Помню, в школе все завидовали классу, где она была классным руководителем, потому что она очень много вкладывала в свой пионерский отряд — имеющая сама массу хобби, старалась развить интересы своих подопечных. Не считаясь со временем, учила их бальным танцам, водила в походы, в театр, собирала металлолом, макулатуру, аптечные пузырьки. Показательно, что до сих пор проходят ее ежегодные встречи с выпускниками 1973 г., а с Надеждой Махиной из этого класса она встречается трижды в год — в День пионерии 19 мая, в День рождения комсомола 29 октября и в день рождения Владимира Высоцкого 25 июля.

Историю, географию и биологию у нас вели очень хорошие учителя — Эмилия Тимофеевна Горбунова, Вера Никитична Клецова и Валентина Григорьевна Нефедова. Спокойно, без нервов, объективно. Четко объясняли, методично спрашивали, справедливо оценивали. Людмила Борисовна Огурцова сумела привить нам любовь к химии, так что я до 10 класса даже собиралась поступать в химико-технологический институт.

[3] См.: *Саркетова И.Н.* Я горжусь своим отцом // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. С. 401–405; *Саркетова И.Н.* Люди. События. Время // Мы помним... Т. 1 (2020). С. 293–300.

Все учителя старшего поколения были очень строгими. Директора школы Марию Николаевну Гарбар, завучей Зинаиду Ивановну Карябину и Лидию Ивановну Галкину, парторга, учителя биологии Анну Петровну Баеву все боялись. Они очень ревностно следили за дисциплиной. В школе была «позорная линейка» в коридоре под часами, куда ставили провинившихся; девочки обязаны были ходить в нарукавниках; утром на входе кто-то из них проверял переобувку (чистая ли подошва у второй обуви) и стрижку мальчиков (опрятный ли вид и не пора ли стричься). Причем, если правила не выполнялись, в школу не пускали — отправляли в парикмахерскую или домой мыть туфли, за нарукавниками. Это было стыдно.

Мне не довелось учиться у этих учителей или подвергаться их наказаниям. Но помню, как однажды Зинаида Ивановна провела у нас урок математики вместо заболевшего нашего учителя в 7 или 8 классе и меня погладила по головке (буквально!) за решенную задачу; после этого я перестала испытывать страх перед нею. А в 5 классе мне предложили выучить текст заболевшей девочки из класса Марии Николаевны о картине В. М. Васнецова «Баян» и выступить с ребятами из ее кружка изобразительного искусства перед нашими шефами — сотрудниками п/я УЮ 400/1. Мы рассказали им о многих полотнах художника, показали репродукции. Польза от этого была огромная для обеих сторон! А в другой раз муж М. Н. Гарбар, Виктор Васильевич, который возглавлял эту самую организацию наших шефов, возил нас в Москву, в Малый театр на «Ревизора» в главной роли с Игорем Ильинским. Это тоже запомнилось на всю жизнь.

Говоря о трудовом воспитании, невозможно обойти стороной имя Анны Петровны. Она руководила практикой на школьном приусадебном участке, на котором ученики после 5 класса должны были отработать определённое количество часов. Когда я впервые попала на этот участок, то была удивлена красотой больших и ровных грядок с различными культурами, имеющими не менее красивые подписи на колышках. Осенью собирали всей школой урожай, который шёл в школьную столовую. В школьном саду созревали красивые вкусные яблоки, из которых варили компот и делали начинку для пирожков. Запомнилось, что пирожок стоил 5 копеек, а школьный завтрак (котлетка или кусочек рыбы с картофельным пюре, макаронами, гречкой, кусочек хлеба и чай) — 15 копеек, впоследствии — 20 копеек. Учились 6 дней в неделю, поэтому родители давали 90 копеек на неделю, в старших классах — 1 рубль 20 копеек.

После 7 класса нужно было отработать «на свёкле» — на прополке в июне 40 часов. Работали с 8:00 до 12:00. Жарким летом это была школа воспитания воли. Уставали, но постоянно соревновались, кто быстрее пройдёт грядку, за качеством следили тоже. Затем осенью всей

школой в течение нескольких дней не учились — убирали урожай. Дело в том, что школа заключала с колхозом договор на обработку 5 га сахарной свёклы. Вырученные деньги тратились на спортивный инвентарь и другие нужды школы, сахар шёл в столовую.

Физкультура и спорт

С раннего детства помню подвижные игры на улице. Родители всегда покупали нам различный спортивный инвентарь: мячи, скакалки, лыжи, коньки, велосипеды. Наша семья жила в частном доме, построенном отцом, и мы любили всей улицей играть в лапту. Собирались представители всех возрастов (в каждом доме детей было много, не меньше трех), разбивались на пары по возрасту, делились на две команды. По очереди все игроки подбрасывали вверх мячик и отбивали его битой, а в это время все члены команды, выстроившиеся по одному краю площадки, должны были перебежать до другого края и вернуться назад. Команда-соперник в это время должна была поймать или подобрать мячик и выбить (осалить) им игрока противоборствующей команды. Поэтому желательно было бить подальше, а бегать побыстрее. Не стану описывать все тонкости правил игры, но это было весьма полезное занятие — оно развивало физически (ловкость, координацию движений, силу и скорость), укрепляло социально (объединяло и детвору, и молодежь: от малышни до совсем взрослых ребят), требовало смекалки.

До школы мы любили разные игры в мяч: в выбивалы, волейбол, нравилось чиковать с перечислениями «Я знаю 5 имен девочек...», «Я знаю 5 имен мальчиков...», «Я знаю 5 названий городов...» и т. д. до ошибки — кто больше знает. Много бегали, играя в догонялки, прятки, казаки-разбойники. Я очень хорошо прыгала через скакалку — подолгу и с разными выкрутасами. Потом двигали на асфальте баночку в классики. И все игры — в соревновательном духе: кто больше, кто быстрее, кто дольше, кто лучше. Это укрепляло здоровье, развивало коммуникативные и интеллектуальные навыки.

В школе не помню, чтобы кто-то прогуливал уроки физкультуры; по-моему, физру (как мы ее называли) любили все. В школе имелась база лыжного снаряжения, поэтому тот, кто не имел собственных лыж, зимой брал на урок школьные. Работали многочисленные секции: настольный теннис, баскетбол, волейбол, легкая атлетика. Учителя физкультуры Анна Андреевна Михайлова и Николай Фёдорович Яструбинский в школе пропадали с утра до вечера. Как только у них доставало сил и на всех хватало спортзала?! Столы для настольного тенниса стояли в вестибюле и всегда были заняты.

Секция легкой атлетики заслуживает особого рассказа. Ее организовал Андрей Иванович Тяпкин, заместитель директора ДЮСШ города Донского, в нашей школе. Вскоре он стал директором Подлесной шко-

лы, которая находилась в соседнем поселке, но нас не бросил. В любую погоду по проселочной дороге через поле он преодолевал 4 км, чтобы прийти на тренировку (на автобусе доехать было сложно — с пересадкой это был бы «крюк» в десяток или более километров, соответственно, не один час времени — автобусы тогда ходили редко). Ни разу он не опоздал и не пропустил занятие! Как же мы могли прогулять тренировку?! Такое ответственное отношение к делу тренера было для всех нас примером. Мы очень ценили самоотверженность Андрея Ивановича и благодарны ему.

Тренер А. И. Тяпкин с юношами секции. 1974 г.

И мы старались — Юра Симаньков к тому времени был чемпионом Тульской области, в 9 классе он в беге на 100 м показал результат 11,0 сек; я выиграла Первенство Центра России в беге на 200 м в г. Иваново, а в 10 классе установила рекорд Тульской области в беге на 100 м среди 15-летних девушек с результатом 11,8 сек, который позволил войти в 10 лучших юных легкоатлетов Советского Союза. Володя Пустовой, Володя Чехонин, Зина Синельникова, Наташа Соснина, Саша Данкин, Аня Свистун, Витя Широков стали победителями и призерами городских и школьных соревнований.

На тренировках происходило также интереснейшее общение — Андрей Иванович, историк по образованию, много знал, был интересным собеседником (затем он работал зав. отдела агитации и пропаганды ГК КПСС г. Донского и ОК КПСС Тульской области, директором музея-усадьбы «Ясная Поляна»), ребята все хорошо учились, много читали, — поэтому шел интересный обмен мнениями в перерывах между упражнениями. Этот этап в жизни, думаю, для всех не прошел бесследно: знаю, что В. Пустовой стал спортивным врачом, В. Чехонин — доктором медицинских наук, вице-президентом Российской академии наук, З. Синельникова — строителем, Н. Соснина окончила психологический факультет МГУ.

В Московском университете, на экономическом факультете, куда я поступила после школы, спорт был в большом почете. Большая заслуга в этом принадлежала декану факультета Михаилу Васильевичу Солодкову, секретарю парткома Юрию Михайловичу Рачинскому и старшему преподавателю кафедры физкультуры Николаю Николае-

вичу Шукленкову. Все трое были участниками Великой Отечественной войны, любили и поддерживали спортсменов. М. В. Солодков был инвалид войны, ходил на протезе, всегда болел за факультетскую команду на эстафете по Ленинским Горам на приз газеты «Московский университет», после которой устраивал торжественный обед в столовой.

Ю. М. Рачинский, как выяснится впоследствии, освобождал мой родной Донской в 1941 г., об этом мне расскажет позднее мой научный руководитель Ю. М. Осипов после защиты моей кандидатской диссертации в 1984 г. Юрий Михайлович будет вести заседание и, видимо, ознакомившись с моим личным делом, увидит, что я родом из Донского, наверно, нахлынут воспоминания и поэтому он сделает оговорку — перепутает процедуру, предоставив слово вместо первого оппонента второму.

Про военное прошлое Н. Н. Шукленкова мы ничего не знали, кроме того, что он был офицером и до войны уже учился в Государственном центральном институте физической культуры им. Сталина. Его имя останется ярчайшим примером служения факультету на все времена. При нем много лет подряд экономический факультет становился победителем Спартакиады Московского университета. Это был преданный своему коллективу человек. О нем ходили легенды. Николай Николаевич уже в 60-летнем возрасте стал выпускником вечернего отделения экономического факультета МГУ, считая, что, работая с экономистами, должен знать, чему и как их учат. Все знали его фразу, ставшую крылатой: «Здоровый экономист — здоровая экономика». Он любил отечественную историю, часто вспоминал Россию при Петре I и Екатерине Великой.

Для спортсменов и студентов факультета он организовывал товарищеские матчи с университетами других городов и поездки в Карпаты покататься на лыжах. Будучи аспиранткой, я была в двух таких поездках, он отводил мне роль комсорга группы. Обычно он писал объявление на большом листе ватмана и приглашал желающих. Помню, как на вокзал пришло столько желающих поехать в Ялту в начале 1980-х, что все не уместились в вагоне, заполнив даже третьи полки. Это были футболисты, волейболисты, легкоатлеты и болельщики.

Военная выправка Н. Н. Шукленкова. Фото И. Чилюшкина

Весь факультет был оклеен его красочными объявлениями. Когда кто-то из спортсменов ехал за границу и спрашивал у Николая Николаевича, что привезти, он заказывал лишь фломастеры. Тогда в Союзе их не производили, а они были ему необходимы для объявлений. Его почерк знали все. Помню, как после той самой моей защиты встретилась моя преподавательница немецкого языка Лидия Павловна Вадковская с поздравлениями и словами: «Теперь я знаю все Ваши регалии, прочитала в объявлении». Я, правда, того объявления не видела, но, как мне рассказали, это было поздравление «дважды кандидату» — к. м. с. и к. э. н., если утвердит ВАК.

Зоя Евсеевна Петрова

А моим тренером во время учебы в университете была знаменитая Зоя Евсеевна Петрова, Заслуженный тренер СССР и РФ. Мне посчастливилось тренироваться у нее с 1974 по 1979 гг. Наши тренировки проходили с 17:00 на стадионе ЦСКА на Песчаной или под трибунами вместе с такими же, как и я, студентами или спортсменами, не имеющими возможности тренироваться утром, в частности, молодыми мамами (Надежда Юдина, Татьяна Синева и др.) или, как известная теннисистка Ольга Морозова, которая занималась ради ОФП. Основная группа мастеров тренировалась утром.

Зоя Евсеевна — выдающийся тренер. Она подготовила 8 призеров Олимпийских игр и чемпионатов Европы. Ее тренерская деятельность началась в 1953 г. В течение 20 лет она была старшим тренером сборной команды Москвы и сборной СССР (1968–1988). На Олимпийских играх в Мюнхене (1972) и Монреале (1976) она являлась тренером сборной СССР. Подготовленная ею женская команда в эстафете 4х100 м стала серебряным призером Олимпийских игр в Москве (1980).

Первой из корифеев, с кем меня познакомила Зоя Евсеевна, когда я оказалась в Москве, была Марина Сидорова (Мосякова), приезжавшая периодически из Ленинграда. Недавно я узнала, что она работала, как и Зоя Евсеевна когда-то, с теннисистами, занималась ОФП с Анной Курниковой, Михаилом Южным, Маратом Сафиным, Анастасией Мыскиной.

Когда я стала тренироваться у Зои Евсеевны, мне было 16 лет. Поначалу я робела от ее громких замечаний; казалось, что весь стадион смотрит на меня, потому что не так ставлю ногу, работаю руками. Хотя она предупредила: «Не бойся, раз я кричу и критикую, значит, обращаю внимание, ты мне не безразлична». Действительно, все привыкли на стадионе к громкому голосу и бурной жестикуляции Зои Евсеевны. Однажды я видела на стадионе хоккеистов, так на поле Анатолий Тарасов руководил ими через мегафон, а у Зои Евсеевны были свои мощные голосовые связки.

В апреле вся группа Зои Евсеевны выезжала на сборы в Сочи, Леселидзе, Адлер. Какое-то время я была самой младшей, и мне запомнилось, как в Леселидзе, винном крае, устроили шашлык; Зоя Евсеевна посадила меня рядом на правах «любимого ребенка» и выделила самую

маленькую рюмочку для сухого вина, которое, как я узнала, «способствует лучшему усвоению мяса». Вообще-то у нее было много любимых учеников: Наташа Лебедева, Вера Анисимова, «самый любимый» — Саша Лебедев, его брат Миша, Наталья Иванова (Соколова), Татьяны Синева, Левшова, Черникова... Надежда Бесфамильная в тот период не тренировалась у Зои Евсеевны, я с нею была не знакома. Но прошлым летом во время нашей встречи с Зоей Евсеевной я убедилась в широте ее души — она много рассказывала о Надежде, вспоминала красоту ее бега, сопереживала проблемам. О судьбе каждого из учеников она рассказывала с большой теплотой. С гордостью сообщила, что ее внук Евгений Наумкин в сборной России — мастер спорта международного класса по фехтованию, призер Чемпионата Европы.

Зоя Евсеевна и сама была выдающейся спортсменкой. В начале 1950-х гг. было широко известно ее имя как многократной чемпионки СССР в беге на 400 м и 200 м (1950–1953), чемпионки Всемирных студенческих игр в Берлине (1951). Она начала тренироваться после войны в 21 год и до сих пор не мыслит жизни без спорта. Когда я пришла к ней в гости, первый вопрос был: «Ты следишь за легкой атлетикой?». Я благодарна судьбе, что у меня были незабываемые годы, повлиявшие на всю последующую жизнь благодаря общению с этим замечательным человеком и ее группой. Ее любовь к легкой атлетике, к делу, ко мне я всегда помню и вдохновляюсь ее примером!

Мне очень повезло, что всегда меня окружали прекрасные люди, учителя и тренеры, которые любили свою профессию и учеников. Являясь внутренне богатыми личностями, они воспитывали в нас своим примером тягу к знаниям, лучшие нравственные качества, стремление к развитию. Низкий им поклон!

А в обществе в то время не было безразличия: чужому ребенку любой взрослый мог сделать замечание или пожалеть; тимуровцы старались помочь, не афишируя свои добрые дела. Царила взаимопомощь и чувство «локтя»: успешно занимающиеся октябрята, пионеры, комсомольцы помогали отстающим в учебе, взрослые (учителя и преподаватели, соседи, коллеги, прохожие, знакомые и незнакомые) оказывали бескорыстную помощь. Расчетливость, эгоизм, карьеризм осуждались. Было развито чувство стыда и совесть, уважение к старшему, женщине, девушке. Семья и школа были двумя «добрыми подружками», действующими в воспитании детей, как правило, в одном направлении. Семьи были многодетные, и старшие дети воспитывали и заступались за младших. А еще была благодарность. Так, выпускники экономфака на могиле Н. Н. Шукленкова поставили памятник с трогательной надписью: «Тому, кто выводил нас в люди. От благодарных спортсменов-экономистов». Кстати, учёба на экономфаке МГУ — отдельная тема, ждущая своего часа.

Глава 19. ГЕРОИ ФИЗКУЛЬТУРЫ И СПОРТА

СТАЛИНОГОРСКИЕ МАРАФОНЦЫ-ФРОНТОВИКИ И. И. ФИЛИН И С. С. КУЗНЕЦОВ

Малашкин Алексей Алексеевич, 61 год,
краевед,
Тульская область, г. Новомосковск

Я хочу рассказать о двух легендарных сталиногорских[1] спортсменах-марафонцах, участниках Великой Отечественной войны, которых знаю не понаслышке. У Семена Семеновича я тренировался, когда был юношей, в начале 1970-х гг. и знаю от него и о Филине, и о приходе в большой спорт после войны, и об отношениях друзей-соперников. Я хотел в своё время написать статью о С. С. Кузнецове, но пришел к выводу, что лучше, чем В. С. Назаренко, сделать это невозможно [1]. В настоящем очерке я опираюсь на его статью в «Новомосковской правде», а также на заметку из газеты «Московская кочегарка» [2].

Иван Ильич Филин, Заслуженный мастер спорта СССР, чемпион СССР, призер чемпионатов Европы, участник XVI Олимпийских игр в Мельбурне в марафонском беге

Секрет успеха Ивана Ильича Филина

Заслуженный мастер спорта, чемпион СССР (1955 и 1956 гг.), призёр чемпионатов Европы (1954 и 1958 гг.), победитель международных марафонов мира, участник XVI летних Олимпийских игр в Мельбурне 1956 года (7 место) — это всё марафонец Иван Ильич Филин.

Иван Филин родился 10 марта 1926 года в деревне Александровка Карачевского (Кимовского) района Тульской губернии. Когда началась война, его в числе других молодых ребят сразу же мобилизовали на трудовой фронт, где они копали окопы и противотанковые рвы в районе Сталиногорска и Узловой. В конце 1943 года Иван был призван в армию стрелком в автоматную роту, штурмовал крепость Кенингсберг, сражался против японских войск. За ратные подвиги был награждён орденом

[1] Город Сталиногорск — ныне г. Новомосковск Тульской области.

Иван Филин на Спартакиаде народов СССР. 1957 г.

Отечественной войны, медалью «За отвагу» и другими наградами.

Вернувшись в 1950 году из армии, Иван Филин пошёл работать навалоотбойщиком на третью Гранковскую шахту, что находилась недалеко от Кимовска. Расстояние от деревни Александровка, где он жил, до работы было немалое — около 10 км. И вот эту дистанцию Иван и в дождь, и в жару преодолевал бегом, чтобы не опоздать на работу — время было суровое. Именно здесь закалялся характер будущего марафонца. Может, он так бы и бегал до своей Гранковской шахты, если бы его не заметил Николай Петров, тогда работавший в ДСО «Шахтёр» — человек с неуёмной энергией, очень много сделавший для развития физической культуры и спорта в Сталиногорске.

На своих первых соревнованиях летом 1951 года — первенстве Мосбасса по лёгкой атлетике — в беге на 5 и 10 км Иван Филин занял первое место. Как перспективного бегуна, Петрову удалось направить Ивана на сборы в Сочи, где он впервые начал тренироваться под руководством специалистов в стайерском беге.

В 1952 году в Москве на стадионе «Шахтёр» проходили соревнования Центрального совета добровольного спортивного общества (ЦС ДСО) «Шахтёр» по лёгкой атлетике. Здесь Иван Филин стал чемпионом на дистанциях 5 и 10 тысяч метров. Он был включен в состав сборной команды ВЦСПС от ЦС ДСО «Шахтёр» для участия во Всесоюзных соревнованиях по марафонскому бегу. 116 сильнейших спортсменов страны, среди которых было немало опытных мастеров, участвовало в них. А новичок Иван Филин, оставив позади 103 человека, занял 13 место. Пробежав 42 км 195 м за 2 часа 32 мин. 15 сек., он выполнил норматив мастера спорта СССР по марафонскому бегу. Это был его первый марафон.

На следующем старте, традиционном 30-километровом пробеге Пушкин — Ленинград, Иван Филин занял первое место, повторив этот успех спустя год.

Очень удачным для спортивной карьеры Ивана Филина стал 1954 год. В начале года спортсмен узнал, что является одним из кандидатов на участие в европейских соревнованиях. Тренером Филина стал заслуженный мастер спорта Григорий Исаевич Никифоров.

В апреле 1954 года Иван Филин выехал на сборы в Нальчик. Начались трудные и ответственные тренировки, которые шаг за шагом вырабатывали основные качества спортсмена-марафонца: выносливость, скорость, волю к победе.

В этом же году на соревнованиях в Киеве в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией на 30-километровой дистанции Иван занял первое место, оставив позади себя чемпиона СССР Бориса Гришаева, рекордсмена страны по марафону Василия Давыдова и многих других известных спортсменов. Вскоре в соревнованиях на приз газеты «Труд» в Москве — вновь первое место. В этом пробеге маршрут проходил от д. Ананьино на Киевском шоссе до Гранитных трибун Центрального парка культуры и отдыха им. Горького. 28-летний токарь из Сталиногорска Иван Филин первым вбежал в ворота парка и сорвал финишную ленту. Победа выдающаяся: 1 час 41 мин. 02 сек.

Талантливого и упорного спортсмена-фронтовика включили в состав команды СССР для участия в соревнованиях на первенство Европы. 15 августа 1954 года советская команда прибыла в Швейцарию, в Берн, и здесь спортсмены начали готовиться к предстоящей борьбе, причем бегали по тому маршруту, который предстояло преодолеть. Но этот старт, который должен был стать настоящим триумфом Ивана Ильича Филина, из-за нерасторопности организаторов был омрачен для нашего бегуна. Он лидировал на протяжении всей дистанции, а к концу марафона оторвался от преследователей — Вейкко Карвонена и Бориса Гришаева — почти на 70 метров и первым вбежал на стадион. Но судьи не успели натянуть канат, размечающий трассу. И Филин повернул не вправо, к финишу, а налево. Когда судьи его остановили, Карвонен и Гришаев уже приближались к финишу. В итоге Филин остался третьим. Однако по решению специального жюри он был награждён все-таки не бронзовой медалью, а золотой.

В 1955 году на первенстве СССР по марафонскому бегу Филин доказал, что является сильнейшим в стране, заняв первое место. В этом же году в соревнованиях марафонцев на V Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Варшаве — ещё одна победа. А в следующем 1956 году на Спартакиаде народов СССР Филин во второй раз завоёвывает звание чемпиона СССР, финишировав с новым Всесоюзным достижением — 2 часа 20 мин. 5,2 сек., улучшив свой же рекорд.

Как сильнейший марафонец СССР Иван Филин был включён в команду страны для участия в Олимпийских играх 1956 года в Австралии. При температуре воздуха + 42°С бежать было чрезвычайно трудно, из трёх советских марафонцев двое сошли с дистанции, а Иван Филин финишировал седьмым.

На очередном чемпионате Европы в г. Стокгольме (Швеция) в 1958 году наш земляк занял второе место, уступив лишь товарищу по команде Сер-

гею Попову. Последним марафоном, в котором Филин принял участие, стал Марафон мира в конце 1959 года. Иван Филин занял в нем третье место, опять проиграв своему другу Сергею Попову.

Филин дорожил тем, что является членом общества «Шахтер», и, хотя его неоднократно приглашали в другие общества, был верен ему до конца. Будучи Заслуженным мастером спорта, участником Олимпийских игр, он охотно выступал в различных соревнованиях, прославляя свой любимый Сталиногорск, который не забывал и после своего переезда в Ленинград.

Ушёл из жизни Иван Ильич 12 января 2000 года в г. Санкт-Петербурге и захоронен на кладбище в п. Ульяновка Тосненского района Ленинградской области.

Семен Семенович Кузнецов, мастер спорта СССР, чемпион СССР 1955 г., рекордсмен СССР в марафонском беге

Путь на войне и в спорте Семёна Семёновича Кузнецова

Военная судьба оказалась благосклонна к Семёну. 22 июня 1941 года он встретил в 15-летнем возрасте. К тому времени он проучился в школе пять лет и собирался поступать в ремесленное училище, что располагалось в Заводском районе Сталиногорска. Но училище эвакуировали, а после освобождения города от немцев Семён по настоянию отца пошел работать в колхоз.

10 ноября 1943 года юношу призвали в армию. На сборном пункте в подмосковном городе Щёлково новобранцев построили на плацу и дали команду: «Кто закончил семилетку и больше, сделать шаг вперед!». В строю осталось совсем немного призывников, и их вместе с Семёном уже на следующий день переправили в калужский городок Людиново. Здесь располагалась военная школа, в которой готовили артиллеристов. Так Семен Кузнецов стал минометчиком, и началась его служба в частях второго, а затем и первого Белорусского фронтов...

В середине апреля 1945 года во время форсирования реки Одер батальон, в котором служил 19-летний солдат Семен Кузнецов, несколько дней штурмовал неприступный западный берег и всё-таки одолел врага. Упорный бой шел три дня, два из которых наступающие не раз оказывались в холодной воде. Из всего батальона в живых остались одиннадцать солдат и офицеров. Кузнецов оказался в их числе, но из-за пребывания в холодных апрельских водах Одера у молодого минометчика отнялись ноги.

Врачи, осмотрев его, вселили надежду на то, что молодой организм обязательно справится и способность двигаться вернется... Здесь же,

в госпитале, застала Семена Кузнецова радостная весть о Победе!

Врачи оказались правы — спустя почти шесть месяцев Семён вернулся в свою часть. Война окончилась, а его служба продолжилась уже на родине — в Московской области. 1 мая 1946 года Семену Кузнецову довелось участвовать в параде на Красной площади.

Семен Кузнецов на зональной Спартакиаде ВЦСПС, г. Ленинград. 1957 г.

После демобилизации Кузнецов вернулся в родной Сталиногорск и стал работать сталеваром на ремонтно-механическом заводе химкомбината. Фронтовик был награжден двумя орденами Отечественной войны второй степени, орденом Красной Звезды, орденом Славы III степени, двумя медалями — «За отвагу» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Пересечения человеческих судеб зачастую непредсказуемы, а случай может порой круто изменить жизнь...

Так произошло и с Семёном Кузнецовым. Однажды из окна рейсового автобуса он увидел бегущего по обочине Узловского шоссе мужчину. Шёл дождь, но тот бежал, не обращая внимания на непогоду. Некоторые из водителей, поравнявшись со спортсменом, притормаживали и давали сигнал. Очевидно, они не первый раз приветствовали бегуна. Один из пассажиров пояснил: «Это марафонец Иван Филин. Он почти каждый день бегает после работы — тренируется».

Случайное событие стало для Кузнецова поворотным: он тоже решил заняться спортом. Теперь каждое утро Семён бежал по дороге на завод и таким же образом возвращался домой. Его не смущали подшучивания земляков и товарищей.

Кузнецов продолжал упорно тренироваться, и вскоре бегуном из Васильевки[2] также заинтересовался руководитель ДСО «Шахтёр» Н. А. Петров, который и предложил молодому рабочему всерьёз заняться спортом.

Узнав, что Николай Александрович тренирует Ивана Филина, Семён без долгих размышлений приступил к занятиям.

...Иван и Семён с первой встречи прониклись друг к другу симпатией, основанной на схожести их судеб. Оба родились в 1926 году с интерва-

[2] Малая родина С.С. Кузнецова — д. Васильевка Сталиногорского района. — *Прим. ред.*

лом в один месяц. Как и всех деревенских ребят, жизнь рано приобщила их к тяжелому труду. А дальше — фронт и длинный путь домой… Но самое главное, что их объединяло, — это две стержневые черты характера: искренность и простота. Они нигде не выставляли себя напоказ, никто не видел их фронтовых наград. А на вопрос об участии в войне, не сговариваясь, односложно отвечали: «Пришлось».

Более красноречивыми были их победы в легкоатлетических соревнованиях. Здесь приоритет был за Иваном, который начал преодолевать марафонские километры с 1951 года. Его первые шаги в этом сложнейшем виде спорта связаны были с решением проблемы: как добраться со своей Александровки до Гранковской шахты, где он начал трудиться после демобилизации? Конечно же, бегом. Так ведь поступали братья Знаменские, известные до войны спортсмены, о которых он прочёл в газете. Тем более опыт у Филина, хоть и не большой, имелся: бегал в армии, участвовал в полковых и дивизионных соревнованиях. Одним словом, Иван Ильич к моменту их знакомства в спортивном обществе уже зарекомендовал себя. Он хорошо усвоил «методу» своего первого наставника Н. А. Петрова и практически стал учителем Семёна.

Дружба и упорный труд двух выдающихся спортсменов принес свои плоды. В 1954 году Семён занял 4-е место в популярном среди бегунов массовом пробеге на приз газеты «Труд». Марафонца из Сталиногорска включили в состав сборной страны, и доверие он оправдал. Осенью того же года Семён стал победителем пробега Пушкин — Ленинград протяженностью 30 км.

Уже в следующем году он выиграл на аналогичной стайерской дистанции в матчевой встрече по лёгкой атлетике сборных команд Москвы, Ленинграда, РСФСР, Эстонии, Литвы и Латвии.

В насыщенном соревнованиями 1955 году судьи дважды фиксировали победные результаты у Семёна Кузнецова в пробегах Пушкин — Ленинград и Тарасовка — Москва. Но самый выдающийся успех выпал на долю бегуна из Сталиногорска в Тбилиси на чемпионате СССР, когда он шагнул на первую ступеньку пьедестала почета, став чемпионом СССР и установив рекорд страны — 2 часа 21 мин. 23,8 сек.

Кузнецову присвоили почетное звание мастера спорта СССР и включили его в состав сборной команды СССР, которая начала подготовку к Олимпиаде 1956 года в австралийском городе Мельбурне.

Ещё одним примечательным событием отмечен был тот олимпийский год. Семён Семенович поступил учиться в высшую школу тренеров при Ленинградском институте физкультуры им. П. Ф. Лесгафта.

…Более 10 лет прошло с того времени, как закончилась война для минометчика Кузнецова. Он никогда не ощущал последствий боя в апреле 1945 года, приведшего его на больничную койку. Занимаясь бегом, Семён Семёнович не мог даже представить, что в самый неподходящий

момент апрельский Одер жестоко напомнит о себе. У него случился рецидив болезни. Серьёзное недомогание нарушило весь план подготовительных мероприятий к Олимпийским играм. Врачи сборной поставили его на ноги, однако вопрос о поездке в Мельбурн вызывал у них и тренеров сомнения.

Болезнь, спровоцировавшая психологический надрыв, поставила крест на его дальнейшей спортивной карьере. Слабым утешением для Кузнецова стала в том же году победа на первенстве Ленинграда на дистанции 10 000 м, зато он искренне радовался результату, показанному другом — Иваном Филиным — на Олимпийских играх.

В 1959 году, закончив школу тренеров, Семён Семенович Кузнецов вернулся в Сталиногорск и начал работать тренером в ДСО «Шахтер», продолжая выступать в соревнованиях.

Но больше всего времени он посвящал своим воспитанникам.

Гордился Семён Семёнович тем, что его ученик Виктор Андреев, которого он довел до первого разряда и, по сути, дал путевку в большой спорт, перейдя потом к другому тренеру, трижды становился чемпионом России в беге на 100 метров и в эстафете 4 по 100 метров — в видах, где нужен особый дар, каторжный труд на тренировках и твердый характер.

В ряду мастеров спорта СССР его воспитанников был метатель молота Александр Кудрявцев. Чуть позднее придут в секцию лёгкой атлетики Виктор Везденецкий, победитель первенства Советского Союза среди юношей на дистанции 800 метров (он выступал несколько лет за сборную команду Московской области), прыгун в длину Владимир Коновалов, установивший рекорд города 7 м 01 см, который продержался более 10 лет. Вообще, это была первая волна спортсменов, добившихся высоких результатов.

Ушел из жизни Семён Семёнович Кузнецов в ноябре 1999 года. Его прах покоится на сельском кладбище в Богдановке.

Литература и источники

1. *Назаренко В. С.* «У каждого была своя война…» // Новомосковская правда. 03.03.2011.

2. Путь к спортивной победе. Беседа с Заслуженным мастером спорта СССР тов. Филиным И. И. // Московская кочегарка. 26.09.1954.

ЖИВАЯ ВОДА ГЛЕБА ПАНШИНА

Андреева Надежда Николаевна, 68 лет,
старший методист ГПОУ «Училище (колледж) олимпийского резерва Тульской области»,
г. Новомосковск

В 2020 году город Новомосковск отмечает свое 90-летие. Этот год также юбилейный и для Глеба Ивановича Паншина, которому 4 июня 2020 года исполнилось бы 90 лет со дня рождения. Судьба предоставила мне возможность познакомиться и много лет работать рядом с этим замечательным человеком, имя которого хорошо известно многим новомосковцам, а вклад в развитие физической культуры и спорта города и Тульской области огромен. Также широко известна литературная и общественная деятельность Глеба Ивановича.

Г.И. Паншин

Глеб Иванович Паншин — ровесник нашего города. И хотя родился он в Москве, полвека, отданных Новомосковску, сделали наш город родным для этого неординарного человека. В раннем детстве он лишился матери и воспитывался у бабушки с дедом, чьи нравственные принципы, взгляды на окружающий мир стали для будущего писателя и общественного деятеля теми жизненными ориентирами, которых он старался придерживаться всю жизнь.

Война практически лишила его детства, заставила рано повзрослеть. 16-летним юношей начал Глеб свою самостоятельную жизнь. Ему пришлось работать слесарем на автобазе, в отделе по борьбе с бандитизмом московского уголовного розыска, тренером ДСО «Шахтер» в Москве. В Новомосковск, тогда еще Сталиногорск, Глеб Паншин приехал в 1952 году по приглашению тогдашнего председателя ДСО «Шахтер» Н.А. Петрова, чтобы посвятить себя тому, что на долгие годы стало делом его жизни — тренерской работе. Гимнастика и акробатика, бывшие как бы хобби, стали его профессией.

Сам будучи неплохим спортсменом-акробатом, почти не имея тренерского опыта, он в короткое время вместе со своей женой и партнёршей по акробатической паре Лилит Паншиной сумел заинтересовать сталиногорских девчонок и мальчишек занятиями спортом. В тяжёлые послевоенные годы начинать тренерскую работу с нуля мог только большой оптимист, смелый и решительный человек. Спортивных сооружений для занятий гимнастикой и акробатикой в то время в городе не было. Заниматься приходилось в обычных школьных спортзалах или даже в неприспособленных помещениях. Например, занятия в секции акробатики в посёлке фенольного завода проводились в небольшом помещении при пожарной части.

И, тем не менее, результаты и спортивные успехи появились быстро. Были приобретены и установлены в спортивном зале химического техникума гимнастические снаряды. Из простых трикотажных маек и нижнего белья, окрашенного в чёрный или тёмно-синий цвет, шились гимнастические купальники. Глядя на старые фотографии, запечатлевшие первые соревнования по гимнастике, трудно усомниться не только в хорошей организации самих соревнований, но и в высоком уровне подготовки гимнастов. Умение «подать товар лицом» — ещё одна черта характера Глеба Паншина.

Уже в 1956 году сталиногорские гимнасты и акробаты приняли участие в открытии стадиона «Лужники» в Москве, а затем в 1957 году участвовали в VI Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Москве. Появились первые разрядники и даже мастера спорта. Самыми первыми выполнили этот высокий норматив по спортивной гимнастике Минир Шайхутдинов и Виктор Жуков, ставший впоследствии другом Глеба Ивановича и сменивший его на посту директора ДЮСШ.

В Сталиногорске гимнасты и акробаты быстро завоевали популярность среди жителей. Они участвовали во всех спортивных парадах и показательных выступлениях на Советской площади, в городском парке, на стадионе. Несмотря на трудности, Паншин находил возможность одеть всех в единую спортивную форму, которую чаще всего шили родители детей по предложенным выкройкам.

В 1961 году в Новомосковске в здании Дворца пионеров появилась ДЮСШ по спортивной гимнастике, директором которой стал Г.И. Паншин. Количество занимающихся росло с каждым годом. Вместе с этим рос и авторитет Паншина в городе. Летом тренировки продолжались в спортивном лагере. Лагерь не был стационарным, жили в палатках, еду готовили в полевой армейской кухне, продукты закупали в соседней деревне. Можно только предположить — сколько справок и разрешений пришлось получить директору на открытие лагеря. Не каждый взял бы на себя такую ответственность. Паншин сумел организовать вывоз тяжёлых брусьев и других гимнастических снарядов в лес, чтобы дети тренировались в нормальных условиях. Всю работу выполняли тренеры и дети. Сам Г. Паншин был и тренером, и шофёром, и поваром, и ночным сторожем, личным примером увлекая за собой остальных. Эта роль лидера, не на словах, а на деле идущего впереди, будет прослеживаться на всём жизненном пути Глеба Ивановича.

В 1962 году приступили к строительству собственного здания спортивной школы, которая была построена по инициативе и при непосредственном участии её будущего директора. Всего за два года было возведено здание с самым большим в городе, по тем временам, спортивным

залом, раздевалками, душевыми и подсобными помещениями. Сразу же была благоустроена и территория вокруг ДЮСШ, где не только был оборудован стадион для занятий лёгкой атлетикой, но и разбит небольшой сад с фруктовыми деревьями. Когда Паншина спросили: «Зачем ему сад?», он ответил: «А вот ребята закончат тренировку, пойдут домой, а по дороге нарвут вишен и съедят. Вот будет здорово!». Уже тогда проявилась очень важная черта характера Глеба Ивановича — думать и делать всё на перспективу, на будущее.

Сколько сил и энергии пришлось затратить на убеждения в необходимости строительства школы, на проектирование, согласование, добывание и прочее — мог бы рассказать только сам Глеб Иванович. Достаточно сказать, что и само строительство осуществлялось силами, в основном, детей, их родителей и того немногочисленного тренерского персонала, который был тогда в ДЮСШ. Первыми тренерами были гимнасты — супруги Лилит Александровна и Глеб Иванович Паншины, Нина Владимировна и Виктор Сергеевич Жуковы, Минир Назмутдинович Шайхутдинов и легкоатлеты Евгений Сергеевич Мудров, Семён Семёнович Кузнецов.

Воспитанники школы в разные годы добивались высоких спортивных результатов. Тренерами Паншиными подготовлен не один мастер спорта по акробатике и спортивной гимнастике. Их ученики были неоднократными призерами первенства России.

Вспоминает **Мария Акимовна Дозорова (Мымрина), ученица Глеба Ивановича — зам. директора ДЮСШ № 1**: «Я помню Глеба Ивановича с детства. Встреча с ним — большая удача, и тот счастливый человек, кто с ним встречался и общался. У меня самые лучшие воспоминания о нём. Всё хорошее, все, что связано у меня со спортом, связано с именем Глеба Ивановича. Он учил всему, самое главное — учил жизни. Помню, как он чертил на доске такую лесенку и говорил, что нужно подниматься и стремиться встать на самую высокую ступеньку, тогда и кругозор будет больше. Это я по жизни пронесла. Несмотря на то, что тренировки заканчивались очень поздно, он заставлял нас хорошо учиться в школе, приучал к дисциплине. Опаздывать и тем более прогуливать тренировки было не принято. Он как тренер был строгий, требовательный, но мы все знали, что это для нашей пользы, и ему полностью доверяли и подчинялись. Но с другой стороны, он мог по-отцовски понять и простить. Для нас он был просто человек, которого мы очень любили, а когда любишь, воспринимаешь его требования как должное».

Валентина Дмитриевна Кагырина — ученица тренеров Паншиных, тренер ДЮСШ № 1 — подготовила несколько мастеров спорта, победителей российских и региональных соревнований по спортивной гимнастике: «Для меня Глеб Иванович и Лилит Александровна были не только тренерами, но и, как принято говорить, вторыми родителями. Сначала я у них тренировалась в ДЮСШ, затем училась в техникуме.

Многим, что помогло мне в жизни и в работе, я обязана этим людям. Прежде всего это ответственность за то, что делаешь, и полная самоотдача. Как с нами работали без выходных и отпусков, не по расписанию, а сколько нужно, так и я стараюсь работать уже много лет, и мои ученицы, которые тоже стали тренерами. Глеб Иванович у меня проверял школьные тетрадки и дневник и ругал за плохие отметки, говорил, что необразованный человек не сможет в жизни добиться успеха. Уберёг от возможных неправильных поступков в жизни. Многие считали его очень строгим, иногда излишне резким в суждениях. Нам тоже доставалось, но всегда по справедливости. Мы не обижались, потому что знали, он нас любит как своих детей и всегда делает всё для нашей пользы.

Когда я стала работать тренером в ДЮСШ и появились первые успехи, мне предложили передать моих учениц другим, более опытным тренерам, как было принято в школе. Я отказалась, сказала, что сама хочу довести их до мастерства. Все меня осудили, а Глеб Иванович поддержал, сказав, что если чувствуешь в себе силы и готова тратить себя, не считаясь со временем и личной жизнью, то действуй».

Конобеев Сергей Николаевич — тренер по лёгкой атлетике ДЮСШ № 1:

«Для меня Г. И. Паншин — это человек, который был директором спортивной школы, в которой я занимался другим видом спорта. В дальнейшем — это судьба новомосковского спорта, с которой Глеб Иванович неразрывно связан. Он построил школу методом «народной стройки» и просто поразил всех своим масштабом как руководитель и организатор. Сейчас принято привлекать к своим проектам спонсоров, а в то время можно было сесть в тюрьму за нецелевое использование средств. Он умел договариваться и находить возможности для осуществления своих планов и задумок, умел убеждать и руководство города, и своих друзей, и подчинённых, вовлекая их в осуществление своих проектов.

Большая его заслуга в том, что он создал педагогический коллектив, который успешно работает до сих пор в ДЮСШ. Многие тренеры и руководители школы — его ученики, сохраняют лучшие традиции, заложенные Паншиным. В то же время оставил в свое время школу и создал физкультурный техникум в городе Новомосковске (сколько ему это стоило!), и это всё отражается на жизни Новомосковска, молодых преподавателей, спортсменов и именно детей, которые сейчас имеют возможность заниматься на этих спортивных сооружениях и даже получать образование. Вот в этом смысле о Глебе Ивановиче, как о руководителе и организаторе, складывается наилучшее впечатление. Я думаю, что не одно поколение новомосковских тренеров из любого вида спорта взяли много из его жизни и многому у него научились».

Большую роль в спортивной жизни города сыграло открытие в 1966 году техникума физической культуры, так как страна испытывала в то время большой дефицит квалифицированных физкультурных

кадров: учителей, тренеров, инструкторов, специалистов лечебной физкультуры. Директором техникума стал Глеб Паншин, которому опять пришлось начинать всё с нуля, ходить по инстанциям, добывать, доказывать, согласовывать, уговаривать, искать союзников.

Занятия проводились в неприспособленном помещении по улице Октябрьской, в котором было всего 6 аудиторий, небольшие комнаты для библиотеки, бухгалтерии, кабинетов завуча и директора. Не было даже помещения, в котором можно было провести общее собрание или торжественное мероприятие. Всё арендовалось у городских организаций. Студентам приходилось за короткое время перемен между уроками успевать добежать до следующего места занятий, переодеться и вовремя встать в строй. Опоздания строго наказывались, несмотря на то, что спортсооружения были разбросаны по разным концам города. Педагогический коллектив состоял из молодых преподавателей, в основном недавних выпускников институтов физкультуры, самыми старшими были 36-летний директор Паншин и 35-летний завуч Мудров. Именно на их плечи легла тяжёлая ноша под названием «Организация учебного процесса в никаких условиях». Только благодаря целеустремлённости, самоотверженности, молодому, здоровому, спортивному азарту первых преподавателей во главе с директором техникум состоялся. В 1968 году был сделан первый выпуск молодых специалистов.

В 1977 году техникум переехал в новое здание. Учебно-спортивный корпус, а через несколько лет и 9-этажное общежитие были построены в рекордно короткие сроки. Этому во многом способствовали неукротимая энергия и организаторские способности Г. И. Паншина. При поддержке вышестоящих спортивных, советских и партийных организаций, при непосредственном участии строителей городского СУ № 3, преподавателей и студентов техникума было создано лучшее по тем временам в России физкультурное среднее специальное учебное заведение.

Период работы в техникуме был, пожалуй, для Г. И. Паншина наиболее интересным и плодотворным. Строительство и оборудование, материально-техническое оснащение учебно-спортивной базы и общежития отнимали много сил и времени. Вместе с тем имя его стало известно не только в области, но и в России, да и среди специалистов профессионального физкультурного образования Советского Союза. Человек творческий, увлекающийся, стремящийся ко всему новому, передовому, Г. Паншин был инициатором участия преподавателей техникума в повышении их профессионального мастерства, поощрял учёбу на курсах, участие в семинарах, в проведении интересных и масштабных мероприятий и спортивных соревнований. Кого-то убеждал, а некоторых заставлял, не считаясь с их желанием. Умел радоваться успехам коллег, но и строго спрашивал за безделье, лень, непрофессионализм. С отдельными работниками расставался безжалостно, если не видел в них союзников в общем деле.

Им был сформирован и воспитан педагогический коллектив высококвалифицированных специалистов, который добивался высоких показателей в учебной, методической и спортивной деятельности. На его базе проводились всероссийские и всесоюзные совещания и семинары директоров, их заместителей и преподавателей учебных заведений ведомства, апробировались новые методики преподавания и организации учебного процесса. Члены педагогического коллектива участвовали в разработке учебных планов и учебных программ, в рецензировании учебников для техникумов физической культуры СССР.

1972 г. 42-летний Глеб Паншин на областных соревнованиях по акробатике

Незаменимыми помощниками директора в работе были завучи: Максимов Николай Матвеевич, взявший на себя основную нагрузку в период строительства нового здания техникума, и Ефанов Виктор Ефремович — грамотный, требовательный, от одного его появления на уроке трепетали даже опытные педагоги. Спортсмены техникума добивались высоких результатов, отдельные из них были участниками и победителями крупных всесоюзных и международных турниров. Сборная команда техникума трижды становилась победительницей в комплексной спартакиаде ТФК России. Во время Московской Олимпиады студенты колледжа участвовали в эстафете Олимпийского огня в качестве эскорта сопровождения. А преподаватель Андреев В. Г. нёс Олимпийский огонь.

Техникум оказывал большую шефскую помощь городу и району. В спортивных залах и бассейне техникума проводились занятия в многочисленных спортивных секциях и группах здоровья для детей и взрослых, студенты и преподаватели участвовали в судействе городских соревнований, в уборке территории парка и улицы Пашанина, помогали труженикам совхозов «Шахтостроитель», «Венёвский» и др. в уборке урожая.

Николай Матвеевич Максимов, завуч в техникуме ФК, преподаватель лыжного спорта вспоминал о Г. Паншине: «Это был замечательный, но очень неоднозначный человек, всегда шёл навстречу преподавателям, помогал им и в то же время был очень твёрд, а иногда жестко поступал по отношению к коллективу. Но это было временами и чаще всего себя оправдывало. Строительство нового учебного здания техникума требовало от него больших физических и моральных сил. Видимо поэтому у него была жёсткая требовательность.

Можно отметить его авантюрный характер. Многое он делал на грани риска. Так, за строительство техникума он получил и Почётную грамоту, и строгое партийное взыскание за какие-то нарушения. А без этих нарушений не построил бы техникум. Другой бы успокоился, только не Паншин. Также подвергся прокурорской проверке по доносу недоброжелателей во время строительства общежития. Кому-то, видимо, не давали покоя его успехи.

Как человек он был душевный, любил охоту и рыбалку, мы часто ездили на реку Дон. Был очень внимателен к людям, что ни попросят, всё сделает. Многим добивался получения квартир, помогал с устройством на лечение самих работников техникума и их родственников, решал вопросы, даже если они не касались его профессиональной деятельности, подключал всех друзей и знакомых».

Серьёзная и продолжительная болезнь стала причиной, по которой Г. И. Паншин в 1987 г. вынужден был оставить работу в техникуме. Заложенный им потенциал в работу учебного заведения и его педагогического коллектива позволил пережить трудные годы. Техникум (ныне — училище олимпийского резерва) по-прежнему является кузницей спортивных кадров, по-прежнему сюда приходят учиться одной из самых интересных и необходимых профессий. Сохраняются старые традиции. Большинство преподавателей и членов администрации — выпускники этого учебного заведения.

Человек творческий, Глеб Иванович интересовался в жизни многим и многое умел делать сам. Будучи городским жителем, очень любил природу, рыбалку, знал в ней толк. Он отлично снимал кинокамерой, резал по дереву. Многие удивлялись, когда он находил на всё это время? Но самым любимым занятием была литературная деятельность. Не случайно с первых лет существования техникума в его библиотеке помимо учебников и учебно-методических пособий по профессии были собрания сочинений и лучшие произведения российской и мировой художественной литературы, энциклопедии и исторические справочники.

Со слов **библиотекаря техникума Т. П. Яшиной** списки для приобретения литературы он составлял всегда сам. «История государства российского» Карамзина, толковые словари Даля и Ушакова — на долгие годы стали его настольными книгами. Возможно, компенсируя упущения в образованности, вызванные трудностями детства и военными годами юности, Г. Паншин много читал, интересовался историей России, повышал элементарные знания по русскому языку.

Не имея специального литературного образования, написал одиннадцать книг для детей и юношества, читать которые интересно не только детям, но и взрослым: «Будильник» (1970 г.), «Творительный падеж» (1971 г.), «Рассказы Димки Тяпкина» и «Речка Проня» (1974 г.), «Митя в Ольховке» (1992 г.), «Моя земляника» (1994 г.), «О чем поет жаворонок»

(1976 г.), повести «Заговор трёх» (1968 г.), «Весёлая дорога» (1976 г.), «Преображенский вал» (1990 г.), «Какие мы?» (1998 г.). Многие сюжеты и характеры персонажей для своих литературных произведений он находил в своём богатом опыте педагогической деятельности. Герои его первых книг и рассказов узнаваемы и словно списаны с его учеников. В его произведениях прослеживается понимание особенностей детских характеров, их переживаний, страхов и радостей, что характеризует самого автора как знатока детской психологии. В книге «Преображенский вал» много автобиографичного. Через переживания главного героя можно увидеть корни и первопричины отдельных черт характера самого Г. И. Паншина.

Среди друзей Г. Паншина были известные литераторы России. Творческая дружба связывала его многие годы с поэтом Николаем Старшиновым, которому он посвятил одну из своих книг, писателем Евгением Носовым.

Литературная деятельность Паншина, впрочем, как и других деятелей литературы и искусства, высоко оценивалась руководством Тульской области, о чём свидетельствует выдержка из нижеследующего документа.

«Постановление Губернатора Тульской области от 08.02.2001 N 56

Придавая важное значение деятельности профессиональных писателей и художников Тульской области в нравственном и патриотическом воспитании населения области, сохранении и развитии литературы и искусства, учитывая их большой вклад в пропаганду художественного творчества, постановляю:

1. Назначить ежемесячную стипендию администрации Тульской области в размере 300 (триста) рублей каждая членам:

— Тульской организации Союза писателей России,

— Тульскому областному отделению Союза российских писателей,

2. Утвердить списки стипендиатов администрации Тульской области 2000 года (приложения 1, 2).

1. …

24. Паншин Глеб Иванович

Стародубцев В. А.» (15)

Другой материальной поддержки от официальных лиц и организаций безработный на тот момент и больной Паншин не имел, тем не менее, продолжал свою общественную деятельность. Отзывы учащихся и учителей новомосковской школы № 20 свидетельствуют о более значимой оценке его творчества и просветительства, хотя и выражаются не в материальном эквиваленте: «В нашем школьном литературно-краеведческом музее есть все книги, написанные Паншиным. Он подарил нам их еще в день открытия музея, десять лет назад. Потом были пять лет большой и тесной дружбы. Писатель приходил к нам в школу, что-

бы встретиться с детьми. Случалось, что наши ученики целым классом приходили в гости к нему домой, и жена писателя не знала, куда всех рассадить и чем угостить. Ах, какие это были встречи! До сих пор ученики (теперь выпускники) вспоминают тот веселый и непринужденный разговор. Он дарил нам книги с автографами П. Сальникова, Н. Старшинова, В. Астафьева, ставшие бесценными экспонатами школьного музея. Он сажал вместе с нами деревья, беспокоился о том, чтобы победители школьных соревнований «На приз Глеба Паншина» получили его книгу. Он до сих пор смотрит на нас со стенда музея своим мудрым, лучистым взглядом и благословляет нас на добрые дела. «Добрые дела Г. И. Паншина» — так называлось сочинение, которое написал Андрей Потемкин, ученик 7-а класса. В областном конкурсе сочинений, посвященных Дню героев Отечества, эта работа заняла призовое место» [1]. Это слова Е. В. Ивановой, учителя русского языка и литературы МОУ «СОШ № 20» г. Новомосковска.

После того, как по причине серьёзной болезни Глеб Иванович вынужден был оставить пост директора техникума и прекратить педагогическую деятельность, он перенёс несколько операций по удалению опухоли головного мозга. Однако такой человек, как Паншин, даже будучи тяжело больным, не мог сидеть без дела. Человек неиссякаемой творческой энергии, пропагандист и активный участник внедрения инновационных технологий в области образования, человек высокой порядочности и ответственности перед обществом, Г. И. Паншин до последнего дня своей жизни продолжал активно участвовать в деле воспитания молодежи в духе патриотизма, нравственности, любви к Отечеству. Им было создано товарищество «Куликово поле», под его редакцией выпускался журнал «Поле Куликово», по его инициативе и при непосредственном участии были возобновлены празднования победы русского народа в Куликовской битве, которые приняли в настоящее время всероссийский масштаб.

Я помню, как в сентябре 1980 года в день Куликовской битвы Г. И. Паншин организовал поездку преподавателей и сотрудников техникума на Куликово Поле. Картина была унылая: холодно, ветрено, не прекращаясь, моросил дождь. В музее заканчивался ремонт, многие экспонаты убраны в запасники. В общем, малоинтересно. Видя настроение большинства, Глеб Иванович сказал: «Ничего, подождите, скоро вся Россия будет отмечать здесь этот святой праздник, и вы не узнаете этого места. Нам повезло, что такая святыня находится на Тульской земле». Прошло не так много лет, и вся Россия, включая Президента и Патриарха всея Руси — на Поле Куликовом. Для того, чтобы это сбылось, потрудились многие, но кто-то должен был быть первым. Первым был Г. Паншин.

Из письма Е. И. Носова В. И. Белову: «Дорогой Василий! А пишу тебе по такой нужде. В г. Новомосковске выпускается журнал «Поле Куликово». Редактором его один божий подвижник, Глеб Паншин — человек

небывалого мужества и доброго порыва. Года три тому назад из его головы вырезали 400 г опухоли, и по сей день он с трудом волочит ноги… но даже в таком искалеченном виде этот человек бьется за жизнь журнала, как говорят, до последнего патрона. На каждом выпуске номера он имеет убытки, но как-то по крохам собирает, выпрашивает нужную сумму, занимается перепродажей консервов, сахара, чтобы сохранить журнал… Он стесняется лично обратиться к тебе и попросил сделать это меня. А дело такое: нужен от тебя рассказец или два-три для поддержки журнала. В «Куликовом поле» уже печатался Саша Романов и другие вологодцы: А. Грязев, А. Цыганов. Но если бы ты прислал свои рассказы, Глеб Паншин был бы просто счастлив. Он гордится каждым хорошим автором. Если что будет, вышли на мой адрес: я являюсь членом редколлегии. Обнимаю и помню» [2].

Вера в необходимость, праведность и полезность дела, умение находить нужных людей, сила убеждения помогали Глебу Ивановичу. В 1998 г. вышло Приложение к журналу «Поле Куликово» Г. Паншина под названием «Куликово поле от А до Я», в предисловии к которому сам автор написал: «К работе над этой книжкой меня побудило желание не только популярно рассказать о Первом ратном поле России, но более того — надобность помочь любознательному и вдумчивому читателю объёмнее, ярче и объективнее увидеть события, способствовавшие зарождению Московского государства.

Куликово поле для нас, русских — знаковое. Оно — символ воинской самоотверженности и славы, знамение национального единения ради победы над ордами посягателей на свободу, личное и общественное достояние» [3, с. 4].

Для всех, знавших Глеба Паншина, он всегда останется в памяти человеком, которому по плечу любое дело и который, не жалея себя, всегда добивался поставленной цели, умел зажечь окружавших его людей своей идеей, увлечь их, сделать своими соратниками, помощниками в делах. Память о Г. И. Паншине навсегда сохранится в сердцах его учеников и коллег.

Литература и источники

1. *Иванова Е. В.* Добрые дела Г. И. Паншина // «Новомосковские новости» 16.11.2007.

2. Письма Е. И. Носова В. И. Белову // Москва. 2003. № 6. С. 168–179. URL: https://www.booksite.ru/pressa/150.htm (дата обращения: 15.10.2020).

3. *Паншин Г. И.* Куликово поле от А до Я: Лит. прил. к журн. «Поле Куликово» — 1998. Новомосковск, 1998.

4. Материалы интервью Н. Н. Андреевой для видеофильма «Живая вода Глеба Паншина». Новомосковск, 2004.

ОЛИМПИЙСКИЙ ЧЕМПИОН ВОПРЕКИ

Веденин Вячеслав Петрович, 78 лет,
серебряный призер X Олимпийских игр в Гренобле
в лыжной гонке на 50 км (1968),
двукратный чемпион XI Олимпийских игр в Саппоро
в лыжной гонке на 30 км и в эстафете 4х10 км (1972),
четырехкратный чемпион мира,
тринадцатикратный чемпион СССР по лыжным гонкам,
кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени,
Заслуженный мастер спорта СССР,
Почётный гражданин Тульской области,
г. Москва — г. Тула

Я родился в деревне Слободе, в Дубенском районе Тульской области, 1 октября 1941 года. Мой отец не вернулся с войны — погиб в 1942-м, и маме пришлось воспитывать нас с сестрой самой; я старался помогать ей как мог.

С самого детства я занимался спортом. Так как в деревне не было специального спортивного инвентаря, приходилось использовать подручные средства. Часть из них давали соседи.

Лыжами увлекся еще в школьные годы в Слободе. Когда получил третий разряд по лыжам, был очень рад. Это было очень почетно. До сих пор помню те чувства, которые вызывал значок — большой, красный, очень приметный. Обладать им в деревне было необычно. Уже тогда у меня возникла мечта стать Олимпийским чемпионом, и для ее достижения я стал много работать.

В 8 классе я перешел в школу села Воскресенское. Чтобы попасть на занятия, ежедневно приходилось преодолевать 7 км, зимой — на лыжах, в теплое время — на велосипеде. Вскоре в новой школе мне удалось выполнить II и I взрослые разряды по лыжам. Мне вручили новые гоночные лыжи, и это была очень ценная награда.

На первые серьезные соревнования я поехал в 16 лет, это была областная спартакиада школьников. Ближайшего соперника я обогнал на 3 минуты. Там я познакомился с Дмитрием Степановичем Головиным, который стал тренировать меня в центре «Динамо». Можно сказать, что это была судьбоносная встреча.

После окончания школы я поступил в техникум транспортного строительства. Стипендия была маленькой, и, чтобы помогать маме, я устроился работать в пожарную часть — в этом мне тоже помогло «Динамо».

Много тренировался и в итоге был включен в состав молодежной сборной страны. На Чемпионате страны 1964 года я занял 18-е место. Это явилось стимулом работать усерднее для реализации моей мечты.

В 1966 году меня отправили на Чемпионат мира в Холменколлен. Помню, условия были довольно плохими: спали вдвоем на одной кровати, а на вторую ночь в нашей комнате обвалился потолок. Пришлось переселяться в 2 часа ночи в другую комнату, а ведь утром старт! Во время соревнований такие вещи имеют значение. Одна мелочь может стоить победы. В тот раз мне победить не удалось.

В 1968 году были мои первые Олимпийские игры. Они проходили в Гренобле. Я завоевал второе место, проиграв 17 секунд норвежскому спортсмену Уле Эллефсетеру. Тогда на дистанции стоял один тренер команды через 25 км; поэтому лыжнику приходилось бежать без информации о ходе гонки. Сначала я ехал девятым, но после 40-го километра начал догонять. Однако времени мне не хватило, хотя силы остались. Тем не менее, это был очень радостный день — я ведь получил первую Олимпийскую медаль!

После был Чемпионат мира 1970 года в Высоких Татрах. После трех этапов мы проигрывали немцам целую минуту! Оставалось 10 км, подобный разрыв на соревнованиях катастрофичен. Тем не менее, мне удалось догнать Герта-Дитмара Краузе и прийти первым.

Однако награждение оказалось намного страшнее. Дело-то происходило вскоре после августа 1968 года, и у чехов было довольно предвзятое отношение к советским людям. В их представлении мы были оккупантами. И вот перед церемонией награждения ко мне подошел посол с просьбой проявить хладнокровие. Я ничего не понял, вышел на стадион и обомлел. На стотысячном стадионе не было ни одного свободного места. Когда оркестр заиграл наш гимн, начался такой свист, что музыки не было слышно. Я поднимался на пьедестал с мыслью, что буду застрелен каким-нибудь фанатиком. Мне казалось тогда, что самое страшное — даже не умереть, а упасть и тем самым опозорить звание советского чемпиона.

Я стоял на пьедестале, крепко упершись в него ногами, обливался холодным потом и ждал выстрела, думая, что все равно устою, не упаду. Это были очень страшные минуты в моей жизни: я еще никогда не чувствовал собственную смерть так близко.

Меня наградили, а следом — вручение медалей чемпионам и призерам в эстафете. Помню, как подошел к нашим ребятам Воронкову, Симашову, Тараканову. Я их убедил, что раз уж в одного меня не стреляли, то и четверых убить побоятся. Поднялись мы на пьедестал, встали, а свист... вдруг прекратился. Зрители поднялись, сняли шапки и молча выслушали гимн Советского Союза. Той победой я горжусь не меньше, чем олимпийским титулом. Тогда спорт оказался важнее политики.

В 1972 году я поехал на Олимпийские игры в Саппоро. Открытие началось с казуса: мне доверили нести Красное знамя Советского Союза, которое я должен был по ритуалу преклонить перед японским императором. Но я прошел мимо императорской ложи с высоко поднятым вверх древком строевым шагом... Это было грубым нарушением этикета.

Для меня игры начались с дистанции 50 км. Круг 25 км, и снова нет возможности получить информацию. Как оказалось, швейцарцам мы проигрывали 7 минут. Это была катастрофа! Жизненно важно было узнать, каким я иду, а возможности не было. Мне удалось-таки нагнать соперников, но я пришел третьим, проиграв 7 секунд серебряному призеру и 22 секунды победителю. Было очень обидно, особенно потому, что сил осталось много — еще километров на 50.

А потом была эстафета. Лидером гонки был норвежец Харвикен, который опережал на 1 минуту 8 секунд, а сзади, совсем близко, — швед Лундбек. Перед стартом наши тренеры рассчитывали на второе место и говорили, что это был бы замечательный результат. Болельщики начали покидать стадион. В нашу победу никто не верил. Это было очень обидно!

Тем не менее, мне удалось нагнать Харвикена за километр до финиша. В итоге я опередил его на 10 секунд. Как я достиг финиша, помню смутно. Помню, что выложился настолько, что мне пытались после финиша разжать зубы — так сильно я их сжал во время эстафеты. Я все спрашивал, кто победил, в конце этапа я совсем перестал что-либо осознавать.

Эта победа была первой для советских лыжников с 1956 года.

Было очень необычно осознавать, что я знаменит. Уже после окончания карьеры в большом спорте меня узнавали люди в других странах, и это меня всегда сбивало с толку.

В середине 1970-х гг. я получил серьезную травму, и с большим спортом пришлось расстаться. Я занялся тренерской работой в родном обществе «Динамо». Лыжный спорт и сейчас является большой и очень любимой частью моей жизни. И я думаю, что заниматься спортом нужно всем с детства. Молодежь должна осознать, что это — залог здоровья и долгой, активной жизни. Но чтобы добиться результата, нужно много трудиться.

Мой путь в лыжном спорте — это большая работа. Я тренировался 6 дней в неделю. В 1962 году пробегал по 40 км в день плюс нужно было наколоть дров, натаскать воды — это все равно что ОФП — общефизическая подготовка; в 1966 году — уже по 60 км, а перед чемпионатом мира 1970 года — под 80 км, а в отдельные дни бывало — под 100 км. Это занимало 6,5 часов.

У меня были хорошие учителя и тренеры. Спасибо школьному учителю физкультуры Леониду Григорьевичу Харитонову (это он привил любовь к спорту), Дмитрию Степановичу Головину, Николаю Петровичу Аникину, Виктору Николаевичу Бучину (кстати, брату личного шофера Георгия Константиновича Жукова), у которого я стал мастером спорта по велосипеду), Павлу Константиновичу Колчину.

***

Студенты и преподаватели на встрече в Тульском филиале РЭУ им. Г. В. Плеханова задали много вопросов, вот некоторые из них.

В ваше время преподавали технику бега, постановку шага? Уделяли Вы этому внимание?

— Безусловно. Без техники ничего не добиться. Например, мой друг был достаточно быстрым лыжником, но совершенно не знал, как правильно переставлять ноги, семенил. Из-за этого он не мог добиться высоких результатов. От техники очень многое зависит: ширина шага, неправильный угол могут быть причиной замедления, даже падения лыжника. Это чрезвычайно важно!

Востребован ли сейчас Ваш опыт? Даете ли Вы консультации спортсменам?

— Да, немцы используют наш опыт, часто просят проконсультировать их. Некоторые немецкие тренеры заканчивали наши ВУЗы и работают на основе наших методик. Раньше наши тренеры уезжали из России, готовили иностранных спортсменов, американцев, к примеру. А наши сборные приглашают часто тренеров-иностранцев. А ведь они все у нас и учились!

Были ли в ваше время случаи использования допинга?

— Какой допинг?! Весь допинг в мое время — это разведенная в воде сгущенка или кусок сала с хлебом. В наше время это не было распространено, и наши спортсмены не имели возможности принимать что-то такое, у нас не было ни лишних денег, ни желания. Мы привыкли добиваться всего своими силами.

Как Вы относитесь к современным новациям в лыжном спорте: ходу «коньком», организации соревнований, к тому, чего раньше не было?

— Сегодня другой подход — из-за капитализма спорт стал бизнесом. Сейчас вот, например, на соревнования спортсмены везут больше инвентаря,

Встреча Вячеслава Веденина в Тульском филиале РЭУ им. Г.В. Плеханова 24.01.2018 г.

чем раньше — по несколько пар лыж и палок для классики и для конька. Это, конечно, в основном денежный вопрос. Есть интерес спонсоров, бизнесменов, желание заработать. Тем не менее, некоторые модные новшества иногда могут помочь. Шведы в свое время победили как раз из-за возможности попробовать трассу и менять инвентарь в зависимости от условий лыжни. В этом плане они всегда были впереди планеты всей. Спорт сейчас сильно коммерциализирован, теперь это прибыльный бизнес.

Предлагали ли Вам перейти в сборную другой страны?

— Нас пытались вербовать, но у меня не было желания покидать родную страну.

Когда перед Чемпионатом мира 1966 года меня отправили тренироваться со сборной Швеции (почему меня и одного — не знаю), тренировочный процесс оказался очень тяжелый, я там сильно похудел: приехал с весом 68 кг, а вернулся через 20 дней с весом 61 кг. К тому же, отправили совсем без денег, возможности купить что-то из еды дополнительно, даже попить кофе, не было.

Я поехал с двумя парами лыж и одной парой ботинок. После двухразовых в день тренировок ботинки начали рваться. И вот я сижу однажды с дратвой и ремонтирую ботинки, а в комнату входит верзила. Он удивился моему занятию, берет ботинок и... выкидывает в форточку, берет мои эстонские кеды и тоже бросает в форточку, ломает на моих глазах лыжу и тоже туда же... Это была провокация. Мне даже пришлось применить силу, поведение этого человека было возмутительным. Однако потом он принес извинения, мы с ним в итоге стали приятелями. Это был миллионер Курт. На следующий день он доставил две пары лыж и ботинок, но мы не могли ничего брать у иностранцев. Он предлагал мне остаться, говорил о лучших условиях, которые у меня будут. Но меня это не прельщало.

Записала Дарья Данилкина, студентка 4 курса,
по видеоматериалам встречи 24.01.2018 г., организованной
директором Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова
Н.В. Калининым для сотрудников, преподавателей и студентов

P.S. На сайте Тулабренд в рубрике «Знаменитые земляки» есть фраза, которая многое объясняет: «Вячеслав Петрович признался: “Каждый раз, когда я еду на родину, пересекая границу Московской и Тульской областей, неожиданно для всех и себя замолкаю. К горлу подкрадываются слезы. И ничего не могу с собой поделать. Это моя Родина, это моя любимая Тульская земля”».

И еще удивительный факт — Вячеслав в школе не хотел учить немецкий язык, даже на второй год остался: «Дураком надо быть, чтоб давать нам этот язык. Когда отцов на войне поубивало».

Редактор

ГАЛИНА ПРОЗУМЕНЩИКОВА — ПЕРВАЯ В СССР ОЛИМПИЙСКАЯ ЧЕМПИОНКА В ПЛАВАНИИ

Володин Валерий Иванович, 71 год,
директор Музейного историко-мемориального комплекса
героическим защитникам Севастополя «35-я береговая батарея»,
капитан 1 ранга в отставке,
г. Севастополь

Галина Прозуменщикова — Заслуженный мастер спорта СССР. Олимпийская чемпионка (1964, Токио), призёр Олимпийских игр (1968, Мехико и 1972, Мюнхен), 6-кратная рекордсменка мира, 3-кратная чемпионка Европы, 15-кратная чемпионка Советского Союза, 3-кратная победительница Спартакиад народов СССР (1963, 1967, 1971), чемпионка Европы среди ветеранов (1999)

В мои школьные годы мне довелось быть рядом, что называется «вблизи», с Галиной Прозуменщиковой — первой в СССР олимпийской чемпионкой по плаванию. Родилась она в 1948 году в Севастополе, чем долгое время очень гордились не только спортсмены, но и все севастопольцы.

С 6-го класса меня родители перевели в старейшую и знаменитую в Севастополе среднюю школу № 3 (что поближе к дому). Как и все мальчишки и девчонки 60-х годов в эти свои юные годы, мы активно искали для себя что-то новое, интересное, полезное... В параллельном классе училась крепкая и рослая, в сравнении с другими, заметная девочка Галя. А в нашей школе, кроме спортивных и танцевальных кружков, существовал еще и фотокружок... Это было в то время редкостью в школах, ведь для того чтобы обучать фотоделу, нужны специальное помещение, оборудование, увеличители, фотоаппараты, фотобумага, химикаты для проявления и другое...

Помню, что руководил нашим фотокружком тогда, в начале 60-х годов, хорошо известный в Севастополе фотомастер Брамберг, чьи художественные и репортажные фотографии украшали стенды городских и Всесоюзных фотовыставок, печатались в газетах. Здесь, в подвальном школьном помещении фотокружка, мы и встречались с Галей Прозуменщиковой. Слушали уроки основ фотодела от Брамберга, правила фотосъемок, учились проявлять фотопленки, кадрировать, печатать и ретушировать. В темноте помещения только красная фотолампа и напряженно сопящие носы мальчишек и девчонок, склонившихся над фотованночками, выдавали наш интерес к «делу». Так же сопела и пыталась сделать луч-

шую фотографию и Галя. Про успехи уже не вспомню, но ее упорство уже тогда было заметно.

Мы все знали, что она занимается еще и плаванием в спортклубе Черноморского флота, возле Графской пристани, поэтому ей всегда нужно было еще бежать на тренировку. Удивлялись, что это происходило по вечерам... Ведь в школе к 14 часам заканчивались наши 5–6 уроков, затем с 15 часов еще 2 часа занимал фотокружок (выходили на съемки в скверы...). Мы уставали, а она — нет! Поэтому пытались «подначивать», вроде того, что у нас, наверное, будет свой первый «подводный фотограф».

Однажды наш руководитель сказал: «Сегодня будем заниматься фотопортретами и первой будет позировать Галя Прозуменщикова». Почему она будет первой, мы поняли сразу, когда она вышла из-за темной ширмочки. На ней был одет редкий в ту пору спортивный синий шерстяной костюм: на воротничке и на рукавах — белые полоски, а на груди надпись — СССР (примерно вот такие фото, как выше, у нас тогда получились на первой Галиной «фотосессии»).

Сегодня сказали бы: «Мы все были в шоке!», а тогда у нас действительно отвисли рты. Таких костюмов ни у кого в школе мы не видели, а надпись крупными белыми буквами — СССР — вообще была для нас будто из другого мира.

Еще большее потрясение — настоящая спортивная медаль на широкой алой ленте, которую она достала и надела на шею для съемок. Мне запомнилось, что на наши неподготовленные детские вопросы она серьезно ответила, что медаль из Болгарии, где она победила на юношеских соревнованиях в составе сборной страны. И здесь мы узнали, что она уже выполнила норматив «кандидат в мастера спорта СССР» по плаванию брассом на 100 метров!

Плавать и нырять в Севастополе умели все школьники, многие занимались в кружках и секциях, были и у нас «юношеские» разряды, у некоторых — даже 3-й или 2-й «взрослые», но чтобы «кандидат в мастера спорта» — это редкость! А участие в сборной СССР — это невероятно! Фотографировали ее долго и «от души».

Через некоторое время Галя принесла в кружок, показала и дала потрогать значок «мастер спорта СССР».

А на демонстрации по случаю праздника Первое мая 1963 года я увидел Галину во главе колонны спортсменов города в многотысячной демонстрации севастопольцев, проходивших рядами мимо трибуны на улице Ленина. На груди было уже несколько наград на лентах.

Про нее много говорили по радио, публиковались статьи в газетах. Она победила на чемпионате Европы в Германии. Галя стала знаменитой... Но совсем не гордой, а по-прежнему очень улыбчивой, дружелюбной, с негромким голосом и приветливой со всеми. Казалось, она стала как-то даже выше ростом нас всех...

Проживала ее обыкновенная севастопольская семья, как и все — в пятиэтажке, правда, в самом центре города, на Центральном городском холме, на улице Луначарского, немного ниже Петропавловского храма, если двигаться по дороге к морю.

Позднее я узнал, что ее отец был офицером, служил на подлодке в бригаде подводных лодок в Южной бухте. Помню, у нее еще была младшая сестра Ирина (ниже ростом, коренастая, крепкая), которая тоже пробовала себя в брассе и даже стала «мастером спорта СССР», но до старшей сестры ей по результатам было далеко.

Встречались потом в городе еще несколько раз, «на ходу». А потом ей предложили переехать в Москву, тренироваться в составе сборной страны. Там же в 1966 году она закончила школу, затем училась на факультете журналистики в МГУ имени М. В. Ломоносова. Позже видел ее на экранах Центрального телевидения в качестве спортивного комментатора и телеведущего.

А если вспомнить о ее достижениях в спорте, то в Интернете сегодня много информации о спортивной гордости нашей страны — Галине Прозуменщиковой!

...В 1961 году Галина выполнила норматив перворазрядницы, а через год стала мастером спорта.

...Стометровка брассом была ее излюбленной дистанцией, но Олимпийской дистанцией тогда была 200-метровка. И когда Прозуменщикову пригласили тренироваться в сборную страны, вскоре олимпийская дистанция стала для Галины такой же любимой, как и стометровка.

На XVIII летних Олимпийских играх в Токио в 1964 г. ей покорился новый олимпийский рекорд — 2:46,4. Она стала первой советской пловчихой, поднявшейся на высшую ступень олимпийского пьедестала. Затем будут еще две Олимпиады и ценные «трофеи» различного достоинства. Новые рекорды и победы на чемпионатах СССР, Европы, мира...

В 1973 году после участия в Московской универсиаде Галина Прозуменщикова ушла из большого спорта. Занимала пост председателя Федерации синхронного плавания России, тренировала детей.

Заслуженный тренер РСФСР Виталий Иванович Сорокин, наставник Г. Прозуменщиковой в ЦСКА, сказал однажды о своей воспитаннице: «В любом виде спорта появление настоящей «звезды» такое же редкое явление, как в астрономии. В моем представлении Галина была идеальной спортсменкой, в которой сочетались лучшие спортивные и человеческие качества» [1].

Литература и источники

1. Галина Николаевна Прозуменщикова. URL: http://www.olimpic.su/prozumen.html (дата обращения: 26.03.2020).

ТУЛА — ВЕЛОСИПЕДНАЯ СТОЛИЦА МИРА[1]

Кочетова Марина Евгеньевна, 55 лет,
педагог культурно-образовательного центра «Родник»,
Канада, г. Оттава

В Голландии самое любимое средство передвижения — велосипед. Но не Амстердам считают велосипедной столицей мира, и даже не Токио, где тоже все именно велосипеду отдают предпочтение. Велосипедной столицей мира издавна и по праву называют Тулу, подарившую миру невероятное множество велосипедистов-чемпионов самого высокого ранга!

Давным-давно, в 1896 году, именно в Туле был построен первый в России велотрек. Виражи его были пологими, но это не мешало гонщикам устанавливать рекорды, а зрителям получать удовольствие от увиденного. Когда образовался Советский Союз, тульский велотрек стали называть первым в СССР. Так или иначе, он вошёл в историю нашей Родины как старейший велотрек.

Я никогда не занималась велосипедным спортом, но детство моё и юность прошли именно на знаменитом тульском треке. А воспоминания, связанные с ним, переполняют сердце и душу. Тульский трек — частичка истории моей семьи.

За много лет до моего появления на свет именно на треке познакомились мои бабушка и дедушка — дед, Дмитрий Кочетов, прославленный оружейник, в первые годы существования трека выступал на нём, завоевав немало призов. В буфете на треке он случайно познакомился со своей будущей женой Минодорой, моей бабушкой, которая помогала своему отцу, державшему тот самый буфет. Их младший сын Евгений, мой отец, с детства увлекавшийся велосипедными гонками, не заметил, как и сам пристрастился к соревнованиям, впоследствии став членом сборной команды страны, чемпионом России, призёром чемпионатов СССР, мастером спорта, а впоследствии заслуженным тренером и авторитетным арбитром. Благодаря ему Тула стала родным городом и для моей мамы — заслуженного мастера спорта, первой в истории чемпионки мира в индивидуальной гонке преследования, 16-кратной чемпионки Советского Союза, прославившей Тулу не меньше, чем легендарный Левша! А совсем недавно в Великобритании вышла книга о лучших (!) велосипедистках XX века — их всего там несколько человек, со всего земного шара, признанных лучшими среди миллионов гонщиц,

[1] Продолжение. См.: *Кочетова М.Е.* Рожденный творить // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. С. 210–214; *Кочетова М.Е.* Легенда по имени Любовь // Мы помним... Ч. 1 (2015). С. 238–241; *Кочетова М.Е.* Полный кавалер ордена Славы из семьи Касинцевых // Мы помним... Сразу после войны (2017). С. 395–400; *Кочетова М.Е.* «От всей души» // Мы помним... Т. 2 (2020). С. 465–467.

побеждавших на международных состязаниях по велоспорту в течение ста лет... И моя мама — тулячка Любовь Кочетова вошла в их число!

Когда я родилась, родители уже перешли на тренерскую работу. А мне суждено было стать своеобразным талисманом для их многочисленных воспитанников, поскольку вся моя жизнь проходила среди велосипедистов, рядом с которыми я была и на тренировках, и на соревнованиях, как в поездах, так и в гостиницах, как в ресторанах, так и на прогулках в так называемые «дни отдыха»... Воспринимала я такую жизнь как что-то само собой разумеющееся. А ведь меня окружали настоящие звёзды! Но я видела в них обычных людей, на равных и с уважением общающихся со мной. Для многих из них я, вероятно, была отдушиной своего рода. Никогда не забуду, как мамина воспитанница Тамара Гаркушина заплетала мне косички, кормила одуванчиками мою черепашку, а перед выходом на старт слегка дёргала меня за косу на счастье. А ведь Тамара только чемпионкой мира становилась шесть раз! А сколько чемпионатов России и Союза она повыигрывала! Заслуженный мастер спорта, человек далеко не публичный, полностью оградивший себя от внимания прессы, скромно, но очень достойно проживающий свою жизнь, не пользуясь звёздными привилегиями. Великая англичанка Берил Бёртон, основная конкурентка Тамары, в своей книге воспоминаний именно Т. Гаркушину (!) называет самой опасной соперницей, самой сильной велосипедисткой современности, чьей неймоверной физической силе могли бы позавидовать даже мужчины!

Я с Тамарой Гаркушиной, заслуженным мастером спорта СССР, шестикратной чемпионкой мира, маминой ученицей на тульском треке, 1968 год

Для многих поколений туляков именно велотрек на долгие годы оставался центром притяжения. Мне посчастливилось застать те времена, когда трибуны, что называется, ломились, и яблоку негде было упасть. Это происходило, когда Тула становилась хозяйкой чемпионата страны или популярного турнира под названием Матч Городов, но в первую очередь, во время проведения Гран При — Большой Приз Тулы, как мне кажется, входил в пятёрку самых престижных соревнований в Советском Союзе. Поболеть за соотечественников приезжали болельщики из разных городов, со всех концов необъятной страны. Других посмотреть и себя показать, помериться силами прилетали в Тулу и именитые иностранцы! Многие мечтали выиграть именно Большой Приз Тулы — настоящее спортивное или охотничье ружьё (за 1 место), уникальный тульский самовар (за 2 место), и даже за третье вручался памятный приз!

Лично для меня самое яркое воспоминание детства связано с моментами, когда величайшие мировые звёзды — грузин Омари Пхакадзе, француз Даниэль Морелон — как сказали бы сейчас, щекотали нервы соперникам, завораживали своим мастерством зрителей, преподнося своеобразные мастер-классы всем участникам этих международных соревнований! Я очень отчётливо помню атмосферу, царившую в такие минуты на треке. Её невозможно передать словами. Это было так торжественно, будто по команде замирали зрители, а потом трибуны взрывались аплодисментами, эмоции захлёстывали всех и вся. А я имела привилегию видеть всё происходившее изнутри — не с трибун я наблюдала за заездами. Я всегда сидела на скамейках для участников, среди этих самых участников, гордо получая букеты цветов от свежеиспечённых победителей. И я на полном серьёзе считала себя частью этого невероятного события, каковым каждый раз становился турнир на Большой Приз Тулы.

Публика приходила на трек как на праздник, в хорошем настроении, нарядная — одевались получше, чем в нынешние времена в театр ходят. Это было событие, которого ждали, к которому готовились. Зрители готовились, не говоря об организаторах и спортсменах — устраивались парады чемпионов, на церемонии награждения приглашали духовой оркестр. Кстати, иногда оркестр играл в перерывах. Программа соревнований включала в себя разные виды гонок. Если начинался дождь, естественно, всё переносилось (трек-то был не крытый, а под открытым небом). Но зрители терпеливо ждали продолжения соревнований, на всякий случай приносили с собой и зонты, и плащи, и термосы с чаем… Наиболее зрелищным видом трековых гонок всегда был спринт. Однажды в середине 70-х, помню, наступило время решающих заездов спринтеров. Спринтерские гонки интересны сами по себе, но с приближением полуфиналов страсти обычно накалялись так, что наиболее впечатлительные болельщики глотали валидол. Во время спринтерских заездов даже у меня начинался мандраж и сердцебиение — я старалась предугадать исход поединков.

Так вот, в тот незабываемый вечер был на редкость интересный спринт. В финал вышли олимпийский чемпион Владимир Семенец из Ленинграда (на тот момент его тренировал мой папа) и молодой одессит Анатолий Яблуновский. По правилам соревнований финалисты встречаются дважды — иными словами, до двух побед. Теоретически возможен и третий тур, но на практике такое случалось тогда столь редко, что казалось чем-то диковинным. И вот тот самый редкий случай! Все уже устали, стемнело, над треком включили освещение… Но никто не уходил, пока Семенец с Яблуновским выясняли отношения на полотне тульского трека… На следующий день в «Молодом коммунаре» вышла огромная статья «Три часа во власти спринта». А многочисленные зрители с гордостью её не только читали, но берегли как ценную реликвию, доказывающую их сопричастность… Тульские болельщики — особая каста. Иногда я с ними беседовала, сверяя их знания со своими.

80-летний юбилей Л.К. Кочетовой. Слева направо — Л.К. Кочетова, Т. Гаркушина, Е.Д. Кочетов. 2009 г.

Какая плеяда великолепных гонщиков была воспитана в Туле в 60–70 годы! Сергей Терещенков, Валентина Савина, Тамара Гаркушина, Тамара Пильщикова подхватили чемпионскую эстафетную палочку от моей мамы, Любы Кочетовой. К концу семидесятых Тула была единственным городом в мире, воспитавшим пять чемпионов мира в гонках на треке! В восьмидесятые засверкала звезда легендарного Сергея Копылова — туляка, впервые из советских велосипедистов выигравшего золотую медаль чемпиона мира в спринте. Много новых имён было открыто на тульском треке. На С. Копылове триумфальное шествие Мастеров велосипедной Тулы не прекратилось. Но я глубоко убеждена, что именно Серёжа Копылов своими уникальными достижениями в велосипедном спорте олицетворяет могущество славного города оружейников и велосипедистов. С. Копылов — это феномен, на которого будет равняться ещё не одно поколение велосипедистов.

За долгие годы своего существования тульский трек неоднократно реставрировали и даже реконструировали. Надеюсь, он и впредь останется одним из важнейших спортивных объектов Отечества; первым не только по порядку, но и по качеству проведения соревнований, и по числу воспитанников, умножающих его славу, и по престижу. А Туле желаю вечно помнить прославивших её велосипедистов и продолжать оправдывать неофициальное звание велосипедной столицы мира. Кто знает, может когда-нибудь оно станет и официальным…

«ПОКА СБОРНАЯ НЕ ЗАПОЕТ ГИМН РОССИИ, ОНА НИЧЕГО НЕ ВЫИГРАЕТ»

Алекно Владимир Романович, 53 года,
главный тренер волейбольного клуба «Зенит», Казань,
заслуженный тренер России и Республики Татарстан,
член Общественной палаты Российской Федерации,
почетный гражданин города Казани,
Республика Татарстан, г. Казань

Президент РФ Владимир Путин наградил Владимира Алекно орденом Дружбы народов. 2019 г.

Родился я в Белоруссии, в древнем городе Полоцке, первое упоминание о котором встречается в русских летописных источниках с 862 г. За свою более чем 1150-летнюю историю город был в составе и Великого княжества Литовского, и Речи Посполитной, и Русского государства при Иване Грозном (1563–1579 гг.), и Российской Империи — с 1772 г. В 1924 г. Полоцк вошел в состав Белорусской ССР.

Когда началась Великая Отечественная война, то уже через пять дней началась напряженная оборона Полоцка (27 июня — 16 июля), которая задержала на 20 дней продвижение немцев к Москве. Затем был трехлетний период оккупации полоцкой земли с июля 1941 г. по июль 1944 г. с активной деятельностью подпольщиков и партизан и, наконец, освобождение города в результате Полоцкой наступательной операции (28 июня — 4 июля 1944 г.).

Мой дед, Петр Алексеевич, до войны лесник — участник Великой Отечественной войны. Воевал, остался жив, был связан с партизанским движением. Мама, Вера Петровна, 1936 г.р., хорошо помнит период оккупации, когда немцы, с одной стороны, иногда давали местным детям шоколадки, но с другой стороны, ходили по домам, безжалостно отбирали последнее, устраивали расправы. В ее памяти сохранился тот страх и ужас, когда немцы сожгли соседнюю деревню.

Я появился на свет в 1966 г. в советской «интернациональной» семье белорусски Веры Петровны и литовца Романа Александровича. Память о войне у нас со старшим братом Сергеем «впиталась» с детских лет.

Нас воспитывало время — мы застали бравых фронтовиков, которые без высокопарных слов своим примером учили нас трудиться, любить Родину, помогать слабому, ценить и уважать старших, коллектив. Пацаны на улице могли выругаться, но при седовласых ветеранах старались вести себя прилично, в транспорте уступали место. Уважали.

В 10 лет я начал заниматься волейболом. Слова огромной благодарности хочу высказать моим первым тренерам — Евгению Борисовичу Рудову и Ивану Ивановичу Коршунову, которые направили меня на путь истинный. В то время меня больше манила улица. Разглядев во мне способности, Иван Иванович приходил в школу, встречал меня после уроков и сопровождал на тренировку, чтобы улица не внесла свои коррективы в тренировочный процесс.

Через 4 года меня пригласили в Минский спорт-интернат. Началась осознанная профессиональная деятельность.

В 1980–90-е гг. я играл на позиции центрального блокирующего в ведущих клубах Белоруссии, России, Болгарии, Италии и Франции.

Уже в конце 1990-х, играя в команде «Тур» во Франции, стал играющим тренером, а в 2004 г. привел ее к победе в национальной лиге. Затем был главным тренером в московском «Динамо», казанском «Зените».

2012 год для отечественного волейбола и меня оказался особенным. На Олимпийских играх в Лондоне сборная России стала олимпийским чемпионом. До этого олимпийского золота у нашей страны не было более тридцати лет. Что же произошло?

Раньше сборную Россию тренировали иностранцы, и лучшим результатом нашей команды было 7-е место на Чемпионате мира в 2006 году. Именно в это время меня пригласили в первый раз на позицию главного тренера сборной. На Олимпиаде-2008 в Пекине российская команда получила бронзовые медали, уступив в полуфинале сборной США. Но кадровая чехарда продолжалась, и в феврале 2009 г. главным тренером был назначен итальянец Даниэле Баньоли. И опять провал: на чемпионате мира в Италии россияне — на 5-м месте.

Перед Олимпийскими играми 2012 года был объявлен конкурс, и я вернулся на позицию главного тренера сборной России. Но не сразу, я сначала проанализировал причины неудач, мотивацию игроков. Я размышлял так: деньги, конечно, имеют важное значение, но они не главное в жизни. Если заплатить спортсмену в три раза больше, это не означает, что он будет играть в три раза лучше. Что же важно для ребят 1984–85 годов рождения, воспитание которых пришлось на эпоху распада Советского Союза, эпоху крушения былых идеалов и торжества новых — материалистических и потребительских, выражаемых в больших зарплатах и премиях, эпоху, когда собственное имя на спине стало для игрока национальной сборной важнее герба страны на груди?

В Советском Союзе отношение к спорту было совсем другим. Попасть в сборную страны считалось пределом мечтаний, подарком судьбы. О деньгах и не думали, игроков объединяло чувство патриотизма, же-

лание прославить страну, услышать на верхней ступеньке пьедестала советский гимн, который звучит благодаря тебе. С распадом же СССР на первый план у спортсменов вышла заинтересованность в деньгах. И я понял — моя задача как тренера сборной в первую очередь изменить мышление игроков. А начинать нужно с гимна страны: «Пока сборная не запоет гимн России, она ничего не выиграет». Мне пришлось даже превратиться в учителя истории, рассказывать спортсменам о прошлом нашей страны, о её героях. Показывал советские фильмы о войне, о Победе: «Горячий снег», «Они сражались за Родину», др.

Поэтому во время игры с бразильцами на Олимпийских играх в Лондоне не было экономической мотивации. Вся команда жила одной идеей — победить!

Перед принятием окончательного решения по поводу назначения я пригласил на собрание игроков, на которых хотел опереться в тренерской работе, т. к. понимал — если руководителю результат нужнее, чем команде, всё бесполезно. Проигрывает тот, кто боится проиграть. А российская волейбольная сборная боялась проиграть. И потому, что многие команды — те же бразильцы, например, — казались непобедимыми. И потому, что на спортсменов сильно «давила» финансовая мотивация, боязнь потерять «миллион от спонсоров». И наконец, у сборной не было настоящего желания победить. Серебро и бронза, вроде, тоже неплохо...

Я твердо убежден, что экономическая мотивация в критический момент не работает. Поэтому на собрании я задал команде один вопрос: готовы ли ребята играть только на победу, понимая, что второе место — это провал? Мои предложения команда поддержала: во-первых, всем, включая главного тренера сборной, отказаться от зарплаты и финансово рассчитывать только на премиальный фонд, который, в случае победы на Олимпиаде, будет обеспечен Федераций волейбола; во-вторых, на время сборов ограничить отношения с семьёй — на полтора-два года общение с жёнами и детьми должно отойти на второй план; в-третьих, с полной отдачей и максимально ответственно относиться к каждой тренировке — чтобы тренеру каждое утро не взвешивать спортсменов и не проверять на алкотестере.

Меня «переклинило» объединить команду идеей победы России в будущей Олимпиаде. Команда приняла эти жесткие правила и за полтора года не было ни одной «провальной тренировки».

Ребята стали петь гимн и работать бесплатно, соблюдая режим. После 23:00 всегда был отбой, игроки вместо колы пили воду и тренировались на износ. И самым главным было желание во что бы то ни стало победить на Играх.

Я был требователен и к игрокам, и к себе, а если в чём-то ошибался — извинялся перед игроками, не считая, что извиниться — это слабость. Но любой ропот в раздевалке решительно пресекал. Созданный

«тренерский совет», в который вошли наиболее авторитетные игроки команды — Тарас Хтей, Александр Волков, Сергей Тетюхин и Сергей Гранкин — собирался по любым вопросам, волновавшим спортсменов.

За все отдельные проступки отвечала команда, а не провинившийся. Это сплачивало ребят и заставляло вместе добиваться результата.

Волейбольная сборная России — чемпион Олимпийских игр в Лондоне. 2012 год.

В Лондон прилетели «переломанными и перешитыми»: Сергей Тетюхин начал тренироваться лишь за неделю до Олимпиады, т.к. весной врачи диагностировали у него нарушение сердечного ритма; Александр Волков в конце января перенёс операцию по удалению осколка хряща в правом коленном суставе. Но перед полуфиналом все «болячки» у игроков словно прошли и их не приходилось уговаривать «выкладываться».

12 августа 2012 г. финальный матч с Бразилией. Мы проигрываем 2:0. После проведенных мною перестановок ход игры изменился — в невероятно драматичном поединке в 3-м сете российская команда отыграла 2 матчбола. Золото наше!

После этой победы над бразильцами многие говорили о том, что успех сборной принесло мое неожиданное решение — перестановка на площадке после двух сетов. Но любой результат складывается из множества не всегда заметных решений, а большие достижения складываются из маленьких побед. Старались все: и ребята, и тренеры, поддерживали болельщики — вся страна. Я старался направлять, поддерживать дисциплину и развивать талант каждого игрока. И, конечно, я настроен был только на победу, как тогда, во время Великой Отечественной. У меня изначально завышенная планка результатов — не из-за того, что я какой-то феномен, а просто, благодаря судьбе, так сложилось. Мое любимое выражение — «Танец хорош концовкой» — оправдалось.

«БОРОТЬСЯ В СПОРТЕ И ЖИЗНИ НЕ ТОЛЬКО ЗА СЕБЯ, НО И ЗА ДРУГИХ...»

Кириллова Ирина Владимировна, 54 года,
чемпионка Европы в составе молодежной сборной СССР по волейболу (1982),
пятикратная чемпионка СССР в составе «Уралочки» (1986–1990),
чемпионка Олимпийских игр (Сеул, 1988),
чемпионка мира (Пекин, 1990),
заслуженный мастер спорта СССР (1988),
заслуженный тренер России по волейболу (2006),
чемпионка России в составе «Динамо» (2009),
награждена орденом «Знак почета»,
Россия, г. Тула — Италия, г. Новара

Мой дед Поляков Аркадий Владимирович, 1910 г.р., прошел Финскую войну в 1939-м, но погиб под Смоленском в 1942-м. Он был санинструктором. Мама, Светлана Аркадьевна, рассказывала, что дед призывался в армию и служил вместе с соседом Василием Гайдеровым — жили рядом, на улице Курковой в Туле — и тот после войны рассказал, как погиб товарищ, как все было. На его глазах в деда попал снаряд и ему... оторвало голову. Эта история меня сопровождает всю жизнь — когда я попадаю в трудную ситуацию, я понимаю, что возникшая проблема — это не самое страшное в жизни, но, чтобы ее решить, нужно мобилизоваться, перетерпеть, как на войне. Победа, достижение какого-то результата всегда требует большого труда, воли, самопожертвования и общих усилий.

Мой отец, Кириллов Владимир Петрович, играл в знаменитой в 1960-е годы тульской команде «Политехник», учил своим примером (при этом никогда не навязывал мне волейбол — он считал, что выбор остается за мной). Владимир Эдуардович Фризен, член команды и играющий тренер «Политехника», называл отца «пионером команды», вкладывающим «всю душу в создание дружного, монолитного ансамбля».

Воспитание в семье поэтому наложило отпечаток на формирование характера, но в волейбол я попала случайно — тренер попросил мою соседку Лену Трофимову, занимающуюся в секции, привести меня на тренировку.

Когда я выбрала волейбол, первый тренер Анатолий Павлович Балакин воспитывал в нас уверенность в собственные силы, он учил: «Не существует слова «не могу». Это был жесткий тренер. Когда у нас на тренировках трескались пальцы, он не разрешал заклеивать их пластырем, объясняя, что в игре могут быть разные ситуации, и нужно уметь терпеть, превозмогать себя.

Ирина в московском «Динамо». Кубок России впервые в руках. 2008 г.

В школе моим любимым предметом была история, поэтому примеров того, как надо терпеть и трудиться ради общего дела, ради победы, процветания страны, у меня было предостаточно. И в тульской школе № 58, где я училась, и в спортивном интернате знаменитой «Уралочки» в Свердловске, куда я переехала в 15-летнем возрасте, все учителя и тренеры воспитывали в нас уважение к ветеранам. Возможно, также и поэтому у меня не было кумира среди спортсменов, но были герои — прежде всего участники Великой Отечественной войны, вдохновлявшие на преодоление тяжелых жизненных ситуаций и трудностей в спорте.

Помню, на сборах в Алуште были изнурительные тренировки; бегу кросс по песку, хочется остановится, сказать: «Больше не могу...», но тут же вспоминаю подвиги героев войны Александра Матросова, Зои Космодемьянской, Николая Гастелло... И сразу же мысль: «Люди жизнь отдавали ради других, а ты хочешь остановиться, не можешь потерпеть малость...». Или припоминались слова отца: «Иринка, помнишь блокаду Ленинграда? Вот сжимай зубы и беги, вспомни, как связист для того, чтобы обеспечить связь, соединил провода зубами... А ведь это было смертельно». На фоне таких мыслей любые нагрузки казались, естественно, переносимыми.

Нас воспитывали в уважении к старшему, к женщине, ребенку, слабому. «Сам погибай, а товарища выручай». Все это обеспечивало запас прочности и в волейбольной команде.

Тренер «Уралочки» и сборной Николай Васильевич Карполь — дитя войны (1938 г.р.). Если мы плохо играли, он очень эмоционально говорил: «Как вы думаете, а во время войны было легко? Люди погибали, недоедали, недосыпали, день и ночь трудились... Но не сдавались!», «Дух — главное в битве», «Чтобы победить, глаза должны гореть». И в сознании всплывали слова из любимого мультика: «Нам бы день простоять, да ночь продержаться» или из фильма: «Защищаться и нападать».

Поздравление отца — одно из первых

Те 10 лет, которые я провела в «Уралочке», можно сравнить со службой в армии — строжайшая дисциплина, график, рассчитанный по минутам. Плюс острейшая конкуренция — ведь там были собраны лучшие игроки со всего Советского Союза.

Настраивая своих подопечных на труд, Н.В. Карполь организовал однажды для всех девочек команды экскурсию в шахту, чтобы показать, как тяжело шахтеры зарабатывают деньги на жизнь.

Ирина Кириллова с мамой Светланой Аркадьевной

Во всем этом мы черпали силы. Это помогало мне и как капитану команды, и как связующей настроиться на победу, иногда в критичных ситуациях выдвинуть свою тактику, благодаря которой неоднократно выигрывали.

Золото Сеула наиболее ярко показало нашу способность мобилизоваться. Мы проигрывали по партиям 0:2, а в третьей партии — 6:12. И это при том, что тогда партия была до 15 очков!

Тогда Николай Васильевич в своей эмоциональной манере очень проникновенно с присущими только ему нотками укоризны, переживания и надежды одновременно обратился к нападающей И. Смирновой: «Ирина, как ты играешь?! Что скажет твоя бабушка..?!» И эти слова подействовали на всех нас магически — вся команда заиграла как надо, слаженно, красиво, мощно, произошел перелом в игре. В итоге мы выиграли у перуанок, и команда СССР стала чемпионом Олимпийских игр. Когда стояли на высшей ступеньке пьедестала и играл гимн, то мне вспомнились и труднейшие тренировки в Алуште, и проигранный чемпионат Европы, и острая борьба в квалификации, в которой чуть было не уступили бразильянкам. Но главная мысль — мы играли за Родину, и в честь нашей победы звучит гимн! Ради этого стоило преодолеть все трудности, все пройти!

В сборной команде СССР я играла с 1982 по 1990 год. Затем выступала за волейбольные клубы Хорватии, Италии, Бразилии. В 2004 г. тренировала команду «Динамо» (Москва). В 2005–2008 гг. входила в тренерский штаб женской сборной России, которую тогда возглавлял мой супруг, итальянский специалист Джованни Капрара. Наша национальная команда России тогда, в 2006 г., победила на чемпионате мира.

Когда В. В. Путин стал Президентом РФ, он позаботился о возрождении славных традиций советского спорта, о советских олимпийцах, назначив им достойную стипендию. Сегодня в России возрождается и патриотическое воспитание, ведь знать свои корни и любить свою Родину очень важно для любого человека, куда бы его не занесла судьба. Хочу отметить также, что в Италии к Президенту РФ очень уважительное отношение и я горжусь, что являюсь представителем ВЕЛИКОГО народа.

Ирина Кириллова с отцом Владимиром Петровичем

Сейчас мы живем в Италии, у нас 15-летняя дочь Ника, у которой двойное гражданство: итальянское и российское. В каждой стране у людей свои герои. Но все мои герои — русские, в первую очередь, это герои Великой Отечественной войны. И наша Ника их знает.

Я очень благодарна моим родителям и тренерам за воспитание и тот успех, который выпал на мою долю. Каждый год я бываю в России у мамы, папы нет уже с 2010 г. Но он — тоже мой герой.

Спасибо Николаю Васильевичу Карполю также за то, что он воспитывал нас не только в спортивном зале, но и настроил на получение высшего образования — я и другие девушки из команды по его совету окончили Свердловский филиал Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова.

Светлана Аркадьевна Кириллова: «Дочь у нас внимательная, патриотичная, дружелюбная, отзывчивая — всегда окажет помощь, если это необходимо. Она очень скромная, не любит хвастаться. Я желаю, чтоб у всех были такие дети.

Ирина, когда играла в Хорватии, издала книгу «Победить себя» (на хорватском языке), которую посвятила нам, своим родителям. В посвящении говорится: «За все свои успехи я благодарю своих родителей, которые оказали мне наибольшую поддержку и понимание и которые научили меня бороться в спорте и жизни не только за себя, но и за других. Их давняя мечта была эта книга. Я посвящаю ее им».

Моя внучка тоже не забывает свою бабушку и шлет открытки с трогательными посланиями. Я очень горжусь своей дочкой не только за успехи в спорте, но и за то, как они с мужем Джованни правильно, на мой взгляд, воспитывают Нику. Интересно то, что в прошлом году внучке нужно было в школе написать сочинение на тему «Мой герой». Она посвятила его Ирине и назвала «Мама — мой герой». Учительница, как мне известно, после его прочтения была очень взволнована и удивлена открывшейся ей информацией...

В ноябре 2017 г. Ирина была принята в Зал Славы Волейбола на родине игры в городе Холиок (США).

«Лучшая распасовщица XX века», «лучшая волейболистка XX столетия», «легенда советского и российского волейбола», «легендарная волейболистка», «лучшая связующая в мире в XX веке», «многократная чемпионка» — как только ни называют Ирину. Но главное она — хороший человек.

Я горжусь моей дочерью!»

Из интервью Анастасии Карасевой, Юлии Кузнечихиной, студентов Тульского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова с С. А. Кирилловой

Ирина Кириллова с мужем Джованни Капрара и дочерью Никой в г. Холиок, США

ВАЛЕРИЙ РЕЗАНЦЕВ — ПРОФЕССОР КОВРА

Андреева Надежда Николаевна, 68 лет,
старший методист ГПОУ
«Училище (колледж) олимпийского резерва Тульской области»,
Тульская область, г. Новомосковск

Спорт — одно из величайших и прекрасных достижений человечества. Это не просто возможность помериться силами. Ведь именно в спорте мы находим то, чего подчас так не хватает нам в повседневной жизни — проявление благородства, воли, терпения, мужества и достоинства. Часто бывает так, что именно спорт даёт первый опыт настоящего патриотизма, ответственности перед своей командой, городом, страной. Не случайно в спорте так часты примеры настоящих подвигов, когда спортсмен из чувства любви к Родине, чувства ответственности перед товарищами, болельщиками совершает, казалось бы, невозможное. На человека, получившего с детства настоящую спортивную закалку, как правило, можно положиться — он не подведёт, не скиснет перед трудностями, не побоится прийти на выручку.

Ведь спорт — это не только рекорды, но и духовное, нравственное здоровье человека. Все выходят на спортивные арены, чтобы выигрывать, и путь к победе ни для кого не бывает лёгким. Но побеждает зачастую не тот, кто сильнее физически, а тот, кто силён духом, у кого твёрже характер. Это многократно подтвердили российские и советские спортсмены в трудные для страны годы первых пятилеток, Великой Отечественной войны, послевоенные годы восстановления страны из руин, а также в настоящее, весьма непростое время.

Новомосковск — город первых пятилеток, сравнительно молодой. Однако и он уже отмечает в 2020 году свое 90-летие. Славен наш город своими спортивными традициями и талантами, имена которых известны не только в России. Мы гордимся их достижениями и победами.

Время стирает память о людях и событиях. Не успеешь оглянуться, а уже куда-то пропали вчерашние кумиры, на смену им пришло новое поколение молодых и талантливых, но и они не вечны, им тоже отмерян очень короткий спортивный век.

К сожалению, нет уже среди нас многих из тех, чьи имена прославили наш город на спортивных аренах России и мира, кто начинал с нуля физкультурную и спортивную деятельность в Бобриках, Сталиногорске, а затем и в Новомосковске, кто создавал спортивные секции, строил спортсооружения, развивал и приумножал достижения физкультурников и спортсменов. И только в семейных и городских архивах можно ещё найти фотографии этих людей, очень скудные материалы о спортивных событиях того времени, а из воспоминаний ныне здравствующих ветеранов спорта, бывших тренеров, физкультурных работников, родственников спортсменов — восстановить некоторые имена и события.

Валерий Резанцев — двукратный олимпийский чемпион (1972 и 1976 гг.), пятикратный чемпион мира, трехкратный чемпион Европы по классической борьбе

Один из самых выдающихся спортсменов XX века — Валерий Резанцев, наш земляк. Его имя занесено в книгу рекордов Гиннесса. По количеству спортивных наград и не проигранных встреч он 20 лет занимал первое место в мире среди борцов, а сейчас занимает третье после Александра Карелина и Карла Вестергрена. Входит в число первой десятки лауреатов «Зала славы» международной федерации объединённых стилей борьбы (FILA) в Нью-Йорке. Двукратный чемпион Олимпийских игр (1972 г. — в Мюнхене и 1976 г. — в Монреале), пятикратный чемпион мира, трехкратный чемпион Европы, шестикратный чемпион СССР по греко-римской борьбе, победитель двух спартакиад народов СССР.

За выдающиеся спортивные достижения Валерию Резанцеву присвоены спортивные звания: мастер спорта международного класса, заслуженный мастер спорта СССР, заслуженный тренер России. За большой вклад в развитие советского спорта Валерий Григорьевич награжден правительственными наградами: орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почёта». В 2007 году ему присвоено звание «Почетный гражданин города Новомосковска и Новомосковского района» [1].

Валерий Григорьевич родился 8 октября 1946 года в деревне Ключёвка, расположенной в черте города Новомосковска. В настоящее время живет в Москве. Еще школьником переехал из нашего города в Казахстан на новое место работы отца. Валерию повезло, что в школе работали хорошие учителя физкультуры. На уроках дети занимались разными видами спорта. Не было ни одной субботы или воскресенья без соревнований. А с восьмого класса он успешно начал заниматься велоспортом на шоссе. В 16 лет выполнил норматив мастера спорта СССР.

Занятия отнимали много времени, поэтому учился в вечерней школе рабочей молодёжи, где заканчивал 10–11 классы. Но так случилось, что тренер уехал в Москву, а без тренера в тренажерный зал ребят не пускали. Некоторые из них начали заниматься борьбой, позвали с собой и Валерия. Семнадцатилетним юношей он пришёл в секцию классической борьбы и начал тренироваться у Вадима Александровича Псарёва, с которым прошел весь свой спортивный путь. Псарёв — настоящий воспитатель чемпионов. Помимо Резанцева, он воспитал несколько чемпионов мира, призеров Олимпийских игр. По его собственному вы-

ражению, он учит «бороться головой». Ученики заслуженного тренера СССР Вадима Псарева всегда были в лидерах на ковре.

«Мы были дети послевоенного времени, и мы не могли проигрывать!», — оглядываясь назад, утверждает В.Г. Резанцев. В одном из интервью он вспоминает свои первые годы занятий борьбой так: «Я никогда не был хилым, никогда не чурался ни лопаты, ни кирки, ни лома, но вначале хорошего было мало: и тренировок было много, и нагрузки были большие. Вадим Александрович любил и умел тренировать, не зря у него было столько чемпионов впоследствии.

В то время я выступал нестабильно, мог и проиграть, несмотря на то, что силёнка и мощь были. Скорость у меня очень приличная (100 метров бегал за 11.0), тем более, после велоспорта ноги были сильными. Однако иногда хотелось бросить заниматься борьбой, так как ничего не получалось. Спасибо Вадиму Александровичу — он поправлял всё это, беседуя со мной. У нас было принято собираться в субботу после тренировки у него дома. Пили чай, обсуждали новые приёмы, технику. Тогда видео не было, и он нам рисовал на бумаге приёмы. Приедет откуда-нибудь с чемпионата страны, Европы или мира и расскажет новости о борьбе. Мы сидели и записывали. Он приучил нас писать характеристики на своих соперников, точно передавая их сильные и слабые стороны, что помогало мне их обыгрывать» [2].

Физически Валерий был готов. А над техникой пришлось много поработать. В ходе соревнований он много раз менял технику. Вначале чаще использовал бросок через бедро и «кочергу», потом они с тренером нашли свой приём. Оба были убеждены, что большая и грамотная работа всегда приведет к хорошим результатам. А самое главное — тренер должен чувствовать, что спортсмен может показать хороший результат, и внушать ему уверенность в успехе.

В 1965 году Валерий стал пятым на спартакиаде ВЦСПС (профсоюзов) — тогда это были очень серьезные соревнования, и достигнутый результат был большим его успехом, тем более, что ему не было и девятнадцати лет. В 1967 году выиграл первенство СССР среди молодёжи, а в 1969 — турнир Поддубного. Всё шло по плану тренера, расписанному на 5–6 лет. В 1970 году выиграл чемпионаты СССР, Европы и мира. Так началась серия побед борца Валерия Резанцева.

Валерий Григорьевич считает, что во многом своим успехам он обязан родителям, которые поженились сразу после войны. Дети послевоенных лет получили особое воспитание. Их родители из поколения победителей, перенесших тяготы войны и завоевавших Победу, давали им заряд энергии, трудолюбия, целеустремленности, патриотизма, который не позволял проигрывать. С таким настроем он относился к тренировкам, никогда не чурался чуть дальше пробежать, чуть больше поднять, чуть подольше потренироваться. Всегда соблюдал режим, выпил водку в первый раз в 26 лет, после первой Олимпиады [3].

На международном ковре Резанцеву не было равных. Его преимущество в силе, технике и тактике было подавляющим. Его называли неподражаемым, уникальным атлетом, профессором ковра. И эти титулы Валерий Резанцев вполне заслужил, став обладателем удивительной коллекции наград, долгое время являлся рекордсменом по числу медалей в классической борьбе.

При этом у Резанцева нелегкий характер. Случались у него конфликты и с тренером, и с борцами. Уверенность в своих силах порой переходила в самоуверенность, и это задевало товарищей по сборной. Однако Валерий находил в себе мужество перебороть самого себя, он воспитывал свою волю и на тренировках показывал примеры трудолюбия и прилежания [4].

Валерий Резанцев 98 % своих побед добыл одним и тем же приёмом: переводом в партер толчком, который был изобретён грузинским борцом Романом Руруа. Борцы прозвали этот приём «бычком», он заключался в сбиве соперника в партер мощным ударом-толчком головой, шеей, плечом или грудью. Соперник падал. Не мог не упасть. Резанцев вкладывал в этот удар-толчок такую мощь, что легко сбивал с ног даже полутяжей, когда спарринговал с ними на тренировках. Причем, делал все это настолько быстро, что далеко не все понимали, как они оказались в партере [5].

С. Басов, проигравший В. Рязанцеву на Спартакиаде народов СССР, говорил: «В первый раз он боднул на краю ковра, — я вылетел за обкладные маты. Потом ударил на середине... Будто бревно в меня попало... Я упал...».

Вот что говорили о манере борьбы В. Резанцева другие его соперники и тренеры сборной СССР:

— Необыкновенно техничен, может провести любой сверхсложный бросок... Не проводит потому, что упрям. Ему когда-то сказали: «Тебя с твоим «бычком» раскусят на второй неделе!». И он терпеливо ждёт этого уже десятый год подряд. Пока не раскусили...

— Он не просто побеждает, он полностью подавляет соперника. Словно прессом, выжимает из него все силы, а потом милостиво кладёт на лопатки. Все мы знаем, что перед нами техничный борец, а он доказывает: [его] соперник не то что бороться — двигаться по ковру не научился. Я ему завидую, не умею так...

— Я много раз видел его на ковре, когда поединок требовал от него максимальной собранности. Но что в нем главное, я не могу сказать. Ум, талант, боевой дух, умение работать, когда не работать нельзя, — все это в нем было. Но чего больше, чего меньше — никто не знает. Что в определенный момент было нужнее, то он и выдавал из своих арсеналов.

— Скрытный, весь в себе. Твердо знаю одно: он верный друг! Товарищей себе выбирает по одному ему известным канонам. Никому не прощает

Неоднократный чемпион мира по классической борьбе — Валерий Резанцев (сверху) во время тренировки

малейших ошибок. Причем, ошиблись вы или нет, определяет он сам. Другим слова не дает... Систематически работать не хочет, не умеет и не может. Работает периодами, но, если уж тренируется, тянет на себе нагрузку трех классных средневесов. Тешится работой, тешится своей ненасытной жаждой сумасшедших нагрузок и усталостью своих задерганных партнеров.

— Он мой лучший ученик, родной мне человек, я все забываю, когда он борется. Умеет биться, пока противника видит. Знаете, от страшной усталости иногда перестаешь видеть противника, слепнешь. Он бы и слепой боролся! [6].

Не всегда схватки проходили легко. Так, на Олимпиаде в Мюнхене он смог провести приём, позволивший стать Олимпийским чемпионом, лишь за 17 секунд до конца встречи.

Об Олимпиаде в Монреале Вадим Псарев, тренер:

— Боролись ребята самоотверженно. Ни один не дрогнул. Все — бойцы! Не было ни одной схватки, в которой наш спортсмен не отдал бы всего себя. Если и проигрывали, то лишь из-за тактических ошибок. Медали достались ценой огромных усилий. Но все держались с достоинством. Валера Резанцев мне даже не признался, что ему было очень плохо после трех схваток. А ведь я видел, что в раздевалке он лежал пластом и терял сознание.

Валерий Резанцев:

— Я очень доволен — все-таки выстоял! Мне, олимпийскому чемпиону, капитану команды, даже серебряная медаль была бы непростительна. Признаюсь, в Мюнхене победа досталась легче — был моложе.

После получения медали на Олимпиаде в Монреале Валерий на вопрос журналиста: «Какое качество вы в себе цените как боец?» ответил: «Умение взрываться».

В одном из своих интервью впоследствии Резанцев сказал так: «Спортсмен должен уметь делать это всегда. Главное — уметь заставить себя взорваться в нужный момент. А не безалаберно лепить приёмы налево и направо, когда это не нужно. А когда наступает критический момент, когда нужно мобилизоваться полностью, вот тогда у него не хватает сил, и он говорит, что «я не смог». Как не смог?! Ты целый год тренировался, готовился!» [7].

И он взрывался, словно вулкан, и громил, крушил соперника, не щадя ни себя, ни его, не думая о травме или рискованности действия. Из большого спорта он ушел непобежденным.

После окончания спортивной карьеры Валерий Резанцев работал тренером сборной команды страны, готовил борцов к Олимпиаде в Барселоне (1992). И на этом поприще также добился успехов. Рассуждая о роли тренера в судьбе спортсмена, Валерий Григорьевич убежден, что наилучший вариант, когда тренер готовит спортсмена от новичка до высшего мастерства. Это позволяет, по его мнению, ближе узнать и понимать друг друга, строить тренировочный процесс на понимании спортсменом задач и конкретных видов деятельности: куда его направляют, как должен он работать, где прибавить или убавить, какие слабые стороны подтянуть. Вложить в юношу всё, что необходимо будет в дальнейшем. Спортсмен и тренер растут вместе. С результатами, с методиками тренировки, с ошибками и травмами. У обоих растёт и опыт, и мастерство. Когда переходишь к другому тренеру — это другая психология, жизнь, ломка тех стандартов, которые были уже в тебе заложены, той техники, которая была отработана до автоматизма.

Удачно сложилась у Валерия Резанцев и карьера судьи по греко-римской борьбе. Более 25 лет он судил на чемпионатах Европы, мира, на Олимпийских играх, имеет категорию экстра-класса. В настоящее время ушел из FILA, но судит чемпионаты России, международные турниры.

Главным принципом судейства, при возможности довольно субъективной оценки действий борцов, Валерий Григорьевич считает объективность и непредвзятость.

Отвечая на вопрос журналиста в марте 2016 года «Каков рейтинг российских борцов в элите мирового спорта?», В. Резанцев твердо ответил, что российские борцы не сдают свои позиции и вносят весомый вклад в общий медальный зачет страны на Олимпийских играх. Успехов добиваются в большей мере борцы из кавказских регионов, так как именно там созданы лучшие в стране условия для развития этого вида спорта, лучшие система отбора и материально-техническая база для подготовки борцов [8].

В.Г. Резанцев — тренер и судья

В Новомосковске с 2007 года проводится «Традиционный межрегиональный юношеский турнир по греко-римской борьбе, посвященный Валерию Резанцеву». Личное присутствие на этом турнире нашего знаменитого земляка является важным событием не только для участников соревнований, но и для всех ново-

московцев. Спортсмен такого уровня является лучшим примером для юных борцов и представителей других видов спорта в приобщении к занятиям физической культурой и спортом, к здоровому образу жизни. Бороться в присутствии двукратного олимпийского чемпиона — большая ответственность для юного борца, а стоять на пьедестале и получить награду из его рук — большое счастье.

В первый же свой приезд Валерий Григорьевич подарил ДЮСШ № 1 борцовский ковер и 20 комплектов классической борцовской формы (костюмы и борцовки). Легендарный спортсмен тепло отозвался об уровне подготовки новомосковских борцов и выразил надежду на дальнейшее развитие этого олимпийского вида спорта в нашем городе. А юным новомосковцам двукратный олимпийский чемпион дал совет: чтобы проявить своё мужское начало, показать свой интеллект и индивидуальность, внутреннюю мощь, нужно заниматься борьбой. Не каждый добьётся олимпийского пьедестала, но мужчиной, человеком с головой, которая должна думать, работать, он станет всегда. А с таким багажом в жизни будет намного проще.

Литература и источники

1. *Анина Н.* Почетных граждан стало больше // «Новомосковская правда». 07.09.2007.

2. *Ермоченко М.* Здоровая молодежь — будущее нации // «Новомосковская правда». 03.03.2008.

3. *Алексеева М.В.* Резанцев: в борьбе без головы делать нечего // «Новомосковская правда». 18.10.2018.

4. *Алексеева М.* На призы земляка-чемпиона // «Новомосковская правда». 02.11.2017.

5. *Алексеева М.* Боролись за победу // «Новомосковская правда». 27.10.2016.

6. Двукратный Олимпийский чемпион, уроженец Новомосковска Валерий Резанцев вчера праздновал День рождения. URL: http://www.nmosktoday.ru/news/society/10984 (дата обращения: 1.06.2020).

7. Легенды борьбы. Валерий Резанцев и Чеслав Квичински 1/2 ОИ 1976. URL: https://ok.ru/video/300027573 (дата обращения: 1.06.2020)

8. Резанцев Валерий. Интервью от 5 сентября 2005 г. Е. Гаврилову. URL: https://vtourisme.com/informatsionnyj/znamenitosti-sporta/119-olimpijskie-chempiony/1524-valerij-rezantsev/ (дата обращения: 1.06.2020)

ДОБИВАТЬСЯ СВОЕЙ ЦЕЛИ И ПРЕОДОЛЕВАТЬ СЕБЯ

Винер-Усманова Ирина Александровна, 71 год,
президент Всероссийской федерации художественной гимнастики,
главный тренер сборной команды России по художественной гимнастике,
член Общественной Палаты России,
президент АНО «Международная Академия спорта Ирины Винер»,
доктор педагогических наук, доцент, профессор,
заслуженный работник физической культуры Российской Федерации,
Герой Труда Российской Федерации,
г. Москва

Как известно, все мы родом из детства. Ирина Александровна, Вы — послевоенный ребенок. Затронула ли Великая Отечественная война Вашу семью, родственников? Чувствовали ли Вы последствия войны? Расскажите, пожалуйста, о Вашем детстве.

Да, действительно, я послевоенный ребёнок. Родилась в Самарканде в 1948 г., куда семья моей мамы эвакуировалась с Украины. Они бежали от немецких захватчиков и по пути следования несколько раз, как только покидали какой-то населенный пункт, сразу же там высаживался десант. Моя мама всю жизнь помнила это и тот страх, который испытала еврейская семья, спасавшаяся бегством от нацистов. А потом, когда они уже добрались до железной дороги, то попрощались с лошадью, которая их везла, и сели в поезд, следующий на Ташкент. Так они попали в Самарканд, где и познакомились мои родители.

Мой папа тоже был с Украины. Являлся участником Великой Отечественной войны, воевал рядовым. В Самарканд попал после форсирования Днепра, где был ранен. Он всегда рассказывал о том, как они форсировали Днепр. Это продолжалось несколько дней, они были на воде, из еды ничего не было, кроме мешка сахара. Воду пили из Днепра. Он был ранен. Всего же у него было два ранения. С самого детства я видела у него не только шрамы, но и время от времени открывавшуюся кровоточащую рану на руке. Я это видела и жалела папу.

Цветы от Президента Российской Федерации В.В. Путина Герою Труда Российской Федерации И. А. Винер-Усмановой

Ну а потом, когда мы переехали в Ташкент и папа стал художником, мои дедушка с бабушкой очень часто вспоминали, как они до войны жили на Украине, как пришлось бросить хозяйство. Дедушка не хотел уезжать — жаль было оставлять всё нажитое годами. Но бабушка мудро сказала: «Нет, надо уезжать. То, что люди рассказывают о немцах, обрушившихся на Советский Союз, на Украину, вызывает ужас. Ждать нельзя». И они поспешили.

Бедствовали, конечно, очень сильно. На новом месте все было тяжело. Но узбеки помогали — делились местом под крышей, принимали в семьи детей, обездоленных, сирот, которые приезжали эшелонами. Есть фильм об этом режиссера Шухрата Аббасова. Он называется «Ты не сирота», вышел на экраны в 1962 г. В нем говорится об узбекской семье кузнеца, усыновившей и воспитавшей в годы Великой Отечественной войны 14 осиротевших детей разных национальностей. Кстати, я должна была в этом фильме сниматься, прошла кастинг, но в связи с тем, что уже занималась художественной гимнастикой и были соревнования, в съемках не стала участвовать.

О том трудном для людей и всей страны периоде узбекский поэт Гафур Гулям написал в известном стихотворении «Ты не сирота» (в переводе А. Ахматовой):

Разве ты сирота?.. Успокойся, родной!
Словно доброе солнце, склонясь над тобой,
Материнской, глубокой любовью полна,
Бережет твое детство большая страна.

После войны мои мама и бабушка (особенно мама) всегда очень ценили хлеб и даже само слово «хлеб» произносили с трепетом. Никогда ни крошки не оставляли они недоеденного хлеба и очень расстраивались, если мы, дети, оставляли несъеденные кусочки хлеба. Потому что во время войны и после войны самым большим счастьем было иметь лишний кусок хлеба.

Ну вот приблизительно так проходило моё детство, отрочество.

Любовь к искусству мне привили родители: мама, Зоя Зиновьевна, сама с детства занимавшаяся в драмкружках и любившая танцевать, но ставшая врачом по решению семейного совета, и папа, Александр Ефимович, художник. В семье любили музыку, дядя Марк Винер был скрипачом.

Какую роль в Вашей судьбе сыграли учителя? Есть ли учителя, которым Вы хотели бы сказать слова признательности?

С первого по четвёртый класс я училась в ташкентской школе, где учительница у нас была кореянка по национальности Ольга Ивановна. Учила она нас очень хорошо. Она очень любила детей, и дети любили

ее. Доходчиво и интересно объясняла все предметы, правильно воспитывала нас. Мы дружили и были очень мотивированы на учёбу. Это было очень хорошо.

Ирина Винер — трехкратная чемпионка Узбекистана

Добрым словом я вспоминаю учительницу русского языка и литературы в старших классах. Она преподавала необычно, уделяя большое внимание историческим аспектам. Никто ни в нашей, ни в других школах так не преподавал.

Я хорошо помню своих учителей по спорту Лилию Петрову и Элеонору Сумарокову и признательна тем, кто учил меня сначала балету, а потом художественной гимнастике. Ведь я пришла в секцию художественной гимнастики из балетного кружка — мне нужно было просто станцевать «танец пантеры» в спектакле на городской елке. Я пошла в секцию художественной гимнастики, чтобы научиться делать акробатические элементы, но тренер сказала: «Недостаточно выучить только акробатические движения, если хочешь заниматься у нас, занимайся». И я бросила балет, осталась в художественной гимнастике. Это была тренер из Ленинграда, где зарождалась художественная гимнастика, и она была у ее истоков, в общем-то одним из первых преподавателей этого вида спорта.

Ну а потом у меня была тренер очень жёсткая, капризная, но очень знающая, выразительная, прививша мне любовь к музыке, к правильному выражению музыкальных произведений, на которые я теперь ставлю программы. Я благодарна ей за школу, которая у меня сейчас есть и которую я стараюсь передать. Это, действительно, школа Ленинградская.

В институте, конечно же, было уже совсем другое. Там было как-то всё скомкано, но когда я в Москве встретила Раису Николаевну Терехину, педагога из Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта, я поняла, что такое настоящий педагог по физической культуре и спорту, и благодаря ей написала диссертацию, защитилась и теперь имею академические знания о спорте.

Вы превратили в «звезд» целую плеяду узбекских и российских спортсменок. Есть ли секрет успеха?

Звезды у меня были и в Ташкенте, когда я жила в Узбекистане, потому что всегда приоритетом был профессионализм, приоритетом была любовь к детям, приоритетом была мотивация: уважение к своей школе, к своей стране, своей республике, и, наконец — углубленные зна-

ния, причем не только музыкальные. Я всегда объясняла, что обозначает та или иная музыка для девочки и для той программы, которую мы составляем. Но и литература, искусство имеют большое значение. Мои воспитанницы очень часто ходили в театры, смотрели балеты, слушали и заучивали хорошие стихи, которые я им читала.

То же самое было, когда я приехала в Москву. Здесь сначала Россия подпитывалась в художественной гимнастике успехами детей из Узбекистана. Со мной приехали Алина Кабаева, Яна Батыршева, Амина Зарипова — эти девочки из Узбекистана. Потом уже появилась Юлия Барсукова, олимпийская чемпионка; Алина Кабаева, приехавшая совсем малышкой, тоже стала олимпийской чемпионкой; впоследствии уже Рита Мамун, Яна Кудрявцева и др.

Все эти гимнастки, как и те первые мои девочки, тренировались всегда по одной и той же методике, главное в которой — патриотизм, профессионализм, любовь к избранному виду спорта и артистизм. Все спектакли, которые мы делали на ковре, должны были быть именно не упражнениями, а спектаклями. Поэтому несмотря на различное давление со стороны Международной Федерации гимнастики в то время, всякие попытки отодвинуть российскую художественную гимнастику оканчивались неудачей, но не для нас. Мы выстояли.

Я всегда учила детей, что надо добиваться своей цели и преодолевать себя. Хотя это не новость, это олимпийский девиз — «преодолеть себя». Без дисциплины нет успеха. Поэтому пять раз мои девочки занимали высшую ступень пьедестала в групповых упражнениях: на Олимпийских Играх в Сиднее (2000 г.), Афинах (2004 г.), Пекине (2008 г.), Лондоне (2012 г.) и Рио-де-Жанейро (2016 г.).

И еще надо отметить — сегодня, чтобы воспитывать чемпионов, нужно иметь современное оборудование и хорошую команду хореографов, спортивных врачей, массажистов, модельеров, создающих красивые костюмы.

Художественная гимнастика — это сочетание искусства и спорта.

Это единственный олимпийский вид спорта, который подарила миру Россия.

Ирина Александровна, есть ли у Вас любимое выражение?

Взрослые вырастают из детей.

Записали интервью Ирина Владимировна Агличева,
канд. психол. наук, доцент,
советник Аппарата Общественной палаты Российской Федерации,
Людмила Ивановна Ростовцева, д. социол. наук, профессор Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова

СПРИНТЕР ИЗ НОВОМОСКОВСКА

Тарновская Наталья Владимировна, 42 года,
преподаватель педагогики и психологии
ГПОУ «Училище олимпийского резерва Тульской области»,
г. Новомосковск

В.Г. Андреев

Спорт — это не просто вид физической активности. Это тяжелый путь, которому люди посвящают нередко всю свою жизнь. С раннего детства мальчики и девочки начинают дорогу в большой спорт, преодолевают лишения, травмы, строгую диету и другие ограничения. У них практически не остается времени на полноценный отдых и развлечения. Их друзья и окружение — это тренер и другие спортсмены, а образ жизни — строгий спортивный режим.

Невелик по меркам России наш родной город Новомосковск, но славен многими известными на всю страну спортсменами. Среди них спринтер, мастер спорта СССР по легкой атлетике Виктор Андреев, около 50 лет проработавший преподавателем в техникуме, затем колледже физической культуры и спорта.

Родился Виктор Григорьевич в городе Сталиногорске Тульской области 15.10.1941 г. Обучаясь в школе № 10 Заводского района города, он пробовал себя в различных видах спорта: гимнастике, лыжном спорте, волейболе. Но выбрал все-таки бег. Причём самую короткую и, на первый взгляд, самую простую дистанцию — спринт, где успех во многом зависит не только от большого трудолюбия, но и от необходимых природных задатков.

Первый тренер Борис Мисник, увидев в первый раз в деле Виктора, отметил его быстроту реакции и хорошую координацию движений, скоростные качества и дух борьбы, когда «глаза горят».

Окончив в 1959 году школу № 10 в Заводском районе, он пошёл работать на ремонтно-механический завод учеником токаря и перешёл к тренеру Семёну Кузнецову, мастеру спорта и чемпиону СССР в марафоне, тогда ещё действующему спортсмену, работавшему здесь же, в литейном цехе [1, с. 3].

В 1960 году семья Андреевых переехала в южную часть города, где уже был построен новый стадион «Химик», на котором тренировались все известные в городе легкоатлеты: В. Гавриков, А. Махов, Е. Рыбин и др.

На первенстве города никому не известный парень хоть и проиграл им, но показал в беге на 100 м неплохой результат — 11,3 с.

Его заметили, и вскоре Виктор выступил на областных соревнованиях в Туле. И вновь личный рекорд — 10,9 с! До первого разряда оставалось ничтожно мало: одна десятая секунды. В октябре 1960 года Виктор ушел в армию перворазрядником [2, с. 3]. Он и там выступал в соревнованиях, которых было не так много: по бегу на короткие дистанции, по преодолению полосы препятствий, кроссу. Условий и времени для тренировок, конечно, не было, и всё же он использовал любую возможность для поддержания спортивной формы, развития физических качеств. За годы службы желание тренироваться и выступать в соревнованиях не пропало.

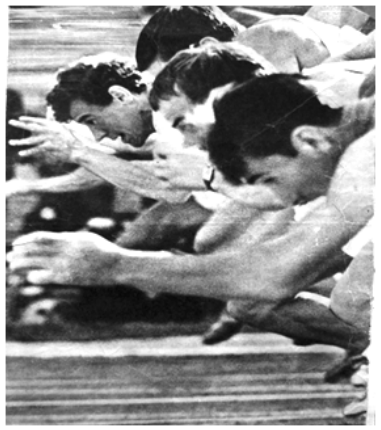
Период с 1964 года, когда Виктор вернулся в Новомосковск после службы в армии, и вплоть до 1970 года был наполнен напряжёнными тренировками и удачными выступлениями в соревнованиях. Чтобы сбросить 0,5 секунды, понадобилось около четырёх лет. В среднем за год результат улучшался на одну десятую. Виктору приходилось много и усердно работать. Природная одарённость и годы тренировок воздали ему должное за то, что верил в себя, терпел, не разменивался на лёгкую жизнь.

С волнением вышел на свой первый старт в первенстве города. Без видимого напряжения «пролетел» по дистанции, не оставив соперникам никаких шансов. Только радость победы не украсил результат, всего 10,9 с. Его заметил тренер Евгений Мудров, который и стал с ним работать в дальнейшем [2, с. 3].

Уже через месяц, лишь немного восстановившись после службы в армии, Виктор Андреев на областных соревнованиях ДСО «Спартак», за которое он начал выступать, выиграл бег на 100 м с результатом 11,1 с.

Потом на зональных соревнованиях ДСО «Спартак» в июле показал 10,7 с и стал третьим призёром.

Его включили в сборную команду российского «Спартака». В составе этой команды Виктор Григорьевич участвовал в соревнованиях ЦС «Спартак» в Минске, где стал третьим на дистанции 100 м.

На старте

После тренировочных сборов в Стайках под Минском он впервые участвовал в чемпионате СССР в Киеве [1, с. 3].

Попал в забег с рекордсменом СССР Э. Озолиным и другими мастерами спорта. Единственный перворазрядник не испугался признанных мастеров и вышел в полуфинал, где с результатом 10,6 с стал четвёртым.

В сентябре Виктор Григорьевич стал чемпионом России на соревнованиях в Туле, показав в забеге на 100 м — 10,4 с, а в финале — 10,3 с. Есть норма мастера спорта! На дистанции 200 м он также выполнил мастерский норматив — 21,2 с. Эти результаты в то время являлись рекордными в России. Многие специалисты, тренеры сборной страны отметили бег этого самородка, предрекая ему большое будущее.

В январе 1965 года В. Андреев был включен в состав сборной команды СССР и приглашён на сборы. Здесь он впервые воочию увидел и познал, что такое тренировки именитых мастеров короткого спринта. Его тренером стал Л. Бартенев, заслуженный мастер спорта, старший тренер по спринту сборной команды страны, который много дал полезных советов для дальнейшего роста результатов. В том же году Виктор в составе сборной России становится бронзовым призёром в эстафете 4х100 м на чемпионате СССР. В 1967 году он продолжил победную серию: чемпион России в беге на 100 м, а в составе сборной команды на чемпионате страны — серебряный призёр в эстафете 4х100 м.

Наступил олимпийский 1968 год. В. Андреев, один из лидеров сборной России, мечтал попасть на Олимпийские игры и упорно тренировался. На заключительных сборах в г. Нальчике, где определялся состав олимпийской команды страны, должны были состояться последние отборочные прикидки спринтеров. И надо же такому случиться, что незадолго до этого Виктор подхватил легкую простуду и, по настоянию врачей, пропустил эту прикидку, заверенный тренером, что он и так уже в команде. И, как результат, его в олимпийской сборной не оказалось. Тяжело перенёс Виктор Григорьевич эту новость, но на людях он по-прежнему был весел, много шутил, и лишь немногие близкие знали, как нелегко ему это давалось [1, с. 3].

Около 30 раз побеждал Виктор Андреев на зимних и летних первенствах ЦС ДСО «Спартак» и ВЦСПС, выступая, как правило, в трёх дисциплинах: беге на 100 и 200 м и в эстафете 4х100 м. На протяжении пяти лет показывал результаты мастера спорта СССР. Его имя было известно в спортивных кругах далеко за пределами Тульской области.

Конечно, Виктор Григорьевич осознавал, что его спортивный век так же короток, как и спринтерская дистанция. Как ни крутись, а личная наша жизнь — это самое главное. В 1970 году стал семьянином. Вместе с женой Надеждой занимались одним любимым делом. Получил диплом Смоленского государственного института физической культуры. В 1969 году стал преподавателем техникума физической культуры, в котором отра-

В. Андреев (справа) принимает Олимпийский огонь в Алексинском районе. 1980 г.

ботал почти 50 лет. За годы работы щедро делился своим спортивным и педагогическим опытом со студентами и молодыми коллегами. Пропагандировал здоровый образ жизни. На протяжении многих лет ежедневно проплывал в бассейне колледжа не менее километра, участвовал в соревнованиях по летнему многоборью ГТО, став в 50 лет бронзовым призером России. Участвуя в соревнованиях «Лыжня России» и «Кросс нации» в настоящее время, показывает пример молодежи.

Имеет высшую педагогическую категорию, звание судьи республиканской категории. Активно участвовал в судействе соревнований по легкой атлетике разного уровня, физкультурно-массовых мероприятий в городе и в области для разного контингента участников. Его энергии хватало также и на проведение встреч со школьниками и студентами по вопросам здорового образа жизни, пропаганды физической культуры и спорта.

Об отношении к Виктору Григорьевичу студентов техникума (колледжа) можно судить на встречах с выпускниками. Искреннее уважение, любовь и признание авторитета преподавателя и тренера — главные эмоции этих встреч. На протяжении всех лет работы он выполнял обязанности классного руководителя. Выпустил 17 учебных групп. Руководимые им группы всегда отличались хорошей дисциплиной, организованностью, высоким качеством успеваемости, активностью в общественной жизни колледжа. Неоднократно отмечался руководством колледжа как лучший классный руководитель.

На протяжении многих лет Виктор Григорьевич руководил сборной командой колледжа по лёгкой атлетике и летнему многоборью ГТО, подготовил большое количество спортсменов первого разряда и кандидатов в мастера спорта. Многие из его учеников становились победителями и призёрами областных и российских соревнований.

В настоящее время Виктор Григорьевич известен в городе не только за свои былые спортивные заслуги. Он активно участвует в проведении легкоатлетических соревнований, ведёт общественную работу в городском совете ветеранов. Его труд отмечен знаками «Отличник физической культуры и спорта», «Ветеран ДСО «Спартак» РФ», медалями «За долголетний и доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» и «За развитие физической культуры и спорта в РФ», ему присвоено звание «Заслуженный работник физической культуры РФ».

Размышляя о судьбе Виктора Григорьевича, ещё раз убеждаюсь, что каждый человек уникален и неповторим по-своему. Нужно только найти дело всей своей жизни, поставить перед собой цель и планомерно идти к ней, как Виктор Григорьевич Андреев!

Литература

1. Спринтер в марафоне жизни // Человек и общество, 14.10.2011.
2. Рыцарь королевы спорта // Новомосковская правда, 08.12.1998.

ПУТЬ ТРЕНЕРА-ПЕДАГОГА. ТАТЬЯНА КАНУННИКОВА

Дульзон Елена Александровна, 46 лет,
преподаватель русского языка и литературы
ГПОУ «Училище (колледж) олимпийского резерва Тульской области»,
Тульская область, г. Новомосковск

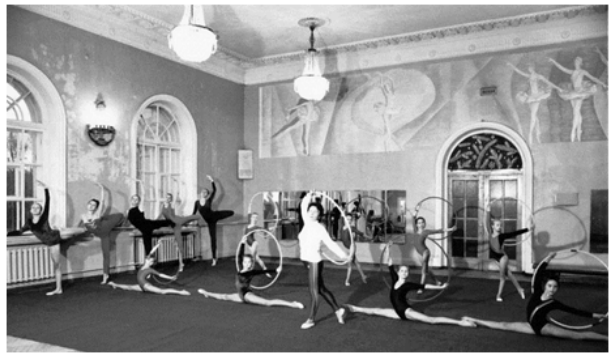
Тренер по художественной гимнастике Т. В. Канунникова

Имя Татьяны Канунниковой хорошо известно в нашем городе. Мастер спорта СССР, Заслуженный работник физической культуры РФ, Отличник народного просвещения, ветеран труда РСФСР, Отличник физической подготовки, судья Республиканской категории — вот далеко не полный перечень профессиональных наград и званий тренера по художественной гимнастике, более 50 лет верно служившей своей профессии, оставившей о себе добрую память в сердцах новомосковцев и всех, кого когда-либо судьба свела с этим неординарным человеком.

Многие выпускницы нашего учебного заведения в разные годы были ученицами Т. В. Канунниковой, ставшей для всех них примером служения спорту, профессии тренера, образцом человека неиссякаемой энергии и творчества. Упорная работа принесла ей известность не только в Новомосковске и Тульской области, но и в России.

Татьяна Владимировна родилась в г. Кинешма Ивановской области в 1934 году. Родители переехали в Сталиногорск (Новомосковск) на строительство химкомбината. Несмотря на бытовые трудности, первостроители города активно занимались физической культурой и спортом, участвовали в соревнованиях, сдавали нормы ГТО. Среди них была и Татьяна. Природа щедро одарила ее. К окончанию школы она была перворазрядницей по четырем видам спорта. Поэтому выбор профессии спортивного педагога был неслучайным.

После окончания в 1957 году Московского института физической культуры начала работать учителем в школе № 25. Любовь к спорту, инициатива и творчество молодого педагога реализовались в секции художественной гимнастики нашего города. Занятия проводились в спортивном зале школы. Спортивный инвентарь приобретался на деньги родителей. Несмотря на недостаточное материально-техни-

Профессиональная деятельность Т.В. Канунниковой во Дворце пионеров

ческое обеспечение, желающих тренироваться было много. Предложение перейти работать тренером в только что открывшийся Дворец пионеров было принято Т. Канунниковой с большим удовольствием. Вся ее последующая профессиональная деятельность связана с работой во Дворце.

За долгие годы работы через руки Татьяны Владимировны прошли многие сотни новомосковских девчонок. Именно «через руки», потому что тренер по гимнастике своими руками «лепит» из неумелой девочки грациозную, изящную спортсменку. Ученицы Татьяны Владимировны отмечают высокий уровень технической и физической подготовленности тренера, который позволял ей демонстрировать сложные элементы, быть энергичной, неутомимой, работать с полной отдачей.

Целеустремленность, настойчивость, умение находить убедительные доводы позволяли Т. Канунниковой решать многие организационные и финансовые вопросы, связанные с выездом на соревнования и приглашением команд других городов и областей в Новомосковск. Традиционными стали ежегодные матчевые встречи городов России, в которых принимали участие команды нескольких областей. Лучшие гимнастки — мастера спорта, участвуя в соревнованиях, объездили полстраны и с благодарностью вспоминают это время.

Помимо привычной работы тренеру приходилось заниматься организацией летнего отдыха своих учениц. Для спортивной группы учениц Канунниковой всегда находили необходимое количество путевок в пионерские лагеря разных ведомств на все лето, создавая возможность непрерывного круглогодичного тренировочного процесса. Ученицы Татьяны Владимировны вспоминают, что не всегда удавалось найти понимание у руководства лагеря о необходимости особого режима для спортсменок, у которых было по две тренировки в день и не было ни сил, ни времени для участия в общелагерных мероприятиях. Тренеру приходилось доказывать и отстаивать свои позиции, в том числе и по режиму питания. Таким образом, у тренера Канунниковой на протяжении многих лет практически не было отпуска. Тренировки, соревнования, летний спортивный лагерь… и снова работа.

И всё же наше поколение,
Тот комсомол «застойных» лет,
Работало не ради премии,
Не ради «липовых» побед!
Мы жили! Надрывались, спорили,
Порой до хрипоты, до слёз,
Мы «делали СВОЮ историю»
И делали её всерьёз!

В. Киреев

Помощь со стороны партийных, советских, общественных организаций города объясняется уважением к результатам труда тренера Канунниковой. Ею подготовлены 39 мастеров спорта СССР и России, 87 кандидатов в мастера спорта, сотни спортсменок-разрядниц. С 1966 по 1977 год команда гимнасток-художниц из Новомосковска — бессменный чемпион области среди девушек. Многие девочки входили в состав сборной команды Тульской области для участия в российских соревнованиях, отдельные выступали в составе сборной России, становились победителями и призерами российских соревнований и первенств ЦС «Россия». Среди самых титулованных — Татьяна Гридасова, Галина Салахова, Наталья Бухтиярова, Валентина Рождественская, Лилия Шатрова, Ирина Шумакова, Светлана Пудич, Юлия Моисеенко, Юлия Макридина, Ольга Гергерт.

Старшее поколение новомосковцев помнит групповые выступления гимнасток-художниц на Советской площади во время городских праздников. Много лет они радовали горожан красотой и пластикой движений, хорошим музыкальным сопровождением программы. Татьяна Владимировна также помогала готовить массовые выступления спортсменов других видов спорта и физкультурников.

Хороший тренер растет вместе со своими воспитанниками, не успокаивается на достигнутом, ищет новые формы выражения, постоянно совершенствует свое профессиональное мастерство. Так, новым направлением работы Т.В. Канунниковой, основанным на сочетании элементов художественной гимнастики и танца, стало создание в 1990 году коллектива спортивного танца «Грация», который много лет был украшением городских мероприятий

Первые ученицы Т.В. Канунниковой

и праздников. Свое мастерство демонстрировали спортсменки высоких разрядов — мастера и кандидаты в мастера спорта, перворазрядницы. Коллектив много раз побеждал в областных конкурсах эстрадного танца, был дипломантом Всероссийского фестиваля ВДЦ «Орленок». За высокие достижения коллективу «Грация» присвоено звание народного.

Многие считали Канунникову жёстким тренером. Однако, без требовательности, большого труда, многочисленных ограничений и разумной жесткости в спорте нельзя добиться высоких результатов. Галина Сергеевна Домнина — бывшая заведующая учебной частью Дворца пионеров отмечала: «Да, характер у Канунниковой не сахар. Очень требовательна к своим ученицам. Но мало кому известно, что она беспощадно требовательна прежде всего к себе». А бывший председатель Новомосковского комитета по спорту Владимир Маркович Андрейченко по этому поводу в свое время сказал: «Татьяну знаю более 40 лет. О ней ходит много небылиц. Так уж устроен русский человек — не может жить без зависти. Не надо путать требовательность с жесткостью».

Будучи уже в серьезном возрасте, но продолжая работать, Татьяна Владимировна сожалела об утраченных в новое время возможностях, необходимых для подготовки спортсменок высокого класса: «Раньше я могла повезти команду девочек 8–10 человек в любую точку страны. Было много соревнований, без которых никогда не будет мастерства. Ежегодно мы проводили сборы почти месяц, стоимость путевки была вполне доступной. Сегодня о сборах забыли, путевки не по силам большинству родителей. На соревнования 2–3 раза в году могу повезти 2–3-х девочек и то на деньги родителей. Остается одно — работа, работа и еще раз работа».

Трудолюбие, потребность в постоянном творческом поиске, любовь к детям в сочетании с высокой требовательностью Т. В. Канунникова передала своим ученицам, многие из которых выбрали профессию тренера, работают в разных городах нашей страны и за ее пределами. Среди них известные в Новомосковске, ставшие профессионалами высокого класса Валентина Андросова, Галина Салахова, Нина Ибетова, Татьяна Пилявская, Валентина Рождественская, Наталья Малютина, Ирина Шумакова, Светлана Пудич, Екатерина Аллахвердиева, Елена Чибрикова, Вера Баринова, Ирина Быкова, Татьяна Невструева и другие.

Выступления гимнасток-художниц на Советской площади города во время городских праздников

Свое отношение к Татьяне Владимировне став-

Юбилей Т. В. Канунниковой. Группа эстетической гимнастики «Багира»

Татьяне Владимировне Канунниковой — 80 лет

шие взрослыми ученицы выразили, организовав ей в 2014 году празднование 80-летнего юбилея в любимом Дворце.

Бывшие ученицы приехали из разных городов, много было сказано слов благодарности тренеру и наставнику, подарено цветов, интересных показательных номеров продемонстрировано на сцене юными гимнастками и их тренерами, не потерявшими спортивную форму.

Это поистине была демонстрация любви к тренеру и верности делу, которому все они отдали много лет своей жизни.

Через год Татьяны Владимировны не стало. И так случилось, что в последний путь ее тоже проводили ее уже взрослые девочки.

Дело Татьяны Канунниковой продолжается в ее ученицах и в ученицах ее учениц. В 2016 году впервые был проведен межрегиональный турнир по художественной гимнастике памяти Татьяны Канунниковой, который прошел на высоком организационном и спортивном уровне. Организаторы этого набирающего популярность и уже ставшего традиционным соревнования — городской комитет по физической культуре и спорту и конечно же воспитанницы тренера Канунниковой. А это значит — новомосковской художественной гимнастике жить!

При подготовке очерка использованы материалы музея истории г. Новомосковска и частных архивов Т. Канунниковой, Н. Андреевой, С. Аксенова, Н. Постниковой, И. Шумаковой, Г. Салаховой.

«НЕ МОГУ ПОКИНУТЬ ЛЮБИМУЮ ТУЛУ»

Момоткова Наталия Евгеньевна, 58 лет,
экономист, аудитор, главный бухгалтер,
г. Москва

Мой папа, Евгений Александрович Момотков, родился 20 октября 1935 года в городе Новомосковске Тульской области, в семье служащих Александра Федоровича и Александры Андреевны. Вскоре после его рождения дедушку перевели на службу в Тулу, где семья проживала в маленькой квартирке на улице Коминтерна.

Папа рос в прекрасной, дружной семье тружеников под присмотром старшей сестренки Инночки. Дедушку я не застала, знаю только по рассказам бабушки, что обладал он удивительным чувством юмора, хлебосольством, за что был очень любим соседями. В то время все жили очень скромно и радовались малому. Все соседи жили как одна большая дружная семья. Бабушка была уникальной белошвейкой и обшивала из старых вещей не только папу с сестренкой, но и всех соседей.

С первых дней войны мой дедушка просился на фронт, но местные власти его не отпускали, поручив ответственную должность в Туле, что не помешало ему участвовать с другими туляками и бабушкой в ополчении.

Как и другие дети войны, мой папа пережил все тяготы этого трагического времени нашей страны.

После войны папа с десятилетнего возраста разводил голубей и лихо присвистывал на крыше сарая. Это не мешало ему прекрасно учиться в школе, а впоследствии стать лучшим математиком среди выпускников. Местное хулиганье не раз планировало заговоры и наказания интеллигентному, худощавому, скромному, всегда опрятно одетому подростку. Но обладая каким-то внутренним бесстрашием, физической выносливостью, обостренным чувством справедливости, он мог спрыгнуть с крыши своей голубятни в центр собравшихся заговорщиков и надавать тумаков. После таких поступков местные хулиганы зауважали Евгения и считали за честь дружбу с ним.

Еще в последних классах школы моя бабушка взяла папу за руку и привела в секцию легкой атлетики. Там он был замечен и успешно занимался. Однажды, уже в период студенчества в Горном институте, молодому неизвестному спортсмену пришлось заменить заболевшего участника кросса Тула — Ясная Поляна и выступить под его фамилией. Каково же было удивление судей и участников, что намного опередивший и выигравший кросс спортсмен оказался Евгением Момотковым.

Это стало его первой победой, благодаря которой он попал в команду известного заслуженного тренера СССР Сергея Алексеевича Вакурова.

Спортивная карьера паренька стремительно пошла вверх. Он стал мастером спорта международного класса, многократным чемпионом, рекордсменом РСФСР в беге на 1000, 1500 и 5000 м, трёхкратным бронзовым призёром чемпионата СССР в беге на 1500 метров, призёром открытого чемпионата США в беге на 1 милю (третье место), участником Олимпийских игр 1960 года в Риме (пятое место).

Евгений Момотков (крайник справа) — бронза, серебряный кубок на память. Открытый чемпионат США, 1959 г.

Но в 1960 году произошла судьбоносная встреча с моей мамой в маленьком городке Лениногорске, в Казахстане, куда он приехал к сокурснику в гости на охоту. После двухлетней переписки с красавицей молодой учительницей и долгожданной встречи потом в московском аэропорту с огромным букетом полевых ромашек родилась семья, а затем в мае 1962 года и я появилась у родителей. Из большого спорта папа ушел сразу, как только женился на маме.

Его стали приглашать на тренерскую и преподавательскую работу, в том числе и в Москву, где предлагали квартиру. Предлагали возглавить кафедру в одном из ВУЗов, звали в Киев, в Ленинград, но он говорил, что никогда не сможет покинуть любимый город Тулу.

Мои первые впечатления из детства — это папа ведет меня совсем крохой в манеж, где тренирует легкоатлетов-юношей, а я сразу начинаю прыгать по пыльным мягким неровным кускам пористой резины в огромной «коробке» для прыжков в высоту.

А еще я счастлива, что у меня в детстве была возможность находиться в кругу потрясающих друзей моих родителей, слушать папины песни, которые он пел и играл на гитаре, фонтанировал с друзьями веселыми шутками, розыгрышами. Меня окружала огромная любовь и тепло.

Мой первый выход на стадион

От родителей мне передался по наследству музыкальный слух; меня отдали в му-

Одно из любимых занятий. 1968 г.

зыкальную школу, купили пианино. До сих пор иногда играю, в основном импровизирую, в жизни мне это очень пригодилось. Бывали вечера, когда семья собиралась у пианино, и я с папой и мамой исполняла романсы. А еще папа был заядлым охотником и рыбаком, все выходные мы проводили в живописных уголках Тульской области.

О папиных спортивных заслугах вспомнили в 1980 году. На стадионе в Туле он зажигал олимпийский огонь. Вся наша семья была в этот момент на стадионе. После церемонии мы пошли пешком домой на Красный перекоп, где жили в маленькой и тесной квартирке, с еще бодрой бабушкой Шурой, папиной мамой. Каждый прохожий подходил, рассматривал факел и старался пожать папе руку. Вот именно в тот момент меня переполняло чувство гордости за него.

Еще одной огромной любовью Евгения Александровича Момоткова был наш Тульский политехнический институт. Здесь он проработал 40 лет, до последнего дня своей жизни. Был доцентом кафедры ПТМиО, с 1975 по 1984 годы — деканом факультета тяжелого машиностроения, затем заведовал кафедрой «Автомобили и автомобильное хозяйство», которая образовалась по его инициативе.

Имел награды: орден «Знак Почета», медаль «Ветеран труда», знак Почетного гражданина города Новомосковска, где родился.

В Туле 20 октября ежегодно проводятся соревнования по лёгкой атлетике памяти Е. А. Момоткова, организуемые нашим университетом.

Его не стало 14 апреля 1998 года.

Когда папа умер, студенты несли его на вытянутых руках, провожая в последний путь, многие плакали, его очень все любили.

Он всегда старался помочь слабым, беззащитным людям. Помогал студентам с жильем, выбивал для них в ректорате материальную помощь, делал добро совершенно бескорыстно и никогда не ждал благодарности.

В день его похорон во дворе, где мы жили на улице Гоголевской, рядом с проспектом Ленина, было не пробиться от огромного количества людей, которые пришли его проводить…

Вот таким удивительным человеком я помню папу.

О ВЛАДИМИРЕ ЭДУАРДОВИЧЕ ФРИЗЕНЕ — ВОЛЕЙБОЛИСТЕ, ОТЦЕ И ЧЕЛОВЕКЕ БОЛЬШОЙ ДУШИ

Воротынцева Ирина Владимировна, 57 лет,
инженер-механик,
специалист ФБУ «Государственный региональный центр стандартизации, метрологии и испытаний в Тульской области», г. Тула

Владимир Эдуардович Фризен, мастер спорта СССР, Заслуженный тренер РСФСР, Заслуженный работник физической культуры РФ

Как прошло детство и юность Владимира Фризена?

Мой папа, Владимир Эдуардович Фризен, родился в Москве в 1938 году в семье кондитера, работавшего в ресторане «Прага». У семьи был свой дом недалеко от нынешней станции метро «Тульская». В 1939 году дед был репрессирован (почему — не знаем), семья сослана в Караганду. Папа был младшим ребенком в семье, старше него были сестра Ирина и брат Рудик. Впоследствии семья перебралась в Пермский край, в станицу Чусовая. Там и прошли детские годы Владимира Фризена, там же он пошел в школу. Как и все дети, любил подвижные игры, увлекался многими видами спорта. Показывал неплохие результаты. Поэтому после окончания школы решил поступать в Ленинградский институт физической культуры имени П. Ф. Лесгафта. В студенческие годы активно занимался десятиборьем, позднее увлекся волейболом, который останется с ним на всю жизнь.

Сокурсники папу уважали — он был вожаком, секретарем комитета комсомола факультета; преподаватели юношу ценили как способного и дисциплинированного студента. Поработал папа и на целине — в качестве командира студенческого отряда. Здесь укрепился его авторитет, получили развитие коммуникативные способности. Спорт и комсомол стали стартовой площадкой для его дальнейших достижений, помогли отточить навыки общения с людьми.

В семейном архиве сохранились интересные документы об этом. В частности, в письме комитета ВЛКСМ института им. П. Ф. Лесгафта родителям папы говорится:

Командир отряда В. Фризен (справа) на целине

«Уважаемые Эдуард Андреевич и Людмила Владимировна!

29.10.58 года исполняется сорокалетие Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. В связи с этой торжественной датой комитет ВЛКСМ института сообщает Вам, что Ваш сын Владимир, являясь членом комсомола, за время обучения в институте проявил себя дисциплинированным, успевающим студентом, пользующимся авторитетом среди коллектива студентов и преподавателей.

Эдуард Андреевич и Людмила Владимировна!

Большое спасибо Вам за Вашего сына. Желаем Вам хорошего здоровья и счастья в жизни.

Комитет ВЛКСМ. 24.10.58».

А заметку в студенческую газету папа написал после целины. Ветхая, пожелтевшая от времени вырезка доносит до нас ее текст:

«Сорок первую годовщину Октября я, как и тысячи моих сверстников и сверстниц, встречаю трудовыми успехами, которых студенты нашего института добились при уборке целинного урожая. Поездка на целинные земли навсегда сохранится в моей памяти.

Мой скромный трудовой вклад в это большое дело получил высокую оценку: я награжден значком ЦК ВЛКСМ «За освоение целинных и залежных земель».

В военных лагерях. В. Фризен (в центре) утром после водных процедур

Курсант Владимир Фризен на военных сборах

Сейчас по возвращении с целины я с новыми силами принялся за учебу. Думаю начать работу в СНО при кафедре марксизма-ленинизма над темой: «Критика современного ревизионизма».

Кроме того, по-прежнему буду вести и общественную работу, а также совершенствовать свое спортивное мастерство.

В. Фризен, студент».

Что значил волейбол в жизни В. Э. Фризена?

Когда в 1960 году Владимир Фризен окончил институт, его другтуляк Владимир Носов предложил поехать работать в Тульский механический институт, на кафедру физвоспитания. Сам В. Носов пошел по партийной линии, тогда как папа начал активно заниматься волейболом и внес весомый вклад в развитие этого вида спорта в Туле. С его именем связаны практически все успехи тульского волейбола 1960-х годов. 11 раз его «Политехник» становился лучшей студенческой командой России!

С 1961 года В. Э. Фризен — играющий тренер мужской команды института. Перед молодым тренером стояла сложная задача, ведь к тому моменту сборная института занимала последнее место даже в городских соревнованиях! Но Фризен решил во чтобы то ни стало создать сильную команду, он искренне верил в успех своих волейболистов. И ему это удалось.

В 1963 году его команда впервые стала победителем в зональных соревнованиях на первенство России, а в 1964 году заняла первое место на Всероссийской Универсиаде, и до 1974 гг. «Политехник» оставался бессменным чемпионом РСФСР и участником финальных соревнований Всесоюзных Универсиад.

В 1966 году в Туле вошел в строй легкоатлетический манеж, в котором сразу же стали проводить волейбольные матчи. Здесь в первых же серьезных соревнованиях — турнире сильнейших волейбольных команд РСФСР — тульский «Политехник» стал вторым, проиграв спартаковцам из Грозного и выиграв у молодежной сборной РСФСР. Это была хорошая проверка сил перед ответственными матчами за право играть в классе «А» чемпионата СССР. И вскоре тульский «Политехник» вышел в класс «А», а лучшим игроком в серии игр был признан играющий тренер Владимир Фризен! Об этом подробно описано в книге С. Гусева «100 лет тульского спорта» [1, с. 146].

Играющий тренер Владимир Фризен

Моя мама, Нина Николаевна (в прошлом тоже волейболистка), хорошо помнит, как в переполненном зрителями зале 17 августа

1966 года состоялся первый в истории тульского волейбола международный матч. Это была товарищеская встреча со сборной командой Монголии, участником чемпионата мира. И наши выиграли!

1966 год стал последним для тренера Фризена, когда он выходил сам играть на площадку. В июне 1967 года тулякам запомнился интересный матч сборных РСФСР и Румынии. В. Э. Фризен был одним из тренеров российской сборной команды. Наша команда тогда тоже выиграла!

В чемпионате СССР туляки успешно выступали до 1969 года, когда стали бронзовыми призёрами второй группы класса «А».

В чем секрет успеха волейбольной команды «Политехник»?

Сам папа считал годом рождения команды 1963 год. Именно тогда она серьезно заявила о себе, и была поставлена цель создать команду, которая сможет бороться на равных с сильнейшими соперниками в стране. Он отмечал энтузиазм и редкостное трудолюбие всех членов команды, ценил стремление создать дружный коллектив пионеров команды, игроков основного состава Владимира Кириллова и Виктора Аксентьева. Сам Владимир Эдуардович старался сплотить команду, мотивировать на победу. Знал каждого лично и подбадривал!

Команда «Политехник» (справа-налево):
В. Э. Фризен, В. П. Кириллов, А. И. Чабан, В. Н. Кузмичев, С. В. Серёгин, А. Т. Лашнев, В. Г. Терехов, В. А. Аксентьев, А. А. Переславцев, А. В. Морозов

Он организовал прекрасный коллектив, превратил его в настоящую команду. Даже вне волейбольной площадки все дружили, организовывали совместный семейный отдых. Тренер заботился обо всех игроках (помогал решить возникающие проблемы, искал спонсоров для материального вознаграждения волейболистов, договаривался с профкомом о талонах на питание для них и контролировал, чтобы никого не обидели), но и за дисциплиной следил. Его считают выдающимся тренером, который в первую очередь думал о своей команде!

Многих членов команды уже нет, но мама до сих пор перезванивается с их женами. Так, Светлана Аркадьевна Кириллова, вдова Владимира Петровича Кириллова и мать чемпионки Олимпийских игр в Сеуле, капитана женской волейбольной сборной СССР Ирины Кирилловой вспоминает: «Владимир Эдуардович был редкой души человек. Очень отзывчивый, эрудированный, харизматичный. Он думал не о себе, а о других. Старался вникнуть в любую проблему и помочь; никогда никому не отказывал. Благодаря Владимиру Эдуардовичу и мы, и другие члены команды получили жилье.

О своем детище — команде «Политехник» заботился не только на волейбольной площадке, но и в любое время. Старался объединить, сплотить, помочь, если нужно. Всей командой вместе, включая жен и детей, проводили отпуск. У меня есть фотографии наших поездок в Сухуми, Бунырёво, передающие тепло взаимоотношений. Опыт тех лет не прошел бесследно и для наших детей — все они подружились с мячом, с физкультурой и спортом, познали прелесть общения, пропитались командным духом, научились любить других, природу и уважать друг друга».

Иногда говорят, что победам способствовала также особая атмосфера, создавшаяся тогда, в 1960-е, в Туле. Согласитесь — когда болельщики поддерживают свою волейбольную команду, хочется выиграть во что бы то ни стало. Бывало, зал «набивался» полностью; те, кто не попал, стояли у входа и на улице. Интерес к волейболу был огромный!

Каким был Владимир Эдуардович в семье?

По приезде в Тулу папа познакомился с капитаном женской волейбольной команды Ниной Данько. Девушка была интересная и внутренне, и внешне, единомышленница. Возникла любовь. Свадьба спортсменов состоялась в 1961 году, а я родилась уже в 1962 году.

Когда я немного подросла, мама продолжила заниматься спортом. Родители часто уезжали на соревнования и сборы, а я много времени проводила у бабушки с дедушкой. Возвращаясь из поездок, папа всегда радовал подарками, дивными куклами и разными игрушками. Он был очень заботливым и внимательным отцом на протяжении всей жизни.

Но летом, на спортивных сборах, я всегда была вместе с родителями. Уже в два года я жила с ними в институтском лагере в Бунырево на Оке, в палатке под соснами. Это было замечательное время! Я часто вспоминаю, как мы приезжали туда каждый год, где стояли палатки, где — фанерные домики, какое раздолье было для детворы, как мы ходили на танцы со студентами…

В.Э. Фризен с дочкой Ириной

Мама всегда хотела, чтобы я занималась музыкой, поэтому я начала ходить в музыкальную школу, хотя не любила ее сильно и в результате не окончила. А любила я спорт, точнее физкультуру. Занималась легкой атлетикой, плаванием, много всего перепробовала! Родители старались мне дать всестороннее образование, и я очень им за это благодарна.

Отца я очень любила, и муж мне достался похожий на него. Папа в зяте тоже души не чаял, перед друзьями им хвастался.

Как осуществлялось строительство спортивного комплекса?

В 1969 году В.Э. Фризен стал заведующим кафедры физвоспитания и спорта Тульского политехнического института, которую возглавлял до последних дней жизни. Папа всегда мечтал о хорошем спортивном комплексе. В середине 1990-х началось его строительство. Ох, сколько сил и нервов это стоило! Распался Союз, времена сложные, денег нет... Помогали директора тульских предприятий, руководство Тульской области, московские коллеги по спорту — кто-то с большим уважением относился к Фризену и его задумке, с кем-то он дружил, кого-то смог убедить. Знаю, что Валентина Матвиенко, посетившая тогда Тулу с рабочим визитом, очень помогла с решением вопроса финансирования строительства. Туляки ей очень благодарны за это!

У папы была удивительная черта — если он когда-то «пересекался» с каким-то человеком, то дружеские отношения взаимопомощи оставались на всю жизнь: кому-то помогал он, кто-то помогал ему. Вот это и позволило возвести для туляков центральный корпус, бассейн он успел достроить сам, но теннисный корт не успел... В 2004 году В. Э. Фризена не стало.

Владимир Эдуардович с женой Ниной Николаевной и коллегой в спортзале

Отец очень сильно был привязан к нашему городу! Когда Федор Владимирович Седыкин, ректор политехнического института, уехал в Москву и стал заместителем Министра высшего и среднего специального образования РСФСР, он приглашал Владимира Эдуардовича к себе; шел 1979 год. Но папа не захотел — Тула его держала, друзья, все его родное. Здесь он любил людей, и люди любили его. До сих пор многие помнят и приходят на могилу, приносят цветы.

Самуил Давыдович Фейгин вспоминает: «Фризен — это мой близкий друг. Два раза в год — на его день рождения и в день памяти — мы ездим на кладбище, чтобы возложить цветы, сказать хорошие слова за его добрые дела.

Наша дружба началась в 1965 году; я был председателем профкома студентов, а Фризен — председателем спортклуба института, поэтому мы постоянно контактировали. Это был человек-объединитель всех. Он умер, и коллектив распался, встречаемся теперь на его могиле. А раньше он собирал нас на даче, на мероприятиях, соревнованиях, в походах... Это был стержень в коллективе, объединявшем не только преподавателей, студентов, спортсменов, но и врачей, шахтеров, чиновников, инженеров... Он обладал прекрасными качествами, прежде всего порядочностью. Не терпел предательства. Его любили все: и власть предержащие и простые люди. Он помогал всем, мог решить любую проблему, был очень отзывчивым и обаятельным. Конечно, бывали случаи, когда мы с ним ругались — но по делу, в поисках истины или путей решения проблемы. На него невозможно было обижаться. Он старался для других. Спортивный комплекс ТулГУ — лучший памятник Владимиру Эдуардовичу Фризену. И об этом напоминает мемориальная доска на нем».

В 2009 году решением Ученого совета ТулГУ стадиону «Студенческий» присвоено имя Владимира Эдуардовича Фризена.

В. Э. Фризен — автор 83 научных работ в области физической культуры, в которых рассматриваются прежде всего вопросы оздоровления подрастающего поколения [2].

Награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями «Ветеран труда» и «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

Записали интервью Василий Костюков,
студент 1 курса Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
зам. председателя студенческого научного кружка,
Людмила Ивановна Ростовцева, д.социол.н.,
профессор Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова

Литература

1. *Гусев С.* 100 лет тульского спорта. Тула: Дизайн-Коллегия, 2006. С. 146–150.

2. *Крикункова Т.* Памяти спортсмена большой души. URL: http://tsu.tula.ru/news/all/2742.

СПОРТИВНЫЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ГЛЕБА ГЛЕБОВИЧА ДУБЕНСКОГО[1]

Белов Александр Иванович, 75 лет,
выпускник МВТУ им. Н.Э. Баумана,
кандидат технических наук, доцент,
профессор Аннабинского университета, Алжир (1976–1979),
г. Москва

Г.Г. Дубенский, заслуженный работник высшей школы РФ, лауреат премии им. С.И. Мосина, действительный член Академии проблем качества РФ

В последнее время в обществе повысился интерес к истории страны, в которой мы живем. Пишутся воспоминания, открылись архивы. Многие события нуждаются в переосмыслении, в понимании того, что же происходило и как жить дальше, что взять с собой в будущее, а от чего следует отречься.

Оставим глубокий анализ профессионалам, но все же пока мы живы (dum spiro spero), постараемся дополнить мозаику истории страны своими личными впечатлениями и как бы посмотрим на неё через истории людей.

В Советском Союзе — стране со сложной, часто трагической судьбой — к 60-м годам XX века сложилось понятие «советский человек». При всём многообразии поведенческих архетипов и индивидуальностей мы все-таки присваиваем этому понятию положительную коннотацию. И в самом деле, нельзя забывать об очевидном в те времена единстве народа — всех слоёв: рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, разных национальных групп. Кто-то скажет, что здесь есть некоторая «натяжка», но никто не заставит меня, как автора этих строк, отречься от того, что я видел и ощущал вокруг себя. Пусть скажут, что мне повезло, но уверяю, не только мне.

Тульский регион всегда был опорой страны как кузница оружия, передовых технологий. Крепкий и даже творческий рабочий класс, инженеры, учёные прикладных областей науки всегда были в строю. В те нередкие периоды нашей истории, когда специфические задачи оборонки требовали быстрого безошибочного решения, исполнители проявляли высочайшую ответственность. И не удивительно, что появлялись такие личности, как Глеб Глебович Дубенский. Мне довелось жить и работать с этим, без преувеличения, необыкновенным человеком. К сожалению, его уже нет с нами. Говорят, что Господь забирает лучших, наверное, потому, что они на виду.

Представим себе север Африки, Магриб, многострадальный Алжир, испытавший вековое влияние арабов, турок, французской колониальной политики и, наконец, получивший независимость. Это напоминало отмену крепостного права на Руси, когда крестьяне, избавленные от гнета помещиков, оказались в вакууме, не зная, как жить дальше.

Не случайно, что Советский Союз протянул руку помощи бывшим европейским колониям. Хотя это и трактуется нередко как стремление распространить свое идеологическое влияние. На самом деле строительство предприятий, инфраструктуры, подготовка кадров совсем не были похожи на экспансию.

И вот сюда судьба забросила в конце 70-х годов бывшего тульского паренька, затем студента, инженера, преподавателя Глеба Дубенского. Можно точно сказать, что это была счастливая судьба.

Казалось, почему бы ему не оставаться в Туле? Карьера Глеба Глебовича складывалась удачно. В 30 лет он уже стал доцентом Тульского политеха, одного из лучших ВУЗов Советского Союза. Он был не каким-то приват-доцентом, библиотечным затворником или узкопрофильным учёным, а настоящим энтузиастом. Решающую роль сыграло то самое «место силы», которым являлась Тула.

Вся история России формировала особенного человека, которого называют «туляком». Это, с одной стороны, квалифицированный рабочий класс оборонной промышленности, шахтеры, работники химпрома, металлургии, а с другой — инженерно-технический персонал. Именно традиции ответственности перед страной формировали признанную монолитность туляков.

Но даже среди этих особенных людей выделялся наш «герой» Глеб Глебович Дубенский. Ему сказали: «Надо помочь нашим алжирским друзьям!». Он и ответил: «Надо, так надо!». А ведь для этого пришлось оставить родные места, надежных друзей, любимый вуз. Уж не будем забывать, что на новом месте работы все нужно было делать на чужом языке, а для этого в кратчайшие сроки его освоить. Следовало научиться понимать другой менталитет, иную национальную и религиозную среду. Да и новый коллектив напоминал не либеральную университетскую среду, а скорее гарнизонный военный городок.

На наших глазах человек, попавший в новые, необычные обстоятельства, практически сразу приобрел авторитет среди коллег и стал любимым преподавателем иностранных студентов.

Почему это стало возможно? Вернемся в Тулу. В Тульском политехническом институте в 1961 году появился энергичный, как бы сейчас

---

[1] Продолжение. См.: *Дубенский Г.Г.* «Просто ты умела ждать...» // Мы помним... 1941. Ч. 2. Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2012. С. 163–179; *Погребняк Г.О.* Горжусь, что я русский! // Мы помним... Ч. 2 (2015). С. 168–173.

сказали, «контактный» молодой инженер, а затем преподаватель, который всё умеет. Если нужно, то он наладит оборудование, проведет сложные расчеты, организует научную группу, в дальнейшем систематизирует работу кафедры, примет на себя целый факультет и придаст его деятельности новый импульс. Ну а если надо, то и организует сборную по футболу (с детства это был его любимый вид спорта).

Как же он заслужил этот авторитет у своих новых алжирских студентов? Конечно, прежде всего, благодаря своей профессиональной деятельности: замечательные лекции с завидной долей артистизма, семинарские занятия с огромной самоотдачей, лабораторные работы на современном оборудовании. Но как завоевать симпатию у почти всегда недоверчивых к представителям старшего поколения молодых людей? Вот здесь и пригодился советский спортивный опыт. Глеб Глебович предложил после занятий: «А давайте сыграем в футбол — преподаватели против студентов!».

Чемпионы г. Тулы и призеры первенства области по футболу 1959 г. Команда Тульского горного института «Буревестник» (слева направо): Тихонов Александр, Аверин Станислав, ?, Дубенский Глеб, Строганов Юрий, Емельянов Борис, Дзюба Борис, Удалой Владимир, Никишаев Виктор, Васин Юрий, Савинков Валерий

Заметим, что Алжир — молодая страна, но уже традиционно сильная футбольная держава. Конечно, это предложение вызвало только улыбки крепких и спортивных молодых людей.

И вот игра. Как говорится, мастерство бесследно не исчезает. Преподаватели обыграли студентов под ноль. Глеб Глебович забил свой гол.

Нужно ли сомневаться, что его огромный неформальный авторитет был завоеван на годы вперёд?

Это происходило благодаря особенным человеческим качествам Глеба Глебовича: человеколюбию, вниманию к людям, самоотдаче, компетентности и бескомпромиссности, если касается дела. Во всех его делах виден системный подход — следствие его инженерного образования, воспитания в семье, гражданской позиции. Его не зря называли «народный интеллигент».

Справедливости ради отметим, что он был не одинок. Аналогичными качествами отличались многие его друзья и коллеги.

Сегодня, в наше весьма сложное и часто неопределенное время, с ностальгией хочется констатировать, что достижения Советского Союза в образовании, науке, культуре, несмотря на кажущуюся избыточную идеологизированность, способствовали появлению таких выдающихся специалистов, да и просто людей, как декан Тульского политехнического института, профессор Алжирского университета, лауреат многих премий и правительственных наград, всеобщий любимец и человек выдающегося авторитета — Глеб Глебович Дубенский.

Автор этих строк также с большим уважением вспоминает о прекрасных временах творческой работы бок о бок с Глебом Глебовичем, считает его, несмотря на небольшую разницу в возрасте, своим учителем.

P.S.

Прошел год, как Глеба Глебовича нет с нами. Но мы помним его улыбку, его доброжелательный взгляд, организаторские способности и любовь к физкультуре и спорту с самого детства.

Родился Глеб Глебович Дубенский 15.10.1937 г. в г. Можайске Московской области. Отец погиб на фронте. В двух книгах поколений «Мы помним...» были опубликованы извлечения из дневника его матери (1941 г.) и письма с фронта от отца и после его гибели — письма сослуживцев. В настоящем издании — рисунки отца с фронта своим детям Глебу и Бориске (см. во вклейке).

В 1956 г. Глеб Дубенский окончил с отличием Сталиногорское горно-техническое училище, в 1961 г. — Тульский горный институт и начал работать ассистентом кафедры сопротивления материалов. Активно занимался спортом, имел I разряд по футболу уже в училище, а также хоккею с мячом и хоккею с шайбой, был тренером хоккейной команды института.

В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1970 г. получил ученое звание доцента. Четырежды выезжал в составе строительных отрядов института на различные стройки страны, в т.ч. командиром отрядов.

Глеб Дубенский — слева

В 1976–1979 гг. в Аннабинском университете Алжирской Народно-Демократической Республики читал курс сопротивления материалов на французском языке. С 1980 г. — заместитель декана, с 1984 по 2008 гг. — декан факультета тяжелого машиностроения — транспортного машиностроения — технологического факультета ТулГУ.

Последние 11 лет Глеб Глебович жил в Москве, работал ген. директором ООО «Дом отдыха “Братцево” Союза театральных деятелей РФ».

Воспоминания Романа Николаевича Ростовцева, д.т.н., заведующего кафедрой физики ТулГУ, дополняют спортивный портрет Г. Г. Дубенского:

«Лет с пяти я помню Глеба Глебовича и моего отца Николая Михайловича соревнующимися и вовлекающими нас с Мариной, его дочерью, в различные виды спорта. И летом, и зимой наши семьи много времени проводили вместе: плавали на байдарках по Угре и Красивой Мече, выезжали с «поездом здоровья» в Ясногорск или в Дом отдыха «Ясная Поляна» на выходные кататься на лыжах, ходили на каток, на институтской базе в Бунырево во что только ни играли: в волейбол, футбол, бадминтон и проч.!

Глебу Глебовичу очень присущ был спортивный азарт — сначала он начинал соревноваться с моим отцом, а потом подключались и мы: кто дальше прыгнет, кинет камень, палку, кто быстрее проплывет или пробежит отрезок, кто больше подтянется, отожмется, прочикует мяч.

Глеб Глебович имел первый разряд по футболу, поэтому мячом владел виртуозно, с ним никто не мог сравниться. Он чиковал (подбрасывал мяч ногой вверх), к зависти мальчишек, пока не надоест — мне запомнился результат 1,5 тысячи раз.

Хорошо помню игру «в итальянку»: Глеб Глебович играл через сетку ногами, а отец — руками. Кто выиграл — не помню, но наблюдать было очень интересно, собралось много зрителей».

Редактор

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот и подошла к концу пятая книга воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...», завершающая цикл о советском прошлом. Как успел убедиться читатель, она сделана с большой любовью и искренностью. Сделана по-советски: на энтузиазме, добросовестно, скрупулезно.

Благодарю за помощь волонтеров-студентов, которые, уверена, получили новые знания, опыт и удовлетворение от участия в проекте — от соприкосновения с «живой» историей, осознания необходимости сохранения исторической памяти, приобщения к важному делу.

Хочу выразить признательность всем авторам книги за терпение — из-за пандемии победителям конкурса эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» пришлось ждать лишние полгода, а некоторым приглашенным авторам — до трех лет, пока руководитель проекта семь раз подавала заявки на конкурсы грантов в поисках финансирования типографских расходов.

Проект подружил нас. Низкий поклон самому старшему на сегодняшний день автору **Михаилу Придоновичу Придонову,** художнику, бывшему узнику концлагеря «Маутхаузен», который не только поделился воспоминаниями во всех пяти книгах серии, но и с удовольствием общается с молодежью — двери его квартиры широко распахнуты для всех. В свои 99 лет он участвует в наших мероприятиях, помогает оформлять книги. Вот и в этих томах названия глав на шмуцтитулах выполнены им.

Мы горды дружбой с **Николаем Ивановичем Кульповым**, летчиком, после войны служившим в прославленном авиаполку «Нормандия — Неман». Он с нами не только на страницах трех книг, но и на митингах-концертах 22 июня, на вечерах «Встреча поколений», на презентациях не только в Туле, но и в Москве. В свои 97 лет Почетный гражданин Тульской области, кавалер боевых наград Советского Союза и ордена Почетного легиона — высшей награды Франции — Н.Н. Кульпов много ездит, выступает перед школьниками всей нашей области, подает пример всем нам своим добрым нравом и образом жизни.

Мы скорбим и сожалеем, что выхода в свет нашего двухтомника не дождались ветераны Великой Отечественной войны:

Сергей Петрович Афанасьев (27.09.1918–08.06.2019), один из организаторов тульского «Мемориала», немного не доживший до 101-го дня рождения (у нас есть видеозапись подробнейшего интервью с ним);

Сергей Макарович Крамаренко (10.04.1923–21.05.2020), генерал-майор авиации, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны и войны в Корее 1950–1953 гг.;

Александр Александрович Ульянов (27.05.1930–11.07.2020), кинооператор, режиссер киностудии Центрнаучфильм, в годы войны разведчик Шурка-москвич партизанского отряда в Белоруссии;

Лев Александрович Вознесенский (26.04.1926–09.12.2020), экономист и публицист, ученый и педагог, государственный и общественный деятель; племянник экономического стратега победы в Великой Отечественной войне, председателя Госплана СССР, зам. председателя СНК Николая Алексеевича Вознесенского и сын ректора Ленинградского университета, после войны — министра просвещения РСФСР Александра Алексеевича Вознесенского.

Именно Лев Александрович, два очерка которого представлены в начале первой книги «Мы помним...» 2010 года, предложил в название обязательно вставить слово «поколений» — «Книга воспоминаний и размышлений поколений». Своей поддержкой, заинтересованностью он способствовал тому, что книга получила продолжение, родилась целая серия. Он был мудрым советчиком, опорой. Ему всегда можно было позвонить, проконсультироваться, получить совет, поддержку. Незаурядная личность, непростая судьба... Вечная память!

Мы признательны за верность нашему проекту **Светлане Викторовне Бариновой**, учителю русского языка и литературы Бородинской СОШ Тульской области, и **Михаилу Николаевичу Безгину,** учителю истории Архангельской СОШ Чернского района Тульской области, руководителю поискового отряда. Работы их и учеников есть во всех пяти выпусках книги. Кроме того, за 10 лет нашего знакомства они откликались всегда на наши инициативы и приглашения.

Спасибо **Сергею Михайловичу Романову**, научному сотруднику музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», **Наталье Николаевне Гончаровой**, кандидату филологических наук, доценту ТулГУ, **Николаю Алексеевичу Макарову,** гвардии майору медицинской службы, члену Российского Союза ветеранов Афганистана, за многолетнее сотрудничество! А также коллективу издательства «Аквариус», выпустившему серию книг поколений «Мы помним...».

Мы ценим многолетнюю поддержку членов оргкомитета конкурса эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» и их слова.

Академик РАН Александр Васильевич Петриков, доктор экономических наук:

В последние годы проблемы исторической памяти мало кого оставляют равнодушными. Со страниц академических журналов и кафедр они давно перекочевали не только на газетные полосы, но и в ток-шоу, стали предметом острых политических дискуссий и интернет-обсуждений. Суеты и шума действительно много, а деятельной, кропотливой работы по сохранению исторической памяти крайне недостаточно. А без этого решить задачу сохранения исторического наследия и передачи всего ценного в нем будущим поколениям невозможно.

Проект «Мы помним...» — пример такой деятельной работы. Значимым является то, что в нем собраны многие свидетельства участников

событий, информация из первых рук, «неотредактированная» история. Часто именно она (а не монографии профессионалов при всем уважении к научному труду) позволяет отделить зерна от плевел в историческом повествовании, добраться до правды истории, без которой нельзя извлечь из неё уроки.

Важно и то, что авторами проекта стали представители самых разных профессий, возрастов и социальных групп. Это позволило нарисовать отчасти мозаичный, но вместе с тем объемный портрет ушедшего времени, показать не только основные тенденции, но и оттенки событий, без которых нет настоящей истории.

В заключение хочется сказать всем сотрудникам проекта большое спасибо и выразить надежду на его продолжение.

Галина Романовна Наумова, доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова:

Как и всякий долговременный проект, инициированный и осуществленный Людмилой Ивановной Ростовцевой, этот проект коренится в основах нашей народной жизни. Он определяется потребностью укрепить нашу историческую память, нашу социальную память, транслировать эту память в будущее. Очевидно, что знание истории, память о событиях прошлого нужны в первую очередь для будущего. Мы, сегодня активно работающие, являющиеся лицом современной эпохи, уже укреплены исторической памятью о наших отцах, дедах. А вот что будет происходить в следующих поколениях? Многое здесь зависит от того, как мы сумеем эту историческую память сохранить и поддержать.

Общеизвестно, что сохранение исторической памяти — одна из функций исторического познания. Вообще, историческая наука имеет много задач: добывание новых знаний, образование, воспитание, социальное прогнозирование. Но время от времени проявляются такие стыки между поколениями, когда все силы научного сообщества должны быть направлены именно на передачу исторической памяти. Наше время — это время такого стыка.

Очень важно сегодня увидеть и обнаружить то, в чем заключается жизненная самобытность и оригинальность нашего народа не только в далеком, но и в недавнем прошлом. Укрепить через это обнаружение и понимание нравственную природу общества, обеспечить наше развитие. Конечно, действующие лица, герои нашей истории растут из нашей жизненной почвы. Каждое поколение имеет свою особую личность. Очевидно, что благодаря этому есть общие черты облика каждой эпохи. Раскройте существенные черты личности эпохи — и вы поймете, в чем её главная сила, каковы они, её главные понятия о правде и порядке.

Этому и посвящены все книги воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...», в том числе и два тома пятой книги «До войны, в войну и после» и «Мы помним ту страну, в которой жили».

Светлана Александровна Ермишина, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова:

С каждым годом замечательное дело, сущность которого столь ярко выражает название многотомного издания «Мы помним...» и георгиевская ленточка на обложке книги, объединяет все большее число участников — наших современников. И это хороший знак наличия большого творческого потенциала у этого дела. Знак свидетельства общественного признания результатов совместного дружного труда организаторов, авторов, издательских работников и представителей различных государственных и общественных организаций.

Испытываешь чувство благодарности к зачинателям этого доброго дела, а также ко всем авторам, представителям разных поколений и слоев общества, которые с душевной щедростью и признательностью своим родным, друзьям-товарищам, сослуживцам, руководителям доверительно рассказывают нам свои истории. Они с чутким пониманием «исторических эпох», с уважением к прошлому своей страны пытаются понять как победы, так и поражения в ее истории. Все объединено любовью к родной земле, Отечеству, своим предкам, общим святыням, традициям и ценностям. Победа в Великой Отечественной войне и признательность поколению победителей является одним из главных стержней исторической памяти.

На наших глазах память народа обнаруживает эти глубинные основания, которые скрепляют единство национального самосознания и сегодня. Без этого будущее народа, общества, государства невозможно.

Татьяна Григорьевна Жукова, учитель истории МБОУ Дубровской № 1 СОШ им. генерал-майора Никитина И.С. (р.п. Дубровка, Брянская обл.):

О существовании этого замечательного проекта я узнала от Татьяны Михайловны Осиповой, племянницы выпускницы нашей школы, бойца диверсионно-разведывательной части 9903 Елизаветы Ивановны Беневской, героически погибшей в битве за Москву. И сразу подключилась к нему вместе со своими учениками, выпускниками, педагогами-ветеранами, друзьями и партнёрами школы из разных уголков России и других стран.

Мы с учениками уже много лет по мере сил и возможностей занимаемся изучением истории своего края, судеб земляков, истории семей школьников. Проект, включающий в себя конкурс эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» и выпуск многотомного издания книги воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...», как нельзя лучше позволяет молодёжи не просто восстановить по устным и письменным воспоминаниям их родных и предков историю семьи, историю своей малой и большой Родины, но и реализовать свои творческие способности.

Достаточно посмотреть на авторский состав книги, чтобы сделать вывод о масштабе и значимости проекта. Это ветераны, которым почти 100 лет, и дети, которым нет ещё и 14. Это люди, своими делами и подвигами лично писавшие биографию страны, и юные россияне, знающие

об исторических событиях только из книг и рассказов их участников. Это дети прославленных маршалов и генералов, разведчиков и изобретателей и дети рядовых солдат минувшей войны. Это жители столиц и маленьких российских селений, а также граждане и соотечественники из других стран ближнего и дальнего зарубежья. Книги «Мы помним...» — это подлинная народная энциклопедия истории нашей Родины, истории Великой Отечественной войны.

Сердечное спасибо инициаторам и организаторам проекта, всем, кто участвует в его реализации. И пожелание. Проект не останавливать! Будем вместе продолжать писать народную историю Отечества.

Лариса Геннадьевна Чередниченко, доктор экономических наук, профессор РЭУ Им. Г.В. Плеханова:

Проект замечателен не только подготовкой и изданием прекрасных книг поколений «Мы помним...» об истории нашей Родины, воплощенной в правдивых и душевных рассказах соотечественников. Огромно его значение в деле патриотического воспитания, формирования душевного благородства и благодарности своим родным и близким, которыми пропитан конкурс эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов».

Организаторы проекта не ограничивались только сбором материала. Было проведено много конференций, встреч молодежи с фронтовиками и замечательными людьми, скромные рассказы которых отзывались восхищением и благодарностью в сердцах учеников и студентов. Я помню слезы в глазах студентов и преподавателей Плехановского университета на презентации четвертой книги, которая была организована Людмилой Ивановной Ростовцевой и коллегами Тульского филиала в Российском экономическом университете имени Г. В. Плеханова. Рассказы фронтовиков никого не оставили равнодушными!

Самое главное, что сбылось благодаря проекту «Мы помним...», — это гордость, осознание нашего единства и огромная благодарность нашему великому народу!

***

Оглядываясь назад, я задаюсь вопросом — почему уже более 10 лет мы занимаемся созданием народной истории, и в откликах членов оргкомитета снова звучит призыв не останавливаться, продолжать проект?

Значит, это кому-то нужно?!

С глубокой признательностью ко всем участникам проекта
«Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», или «Мы помним...»
и тем, кто способствовал его реализации,

Л.И. Ростовцева

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 2. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И СССР В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ

Глава 9. Молодежь о своих героях

Курганская М.Ю. Профессор Николай Андреевич Моисеенко: разведчик стал экономистом 5
Нехаева Д.В. Студенческая жизнь комсомольцев 1960-х гг.: на примере биографии Г. В. Трушина 12
Бахтинова В.И. «Я жил, не скупясь, не жалел беспокойного сердца»... 17
Ефремова Т.А. Смерть на войне обычна и сурова 25
Пинчук Ю.С. Страница семейного архива: подвиг Я.П. Пинчука .. 34
Кожункин А.И. Осколки от снаряда в руке 40
Ситникова М.А. Простой мужик — соль земли русской 42
Петраков Д.В., Петракова Т.В., Петраков П.В., Петраков И.В. Секрет долголетия нашей бабушки 45
Никулина Е.А. Простые рассказы прабабушки 48
Завроцкий Я.Д. Помнить, чтобы жить 51
Носова М.А. Воспоминания из детства 52
Ростовцев Г.Р. Как дед попал в плен 54
Сазоненко А.В. Послевоенная судьба 58
Тюлина А.Ю. Судьбы обычных людей 60

Глава 10. Студенты вузов о подвигах родных и близких

Дубова М.А. О тех, кого с нами нет 62
Власова А.В. История войны в одной семье 65
Габдульбаров Д.И. Военное детство моей прабабушки 67
Ковешникова Д.А. Маленькие, но такие сильные... 69
Лапина С.Н. Тихий подвиг 71
Морозова А.С. «Я был на той войне...» 73
Опич Т.Ю. Уральская жизнь спецпереселенца 77
Погорелая Е.В. Андрей Петрович и Василий Петрович Дрыгины 79
Сизикова А.Е. Через всю войну... 82
Шилова А.А. Долгая дорога к дому 85

Аксенова А.Ю. Подвиг командира в семейном предании и наградном листе 87
Трохимчук А.В. О жизни в СССР 90
Холодков В.В. Советский человек 93
Данилина Н.Е. О советском прошлом 96

Глава 11. Студенты научного кружка о влиянии войны на судьбы

Ефанова А.А. «Главное, ребята, сердцем не стареть...» 98
Косова Е.С. Детдомовское детство моей бабушки 100
Моисейкина Н.Е. «Светлое прошлое», или самое счастливое время 102
Сергеева А.А. Герои семьи Веселовских 104
Стрельникова Д.С. Чему нас учила прабабушка 107
Аль Таамнех А. «После войны больше ничего не страшно» 109
Арутюнян С.А. Непростые судьбы моих четырех прадедов 111
Ключникова Н.А. «Ты был хорошим человеком!» 114
Якимишина Е.А. Прадед сражался за Советский Союз 117
Серёгина Я.Д. «Не жалел своих сил и здоровья...» 120
Леонов М.С. Рядовой Молчанов Иван Матвеевич 122
Куликова И.А. «А мы пред ними все в долгу» 124
Медведская А.И. 100 лет служения Отечеству моего рода 126
Гуляева О.В. Жизнь на два века и две страны 129

Глава 12. Школьники о подвигах прадедов

Алисов А.П. Подвиг шофера 132
Битюцкая В.С. «Белые призраки» 134
Ветров М.А. Мой прадед — майор медицинской службы 136
Головина А.Р. Стояли насмерть 138
Громова А.А. Семейный альбом 139
Королев Г.А. Прадедушка В.С. Королев на войне и в родной деревне 141
Корчагина Т.А. Они сражались, не жалея себя... 144
Масюкова Ф.Р. Детство, опаленное войной 146
Мосякин Т.С. Черно-белый портрет на стене 150
Нечаева З.Ю. Мой прадед — настоящий герой! 152
Самсонов Д.В. «И никогда не оборвется веков связующая нить...» 154
Тюрин Е.А. Горжусь своим прадедом! 158
Шарова В. Военный разведчик и писатель Овидий Горчаков — мой прадедушка 161

Глава 13. Память о героях страны и семьи

Архипова Т.К., Петровичева В.Н., Кожевников А.С., Петухов А.Д. Непокоренные, или интернет-поиск по следам рассказа М.П. Придонова «Двадцать два» 166
Балабанова Т.В. Навсегда останутся в моем сердце... 175
Гришин Б.В. Память наших сердец 179
Дульзон О.О. «Суровое, мужское наше дело мы доведем — и с честью — до конца!» 180
Захаркина А.А. Мой «Бессмертный полк» 183
Корнеева В.М. Великая Отечественная война в судьбе моей семьи 188
Макарова Т.В. «Будь проклят сорок первый год...» 190
Малофеева А.А. Я буду помнить ваши имена 192
Савина К.А. Маленькие истории о большой войне 194
Слободская Е.П. На благо и силу Отечества 196
Судницына А. Ребята, давайте жить дружно! 202
Трофимов Е.А. Спасибо! 203
Федорова К.А. Они все нам родные 206
Чекмарёва А.С. Вклад моих предков в летопись Великой Отечественной 208
Шигапова Э.Р. Труд — превыше всего! 210

Глава 14. Женские судьбы

Вихарева Р.В. Пачка махорки, или почему маму не угнали в Германию 212
Шабалина Г. В. Семейная загадка 214
Агаширинова З.М. По-русски «мама», по-грузински «нана», а по-аварски — ласково «баба́» 216
Фролова Д.А. Счастливый человек — моя прабабушка 219
Пинаева Е.О. Воспоминания моей бабушки А.В. Крайновой 221
Чернова С.И. Моей бабушке-добровольцу — девяносто семь 225
Павлов А.В. «Заснула в мирное время, а проснулась в войну...» . 228
Старовойтов Н.С. Моя бабушка Зоя — медсестра 232
Медведская А.И. Война коснулась юности крылом... 234
Понкратова П.А. «Угнанная» юность 236
Нестерова Е.И. Путь к вере и науке 240
Винник А.К. Блокадница 241

ЧАСТЬ 3. МЫ ПОМНИМ ТУ СТРАНУ, В КОТОРОЙ ЖИЛИ...

Глава 15. Защитники Отечества

Крамаренко С.М. Мирные дни 249
Кульпов Н.И. О корейской войне и увольнении из Вооруженных Сил 254
Пронин В.Г. После войны 259
Плешаков И.Д. Воспоминания ракетчика 260
Гусев В.А. Здесь солнце в море медленно садится 264
Гетманцев Л.В. Мозамбик: память сердца 271
Белевская В.В. Мои сыновья — офицеры! 276
Макаров Н.А. О времени и о себе 279
Хлебникова Т.А. Мой папа — моя гордость 290
Сенько Д.А. Куба, любовь моя... 291
Евсин Н.А., Рыжов В.Ф. Мы — из военной династии 293
Кашицын В.В. Память грядущего, или плоды задушевных разговоров с тремя ветеранами войны: отцом, дедом и прадедом — «отцом народа» 297
Якимова Л.А. Нам есть кем гордиться! 304
Шеин Н.Г. Мгновения встреч с Батей 307
Черкасская В.К. Обращение к юным в День Победы 312

Глава 16. Созидатели народного хозяйства

Богомолов В.А. Ради общего дела: новомосковские воспоминания 314
Макарова В.С. На ответственной должности в министерстве рыбного хозяйства СССР 321
Чурин В.П. Родом из деревни ТОЗ 326
Олейник А.П. «Родина наша — колыбель героев» 335
Трифонов Н.В. История колхоза имени Георгия Димитрова в архивных документах 342
Савостьянов В. Н. СССР — Страна Созидания, Справедливости, Равенства 347
Щеглов В.В. «Должен и сын героем стать...» 360
Пинаев О.И. Мой путь — из советсткого прошлого 363
Чечулина И.Н., Чечулин А.А., Дронова Н.П. После Победы: возвращение с войны в мир 374
Крюкова Н.И. Славные страницы истории Долгоруковской районной комсомольской организации 385

Нестерова Н.С. «Только бы не было войны» 394
Семененко В.В. Первый целинный отряд МГУ 396
Рыженкова Н.В. МГУ на целине 402
Салихов В.А. Мой комсомол 404

Глава 17. Творцы культуры, науки и искусства

Урюмцев О.Г. С точки зрения Бога 408
Злыгостева Н.И. «У памяти времени нет» 421
Куканова И.А. Историко-культурная картина страны и региона в библиографических указателях библиотеки 431
Наумова Г.Р. Сорок лет покоя и социальной защищенности 441
Обухов Н.Ф. Высшая школа военной маскировки и бригада «Изо-агит» в биографии художника Н. Г. Тихонова 449
Семенова Л.А. Музыка памяти 461
Кочетова М.Е. «От всей души» 465
Архангельская Н.В. Создавали лекарства, сохраняли память 468
Агличева И.В. О замечательном человеке, художнике, отце, муже 471
Шепарёв Р.М. Лучшие годы жизни 473
Фрейверт Л.Б. 40 послевоенных лет 484
Богомолов В.А. Моя память о Г.И. Паншине — учителе в спорте и жизни 498
Носова О.А., Чая В.Т. А. Д. Шеремет: выдающийся ученый, преподаватель, организатор 503
Калмыкова Е.Ю. Записки о 60–70-х годах: о доме, дворе, школе и не только... 508
Прошина Т.В. Страна, которой больше нет... (1960-е гг.) 517

Глава 18. Советское образование и воспитание

Андрианова Л.М. Отголоски войны 534
Прошина Т.В. Пионерский лагерь 542
Прошина Т.В. «Учиться, учиться, учиться...» (1970-е – начало 1980-х гг.) 551
Ермишина С.А. Куликово поле и первые полеты в космос 562
Чередниченко Л.Г. Письмо руководителю проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» 574
Караваева О.М. Путешествие в страну Чистопрудную 577
Гейдэ Н.А. Солнце, май, Арбат, любовь... 592
Паншина Е.Г. Цепь событий 596
Починкова Е.А. Особенная жизнь обычной советской школы, или какую школу мы потеряли 598

Баринова С.В. Зато у нас было детство... 601
Гончаров Н.П., Гончарова Н.Н. Перед нами — пример живой: Пётр Васильевич Поляков 604
Алешин В.С. Я из тульского Заречья 609
Шеверев Г.М. Чудо 614
Бардина И.Н. Мы — поколение пятидесятых годов 617
Алтунина Л.Д. Жили как одна семья 620
Шафран Я.Н. «В ТулГУ — часть моей души» 625
Ростовцева Л.И. Как нас воспитывали. Благодарность семье, учителям, тренерам 629

Глава 19. Герои физкультуры и спорта

Малашкин А.А. Сталиногорские марафонцы-фронтовики И. И. Филин и С. С. Кузнецов 641
Андреева Н.Н. Живая вода Глеба Паншина 648
Веденин В.П. Олимпийский чемпион вопреки 658
Володин В.И. Галина Прозуменщикова — первая в СССР олимпийская чемпионка в плавании 663
Кочетова М.Е. Тула — велосипедная столица мира 666
Алекно В.Р. «Пока сборная не запоет гимн России, она ничего не выиграет».. 670
Кириллова И.В. «Бороться в спорте и жизни не только за себя, но и за других...» 674
Андреева Н.Н. Валерий Резанцев —профессор ковра 678
Винер-Усманова И.А. Добиваться своей цели и преодолевать себя 685
Тарновская Н.В. Спринтер из Новомосковска. 689
Дульзон Е.А. Путь тренера-педагога. Татьяна Канунникова 693
Момоткова Н.Е. «Не могу покинуть любимую Тулу» 698
Воротынцева И.В. О Владимире Эдуардовиче Фризене — волейболисте, отце и человеке большой души 701
Белов А.И. Спортивные штрихи к портрету Глеба Глебовича Дубенского 708

Послесловие 713

МЫ ПОМНИМ…

Книга воспоминаний и размышлений поколений

Выпуск 5

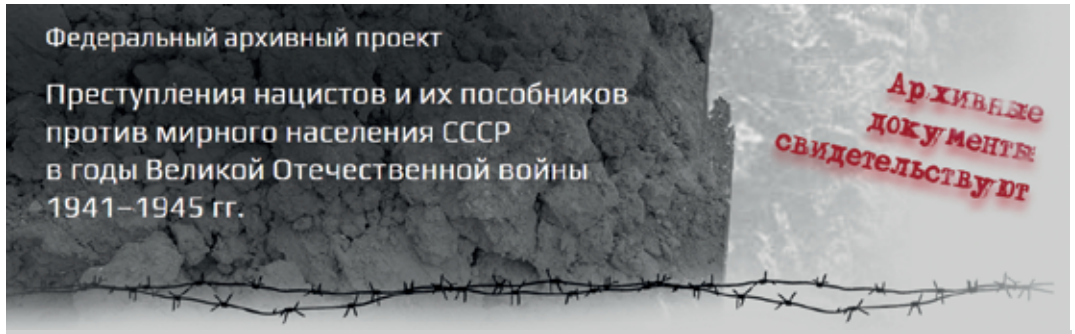
Том 2
Мы помним ту страну, в которой жили

Художественное оформление:
обложка — *Гиндин М.Б., Волков В.Ю.,*
форзацы:
Трахман М. «Парад Победы на Красной площади 24 июня 1945 г.», Главархив г. Москвы;
«Митинг на Красной площади, посвященный первому в мире космическому полету, 14 апреля 1961 года», ТАСС
шмуцтитулы — *Придонов М.П.*
Редактор: *Ростовцева Л.И.*
Компьютерная верстка: *Крушина С.В.*
Корректоры: *Кедрова М.Ю., Савченко Т.Ю., Мизуренкова Г.С.*

В оформлении использованы фотографии из семейных архивов.

Подписано в печать 15.12.2020 г.
Формат 70x100/16. Печ. л. 45,25.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 400 экз. Заказ № 8.

ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: +7 (4872) 49-76-96,
aquarius-press@mail.ru, grif-tula@mail.ru
www.grif-tula.ru

Доклад министериальдиректора Мансфельда о затруднениях в использовании военнопленных в качестве рабочей силы и о состоянии мобилизации гражданских лиц из оккупированных восточных областей на работу в Германию

20 февраля 1942 г.

Государственный архив Российской Федерации
Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 145. Л. 178.
На немецком языке.
Опубл.: Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). – М., 1985. – С. 181.

20 февраля 1942 г. **Доклад министериальдиректора Мансфельда о затруднениях в использовании военнопленных в качестве рабочей силы и о состоянии мобилизации гражданских лиц из оккупированных восточных областей на работу в Германию.**

Секретно

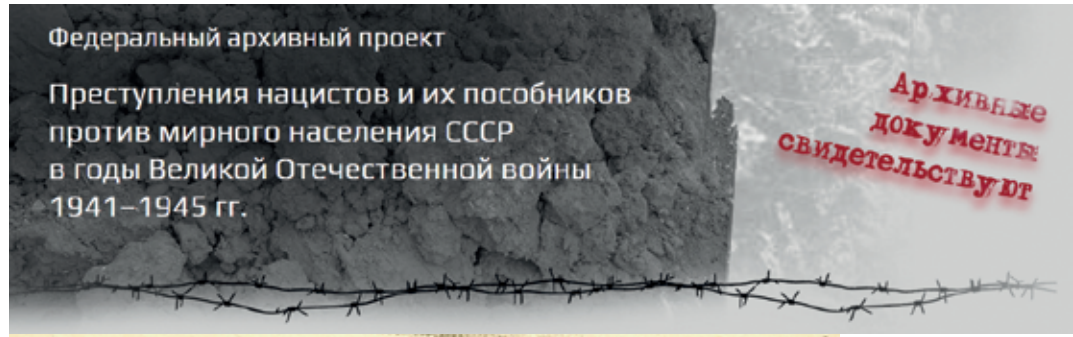
Нынешние затруднения с рабочей силой не возникли бы, если бы своевременно было принято решение о широком использовании труда русских военнопленных. У нас было в распоряжении 3,9 млн русских, а теперь осталось всего 1,1 млн. Только с ноября 1941 г. по январь 1942 г. умерло 500 тыс. русских. Число работающих в настоящее время русских военнопленных (400 тыс.) вряд ли можно увеличить. Если заболеваемость тифом спадет, может представиться возможность направить в хозяйство еще 100–150 тыс. русских.

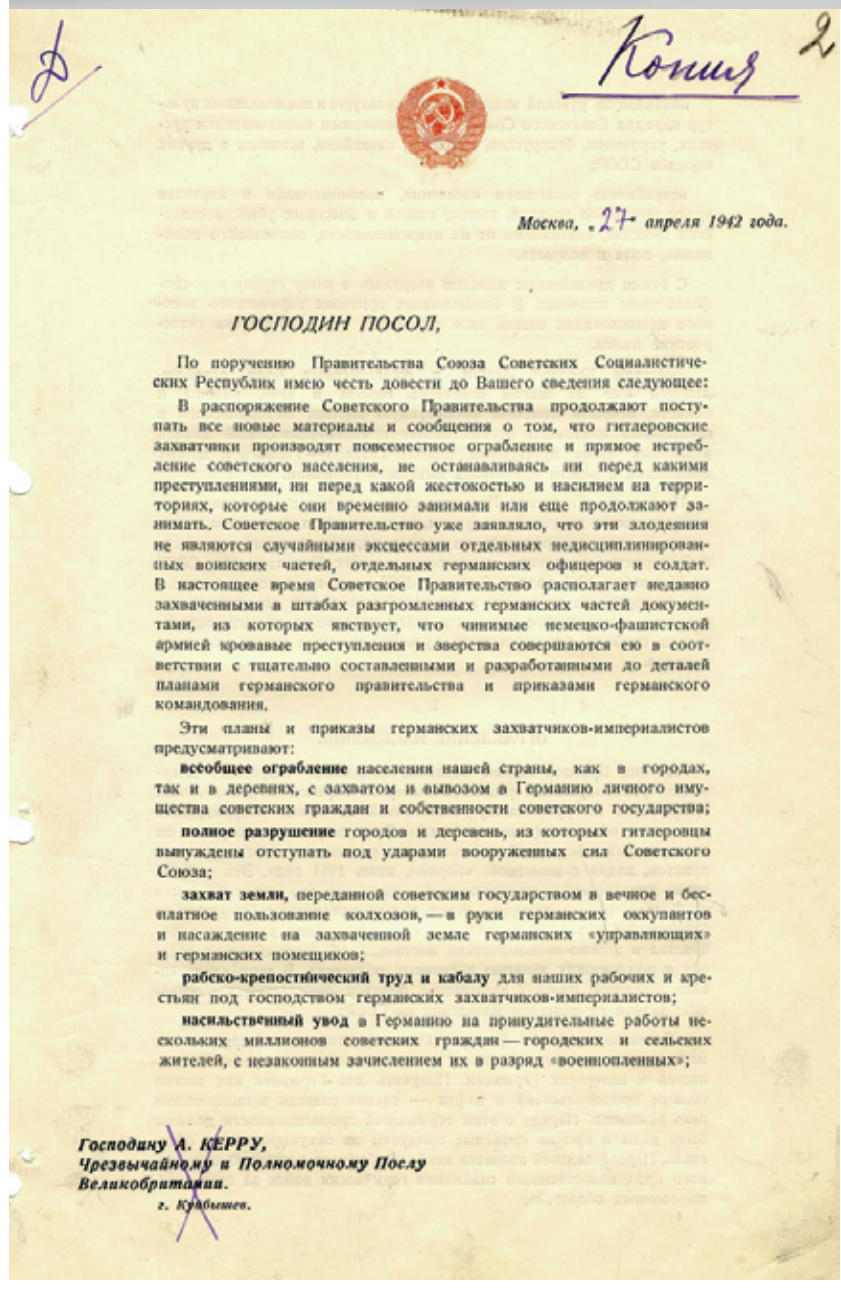
По сравнению с этим использование гражданского русского населения приобретает все большее значение. В нашем распоряжении имеется в общем 600–650 тыс. русских гражданских рабочих, в том числе 300 тыс. квалифицированных рабочих для промышленности и 300–350 тыс. рабочих для сельского хозяйства. Их использование зависит исключительно от транспорта. Бессмысленно перевозить эту рабочую силу в открытых или нетопленых товарных вагонах, так как по прибытии на место назначения приходится выгружать трупы.

Еженедельно в Германию прибывает от 8 до 10 тыс. гражданских русских, которые представляют собой отличную рабочую силу. Они обладают хорошими практическими знаниями, работают точно и в таком темпе, какого немецкий рабочий в настоящее время выдержать не может.

Особые затруднения представляет вопрос питания. Русские приезжают хорошо упитанными и одетыми, и у них следует поддерживать физическое состояние, обеспечивающее работоспособность. По договоренности со статс-секретарем Бакке рационы русских должны быть повышены.

Материалы с сайта http://victims.rusarchives.ru

Копия 2

Москва, „27" апреля 1942 года.

ГОСПОДИН ПОСОЛ,

По поручению Правительства Союза Советских Социалистических Республик имею честь довести до Вашего сведения следующее:

В распоряжение Советского Правительства продолжают поступать все новые материалы и сообщения о том, что гитлеровские захватчики производят повсеместное ограбление и прямое истребление советского населения, не останавливаясь ни перед какими преступлениями, ни перед какой жестокостью и насилием на территориях, которые они временно занимали или еще продолжают занимать. Советское Правительство уже заявляло, что эти злодеяния не являются случайными эксцессами отдельных недисциплинированных воинских частей, отдельных германских офицеров и солдат. В настоящее время Советское Правительство располагает недавно захваченными в штабах разгромленных германских частей документами, из которых явствует, что чинимые немецко-фашистской армией кровавые преступления и зверства совершаются ею в соответствии с тщательно составленными и разработанными до деталей планами германского правительства и приказами германского командования.

Эти планы и приказы германских захватчиков-империалистов предусматривают:

всеобщее ограбление населения нашей страны, как в городах, так и в деревнях, с захватом и вывозом в Германию личного имущества советских граждан и собственности советского государства;

полное разрушение городов и деревень, из которых гитлеровцы вынуждены отступать под ударами вооруженных сил Советского Союза;

захват земли, переданной советским государством в вечное и бесплатное пользование колхозов, — в руки германских оккупантов и насаждение на захваченной земле германских «управляющих» и германских помещиков;

рабско-крепостнический труд и кабалу для наших рабочих и крестьян под господством германских захватчиков-империалистов;

насильственный увод в Германию на принудительные работы нескольких миллионов советских граждан — городских и сельских жителей, с незаконным зачислением их в разряд «военнопленных»;

Господину А. КЕРРУ,
Чрезвычайному и Полномочному Послу
Великобритании.
г. Куйбышев.

Первая страница Ноты наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова всем правительствам и миссиям стран, не воюющим с СССР, «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления», направленная чрезвычайному и полномочному послу Великобритании А. Керру

Архив внешней политики Российской Федерации

Ф. 06. Оп. 4. П. 8. Д. 75. Л. 2-14об.

Отпуск. Типографский экз.

Опубликовано в газете «Правда» 20 апреля 1942 г.

Материалы с сайта http://victims.rusarchives.ru

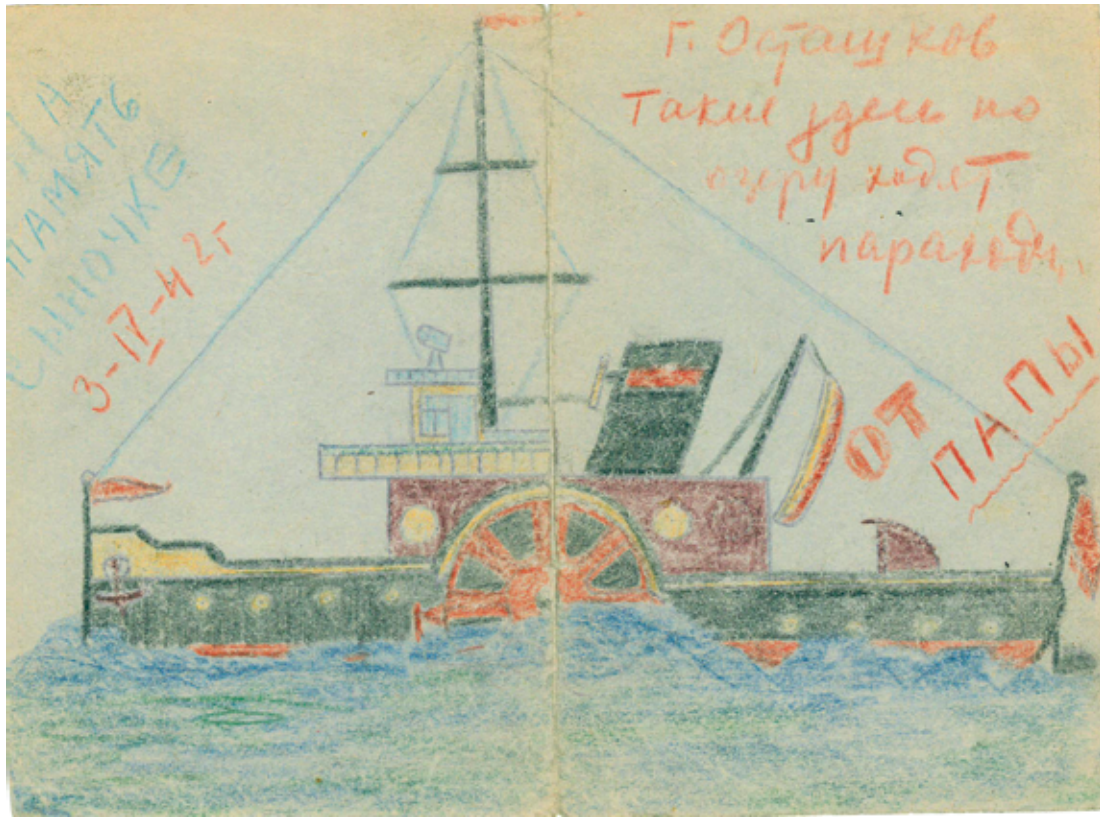

Фото из семейного архива М.Г. Дубенской

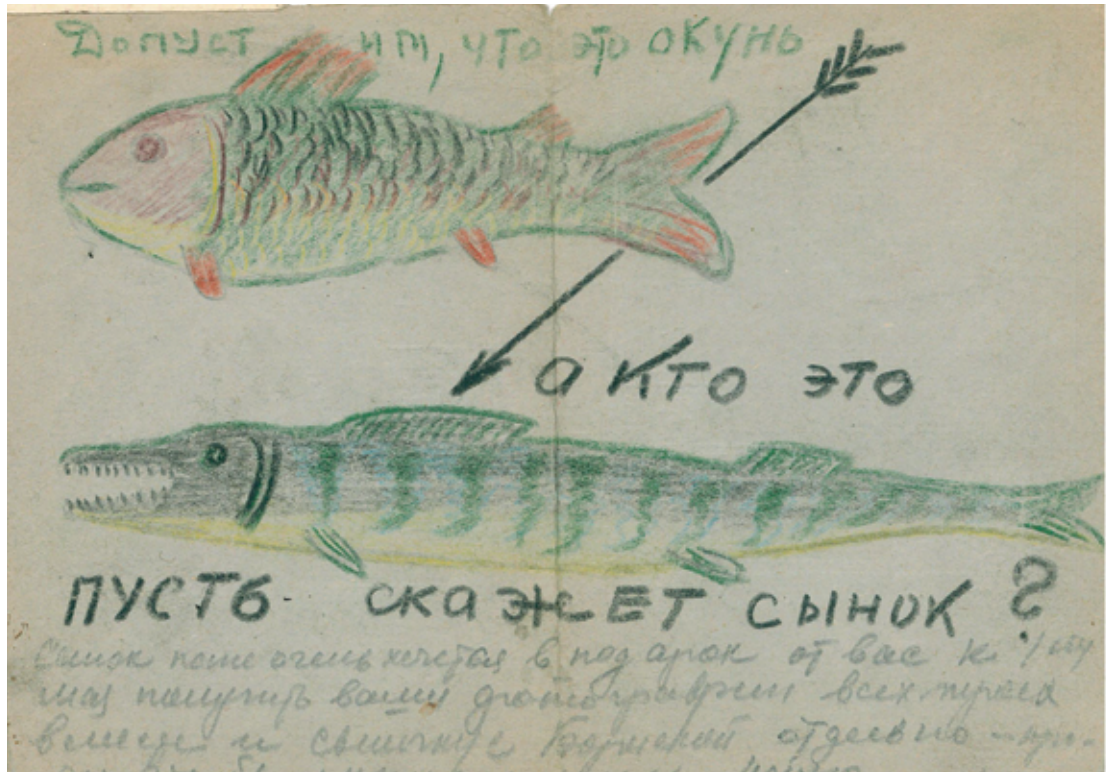

Фото из семейного архива М.Г. Дубенской

Члены спортивной делегации МГУ — участники Академиады университетов соцстран по легкой атлетике на экскурсии (слева направо): В. Шевелёв, Л. Фарносова, М. Бойко, Л. Мордасова, О. Верёвкина; во втором ряду: Е. Акимов, О. Молотова и др. Берлин, Трептов-парк. Февраль 1977 г.

Кубок победителя в эстафете по Ленинским горам на приз газеты «Московский университет» — у экономического факультета. 1974 г. Нижний ряд (слева направо): Н. Евсеев, И. Голеусов, Г. Меликьян. Во втором и третьем ряду (сидят): Н. Дудкин, С. Семенцов, В. Елаховский, Н. Сапея, М. Сухорукова. Стоят: Г. Бухарина, Н. Орешкина, Л. Маслакова, Г. Камардина (Голеусова), О. Молотова и др. Преподаватели: слева — А.Д. Шеремет, Е.С. Городецкий, Ф.М. Волков, М.В. Солодков, справа — Н. Н. Шукленков

Команда экономического факультета — победитель в эстафете на приз газеты «Московский университет» и болельщики. 1977 г. Сидят (слева направо): М. Бойко, В. Елаховский, В. Ильенков, ??, А. Рассказов и др. Н.Н. Шукленков — второй справа стоит в первом ряду, далее справа налево: В.В. Бородин, Л.Н. Сперанская, Г.Х. Попов, Ю.М. Рачинский, Г.И. Говоров, О. Перелыгина, Л. Фарносова, Л. Мордасова. Сзади: И.П. Фаминский, И. Котлобовский, О. Молотова, И. Минтусов и др.

Экономисты — победители эстафеты на приз газеты «Московский университет». 1980 г. Сидят (слева направо): Б. Сергеев, И. Котлобовский, О. Молотова, А. Галицкий, А. Марков. Сзади стоят: В. Елаховский, Е. Акимов, И. Минтусов, В. Обоянский, М. Сафонов, Л. Фарносова. Справа — Н.Н. Шукленков и И.П. Фаминский и др.

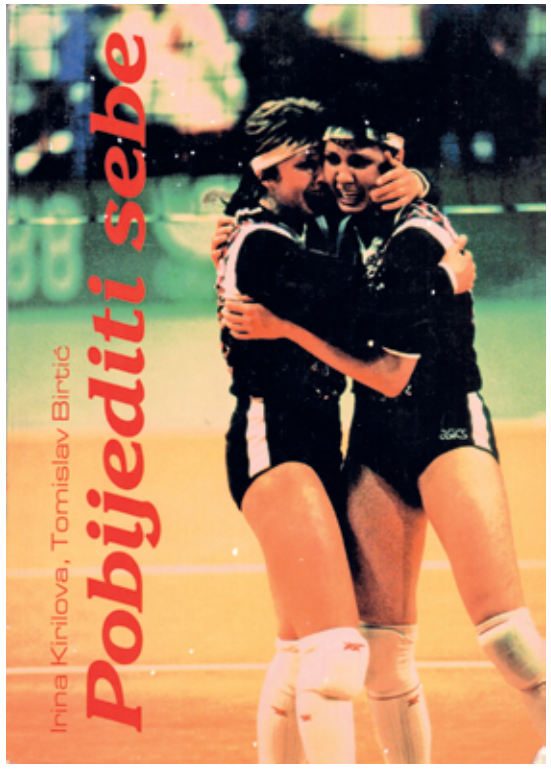
Экономический факультет — победитель в 15-й раз эстафеты на приз газеты «Московский университет». 28.04.1982 г. Справа налево в первом ряду: Н.Н. Шукленков, А.В. Сидорович, В. Елаховский, И. Бруно, И.Муравлева, Л. Мордасова и др.; сзади: Е.С. Багрянцев, В.И. Маршев, В. Шевелев, В. Ильенков, О. Молотова, Б. Сергеев, Т. Белова, И. Котлобовский, А. Линник, М. Сафонов и др.

Группа 505 экономфака МГУ после защиты дипломных работ, 1979 г. Сидят (слева направо): Л. Ионкина, О. Семенкова, Р. Товмасян и В. Товмасян (Тараненко) с сыном Арменом, В. Косынкина, В. Сасулина. Стоят, средний ряд (слева направо): Л. Мордасова, Е. Спиридонова, Г. Трубецкая, И. Серёгина, Н. Иванова, Е. Чигирь, Т. Лукина, В. Соболь, Г. Даавадорж. Стоят, верхний ряд (слева направо): Е. Тарнуева, О. Пайгусова, Д. Шураев, А. Клочков, А. Петриков, В. Багдасаров.

Тот самый решающий мяч на Сеульской Олимпиаде

Обложка книги «Победить себя», посвященной родителям Ирины Кирилловой

Встреча перед Чемпионатом мира по волейболу. Ирина Кириллова, президент Всероссийской федерации волейбола Николай Платонович Патрушев, главный тренер женской сборной России Джованни Капрара. Москва, 2006 г.

Материалы из семейного архива С.А. Кирилловой

Волейбольной команде
«Уралочка»(Свердловск)--20лет

Нижний ряд (слева направо): Е. Чеснокова (Андреюк), В. Огиенко, М. Панкова, И. Пархомчук (Кириллова), Н.В. Карполь, Г. Лебедева, Н. Крылова, С. Шахова, М. Вьялицына. Средний ряд: В.С. Дьяков, Т. Колбасова, О. Толмачева, Е. Хакимова, И. Смирнова, Е. Волкова, В. Клименюк, С. Корытова, Л. Капустина, Н. Белозерова, О. Нилова, Г.М. Карполь. Верхний ряд: Е. Подалинская, С. Михайлова, В. Юрьев, К. Газизова, М. Процких, Е. Батухтина, В. Пархомчук, А. Тихоренко, Т. Кибирева, И. Худякова

Вручая золотую медаль Героя Труда Российской Федерации Н.В. Карполю, В.В. Путин сказал: «Самый титулованный волейбольный тренер мира, самый титулованный тренер России в игровых видах спорта, Николай Васильевич подарил яркие, незабываемые эмоции уже не одному поколению болельщиков. Он олицетворяет саму победу, внушает уверенность в неё и поклонникам волейбола, и, что самое главное, своим подопечным».

Москва, Кремль.

25 апреля 2018 г.

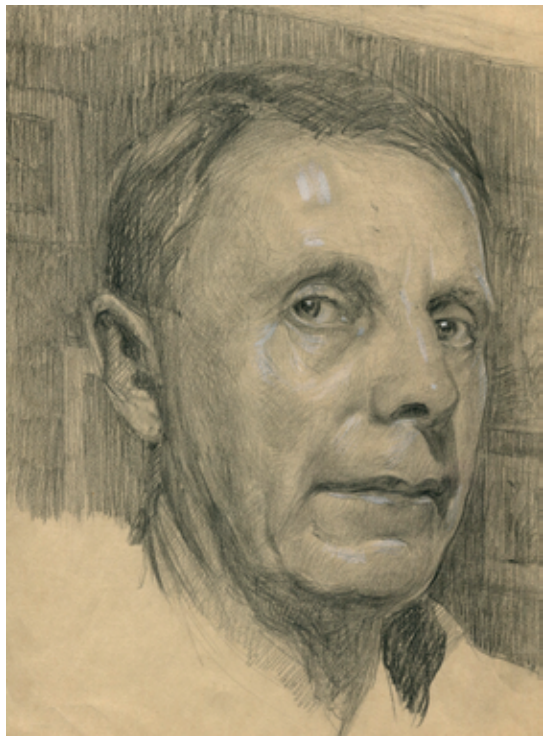
http://kremlin.ru/events/president/news/57356

Н.Г. Тихонов. Лесистые Карпаты. Березки. 1917 г.

Н. Г. Тихонов. Автопортрет. Троицк. 1917 г.

Н. Г. Тихонов. Автопортрет. 1950-е гг.

Материалы предоставлены Н.Ф. Обуховым

Н. Г. Тихонов.
Макет обложки журнала. 1919 г.

Н. Г. Тихонов.
Эскиз формы и росписи вазы «Защита Мира». 1940-е гг.

Н. Г. Тихонов. Натюрморт с садовыми цветами.
1950-е гг.

Тарелка «Слава столице Советской державы». Автор формы и росписи Н.Г. Тихонов. 1947 г.

Материалы предоставлены Н.Ф. Обуховым

Материалы из открытых источников

Материалы из открытых источников

Рисунок Стельниковой Дианы, 1 курс Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова

Рисунок Крушина Павла, 4 «А» класс МБОУ № 7 им. С.Н. Судейского, г. Тула

Пионер с планером. Рисунок Михайловой Вероники, 7«Б» класс МКОУ «Гимназия», г. Ефремов

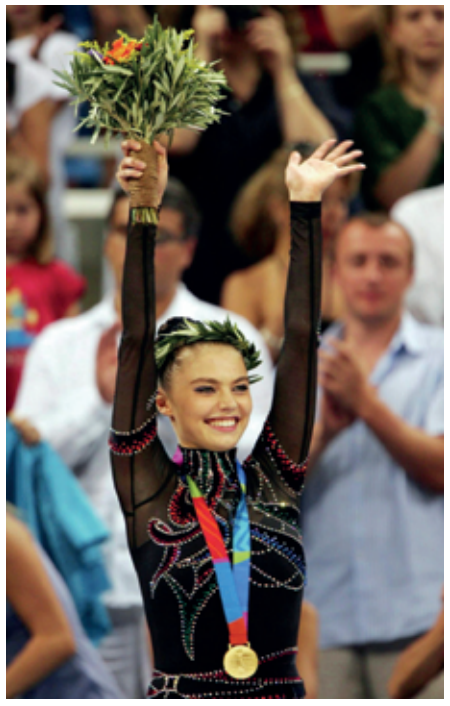
Рисунок Гореловой Софьи, 7 «А» класс МБОУ — лицей № 2 им. Б.А. Слободскова, г. Тула

Тренер Ирина Винер, Амина Зарипова, Алина Кабаева и Яна Батыршина на чемпионате мира среди клубов в Японии в 1997 г.

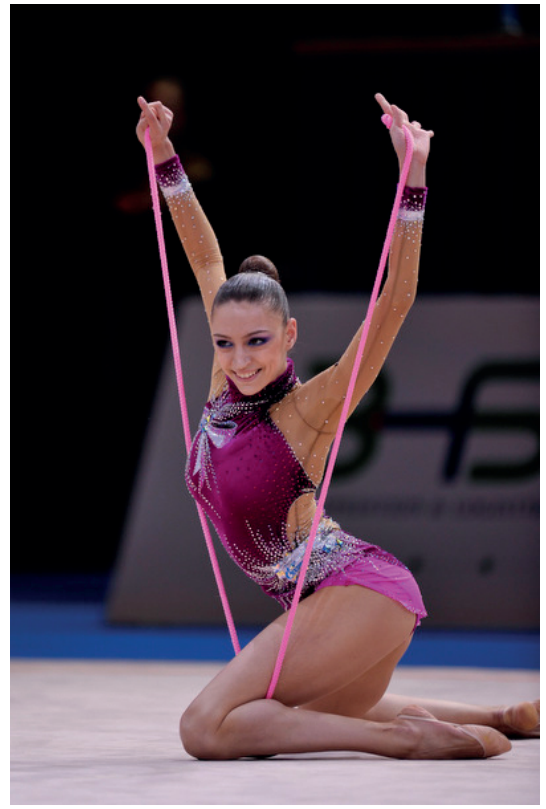

Юлия Барсукова. Победительница XXVII Олимпийских игр 2000 г. в Сиднее

Алина Кабаева Победительница XXVIII Олимпийских игр 2004 г. в Афинах

Фото с сайта Всероссийской федерации художественной гимнастики
Президент — Ирина Винер-Усманова, главный тренер сборной России
http://vfrg.ru/stars/

Евгения Канаева. Первая в истории двукратная Олимпийская чемпионка в индивидуальном многоборье (XXIX Олимпийские игры 2008 г. в Пекине и XXX игры 2012 г. в Лондоне)

Яна Кудрявцева. Обладательница «серебра» Олимпиады-2016 (Рио-де-Жанейро, Бразилия). Самая юная трехкратная абсолютная чемпионка мира за всю историю художественной гимнастики (2013, 2014, 2015 г.)

Маргарита Мамун. Олимпийская чемпионка 2016 г. (Рио-де-Жанейро, Бразилия)

Фото с сайта Всероссийской федерации художественной гимнастики
Президент — Ирина Винер-Усманова, главный тренер сборной России
http://vfrg.ru/stars/